



Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Ваниев Э.С. Избрание И. Гаспринского в городские головы
г. Бахчисарая в 1878–1879 гг. 4
- Инамова Е.А. К вопросу об использовании цифровых технологий
в гражданском судопроизводстве 7
- Синюкова Т.Н. Антикоррупционные возможности гражданского общества 9
- Сулейманов Б.Б. Методологические аспекты принципов права 11

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Дуб С.Н., Ананикова М.Ш., Крафт Е.А. Проблема загрязнения
окружающей среды, вызванная накоплением производственных
и бытовых отходов в Российской Федерации 18
- Балаян Д.Р., Владимиров Г.Е. Миграционное законодательство
в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития 21
- Вронская М.В., Кузнецов А.В. Использование искусственного
интеллекта в цифровом правосудии: публично-правовые риски 26
- Душкина О.Н. К вопросу об оказании квалифицированной
юридической
помощи 29
- Елькина А.В., Стуллер Н.В. Эффективность муниципального
контроля в условиях ограниченного доступа к закрытым территориям:
правовые и организационные аспекты 33
- Моисеев И.А. Теоретико-правовая парадигма конституционной
защиты исторической правды 36
- Потапова Л.В. К вопросу о прокурорском надзоре за исполнением
законов органами опеки и попечительства в части соблюдения прав
и свобод несовершеннолетних 39
- Тиликина Е.В. Социально-активное (заслуженное) правомерное
поведение работников: понятие, сущность и значение 41

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Алексеев К.А. Антиквариат, культурные ценности, предметы искусства
в наследственном праве: актуальные проблемы и решения 44
- Брыкина С.А. Проблема выбора оптимальной модели правового
регулирующего трансграничных договорных отношений
с применением технологии распределенного реестра 47
- Бурцев А.П. Развитие валютной оговорки в коммерческих договорах 50
- Губанова О.А. Увольнение по собственному желанию 55
- Донских А.А. Защита прав на компьютерные игровые программы
в рамках патентного права: проблемы правовой защиты 58
- Заусов К.А. Применение мер оперативного воздействия при защите
предпринимательских прав и законных интересов 62
- Клещева И.А. Понятие правового статуса юридического лица
в международном частном праве 68
- Климова Ю.А. Судебная защита цифровых прав: проблемы
материального и процессуального характера 70
- Мартыненко С.Б. О некоторых проблемах правового регулирования
обеспечения имущественных прав физических и юридических лиц,
связанных с производством экзугамии 73
- Микрюков В.А. Корпоративно-правовой статус участника, вышедшего
из общества с ограниченной ответственностью 76
- Саяпин С.П. О дефиниции понятия «информационного ресурса»
в Проекте Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил
формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» 79
- Родионов А.В. Проблема выполнения требований к форме
трансграничной коммерческой сделки, заключенной посредством
электронных средств связи 82
- Самсонова Е.В. Принципы трудового права в условиях
технологических вызовов современности 85
- Саяпин С.П. О дополнительных критериях отнесения цифровой
платформы к посредническим цифровым платформам 88
- Степанова Е.И. Различия правовой природы конструкций траста
в англо-американском праве и личного фонда в российском праве 91
- Хаблак Е.В. Договорные конструкции на оптовом рынке
электроэнергии и мощности: гражданско-правовой анализ 94
- Хачетлов И.Х. Понятие и правовая природа корпоративного спора:
сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного подходов 99
- Чикирка Е.В. Оценка перспектив регулярного взимания налога
на сверхприбыль: явление или тенденция 103

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

П/И № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государствен-
ный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук,
доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет;
Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государствен-
ный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид.
наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфи-
ра Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный универси-
тет юстиции; Калинин Павел Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский
государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков
Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный ин-
ститут международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич,
д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государствен-
ной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Андреевич, д-р экон. наук,
Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК);
Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (фи-
лиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия
Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ; Махатаев Махмат Шапиевич, д-р
юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносо-
ва; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет
дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всеросий-
ский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Оль-
га Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт
международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович,
д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен
Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юри-
дический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Констан-
тиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид.
наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Ар-
тем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид.
наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович,
д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных от-
ношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц.,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Прези-
денте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента
правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет
при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук,
проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р
юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф.,
Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук,
проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербург-
ский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.01.2026

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему ре-
цензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Валтиев А.В.</i> Получение взятки: современные проблемы дифференциации уголовной ответственности и пенализации	106
<i>Галатов А.А.</i> К вопросу о явлении уголовно-правового компромисса в современной теории и практике уголовного права	109
<i>Гаспарян Г.А.</i> Роль восстановительного правосудия в принятии уголовно-процессуальных решений, связанных с участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам	112
<i>Даровских О.И.</i> Размышления о порядке возвращения уголовного дела прокурору (по постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39)	114
<i>Илимбаева Е.С.</i> Правовые аспекты противодействия информационному насилию над несовершеннолетними на территории Российской Федерации	117
<i>Казанов А.А.</i> Деятельностный подход, как основа формирования понятия института содействия раскрытию и расследованию преступлений	121
<i>Капитонова Э.В.</i> Модель «процессуального хаба цифровых доказательств», как необходимый шаг цифровой трансформации уголовного судопроизводства: интеграция данных из несвязанных источников	126
<i>Маркин И.С.</i> Функциональный дуализм процессуальных сроков: модель анализа и классификации в уголовном судопроизводстве России	128
<i>Миннегалиева Л.И.</i> Ответственность за фишинг: от гражданско-правовой до уголовной	132
<i>Нурмухаметов Р.Н.</i> Национальная идентичность российского уголовного права в контексте защиты здоровья населения от некачественных лекарственных средств и медицинских изделий	135
<i>Олифиренко Е.П.</i> Освобождение от уголовной ответственности как основополагающий институт уголовного права	139
<i>Павлова М.В.</i> Этнопсихологические аспекты оперативного профайлинга	142
<i>Рудый Н.К., Тимаков Р.В.</i> Вопросы теории и практического применения ст. 280.3 УК РФ: на основе судебной практики судов Забайкальского края	144
<i>Сорокин А.И.</i> Принципы уголовного права: эволюция и современные вызовы	147
<i>Ткачева Н.В.</i> Национальная идентичность уголовного правосудия: новое или хорошо забытое старое?	150
<i>Сорокин А.И.</i> Проблема определения вины в уголовном праве: доктринальные подходы и судебная практика	154
<i>Филиппов П.А.</i> Уголовно-правовая охрана памяти защитников Отечества: обзор судебной практики (ст. 2434 УК РФ)	157
<i>Харченко Д.В.</i> Проблемы и перспективы правового регулирования уголовных преступлений в сфере электроэнергетики	160
<i>Ямгурчина А.И.</i> Особенности назначения судебных экспертиз и применения специальных знаний при производстве по делу о налоговом преступлении	164
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Ерёмина М.А.</i> Система высшего юридического образования в странах БРИКС: нормативно-правовое регулирование, требования к образовательным программам (опыт Эфиопии)	168
<i>Багрий Т.Д.</i> Баланс между инновациями и защитой потребителей: Калифорнийский подход к регулированию криптовалют	171
<i>Пушкарев И.С.</i> Правовая природа Федерального трибунала административной юстиции Мексики	176
<i>Савушкин Д.А.</i> Виды налоговых оговорок в международных инвестиционных соглашениях	179
<i>Федченков А.В., Шайхутдинова Г.Р.</i> Международные стандарты деятельности адвоката	181
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА	
<i>Дудченко О.С., Кандыба А.А.</i> Становление и развитие международных стандартов права на приватность	185
<i>Миннебаев Р.Х., Орлова О.Ф.</i> Особенности развития систем административных и уголовных наказаний и их эффективность на современном историческом этапе	189
<i>Седова А.Д.</i> Перспективы медиативного урегулирования налоговых споров	192
<i>Юханова А.С.</i> Временное управление хозяйственными обществами в условиях санкций как способ корпоративного управления	198
<i>Столярова З.Н., Бажин Г.М.</i> Роль строительно-технической экспертизы при расследовании дел об административных правонарушениях в сфере строительства	201
<i>Баранов Г.О.</i> Понятие принципа стабильности оборота в банкротстве	204
<i>Березина М.В.</i> Проблемы залога исключительных прав на произведения литературы, науки и искусства	207

<i>Веселый И.Н.</i> Публично-правовые аспекты государственного контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций в российской Федерации: проблемы и перспективы внедрения риск-ориентированного подхода	210
<i>Володин Е.А.</i> Искусственный интеллект как инструмент судебной деятельности: границы применения и правовые риски	214
<i>Гавваз К.А.</i> Климатическая справедливость как новая категория международного права: концептуальные основания и нормативная база	217
<i>Кадырова С.Д.</i> Организация прокурорского надзора за расследованием уголовных дел коррупционной направленности	223
<i>Гереева И.С.</i> Концепция судебной реформы 1991 г. и институт специализированных судов в России	225
<i>Димовский Р.И.</i> Правовые механизмы обеспечения доступа к инженерной инфраструктуре: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта	229
<i>Дубровский В.В., Дубровская Е.А.</i> Рецензирование в контексте применении генеративного искусственного интеллекта, как инструмент защиты в арбитражном и гражданском процессе	233
<i>Заболоцкий Р.Р.</i> Принципы и функции юридической ответственности	236
<i>Замалетдинов А.А.</i> Понятие публично-правовой ответственности как разновидности социальной ответственности	239
<i>Ибрагим Лума Аднан Ибрагим.</i> Методологические основы построения алгоритма действий следователя при выявлении инсценировок убийств	242
<i>Ивакин В.Н.</i> Принцип состязательности в цивилистическом процессе: проблемы реализации	248
<i>Канабита Х.М., Некрасова Е.В.</i> Правовые и практические проблемы признания права собственности на земельный участок по приобретательной давности	251
<i>Касперов В.А., Гринева А.Д., Деникаева Р.Н.</i> Проблемы правового регулирования налогообложения цифровых активов в Российской Федерации: проблемы и коллизии	255
<i>Клёсов А.А.</i> Специфика рассмотрения споров в спортивных судебных инстанциях	259
<i>Коносов Д.К.</i> Правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития	263
<i>Курносова Г.С.</i> Развитие трудовых навыков осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, как элемент успешной социальной адаптации после освобождения	267
<i>Леонова Е.В.</i> Фирмы-«однодневки» как угроза экономической безопасности государства: признаки, ключевые риски и уголовная ответственность	270
<i>Макаров И.М.</i> Особенности доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных ст. 196 и ст. 197 УК РФ	272
<i>Малиновский М.С.</i> Санкционные оговорки в международных договорах	277
<i>Мансуров Ш.Ш., Скрипник О.Б.</i> Уязвимости виртуальных денежных средств в современных условиях	281
<i>Марталер В.С.</i> Роль программы ООН по окружающей среде в гармонизации стандартов экологической ответственности и возмещения ущерба	284
<i>Миронов В.А.</i> Развитие семейного законодательства Корейской Народно-Демократической Республики	289
<i>Пряникова М.А.</i> Предмет и пределы доказывания преступлений, предусмотренных ст. 242.1. УК РФ	294
<i>Родичкин С.В.</i> Понятие «охрана» и «пропускной режим» в законодательстве и нормативных правовых актах органов внутренних дел	297
<i>Саакянц А.А.</i> Перспективные правовые механизмы в агропромышленном комплексе	300
<i>Самохин С.М.</i> Уголовно-правовое противодействие преступлениям на объектах топливно-энергетического комплекса	303
<i>Скляр Б.П.</i> Правовое регулирование проектов межевания территории в субъектах Российской Федерации: проблемы дифференциации и перспективы унификации (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)	306
<i>Суриков М.А.</i> Конвалидация недействительных сделок как проявление принципа добросовестности	309
<i>Чигарев Б.А.</i> Абсолютизм и Самодержавие: политико-правовой анализ социальных явлений	314
<i>Широков Г.С.</i> Политико-правовые взгляды С.С. Уварова и их влияние на нормы законодательства об образовании	317
<i>Яо Линюань.</i> Институциональные пробелы вечурной экосистемы России: особенности правового регулирования и условий защиты	320

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Vaniev E.S. The Election of I. Gasprinsky as Mayor of Bakhchisaray in 1878–1879 4
Inamova E.A. On the use of Digital Technologies in Civil Litigation 7
Sinyukova T.N. Anti-corruption capabilities of civil society 9
Suleymanov B.B. Methodological aspects of the principles of law 11

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Dub S.N., Ananikova M.Sh., Kraft E.A. Environmental pollution caused by the accumulation of industrial and household waste in the Russian Federation 18
Balayan D.R., Vladimirova G.E. Migration law in the Russian Federation: current status and development prospects 21
Vronskaya M.V., Kuznetsov A.V. The use of artificial intelligence in digital justice: public law risks 26
Dushkina O.N. On the Issue of Providing Qualified Legal Assistance 29
Elkina A.V., Shtuller N.V. Effectiveness of municipal control in conditions of limited access to closed territories: legal and organizational aspects 33
Moiseev I.A. Theoretical and legal paradigm of the constitutional protection of historical truth..36
Potapova L.V. Prosecutorial Oversight of Guardianship and Trusteeship Authorities' Enforcement of Minors' Rights and Freedom 39
Tipikina E.V. Socially Active (Deserved) Lawful Behavior of Employees: Concept, Essence, and Significance 41

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Alekseev K.A. Antiques, Cultural Property, and Works of Art in Inheritance Law: Current Problems and Solutions 44
Brykina S.A., The problem of choosing the optimal model of legal regulation of cross-border contractual relations using distributed registry technology 47
Burtsev A.P. Development of the Currency Clause in Commercial Contracts 50
Gubanova O.A. Resignation by own desire 55
Donskikh A.A. Protecting rights to computer game programs under patent law: issues of legal protection 58
Zausov K.A. The Use of Operational Measures in Protecting Entrepreneurial Rights and Legitimate Interests 62
Kleshcheva I.A. The concept of the legal status of a legal entity in private international law 68
Klimova Y.A. Judicial protection of digital rights: substantive and procedural issues 70
Martynenko S.B. On some problems of legal regulation of ensuring the property rights of individuals and legal entities related to exhumation 73
Mikryukov V.A. Corporate legal status of the former shareholder of the limited liability company 76
Sayapin S.P. On the definition of the concept of "information resource" in the Draft Decree of the Government of the Russian Federation "On Approval of the Rules for Forming and Maintaining the Register of Intermediary Digital Platforms" 79
Rodionov A.V. The issue of compliance with the requirements to the form of a cross-border commercial transaction concluded using electronic means of communication 82
Samsonova E.V. Principles of Labor Law in the Face of Modern Technological Challenges 85
Sayapin S.P. On additional criteria for classifying a digital platform as an intermediary digital platform 88
Stepanova E.I. Differences in the legal nature of trust structures in Anglo-American law and personal foundations in Russian law 91
Khablak E.V. Contractual structures in the wholesale electricity and capacity market: a civil law analysis 94
Khachetlov I.Kh. The concept and legal nature of corporate disputes: a comparative legal analysis of Russian and foreign approaches 99
Chikirka E.V. Assessment of the perspectives for regular taxation of excess profits: phenomenon or trend 103

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Valtiev A.V. Receiving a Bribe: Modern Issues of Criminal Liability Differentiation and Penalization 106
Galatov A.A. On the issue of criminal law compromise in modern criminal law theory and practice 109
Gasparyan G.A. The role of restorative justice in criminal procedural decision-making related to the participation of minors in pre-trial proceedings in criminal cases 112
Darovskikh O.I. Reflections on the procedure for returning a criminal case to the prosecutor (according to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2024, No. 39) 114
Ilikbaeva E.S. Legal aspects of countering information violence against minors in the Russian Federation 117
Kazanov A.A. An activity-based approach as the basis for forming the concept of an institution that promotes the detection and investigation of crimes 121
Kapitonova E.V. Model of the «digital evidence procedural hub» as a necessary step in the digital transformation of criminal proceedings: integration of data from unrelated sources 126
Markin I.S. Functional dualism of procedural deadlines: a model of analysis and classification in criminal proceedings in Russia 128
Minnegalieva L.I. Liability for phishing: from civil to criminal 132
Nurmukhametov R.N. On the Issues of Qualification of Illegal Production and Circulation of Medicines and Medical Devices 135
Olifirenko E.P. Release from Criminal Liability as a Fundamental Institution of Criminal Law ...139
Pavlova M.V. Ethnopsychological aspects of operational profiling 142
Rudy N.K., Timakov R.V. Issues of theory and practical application of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation: based on the judicial practice of the courts of the Trans-Baikal Territory 144
Sorokin A.I. Principles of Criminal Law: Evolution and Contemporary Challenges 147
Tkacheva N.V. National identity of criminal justice: new or well-forgotten old? 150

Sorokin A.I. The Problem of Determining Culpability in Criminal Law: Doctrinal Approaches and Judicial Practice 154
Filippov P.A. Criminal-Legal Protection of the Memory of Defenders of the Fatherland: A Review of Judicial Practice (Article 2434 of the Criminal Code of the Russian Federation) ...157
Kharchenko D.V. Problems and Ideas of Legal Regulation of Criminal Offenses in the Electric Power Industry 160
Yamgurchina A.I. The specifics of the appointment of forensic examinations and the use of special knowledge in the proceedings on a tax offense 164

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Eryomina M.A. The System of Higher Legal Education in the BRICS Countries: Legal Framework and Requirements for Educational Programs (Ethiopia's Experience) 168
Bagrii T.D. Balancing Innovation And Consumer Protection: California's Approach to Cryptocurrency Regulation 171
Pushkarev I.S. The Legal Nature of the Federal Tribunal of Administrative Justice of Mexico...176
Savushkin D.A. Types of tax clauses in international investment agreements 179
Fedchenkov A.V., Shaykhutdinova G.R. International Standards for Advocates 181

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Dudchenko O.S., Kandyba A.A. Formation and development of international standards of the right to privacy 185
Minnebaev R.Kh., Orlova O.F. Features of the development of administrative and criminal punishment systems and their effectiveness at the present historical stage 189
Sedova A.D. Perspectives on mediative settlement of tax disputes 192
Iukhtanova A.S. Temporary management of business companies under sanctions as a method of corporate governance 198
Stolyarova Z.N., Bazhin G.M. The role of forensic construction and technical expertise in investigating administrative offenses in the construction industry 201
Baranov G.O. The Concept of the Principle of Stability of Business Turnover in Bankruptcy 204
Berezina M.V. Problems of pledging exclusive rights to works of literature, science and art 207
Veselyy I.N. Public-law aspects of state control (supervision) over the activities of non-profit organizations in the Russian Federation: problems and prospects for implementing a risk-based approach 210
Volodin E.A. Artificial intelligence as a tool for judicial activity: limits of application and legal risks 214
Gavaza K.A. Climate justice as a new category of international law: conceptual foundations and normative framework 217
Kadyrova S.Dz. Organization of Prosecutor's Oversight of Criminal Investigations Related to Corruption 223
Gereeva I.S. The concept of judicial reform in 1991 and the institution of specialized courts in Russia 225
Dmlovskii R.I. Legal mechanisms for ensuring access to engineering infrastructure: a comparative analysis of domestic and foreign experience 229
Dubrovsky V.V., Dubrovskaya E.A. Review of expert conclusion, as a defense tool in arbitration and civil proceedings 233
Zabolotsky R.R. Principles and Functions of Legal Liability 236
Zamaletdinov A.A. The concept of public legal responsibility as a type of social responsibility 239
Ibrahim Luma Adnan Ibrahim. Methodological Foundations for Developing an Investigative Algorithm for Detecting Staged Homicide Scenes 242
Ivakin V.N. The Principle of Adversarial Procedure in Civil Proceedings: Implementation Issues 248
Qanabita Khalil Mohammed, Nekrasova E.V. Legal and practical issues of recognizing ownership of a land plot by prescription 251
Kasperov V.A., Grineva A.D., Denikaeva R.N. Legal Regulation of Digital Asset Taxation in the Russian Federation: Gaps and Conflicts 255
Klyosov A.A. The Specifics of Adjudicating Disputes in Sports Judicial Bodies 259
Konosov D.K. Legal regulation of customs control in the Russian Federation: current state and development prospects 263
Kurnosova G.S. Developing the employment skills of convicts serving sentences of imprisonment as an element of successful social adaptation after release 267
Leonova E.V. Shell Companies as a Threat to the State's Economic Security: Signs, Key Risks, and Criminal Liability 270
Makarov I. Features of proving circumstances contributing to the commission of crimes under Articles 196 and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation 272
Malinovskiy M.S. Sanction clauses in international contracts 277
Mansurov Sh., Skripnik O.B. Vulnerabilities of virtual money in modern conditions 281
Martaler V.S. The role of the United Nations environment programme in harmonizing environmental liability and compensation regimes 284
Mironov V.A. The Development of Family Law in the Democratic People's Republic of Korea. 289
Pryanikova M.A. The subject and limits of proof of crimes provided for in Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation 294
Rodichkin S.V. The concepts of "security" and "access control" in legislation and regulations of the internal affairs bodies 297
Saakyants A.A. Promising legal mechanisms in the agro-industrial complex 300
Samokhin S.M. Criminal and legal counteraction of crimes at fuel and energy complex facilities 303
Sklyar B.P. Legal Regulation of Land Surveying Projects in the Subjects of the Russian Federation: Problems of Differentiation and Prospects for Unification (Based on the Examples of Moscow and St. Petersburg) 306
Surikov M.A. Convalidation of invalid transactions as a manifestation of the principle of good faith 309
Chigarev B.A. Absolutism and Autocracy: political and legal analysis of social phenomena 314
Shirokov G.S. S.S. Uvarov's political and legal views and their influence on education legislation 317
Yao Linyuan. Institutional Gaps in Russia's Venture Ecosystem: Specifics of the Legal Framework and Protection Conditions 320

Избрание И. Гаспринского в городские головы г. Бахчисарая в 1878–1879 гг.

Ваниев Эльдар Серверович,

к.ю.н., старший научный сотрудник отдела истории Крыма
НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры
этносов Крыма, КИПУ им. Ф. Якубова

В статье на основе анализа архивных источников и российского законодательства имперского периода рассматриваются особенности осуществления и протекания избирательного процесса в г. Бахчисарае после проведения в Российской империи реформы местного самоуправления 1870 г. Отмечается, что он носил сложный характер, обусловленный внутренней борьбой интересов между различными экономическими группами Бахчисарая. Выделяются его периодизация и характерные черты. Автором очерчивается достаточно широкий круг проблем управления городом, который предстояло решить новой местной власти. Дается характеристика личности избранного бахчисарайского городского головы и достигнутых им первичных результатов на своём посту. Цель статьи. Провести историко-правовой анализ первых послереформенных выборов в органы местного самоуправления г. Бахчисарая. Степень изученности темы. Истории Таврической губернии и органов губернской власти посвящено множество научной литературы. Однако, историческому в целом и историко-правовому в частности анализу функционирования бахчисарайских органов местного самоуправления уделено недостаточно внимания. Данную проблематику в историческом ракурсе затрагивал только симферопольский исследователь В. Ганкевич. Однако, избирательный процесс в первые послереформенные органы местного самоуправления им был освещён достаточно поверхностно, и его взгляды о роли отдельных его участников нуждаются как в пересмотре, так и в объективном анализе фактического и нормативного материала, который содержится в архивных первоисточниках и законодательной базе Российской империи.

Ключевые слова: выборы, гласные, городской голова, государственная служба, местное самоуправление, переизбрание.

Изложение материала

Законодательную основу выборного процесса в новые органы бахчисарайского общественного управления в 1878–1879 г.г. после проведения в Российской империи реформы местного самоуправления 1870 г. составляло Городовое положение 1870 г. Ст. 17 нормативного акта содержала следующий перечень требований к городским обывателям, желавшим осуществить своё право голосования на выборах:

- 1) Наличие русского подданства;
- 2) Достижение на момент выборов 25-летнего возраста;
- 3) Владение в городских пределах на праве собственности недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержание торгового или промышленного заведения по купеческому свидетельству, или же уплата установленных сборов в пользу города по купеческому, или промысловому, или на мелочный торг, или приказничьего свидетельств 1 разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений – при условии постоянного проживания в городе в течение 2 последних перед выборами лет;
- 4) Отсутствие недоимок по городским сборам¹.

Правовыми основаниями лишения права голоса являлись:

- 1) Наличие судебного решения в отношении данного лица или его исключение со службы;
- 2) Отрешение от должности (в течение 3 лет с момента отрешения);
- 3) Открытие в отношении данного лица судебного или следственного производства;
- 4) Финансовая несостоятельность (банкротство – авт.), кроме признанных несчастными;
- 5) Лишение духовного звания или сана за пороки, или исключение из среды общества или дворянского собрания по приговорам сословий, к которому принадлежит данное лицо².

Иными словами, избирателем мог быть 25-летний достаточно состоятельный беспорочный русский подданный, не являющийся должником. Примечательно, что в тексте закона ничего не сказано о его психическом состоянии. Также, закон не устанавливал неременного требования к знанию избирателем русского языка, хотя, для такого многонационального государства как Российская империя, данное требование выглядело логичным и актуальным.

Хотя в законе также прямо не устанавливалось имущественного ценза для допуска к выборам, однако, требование неременного наличия у избирателя либо недвижимого имущества на праве собственности, либо приобретения им права на занятие определённым видом коммерческой деятельности, фактически, устанавливали таковой. При этом, имущественное состояние избирателя прямо связывалось законодателем с его обязанностью уплаты сборов, налогов либо иных денежных средств в городской бюджет. Таким образом, избирателем, по замыслу законодателя, мог быть не просто исправный налогоплательщик, а лицо, непосредственно и на систематической основе участвующее в экономической жизни своего города.

Избирательный процесс в Бахчисарае прошёл в 1878 г. Он происходил в следующем порядке. Согласно списку избирательной комиссии г. Бахчисарая, 727 лиц, которые на основании ст.ст. 17 и 24 Городового Положения имели право участвовать в городских выборах по г. Бахчисараю, были разделены на 3 разряда согласно имущественному цензу. В первый разряд вошло 24 кандидата. Это были: 21 купец, 2 мещанина и 1 почётный потомственный гражданин. Сумма уплаченных ими сборов в пользу города в течение последних 2 лет колебалась в пределах от 16 р. 2 коп. до 32 р. 76 коп. Во второй разряд вошло 77 кандидатов. Его социальный состав был разнообразнее: кроме купцов и мещан, в него входили коллежский асессор, тайный советник, отставной поручик, вдовы купцов и мещан. Они уплатили сборы в пределах от 3 р. 34 коп. до 16 р. 2 коп. В третий разряд вошли остальные

¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. № 48498. Высочайше утвержденное Городовое Положение. С. 825.

² Там же. С. 825.

626 кандидатов, которые уплатили денежные начисления в размере от 25 коп. до 3 р. 34 коп.¹

Выборы в гласные бахчисарайской городской думы² проходили в период 14–16 марта 1878 г. В соответствии со ст. 31 Городового Положения, выборы проводились закрытой подачей голосов, посредством баллотировки шарами³. Для каждого разряда был назначен отдельный день. 14 марта 1877 г. явилось 24 лица 1 разряда. Победу одержали бахчисарайские купцы 2 гильдии Абла Осман оглу и Эмирали Сеит-Осман оглу, за которых было отдано 16 избирательных шаров и 0 неизбирательных. 15 шаров получил купеческий сын М.М. Кефели⁴. 15 марта 1878 г. явилось 29 лиц 2 разряда, среди них – дворянин мурза И. Гаспринский. Победу одержал Аджи Курбедин Аджи Рахмет оглу – он набрал 33 избирательных шара и 3 неизбирательных. Мюрдасиль Аджи Максют оглу (позднее умерший) набрал 32 избирательных шара и 3 неизбирательных, а мещанин Аджи Осман Абдураман оглу – 32 избирательных шара и 4 неизбирательных. И. Гаспринский набрал 25 избирательных шаров и 7 неизбирательных⁵.

16 марта 1878 г. И. Гаспринский также явился на выборы вместе с 23 лицами и набрал 83 избирательных шара и 28 неизбирательных⁶. Победу одержали Аттар Аджи Амет (94 избирательных шара и 17 неизбирательных) и Мумджи Бекир Сулейман оглу (91 избирательный шар и 20 неизбирательных).

После проведения процедуры выборов, бахчисарайская городская управа⁷ опубликовала список гласных БГД, избранных по большинству избирательных шаров на четырёхлетие 1877–1881 г.г. Примечательно, что в каждом разряде отдельно учитывались гласные-христиане и не христиане. Так, по 1–3 разрядам было по 7 гласных-христиан и 7 не христиан в каждом. Согласно ст. 35 и 88 Городового Положения, число гласных из не христиан не должно превышать одной трети общего числа гласных⁸. Возможно, по прошествии 8 лет со времени принятия нормативного акта и с учётом специфики региона, местной властью было принято решение об уравнивании состава гласных БГД по религиозному компоненту. Всего было избрано 42 гласных.

И. Гаспринский вошел в состав БГД по 3 разряду, заменив Умера эфенди⁹. Замена произошла на основании заявления И. Гаспринского в БГД от 17 марта 1878 г., в котором он, ссылаясь на ст. 49 Городового Положения, представил Думе свидетельство о смерти Умера эфенди, удостоверенное подписью хатипа мечети «Хан Джами» г. Бахчисарая Афузом Ибраимом эфенди¹⁰.

Затем, каждый присяжный БГД вступал в должность на основании принесения присяги, которая давалась мусульманами и не мусульманами в соответствии с их религиозными убеждениями. Текст их присяг в этой части был различным.

26 апреля 1878 г. состоялось первое заседание БГД в новом составе, на котором было принято решение выделить городскому голове жалованье в размере 900 руб. в год (75 руб. в месяц – авт.), двум членам БГУ – по 400 руб. в год каждому (33,3 руб. в месяц – авт.), секретарю БГУ – 500 руб. в год¹¹ (41, 7 руб. в месяц – авт.).

На этом заседании городским головой был избран коллежский ассессор С. Геккель (23 избирательных шара против 15 неизбирательных шара). Кроме него, свои кандидатуры подали: дворянин мурза Смаил Гаспринский (15 избирательных шаров против 23 неизбирательных шаров); купеческий сын М. Кефели (14 избирательных шаров против 24 неизбирательных шаров); провизор А. Карабашев (9 избирательных шаров против 29 неизбирательных шаров)¹².

Однако, 1 мая 1878 г. И. Гаспринский подал прошение на имя начальника Таврической губернии, генерал-майора и кавалера А.А. Кавелина, в котором проситель, ссылаясь на ст.ст. 11, 93 и 150 Городового положения, указывал на следующие допущенные собранием БГД в процессе осуществления выборов бахчисарайского городского головы нарушения:

¹ ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Дело бахчисарайской городской управы о введении в действие нового Городового положения в г. Бахчисарее на первое четырёхлетие с 1879 по 1883 г. Л.л. 6–31 об.

² Далее – БГД, авт.

³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. № 48498. Высочайше утвержденное Городовое Положение. С. 826.

⁴ ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 32.

⁵ Там же. Л.л. 34–35.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ Далее – БГУ, авт.

⁸ ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. № 48498. Высочайше утвержденное Городовое Положение. С. 827, 831.

⁹ ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 39.

¹⁰ Там же. Л.л. 41–42.

¹¹ Там же. Л.л. 51–51 об.

¹² Там же. Л. 53.

1) Председатель собрания вопреки закона допустил к заседанию на выборах двух членов старой Думы, которые не являлись гласными новой Думы, и не заставил соблюдать должной тишины и системы в прениях;

2) Избранный городским головой С. Геккель также был избран участковым мировым судьёй Евпаторийского уезда, и согласно закона не мог совмещать эти должности. Факт избрания проситель подтверждал соответствующим удостоверением, выданным евпаторийским мировым съездом судей.

На основании изложенного И. Гаспринский просил А.А. Кавелина отменить результаты выборов 26 апреля и провести новые¹³.

Одновременно, в тот же день на имя А.А. Кавелина было подано прошение гласных БГД дворян И. Гаспринского, Абкадыра Челеби Крым Хаваджи и симферопольского купца Сеит-Мемета Топузова аналогичного содержания. Гласные указывали, что на собрании после предложения кандидатуры С. Геккеля на должность бахчисарайского городского головы, они заявили о факте занятия им должности участкового мирового судьи г. Евпатория, вследствие чего он не может быть городским головой, однако, председатель собрания не отобразил в протоколе собрания их заявления, и после дебатов допустил С. Геккеля к выборам вопреки ст. 89 Городового положения¹⁴.

При этом, сам С.И. Геккель 26 апреля 1878 г. заявил БГД, что в случае своего избрания на должность бахчисарайского городского головы, он откажется от поста мирового судьи по 1 участку Евпаторийского уезда¹⁵. Это послужило основанием для А.А. Кавелина 19 мая 1878 г. отказать в удовлетворении апелляции просителей, поскольку это обстоятельство устраняло конфликт интересов, предусмотренный ст. 89 Городового положения¹⁶. Однако, уже 25 мая 1878 г. он отказался утверждать С. Геккеля в должности вследствие его отказа слагать с себя полномочия мирового судьи¹⁷.

Новые выборы бахчисарайского городского головы состоялись в БГД 23 октября 1878 г. в присутствии 34 гласных Думы под председательством и.д. городского головы К. Константинова. На выборах победил симферопольский купец Сеит-Мемет Топузов (25 избирательных шаров против 9 неизбирательных шаров). Кроме него, свои кандидатуры подали: бахчисарайский мещанин М. Дремджи (18 избирательных шаров против 18 неизбирательных шаров); дворянин Сеит-Ягья Балов (17 избирательных шаров против 18 неизбирательных шаров); дворянин мурза Исмаил Гаспринский (16 избирательных шаров против 20 неизбирательных шаров); купец Эмир Али Осман оглу (15 избирательных шаров против 21 неизбирательного шара); коллежский ассессор Г. Палас (14 избирательных шаров против 18 неизбирательных шаров); купеческий сын М. Кефели (12 избирательных шаров против 24 неизбирательных шаров); дворянин Абкадыра Челеби Крым Хаваджи (10 избирательных шаров против 21 неизбирательного шара); дворянин Али Челеби Гафаров (0 избирательных шаров против 29 неизбирательных шаров)¹⁸.

30 ноября 1878 г. состоялось первое заседание БГД в обновленном составе, на котором обсуждались вопросы общего количества членов БГУ и кандидатуры заместителя городского головы во время его отсутствия на рабочем месте. Было решено избрать 6 постоянных членов БГУ¹⁹. Куда сложнее оказалась проблема выборов заместителя городского головы. Было подано 7 кандидатур, однако, членам БГД пришлось прибегнуть к переголосованию, поскольку с первой попытки не удалось определить победителя. По результатам переголосования, заместителем бахчисарайского городского головы был назначен мурза И. Гаспринский²⁰. Членами БГУ были избраны: мещане И.Д. Лазарев, М.А. Дремджи, К.М. Константинов и дворяне А. Челеби Крым Хаваджи и мурза Сеит-Ягья Балов. Результаты заседания были удостоверены подписью городского головы Сеит-Мемета Топузова²¹.

Однако, 23 декабря 1878 г. бахчисарайский городской голова Сеит-Мемет Топузов сложил с себя полномочия председателя бахчисарайского сиротского суда²², а 4 февраля 1879 г. он подал в БГУ прошение о своем увольнении с должности городского головы на основании ст. 83 Городового положения, в связи со «стесненностью домашними

¹³ Там же. Л.л. 54–54 об.

¹⁴ Там же. Л.л. 56–56 об.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Там же. Л.л. 68–68 об.

¹⁷ Там же. Л. 71.

¹⁸ Там же. Л. 81.

¹⁹ Там же. Л. 90.

²⁰ Там же. Л. 90.

²¹ Там же. Л. 90.

²² ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 92. Дело бахчисарайской городской управы об избрании членов в бахчисарайский сиротский суд. Л. 1.

и торговыми делами»¹. В тот же день гласный БГД А. Терленди подал в БГУ ходатайство с предложением о назначении на вакантную должность члена БГУ И. Лазарева². 7 февраля БГУ отклонила это ходатайство, поскольку ранее на должность заместителя бахчисарайского городского головы был назначен И. Гаспринский, который на основании закона и должен был исполнять должность до избрания нового головы. Решение также было подписано самим Сеит-Меметом Топузovým.

Официально отставка бахчисарайского городского головы была подтверждена 13 февраля 1879 г. на заседании БГД в присутствии 35 гласных Думы. На этом же заседании состоялись и выборы новых бахчисарайского городского головы и его заместителя. Новым головой стал И. Гаспринский (26 избирательных шаров против 10 неизбирательных шаров). Его заместителем был избран К. Константинов³. Хозяйственным членом БГУ был назначен М. Дремджи. Официально И. Гаспринский был утверждён в новой должности решением Таврического губернатора А.А. Кавелина от 5 марта 1879 г.⁴

Анализ избирательного процесса в г. Бахчисарае в 1878–1879 г.г. позволяет выделить его следующие этапы:

– 1 этап: 14 марта – 26 апреля 1878 г. На этом этапе под руководством и.о. бахчисарайского городского головы К. Константинова были составлены списки бахчисарайских мещан, являвшихся кандидатами в гласные в новые органы местного самоуправления. Они были разделены на 3 разряда на основе имущественного ценза. За каждый разряд состоялось отдельное голосование, на основании которого был сформирован первый состав гласных БГД;

– 2 этап: 26 апреля – 23 октября 1878 г. Период работы нового состава гласных во главе с городским головой С. Геккелем на фоне отмены результатов выборов в органы местного самоуправления высшим губернским начальством на основании соответствующих ходатайств просителей о выявленных фактах нарушений при проведении процедуры выборов;

– 3 этап: 23 октября – 30 ноября 1878 г. Проведение повторных выборов в бахчисарайские органы местного самоуправления и формирование нового состава БГД во главе с городским головой С.-М. Топузovým;

– 4 этап: 30 ноября 1878 г. – 13 февраля 1879 г. Отставка С.-М. Топузова и избрание бахчисарайским городским головой И. Гаспринского. Окончательное формирование основного костяка личного кадрового состава БГУ.

При общем анализе выборов бахчисарайского городского головы в соответствии с новым реформенным местным законодательством, обращает на себя внимание огромный ажиотаж среди бахчисарайской элиты вокруг этой должности. По нашему мнению, новеллы законодателя, сформулированные в ст. 35 и 88 Городового положения 1870 г., имела положительные и негативные последствия. Её положительным последствием являлось намерение уравнивать в правах на доступ к государственной службе различных слоёв населения в поликонфессиональных регионах, к которым относилась и Таврическая губерния, что соответствовало духу Манифеста от 8 апреля 1783 г. Однако, негативным последствием являлся раскол местного общества вследствие различия интересов, обусловленного различным социальным положением христиан и не христиан в каждом таком регионе отдельно.

Это видно и на примере бахчисарайских выборов городского головы. Представителями интересов христианской части общества были мировой судья С. Геккель, мещане М. Дремджи и И. Лазарев, не христианской – купцы М. Кефели, С.-М. Топузов, мурзы И. Гаспринский и С.-Я. Балов. Совокупность формальных обстоятельств (несоответствие требованиям законодательства) и фактических причин (личные мотивы) привела к победе И. Гаспринского – единственного члена БГД, который выдвигал свою кандидатуру на каждом из трёх выборов. Примечательно, что на всех выборах ни один кандидат публично не оглашал свою избирательную программу. Вероятно, всё решалось кулуарно, поскольку члены БГД избирали местное руководство из своей среды. Население к выборам не допускалось. Также важным аспектом отправления функций местного руководства являлось утверждение

результатов выборов и избранных кандидатов высшим губернским начальством. Только такое утверждение легитимизировало в должности назначенных по итогам выборов лиц.

Заключение

За короткий период 1878–79 г.г. И. Гаспринский прошёл все этапы в местной власти: сначала был избран гласным БГД, затем – членом БГУ и заместителем бахчисарайского городского головы Сеит-Мемета Топузова, после – бахчисарайским городским головой. Ниже мы покажем, что уже на должности заместителя головы И. Гаспринский показал себя эффективным и энергичным руководителем, что не осталось без внимания остальных членов БГД. Выбор его в качестве главы местного самоуправления был не случаен. Несмотря на свой достаточно молодой возраст (И. Гаспринскому на момент назначения на должность городского головы исполнилось 26 лет – авт.), он тонко разбирался в нюансах законодательства, был умелым организатором и прекрасным оратором. Он был полон сил и желания принести пользу своему городу.

Литература

1. ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. № 48498. Высочайше утвержденное Городовое Положение.
2. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Дело бахчисарайской городской управы о введении в действие нового Городового положения в г. Бахчисарае на первое четырёхлетие с 1879 по 1883 г.
3. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 92. Дело бахчисарайской городской управы об избрании членов в бахчисарайский сиротский суд.
4. ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 57. Дело бахчисарайской городской управы о выезде из г. Бахчисарая городского головы и членов управы по службе и своим делам в 1879 г.

THE ELECTION OF I. GASPRINSKY AS MAYOR OF BAKHCHISARAY IN 1878–1879

Vaniev E.S.

Yakubov Kyiv Polytechnic University

Based on an analysis of archival sources and Russian legislation from the imperial period, this article examines the implementation and course of the election process in Bakhchisaray following the 1870 local government reform in the Russian Empire. It notes that the process was complex, driven by the internal struggle of interests between various economic groups in Bakhchisaray. Its periodization and characteristic features are highlighted. The author outlines a wide range of city governance issues that the new local government had to address. A characterization of the elected Bakhchisaray mayor and his initial achievements in office are provided. Purpose of the article. Conduct a historical and legal analysis of the first post-reform elections to local government bodies in the city of Bakhchisaray. The topic has been extensively researched. The history of the Taurida Governorate and its provincial government bodies has been the subject of extensive scholarly literature. However, insufficient attention has been paid to the historical analysis in general and the historical and legal analysis of the functioning of Bakhchisaray local government bodies in particular. Only the Simferopol researcher V. Gankevich has addressed this issue from a historical perspective. However, his coverage of the election process for the first post-reform local government bodies was rather superficial, and his views on the roles of individual participants require both a revision and an objective analysis of the factual and regulatory material contained in archival primary sources and the legislative framework of the Russian Empire.

Keywords: elections, city council members, mayor, civil service, local government, re-election.

Referenes

1. PSZ. Coll. 2. Vol. 45. No. 48498. Imperially approved City Regulations.
2. GARK. F. 64. Op. 1. D. 31. File of the Bakhchisaray City Council on the implementation of the new City Regulations in Bakhchisaray for the first four-year period from 1879 to 1883.
3. GARK. F. 64. Op. 1. D. 92. File of the Bakhchisaray City Council on the election of members to the Bakhchisaray Orphans' Court.
4. GARK. F. 64. Op. 1. D. 57. File of the Bakhchisaray City Council on the departure of the mayor and members of the council from Bakhchisaray on official business and in 1879.

¹ ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 57. Дело бахчисарайской городской управы о выезде из г. Бахчисарая городского головы и членов управы по службе и своим делам в 1879 г. Л. 3.

² ГАРК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 100.

³ Там же. Л. 106.

⁴ Там же. Л. 107.

Инамова Елена Александровна,

доцент кафедры гражданского права и процесса, кандидат юридических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»
E-mail: elena-1600@mail.ru

В статье анализируются актуальные вопросы использования цифровых технологий в цивилистическом судопроизводстве. Раскрываются некоторые проблемы их внедрения в деятельность судов в РФ, в зависимости от их уровня. В работе делается акцент на проблемы применения цифровых технологий мировыми судьями. Использование цифровых технологий в цивилистическом судопроизводстве представляется как положительный и необходимый опыт в развитии всей российской судебной системы. Данная статья носит концептуально-обзорный характер, что может определить дальнейший ход дискуссии по указанному вопросу. Целью работы является анализ некоторых проблем внедрения и применения цифровых технологий в цивилистическом судопроизводстве. Методологическую основу исследования составили системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В статье делается вывод о том, что единообразное, системное, качественное использование цифровых технологий в судах без технических колебаний и барьеров, вне зависимости от уровня суда и региона РФ помогут сократить и минимизировать какие-либо недостатки в системе электронного правосудия.

Ключевые слова: цифровые технологии, цивилистическое судопроизводство, судебная система, суды, мировые суды, участники, деятельность, защита прав, оптимизация.

Цифровые технологии стремительно внедряются в судебную систему и становятся уже действительностью в цивилистическом судопроизводстве.

Однако активное внедрение цифровых технологий в жизнь современного общества определенно обозначило перед правом не мало проблем концептуального характера. Как верно замечено, что в сфере гражданского и арбитражного процесса такой проблемой, в частности, является вопрос о влиянии цифровых технологий на саму суть юрисдикционной деятельности по защите гражданских прав, а также о допустимых формах и пределах такого влияния [1].

Несомненно, использование данных новшеств представляется как положительный и уже необходимый опыт, так как экономит время у суда и участников, сокращается расход денежных ресурсов, упрощается взаимодействие между участниками судопроизводства и т.д.

Известно, что на данный момент в федеральных судах общей юрисдикции обеспечиваются посредством Государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие», в судах общей юрисдикции г. Москвы – через обособленный Единый информационный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. В арбитражных судах активно используется информационный сервис «Мой Арбитр» и связанной с ним Картошкой арбитражных дел.

Так, «Мосгорсуд – один из самых технологичных судов не только в России, но и в Европе. В частности, установили системы аудио-, видеофиксации почти во всех залах заседаний в Москве. Создали новый Единый портал судов, например, сейчас действует 82 тысячи личных кабинетов, работает система электронного исполнения. Любые процессуальные документы можно подать через личный кабинет на сайте или по почте, а непроцессуальные жалобы можно отправлять через электронную приемную» [2].

Здесь важно выделить, что с 2020 года постепенно внедряется суперсервис «Правосудие онлайн», который работает на базе портала госуслуг, что «должно приблизить российскую судебную систему к тотальной цифровизации, которую так ждут в юридическом сообществе, сетуя, что в некоторых регионах юристы до сих пор подают иски на бумаге и получают решения по почте» [3].

Следует отметить, что «поскольку процессуальные правоотношения существуют только в рамках правовой формы, закон должен предусматривать возможность применения различных технологий электронного правосудия. На данный момент процессуальное законодательство позволяет использовать следующие цифровые инструменты: подачу документов в электронной форме; доступ к информации о времени и месте рассмотрения дела, тексту принятых судебных актов и материалам дела в электронном виде; аудио- и видеопроотолирование судебных заседаний; проведение онлайн-заседаний и рассмотрение дела при помощи видео-конференц-связи, а также выдачу исполнительных документов в формате электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью» [4]. Тем не менее, применение электронных сервисов в судебной системе видится неоднообразной, и арбитражные суды имеют гораздо более уверенную базу технического оснащения, чем суды общей юрисдикции, у которых меньше таких возможностей.

Последнее объясняется тем, что технические ресурсы – отдельный и серьезный вопрос, который требует конкретных действий для его разрешения. Так, Федеральные суды с 2024 года получают новое серверное оборудование, увеличивается пропускная способность каналов связи, идет активное совершенствование программных платформ, что создает основу для промышленной цифровой эксплуатации. Кроме этого, в 2024 г. внедрен сервис направления судебных уведомлений через единый портал «Госуслуги», что позволяет оперативно извещать участников судопроизводства и экономит расходы. Но у мировых судей ситуация немного иная – цифровые технологии недостаточно полно применяются в деятельности этих судов. Знаем, что их подключение к ГАС «Правосудие» зависит от региональных властей. Судебный департамент прямо подчеркивает: массовое внедрение невозможно без защищенных каналов связи и криптографической защиты [5].

На практике нередко появляются разные ситуации, при которых истец может находиться в дальнем регионе России, а ответчик, к примеру, – в Москве, Санкт-Петербурге, Казани. В связи с этим возникают разные технические проблемы подключения и использования видео-

конференц-связи, что в итоге порождают затягивания судебного процесса, увеличения судебных расходов, так как «истцу из глубинки России» не всегда получается качественно и результативно использовать либо вообще не использовать этот технический ресурс. Полагаем, что на современный день мировые суды испытывают острую необходимость в обеспечении комплектами видео-конференц-связи и др.

Безусловно, есть положительный опыт. Например, в Республике Коми с 2024 г. мировые судьи за счет средств республиканского бюджета обеспечиваются комплектами видео-конференц-связи для применения удаленного участия в судебном заседании лиц. Комплекты ВКС уже установлены в Сыктывкаре, Воркуте, Ухте, Эжвинском районе г. Сыктывкара, в этом году планируется их установка в Усинске, Печоре, Сосногорске, Сыктывдинском районе, в 2026–2027 годах – на всех остальных участках [7].

Бесспорно, хотелось бы наблюдать равную возможность участия лиц в судебных заседаниях посредством применения видео-конференц-связи. Единообразное, системное, согласованное и качественное использование цифровых технологий в судах без технических колебаний и барьеров, вне зависимости от уровня суда и региона РФ помогут сократить и минимизировать какие-либо недостатки в системе электронного правосудия. Так как, такой рывок в развитии цифровых технологий дает мощный и конкретный потенциал в оптимизации цивилистического судопроизводства, что выводит его на высокий уровень и открывает новые возможности проявления прозрачности и взаимодействия как для участников процесса, так и для суда.

Литература

1. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Незнамов Ал. В., Незнамов Ан. В., Ярко В. В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимодействия // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 56–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-i-tsivilisticheskiy-protsess-problemy-vzaimovliyaniya/viewer>.
2. Егоров И. Между законом и справедливостью. Российская газета. 23 марта 2020.

3. <https://rvzrus.ru/blog/3027>.
4. https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2024/03/44_gelieva-i.n.pdf
5. <https://rvzrus.ru/blog/3027>.
6. <https://komiinform.ru/news/279238>.

ON THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CIVIL LITIGATION

Inamova E.A.

N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University

This article examines current issues related to the use of digital technologies in civil legal proceedings. It also identifies some challenges associated with their implementation in Russian courts, depending on their level. The paper focuses on the problems of using digital technologies by justices of the peace. The use of digital technologies in civil legal proceedings is presented as a positive and necessary experience in the development of the entire Russian judicial system. This article is of a conceptual and review nature, which determines the further course of discussion on this issue. The purpose of the work is to analyze the some problems of implementation and application of digital technologies in civil proceedings. The methodological basis of the study was systemic, comparative legal and formal legal methods. The article concludes that the uniform, systematic, high-quality use of digital technologies in courts without technical hesitations and barriers, regardless of the level of the court and the region of the Russian Federation, will help reduce and minimize any shortcomings in the electronic justice system.

Keywords: Digital technologies, civil legal proceedings, judicial system, courts, magistrates' courts, participants, activities, protection of rights, optimization.

References

1. Branovitsky K.L., Renz I.G., Neznamov Al. V., Neznamov An. V., Yarkov V.V. Digital Technologies and the Civil Law Process: Problems of Interaction // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. No. 2. Pp. 56–68. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-i-tsivilisticheskiy-protsess-problemy-vzaimovliyaniya/viewer>.
2. Egorov I. Between Law and Justice. Rossiyskaya Gazeta. March 23, 2020.
3. <https://rvzrus.ru/blog/3027>.
4. https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2024/03/44_gelieva-i.n.pdf
5. <https://rvzrus.ru/blog/3027>.
6. <https://komiinform.ru/news/279238>.

Синюкова Татьяна Николаевна,

специалист отдела науки и аспирантуры, Московский финансово-юридический университет МФЮА; соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Российский новый университет
E-mail: tati1385@mail.ru

Статья посвящена исследованию потенциала институтов гражданского общества в профилактике коррупции. Формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики.

Ключевые слова: государство, коррупция, институты общественного общества, формы взаимодействия, цифровизация, общественные институты.

Каждая страна и ее развитие связано с формированием и использованием возможностей общественных институтов, правовым регулированием. Без этого условия невозможно реализовать обеспечение устойчивости в развитии страны, прав и интересов граждан. Но всегда нормальное состояние общества дестабилизируется нарушением законности. Наиболее острые социальные трудности возникают в связи с распространением коррупции. Как подчеркивают многие авторы коррупция – это реальная угроза обществу, представляя объективную угрозу безопасности, национальным интересам государства [1]. Поэтому понимание ее причин, форм, источников, а равным счетом и взаимодействие государства и гражданского общества представляется актуальной задачей.

В результате конституционной реформы 2020 года социальное партнерство стало одним из конституционных принципов. Внесение данного термина в Основной закон страны стало отражением сформировавшегося в российском обществе запроса на активное взаимодействие между государством, коммерческими организациями и НКО при решении наиболее острых социальных вопросов.

Но не смотря на принятие поправок в Конституции РФ, к сожалению, до сих пор в трактовке государства в ст. ст 1,7 преобладает элементный подход [2]. И как следствие преувеличенная роль одного элемента-публичной власти и недооценка других элементов – общества, что ведет к утрате системных связей, взаимных влияний. А мы понимаем, что государство – это сложнейшая социальная система, состоящая из элементов [3] и каждый элемент, состоит из своих составных частей. И не стоит забывать о связях между всеми этими составными частями, это ведет к государственным ошибкам. Эти ошибки можно обнаружить в ходе развития государства, когда накапливаются изменения и меняется структура и компетенции государственных институтов, режимов. А коррупция же разрушает каждый элемент государства, подрывая устои, права и свободы, меняется отношение к государству и его органам, падает престиж правовой системы. Коррупция ослабляет все государственные институты, снижается доверие к власти со стороны гражданского общества, деформируется правосознание. По мере снижения качества государственного управления, снижается выполнение государственных функций, как следствие снижение качества предоставляемых услуг.

Коррупцию можно сравнить с вирусом, который «поражает» многих граждан, создающих цепи, коррупционные взаимосвязи. Разрыв цепи зависит прежде всего от коренного изменения ценностных ориентиров, мотивов и поведения людей. Таков путь к выздоровлению [4].

В гражданском обществе осознается вся пагубность коррупции и противодействие ей задача не только органов государственной власти. Именно в самом обществе существует потенциал и формируется механизм противодействия коррупции, и прежде всего это базируется на высоком гражданском правосознании. Право выступает как регулятор общественных отношений с учетом всех интересов, так же речь идет о преодолении деформации правосознания и поведения, формирования мотивов правомерного поведения, активной позиции общественных институтов, развитии форм антикоррупционной саморегуляции при тесном взаимодействии с государством.

Правосознание оказывает существенное социальное воздействие на регулирование многих жизненных процессов в обществе и государстве. Здоровое правосознание – основа эффективного функционирования политической и правовой систем. В свое время известный российский правовед Б.А. Кистяковский справедливо говорил, что своего полного развития правовое государство достигает только при высоком уровне правосознания в народе и при сильно развитом в нем чувстве ответственности [5]. Поэтому важным является исследование социально-психологического механизма, связывающего сознание личности с ее поведением, выявление роли правосознания и правовой культуры в формировании правовых установок, что предопределяет социально-правовую активность личности и ее поведение в правовой сфере, а равным счетом и потенциал в противодействии коррупции. Необходимо также осмыслить деформацию правосознания и правовой установки граждан, где кроются риски совершения коррупционных правонарушений.

Институты гражданского общества – это добровольно создаваемые общественные институты. Приведем пример, предложенный

коллективом авторов, предложенный в научно-практическом пособии «Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией», где предлагается их разделить на несколько групп:

- политические партии;
- профессиональные союзы;
- отраслевые ассоциации работников;
- саморегулируемые организации;
- творческие союзы;
- институты гражданской инициативы
- ситуационно-протестные институты
- религиозные организации.

Авторы отмечают, что «они имеют свой статус, в рамках которого они способны формировать гражданское правосознание своих членов и участников, способствуя тем самым предотвращению коррупционных факторов. Однако не все выполняют эти задачи. Пожалуй, лишь институты в экономической сфере более активны в этом направлении» [6].

Стоит обратиться к реальному пониманию состояния гражданского общества, кто готов противостоять коррупционному механизму, а кто предрасположен к совершению коррупционных действий. Отметим, что в обществе есть тенденции усиления взаимодействия общества и государства в этом можно убедиться на основе «Доклада о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 г.», на сайте Общественной палаты. «Сегодня общественные институты наравне с государством ведут важнейшую работу по обеспечению социальной сплоченности и стабильности в российском обществе, выступая в качестве эффективных платформ для выражения и продвижения интересов различных групп граждан нашей страны.

Этому способствуют и регулярные встречи Президента России с представителями общественных организаций, которые не только позволяют обсудить с общественниками наиболее значимые консолидированные институтами гражданского общества инициативы граждан, но и служат важным публичным сигналом, который Глава государства посылает органам власти всех уровней о необходимости продолжения поступательного развития взаимодействия государства и общества» [7].

Участие институтов гражданского общества активно реализуется с помощью общественного контроля, обращений граждан, общественного наблюдения и других форм.

Антикоррупционная политика государства при участии институтов гражданского общества зависит от научно-технического прогресса, позволяющего использовать современные технологии борьбы с преступностью, в том числе и с коррупцией. Это подтверждают многочисленные исследования, где рассматриваются формы и направления использования современных информационных технологий в борьбе с коррупцией.

Как подчеркивают многие авторы, цифровизация позволяет увеличить прозрачность деятельности государственных органов, исключая личные контакты с чиновниками, контролировать доходы и расходы должностных лиц, которые в обязательном порядке подлежат размещению на сайте Правительства, тем самым реализуется принцип публичности, открытости, транспарентности (информационной открытости, включая контроль публичной деятельности со стороны гражданского общества).

Граждане и организации в праве получать и осуществлять поиск информации из любых источников, соблюдая требования ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8]. Также следует сказать о потенциале институтов гражданского общества в условиях цифровизации сми, блогосферу, группы, союзы, которые имеют большой потенциал в противодействии коррупции (могут заявлять о фактах коррупции, предав огласке), поскольку представители органов государственной власти, борющиеся с коррупцией, подчас становятся коррупционерами Воронцов С.А, Локота О.В., Голобородько А.Ю., Понедельков А.В. в своем исследовании отмечают, что движущей силой коррупции выступают субъекты, которые по определению должны с ней бороться [9]. Сайты, сетевые площадки, где граждане могут заявить о фактах коррупции мобилизуют граждан на активную деятельность по пресечению и профилактики коррупции.

Но при этом социальный потенциал гражданского общества используется не в полной мере. Высокое значение имеет взаимодействие государства и общества по повышению качества правового регулирования и правоприменения, повышению уровня правосознания, уменьшению коррупционных рисков увеличивая уровень правомерного поведения. Необходимо исследовать социальные цели деятельности государственных и общественных органов, что позволит изучить

механизм профилактики коррупционных рисков, выбрать средства воздействия на сознание и поведения социума.

Литература

1. Никодимов И.Ю. Формирование антикоррупционного мировоззрения у молодого поколения как основополагающий аспект комплексной безопасности государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2016. – № 17 (756). – С. 152–156.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный документ], 2005–2025. – Доступ: URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Никодимов И.Ю., Голубовский В.Ю., Хутин А.Н., Рожкова Л.П. История государства и права России: курс лекций для бакалавров. – М., 2016. 194 с.
4. Противодействие коррупции. Быков А.В., Голубовский В.Ю., Никодимов И.Ю., Бурмистров И.А., Глазкова Л.В., Миронова Е.А., Синюкова Т.Н. (5-е издание) Москва, 2022. 88 с.
5. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 331.
6. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / Т.А. Едкова, О.А. Иванюк, Ю.А. Тихомиров и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС»; 2013. – 160 с.
7. Доклада о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 г. URL: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год | 2024: главное в российском гражданском обществе (дата обращения 07.12.2025 год).
8. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3448.
9. Воронцов С.А., Локота О.В., Голобородько А.Ю., Понедельков А.В. О проблемах противодействия коррупции в современной России и возможных направлениях повышения эффективности антикоррупционной деятельности. – Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 1(92). С. 76–80.

ANTI-CORRUPTION CAPABILITIES OF CIVIL SOCIETY

Sinyukova T.N.

Moscow University of Finance and Law, Russian New University

This article examines the potential of civil society institutions in preventing corruption and explores the forms of interaction between the state and civil society institutions in implementing anti-corruption policies.

Keywords: state, corruption, civil society institutions, forms of interaction, digitalization, public institutions.

References

1. Nikodimov I. Yu. Formation of an Anti-Corruption Worldview in the Younger Generation as a Fundamental Aspect of Comprehensive State Security // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2016. – No.17 (756). – P. 152–156.
2. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – December 25; Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic document]. 2005–2025. – Access: URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (accessed: 09.12.2025).
3. Nikodimov I.Yu., Golubovsky V.Yu., Khutin A.N., Rozhkova L.P. History of the State and Law of Russia: a lecture course for bachelors. Moscow, 2016. 194 p.
4. Combating Corruption. Bykov A.V., Golubovsky V.Yu., Nikodimov I.Yu., Burmistrov I.A., Glazkova L.V., Mironova E.A., Sinyukova T.N. (5th edition) Moscow, 2022. 88 p.
5. Kistyakovskiy B.A. Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg, 1998. P. 331.
6. Participation of Civil Society Institutions in the Fight against Corruption: a scientific and practical manual / T.A. Edkova, O.A. Ivanyuk, Yu.A. Tikhomirov, et al.; ed. Yu.A. Tikhomirov. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation / ООО POLIGRAF-PLUS; 2013. – 160 p.
7. Report on the State of Civil Society in the Russian Federation for 2024. URL: Report on the State of Civil Society in the Russian Federation for 2024 | 2024: The Main Thing in Russian Civil Society (accessed on December 7, 2025).
8. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies, and the Protection of Information.” Collected Legislation of the Russian Federation of July 31, 2006 No. 31 (Part I), Art. 3448.
9. Vorontsov S.A., Lokota O.V., Goloborodko A.Yu., Ponedelkov A.V. On the problems of combating corruption in modern Russia and possible directions for increasing the effectiveness of anti-corruption activities. – Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. No. 1(92). P. 76–80.

Сулейманов Бигрузи Бухаринович,

канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, заслуженный юрист Республики Дагестан, Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: doktorb@yandex.ru

Принципы права являются важным правовым средством, определяющим направления правового регулирования и поддерживающее единство системы права. В современный период развития отечественной юридической науки принципы права исследуются как с позиции общей теории права, так и отраслевых юридических наук. Однако многие положения принципов права остаются спорными. Основная цель исследования – анализ наиболее существенных аспектов принципов права как правовых средств. При написании работы были использованы различные методы правового познания, в том числе, сравнительно-правовой, логический, исторический и догматические методы. Автор обосновывает вывод о том, что в 60–80 гг. прошлого века советская юридическая наука достигла значительных успехов в изучении принципов права. Однако идеологический монизм ограничивал возможности исследователей. В современный период актуально проведение системных исследований базовых аспектов принципов права.

Ключевые слова: право, принципы права, закономерности права, идеи права, методология права, правовое регулирование, юридический плюрализм.

Вопрос о принципах права вряд ли можно отнести к числу особо привлекательных для исследователей. Монографических работ о принципах права, как говорится, можно посчитать на пальцах одной руки. Однако современная правовая жизнь ставит перед государством и юридическим сообществом различного характера задачи по организации эффективного регулирования общественных отношений. После известных и масштабных преобразований, проведенных в конце прошлого века, многие сферы и участки общественных отношений, которые раньше оставались за бортом предмета правового регулирования или же регулировались на несколько иных началах, регламентируются нормами права. Очевиден и другой момент: законодательство и в целом «писаное право» не может полностью и «без остатка» охватить все стороны предмета правового регулирования. И это не все. Помимо известного «порока», характерного для законодательства в целом: отставания от развития общественных отношений, есть и другие обстоятельства: вряд ли целесообразно такое тотальное регулирование, поскольку оно ограничивает свободу субъектов права. Некоторые виды отношений должны автономно регулироваться самими сторонами. Именно поэтому законодатель допускает и даже стимулирует обращения к другим формам права. В частности, существенно расширены регулятивные качества примера качества обычая. Действующее отечественное законодательство предусматривает возможность устранения (преодоления) пробелов посредством обращения к основным началам права. Принципы права представляются важным средством преодоления пробелов и коллизии в праве. Однако для правильной квалификации правовой ситуации и использования принципов права необходимо раскрыть их смысл и значение. Между тем имеются и другие причины, которых можно квалифицировать как научные. В отечественной юридической науке неоднозначными и даже спорными остаются различные аспекты принципов права. К ним можно отнести, прежде всего, понятие, сущностные черты или особенности, соотношение с другими категориями, виды и значение для регулирования общественных отношений.

Прежде всего, укажем на некоторые контуры формирования, или конструирования принципов права. Почти общепринятым является утверждение, согласно которому дореволюционные правоведы не выделяли принципы права¹. При этом, как пишут отдельные исследователи, предпринимались попытки не только выявить правовые принципы, рассмотреть отдельные начала, но и определить их, раскрыть систему, назначение². Однако такой вывод представляется преувеличением. Так, утверждение Г.Ф. Шершеневича о принципах как об общих направлениях, раскрываемых в ряде юридических норм³, вряд ли можно признать итогом какого-то серьезного исследования. Аналогично можно оценить и выводы Е.В. Васьковского, который он отмечал: «Принципы права вообще и естественного, в частности, являются спорными ... дело сведется к полному и бесконтрольному судейскому усмотрению, от которого недалеко и до произвола»⁴.

На проблемность конструирования принципов права указывал известный русский правовед Н.Н. Алексеев, который писал: «Существует огромная сложность в формулировании общих принципов права. Догматическая юриспруденция разбилась на целый ряд отдельных и в значительной степени самостоятельных дисциплин, не связанных никакой общей идеей и не объединенных общей системой. Каждая юридическая дисциплина имеет свою общую часть и свои общие понятия, и это различие местных нужд каждой отдельной дисциплины порождало изобилующую противоречиями множественность логических определений»⁵. Как представляется, ученый больше размышлял о принципах юриспруденции, нежели о принципах права.

¹ Например: Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы // Принципы права: проблемы теории и практики: Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч.1 (разделы I–IV). М.: РГУП, 2017. С. 15.

² Волос А.А. Генезис учения о принципах гражданского права: от истории к современности: / Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4(14). С. 8.

³ Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898. С. 12.

⁴ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (по изданию) 1913 г.). М., 1997. С. 102.

⁵ Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919. С. 611.

Безусловно, принципы права стали предметом более пристального исследования в советский период. При этом следует отметить, что довольно долго в советской учебной литературе принципы права не входили в состав обязательных тем для изучения¹. Наверное, самым продуктивным периодом исследования принципов права можно признать 60–80 гг. прошлого века; именно в этот период отечественная юридическая наука достигла значительных успехов в изучении принципов права.

Приведем позиции наиболее крупных правоведов советского и постсоветского периодов о результатах исследования принципов права. Известный советский правовед Н.Г. Александров отмечал, что «основные принципы социалистического права представляют собой положения, выражающие общую направленность и наиболее существенные черты содержания социалистического правового регулирования общественных отношений»². В приведенном определении обратим внимание на два момента: в качестве родового понятия использовано понятие «положение» (1); в принципах выражены «общая направленность» и существенные черты правового регулирования (2). Через некоторое время автор несколько уточнил свое определение принципов права: «главные, руководящие положения, определяющие общую направленность и наиболее существенные черты содержания социалистического правового регулирования общественных отношений»³. Как видим, теперь положения усиливаются такими качествами, как «главные, руководящие».

По истечении значительного времени после написания статьи известным теоретиком права в отдельных нормативных актах «положение» начинает использоваться как родовое понятие по отношению к принципу права. В частности, в п. 3.6.1 «Рекомендаций по подготовке и оформлению проектов федеральных законов» (далее – Рекомендации) дано следующее определение принципа права: «Предписание-принцип – закрепляет исходные, руководящие нормативные положения общего характера, имеющие значение для отдельной отрасли, подотрасли, института права или права в целом»⁴. В этом определении не конкретизировано значение принципов права, т.е. не указана связь с содержанием права и т.п. О принципах права как о «нормативно-руководящих положениях» права писал и С.С. Алексеев⁵. Правда, он использовал «положение» как синоним «идей» и «начал». При этом ученый приводит эти утверждения не в самом определении принципов права. Такого же мнения придерживается О.В. Смирнов, который отмечает, что «принципами права» в советской юридической науке принято считать руководящие идеи (положения), закрепленные в законах»⁶.

Некоторые исследователи считают «положение» в качестве родового понятия более приемлемым по сравнению с идеей, поскольку «идея есть руководство к действию, к достижению цели, а положение – результат действия материализованной идеи»⁷. На наш взгляд, «положение» вряд ли можно ассоциировать только с результатом: в большей степени указанное слово обозначает состояние предмета, явления или же статуса. При этом, как представляется, в «Рекомендациях», которые носят нормативный характер и имеют форму действующего права, слово «положение» кажется более уместным, чем «идея» или «начало», поскольку последние имеют оттенок научности, доктринальности.

Другой известный отечественный теоретик права – Е.А. Лукашева, определяла принципы права как «объективно обусловленные начала, в соответствии с которыми строится система права»⁸. Также в этой же статье она утверждала, что принципами являются «начала» и «идеи» права⁹. По сути дела, Е.А. Лукашева приводит в своей работе все понятия, которые стали использоваться в качестве родовых при определении принципов права в отечественной правовой науке. В отличие от Н.Г. Александрова, она указывает на значение принципов права для

формирования системы права. Действительно, принципы права могут рассматриваться в качестве цементирующего средства системы права.

Безусловно, в формировании теории принципов права большой вклад внес С.С. Алексеев. Еще в 1973 году он определял принципы права «как выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни»¹⁰. Через 9 лет ученый дает почти аналогичный приведенному вариант определения¹¹. На наш взгляд, приведенное определение логично и содержательно. В определении С.С. Алексеев приводит (на его взгляд) наиболее существенные признаки принципов права. Прежде всего, обратим внимание на словосочетание «выраженные в праве ...». Это означает, что принципы права должны быть «внутри» права. Ученый однозначно утверждает, что принципы права должны быть отражены в нормах права. Он пишет: «Те начала, которые еще не закреплены в правовых нормах, не могут быть отнесены к числу правовых принципов»¹². Такая категоричность ранее не поддерживалась и сейчас поддерживается не всеми учеными-правоведами. Более того, некоторые крупные теоретики права утверждают, что принципы права формируются в правосознании, в том числе в доктринальном. В частности, Е.А. Лукашева утверждала, что принципы права являются категорией правосознания¹³; К.С. Юдельсон еще в 1956 году писал, что «принципы права на основе методологии вырабатываются советской юридической наукой и учитываются в законодательной деятельности»¹⁴. Согласно такой позиции, принципы права признаются продуктом именно доктринального правосознания. Разброс мнений и даже поляриность позиций ученых-правоведов предопределяются трудностями формирования научной теории принципов права. Еще в 50-е годы прошлого века ученые-правоведы разделились в вопросе о необходимости закрепления принципов права в законе. Одна часть ученых считали, что именно закрепление придает общеобязательность и усиливает регулирующее воздействие принципов права¹⁵, а другая – не возражала, отмечая, что принципы, будучи общими руководящими идеями, отражающими закономерности, могут опережать развитие законодательства и потому не должны быть отражены в законодательстве¹⁶.

В.Г. Томин выдвинул ряд аргументов для обоснования утверждения о необязательности отражения в законодательстве принципов права. По его словам, принципы права появляются в трудах классиков марксизма-ленинизма, в программных документах КПСС, в коммунистическом мировоззрении в том числе, в коммунистическом правосознании. Ученый заключает: «Таким образом, принципы – это элементы мировоззрения. Принципы вырабатываются наукой и в равной степени обязательны как для рядового участника уголовного процесса, так и для законодателя»¹⁷. Обоснование в основном идеологическое. В современный период такого характера обоснования, аргументы потеряли свою убедительность: вряд ли принципы права являются категорией мировоззренческой, а не нормативной, о чем писали еще в советский период¹⁸.

На наш взгляд, определенное значение имеет и тип правовопонимания, в частности, указанный выше подход в большей степени относится к естественно-правовому типу правовопонимания. Очевидно, что для сторонников указанного подхода право не обязательно должно быть выражено в нормах в форме источников права: право объективное явление, возникшее вместе с человеком независимо от государства. Для представителей позитивистской теории право фактически является совокупностью норм, установленных государством и выраженных преимущественно в законодательстве. При таком подходе логичнее утверждать, что принципы должны быть отражены в нормах права. Однако степень категоричности этого утверждения также вызвала спо-

¹⁰ Алексеев С.С. Проблемы теории права. курс лекции в двух томах. Свердловск., Т. 1. Свердловск., 1972. С. 102.

¹¹ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 98.

¹² Алексеев С.С. Проблемы теории права. курс лекции в двух томах. Свердловск., Т. 1. Свердловск, С. 103.

¹³ Лукашева Е.А. Принципы социалистического права// Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–23.

¹⁴ Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 32.

¹⁵ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 83, 84; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 73 и др.

¹⁶ Савицкий М.Я. К вопросу о гласности принципов советского уголовного процесса// Советское государство и права. 1950. № 1. С. 45; Томин В.Г. О понятии принципа советского уголовного процесса// Труды Высшей школы МОП РСФСР. Вып. 12. М., 1965. С. 193–195 и др.

¹⁷ Томин В.Г. О понятии принципа советского уголовного процесса. С. 195.

¹⁸ Добровольская Т.П. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 8.

¹ Теория государства и права. М., 1947.

² Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 17.

³ Теория государства и права. / под ред. Н.Г. Александрова. 2-изд., доп., и переб. М., 1974. С. 378.

⁴ Письмо Минюста России от 23 февраля 2000 г. № 1187-ЭР/СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Алексеев С.С. Проблемы теории права. курс лекции в двух томах. Т. 1. Свердловск., 1972. С. 102.

⁶ Смирнов О.В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 11.

⁷ Воронцов А.Ф. О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12. С. 50.

⁸ Лукашева Е.А. Принципы социалистического права// Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21.

⁹ Там же. С. 23.

ры. Большинство авторов считают, что принципы права должны быть выражены в нормах права¹. С.С. Алексеев пишет: «Существуя, прежде всего, в юридических нормах, правовые принципы свойственны всей правовой материи, всему механизму правового регулирования. Они проявляются и в юридической практике, и в правосознании, и в правоприменительных актах»².

«Правовую материю» С.С. Алексеев использует в качестве общего понятия по отношению к «нормам права» и «общим нормативным положениям»; последние существуют как «скрытые» в конкретных нормах³. В частности, «общие нормативные положения» могут отражаться в преамбулах закона⁴. Ясно, что «общие нормативные положения» должны быть выведены, выяснены из «правовой материи». Для этого целесообразно использовать, в том числе методы толкования. Приблизительно такую же позицию занимает С.Ю. Лаврусь, которая пишет: «Принцип права» можно определить как сформулированные в нормативно-правовых предписаниях либо выводимые из них фундаментальные идеи, выражающие сущность права, определяющие его содержание и общий характер правового регулирования общественных отношений»⁵. Вместо «правовой материи» она использовала другой термин – «нормативно-правовые предписания». Такая позиция имеет определенные логические предпосылки.

Сторонником отражения принципов права в законодательстве являются С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев. По их словам, место принципов в законодательном материале связано с теми функциями, которые выполняет тот или иной правовой институт⁶.

Имеется, как говорится, и промежуточная позиция. В.М. Ведяхин и О.Е. Суркова отмечают, что «принципы права – это основные идеи, отражающие сущность, назначение, закономерности, тенденции развития российского права, закрепленные прямо или косвенно в правовых нормах, либо содержащиеся в сознании правоприменителей»⁷. Как видно, авторы допускают формирование принципов права и без закрепления в правовой материи. Сознание правоприменителей в качестве формы существования принципов права можно представить, правда, с определенными оговорками.

Очевидно, речь в основном может идти о государствах или государственных образованиях, в которых функционируют элементы нескольких различных правовых систем, например, в Индии, особенно в период английского владычества. Первоначально англичане не вмешивались в привычную правовую жизнь индийцев, если их интересы не нарушались. Однако в последующем произошло разграничение: установили границы юрисдикции судов в части применения местного права. Сформировалась двойная правовая система с различными сложными смещениями...⁸ В такой ситуации, скорее всего, сознание правоприменителей могут быть признаны принципами права. Указанное сознание нормативно может претендовать и на статус источника права, особенно, если рассматривать правовые общности обычного права. В таком случае следует сделать еще один шаг: признать и обычное, и религиозное, и общее право полноценным правом, даже если они противоречат друг другу. В нашей стране некоторые положения шариата, которые не противоречат действующему законодательству, реализуются представителями мусульманской религии⁹.

Известный отечественный теоретик права Л.С. Явич указывал, что «принципы права – это такие начала, отправные идеи его бытия, которые выражают важнейшие закономерности и устои данной общественно-экономической формации, являются однопорядковыми с сущностью права и составляют его главное содержание, обладают универсальностью, высшей императивностью и общезначимостью;

соответствуют объективной необходимости упрочения господствующего способа производства»¹⁰. Безусловно, определение отличается громоздкостью. Нас интересуют некоторые признаки, которые автор отразил в приведенном определении. Прежде всего, Л.С. Явич в качестве родовых использовал те же понятия («начала», «отправные идеи»), которые имеются в определениях Е.А. Лукашева и С.С. Алексеева. Правда, их автор несколько переиначил: они являются таковыми в качестве «бытия» права. Также следует обратить внимание на то, что принципы права выражают не только важнейшие закономерности, но и «устои» общественно-экономической формации. Заметим, что речь идет об устоях общественно-экономической формации, а не конкретного общества. При этом само слово «устои» преимущественно в научной литературе понимается как основные начала. Думается, более точной представляется позиция С.С. Алексеева, который писал о закономерностях общественной жизни. Если другие исследователи считали, что принципы составляют содержание права, то Л.С. Явич обозначил их как «главное содержание». Преувеличением и даже излишним представляется такой признак, как соответствие «объективной необходимости упрочения господствующего способа производства». На наш взгляд, глубокое исследование автора «обставлено» идеологическими штампами. Эта особенность была характерна для всех исследований советского периода. Правда, отдельные ученые излишне «старались», «сгущали краски». Даже первичное знакомство с научными и учебными работами указанного периода позволяет заключить, что и право, его сущность, и принципы рассматривались преимущественно с идеологической точки зрения. Исследовались не принципы права вообще, а принципы социалистического права. В учебниках социалистическое право рассматривалось отдельно от капиталистического. Другая характерная черта того времени – это исключительное доминирование экономического детерминизма. Обусловленность господствующим способом производства всех правовых явлений рассматривали как аксиому. Л.С. Явич не отразил одну из главных черт принципов права – определять направления правового регулирования, хотя о ней он упоминает несколько раз. Нетрудно заметить, что выводы, утверждения о различных аспектах принципов права во многом зависели от высказываний классиков марксизма. Так, некоторые исследователи приводят высказывание К. Маркса о том, что принципы производны от отражаемых ими общественных отношений и следуют за ними: «Столь же мало вечны (принципы – С.Б.), как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты»¹¹. Очевидно, что не может быть вечных принципов права: они меняются и это аксиома, поскольку, это легко можно доказать фактами из истории развития права. Однако верно и другое: принципы и в том числе принципы права более устойчивы, статичны по отношению к другим явлениям. В нашем случае – по отношению к нормам права. Между тем ученые под воздействием этих утверждений К. Маркса старались не выделять такую черту, как устойчивость, статичность. В частности, О.В. Смирнов выделил стабильность в качестве черты принципов права, причем заключительной, в самом перечне¹². Возвращаясь к позиции Л.С. Явича, хочется указать на одну идею, которую автор высказал при написании процитированной, а затем развил в другой работе. По его словам, принципы права могут «часто выражаться в судебной практике или закрепляться в правовых обычаях»¹³. Как видно, Л.С. Явич несколько шире представлял себе право и его формы, нежели его коллеги, считавшие обычай пережитком прошлого. Через некоторое время ученый «идет дальше» и утверждает, что принципы права могут «концентрироваться в субъективном праве и юридических обязанностях, в правовых обычаях, традициях, деловых обыкновениях, в правовой культуре региона»¹⁴. Эти утверждения, как представляется, можно признать весьма ценными и даже прорывными в отечественной юриспруденции советского периода. Безусловно, на них повлияли и взгляды автора на определение права: Л.С. Явич старался выйти за рамки нормативистского типа правопонимания. Утверждения такого характера о принципах права давали простор для исследования правовых явлений действительно с общеправовых позиций, которые

¹ Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 149–150; Теория государства и права. 2-е изд. / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008. С. 427–430 и др.

² Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 76–77.

³ Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Свердловск., Т. 1...С.104–105.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической практике: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 199.

⁶ Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.-С.28,29.

⁷ Ведяхин В.М., Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права. Самара, 2005. С. 26.

⁸ Брайан З. Таманакха. Пер. В.М. Куприянова Понимание правового плюрализма: от прошлого к настоящему, от локального к глобальному// Право и применение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов/ науч. Ред. Э.Д. ПАНЕЯХ; лит.ред. А.М. Кадникова. М., 2014.С.154. 155.

⁹ Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021.-С.557–661.

¹⁰ Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М., 1978.С.11.

¹¹ Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права. М., 1977.С.7; Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы)...С.9 и др.

¹² Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права...С.44.

¹³ Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы)...С.3.

¹⁴ Теория государства и права/ отв. Ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Изд.2-е, перераб. и доп.Л.1987.С.286.

могут быть распространены на различные правовые общности и типы, а не только касаться социалистического права.

Важным и интересным представляется конкретное соотношение между закономерностями и принципами права. Немногие исследователи проводят корреляцию между этими явлениями. Наиболее полно указанный аспект раскрыл Н.Г. Александров. Он писал: «Основные принципы социалистического права объективно обусловлены **главными общественными закономерностями** (выделено нами – С.Б.) развития общества, которое встало на путь строительства социализма и коммунизма»¹. Если отбросить идеологические штампы, то можно обратить внимание на один важный момент: принципы права фактически предопределяются «главными общественными закономерностями» (как считал Н.Г. Александров), а не закономерностями права. Поэтому получается, что предложенный состав принципов также не столько правовой, сколько социальный. Автор выделяет 7 закономерностей и 8 основных принципов права. Это означает, что одна закономерность может отражаться в нескольких принципах.

Приведем некоторые из них. В качестве первой ученый приводит закономерность развития социалистической революции, которая предполагает, прежде всего, установление политической власти рабочего класса, руководимого Коммунистической партией... Её отражает принцип социалистического права – «закрепление политической власти трудящихся во главе с рабочим классом, демократии для всех трудящихся»². На наш взгляд, перед нами не принцип права: он в большей степени относится к политике и отношению к праву имеет весьма условно. Думается, более точными были другие исследователи, которые относили и относят такого рода принципы к «социально-политическим началам», или «принципам социализма»³. Однако они выделяли в качестве общих правовых принципов сугубо правовые начала⁴. Такой подход представляется более предпочтительным в тот период, т.е. в период функционирования социалистического строя. В качестве второй закономерности автор приводит «ликвидацию капиталистической собственности и установление социалистической собственности»⁵. Соответственно она трансформируется в принцип «охрана и обеспечение развития социалистической собственности»⁶. Между тем сложно признать выделенную автором закономерность в качестве объективной и всеобщей связи даже в отношении социалистического строя. Развитие социалистической системы, начиная с 80-х гг. прошлого века показало, что капиталистические формы собственности могут быть актуальными и для социализма. Более того, это придало дополнительный импульс некоторым социалистическим странам, в частности, Китаю.

Все сказанное в совокупности свидетельствует о том, что выделяемые на основе идеологических критериев закономерности развития советского общества носили искусственный характер. Такие же пороки имелись и у соотносимых с ними принципах права. Достаточно сказать, что Н.Г. Александров в числе принципов права не упоминает ни законность, ни демократизм, ни справедливость. Отметим, что состав принципов права, предлагаемый другими исследователями, в частности, Е.А. Лукашевой и С.С. Алексеевым, более обоснованы, хотя их труды опубликованы почти одновременно с работой Н.Г. Александрова.

Между тем возникает закономерный вопрос: могут ли принципы права формироваться и полноценно осуществлять свои функции (например, обеспечивать полноту правового регулирования, устраняя пробелы и преодолевая коллизии), не будучи закрепленными (отраженными) в праве? Как было отмечено выше, принципы права признаются реальными регуляторами общественных отношений в рамках естественно-правового типа правопонимания. Естественно – правовая традиция рассматривает право как меру свободы и справедливости, возникшую вместе с человеком⁷. Интересен и такой момент теории естественных прав, как неизменчивость⁸, т.е. постоянство. Эта черта сближает теорию естественных прав с принципами права. Безусловно, базовые идеи могут влиять на поведение больших групп насе-

ления и без закрепления в актах органов публичной власти. Для представителя юридического позитивизма такие идеи, хотя и господствующие в сознании общества или значительной его части, не могут быть признаны полноценными правовыми явлениями, в частности, принципами права. Однако признание не закрепленных в «правовой материи» принципов права в качестве полноценных правовых явлений возможно и в рамках социологического типа правопонимания. Очевидно, если какие-то идеи, положения в реальности будут исполняться в качестве ведущих социально-правовых правил, порождая правовые отношения, то они могут быть отнесены к принципам права. В рамках социологического подхода имеется концепция, указывающая на первичность практики (взаимодействия людей) при формировании правовых правил⁹.

Признание различных начал, идей в качестве принципов права без соответствующей правовой объективизации также зависит от вида правовой общности. Это означает, что принципы права имеют и сравнительно-правовое измерение. Следует отметить, что теоретические конструкции, выводы о принципах права, распространенные в отечественной юридической науке, в большей степени остаются в рамках традиции романо-германской правовой семьи. Установки позитивизма удачно сочетаются с правовой реальностью, характеризующейся ведущей ролью нормативного правового акта в системе источников права. Указанная черта была присуща и советскому праву, хотя некоторые исследователи относили его к социалистической правовой системе¹⁰. Однако в правовой картине мира есть и другие правовые общности, в частности, правовые семьи религиозного и обычного права. При их исследовании приходится считать с реальностью: не закреплённые в обязательных формах правила исполняются всеми или абсолютным большинством. В частности, это относится к странам, где господствуют традиции мусульманской правовой семьи. Определяющее значение при формировании принципов мусульманского права сыграли разработки мусульманских правоведов. Это связано с тем, что для реализации норм шариата не нужны гарантии со стороны государства. Фактически мусульманское право является правом религиозной общины. Неизменность значительного числа положений шариата и ограниченность деятельности органов власти по формированию правовых привели к развитию такого источника права, как правовая доктрина. Роль и значение доктрины в мусульманском праве и в шариате целом, значительны или определяющие. По словам Л.Р. Сюкияйнена, в рамках доктрины была создана большая часть норм действующего мусульманского права¹¹. Немецкий исследователь мусульманского права Й. Шхат отмечал, что «мусульманское право является замечательным примером «права юристов». Оно было создано и развивалось частными лицами»¹².

Это касается и принципов исследования исламского права. Они сформированы правоведами на основе толкования всех источников мусульманского права и анализа практики его конкретных норм¹³. Следовательно, принципы права (религиозного права) имеют действительную силу независимо от их закрепления в законодательстве или в иных формах права. Заметим, что принципы мусульманского права формулируются исламской наукой, богословием и становятся обязательными для представителей мусульманской религии в силу известных догматов. Не закреплённость принципов мусульманского права в общеобязательных правилах, скорее всего, повлияли на утверждение, согласно которому «в традиционных правовых системах понятие «принципы права» как таковое не сложилось, хотя и существует комплекс основополагающих идей, которые являлись принципами права»¹⁴. Этот вывод касается и правовых систем обычного права. Приблизительная такую же картину мы можем увидеть и в праве, которое относится к правовым системам обычного права. Общеизвестно, что обычай может не иметь письменную форму выражения; более того, как правило, обычай выражается устно. Лица, население исполняют требования обычая, поскольку они обязательны в сознании и даже подсознании; поведение, предписываемое обычаем, становится привычным и мас-

¹ Теория государства и права. / под ред. Н.Г. Александрова. 2-изд., доп., и переб. М., 1974. С.378.

² Там же. С. 379.

³ Алексеев С.С. Проблемы теории права. курс лекции в двух томах. Свердловск., Т. 1...С.107.

⁴ Там же.С.108. 109.

⁵ Теория государства и права./ под ред. Н.Г. Александрова. 2-изд., доп., и переб..С.380.

⁶ Там же.

⁷ Бернацкий Г.Г. Естественное право. Права человека. Мораль. СПб., 2000. С. 10, 11, 13; Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1997.С.32–35.

⁸ Новгородцев П. Право естественное//Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1898. Т. 48.С.885.

⁹ Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М.,2012. С. 14–18.

¹⁰ Например. Ансельм М. Методологические вопросы сравнительного права// Очерки сравнительного права (сборник). / Составитель., перевод и вступ. статья д.ю.н., профессора В.А. Туманова.М., 1991.С.52; Давид Р. Основные правовые системы современности.М.,1994. С. 24, 111–114.

¹¹ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986. С. 69, 71–78 и др.;

¹² Schacht I. An Introduction to Islamic Law. N.Y.: Oxford University Press, 1982. С.5.

¹³ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики..С.73.

¹⁴ Муромцев Г.Н. Источники права// Теория государства и права./ Под ред. Г.Н. Манов.: учебник для вузов.М., 1995. С. 172.

совым. Постоянное повторение, реализация давали жизнь обычаю и позволяли обходиться без письменной формы. Конечно, это касалось и принципов обычного права. Они также могли ограничиваться устной формой. Письменная форма обычая вторична; она приобретает путем сбора и переписи обычаев с целью «инвентаризации» и последующей систематизации. При этом, если при сборе и фиксации в письменной форме произойдут изменения содержания, а в последующем внесут дополнения и органы власти, то обычай может трансформироваться в сторону нормативного правового акта. Как говорится, обычай может «умереть». Однако между процессами формирования и выражения принципов религиозного и обычного права имеются существенные отличия: принципы религиозного права конструируются ведущими представителями соответствующей богословской школы и выражаются в виде о требования, ответа на вопрос или сочинения; принципы обычного права формируются из социальной практики и находятся в общественном сознании. Принципы обычного права вряд ли могут быть специально установлены.

В научной литературе конкретизируются формы закрепления принципов права в «правовой материи». Выше мы изложили позицию С.С. Алексеева и Е.А. Лукашевой. Как было указано, между ними имеются существенные различия. Значительная часть исследователей правовых принципов одобряют утверждение, согласно которому принципы права выражаются в «идеях-принципах»¹. Такое закрепление предлагалось «непосредственным»². В таких случаях принципы права воспроизводятся в «принципах-нормах». Таких норм можно определить по широте и важности регулируемых ими отношений. По словам Р.З. Лившица и В.И. Никитинского, они служат для остальных норм правовой основой; чаще всего могут отражаться в общих положениях и начальных статьях законодательных актов³. Этот вид принципов должен соблюдаться «жестко». Подобно другим нормам, «нормы – принципы» составляются органами законодательной власти. Это касается и состава, и содержания. Также утверждается, что эта группа принципов имеет большую юридическую силу, чем принципы второго вида⁴. Вторая группа вид принципов (принципы, которые надо вывести из нормативного материала) находится в скрытом виде. Эта группа принципов значительно отличается от норм-принципов.

В частности, по мнению авторов, они не содержат правовых установлений; отражают тенденции правового регулирования в той или иной области прав, характеризуют правовые средства, с помощью которых принципы осуществляют правовое регулирование; характеризуют область права «главным образом» по методу правового регулирования (а «нормы – принципы» – по предмету правового регулирования); состав принципов («выводимых») законодательно однозначно не определен и их применение не носит жесткого характера; они играют значительную роль при толковании правовых норм и восполнении пробелов в правовом материале⁵. Конечно, перед нами утверждения, которые выдвинуты еще пол века назад. С тех пор многое изменилось как в праве, так и в методологии. Однако многие выводы представляются актуальными и интересными. В частности, утверждение авторов, что предмет и метод правового регулирования характеризуют исходные положения этой отрасли, т.е. принципы. В «нормах-принципах» воля законодателя непосредственно реализуется в правах и обязанностях. В нормах же выводимых, воля законодателя реализуется в средствах, методах, приемах правового регулирования и через них – в отдельных нормах менее общего значения⁶.

Интересен и состав принципов приведенных групп. К числу норм-принципов относят: народовластие, равноправие, интернационализм, законность, ответственность за вину⁷. Обратим внимание на то, что все приведенные принципы были отражены в Конституции СССР 1977 года. Ко второй группе принципов авторы относят демократизм, гуманизм, справедливость, единство прав и обязанностей, сочетание убеждения и принуждения⁸. Нетрудно увидеть, что в этой группе

«скрытых» принципов оказались базовые начала современного права. Особенно это касается справедливости, демократизма и гуманизма.

Можно указать на одну особенность подхода к правовым принципам, который был характерен для советского периода: в форме «норм-принципов» закреплялись в основном сугубо классовые начала, а принципы, тяготеющие к общечеловеческим ценностям, были «растворены» в нормативном массиве. В советский период научная теория принципов права была далека до полного оформления. В некоторых учебниках по теории государства и права ничего не сказано о принципах права⁹.

Однако были адекватные и глубокие выводы. Так, С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, в целом одобряя позицию Р.З. Лившица и В.И. Никитинского, указывают на зависимость способа закрепления принципов от выполняемых ими функций. По их мнению, для осуществления идеологической функции достаточно провозглашение того или иного принципа путем закрепления их в преамбуле закона¹⁰. Однако при осуществлении регулятивных и охранительных функций принципы должны быть «внедрены в саму материю уголовного права»¹¹. Эти утверждения представляются справедливыми. Действительно, для полноценного регулирования общественных отношений необходимы настоящие, «полновесные» нормативные правила, достигшие соответствующего уровня определенности.

В современный период отсутствует идеологический монизм в исследованиях принципов права. Однако споры и дискуссии не прекратились. Конечно, ушли в прошлое те идеологические и классовые фантомы, которые были продиктованы упрощенным марксизмом. Элементарное сравнение показывает, что остаются проблемы определения, классификации и содержания принципов права. По-прежнему много учебников по теории государства и права, в которых нет тем о принципах права¹²; крайне мало учебников, включающих в содержание полноценную тему (главу) о принципах права¹³; не совпадают конкретные перечни принципов права (так, известный отечественный теоретик права А.Ф. Черданцев в числе общеправовых принципов приводит «принцип закрепления и охраны разнообразных форм собственности»¹⁴; В.Н. Симонов включил в «свой» перечень «принцип федерализма в устройстве государства и строения правовой системы»¹⁵; В.И. Леушин же считает, что в состав общеправовых принципов должен входить «принцип правосудия»¹⁶ и т.п.). Такая ситуация порождает ряд вопросов. В частности, почему же содержательно перечни у исследователей не совпадают? Причем разночтения наблюдаются у представителей одной научной школы и даже одного структурного подразделения вуза или академического учреждения. Утверждение о том, что принципы права должны отражать закономерности права, стало типическим и даже общепринятым. В.В. Болгова обоснованно указывает, что в принципах права воплощаются его субъективное восприятие членами общества, их нравственные и правовые взгляды, чувства, требования, выражаемые в различных учениях, теориях, направлениях правопонимания¹⁷. Нам кажется, это ситуация еще драматичнее. На самом деле позиции о принципах права «окутаны» субъективизмом.

Видимо, отражаются разные и даже полярные представления о закономерностях правовой жизни. Более того, в значительной степени это происходит на индивидуальном уровне. Уместно вспомнить и другое понимание принципа: внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности¹⁸. Наличие разночтений

⁹ Например: Теория государства и права/ под ред. С.С. Алексеева. М., 1985; Проблемы теории государства и права/ под ред. С.С. Алексеева. М., 1987 и др.

¹⁰ Келина С.Г. и Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права.. С.29.

¹¹ Там же.

¹² Например: Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб.-2-изд, перераб. и доп. – М., 2009. – 640 с.; Теория государства и права: учебник/ под. общ. ред. О.В. Мартышова. М., 2009. 496 с.; Теория государства и права: учебник/ коллектив авторов: под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2016. -472 с. и др.

¹³ Исключением можно признать учебник под редакцией В.К. Бабаева, в котором обстоятельно раскрыты существенные моменты принципов права: Теория государства и права/ под ред. В.К. Бабаева. М., 2001. С. 222–235 (автор главы –В.Н.Карташов).

¹⁴ Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2001. С. 187.

¹⁵ Проблемы теории государства и права: учебник / под. ред. А.В. Малько. М., 2012. С.114.

¹⁶ Теория государства и права: учебник для вузов./ проф. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – 2-изд., изм. и доп. – М., 2003. С.246.

¹⁷ Болгова В.В. Понятие и система принципов права./ Актуальные проблемы правоведения. 2003. № .3. С.16.

¹⁸ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С.1072.

¹ Васильев А.В. О правовых идеях-принципах// Советское государство и право.. 1975. № .3. С. 11 и др. Явич Л.С. Право развитого социального общества. Сущность и принципы. С. 198 и др; Лившиц Р.З., Никитинский В.И. Принципы советского трудового права// Советское государство и право. 1974. № .8. С. 31–39; Смирнов О.В. Соотношение норм и принципов в советском праве// Советское государство и право.. 1977. № .2. С. 11–18 и др.

² Лившиц Р.З., Никитинский В.И. Принципы советского трудового права// Советское государство и право. 1974. № .8. С. 31

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 32–33.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 33.

в позициях исследователей о принципах права можно объяснить утвердившимся в науке методологическим плюрализмом и доктринальным происхождением самих позиций. Однако нет единства и в оценке «закрепленных» принципов права.

Думается, подходы к перечню принципов права должны стать предметом системного, скрупулёзного анализа.

Подводя итоги, можно констатировать, что принципы права, хотя и изучались представителями юридической науки с 50 х.гг. прошлого века, содержат ряд проблем, которые необходимо решить. Это касается, прежде всего, понятия, сущностных признаков принципов права и необходимости их закрепления в законодательстве и иных формах права. Очевидно, что с уходом в прошлое в качестве обязательной основы методологии марксизма, некоторые идеологические обоснования потеряли свою убедительность.

Литература

1. Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29
2. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. Симферополь, 1919. – 161 с.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1966. – 187 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. – 360 с.
5. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / Алексеев С.С. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
6. Алексеев С.С. Правовое государство – судьба социализма. Научно-публицистический очерк. М., 1988. – 175 с.
7. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекции в двух томах. Свердловск., Т. 1. Свердловск., 1972. – 396 с.
8. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. – 223 с.
9. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекции. М.: Статут., 2010. – 781 с.
10. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. – 264 с.
11. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. – 220 с.
12. Ансельм М. Методологические вопросы сравнительного права // Очерки сравнительного права (сборник). / Состав., перевод и вступ. статья д.ю.н., профессора В.А. Туманова. – М., 1991. – С. 187–188
13. Болгова В.В. Понятие и система принципов права // Актуальные проблемы правоведа. 2003. № 3. – С. 12–18.
14. Брайан З. Таманаха. Пер. В.М. Куприянова Понимание правового плюрализма: от прошлого к настоящему, от локального к глобальному // Право и применение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов/ науч. Ред. Э.Д. Панеях; лит.ред. А.М. Кадникова. М., 2014. – С. 131–184.
15. Братусь С.Н. Предмет и система гражданского права. М., 1963. – 197 с.
16. Васильев А.В. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. М., 1975. № 3. – С. 11–18
17. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов (по изданию) М., 1913. – 152 с.
18. Ведахин В.М., Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права. Самара, 2005. – 146 с.
19. Волос А.А. Генезис учения о принципах гражданского права: от истории к современности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). – С. 7–13
20. Воронов А.Ф. О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12. – С. 47–58
21. Добровольская Т.П. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. – 199 с.
22. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1994–496 с.
23. Зажицкий В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 1. – С. 92–97.
24. Ершов В.В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы // Принципы права: проблемы теории и практики: Материалы XI международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч.1 (разделы I–IV). М.: РГУП, 2017. – С. 14–39.
25. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. – 176 с.
26. Костеловский В. Принцип // Философская энциклопедия в 5ти томах. Т. 4. М., 1967. – 737 с.
27. Лаврусь С.Ю. Реализация принципов права в юридической а. практике: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. – 239 с.
28. Лившиц Р.З., Никитинский В.И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. – С. 31–39.
29. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. – С. 21–29.
30. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб.-2-изд, перераб. и доп. – М., 2009. – 640 с.
31. Муромцев Г.Н. Источники права // Теория государства и права. / Под ред. Г.Н. Манова. Учебник для вузов. М., 1995. – 512 с.
32. Новгородцев П. Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. СПб., 1898. Т. 48. – С. 885
33. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. – 271 с.
34. Придворов Н.А. Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. – 400 с.
35. Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987–446 с.
36. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько. М., 2012. – 591 с.
37. Савицкий М.Я. К вопросу о гласности принципов советского уголовного процесса // Советское государство и права. 1950. № 1. – С. 45–46
38. Семенов В.М. Принципы советского социалистического права // Правоведение. 1964. № 1 – С. 66–69.
39. Свидерский Р.А., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970. – 126 с.
40. Смирнов О.В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. – С. 11–18
41. Смирнов О.В. Основные принципы советского трудового права. М., 1977
42. Соколова А.А. Социальные аспекты понятия «правообразования» // Государство и право. 2004. № 7. – С. 80–84.
43. Степанян В.В. Механизм выражения интересов в социалистическом праве // Советское государство и право. 1982. № 5. – С. 52–60.
44. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. – 703 с.
45. Сюкиянен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики., 1986. – 254 с.
46. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М., 2021. – 684 с.
47. Теория государства и права. М., 1947. – 376 с.
48. Теория государства и права. / Под ред. Н.Г. Александрова. 2-изд., доп., и перераб. М., 1974. – 662 с.
49. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1985–479 с.
50. Теория государства и права/ под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. — 592 с.
51. Теория государства и права: Учебник для вузов. / проф. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – 2-изд., изм. и доп. – М., 2003. – 616 с.
52. Теория государства и права / отв. Ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Изд. 2-е, перераб. и доп. 1987. – 549 с.
53. Теория государства и права. 2-е изд. / Под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. М., 2008. – 752 с. Теория государства и права: учебник/ под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2009. 496 с
54. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. – 671 с.
55. Теория государства и права: учебник/ коллектив авторов: под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2016. – 472 с
56. Томин В.Г. О понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МОЮ РСФСР. Вып. 12. М., 1965. – С. 193–195.
57. Трофимов В.В. Формирование правовых принципов // Принципы российского права: общетеоретические и отраслевые аспекты / Н.И. Матузов, А.В. Малько, К.А. Струсь и др): под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов: изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2010. – С. 52–86.
58. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М., 2001. – 432 с.
59. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведа. Казань, 1898. – 46 с.
60. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. – 840 с.
61. Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1997. – 647 с.
62. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. – 439 с.
63. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М., 1978. – 224 с.
64. Schacht I. An Introduction to Islamic Law. N.Y.: Oxford University Press, 1982. – p.215–285

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE PRINCIPLES OF LAW

Suleymanov B.B.

North Caucasus Institute (branch) All-Russian State University of Justice

The principles of law are an important legal means that determines the direction of legal regulation and maintains the unity of the legal system. In the current period of development of domestic legal science, the principles of law are studied both from the perspective of general legal theory and from the perspective of branch legal sciences. However, many provisions of the principles of law remain controversial. The main goal of this research is to analyze the most significant aspects of the principles of law as legal means. The research uses various methods of legal cognition, including comparative legal, logical, historical, and dogmatic methods. The author substantiates the conclusion that in the 1960s and 1980s, Soviet legal science achieved significant progress in studying the principles of law. However, ideological monism limited the researcher's capabilities. In the modern era, it is crucial to conduct systematic research on the fundamental aspects of the principles of law.

Keywords: law, principles of law, patterns of law, ideas of law, methodology of law, legal regulation, legal pluralism.

References

1. Alexandrov N.G. Socialist principles of Soviet law // Soviet state and law. 1957. No. 11. Pp. 16–29.
2. Alekseev N.N. General doctrine of law. Simferopol, 1919. – 161 p.
3. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist society. M., 1966. – 187 p.
4. Alekseev S.S. General theory of law: in 2. T1. M., 1981. – 360 s.
5. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy. Experience of comprehensive research / Alekseev S.S. – M.: Statute, 1999. – 712 p.
6. Alekseev S.S. The rule of law is the fate of socialism. Scientific and journalistic essay. M., 1988. – 175 p.
7. Alekseev S.S. Problems of legal theory. Lecture course in two volumes. Sverdlovsk., T.1.Sverdlovsk., 1972. – 396 p.
8. Alekseev S.S. Social value of law in Soviet society. M., 1971. – 223 p.
9. Alekseev S.S. Problems of the theory of law: Lecture course. M.: Statut., 2010. – 781 p.
10. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. M., 1975. – 264 p.
11. Alekseev S.S. State and law. Beginner course. M., 1994. – 220 p.
12. Anselm M. Methodological Issues of Comparative Law // Essays on Comparative Law (collection). / Compilation, translation and introduction by Doctor of Law, Professor V.A. Tumanov. – Moscow, 1991. – Pp. 187–188
13. Bolgova V.V. Concept and System of Principles of Law // Actual Problems of Jurisprudence. 2003.No. . – Pp. 12–18.
14. Brian Z. Tamanaha. Trans. V.M. Kupriyanov Understanding Legal Pluralism: From Past to Present, From Local to Global // Law and Application in the Mirror of Social Sciences: Anthology of Modern Texts / Scientific. Ed. E.D. Paneyakh; Literary Ed. A.M. Kadnikova. Moscow, 2014. – Pp. 131–184.
15. Bratus S.N. The Subject and System of Civil Law. Moscow, 1963. – 197 p.
16. Vasiliev AV On Legal Ideas-Principles // Soviet State and Law. Moscow, 1975. No. 3. – Pp. 11–18
17. Vas'kovsky EV Guide to the Interpretation and Application of Laws (based on the edition) Moscow, 1913. – 152 p.
18. Vedyakhin VM, Surkova OE Factors in the Formation and Implementation of the Principles of Law. Samara, 2005. – 146 p.
19. Volos AA Genesis of the Doctrine of the Principles of Civil Law: From History to the Present // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2022. No. 4 (14). – Pp. 7–13
20. Voronov A.F. On the Concept, Meaning, and Normative Formation of the Principles of Civil and Arbitration Procedural Law // Legislation. 2003. No. 12. – Pp. 47–58
21. Dobrovolskaya TP Principles of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1971. – 199 p.
22. David R. The Main Legal Systems of Our Time. Moscow, 1994–496 p.
23. Zazhitsky V.I. Legal Principles in the Legislation of the Russian Federation // State and Law. 1996. No. 1. – Pp. 92–97.
24. Ershov VV Principles of Law: Current Theoretical and Practical Problems // Principles of Law: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. – Part 1 (sections I–IV). Moscow: Russian State University of Printing Arts, 2017, Pp. 14–39.
25. Kelina, S. G., Kudryatsev, V.N. Principles of Soviet Criminal Law. Moscow, 1988, 176 p.
26. Kostelovskiy, V. Principle. Philosophical Encyclopedia in 5 Volumes, Vol. 4, Moscow, 1967, 737 p.
27. Lavrus, S. Yu. Implementation of Legal Principles in Legal Practice: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Samara, 2005, 239 p.
28. Livshits, R. Z., Nikitinsky, V.I. Principles of Soviet Labor Law. Soviet State and Law. 1974, No. 8, Pp. 31–39.
29. Lukasheva, E.A. Principles of Socialist Law// Soviet State and Law. 1970. No. 6. – Pp. 21–29.
30. Marchenko M.N. Theory of State and Law: Textbook. 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow, 2009. – 640 p.
31. Muromtsev G.N. Sources of Law // Theory of State and Law. / Ed. G.N. Manov. Textbook for universities. Moscow, 1995. – 512 p.
32. Novgorodtsev P. Natural Law // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. St. Petersburg, 1898. Vol. 48. – Pp. 885
33. Polyansky N.N. Issues in the Theory of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1956. – 271 p.
34. Pridvorov N.A. Trofimov V.V. Law Formation and Law-Forming Factors in Law. Moscow, 2012. – 400 p.
35. Problems of the Theory of State and Law / edited by S.S. Alekseev. Moscow, 1987. – 446 p.
36. Problems of the Theory of State and Law: textbook / edited by A.V. Malko. Moscow, 2012. – 591 p.
37. Savitsky M. Ya. On the Issue of Publicity of the Principles of Soviet Criminal Procedure // Soviet State and Law. 1950. No. 1. – Pp. 45–46
38. Semenov V.M. Principles of Soviet Socialist Law // Jurisprudence. 1964. No. 1 – Pp. 66–69.
39. Svidersky R.A., Zobov R.A. New Philosophical Aspects of Elemental-Structural Relations. L., 1970. – 126 p.
40. Smirnov O.V. Correlation of Norms and Principles in Soviet Law // Soviet State and Law. 1977. No. 2. – Pp. 11–18
41. Smirnov O.V. Basic Principles of Soviet Labor Law. Moscow, 1977
42. Sokolova A.A. Social Aspects of the Concept of “Legal Formation” // State and Law. 2004. No. 7. – Pp. 80–84.
43. Stepanyan V.V. Mechanism of Expression of Interests in Socialist Law // Soviet State and Law. 1982. No. 5. – Pp. 52–60.
44. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1958. – 703 p.
45. Syuklanen L.R. Muslim law: issues of theory and practice., 1986. – 254 p.
46. Syukiyainen L.R. Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World. Moscow, 2021. – 684 p.
47. Theory of State and Law. Moscow, 1947. – 376 p.
48. Theory of State and Law. / Ed. by N.G. Alexandrov. 2nd ed., supplemented, and reprinted. Moscow, 1974. – 662 p.
49. Theory of State and Law / Ed. by S.S. Alekseev. Moscow, 1985. – 479 p.
50. Theory of State and Law / Ed. by V.K. Babaev. Moscow, 2003. – 592 p.
51. Theory of State and Law: Textbook for Universities. / Prof. V.M. Korelsky and V.D. Perevalov. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow, 2003. – 616 p.
52. Theory of State and Law / Ed. A.I. Korolev, L.S. Yavich. 2nd ed., revised and enlarged. 1987. – 549 p.
53. Theory of State and Law. 2nd ed. / Ed. A.S. Pigolkin, Yu.A. Dmitriev. Moscow, 2008. – 752 p. Theory of State and Law: textbook / Ed. O.V. Martyshchina. Moscow, 2009. 496 p.
54. Theory of State and Law / Ed. N.I. Matuzov, A.V. Malko. Moscow, 1997. – 671 p.
55. Theory of State and Law: textbook / collective of authors: edited by O. Yu. Rybakov. Moscow, 2016. – 472 p.
56. Tomin, V.G. On the Concept of the Principle of Soviet Criminal Procedure // Proceedings of the Higher School of the Moscow International Educational Institution of the RSFSR. Issue 12. Moscow, 1965. – Pp. 193–195.
57. Trofimov, V.V. Formation of Legal Principles // Principles of Russian Law: General Theoretical and Sectoral Aspects / N.I. Matuzov, A.V. Malko, K.A. Strus, et al.): edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Saratov State Academy of Law”, 2010. – Pp. 52–86.
58. Cherdantsev, A.F. Theory of State and Law: A Textbook for Universities. Moscow, 2001, 432 p.
59. Shershenevich, G.F. Tasks and Methods of Civil Law. Kazan, 1898, 46 p.
60. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1983, 840 p.
61. Nersesyants, V.S. Philosophy of Law. Moscow, 1997, 647 p.
62. Yudelson, K.S. Soviet Civil Procedure. Moscow, 1956, 439 p.
63. Yavich, L.S. Law of a Developed Socialist Society (Essence and Principles). Moscow, 1978, 224 p.
64. Schacht, I. An Introduction to Islamic Law. N.Y.: Oxford University Press, 1982. – p.215–285

Проблема загрязнения окружающей среды, вызванная накоплением производственных и бытовых отходов в Российской Федерации

Дуб Станислав Николаевич,

доцент кафедры земельного, трудового и экологического права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубиллина
E-mail: samsung072016dvs@gmail.com

Ананикова Мария Шотаевна,

студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубиллина
E-mail: ananikovam@bk.ru

Крафт Екатерина Алексеевна,

студент, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубиллина
E-mail: katrina.kraft.44@mail.ru

Цель исследования заключается в определении наиболее острых и глобальных проблем в сфере загрязнения окружающей среды различными видами отходов для того, чтобы разработать меры их разрешения. В статье рассматриваются ключевые проблемы в области экологического права, вызванные загрязнением окружающей среды производственными и бытовыми отходами в Российской Федерации. Научная новизна данной темы заключается в выявлении взаимосвязи между структурой промышленности, климатическими условиями, логистикой и накоплением отходов в конкретных регионах РФ. Актуальность выбранной темы обусловлена значимостью защиты окружающей среды, осуществляемой нашим государством и общественностью. В результате проделанной работы авторами осуществляется оценка влияния накопленных отходов на экосистемы и здоровье населения в долгосрочной перспективе на конкретных территориях, приводятся предложения по совершенствованию экономических инструментов и стимулированию «зелёных» технологий.

Ключевые слова: окружающая среда, бытовые отходы, общественность, экологические преступления, загрязнение, экологическое право.

Введение

В связи с развитием общества появляются различные экологические проблемы, которые требуют особого внимания с точки зрения законодательного регулирования, в связи с тем, что нормы экологического права регулируют общественные отношения, связанные с охраной окружающей среды. Окружающая среда является важным составляющим социальных благ, которые необходимы для развития общества, поэтому сталкиваясь с проблемами загрязнения окружающей среды, социум часто возлагает ответственность за экологическое управление на государство. Беспокойство общественности из-за ухудшения состояния окружающей среды может стать средством воздействия на органы государственной власти, которые с большей эффективностью будут способствовать улучшению состояния экологической обстановки. Под воздействием общественного мнения и в силу ответственности государственная власть, скорее всего, примет строгие меры по экологическому регулированию, что приведёт к положительному результату.

Кроме того, государственный экологический надзор может привлечь внимание общественности к экологическим проблемам с помощью средств массовой информации, с помощью использования газет, интернет-ресурсов, аудио- и телеканалов и т.д., что позволит большому количеству людей и предприятий осознать серьезность экологических проблем и их последствия, а также вызовет вовлеченность в решение указанных проблем [1, с. 189].

Актуальность выбранной темы для написания научной работы объясняется тем, что объекты экологического права находятся под особой защитой государства с целью сохранения благоприятной экосистемы и рационального использования природных ресурсов. Кроме того, данная тема требует более тщательного изучения, поскольку нуждается в усовершенствовании правовых норм в области экологического права. Обозначенная необходимость состоит в том, что человечество активно потребляет природные ресурсы, в процессе чего происходит их истощение. Экологическое право в Российской Федерации представляет собой самостоятельную отрасль права, включающую комплекс правовых норм, которые на федерально или региональном уровнях координируют отношения в сфере использования ресурсов природы. На законодательном уровне регулируются вопросы сохранения и защиты экологии.

Обсуждение и результаты

В частности, в статье 42 Конституции Российской Федерации утверждается, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, получение актуальной информации о ее экологических данных. Кроме того, лицо, понесшее ущерб в результате противоправного экологического деяния, выражающегося в действии или бездействии, имеет право на возмещение имущественного и личного неимущественного вреда. Данный факт заключается в том, что экологическая система взаимосвязана с экономикой страны, социальными интересами всего человечества, возникающими в результате динамического развития общества. Следствием вышеуказанного социального прогресса является появление широкого спектра проблем, оказывающих негативное влияние на весь природный комплекс, например, загрязнение природной среды отходами производства и потребления. К проблемам в сфере экологического регулирования, вызванных загрязнением окружающей среды отходами производства и потребления можно отнести пробелы в законодательстве, коллизии правовых норм, неполноценное регулирование новых экологических проблем, архаичность норм, недостаток контроля, следствием вышеуказанных проблем являются изменение климатических условий, загрязнение среды обитания, истощение полезных ископаемых, элиминация отдельных видов живых организмов, внесенных в Красную книгу и другие [2, с. 134–135].

Одной из первоначальных проблем, возникших в области массового загрязнения отходами экосферы, являются пробелы в законода-

тельстве, которые возникают в связи с тем, что государство не всегда успевает приспособиться к новым природным проблемам, вызванным технологическим прогрессом. Следствием развития общества является увеличение объемов промышленных отходов и мусора, в связи с чем возникает необходимость применять разделение отходов, в частности, это касается промышленных предприятий, так как именно они чаще всего не соблюдают сортировку мусора и правильное уничтожение отходов [3, с. 176]. Следовательно, требуется ввести в экологическое законодательство Российской Федерации ответственность за несоблюдение сортировки мусора и его утилизацию на предприятиях, которое приводит к накоплению отходов на полигонных захоронениях, загрязнению почвы, снижению уровня ее плодородия.

Следующей не менее важной экологической проблемой является загрязнение атмосферного воздуха, вызванное выбросами вредных веществ от работы транспортных средств, поскольку большинство людей в современном обществе используют машины, работающие на бензине. Это способствует развитию заболеваний органов дыхательной системы, а также повышению коэффициента смертности. Кроме того, это оказывает негативное влияние на экосистему ввиду содержания углекислого газа в автомобильных выхлопах, что приводит к климатическим изменениям. Для решения данной проблемы мы предлагаем переход на электрические транспортные средства, которые являются более экологически чистыми в силу того, что не выбрасывают отработанные газы, что особо значимо для мегаполисов.

Следует обратить внимание на такую серьезную экологическую проблему, которая может быть вызвана засорением природы различными отходами, ранее упомянутая в нашей научной работе – изменение климата в виде глобального потепления. Глобальное потепление – это природный процесс, заключающийся в регулярном увеличении температуры воздуха, что выражается в отрицательном воздействии на весь природный комплекс. Основной причиной глобального потепления выступает выброс углекислого газа, который осуществляется в природе по различным причинам. Примерами будут являться рубка лесных насаждений в производственных и личных целях; добыча полезных ископаемых, потому как недра земли содержат углерод, который в процессе сжигания преобразовывается в углекислый газ [4, с. 349]. Наряду с углекислым газом, влияющим на глобальное потепление, вспомогательной причиной парникового эффекта является метан, который поступает в атмосферу из различных источников. Данные причины бывают естественными (природными) и антропогенными. Одним из примеров природного фактора выступает развитие животноводства в сельскохозяйственных районах, что особенно актуально в Краснодарском крае, а убыль метана из газопровода или иных хранилищ будет относиться к фактору, вызванному человеком. Наиболее острыми последствиями глобального потепления являются экстремальные тепловые условия (например, засуха в 2025 году в Краснодарском крае), видоизменение среды обитания животного и растительного мира, что создает угрозу их вымирания, ухудшение состояния здоровья людей и другие. Для устранения проблемы необходим комбинированный подход в силу того, что решение требует объединения способов воздействия. Таким образом, мы предлагаем сократить выброс вредных газов за счет восстановления лесного комплекса, уменьшения количества отходов, перехода на солнечные батареи, внедрения подземных горных работ, что поможет снизить уровень выброса углекислого газа и метана в атмосферу, а также сохранить природную систему [5, с. 8].

Необходимо заметить, что особо опасной проблемой признается незаконная вывозка мусора, результатом которой является стихийный мусорный полигон. Образование свалок осуществляется вследствие ряда проблем, которые принято условно делить на организационные, экономические и антропологические. Одной из ключевых причин выступает недостаточная доступность к мусорным бакам, особенно в сельской местности, а также отсутствие необходимой организованности в сфере вывоза мусора. Зачастую в частном секторе мусорные контейнеры находятся далеко, либо вовсе отсутствуют, что влечет за собой создание незаконных свалок и выброс мусора в неположенных местах, который приводит к вредным последствиям для всей окружающей среды. В различных субъектах Российской Федерации действуют компании, отвечающие за управление твердыми коммунальными отходами. К сожалению, не все организации осуществляют свою деятельность добросовестно, нередко пренебрегают графиком вывоза мусора, что приводит к чрезмерному заполнению мусорных контейнеров, из чего следует загрязнение почв токсичными веществами, распространение неприятного запаха, а также употребление животными нежелательных отходов, например, полиэтиленовых пакетов, угрожающих их жизни и здоровью. Для предотвращения вышеуказанных проблем мы можем предложить установку дополнительных му-

сорных баков, служащих дополнительными средствами при большом количестве отходов, также необходимо внедрить большое количество сортировочных баков в сельской местности, которые позволят уничтожать и перерабатывать мусор эффективнее и предотвращать его скопление, а также установить материальную ответственность за несоблюдение данных требований. Важно обучать население страны и создавать информационные каналы и сайты, которые будут направлены на просвещение людей правильной сортировке мусора, что позволит предотвратить загрязнение окружающей среды. Кроме того, в Российской Федерации действует юридическая ответственность за выжигание мусора, опасное для жизни и здоровья людей и окружающей среды в целом. Существуют определенные требования к сжиганию мусора (наличие выемки глубиной не менее тридцати сантиметров, отсутствие ветра, токсичных отходов и т.д.). Ст. 8.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) устанавливает штрафные санкции для лиц, выжигающих сухую траву, хворост и иные материалы, расположенные на территории леса. Не выполнение данных требований влечет ухудшения положения окружающей среды, что возможно предотвратить нашими предложениями [6, с. 153].

Еще одной не менее важной и острой проблемой является минимальный размер санкций, а именно штрафов за нарушение норм экологического законодательства. Все новейшие технологии и экологически чистые оборудования стоят больших сумм, что невыгодно для приобретения малому и среднему бизнесу, так как их затраты на дорогостоящее оснащение не будут полностью восполнены. Например, предприятия легче нарушить норму законодательства и выплатить штраф или понести наказание, чем ввести новые технологии по переработке и утилизации мусора и отходов. Данный факт обусловлен тем, что штрафы в законодательстве Российской Федерации имеют небольшую величину и несопоставимы затратам компаний на законное и безопасное уничтожение мусорных отходов. Так, стоимость установки оборудования по переработке отработанных масел может варьироваться от 15 тыс. до 30 тыс. за 1 тонну, а как мы понимаем, что в переработку необходимо направить не 1 тонну, а как минимум 10 тонн, что уже будет очень затратно для компании, которая может не иметь стабильного и крупного заработка, поэтому в подобной ситуации им проще нарушить норму и понести наказание в виде штрафа от 5 тыс. до 15 тыс. Например, ст. 8.2 КоАП РФ предусматривает ответственность за несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировке, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления влечет штраф в размере от 10 тыс. до 30 тыс. для физических лиц и от 100 тыс. до 200 тыс., тогда как направить отработанное масло на переработку будет стоить от 150 тыс. до 300 тыс., что значительно больше суммы штрафа. Именно, в связи с этим мы предлагаем увеличить размер штрафных санкций, что повлечет покупку экологически чистых установок на предприятиях. Следовательно, данное предложение пресечет нарушение экологического законодательства и предотвратит глобальное загрязнение окружающей среды.

Также не менее серьезной проблемой в данной сфере деятельности является малая осведомленность населения, в том числе юридических лиц, по охране окружающей среды и ущербу неправильного уничтожения отходов. Как правило, многие не осознают в полной мере, какой вред наносят нашей экологии случайным выброшенным мусором или неправильно рассортированными отходами, поскольку многие думают, что это никак не навредит природе. Достаточно маленький процент населения и компаний в полной мере утилизируют мусор по всем нормам и правилам, что представляет собой огромную ошибку, так как даже небольшое нарушение влечет за собой ряд экологических проблем. Чтобы предотвратить данные трудности необходимо проводить ряд мероприятий, направленных на обучение граждан правильному распределению мусора и его вреда на окружающую среду. Кроме того, можно создавать информационные каналы, которые будут нацелены на уведомление людей по поводу важности сортировки отходов, также следует проводить регулярные опросы среди компаний и населения, которые будут помогать выявлять их неосведомленность в какой-либо области по экологичной ликвидации мусора [7, с. 68]. Также, чтобы данные предложения соблюдались на федеральном и региональном уровне необходимо ввести в законодательство обязанность органов власти по информированию и обучению граждан и организаций экологической грамотности. Результатом решения указанной проблемы будет снижение негативного воздействия вследствие выброса мусора, уменьшение вреда окружающей среде, размеренное очищение природы и повышение правового сознания граждан и организаций в области утилизации отходов.

Заключение

Таким образом, на основании всего вышеизложенного следует заметить, что для осуществления безопасности окружающей среды и предотвращения проблемы загрязнения нашей страны отходами производства и потребления необходимо эффективное участие граждан и их осознание значимости защиты всей экосферы, а также усовершенствование экологического законодательства. Российская Федерация активно создает и совершенствует системы участия общественности в управлении окружающей средой, что не только повышает компетентность населения в вопросах защиты природной среды, но и побуждает государство принимать эффективные стратегии в сфере экологического регулирования. Особенно в условиях стремительного развития современных средств массовой информации все больше людей сознательно и систематически обращают внимание на проблемы загрязнения окружающей среды и активно требуют принятия мер по управлению экологией. Такое широкое распространение информации и коммуникации позволяет общественности уделять больше внимания экологическим проблемам, побуждает к коллективным действиям и способствует прогрессу в управлении окружающей средой. Именно поэтому внесение таких изменений как ответственность за несоблюдение сортировки мусора и его утилизацию на предприятиях, переход на электрические транспортные средства, сокращение выброса вредных газов за счет восстановления лесного комплекса, перехода на солнечные батареи и внедрение других экологически чистых технологий, установление дополнительных мусорных баков и улучшение всей системы выброса отходов и назначение материальной ответственности за несоблюдение, увеличение суммы штрафов за загрязнение окружающей среды, внедрение обязательных систем обучения граждан и предприятий экологической образованности. Внешение данных изменений позволит предотвратить проблему загрязнения нашей страны отходами и улучшит состояние окружающей среды.

Литература

1. Абанина Е.Н. Правовое обеспечение экологической безопасности Российской Федерации: состояние и перспективы развития: Монография. М.: Юстицинформ, 2022.
2. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Исакова Ю.И. Экологическое право России: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.
3. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник для вузов / под редакцией С.А. Боголюбова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025.
4. Остапенко А.Г. Роль экологического права в решении задач по защите окружающей среды от загрязнений / А.Г. Остапенко, Т.О. Зайцева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – № 23 (127). 2016.
5. Приходько Т. В., Рожкова А.К. Право на благоприятную окружающую среду в контексте обеспечения экологической безопасности:

проблемы федерального и регионального правового регулирования (на примере Иркутской области) // Государственная власть и местное самоуправление. N 2. 2020.

6. Акчурина, Д.Р. Современные проблемы экологического законодательства / Д.Р. Акчурина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – № 50 (340). 2020.

7. Бабич А. А. О понятии и перспективных направлениях государственно-частного партнерства в области охраны окружающей среды // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». N 2. 2020.

ENVIRONMENTAL POLLUTION CAUSED BY THE ACCUMULATION OF INDUSTRIAL AND HOUSEHOLD WASTE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Dub S.N., Ananikova M.Sh., Kraft E.A.

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

The purpose of this study is to identify the most pressing and global environmental pollution issues caused by various types of waste in order to develop measures to address them. The article focuses on the key environmental law issues related to the pollution of the environment by industrial and household waste in the Russian Federation. The scientific novelty of this topic lies in the identification of the relationship between the industrial structure, climate conditions, logistics, and waste accumulation in specific regions of the Russian Federation. The relevance of this topic is driven by the importance of environmental protection implemented by our government and society. As a result of their work, the authors assess the impact of accumulated waste on ecosystems and public health in the long term in specific territories, and provide suggestions for improving economic instruments and promoting green technologies.

Keywords: environment, household waste, public, environmental crimes, pollution, environmental law.

References

1. Abanina E.N. Legal Support for Environmental Security of the Russian Federation: Status and Development Prospects: Monograph. M.: Yustitsinform, 2022.
2. Anisimov A.P., Ryzhenkov A.Ya., Isakova Yu.I. Environmental Law of Russia: Textbook and Workshop for Universities. 9th ed., revised and expanded. M.: Yurayt, 2025.
3. Bogolyubov, S.A. Environmental Law: Textbook for Universities / edited by S.A. Bogolyubov. 8th edition, revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025.
4. Ostapenko, A.G. The Role of Environmental Law in Solving Problems of Protecting the Environment from Pollution / A.G. Ostapenko, T.O. Zaitseva. – Text: direct // Young Scientist. – No. 23 (127). 2016.
5. Prikhodko T. V., Rozhkova A.K. The Right to a Favorable Environment in the Context of Ensuring Environmental Safety: Problems of Federal and Regional Legal Regulation (on the Example of the Irkutsk Region) // State Power and Local Self-Government. N 2. 2020.
6. Akchurina, D.R. Modern Problems of Environmental Legislation / D.R. Akchurina. – Text: direct // Young Scientist. – No. 50 (340). 2020.
7. Babich, A.A. On the Concept and Promising Directions of Public-Private Partnership in the Field of Environmental Protection // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. No. 2. 2020.

Миграционное законодательство в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития

Балаян Диана Руслановна,

студент-магистрант Сургутский государственный университет
E-mail: baiayan_dr@surgu.ru

Владимирова Галина Евгеньевна,

доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский
государственный университет
E-mail: vladimirova_ge@surgu.ru

Авторами предпринята попытка охарактеризовать действующее миграционное законодательство Российской Федерации и выявить тенденции его развития в будущем. Для достижения обозначенной цели весь обширный законодательный материал был выстроен иерархично от Конституции Российской Федерации до подзаконных актов программного и методического назначения. Среди норм были найдены пробельные: отсутствие определения понятия «трудовой мигрант», отсутствие норм об учёте биометрических (прежде всего, дактилоскопических), персональных данных мигрантов при пересечении границы; коллизионные нормы: противоречие двух федеральных законов при регулировании вопроса о реализации активного и пассивного избирательного права иностранного гражданина при выборах в органы местного самоуправления. Для каждого обнаруженного дефекта законодательства предложено решение. Статистический анализ правоприменения показал небывалый рост числа прибывших мигрантов и количества совершаемых ими правонарушений. В качестве ответа на данные вызовы государство совершенствует нормативную базу, учреждая новые контролирующие органы (Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД РФ) и расширяя полномочия действующих органов (например, в вопросах выдворения с территории Российской Федерации). В этом проявляется тенденция ужесточения миграционной политики, оставление приоритета национальной безопасности, охрана «российской идентичности». Среди иных перспектив развития миграционного законодательства очевидна необходимость кодификации всего массива нормативно-правовых актов в этой сфере, а также цифровизация миграционных процессов.

Ключевые слова: миграционное законодательство, миграция, мигрант, трудовой мигрант, цифровизация, иностранный гражданин, лицо без гражданства, выдворение, депортация, административный штраф, миграционный учёт, кодификация, национальные интересы, российская идентичность.

Свобода передвижения, свобода выбора места жительства и места пребывания относятся к основным правам человека в соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и международно-правовым регулированием. Миграция и связанные с ней процессы – это объективные факты, которые происходят с каждым государством. От качества регламентации миграционных процессов во многом зависит социально-экономическое развитие государства. Постоянные законодательные и организационные изменения в сфере миграции подогревают интерес к этой теме. Поскольку общественные отношения в правовом государстве регулируются прежде всего законами, первоочередная цель исследования – оценка текущего состояния российского законодательства в сфере миграции и выявление тенденций его развития в ближайшем будущем.

В пользу актуальности выбранной темы и поставленной цели говорят данные официальной статистики, последние изменения нормативно-правового регулирования, а также политические преобразования. Прошедший 2024 год стал для России рекордным с точки зрения въехавших на территорию страны мигрантов за последние 26 лет наблюдений. Так, согласно докладу «Социально-экономическое положение России» [1] Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (далее – Росстат) миграционный прирост за период январь–ноябрь 2024 года составил 420 тысяч человек, что почти в 4 раза превышает показатель аналогичного периода 2023 года.

Вспоминая диалектику, а именно закон перехода количественных изменений в качественные, можно предположить, что с ростом числа прибывших мигрантов возрастёт количество совершённых «миграционных» правонарушений. Правильность выдвинутой гипотезы подтверждает официальная статистика в области уголовного и административного правоприменения. В частности, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) зафиксировал рост на 34% количества дел в сфере нарушений правил миграционного учёта. Суммарно за весь 2024 год судами общей юрисдикции рассмотрено почти 6 миллионов дел об административных правонарушениях, совершённых мигрантами и в области миграции. Арбитражные суды регионов рассмотрели около 54 тысяч подобных дел [2].

Аналогичные процессы увеличения числа преступлений наблюдаются и в уголовно-правовой сфере, на что обращают внимание правоведы: «с ростом числа мигрантов повышается количество совершённых преступлений, причем как общеуголовных, так и специальных составов – т.е. миграционных преступлений, а также иных правонарушений, совершаемых специальным лицом – мигрантом» [3, с. 18]. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в июне 2024 года на Петербургском международном юридическом форуме заявил о значительном росте числа особо тяжких преступлений, совершаемых мигрантами. Рост на 19% в 2023 году и на 26% в 2024 году [4].

Очевидная актуальность миграционной проблематики ставит на повестку дня необходимость оценки действующего миграционного законодательства на предмет его дефектности и соответствия текущим объективным реалиям. Оценку следует начать с основного юридического документа страны – Конституции РФ. Основными конституционными нормами в изучаемой сфере являются:

- уже упомянутые нормы о свободе передвижения и свободе выбора места жительства/пребывания (ст. 27),
- нормы о правовом статусе гражданина РФ, иностранного гражданина и лица без гражданства (ст. 62),
- нормы о политическом убежище, о порядке выдачи/передачи иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 63).

Условно в качестве «новелл» конституционного регулирования можно отнести нормы об органах публичной власти (п. «г» ст. 71, ч. 2 ст. 80, п. «е. 5» ст. 83, ч. 3 ст. 132 Конституции РФ), которые введены в действие в 2020 году. Эти органы представляют собой систему федеральных, региональных органов власти, а также органов местного самоуправления. В указанную систему входят и органы миграционного учёта.

Помимо конституционных норм множество аспектов регулирования общественных отношений в сфере миграции происходит через федеральные законы. К таковым относятся: Федеральный закон

от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5] (далее – ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»), Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [6] (далее – ФЗ «О порядке выезда и въезда»), Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ «О миграционном учёте»), Закон РФ от 01.04.1993 № 4730–1 «О Государственной границе Российской Федерации» [8], Закон РФ от 25.06.1993 № 5242–1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [9], Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528–1 «О беженцах» [10], Закон РФ от 19.02.1993 № 4530–1 «О вынужденных переселенцах» [11].

Характеризовать каждый закон в отдельности нет необходимости. Стоит лишь отметить их количество (а перечислены далеко не все законы), а также важность и многоаспектность регулируемых ими вопросов.

Однако ещё большим количеством характеризуются подзаконные нормативно-правовые акты. Условно их можно разделить на две большие группы. Первая группа – подзаконные акты программного значения. К таковым следует отнести, например: Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [12]. В данном акте названы: содержание миграционной политики страны, её принципы, цели, задачи, направления, средства и др. Также к программным актам, несомненно, относится Стратегия национальной безопасности [13], в которой названы критерии миграционной политики – в разделе «Государственная и общественная безопасность».

Ко второй группе нормативных актов относятся акты организационно-методического характера. В частности, различные положения об органах власти, о подчинённых им службах, а также регламенты различных видов деятельности. Например, Регламент миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, утверждённый Приказом МВД России от 10.12.2020 № 856 [14].

Оценивая масштаб нормативно-правового материала, нельзя не согласиться с теми исследователями [15, с. 30], которые ставят следующую проблематику:

- нехватка высококвалифицированных кадров в сфере миграционного учёта;
- недостаточный уровень преподавания в высших учебных заведениях юридического профиля предметных вопросов миграционной политики, миграционного контроля.

В этой связи правы К.Р. Мурсалимов и А.Г. Хабибулин, которые настаивают: «Процесс подготовки юриста в образовательном учреждении необходимо осуществлять на основе практико-ориентированного подхода» [16, с. 4].

Ознакомление с нормативно-правовой базой в сфере миграции позволяет также утверждать о наличии ряда пробелов и коллизий, имеющих принципиальное значение. Так, наиболее распространённый вид миграции в Российскую Федерацию – трудовая миграция. Вместе с тем, ни в одном из действующих федеральных законов, включая Трудовой кодекс Российской Федерации, нельзя найти определения понятия «трудовая миграция», «трудовой мигрант». На это обращают внимание Ю.Б. Круглова, О.В. Мисякова [17, с. 27]. Для надлежащего правового регулирования пробелы должны быть ликвидированы, прежде всего, в понятийно-категориальном аппарате. И для ликвидации данного пробела вполне возможно воспользоваться имеющимися наработками из сферы международного права. Соответствующее определение имеется в Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН от 18.04.1990 «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей» [18], а также в Конвенции МОТ «О трудящихся-мигрантах» от 22.01.1952 № 97 [19].

Также среди значительных пробелов необходимо отметить отсутствие контроля по вопросу учёта персональных и биометрических (прежде всего, дактилоскопических) данных лиц, въезжающих в РФ в порядке, не требующем получения визы. Согласно абз. 2 ч. 1 ст. 5 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» лицо, законно въехавшее на территорию России, без цели ведения трудовой деятельности может пребывать без обязательной дактилоскопической регистрации и фотографирования в течение 90 суток. При это день прохождения указанных регистрационных процедур лицо может выбрать самостоятельно.

Подобное регулирование представляется чересчур гуманным в ущерб национальной безопасности РФ. Вполне возможно смоделировать ситуацию, когда такое иностранное лицо в течение 90 суток совершит правонарушение и беспрепятственно покинет страну до того

момента, как его обнаружат правоохранительные органы РФ. Последним крайне трудно выйти на след тех правонарушителей, в отношении которых во всех базах данных нет ни фотографических, ни дактилоскопических материалов. Для трудовых мигрантов срок 90 суток сокращается до 30, что также не обнадёживает в вопросе неконтролируемого пребывания на территории РФ в течение длительного срока.

Решить проблему следует через принятие императивной нормы в ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан», в соответствии с которой каждый въезжающий на территорию РФ вне зависимости от целей въезда обязан пройти дактилоскопическую регистрацию и фотографирование. Реализовать подобные изменения в закон, по мнению С.Д. Багдасарян и Т.М. Гришиной, возможно одним из двух способов:

- проведение соответствующих процедур государством, с территории которого выезжает иностранный гражданин или лицо без гражданства;
- проведение процедур на территории РФ уполномоченными органами [20, с. 10].

Думается, что второй способ предпочтительнее, так как, во-первых, получать и фиксировать необходимую информацию через собственные органы надёжнее; во-вторых, есть возможность контролировать и привлекать к ответственности тех должностных лиц, которые ненадлежащим образом проводят процедуры регистрации иностранцев. Между тем возникает вопрос о финансировании соответствующей деятельности. Представляется, что оно должно осуществляться за счёт въезжающей стороны путём внесения фиксированной платы в казну РФ перед проставлением разрешительного штампа в документ, удостоверяющий личность.

В перспективе это могло бы послужить основой для формирования единой государственной информационной системы в сфере миграционного учёта с возможностью составления электронного профиля мигранта, а также с формированием системы межведомственного взаимодействия.

Среди коллизий миграционного законодательства бросается в глаза та, которая связана с активным и пассивным избирательным правом иностранного гражданина и лица без гражданства. В силу ч. 2 ст. 12 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан»: «Постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме» [5]. Вместе с тем согласно ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [21] (далее – ФЗ «Об иноагентах») для иностранных агентов установлен запрет на реализацию активного и пассивного избирательного права в любой форме. Легальное определение «иностранного агента» из ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об иноагентах» в качестве признака такового называет «нахождение под иностранным влиянием». Находится ли иностранный гражданин, участвующий в выборах в органы местного самоуправления, под иностранным влиянием? Представляется, что да. Является ли он иностранным агентом? Формально – нет, так как он отсутствует в списке иноагентов. Фактически – да, ведь он не может не находиться под влиянием (прямым или косвенным) того государства, гражданином которого является.

Исходя из принципов Стратегии национальной безопасности, а также руководствуясь нормами Конституции РФ о единой системе органов публичной власти (куда входят органы местного самоуправления) представляется необходимым упразднить нору ч. 2 ст. 12 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан».

В ответ на возросший миграционный поток, а также на рост числа «миграционных» правонарушений государство предпринимает меры в виде обновления нормативно-правовой базы и учреждения новых уполномоченных в сфере миграции органов публичной власти. В частности, довольно «возрастной» ФЗ «О порядке выезда и въезда» был дополнен новыми нормами о порядке выдворения мигрантов, совершивших правонарушения, с территории Российской Федерации. С февраля 2025 года уполномоченными на выдворение органами, помимо судов и пограничной службы ФСБ России, являются: руководители и заместители руководителей территориальных органов полиции, транспортных подразделений полиции, ответственные должностные лица служб, осуществляющих контроль за оборотом наркотических средств.

Не так давно Президент России принял Указ от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» [22] (далее – Указ № 205). В соответствии с Указом № 205 учреждён новый основной орган в сфере миграционной политики государства – Служба по вопросам гражданства и регистрации иностран-

ных граждан МВД РФ. Данный орган стал правопреемником Главного управления по вопросам миграции МВД РФ (далее – ГУВМ МВД РФ, действовало с 05.04.2016 по 01.04.2025) и Федеральной миграционной службы РФ (далее – ФМС РФ, действовала с 14.06.1992 по 04.04.2016).

Если вспомнить историю преобразований, то ФМС РФ упразднялась, прежде всего, для оптимизации механизмов государственной власти, для исключения дублирования функций других органов. А ГУВМ МВД РФ было расформировано, главным образом, по причине «значительных недостатков в области осуществления миграционного контроля» [23]. Эти недостатки заключались в отсутствии у уполномоченных органов информации о статусе и перемещениях мигрантов внутри государства. Также не обеспечивалась своевременная депортация правонарушителей из страны. Представляется, что вновь созданная Служба имеет в качестве своих задач ликвидацию перечисленных недоработок и упущений.

Рассуждая об органах власти в сфере миграционных отношений, нельзя обойти вниманием судебные органы. Чаще всего суды рассматривают вопросы, связанные с нарушением правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [24], далее – КоАП РФ), и связанные с этим вопросы выдворения, депортации, назначения административных штрафов.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан» ответственность за нарушение норм миграционного права определяется в соответствии с законодательством РФ. Виновные в нарушении требований указанного специального закона несут административную и уголовную ответственность. Причём административной ответственности посвящен существенный блок статей в КоАП РФ.

Нормы об административном выдворении как обязательном наказании характеризуются государством в лице Конституционного Суда РФ как «точные и ясные» [25], поскольку одна из задач, преследуемых законодателем, – исключить «излишнее усмотрение и злоупотребление» [25] со стороны правоприменителя. Первоочередно должны быть установлены необходимость и соразмерность такого наказания. Одновременно с этим, хотя КоАП РФ определяет императивный характер применения административного выдворения для отдельных нарушений (в ч.ч. 3.1, 4, 5 ст. 18.8), тем не менее суд вправе не назначать его, поскольку «наложение предусмотренного законом административного наказания при определенных обстоятельствах может противоречить целям административной ответственности и приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод» [26].

В силу особенностей административного выдворения в большинстве случаев применяется только административный штраф.

Вопрос об эффективности административного штрафа в области миграционного учёта поднимается учёными на протяжении длительного времени. Е.А. Симонова ставит во главу проблемы неплатёжеспособность виновных лиц: «эффективность ... зависит не от современной тенденции увеличения размеров административных штрафов, а от установления имущественного и материального положения правонарушителя (иностранного гражданина или лица без гражданства)» [27, с. 35].

При этом взыскание штрафа сопровождается рядом проблем даже в отношении должников – граждан РФ, поэтому, отмечает Н.А. Колоколов, «в законодательстве должны быть предусмотрены меры, компенсирующие низкую эффективность штрафной санкции к тем лицам, которые изначально избрали антисоциальную форму поведения, штрафы не платили и платить не намерены» [28, с. 540].

Принимая решение о наложении административного штрафа, суды исходят из того, что он обладает наибольшим эффектом, через который достигаются цели в виде «восстановления социальной справедливости, исправления правонарушителя и предупреждения совершения новых противоправных деяний, а также его соразмерность в качестве единственного возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов...» [29].

При этом если лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, – юридическое лицо, то штраф за факт незаконного допуска к трудовой деятельности иностранного работника (ч. 4 ст. 18.15 КоАП РФ) будет составлять от четырехсот тысяч до одного миллиона рублей. И, если юридическое лицо – работодатель этого иностранца, то можно считать такой штраф объяснимым, но в случаях, когда оно является заказчиком услуг, например, клининговой компании, возникает проблема чрезмерности штрафа.

А.И. Бычков считает, что это «не сопоставимо с положительным экономическим эффектом от его (иностранца – прим. автора) деятельности» [30, с. 91]. Однако, думается, что состав административного правонарушения включает в себя именно факт незаконного до-

пуска иностранного работника к осуществлению трудовой деятельности, поэтому установленный законом штраф позволяет исключить мнимые сделки и иные способы обхода закона с целью незаконного привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства.

О.В. Панкова указывает, что «постоянно увеличивающиеся размеры штрафных санкций... свидетельствуют о стремлении законодателя повысить функциональную эффективность этого вида наказания» [31, с. 118].

Обеспечивает ли повышение штрафа разрешение проблем исполнения судебных решений, то есть непосредственно оплаты штрафов, а также предотвращения (профилактики) будущих нарушений? Преимущественно да.

Во-первых, необходимо исходить из того, какова цель миграционного учета как целостной системы регулирования миграционных процессов, включающая законодательные нормы, субъектов – иностранных граждан и лиц без гражданства, уполномоченных государственных органов и органов местного самоуправления, граждан РФ (принимающая сторона), а также объект – общественные отношения в рамках миграционного учёта.

Данная цель – учёт перемещения иностранных граждан и лиц без гражданства по территории России, регулирование миграционного процесса для обеспечения прав и законных интересов лиц, законно находящихся на территории Российской Федерации.

Административный штраф по своей природе остаётся наиболее приемлемым способом воздействия на иностранных граждан и лиц без гражданства, поскольку при нарушении требований миграционного учёта он является более лояльным способом воздействия на поведение указанных лиц, чем выдворение с сопутствующими расходами. Иначе возникает объективная несоразмерность нарушения и санкции. На процедуру выдворения государство тратит крайне много средств из федерального бюджета. По данным Федеральной службы судебных приставов в 2024 году на выдворение нелегальных мигрантов из России была потрачена рекордная сумма – более одного миллиарда рублей [32].

Кроме того, привлечение трудовых мигрантов для «обустройства территории государства, развития промышленности и сельского хозяйства» [33, с. 19] имеет положительное экономическое значение.

Во-вторых, применение штрафа сопровождается и изменениями в законодательстве РФ. Система учёта переходит в цифровую плоскость, за счёт чего:

- упрощаются технически, поскольку все сведения систематизируются в электронной форме;
- разрабатываются электронные способы учёта (например, специальное мобильное приложение «Амина», действующее для иностранных граждан на территории Москвы и Московской области);
- постепенно внедряются способы отслеживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации – через их финансовую деятельность.

Таким образом, текущее состояние миграционного законодательства РФ следует охарактеризовать как крайне обширное и разнообразное, не лишённое дефектов, находящееся в стадии изменения и становления. Перспективы его развития следующие.

Первое: необходимость кодификации миграционного законодательства. Единый акт в области миграции объединит в себе все многочисленные федеральные законы, которые регулируют отдельные виды миграции и определяют статус отдельных субъектов в этой сфере. Кодекс вместит в себя понятийно-категориальный аппарат, основы данного законодательства, принципы, субъектный состав, правовой статус отдельных лиц, гарантии, ответственность, способы защиты, иные особенности регулирования. В кодексе могут быть ликвидированы в том числе указанные в настоящей статье пробелы (отсутствие легальной дефиниции «трудовой мигрант», чрезмерная степень свободы при учёте персональных и биометрических (дактилоскопических) данных лиц, въезжающих в РФ в порядке, не требующем получения визы), коллизии (противоречие ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» и ФЗ «Об иноагентах» по вопросу о реализации иностранцем своего активного и пассивного избирательного права в отношении органов местного самоуправления).

Второе: тенденция ужесточения миграционной политики. Это вызвано объективными факторами нарастающих внешнеполитических и экономических угроз. Проявление заключается в увеличении числа административных и уголовных дел в отношении мигрантов, в принятии новых нормативно-правовых актов о национальной безопасности, в учреждении новых уполномоченных субъектов миграционного учёта с собственными задачами. Возрастает значение таких карательных механизмов, как выдворение, депортация, административный штраф, и они показывают свою эффективность. Всё чаще в научных кругах го-

ворят о таком векторе миграционной политики РФ, как «охрана российской идентичности», к которой относят: российскую культуру и историю, русский язык, нравственность, народность, патриотизм [15, с. 28].

Третье: цифровизация миграционных процессов. Как показали примеры, имеется потребность электронного учёта персональных и биометрических данных въезжающих на территорию РФ лиц – в том числе для эффективной борьбы с преступностью; создание единой государственной информационной системы в сфере миграционного учёта; создание цифрового профиля мигранта в этой системе; создание результативной и оперативной системы межведомственного взаимодействия в сфере миграции; подключение к данной системе в том числе блока, отвечающего за исполнение решения о назначении административного штрафа.

Литература

1. Доклад Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Статья: В 2024 г. из России выдворили на 34% больше иностранцев [Электронный ресурс] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009993> (дата обращения: 26.09.2025).
3. Каменева, А.Н. Противодействие миграционной преступности: некоторые вопросы / А.Н. Каменева // Миграционное право. 2024. № 2. С. 16–18.
4. Статья: Александр Бастрыкин призвал ужесточить миграционную политику [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792636> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
7. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Российская газета. 2006. № 156.
8. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Российская газета. 1993. № 84.
9. Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Российская газета. 1993. № 152.
10. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» // Российская газета. 1997. № 126.
11. Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.
12. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.
13. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
14. Приказ МВД России от 10.12.2020 № 856 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2025).
15. Советов, Д.И. Миграционный контроль в Российской Федерации: новеллы законодательства и особенности развития правоприменительной практики / Д.И. Советов // Миграционное право. 2025. № 3. С. 28–32.
16. Хабибулин, А. Г., Мурсалимов, К.Р. Меры по совершенствованию государственного контроля в сфере миграции: правообразующий и правоприменительный аспекты / А.Г. Хабибулин, К.Р. Мурсалимов // Миграционное право. 2025. № 1. С. 2–5.
17. Круглова, Ю. Б., Мисякова, О.В. Об усилении контроля за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации / Ю.Б. Круглова, О.В. Мисякова // Миграционное право. 2025. № 3. С. 26–27.
18. Конвенция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.04.1990 «О защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей». Принята резолюцией 45/158 [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 27.09.2025).
19. Конвенция МОТ «О трудящихся-мигрантах» от 22.01.1952 № 97 [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901043> (дата обращения: 27.09.2025).
20. Багдасарян, С. Д., Гришина, Т.М. Миграционная политика Российской Федерации как фундамент национальной безопасности / С.Д. Багдасарян, Т.М. Гришина // Безопасность бизнеса. 2025. № 2. С. 8–11.
21. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29. Ст. 5222.
22. Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 14. Ст. 1692.
23. Статья: Путин создал новую службу по вопросам гражданства и мигрантов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2025/67ecf1079a7947399e6f3ce0> (дата обращения: 27.09.2025).
24. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
25. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2024 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Молдова Атаманчука Валерия на нарушение его конституционных прав статьей 4.1 и частью 3.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 28.09.2025).
26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 16-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Таджикистан Тиловердиева Нозима Нурриддиновича на нарушение его конституционных прав частью 3.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях во взаимосвязи с подпунктом «а» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] // URL: www.ksrf.ru (дата обращения: 28.09.2025).
27. Симонова, Е.А. Административный штраф как основная мера административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации / Е.А. Симонова // Исполнительное право. 2009. № 4. С. 33–36.
28. Колоколов Н.А. Настольная книга мирового судьи: рассмотрение дел об административных правонарушениях: научно-практическое пособие. – М.: Юрист, 2009. – 560 с.
29. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 03.10.2024 по делу № П16–4017/2024 (УИД 23RS0052–01–2023–001252–11) [Электронный ресурс] // URL: <https://4kas.sudrf.ru> (дата обращения: 28.09.2025).
30. Бычков А.И. Правовые основы ритейла в России. – М.: Инфотропик Медиа, 2018. – 172 с.
31. Панкова О.В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / под ред. О.А. Егоровой. – М.: Статут, 2014. – 440 с.
32. Государственная программа Российской Федерации «Юстиция» [Электронный ресурс] // URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/budget/raspredelenie_bjuzdzhetykh_rashodov_po_celjam_i_zadacham/raspredelenie-byudzhetykh-rashodov-v-2024-po-celjam-i-zadacham/yusticiya-2024 (дата обращения: 28.09.2025).
33. Мазурин, С.Ф. Актуальные проблемы миграции в России / С.Ф. Мазурин // Миграционное право. 2024. № 3. С. 15–19.

MIGRATION LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Balayan D.R., Vladimirova G.E.
Surgut State University

The author made an attempt to characterize the current migration legislation of the Russian Federation and identify trends in its development in the future. To achieve this goal, all extensive legislative material was built hierarchically from the Constitution of the Russian Federation to by-laws for programmatic and methodological purposes. Among the norms, gaps were found: the lack of a definition of the concept of «labor migrant», the lack of norms on the accounting of biometric (primarily fingerprint), personal data of migrants when crossing the border; conflict norms: the contradiction of two federal laws in regulating the issue of the implementation of the active and passive suffrage of a foreign citizen in elections to local governments. A solution has been proposed for each legal defect found. Statistical analysis of law enforcement showed an unprecedented increase in the number of migrant arrivals and the number of offenses committed by them. In response to these challenges, the state is improving the regulatory framework by establishing new regulatory bodies (the Service for Citizenship and Registration of Foreign Citizens of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation) and expanding the powers of existing bodies (for example, in matters of expulsion from the territory of the Russian Federation). This shows a tendency to tighten migration policy, abandoning the priority of national security, and protecting «Russian identity». Among other prospects for the development of migration legislation, the need to codify the entire array of regulatory legal acts in this area, as well as the digitalization of migration processes, is obvious.

Keywords: migration legislation, migration, migrant, labor migrant, digitalization, foreign citizen, person without citizens, expulsion, deportation, administrative fine, migration accounting, codification, national interests, Russian identity.

References

1. Report of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation "Socio-economic situation of Russia" [Electronic resource] // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (date of notification: 09/26/2025).
2. Article: In 2024, 34% more foreigners were expelled from Russia [Electronic resource] // URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009993> (date References: 09/26/2025).
3. Kameneva, A.N. Countering migration crime: some issues / A.N. Kameneva // Migration law. 2024. No. 2. Pp. 16–18.
4. Article: Alexander Bastykin called for stricter migration policy [Electronic resource] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6792636> (date of application: 09/26/2025).
5. Federal Law No. 115-FZ dated 07/25/2002 "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" // *Sobranie zakonodatelstva Rosinsky Federation*. 2002. № 30. St. 3032.
6. Federal Law of August 15, 1996 № 114-FZ "On the procedure for exit from the Russian Federation and entry into Russia".
7. Federal Law No. 109-FZ dated July 18, 2006, "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" // *Rosinsky Gazeta*. 2006. No. 156.
8. Law of the Russian Federation No. 4730–1 dated April 1, 1993, "On the State Border of the Russian Federation" // *Rosinsky Gazeta*. 1993. No. 84.
9. Law of the Russian Federation No. 5242–1 dated 25.06.1993 "On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay, and Residence within the Russian Federation" // *Rosinsky Gazeta*. 1993. No. 152.
10. Federal Law No. 4528–1 dated 19.02.1993 "On Refugees" // *Rosinsky Gazeta*. 1997. No. 126.
11. Law of the Russian Federation No. 4530–1 dated February 19, 1993, "On Forced Migrants" // *Collection of Laws of the Russian Federation*. 1995. No. 52. Art. 5110.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 622 dated October 31, 2018, "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025" // *Collection of Laws of the Russian Federation*. 2018. No. 45. Art. 6917.
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // *Collection of Laws of the Russian Federation*. 2021. No. 27. Art. 5351.
14. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10.12.2020 No. 856 "On Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the provision of State Services for Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation, application forms for Registration of a foreign citizen or a stateless person at the place of residence, applications for removal of a foreign citizen or a stateless person registration at the place of residence, notification of the arrival of a foreign citizen or a stateless person at the place of residence, marks of registration (de-registration) of a foreign citizen or a stateless person at the place of res-

idence, marks confirming the fulfillment by the receiving party and the foreign citizen or a stateless person of the actions necessary for his registration at the place of stay, affixed, among other things, by the multifunctional center for the provision of state and municipal services" [Electronic resource] // URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 27.09.2025).

15. Sovetov, D.I. Migration Control in the Russian Federation: New Legislation and Features of Law Enforcement Practice / D.I. Sovetov // *Migration Law*. 2025. No. 3. Pp. 28–32.
16. Khabibulin, A. G., Mursalimov, K.R. Measures to Improve State Control in the Field of Migration: Legal and Enforcement Aspects / A.G. Khabibulin, K.R. Mursalimov // *Migration Law*. 2025. No. 1. Pp. 2–5.
17. Kruglova, Yu. B., Misyakova, O.V. On Strengthening Control over Compliance with the Migration Legislation of the Russian Federation / Yu.B. Kruglova, O.V. Misyakova // *Migration Law*. 2025. No. 3. Pp. 26–27.
18. Convention of the UN General Assembly dated 18.04.1990 "On the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families". Adopted by resolution 45/158 [Electronic resource] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (date of reference: 09/27/2025).
19. ILO Convention "On Migrant Workers" dated 01/22/1952 No. 97 [Electronic resource] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901043> (date of reference: 09/27/2025).
20. Baghdasaryan, S. D., Grishina, T.M. Migration policy of the Russian Federation as the foundation of national security / S.D. Baghdasaryan, T.M. Grishina // *Business Security*. 2025. No. 2. Pp. 8–11.
21. Federal Law No. 255-FZ dated July 14, 2022, "On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence" // *Collection of Laws of the Russian Federation*. 2022. No. 29. Art. 5.
22. Decree of the President of the Russian Federation dated 04/02/2025 No. 205 "On improving public administration in the field of migration" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2025. No. 14. Art. 1692.
23. Article: Putin created a new service on citizenship and migrants [Electronic resource] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2025/67ecf1079a7947399e6f3ce0> (date of request: 09/27/2025).
24. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ // *Rossiyskaya Gazeta*. 2001. No. 256.
25. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.04.2024 No. 830-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Valeriy Atamanchuk, a Citizen of the Republic of Moldova, on Violation of His Constitutional Rights by Article 4.1 and Part 3.1 of Article 18.8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" [Electronic resource] // URL: www.ksrf.ru (accessed: 28.09.2025).
26. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.01.2024 No. 16-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Nozim Nuriddinovich Tilovberdiev, a citizen of the Republic of Tajikistan, for Violation of His Constitutional Rights by Part 3.1 of Article 18.8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with subparagraph "a" of paragraph 1 of the Decree of the President of the Russian Federation "On Interim Measures for regulation of the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation during the period of overcoming the consequences of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19)" [Electronic resource] // URL: www.ksrf.ru (date of application: 09/28/2025).
27. Simonova, E.A. Administrative fine as the main measure of administrative responsibility of foreign citizens and stateless persons on the territory of the Russian Federation / E.A. Simonova // *Executive Law*. 2009. No. 4. Pp. 33–36.
28. Kolokolov, N.A. The Magistrate's Handbook: Consideration of Administrative Offenses: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Yurist, 2009. 560 p.
29. Resolution of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 03.10.2024 in case No. P16–4017/2024 (UID 23RS0052–01–2023–001252–11) [Electronic resource] // URL: <https://4kas.sudrf.ru> (date of reference: 09/28/2025).
30. Bychkov A.I. Legal foundations of retail in Russia. Moscow: Infotropik Media, 2018. – 172 p.
31. Pankova, O.V. Consideration of Administrative Offenses in General Jurisdiction Courts / edited by O.A. Egorova. Moscow: Statut, 2014. 440 p.
32. The State Program of the Russian Federation "Justice" [Electronic resource] // URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoy_sluzhby_sudebnykh_pristavov/budget/raspredelenie_bjudzhetnykh_raskhodov_po_celjam_i_zadacham/raspredelenie-byudzhetnyh-rashodov-v-2024-po-celyam-i-zadacham/yusticiya-2024 (date of reference: 09/28/2025).
33. Mazurin, S.F. Actual problems of migration in Russia / S.F. Mazurin // *Migration law*. 2024. No. 3. Pp. 15–19.

Вронская Мария Владимировна,

канд.юрид.наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Владивостокский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВВГУ»)
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

Кузнецов Алексей Владимирович,

аспирант, Владивостокский государственный университет (ВГУ)
E-mail: kuznetcov.avladim@dvfu.ru

В статье проводится комплексный анализ публично-правовых рисков, связанных с интеграцией технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сферу цифрового правосудия. Авторами исследуется противоречие между технологическим потенциалом ИИ для оптимизации судопроизводства – такого как автоматизация документооборота, предиктивная аналитика, интеллектуальный анализ правоприменительной практики – и фундаментальными принципами правосудия, закрепленными в конституционно-правовых системах. Основное внимание уделяется систематизации ключевых вызовов, возникающих на стыке технологий и публичного права: проблеме распределения юридической ответственности за алгоритмические ошибки, феномену «черного ящика» и связанным с ним угрозам прозрачности и обоснованности судебных решений, рискам алгоритмической дискриминации вследствие смещенных данных, а также вопросам обеспечения конфиденциальности и безопасности судебной информации. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта и отечественных инициатив доказывается, что бесконтрольное внедрение ИИ способно подорвать базовые гарантии справедливого судебного разбирательства, независимости судей и правовой определенности. В работе обосновывается необходимость разработки целостной публично-правовой модели регулирования, которая обеспечила бы сбалансированное внедрение инноваций при безусловном приоритете защиты прав человека и верховенства права. Статья вносит вклад в развитие доктрины цифрового правосудия и предлагает направления для дальнейших научных изысканий и нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровое правосудие, публично-правовые риски, алгоритмическая ответственность, прозрачность алгоритмов, дискриминация в ИИ, защита персональных данных, судебная система, право на справедливое судебное разбирательство.

Введение

Несмотря на очевидные преимущества, обусловленные внедрением технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, их использование сопряжено с целым комплексом правовых и этических вызовов, которые требуют детального осмысления с позиций публичного права. Как показывает практика зарубежных государств и первые отечественные эксперименты в сфере цифрового правосудия, технологическая эффективность ИИ неизбежно сталкивается с фундаментальными принципами правосудия – законностью, независимостью судей, обеспечением права на справедливое судебное разбирательство и защитой персональных данных.

Именно поэтому в научном и правоприменительном дискурсе особое значение приобретает вопрос о публично-правовых рисках использования ИИ в судебной сфере. Эти риски проявляются в многоаспектных формах – от неопределённости правового статуса алгоритмических решений и проблем распределения ответственности до угрозы нарушения процессуальных гарантий участников судопроизводства. В этой связи представляется необходимым рассмотреть ключевые направления возникновения и проявления таких рисков, определить их системный характер и обозначить возможные пути нормативного регулирования.

Основная часть

В контексте современного этапа цифровой трансформации публично-правовой сферы особую актуальность приобретает исследование потенциала технологического интеллекта (далее – ИИ) как инструмента повышения эффективности и оптимизации судебной деятельности. Представляется, что комплексное внедрение алгоритмических решений в сферу судопроизводства способно не только усовершенствовать отдельные процедурные механизмы, но и преобразовать саму архитектуру правосудия, обеспечив переход к новому уровню управляемости, прозрачности и рациональности функционирования судебной системы.

Во-первых, одним из ключевых направлений практического применения ИИ в судебной сфере выступает автоматизация процессуального документооборота и распределения судебной нагрузки. Речь идёт о создании интеллектуальных платформ, способных на основе анализа формальных критериев – таких как предмет спора, подсудность, категория и сложность дела, – осуществлять оптимальное распределение поступающих дел между судьями. Это, в свою очередь, позволяет минимизировать влияние субъективного фактора, сократить временные и организационные издержки, а также повысить прозрачность и предсказуемость внутреннего административного процесса в судах. Внедрение подобных систем уже доказало свою эффективность в ряде юрисдикций, где распределение дел осуществляется посредством алгоритмов, учитывающих как нагрузку судей, так и необходимость соблюдения принципа случайности [1].

Во-вторых, значительный потенциал демонстрируют интеллектуальные системы поиска и герменевтического анализа судебной практики, основанные на технологиях обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP). Использование таких инструментов позволяет осуществлять не просто формальный поиск, по ключевым словам, а глубокий семантический анализ правовых позиций, прецедентов и аналогичных дел [2, с. 45–46]. Это способствует выявлению закономерностей в судебных решениях, формированию единообразной практики правоприменения и повышению аргументативного уровня судебных актов. В перспективе подобные решения могут стать основой для интеллектуальных баз данных, способных не только систематизировать судебную практику, но и выявлять отклонения от неё в режиме реального времени.

В-третьих, широкие перспективы открывает автоматизированная генерация проектов процессуальных документов и типовых судебных актов. Системы машинного обучения способны на основе анализа массивов ранее вынесенных решений формировать проекты определений, постановлений и решений по категориям дел, характеризующимся стандартизированным фактическим составом и типичными правовыми конструкциями [3, с. 12–13]. Это позволяет судье сосредоточить

внимание на ключевых, концептуальных вопросах конкретного дела, в то время как рутинные элементы документооборота делегируются алгоритму. Таким образом, ИИ выполняет вспомогательную функцию, высвобождая временные и когнитивные ресурсы судейского корпуса.

В-четвёртых, особое внимание заслуживает использование предиктивной аналитики на основе методов анализа больших данных (Big Data Analytics). Подобные технологии позволяют моделировать вероятные исходы судебных разбирательств, оценивая их на основании анализа исторических данных и статистических закономерностей [4]. Это способствует повышению предсказуемости судебной практики и позволяет участникам процесса более объективно оценивать судебные риски. При этом важно подчеркнуть, что данные инструменты не подменяют судебное усмотрение, а выполняют исключительно вспомогательную роль, предоставляя судье и сторонам дополнительную аналитическую информацию.

Наконец, перспективным направлением является разработка систем интеллектуальной поддержки принятия судебных решений, которые могут использоваться как инструмент контекстной помощи судье [5]. Такие системы способны выявлять пробелы в доказательной базе, указывать на возможные противоречия в аргументации сторон, а также предлагать релевантные нормы права и судебные акты. Следует подчеркнуть, что ИИ в данном случае не выступает субъектом правоприменения, а функционирует в качестве аналитического ассистента, предоставляющего структурированную и интерпретируемую информацию для повышения качества принимаемых решений.

Несмотря на очевидные преимущества, обусловленные внедрением технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность, их использование сопряжено с целым комплексом правовых и этических вызовов, которые требуют детального осмысления с позиций публичного права. Как показывает практика зарубежных государств и первые отечественные эксперименты в сфере цифрового правосудия, технологическая эффективность ИИ неизбежно сталкивается с фундаментальными принципами правосудия – законностью, независимостью судей, обеспечением права на справедливое судебное разбирательство и защитой персональных данных.

Именно поэтому в научном и правоприменительном дискурсе особое значение приобретает вопрос о публично-правовых рисках использования ИИ в судебной сфере. Эти риски проявляются в многоаспектных формах – от неопределённости правового статуса алгоритмических решений и проблем распределения ответственности до угрозы нарушения процессуальных гарантий участников судопроизводства. В этой связи представляется необходимым рассмотреть ключевые направления возникновения и проявления таких рисков, определить их системный характер и обозначить возможные пути нормативного регулирования.

Несмотря на значительный потенциал технологий искусственного интеллекта в контексте оптимизации судопроизводства, их практическое внедрение в систему правосудия сопряжено с целым спектром рисков, имеющих публично-правовое измерение. Эти риски затрагивают не только технические или организационные аспекты функционирования цифровых судебных систем, но и фундаментальные гарантии, закреплённые в конституционно-правовом механизме защиты прав и свобод человека. В этом смысле цифровизация судебной деятельности требует не просто технологического обновления, а тщательного переосмысления правовых оснований отправления правосудия в условиях алгоритмизации.

Во-первых, особую сложность представляет вопрос юридической ответственности за ошибку алгоритма, если она повлекла нарушение прав или законных интересов гражданина. В условиях, когда решение формируется с участием ИИ, возникает дилемма распределения ответственности между различными субъектами – разработчиком программного обеспечения, оператором цифровой платформы, судьёй, утвердившим результат, и, в конечном счёте, самим государством как носителем судебной власти [6]. Отсутствие правовой определённости в данном вопросе способно породить угрозу нарушения принципов законности, справедливости и правовой предсказуемости, которые лежат в основе функционирования судебной системы. Для публичного права это означает потенциальное смещение границ ответственности органов судебной власти, что требует выработки чётких нормативных ориентиров и процедур контроля.

Во-вторых, одной из наиболее острых проблем является алгоритмическая непрозрачность, или так называемый «эффект чёрного ящика». В отличие от традиционного судебного рассуждения, алгоритмическое решение зачастую формируется на основании сложных статистических зависимостей, не поддающихся интерпретации даже для специалистов [7, с. 19–20]. Такая непрозрачность затрудняет проверку обоснованности и справедливости вынесенного решения, что, в свою

очередь, может привести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, закреплённого в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Более того, отсутствие возможности обжаловать решение, сформированное при участии ИИ, подрывает саму идею процессуальной справедливости и судебного контроля как основ конституционного правопорядка.

В-третьих, особое внимание заслуживает риск дискриминации и предвзятости алгоритмов, возникающий вследствие обучения ИИ на исторических данных, которые могут содержать элементы социального, гендерного или этнического предубеждения. Как показывает пример американской системы COMPAS, использовавшейся для оценки вероятности рецидива преступлений, автоматизированные решения нередко воспроизводят и даже усиливают существующие социальные неравенства [8]. Подобные случаи демонстрируют необходимость нормативного закрепления принципов недискриминации, прозрачности и объяснимости алгоритмов, применяемых в судебной сфере.

В-четвёртых, не менее значимым представляется вопрос защиты конфиденциальности и безопасности судебных данных, обрабатываемых в процессе работы ИИ-систем [9]. Судебные информационные массивы, содержащие персональные и процессуальные сведения, обладая повышенным уровнем чувствительности. Их утечка или неправомерное использование могут не только нарушить тайну правосудия, но и привести к подрыву доверия общества к судебной власти в целом. В связи с этим использование ИИ в судопроизводстве должно сопровождаться введением дополнительных гарантий защиты данных, включая обязательное применение механизмов шифрования, аудита доступа и независимого контроля со стороны органов, обеспечивающих соблюдение требований информационной безопасности [10].

Анализ обозначенных рисков свидетельствует о том, что внедрение искусственного интеллекта в судебную систему невозможно рассматривать исключительно через призму технологического прогресса. Оно должно быть встроено в систему публично-правовых гарантий, обеспечивающих баланс между инновационными возможностями и необходимостью сохранения принципов правосудия, правовой определённости и доверия граждан к судебной власти.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что интеграция технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность представляет собой сложный, многомерный процесс, выходящий далеко за рамки технической модернизации. Как продемонстрировано в работе, ИИ обладает значительным потенциалом для повышения эффективности, управления нагрузкой, обеспечения единообразия практики и аналитической поддержки принятия решений. Однако технологическая эффективность не может рассматриваться в отрыве от публично-правовых оснований правосудия.

Систематизация рисков выявила их глубинный, системный характер, затрагивающий ядро конституционных гарантий. Проблема распределения ответственности за решения, сформированные с участием алгоритмов, ставит под вопрос незыблемость принципа законности и подотчётности судебной власти. Алгоритмическая непрозрачность («эффект чёрного ящика») создаёт прямую угрозу таким фундаментальным принципам, как право на мотивированное судебное решение и право на эффективные средства правовой защиты, что ведёт к эрозии процессуальной справедливости. Выявленный риск институционализации дискриминации через предвзятые данные и модели требует переосмысления принципа равенства всех перед законом и судом в цифровую эпоху. Наконец, уязвимость конфиденциальных судебных данных в ИИ-системах актуализирует вопросы защиты права на частную жизнь и сохранения тайны правосудия.

Центральным тезисом настоящего исследования является утверждение о невозможности успешной цифровизации правосудия без ее предварительного и всестороннего облечения в строгую публично-правовую форму. Внедрение ИИ должно быть опосредовано созданием надежных правовых механизмов, обеспечивающих: четкое законодательное закрепление статуса алгоритмических систем и распределения ответственности между всеми субъектами; императивное требование к объяснимости (англ. explainability) и аудируемости алгоритмов, используемых в судопроизводстве; внедрение обязательных процедур проверки данных и моделей на предмет дискриминационных смещений; установление специализированных, повышенных стандартов кибербезопасности и защиты данных для судебных ИИ-платформ.

Перспективы дальнейших исследований видятся в детальной разработке конкретных нормативных конструкций и процедурных кодексов, регулирующих каждый из выделенных рисков. Необходим сравнительно-правовой анализ формирующегося на международном уровне регулирования «ответственного ИИ» применительно к специ-

фике судебной власти. Только на пути синтеза технологических возможностей и безусловного соблюдения публично-правовых ценностей возможно построение цифрового правосудия, которое будет не только эффективным, но и справедливым, легитимным и пользующимся доверием граждан.

Литература

1. National People's Court of China. White Paper on Smart Court Construction (2022) [Электронный ресурс]. – Supreme People's Court of the People's Republic of China, Beijing, 2022. – URL: https://english.court.gov.cn/2022-12/30/c_844121.htm (дата обращения: 03.12.2025).
2. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) [Электронный ресурс]. – Gaithersburg (MD): U.S. Department of Commerce, 2023. – URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Казанбиева А. Х., Беззабара В.Р., Шаповалов М.В., Соловьев М.А. Применение аналитики больших данных в правовой сфере: возможности и перспективы // Вестник Академии знаний. 2025. № 2 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-analitiki-bolshih-dannyh-v-pravovoy-sfere-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 03.12.2025).
5. Шундилов К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-pravosudii-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 03.12.2025).
6. Филина Н. В., Гудков Ю.А., Сенин И.Н. Юридическая ответственность искусственного интеллекта: теоретические модели и практические решения // Журнал прикладных исследований. 2025. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-teoreticheskie-modeli-i-prakticheskie-resheniya> (дата обращения: 03.12.2025).
7. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence [Electronic resource] / ed. by Larry A. DiMatteo, Michel Cannarsa, Cristina Poncibò. – Cambridge: CUP, 2023. – URL: <https://doi.org/10.1017/9781009367783> (дата обращения: 07.11.2025).
8. Караева А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в российском уголовном судопроизводстве сквозь призму зарубежного опыта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve-skvoz-prizmu-zarubezhnogo-opyta> (дата обращения: 03.12.2025).
9. Баннов, А.В. Искусственный интеллект в судебной системе Российской Федерации / А.В. Баннов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 242–246. – URL: <https://moluch.ru/archive/551/121259> (дата обращения: 03.12.2025).
10. Володин Е.А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения // Юридическая наука. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnye-protsessy-avtomatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-pravoprimeneniya> (дата обращения: 03.12.2025).

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DIGITAL JUSTICE: PUBLIC LAW RISKS

Vronskaya M.V., Kuznetsov A.V.
Vladivostok State University

This article provides a comprehensive analysis of the public law risks associated with the integration of artificial intelligence (AI) technologies into the field of digital justice. The authors explore the contradiction between the technological potential of AI for optimizing legal proceedings, such as document management automation, predictive analytics, and intelligent analysis of law enforcement practice, and the fundamental principles of justice enshrined in constitutional and legal systems. The main focus is on systematizing key challenges that arise at the intersection of technology and public law: the problem of allocating legal responsibility for algorithmic errors, the phenomenon of the "black box" and related threats to transparency and validity of court decisions, the risks of algorithmic discrimination due to biased data, as well as issues of ensuring the confidentiality and security of judicial information. Based on a comparative analysis of foreign experience and domestic initiatives, it is proved that the uncontrolled introduction of AI can undermine the basic guarantees of fair trial, judicial independence and legal certainty. The paper substantiates the need to develop a holistic public law regulatory model that would ensure balanced innovation while giving absolute priority to the protection of human rights and the rule of law. The article contributes to the development of the digital justice doctrine and suggests directions for further scientific research and rule-making activities.

Keywords: artificial intelligence, digital justice, public law risks, algorithmic responsibility, transparency of algorithms, discrimination in AI, protection of personal data, judicial system, right to a fair trial.

References

1. National People's Court of China. White Paper on Smart Court Construction (2022) [Electronic resource]. – Supreme People's Court of the People's Republic of China, Beijing, 2022. – URL: https://english.court.gov.cn/2022-12/30/c_844121.htm (date of access: 12/03/2025).
2. National Institute of Standards and Technology. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0) [Electronic resource]. – Gaithersburg (MD): U.S. Department of Commerce, 2023. – URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/nist.ai.100-1.pdf> (date of request: 03.12.2025).
3. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 [Electronic resource]. – Approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (date of request: 03.12.2025).
4. Kabanbieva A. Kh., Bezzabara V.R., Shapovalov M.V., Soloviev M.A. Application of big data analytics in the legal sphere: opportunities and prospects // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. No. 2 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-analitiki-bolshih-dannyh-v-pravovoy-sfere-vozmozhnosti-i-perspektivy> (date of request: 03.12.2025).
5. Shundikov K.V. Artificial intelligence in Russian justice: state and prospects // Education and Law. 2023. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-pravosudii-sostoyanie-i-perspektivy> (date of request: 03.12.2025).
6. Filina N. V., Gudkov Yu. A., Senin I. N. Legal responsibility of artificial intelligence: theoretical models and practical solutions // Journal of Applied Research. 2025. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-otvetstvennost-iskusstvennogo-intellekta-teoreticheskie-modeli-i-prakticheskie-resheniya> (date of request: 03.12.2025).
7. The Cambridge Handbook of the Law, Ethics and Policy of Artificial Intelligence [Electronic resource] / ed. by Larry A. DiMatteo, Michel Cannarsa, Cristina Poncibò. – Cambridge: CUP, 2023. – URL: <https://doi.org/10.1017/9781009367783> (date of request: 11/07/2025).
8. Karaeva A.A. Prospects of using artificial intelligence in Russian criminal proceedings through the prism of foreign experience // Law and the State: theory and practice. 2023. № 6 (222). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve-skvoz-prizmu-zarubezhnogo-opyta> (date of request: 03.12.2025).
9. Bannov, A.V. Artificial intelligence in the judicial system of the Russian Federation / A.V. Bannov. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – № 52 (551). – Pp. 242–246. – URL: <https://moluch.ru/archive/551/121259> (date of request: 03.12.2025).
10. Volodin E.A. Features of the introduction of artificial intelligence in judicial processes: automation and digitalization of law enforcement // Legal Science. 2025. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnye-protsessy-avtomatizatsiya-i-tsifrovizatsiya-pravoprimeneniya> (date of request: 03.12.2025).

Душкина Ольга Николаевна,

доцент кафедры гражданского и трудового права, СЗИУ
РАНХиГС

E-mail: 7473109@mail.ru

Статья посвящена анализу ключевых проблем в сфере оказания квалифицированной юридической помощи – отсутствию единых стандартов качества, неэффективности механизмов ответственности и информационной асимметрии. В качестве системного решения рассматривается введение адвокатской монополии на судебное представительство. Автор исследует потенциальные последствия этого шага – от повышения гарантий качества и профессиональной дисциплины до рисков роста стоимости услуг и снижения их доступности. На основе сравнительно-правового анализа предлагается модель дифференцированной и поэтапной монополии, направленной на поиск баланса между интересами общества, профессии и государства.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокатская монополия, судебное представительство, доступность правосудия, качество юридических услуг, адвокатура, сравнительно-правовой анализ, правовой рынок.

Право на получение квалифицированной юридической помощи – одно из основных прав человека, реализующее право каждого на свободный доступ к правосудию. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. Исходя из содержания п. 3 постановления Конституционного суда РФ от 28.01.1997 № 2-П, задачей государства является обеспечение прав на получение именно квалифицированной юридической помощи, а не юридической помощи в самом широком ее понимании¹. Вопросы качества оказываемых юридических услуг уже достаточно долго являются предметом дискуссий и представляют собой сложный предмет научной рефлексии и публичной полемики, в которой пересекаются интересы и позиции различных ключевых акторов: государства (как регулятора и гаранта прав), профессионального сообщества (адвокатуры и иных юридических корпораций), гражданского общества (потребителей услуг и правозащитных институтов) и академической среды. Каждая из сторон диктует собственную систему аргументации, отражающую её институциональные интересы, ценностные ориентации и понимание публичной миссии права.

На протяжении многих лет учеными -концептуалистами озвучивались идеи о необходимости введения «адвокатской монополии», как института, качественно меняющего порядок оказания юридической помощи, при этом главным тезисом оставался анализ рынка юридических услуг европейских и других стран. Так, английский рынок юридических услуг представлен интересной схемой, а именно в виде двух видов юристов: солиситорами (консультанты) и барристерами (адвокаты)². В целях контроля за реализацией адвокатской монополии в Японии закон определяет несанкционированную юридическую практику как преступную деятельность³. Германия помимо наличия адвокатской монополии на юридическую деятельность, характеризуется территориальной привязкой каждого адвоката (коллегии) к конкретному суду⁴. При этом, очевидно, что нельзя слепо и механически перенимать законы и правовые системы других стран, потому что право это часть сложной социальной системы, которая выросла из уникальной истории, культуры, экономики и менталитета конкретного народа.

Принятие Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ привело к созданию независимой и самоуправляемой адвокатской корпорации. Тематические дискуссии имели место в связи с опубликованным Министерством Юстиции проектом Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи», в соответствии с которым с 1 января 2023 г. представительство во всех судебных инстанциях должны были осуществлять только адвокаты. Критический анализ положений Концепции был осуществлен представителями юридической науки и адвокатского сообщества через различные коммуникативные каналы: от рецензируемых научных журналов до профессиональных интернет-порталов. Результатом указанной полемики стал законопроект, затронувший интересы всего профессионального сообщества, который в июле 2025 года опубликовал Минюст. Основная мысль указанного законопроекта в том, что представлять интересы в судах смогут только обладатели адвокатского статуса, что, безусловно, затронет интересы практикующих юристов.

Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренного в статье 48 Конституции Рос-

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Российская газета. 2004. 27 июля

² Дискаришвили А.Н. Адвокатская монополия: опыт зарубежных стран // Вопросы Российского и международного права. 2016. № 5. С. 138–146.

³ Кольченко А.И., Яременко Е.Я. Адвокатура в арбитражном процессе России и зарубежных стран // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1(12). С. 11–15

⁴ Качмазов Г.А. Понятие и основные принципы функционирования организационных форм деятельности адвокатов в РФ и Германии // Проблемы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 210–214.

сийской Федерации, осуществляется посредством институционального механизма, в рамках которого государство делегирует соответствующие полномочия корпорации адвокатов. Адвокатский статус, обеспеченный системой корпоративной дисциплины, профессиональной этики и гарантированной законом независимостью, определяет адвоката в качестве легитимного субъекта для исполнения данной публично-правовой функции. Данная правовая природа статуса формирует принципиальное отличие адвоката от юриста, не входящего в адвокатское сообщество, чья деятельность регулируется преимущественно нормами частного права и строится на началах диспозитивности и договорной свободы. Именно поэтому, ключевая исследовательская проблема заключается в анализе противоречий, возникающих на стыке публичных гарантий (в лице адвокатуры с ее особым статусом) и частной инициативы (в лице иных субъектов правового консультирования), а также в поиске оптимальной модели регулирования, обеспечивающей баланс между качеством услуг, их доступностью и профессиональной свободой.

Данный вопрос не является аподиктически разрешимым в плоскости правовой теории, будучи обусловленным контекстом правоприменительной деятельности и параметрами текущей правовой политики. Однако его социальная и институциональная значимость делает его объектом пристального научного внимания. Так, Ф.В. Вайнерман, анализируя понятие адвокатской монополии, указал следующее: «Основной целью развития адвокатской монополии как правового института является приведение в жизнь конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Ведь оказывать такую помощь может лишь субъект, обладающий специальными познаниями, установленными в рамках регламентированной законом процедуры. На сегодняшний день таким субъектом является адвокат. Кроме наличия специальных познаний гарантией оказания адвокатом квалифицированной юридической помощи является, например, запрет на допрос адвоката по обстоятельствам, которые стали ему известны в связи с осуществлением адвокатской деятельности, а также регламентация адвокатской деятельности рядом правил и стандартов¹. Гаврилова В.Д. считает, что «... эффективную и качественную помощь могут оказать практикующие юристы, не являющиеся адвокатами. В таком случае допустимо назвать такую помощь квалифицированной²».

Основным предметом профессиональной озабоченности адвокатского сообщества выступает перспектива расширения исключительных полномочий на сферы гражданского и арбитражного судопроизводства, по аналогии с установленной монополией в уголовном процессе. Субъекты, чья практика не связана с уголовной юрисдикцией, демонстрируют низкую мотивацию к инкорпорации в адвокатское сообщество. Данная позиция объясняется отсутствием экономических стимулов, поскольку существующая правовая возможность оказывать услуги по доверенности в иных сегментах правового рынка обеспечивает им стабильные доходы без необходимости принятия дополнительных корпоративных обязательств.

Ведущие правовые эксперты демонстрируют скепсис относительно вступления в профессиональную корпорацию, прогнозируя возможную утрату профессионально-деятельностной самостоятельности и установление режима интенсивного бюрократического регулирования со стороны палатных структур. Адвокатское сообщество, в свою очередь, выдвигает контраргумент о рисках массовизации профессии. Ликвидация фильтров при приеме в адвокатуру рассматривается как фактор, способный вызвать не только деградацию корпоративной этики и профессиональной культуры, но и обусловить статистически значимое снижение усредненных показателей профессиональной компетентности среди юридических специалистов в Российской Федерации.

В научной среде доминирует оценка адвокатуры как системообразующего института, обладающего наибольшим легитимационным потенциалом для выполнения роли судебного представителя. Тем не менее, функциональное перепрофилирование адвокатуры в сторону монопольного судебного представительства невозможно без создания условий для управляемого транзитного периода. Ключевым элементом такого перехода является исчерпывающая проработка концептуальных и процедурных вопросов, сформировавших проблемную повестку, которая находится в фокусе публичной дискуссии на протяжении многолетнего цикла, при этом по ряду направлений уже достигнуты конкретные результаты правового регулирования. Однако некоторые проблемы продолжают оставаться дискуссионными, что обуславливает их перманентное присутствие в академических и экспертных дебатах, реализуемых в разнообразных публичных форматах.

¹ Вайнерман. К вопросу о понятии адвокатской монополии и о праве на ее осуществление в российской законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3 № 1. С. 99–103

² Гаврилова В.Д. // Дневник науки. 2023. № 5. С. 77

В числе ключевых аспектов рассматриваемой проблемы находится проблема качества образовательных услуг в сфере юриспруденции. Особого внимания заслуживает тот факт, что образовательные программы юридического профиля реализуются в рамках непрофильных учебных заведений (технических, экономических и других). Этот феномен может давать основания для предположения о существовании обратной зависимости между степенью специализации образовательного учреждения и качеством подготовки выпускников-юристов.

Описанные условия инициируют дискуссию о соответствии формального образовательного ценза (диплома) реальным требованиям к компетенциям судебного представителя. Эта структурная проблема нуждается в комплексном правовом и педагогическом регулировании, что предполагает не только принятие специального законодательства о квалифицированной юридической помощи, но и трансформацию содержательных и методических аспектов юридического образования в направлении усиления его практической составляющей и Профессиональная квалификация выступает конститутивным признаком, легитимирующим доверительные отношения между юристом и клиентом, что существенно превосходит по значимости номинальное подтверждение образовательного уровня и показатели профессионального успеха.

Адвокат, допустивший грубые нарушения корпоративной этики и договорных обязательств, выражающиеся в игнорировании судебных процедур, отказе от финансовой и процессуальной отчетности перед доверителем при удержании предоплаты, с высокой долей вероятности подвергнется процедуре дисциплинарной ответственности с последующей дисквалификацией и исключением из профессионального сообщества. Эта санкция «де-факто» означает правовое отчуждение и утрату права на легальную практику. Тем не менее, мониторинговая функция адвокатской палаты зачастую оказывается недостаточной для пресечения нелегитимного продолжения профессиональной деятельности в обход утраченного статуса, что свидетельствует о дефектах постдисциплинарного контроля.

В правовом поле России деятельность юристов, не обладающих статусом адвоката, регулируется преимущественно нормами гражданского, а не специального профессионального права. Это формирует специфическую систему рисков и санкций за некорректные действия.

Основным последствием недобросовестного исполнения обязательств для такого юриста традиционно выступает гражданско-правовая ответственность в рамках договора возмездного оказания услуг (глава 39 ГК РФ). По иску доверителя суд может взыскать уплаченное вознаграждение, а также убытки, причиненные ненадлежащим исполнением. Ключевой особенностью является то, что данная мера носит компенсационный, а не запретительный характер: после исполнения решения суда специалист юридически не лишен возможности продолжать профессиональную деятельность, что создает потенциал для рецидива. В последние годы наметилась отчетливая тенденция к квалификации действий недобросовестных «лжеюристов» по составу уголовных преступлений, прежде всего, мошенничества (ст. 159 УК РФ). Следственная практика всё чаще фокусируется на доказывании прямого умысла, направленного на завладение денежными средствами клиента без намерения оказать квалифицированную юридическую помощь или с использованием заведомо незаконных средств. Это указывает на переход от рассмотрения подобных случаев как слабо договорных споров к их оценке как общественно опасных деяний.

Отсутствие у частнопрактикующего юриста без адвокатского статуса обязанности состоять в профессиональной корпорации (такой как адвокатская палата) освобождает его от действия Кодекса профессиональной этики адвоката и дисциплинарного контроля со стороны коллегиальных органов. Подобная «независимость» на практике часто трансформируется в дефицит эффективного публично-правового регулирования и внесудебных механизмов контроля. Профессиональная деятельность такого субъекта остается практически неподнадзорной до момента инициации правоприменительной процедуры самим пострадавшим доверителем (подачи иска или заявления в правоохранительные органы).

Лицо, исключенное из адвокатского сообщества за нарушение Кодекса профессиональной этики или ненадлежащее исполнение обязанностей, юридически не лишено права заниматься юридической деятельностью вообще. Это создает порочный круг, при котором наиболее проблемные практики не устраняются с рынка, а продолжают функционировать, легитимизируя и тиражируя низкие стандарты качества и этики. Таким образом, дисциплинарное взыскание в форме лишения статуса адвоката, будучи строгим в рамках корпорации, не решает общепрофессиональную задачу по защите потребителей от некомпетентных действий.

Привлечение к ответственности (дисциплинарной, гражданско-правовой, уголовной) остается сложным и редким явлением, так как

рассредоточенность субъектов права и отсутствие централизованного учета препятствуют накоплению информации о системных нарушениях и профессиональной репутации конкретного лица. Юристы, не обладающие статусом адвоката, действуют вне системы профессионально-корпоративной саморегуляции. Их деятельность не лимитирована императивными стандартами квалифицированной юридической помощи (как, например, принципами разумности, добросовестности и презумпции вины в случае неисполнения обязательств, закрепленными в Кодексе профессиональной этики адвоката). Это создает условия для морального риска: отсутствие риска профессионального отстранения (дисциплинарного исключения из корпорации) резко снижает для них потенциальные издержки от недобросовестного или неквалифицированного поведения. Редкие случаи привлечения к уголовной ответственности за мошенничество не являются эффективным сдерживающим фактором, так как они касаются лишь наиболее грубых форм злоупотреблений, оставляя без внимания массовые случаи халатности, некомпетентности и этических нарушений.

Прогнозируемые положительные последствия принятия законопроекта вполне понятны, в том числе для государства, которому будет проще взаимодействовать с единой легитимной корпорацией, чем с множеством различных субъектов. При этом, отсутствие конкуренции может сказаться и на качестве оказываемых адвокатом услуг, поскольку монополия – это не всегда «хорошо».

Следует также отметить, что в настоящее время фактически в процессуальном законодательстве введены элементы «профессиональной монополии» на судебное представительство. Так, согласно п. 2 ст. 49 ГПК РФ, представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. В соответствии с п. 3 ст. 59 АПК РФ, представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей и организаций, могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Статьей 55 КАС РФ также для представителей предусмотрено наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. Только действующая редакция КоАП РФ в настоящее время не предусматривает подобных требований к защитникам и представителям¹.

Ограничение конкуренции и создание высоких барьеров входа на рынок (экзамен, членские взносы) неизбежно приведут к увеличению цен, что скажется на уровне доступности квалифицированной помощи, особенно в регионах. Установление единого профессионального стандарта, формализованного через статус адвоката, сопряжено с риском институционального подавления профессионального плюрализма в сфере правовых услуг. Унифицированные критерии доступа к профессии (ориентированные, как правило, на компетенции в области судебного представительства и уголовно-процессуальной защиты) могут создать системное несоответствие для специалистов, чья основная деятельность лежит в иных, нетипичных для традиционной адвокатуры областях (консультирование, консалтинг и т.п.). вышеуказанное свидетельствует о необходимости разработки четкого механизма, позволяющего «не потерять» узких специалистов, экспертов.

Указанные обстоятельства могут привести к обратному эффекту: граждане начнут защищать себя самостоятельно, что увеличит нагрузку на суды и снизит эффективность судебной защиты, гарантированной Конституцией РФ.

Положение части 2 статьи 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», устанавливающее, что «адвокатская деятельность не является предпринимательской», создает формально-юридическую конструкцию, направленную на подчеркивание публично-правовой миссии и этико-профессиональных основ профессии. Данная норма призвана отделить адвокатуру от коммерческого сектора, акцентируя ее роль как института гражданского общества, обеспечивающего доступ к правосудию и защиту прав. Однако эта декларация вступает в очевидный конфликт с рыночной реальностью, в которой адвокаты оказывают услуги преимущественно на возмездной основе, конкурируют за клиентов, формируют ценовую политику и несут хозяйственные риски. Таким образом, возникает фундаментальный диссонанс между правовым статусом (непредпринимательский) и фактической экономико-

организационной моделью деятельности, что является источником постоянной дискуссии.

Парадоксальным образом, некоммерческий статус адвокатских образований (коллегий, бюро) не только не исключает, но и в определенных рамках легитимизирует коммерческую деятельность. Как разъяснила Федеральная палата адвокатов РФ, адвокатские образования вправе учреждать коммерческие юридические лица или участвовать в них. Ключевым условием является детальная регламентация в уставе: он должен не только разрешать «иную приносящую доход деятельность», но и содержать исчерпывающее целевое указание на направления использования полученной прибыли (например, на развитие материально-технической базы, повышение квалификации адвокатов, социальные программы). Тем самым, закон допускает гибридную модель, при которой «непредпринимательское» ядро (собственно защита и представительство) существует в симбиозе с сопутствующими коммерческими структурами, доходы от которых реинвестируются в уставные цели корпорации.

Повышение квалификации юридических кадров неразрывно связано с институциональными условиями, в которых осуществляется их профессиональная деятельность. Одним из ключевых и дискуссионных вопросов в этой сфере является модель корпоративного управления адвокатскими фирмами, а именно – определение круга субъектов, имеющих право на контроль и оперативное руководство.

Вопрос о допустимости владения долями (паями) в адвокатском образовании лицами, не обладающими статусом адвоката, затрагивает фундаментальный принцип профессиональной автономии. Разрешение «неадвокатам» быть собственниками создает риск коммерциализации контроля, при котором решения могут приниматься исходя из критериев финансовой рентабельности в ущерб профессиональной этике, конфликтным проверкам и стандартам качества защиты. Однако полный запрет на внешнее участие может ограничивать доступ фирм к капиталу, необходимым для технологического развития, масштабирования и привлечения высококлассных неюридических специалистов. Таким образом, дилемма заключается в поиске баланса между неприкосновенностью профессионального суждения и экономической эффективностью и устойчивостью юридического бизнеса.

Завершающим, но фундаментальным элементом системного реформирования адвокатуры является вопрос о юридической квалификации внутренних отношений внутри адвокатского образования. Выбор между моделью трудового договора и договором адвокатской контрактации (или иного гражданско-правового соглашения) определяет не только формальные условия сотрудничества, но и саму институциональную сущность адвокатской профессии в её соотношении с рыночными и социальными гарантиями.

Разрешение данной коллизии имеет далеко идущие последствия:

- Для адвоката: определяет уровень его социальной защищенности и экономической автономии, формируя либо статус социально защищенного, но зависимого специалиста, либо статус экономически рисующего, но формально независимого профессионала.
- Для адвокатского образования: влияет на структуру издержек, гибкость управления, распределение ответственности за результаты работы и качество услуг, а также на корпоративную культуру.
- Для профессии в целом: выбор модели сигнализирует о том, является ли адвокатура особым публично-правовым институтом с элементами социальной функции (что ближе к трудовой модели) или, прежде всего, рыночно-ориентированным профессиональным сообществом свободных практиков (что ближе к гражданско-правовой модели).

Таким образом, вопрос о монополии на судебное представительство является не просто регуляторным выбором, а решением о завершении процесса профессионализации. Он определяет, останется ли адвокатура одним из множества конкурирующих на рынке поставщиков юридических услуг, либо станет уникальным публично-правовым институтом с делегированными государством исключительными полномочиями в ключевой сфере – защите прав в суде. Этот выбор сопряжен с фундаментальным перераспределением ответственности: государство и общество, делегируя монополию, получают в лице адвокатской корпорации единого и контролируемого ответчика за качество судебного представительства.

Введение адвокатской монополии – это не техническая поправка, а цивилизационный выбор, определяющий будущее правовой системы. Оно может привести как к построению эффективной, ответственной и уважаемой профессии, так и к созданию закрытой, дорогой и бюрократической гильдии, недоступной для большинства граждан. Такой проект должен быть поэтапным, дифференцированным и содержать сильные компенсаторные механизмы, чтобы уравновесить выгоды монополии (качество, ответственность) и её риски (дорого-

¹ Новгородцев М.В. Сегал О.А. некоторые аспекты целесообразности введения адвокатской монополии в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. № 6. С. 1064–1070

Эффективность муниципального контроля в условиях ограниченного доступа к закрытым территориям: правовые и организационные аспекты

Елькина Александра Вячеславовна,

директор института специальных образовательных программ, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное право» Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: eav001@usla.ru

Штуллер Никита Владиславович,

студент Института государственного и международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: anoriginalname@mail.ru

В статье рассматривается необходимость объединения законодательных инициатив и организационных реформ для совершенствования систем муниципального контроля. Подчеркивается значимость налаженного взаимодействия с органами местного самоуправления и местным гражданским населением. Для достижения этих целей необходимо разработать крепкую правовую основу, дополняемую эффективными практическими механизмами, включая вовлечение граждан через общественные институты и применение современных технологий. Дальнейшие исследования и реформы в данной области помогут повысить прозрачность, эффективность управления и защиту интересов граждан. В результате таких изменений возможно ожидать укрепление правопорядка и доверия общества к институтам власти, что позволит создать более устойчивую и адаптированную систему управления.

Ключевые слова: муниципальный контроль, закрытые территории, органы местного самоуправления, ограниченный доступ, межведомственное взаимодействие, прозрачность, специализированный онлайн-ресурс, обмен данными, защита информации, обучение, сертификация, повышение квалификации.

В последние годы актуальность муниципального контроля возросла. В условиях складывающейся обстановки в стране и мире с учетом проведения СВО и для защиты Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории создаются новые закрытые административно-территориальные образования. Это связано с необходимостью обеспечения общественных интересов и интересов страны, безопасности граждан и соблюдения правопорядка. Вместе с тем разрабатываются новые и вносятся изменения в уже существующие нормы законодательства, в связи с чем возникает определенная проблематика, связанная с эффективностью на таких территориях муниципального контроля, выраженная в следующих аспектах: правовые акты, регулирующие деятельность в закрытых территориях, могут быть разработаны таким образом, что могут привести к конфликтам интересов между различными уровнями власти и затруднить внедрение эффективных мер контроля; ограниченный доступ к закрытым территориям создает трудности для полноценного мониторинга и оценки ситуации, что приводит к недостаточной информированности о происходящих на таких территориях процессах и, как следствие, к неэффективному управлению; отсутствие полноценной информации ведет к утрате доверия со стороны населения и может препятствовать активному сотрудничеству между органами власти и местными жителями, что также снижает общую эффективность контроля.

Как дополнительный фактор можно учесть и то, что необходимость адаптации муниципального контроля к современным технологиям и методам требует дополнительных ресурсов, знаний и навыков, что также является в определенной степени проблемой в условиях ограниченных бюджетов и нехватки квалифицированных кадров.

Законодательством РФ дано четкое определение муниципального контроля и определено как деятельность органов местного самоуправления, уполномоченных в соответствии с федеральными законами на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями требований, установленных муниципальными правовыми актами, а также требований, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, в случаях, если соответствующие виды контроля относятся к вопросам местного значения, а также на организацию и проведение мероприятий по профилактике нарушений указанных требований, мероприятий по контролю, осуществляемых без взаимодействия с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями. Порядок организации и осуществления муниципального контроля в соответствующей сфере деятельности (вида муниципального контроля) устанавливается муниципальными правовыми актами либо законом субъекта Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним муниципальными правовыми актами [2].

Обращаясь к другим нормативным актам в области организации местного самоуправления можно сделать вывод, что муниципальный контроль включает функции мониторинга, оценки и управления достаточностью ресурсов для выполнения задач местного значения. Основные задачи заключаются в обеспечении соблюдения законодательства, экспертизе объектов, находящихся на территории муниципального образования, и оценке воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду и осуществляется через специализированные органы, которые могут включать отделы по муниципальному контролю, инспекции по делам несовершеннолетних, экологические службы и т.п. [1–3].

Сложившаяся ситуация в области муниципального контроля, когда доступ к закрытым территориям существенно ограничен, предполагает поиск нового, более эффективного подхода к организации контроля [1, 3, 4]. В рассматриваемой ситуации речь идет не о закрытом административно-территориальном образовании в классическом виде, а о создании внутри муниципального образования или прилегающей к нему территории новой закрытой территории. Эта территория может существовать в виде филиала, находиться в непосредственном подчинении у вышестоящих ведомств или органов власти и иметь иные формы административной подчиненности. По сути, такая закрытая территория оказывается вне компетенции муниципального контроля со стороны органов местного самоуправления.

Соответственно муниципальный контроль, который осуществляется на уровне муниципального образования, оказывается ограниченным до крайне низкого уровня, поскольку реальная возможность контроля со стороны органов местного самоуправления сводится к минимуму. В данной ситуации контроль за деятельностью закрытой территории осуществляется непосредственно внутри ведомства или органа, к которому относится данная территория и которое имеет подчинение данной территории. Также в определенных случаях контроль может проводиться за пределами этой структуры – территориальными или региональными надзорными органами власти, к которым относится контроль на уровне плановых проверок, внеплановых проверок, а также по обращениям и запросам органов местного самоуправления либо граждан.

Иными словами, вместо активного муниципального контроля на уровне муниципального образования появляется система, при которой контроль за закрытой территорией возлагается на вышестоящие ведомства или контролирующие надзорные органы, а также на их планы и процедуры проверок.

Возможным решением проблемы ограниченной компетенции в муниципальном контроле закрытых территорий станет включение ряда мероприятий, направленных на повышение прозрачности и выстраиванию коммуникаций между данными субъектами власти. К таким мероприятиям можно отнести следующее: внедрение процедур согласования ключевых решений между руководством закрытого территориального образования и представителями органов местного самоуправления, что позволит оказывать влияние на принятие важных решений, сохраняя при этом административную независимость территории;

- обеспечение свободного доступа общественности и контролирующих органов к важной информации, включая ежегодные и ежеквартальные отчетные материалы, результаты ревизионных мероприятий, планы перспективного развития, бюджеты и схемы расходов;
- разработка специализированного онлайн-ресурса, содержащего полную и регулярно обновляемую информацию о целях, показателях эффективности, потенциальных рисках и мерах реагирования на выявленные нарушения;
- организация регулярных встреч и консультаций с участием представителей местных властей, государственных инспекционных служб и общественности;
- создание плана превентивных мер, учитывающего особенности функционирования закрытой территории и возможных угроз, таких как правонарушения, экологические угрозы и риски снижения безопасности инфраструктуры;
- формирование единых подходов к взаимодействию с гражданами и организациями, разъясняя полномочия органов контроля, обязанности субъектов правоотношений и механизмы подачи жалоб и обращений;
- обязательная публикация документов, фиксирующих решения специализированных рабочих комиссий, аудиторских выводов и актов проверочных мероприятий.

Реализация предложенных инициатив может обеспечить оптимизацию процесса контроля над функционированием закрытых территорий, снизить недостаточность контроля со стороны органов местной власти и повысит уровень доверия среди жителей. Так например, 22 сентября 2025 года состоялось Заседание Комиссии Совета Федерации по мониторингу законодательства РФ в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в РФ на тему «Анализ эффективности внедрения в работу контрольных органов индикаторов риска нарушения обязательных требований», на котором Председатель Комитета Совета Федерации по Регламенту и организации парламентской деятельности Вячеслав Тимченко отметил положительную динамику перехода на управление рисками, указав, что более 80% соответствующих мероприятий традиционны приходятся на федеральный уровень. По его словам, важно обеспечить сквозную реализацию риск-ориентированного подхода на всех уровнях власти, поскольку региональный и муниципальный контроль охватывают значимые виды деятельности. В ходе заседания участники отметили необходимость повышения эффективности риск-ориентированного подхода, оптимизации индикаторов риска, расширения практики профилактических визитов и включения в реформу новых контролирующих ведомств [5].

Еще одной проблемой, требующей особого внимания, является внедрение современных технологий, которые требуют первоначальных затрат на оборудование, программное обеспечение, развитие информационной инфраструктуры, квалифицированных специалистов в области цифровой обработки, анализа данных, информационной безопасности.

Для ее решения необходимо обеспечить единый формат данных, создание централизованных баз данных, обмен информацией между

муниципалитетами, территориальными органами и вышестоящими ведомствами различных структурных подразделений. Говоря более простым языком такое решение подразумевает под собой сбор, хранение, защиту и анализ колоссальных объемов данных, а также внедрение различных механизмов управления и аудита. Неподготовленному персоналу эффективно использовать новые инструменты, проводить оценку, формулировать объективные выводы и готовить качественные отчеты будет затруднительно, следовательно дополнительно необходимо реализовывать программы обучения, сертификации и постоянного повышения квалификации сотрудников, что также требует времени и финансовых затрат.

Развитие цифрового контроля и применения современных методов повышает требования к процессу управления, что может замедлить текущие операции на время обучения и перехода на новые подходы, пока сотрудники осваивают новые программные инструменты. Наконец, важно создать условия для постоянного взаимодействия между многочисленными органами, ведомствами и самое главное населением.

Внедрение цифровых инструментов должно сопровождаться прозрачной коммуникацией, обучающими программами для граждан и открытыми каналами для обратной связи, чтобы пользователи понимали новые процедуры и могли пользоваться ими без лишних препятствий.

Однако реализация предложенного решения в текущих условиях крайне затруднительна. Требования к единым формам данных, централизованным базам данных, межуровневому и межведомственному обмену, а также постоянным механизмам управления и аудита требуют, как минимум надежного программного обеспечения, которого для поставленных целей в данный момент нет. Этот и другие ключевые факторы в совокупности создают настолько высокий уровень препятствий, что реализовать предложенное становится либо крайне сложно, либо практически невозможно без значительного внешнего финансирования, поэтапной модернизации и долгосрочной стратегии развития.

Эффективность муниципального контроля в условиях ограниченного доступа к закрытым территориям является комплексной задачей, включающей правовые и организационные аспекты [4]. Устойчивое развитие системы муниципального контроля требует объединения законодательных инициатив, организационных реформ и активного взаимодействия с гражданским обществом. Так, для реализации предложенных мероприятий, направленных на повышение прозрачности и выстраивания коммуникаций:

1. Достаточно закрепить локально и (или) договорно: соглашения о взаимодействии, регламенты обмена информацией, форматы публичной отчетности, процедуры публичных сессий и обратной связи.
2. Целесообразно закрепить отдельным нормативным актом субъекта РФ или муниципальным актом: обязательность участия закрытых территорий в обмене агрегированными данными в профилактических мероприятиях; перечень подлежащих раскрытию показателей и периодичность их предоставления; требования к форматам данных, аудиту, а также к сертификации ответственных лиц; механизм независимого общественного наблюдения и подготовки публичных версий отчетов по итогам проверок и аудитов.

3. Отдельным нормативным актом: требования установить обязательность предоставления сведений, не урегулированную существующими законами; необходимость определить формы участия местного самоуправления в процедурах согласования решений, затрагивающих инфраструктуру, либо регламентировать независимый аудит и порядок доступа к ограниченными данным.

4. Существующей нормативной базы достаточно для организации коммуникаций, публичных консультаций, профилактических мероприятий, публикации агрегированных отчетов и внедрения информационного ресурса без доступа к сведениям ограниченного характера.

Важно отметить, что в связи с существующими целями и задачами, дальнейшие исследования и реформы в области муниципального контроля помогут обеспечить эффективное функционирование системы и защиту интересов граждан, что в конечном итоге приведет к укреплению правопорядка и доверия общества к муниципальным институтам власти.

Литература

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ с изм. и допол. в ред. от 20.03.2025.
2. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20.03.2025 № 33-ФЗ.

4. Закон РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14.07.1992 № 3297–1.

5. Росреестр на заседании СФ представил результаты внедрения индикаторов риска в надзорную деятельность // kartgeocentre.ru URL: <https://kartgeocentre.ru/polezno-znat/rosreestr-na-zasedanii-sf-predstavil-rezultaty-vnedreniya-indikatorov-riska-v> (дата обращения: 25.09.2025).

EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL CONTROL IN CONDITIONS OF LIMITED ACCESS TO CLOSED TERRITORIES: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

Elkina A.V., Shtuller N.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article discusses the need to combine legislative initiatives and organizational reforms to improve municipal control systems. The importance of well-established cooperation with local governments and the local civilian population is emphasized. To achieve these goals, it is necessary to develop a strong legal framework complemented by effective practical mechanisms, including the involvement of citizens through public institutions and the use of modern technologies. Further research and reforms in this area will help to increase

transparency, effective governance and protect the interests of citizens. As a result of such changes, it is possible to expect a strengthening of the rule of law and public confidence in government institutions, which will create a more stable and adapted management system.

Keywords: municipal control, closed territories, local governments, limited access, interdepartmental interaction, transparency, specialized online resource, data exchange, information security, training, certification, professional development.

References

1. Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation” dated October 6, 2003, No. 131-FZ, as amended and supplemented on March 20, 2025.
2. Federal Law “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control” dated December 26, 2008, No. 294-FZ.
3. Federal Law “On General Principles of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority” dated March 20, 2025, No. 33-FZ.
4. Law of the Russian Federation “On Closed Administrative-Territorial Formations” dated July 14, 1992, No. 3297–1.
5. Rosreestr presented the results of introducing risk indicators into supervisory activities at a meeting of the Federation Council // kartgeocentre.ru URL: <https://kartgeocentre.ru/polezno-znat/rosreestr-na-zasedanii-sf-predstavil-rezultaty-vnedreniya-indikatorov-riska-v> (date of access: 09/25/2025).

Моисеев Иван Алексеевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права, ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: ivan.moiseev.13@inbox.ru

Статья анализирует становление теоретико-правовой парадигмы конституционной защиты исторической правды в России. Рассматривается значение поправок 2020 года, трансформировавших историческую память в конституционную ценность. В структуре парадигмы выделяются ключевые элементы: аксиологический фундамент (традиционные ценности), нормативное ядро (императивные конституционные нормы) и инструментальный механизм (рассмотренный на примере норм уголовного и административного права). Сделан вывод о переходе к ценностно-ориентированной модели конституционализма, где защита исторической правды обеспечивает национально-культурный суверенитет.

Ключевые слова: историческая правда, конституционная парадигма, теоретико-правовые основы, традиционные ценности, конституционные поправки, защита исторической памяти, национальная идентичность, уголовно-правовая защита, административно-правовая защита.

Современный этап развития российского конституционного права характеризуется усилением его аксиологического измерения, что отражает тенденцию к нормативно-правовой материализации фундаментальных духовных и культурных основ государства. Концептуальным проявлением этого стало прямое закрепление в статье 67.1 Конституции РФ положения о защите исторической правды [1]. Данное нововведение имеет принципиальный характер, выходящий за рамки простого дополнения текста, и знаменует становление новой теоретико-правовой парадигмы.

Эта парадигма представляет собой системную совокупность взаимосвязанных принципов, ценностей, доктринальных установок и правовых механизмов. Она формирует целостный, нормативно закреплённый подход к пониманию, интерпретации и защите исторической памяти как основы конституционного строя, суверенитета и гражданского самосознания. Её становление является ответом на современные вызовы, связанные с фальсификацией истории и эрозией традиционных ценностей.

Нормативное содержание данной парадигмы раскрывается через несколько ключевых аспектов. Историческая правда приобретает статус охраняемого правом публичного блага, что влечёт за собой позитивную обязанность государства не только по его защите от искажений, но и по активному формированию достоверного исторического нарратива. Происходит юридическая констатация преемственности российской государственности от всех предшествующих форм, что исключает противопоставление исторических периодов и закладывает основу для единой национальной идентичности.

Функциональное предназначение новой парадигмы заключается в её двойственной роли: она служит одновременно правовым барьером и мировоззренческим фундаментом. С одной стороны, она создаёт легитимную основу для противодействия действиям, направленным на дискредитацию роли России в истории, реабилитацию нацизма или отрицание решающего вклада советского народа в победу во Второй мировой войне. С другой стороны, парадигма выполняет консолидирующую и воспитательную функцию, предлагая обществу целостную, ценностно-насыщенную интерпретацию общего прошлого как источника гражданской солидарности и политико-правовой легитимности современного государства. В этом смысле защита исторической правды становится инструментом обеспечения национальной безопасности в гуманитарной сфере, а её конституционализация знаменует переход от исторической политики как набора практик к исторической политике как полноценной составляющей конституционного строя.

Первый и ключевой элемент новой парадигмы – её глубокий ценностный фундамент. Защита исторической правды возникла не в правовом вакууме, а стала закономерным развитием и конституционным закреплением долгосрочной государственной политики, нацеленной на укрепление национально-культурного суверенитета и сохранение цивилизационной идентичности. Данная правовая норма органично укоренена в системе традиционных ценностей российского общества, таких как патриотизм, преемственность поколений, служение Отечеству и уважение к подвигу предков, что придает ей мощную социальную легитимность. Этот аксиологический контекст объясняет возникновение особого подхода к осмыслению прошлого. «Некоторые исследователями акцентируется внимание на так называемой национально-ориентированной исторической правде, которая характерна как для российского государства, так и для других государств, которые имеют своих героев и ключевые для данной страны исторические события» [8]. Охраняемая правда, таким образом, представляет собой не абстрактный набор фактов, а смысловой стержень, сплачивающий нацию вокруг разделяемых идеалов и общего исторического пути.

Благодаря такому ценностному и политико-правовому оформлению, историческая правда претерпевает существенную трансформацию: из предмета академических дискуссий она превращается в защищаемую государством конституционную ценность. Этот статус придает ей императивный характер, выводя за рамки исключительно научного поля и делая объектом правового регулирования и публичной защиты в интересах национальной безопасности и общественного согласия.

Следующим, вторым структурным элементом парадигмы, логически вытекающим из этого ценностного статуса, выступает конкретное

конституционное предписание, содержащееся в статье 67.1 Конституции РФ [1]. Оно выполняет роль нормативного ядра, учреждающего обязанность государства по активной защите исторической правды. Этот мандат имеет не декларативный, а учредительный характер: он служит правовым фундаментом для формирования целой системы отраслевого законодательства. При этом, как верно отмечается в заключении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2020 г. № 1-З, данная норма носит «неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не может расцениваться как устанавливающая государственную или обязательную идеологию» [4]. Это позволяет рассматривать ее как интегрирующую основу, способствующую консолидации общества вокруг разделяемых исторических и моральных ориентиров, не отменяя при этом принцип идеологического многообразия.

Третий, инструментальный элемент парадигмы, представляет собой разветвленный механизм реализации конституционного мандата. Данный механизм носит комплексный и многоуровневый характер, образуя два взаимосвязанных эшелона правовой защиты. Уголовно-правовой эшелон нацелен на нейтрализацию наиболее общественно опасных посягательств, таких как реабилитация нацизма и надругательство над символами воинской славы [2]. «Разумеется, даже формальное понимание конституционной идентичности не лишено политико-идеологического подтекста, ведь оно направлено на защиту фундаментальных конституционных норм, которые обладают ярко выраженным ценностным характером» [7]. Административно-правовой эшелон формирует барьер для менее опасных, но более массовых правонарушений, таких как пропаганда нацистской атрибутики [3]. Этот сложный правовой инструментарий призван охранять не произвольные трактовки, а ту историческую правду, которая формируется на строгой методологической основе.

Именно методология служит фундаментом, придающим легитимность объекту правовой защиты. Формирование и защита исторической правды изначально опираются на такую основу. В научном сообществе доминирует подход, согласно которому «историческая правда формируется на основе анализа исторических источников, архивных документов, свидетельств непосредственных очевидцев событий, высказываний экспертов и т.д.» [6].

Данный процесс, таким образом, представляет собой не только академическую практику, но и социально-консолидирующий механизм, где объективность методов призвана обеспечить общественное единство на основе разделяемых фактов. Однако если гносеологические принципы формирования этой правды изучены достаточно глубоко, то вопрос ее трансформации из предмета научного познания в объект целенаправленной государственной политики и правовой защиты исследован в значительно меньшей степени. Актуальность научной проработки данного механизма подтверждается тем, что «несмотря на достаточно высокую степень разработанности тематики исторической правды, в современной научной литературе фиксируется явная нехватка исследований» [9], посвященных именно правовым и административным инструментам ее охраны. Следовательно, возникает очевидный научный пробел: между хорошо изученной методологией установления исторических фактов и слабо исследованным правовым инструментарием их институциональной защиты и внедрения в публичное пространство.

Обращение к зарубежному опыту служит важным методологическим инструментом, который частично помогает заполнить существующий пробел и критически осмыслить формирующуюся отечественную правовую модель. Изучение законодательных подходов других государств позволяет выделить универсальные принципы защиты исторической памяти, а также понять, в какой мере национальное регулирование соответствует или отличается от общих тенденций. «Сравнительно-правовой анализ показывает, что установление правовых ограничений на интерпретацию исторических событий является распространенной практикой в ряде европейских государств (Германия, Франция, Австрия и др.), где криминализовано, например, отрицание Холокоста» [5]. Это указывает на общемировую тенденцию юрисдикции защиты ключевых исторических нарративов, которые воспринимаются как основа национальной идентичности и общественного согласия.

Подобные меры в разных странах представляют собой правовое закрепление исторических событий, имеющих основополагающее значение для национальной идентичности, с целью предотвращения их отрицания или фальсификации. В рамках этой общей тенденции российская правовая парадигма обладает своей выраженной спецификой, основанной на уникальном историческом опыте и конституционной системе ценностей. Эта специфика проявляется в создании комплексной системы охраны, сочетающей уголовно-правовые и административные механизмы, направленные на защиту исторической правды и памяти

о ключевых для национального самосознания событиях, что в совокупности формирует целостный подход к защите исторической памяти.

Таким образом, конституционное закрепление защиты исторической правды знаменует становление в России целостной теоретико-правовой парадигмы. Ее структурными элементами выступают: аксиологическое основание в виде системы традиционных ценностей; нормативное ядро, представленное императивным конституционным мандатом; и инструментальный механизм, учитывающий как международный контекст, так и национальные особенности. Данная парадигма отражает переход к ценностно-ориентированной модели конституционализма, где защита исторической памяти становится неотъемлемым элементом обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Дальнейшее развитие будет связано с поиском оптимального баланса между защитой исторической правды как основы общественного согласия и сохранением пространства для добросовестной научной дискуссии о прошлом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»» // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1526.
5. Ветошкина, Е.Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета / Е.Д. Ветошкина // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 11. – С. 129–138.
6. Фалалеева, И.Н. Защита исторической правды – новое направление государственной политики Российской Федерации / И.Н. Фалалеева, В.Д. Гаврилова // Право и практика. – 2021. – № 4. – С. 65–71.
7. Шустров, Д.Г. Конституционная идентичность и изменение Конституции / Д.Г. Шустров // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2020. – № 4. – С. 21–48.
8. Чупрыльников, С.А. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества / С.А. Чупрыльников, В.В. Касьянов, П.С. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические, Культурология. Политические науки. – 2023. – № 2. – С. 1–11.
9. Денисов, Ю.П. Публично-правовое обеспечение государственного управления в области охраны исторической памяти в Российской Федерации / Ю.П. Денисов // Право и политика. – 2025. – № 7. – С. 148–155.

THEORETICAL AND LEGAL PARADIGM OF THE CONSTITUTIONAL PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH

Moiseev I.A.

The All-Russian State University of Justice

The article analyzes the formation of a theoretical and legal paradigm of constitutional protection of historical truth in Russia. It examines the significance of the 2020 amendments, which transformed historical memory into a constitutional value. The paradigm structure includes key elements: an axiological foundation (traditional values), a normative core (imperative constitutional norms), and an instrumental mechanism (examined through the lens of criminal and administrative law norms). The conclusion is made about the transition to a value-oriented model of constitutionalism, where the protection of historical truth ensures national and cultural sovereignty.

Keywords: historical truth, constitutional paradigm, theoretical and legal foundations, traditional values, constitutional amendments, protection of historical memory, national identity, criminal law protection, administrative law protection.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Federal Law Gazette. – 2020. – No. 11. – Art. 1416.
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ // Federal Law Gazette. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 195-FZ // Federal Register of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Article 1.

4. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020, No. 1-Z "On the Compliance of the Provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation with the Provisions of the Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation 'On Improving the Regulation of Certain Issues Related to the Organization and Functioning of Public Power' that Have Not Entered into Force" // Federal Register of the Russian Federation. – 2020. – No. 11. – Art. 1526.

5. Vetoshkina, E.D. Denial of the Holocaust: Social Conditionality and Comparative Analysis of the Criminal Law Prohibition / E.D. Vetoshkina // Lex Russica. – 2020. – Vol. 73, No. 11. – Pp. 129–138.

6. Falaleeva, I.N. Protection of Historical Truth – a New Direction of the State Policy of the Russian Federation / I.N. Falaleeva, V.D. Gavrilova // Law and Practice. – 2021. – No. 4. – Pp. 65–71.

7. Shustrov, D.G. Constitutional Identity and the Amendment of the Constitution / D.G. Shustrov // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2020. No. 4. pp. 21–48.

8. Chuprynnikov, S.A. Historical truth and the problems of its protection in the context of the formation of the historical memory of modern Russian society / S.A. Chuprynnikov, V.V. Kasyanov, P.S. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. Series: Historical, Cultural Studies. Political sciences. – 2023. – No. 2. – Pp. 1–11.

9. Denisov, Yu.P. Public Law Support for Public Administration in the Field of Historical Memory Protection in the Russian Federation / Yu.P. Denisov // Law and Politics. – 2025. – No. 7. – Pp. 148–155.

К вопросу о прокурорском надзоре за исполнением законов органами опеки и попечительства в части соблюдения прав и свобод несовершеннолетних

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета

E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Статья посвящена исследованию прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о несовершеннолетних. Автор исходит из положения о том, что семья, дети, семейные ценности и их поддержка являются одним из ключевых векторов внутренней политики России. Укрепление демографии и воспитание детей с поддержкой традиционных ценностей становятся актуальными вопросами повесток заседаний палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Прокурор, осуществляющий надзор за исполнением законов органами опеки и попечительства, становится тем субъектом, который может по результатам проведенной проверки восстановить права несовершеннолетнего и вовремя пресечь жестокое обращение с ребенком.

Представляется, что правильная организация прокурорского надзора за органами опеки и попечительства способна реально обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних, которые в силу своего возраста не могут самостоятельно отстаивать свои права и свободы. Органы прокуратуры в данной ситуации должны занимать во всех случаях активную позицию защитника несовершеннолетних.

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов органами опеки и попечительства, при реализации полномочий по защите прав и свобод несовершеннолетних органам прокуратуры Российской Федерации надлежит систематически оценивать их своевременность, эффективность применительно к каждой конкретной ситуации, не допускать случаев, когда через меры реагирования не решаются задачи прокурорского надзора.

Ключевые слова: органы прокуратуры; органы опеки и попечительства; права и свободы; несовершеннолетние; обеспечение законности.

Прокуратура Российской Федерации – орган, обеспечивающий защиту прав и свобод человека и гражданина, охрану интересов общества, гибко реагирующий на социальные потребности и государственные запросы. Органы прокуратуры стоят на страже законности и в зоне особого внимания держат определенные группы населения, в их числе – несовершеннолетние граждане. Защита, восстановление прав и свобод несовершеннолетних выступает для органов прокуратуры Российской Федерации несомненным приоритетом.

Семья, дети, семейные ценности и их поддержка являются одним из ключевых векторов внутренней политики России. Укрепление демографии и воспитание детей с поддержкой традиционных ценностей становятся актуальными вопросами повесток заседаний палат Федерального Собрания Российской Федерации.

В нашей стране вопросам воспитания детей, укрепления семейных ценностей уделяется приоритетное внимание государства и общества. Важно, чтобы каждый ребёнок был окружён заботой и любовью, рос здоровым и счастливым, развивал свои таланты и способности. Значимый вклад в эту большую, совместную работу вносит Российский детский фонд. Его благотворительные программы в сфере здравоохранения, образования, просвещения, творчества достойны самого глубокого признания [1]¹ – такая телеграмма Президента Российской Федерации опубликована на сайте Кремля, приуроченная к международному празднику дня защиты детей в 2024 году.

Важный шаг, сделанный в сторону дальнейшего укрепления и защиты правового положения детей, сделан внесением дополнений в текст Конституции Российской Федерации (Глава 3 Конституции Российской Федерации закреплена правовое положение детей и гарантии реализации защиты прав и законных интересов: дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим») [2]².

Обозначая такую позицию, законодатель определяет не только особое положение и статус ребенка в России, но и в равной мере возлагает ответственность на уполномоченные государственные органы по обеспечению реализации прав, свобод и интересов, а также по принятию меры по предупреждению и пресечению противоправных действий в отношении несовершеннолетних.

В современной России по – прежнему достаточно остро стоит проблема семейно-бытового насилия и истязания детей, жестокого с ними обращения в приютах и пансионатах, применения различных форм психологического насилия.

Так, в 2017 году завершилось рассмотрение уголовного дела по факту гибели несовершеннолетней в религиозной семье. В ходе следствия установлено и подтверждено жестокое обращение с погибшей и другими несовершеннолетними, проживавшими в семье.[3]³ Обвиняемыми по уголовному делу стали несколько женщин, взявших на воспитание шестерых детей, к некоторым из них приговором суда назначена мера наказания в виде реального лишения свободы.

Не теряют своей актуальности и жестокие меры воспитания детей со стороны родителей и законных представителей – и ремень, удары, шлепки, подзатыльники, оскорбления являются только началом списка «воспитательных мер». Наиболее изощренными способами истязания детей стали лишение еды, пристегивание наручниками, стояние на горохе и т.д. Ребенка лишали воли, заставляя скрывать происходящее в семье.

Отличительная особенность многих таких случаев – родители и законные представители не являются фигурантами уголовных либо административных дел, не состоят на специализированных учетах.

¹ Участникам и гостям мероприятий, посвящённых Международному дню защиты детей // (Электронный ресурс) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/74193> (дата обращения: 31.03.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

³ Мосейцевские «матушки» получили реальные сроки за истязания детей // (электронный ресурс) URL: WWW.YAR.KP.RU: <https://www.yar.kp.ru/daily/26743/3771554/> (дата обращения: 31.03.2025).

В этой связи представляется максимально важной задачей – обеспечение слаженной работы государственных органов, которые имеют возможность осуществлять систематическую профилактику жестокого обращения с детьми.

Отмеченное имеет отношение к комплексу государственных органов: органы опеки и попечительства (как уполномоченному по реализации государственного контроля за состоянием и условиями проживания несовершеннолетних), органам образования (детские дошкольные организации, школы, гимназии, колледжи. В особенности, когда речь идет о побоях именно педагог может начать «бить тревогу», призывая обратить внимание соответствующих органов на неблагополучие ребенка и попытаться пресечь жестокое обращение). В представленном списке обозначены и организации, оказывающие медицинские услуги, там, где несовершеннолетний состоит на учете по медицинским показаниям (нарушения здоровья могут быть вызваны систематическими побоями, влияющими не только на физическое, но и на психологическое состояние и развитие ребенка).

Направления деятельности прокуратуры, в рамках которых обеспечивается защита прав и свобод несовершеннолетних, определены Федеральным законом от 17.01.1992 N 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование и пр.)[4]¹.

Прокурор, осуществляющий надзор за исполнением законов органами опеки и попечительства, становится тем субъектом, который может по результатам проведенной проверки восстановить права несовершеннолетнего и вовремя пресечь жестокое обращение с ребенком.

Органы опеки и попечительства могут знать о неблагополучии несовершеннолетнего, однако бездействовать и относиться халатно к возложенным на них обязанностям. Результатом такого бездействия являются множественные факты возбуждения уголовного дела по делам о халатности, когда ребенку уже причинен вред здоровью, либо наступили иные, более тяжкие последствия[5]².

Представляется, что правильная организация прокурорского надзора за органами опеки и попечительства способна реально обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних, которые в силу своего возраста не могут самостоятельно отстаивать свои права и свободы. Органы прокуратуры в данной ситуации должны занимать во всех случаях активную позицию защитника несовершеннолетних, строго придерживаясь реализации положений приказа Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» от 13.12.2012 № 744³ [6].

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов органами опеки и попечительства, при реализации полномочий по защите прав и свобод несовершеннолетних органам прокуратуры Российской Федерации надлежит систематически оценивать их своевременность, эффективность применительно к каждой конкретной ситуации, не допускать случаев, когда через меры реагирования не решаются задачи прокурорского надзора.

Важно с целью недопущения типичных нарушений поддерживать на должном уровне организацию совместной работы органов опеки и попечительства, администраций и органов, ведающих вопросами управления жилищными фондами, в части обеспечения детей-сирот жилыми помещениями; образовательными организациями, организациями здравоохранения и иными органами и организациями, входящими с системой государственного социального обеспечения; с органами принудительного исполнения и т.д., совершенствуя и развивая новые форматы взаимодействия.

Прокурору следует систематически оценивать правильность и своевременность заполнения личных дел несовершеннолетних, полноту отчетов о расходовании средств опекунами, документов о распоряжении имуществом несовершеннолетнего.

Органами прокуратуры ежегодно выявляется большое количество правонарушений в анализируемой сфере надзора, что свидетельствует об актуальности тематики, свидетельствует о важной роли прокуратуры, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования деятельности всей прокурорской системы в этом направлении.

Литература

1. Участникам и гостям мероприятий, посвящённых Международному дню защиты детей // (Электронный ресурс) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/74193> (дата обращения: 31.03.2025).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
3. Мосейцевские «матушки» получили реальные сроки за истязания детей // (электронный ресурс) URL: WWW.YAR.KP.RU: https://www.yar.kp.ru/daily/26743/3771554/ (дата обращения: 31.03.2025).
4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. № 39. 18.02.1992.
5. См. например. <https://www.yar.kp.ru/daily/26319.4/3198065/> (дата обращения: 31.03.2025).
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и соблюдением их прав и законных интересов» от 13.12.2021 /Законность, 2022 № 1.

PROSECUTORIAL OVERSIGHT OF GUARDIANSHIP AND TRUSTEESHIP AUTHORITIES' ENFORCEMENT OF MINORS' RIGHTS AND FREEDOM

Potapova L.V.
Ural State Law University

This article analyzes prosecutorial oversight of the enforcement of Russian Federation legislation pertaining to minors. It posits that family, children, family values, and their support are central tenets of Russia's domestic policy. Strengthening demographics and nurturing children in line with traditional values are increasingly pressing concerns addressed by the Federal Assembly. The prosecutor, by overseeing the activities of guardianship and trusteeship authorities, plays a crucial role in restoring minors' rights and promptly preventing child abuse based on investigative findings. Effectively organized prosecutorial oversight is vital for safeguarding the lives and health of minors, who, due to their age, are unable to independently defend their rights and freedoms. In this context, prosecutorial bodies must proactively act as advocates for minors. When exercising oversight over guardianship and trusteeship authorities, the Prosecutor's Office of the Russian Federation must systematically evaluate the timeliness and effectiveness of their actions in each case. This evaluation is crucial to prevent situations where reactive measures fail to achieve the objectives of prosecutorial oversight.

Keywords: prosecutorial authorities, guardianship and trusteeship authorities, rights and freedoms, minors, ensuring legality, child protection.

References

1. To participants and guests of events dedicated to International Children's Day // (Electronic resource) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/74193> (accessed: March 31, 2025).
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, October 6, 2022.
3. The Moseytsevsky "mothers" received real prison terms for torturing children // (electronic resource) URL: WWW.YAR.KP.RU: https://www.yar.kp.ru/daily/26743/3771554/ (date of access: 03/31/2025).
4. Federal Law of 01/17/1992 No. 2202–1 (as amended on 09/30/2024) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // RossiyskayaGazeta. No. 39. 02/18/1992.
5. See, for example, <https://www.yar.kp.ru/daily/26319.4/3198065/> (date of access: 03/31/2025).
6. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors and compliance with their rights and legitimate interests" dated 13.12.2021 / Legality, 2022 No. 1.

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. № 39. 18.02.1992.

² См. например. <https://www.yar.kp.ru/daily/26319.4/3198065/> (дата обращения: 31.03.2025).

³ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и соблюдением их прав и законных интересов» от 13.12.2021 /Законность, 2022 № 1.

Социально-активное-(заслуженное)-правомерное-поведение-работников: понятие, сущность и значение

Типикина Екатерина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, ФБГОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: e.v.tipikina@gmail.com

В статье рассматривается проблема социально-активного (заслуженного) правомерного поведения работников в современных условиях жизнедеятельности российского общества. Утверждается, что именно данный вид правомерного поведения работников является единственным основанием для их поощрения. Сформулированы определения понятий «социально-активное (заслуженное) поведение работника», «трудовая заслуга работника». При помощи научно-теоретического анализа соответствующих норм Трудового кодекса РФ обозначены основания для поощрения работников. Делается вывод, что добросовестное исполнение работниками своих трудовых обязанностей нельзя признать основанием для применения мер поощрения. Акцентируется внимание на необходимости четкого установления в Трудовом кодексе РФ понятия, признаков, составов заслуженных поступков работников и, в целом порядка поощрения.

Ключевые слова: социально-активное (заслуженное) правомерное поведение работников, трудовые заслуги, добросовестное исполнение трудовых обязанностей, работодатель, основание для поощрения работников, производительность труда, стимулирующие выплаты, премии, трудовые споры.

Социально-активное (заслуженное) правомерное поведение работников является единственным основанием для их поощрения и нуждается в комплексном трудовом правовом исследовании. Актуальность изучения такой разновидности правомерного поведения лиц, вступивших в трудовые отношения с работодателем, возрастает в связи с его крайне недостаточной регламентацией в Трудовом кодексе РФ и, как следствие, возникающими спорными вопросами в практике правоприменения. В целом научный анализ видов правового поведения повышает эффективность действия норм российского права.

В юридической науке сложились довольно разнообразные подходы к определению социально-активного правомерного поведения и пониманию его сущности. Вместе с тем анализ и обобщение основных положений общей теории права и теории трудового права, поставленному в статье вопросу, позволяют сделать вывод о том, что социально-активное поведение работников – это их заслуженное поведение, высшая форма (уровень) правомерного поведения, подлежащее поощрению. В литературе резюмируется: «О заслуженных поступках, заслуженном поведении следует говорить, опираясь на разработанные в юридической науке основы теории правомерного поведения...»¹ [5, с. 35]. В.В. Оксамытный отметил: «Принципиально главную, высшую форму правомерности поведения составляет социально-активное поведение... Право поощряет лишь социально активные правомерные действия личности» [7, с. 53–54]. Подобного мнения придерживался и В.П. Казимирчук: «Социальная активность – это высшая форма деятельности, системно-организованная по особой программе и направленная на благо как индивида, группы, так и более широких общностей» [2, с. 114, 117]. «Естественно, что активная деятельность лица, направленная на достижение оптимальных результатов, не может быть иной, кроме как превосходящей обычные требования, т.е. должна быть образцовой, примерной... Социально-активное (образцовое) поведение может выступать в форме трудовой заслуги...» [16, с. 77]. Н.А. Гущина отметила, что «социально-правовая активность, как самостоятельная разновидность правомерного поведения, превосходит обычные требования закона, конкретных правовых предписаний. Она выступает как более высокая степень качества правомерного поведения, осуществляемого с более высокой степенью интенсивности»² [Цит. по 5, с. 36]. В.В. Кожевников представил поощрение виде самого сильного стимула именно социально-активного правомерного поведения [3, с. 8]. В трудовом правовом исследовании следует обозначить мнение Н.В. Гудимова, выделившего трудовую активность работников: «добросовестное и точное исполнение работником своих трудовых обязанностей с совершением полезных творческих действий, превосходящих обычные требования (инициатива, деловитость, оперативность, высокая организованность, изобретательность, творческий поиск резервов, перевыполнение плановых показателей, норм выработки, внесение рационализаторских предложений и т.п.), т.е. в ней проявляются те свойства человека труда, которые лежат в основе его личного профессионального достоинства и утверждаются в процессе осуществления права на труд» [1, с. 66–67]. В свою очередь, В.И. Курилов писал: «формируемая комплексом социально-правовых средств, осознанная, волевая, внешне и внутренне обусловленная деятельность рабочих и служащих в трудовом правоотношении, представляющая такой уровень реализации прав и обязанностей, который превышает минимально установленные в праве нормы труда и иной социальной деятельности личности в трудовом коллективе» [4, с. 66–67, 69].

На основании предложенного в юридической науке определения «заслуженного поведения» под социально-активным (заслуженным) поведением работника следует понимать «особо полезное, желательное правомерное поведение работника, превосходящее обычные нормативно закреплённые требования к его должному, необходимому поведению, влекущее за собой применение мер поощрения и являющееся взаимовыгодным для работодателя, государства и всего обще-

¹ Малько А.В. Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории / А.В. Малько, Е.В. Типикина // Государство и право. 2019. № 11. С. 35

² Цит. по Малько А.В. Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории / А.В. Малько, Е.В. Типикина // Государство и право. 2019. № 11. С. 36.

ства»¹ [11, с. 7, 8, 14, 15; 10, с. 69–70]. «Трудовая заслуга (заслуженный поступок) – это добровольный, желательный, сознательно-волевой, добросовестный, общественно-полезный, социально-активный правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» работником своих трудовых обязанностей, либо с достижением им таких результатов в труде, которые превосходят по своим масштабам результаты обычного добросовестного труда и выступают основанием для применения поощрения»² [11, с. 7–8; 10, с. 93].

Анализ ст. 191 Трудового кодекса РФ позволяет выделить три вида основания поощрения работников:

во-первых – это добросовестное исполнение работниками своих трудовых обязанностей является основанием для таких видов поощрения как благодарность, премия, ценный подарок, почетная грамота, представление к званию лучшего по профессии;

во-вторых – другие основания поощрения работников, которые определяются коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка на уровне работодателя, а также уставами и положениями о дисциплине;

в-третьих – особые трудовые заслуги работников перед обществом и государством [12].

Однако, в данном правовом регулировании усматривается существенный недостаток-противоречие. Такое основание применения поощрения как добросовестное исполнение работниками своих трудовых обязанностей, возложенных на них трудовым договором, одновременно, выступает одной из статутных обязанностей работников [13]. Таким образом, исходя из прямого толкования закона, каждый работник может поощряться за выполнение своей прямой обязанности, т.е. за минимально необходимое, требуемое, должное поведение, что противоречит научно-теоретическим положениям и выводам. При этом, следует учесть, что невыполнение данной обязанности может квалифицироваться как правонарушение – дисциплинарный проступок и повлечь за собой применение мер дисциплинарной ответственности. Закон не определяет грань между должным, необходимым правомерным поведением работника и его социально-активным (заслуженным) поведением. Добросовестное исполнение работниками своих трудовых обязанностей не соответствует признакам социально-активного (заслуженного) правомерного поведения и не может являться основанием для поощрительных мер.

Отсылочные положения ст. 191 Трудового кодекса РФ к коллективному договору, правилам внутреннего трудового распорядка, уставам и положениям о дисциплине, предусматривающим другие виды поощрения работников, исключают наличие точного, общего понятия и характеристику основания поощрения работников, повышая тем самым количество вопросов и неясность в практике правоприменения. Не закреплены и критерии особых трудовых заслуг работников перед обществом и государством. М.В. Молодцов охарактеризовал особые трудовые заслуги как выдающиеся или особо выдающиеся достижения в работе, по своему общественному значению выходящие за рамки предприятия, учреждения, организации [6, с. 7].

В итоге можно констатировать факт отсутствия в Трудовом кодексе РФ четкого, единого определения понятия, признаков и конкретных видов основания для поощрения работников (составов заслуженных поступков). Более того, не регламентирован и общий порядок (процедура) поощрения работников, что является большим упущением. Требуется устранение указанных пробелов.

При таких обстоятельствах у работодателя появляется возможность злоупотреблений в поощрительных правоотношениях. Необоснованность, несправедливость поощрения, а также несоразмерность мер поощрения фактическим достижениям в труде, зачастую порождают трудовые споры. Дело в том, что как мощный правовой стимул, поощрение затрагивает интересы широкого круга работников, у которых, как правило, возникают вопросы, касающиеся условий (критериев) и процедуры поощрения.

Отдельным видом основания (социально-активного правомерного поведения) для поощрения работников выступают критерии, условия и показатели предоставления материального поощрения в виде стимулирующих выплат, входящих в состав оплаты труда (предусмотрен-

ные системой оплаты труда), к которым относятся доплаты и надбавки стимулирующего характера, премии и иные поощрительные выплаты. Они имеют особое значение, ведь от данного вида поощрения зависит размер заработной платы работника.

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности, поэтому Конституция РФ предусматривает в числе основных прав и свобод человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому, право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда [9].

Согласно ст. 135 Трудового кодекса РФ системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. В этой связи и основания для стимулирующих выплат также должны закрепляться в перечисленных источниках. Относительно установления работодателями систем премирования законодатель Федеральным законом от 7 июня 2025 г. № 144-ФЗ [15] конкретизировал правила и закрепил, что при установлении систем премирования коллективными договорами, соглашениями и локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, необходимо определять виды и размеры премий, сроки, основания, условия их выплаты работникам, учитывая также качество, эффективность и продолжительность работы, наличие или отсутствие у работника дисциплинарного взыскания и другие показатели. Кроме того, работодатель наделяется правом установить в локальном нормативном акте, с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, условие о снижении размера премии работнику в связи с применением к нему дисциплинарного взыскания, но только в отношении тех входящих в состав заработной платы работника премий, которые начисляются за период, в котором к работнику было применено соответствующее дисциплинарное взыскание, а размер снижения премии не может приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника более чем на 20 процентов.

Указанные правила предполагают гарантию обеспечения справедливого вознаграждения за труд в размере, соответствующем затраченным им трудовым усилиям, а также защиту от произвольного снижения заработка работника. Вместе с тем, согласно вышеуказанным нормам, работодатель должен регламентировать основания, критерии и условия, в частности, премирования, только в соответствии с действующим российским законодательством о труде, в котором, в свою очередь, к сожалению, отсутствуют четкие общие правила, закрепляющие определение понятия, виды стимулирующих выплат с характеризующими их отличительными признаками, основания и условия предоставления таких выплат работникам, при всей их значимости и необходимости.

Отдельного внимания заслуживает судебная практика, признающая случаи выплаты премий работникам в качестве фактов, подтверждающих исполнение обязанности работодателя по проведению индексации заработной платы [8]. Полагаем, что в подобных обстоятельствах премия, как наиболее эффективный правовой стимул социально-активного (заслуженного) поведения работников, утрачивает свою поощрительную сущность и функцию, в силу иного целевого назначения. В таких случаях работодатель не преследует цель поощрить работников за трудовые заслуги, а лишь формально повышает заработную плату в силу необходимости.

Работник материально и морально заинтересован в высоких показателях своего труда, так как предоставление определенных мер поощрения напрямую зависит от наличия в его действиях состава социально-активного заслуженного поступка (поведения). Поощрение является средством отличия, признания заслуг работников, которые добились успехов в труде. Возникновение стойкого интереса работника к достижению основания поощрения может обеспечить наивысшие производительность, эффективность и качество труда. Закрепление в Трудовом кодексе РФ четких оснований поощрения работников и последовательности их достижения с регламентацией видов конкретных мер поощрения стимулирует заслуженное поведение работников.

Высшая форма правомерного поведения (социально-активное заслуженное поведение) лиц, вступивших в трудовые отношения с работодателем играет важную роль в прогрессивном развитии трудовых отношений, достижении высоких результатов в работе, что, в свою очередь, способствует обеспечению таких национальных интересов

¹ См.: Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2008. С. 7–15; Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения / под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. Деятели науки РФ А.В. Малько. М., Юрлитинформ, 2010. С. 69–70.

² См.: Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2008. С. 7–15; Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения / под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. Деятели науки РФ А.В. Малько. М., Юрлитинформ, 2010. С. 93.

Российской Федерации, как развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан, укрепление отдельных традиционных российских духовно-нравственных ценностей (в частности, созидательного труда) в рамках реализуемых государством социально-экономической и правовой политики [14].

Литература

1. Гудимов Н.В. Поощрение трудовой активности // Советское государство и право. 1981. № 12. С. 65–69.
2. Казимирчук В.П. Социально правовая активность личности // В кн.: Социализм и личность. – М., Академия наук СССР Институт государства и права. 1979. 1141 с.
3. Кожевников В.В. Виды правомерного поведения // Юрист. 2005. № 5. С. 8–10.
4. Курилов В.И. Личность. Труд. Право. М., Юрид. лит. 1989. 336 с.
5. Малько А.В. Заслуженное поведение как основание для правового поощрения: необходимость формирования теории / А.В. Малько, Е.В. Типикина // Государство и право. 2019. № 11. С. 32–42.
6. Молодцов М.В. Поощрение за успехи в труде. М., Юрид. лит. 1977. 72 с.
7. Оксамытный В.В. Правомерное поведение личности. – Киев, Изд-во «Наукова Думка», 1985. 175 с.
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 г. № 88–25053/2025 (УИД 57RS0022–01–2023–002996–78); Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 г.); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2023 г. по делу № 88–2182/2023 (УИД 15RS0011–01–2021–011159–82) и другие.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 43–П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 г. № 16–П и другие.).
10. Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения / под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. Деятели науки РФ А.В. Малько. М., Юрлитинформ, 2010. 160 с.
11. Типикина Е.В. Заслуга как основание для правового поощрения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2008. 26 с.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 17.11.2025 г.) (Ст. 191) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Российская газета. 19 ноября.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 17.11.2025 г.) (Ст. 21) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Российская газета. 19 ноября.
14. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
15. Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3003.
16. Чирков А.П. Ответственность в системе права: учебное пособие. Калининград, 1996. 77 с.

SOCIALLY ACTIVE (DESERVED) LAWFUL BEHAVIOR OF EMPLOYEES: CONCEPT, ESSENCE, AND SIGNIFICANCE

Tipikina E.V.

Saratov State Law Academy

The article examines the problem of socially active (deserved) lawful behavior of employees in the current conditions of Russian society. It is argued that this type of lawful behavior is the only basis for employee rewards. The definitions of the concepts of “socially active (deserved) behavior of an employee” and “employee’s labor merit” are formulated. The article uses scientific and theoretical analysis of relevant provisions of the Labor Code of the Russian Federation to identify the grounds for employee rewards. It is concluded that the faithful performance of employees’ labor duties cannot be considered a basis for applying rewards. Attention is drawn to the need to clearly define the concept, features, and composition of employees’ merited actions in the Labor Code of the Russian Federation, as well as the overall procedure for rewarding them.

Keywords: socially active (deserved) lawful behavior of employees, labor achievements, conscientious performance of labor duties, employer, basis for rewarding employees, labor productivity, incentive payments, bonuses, and labor disputes.

References

1. Gudimov N.V. Encouragement of Labor Activity // Soviet State and Law. 1981. No. 12. Pp. 65–69.
2. Kazimirschuk V.P. Social and Legal Activity of an Individual // In the book: Socialism and the Individual. – Moscow, USSR Academy of Sciences Institute of State and Law. 1979. 1141 p.
3. Kozhevnikov V.V. Types of Lawful Behavior // Lawyer. 2005. No. 5. Pp. 8–10.
4. Kurilov V.I. Personality. Labor. Law. M., Yurid. lit. 1989. 336 p.
5. Malko A.V. Deserved Behavior as a Basis for Legal Encouragement: The Need for a Theory / A.V. Malko, E.V. Tipikina // State and Law. 2019. No. 11. Pp. 32–42.
6. Molodtsov M.V. Encouragement for Success in Labor. M., Yurid. lit. 1977. 72 p.
7. Oksamytny V.V. Legitimate Behavior of the Individual. – Kiev, Publishing House «Naukova Dumka», 1985. 175 p.
8. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 07.10.2025 No. 88–25053/2025 (UID 57RS0022–01–2023–002996–78); Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2017); Ruling of the Fifth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 02.03.2023. in case No. 88–2182/2023 (UID 15RS0011–01–2021–011159–82) and others.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 6, 2021 No. 43–P; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 11, 2023 No. 16–P and others.).
10. Tipikina E.V. Merit as a basis for legal encouragement / ed. jurid. Sciences, Prof., merit. A.V. Malko, a Russian scientist. Moscow, Yurilitinform, 2010. 160 p.
11. Tipikina E.V. Merit as a basis for legal encouragement. The abstract. diss. ... kand. jurid. sciences. Saratov. 2008. 26 p.
12. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on November 17, 2025) (Article 191) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Article 3; Rossiyskaya Gazeta. November 19.
13. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on November 17, 2025) (Article 21) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Article 3; Rossiyskaya Gazeta. November 19.
14. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Laws of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.
15. Federal Law No. 144-FZ dated 07.06.2025 «On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 23. Art. 3003.
16. Chirkov, A.P. Responsibility in the Legal System: A Study Guide. Kaliningrad, 1996. 77 p.

Антиквариат, культурные ценности, предметы искусства в наследственном праве: актуальные проблемы и решения

Алексеев Кирилл Александрович,

юрисконсульт, нотариальная контора, нотариуса
нотариального округа Санкт-Петербурга Кечик Натальи
Петровны
E-mail: 6634048@elkir.ru

В реалиях современной экономики предметы искусства и антиквариат все чаще рассматриваются не только как эстетические объекты, но и в качестве высокодоходных инвестиционных активов, которые формируют значительную часть наследственной массы. Между тем, действующий механизм гражданского оборота данных ценностей в России характеризуется существенной правовой неопределенностью. Исследование сфокусировано на выявлении и анализе системного противоречия между высокой материальной стоимостью культурных активов и архаичностью процедур подтверждения прав на них, когда нотариусы и добросовестные приобретатели лишены объективной возможности верификации титула собственника. Целью служит теоретическое обоснование и разработка концептуального «каркаса» модели Единого государственного реестра антикварных предметов и культурных ценностей. Автор аргументирует, что существующий «правовой пробел» — отсутствие централизованного учета — является ключевым фактором, провоцирующим криминализацию рынка и судебные конфликты при наследовании. В статье рассматривается функционал предлагаемого реестра (от фиксации провенанса до механизмов блокировки оборота похищенных предметов). Научный вклад заключается в предложении институционального решения проблемы идентификации движимых культурных ценностей, включающего как техническую архитектуру реестра, так и правовые механизмы его внедрения (в частности, «амнистию владения»). Сделан вывод о том, что переход к реестровой модели учета служит безальтернативным условием для защиты прав наследников и обеспечения прозрачности рынка. Материал представляет практический интерес для законодателей, нотариусов, искусствоведов, юристов, которые специализируются на наследственном праве и защите собственности.

Ключевые слова: антиквариат, гражданский оборот, единый государственный реестр, защита права собственности, культурные ценности, наследование, нотариат, предметы искусства, провенанс

Введение

В реалиях трансформации экономических отношений в современной России наблюдается устойчивый рост интереса к альтернативным инвестиционным инструментам, среди которых особое место занимают предметы искусства, антиквариат, культурные ценности. Формирование частных коллекций, которые рассматриваются владельцами не только как эстетический капитал, но и в качестве способа тезаврации (накопления) богатства, неизбежно актуализирует вопросы их гражданского оборота и, в частности, наследования.

Между тем, как представляется, существующая нормативно-правовая среда в этой сфере характеризуется фрагментарностью и наличием существенных пробелов, создающих риски как для законных владельцев, так и для добросовестных приобретателей. Центральной проблемой является отсутствие эффективного институционального механизма верификации прав собственности на движимые культурные ценности, находящиеся в частном владении. По существу, приходится сталкиваться с ситуацией «правовой неопределенности», когда передача активов стоимостью в миллионы рублей осуществляется на основе архаичных презумпций владения, которые не подкреплены документальной базой.

В данной статье автор нацелен на анализ ключевых проблем наследования и оборота предметов искусства через призму недостатков учетной системы, а также обоснование необходимости создания единого государственного реестра антикварных предметов и культурных ценностей как инструмента декриминализации рынка и обеспечения правовой «чистоты» сделок.

Материалы и методы

Совокупность изученных при написании статьи публикаций отражает несколько методологических линий исследования. Так, в работах Ю. Гаврилова [1] и В. Прокофьева [6] акцент делается на криминальных рисках и масштабах незаконного оборота культурных ценностей. Г.С. Краинская [3] предлагает криминалистический ракурс, описывая типовые механизмы хищений особо ценных предметов. А.А. Никонова [4], А.С. Федяева, М.Е. Родина [9] сосредоточены на специальных правилах наследования предметов искусства и антиквариата. К.Х. Гадоев [2], В.П. Пашин [5], А.Г. Холевчук, М.А. Зенченко [10] анализируют эволюцию наследственного законодательства и структурные проблемы правоприменения. И.В. Родичева и С.Н. Гуськова [7] вводят сравнительно-правовой аспект, демонстрируя, как в зарубежных моделях учитывается оборот культурных объектов. Р.Р. Фаисханов и В.М. Шеншин [8] рассматривают нетипичную, но показательно сложную категорию — объекты, обладающие культурной ценностью и одновременно находящиеся в незаконном обороте.

Выбор источников аргументируется их взаимодополняемостью: они охватывают как нормативную конструкцию наследования, так и уголовно-правовые риски, специфику экспертной идентификации ценностей, международный контекст. Вместе с тем, в массиве работ отчетливо просматриваются пробелы. Прежде всего, имеет место недостаточная проработанность критериев отнесения объектов искусства к культурным ценностям именно в наследственных спорах. Ограниченное внимание уделяется налоговым последствиям наследования таких предметов.

Для подготовки статьи по заявленной теме сделан упор на применение нормативно-догматического анализа (для реконструкции специального режима культурных ценностей), сравнительно-правового метода, криминологического и криминалистического подходов (когда речь идет о рисках незаконного происхождения предметов искусства), что позволяет комплексно оценить как правовые, так и фактические аспекты проблемы.

Результаты и обсуждение

Правовое регулирование оборота и наследования культурных ценностей в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровне-

вую систему, которая базируется на фундаментальных положениях Конституции РФ (статьи 35, 44), гарантирующих право наследования и одновременно обязанность граждан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) в части третьей устанавливает общие основания наследования, однако специфика предметов искусства как «особых» объектов гражданских прав требует системного толкования ряда специальных норм.

Ключевым специальным актом выступает Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ, которым вводится понятие негосударственной части Музейного фонда. Помимо этого, Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» содержит критерии отнесения предметов к таковым, но ориентирован, главным образом, на таможенный контроль, а не на внутренний гражданский оборот.

Вследствие этого возникает очевидный нормативный диссонанс: законодатель декларирует особую значимость культурных ценностей, но не предоставляет инструментария для их однозначной гражданско-правовой идентификации внутри страны. Именно этот институциональный пробел и порождает необходимость концептуального переосмотра подходов к учету антиквариата.

В настоящее время ключевой сложностью при наследовании антиквариата является подтверждение факта принадлежности имущества наследодателю. Согласно действующей практике, если предмет не включен в негосударственную часть Музейного фонда РФ (что является добровольной и редкой процедурой для частных лиц из-за накладываемых обременений), нотариус лишен объективной возможности проверить право собственности [2, 5, 9].

На практике это приводит к тому, что нотариусы вынуждены полагаться на фактическое наличие предмета в жилом помещении наследодателя и устные заявления наследников. В ситуации, когда документы на приобретение (чеки, договоры, сертификаты аукционных домов) утрачены, что характерно для семейных реликвий, возникает правовая коллизия. Любой спор между наследниками или третьими лицами о принадлежности картины либо старинной иконы заводит ситуацию в тупик; он разрешается зачастую лишь в судебном порядке с непредсказуемым результатом.

Помимо этого, отсутствие единой базы данных создает благоприятную почву для криминального оборота. По сведениям МВД, в базах розыска числятся десятки тысяч похищенных предметов искусства [1]. Пробел в законодательстве заключается в том, что злоумышленник, завладевший предметом, может свободно реализовать его или передать по наследству, поскольку единой системы, позволяющей мгновенно проверить «чистоту» титула конкретной статуетки или полотна при совершении нотариальных действий, попросту не существует [3, 4, 7, 8].

В таблице 1 представлен сравнительный анализ текущих рисков, которые инициируются из-за отсутствия системного учета.

Таблица 1. Анализ рисков в сфере оборота культурных ценностей при текущем регулировании (составлено на основе [2, 7–10])

Сфера отношений	Существующая проблема	Последствия для участников оборота
Наследование	Невозможность документальной верификации права собственности наследодателя нотариусом	Высокая вероятность споров между наследниками; риск включения в наследственную массу чужого или похищенного имущества
Купля-продажа	Отсутствие механизма проверки истории владения (провенанса) через независимый государственный источник	Риск изъятия предмета у добросовестного приобретателя (виндикация); невозможность использовать предмет как ликвидный залог
Уголовно-правовая охрана	Разрозненность баз данных похищенных ценностей; сложность идентификации предмета без детального описания	Легализация краденого через перепродажу; сложность возврата похищенного законным владельцам
Государственный контроль	Отсутствие полной картины о составе культурного достояния, находящегося в частных руках	Утрата уникальных объектов культурного наследия; нелегальный вывоз ценностей за рубеж

В качестве системного решения выявленных проблем предлагается создание Единого государственного реестра (ЕГРКЦ). Данный инструмент должен функционировать не как репрессивный механизм контроля, а в качестве цифровой платформы, с помощью которой гарантируется защита прав собственности.

Целесообразно выделить три ключевых направления эффективности внедрения такого реестра.

Во-первых, декриминализация рынка. Он должен содержать механизм «блокировки» статуса предмета. В случае кражи владелец (на основании постановления о возбуждении уголовного дела) получает возможность внести в реестр запись о хищении. Это делает предмет «токсичным» для легального рынка – любой покупатель или аукционный дом, проверив лот по базе, увидит криминальный след.

Во-вторых, обеспечение бесспорности наследования. Для нотариального сообщества выписка из ЕГРКЦ станет аналогом выписки из ЕГРН для недвижимости. Благодаря этому шагу устранился субъективизм при определении наследственной массы и снимается большинство споров между родственниками относительно того, кому принадлежала «бабушкина брошь» или коллекция монет – запись будет иметь правоустанавливающее значение.

В-третьих, легитимация вторичного рынка. При сделках купли-продажи между физическими лицами наличие записи в реестре снимет вопросы о незаконном владении. Это повысит ликвидность арт-активов и, вероятно, приведет к росту их рыночной стоимости за счет премии за «юридическую чистоту».

Предлагаемая функциональная структура ЕГРКЦ представлена в Таблице 2.

Таблица 2. Структурные особенности Единого государственного реестра культурных ценностей (ЕГРКЦ) (составлено автором)

Элемент системы (модули)	Функции и возможности	Ожидаемый эффект
«Идентификация»	Детальное описание предмета, фотофиксация, экспертное заключение, присвоение уникального ID-номера	Исключение подмены предмета; однозначная идентификация в гражданском обороте
«Собственность»	Фиксация текущего владельца, история переходов права собственности (провенанс)	Защита от мошенничества; упрощение процедур наследования и дарения
«Обременения и розыск»	Внесение отметок о залоге, аресте, судебном споре либо нахождении в розыске (по материалам уголовных дел)	Невозможность легальной реализации похищенного или спорного имущества; защита прав кредиторов
Интерфейс доступа	Разграниченный доступ (полный – для нотариусов и судов; ограниченный (статус предмета) – для покупателей)	Соблюдение тайны частной жизни при сохранении прозрачности рынка

По-видимому, внедрение такого масштабного инструмента потребует взвешенного подхода. Нельзя допустить, чтобы реестр превратился в бюрократический барьер. Авторские рекомендации сводятся к следующему:

- добровольно-заявительный порядок для предметов стоимостью ниже определенного порога, и обязательный – для объектов, которые признаны особо ценным культурным наследием;
- амнистия владения – при первичном внесении данных в реестр государство не должно требовать скрупулезных доказательств приобретения предметов, купленных десятилетия назад, если они не числятся в базах розыска Интерпола или МВД;
- интеграция с нотариатом. Предоставление нотариусам прямого доступа к реестру через Единую информационную систему нотариата (ЕИС) для оперативной проверки активов при открытии наследственных дел.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, целесообразно подчеркнуть, что текущая парадигма регулирования наследственных отношений в сфере оборота культурных ценностей исчерпала свой ресурс результативности. Отсутствие централизованной системы учета создает явные технические неудобства для нотариата, формирует серьезные системные риски для экономической безопасности арт-рынка, оставляя широкое поле для злоупотреблений, криминальных схем.

Предлагаемое создание Единого государственного реестра (ЕГРКЦ) видится не как очередная бюрократическая «надстройка», а как необходимый элемент цивилизованного гражданского оборота. Реализация данного механизма даст возможность решить триединую задачу: – правовую – обеспечив достоверность титула собственника и защиту добросовестного приобретателя;

– экономическую – повысив капитализацию, ликвидность частных коллекций за счет прозрачности их провенанса;
– социокультурную – способствуя декриминализации сферы искусства, сохранению национального достояния.

Как представляется, внедрение реестра, по сути, станет переходом от архаичного принципа «владения по факту» к современному – «владения по праву», подтвержденному государством. Представляется, что дальнейшие научные изыскания в данном направлении должны быть сосредоточены на разработке детальных регламентов межведомственного взаимодействия (Нотариальной палаты, Министерства культуры, МВД). Именно через институционализацию прозрачности реально превратить рынок антиквариата из зоны повышенного риска в стабильный сектор национальной экономики.

Литература

1. Гаврилов Ю. За год в России похитили более 77 тысяч культурных ценностей // URL: <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bolee-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html> (дата обращения: 04.12.2025).
2. Гадов К.Х. Об актуальных тенденциях развития наследственного права России // Молодой ученый. – 2024. – № 41 (540). – С. 130–134.
3. Краинская Г.С. Криминалистическая характеристика хищений предметов, имеющих особую ценность // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (107). – С. 99–106.
4. Никонова А.А. Особенности наследования культурных ценностей // Актуальные проблемы национального и международного права. Материалы VI научно-теоретической конференции. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 145–150.
5. Пашин В.П. Актуальные проблемы наследственного права в Российской Федерации // История, теория, практика российского права. – 2025. – № 18. – С. 58–65.
6. Прокофьев В. Громкие кражи из российских музеев. Досье // URL: <https://tass.ru/info/2379375> (дата обращения: 04.12.2025).
7. Родичева И.В., Гуськова С.Н. Институт наследственного права: правовые проблемы и зарубежный опыт их решения // Инновации в науке и технике: новые горизонты. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Ульяновск: 2025. – С. 656–665.
8. Фаисханов Р.Р., Шеншин В.М. О рассмотрении требований истца о включении находящегося в незаконном обороте оружия, имеющего культурную (историческую) ценность, в наследственную массу // Современное общество и право. – 2022. – № 6 (61). – С. 73–76.
9. Федяева А.С., Родина М.Е. Проблемы наследования предметов искусства и культурных ценностей // Молодой исследователь Дона. – 2024. – Т. 9. – № 5 (50). – С. 31–35.
10. Холевчук А.Г., Зенченко М.А. Основные проблемы осуществления и защиты наследственных прав и интересов в РФ // Проблемы управления социальными и экономическими системами в современной России. Сборник научных статей. – Ульяновск: 2024. – С. 253–256.

ANTIQUES, CULTURAL PROPERTY, AND WORKS OF ART IN INHERITANCE LAW: CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS

Alekseev K.A.

Notary Office of Natalya Petrovna Kechik

In today's economic environment, works of art and antiques are increasingly viewed not only as objects of aesthetic value but also as high-yield investment assets that constitute a substantial portion of hereditary estates. However, the current mechanism governing the civil circulation of such assets in Russia is marked by significant legal uncertainty. This study focuses on identifying and analyzing the systemic tension between the high material value of cultural assets and the archaic procedures for verifying rights to them, under which notaries and bona fide purchasers lack an objective opportunity to authenticate ownership titles. The aim is to provide a theoretical justification and develop a conceptual framework for a model of a Unified State Register of Antiques and Cultural Property. The author argues that the existing "legal gap"—the absence of centralized registration—is a key factor driving market criminalization and generating judicial disputes in inheritance cases. The article examines the proposed register's functionality, ranging from provenance recording to mechanisms that block the circulation of stolen items. The scholarly contribution lies in offering an institutional solution to the problem of identifying movable cultural property, encompassing both the technical architecture of the register and the legal mechanisms for its implementation (including a "possession amnesty"). The study concludes that transitioning to a registry-based model of accounting is an indispensable prerequisite for protecting heirs' rights and ensuring market transparency. The material is of practical relevance to legislators, notaries, art historians, and legal practitioners specializing in inheritance law and property protection.

Keywords: antiques, civil circulation, unified state register, protection of property rights, cultural property, inheritance, notariat, works of art, provenance

References

1. Gavrilov Yu. During the year, more than 77 thousand cultural objects were stolen in Russia // URL: <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bolee-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html> (date of reference: 04.12.2025).
2. Gadoev K. Kh. About current trends in the development of inheritance law in Russia // Young Scientist. – 2024. – No. 41 (540). – Pp. 130–134.
3. Krajinskaya G.S. Criminalistic characteristics of theft of objects of special value // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – No. 1 (107). – Pp. 99–106.
4. Nikonova A.A. Features of inheritance of cultural values // Actual problems of national and international law. Materials of the VI scientific and theoretical conference. – St. Petersburg: 2023. – Pp. 145–150.
5. Pashin V.P. Actual problems of inheritance law in the Russian Federation // History, theory, practice of Russian law. – 2025. – No. 18. – Pp. 58–65.
6. Prokofiev V. High-profile thefts from Russian museums. Dossier // URL: <https://tass.ru/info/2379375> (date of reference: 04.12.2025).
7. Rodicheva I.V., Guskova S.N. Institute of Inheritance Law: legal problems and foreign experience of their solution // Innovations in science and technology: new horizons. Collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference. – Ulyanovsk: 2025. – Pp. 656–665.
8. Faishkanov R.R., Shenshin V.M. On the consideration of the plaintiff's claims to include illegal weapons of cultural (historical) value in the hereditary mass. // Modern society and law. – 2022. – No. 6 (61). – Pp. 73–76.
9. Fedyaeva A.S., Rodina M.E. Problems of inheritance of art objects and cultural values // Young researcher of the Don. – 2024. – Vol. 9. – No. 5 (50). – Pp. 31–35.
10. Holvechuk A.G., Zenchenko M.A. The main problems of the implementation and protection of hereditary rights and interests in the Russian Federation // Problems of management of social and economic systems in modern Russia. Collection of scientific articles. – Ulyanovsk: 2024. – Pp. 253–256.

Проблема выбора оптимальной модели правового регулирования трансграничных договорных отношений с применением технологии распределенного реестра

Брыкина Софья Александровна,

преподаватель кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: br.sonya2013@yandex.ru

Статья посвящена поиску оптимальной правовой модели, способной регулировать трансграничные договорные отношения с использованием блокчейна. Показано, что проблема возникает из противоречия между потребностью в правовой определенности отношений, опосредованных технологией распределенного реестра, и имманентной децентрализованной, трансграничной и саморегулируемой природой данной технологии. Автор указывает, что классическая унификация права оказывается не в полной мере применима в данных условиях. При этом отмечается, что эффективным решением является выработка общих принципов и создание совместных правовых подходов в разных странах (гармонизация).

Ключевые слова: распределенный реестр, блокчейн, трансграничные договорные отношения, унификация, гармонизация, *lex informatica*, *lex cyprographia*.

Современный мир характеризуется стремительной глобализацией, в связи с чем роль трансграничных отношений неуклонно возрастает. Стираются границы, расширяется взаимодействие между физическими и юридическими лицами, находящимися в разных государствах, формируя сложную и многообразную систему взаимосвязей. Трансграничные отношения пронизывают практически все сферы человеческой деятельности – от международной торговли и инвестиций до культурного обмена и научных исследований. В условиях цифровизации данные отношения качественно видоизменяются, в связи с чем возникает проблема диссонанса между децентрализованной технологией и уже устоявшимся правовым регулированием.

Конфликт обусловлен принципиальными различиями, если технология распределенного реестра (блокчейн) предлагает: трансграничность по умолчанию, децентрализованность управления, автономность исполнения, анонимность, то классические варианты построения отношений в сфере международного частного права базируются на: привязке к определенной территории, признании государственных институтов, приоритете человеческого волеизъявления и воли при толковании условий договора над буквальным исполнением машинного кода. Данный диссонанс порождает правовую неопределенность, в связи с чем есть необходимость рассмотреть наиболее оптимальные модели правового регулирования, направленные к смещению акцента с императивных государственных норм в сторону более гибких инструментов.

«Мягкое право» в данном контексте представляет собой совокупность негосударственных, рекомендательных или иных факультативных норм, часто направленных на защиту прав потребителей и пользователей в цифровом пространстве [15]. Одним из проявлений такого гибкого подхода является саморегулирование, которое в литературе подразделяется на две формы: «Правовое саморегулирование – деятельность, инициированная и санкционированная государством, осуществляемая в соответствии с требованиями закона в конкретной сфере общественных отношений субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности. Неправовое саморегулирование, возникающее стихийно и развивающееся самообитно в конкретной сфере общественных отношений, а также в силу договоренности между участниками соответствующих отношений, в отсутствие правового регулирования, без контроля со стороны внешних регуляторов в лице государства, надгосударственных структур, международных межправительственных организаций» [12, с. 7].

Применительно к рассматриваемому виду правоотношений, можно говорить о том, что в данной сфере наиболее показательно развивается вторая форма саморегулирования, эффективность которого обусловлена осознанием общих интересов отрасли. Этот процесс привел к концептуализации *lex informatica* – системы негосударственных норм, регулирующих отношения в киберпространстве. В доктрине выделяются два основных подхода к его пониманию: как широкой системы норм для всего киберпространства [11, р. 177; 14, с. 431; 17, р. 216; 20, р. 553]; как *lex electronica* или как «закон электронной торговли» или «транснациональное законодательство в области электронного бизнеса» [13, с. 105; 19, р. 273], под которым понимается система транснациональных материальных норм и обычаев, регулирующих отношения, возникающие в ходе транзакций в электронной информационной среде.

Считаем необходимым согласиться с мнением М.В. Мажориной о том, что «*lex informatica*, можно рассматривать как совокупность норм негосударственного регулирования, как правило, технического или гибридного характера, направленных на формирование и управление технологической архитектурой глобальной сети Интернет и стандартизацию систем, способов и средств сбора, обработки, хранения и передачи информации, регламентирующих в том числе трансграничные частные отношения, реализуемые в киберпространстве» [16, с. 117]. Подобные нормы формируются пользователями преимущественно на основе диспозитивных правил и пользовательских соглашений. Глобальная природа Интернета, не ограниченная рамками каких-либо юрисдикций, приводит к тому, что такие сложившиеся стандарты часто подменяют под собой государственное законодательство, либо существуют независимо от него [21, с. 123].

Развитие блокчейн-технологий породило более специализированный правовой порядок – *lex cryptographia*. Его суть заключается в том, что регулирующая функция в значительной степени встроена в саму технологию: правила взаимодействия кодируются в самоисполняемых смарт-контрактах, а управление может осуществляться через децентрализованные автономные организации, которые выступают как гибридные договорные организации, созданные на базе блокчейна, не обладающие правосубъектностью и едиными органами корпоративного управления, выступая одной из форм саморегулирования [18, с. 35].

Проводя параллели с исторически развитым *lex mercatoria*, можно утверждать, что *lex cryptographia* является его цифровой проекцией в сфере блокчейн-отношений, а *lex informatica* – более широкой основой. Рассматривая соотношение между *lex cryptographia* и *lex informatica*, необходимо отметить, что оба правового порядка формируются на схожих принципах, однако имеют различные сферы применения и механизмы реализации. Сфера регулирования *lex informatica* охватывает широкий круг общественных отношений в цифровом пространстве, включая электронную коммерцию, где ключевую роль играет саморегулирование между контрагентами. В отличие от нее, *lex cryptographia* имеет более узкую предметную область, фокусируясь исключительно на отношениях, порождаемых использованием технологий блокчейн и криптовалют. Соответственно, саморегулирование происходит посредством функционирования системы распределенных реестров, направленной на упорядочивание широкого круга отношений, возникающих внутри платформы. То есть формируется саморегулирования система, основанная на реестре.

Саморегулирование, безусловно, представляет собой перспективный инструмент в регулировании трансграничных договорных отношений в цифровой среде. Между тем, несмотря на все преимущества, саморегулирование не обладает достаточной степенью обязательности и принудительной силой для полноценной защиты прав и законных интересов всех участников рынка, особенно в контексте трансграничных отношений. Следовательно, для обеспечения эффективного правового регулирования необходимо гармонизировать саморегулирование правила и стандарты с государственными и международными нормами.

Гармонизация представляет собой один из древнейших способов сближения правовых систем, фактически возникший одновременно с зарождением самого права и сопровождавший его на протяжении всей истории. В современных условиях гармонизация все чаще приобретает международный характер, что выражается в усилении международно-правовой составляющей этого процесса. Ведущую роль в этом процессе играют международные организации.

Комиссия ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ) последовательно адаптирует правовое регулирование к цифровой реальности. В качестве иллюстрации данной тенденции можно привести ряд международных документов, таких как: Типовой закон «Об электронной торговле» [2], Типовой закон «Об электронных подписях» [3], Типовой закон «Об электронных передаваемых записях» [4], Комментарии по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях [5]. Именно на их основе впоследствии была разработана Конвенция ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» [1].

Важным шагом стало принятие в 2022 г. Типового закона ЮНСИТРАЛ «Об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг» [6]. Этот документ впервые создал универсальную и согласованную на мировом уровне базу для цифровой идентификации субъектов права и обеспечения качества электронных данных, включая их трансграничное признание. В 2024 г. ЮНСИТРАЛ был принят Типовой закон Об автоматизированном заключении договоров [7], целью которого является упрощение использования автоматизированных систем. ЮНСИТРАЛ в настоящее время разрабатываются Стандартные положения в отношении договоров на предоставление данных [8], представляющие собой документ, призванный систематизировать и унифицировать правоотношения в сфере предоставления и оборота данных в любой форме.

Далее необходимо обратить внимание на деятельность Международного института унификации частного права (далее – УНИДРУА). Ввиду отсутствия в Принципах УНИДРУА специальных норм о договорах на блокчейне, целесообразно обратиться к анализу общих положений Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (далее – Принципы международных коммерческих договоров) [9]. В них, в частности, закреплено, что автоматизация процедур заключения и исполнения договора допустима при наличии предварительного согласия сторон, что фактически исключает необходимость их постоянного личного участия. Хотя договоры, основанные на смарт-

контракте, в Принципах прямо не упомянуты, данные положения формируют правовую основу для их легитимации.

Для снижения правовой неопределенности в разрешении частных правовых споров в цифровой среде 10 мая 2023 г. УНИДРУА утвердил Принципы цифровых активов и частного права (далее – Принципы) [10]. Этот документ содержит руководящие рекомендации для национальных законодателей по вопросам частного права, возникающим в контексте оборота цифровых активов. Они рекомендуют признавать цифровые активы объектом вещных прав, ключевым критерием которых является возможность осуществления «контроля» над электронной записью. Принципы также предлагают коллизионные привязки для определения права, регулирующего переход права собственности (к праву, указанному в самом активе или системе его учета).

Таким образом, формирование правового режима для технологии распределенного реестра происходит на пересечении нескольких тенденций: через механизмы «мягкого права» и саморегулирования формируются автономные цифровые правовые порядки, обеспечивающие гибкость и адаптивность правоотношений; международные организации предлагают модели гармонизации национальных законодательств на основе принципов технологической нейтральности, функциональной эквивалентности и признания новых объектов прав. Перспективная модель регулирования должна представлять собой многоуровневую систему, где саморегулирование выступает основной для регулирования отношений в рамках технического взаимодействия, международные организации в рамках процесса гармонизации задают общие принципы и стандарты, что обеспечивает гибкость и адаптивность правового регулирования к быстро меняющимся технологическим условиям.

Литература

1. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 26.11.2025).
2. Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (Принят на 29-й сессии Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. Рекомендован резолюцией 51/162 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 года) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 26.11.2025).
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001 год) // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures (дата обращения: 26.11.2025).
4. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017 год) // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (дата обращения: 28.11.2025).
5. Комментарии по основным вопросам, связанным с договорами об облачных вычислениях (подготовлено секретариатом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли, 2019 г.) // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/ru/cloud/drafting%20a%20contract> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг (2022 г.) // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlit> (дата обращения: 28.11.2025).
7. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об автоматизированном заключении договоров // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlac> (дата обращения: 24.11.2025).
8. Стандартные положения в отношении договоров на предоставление данных (третий пересмотренный вариант) // Официальный сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.9/WG.IV/WP.188> (дата обращения: 24.11.2025).
9. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. // УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).
10. Principles on Digital Assets and Private Law (Rome, 10–12 May 2023) // Official website The International Institute for the Unification of Private Law. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2023/04/C.D.-102-6-Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
11. Amelin R. Lex Informatica: Information Technology as a Legal Tool / R. Amelin, S. Channov, E. Lipatov // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1503. P. 177–189.

12. Болотаева О.С. Саморегулирование в сфере цифровых технологий // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2023. № 2. С. 5–10.

13. Казаченок С.Ю. Развитие lex electronica как предпосылка включения в арбитражное со глашение условия об онлайн-арбитраже // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 5: Юриспруденция. 2014. № 4 (25). С. 104–107.

14. Колосов А.В. Lex informatica: понятие и перспективы развития / А.В. Колосов // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах, Казань, 23 сентября 2022 года / Под редакцией И.Р. Бегишева [и др.]. Том 2. Казань: Издательство «Познание», 2022. С. 427–432.

15. Королёва И.В. Проблема определения понятия «мягкое право» // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 1 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-myagkoe-pravo> (дата обращения: 21.04.2025).

16. Мажорина М.В. Киберпространственные подсистемы lex mercatoria // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 3 (127). С. 109–123.

17. Mefford A. Lex Informatica: Foundations of Law on the Internet // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5: Iss. 1. Article 11. P. 211–237.

18. Олейник Е.В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // Гражданское право. 2023. № 4. С. 33–36.

19. Patrikios A. Resolution of Cross-border E-business Disputes by Arbitration Tribunals on the Basis of Transnational Substantive Rules of Law and E-business Usages: The Emergence of the Lex Informatica. University of Toledo Law Review. 2007. № . 38. P. 271–305.

20. Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // Texas Law Review. 1997. № 76(3). P. 553.

21. Шахназаров Б.А. Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № S5. С. 121–148.

THE PROBLEM OF CHOOSING THE OPTIMAL MODEL OF LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL RELATIONS USING DISTRIBUTED REGISTRY TECHNOLOGY

Brykina S.A.,
Saratov State Law Academy

The article is devoted to the search for an optimal legal model capable of regulating cross-border contractual relations using blockchain. It is shown that the problem arises from the contradiction between the need for legal certainty of relations mediated by distributed registry technology and the inherent decentralized, cross-border and self-regulating nature of this technology. The author points out that the classical unification of law is not fully applicable in these conditions. It is noted that an effective solution is to develop common principles and create joint legal approaches in different countries (harmonization).

Keywords: distributed registry, blockchain, cross-border contractual relations, unification, harmonization, lex informatica, lex cryptographia.

References

1. The UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (adopted by General Assembly resolution 60/21 of November 23, 2005) // Official UN website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (accessed: 26.11.2025).

2. The Model Law on Electronic Commerce of the United Nations Commission on International Trade Law (Adopted at the 29th session of the United Nations Commission on International Trade Law. Recommended by General Assembly resolution 51/162 of December 16, 1996) // UN official Website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (accessed: 26.11.2025).

3. The UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures (2001) // The official website of UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_signatures ((accessed: 26.11.2025).

4. The UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017) // The official website of UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records (accessed: 28.11.2025).

5. Comments on the main issues related to cloud computing treaties (prepared by the secretariat of the United Nations Commission on International Trade Law, 2019) // Official website of UNCITRAL. URL: <https://uncitral.un.org/ru/cloud/drafting%20a%20contract> (accessed: 28.11.2025).

6. The UNCITRAL Model Law on the Use and Cross-Border Recognition of Identity Management and Authentication Services (2022) // Official website of UNCITRAL. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlit> (accessed: 28.11.2025).

7. The UNCITRAL Model Law on Automated Conclusion of Contracts // The official website of UNCITRAL. URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlac> (accessed: 24.11.2025).

8. Standard Provisions for Data Contracts (third revised version) // Official website of UNCITRAL. URL: <https://docs.un.org/A/CN.9/WG.IV/WP.188> (accessed: 24.11.2025).

9. Principles of international UNIDROIT commercial contracts 2016 // UNIDROIT. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (accessed: 18.11.2025).

10. Principles on Digital Assets and Private Law (Rome, 10–12 May 2023) // Official website The International Institute for the Unification of Private Law. URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2023/04/C.D.-102-6-Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law.pdf> (accessed: 05.12.2025).

11. Amelin R. Lex Informatica: Information Technology as a Legal Tool / R. Amelin, S. Channov, E. Lipatov // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1503. P. 177–189.

12. Bolotaeva O.S. Self-regulation in the field of digital technologies // Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. 2023. № . 2. P. 5–10.

13. Kazachenok S.Y. The development of lex electronica as a prerequisite for the inclusion of conditions on online arbitration in the arbitration agreement // Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2014. № . 4 (25). P. 104–107.

14. Kolosov A.V. Lex informatica: the concept and prospects of development / A.V. Kolosov // Digital technologies and law: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes, Kazan, September 23, 2022 / Edited by I.R. Begishev [et al.]. Volume 2. Kazan: Publishing House «Cognition», 2022. P. 427–432.

15. Koroleva I.V. The problem of defining the concept of «soft law» // Society: politics, economics, law. 2019. № 1 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-ponyatiya-myagkoe-pravo> (accessed: 21.04.2025).

16. Mazhorina M.V. Cyberspace subsystems of lex mercatoria // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2025. № . 3 (127). P. 109–123.

17. Mefford A. Lex Informatica: Foundations of Law on the Internet // Indiana Journal of Global Legal Studies. 1997. Vol. 5: Iss. 1. Article 11. P. 211–237.

18. Oleinik E.V. Digitalization of corporate law: current trends // Civil Law. 2023. № . 4. P. 33–36.

19. Patrikios A. Resolution of Cross-border E-business Disputes by Arbitration Tribunals on the Basis of Transnational Substantive Rules of Law and E-business Usages: The Emergence of the Lex Informatica. University of Toledo Law Review. 2007. № . 38. P. 271–305.

20. Reidenberg J.R. Lex Informatica: The Formulation of Information Policy Rules through Technology // Texas Law Review. 1997. № 76(3). P. 553.

21. Shahnazarov B.A. Complex Interrelation of Blockchain Technology and Intellectual Property Objects in Cross-Border Private Law Relations // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № . S5. P. 121–148.

Бурцев Артемий Павлович,

аспирант, ФБГОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: artemiy.burtsev@gmail.com

Статья направлена на комплексный анализ валютной оговорки в коммерческих контрактах в условиях развития цифровых валют и расширении сферы их применения. Основной задачей ставится возможность использования цифровых активов в качестве валюты платежа и определение пределов их допустимости в трансграничных обязательствах. Анализируются доктринальные подходы к правовой природе валютной оговорки, а также рассматривается зарубежная практика, основанная на различных моделях регулирования цифровых активов. Отдельное внимание уделяется нормам о цифровых финансовых активах и положениям проводимого экспериментального правового режима, в рамках которого допускается проведение внешнеэкономических расчетов в цифровых валютах. Изучаются вопросы квалификации виртуальных валют в контексте Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, включая проблему отнесения цифровых активов к категории цены. Дополнительно рассматриваются публично-правовые ограничения, вытекающие из валютного регулирования, определяющие границы допустимого использования цифровых активов в качестве платежного средства.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что использование цифровых активов как составной части валютной оговорки возможно при условии отсутствия нормативных ограничений. В результате предлагаются направления модернизации регулирования, в частности – подходы к включению стейблкоинов в оборот и установлению их правового статуса для их регулирования валютным законодательством и устранение правовых неопределенностей.

Ключевые слова: валютная оговорка, криптовалюты, цифровые финансовые активы, валютное регулирование, цифровая валюта.

Введение

В условиях постоянного усложнения международного экономического оборота и расширения спектра применяемых сторонами инструментов расчетов возрастает значение инструментов, обеспечивающих устойчивость договорных обязательств. Одним из таких инструментов является валютная оговорка, позволяющая обезопасить стороны договорных правоотношений от влияния колебания валютных курсов и обеспечить предсказуемость ценообразования.

Традиционно валютная оговорка считалась реализацией принципа свободы цены. Однако современная практика демонстрирует, что валютная оговорка давно вышла за пределы обычного инструмента номинирования денежного обязательства и превратилась в комплексный правовой механизм, на который воздействуют нормы гражданского законодательства, регулирования криптовалют, валютного регулирования, а также международные стандарты в сфере финансовой отчетности.

Развитие виртуальных валют и появление стейблкоинов поставили перед порядками новые вопросы соотношения понятия денежных средств и виртуальных валют в правоотношениях между резидентами разных стран, совместимы ли такие транзакции с императивными нормами валютного законодательства. Это является особо важным в случае продолжающегося реформирования российского законодательства о цифровых финансовых активах и проведения экспериментального правового режима с криптовалютой.

Представленное исследование направлено на комплексный анализ валютной оговорки в динамике, включении в ее состав виртуальной валюты, проблемы квалификации таких платежей, сопоставление подходов различных порядков и выявление ключевых ограничений, определяющих возможность использования новых цифровых инструментов в трансграничных обязательствах.

Методологическая база проведенного исследования представлена общенаучными методами, среди которых индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение и абстрагирование, сравнение и классификация, а также аналогия. Также были использованы частно-научные методы, характерные для юридической науки, из которых стоит отметить формально-юридический, использованный для анализ гражданского законодательства Российской Федерации и зарубежных порядков в сфере регулирования валютных оговорок и криптовалют. Позволил определить правовую природу валютной оговорки и объем ее содержания.

Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении правового регулирования валютных оговорок и виртуальных валют, отношение порядков к косвенной валютной оговорке во внутригосударственных правоотношениях.

Историко-правовой метод позволил рассмотреть динамику развития валютной оговорки.

Понятие валютной оговорки

Валютная оговорка является частным случаем реализации принципа свободы цены, что предусматривается пунктом 1 статьи 424 ГК РФ. Цена представляет собой согласованность воли сторон в отношении восприятия оптимального баланса в заключении и исполнении договора. Положения договора о цене нередко являются существенным условием договора, что влечет за собой его незаключенность в случае прямого упоминания в законе, неприменимости положений пункта 3 статьи 424 ГК РФ, если стороны не достигли по ней соглашения. Под ценой понимается любое денежное предоставление, служащее встречным исполнением и мерой натурального предоставления другой стороне. Из свободы ценообразования существует несколько исключений представленных, главным образом, антимонопольным законодательством, различными методиками определения размера платы за оказание конкретных услуг, а также обычно взимаемой при сравнимых обстоятельствах ценой при условии отсутствия определения цены в договоре.

Валютной оговорке присущи две основные характеристики: она позволяет непосредственно определить применимые по договору денежные средства в случае для трансграничных транзакций, а также служит инструментом, позволяющим обеспечить большую стабильность в длительных правоотношениях, снижая риски сторон, полагающих дальнейшее колебание курсов валют и снижение покупательной

способности денежных средств, чтобы повысить прогнозируемость ценообразования.

Логика упорядочивания валюты платежа лежит в экономической плоскости, если допустить хождение иностранной валюты, то это будет непосредственно сказываться на доверии к иностранной валюте и, как следствие, выражаться в увеличении инфляционных ожиданий и последующей девальвации.

Поэтому государства запрещают проведение транзакций между резидентами в иной валюте помимо национальной. В Российской Федерации законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости является рубль, что закреплено в статье 140 ГК РФ. Из этого правила существует закрытый перечень исключений, предусмотренных частью 1 статьи 9 федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173 «О валютном регулировании и валютном контроле», который затрагивает правоотношения, которые как-то косвенно могут быть связаны с иностранной юрисдикцией как в случае с расчетами и переводами иностранной валюты для осуществления деятельности дипломатических представительств, консульских учреждений и постоянных представительств.

Пункт 2 статьи 317 ГК РФ содержит норму, предусматривающую возможность использования конверсионной (косвенной) валютной оговорки среди резидентов, предусматривающего закрепление в положениях договора валюты долга в иностранной валюте или условных денежных единицах. Необходимо отметить, что в ней содержатся условные денежные единицы, за которыми скрывается целый комплекс возможных способов номинирования денежного обязательства, что противоречит их генезису, поскольку под ними подразумевалась привязка к иностранной валюте после запрета на обозначение цен в иностранной валюте, которая напрямую поименована законодателем.

Представляется, что формулировка, предусмотренная не принятым законопроектом о внесении изменений в ГК РФ, является более точной, поскольку содержит помимо иностранной валюты показатели биржевых и (или) внебиржевых индикаторов цен на мировых товарных рынках и избегает понятия условной денежной единицы [3]. На практике валютная оговорка может содержать отклонение от предусмотренного сторонами курса валюты, уменьшенное или увеличенное на определенное количество национальной валюты, ссылку на драгоценные металлы. При этом, возможны случаи указания валютного коридора (пределов колебания валютного курса, притом с обеих сторон), использования корзины сразу из нескольких валют и так далее. Валютной оговоркой могут покрываться вопросы, связанные с конвертацией валюты долга в валюту платежа [6]. Иными словами, принцип свободы цены реализуется в полной мере, перечисленные законодателем варианты не подлежат буквальному толкованию. Российская правоприменительная практика поддерживает использование валютной оговорки, в том числе и в правоотношениях с потребителями, которые являются слабой стороной, не ставя под сомнение риск изменения курса валюты долга на стороне заемщика [5], что отличается от европейской практики.

Отношение западных правовых порядков к валютной оговорке в договорах между резидентами несколько иное. К примеру, статья 1343–3 ГК Франции содержит схожие нормы, однако закрепление положений, ограничивающих использование валюты долга для резидентов, в статуте явилось реакцией на осуществление займов в иностранной валюте с дальнейшим исполнением в ней же французскими приграничными жителями в приграничных французских банках, которые нарушали валютное законодательство [12], что и послужило закреплению вышеупомянутой нормы в законодательстве, ранее данный вопрос покрывался судебной практикой, которой не допускалось отступление от приема франков по нарицательной стоимости [10]. Если французская практика пошла в необходимости принятия исполнения обязательства в номинале, то американская признавала изменение покупательной способности, однако для ее восполнения было необходимо доказать фактический ущерб [14]. В обоих случаях применение косвенной валютной оговорки было подорвано.

Ограничение свободы использования косвенной валютной оговорки выражается в том числе и в ограничениях, предусмотренных для потребительских кредитов, закрепленных статьями L-313–64 Кодекса о защите прав потребителей, который предусматривает необходимость на момент заключения договора получения заемщиком основной части своих доходов или владения имуществом в иностранной валюте за исключением случаев, в которых риск изменения валютного курса не несет заемщик [9].

Использование криптовалюты в рамках валютной оговорки

На данный момент криптовалюта успела получить достаточно широкую известность, а ее свойства вроде высокой волатильности не позволяют

завоевать доверие среди коммерсантов, использующих данный инструмент в качестве единицы расчета. В условиях современных реалий использование криптовалюты в качестве платежного инструмента для проведения расчетов является насущным вопросом, хотя на практике их доля среди трансграничных переводов все еще является довольно низкой. Существует проблематика использования нового инструмента расчетов между сторонами в качестве эквивалента стоимости, ведь ранее помимо законных средств платежа в таком ключе к иным инструментам особо не прибегали, следует также затронуть тему трансграничных транзакций при условии того, что криптовалюты зачастую не могут быть употребимы в национальном гражданском обороте.

Использование криптовалют может служить упрощению произведения транзакций как таковых, то есть вопросы, связанные со временем, комиссиями организаций, осуществляющих проведение платежа и так далее. В определенных случаях это может являться дополнительным объемом ликвидности, аналогично тому, как банки генерируют деньги для экономики, осуществляя кредитование. Иным вариантом может служить обращение к криптовалютам в случаях, когда доступ к более традиционным денежным средствам, затруднено, однако проведение транзакций подразумевает неоднократное раскрытие информации о клиенте, эмитенте, бирже, сами клиенты передают подобную информацию, которая затем агрегируется контролирующими органами, поэтому для уязвленных ограничительными мерами лиц существует не иллюзорный риск заморозки счетов [11].

Непосредственное обращение к валютной оговорке в международных коммерческих контрактах, валютой платежа по которым являются виртуальные валюты, имеет несколько наслоений, заслуживающих упоминания: частно-правовые материальные нормы; нормы валютного контроля и нормы, направленные на борьбу с отмыванием денег и терроризмом, представляющие собой публичную рамку.

Квалификация криптовалют в рамках Венской Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров

В рамках Венской Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, 1980 г. (далее – CISG) статьей 53 закрепляется обязательство покупателя уплатить цену за товар, под ценой понимается денежная сумма, выраженная в общем средстве платежа. Может ли являться криптовалюта выражением этой цены, а именно деньгами по смыслу CISG является важным вопросом, поскольку подобные инструменты появились значительно позже, и не учитывались в рамках подготовки текста Конвенции. В ином случае договор стоило бы рассматривать в качестве договора мены, на который Конвенция не распространяется. Если речь идет о сделках, подразумевающих трансграничный обмен валюты на криптовалюту, в данном случае криптовалюта могла бы рассматриваться в качестве товара [15, с. 47].

В качестве одного из подходов можно провести параллель с ситуациями, когда соглашение о валюте платежа сформулировано неясно (к примеру, когда речь идет о платеже в абстрактных долларах без указания на конкретную национальность). В подобных случаях в качестве применимой валюты считается валюта либо по месту ведения предпринимательской деятельности продавца в соответствии с подпунктом а пункта 1 статьи 57 CISG, либо по месту платежа. В данном случае, возможность легитимного закрепления оплаты в криптовалюте зависит от страны-местонахождения предприятия продавца или места платежа.

Однако в случае отсутствия понимания согласованности конкретной валюты поведение сторон должно толковаться на основании статьи 8 CISG. В случае согласования криптовалюты в качестве средства платежа, существует полная определенность в качестве подобного платежа. Правовая квалификация криптовалюты же должна решаться на основе пункта 1 статьи 7 CISG.

Возникает вопрос и о том, что заявленной целью Конвенции является закрепленная ей необходимость в содействии достижения единообразия. При допущении криптовалюты в качестве денег применимость Конвенции могла бы различаться в зависимости от признания ее в качестве денег для той или иной юрисдикции. Иными словами, в зависимости от юридической квалификации криптовалюты, опосредующей коллизионную привязку, применимую к правоотношениям, договор может не считаться, то не считаться подпадающим под действие CISG, а это затрудняет достижение правовой определенности, поскольку стороны должны знать об этом еще на стадии его согласования.

Рассмотрение платежа в криптовалюте в качестве уплаты цены по смыслу статьи 57 Конвенции должен решаться автономно на основании толкования, применимого к самой CISG. Как уже было указано выше, толкование осуществляется согласно пункту 1 статьи 7, по ко-

торой «учитывается международный характер Конвенции и необходимость содействовать единообразию ее применения». Подобного толкования в рамках CISG на данный момент не существует.

Иным обоснованием может служить статья 6 и указать в качестве способа уплаты цены криптовалюту при допущении, что ее применение по умолчанию не подразумевается, или же воспользоваться национальным законодательством в качестве восполнения недостающих материальных норм согласно пункту 2 статьи 7 Конвенции, однако, даже в отсутствие релевантной автономной практики, в материалах UNCITRAL упоминается вышеописанная возможность восприятия криптовалюты в качестве уплаты цены или даже товара по CISG [16].

Использование виртуальной валюты

Европейским Центробанком было предложено определение для виртуальной валюты, представляющей собой цифровое представление стоимости, не выпускаемое центральным банком, кредитным учреждением или учреждением электронных денег, которое в некоторых случаях может использоваться в качестве альтернативы деньгам.

Обращаясь к национальным законодательным нормам, стоит отметить, что лицам, заинтересованным в проведении транзакций в виртуальных валютах, следует обращаться к материальному праву лояльных к обращению криптовалют юрисдикциям, в частности, швейцарской [13], в рамках законодательства которой криптоактивы в значении ст. 1b Закона о банках – указанные в п. 1bis ст. 16 Закона о банках (криптоактивы коллективного хранения), – в значительной степени используются, как на практике, так и в соответствии с намерением организатора или эмитента, в качестве средства платежа для приобретения товаров или услуг или служат для перевода денежных средств или ценных бумаг).

Использование стейблкоина

В практике международной коммерческой торговли участники внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) используют стейблкоины – разновидность виртуальных валют, привязанных к какому-либо активу, в большей части данным активом является национальная валюта.

В США, ранее отличавшихся разрозненностью регулирования в отношении криптовалютных активов, вступил в силу федеральный закон, предполагающий гармонизацию правового регулирования стейблкоинов, привязанных к доллару США, что особенно важно в силу того, что самые популярные представители стейблкоинов привязаны к американскому доллару и составляют более 90 процентов от капитализации и оборота [18]. Данный акт закрепляет понятие платежного стейблкоина – цифровой актив, который (1) является или предназначен для использования в качестве средства платежа или расчета, (2a) эмитент которого обязан конвертировать, выкупать или приобретать обратно за фиксированную сумму денежной стоимости, не включая цифровой актив, деноминированный в фиксированной сумме денежной стоимости и (2б) эмитент которого будет поддерживать или создавать разумное ожидание того, что он будет поддерживать стабильную стоимость по отношению к стоимости фиксированной суммы денежной стоимости и (3) не включает цифровой актив, который является национальной валютой [17]. Данный акт повысил объем транзакций месяц к месяцу практически в два раза [16].

На просторах ЕАЭС стоит обратить внимание на законодательство Кыргызстана, в котором, в частности, зарегистрирован первый в мире государственный стейблкоин [4], а также единственный рублевый стейблкоин на данный момент А7А5. Закон О виртуальных активах закрепляет следующее определение стейблкоина: «вид виртуального актива, целью которого является поддержание стабильной стоимости по отношению к одному определенному активу или совокупности активов в определенных соотношениях» [2]. Однако определение является единственным упоминанием стейблкоина в законе.

Российское законодательство в сфере использования виртуальных валют во внешнеэкономических договорах

В российском законодательстве были внесены изменения относительно цифровой валюты, предусматривающие в пункте 11 статьи 4 федерального закона от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ЦФА, ФЗ о ЦФА соответственно) возможность использования цифровых финансовых активов в качестве встречного предоставления по внешнеэкономическим договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, которые предусматривают передачу товаров, выполнение работ,

оказание услуг, передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них.

На данный момент регулирование в сфере виртуальных валют в Российской Федерации находится на переходном этапе. Во-первых, представителями Центробанка делаются заявления о том, что активное использование цифровой валюты для ВЭД сможет начаться после обеления сферы и изменения законодательства [1], что подразумевает наличие понимания у уполномоченных публично-правовых образований в необходимости изменения текущего законодательства. Во-вторых, информация о проведении экспериментального режима (далее – ЭПР) с криптовалютой для ВЭД является довольно закрытой. В-третьих, дополнительные ограничения, среди которых статья 10 ФЗ о ЦФА устанавливает необходимость выпуска, учета и обращения ЦФА в соответствии с требованиями федерального закона. Проведение операций осуществляется в пределах информационной системы российских операторов, включенных в специальный реестр на территории РФ, которые не относятся к широко используемым в обороте на рынке. Тем не менее на практике обращение иностранных цифровых валют является допустимым. Также существует возможность проведения платежей с использованием иностранных лицензированных бирж [8].

Задачи и механизмы ЭПР предусматривают определение порядка допуска цифровых валют к торгам и требования к субъектам торгов цифровой валютой, которые затрагивают механизмы использования цифровых валют во ВЭД, отчетность, налоги, валютный контроль, организацию торгов, вопросы лицензирования, информационную безопасность. Основной фокус строится на упорядочении процессуальных технических вопросов, а не на внесении изменений в федеральное законодательство, в первую очередь, специального федерального закона и применимых норм гражданского законодательства. Построение контролируемых финансовых институтов может повлечь за собой риски наложения односторонних ограничительных мер на данные структуры, которые поставят под вопрос участие в подобных транзакциях иностранных контрагентов, а также обращения сторон международных коммерческих договоров к иностранным финансовым организациям, оказывающим схожие услуги.

Как отмечалось выше, стейблкоины являются наиболее удобным и распространенным подвидом цифровых валют, используемым в ВЭД, однако на данном этапе в российском законодательстве не существует специального регулирования по отношению к стейблкоинам, следовательно, на них распространяются общие нормы о цифровых валютах.

Текущее определение цифровой валюты в законе несовместимо с правовой природой стейблкоинов в силу того, что оно предусматривает отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем цифровой валюты, – для стейблкоинов подобным лицом является эмитент. Это предусматривает отсутствие дополнительных требований к стейблкоинам, выражающихся в первую очередь в обязанности поддержания паритета стоимости стейблкоина к единице актива, а также в соблюдении их эмитентами норм в отношении наличия капитала, ликвидности, риск-менеджмента, аналитики, аудита, противодействия отмыванию доходов и прочих.

Цифровые валюты и валютное законодательство

Еще одним вопросом является взаимоотношение цифровых валют и валютного регулирования, а именно норм о репатриации, контроле и отчетности. Важным вопросом является квалификация цифровых валют согласно нормам валютного законодательства, какие положения из него относятся к цифровым валютам.

На данный момент, за исключением аспектов, которые затрагивают нормы о раскрытии информации, а также понятия резидента и нерезидента, обязательные требования валютного законодательства не являются применимыми к трансграничным операциям, выраженным в цифровой валюте, что как минимум выводит ее за пределы отмененных норм об обязательной репатриации и продаже валютной выручки [7]. Можно предположить, что стейблкоины, привязанные к иностранной валюте, можно было бы причислить к таковым. Данный вопрос является очевидной лакуной, при дальнейшем увеличении оборота цифровых валют это может вылиться в легальный способ ухода от императивных норм валютного законодательства, а также влиять на валютные курсы в силу того, что в устоявшиеся процессы купли-продажи на валютном рынке происходит инфильтрация субстрата, лежащего за пределами контроля центрального банка.

Обращение цифровых валют ограничено существующим перечнем различных специальных валютных и рублевых счетов типа, которые обязывают зачислять денежные средства, поступившие в целях расчетов, на данные счета. К данным денежным средствам цифровая валюта отнесена быть не может, однако потенциально компетентными

органами власти мог бы быть рассмотрен вопрос об установлении порядка обращения цифровых валют для ограниченного перечня сделок.

Нормы, принимаемые в результате обращения к глобальным стандартам FATF, можно рассматривать в качестве международного публичного порядка. Несмотря на формальный статус рекомендаций, которые являются общепризнанными международными стандартами и доктринальное отнесение к документам мягкого правового регулирования, на практике применяются схожим образом с актами, носящими обязательный к исполнению характер, их исключительный статус определен резолюциями Совета безопасности ООН № 1617 от 29 июля 2005 г. и № 2462 от 27 марта 2019 г., закрепляющими их обязательность для всех государств-членов ООН. Если страна не будет соответствовать международным стандартам в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, то это может повлечь за собой попадание в черный или серый список, что значительно затруднит проведение транзакций с резидентами данной страны. По предмету исследования FATF публикуются Руководства «О риск-ориентированном подходе при использовании виртуальных валют».

Можно было бы предположить, что должным образом урегулированный комплекс норм, затрагивающий функционирование стейблкоина (минимальной доли капитала или аналогичных мер, направленных на обеспечение поддержания паритета), привязанного к национальной валюте, мог бы повлечь за собой снятие запрета на проведение платежей между резидентами. Вероятно, это бы повлекло за собой расширение понятия средств обращения, перечисленных в пункте 3 статьи 317 ГК РФ, а также абзаца 2 пункта 1 статьи 140 ГК РФ.

Судебная практика

Автономно вопросы проведения транзакций не рассматривались, полагается, что для наличия возможности использования криптовалюты в рамках валютной оговорки в трансграничных платежах достаточно отсутствия нормативного запрета на использование виртуальных активов в стране исполнения судебного или арбитражного решения, что позволило бы избежать ссылки на публичный порядок и последующего отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения, как в отказе от исполнения арбитражного решения даже в части возмещения в долларах США взамен криптовалюты. Цит. по [20]. Или в отказе в признании Западным континентальным апелляционным судом Греции арбитражного решения, выражавшегося в выплате истцу займа, номинированного в биткойне. Цит. по [19]. На данный момент, значительное количество правопорядков так или иначе в рамках своего материального права допускают обращение к виртуальным валютам в качестве средства платежа для трансграничных расчетов, что рассматривалось выше, однако если юрисдикция является нетерпимой к использованию тех или иных криптовалют, то проведение платежей с контрагентами из данных стран представляется невозможным или, по меньшей мере, нелегальным.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- валютная оговорка сохраняет ключевое значение как инструмент обеспечения устойчивости денежных обязательств в международных коммерческих отношениях;
- современные условия оборота, включая рост популярности виртуальных валют и стейблкоинов, требуют расширения понятия валютной оговорки;
- использование виртуальных валют в качестве средства исполнения в международных коммерческих договорах с российской стороной должно быть основано на детализированном, прозрачном и устойчивом гражданском и валютном законодательстве, обеспечивающем определенность статуса виртуальных валют и упорядочивании императивных норм валютного регулирования;
- стейблкоины, привязанные к национальной валюте, обладают наибольшим потенциалом для применения в коммерческих расчетах, однако требуют специального регулирования в части обращения, репатриации и финансового контроля.

Заключение

Валютная оговорка остается гибким и востребованным договорным механизмом, однако современные условия ставят ряд правовых и технологических вызовов. Классические конструкции, основанные на номинировании обязательств в иностранной валюте или финансовых инструментах, постепенно дополняются новыми источниками, связанными с появлением виртуальных валют. При этом действующие нормы гражданского и валютного законодательства еще не содержат

достаточно точного регулирования виртуальных валют и их применения в международных коммерческих отношениях.

Вместе с тем рост оборота виртуальных валют в сфере ВЭД, расширение использования стейблкоинов свидетельствуют о необходимости выработки комплексного нормативного регулирования. Представляется, что дальнейшее развитие должно реализовываться в виде формулирования российским законодателем понятия стейблкоинов, обеспеченных национальной валютой, а также уточнения места цифровых валют в системе валютного законодательства, включая вопросы репатриации, контроля и отчетности. Создание прозрачных и предсказуемых правил позволит обеспечить баланс частных интересов сторон международных коммерческих договоров и публичных интересов финансовой стабильности.

Литература

1. В ЦБ допускают активизацию использования криптовалюты в ВЭД после «обеления» этой сферы // Интерфакс. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/business/1055098> (дата обращения: 12.12.2025)
2. Закон Кыргызской республики О виртуальных активах // Центризованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. // [Электронный ресурс] URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112346/edition/1220896/ru> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Законопроект № 112181–8 Проект федерального закона о внесении изменений в статьи 317 и 424 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // СПС «Гарант». // [Электронный ресурс] URL: https://www.garant.ru/files/9/1/1536219/2_-proekt-fz_izmeneniya-v-chast-1-gk-rf_p_2_st_-317-424.pdf (дата обращения: 12.12.2025).
4. Киргизия зарегистрировала государственный стейблкоин с золотым резервом // РБК. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/690cac979a794707c29acc99> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // СПС «КонсультантПлюс». // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/e5e106e6d3d8f66325ec5c1baecbd8932db878cf (дата обращения 12.12.2025).
6. Определение Верховного Суда РФ от 8 августа 2025 г. № 304-ЭС24-19041 (2) по делу № А67-3827/2023 // СПС «КонсультантПлюс». // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=861864#KXdyB5V2BNvO7ums2> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 мая 2025 г. № 698 «О мерах по реализации указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771». // СПС «КонсультантПлюс». // [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505782/ (дата обращения: 12.12.2025)
8. Экспериментальный цифровой режим // Коммерсант. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7638905> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Code de la consommation. // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. // [Электронный ресурс] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032310708 (дата обращения 12.12.2025).
10. Cour de Cassation, Chambre civile, du 11 février 1873, Publié au bulletin // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006952938> (дата обращения: 12.12.2025).
11. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 11 juillet 2018, 17–19.882, Inédit. // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000037384105> (дата обращения 12.12.2025).
12. Cyber-related Designations; North Korea Designations and Designation Update; Belarus Designations Removals; Issuance of Belarus General License. // Office of Foreign Assets Control. // [Электронный ресурс] URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20251104> (дата обращения: 12.12.2025).
13. Ordonnance sur les banques et les caisses d'épargne. // Fedlex. La plateforme de publication du droit fédéral. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2014/273/fr> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Perry v. United States, 294 U.S. 330 (1935) // Justia U.S. Supreme Court Center. // [Электронный ресурс] URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/294/330/> (дата обращения: 12.12.2025).
15. Speech by the Master of the Rolls: The International Jurisdiction Taskforce // Courts and Tribunals Judiciary. // [Электронный ресурс]

URL: <https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-the-international-jurisdiction-taskforce/> (дата обращения: 12.12.2025).

16. Taxonomy of legal issues related to the digital economy. Prepared by the secretariat of the United Nations Commission on International Trade Law. Vienna, 2023. // UNCITRAL. // [Электронный ресурс] URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/digitaleconomytaxonomy.pdf> (дата обращения: 12.12.2025)

17. The Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act) // Library of Congress. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582/text> (дата обращения: 12.12.2025).

18. Top Stablecoin Tokens by Market Capitalization. // Coinmarketcap. // [Электронный ресурс] URL: <https://coinmarketcap.com/view/stablecoin> (дата обращения: 12.12.2025).

19. Bitcoin and public policy in the field of international commercial arbitration // Conflict of Laws. // [Электронный ресурс] URL: <https://conflictoflaws.net/2022/bitcoin-and-public-policy-in-the-field-of-international-commercial-arbitration/> (дата обращения: 12.12.2025)

20. PRC court sets aside cryptocurrency award on public interest grounds // Herbert Smith Freehills Kramer. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.hsfkramer.com/notes/arbitration/2021-03/prc-court-sets-aside-cryptocurrency-award-on-public-interest-grounds> (дата обращения: 12.12.2025)

DEVELOPMENT OF THE CURRENCY CLAUSE IN COMMERCIAL CONTRACTS

Burtsev A.P.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to a comprehensive analysis of the currency clause in commercial contracts in the context of the growth of digital currencies and the expansion of their practical applications. The primary objective is to assess the possibility of using digital assets as a payment currency and to determine the limits of their admissibility in cross-border obligations. The study examines doctrinal approaches to the legal nature of the currency clause and reviews foreign practice based on various regulatory models for digital assets. Particular attention is given to the provisions on digital financial assets and to the experimental legal regime that permits the use of digital currencies in foreign economic transactions. The analysis also addresses the classification of virtual currencies within the framework of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods, including the question of whether digital assets may be treated as price. Additionally, the study considers public law restrictions arising from currency regulation, which define the boundaries of the permissible use of digital assets as a means of payment.

The research leads to the conclusion that the use of digital assets as part of a currency clause is possible provided that no regulatory prohibitions apply. Consequently, the article proposes directions for modernizing the regulatory framework, in particular approaches to incorporating stablecoins into commercial circulation and establishing their legal status for their inclusion within the scope of currency regulation, thereby eliminating existing legal uncertainties.

Keywords: currency clause, cryptocurrencies, digital financial assets, currency regulation, digital currency.

References

1. Code de la consommation. // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit // available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000032310708 (accessed: 12.12.2025).
2. Cour de Cassation, Chambre civile, du 11 février 1873, Publié au bulletin // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. // available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000006952938> (accessed: 12.12.2025).
3. Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 11 juillet 2018, 17–19.882, Inédit. // Légifrance – Le service public de la diffusion du droit. // available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000037384105> (accessed: 12.12.2025).
4. Cyber-related Designations; North Korea Designations and Designation Update; Belarus Designations Removals; Issuance of Belarus General License. // Office of Foreign Assets Control // available at: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20251104> (accessed: 12.12.2025).
5. Draft Law No. 112181–8. Draft Federal Law on Amendments to Articles 317 and 424 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation // SPS Garant // available at: https://www.garant.ru/files/9/1/1536219/2_-proekt-fz_izmeneniya-v-chast-1-gk-rf_p_2_st_-317-424.pdf (accessed 12.12.2025).
6. Experimental Digital Regime // Kommersant // available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7638905> (accessed 03.12.2025).
7. Kyrgyzstan Registered a State Stablecoin Backed by Gold Reserves // RBC // available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/690cac979a794707c29acc99> (accessed 12.12.2025).
8. Law of the Kyrgyz Republic on Virtual Assets // Centralized Database of the Law of Information of the Kyrgyz Republic // available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/112346/edition/1220896/ru> (accessed 12.12.2025).
9. Ordonnance sur les banques et les caisses d'épargne. // Fedlex. La plateforme de publication du droit fédéral. // available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2014/273/fr> (accessed: 12.12.2025).
10. Perry v. United States, 294 U.S. 330 (1935) // Justia U.S. Supreme Court Center. // available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/294/330/> (accessed: 12.12.2025).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 22 May 2025 No. 698 «On Measures for the Implementation of the Decree of the President of the Russian Federation of 11 October 2023 No. 771» // SPS ConsultantPlus. // available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505782/ (accessed: 12.12.2025)
12. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2017) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 16.02.2017) // SPS ConsultantPlus // available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212958/e5e106e6d3d8f66325ec5c1baecbd8932db878cf (accessed 03.12.2025).
13. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 8 August 2025 No. 304-3C24–19041 (2) in case No. A67–3827/2023 // SPS ConsultantPlus // available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=861864#KXdyB5V2BN-v07ums2> (accessed: 12.12.2025)
14. Speech by the Master of the Rolls: The International Jurisdiction Taskforce // Courts and Tribunals Judiciary. // available at: <https://www.judiciary.uk/speech-by-the-master-of-the-rolls-the-international-jurisdiction-taskforce/> (accessed: 12.12.2025).
15. Taxonomy of legal issues related to the digital economy. Prepared by the secretariat of the United Nations Commission on International Trade Law. Vienna, 2023. // UNCITRAL // available at: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/digitaleconomytaxonomy.pdf> (accessed: 12.12.2025)
16. The Bank of Russia allows for the possibility of increased use of cryptocurrency in foreign economic activity after this sphere is legalized // Interfax // available at: <https://www.interfax.ru/business/1055098> (accessed: 12.12.2025)
17. The Guiding and Establishing National Innovation for U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act) // Library of Congress // available at: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582/text> (accessed: 12.12.2025).
18. Top Stablecoin Tokens by Market Capitalization. // Coinmarketcap // available at: <https://coinmarketcap.com/view/stablecoin> (accessed: 03.12.2025).
19. Bitcoin and public policy in the field of international commercial arbitration // Conflict of Laws // available at: <https://conflictoflaws.net/2022/bitcoin-and-public-policy-in-the-field-of-international-commercial-arbitration/> (accessed: 12.12.2025)
20. PRC court sets aside cryptocurrency award on public interest grounds // Herbert Smith Freehills Kramer // available at: <https://www.hsfkramer.com/notes/arbitration/2021-03/prc-court-sets-aside-cryptocurrency-award-on-public-interest-grounds> (accessed: 12.12.2025)

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В публикации рассмотрены вопросы увольнения по собственному желанию сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы (ФПС ГПС) и работников Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям (МЧС). Проанализированы все нюансы данного увольнения двух категорий министерства, которые достаточно различны. Подробно рассказано о необходимых выплатах, которые неодинаковы для данных категорий и которые необходимо выплатить в последний день службы (работы), во избежание грубых нарушений законодательства РФ. В статье приведены возможные нарушения при процедуре увольнения, которые дают право работникам оспаривать свои права в суде. Рассказано о курсах повышения квалификации для кадровых работников министерства, где рассматриваются вопросы увольнения для двух наиболее многочисленных категорий министерства.

Ключевые слова: увольнение, инициатива работника, собственное желание, трудовой договор, контракт, повышение квалификации.

Введение

В публикации мы проанализируем увольнение по собственному желанию двух категорий МЧС России – сотрудников ФПС ГПС и работников.

Основная часть

Увольнение по инициативе работника (по собственному желанию) является одним из самых распространенных расторжений трудового договора согласно статьи 80 ТК РФ. [1]

Работник обязан письменно предупредить работодателя о своем намерении уволиться не позднее чем за две недели до даты увольнения (ч. 1 ст. 80 ТК). Если обе стороны согласны, этот срок может быть сокращен (ч. 2 ст. 80 ТК).

Инициатива прекращения трудовых отношений исходит от работника и не предполагает одобрение работодателя. При увольнении работника по собственному желанию важно соблюсти процедуры и требования трудового законодательства. Порядок увольнения по собственному желанию предполагает написание работником заявления, в котором указывается дата увольнения и его основание (по собственному желанию), оно должно быть написано работником с указанием даты составления.

Если неотложные обстоятельства вынуждают работника уволиться без отработки, то в заявлении необходимо указать причину (в случае переезда в другой регион, поступления на учебу и т.д.) (ч. 3 ст. 80 ТК).

В этом случае может быть затребовано документальное подтверждение.

Важно помнить, что работник имеет право отозвать свое заявление до истечения срока предупреждения, если на его место не приглашен другой работник в письменной форме (ч. 4 ст. 80 ТК).

В остальных случаях достаточно фразы – «прошу меня уволить по собственному желанию». После того, как заявление на увольнение передано в кадровую службу, составляется приказ об увольнении. Работника нужно ознакомить с приказом под роспись, если приказ невозможно довести до увольняемого, если например, он отсутствовал и отказался знакомиться с ним, то на документе делается соответствующая запись.

Уволиться по собственному желанию во время нахождения на больничном возможно, ТК РФ запрещает такое увольнение только по инициативе работодателя. При этом важно помнить нюансы, а именно, несмотря на то, что работник находится на больничном, двухнедельный срок отработки сохраняется. Отчет начинается со следующего рабочего дня после подачи заявления. Также работник может подать заявление на увольнение, находясь на больничном и может оказаться такая ситуация, когда на период временной нетрудоспособности работника приходится дата его увольнения. В этом случае работодатель оформит увольнение в день, указанный в заявлении, при условии, что работник это заявление не отзовет.

За трудовой книжкой работник явится после выздоровления, либо с его согласия она будет направлена по почте. Однако пособие по временной нетрудоспособности будет назначено в течении десяти дней со дня предоставления больничного и выплачено в ближайший после назначения день для выплаты зарплаты в организации.

В последний день работы, даже если он находится в период больничного, работодатель производит полный расчет, издает приказ в котором делает отметку, что работник находился на больничном и не может ознакомиться с приказом.

Работодатель обязан выплатить работнику зарплату за отработанные дни и компенсацию за неиспользованный отпуск. При этом, выходное пособие может быть выплачено, если это прописано в трудовом или коллективном договоре, в отличие от сотрудников ФПС ГПС, где выплата выходного пособия прописана в ФЗ-283 от 30.12.2012 и которая зависит от статьи увольнения и выслуги лет сотрудника. [2]

Увольнение сотрудников ФПС ГПС производится в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 83 ФЗ-141 от 23.05.2016 (по инициативе сотрудника). [3]

На основании с ч. 1 ст. 86 данного закона сотрудник имеет право расторгнуть контракт и уволиться со службы по собственному желанию, подав об этом рапорт за месяц до даты увольнения. В течение месяца сотрудник должен передать дела соответствующему руководителю, сдать служебное удостоверение и личный жетон в отдел кадров.

В соответствии с ч. 2 ст. 86 ФЗ-141 сотрудник вправе отозвать свой рапорт на увольнение, если в течение месяца до расторжения

контракта он передумал увольняться и процедура увольнения должна быть прекращена.

Кадровые подразделения готовят на сотрудника представление к увольнению, в котором будет содержаться информация о сотруднике, составе его семьи, характеристика от непосредственного руководителя. Данный документ подписывает руководитель организации, где проходит службу сотрудник, подпись заверяется гербовой печатью. Представление подшивается в личное дело сотрудника, которое после увольнения оформляется в архив.

В день увольнения сотрудник приходит в кадровое подразделение для получения всех необходимых документов: трудовой книжкой, военного билета и т.д. В последний день службы финансовые органы обязаны полностью рассчитать сотрудника: выплатить денежное довольствие, компенсацию за неиспользованный отпуск и выплатить выходное пособие (два оклада денежного содержания (сумма окладов по званию и должности)), если сотрудник в период службы награжден государственной наградой ему дополнительно будет выплачен один оклад денежного содержания. Напомним также, что сотрудники ФПС ГПС при увольнении по всем отрицательным статьям – не получают единовременного пособия. [2,4,5,6,7]

Таким образом, процедура увольнения работников и сотрудников министерства достаточно различна и имеет отличия.

Исходя из этого, можно полагать, что процедура увольнения по собственному желанию достаточно проста и понятна, однако важно соблюдать установленные сроки и порядок действий, чтобы избежать юридических проблем.

Рассмотрим возможные нарушения процедуры увольнения по собственному желанию:

1. Отказ принять заявления. Если работодатель отказывается принимать заявление, это является нарушением прав работника.

2. Нарушение срока предупреждения (две недели – для работника, один месяц – для сотрудника ФПС ГПС). Работодатель не вправе требовать от работника (сотрудника) большего срока уведомления, чем предусмотрено законом.

3. Неправильное оформление приказа. Приказ об увольнении должен содержать все необходимые реквизиты и соответствовать установленной форме, в нем должны быть прописаны все необходимые выплаты.

4. Задержка расчета и выдачи трудовой книжки. Задержание выплаты заработной платы и компенсации за неиспользованный отпуск, а также несвоевременная выдача трудовой книжки являются грубыми нарушениями законодательства. При данных нарушениях работник имеет право обратиться в суд для защиты своих прав. Таким образом, соблюдение всех этапов процедуры увольнения по собственному желанию важно для предотвращения возможных конфликтов и негативных последствий.

В Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России внедрена в образовательную деятельность программа повышения квалификации для руководителей кадровых подразделений. Форма обучения – заочная с применением дистанционных образовательных технологий. [8,9,10,11,12,13,14]

Курс повышения квалификации разработан с применением электронной информационно-образовательной среды университета. Продолжительность курса составляет 72 часа дистанционного обучения, включающего вебинары, практические занятия и итоговую аттестацию. Завершается программа сдачей итогового теста, включающего вопросы по всем лекциям курса, позволяющего оценить степень усвоения материала и готовности слушателей применять полученные знания на практике. Такая программа позволяет руководителям кадровых подразделений повысить свою квалификацию, освоить современные методы и инструменты управления персоналом, эффективно используя цифровые технологии. Преимущества курсов повышения квалификации с применением электронной информационно-образовательной среды включают:

– Гибкость и доступность. Электронный курс позволяет учиться удаленно, что удобно для тех, кто проходит службу вдали от учебного заведения. При этом можно выбирать удобное для себя время и темп прохождения курса;

– Индивидуализация обучения. Возможность выбора модулей слушателями позволяет углублять знания именно там, где это им необходимо;

– Интерактивность и вовлечение. Использование мультимедийных материалов (видео, интерактивные задания, тесты) повышает интерес к обучению. Практические занятия, построенные в виде интерактивных тестов проводятся сразу же после вебинаров по данной тематике, что способствует улучшению освоения материала;

– Обратная связь и оценка. Автоматизированная система оценки помогают оперативно получать обратную связь о результатах обучения. Это позволяет своевременно выявлять проблемы в знаниях и корректировать учебный процесс;

– Экономия ресурсов и комфортный часовой доступ. Электронные курсы снижают затраты на организацию традиционного очного обучения. Кроме того, доступ к материалам возможен круглосуточно, что очень удобно слушателям разных часовых регионов России;

– Постоянное обновление содержания. Информационные технологии позволяют быстро обновлять учебные материалы, включая последние изменения в нормативно-правовой базе, что гарантирует получение актуальной и новейшей информации.

Таким образом, электронная информационно-образовательная среда является эффективным инструментом для повышения квалификации слушателей, обеспечивая гибкость, индивидуализацию и качество образования.

Данный вопрос актуален и находит отражение в научных публикациях автора, где затрагиваются вопросы, связанные с получением дополнительного профессионального образования с использованием электронной информационно-образовательной среды высшего учебного заведения. [15,16,17,18,19,20,21]

Заключение

Таким образом, правильная процедура увольнения помогает устранить возникновение конфликтов и нежелательных юридических последствий. Следовательно, соблюдение всех указанных этапов процедуры увольнения по собственному желанию является гарантией избежания риска возникновения споров и нарушения законодательства. Очень важно помнить, что каждый случай может быть очень индивидуален и правильная процедура увольнения позволит защитить интересы обеих сторон и предотвратить возможные судебные споры.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 30.12.2012 N 283-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 23.05.2016 N 141-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ МЧС России от 27.06.2024 N 539 (ред. от 30.09.2024) «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, предоставления им отдельных выплат, а также членам их семей.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Губанова О.А., Ильина И.М., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Социальная гарантия сотрудников ГПС МЧС России // Юридическая наука, 2024. № 2. С. 34–38.
6. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
7. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2 (19). С. 58–63.
8. Губанова О.А. Служебные проверки в МЧС России // Юридическая наука, 2025, № 3. С. 79–82.
9. Губанова О.А. Увольнение работника по статье // Юридическая наука, 2025, № 9. С. 269–273.
10. Губанова О.А. Продвижение по службе квалифицированных специалистов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 2 (31). С. 28–30.
11. Губанова О.А., Агеев П.М., Сурмило С.В. Психолого-педагогические основы воспитания лидерских качеств курсантов МЧС России // Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2021. № 3. С. 132–136.
12. Лобжа М.Т., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Методологические аспекты проектирования технологии формирования психофизических качеств на основе адаптационного потенциала // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2015. № 4 (29). С. 26–30

13. Елфимов Н.В., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Совершенствование методики профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 3 (32). С. 39–43

14. Михайлов В.А. Актуальные аспекты морально-психологической подготовки выпускников вузов ГПС МЧС России // В сборнике: Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 164–167.

15. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов ВУЗов МЧС России /СПб. Автореферат диссертации/ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. 2008. С. 37.

16. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.

17. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.

18. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.

19. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.

20. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.

21. Губанова О.А., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Курс повышения квалификации с применением дистанционных образовательных технологий // Современное профессиональное образование. 2025. № 9. С. 83–87.

RESIGNATION BY OWN DESIRE

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The publication discusses the issues of voluntary dismissal of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service (FPS SFS) and employees of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense and Emergency Situations (MOE). All the nuances of this dismissal of two categories of the ministry, which are quite diverse, are analyzed. It describes in detail the necessary payments, which are different for these categories and which must be paid on the last day of service (work) in order to avoid gross violations of the legislation of the Russian Federation. The article describes possible violations during the dismissal procedure, which give employees the right to challenge their rights in court. It describes advanced training courses for the Ministry's personnel, which address these issues of dismissal for the two most numerous categories of the ministry.

Keywords: dismissal, employee's initiative, own desire, employment contract, contract, professional development.

References

1. The Labor Code of the Russian Federation" dated 12/30/2001 N 197-FZ (as amended on 12/28/2024). Access from the help.

2. Federal Law No. 283-FZ of 12/30/2012 (as amended on 07/31/2025) "On Social Guarantees for Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

3. Federal Law No. 141-FZ of 05/23/2016 (as amended on 11/30/2024) "On Service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".

4. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 539 dated 06/27/2024 (as amended on 30.09.2024) "On Approval of the Procedure for providing monetary allowances to employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service, providing them with separate payments, as well as to their family Members." Access from the help.-legal system "ConsultantPlus".

5. Gubanova O.A., Ilina I.M., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Social guarantee of employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Yuridicheskaya nauka, 2024. № 2. pp. 34–38.

6. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension // Law and the power. 2023. No. 1. pp. 26–28.

7. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Right. Safety. Emergency situations. 2013 No. 2 (19) pp.58–63.

8. Gubanova O.A. Official inspections in the Ministry of Emergency Situations of Russia // Yuridicheskaya nauka, 2025, No. 3. pp.79–82.

9. Gubanova O.A. Dismissal of an employee under an article // Yuridicheskaya nauka, 2025, No. 9. pp.269–273.

10. Gubanova O.A. Promotion of qualified specialists // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2016. No. 2 (31). pp.28–30.

11. Gubanova O.A., Ageev P.M., Surmilo S.V. Psychological and pedagogical foundations of leadership education for cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Journal. "Bulletin of St. Petersburg State University of the Ministry of Emergency Situations of Russia". 2021. No. 3. pp. 132–136.

12. Lobzha M.T., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Methodological aspects of designing technology for the formation of psychophysical qualities based on adaptive potential // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2015. No. 4 (29). pp. 26–30

13. Elfimov N.V., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Improving the methods of professional training of university cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia in accordance with the requirements of the federal state educational standard of the third generation // Psychological and pedagogical problems of human and society safety. 2016. No. 3 (32). pp. 39–43

14. Mikhailov V.A. Actual aspects of moral and psychological training of graduates of the Ministry of Emergency Situations of Russia // In the collection: Personnel training in the emergency prevention and response system. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. pp.164–167.

15. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia /SPb. Abstract of the dissertation/ Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2008. P. 37.

16. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies. 2022. № 4. pp.42–47.

17. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2022. 176 p.

18. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of the electronic educational and methodical complex in remote learning students of the advanced training course // Pedagogical journal. 2021. No. 5–1. pp. 412–418.

19. Gubanova O.A. Modular training in university educational activities // Pedagogical journal. 2022. № 1–1. pp. 313–318.

20. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 248 p.

21. Gubanova O.A., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Advanced Training Course Using Distance Learning Technologies // Modern Professional Education. 2025. No. 9. Pp. 83–87.

Защита прав на компьютерные игровые программы в рамках патентного права: проблемы правовой защиты

Донских Андрей Александрович,

аспирант, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»

E-mail: donskih.1999@bk.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с правовой защитой патентных прав на компьютерные игровые программы. Раскрывается правовой механизм патентных отношений, предметом которых является правовая охрана результата интеллектуальной деятельности в форме компьютерной игровой программы. В качестве ключевой проблемы рассматривается несовершенство правовых механизмов правовой охраны компьютерных программ как охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и в рамках правовой охраны, предоставляемой в рамках авторского права, и в рамках патентного права. В результате проведенного исследования делается вывод о большей значимости защиты прав на компьютерные, в том числе и игровые, программы в рамках патентных правоотношений. Тем не менее, несмотря на наличие нормативной базы регулирования патентных отношений, делаются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования отношений, связанных с защитой прав на такой результат интеллектуальной деятельности как программы для ЭВМ, к которым относится и компьютерные игровые программы, защита прав на которые в настоящее время осуществляется преимущественно как на исключительные авторские права, что приводит к двойственности понимания институтов правовой охраны рассматриваемого результата интеллектуальной деятельности и правовой защиты прав на него.

Ключевые слова: патент, компьютерная программа, компьютерная игровая программа, правовая защита объекта интеллектуальной собственности, результат интеллектуальной деятельности, правовая охрана прав на результаты интеллектуальной деятельности

В основе правовой охраны компьютерных программ, в том числе и игровых компьютерных программ, лежат конституционно-правовые нормы ч. 1 ст. 44 Конституции РФ, устанавливающие конституционную гарантию свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, устанавливает и конституционно-правовую гарантию охраны интеллектуальной собственности, которые, в свою очередь обеспечиваются регулятивными нормами гражданского законодательства, а также охранительными нормами уголовного законодательства (ст. 146 УК РФ) и нормами законодательства РФ об административных правонарушениях (ст. 7.12 КоАП РФ).

Компьютерную игровую программу как самостоятельный объект гражданских прав отечественное гражданское законодательство не упоминает, впрочем, и такая правовая дефиниция как «компьютерная программа» может быть определена в качестве объекта гражданских прав только в рамках дефиниции «программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ)», рассматриваемой законодателем в качестве вида охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (пп. 3 п. 1. ст. 1225 ГК РФ).

Указанная дефиниция является общей для всех видов программных продуктов, ставших результатом интеллектуальной деятельности, в том числе и для компьютерных игровых программ, в то время как отечественные исследователи утверждают о таких особенностях компьютерных игровых программ, которые создают их существенные отличия от программ для ЭВМ в понимании законодателем правовой сущности данного объекта гражданских прав [15, с. 406].

Зарубежная практика предоставления правовой охраны компьютерным программам (в том числе и игровым программам) и защиты прав на них существенно отличается от российской практики. Так, например, в соответствии со ст. 1 Директивы ЕС 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О правовой охране компьютерных программ» [4] правовая охрана предоставляется любой компьютерной программе как литературному произведению в том понимании, которое было заложено еще в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений [1], то есть в европейской практике применяется метод аналогии закона, но с рядом оговорок: так, например, в той же ст. 1 Директивы ЕС 2009/24/ЕС устанавливается, что условием предоставления правовой охраны является оригинальность программного продукта, то есть является результатом интеллектуальной деятельности автора (п. 3 ст. 1), кроме того, не подлежат охране идеи и принципы, лежащие в основе любого элемента компьютерной программы, в том числе в основе ее интерфейсов (п. 2 ст. 1).

Как отмечается отечественными исследователями, правовая охрана при таком подходе предоставляется только на текст кода, «... функции программного обеспечения остаются незащищенными» [19, с. 31], то есть правовая охрана софтам по общему правилу в рамках авторского права не предоставляется.

Следовательно, специфика подхода к предоставлению правовой охраны прав авторов и правообладателей компьютерных программ состоит в применении метода аналогии при применении нормативных положений, регулирующих аналогичные права в рамках авторского права.

Аналогичный подход мы видим и в Договоре ВОИС по авторскому праву, принятом Дипломатической конференцией 20.12.1996 г. (в России вступил в силу 05.02.2009 г.) [2], поскольку правовая охрана объектов авторского права и защита прав правообладателей осуществляются в рамках Бернской конвенции 1889 г., а также в Соглашении ТРИПС 1994 г., заключенного в рамках развития правового обеспечения деятельности ВТО [3], которое положительно оценивается отечественными исследователями, обращающими внимание на правовую ценность данного документа как устанавливающего правовые стандарты охраны авторских прав [14, с. 55–56].

Отношение к программам для ЭВМ как к литературным произведениям нашло отражение и в отечественном законодательстве: нормой п. 1 ст. 1259 ГК РФ они рассматриваются в качестве объектов авторских прав, приравненных к литературным произведениям.

Механизм правовой охраны компьютерных программ в США и Великобритании основывается на подходе, аналогичному принятому

в ЕС, то есть в рамках авторского права, за исключением того, что США фактически игнорируют нормы международно-правовых актов и строят механизм правовой охраны объекта и правовой защиты прав на него исключительно на национальном законодательстве и основах прецедентного права.

В то же время, признается, что сама практика выдачи софтверных патентов сложилась именно в США на основе Патентного акта [5], а также на более широком, чем в российском праве, понимании содержания дефиниции «изобретение», что позволяет рассматривать софт в качестве основы компьютерной программы, а не только ее код, поскольку гораздо шире трактуется само понятие объекта патентных отношений, хотя сами ключевые критерии отнесения изобретения к подлежащим патентно-правовой охране объектам аналогично общепризнанным: полезность (утилитарность, промышленная применимость), новизна и неочевидность.

В российской же практике защиты прав на компьютерные программы утилитарность как правовая характеристика объекта патентных отношений, связанная с возможностью извлечения не только полезных свойств объекта, но и материальной выгоды, получает признание в судебной практике. В качестве примера можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 № 5-КГ21-14-К2 по делу № 3-466/2019 [9].

Проблемы, связанные с правовой охраной компьютерных игровых программ в рамках механизмов, предусмотренными законодателем для защиты авторских прав, проявляются в судебной практике, когда субъекты отношений, связанных с использованием объектов интеллектуальной собственности, пытаются защитить в судебном порядке исключительное авторское право. Институт правовой защиты исключительных авторских прав далеко не всегда получает действенную защиту в отношениях, связанных с использованием компьютерных игровых программ, примером чему может послужить Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2017 г. № С01-78/2017 по делу № А56-73596/2015 [12], которым было отказано в удовлетворении требований правообладателя к ответчику, использовавшему в игровых приставках элементы программы, находящейся под правовой охраной как объекта авторских прав в связи с недоказанностью факта использования всей программы, а не отдельных изображений, находящихся в открытом доступе. Позиция суда по интеллектуальным правам впоследствии была поддержана и в Определении Верховного Суда РФ от 20.07.2017 г. № 307-ЭС17-9118 [10].

Приведенный пример практики разрешения правовых споров доказывает, что невозможность защитить нарушенное исключительное авторское право в судебном порядке может быть связана не столько с несовершенством материального права, но и с непониманием правообладателем сущности и содержания принадлежащих ему прав, а причину такого непонимания следует искать в механизме возникновения и удостоверения исключительного авторского права.

Как указывается в норме п. 4 ст. 1259 ГК РФ, программа для ЭВМ, если ее рассматривать в качестве произведения, то есть объекта авторских прав, может регистрироваться по желанию правообладателя в соответствии с требованиями ст. 1262 ГК РФ. Отсутствие требования государственной регистрации исключительного авторского права предполагает, что наиболее действенным механизмом последующей защиты прав на него остается обнародование, поэтому в практике рассмотрения правовых споров получает определяющее значение установление момента обнародования результата интеллектуальной деятельности в том числе и посредством депонирования произведения в форме передачи на хранение в специализированную организацию через сервис защиты авторских прав СОРУСТ, что не является регистрацией возникшего исключительного права, но создает возможность удостоверения факта его возникновения при решении правового спора относительно момента возникновения исключительного права и, следовательно, его первичности.

Проблемы, связанные с предоставлением патентной охраны программам для ЭВМ, видятся и в том, что они законодателем не относятся к изобретениям в соответствии с нормой пп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ, что создает препятствия для патентования софта программы, а это, в свою очередь, рассматривается как ограничение прав правообладателей [19, с. 30], что влияет также и на возможность применения известных законодательно механизмов правовой защиты прав на компьютерные программы.

Данное обстоятельство находит отражение и в судебной практике рассмотрения правовых споров, особенно в отношении отказов Роспатентом в выдаче патентов на программы для ЭВМ, на том основании, что они не относятся к изобретениям [11].

Современная практика разрешения правовых споров относительно распространения механизмов правовой охраны программ для ЭВМ в рамках патентных отношений весьма противоречива. С одной стороны практика выдачи патентов на них существует. Выдача софтверных патентов в России (патенты RU 2 773 049 C2; RU 2 681 963 (13) C1; RU 2 580 424 C1), по мнению Н.Ю. Яковлева [20, с. 70], с которым следует согласиться, доказывает, что в рамках патентных отношений возможно предоставление правовой охраны даже тем объектам, которые не подлежат правовой охране в рамках авторского права.

С другой стороны, Роспатент периодически отказывает в выдаче патентов на изобретение на том основании, что математические методы, используемые при создании объекта интеллектуальной собственности, характеризуют объект, предусмотренный пп. 5 п. 5 ст. 1350 ГК РФ [6, 7, 8].

Исходя из приведенных примеров, характеризующих практику выдачи патентов на программы для ЭВМ, следует признать, что и патентная форма правовой охраны такого объекта, как компьютерная программа, далека от совершенства. К отрицательным моментам, характеризующим патентную форму охраны компьютерных программ, В.А. Корнеев, относит, в частности, то, что далеко не все характеризующие данный результат интеллектуальной деятельности элементы, в частности, такие как неочевидность и новизна, проявляются в рамках компьютерных программ, в том числе и игровых, поскольку отдельные элементы программ могут повторять в своих составляющих ранее созданные [16, с. 12–13], что приводит к тому, что правовая охрана предоставляется только в рамках текста кода программы, причем это же подход применяется и в патентной охране компьютерной программы, хотя, как выше было показано, практика предоставления патентов на софты несколько отличается от теории.

Практика предоставления правовой охраны программ для ЭВМ, если исходить из понимания законодателем института компьютерной программы, и в рамках авторского права, и в рамках патентного права, приводит к пониманию данных отношений как многоуровневых. Многоуровневость правовой охраны компьютерных программ, то есть предоставление правовой охраны компьютерным программам и авторским, и патентным правом, рассматривается, например, С.А. Сеницыным как обстоятельство, существенно ограничивающее предпринимательскую инициативу [18, с. 23], с чем весьма сложно согласиться, поскольку, наоборот, автор программы или ее правообладатель имеют возможность выбора правового режима, в рамках которого будет осуществляться защита нарушенного права, а также будет формироваться правовой механизм использования объекта интеллектуальной собственности.

В данном случае речь должна идти не о многоуровневости правовой охраны компьютерных программ, а лишь о возможности выбора, тем более, что как справедливо отмечают отечественные исследователи, ни в рамках авторского права, ни в рамках патентного права российское законодательство не предлагает авторам или правообладателям таких средств правовой охраны, которые рассматривались бы в качестве позволяющих решать все проблемы, связанные с правовой охраной прав на объект интеллектуальной собственности и защитой нарушенного права.

Как проблему, требующую скорейшего разрешения, рассматривает двойственность в реализации механизмов предоставления правовой охраны и защиты нарушенных прав на использование компьютерных игровых программ и А.Ж. Пагов, который видит причину проблем в предоставлении правовой охраны компьютерных игровых программ (механик в терминологии автора) в том, что законодателем не учитываются особенности данных объектов гражданских прав, что приводит к проблеме отказа в выдаче патентов в связи с отсутствием нормативного признания особенностей математических алгоритмов функций программного обеспечения [17, с. 160], с чем также следует согласиться.

В отношении определения первичности источников проблем, связанных с защитой прав на компьютерные игровые программы следует согласиться с позицией, изложенной А.А. Головиной: причины следует искать не столько в несовершенстве норм материального права, сколько в отсутствии единого подхода в понимании правовой сущности таких дефиниций, как «интеллектуальная собственность», «объекты интеллектуальной собственности» и «интеллектуальные права», которые используются отечественными исследователями с различным сущностным наполнением, либо таким образом, что для обозначения одних и тех же объектов исследования применяются совершенно различные понятия [13, с. 25].

Таким образом, следует признать, что патентная охрана компьютерных игровых программ является более действенным механизмом обеспечения защиты прав правообладателей, нежели механизмы за-

щиты исключительных авторских прав на данные объекты гражданских прав, что доказывается и имеющейся судебной практикой рассмотрения правовых споров, и практикой выдачи патентов не только на те объекты, правовая охрана которых безусловно признается законодателем, но и на софт как основу компьютерной программы.

Тем не менее, рассмотренные проблемы патентной охраны и защиты прав на компьютерные игровые программы требуют скорейшего разрешения на уровне внесения изменений и дополнений в действующее гражданское законодательство, прежде всего, относительно понимания содержания компьютерной программы, в целом, и компьютерной игровой программы, в частности, как объекта патентной охраны, поскольку материальное право предусматривает возможность патентной охраны в отношении только кода программы, а в практике предоставления патентов компьютерная программа объект правовой охраны понимается несколько шире.

Основной причиной возникновения трудностей с предоставлением патентной защиты компьютерным игровым программам следует считать их понимание законодателем не в качестве изобретений, а в качестве произведений, что предполагает преимущественную защиту прав на них как на исключительное авторское право, что противоречит самой сущности компьютерной игровой программы, рассматриваемой в настоящее время как объекта авторских прав, а не в качестве изобретения. Практика выдачи софтовых патентов не решает проблемы, поскольку патентной охране в данном случае подлежит не вся программа в целом, а только ее софт, а код программы остается объектом исключительных авторских прав.

Несовершенство механизмов защиты прав на компьютерные программы (программ для ЭВМ в терминологии гражданского законодательства), предоставляемых объектам, которые законом относятся к исключительным авторским правам, требует изменений в понимании правовой сущности данного объекта как результата интеллектуальной деятельности, а целью таких изменений должно стать безусловное распространение патентной охраны на данные объекты не только в практике выдачи патентов, но и в рамках развития материального права.

Литература

1. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 9.
2. Договор ВОИС по авторскому праву, принятом Дипломатической конференцией 20.12.1996 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956> (дата обращения 23.11.2025).
3. Соглашение о торговых аспектах прав на интеллектуальную собственность (заключено в Марракеше 15 апр. 1994 г.) // URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12746> (дата обращения: 21.11.2025).
4. Directive 2009/24/EC – the legal protection of computer programs / URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX:32009L0024> (дата обращения 23.11.2025).
5. United States Code, Title 35 – Patents (35 U.S.C., amended up to Public Law No. 117–328) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/589616> (дата обращения 23.11.2025).
6. Заключение Палаты по патентным спорам от 29.11.2024 г. (Приложение к решению Роспатента от 28.12.2024 г. по заявке № 2022120529/07) «О признании недействительным полностью патента Российской Федерации на изобретение» // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.
7. Заключение Палаты по патентным спорам от 25.05.2023 г. (Приложение к решению Роспатента от 17.06.2023 г. по заявке № 2021127800/07) «Об отмене решения Роспатента и выдаче патента Российской Федерации на изобретение» // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.
8. Заключение Палаты по патентным спорам от 15.05.2023 г. (Приложение к решению Роспатента от 31.05.2023 г. по заявке № 2021121877/07) «Об отмене решения Роспатента и выдаче патента Российской Федерации на изобретение» // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 27 апреля 2021 № 5-КГ21–14-К2 по делу № 3–466/2019 // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.
10. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 г. № 307-ЭС17–9118 // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Верховного Суда РФ от 08.07.2024 г. № 300-ЭС24–12232 по делу № СИП-994/2023 // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.

12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2017 г. № С01–78/2017 по делу № А56–73596/2015 // Документ опубликован не был / Доступ: СПС КонсультантПлюс.

13. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 25.

14. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей. – М.: Статут, 2003. – 413 с.

15. Заплаткин А.В., Рахматуллина Р.Ш. Компьютерная игра как программа для ЭВМ: проблемы определения правовой природы // Общественное и право. – 2023. – № 7. – С. 402–406.

16. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. – М.: Статут, 2010. – 165 с.

17. Пагов А.Ж. Видеоигры и игровые механики: правовой режим и охрана // правовая информатика. – 2025. – № 1. – С. 153–161.

18. Синицын С.А. Международные договоры и российское гражданское законодательство: к структуре и системе современного права // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 2. – С. 23–27; – № 3. – С. 22–27.

19. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. – М.: ИЗиСП, НОРМА, 2022. – 376 с.

20. Яковлев Н.Ю. Развитие подходов к патентоспособности софтверных технических решений в США // ИС. Промышленная собственность. – 2024. – № 4. – С. 70–78.

PROTECTING RIGHTS TO COMPUTER GAME PROGRAMS UNDER PATENT LAW: ISSUES OF LEGAL PROTECTION

Donskikh A.A.

Immanuel Kant Baltic Federal University

This article examines issues related to the legal protection of patent rights to computer game programs. It describes the legal mechanism of patent relations, the subject of which is the legal protection of intellectual property in the form of computer game programs. The key issue is the imperfection of the legal mechanisms for protecting computer programs as protected intellectual property under both copyright and patent law. This study concludes that protecting rights to computer programs, including game programs, through patent law is of paramount importance. Nevertheless, despite the existence of a regulatory framework for patent relations, conclusions have been drawn regarding the need for further improvement of the legal framework for relations related to the protection of intellectual property rights such as computer programs, which includes computer games, the rights to which are currently protected primarily as exclusive copyrights. This leads to a dual understanding of the legal protection of this intellectual property and the legal protection of rights to it.

Keywords: patent, computer program, computer game program, legal protection of intellectual property, intellectual property, legal protection of intellectual property rights.

References

1. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 28.09.1979) // Bulletin of International Treaties. – 2003. – № 9.
2. The WIPO Copyright Agreement, adopted by the Diplomatic Conference on 20.12.1996 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817956> (accessed 11/23/2025).
3. Trade Agreement aspects of intellectual property rights (concluded in Marrakesh on April 15, 1994) // URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12746> (date of request: 11/21/2025).
4. Directive 2009/24/EC – the legal protection of computer programs / URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=CELEX:32009L0024> (accessed 11/23/2025).
5. United States Code, Title 35 – Patents (35 U.S.C., amended up to Public Law No. 117–328) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/589616> (accessed 11/23/2025).
6. Conclusion of the Chamber for Patent Disputes dated 11/29/2024 (Appendix to the decision of Rospatent dated 12/28/2024 on application No. 2022120529/07) “On invalidation of the patent of the Russian Federation for an invention” // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.
7. Conclusion of the Chamber for Patent Disputes dated 05/25/2023 (Annex to the decision of Rospatent dated 06/17/2023 on application No. 2021127800/07) “On the cancellation of the decision of Rospatent and the grant of a patent of the Russian Federation for an invention” // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.
8. Conclusion of the Chamber for Patent Disputes dated 05/15/2023 (Appendix to the decision of Rospatent dated 05/31/2023 on application No. 2021121877/07) “On the cancellation of the decision of Rospatent and the grant of a patent of the Russian Federation for an invention” // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.
9. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 27, 2021 No. 5-KG21–14-K2 in case No. 3–466/2019 // The document has not been published / Access: SPS ConsultantPlus.
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/20/2017 No. 307-ES17–9118 // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.
11. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/08/2024 No. 300-ES24–12232 in case No. SIP-994/2023 // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.

12. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated 28.03.2017 No. C01–78/2017 in case No. A56–73596/2015 // The document was not published / Access: SPS ConsultantPlus.

13. Golovina A.A. Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law: dis. ... kand. jurid. Sciences, Moscow, 2012, p. 25.

14. Dozortsev V.A. Intellectual property rights: The concept. System. Tasks of codification: Collection of articles. – M.: Statute, 2003. – 413 p.

15. Zaplatkin A.V., Rakhmatullina R. Sh. Computer game as a computer program: problems of determining the legal nature // Education and law. – 2023. – No. 7. – pp. 402–406.

16. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual rights. – M.: Statute, 2010. 165 p.

17. Pagov A.J. Video games and game mechanics: legal regime and protection // Legal informatics. – 2025. – № 1. – P. 153–161.

18. Sinitsyn S.A. International treaties and Russian civil legislation: towards the structure and system of modern law // International public and Private law. – 2021. – No. 2. – pp. 23–27; – No. 3. – pp. 22–27.

19. Digital economy: current directions of legal regulation: a scientific and practical guide / M.O. Dyakonova, A.A. Efremov, O.A. Zaitsev et al.; ed. I.I. Kucherova, S.A. Sinitsyna. Moscow: IZiSP, NORMA, 2022. 376 p.

20. Yakovlev N.Y. Development of approaches to patentability of software engineering solutions in the USA // IS. Industrial property. – 2024. – No. 4. – pp. 70–78.

Применение мер оперативного воздействия при защите предпринимательских прав и законных интересов

Заусов Кирилл Алексеевич,

аспирант, кафедра гражданского права и гражданского процесса, Московский университет имени А.С. Грибоедова

Статья посвящена исследованию мер оперативного воздействия в системе защиты прав предпринимателей. Автор анализирует их правовую природу как особых неюрисдикционных механизмов, применяемых управомоченной стороной в одностороннем порядке без обращения к государственным органам для стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательства. В работе обосновывается принципиальное отличие мер оперативного воздействия как от мер гражданско-правовой ответственности, требующих судебного решения, так и от самозащиты, которая не изменяет содержание правоотношения. На основе подхода В.В. Витрянского детально рассматриваются основные виды данных мер: односторонний отказ от договора, приостановление встречного исполнения, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, удержание имущества должника и самостоятельное исполнение обязательства за его счет. Теоретические выводы подкреплены анализом конкретных норм Гражданского кодекса РФ. Делается вывод о том, что меры оперативного воздействия, обладая самостоятельной правовой природой, являются эффективным инструментом оперативной защиты интересов предпринимателей в обязательственных отношениях, обеспечивая баланс между частной инициативой и необходимостью правовой определенности.

Ключевые слова: меры оперативного воздействия, защита прав предпринимателей, гражданское право, обязательственное право, неюрисдикционная защита, односторонний отказ от договора, приостановление исполнения обязательства, удержание имущества, самозащита, гражданско-правовая ответственность.

Меры оперативного воздействия – это особый вид неюрисдикционных механизмов защиты предпринимательских прав. Их ключевая особенность заключается в том, что уполномоченное лицо вправе самостоятельно, не прибегая к помощи юрисдикционных органов, влиять на правоотношения с контрагентом. Цель такого воздействия – добиться исполнения обязательств в надлежащем порядке.

Существенное отличие от мер гражданско-правовой ответственности состоит в порядке их реализации. Если для применения мер ответственности обычно необходимо судебное решение, то меры оперативного воздействия вводятся посредством одностороннего волеизъявления управомоченной стороны.

По мнению В.А. Максимова, «Меры оперативного воздействия можно определить как юридические средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и законных интересов непосредственно уполномоченным лицом без обращения за защитой в органы публичной власти и заключаются в одностороннем изменении или одностороннем прекращении правоотношения»¹.

В юридической доктрине преобладает подход, согласно которому меры оперативного воздействия определяются как правовые инструменты, предусмотренные законом или договором. Их назначение заключается в защите прав и интересов участников обязательств, а особенность состоит в том, что их одностороннее применение видоизменяет или прекращает правовую связь между сторонами в ответ на неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных условий².

Отличительными признаками мер оперативного воздействия выступают их односторонний характер и направленность на преобразование правоотношения. Уполномоченный субъект реализует их самостоятельно, без санкции другой стороны, что является выражением вторичных правомочий.

Ключевое отличие от самозащиты состоит в правовом результате: меры оперативного воздействия влекут юридические последствия в виде изменения или прекращения обязательства, тогда как самозащита представляет собой фактические действия для понуждения к исполнению, не меняющие содержание правоотношения.

Сфера применения этих институтов также различна: самозащита служит целям охраны вещных прав, а меры оперативного воздействия – инструмент защиты в обязательственной сфере, позволяющий односторонними действиями пресекать нарушения.

Объединяет их внесудебный порядок осуществления силами самих сторон. Указанные сущностные черты определяют границы применения мер оперативного воздействия, ограничивая их обязательственными отношениями.

Данной точки зрения придерживался и В.П. Грибанов, «В отличие от самозащиты гражданских прав, которая имеет своей целью охрану личности гражданина, права собственности или иных прав организаций и граждан, имеющих вещно-правовой характер, меры оперативного воздействия неразрывно связаны с обязательственными отношениями. Они представляют собой один из видов правовых гарантий, направленных на обеспечение надлежащего исполнения обязательств путем предоставления управомоченной стороне права непосредственного оперативного воздействия на своего неисправного контрагента»³.

Хотя меры оперативного воздействия чаще всего иницируются одной стороной, закон допускает их совместное применение несколькими субъектами, что характерно, в частности, для обязательств со множественностью лиц.

Таким образом, механизм и порядок применения самозащиты и мер оперативного воздействия в гражданском праве фундаментально различны. Это служит веским основанием для пересмотра устоявшейся научной позиции: в отличие от подхода, интегрирующего эти меры в институт самозащиты, в настоящее время их правомерно

¹ Максимов, В.А. Меры оперативного воздействия в гражданском праве / В.А. Максимов // Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 134–141.

² Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и вторичные права // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 21–32.

³ Грибанов В.П. «Осуществление и защита гражданских прав» М.: «Статут», 2000. – 411 с.

признать самостоятельным субинститутом. Их разделение логически вытекает из существенных расхождений по ключевым критериям – субъектному составу и механизму действия. В научной литературе осуществлялись попытки классификации мер оперативного воздействия. В классификации, предложенной В.В. Витрянским¹, в основе лежит содержание действий, предпринимаемых кредитором для влияния на должника. Автор выделяет пять основных групп таких:

К первой группе относятся меры, выражающиеся в одностороннем отказе от совершения действий в пользу контрагента, нарушившего свои обязательства. Здесь следует различать отказ от договора как меру оперативного воздействия, ведущую к изменению или расторжению договора, и отказ от договора как способ прекращения обязательства. В первом случае основанием является нарушение обязательства другой стороной, которая обязана возместить убытки (например, отказ покупателя от договора купли-продажи при существенном нарушении качества товара с требованием возврата уплаченной суммы). Во втором случае отказ не связан с нарушением, и инициатор отказа сам становится обязанным лицом, несущим расходы, как, например, заказчик в договоре подряда при отказе от договора по уважительным причинам до приема работ.

Вторая группа включает меры, при которых кредитор, являющийся стороной встречного исполнения, вправе приостановить исполнение своего обязательства в одностороннем порядке. Это право основано на принципе взаимной обусловленности исполнения обязательств: неисполнение одной стороной своих обязанностей освобождает другую сторону от встречного исполнения, если это прямо предусмотрено договором. Если же исполнение произведено не в полном объеме, допускается приостановление встречного исполнения в соответствующей части.

Третью группу составляют меры, связанные с отказом кредитора от принятия ненадлежаще исполненного обязательства (товаров, работ, услуг) с последующим требованием о возврате уплаченных денежных средств. Примером служит право покупателя отказаться от товара, если продавец в установленный срок не передал относящиеся к нему документы или принадлежности.

Четвертая группа объединяет меры, реализуемые посредством удержания имущества должника до момента исполнения им своих обязательств. Кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику, вправе удерживать её в случае неисполнения последним обязательств по оплате или возмещению издержек. Право удержания возникает непосредственно из закона, а не из договора, и в предпринимательских отношениях может обеспечивать также требования, не связанные непосредственно с данной вещью.

Пятую группу представляют меры, направленные на восстановление имущественной сферы кредитора через распоряжение имуществом должника, находящимся у кредитора. Например, подрядчик в случае уклонения заказчика от принятия результата работы вправе после предупреждений продать этот результат, внося вырученные средства за вычетом причитающихся платежей на депозит заказчика. Аналогичные права предоставлены хранителю и комиссионеру при неисполнении контрагентом обязанности забрать переданное имущество.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит общих норм, регулирующих институт мер оперативного воздействия, однако отдельные виды таких мер закреплены в нормах об отдельных видах обязательств и способах обеспечения исполнения обязательств. Системный анализ положений Гражданского кодекса позволяет выделить следующие основные виды мер оперативного воздействия, односторонний отказ от исполнения обязательства при существенном нарушении условий договора контрагентом, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, приостановление встречного исполнения обязательства.

Согласно положениям ст. 450 Гражданского Кодекса РФ², изменение или прекращение действия договора допускается по взаимной договоренности сторон, если другие условия не закреплены действующим законодательством или самим соглашением. Особый порядок применяется к многосторонним договорам в сфере предпринимательской деятельности: такие соглашения могут предусматривать возможность изменения или расторжения не только по единогласному решению, но и большинством голосов участников, с установлением соответствующих процедур голосования, если это не противоречит нормам закона.

Реализация права на односторонний отказ от договора, предоставленного законом или самим соглашением, происходит посредством направления контрагенту соответствующего заявления. Если иное не предусмотрено нормативным актом или договором, обязательства считаются прекращенными с момента получения данного уведомления адресатом.

Правомерный отказ от исполнения договора (полностью или в части) влечет за собой правовые последствия в виде расторжения договора или изменения его условий. Данный механизм выступает инструментом адаптации договорной связи к новым реалиям без обязательного достижения консенсуса между всеми сторонами.

Поскольку основания и порядок одностороннего отказа часто определяются по усмотрению сторон при заключении договора, эту меру правомерно также рассматривать в качестве одного из договорных способов обеспечения исполнения обязательств. По мнению Ю.В. Роговой: «Юридическая природа права на односторонний отказ от исполнения договора является дуалистичной и зависит от условий его применения. Если данное право применяется, реализуется с целью защиты субъективного права, то односторонний отказ от исполнения обязательства может быть рассмотрен в качестве меры оперативного воздействия. Если же использование названного права не обусловлено нарушениями субъективного права, то односторонний отказ от исполнения договора необходимо рассматривать как один из способов расторжения договора. При этом указанные институты имеют как сходство, так и различие»³.

Гражданское законодательство предусматривает широкий спектр случаев, когда сторона вправе в одностороннем порядке отказаться от договора в связи с нарушением обязательств контрагентом. Ярким примером служит ст. 523 ГК РФ⁴, регулирующая договор поставки: покупатель может отказаться от договора при существенных недостатках товара или систематической просрочке поставки, а поставщик – при неоднократной неуплате или невыборке товаров покупателем.

Ряд норм предоставляет право на отказ, не связанный напрямую с нарушением, отражая принцип свободы договора, однако такое право может приобретать характер оперативной меры. Например, согласно п. 1 ст. 717 ГК РФ⁵ заказчик по договору подряда вправе отказаться от договора в любой момент до сдачи результата, компенсировав подрядчику стоимость выполненной части работ. Аналогично, ст. 782 ГК РФ⁶ позволяет любой стороне договора возмездного оказания услуг отказаться от него с возмещением контрагенту фактических расходов или убытков.

В других случаях право на односторонний отказ явно выступает оперативной санкцией на нарушение. Так, ст. 715 ГК РФ⁷ разрешает подрядчику отказаться от договора, если неисполнение обязанностей заказчиком препятствует работе, с правом на оплату исполненного и возмещение убытков.

К мерам оперативного воздействия относится и одностороннее изменение условий договора, которое в общем порядке запрещено, но допускается в виде исключений. Одним из них является право арендодателя на ежегодный пересмотр арендной платы, что может служить инструментом оперативного воздействия.

Судебная практика признает односторонний отказ от исполнения обязательства в качестве легитимной меры защиты прав и законных интересов предпринимателей. В этом можно убедиться изучив Решение Арбитражного суда Саратовской области от 16 декабря 2020 г. по делу № А57–6165/2020⁸.

В рамках рассмотрения дела № А57–6165/2020 Арбитражный суд Саратовской области проанализировал правовую природу одностороннего отказа от договора, квалифицировав его как меру оперативного воздействия. Правовым основанием для применения данной меры послужил пункт 10.7 Лицензионного договора, который предоставлял каждой из сторон право на односторонний отказ в случае нарушения условий контрагентом. Суд подчеркнул, что такая договоренная условие соответствует принципу свободы договора. Фактическим основанием для реализации этого права ответчиком (лицензиаром) послужили

³ Рогова Ю.В. Односторонний отказ от договора: теория и практика применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Решение Арбитражного суда Саратовской области от 16 декабря 2020 г. по делу № А57–6165/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.08.2025).

¹ Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. – Москва: Статут, 2020. – 848 с.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 1994. N 32. Ст. 3301.

ли установленные нарушения со стороны истца (лицензиата), включавшие просрочку уплаты паушального платежа, неуплату периодических лицензионных платежей (роялти) и начисленной неустойки.

Процедура применения меры оперативного воздействия была реализована ответчиком в строгом соответствии с условиями договора: после выявления нарушений лицензиар направил контрагенту уведомление с заявлением об отказе от договора и предоставил 30-дневный срок для устранения нарушений. Поскольку лицензиат в установленный срок не исполнил свои обязательства и не погасил задолженность (что впоследствии было подтверждено вступившим в законную силу решением суда по другому делу), договор считается прекращенным по истечении предоставленного срока. Суд отклонил доводы истца о незначительности нарушений, указав, что длительная неуплата вознаграждения (с 2017 по 2020 год) и отсутствие намерения исполнить обязательства в будущем лишают лицензиара того, на что он был вправе рассчитывать при заключении договора, то есть ведения нормальной хозяйственной деятельности и получения прибыли. Таким образом, бездействие лицензиата было квалифицировано как существенное нарушение договора. Важным аспектом решения стала оценка соответствия действий ответчика принципу добросовестности. Суд тщательно проверил, не являлось ли использование права на односторонний отказ злоупотреблением правом. Установив, что условие об одностороннем отказе было согласовано сторонами добровольно, истец не являлся «слабой стороной» договора, а ответчик действовал в рамках предусмотренной процедуры, предоставив разумный срок для исправления нарушений, суд пришел к выводу об отсутствии признаков недобросовестности. В результате иск о признании односторонней сделки по отказу от договора недействительной не был удовлетворен. Данное решение наглядно демонстрирует, что односторонний отказ от договора при наличии предусмотренных законом или договором оснований и соблюдении установленной процедуры представляет собой правомерную меру оперативного воздействия, позволяющую добросовестной стороне эффективно защитить свои интересы без обращения к государственному принуждению.

Таким образом, сущность права на односторонний отказ от исполнения обязательства состоит в его охранительной функции, что предполагает возможность применения только для защиты нарушенного права. Использование этого средства в отсутствие нарушения субъективного права является неправомерным. Тем не менее, анализ ст. 310 ГК РФ¹ показывает, что законодатель допускает возможность установления в договорах между предпринимателями права на односторонний отказ даже тогда, когда его реализация не связана с нарушением прав управомоченной стороны.

Практическое применение права на односторонний отказ от договора требует от предпринимателя тщательного соблюдения установленной процедуры. Необходимо убедиться в наличии правового основания для отказа, предусмотренного законом или договором, надлежащим образом оформить и направить уведомление контрагенту, соблюсти установленные сроки и форму уведомления. Несоблюдение этих требований может повлечь признание одностороннего отказа недействительным и возложение на отказавшуюся сторону обязанности возместить убытки, причиненные другим сторонам отношения.

Приостановление встречного исполнения, представляет собой действенный инструмент оперативного воздействия. Данная норма предоставляет стороне, обязанность которой к исполнению наступила, право приостановить свое исполнение или вовсе отказаться от него с требованием возмещения убытков. Основанием для этого служат обстоятельства, которые с очевидностью указывают на то, что контрагент не исполнит свою встречную обязанность в установленный срок.

Сущность этого механизма заключается во временном недеянии, направленном на защиту интересов кредитора при неисполнении или очевидной угрозе неисполнения обязательства другой стороной. Если предоставленное исполнение является частичным, право на приостановление или отказ возникает пропорционально непредоставленной части.

В деловой практике данный институт находит широкое применение: поставщик приостанавливает отгрузку при неуплате, подрядчик – работы при непередаче материалов, исполнитель – услуги при задержке оплаты. Ключевая характеристика приостановления как меры самозащиты (а не санкции) состоит в его обеспечительной, превентивной цели – стимулировать должника к надлежащему исполнению и минимизировать собственные риски, а не в наказании контрагента.

Н.В. Южанин указывает, «Действие по приостановлению исполнения обязательств выделяется тем, что соединяет в себе признаки

нескольких правовых институтов гражданского права. Прежде всего, это пресекающий способ защиты отказного характера, относящийся к самостоятельной форме защиты субъективных прав. В то же время приостановление исполнения является способом одностороннего обеспечения обязательств с выраженной стимулирующей функцией. Эта мера относится и к известному, популярному в позднесоветский период юридическому понятию мер оперативного воздействия, которые поддерживали и некоторые современные ученые»².

Согласно разъяснениям, данным в п. 57 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», «Если иное не предусмотрено законом или договором, в случае непредоставления обязанной стороной исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков.

Сторона, намеревающаяся приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от его исполнения лишь на основании обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что другая сторона не произведет исполнение в установленный срок, обязана в разумный срок предупредить последнюю об этом»³.

Примером из судебной практики, наглядно демонстрирующим действие критериев правомерности приостановления исполнения обязательства в рамках осуществления самозащиты прав предпринимателей, может являться Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 мая 2025 г. по делу № А40–133786/2024⁴. Суд кассационной инстанции, оставляя в силе акты нижестоящих судов, отказавшие во взыскании неустойки с поставщика (АО «НИИИТ»), подтвердил правомерность его действий по приостановлению исполнения обязательства по государственному контракту, основываясь на следующих ключевых критериях, вытекающих из ст. 328 ГК РФ и сложившейся судебной практики. Во-первых, обязательства сторон должны носить встречный характер, то есть исполнение одной стороны обусловлено надлежащим исполнением другой. Во-вторых, имеется существенное неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства контрагентом, которым в данном случае являлась просрочка со стороны заказчика в совершении необходимых действий – несвоевременная выдача решения о возможности применения продукции иностранного производства. В-третьих, имеется причинно-следственная связь между нарушением заказчика и невозможностью исполнения со стороны поставщика, что выразилось в объективной невозможности для поставщика выполнить работы и подписать акт ввода в эксплуатацию в установленный срок до момента получения им требуемого решения. В-четвертых, поставщик, предприниматель, доказал отсутствие своей вины в соответствии со ст. 401 ГК РФ, представив доказательства того, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась, он принял все меры для надлежащего исполнения, но оно оказалось невозможным вследствие действий заказчика. В-пятых, правомерное приостановление встречного исполнения в соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ исключает ответственность в виде неустойки для стороны, приостановившей исполнение. Таким образом, суды пришли к обоснованному выводу, что все критерии правомерности приостановления ответчиком исполнения своего обязательства были соблюдены: встречный характер обязательств, существенное нарушение со стороны заказчика, прямая связь между нарушением и приостановлением, а также отсутствие вины поставщика, что в совокупности послужило правовым основанием для отказа во взыскании неустойки.

Действия предпринимателя по приостановлению исполнения обязательства в качестве меры оперативного воздействия будут правомерными, если их применение является обоснованным. Такая обоснованность позволяет стороне, реализующей данное право, избежать ответственности за нарушение сроков исполнения, возникшее вследствие приостановления.

² Южанин Н.В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 2.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 мая 2025 г. по делу № А40–133786/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.08.2025).

Результаты проведенного анализа дают основания для отнесения данного механизма к оперативным способам защиты, поскольку его основной функцией является пресечение нарушения субъективного права. Ключевыми признаками, подтверждающими эту природу, выступают односторонний порядок применения (не требующий согласия контрагента-нарушителя) и неюрисдикционный характер. Оказывая влияние на динамику обязательства, эта мера служит стимулом для его надлежащего выполнения. Таким образом, в системе обязательственных отношений она представляет собой форму частного принуждения, альтернативную принуждению со стороны публичных органов.

Вместе с тем, применение данного механизма для защиты прав предпринимателя не всегда приводит к однозначному изменению или прекращению правоотношения. Указанная особенность позволяет рассматривать эту меру и в контексте института самозащиты.

Отказ от принятия исполнения, не соответствующего установленным требованиям, представляет собой распространенную меру оперативного воздействия, используемую в практике защиты прав предпринимателей.

Правовое содержание принципа надлежащего исполнения раскрывается в ст. 309 ГК РФ¹. Согласно указанной норме, обязательства подлежат исполнению в строгом соответствии с их условиями, а также предписаниями закона и иных правовых актов. При отсутствии прямых договорных или законодательных указаний, исполнение должно производиться в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Сущность надлежащего исполнения раскрывается через соблюдение ряда ключевых параметров: установленный субъект (надлежащая сторона), определенное место, согласованный срок, обусловленный предмет и надлежащий способ исполнения.

Таким образом, ст. 309 ГК РФ устанавливает иерархию источников, определяющих критерии надлежащего исполнения. При интерпретации данных требований необходимо также руководствоваться положениями ст. 3, 5 и 7 ГК РФ, регулируемыми вопросы гражданского законодательства и обычаев, а также основания возникновения обязательств, закрепленные, в частности, в п. 4 и 5 ст. 421 ГК РФ².

Особого внимания заслуживает категория «обычно предъявляемых требований». Под ней подразумеваются сложившиеся в практике гражданского оборота общепринятые правила поведения. Бремя доказывания как самого факта существования подобного обычая, так и совершения исполнения в соответствии с ним, возлагается на сторону, которая на него ссылается.

Анализ элементов, составляющих надлежащее исполнение, детально представлен в работах М.И. Брагинского. Учёный отмечает, что этим вопросам «практически целиком посвящена гл. 22 ГК «Исполнение обязательств»³. К числу таких элементов он относит: во-первых, совершение исполнения в пользу уполномоченного лица; во-вторых, осуществление исполнения надлежащим, то есть уполномоченным, лицом; в-третьих, предоставление надлежащего предмета исполнения; в-четвёртых, совершение исполнения в установленном месте; в-пятых, соблюдение надлежащего срока; в-шестых, соблюдение надлежащего способа исполнения, регламентированного рядом статей Кодекса.

Правоочиние покупателя на отказ от приемки товара ненадлежащего качества закреплено в качестве общего правила в ст. 484 ГК РФ⁴, что предполагает возможность требования замены такого товара на надлежащий. Для отношений поставки ст. 518 ГК РФ⁵ устанавливает специальный режим, расширяющий основания для отказа. Согласно данной норме, покупатель вправе не принимать товар, не соответствующий условиям договора о количестве, ассортименте, качестве, комплектности, таре и/или упаковке, при условии уведомления поставщика о таком отказе в разумный срок с момента, когда нарушение должно было быть выявлено.

Юридическим обоснованием данного права выступает принцип, согласно которому кредитор не обязан принимать исполнение, не отвечающее условиям обязательства. Как следует из ст. 408 ГК РФ⁶, обя-

зательство прекращается именно надлежащим исполнением. Следовательно, ненадлежащее исполнение не прекращает обязательственную связь, а предоставляет кредитору право настаивать на получении того, что было согласовано. Таким образом, отказ от принятия ненадлежащего исполнения является защитным механизмом, обеспечивающим интересы кредитора и побуждающим должника к надлежащему выполнению своих обязанностей.

Реализация данного права на практике требует строгого соблюдения установленных процедур приемки. Покупатель обязан осмотреть товар в порядке, предусмотренном ст. 513 ГК РФ⁷. В случае выявления недостатков необходимо оформить мотивированный отказ от приемки с детальным указанием выявленных несоответствий. Несоблюдение данных процедур может привести к утрате права на отказ. В соответствии со ст. 513 ГК РФ⁸, на покупателе (получателе) лежит обязанность совершить все необходимые действия для принятия поставленного в соответствии с договором товара, а в определенных случаях – обеспечить его получение.

Законодательство предусматривает специфическую меру оперативного реагирования – право кредитора самостоятельно обеспечить исполнение обязательства за счет должника. Общее правило установлено ст. 397 ГК РФ⁹: при неисполнении обязательства совершить работу или оказать услугу кредитор может своими силами или с привлечением третьих лиц за разумную цену выполнить необходимое, взыскав с должника все расходы. В договоре подряда это право детализируется статьей 715 ГК РФ¹⁰, разрешающей заказчику передать устранение недостатков другому подрядчику за счет первоначального исполнителя, допустившего просрочку.

Сущность данного механизма заключается в восстановлении баланса интересов: предприниматель получает возможность оперативно достичь цели обязательства, минимизируя убытки от нарушения, а все финансовые последствия несет недобросовестная сторона. Это критически важно в коммерческих отношениях, где фактор времени напрямую влияет на достижение предпринимательских целей.

Практическое применение права на самостоятельное выполнение работ за счет контрагента требует соблюдения определенной процедуры. Необходимо направить подрядчику письменное требование об устранении недостатков с указанием разумного срока для их устранения, зафиксировать факт неустранения недостатков в установленный срок, например, путем составления акта, заключить договор с третьим лицом на выполнение соответствующих работ, обеспечить документальное подтверждение понесенных расходов. Несоблюдение этих требований может повлечь отказ суда во взыскании расходов на устранение недостатков с первоначального подрядчика.

Право удержания имущества должника, закрепленное в нормах об обеспечении обязательств, представляет собой меру оперативного воздействия. По своей природе данный механизм близок к удержанию как способу самозащиты предпринимательских прав и одновременно может квалифицироваться в качестве обеспечительной меры, устанавливаемой договором.

Удержание обеспечивает не только требования об оплате стоимости самой вещи или компенсации связанных с ней расходов, но и иные имущественные требования, возникающие из обязательства между субъектами предпринимательской деятельности (например, о возмещении убытков, уплате неустойки).

Как отмечал Д.И. Мейер, сущность этого права заключается в возможности владельца чужой вещи не возвращать её собственнику до момента исполнения последним своего обязательства перед владельцем¹¹.

Статьи 359–360 ГК РФ¹² закрепляют право удержания имущества должника, которое является одним из наиболее востребованных в предпринимательском обороте способов обеспечения обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 359 ГК РФ¹³ кредитор, у которого находит-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

² Там же.

³ Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. – Москва: Статут, 2020. – 848 с.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁵ Там же.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁸ Там же.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

¹¹ Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2021. – 846 с.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

¹³ Там же.

ся вещь, подлежащая передаче, вправе удерживать ее при просрочке должником в оплате данной вещи или возмещении сопутствующих убытков. Эта норма определяет базовый (основной) состав правоотношений, возникающих из удержания.

По мнению Г.Ф. Нагумановой, «Обращаясь к нормативному регулированию, важно обратить внимание на положение ст. 359 ГК РФ¹, которое допускает следующее: удержанием вещи могут обеспечиваться также требования, хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства. При этом следует полагать, что по смыслу «вещь» в ст. 359 ГК РФ² трактуется не расширительно, а исключительно как материальный объект. Не могут быть предметом права удержания деньги, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, информация, нематериальные блага»³.

Как указывает С.В. Сарбаш, «Право удержания представляет собой специфический способ обеспечения исполнения обязательств, выражающийся в односторонней сделке, в соответствии с которой лицо, владеющее чужой вещью (ретентор), вправе не выдавать ее другому лицу, если ретентор понес в связи с этой вещью издержки, убытки, не получил платежа или имеет требование к должнику, возникшее из обязательства»⁴.

Р.С. Бевзенко различает общегражданское и коммерческое (предпринимательское) удержание в российском праве. Институт коммерческого удержания возник как ответ на потребности усложнившегося торгового оборота и специфики отношений между предпринимателями, для которых характерен более жесткий подход к нарушениям договорных обязательств⁵.

Особый правовой режим удержания в предпринимательской деятельности закреплен в п. 1 ст. 359 ГК РФ⁶. Данная норма устанавливает специальное правило для коммерческого оборота, отступая от общего гражданско-правового регулирования. Согласно ей, кредитор, правомерно владеющий вещью, подлежащей передаче должнику, вправе удерживать ее в обеспечение неисполненного в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению связанных с ней издержек.

Двойственная юридическая природа института удержания проявляется в том, что он одновременно выполняет две функции. Во-первых, это акцессорный способ обеспечения основного обязательства. Во-вторых, удержание является мерой оперативного воздействия, то есть односторонним действием кредитора в рамках охранительного правоотношения, направленным на принуждение должника к исполнению. Такое действие выражается в юридически значимом бездействии (отказе в передаче вещи), препятствующем переходу владения к должнику.

Общим основанием является обеспечение требований, связанных с удерживаемой вещью. Однако для предпринимательских отношений законодатель устанавливает исключение (п.: удержанием могут обеспечиваться любые требования, вытекающие из договора между сторонами, при условии законности владения. Это существенно расширяет сферу применения данного механизма в коммерческом обороте.

Экспедитор вправе удерживать находящиеся в его распоряжении груз и документы на груз до уплаты вознаграждения и возмещения понесенных им в интересе клиента расходов. Статья 8 Федерального закона от 30 июня 2003 года № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»⁷ прямо закрепляет право экспедитора на удержание груза и документов в обеспечение своих требований к клиенту. Данная норма конкретизирует общие положения ГК РФ применительно к специфике транспортно-экспедиционной деятельности.

¹ Там же.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

³ Нагуманова, Г.Ф. Отдельные аспекты применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения договора проката / Г.Ф. Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 165, № 6.

⁴ Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств / Сарбаш С.В. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2006.

⁵ Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 1.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁷ Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27. – Ст. 2701.

Согласно ст. 358 ГК РФ⁸, ломбард вправе удерживать переданные ему вещи в обеспечение возврата кредита и процентов. Несмотря на формальное оформление отношений договором залога, фактический механизм, при котором вещь остается во владении кредитора до исполнения обязательства, сблизает его с классическим удержанием как мерой оперативного воздействия.

Возможность обращения взыскания как ключевая особенность. Обращение взыскания на удерживаемое или иное обремененное имущество представляет собой самостоятельную и эффективную меру защиты, занимающую промежуточное положение между способами обеспечения и неюрисдикционной самозащитой. Её особая ценность заключается в том, что кредитор получает возможность не только побудить должника к исполнению, но и напрямую удовлетворить свои требования за счет конкретного имущества, минуя длительную судебную процедуру.

Правовое регулирование этого процесса установлено ст. 360 ГК РФ⁹, которая приравнивает порядок удовлетворения требований из стоимости удерживаемой вещи к правилам, предусмотренным для залога. Это предоставляет кредитору преимущественное право удовлетворения своих требований перед другими кредиторами должника.

Судебный и внесудебный порядок. Обращение взыскания может осуществляться как по решению суда, так и во внесудебном порядке. Последний возможен на основании нотариально удостоверенного соглашения, заключенного сторонами уже после возникновения оснований для взыскания. Такой подход, с одной стороны, упрощает и ускоряет защиту прав кредитора, а с другой – обеспечивает гарантии для должника, поскольку нотариус проверяет законность сделки и добровольность волеизъявления сторон.

Правовые последствия и непрерывность права удержания. Важной гарантией эффективности удержания является его сохранение даже в случае отчуждения вещи должником (следование права). При смене собственника право удержания не прекращается, происходит лишь замена стороны в охранительном правоотношении. Срок удержания не ограничен и продолжается до полного исполнения обеспеченного им обязательства.

Таким образом, удержание и последующее обращение взыскания на имущество представляют собой комплексные меры оперативного воздействия. Они позволяют кредитору самостоятельно создать действенный стимул для должника, лишив его возможности пользоваться имуществом, а при необходимости – оперативно получить удовлетворение за счет его стоимости. Успешное применение данных мер требует строгого соблюдения установленных законом условий, в том числе принципов добросовестности, разумности и соразмерности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2701.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 2.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 мая 2025 г. по делу № А40–133786/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.08.2025).
6. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 16 декабря 2020 г. по делу № А57–6165/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.08.2025).
7. Бевзенко Р.С. Очерк теории титульного обеспечения // Вестник гражданского права. 2021. № 1.
8. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. – Москва: Статут, 2020. – 848 с.
9. Грибанов В.П. «Осуществление и защита гражданских прав» М.: «Статут», 2000. – 411 с.
10. Максимов, В.А. Меры оперативного воздействия в гражданском праве / В.А. Максимов // Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁹ Там же.

11. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – 4-е изд. – Москва: Статут, 2021. – 846 с.
12. Нагуманова, Г.Ф. Отдельные аспекты применения гражданско-правовых способов обеспечения исполнения договора проката / Г.Ф. Нагуманова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 165, № 6.
13. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств / Сарбаш С.В. – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2006.
14. Рогова Ю.В. Односторонний отказ от договора: теория и практика применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4.
15. Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex Russica. 2016. № 8 (117). С. 21–32.
16. Южанин Н.В. Приостановление исполнения обязательств как односторонняя правозащитная мера // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2.

THE USE OF OPERATIONAL MEASURES IN PROTECTING ENTREPRENEURIAL RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS

Zausov K.A.

A.S. Griboyedov Moscow State University

This article examines operational enforcement measures in the system of protecting the rights of entrepreneurs. The author analyzes their legal nature as special non-jurisdictional mechanisms applied by the authorized party unilaterally, without resorting to government agencies, to encourage the debtor to properly fulfill their obligation. The paper substantiates the fundamental difference between operational enforcement measures and both civil liability measures, which require a court decision, and self-defense, which does not change the substance of the legal relationship. Based on the approach of V.V. Vitryansky, the main types of these measures are examined in detail: unilateral termination of the contract, suspension of counter-performance, refusal to accept improper performance, retention of the debtor's property, and independent fulfillment of the obligation at the debtor's expense. The theoretical conclusions are supported by an analysis of specific provisions of the Civil Code of the Russian Federation. It is concluded that operational enforcement measures, having an independent legal nature, are an effective tool for the prompt protection of the interests of entrepreneurs in contractual relationships, ensuring a balance between private initiative and the need for legal certainty.

Keywords: measures of operational influence, protection of entrepreneurs' rights, civil law, law of obligations, non-jurisdictional protection, unilateral refusal of a contract, suspension of performance of an obligation, retention of property, self-defense, civil liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 5. – Art. 410.
3. Federal Law of June 30, 2003 No. 87-FZ "On Transport and Forwarding Activities" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 27 (Part 1). – Art. 2701.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016, No. 54 "On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – No. 2.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of May 4, 2025 in Case No. A40–133786/2024 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru> (date accessed: August 19, 2025).
6. Decision of the Arbitration Court of the Saratov Region of December 16, 2020 in Case No. A57–6165/2020 // Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. – Access mode: <https://sudact.ru> (date accessed: 19.08.2025).
7. Bevzenko R.S. Essay on the Theory of Title Security // Bulletin of Civil Law. 2021. No. 1.
8. Braginsky M.I. Contract Law: General Provisions / Braginsky M.I., Vitryansky V.V. – Moscow: Statut, 2020. – 848 p.
9. Gribanov V.P. "Implementation and Protection of Civil Rights" Moscow: "Statut", 2000. – 411 p.
10. Maksimov, V.A. Operational Measures of Influence in Civil Law / V.A. Maksimov // St. Petersburg: Limited Liability Company Publishing House "Petropolis", 2018.
11. Meyer, D.I. Russian Civil Law / D.I. Meyer. – 4th ed. – Moscow: Statut, 2021. – 846 p.
12. Nagumanova, G.F. Certain Aspects of the Application of Civil-Law Methods of Securing the Performance of a Rental Agreement / G.F. Nagumanova // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2023. – Vol. 165, No. 6.
13. The Right of Retention as a Method of Securing the Performance of Obligations / Sarbash S.V. – 2nd ed., corrected. – Moscow: Statut, 2006.
14. Rogova Yu.V. Unilateral Termination of a Contract: Theory and Practice of Application // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 4.
15. Yuzhanin N.V. Operational Measures and Secondary Rights // Lex Russica. 2016. No. 8 (117). Pp. 21–32.
16. Yuzhanin N.V. Suspension of Performance of Obligations as a Unilateral Human Rights Measure // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 2.

Клещева Ирина Александровна,

старший преподаватель кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии,
E-mail: irkuleshova@yandex.ru

Статья посвящена проблемам деятельности юридических лиц в международном торговом обороте. В условиях глобализации экономики юридические лица постоянно участвуют в трансграничных отношениях. Это оказывает существенное влияние на правовой статус юридических лиц как участников международно-правовых отношений. Правовой статус юридических лиц определяется их национальностью, личным законом и режимом деятельности в соответствующем иностранном государстве. Поэтому одна и та же компания может иметь разные аспекты своего статуса, оцениваемые по праву разных государств. Через вышеперечисленное будет раскрыта актуальность данной проблематики.

Ключевые слова: правовой статус, международный торговый оборот, национальность юридических лиц, личный закон, правовой режим.

В условиях глобализации экономики юридические лица постоянно участвуют в трансграничных отношениях: заключают контракты с иностранными партнерами, открывают филиалы за рубежом, привлекают иностранные инвестиции. Все это оказывает существенное влияние на правовой статус юридических лиц как участников международно-правовых отношений.

В юридической литературе правовой статус является характеристикой субъекта права и отражает его правовое положение [1].

Правовой статус в теории права представляет собой установленное позитивным правом положение субъекта права, отражающее его фактическое состояние в правовой системе через совокупность прав, свобод и обязанностей [2, С. 175].

При этом правовой статус следует отличать от правового положения как динамичного состояния в отношениях, и правового состояния как устойчивых свойств в данной ситуации, поэтому является более стабильной формально-юридической характеристикой.

Правовой статус включает правосубъектность (правоспособность и дееспособность), права и обязанности, гарантии их реализации, а также юридическую ответственность. Кроме того, в понятие правового статуса можно включить законные интересы и правовые принципы, обеспечивающие стабильное положение субъекта. Применительно к юридическим лицам в качестве элемента структуры правового статуса можно назвать и государственную регистрацию, которая отражает правовую связь данного лица с тем или иным государством.

Правовой статус достаточно стабильная характеристика субъекта права, поскольку устанавливается и определяется государством.

Таким образом, в теории права правовой статус – это комплексная категория, которая означает юридически закрепленное положение субъекта в обществе, определяемое совокупностью его прав, свобод, обязанностей, гарантий и правосубъектности, а также юридической ответственностью и государственной регистрацией. Правовой статус является универсальной моделью, которая отражает юридическую личность субъекта права.

Стоит отметить различия в понимании правового статуса физических и юридических лиц. Основу правового статуса индивида определяет государство, гражданином которого он является. Именно государство через Конституцию и законы гарантирует или ограничивает права и свободы человека. При этом используется территориальный принцип, в соответствии с которым иностранец или апатрид обладают правовым статусом, производным от суверенитета принимающего государства, который оно определяет самостоятельно. Чаще всего предоставляется национальный режим с некоторыми изъятиями. Государство регулирует и гарантирует правовой статус лица на своей территории, выдавая документы, осуществляя регистрацию, обеспечивая правосудие и защиту.

Стоит отметить, что в современном мире происходит постепенная и противоречивая наднационализация правового статуса физического лица, которая проявляется по-разному. После Второй мировой войны сформировалась система универсальных стандартов в области прав человека – международное право прав человека. Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [3] создали общепризнанный минимум прав, принадлежащих каждому от рождения, независимо от гражданства. Право индивида обращаться за защитой своих прав в международные органы (комитет по правам человека ООН) после исчерпания национальных средств защиты – прямое свидетельство выхода правового статуса физического лица за национальные рамки. Существуют фундаментальные нормы (запрет геноцида, рабства, пыток, право на самоопределение), которые обязательны для всех государств и защищают каждого человека, где бы он ни находился. Их нарушение влечет международную ответственность государств. Поэтому можно отметить тенденцию дополнения национального статуса физического лица в современной правовой действительности наднациональными международными стандартами. В условиях глобализации можно говорить о формировании многоуровневого правового статуса физического лица.

Для юридических лиц «наднациональность» носит иной смысл и проявляется не столько через универсальные права (как у физических лиц), сколько через интеграционные правовые режимы, унификацию норм и прямое действие международных договоров. Так, в Европейском Союзе существуют наднациональные юридические лица, созданные в соответствии с Регламентами ЕС [4, С. 147] и существующие

в едином правовом поле. Двусторонние и многосторонние соглашения об избежании двойного налогообложения, о поощрении и взаимной защите капиталовложений прямо определяют ключевые элементы статуса иностранных инвесторов (юридических лиц) на территории договаривающихся государств (национальный режим, режим наибольшего благоприятствования, гарантии от экспроприации).

В отличие от универсальной концепции прав человека, отсутствует единый подход, закрепляющий неотъемлемые права юридических лиц. Базовые аспекты деятельности юридических лиц по-прежнему регулируются национальным правом. Правовой статус юридического лица в современной правовой действительности формируется на нескольких уровнях: национальном (определяет основные вопросы создания и ликвидации компании), наднациональном (интеграционном), создающем единое правовое пространство в рамках интеграционных объединений, и международном, определяющем условия доступа, защиты и деятельности на территории иностранных государств.

Правовой статус юридических лиц в международном частном праве имеет особую специфику, так как затрагивает проблемы, выходящие за рамки одного национального правового порядка.

Ключевыми элементами правового статуса юридического лица в международном частном праве являются: его правосубъектность (признается ли организация юридическим лицом, с какого момента возникает ее правоспособность), организационно-правовая форма, содержание правоспособности, вопросы создания, реорганизации и ликвидации, внутренние отношения, порядок и пределы ответственности самого юридического лица и его участников.

В рамках внутригосударственного права статус юридического лица регламентируется только материально-правовыми нормами национального закона. Тогда как в международном частном праве правовой статус юридического лица определяется на основе коллизионных норм и представляет собой систему правовых характеристик, определяющих его правовое положение.

Поэтому правовой статус юридического лица в международном частном праве зависит от выбранного правового порядка.

Юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность в трансграничной сфере, всегда имеет правовую и политическую связь с тем или иным государством, которое и определяет статус юридического лица.

Чтобы определить личный статус юридического лица на практике, сначала будет решаться вопрос о его национальности, согласно критерию, существующему в данном государстве, поэтому национальность является основополагающей в определении личного статуса в международном частном праве [5, С. 23]. В доктрине международного частного права сложились следующие основные критерии определения национальности юридических лиц: критерий инкорпорации, критерий оседлости, критерий центра эксплуатации и критерий контроля.

Национальность юридического лица определяет, закон какого государства является личным законом данного юридического лица. Личный закон юридического лица решает вопросы частноправового характера, связанные с осуществлением его деятельности.

Критерий национальности юридического лица позволяет ограничить национальные юридические лица от иностранных, и применить к ним соответствующий правовой режим. Понятие правового режима имеет в международном частном праве чрезвычайно важное значение: оно определяет объем гражданской правосубъектности иностранного юридического лица, набор тех конкретных прав и обязанностей, которыми может пользоваться та или иная группа иностранных лиц на территории данного государства.

Большинство государств предоставляют иностранным юридическим лицам национальный режим деятельности, что означает наделение иностранных юридических лиц такими же правами и обязанностями, как и местные компании [6, С. 34]. При этом важно понимать, что национальный режим не является абсолютным. Он распространяется, в первую очередь, на имущественные и связанные с ними неимущественные права, такие как право заключать сделки, иметь собственность, обращаться в суд.

При этом национальный режим может быть ограничен в отношении отдельных видов деятельности. Кроме того государство может вводить ответные ограничения (реторсии) в отношении юридических лиц из стран, установивших аналогичные ограничения в отношении местных юридических лиц.

Таким образом, правовой статус иностранного юридического лица на территории принимающего государства обусловлен его национальностью и режимом деятельности, установленным в данном государстве для иностранных компаний.

С развитием интеграционных процессов появились юридические лица, статус которых определяется не национальным правом одного

государства, а международным договором или правом интеграционного объединения. Примером подобных юридических лиц являются европейские компании. Их правовой статус регулируется унифицированными нормами европейского права и национальным законодательством государства регистрации. Большим преимуществом европейской компании является то, что можно перенести ее местонахождение из одного государства – члена ЕС в другое. Перенесение местонахождения административного центра европейской компании не ведет ни к ликвидации, ни к учреждению новой компании [7, С. 35].

Понятие правового статуса юридического лица – это динамичная и сложная категория. Она не сводится к простому переносу национального статуса в трансграничный контекст.

Правовой статус юридических лиц в международном частном праве имеет особую специфику, так как затрагивает проблемы, выходящие за рамки одного национального правового порядка. Условием легитимной деятельности любого юридического лица при ведении трансграничного бизнеса является необходимость эффективного сочетания их национального закона и права страны осуществления деятельности.

Правовой статус юридических лиц определяется их национальностью, личным законом и режимом деятельности в соответствующем иностранном государстве. Поэтому одна и та же компания может иметь разные аспекты своего статуса, оцениваемые по праву разных государств.

Правовой статус юридического лица в международном частном праве – это установленная на основе коллизионных норм система его правовых характеристик, определяющая его положение как субъекта международных частноправовых отношений.

Литература

1. Малюгин С.В. Правовой статус. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9> (Дата обращения 08.12.2025)
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 175.
3. Всеобщая Декларация прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения 11.12.2025)
4. Horn N. Die Europa-AG im Kontext des deutschen und europäischen Gesellschaftsrechts // Betriebsberater. 2005.
5. Королев А.Е. Национальность юридических лиц. Современный аспект // Юрист. 2001. № 7.
6. Нешатаева Т.Н. Иностранные инвестиции в Российской Федерации: правовое регулирование и судебная практика // Вестник ВАС. 2001. Спец. прилож. К № 7.
7. Аухатов А.Я. Правоспособность компаний при перенесении местонахождения правления за границу (по материалам права ЕС и ФРГ) // Юрист, 2006. № 1.

THE CONCEPT OF THE LEGAL STATUS OF A LEGAL ENTITY IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Kleshcheva I.A.

Saratov State Law Academy

The article is devoted to the problems of the activities of legal entities in international trade. In a globalized economy, legal entities are constantly involved in cross-border relationships. This has a significant impact on the legal status of legal entities as participants in international legal relations. The legal status of legal entities is determined by their nationality, personal law and the regime of activity in the relevant foreign State. Therefore, the same company may have different aspects of its status, assessed according to the law of different states. Through the above, the relevance of this issue will be revealed.

Keywords: legal status, international trade turnover, nationality of legal entities, personal law, legal regime.

References

1. Malyugin S.V. Legal status. The Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://bigenc.ru/c/pravovoi-status-8da3d9> (Accessed 12/08/2025)
2. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. Moscow: Legal literature, 1975. p. 175.
3. Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Accessed 11.12.2025)
4. Horn N. Die Europa-AG im Kontext des deutschen und europäischen Gesellschaftsrechts // Betriebsberater. 2005.
5. Korolev A.E. Nationality of legal entities. The modern aspect // Lawyer. 2001. No. 7.
6. Neshataeva T.N. Foreign investments in the Russian Federation: legal regulation and judicial practice // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2001. Special appendix. To No. 7.
7. Aukhatov A. Ya. The legal capacity of companies when moving the location of the board abroad (based on the materials of the law of the EU and Germany) // Lawyer, 2006. No. 1.

Климова Юлия Алексеевна,

слушатель, МГУ им. Ломоносова по программе «Мастер государственного управления (МРА)»; заместитель председателя Щёлковского городского суда Московской области, судья 6-го квалификационного класса
E-mail: klimova.yuliy@yandex.ru

Статья посвящена комплексному исследованию проблем судебной защиты цифровых прав, возникающих на стыке материального и процессуального права. Актуальность работы обусловлена цифровой трансформацией общественных отношений и появлением новой категории объектов, требующих адекватных механизмов правовой защиты. Целью исследования является анализ материально-правовой природы цифровых прав в российской доктрине и выявление процессуальных барьеров, затрудняющих их эффективную судебную защиту. В результате делается вывод о дуалистической природе цифровых прав и необходимости совершенствования как материальных, так и процессуальных норм, включая разработку специализированных механизмов доказывания, обеспечения и исполнения. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении вопроса с позиций публично-правовых наук, а практическая значимость – в формулировании рекомендаций для законодателя и правоприменителя.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые активы, судебная защита, судопроизводство, доказательства в цифровой форме, блокчейн, смарт-контракты, подведомственность, исполнительное производство.

Введение

Динамичная цифровая трансформация социально-экономических отношений детерминировала появление новых объектов гражданских прав, что актуализировало задачу разработки эффективных механизмов их юрисдикционной защиты [6, с. 10].

Институционализация цифровых прав в российской правовой системе посредством внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, будучи своевременным законодательным ответом на вызовы технологического развития, выявила существенный разрыв между материальным регулированием и возможностями его процессуальной имплементации [1].

Традиционное судопроизводство, отличающееся известным консерватизмом, столкнулось с необходимостью адаптации к защите прав на виртуальные, часто децентрализованные и технологически опосредованные активы. Защита цифровых прав представляет собой не только частноправовую, но и значимую публично-правовую проблему, поскольку государство, гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46 Конституции Российской Федерации), обязано обеспечить реальную и исполнимую процессуальную форму такой защиты [9, с. 40].

Это напрямую затрагивает фундаментальные принципы доступа к правосудию, справедливого судебного разбирательства и процессуального равенства сторон в условиях, когда объектом спора выступают цифровые активы. Таким образом, рассматриваемая проблематика находится в сфере взаимодействия материального гражданского права и публичных по своей природе процессуальных отраслей – гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Целью настоящего исследования является проведение комплексного анализа проблем судебной защиты цифровых прав, охватывающего как уяснение их материально-правовой сущности для целей корректной квалификации, так и выявление специфических процессуальных барьеров в сфере доказывания, определения подведомственности, применения обеспечительных мер и исполнения судебных актов.

Материально-правовая природа цифровых прав как объекта судебной защиты

Легальное определение цифровых прав, закрепленное в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, фиксирует их в качестве обязательственных и иных прав, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [1].

Данная дефиниция порождает для правоприменителя ряд принципиальных вопросов. В доктрине отмечается дуализм понимания цифрового права, которое может репрезентировать собой как право обязательственное (например, вытекающее из исполнения смарт-контракта), так и некоторое новое, «иное» право, обладающее свойствами, сближающими его с правами вещными (например, право на цифровой токен, удостоверяющий актив) [7, с. 32].

Подобный дуализм оказывает непосредственное влияние на выбор адекватного способа судебной защиты: вещно-правового (виндикационного или негаторного иска) либо обязательственно-правового (иска о взыскании убытков или понуждении к исполнению обязанности). Кроме того, технологическая обусловленность осуществления цифрового права, его неразрывная связь с правилами конкретной информационной системы (чаще всего распределенного реестра) ставят суд в позицию, требующую установления и интерпретации этих правил, что неизбежно сопряжено с привлечением специалистов в области информационных технологий и криптографии [8, с. 50].

Наконец, острую проблему представляет идентификация управомоченного субъекта. Анонимность или псевдонимность, характерные для отношений в рамках блокчейн-сетей, вступают в противоречие с фундаментальным процессуальным требованием об индивидуализации сторон (статья 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статья 44 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, установление принадлежности конкретного цифрового адреса (ключа) определенному физическому или юридическому лицу становится одной из центральных материально-доказательственных задач в рамках судебного спора, предопределяющей его исход.

Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с цифровыми правами

Вопросы подведомственности и подсудности споров о цифровых правах разрешаются на основе общих критериев, установленных процессуальным законодательством. Однако специфика объекта спора, который может не иметь четкой территориальной привязки к юрисдикции Российской Федерации, а информационная система носить трансграничный характер, актуализирует сложные коллизии, связанные с определением международной подсудности и применимого права, особенно в случаях совершения сделок на зарубежных цифровых платформах [10, с. 215].

Наиболее проблемной сферой является доказывание. К доказательствам по делам данной категории относятся скриншоты интерфейсов, выписки из блокчейна, заключения IT-экспертов, а также иные данные, подтверждающие связь между цифровым ключом и лицом. Ключевые трудности связаны с оценкой судами относимости и допустимости таких доказательств, поскольку динамическая природа цифровых данных осложняет их традиционное нотариальное заверение [9, с. 42].

Институт обеспечения доказательств (статья 72 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 64–66 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) приобретает критическое значение для фиксации состояния цифрового актива на определенный момент, однако процедура его применения в цифровой среде требует дальнейшего осмысления и методической разработки. Проведение судебной экспертизы также сопряжено с необходимостью формирования специальных познаний в области блокчейн-технологий и создания соответствующей методической базы.

Применение обеспечительных мер в отношении цифровых прав требует творческого подхода, поскольку традиционный арест денежных средств на банковском счете или имущества не всегда технически реализуем. Эффективной мерой может выступать запрет ответчику совершать определенные операции с конкретными цифровыми активами (токенами), например, через идентифицируемые централизованные сервисы (биржи), либо obligation передать средства контроля (приватные ключи) на депонирование независимому третьему лицу [5].

Проблемы сохраняются и на стадии исполнительного производства, где принудительная реализация решения, обязывающего к совершению действий в цифровой среде (например, перевод токена), наталкивается на отсутствие у судебных приставов-исполнителей необходимых технических компетенций и процедур. Взыскание же денежного эквивалента затруднено ввиду высокой волатильности и проблем оценки подобных активов.

Перспективы развития процессуального законодательства в сфере защиты цифровых прав

Для преодоления обозначенных системных проблем представляется необходимым осуществление комплекса мер законодательного и правоприменительного характера.

В качестве одного из приоритетных направлений видится формирование специализированных судебных составов или коллегий, обладающих углубленными познаниями в сфере цифровых технологий и связанных с ними правовых отношений [10, с. 407].

Требуют унификации подходы к оценке цифровых доказательств; соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации могли бы способствовать единообразию судебной практики в вопросах допустимости выписок из блокчейна и порядка их обеспечения.

Параллельно необходимо развитие судебной экспертизы, стимулирование создания и утверждения экспертных методик исследования цифровых активов и операций с ними.

Совершенствование процессуальных кодексов могло бы выражаться в прямом закреплении специфических обеспечительных мер, адаптированных к природе цифровых прав, а также в развитии технологической инфраструктуры службы судебных приставов.

В долгосрочной перспективе цифровизация самого судопроизводства, включая возможное использование технологий распределенного реестра для фиксации процессуальных действий и хранения доказательств, способна повысить уровень прозрачности, неизменности и доверия к процедуре разрешения технологически сложных споров.

Заключение

Защита цифровых прав в судебном порядке представляет собой комплексную межотраслевую проблему, находящуюся в эпицентре взаимодействия частного и публичного права. Материально-правовая неоднозначность категории «цифровое право», сочетающей черты обязательственных и вещно-правовых конструкций, порождает суще-

ственные трудности в квалификации охраняемых законом отношений и выборе адекватного способа защиты.

С процессуальной точки зрения, ключевыми вызовами для современной судебной системы являются сбор, исследование и оценка цифровых доказательств, определение и реализация эффективных обеспечительных мер, а также принудительное исполнение решений, объектом которых выступают виртуальные активы. Эти вызовы носят выраженный публично-правовой характер, поскольку касаются гарантий конституционного права на судебную защиту и эффективности механизмов государственного принуждения в новых технологических реалиях.

Разрешение указанных проблем лежит на пути последовательной адаптации существующих процессуальных институтов к цифровой среде и выработки специализированных правовых подходов. Это предполагает как активную роль высших судебных инстанций в формировании единообразной и предсказуемой практики, так и точечные, но системные изменения в процессуальном законодательстве.

Цифровая трансформация судебной защиты является не вопросом отдаленной перспективы, а насущной необходимостью, от решения которой зависит эффективность правосудия и уровень доверия к нему в условиях стремительного становления цифровой экономики и общества.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Ефимцева Т.В., Мазуров А.В. Цифровые права как объект гражданских прав: проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 24–30.
7. Новоселова Л.А. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 10–45.
8. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–71.
9. Тебряев А.А., Кирия К.А. Проблемы судебной защиты цифровых прав в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 10. С. 40–44.
10. Щербович А.А. Цифровое право: учебник для вузов. М.: Статут, 2021. 512 с.

JUDICIAL PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS: SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL ISSUES

Klimova Y.A.

Shchelkovo City Court of Moscow Region, Lomonosov Moscow State University under the Master of Public Administration

This article provides a comprehensive study of the issues surrounding the judicial protection of digital rights, arising at the intersection of substantive and procedural law. The relevance of this work stems from the digital transformation of social relations and the emergence of a new category of objects requiring adequate legal protection mechanisms. The aim of this study is to analyze the substantive nature of digital rights in Russian doctrine and identify procedural barriers that impede their effective judicial protection. This study concludes that digital rights are dualistic in nature and that both substantive and procedural rules need to be improved, including the development of specialized mechanisms for proof, enforcement, and compliance. The scientific novelty lies in the comprehensive examination of this issue from the perspective of public law, while its practical significance lies in the formulation of recommendations for legislators and law enforcement.

Keywords: digital rights, digital assets, judicial protection, legal proceedings, digital evidence, blockchain, smart contracts, jurisdiction, enforcement proceedings.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on February 24, 2024).
2. Part One of the Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002 (as amended on December 25, 2023).
3. Part One of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on December 25, 2023).
4. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 “On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation.”

5. Federal Law of July 31, 2020, No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation."

6. Efimtseva, T.V., Mazurov, A.V. Digital Rights as an Object of Civil Rights: Theoretical and Practical Issues // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. No. 8. pp. 24–30.

7. Novoselova, L.A. Digital Rights in the System of Civil Rights // Civil Law Bulletin. 2019. No. 4. pp. 10–45.

8. Savelyev, A.I. Contract Law 2.0: "Smart" Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law // Civil Law Bulletin. 2016. No. 3. pp. 32–71.

9. Tebryaev A.A., Kiriya K.A. Problems of judicial protection of digital rights in the Russian Federation // Arbitration and civil procedure. 2022. No. 10. pp. 40–44.

10. Shcherbovich A.A. Digital law: a textbook for universities. Moscow: Statut, 2021. 512 p.

О некоторых проблемах правового регулирования обеспечения имущественных прав физических и юридических лиц, связанных с производством эксгумации

Мартыненко Сергей Борисович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала), ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
E-mail: martyncomorder@mail.ru

В статье выявляются недостатки и пробелы, присущие законодательному регулированию обеспечения имущественных прав физических и юридических лиц, связанных с производством эксгумации и последующим захоронением трупа. Автором отмечается, что такое регулирование фактически сводится к указанию в ч. 5 ст. 178 УПК РФ на то, что затраты, связанные с производством указанного следственного действия и повторным погребением эксгумированного, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном ст. 131 УПК РФ, то есть как процессуальные издержки. Данный законодательный подход, с точки зрения автора не способен обеспечить надлежащим образом имущественные права родственников усопшего, а также иных физических и юридических лиц, несущих соответствующие расходы. В связи с этим в статье предлагается кардинально иной механизм нормативного регулирования обеспечения указанных прав, который, по мысли автора, требует своего закрепления прежде всего в специальном постановлении Правительства Российской Федерации и замены положения, содержащегося в ч. 5 ст. 178 УПК РФ, бланкетной нормой, отсылающей к этому постановлению.

Ключевые слова: следственные действия, эксгумация, последующее захоронение трупа, расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением трупа, процессуальные издержки, имущественные права физических и юридических лиц в уголовном судопроизводстве.

Эксгумация в настоящее время представляет собой достаточно сложную, содержательно насыщенную и при этом фактически никак законодательно не регламентированную процессуальную процедуру (ч. 3, 4 ст. 178 УПК РФ). Данная процедура, как правило, осуществляется в целях обеспечения последующего производства судебно-медицинской экспертизы трупа и (или) иных экспертиз в отношении различных материальных объектов, обнаруживаемых и изымаемых в месте захоронения, а также в целях предъявления для опознания и осмотра трупа, если они структурно не были включены в сам процесс эксгумации в качестве его составляющих. Вместе с тем смысл уголовно-процессуального закона, соответствующие положения теории уголовно-процессуального права и сложившаяся в исследуемой области правоприменительная практика указывают на то, что производство эксгумации не является исключительно технической операцией по извлечению человеческих останков из могилы или склепа, а фактически вбирает или может вбирать в себя целый ряд следственных действий или их определённых элементов. К этим следственным действиям относятся осмотр места происшествия, обыск, выемка, проверка показаний на месте, осмотр трупа и его предъявление для опознания.

Таким образом, во-первых, в ходе эксгумации, как и при производстве некоторых других процессуальных действий, традиционно и безоговорочно признаваемых в уголовно-процессуальной науке следственными, изымаются объекты материального мира или получают данные, доказательственное значение которых определяется в ходе последующего проведения иных следственных действий. Во-вторых, непосредственно в ходе проведения самой эксгумации уже могут быть получены сведения об обстоятельствах, подлежащих обязательному установлению по уголовному делу. Говоря иными словами, в ряде случаев эксгумация как таковая может иметь поисково-познавательную направленность, а её результаты уже сами по себе, без производства других следственных действий, могут обрести доказательственное значение. Несмотря на это, вопрос о возможности отнесения эксгумации к категории следственных действий относится в уголовно-процессуальной науке к числу дискуссионных. Однако исследование процессуальной природы эксгумации, как и выявление большинства многочисленных пробелов в законодательном регулировании оснований, условий и процессуального порядка её производства не охватываются предметом настоящей статьи и не входят в число стоящих перед ней задач.

Помимо процессуальных аспектов, производство эксгумации предполагает проведение широкого комплекса организационно-технических мероприятий и работ, связанных с извлечением останков покойного из места захоронения, дальнейшим обращением с ними и их последующим (повторным) погребением: демонтаж ритуальных могильных конструкций; выемка грунта и гроба с находящимися в нём трупом из могилы; последующая дезинфекция могилы; извлечение из гроба трупа, его упаковка и доставка к месту производства следственных действий; дезинфекция транспортного средства, на котором был доставлен труп; хранение трупа; приведение трупа и гроба в состояние, пригодное для повторного захоронения, или же помещение трупа в новый, в том числе, цинковый, гроб с его последующим герметичным запаиванием; транспортировка трупа к месту повторного захоронения; подготовка погребальной ямы, спуск в неё гроба с трупом и её заполнение грунтом; повторное возведение на месте захоронения ритуальных могильных конструкций [1, с. 45; 2, с. 28]. К тому же указанные мероприятия и работы осуществляются и производятся с применением и использованием соответствующих, в том числе специальных, инструментов, приспособлений, устройств, оборудования, экипировки и материалов.

Все перечисленные манипуляции являются весьма дорогостоящими, что требует нормативного определения источников их финансирования, субъектов, должных или могущих их осуществлять, а также установления юридических гарантий обеспечения имущественных прав участников соответствующих правоотношений.

Тем не менее какие-либо указания относительно этого в действующем законодательстве отсутствуют, за исключением ч. 5 ст. 178 УПК РФ, предусматривающей, что расходы, связанные с эксгумаци-

ей и последующим захоронением трупа, возмещаются родственникам покойного в порядке, установленном ст. 131 УПК РФ, то есть как процессуальные издержки. При этом, исходя из буквального толкования данного законодательного положения, родственники покойного должны оплачивать не только повторное захоронение его тела [3, с. 149], но ещё и почему-то предшествующее этому производству соответствующего следственного действия – эксгумации. Кроме того, затраты, связанные с эксгумацией, непосредственно как таковые в перечень видов процессуальных издержек, приведённый в ч. 2 ст. 131 УПК РФ, не включены, а подлежат возмещению в соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ как «иные расходы, понесенные в ходе уголовного судопроизводства и предусмотренные настоящим Кодексом». По данному поводу, учитывая некоторые специфические моменты производства эксгумации, А.В. Верещагина высказала разделяемое нами мнение о необходимости «отразить с некоторой долей детализации эти затраты в качестве процессуальных издержек в ст. 131 УПК РФ», отметив далее, что такие издержки «компенсируются не сразу, а по вступлении приговора в законную силу» [4, с. 127–128]. Помимо этого, заслуживает внимания направленное на обеспечение имущественных прав родственников умершего предложение В.П. Елфимова о формулировании в резолютивной части постановления следователя о производстве эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ) адресованных этим лицам разъяснений порядка возмещения расходов, связанных с эксгумацией и последующим захоронением трупа [3, с. 145].

Вместе с тем представляется, что предусмотренная ч. 5 ст. 178 УПК РФ возможность финансирования как самой эксгумации, так и повторного захоронения усопшего из карманов его родственников нарушает их имущественные права, во-первых, потому, что у этих лиц может просто не оказаться необходимых денежных средств, причём не только своевременно, но и вообще. Следовательно, люди будут вынуждены занимать деньги в долг или брать кредиты. Во-вторых, предварительное расследование или судебное разбирательство по уголовному делу, в рамках которого производилась эксгумация, могут быть приостановлены по различным основаниям на неопределённый срок. Соответственно, судебный приговор по такому уголовному делу вынесен не будет, и родственники покойного никакой компенсации понесённых ими расходов не получат.

В данной связи В.П. Елфимов справедливо отметил, что близкие покойного зачастую не желают производства эксгумации, в том числе и по причинам материального характера [3, с. 142]. При этом уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность возражений против эксгумации со стороны близких или иных родственников усопшего, что исключает производство этого следственного действия на основании постановления следователя, но допускает его проведение с разрешения суда (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). Иначе говоря, вопрос о проведении эксгумации в данной ситуации должен решаться в судебном заседании.

Учитывая изложенное выше, представляется целесообразным закрепить в уголовно-процессуальном законе право родственников покойного участвовать в таком судебном заседании с тем, чтобы они получили возможность обосновать суду свои возражения против эксгумации [3, с. 147], могущие быть обусловленными и недостатком у них необходимых денежных средств, и сомнительными перспективами компенсации предстоящих расходов. Однако, несмотря на отсутствие соответствующего законодательного положения, родственники усопшего, возражающие против проведения эксгумации, в том числе и по указанным мотивам, всё-таки допускаются к участию в судебных заседаниях, посвящённых решению вопроса о производстве данного следственного действия. Правда, отстаивать свою позицию у них получается далеко не всегда.

Так, в периодической юридической печати описан случай, когда суд апелляционной инстанции оставил без удовлетворения апелляционную жалобу потерпевшей по уголовному делу гражданки Ю. – матери погибшей гражданки К. на постановление районного суда о разрешении производства эксгумации тела последней. В своей апелляционной жалобе Ю., помимо прочего, указала, что под установленным на могиле её покойной дочери дорогостоящим памятником расположена монолитная плита, демонтаж которой в процессе эксгумации может вызвать повреждения этого памятника и гроба. В связи с этим последующие погребение останков К. и восстановление соответствующих ритуальных конструкций на месте их захоронения потребует значительных дополнительных расходов. При этом суд апелляционной инстанции, неверно, на наш взгляд, истолковавший смысл ч. 5 ст. 178 УПК РФ, указал, что захоронение трупа и приведение в порядок места захоронения после проведения эксгумации должны обеспечить производившие её органы [1, с. 46–47; 5, с. 90].

Законодатель также надлежит предоставить родственникам покойного возможность участвовать в производстве эксгумации его тела [3, с. 148], в том числе в целях обеспечения их имущественных прав. Указанной возможностью родственники эксгумируемого смогут воспользоваться и не преследуя никаких процессуальных целей, а исключительно в своих имущественных интересах. Так, присутствуя при производстве эксгумации, эти лица могут осуществлять контроль за тем, чтобы при производстве работ по демонтажу ритуальных могильных конструкций последним не был нанесён урон, не вызванный необходимостью, а также принимать меры к обеспечению последующей сохранности таких конструкций с тем, чтобы часть из них могла быть использована при приведении в порядок места захоронения после повторного погребения останков покойного. Кроме того, родственники усопшего могут изъявить желание самостоятельно производить определённые работы, обеспечивающие проведение эксгумации [4, с. 127].

Помимо указанного, А.И. Ивенский совершенно правильно отмечает в качестве существенного недостатка ч. 5 ст. 178 УПК РФ отсутствие в ней указаний на каких-либо иных, помимо родственников покойного, субъектов, которые так же могут понести расходы, связанные с эксгумацией и последующим захоронением. Согласно справедливому суждению учёного, «право на возмещение судебных издержек, имеют любые физические и юридические лица, понесшие соответствующие расходы» [2, с. 28]. Однако, как видно, соответствующие имущественные права таких лиц в настоящее время уголовно-процессуальным законодательством ни коим образом не обеспечены.

Следует обратить внимание на то, что многие из представленных выше предложений по совершенствованию действующего законодательства в части обеспечения имущественных прав физических и юридических лиц, связанных с производством эксгумации и последующим захоронением трупа, сформулированы в русле существующей уголовно-процессуальной парадигмы возмещения им соответствующих расходов как процессуальных издержек. Нам же думается, что подход к разрешению существующих в исследуемой области проблем необходим более широкий и кардинально иной.

Так, в основу данного подхода должно быть положено правило, согласно которому в силу принципа публичности уголовного судопроизводства все расходы, связанные с эксгумацией и повторным погребением трупа, должны нести компетентные правоохранительные и иные государственные органы, предприятия, учреждения и организации, а именно: производящие эксгумацию органы предварительного расследования; государственные кладбища, транспортные компании и судебно-экспертные учреждения; территориальные органы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора); учреждения здравоохранения, подведомственные Федеральному медико-биологическому агентству.

В связи с этим в нормативные акты, регулирующие организацию и деятельность указанных органов, предприятий, учреждений и организаций, а также в должностные инструкции их руководителей, сотрудников и работников должны быть включены соответствующие обязанности и полномочия.

В случаях, когда привлечение государственных предприятий, учреждений и организаций для производства работ, связанных с эксгумацией и последующим захоронением усопшего, представляется невозможным, органам предварительного расследования, проводящим данное следственное действие, надлежит заключать соответствующие договоры возмездного оказания услуг и подряда с негосударственными структурами, осуществляющими деятельность в указанной области. Этими договорами, помимо прочего, должны определяться порядок и сроки оплаты соответствующих услуг и работ органом предварительного расследования, производящим эксгумацию.

Кроме того, при осуществлении мероприятий, связанных с эксгумацией, повторным погребением трупа и их финансированием должны быть соблюдены имущественные интересы родственников покойного и иных лиц, понёсших расходы на похороны и оформление могилы. Интересы же эти состоят в: а) исключении не вызванных необходимостью повреждений ритуальных могильных конструкций при производстве эксгумации; б) обеспечении дальнейшей сохранности этих конструкций в целях их последующего использования при восстановлении оформления могилы после повторного захоронения покойного; в) предании земле надлежащим образом подготовленного и помещённого в гроб эксгумированного тела по завершении всех необходимых следственных действий в его отношении; г) приведении места захоронения в его первоначальное состояние после повторного погребения усопшего; д) своевременном предоставлении таким лицам государством денежных средств, позволяющих обеспечить производство работ, связанных с эксгумацией, повторным захоронением покойного

и последующим восстановлением оформления места его погребения; е) отсутствии у этих лиц связанных с производством таких работ невозвратных денежных затрат или материальных вложений, требующих последующего совершения длительных и сложных действий в целях получения соответствующей компенсации (взыскания процессуальных издержек).

Здесь, по нашему глубочайшему убеждению, необходимо учитывать то, что родственники и иные близкие покойного и так пребывают в связанной с производством эксгумации длящейся психотравмирующей ситуации и испытывают вызванные этим нравственные страдания, отвлекаются от обычных повседневных занятий, в том числе связанных с их трудовой деятельностью, в связи с чем возлагать на этих лиц какие-либо денежные расходы, а также последующие заботы и хлопоты, направленные на получение компенсации этих расходов, представляется бесчеловечным. Тем более, что бремя доказывания этих расходов как процессуальных издержек в суде ляжет на плечи указанных лиц.

В данной связи представляется, что для надлежащего обеспечения соответствующих имущественных прав родственников эксгумированного и иных лиц, понёсших расходы на похороны и оформление могилы, необходимо нормативно обязать производящего эксгумацию следователя до начала её проведения: а) обеспечить стоимостную оценку предстоящих работ и необходимых материалов во взаимодействии с сотрудниками службы финансового обеспечения и экспертно-криминалистического подразделения соответствующего территориального органа предварительного расследования; б) выяснить у родственников покойного и других заинтересованных субъектов, для производства каких именно работ они намерены использовать свои собственные силы и (или) самостоятельно привлекать для этого соответствующих специалистов; в) исходя из этого, обеспечить выплату этим лицам определённых денежных сумм в соответствии с указанной выше стоимостной оценкой; г) с учётом указанного во взаимодействии с сотрудниками юридической службы соответствующего территориального органа предварительного расследования обеспечить заключение договоров возмездного оказания услуг и подряда с предприятиями, учреждениями и организациями на оказание услуг и проведение работ, связанных с эксгумацией и последующим захоронением эксгумированного тела; д) разъяснить родственникам покойного и другим заинтересованным лицам их право участвовать в проведении эксгумации и уведомить их о дате и времени начала производства этого следственного действия.

По окончании производства всех необходимых следственных действий в отношении эксгумированного следователю надлежит уведомить об этом родственников покойного и других заинтересованных лиц, а также органы, предприятия, учреждения и организации, задействованные в осуществлении повторного захоронения, и согласовать с ними дату, время и порядок проведения этого захоронения.

Для обеспечения реализации вышеизложенного в Федеральном бюджете Российской Федерации должно быть заложено, а органам предварительного расследования, иным государственным органам, предприятиям, учреждениям и организациям, задействованным в производстве эксгумаций и последующих захоронениях, должно своевременно выделяться необходимое и достаточное целевое финансирование. Порядок выделения и использования такого финансирования, в том числе порядок соответствующего взаимодействия производящих эксгумацию следователей с другими службами и подразделениями территориальных органов предварительного расследования, с иными государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями, а также с родственниками эксгумируемого и другими заинтересованными лицами должен быть регламентирован специаль-

ным постановлением Правительства Российской Федерации с учётом сформулированных выше предложений.

Исходя из этого, предлагаем изложить ч. 5 ст. 178 УПК РФ в следующей редакции: «Порядок финансирования мероприятий и возмещения расходов, связанных с эксгумацией и последующим захоронением трупа, определяется Правительством Российской Федерации».

Литература

1. Гришин А.В., Волкова В.Р. Эксгумация как вид следственного действия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1 (82). С. 42–51.
2. Ивенский А.И. О проблемах регламентации эксгумации // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 24–32.
3. Елфимов П.В. К вопросу о фактических и юридических основаниях производства эксгумации: проблемы законодательного регулирования и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 142–152.
4. Верещагина А.В. Эксгумация в российском уголовном судопроизводстве: религиозный, исторический и нормативный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 119–129.
5. Ильяшенко А. Н., Лозовский Д.Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 87–91.

ON SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENSURING THE PROPERTY RIGHTS OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES RELATED TO EXHUMATION

Martynenko S.B.

Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

This article identifies shortcomings and gaps inherent in legislative regulation of the property rights of individuals and legal entities associated with the exhumation and subsequent burial of a corpse. The author notes that such regulation actually boils down to the provision in Part 5 of Article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that the costs associated with the said investigative action and the reburial of the exhumed person are reimbursed to the relatives of the deceased in the manner established by Article 131 of the Criminal Procedure Code, that is, as procedural costs. From the author's point of view, this legislative approach is not able to properly ensure the property rights of the relatives of the deceased, as well as other individuals and legal entities bearing the corresponding costs. In this regard, the article proposes a radically different mechanism for regulatory regulation of the provision of these rights, which, according to the author, requires its consolidation primarily in a special decree of the Government of the Russian Federation and the replacement of the provision contained in Part 5 of Article 178 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a blanked norm referring to this decree.

Keywords: investigative actions, exhumation, subsequent burial of a corpse, costs associated with exhumation and subsequent burial of a corpse, procedural costs, property rights of individuals and legal entities in criminal proceedings.

References

1. Grishin A.V., Volkova V.R. Exhumation as a type of investigative action // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2020. № . 1 (82). P. 42–51. (In Russ.).
2. Ivensky A.I. On the problems of exhumation regulation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2022. № . 5 (51). P. 24–32. (In Russ.).
3. Elfimov P.V. On the question of the factual and legal grounds for exhumation: problems of legislative regulation and ways to overcome them. // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023. № . 3 (96). P. 142–152. (In Russ.).
4. Vereshchagina A.V. Exhumation in Russian criminal proceedings: religious, historical and normative aspects // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № . 1 (105). P. 119–129. (In Russ.).
5. Ilyashenko A.N., Lozovsky D.N. Actual issues of exhumation in criminal proceedings // Society and Law. 2017. № . 1 (59). P. 87–91. (In Russ.).

Микрюков Виктор Алексеевич,

д.ю.н., доцент кафедры предпринимательского
и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

E-mail: vmikryukov@yandex.ru

Автор раскрывает содержание корпоративной связи общества с ограниченной ответственностью с вышедшим из него участником, сохраняющейся до завершения расчетов по выплате обществом такому участнику действительной стоимости его доли в уставном капитале общества. На основе анализа правоприменительной практики для обеспечения ее единообразия, опирающегося на нормативно-правовое основание, сделан вывод о необходимости дополнения закона указанием на наличие и объем информационно-правовых полномочий выбывшего из общества участника. Поставлен вопрос о целесообразности разработки механизма отмены выхода, дифференцированного в зависимости от того, является ли перешедшая к обществу доля вышедшего участника погашенной, распределенной между другими участниками, реализованной одному или нескольким участникам либо проданной третьим лицам.

Ключевые- слова: корпорация, право участника корпорации на информацию, выход участника из общества с ограниченной ответственностью, выбывшие участники.

В случае, если в соответствии с п. 1 ст. 26 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) в уставе общества закреплено право участников (одного из них, группы участников, отличающихся определенными признаками, или всех без исключения участников) покинуть корпорацию путем предъявления соответствующего нотариально оформленного заявления о выходе и если данное право фактически реализовано конкретным участником, то для вышедшего (заявителя) наступают серьезные юридические и экономические последствия.

Согласно п. 6.1 и подп. 2 п. 7 ст. 23 Закона об ООО при выходе из общества участник утрачивает полномочия корпоративного участия, его доля в уставном капитале переходит к обществу (причем автоматически, вне зависимости от воли и волеизъявления общества [5, с. 96–102]). Однако одновременно с перераспределением в пользу корпорации доли корпоративного участия вышедшего последний обретает право требовать от общества исполнения императивно закрепленного в указанных нормах обязательства по денежной выплате действительной стоимости этой доли (либо по выдаче имущества той же стоимости в натуре), а общество в силу п. 1 ст. 29 Закона об ООО лишается возможности распределять свою чистую прибыль до момента исполнения указанного обязательства. При этом на основании п. 4 ст. 26 Закона об ООО покинувший общество участник сохраняет обязанность по внесению вклада в имущество корпорации (если такая обязанность возникла до подачи заявления о выходе).

Указанное означает, что участник общества, осуществивший право на выход, не имеет корпоративно-правовой возможности влиять на управление обществом, но не теряет свой корпоративно-правовой статус полностью и бесповоротно. В связи с этим в науке такого участника справедливо причисляют к «субъектам корпоративных правоотношений, тесно связанных с участием в корпорации» [4, с. 176–183]. Более того, он согласно п. 8 ст. 23 Закона об ООО сохраняет потенциал к восстановлению всего объема своего корпоративно-правового положения и возобновлению полноценного участия в обществе с возвратом себе доли в уставном капитале, если общество ввиду признаков несостоятельности окажется юридически неспособным выплатить ему стоимость доли или выдать соразмерный объем имущества в натуре.

Сохранение некоторого объема корпоративно-правовой связи общества и вышедшего из него участника, обусловленное в том числе необходимостью гарантировать адекватное замыслу законодателя срабатывание механизма выплаты действительной стоимости доли как «своеобразной финансовой гарантии участников по возврату вложенных инвестиций» [3, с. 3–36], требует закрепления за бывшим участником вспомогательных информационных правовых потенциалов.

Поскольку размер подлежащей выплате вышедшему участнику действительной стоимости доли не только нормативно привязан к формальному расчету на основе данных бухгалтерской отчетности юридического лица за предшествующий заявлению о выходе отчетный период (п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО), но и с позиций судебной практики требует установления рыночной стоимости всех активов и пассивов, отраженных в бухгалтерском учете корпорации, в том числе (при необходимости специальных познаний) с привлечением независимого оценщика (см.: Постановления АС Московского округа от 01.10.2025 № Ф05–14785/2025; АС Волго-Вятского округа от 17.10.2024 № Ф01–3905/2024), постольку Президиум Верховного Суда РФ 15.11.2023 утвердил «Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами» (далее – Обобщение) в п. 11 которого установил, что:

а) требования о предоставлении информации хозяйственным обществом фактически (довольно часто) предъявляются со стороны лиц, формально утративших статус участника в связи с подачей заявления о выходе из общества;

б) объем корпоративных правомочий стороны спора зависит от наличия или отсутствия правового статуса участника общества и суды осознают, что право на получение информации о деятельности общества (п. 1 ст. 8 Закона об ООО) по общему правилу не может быть принудительно гарантировано, если на момент рассмотрения дела лицо, претендующее на корпоративную документацию, уже не является участником хозяйственного общества;

в) суды, расширительно толкуя совокупность правил механизма выхода и норм о праве участника общества с ограниченной ответственностью на информацию, полагают, что по смыслу законодательства в контексте ст. 23 Закона об ООО о предоставлении выходящему денежного эквивалента его корпоративного участия (выдачи соответствующего объема натурального имущества) лицо, в адрес которого общество обязано произвести соответствующее исполнение (выбывший участник), вправе требовать предоставления сведений и документов, связанных с определением размера ожидаемой (требуемой) выплаты (выдачи);

г) суды в большинстве случаев удовлетворяют соответствующие требования вышедших из общества участников.

Указанные в Обобщении суждения понятны, логичны и естественным образом вытекают из предпосылок, созданных при формулировании в п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 схожего разъяснения.

Следует согласиться, что определение объема сохраняющегося за выбывшим из корпорации участником субъективных прав, включая право на информацию, представляет несомненный научный и практический интерес и что таковое должно осуществляться как в аспекте защиты законных интересов бывших участников, так и в аспекте противодействия возможным злоупотреблениям с их стороны (весьма вероятно, если, к примеру, после выхода они вошли в состав конкурирующих хозяйственных корпораций), а потому поддержать вывод, что в применительно к участникам, реализовавшим право на выход, речь идет о праве на корпоративную информацию, причем в составе, ограниченном сведениями, которые связаны с определением и проверкой расчета действительной стоимости доли [1, с. 209–214]. Как указано в Обобщении, по смыслу п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО для этих операций фактически необходима лишь бухгалтерская отчетность за последний отчетный период, предшествующий дате перехода к обществу доли выбывшего участника.

Продолжение поиска соответствующего баланса интересов настоящих, бывших участников общества и самого общества наглядно просматривается в новейшей практике Верховного Суда РФ, конкретизирующей ранее сделанное Обобщение.

В Определении от 23.10.2025 № 306-3С25–5519 высшая судебная инстанция не согласилась с апелляционным и кассационным судами, удовлетворившими требование выбывшего участника об истребовании позволяющей определить действительную стоимость его доли отчетности, и отказавшими в праве на получение иных сопутствующих сведений и документов (бухгалтерских книг, оборотно-сальдовых ведомостей, карточек счетов, актов сверки расчетов с контрагентами общества, хозяйственных договоров с контрагентами общества и иных первичных документов). Верховный Суд РФ указал, что сведения, которые имеет право получить выбывший участник общества в целях защиты права на получение действительной стоимости доли, не ограничиваются бухгалтерской и налоговой отчетной документацией корпорации и в каждом конкретном случае надлежит устанавливать, есть ли спор о размере выплаты и (если он в действительности существует), выяснять, в каких именно информационных источниках участник сохраняет подлежащую защите разумную заинтересованность.

Приведенные судебные позиции высвечивают значимость противодействия злоупотреблению правом на информацию как наиболее часто используемому инструменту недобросовестной борьбы не только между миноритариями и мажоритарными участниками хозяйственных обществ, но и между настоящими и выбывшими (вышедшими) участниками. При этом само по себе право на получение информации о деятельности корпорации, едва ли претендующее на статус базового корпоративного полномочия, предстает как гарантированная возможность сопроводить реализацию всех иных ключевых субъективных прав, опосредующих участие в корпорации и управлении ею.

Отмеченное стремление судов достичь искомого баланса равновесных, но противостоящих корпоративных интересов, как и задаваемый нормами п. 4 ст. 1, п. 1 ст. 10 ГК РФ вектор на предотвращение недобросовестного уклонения от осуществления корпорацией расчетов с вышедшим участником, в том числе на воспрепятствование злоупотребительному сокрытию обществом информации об активах и обязательствах корпорации, на основании которых должен производиться подсчет суммы (размера) выплаты (выдачи), заслуживает одобрения. Более того, необходимо поддержать положительно оцениваемую в доктрине практику допущения предъявления и удовлетворения (при наличии релевантных условий) исков вышедших из общества участников не только об истребовании информации и документов, но и (в развитие защиты материального права на получение предусмотренной п. 6.1 ст. 23 Закона об ООО выплаты) проведения бухгалтерской экспертизы отчетности и первичных документов общества в це-

лях установления истинного (не искаженного недобросовестным или неквалифицированным документированием) размера действительной стоимости доли [7, с. 57–81].

Однако, поскольку по букве корпоративного законодательства (п. 1 ст. 8 Закона об ООО) правом на получение информации о деятельности общества наделены лишь его действительные (текущие) участники, конструирование судами такого права с иными носителями фактически порождает не санкционированные законодателем и не принятые добровольно корреспондирующие обязанности общества, т.е. вступает в противоречие с отраженным в ст. 1 ГК РФ принципом недопустимости ограничения гражданских прав при отсутствии на то прямой санкции законодателя.

Соглашаясь с тем, что одной из насущных задач и распознанных в науке направлений развития современного корпоративного законодательства выступает создание правового механизма, который обеспечивал бы баланс всех возможных интересов и равную защиту прав любых участников корпоративных отношений [2, с. 59–73], видится целесообразным вопрос об объеме корпоративно-правовых возможностей участника, вышедшего из общества с ограниченной ответственностью, решить нормативно, дополнив ст. 26 Закона об ООО пунктом 5 со следующим правилом:

«5. Выход участника общества из общества не лишает его права получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его документами бухгалтерского учета и иной документацией в установленном его уставом порядке в той мере, в какой это необходимо для определения размера и (или) проверки правильности расчета действительной стоимости доли вышедшего из общества участника».

Реализация вышедшим из общества участником представленных информационно-правовых полномочий, связанных с максимально объективным (рыночным, истинным) определением действительной стоимости его доли, может привести к тому, что итоговый размер может не удовлетворить ни общество (окажется таким существенным, что выплата окажется способной подорвать финансовую остойчивость корпорации), ни участника (представится столь незначительным, что не компенсирует в достаточной мере вложенные участником управленческие усилия и материальные инвестиции).

В этой ситуации сообразно наблюдаемой в доктрине [6, с. 20–25] и правоприменении (см.: Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-3С19–24912 по делу, известному в юридическом дискурсе как Дело «Яна Тормыш») тенденции усиления диспозитивности корпоративно-правового регулирования и повышению значения принципа свободы договора в данной сфере, усматривается возможность прямой законодательной легализации отмеченного в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 14 от 09.12.1999 диспозитивного механизма иницированной участником и согласованной высшим органом управления общества (общим собранием) отмены выхода. При проработке такого механизма (отмены выхода или обратного входа) его динамику следует дифференцировать в зависимости от стадии развития последствий выхода согласно п.п. 2, 5 ст. 24 Закона об ООО с учетом того, является ли перешедшая к обществу доля вышедшего участника погашенной, распределенной между другими (оставшимися) участниками, реализованной одному или нескольким текущим участникам либо проданной третьим лицам. При этом для реализации этого механизма должны быть заранее нормативно обеспечены соответствующие каждой стадии информационные полномочия выбывшего и намеренного вернуться в состав общества лица. Вероятно, это лицо нуждается не только в сведениях экономического и организационного характера, которые осветят инвестиционные перспективы возобновления корпоративного статуса, но и в такой чувствительной информации, которая позволит ему отслеживать нравственно-этические аспекты («контролировать собственную моральную область» [8, с. 3–13]) при возврате к участию в корпоративной жизни конкретного общества с ограниченной ответственностью.

Думается, что имеющее твердую нормативную основу и информационно-правовое обеспечение добровольное возобновление полного объема корпоративно-правового статуса участника, намеренного отменить выход из общества и освободить таким образом общество от финансовой нагрузки по выплате действительной стоимости доли, поспособствует обеспечению корпоративной бесконфликтности и поддержке экономической активности корпораций.

Литература

- Беседин А.Н. О правах бывших участников хозяйственных обществ на получение информации об их деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8(120). С. 209–214.
- Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59–73.

3. Лаптев В.А. Выплата действительной стоимости доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2024. № 4. С. 3–36.

4. Настин П.С. Субъекты корпоративных правоотношений // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 176–183.

5. Поваров Ю.С. Заявление участника о выходе из общества с ограниченной ответственностью: вопросы нотариального удостоверения // Власть Закона. 2015. № 4. С. 96–102.

6. Ситдикова Л.Б. Принцип свободы договора в системе регулирования корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 11. С. 20–25.

7. Тигранян А.Р. Проблемы определения и выплаты действительной стоимости доли вышедшего участника в российской судебной практике // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 57–81.

8. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Корпоративные правоотношения в гражданском законодательстве: десять лет спустя // Гражданское право. 2022. № 6. С. 3–13.

CORPORATE LEGAL STATUS OF THE FORMER SHAREHOLDER OF THE LIMITED LIABILITY COMPANY

Mikryukov-V.A.

Kutafin Moscow State Law University

The author reveals the content of the limited liability company's corporate relationship with the participant who left it, which remains until the company fulfills its obligation to pay the actual value of the share in the authorized capital. Based on the analysis of judicial practice, in order to ensure its uniformity based on a regulatory framework, it is concluded

that it is necessary to supplement the law with an indication of the existence and scope of information and legal powers of a participant who has left the company. The question is raised about the expediency of developing a withdrawal cancellation mechanism, differentiated depending on whether the share of the exited participant transferred to the company is repaid, distributed among other participants, sold to one or more participants, or sold to third parties.

Keywords: corporation, limited liability company, shareholder's right to information, withdrawal of a member from a limited liability company, and departed members.

References

1. Besedin A.N. On the rights of former members of business companies to receive information about their activities // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2024. № 8(120). P. 209–214.

2. Gutnikov O.V. Trends in the development of corporate law in modern conditions // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. P. 59–73.

3. Laptev V.A. Payment of the actual value of a share in the authorized capital of a limited liability company // Economy and law. 2024. No. 4. P. 3–36.

4. Nastin P.S. Subjects of corporate legal relations // Russian Law Journal. 2016. No. 5. P. 176–183.

5. Povarov Yu.S. Statement of a participant on withdrawal from a limited liability company: issues of notarization // The Rule of Law. 2015. No. 4. P. 96–102.

6. Sitdikova L.B. The principle of freedom of contract in the system of regulation of corporate relations // Lawyer. 2024. No. 11. P. 20–25.

7. Tigranyan A.R. Problems of determining and paying the actual value of the share of a retired participant in Russian judicial practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2023. No. 6. P. 57–81.

8. Filippova S.Yu., Shitkina I.S. Corporate Legal Relations in Civil Law: Ten Years Later // Civil Law. 2022. No. 6. P. 3–13.

О дефиниции понятия «информационного ресурса» в Проекте Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ»

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук
E-mail: spsayapin@yandex.ru

Установлено, что в действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «информационный ресурс». Подробный анализ правовых и доктринальных источников выявил два основных подхода к дефиниции данного понятия: узкий (информационный ресурс как документ или массив документов) и широкий (информационный ресурс как любой объект – источник информации). Подзаконные акты, в частности акты Роскомнадзора, демонстрируют расширительное технологическое толкование, включая в указанное понятие: сайты, программы для ЭВМ, информационные системы и «иные объекты». Использование в проекте Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» столь неопределенного термина для указания объекта, включаемого в реестр цифровых посреднических платформ, создает неопределенность и значительные риски правоприменения. В отличие от этого, в регулировании инвестиционных и финансовых платформ Банком России используется понятие «сайт в сети «Интернет»», определение которого уже содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые платформы, информационный ресурс, правовая неопределенность, реестр цифровых посреднических платформ, законодательная техника.

01 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ)¹. Определивший, как сказано в ст. 1 – правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации, и регулирующий общественные отношения, которые возникают между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг.

Еще в период активного обсуждения концепции указанного правового акта многими российскими исследователями высказывались справедливые замечания относительно точности формулировки его предмета регулирования, избранной экономико-правовой терминологии, полноты охвата общественных отношений, подлежащих нормативному регулированию. Уже после принятия Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ были опубликованы работы, в которых последовательно проводился детальный научный анализ его положений [1]. Были выявлены несоответствия в целях и предмете правового регулирования и содержании самого федерального закона. Обращалось внимание на неопределенность в терминологическом аппарате нормативного правового акта.

Отдельно стоит отметить, что многие ключевые принципы регулирования цифровых платформ в Федеральном законе от 31.07.2025 № 289-ФЗ претерпели изменения. Так, например, согласно его положениям ведется не реестр операторов посреднических цифровых платформ, а реестр самих посреднических цифровых платформ. Причем, ни в пояснительной записке к законопроекту, ни в ходе дальнейшего обсуждения, авторы проекта законы так и представили каких-либо пояснений в пользу такого выбора. По данному вопросу стоит лишь отметить, что в отношении финансовых платформ и в отношении инвестиционных платформ ранее был выбран общий принцип ведения реестра именно операторов таких платформ, а не самих платформ.

Если обратиться к п. 6 Проекта Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» (далее также – Правила)², то в нем мы увидим перечень сведений, которые включаются в реестр посреднических цифровых платформ.

Определенные вопросы вызывает пп. «д» п. 6. В этом подпункте указано, что в реестр включаются сведения о доменном имени и (или) сетевом адресе *информационного ресурса*. По какой причине законодатель принял решение использовать понятие «информационный ресурс» вместо понятия «сайт» – неясно.

Так, основной нормативный правовой акт регулирующий общественные отношения с использованием информации и информационных технологий Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ)³ не содержит в ст. 2 (Основные понятия) определения информационного ресурса. Вместо этого, доступ по доменному имени и (или) сетевому адресу можно получить либо к *сайту* в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 13 ст. 2), либо по доменному имени к *странице сайта* в сети «Интернет» (п. 14 ст. 2).

Дело в том, что и единого мнения по вопросу определения понятия информационных ресурсов в российском законодательстве нет

¹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.08.2025, № 31, ст. 4643.

² Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» (по состоянию на 30.09.2025) (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/07/09–25/00160767) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 30.09.2025 (Дата обращения: 26.11.2025).

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

[2]. В различных документах информационные ресурсы понимаются по-разному [3, С. 122]. О многообразии дефиниций данного понятия говорит и отечественная правовая доктрина [4][5].

Определение понятия *информационных ресурсов* содержится, например, в п. 3.25 ГОСТ Р 58833–2020¹, *информационные ресурсы* понимаются здесь как отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах).

Аналогично вышеупомянутому содержится определение и в п. 11 раздела 2 ГОСТ Р 43.0.2–2006². В примечании к данному пункту дополнительно указано, что документы могут быть исполнены как в бумажном, так и электронном виде.

Однако уже в п.п. 3.1, 3.2 ГОСТ Р 7.0.56–2017³ информационный ресурс определен *не как документ*, как *объект*, являющийся источником информации, представленной в любой знаковой системе и на любом носителе. Не сложно заметить, что в данном национальном стандарте информационные ресурсы понимаются уже не просто как бумажные или электронные документы, а значительно шире. Разработчики ГОСТ используют термин «объект», а объект, как известно, может быть далеко не только документом, а принимать множественные формы материального мира.

Таким образом, видимо, и у разработчиков российских ГОСТ не прослеживается единого понимания того, что же представляют собой информационные ресурсы? Только ли это *бумажные или электронные документы*, или же любые *объекты*, которые являются источником информации, представленной на любом носителе в любой знаковой системе.

Однозначное понимание информационных ресурсов как *документов* приводится в разделе 2 Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации⁴.

По пути расширительного технологического толкования понятия информационных ресурсов следует Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в Приказе Роскомнадзора от 16.07.2021 № 130⁵. Здесь информационные ресурсы представляют собой *не документы*, а сайты, страницы сайтов, информационные системы или программы для электронных вычислительных машин (ЭВМ) (абз. 1). Интересно, что уже в Приказе Роскомнадзора от 28.02.2023 № 27⁶ (далее – Приказ Роскомнадзора от 28.02.2023 № 27) указано, что информационные ресурсы это не только сайты, страницы сайтов, информационные системы или программы для ЭВМ, но и *иные объекты*, поскольку разработчики документа применили в этом определении термин «в том числе», которое сложно толковать каким-либо иным образом, как не расширительно.

В результате – когда говорят об информационных ресурсах, следует уточнить о каком смысле информационных ресурсов узком (*документы*) или широком (*любые объекты, которые являются источником информации*) идет речь. Кроме того, и с технологической точки

зрения понятие информационных ресурсов может охватывать весьма различные гражданско-правовые явления. В одних случаях это будут сайты, страницы сайтов, информационные системы или программы для ЭВМ, а в других случаях, информационные ресурсы могут приобретать и *иные электронно-цифровые формы*.

Отсюда выбор разработчиков Проекта Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» в пользу включения в реестр доменных имен и (или) сетевых адресов *именно информационных ресурсов* видится крайне неудачным. Поскольку в этом случае, возникает явная правовая неопределенность, неоднозначность в том, о каком именно объекте идет речь. Ведь вполне может получиться так, что доступ к посреднической платформе осуществляется не только с использованием сайта, страницы сайта, информационной системы или программы для ЭВМ, как мы увидели это на примере Приказа Роскомнадзора от 28.02.2023 № 27. Тогда что именно следует включать в реестр цифровых посреднических платформ – так до конца и неясно.

В современном российском праве уже есть примеры, касающиеся регулирования цифровых платформ, где в реестр однозначно включаются только сайты. Например, в п.п. 2.5. Указания Банка России от 04.12.2019 № 5342-У⁷ зафиксировано, что в реестр цифровых инвестиционных платформ включается *адрес сайта* в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который используется оператором инвестиционной платформы для предоставления доступа к инвестиционной платформе.

Или, другой пример, согласно п. 2.2. Положения Банка России от 03.12.2020 № 742-П⁸ в реестр операторов финансовых платформ Банк России включает, среди прочего, *адрес официального сайта* в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В одном и другом случае по крайней мере ясно, что включают в реестр операторов цифровых платформ именно сайт. В отличие от *информационного ресурса*, определение данного понятия уже сравнительно давно содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

Как мы отметили выше в обсуждаемом подпункте «д» п. 6 зафиксировано, что в реестр посреднических цифровых платформ содержит информацию об информационном ресурсе, однако сказанное было бы неполным, ввиду того, что в самом подпункте содержится определенное уточнение – сведения об информационном ресурсе включают информацию о его «доменном имени и (или) сетевом адресе».

Если обратиться к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ, то доменное имя и (или) сетевой адрес может быть у сайта (страницы сайта) в сети «Интернет». Таким образом помимо упоминания неоднозначного термина «информационный ресурс», туда включаются сведения о его доменном имени и (или) сетевом адресе, что косвенно может свидетельствовать о том, что речь идет, все же, именно о сайте, а не о каком-либо ином информационном ресурсе. Однако выше мы выяснили, что информационные ресурсы могут быть, в том числе и документами, и иными объектами, которые могут являться источником информации, представленной на любом носителе в любой знаковой системе.

Поэтому выбор законодателя в пользу включения сведений о доменном имени и (или) сетевом адресе информационного ресурса выглядит еще более неоднозначным, чем, если бы указанный пункт говорил о включении в реестр посреднических цифровых платформ сведений о «доменном имени и (или) сетевом адресе сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет»».

Таким образом следует прийти к выводу о том, что п.п. д» п. 6 Проекта Постановления Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и ведения реестра посреднических цифровых платформ» необходимо изложить в следующей редакции: «*д) доменное имя и (или) сетевой адрес сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет»*». Данная мера позволит исключить использование неоднозначного понятия информационных ресурсов из одного из ключевых документов, разработанных в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2025 № 289-ФЗ, что, при устранении иных недостатков ука-

¹ «ГОСТ Р 58833–2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Идентификация и аутентификация. Общие положения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.04.2020 № 159-ст) // М.: Стандартинформ, 2020.

² «ГОСТ Р 43.0.2–2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 09.11.2006 № 245-ст) // М.: Стандартинформ, 2007.

³ «ГОСТ Р 7.0.56–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Международный стандартный серийный номер (ISSN). Издательское оформление и использование» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 19.12.2017 № 2027-ст) // М.: Стандартинформ, 2018.

⁴ Инструкция по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации (утв. Приказом Генпрокуратуры России от 24.11.2021 № 701) (ред. от 28.03.2025) // Законность, № 1, 2022.

⁵ Приказ Роскомнадзора от 16.07.2021 № 130 «Об утверждении Методики определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.07.2021 № 64342) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.07.2021.

⁶ Приказ Роскомнадзора от 28.02.2023 № 27 «Об утверждении методики определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.04.2023 № 73048) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 17.04.2023

⁷ Указание Банка России от 04.12.2019 № 5342-У (ред. от 22.09.2022) «О порядке ведения реестра операторов инвестиционных платформ» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.01.2020 № 57116) // Вестник Банка России, № 10, 29.01.2020.

⁸ Положение Банка России от 03.12.2020 № 742-П «О требованиях по защите информации, которые должно выполнять юридическое лицо, намеревающееся получить статус оператора финансовой платформы, о ведении Банком России реестра операторов финансовых платформ и о требованиях к порядку регистрации Банком России изменений в правила финансовой платформы» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.01.2021 № 62124) // Вестник Банка России, № 5, 03.02.2021.

занного федерального закона, должно положительно сказаться на его правоприменительной практике с 01 октября 2026 г.

Литература

1. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2025. № 11. С. 9–33.
2. Амелин Р.В. К вопросу легального определения информационных ресурсов // Информационное право. 2016. № 2. С. 4–8.
3. Ястребов О.А., Шмелева С.В. Правовая категория «информационный ресурс»: концептуальные аспекты // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2016. № 2. С. 120–128.
4. Чаннов С.Е. Реестр и информационная система: соотношение понятий // Информационное право. 2017. № 3. С. 4–10.
5. Солдаткина О.Л. Информационные ресурсы российской правовой политики: общетеоретический аспект / О.Л. Солдаткина. М.: Юрлитиздат, 2011. 188 с.

ON THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF “INFORMATION RESOURCE” IN THE DRAFT DECREE OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION “ON APPROVAL OF THE RULES FOR FORMING AND MAINTAINING THE REGISTER OF INTERMEDIARY DIGITAL PLATFORMS”

Sayapin S.P.

Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences

It has been established that there is no legal definition of the concept of “information resource” in the current Russian legislation. A detailed analysis of legal and doctrinal sources revealed two main approaches to the definition of this concept: narrow (an information resource as a document or an array of documents) and broad (an information resource as any object – source of information). By-laws, in particular the acts of Roskomnadzor, demonstrate an extensive technological interpretation, including the specified concept: websites, computer programs, information systems, and “other objects”. The use of such an indefinite term in the draft Decree of the Government of the Russian Federation “On Approval of the Rules for the Formation and Maintenance of the Register of Intermediary Digital Platforms” to indicate an object included in the register of digital intermediary platforms creates uncertainty and significant law enforcement risks. In contrast, the Bank of Russia uses the concept of an “Internet site” in the regulation of investment and financial platforms, the definition of which is already contained in Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006.

Keywords: platform economy, digital platforms, information resource, legal uncertainty, register of digital intermediary platforms, legislative technique.

References

1. Gabov A.V., Sayapin S.P. Platform Relations as a Subject of Legal Regulation // Lex russica (Russian Law). 2025. No. 11. Pp. 9–33.
2. Amelin R.V. On the Legal Definition of Information Resources // Information Law. 2016. No. 2. Pp. 4–8.
3. Yastrebov O.A., Shmeleva S.V. The Legal Category of “Information Resource”: Conceptual Aspects // RUDN University Bulletin, Series: Law. 2016. No. 2. Pp. 120–128.
4. Channov S.E. Register and Information System: The Relationship of Concepts // Information Law. 2017. No. 3. Pp. 4–10.
5. Soldatkina O.L. Information Resources of Russian Legal Policy: General Theoretical Aspect / O.L. Soldatkina. Moscow: Yurilitizdat, 2011. 188 p.

Проблема выполнения требований к форме трансграничной коммерческой сделки, заключенной посредством электронных средств связи

Родионов Артем Владимирович,

аспирант, кафедра международного частного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: artemrodiонов.work@mail.ru

Ввиду отсутствия единых подходов на международном и государственном уровнях к процедурам заключения трансграничных сделок посредством использования электронных средств связи возникают вопросы об условиях соблюдения требований к форме таких сделок и признании легитимности click-wrap-, browse-wrap- и shrink-wrap-соглашений. Цель исследования – выявление проблем и способов их разрешения в связи с осуществлением сделок посредством использования электронных средств связи. Исследуя критерии допустимости использования тех или иных способов осуществления электронного документооборота при заключении сделок, автор делает вывод о том, что в зависимости от конкретных обстоятельств, таким требованиям могут удовлетворять обмен сторонами электронными сообщениями (электронными документами), подписание документа электронной подписью в установленном законом порядке, использование конструкций «click-wrap» и «shrink-wrap». Допустимость конструкции browse-wrap-соглашений носит весьма спорный характер, поскольку не всегда возможно установить фактическое доведение до стороны условий соглашения. Для признания юридической силы за заключенными click-wrap-, browse-wrap- и shrink-wrap-соглашениями автором предлагается применение ряда правил. Выявлена проблема идентификации сторон сделки. Автор приходит к выводу, что решение проблемы анонимизации сторон сделки представляется целесообразным на предшествующих заключению сделки этапах.

Ключевые слова: электронная трансграничная коммерческая сделка, электронные средства связи, обмен электронными документами, электронная подпись, click-wrap соглашения, browse-wrap соглашения, shrink-wrap соглашения, идентификация сторон сделки.

Быстрое развитие электронного обмена данными, обновление технологий, используемых в трансграничной B2B торговле, радикально изменили способы осуществления трансграничных коммерческих сделок. Основной характерной чертой такого рода правоотношений является переход документооборота с бумажного на электронный. Сделки чаще стали заключаться посредством передачи и получения информации с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет».

На международном и государственном уровнях отсутствует единый подход к процедурам заключения трансграничных сделок посредством использования электронных средств связи, а также универсальные определения понятий «письменной формы», «подписанного обеими сторонами документа».

Вопрос о признании юридической силы тех или иных способов заключения электронных сделок осложняется использованием электронных цифровых подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства; появлением новых способов заключения электронных трансграничных сделок, таких как click-wrap-, browse-wrap- и shrink-wrap-соглашений, и дискуссионным характером признания действительности такого рода соглашений; использованием субъектами предпринимательской деятельности зарубежных электронных торговых площадок и маркетплейсов.

Законодательство большинства государств в той или иной степени соответствует темпам развития электронных технологий. Возможно вывести два ключевых критерия допустимости осуществления электронного документооборота при заключении сделок: идентификация лица, выразившего волю и использование таких средств, которые позволяют сохранить и воспроизвести содержащуюся информацию в ее неизменном виде.

В свою очередь, электронные трансграничные коммерческие сделки заключаются различными способами. Например, с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи, посредством обмена электронными документами и/или сообщениями, посредством совершения конклюдентных действий. При этом подписание электронной подписью не единственный способ, при котором выполняются требования идентификации подписантов и воспроизведения содержащейся информации в ее неизменном виде. Данным требованиям также удовлетворяет использование технологии блокчейн и заключаемые на ее основе смарт-контракты.

В случае с заключением сделок посредством обмена электронными документами (электронными сообщениями) и совершением конклюдентных действий ключевым является вопрос о признании легитимности самих способов.

Так, технически возможны несколько способов заключения сделки. Как отмечают авторы, «совершению сделки в письменной форме приравнивается, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон, обмен письмами, телеграммами, телефонограммами, телетайпограммами, факсами, электронными документами, электронными сообщениями или иными документами, определяющими субъектов и содержание их волеизъявления» [6]. На практике в таком случае возникают две ключевые проблемы: идентификации и аутентификации. Не всегда возможно точно установить лицо, выразившее волю (то есть направившего электронное сообщение), поскольку не исключены его возражения относительно того, что именно данное лицо выразило волю (поставило подпись на договоре и (или) отправило электронное сообщение).

Проблемы идентификации лица и верификации документов в Интернет-среде не имеют эффективных решений. Установление лица, выразившего волю (направившего электронное сообщение), даже без учета трансграничного характера сделки, осложняется отсутствием надежных идентификационных параметров. В теории одним из таких мог бы выступать IP-адрес, тем не менее он определяет устройство, а не отправителя [3]. Также использование VPN-сервисов позволяет менять IP-адрес устройства на свой собственный, которым также пользуются тысячи других клиентов сервиса. Ограничены и возможности верификации оцифрованного бумажного документа в электронной среде. Отсканированный бумажный файл не всегда является подлинным. С помощью цифровых средств возможно воссоздать и сфабри-

ковать любой документ. Возникают проблемы в виде невозможности определения действительна ли подпись лица, тогда как в случае с бумажным документом можно провести экспертизу.

Заключение сделки посредством совершения конклюдентных действий в современных реалиях электронной коммерции охватывает *click-wrap*-, *browse-wrap*- и *shrink-wrap*-соглашения.

Click-wrap-соглашение представляет собой договорную конструкцию, по которой лицо, получившее оферту, выражает акцепт путем нажатия кнопки «Я согласен» или иным аналогичным способом после ознакомления с договорными условиями.

Необходимо отметить решение по делу *Steven J. Caspi, et al. v. The Microsoft Network, L.L.C.* 1999 года. Суд признал действительным *click-wrap*-соглашение об оказании сервисов Microsoft Network, сославшись, что перед пользователем на экране изложены условия данного абонентского соглашения. Эти условия появляются в прокручиваемом окне рядом с блоками, содержащими слова «Я согласен» или «Я не согласен». Пользователь технически не может начать такое использование, пока не нажмет кнопку «Я согласен». Каждый из истцов нажал «Я согласен», тем самым выразив свое согласие на выполнение условий абонентского соглашения. По мнению суда, существенные различия между условиями, зафиксированными на бумажном носителе, и в данном случае на электронном отсутствуют. Суд первой инстанции и впоследствии апелляционный суд признали юридическую силу заключенного договора. Судебная практика ряда государств Италии, Германии, Канады, Великобритании признает действительность *click-wrap*-соглашений.

В российской практике суды также признавали действительность *click-wrap*-соглашений. Решением Арбитражного суда Волгоградской области было установлено, что истец, пройдя регистрацию на странице веб-сайта ответчика и приняв пользовательское соглашение на использование системой управления персональным сайтом и продажей, тем самым заключил с ответчиком договор по разработке сайта для истца [4]. Для создания учетной записи необходимо было заполнить обязательные поля, а также принять условия пользовательского соглашения, поставив галочку напротив пункта «Я подтверждаю, что ознакомился с текстом Пользовательского соглашения и согласен с условиями пользования сервисами интернет-ресурса Mail-ER». При этом текст Пользовательского соглашения был доступен для прочтения по активной ссылке в тексте пункта (выделен синим цветом).

В том случае, если пользователь не проставил галочку, регистрация нового пользователя невозможна, на экран выводится сообщение следующего содержания: «Вам необходимо согласиться с условиями Пользовательского соглашения, чтобы зарегистрироваться». Так, суд признал действительность заключенного между сторонами *click-wrap*-соглашения.

Для признания договора заключенным посредством нажатия кнопки «Я согласен» автором предлагается применение ряда правил. Одним из таких может быть обеспечение технической невозможности последующего использования платформы, программного обеспечения или же исполнения сделки без нажатия кнопки «Я согласен». Выражение воли лица может быть усилено лексически с реализацией вместо «Я согласен» кнопки «С условиями договора ознакомлен и согласен». Другим может являться реализация специальных технических средств, обеспечивающих минимизацию ошибок при заполнении формы на веб-сайте / в мессенджере. Например, добавление исключяющей ошибки автоматической формы с кодом соответствующей страны для ввода номера телефона и электронной почты; ограничение символов в строке ИНН и ОГРН или их привязка к ЕГРЮЛ (ЕГРИП) с последующим автоматическим определением наименования юридического лица или индивидуального предпринимателя; интеграция системы автоматического определения наименования, корреспондентского счета и местонахождения банка по банковскому идентификационному коду (БИК).

Browse-wrap-соглашение (*web-wrap*-) представляет собой конструкцию, предусматривающую самостоятельное ознакомление с договорными условиями, изложенных на веб-сайте, либо открывающиеся через переход по гиперссылке. В данном случае может возникнуть проблема доказывания, что пользователь действительно до начала такого фактического использования был ознакомлен с условиями соглашения.

О.В. Сергеева замечает, что если американские суды исходят из критериев доступности и достаточной демонстрации условий *browse-wrap*-соглашений, не проводя различий между пользователем-субъектом коммерческой деятельности и пользователем-потребителем, то английские суды подходят к данному вопросу иначе [7]. Так, например, в деле *Spreadex Ltd v. Cochran* Высокий суд Англии отказал в удовлетворении иска о применении условий пользовательского соглашения на том основании, что условия трудны для восприятия потребителем. Только один из нескольких документов состоял из 49 страниц. Суд по-

считал, в таком случае ответчик также столкнулся со сложной структурой документов и абзацев. Такой подход к ознакомлению с условиями соглашения был признан нерелевантным и направленным на привлечение потребителя к ответственности за любые потенциальные сделки, которые он не санкционировал. В американской же практике, например, в деле *Scherillo v Dun & Bradstreet* с участием потребителя суд вывел действительность *browse-wrap*-соглашения через принцип «*click-wrap*» [1]. Условия пользования находились в конце главной страницы веб-сайта и были доступны по гиперссылке, но при нажатии кнопки пользователь должен был поставить галочку напротив «Я согласен с условиями пользования». Суд признал юридическую силу заключенного между сторонами соглашения.

С учетом отсутствия прямого законодательного регулирования конструкция *browse-wrap*-соглашения имеет место быть, но является весьма спорной. Основным камнем преткновения в признании таких соглашений заключенными выступает фактическое не имевшее место в действительности доведение условий соглашения до другой стороны (пользователя). Повышению шансов на признание юридической силы такой сделки могут способствовать размещение условий на видном месте каждой страницы веб-сайта, уведомление об изменении условий соглашения (как правило, может осуществляться посредством email-рассылки), деловая практика сторон, ссылка на обычаи и обыкновения.

Shrink-wrap-соглашение предполагает конструкцию, когда условия пользования содержатся «внутри» приобретаемого программного обеспечения [8]. Особенность заключается в том, что до приобретения сторона будущего соглашения не имеет возможности ознакомления с содержащимися условиями, а узнает их после оплаты и приобретения соответствующей программы непосредственно перед установкой, затем нажимает кнопку «С условиями пользования ознакомлен, перейти к установке».

Фактически пользователь приобретает и оплачивает товар (программное обеспечение), условия пользования которым ему неизвестны, вследствие чего такая сделка потенциально может быть признана недействительной. Однако сами создатели программного обеспечения зачастую исходят из того факта, что после приобретения у пользователя есть возможность либо принять условия, либо отказаться от них путем возврата «товара». В таком случае покупателю возвращаются уплаченные денежные средства, а лицензия на использование отзывается и факт наличия доступа к самому программному обеспечению технически не позволит его дальше использовать.

В этой связи необходимо отметить и решение по делу *Tony Brower, et al. v. Gateway 2000, Inc., et al.* Суд обратил внимание на то, что при приобретении программных продуктов истцам предоставлялся 30-дневный период, когда потребитель мог вернуть товар по любой причине. Суд признал юридическую силу договора между сторонами, отметив, что у стороны имелась возможность приобрести товар в любом другом месте и она не находилась в положении «бери или уходи» («take it or leave it»); если какое-либо условие договора являлось неприемлемым, сторона имела право отказаться от соглашения, вернуть товар.

Вследствии такого рода соглашения в США были законодательно урегулированы. В целях стандартизации лицензирования программного обеспечения и всех других видов цифровой информации был принят Единый закон о сделках с компьютерной информацией (*The Uniform Computer Information Transaction Act*). Пунктом В раздела 209 устанавливается, что в случаях, когда условия лицензионного соглашения недоступны таким образом, чтобы лицензиат мог ознакомиться с ними до того, как у него возникнет обязательство произвести оплату, и лицензиат с таковыми не соглашается, он имеет право на возврат [2]. С регламентацией появились четкие критерии, выполнив которые, *shrink-wrap*-соглашения будут признаваться действительными.

Для признания действительными *shrink-wrap*-соглашений необходимо выполнять ряд правил: размещать уведомление о наличии лицензионного соглашения на упаковке продукта в физическом виде или в электронном (для цифровых товаров), обеспечить техническую невозможность установления программного обеспечения без щелчка мыши по кнопке «С условиями ознакомлен и согласен», при несогласии стороны с условиями соглашения обеспечить возможность возврата товара, в том числе цифрового.

Попытки решения проблемы анонимизации субъекта договора — сильной стороны — были предприняты законодателем (например, п. 1.2 ст. 9 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»; п. 19 постановления Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463) [5]. Как это было рассмотрено, и сами маркетплейсы, включая, например, «Ozon», «Яндекс.Маркет», «Amazon», в соглашениях об использовании сервисов содержат положения о праве пре-

доставления информации о продавце товара третьим лицам в случае возникновения спора. Также, как правило, на страницах товара указывается наименование продавца и его ИНН. Однако не во всех случаях информация, которой располагает маркетплейс о продавце, соответствует действительности, не была изменена или же изначально была достоверна.

В таком случае единственно эффективным решением представляется установление более жестких требований в отношении продавцов, не ограничиваясь предоставлением ими лишь учредительных документов. Разработка и имплементация ужесточенных процедур для размещения товаров продавца на маркетплейсе потенциально позволит не только предпринять шаги в сторону решения проблемы идентификации, но и исключить коммерческую деятельность недобросовестных продавцов, случаи предложения одного товара под видом другого (misselling), искажения и/или представление неполной информации о товаре (misinforming). Очевидно, что без создания соответствующего правового регулирования, сами маркетплейсы маловероятно предпримут шаги в данном направлении.

В отношении контрагента – покупателя в статусе юридического лица или индивидуального предпринимателя – предоставление идентифицирующих сторону данных, использование электронной цифровой подписи решают проблему анонимизации. Однако имеющиеся технические средства не позволяют идентифицировать сторону, если сделка заключается в статусе физического лица, но в коммерческих целях, например, закупка товаров через электронного агента или на маркетплейсах. Как уже отмечалось, IP-адрес определяет устройство, а не отправителя и посредством использования VPN-сервисов может быть изменен. Не позволяя осуществить идентификацию и файлы cookie, поскольку содержат информацию о поведении пользователя, о характеристиках устройства, но не о самом пользователе.

Так, решение проблемы представляется целесообразным находить на других, предшествующих заключению сделок, этапах. В широком смысле – это исключение облегченных способов подтверждения личности. В частности, исключить возможность обойти идентификацию по номеру телефона посредством получения кода на виртуальный номер с помощью соответствующих сервисов. Поскольку минимальным идентификационным признаком физического лица выступает номер телефона и его подтверждение через смс-код, законодательное требование о регистрации физической сим-карты при предъявлении документа, удостоверяющего личность, может быть распространено и на виртуальные сим-карты.

В заключение следует отметить, что в качестве критериев допустимости тех или иных способов заключения электронных сделок могут быть выделены: идентификация лица, выразившего волю; использование таких средств, которые позволяют сохранить содержащуюся информацию в ее неизменном виде; доступность и достаточная демонстрация условий сделки. В зависимости от конкретных обстоятельств, таким требованиям могут удовлетворять: обмен сторонами электронными сообщениями (электронными документами); подписание документа электронной подписью в порядке, соответствующем требованиям закона; использование конструкций «click-wrap» и «shrimp-wrap». Допустимость использования конструкции browse-wrap-соглашений носит весьма спорный характер, поскольку не всегда возможно установить фактическое доведение до стороны условий соглашения.

Для обеспечения действительности заключаемых click-wrap-, browse-wrap- и shrimp-wrap-соглашений автором предлагается применение ряда правил. В отношении click-wrap-соглашений таковыми могут являться, во-первых, обеспечение технической невозможности последующего использования платформы, программного обеспечения или же исполнения сделки без нажатия кнопки «Я согласен». При этом предпочтительнее использовать лексически усиленное выражение «С условиями договора (соглашения) ознакомился и согласен». Во-вторых, могут быть реализованы специальные технические средства, обеспечивающие минимизацию ошибок при заполнении формы на веб-сайте. В-третьих, необходимо предоставить лицу возможность отказаться от принятия условий договора и от совершения сделки соответственно. В отношении browse-wrap-соглашений – размещение условий на видном месте и уведомление пользователя об изменении условий соглашения. Для shrimp-wrap-соглашений ключевыми обстоятельствами могут являться наличие на товаре предупреждения

(уведомления) о существовании лицензионного соглашения и возможность возврата товара при несогласии стороны с условиями такового.

Литература

1. Ефимова Л.Г. Правовые особенности электронной формы банковских сделок // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 22–41.
2. Калятин В.О. Право в сфере Интернета. Москва: Норма, 2004. 480 с.
3. Карев Я.А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. Москва: Статут, 2006. 318 с.
4. Кауракова М.В. Изучение опыта исходного состояния отрасли электронной коммерции в России // Евразийская адвокатура. 2023. № 4 (63). С. 117–129.
5. Мельник В. Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих из сделок, совершенных на маркетплейсах // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 47–54.
6. Сакович О.М. Законодательное регулирование электронных сделок в Чехии и Словакии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 79–91.
7. Сергеева О.В. Влияние цифровизации на преддоговорные отношения в международном частном праве / Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 162–184.
8. Храпунова Е.А. Особенности заключения договора с помощью технических средств связи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 59–66.

THE ISSUE OF COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS TO THE FORM OF A CROSS-BORDER COMMERCIAL TRANSACTION CONCLUDED USING ELECTRONIC MEANS OF COMMUNICATION

Radionov A.V.

Kutafin Moscow State Law University

Due to the lack of unified approaches at the international and state levels to the procedures for concluding cross-border transactions using electronic means of communication, questions arise about the conditions for compliance with the requirements to the form of such transactions and the recognition of the legitimacy of click-wrap, browse-wrap and shrimp-wrap agreements. The purpose of the study is to identify problems and ways to resolve them in connection with the implementation of transactions using electronic means of communication. Investigating the criteria of admissibility of the use of certain methods of electronic document flow when concluding transactions, the author concludes that, depending on the specific circumstances, such requirements may be met by the parties' exchange of electronic messages (electronic documents), signing a document with an electronic signature in accordance with the procedure established by law, use of "click-wrap" and "shrimp-wrap" constructions. The admissibility of browse-wrap agreements is highly debatable, as it is not always possible to establish the actual communication of the terms of the agreement to the party. To recognize the legal validity of click-wrap-, browse-wrap- and shrimp-wrap agreements, the author proposes the application of several rules. The problem of identifying the parties to the transaction is revealed. The author concludes that the solution to the problem of anonymization of the parties to the transaction seems expedient to be found at the stages preceding the conclusion of the transaction.

Keywords: electronic cross-border commercial transaction, electronic means of communication, electronic document exchange, electronic signature, click-wrap agreements, browse-wrap agreements, shrimp-wrap agreements, identification of parties to a transaction.

References

1. Efimova, L.G. (2017) Legal peculiarities of the electronic form of banking transactions. Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University. (1), 22–41.
2. Kalyatin, V.O. (2004) Law in the sphere of the Internet. Moscow, Norma Publ.
3. Karev, Ya. A. (2006) Electronic documents and messages in commercial turnover: legal regulation. Moscow, Statut Publ.
4. Kaurakova, M.V. (2023) Studying the experience of the initial state of the e-commerce industry in Russia. Eurasian Advocacy. (63), 117–129.
5. Melnik, V.D. (2023) About some peculiarities of Internet disputes arising from transactions made on marketplaces. Russian law: education, practice, science. (5), 47–54.
6. Sakovich, O.M. (2019) Legislative regulation of electronic transactions in the Czech Republic and Slovakia. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. (5), 79–91.
7. Sergeeva, O.V. (2020) The impact of digitalization on pre-contractual relations in private international law. Law. Journal of the Higher School of Economics. (3), 162–184.
8. Khrapunova, E.A. (2020) Features of the conclusion of the contract with the help of technical means of communication. North Caucasus Legal Bulletin. (4). 59–66.

Самсонова Екатерина Валерьевна,

доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, кандидат юридических наук, ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
E-mail: ekatersamson@yandex.ru

Тема принципов трудового права составляет актуальную повестку исследований юридической науки уже не одно десятилетие. Однако в последнее время в мире происходят столь впечатляющие изменения, что останавливаться на достигнутом в деле осмысления принципов трудового права ни в коем случае нельзя. Технологическая революция в области роботизации промышленности коренным образом преобразовывает и сферу труда: меняется содержание давно устоявшихся категорий науки трудового права: «труд», «занятость», «субъект трудовых отношений» и др. Кроме того, смена технологического уклада влияет на изменение ценностных ориентиров и установок личности, общества и нации, определяет динамику в господствующем правовом поведении. А поскольку принципы трудового права (их внешнее выражение) обусловлены содержанием трудового бытия, необходимо продолжить их научное исследование с учетом происходящих изменений. В противном случае наука трудового права может оказаться без стратегического потенциала в столь жизненно важной для населения нашей страны сфере как труд, а теория трудового права рискует утратой самостоятельной позиции в дискуссиях и путях развития собственных принципов. В работе предложены суждения автора о принципах трудового права, созвучные тем изменениям, которые происходят в структуре и содержании самого труда, современных трудовых отношений и трудового законодательства.

Ключевые слова: принципы права, принципы трудового права, новые технологии, цифровизация, система принципов трудового права, роботизация, технологическая революция

Наука трудового права во все времена уделяла и продолжает уделять пристальное внимание решению вопросов теории своих принципов. Самый значительный вклад в разработку этой теории внесли советские ученые: Н.Г. Александров, Р.З. Лившиц, О.В. Смирнов, В.И. Никитинский, А.Е. Пашерстник. Главное достоинство их научных трудов состоит в том, что суждения, идеи и взгляды их авторов стали основой для развития важнейших институтов как науки трудового права, так и институтов трудового законодательства, а некоторые из сформулированных в ту эпоху тезисов имеют актуальное значение и для настоящего исследования.

В целом за весь период разработки и исследования принципов трудового права сложились глубокие, хорошо осмысленные подходы к их пониманию, укладывающиеся либо в рамки естественно-правовых взглядов, охватывающих их морально-нравственные, этические и даже религиозные предпосылки; либо — публично-правовых позиций, предполагающих понимание принципов права как неких общих положений действующего законодательства, как совокупности его основополагающих идей. Как указывают авторы монографии «Принципы публичного права», названные «подходы находятся в русле тенденций развития представлений о принципах права в целом, о их понимании в рамках классической и постклассической парадигмы» [1, С. 12]. При этом следует отметить, что вопрос о понятии и правовой природе принципов трудового права в юридической науке до сих пор остается дискуссионным и представлен множеством позиций ученых-юристов, порой противоречащих друг другу. Так, В.М. Сырых предлагает понимать под принципами *юридические закономерности* [2, С. 63–71], С.С. Алексеев определял принципы как «выраженные в праве *закономерности общественной жизни*» [3, С. 100.], В.Г. Румянцев и Ю.Е. Ширяев как «*обще-признанные основополагающие идеи*, закреплённые в различных его источниках или выраженные в устойчивой юридической практике» [4, С. 5]. Современные правоведы К.Н. Гусова, В.Н. Толкунова соотносят принципы трудового права с основными трудовыми правами и обязанностями граждан как субъектов трудового права и их юридическими гарантиями [5, С. 55], Д.Ю. Гладких считает, что «не совсем верно при определении принципов права в целом и трудового права в частности использовать термин «идея» [6, С. 12]. В учебнике трудового права под редакцией В.И. Миронова под принципами понимаются «закрепленные в действующем законодательстве основополагающие и руководящие начала правовой регламентации, определяющие смысл, содержание и применение права» [7, С. 86].

Таким образом, учитывая все многообразие научных взглядов на исследуемый предмет, можно сказать, что в настоящее время *принципы трудового права* в общем их значении — это сложный комплекс юридических и неюридических закономерностей, оказывающих важное влияние как на развитие науки трудового права и его законодательства, так и на его отношения. Говоря иными словами, это ключевой центр развития трудового права и реализации его норм на практике.

Современная система принципов трудового права есть одновременно и причудливое смешение закономерностей исторических периодов развития этой отрасли российского права, его тенденций, разновременных и разнохарактерных реформ и изменений его законодательства, нередко соседствующих в содержании одного и того же нормативного правового акта.

В этой связи, а также в ситуации изменения парадигмы регулирования трудовых отношений необходимо продолжить научное осмысление понятия и системы принципов трудового права с учётом стремительных трансформационных процессов в сфере труда и занятости. Эти процессы определяют переходное состояние трудового права и его законодательства и ставят в научную повестку осмысление новых принципов и разработку новых правовых моделей, пригодных для трудового законодательства. Рассмотрим некоторые из них:

- продолжают фундаментальные и динамичные изменения в структуре и содержании трудовой деятельности, обусловленные появлением и повсеместным использованием новых производственных и информационно-коммуникационных технологий, что выражается в стремительной роботизации рабочих мест, отказе от «человеческих ресурсов» в пользу автоматизированных систем, оснащённых искусственным интеллектом, включая сложные киберфизические системы [8, С. 33];

- активно происходит процесс внедрения в структуру трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений все новых и новых технологий, выступающих, с одной стороны, инструментами безопасности, а с другой, инструментами контроля за деятельностью работника. Это системы автоматического учета рабочего времени, видеоканалы, программы для отслеживания продуктивности работников, системы контроля доступа: электронные пропуска и биометрические системы, платформы для видеоконференций и многое другое;
- возрастает роль государства в защите трудоспособного населения от использования работодателем вредоносных технологий и как следствие возрастает значение ответственности работодателя как перед государством, так и перед своим работником;
- растет число рабочих мест в сети интернет. Их наличие говорит о том, что на наших глазах стремительно развивается новая сетевая трудовая действительность (и надо сказать, что число «облачных» рабочих мест со временем будет только расти);
- на базе федерального закона от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹ создаются экономические зоны со специальным режимом экономической деятельности. Это, например, Особая экономическая зона в Калининградской области, Свободная экономическая зона на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь и др. В рамках функционирования таких зон предусмотрен особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности (особый режим налогообложения и обложения страховыми взносами, особенности осуществления градостроительной деятельности и землепользования), направленный на стимулирование экономической деятельности и привлечение инвестиций. Кроме того в нашей стране наметилась тенденция создания на основе федерального закона «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ² территорий опережающего социально-экономического развития (например, территории Дальнего Востока и Арктики).

Естественно, что особый режим экономической деятельности таких зон и территорий накладывает определенный отпечаток на содержание и структуру трудовой деятельности работников и сотрудников тех предприятий, которые осуществляют свою производственную, хозяйственную и трудовую деятельность в их территориальных пределах. Указанное обстоятельство переопределило соответствующее разрастание не только нормативно-правового массива, регулирующего их трудовые отношения, но и специфику реализации их содержания на практике;

- на крупных предприятиях создано значительное число новых технологических и экономических подразделений и служб организации производства, экономического анализа, технической информации и др. Возникают новые задачи и перед государственными и муниципальными службами — в условиях тотальной цифровой трансформации им требуется способность решать новые технологические задачи, просчитывать не только правовые, но и тесно-юридические последствия принимаемых управленческих решений [11, С. 146]

Все эти и другие процессы развития трудовых отношений (например, изменения в системе оплаты труда работников предприятий, предоставления новых отпусков и т.д.) диктуют необходимость нового осмысления представлений ученых-юристов о понятии и системе принципов трудового права.

Разумеется, в нашу задачу не входит подробное описание всех ее уровней и разновидностей. Она гораздо проще и здесь состоит лишь в формулировании отдельных суждений о принципах трудового права, созвучных тем изменениям, которые происходят в структуре и содержании трудовых отношений и соответствующего законодательства. К ним отнесем следующие:

1. По целому ряду причин (политических, экономических и др.) в нашей стране традиционные трудовые и иные непосредственно связанные с ними отношения, а также система норм трудового права, регулирующая их, еще достаточно продолжительное время будут иметь место. Естественно, что такая часть трудового права будет функционировать и развиваться на основе его традиционных принципов (общеправовых, межотраслевых; отраслевых).

¹ Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [https:// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru \(дата обращения 15.12.2025\).](https:// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 15.12.2025).)

² Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [https:// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru \(дата обращения 15.12.2025\).](https:// Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения 15.12.2025).)

Иная ситуация складывается в правовом регулировании трудовых отношений, в структуре которых используются современные технологии. В этой связи возникают два тесно связанных друг с другом вопроса трудового права. Первый — можно ли отнести такие отношения к предмету его правового регулирования? Второй — какие нормы-принципы необходимо использовать для такого регулирования?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что такие отношения не только можно, но и необходимо отнести к предмету правового регулирования трудового права. Техника имеет искусственное происхождение и ярко выраженное социальное значение, поскольку она создана человеком в процессе его социальной деятельности, и поэтому изолировать ее отношения от других общественных отношений, в том числе и трудовых, чаще всего невозможно. Например, акт опоздания сотрудника на работу, зафиксированный средствами видеонаблюдения предприятия, является поводом для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, трудовые отношения, связанные с применением современных технологий, образуют относительно самостоятельную часть предмета трудового права.

2. Известно, что длительное и постоянное воздействие современных технологий на человека снижает производительность его труда, а также отрицательно влияет на состояние его здоровья. Поэтому в целях преодоления таких последствий в нормах права следует сформулировать принцип предоставления работнику (на определенный период) возможности находиться в зоне свободной от электронного контроля и надзора.

3. На горизонте внедрение в трудовую деятельность работников одной из самых вредоносных и разрушительных для человека технологий — технологии чипирования (речь идет о применении чипов RFID (radio frequency identification device)). В отдельных странах есть примеры использования таких технологий в процессе труда. Они могут быть использованы работниками равно как для «входа» в компьютер, получения доступа к копиям и иным устройствам компании, так и для оплаты обеда в корпоративной столовой. Представляется, что в нашей стране применение таких технологий недопустимо, так как это приведет к подрыву производительных сил населения страны. Поэтому необходим правовой запрет на внедрение таких технологий не только в трудовую деятельность, но и в другие сферы жизнедеятельности населения. Такой запрет необходимо сформулировать в новой самостоятельной части Ст. 20 Конституции РФ³ в следующей редакции: «В России в настоящем и будущем запрещено применение технологии чипирования и ее производных Ответственность за несоблюдение таких требований наступает в соответствии с действующим законодательством».

Таким образом, настоящее исследование показало, что принципы трудового права и их система, претерпевающие колоссальное воздействие современных технологий, нуждаются в серьезной корректировке и дальнейшей разработке с последующим закреплением в действующем законодательстве.

Литература

1. Принципы публичного права / Е.В. Титова, Т.П. Подшивалов, К.В. Алексеева [и др.]. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. — 288 с. — ISBN 978-5-392-38534-8. — DOI 10.31085/9785392309665-2019-288. — EDN PGUUBS.
2. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права: В 2 т: как написать диссертацию / В.М. Сырых; В.М. Сырых; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — Москва: Юстицинформ, 2004. — 559 с. — ISBN 5-7205-0562-8. — EDN QVOQJP.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. — 2-е издание. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Проспект», 2008. — 565 с. — ISBN 978-5-482-01784-5. — EDN QKAGV.
4. Ширияев, Ю.Е. Понятие принципа права в контексте законотворческого процесса / Ю.Е. Ширияев, В.Г. Румянцев // История государства и права. — 2006. — № 8. — С. 4-6. — EDN KXXZOJ.
5. Гусов, К.Н. Трудовое право России: Учебник / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. — Москва: Издательство Проспект, 2004. — 496 с. — ISBN 5-98032-136-5. — EDN WGSQOX.
6. Гладких, Д.Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах вну-

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 15.12.2025).

тренних дел: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гладких Денис Юрьевич. – Пермь, 2002. – 190 с. – EDN NMAPDV.

7. Миронов В.И. Трудовое право России. Учебник. – М.: ООО «Журнал «Управление персоналом»», 2005. – С. 86. EDN: YMJCOD.

8. Трудовое право: национальное и международное измерение: монография / под. ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. – Москва: Норма: ИНФРА_М, 2024. 606 с.

9. Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года: монография / отв. ред. В.Б. Ястребов. – Москва: Проспект, 2021. 208 с.

PRINCIPLES OF LABOR LAW IN THE FACE OF MODERN TECHNOLOGICAL CHALLENGES

Samsonova E.V.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The topic of the principles of labor law has been a relevant research agenda in the field of labor law for decades. However, recent developments in the world have been so significant that it is crucial to continue exploring the principles of labor law. The technological revolution in the field of industrial robotization is fundamentally transforming the field of labor: the content of the long-established categories of labor law science, such as “labor,” “employment,” “subject of labor relations,” and others, is changing. Since the principles of labor law (their external expression) are determined by the content of labor law existence, it is necessary to continue their scientific research, taking into account the ongoing changes. Otherwise, the science of labor law may find itself without strategic potential in such a vital area for the population of our country as labor, and the theory of labor law risks losing its independent position in discussions and ways of developing its own principles. The paper presents the author's views on the principles of labor law, which are in line with the chang-

es that are taking place in the structure and content of labor itself, modern labor relations, and labor legislation.

Keywords: principles of law, principles of labor law, new technologies, digitalization, system of principles of labor law, robotization, technological revolution

References

1. Principles of Public Law / E.V. Titova, T.P. Podshivalov, K.V. Alekseeva [et al.]. – Moscow: Prospekt LLC, 2023. – 288 p. – ISBN 978-5-392-38534-8. – DOI 10.31085/9785392309665-2019-288. – EDN PGUUBS.

2. Syrykh, V.M. Logical foundations of the general theory of law: In 2 volumes: how to write a dissertation / V.M. Syrykh; V.M. Syrykh; Institute of Legislation and Comparative Law. He studied law under the Government of the Russian Federation. Federation. Moscow: Justicinform, 2004. 559 p. ISBN 5-7205-0562-8. EDN QV00JP.

3. Alekseev, S.S. General Theory of Law / S.S. Alekseev. – 2nd edition. – Moscow: Prospekt Publishing House LLC, 2008. – 565 p. – ISBN 978-5-482-01784-5. – EDN QQK-AGV.

4. Shiryayev, Yu.E. The Concept of the Principle of Law in the Context of the Law-Making Process / Yu.E. Shiryayev, V.G. Romyantseva // History of State and Law. – 2006. – No. 8. – Pp. 4–6. – EDN KXXZ0J.

5. Gusov, K. N.N. Labor law of Russia: Textbook / book by N. Gusov, V. N.N. Tolkunova. – Moscow: Prospekt Publishing House, 2004. – 496 p. ill. – ISBN 5-98032-136-5. – EDN WGSQOX.

6. Gladkikh, D. Yu. The Impact of Labor Law Principles on the Legal Regulation of Employment Relations in the Internal Affairs Bodies: Speciality 12.00.05 “Labor Law; Social Security Law”: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences / Gladkikh Denis Yurievich. – Perm, 2002. – 190 p. – EDN NMAPDV.

7. Mironov, V.I. Labor Law of Russia. Textbook. – Moscow: LLC “Personnel Management Magazine”, 2005. – P. 86. EDN: YMJCOD.

8. Labor Law: National and International Dimensions: A Monograph / Edited by S. Yu. Golovina and N.L. Lyutov. Moscow: Norma: INFRA_M, 2024. 606 p.

9. Legal Support for the Implementation of Russia's National Projects for Socio-Economic Development until 2030: A Monograph / Edited by V.B. Yastrebov. Moscow: Prospekt, 2021. 208 p.

О дополнительных критериях отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам

Саяпин Сергей Петрович,

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук
E-mail: spsayapin@yandex.ru

В статье проводится критический анализ законодательного регулирования цифровых посреднических платформ в Российской Федерации (Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ). Автор обращает внимание на необходимость формирования адекватного правового режима посреднических цифровых платформ. С использованием догматического и сравнительно-правового методов автор выявляет системные противоречия и пробелы в новой регуляторной модели. Ключевое внимание уделяется проекту Постановления Правительства РФ о критериях отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам. Основными проблемами, аргументированными в статье, являются: терминологическая коллизия; необоснованное ограничение круга субъектов: исключение граждан РФ из числа возможных операторов посреднических цифровых платформ при сохранении этого права за иностранными физическими лицами и лицами без гражданства. Пробел в правовом регулировании ответственности за неисполнение обязанности по включению в реестр посреднических платформ. Делается вывод о том, что выявленные дефекты законодательной техники создают риски правовой неопределенности и необоснованных правовых барьеров.

Ключевые слова: цифровые платформы, цифровизация, посреднические цифровые платформы, законодательство, реестр цифровых посреднических платформ, законодательная техника, пробелы закона.

Повсеместное развитие информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) обусловило доминирование платформенной модели в системе экономических отношений [1]. В отличие от традиционных бизнес-моделей, платформенная бизнес-модель характеризуется главным – существенным снижением классических транзакционных издержек, связанных с поиском контрагентов, ведением переговоров и управлением сделкой. Однако, параллельно с этим платформенная модель взаимодействия экономических агентов может порождать повышенные риски и издержки, обусловленные оппортунистическим поведением участников (с точки зрения права – противоправным).

В доктринальном экономическом понимании платформы представляют собой формы организации, опосредующие общественные отношения между двумя или более разнородными группами субъектов (участников), взаимодействующих между собой в рамках многостороннего (включая двусторонний) рынка. Как отмечается в экономической и правовой литературе, феномен платформ не является инновационным, однако интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных сетей (в частности, сети «Интернет») и общий глобальный мировой тренд на цифровизацию привели к их повсеместному распространению и, главное, переходу платформ в электронно-цифровую форму. Другими словами трансформация платформ в электронно-цифровую форму – возникновение так называемых цифровых платформ – стала следствием технологической эволюции, или как еще принято именовать зарубежом – диджитализации. Цифровые платформы представляют собой технологически развитые организационные структуры, которые стремительно вышли на цифровые рынки и также стремительно достигли лидирующих позиций в различных секторах экономики. Очень часто цифровыми платформами именуют именно крупные организации, которые доминируют на цифровых рынках, т.е. стали осуществлять экономическую деятельность с применением платформенной бизнес модели взаимодействия в сети «Интернет».

Использование новой бизнес-модели хозяйственной деятельности в сети «Интернет» повлекло за собой неизбежный поиск новых регуляторных моделей. Этот процесс затронул все развитые государства, где получили развитие цифровые платформы (США, ЕС, Китай, Россия, Великобритания и др.) [2]. Во многих зарубежных государствах были приняты специальные нормативные правовые акты направленные на антимонопольное регулирование цифровых платформ (достаточно вспомнить DMA в Европейском союзе).

Россия, как было отмечено выше, также не осталась в стороне. В нашем государстве начиная с 2019 года и вплоть до настоящего времени был принят ряд нормативных правовых актов, а также внесены соответствующие изменения в действующее законодательство, по вопросам регулирования цифровых платформ (финансовых платформ, инвестиционных платформ, платформы цифрового рубля и др.). В числе последних – принятие Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ)¹ (который вступит в силу с 01.10.2026 г.), а также разработка нескольких проектов подзаконных актов, которые дополняют избранный нормативный подход к регулированию посреднических цифровых платформ.

Ранее в научной юридической литературе уже был высказан ряд серьезных и обстоятельных замечаний к тексту данного нового федерального закона [3]. Здесь же хочется обратить внимание на несколько вопросов, которые возникли в связи с разработкой проектов подзаконных актов к данному федеральному закону, в частности, речь идет о Проекте Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой платформы к посредническим цифровым платформам»² (далее также – Проект Постановления).

¹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.08.2025, № 31, ст. 4643.

² Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении дополнительных критериев отнесения цифровой

Первая проблема связана с тем, что разработчики Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ отошли от ранее использованного подхода к пониманию цифровой платформы как информационной системы, доступ к которой лица получают с использованием сайта в сети «Интернет».

В новом федеральном законе разработчики уравнивают между собой понятия цифровой платформы и информационной системы, сайта, программ для ЭВМ. Ставят между данными правовыми категориями знак равенства. Т.е., если, например, информационная система обеспечивает технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, то такая информационная система с точки зрения нового федерального закона будет автоматически, в соответствии с определением, являться цифровой платформой, а поскольку цифровая платформа, в наиболее общем виде, предполагает работу в информационно-телекоммуникационной сети (в том числе в сети «Интернет»), доступ к которой осуществляется электронно-цифровым способом, с использованием доменного имени и (или) сетевого адреса, что предполагает доступ к ней напрямую. Однако это противоречит предыдущему подходу российского законодателя – в Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ¹ подход был несколько иной. Там инвестиционной платформой является информационная система, доступ к которой (ст. 15) лицо *получает с использованием сайта* в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Т.е. работа инвестиционной цифровой платформы как информационной системы была просто невозможна без использования сайта. Лицо получает доступ сначала к сайту в сети «Интернет», а потом уже к инвестиционной цифровой платформе. При этом пользователь сайта может и не являться пользователем цифровой инвестиционной платформы и обычно доступ к сайту и доступ к инвестиционной цифровой платформе состоит из различных этапов [4].

Другая серьезная проблема касается несоответствия объема понятий и категорий, которыми оперируют разработчики Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ, с объемом понятий и категорий, которые уже нормативно зафиксированы в законе. Эта проблема последовательно повлекла за собой установление таких же несоответствий и в подзаконных актах Правительства Российской Федерации, принятых в соответствии с новым Федеральным законом от 31.07.2025 № 289-ФЗ. Важной задачей является прежде правильное установление юридических категорий и их объема [5].

Обратившись к п. 2 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ мы увидим определение цифровой платформы, которая может быть представлена как информационная система, сайт, программы для ЭВМ (перечислено всего три категории). Причем, ввиду использования разработчиками закона союзов «и (или)» цифровая платформа, по их задумке, может быть как отдельной информационной системой, или отдельно сайтом, или отдельно программами для ЭВМ, так и информационной системой и сайтом и программами для ЭВМ одновременно.

Но проблема даже не в этом, а в том, что в соответствии Проектом Постановления прежде чем стать посреднической, цифровая платформа должна соответствовать критерию объема интернет-аудитории (пользователей). При этом, расчет осуществляется в соответствии со ст. 12.2 Федерального закона № 149-ФЗ². В указанной норме в понятие информационного ресурса входит четыре различных категории (в отношении каждого может проводится оценка объема интернет-аудитории) – информационная система, программы для ЭВМ, сайт, а также страница сайта в сети «Интернет».

Однако последняя правовая категория (*страница сайта в сети «Интернет»*) в объем понятия цифровой платформы по новому Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ, почему-то, не входит. Нетрудно заметить, что для страницы сайта в сети «Интернет» может проводится оценка интернет-аудитории, но, в тоже время, в соответствии с определением цифровой платформы по Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ цифровая платформа просто не может быть страницей сайта в сети Интернет.

Таким образом налицо явное несоответствие объема нормативных понятий и категорий между собой. Разработчики нового закона и Проекта Постановления хоть и ссылаются на необходимость определения

платформы к посредническим цифровым платформам». – URL: <https://regulation.gov.ru/projects/160765/> (дата обращения: 14.12.2025)

¹ Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.08.2019, № 31, ст. 4418.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.

объема интернет-аудитории информационного ресурса в соответствии со ст. 12.2 Федерального закона № 149-ФЗ, однако в момент разработки норм указанных правовых актов, не соотнесли между собой объем понятий цифровой платформы и информационного ресурса.

Либо этому шагу законодателя может быть и второе объяснение, разработчики Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ намеренно исключили из определения понятия цифровой платформы страницу сайта в сети «Интернет», что при более детальном анализе, конечно, также видится весьма странным, если не сказать больше – ошибочным решением. Поскольку доступ к цифровой платформе может осуществляться не только через сайт в целом, но и с использованием его (сайта) отдельной страницы. Тем более что сам сайт является просто-напросто совокупностью web-страниц и электронно-цифровых документов.

Вызывает определенные вопросы и то, что физические лица – граждане Российской Федерации в соответствии с нормами нового Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ вправе быть только владельцами цифровой платформы, при этом, почему-то полностью исключены из перечня лиц, которые вправе быть операторами посреднической цифровой платформы. Тому же принципу следует и текст Проекта Постановления.

Получается, что цифровая платформа, оператором которой является гражданин Российской Федерации даже фактически соответствуя критериям посреднической цифровой платформы не вправе быть включена в реестр посреднических цифровых платформ только потому, что граждане Российской Федерации не входят в перечень лиц, которые вправе быть операторами посреднических цифровых платформ. При этом иностранные граждане и, даже, лица без гражданства вправе быть операторами посреднических цифровых платформ.

И выходом может быть только необходимость заключения владельцем цифровой платформы с иностранным или российским юридическим лицом, с индивидуальными предпринимателем, иностранным юридическим лицом или с лицом без гражданства, гражданско-правового договора предметом которого будет управление посреднической цифровой платформой в качестве ее оператора. Причем заключение такого договора будет необходимо либо в процессе включения, либо до момента включения цифровой платформы в реестр посреднических цифровых платформ.

Немаловажным вопросом предстает и проблема ответственности за неисполнение обязанности оператора цифровой платформы фактически осуществляющей функции посреднической цифровой платформы быть в реестре посреднических цифровых платформ ввиду наличия пробела в законодательстве. Гражданин Российской Федерации вправе быть владельцем и оператором цифровой платформы, при этом платформа фактически осуществляет функции посреднической, однако гражданин Российской Федерации не вправе ссылаться на неприменение критериев «а» и «б» п. 1. Проекта Постановления при добровольном обращении в соответствии в уполномоченный орган для включения такой платформы в реестр посреднических цифровых платформ. Мало того, получается, что такое лицо в принципе не вправе обращаться в уполномоченный орган для включения цифровой платформы в реестр в качестве посреднической. Как мы отметили выше, для этого гражданин Российской Федерации обязан одновременно заключить соответствующий договор с лицом, который вправе по новому Федеральному закону от 31.07.2025 № 289-ФЗ быть оператором посреднической цифровой платформы.

Вообще вопрос установления ответственности за неисполнение обязанностей является принципиально важным при разработке любого нормативного правового акта, однако в данном вопросе Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ содержит существенные пробелы. Это было отмечено нами выше, а также сказано ранее, при более детальном анализе указанного нормативного правового акта.

Литература

1. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
2. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8 (340). С. 5–13.
3. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica (Русский закон). 2025. № 11. С. 9–33.
4. Саяпин С.П. Гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений с использованием цифровых платформ: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. М., 2024. 229 с.
5. Васильев А.М. Правовые категории: Методол. аспекты разработки системы категорий теории права. – Москва: Юрид. лит., 1976. – 264 с.

ON ADDITIONAL CRITERIA FOR CLASSIFYING
A DIGITAL PLATFORM AS AN INTERMEDIARY DIGITAL
PLATFORM

Sayapin S.P.
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences

The article provides a critical analysis of the legislative regulation of digital intermediary platforms in the Russian Federation (Federal Law of July 31, 2025, No. 289-FZ). The author draws attention to the need to form an adequate legal regime for intermediary digital platforms. Using dogmatic and comparative legal methods, the author identifies systemic contradictions and gaps in the new regulatory model. Key attention is paid to the draft Resolution of the Government of the Russian Federation on the criteria for classifying a digital platform as an intermediary digital platform. The main problems argued in the article are: a conflict of terminology; an unjustified limitation of the circle of subjects: the exclusion of Russian citizens from the number of possible operators of intermediary digital platforms, while retaining this right for foreign individuals and stateless persons. A gap in the legal regulation of liability for failure to fulfill the obligation to be included in the register of inter-

mediary platforms. It is concluded that the identified defects in legislative technology create risks of legal uncertainty and unjustified legal barriers.

Keywords: digital platforms, digitalization, intermediary digital platforms, legislation, register of digital intermediary platforms, legislative technology, legal gaps.

References

1. Gabov A.V. Digital Platform as a New Legal Phenomenon // Perm Legal Almanac. 2021. No. 4. Pp. 13–82.
2. Gubin E. P., Kharitonova Yu.S. Digital Platforms in Europe, China, and Russia: Main Approaches and Trends in Legal Regulation // Law and Economics. 2020. No. 8 (340). Pp. 5–13.
3. Gabov A.V., Sayapin S.P. Platform relations as a subject of legal regulation // Lex russica (Russian law). 2025. No. 11. P. 9–33.
4. ayapin S.P. Civil Law Regulation of Investment Relations Using Digital Platforms: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 5.1.3. Moscow, 2024. 229 p.
5. Vasiliev A.M. Legal Categories: Methodological Aspects of Developing a System of Categories of Legal Theory. Moscow: Legal Literature, 1976. 264 p.

Различия правовой природы конструкций траста в англо-американском праве и личного фонда в российском праве

Степанова Евгения Игоревна,

аспирант кафедры гражданского права и гражданского
процесса Московского университета имени А.С. Грибоедова
E-mail: stepanova@roka-sovetnik.com

Статья посвящена проблеме соотношения конструкций траста в англо-американском праве и личного фонда в российском праве. Автором критикуются подходы об общности и идентичности правовой природы указанных правовых конструкций. На основе анализа признаков траста и личного фонда автор делает вывод об их разной правовой природе: траст представляет собой договорное правоотношение, а личный фонд – самостоятельное юридическое лицо, в деятельности которого проявляется общая личная воля его учредителя. Правоотношение траста включает в себя вещно-правовые элементы на стороне бенефициара, что нехарактерно для личного фонда, имущество которого принадлежит данному юридическому лицу на праве собственности и после его создания не связано с учредителем. В рамках анализа автор выдвигает общий вывод о том, в английском праве траст представляет собой конструкцию для достижения множества социально-экономических целей, универсальность которой обеспечена прецедентным правом. Это нехарактерно для отечественного правопорядка с дифференцированной системой правового инструментария для выполнения разноплановых задач: для одних задач (личного инвестирования) необходимо создание отдельных субъектов права (личного фонда, хотя и с еще недостаточной нормативно-правовой базой), для других задач (коллективного инвестирования) – вступление в определенного рода договорные правоотношения (договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом).

Ключевые слова: траст, личный фонд, инвестиционные фонды, управление активами, правовая природа.

В 2021 году в российском гражданском законодательстве появилась новая уникальная организационно-правовая форма юридического лица – личный фонд. Особенность данной новеллы заключалась, прежде всего, в её определенном целевом назначении, а именно: управление имуществом, переданным гражданином или унаследованным от него, что следует из ст. 123.20–4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Многие оценили личные фонды в качестве аналога зарубежных трастов¹. Такая точка зрения освещалась и в юридической науке, в частности: применительно к ранее существовавшей конструкции наследственного фонда [7, с. 66].

Однако, в настоящее время (уже после ряда уточнений действующего гражданского законодательства) авторы полагают, что несмотря на то, что англо-американские трасты и личные фонды имеют схожую практическую применимость, эти институты не тождественны по правовой природе [4, с. 107]. Представляется, что вопрос определения идентичности или разнородности правовой природы личного фонда и англо-американского траста имеет принципиальное значение, поскольку во многом именно правовая природа определяет необходимость того или иного инструментария в правовой системе. Для разрешения этого вопроса необходимо выявить схожие черты и различия указанных институтов отечественного и зарубежного права. Исходя из исторического контекста такой анализ закономерно начинать именно с англо-американских трастов.

Как анализируют исследователи, траст по английскому праву представляет собой обязательство по праву справедливости, обязывающее лицо (именуемое доверительным собственником), распоряжаться принадлежащей ему собственностью (именуемой доверительной собственностью), которая отличается от его личного имущества, в пользу лиц (именуемых бенефициарами), среди которых может быть как сам доверительный собственник, так и иные лица, имеющие право требовать принудительного исполнения обязательства [2, с. 82–83]. При этом, такая конструкция находит широкое применение, поскольку она позволяет реализовать цели налоговой экономии, обеспечить сохранность семейного состояния, снизить риски обращения взыскания на активы, а также достичь иные цели создателя траста [9, с. 69]. Представляется, что к англо-американским трастам достаточно уместно применять наименование «конструкция», поскольку такой правовой институт не является регламентацией особой формы отдельного юридического лица, т.е. траст нельзя представить в качестве субъекта права. Как верно было указано, траст представляет собой договорное правоотношение, в котором задействовано несколько субъектов (в том числе, доверительный управляющий (трастовый фонд) и бенефициар).

Трасты многообразны, поскольку данная правовая конструкция за длительный период своего существования в английском праве нашла много способов своего применения. В частности, о такой разноплановости использования свидетельствуют и принимаемые Парламентом Великобритании в течение более чем двух столетий законы, среди которых: закон о «благотворительных трастах» (на основе этого закона формировалась прецедентная практика общего права по трастам), закон «О доверительной собственности» (1893 г.), закон «Об инвестиционных трастах» (1961 г.), закон «О доверительной собственности» (2000 г.) [1, с. 134]. Соответственно, нормативно-правовая база, которая регламентировала использование трастов для различных целей, исторически предопределила развитие и широкое практическое применение института траста сегодня.

Однако, если абстрагироваться от целевого назначения траста, в целом, этот институт в представленной трактовке в большей степени напоминает отечественную конструкцию инвестиционных фондов, но имеющую более широкие возможности использования, поскольку инвестиционные фонды представляют собой инструмент в большей степени коллективного инвестирования. Сопоставление института доверительной собственности в англо-саксонском праве (траста) и доверительного управления по российскому праву уже неоднократно было предметом исследований, в рамках которых авторы сделали вывод

¹ Личных фондов коснулись частные вопросы // Портал «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7991089> (дата обращения: 30.11.2025).

о наличии существенной разницы данных институтов, но с общностью решаемых подобными конструкциями задач [8, с. 134]. При этом, траст является также формой семейного инвестирования, инструментом налоговой оптимизации, что, в целом, не смотря на древность данной конструкции позволяет оценить его определенную степень эффективности в рамках англосаксонской правовой семьи как экономико-правового инструмента.

Не смотря на развитый и перспективный характер института траста в англосаксонской правовой семье, этот институт может быть не столь эффективен в рамках российской правовой системы. Это связано с тем, что зачастую эффективность и возможности функционирования конструкции траста, широта полномочий доверительного управляющего корректируются с помощью системы прецедентов. Такая система позволяет выявить эффективность и правомерность того или иного действия доверительного управляющего (а равно бенефициара). Например, в судебной практике зачастую формируются определенные прецеденты, которые изменяют условия того или иного вида траста. Так, в английском праве действует особая доктрина *The cy-près doctrine or deviation*, предполагающая возможность изменять условия благотворительного траста в определенных обстоятельствах. Для российского права такой инструментарий представляется совершенно особенным и с точки зрения определенных аспектов обеспечивает скорее нестабильность гражданского оборота. Однако, для английского права такой инструмент вполне обоснован и предполагает его использование лишь при наличии особых оснований. Это означает, что доктрина *cy-près* не имеет абсолютного характера. В частности, студенты Университета Небраски, являясь бенефициарами благотворительного фонда, обратились в суд с заявлением о выдаче ссуды, ссылаясь на указанную доктрину *cy-près*. При этом, суд посчитал заявление необоснованным, поскольку первоначальным условием распределения средств благотворительного траста являлось распределение стипендии студентам. Как отметил суд, при выдаче студентам ссуды социальная цель благотворительного фонда не будет достигаться в отличие от распределения им стипендии, для чего он и изначально был предусмотрен¹.

Российская правовая система не может в условиях уже устоявшихся подходов романо-германской правовой семьи наделить суды такого рода возможностями. Закономерно, что при наличии в экономике и иных отраслях общественной жизни потребности в оптимизации, управлении и сохранении активов необходимо разрабатывать иной правовой инструментарий. В связи с существованием в российской правовой системе различных институтов инвестиционных фондов, появлению института личного фонда можно сделать вывод, что для решения ряда социально-экономических задач законодатель (сознательно или бессознательно) избрал более дифференцированный подход к решению разноплановых задач.

Одним из проявлений указанной дифференциации является появление института личного фонда. Данный правовой инструмент находится лишь на стадии развития, что связано с формирующейся практикой его использования, а также еще не развитой законодательной базой. В частности, личным фондам законодатель посвятил только несколько статей ГК РФ, не разработав регулирования на уровне самостоятельного федерального закона. В свою очередь, такая необходимость безусловно существует (например, для урегулирования вопросов управления).

По действующему гражданскому законодательству личный фонд представляет собой унитарную некоммерческую организацию:

- учреждается на определенный срок или бессрочно;
- учреждается гражданином или после его смерти нотариусом;
- учреждается с целью управления переданным ей имуществом, а также иным имуществом;
- функционирует в соответствии с утвержденными условиями управления (п. 1 ст. 123.20–4 ГК РФ).

Анализируя имеющееся правовое регулирование, авторы также выделяют следующие особенности указанной новеллы законодателя. Во-первых, личный фонд является решением проблемы защиты имущества, требующего управления, «от самого себя», а также от иных бенефициаров, у которых отсутствуют навыки управления таким имуществом. Во-вторых, не смотря на определенную форму некоммерческой организации личный фонд осуществляет и предпринимательскую деятельность для достижения целей, обозначенных в его уставе. Этот признак является свидетельством верности подхода об утративании в российском праве значения дихотомии коммерческий и некоммерческих юридических лиц. В-третьих, учреждение личного фонда сопровождается тесной взаимосвязью с личностью его учредителя, поскольку замена такового не допускается, а в самом фонде фактически

закрепляется воля его изначального учредителя. В-третьих, имущество, передаваемое в личный фонд, принадлежит последнему на праве собственности, а бенефициары и учредитель не имеют на него никаких вещно-правовых притязаний [3, с. 80–81]. Представляется, что указанные признаки являются значимыми в контексте отличия конструкции личного фонда от траста.

Личный фонд, в отличие от траста, является самостоятельным субъектом права, на праве собственности у которого находится имущество учредителя. Причем, важно, что после его передачи учредитель утрачивает на переданное имущество какие-либо вещные права. Следовательно, личный фонд представляет собой самостоятельный субъект права, хотя и подконтрольный учредителю. Траст – это договорное правоотношение по распоряжению доверительным собственником имуществом в пользу бенефициара. То есть в случае применения конструкции траста личная связь между доверительным собственником и лицом, передающим имущество в управление, отсутствует, поскольку его воля не фиксируется в каком-либо учредительном документе. Как уже было отмечено, у личного фонда иная ситуация, поскольку в условиях управления имуществом, уставе фонда изначальная воля учредителя фиксируется.

Однако, даже из уже имеющейся практики применения личных фондов можно заметить, что они учреждаются для достаточно разноплановой деятельности. Так, анализируя сведения из Единого государственного реестра юридических лиц, можно выделить следующие виды деятельности, которыми занимаются личные фонды:

- деятельность инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций (в частности, личный фонд «Энви Фонд» ИНН 9707044626);
- деятельность по оказанию консультационных и информационных услуг (в частности, личный фонд «Гранат»);
- покупка и продажа собственного недвижимого имущества (личный фонд «Авенир» ИНН: 9701314361);
- консультирование по вопросам коммерческой деятельности и управление (личный фонд «Основа» ИНН: 9703201324)² и т.д.

Исходя из этого в аспекте практического применения личный фонд представляет собой определенного рода аналог траста, поскольку он позволяет не только реализовать достаточно широкий перечень видов деятельности, но и решить разноплановые задачи.

С точки зрения оценки перспектив той или иной конструкции нельзя занять позицию о том, что личный фонд более эффективен, чем траст, или, напротив, что траст лучше личного фонда. Как было указано ранее, личный фонд и траст существует в рамках разных правовых систем и являются инструментами разной правовой природы. Исследователи, которые указывают на перспективы развития в Российской Федерации трастов, приводят аналоги иных конструкций (в частности, паевых инвестиционных фондов) [5, с. 108]. В связи с этим такого рода аргументы стоит оценивать критически, поскольку обосновывать необходимость конструкции траста посредством ссылки на наличие иной правовой конструкции в отечественном правовом порядке представляется ошибочным.

Таким образом, в конструкциях личного фонда по российскому праву и трасту по английскому праву заложен потенциал реализации ряда функций, связанных с управлением активами. В то же время возможность использования указанных правовых конструкций для достижения идентичных целей не свидетельствует об их одинаковой правовой природе. Траст представляет собой договорное правоотношение, а личный фонд – самостоятельное юридическое лицо, в деятельности которого проявляется общая личная воля его учредителя. Правоотношение траста включает в себя вещно-правовые элементы на стороне бенефициара, что нехарактерно для личного фонда, имущество которого принадлежит данному юридическому лицу на праве собственности и после его создания не связано с учредителем.

В англо-саксонской правовой системе для реализации разноплановых задач возможно применение трастов, аспекты использования которых корректируются и совершенствуются прецедентным правом. В свою очередь, в российской правовой системе для достижения различного рода социально-экономических целей предусмотрена дифференцированная система правового инструментария [6], включающая в себя как создание отдельных субъектов права (личного фонда, хотя и с еще недостаточной нормативно-правовой базой), так и возможности вступления в определенного рода договорные правоотношения (договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом).

² Данные взяты из Единого государственного реестра юридических лиц. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html?ysclid=miq12unbd3768165339> (дата обращения: 04.12.2025).

¹ Plummer memorial loan fund trust R.B. University of Nebraska Foundation, Nos. S-02–463, S-02–464. Supreme Court of Nebraska. May 23, 2003.

Литература

1. Вайнриб Э. Фидуциарное обязательство // Юридический журнал университета Торонто. – 1975. – № 25(1). – С. 125–156.
2. Головченко Я.А., Лободина А.А. Траст в англо-американском и континентальном праве // Вестник экономики и права. – 2019. – № 29. – С. 81–88.
3. Домшенко (Червец) Е.И. Личный фонд – новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 2 (269). – С. 79–92.
4. Капустин А.Н. Российские личные фонды и англо-американские трасты: сопоставление управленческих решений // Legal Bulletin. – 2022. – № 4. – Том. 7. – С. 99–107.
5. Косарева В.В. Сравнительно-правовой анализ траста и личного фонда в России // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 8(68). – С. 98–111.
6. Степанова Е.И. Целевое назначение гражданскоправового института личного фонда в Российской Федерации и проблемы его реализации // Научно-практический журнал «Юридическая наука». – 2025. – № 6. – С. 260–263.
7. Ткачева М.А. О наследственном фонде как предпосылке создания российского аналога траста // Юридическая наука. – 2019. – № 10. – С. 63–67.
8. Фунтикова Н.В. Доверительное управление по российскому законодательству и доверительная собственность по англо-американскому праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2004. – 32 с.
9. Червец Е.И. Личные фонды на стыке права и экономики: механизмы управления частным капиталом: монография / Е.И. Червец. – М.: Статут, 2025. – 261 с.

DIFFERENCES IN THE LEGAL NATURE OF TRUST STRUCTURES IN ANGLO-AMERICAN LAW AND PERSONAL FOUNDATIONS IN RUSSIAN LAW

Stepanova E.I.

Griboyedov Moscow University

This article is devoted to the problem of the correlation between the concepts of trust in Anglo-American law and personal foundation in Russian law. The author criticizes the approaches to the commonality and identity of the legal nature of these legal concepts. Based on the analysis of the features of trust and personal foundation, the author concludes that they have different legal nature: trust is a contractual legal relationship, while personal foundation is an independent legal entity whose activities are based on the common personal will of its founder. The trust relationship includes real-law elements on the beneficiary's side, which is not typical for a personal foundation whose property is owned by the legal entity and is not associated with the founder after its creation. As part of the analysis, the author draws a general conclusion that in English law, a trust is a construct for achieving a variety of socio-economic goals, and its universality is ensured by case law. This is not typical for the domestic legal system, which has a differentiated system of legal tools for achieving diverse goals: for some goals (personal investment), it is necessary to create separate legal entities (personal funds, although with an insufficient legal framework), while for other goals (collective investment), it is necessary to enter into certain types of contractual relations (trust management contracts for mutual investment funds).

Keywords: trust, personal fund, investment funds, asset management, legal nature.

References

1. Weinrib E. Fiduciary Obligation // University of Toronto Law Journal. – 1975. – No. 25(1). – Pp. 125–156.
2. Golovchenko Ya.A., Lobodina A.A. Trust in Anglo-American and Continental Law // Bulletin of Economics and Law. – 2019. – No. 29. – Pp. 81–88.
3. Domshenko (Chervets) E.I. Personal Fund – a New Russian Legal Tool for the Management, Preservation and Transfer of Inherited Property // Property Relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 2 (269). – Pp. 79–92.
4. Kapustin A.N. Russian Personal Funds and Anglo-American Trusts: A Comparison of Management Decisions // Legal Bulletin. – 2022. – No. 4. – Vol. 7. – Pp. 99–107.
5. Kosareva V.V. Comparative Legal Analysis of Trust and Personal Fund in Russia // Leningrad Law Journal. – 2022. – No. 8(68). – Pp. 98–111.
6. Stepanova E.I. The Purpose of the Civil Law Institute of a Personal Fund in the Russian Federation and the Problems of Its Implementation // Scientific and Practical Journal "Legal Science". – 2025. – No. 6. – Pp. 260–263.
7. Tkacheva M.A. On the Inheritance Fund as a Prerequisite for Creating a Russian Analogue of Trust // Legal Science. – 2019. – No. 10. – Pp. 63–67.
8. Funtikova N.V. Trust management under Russian law and trust property under Anglo-American law: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences': 12.00.03. – Moscow, 2004. – 32 p.
9. Chervets, E.I. Personal Funds at the Intersection of Law and Economics: Mechanisms of Private Capital Management: Monograph / E.I. Chervets. – Moscow: Statut, 2025. – 261 p.

Договорные конструкции на оптовом рынке электроэнергии и мощности: гражданско-правовой анализ

Хаблак Евгений Владимирович,
аспирант, НОЧУ «Московской финансово-промышленный
университет «Синергия»
E-mail: evh.lawyer@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой квалификации договорных отношений на оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ) Российской Федерации. Проведен анализ существующих доктринальных подходов к определению правовой природы электрической энергии как объекта гражданских прав. Отмечено, что в современной цивилистической науке отсутствует единство взглядов относительно квалификации электроэнергии: одни исследователи признают её вещью особого рода, другие – результатом оказания услуги или имущественным правом. Выявлено, что специфические физические характеристики электроэнергии (отсутствие материального субстрата, невозможность хранения, мгновенность передачи и потребления) создают существенные сложности для применения традиционных гражданско-правовых конструкций. Определено, что система договорных связей на ОРЭМ не вписывается полностью ни в классическую модель купли-продажи, ни в договор энергоснабжения, предусмотренный Гражданским кодексом РФ. Сделан вывод о необходимости разработки специальной правовой конструкции, учитывающей технологические особенности функционирования единой энергетической системы и специфику торговли электроэнергией на организованном рынке, что позволит обеспечить правовую определенность и защиту интересов всех участников энергетического рынка.

Ключевые слова: оптовый рынок электроэнергии, договорные конструкции, правовая природа электроэнергии, объект гражданских прав, энергоснабжение, купля-продажа электроэнергии.

Оптовый рынок электроэнергии и мощности представляет собой сложную систему технологических и экономических отношений, требующих адекватного правового регулирования. Как справедливо отмечает Член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук А.В. Габов, надежное и бесперебойное обеспечение субъектов экономической деятельности (юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и др.), а также обычных домохозяйств (граждан) электрической энергией – это непереносимое условие для обеспечения экономического роста, а также сохранения социального мира в обществе [7]. Актуальность исследования договорных конструкций на ОРЭМ обусловлена несколькими факторами. Во-первых, продолжающимся реформированием электроэнергетической отрасли и либерализацией энергетических рынков. Во-вторых, практическими трудностями квалификации правоотношений участников рынка и применения норм гражданского законодательства к специфическому объекту – электрической энергии.

Согласно статистическим данным Системного оператора Единой энергетической системы, в 2024 году суммарное потребление электроэнергии в России составило более 1 174,1 млрд кВт·ч, при этом объем торговли на оптовом рынке превысил 700 млрд кВт·ч. Правовое регулирование столь масштабного сегмента экономики требует четкого понимания природы складывающихся отношений [13].

Нормативную базу регулирования ОРЭМ составляют Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) [1], Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [2], Правила оптового рынка электрической энергии и мощности, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 [3], а также многочисленные подзаконные акты. Однако действующее законодательство не дает однозначного ответа на вопрос о правовой природе электрической энергии и адекватной договорной модели для оформления отношений по её купле-продаже на организованном рынке.

Цель исследования заключается в анализе существующих подходов к правовой квалификации электрической энергии и определении оптимальной договорной конструкции для регулирования отношений на ОРЭМ с учетом специфики данного объекта и особенностей функционирования энергетического рынка.

Материалы исследования включают нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие отношения в сфере электроэнергетики, научные публикации отечественных цивилистов по проблемам квалификации электрической энергии и договорных отношений на энергетическом рынке за период 2020–2024 годов, а также аналитические материалы, характеризующие функционирование ОРЭМ.

Методами исследования являются формально-юридический метод, позволяющий выявить содержание правовых норм и их системные связи; сравнительно-правовой метод, используемый для сопоставления различных доктринальных подходов; метод системного анализа, применяемый для исследования договорных конструкций во взаимосвязи с технологическими особенностями энергосистемы; метод правового моделирования для разработки предложений по совершенствованию договорного регулирования отношений на ОРЭМ.

В современной цивилистической науке сформировались две основные концепции правовой квалификации электрической энергии: вещная и обязательственная. Как отмечает Т.Л. Цыцылина, выделение различных групп объектов прав (таких как вещи, имущественные права, работы и услуги и т.д.) заключается в установлении для определенных категорий объектов прав свойственного ему правового режима [16]. Это принципиальное замечание определяет методологическую основу для дальнейшего анализа.

Сторонники вещной концепции опираются на классическое широкое толкование понятия вещи, предложенное ещё К.П. Победоносцевым: все, что существует по естеству [15]. О.Е. Крассов обосновывает признание электрической энергии товаром следующим образом: раскрытие сущности энергии через призму особого товара не означает, что данный товар является ограниченным в обороте или не является вещью. По мнению автора, основная характеристика товара – это его определенная значимость для потребителя, и электрическая энергия, безусловно, обладает такими характеристиками [9]. Данная позиция нашла отражение и в судебной практике последних лет.

Однако против вещно-правовой квалификации свидетельствуют специфические характеристики электроэнергии. Исследователи выделяют следующие особенности: отсутствие материального субстрата, исключающего возможность зрительного восприятия; совпадение во времени моментов производства, доставки и потребления, что не позволяет в рамках единого технологического процесса со скоростью протекания, равной скорости света, установить и разграничить момент возникновения правомочий владения, пользования и распоряжения [6]. Как справедливо отмечается в научной литературе, электроэнергия, представляя собой стандартизованный продукт, поставляется множеством производителей в общие электрические сети и мгновенно потребляется множеством потребителей, что приводит к невозможности с физической точки зрения определить, кто произвел электрическую энергию, потребляемую тем или иным потребителем.

Обязательственная концепция рассматривает электрическую энергию как результат оказания услуги или как имущественное право. Этот подход получил развитие в работах Е.Л. Осипчук [12] и Н.В. Плешакова [14], которые исследовали договорные отношения на рынке электроэнергии через призму обязательственного права. Преимуществом данного подхода является возможность учета динамического характера энергоснабжения и непрерывности технологического процесса. Вместе с тем, полное отрицание товарной природы электроэнергии не соответствует современным экономическим реалиям функционирования конкурентного рынка.

Анализ правового регулирования ОРЭМ выявляет существенное отличие складывающихся отношений от классических договорных моделей, предусмотренных ГК РФ. Ю.С. Бахтина предлагает исследовать систему договоров ОРЭМ через классическую методологию, применимую для традиционных гражданско-правовых обязательств, и приходит к выводу, что договоры на ОРЭМ являются самостоятельной разновидностью купли-продажи, причем некоторые из них тяготеют к поименованному в ГК РФ договору энергоснабжения [5].

Действительно, на оптовом рынке применяются различные типы договоров купли-продажи электрической энергии и мощности: регулируемые договоры, свободные договоры, договоры по результатам конкурентного отбора заявок на сутки вперед, договоры для балансирования системы. Каждая из этих конструкций обладает собственной спецификой, обусловленной механизмом ценообразования и порядком заключения.

Ключевой особенностью договорных отношений на ОРЭМ является их неразрывная связь с технологическим процессом функционирования Единой энергетической системы. А.Ф. Дьяков подчеркивает значение разработки производственного задания и оперативного управления работой сложных систем [8]. Применительно к электроэнергетике это означает, что правовые конструкции должны учитывать необходимость постоянного баланса производства и потребления электроэнергии, невозможность её накопления, требования к надежности и устойчивости энергосистемы.

Важным элементом правового регулирования ОРЭМ является система балансов – сводного прогнозного баланса производства и поставок электрической энергии и мощности в рамках Единой энергетической системы России по субъектам Российской Федерации. Порядок формирования такого баланса устанавливается специальными нормативными актами регулятора, что существенно отличает энергетический рынок от классических товарных рынков. Торговля электроэнергией может осуществляться только на определенный промежуток времени вперед, что также является специфической характеристикой данного рынка.

Попытки квалификации договоров на ОРЭМ в рамках существующих типов договоров (купли-продажи, поставки, энергоснабжения) сталкиваются с существенными трудностями. Как отмечает К.А. Кузнецов, балансирование является императивным требованием, определяющим сам характер правоотношений [10].

Н.В. Плешаков [14] и Е.Л. Осипчук [12] предлагали квалифицировать реализационные договоры на ОРЭМ в качестве разновидности договора поставки. Однако такой подход не учитывает специфику объекта (невозможность хранения, мгновенность передачи) и особенности исполнения обязательств, которые определяются не столько волей сторон, сколько технологическими императивами функционирования энергосистемы и диспетчерскими командами системного оператора.

Статья 539 ГК РФ регулирует договор энергоснабжения, по которому энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию. Эта конструкция разрабатывалась для розничного рынка и отношений с конечными потребителями. Механическое перенесение данной модели на оптовый рынок не учитывает его организационную структуру, роль инфраструктурных организаций (системно-

го оператора, администратора торговой системы), множественность производителей и потребителей, функционирующих в рамках единой технологической системы.

Передача электрической энергии и потребление осуществляются с помощью специальных технических средств, а возможность её обнаружения в сети реализуется посредством специальных технических приборов [4]. Это означает, что правовое регулирование должно учитывать техническую составляющую и взаимодействие с технологическими регламентами. Сформировавшаяся торговая система ОРЭМ РФ представляет собой сложный механизм взаимодействия множества субъектов, где юридические конструкции тесно переплетены с технологическими процессами.

Одним из ключевых аспектов, определяющих специфику договорных конструкций на оптовом рынке электроэнергии и мощности, является механизм ценообразования и порядок исполнения обязательств, радикально отличающиеся от классических гражданско-правовых моделей. Согласно данным Ассоциации «НП Совет рынка», в 2024 году на конкурентном секторе ОРЭМ (сектор свободных договоров и рынок на сутки вперед) было реализовано более 485 млрд кВт·ч электроэнергии, что составляет около 69% от общего объема торговли на оптовом рынке. При этом средневзвешенная цена на электроэнергию в первой ценовой зоне составила 2847 руб./МВт·ч, во второй ценовой зоне – 2156 руб./МВт·ч, демонстрируя существенную географическую дифференциацию. Оставшиеся 31% приходятся на регулируемые договоры, цены по которым устанавливаются уполномоченным органом – Федеральной антимонопольной службой России. Такая дуалистическая структура ценообразования не имеет аналогов в традиционном гражданском обороте и требует специального правового осмысления.

Механизм определения цены на ОРЭМ принципиально отличается от предусмотренного статьей 424 ГК РФ порядка. В классической модели купли-продажи цена определяется соглашением сторон либо, при его отсутствии, исходя из обычно взимаемой при сравнимых обстоятельствах платы за аналогичные товары. На оптовом рынке электроэнергии действуют иные принципы. Как отмечает Ю.С. Бахтина, цена электроэнергии на конкурентных сегментах формируется по результатам конкурентного отбора ценовых заявок участников рынка, осуществляемого администратором торговой системы (АО «АТС») с применением сложных алгоритмов оптимизации [5]. При этом применяется принцип «маржинальной цены» (marginal pricing), когда все акцептованные заявки оплачиваются по цене замыкающей (последней принятой) заявки для данного часа. Этот механизм, широко используемый на либерализованных энергетических рынках мира, обеспечивает эффективность распределения ресурсов, но создает ситуацию, когда окончательная цена договора становится известна сторонам лишь после проведения конкурентного отбора, то есть фактически после его заключения.

Согласно пункту 3 статьи 15 Федерального закона «Об электроэнергетике», на оптовом рынке применяются регулируемые цены (тарифы) и нерегулируемые цены. Регулируемые договоры заключаются по ценам, устанавливаемым ФАС России в соответствии с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178. В 2024 году предельный максимальный уровень цен на электрическую энергию (мощность) для населения и приравненных к нему категорий потребителей был установлен с ростом не более 9% к уровню 2023 года для большинства субъектов РФ. Данная система регулируемых цен выполняет важную социальную функцию, обеспечивая доступность электроэнергии для населения и социально значимых объектов, но при этом создает перекрестное субсидирование между различными категориями потребителей. По оценкам экспертов, объем перекрестного субсидирования в электроэнергетике России в 2023 году составил около 250 млрд рублей, что свидетельствует о значительном отклонении от рыночных принципов ценообразования и создает дополнительные сложности для правовой квалификации соответствующих договорных отношений.

Особого внимания заслуживает конструкция договора купли-продажи электрической энергии по результатам конкурентного отбора заявок на сутки вперед (рынок «на сутки вперед» или Day-Ahead Market). Согласно Правилам оптового рынка, участники подают в адрес АО «АТС» почасовые ценовые заявки на покупку или продажу электроэнергии на следующие сутки до 10:00 текущих суток. После 14:00 АО «АТС» публикует результаты конкурентного отбора, определяя объемы купли-продажи и равновесные цены для каждого часа следующих суток для каждого узла расчетной модели (в 2024 году в Единой энергетической системе функционировало более 7 000 узлов расчетной модели). Таким образом, между моментом подачи заявки и моментом определения существенных условий договора (объема

и цены) проходит несколько часов, а между заключением договора и его исполнением – от 10 до 34 часов в зависимости от конкретного часа поставки. Эта временная структура не соответствует классическим представлениям о моменте заключения договора купли-продажи, закрепленным в статье 432 ГК РФ.

Проблема момента заключения договора на ОРЭМ имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку с ним связано возникновение прав и обязанностей сторон, начало течения сроков исполнения, возможность одностороннего отказа от договора. В научной литературе высказываются различные точки зрения. Е.Л. Осипчук полагает, что договор на оптовом рынке считается заключенным с момента публикации результатов конкурентного отбора заявок [11]. Н.В. Плешаков связывает момент заключения с подачей заявки участником рынка, рассматривая публикацию результатов отбора как акцепт этой заявки-оферты [13]. Представляется, что ни одна из этих позиций не отражает в полной мере специфику складывающихся отношений. Фактически механизм заключения договоров на ОРЭМ представляет собой особую процедуру, сочетающую элементы публичной оферты, торгов и организованных торгов в понимании законодательства о рынке ценных бумаг, но полностью не совпадающую ни с одной из этих конструкций.

Существенной особенностью исполнения договорных обязательств на ОРЭМ является их неразрывная связь с диспетчерским управлением Единой энергетической системой. Согласно статье 20 Федерального закона «Об электроэнергетике», диспетчерское управление в электроэнергетике осуществляется на основании принципов, включающих обязательность команд диспетчерского центра для всех субъектов оперативно-диспетчерского управления.

В 2024 году, по данным ПАО «СО ЕЭС», суммарный объем отклонений фактического производства электроэнергии от диспетчерских графиков составил около 4,2% от общего объема производства, что в абсолютном выражении превышает 49 млрд кВт·ч. Эти отклонения учитываются в рамках особого сегмента ОРЭМ – балансирующего рынка, где производится финансовое урегулирование небалансов участников. Согласно Правилам оптового рынка, участник, фактическое производство или потребление которого отклонилось от договорных обязательств, обязан оплатить или получить компенсацию за объем отклонения по ценам балансирующего рынка, которые, как правило, менее выгодны, чем цены рынка на сутки вперед. В 2024 году средняя цена электроэнергии на балансирующем рынке в первой ценовой зоне составила 3 156 руб./МВт·ч, что на 10,9% превышает среднюю цену рынка на сутки вперед, создавая экономический стимул для точного исполнения договорных обязательств.

Данная система балансирования не имеет прямых аналогов в классическом гражданском праве. Фактически она представляет собой механизм автоматической новации обязательств: первоначальные договорные обязательства по поставке определенного объема электроэнергии в определенный час трансформируются в обязательства по оплате отклонений по специальным ценам. При этом воля сторон на такую новацию презюмируется самим фактом участия в оптовом рынке и подачи заявок на торговлю. Как справедливо отмечает К.А. Кузнецов, балансирование является императивным требованием, определяющим сам характер правоотношений, и участники рынка не могут договориться об ином порядке урегулирования небалансов [9]. Это радикально отличается от диспозитивного принципа, господствующего в обязательственном праве согласно статье 1 ГК РФ.

Особую категорию составляют договоры купли-продажи мощности на ОРЭМ. Мощность как объект гражданских прав представляет собой еще более сложную для правовой квалификации категорию, чем электрическая энергия. Если энергия физически представляет собой работу электрического тока и измеряется в киловатт-часах, то мощность – это способность генерирующего оборудования производить энергию, измеряемая в киловаттах (производная энергии по времени). Торговля мощностью на ОРЭМ осуществляется в рамках специального механизма конкурентного отбора мощности (КОМ), проводимого за несколько лет до года поставки мощности. В 2024 году для ценовых зон ОРЭМ был проведен конкурентный отбор мощности на период 2028–2029 годов, по результатам которого были заключены договоры о предоставлении мощности (ДПМ) общим объемом 153,8 ГВт в первой ценовой зоне и 33,4 ГВт во второй ценовой зоне.

Договор о предоставлении мощности обязывает поставщика обеспечить готовность определенного объема генерирующего оборудования к производству электроэнергии и поддерживать его в технически исправном состоянии. Покупатель мощности (гарантирующий поставщик или крупный потребитель) обязуется оплачивать зарезервированную за ним мощность независимо от фактического объема потребления электроэнергии. Средняя цена мощности по результатам

КОМ на 2024 год составила 743 тыс. руб./МВт в месяц для новых генерирующих объектов и 199 тыс. руб./МВт в месяц для модернизируемого и действующего оборудования. Совокупная стоимость мощности на ОРЭМ в 2024 году превысила 1,2 трлн рублей, что составляет около 43% общих затрат на покупку электроэнергии и мощности. Это свидетельствует об огромном экономическом значении рынка мощности и необходимости его адекватного правового регулирования.

С точки зрения гражданско-правовой квалификации договор о предоставлении мощности представляет собой гибридную конструкцию, сочетающую элементы договора купли-продажи (передача товара за плату), договора возмездного оказания услуг (обеспечение готовности к производству) и опционного договора (резервирование возможности в будущем). Ю.С. Бахтина предлагает рассматривать ДПМ как особую разновидность договора купли-продажи с длительным сроком исполнения и специфическим объектом – мощностью как технической характеристикой оборудования [5]. Однако такой подход не учитывает, что покупатель мощности не приобретает права собственности на генерирующее оборудование или исключительного права на производимую им энергию, а лишь получает гарантию доступности определенного объема генерирующих ресурсов в энергосистеме.

Проблема правовой природы мощности усугубляется введением механизмов договоров на поставку мощности (ДПМ) для новых генерирующих объектов, предусмотренных статьей 41 Федерального закона «Об электроэнергетике». Эти договоры заключаются на срок окупаемости инвестиционного проекта (обычно 10–15 лет) с гарантированным уровнем доходности инвестора, определяемым на основе утвержденных параметров и формул. С 2010 по 2024 год в рамках механизма ДПМ в России было введено в эксплуатацию генерирующее оборудование общей мощностью более 28 ГВт на общую сумму инвестиций свыше 2,54 трлн рублей. ДПМ фактически выполняют функцию инвестиционного обязательства, гарантирующего возврат вложенных средств и определенную доходность, что сближает их с финансовыми инструментами и требует особого правового режима, выходящего за рамки традиционных договоров поставки энергетических ресурсов.

Значительный интерес представляет также механизм защиты прав участников ОРЭМ при неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств. Статья 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» предусматривает, что споры между участниками оптового рынка подлежат разрешению в соответствии с гражданским законодательством с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами. При этом Правила оптового рынка содержат детальные положения об ответственности участников за нарушение обязательств, включая систему штрафов за отклонения от диспетчерских графиков, недопоставку мощности, несвоевременную оплату электроэнергии и мощности.

Проблемным является также вопрос о возможности взыскания убытков сверх предусмотренных Правилами оптового рынка санкций. С одной стороны, пункт 1 статьи 394 ГК РФ устанавливает, что если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой (зачетная неустойка), если законом или договором не предусмотрено иное. С другой стороны, специальные положения законодательства об электроэнергетике и Правил оптового рынка фактически устанавливают исчерпывающий перечень мер ответственности, что может быть истолковано как исключающее возможность взыскания дополнительных убытков. Судебная практика по данному вопросу неоднозначна: в одних случаях суды признают право требовать возмещения убытков сверх предусмотренных санкций, в других – отказывают в таких требованиях со ссылкой на специальный характер правового регулирования оптового рынка.

Важной особенностью договорных отношений на ОРЭМ является также система финансовых гарантий, которая выполняет функцию, аналогичную обеспечительным мерам в традиционном гражданском обороте (здаток, залог, поручительство, банковской гарантия), однако обладает рядом специфических особенностей. Во-первых, предоставление финансового обеспечения является обязательным условием допуска к торговле на оптовом рынке, тогда как в классическом обязательственном праве решение об использовании способов обеспечения принимается по усмотрению сторон (статья 329 ГК РФ). Во-вторых, размер обеспечения определяется не волей сторон, а по объективным формулам, установленным Правилами оптового рынка. В-третьих, обращение взыскания на финансовое обеспечение осуществляется в упрощенном порядке, без необходимости судебного решения, что существенно ускоряет процесс расчетов на оптовом рынке, но может создавать риски для прав участников при спорных ситуациях.

Анализ существующих подходов свидетельствует о необходимости модернизации гражданско-правовых конструкций в целях гармонизации их с реальными условиями функционирования ОРЭМ. Представляется целесообразным разработать специальную договорную модель, которая, с одной стороны, будет основываться на общих принципах обязательственного права, а с другой – учитывать технологическую специфику электроэнергетики.

Как справедливо отмечается в сравнительно-правовых исследованиях энергетического права России и Германии, правовое регулирование в данной сфере требует междисциплинарного подхода, учитывающего как частноправовые, так и публично-правовые аспекты [11]. Особенно актуальным это становится в контексте цифровизации энергетики и развития интеллектуальных энергетических систем.

Важным направлением совершенствования правового регулирования является более четкое определение момента перехода права собственности на электроэнергию и распределения рисков между участниками оборота. В условиях, когда невозможно физически идентифицировать конкретные «порции» электроэнергии, произведенные определенным генератором и потребленные конкретным покупателем, необходимы специальные правовые механизмы учета и фиксации объемов производства, передачи и потребления.

Перспективным представляется развитие концепции «энергетического обязательства особого рода», которое будет сочетать элементы купли-продажи (в части определения цены и объемов), элементы договора об оказании услуг (в части обеспечения диспетчеризации и баланса системы) и специфические условия, отражающие технологические особенности электроэнергетики. Такой подход позволит обеспечить правовую определенность и снизить количество споров между участниками рынка.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, правовая природа электрической энергии как объекта гражданских прав не может быть определена в рамках традиционной дихотомии «вещь – услуга». Специфические физические характеристики электроэнергии (отсутствие материального субстрата, невозможность хранения, мгновенность передачи и потребления) требуют признания её особым объектом гражданских прав, для которого должен быть разработан специальный правовой режим.

Во-вторых, система договорных отношений на ОРЭМ не вписывается полностью ни в одну из существующих договорных конструкций, предусмотренных ГК РФ. Попытки квалификации этих отношений как купли-продажи, поставки или энергоснабжения не учитывают технологическую специфику функционирования Единой энергетической системы и особенности организации торговли на оптовом рынке.

В-третьих, необходима разработка специальной правовой конструкции «договора купли-продажи электрической энергии на оптовом рынке», которая будет учитывать: неразрывную связь юридических обязательств с технологическим процессом; роль инфраструктурных организаций (системного оператора, администратора торговой системы); императивные требования по балансированию производства и потребления; множественность участников и стандартизированность условий; особенности ценообразования в зависимости от типа договора.

В-четвертых, совершенствование правового регулирования договорных отношений на ОРЭМ должно осуществляться комплексно, с учетом как изменений в гражданском законодательстве, так и развития специального энергетического законодательства и технических регламентов. Особое внимание следует уделить вопросам перехода права собственности на электроэнергию, распределения рисков, ответственности участников рынка и защиты их прав.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на детальную разработку элементов специальной договорной конструкции для ОРЭМ, анализ зарубежного опыта правового регулирования оптовых энергетических рынков, а также изучение влияния цифровизации и развития новых технологий (распределенная генерация, системы накопления энергии, блокчейн) на систему договорных отношений в электроэнергетике.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «Консультант Плюс Проф». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2025).
2. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СПС «Консультант Плюс Проф». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования

оптового рынка электрической энергии и мощности: Постановление Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (ред. от 31.10.2025) // СПС «Консультант Плюс Проф». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2025).

4. Баландова, А.А. Модернизация технических объектов электро-снабжения / А.А. Баландова, А.Д. Ахмади, А.О. Акимов // Соискатель – приложение к журналу «Мир транспорта». 2023. № 4(15). С. 70–79.

5. Бахтина, Ю.С. Виды обязательств на оптовом рынке электроэнергетики и мощности / Ю.С. Бахтина // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 4. С. 103–107.

6. Бахтина, Ю.С. Электрическая энергия и мощность как объекты договоров на оптовом рынке электроэнергии и мощности / Ю.С. Бахтина // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 4. С. 220–226.

7. Габов, А.В. Субабонентские и квазисубабонентские отношения снабжения электроэнергией / А.В. Габов, О.О. Мельников // Энергетическое право: модели и тенденции развития: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, Белгород, 11–12 ноября 2022 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2023. С. 104–122.

8. Дьяков, А.Ф. Проблемы надёжности и безопасности Единой энергетической системы России в рыночных условиях / А.Ф. Дьяков // Вести в электроэнергетике. 2021. № 5(115). С. 72–84.

9. Крассов, Е.О. Система договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Крассов Евгений Олегович. Москва, 2009. 221 с.

10. Кузнецов, К.А. Организационные договоры в сфере энергоснабжения: Отдельные аспекты квалификации / К.А. Кузнецов // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 28 марта 2025 года. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2025. – С. 582–585.

11. Ляхно, П.Г. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / П.Г. Ляхно, Ф.Ю. Зеккер. Москва: Юрист, 2011. 1075 с.

12. Осипчук, Е.Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Осипчук Екатерина Леонидовна. Москва, 2004. 226 с.

13. Отчет о функционировании энергосистемы России в 2024 году (на основе оперативных данных) / Системный оператор Единой энергетической системы. Москва, 2025. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2025/ups_rep2024.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

14. Плешаков, Н.В. Проблемы правового регулирования договорных отношений на оптовом рынке электрической энергии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Плешаков Николай Владимирович. Москва, 2005. 234 с.

15. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вещные права / К.П. Победоносцев. Москва: Статут, 2002. 800 с.

16. Цыцылина, Т. Л. К вопросу об оборотоспособности объектов гражданских прав / Т.Л. Цыцылина // Вестник ВШЭП. 2022. № 2. С. 68–71.

CONTRACTUAL STRUCTURES IN THE WHOLESALE ELECTRICITY AND CAPACITY MARKET: A CIVIL LAW ANALYSIS

Khablak E.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

This article examines current issues in the legal qualification of contractual relations on the wholesale electricity and capacity market (WECM) of the Russian Federation. Existing doctrinal approaches to determining the legal nature of electric energy as an object of civil law are analyzed. It is noted that contemporary civil law scholarship lacks a unified view on the qualification of electricity: some scholars recognize it as a thing of a special kind, others as the result of rendering a service, or as a proprietary (property) right. It is shown that the specific physical characteristics of electricity (absence of a material substrate, impossibility of storage, instantaneous transmission and consumption) create substantial difficulties for the application of traditional civil-law constructs. It is determined that the system of contractual relationships on the WECM does not fully fit either the classical model of sale or the energy supply contract provided for by the Civil Code of the Russian Federation. The article concludes that a special legal construct needs to be developed that takes into account the technological features of the unified power system's operation and the specifics of trading electricity on an organized market, which would ensure legal certainty and protect the interests of all participants in the energy market.

Keywords: wholesale electricity market, contractual structures, legal nature of electricity, object of civil rights, energy supply, sale of electricity.

References

1. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation, No. 14-FZ of January 26, 1996 (as amended on June 24, 2025) // Consultant Plus Prof. Legal Information System. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed on December 5, 2025).

2. On Electric Power Industry: Federal Law No. 35-FZ of March 26, 2003 (as amended on October 25, 2024) // Consultant Plus Prof. Legal Information System. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed on December 5, 2025).
3. On approval of the Rules for the wholesale market for electric energy and capacity and on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation on issues of organizing the functioning of the wholesale market for electric energy and capacity: Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.12.2010 No. 1172 (as amended on 31.10.2025) // SPS "Consultant Plus Prof". URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 05.12.2025).
4. Balandova, A.A. Modernization of technical power supply facilities / A.A. Balandova, A.D. Akhmadi, A.O. Akimova // Applicant – supplement to the journal "World of Transport". 2023. No. 4 (15). P. 70–79.
5. Bakhtina, Yu.S. Types of Obligations in the Wholesale Electricity and Capacity Market / Yu.S. Bakhtina // Problems of Economics and Legal Practice. 2024. Vol. 20, No. 4. Pp. 103–107.
6. Bakhtina, Yu.S. Electric Energy and Capacity as Objects of Contracts in the Wholesale Electricity and Capacity Market / Yu.S. Bakhtina // Social and Political Sciences. 2024. Vol. 14, No. 4. Pp. 220–226.
7. Gabov, A.V. Sub-subscriber and Quasi-sub-subscriber Relations of Electricity Supply / A.V. Gabov, O.O. Melnikov // Energy Law: Models and Development Trends: Collection of Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 11–12, 2022. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2023. Pp. 104–122.
8. Dyakov, A.F. Problems of Reliability and Security of the Unified Energy System of Russia in Market Conditions / A.F. Dyakov // Vesti v elektroenergetike. 2021. No. 5 (115). Pp. 72–84.
9. Krassov, E.O. The System of Contractual Relations in the Sphere of Organization of Electric Power Supply: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.03 / Krassov Evgeny Olegovich. Moscow, 2009. 221 p.
10. Kuznetsov, K.A. Organizational Agreements in the Sphere of Energy Supply: Certain Aspects of Qualification / K.A. Kuznetsov // Russian Science: Current Research and Development: Coll. of Scientific Articles. XIX All-Russian Scientific and Practical. Conf., Samara, March 28, 2025. Samara: Samara State University of Economics, 2025. Pp. 582–585.
11. Lakhno, P.G. Energy Law of Russia and Germany: A Comparative Legal Study / P.G. Lakhno, F. Yu. Zecker. Moscow: Jurist, 2011. 1075 p.
12. Osipchuk, E.L. Energy Supply Agreement in the System of Contractual Relations on the Russian Electricity Market: Diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.03 / Osipchuk Ekaterina Leonidovna. Moscow, 2004. 226 p.
13. Report on the Functioning of the Russian Energy System in 2024 (Based on Operational Data) / System Operator of the Unified Energy System. Moscow, 2025. URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2025/ups_rep2024.pdf (date accessed: 05.12.2025).
14. Pleshakov, N.V. Problems of legal regulation of contractual relations in the wholesale electricity market: dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.03 / Pleshakov Nikolai Vladimirovich. Moscow, 2005. 234 p.
15. Pobedonostsev, K.P. Course in civil law. First part: Patrimonial rights / K.P. Pobedonostsev. Moscow: Statut, 2002. 800 p.
16. Tsytilyina, T.L. On the issue of the transferability of objects of civil rights / T.L. Tsytilyina // Bulletin of VIEPP. 2022. No. 2. P. 68–71.

Понятие и правовая природа корпоративного спора: сравнительно-правовой анализ русского и зарубежного подходов

Хачетлов Ислам Хасанович,

соискатель степени кандидата юридических наук, адвокат,
Адвокатская палата Кабардино-Балкарской Республики
E-mail: xachetlov@bk.ru.

Статья посвящена комплексному сравнительно-правовому анализу понятия и правовой природы корпоративного спора. Автор исследует российскую легальную дефиницию, закреплённую в ст. 225.1 АПК РФ, раскрывая её содержание через анализ судебной практики Верховного Суда РФ и выделяя три ключевых элемента: специальный субъект, специфический объект и конфликтный характер. В сравнительной перспективе рассматриваются подходы стран общего права (с акцентом на различие прямых и производных исков) и Европейского союза (исключительная подсудность по месту нахождения компании). На основе выявленных системных недостатков российского определения (чрезмерная широта, игнорирование различия прямых и производных исков, недоучёт транснационального элемента) автор предлагает направления совершенствования процессуального регулирования, включая уточнение дефиниции, законодательное закрепление дифференцированных процессуальных режимов и разработку регламента для трансграничных споров.

Ключевые слова: корпоративные споры, сравнительно-правовой анализ, процессуальное право, производный иск, подсудность, процессуальные особенности, арбитражный суд.

Корпоративные споры представляют собой одну из наиболее сложных и социально значимых категорий дел в современном арбитражном процессе. Их особая роль обусловлена двойственной природой: с одной стороны, это конфликты, вытекающие из частноправовых отношений членства (участия) в коммерческих корпорациях, а с другой – они затрагивают публичные интересы, включая стабильность предпринимательского оборота, защиту прав миноритарных участников и инвесторов. В России формирование специального процессуального режима для корпоративных споров, начало которому положило введение главы 28.1 в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ), стало ответом на потребности практики. Однако легальное определение, закреплённое в ст. 225.1 АПК РФ, нередко критикуется в доктрине и вызывает вопросы в правоприменении [3].

Цель настоящей статьи – осуществить комплексный сравнительно-правовой анализ понятия и правовой природы корпоративного спора, сопоставив российский подход с основными зарубежными доктринами и международными стандартами. В рамках этой цели ставятся следующие задачи:

1. Раскрыть содержание легального определения корпоративного спора в РФ и его доктринального наполнения через анализ судебной практики.
2. Исследовать подходы к определению и классификации корпоративных споров в зарубежном праве, с особым вниманием к праву Европейского союза и международным унификационным актам.
3. Провести оценку российского легального определения через призму выявленных зарубежных концепций, указав на его системные недостатки и пробелы.
4. Разработать научно обоснованную многоуровневую классификацию корпоративных споров, которая могла бы служить основой для дифференциации их процессуальных режимов в арбитражном судопроизводстве, учитывая как государственную, так и альтернативную (арбитражную) форму разрешения.

Актуальность исследования обусловлена не только внутренними потребностями совершенствования российского процессуального права, но и необходимостью интеграции российской судебной системы в глобальное правовое пространство, где корпоративные споры всё чаще приобретают транснациональный характер [13].

Отправной точкой в российском правовом поле является определение, закреплённое в ст. 225.1 АПК РФ. Согласно ему, корпоративные споры – это споры, связанные с созданием юридического лица, управлением им или участием в юридическом лице, являющемся коммерческой организацией, а также в некоммерческой организации, объединяющей коммерческие организации и/или индивидуальных предпринимателей. Данная формулировка носит формально-юридический и казуистический характер, акцентируя внимание на связи спора с определёнными юридическими действиями (создание, управление, участие) и специфическом субъектном составе.

Анализ обширной судебной практики, в том числе относительно недавнего обобщения Верховного Суда РФ [3], позволяет выделить три ключевых элемента, наполняющих это определение конкретным содержанием и раскрывающих правовую природу корпоративного спора.

Во-первых, специальный субъект – носитель корпоративных прав. Сущность спора предопределяется статусом его участников. Центральной фигурой является лицо, обладающее комплексом корпоративных прав, вытекающих из членства (участия). Как отмечается в практике, право на информацию, являющееся неотъемлемой частью этого статуса, «неразрывно связано с наличием у лица статуса участника (акционера) хозяйственного общества» [3]. Суды тщательно устанавливают наличие или утрату этого статуса (на момент обращения, на момент рассмотрения спора), что непосредственно влияет на объём правомочий и допустимость требований [3]. К числу таких субъектов относятся не только текущие участники, но и бывшие акционеры (в ограниченном объёме прав), наследники, супруги участников, члены коллегиальных органов, а также лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица (контролирующие лица) [3].

Во-вторых, специфический объект – корпоративные правоотношения. Спор возникает из отношений, основанных на членстве (участии) и управлении корпорацией. Эти отношения носят сложный, смешан-

ный характер, сочетая элементы абсолютных (например, право на долю в уставном капитале) и относительных (например, право требовать от общества предоставления информации или возмещения убытков) правоотношений [10]. Эта двойственность порождает сложности в выборе адекватного способа защиты. Яркой иллюстрацией служит эволюция подходов к истребованию бездокументарных акций, с учетом динамично развивающегося цифрового общества. Долгое время суды отказывали в виндикации, квалифицируя право на акцию как обязательственное. Введение ст. 149.3 ГК РФ создало специальный вещно-правовой способ защиты, подчеркнув уникальность объекта корпоративного спора, не укладывающегося в классические цивилистические конструкции [10].

В-третьих, конфликтный (процессуальный) характер как форма реализации корпоративного конфликта. Корпоративный спор является юрисдикционной формой разрешения корпоративного конфликта. Последний определяется через наличие минимум двух сторон с противоположными законными интересами в сфере корпоративных отношений [9]. Судебная практика признаёт наличие такого конфликта значимым обстоятельством, влияющим, например, на оценку добросовестности участника при запросе информации или на возможность предъявления косвенного иска фактическим бенефициаром при блокировке действий формального участника [3].

Таким образом, в российском правоприменении корпоративный спор понимается как подлежащий юрисдикционному разрешению конфликт, возникающий из отношений членства (участия) в коммерческой корпорации или приравненной к ней организации, субъектами которого являются носители корпоративных прав и/или обязанностей, а предметом – требования, связанные с реализацией, защитой или оспариванием этих прав и обязанностей.

Так, правовая природа корпоративного спора неразрывно связана с сущностью корпоративного права. В российской доктрине корпоративное право рассматривается в трёх аспектах: как сфера правового регулирования, отрасль законодательства и область научного знания [8]. Как сфера регулирования оно аккумулирует нормы, регламентирующие как внутренние отношения в корпорации, так и отношения, связанные с её созданием, деятельностью и прекращением, основанные на началах участия (членства).

Основанием возникновения корпоративного правоотношения, а в потенциале и спора, является юридический факт или состав [8]. Ими могут быть как действия (сделки по отчуждению доли, решения собраний), так и события (смерть участника) [8]. Корпоративные права участников подразделяются на неимущественные (организационно-управленческие) и имущественные, причём их объём и содержание могут варьироваться в зависимости от организационно-правовой формы [8].

Особую роль в регулировании внутренней жизни корпорации и, как следствие, в возникновении споров играют внутренние документы (регламенты, локальные акты). Они, не являясь учредительными документами, обязательны для всех участников и членов органов корпорации, принимаются компетентными органами и содержат общие правила поведения [8]. Споры о соответствии этих документов закону, их применении или нарушении являются типично корпоративными. Закон чётко разграничивает устав и внутренние документы: устав имеет значение для третьих лиц и влияет на внешние отношения (например, на действительность сделок, если, к слову, говорим крупной сделке), тогда как внутренние документы регулируют преимущественно внутрикорпоративные отношения [8].

Следовательно, правовая природа корпоративного спора в России определяется его укорененностью в системе корпоративных отношений, характеризующихся организационным единством, основанным на членстве, и сложной структурой взаимодействия между корпорацией, её участниками и органами управления. Это предопределяет необходимость специального процессуального регулирования, учитывающего данную специфику.

В отличие от российской модели с её детальным легальным определением, в зарубежном праве, особенно в странах общего права (common law), реже встречается единая законодательная дефиниция. Понятие часто выводится доктринально из природы споров, рассматриваемых в рамках корпоративного права (corporate law). Однако в контексте международного коммерческого оборота и региональной интеграции (прежде всего, в Европейском союзе) были выработаны функциональные критерии для определения подсудности и применимого права к таким спорам.

В англосаксонской традиции, особенно в США, центральное место занимает доктрина корпоративного управления (corporate governance) и фидуциарных обязанностей (fiduciary duties) директоров и контролирующих акционеров. Корпоративные споры классифицируются пре-

жде всего по типу защищаемого интереса и соответствующему процессуальному механизму.

Первое – это производные иски (Derivative Actions). Иск, предъявляемый акционером от имени и в интересах корпорации против её директоров, должностных лиц или третьих лиц за причинение вреда самой корпорации. Ключевые процессуальные особенности: требование о предварительном обращении к совету директоров с требованием возбудить дело (demand requirement); любое удовлетворённое взыскание поступает в пользу корпорации, а не акционера-истца. Этот институт служит защите интересов корпорации при бездействии её органов.

Второе – это прямые иски (Direct Actions). Иски, предъявляемые акционерами для защиты своих личных (индивидуальных) прав, нарушенных действиями корпорации или её органов (например, о нарушении права голоса, права на получение дивидендов). Взыскание поступает непосредственно акционеру.

Третье – это иски о нарушении фидуциарных обязанностей (Breach of Fiduciary Duty). Споры о нарушении директорами или контролирующими акционерами обязанностей лояльности (duty of loyalty) и должной осмотрительности (duty of care). Сюда относятся споры о «вымораживании» миноритариев (minority freeze-outs), о сделках с заинтересованностью, о враждебных поглощениях.

Великобританский подход схож, с большим акцентом на принцип «допустимого усмотрения» (business judgment rule) и роль институциональных инвесторов. Процессуальной особенностью является специализация: в Англии сложные корпоративные споры рассматриваются в Секции предпринимательского и имущественного права Высокого суда (Business and Property Courts).

В рамках Европейского союза ключевым вектором стало выделение узкой категории споров, имеющих исключительную подсудность судам места нахождения компании. Регламент Брюссель I-bis (№ 1215/2012) в п. 2 ст. 24 относит к исключительной компетенции судов государства, где находится компания, споры, «касающиеся действительности учреждения, недействительности или роспуска компаний, других юридических лиц, а также решений их органов» [6].

Цель данной нормы – централизация юрисдикции по вопросам, затрагивающим само существование компании и легитимность её управленческих актов, для избегания противоречивых решений [12]. Суд ЕС придерживается ограничительного толкования, исключая из сферы действия этой нормы, например, иски о возмещении убытков, причинённых директорами, или споры, где вопрос о действительности решения органа возникает попутно [5].

Этот функционально-охранительный подход контрастирует с широким российским определением. Европейский законодатель фокусируется не на любом споре, «связанном с участием», а на спорах, непосредственно угрожающих стабильности юридического лица как субъекта права (создание, ликвидация) и легитимности его волеизъявления (решения органов). Все иные конфликты (между акционерами, о возмещении убытков, о сделках) подпадают под общие правила подсудности [6].

Принципы Ассоциации международного права 2002 г. предлагают более широкую, но также основанную на реальной связи концепцию. Они устанавливают множественность возможных форумов для исков против компании: государство инкорпорации, место нахождения центральной администрации, основного места деятельности, а также (в порядке специальной юрисдикции) – место, где находится филиал или осуществляется деятельность, из которой возник спор [13]. Этот подход, как отмечает А.И. Щукин, служит ориентиром для избегания «юрисдикционного вакуума» или конфликта юрисдикций в отношении транснациональных корпораций [13].

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже (МКА). Арбитраж, определяемый как частноправовой механизм разрешения споров по соглашению сторон [7], обладает рядом преимуществ для корпоративных конфликтов: конфиденциальность, гибкость процедуры, возможность привлечения специалистов в качестве арбитров, а также лучшее обеспечение признания и приведения в исполнение решений за рубежом (Нью-Йоркская конвенция 1958 г.) [7].

Правовая природа арбитража в контексте корпоративных споров может быть проанализирована через основные теоретические конструкции: договорную, процессуальную, смешанную, автономную [7]. Смешанная теория, признающая двойственную природу арбитражного соглашения (как контрактного и как процессуального акта), представляется наиболее адекватной, поскольку корпоративные споры также сочетают частные и публичные элементы. Исторически корпоративные споры выделялись в отдельную категорию арбитражного разбирательства ещё в XVIII–XIX вв. [7].

Вывод из анализа зарубежных подходов заключается в их ориентации не на формальный перечень, а на установление наиболее тесной связи (the closest connection) между спором и конкретным форумом (судом или арбитражем). Это обеспечивает предсказуемость, правовую определенность и эффективность правосудия [13]. Корпоративный спор понимается как спор, оптимально разрешимый в том форуме, который наиболее компетентен в применении соответствующего *lex societatis* (права компании).

Легальное определение, данное в ст. 225.1 АПК РФ, безусловно, сыграло положительную роль, выделив корпоративные споры в специальную процессуальную категорию и создав для них особый режим (подсудность, обеспечительные меры, публичность). Однако его анализ в свете зарубежного опыта и потребностей современного оборота позволяет выявить ряд концептуальных недостатков.

Итак, чрезмерная широта и «размытость» критерия связи. Признак — «связанность с созданием, управлением или участием» — является избыточно широким и порождает неопределенность на границах понятия. Практика Верховного Суда демонстрирует, как суды вынуждены заниматься тонким квалификационным анализом, чтобы отграничить, например, спор о предоставлении информации участнику (корпоративный) от аналогичного спора с арбитражным управляющим (некорпоративный) [3]. Европейский подход предлагает более четкие ориентиры, устанавливая исключительную подсудность только для содержания споров («о бытии» компании), а всё остальное разрешая по общим правилам. Это снижает риски злоупотребления процессуальными правами, когда любое требование к компании пытаются облечь в форму корпоративного спора.

Еще один недостаток — это игнорирование фундаментального различия между прямыми и производными исками. Российское определение не проводит этого различия, что является, по мнению многих исследователей, его фундаментальным пороком. В результате, процессуальный режим для исков о возмещении убытков, причиненных обществу директором (по сути, производных исков), не содержит таких необходимых «фильтров», как обязательное предварительное обращение к совету директоров (demand requirement) или обеспечение судебных издержек. Это открывает путь для недобросовестных исков (strike suits). Англосаксонская доктрина предлагает в этом отношении отработанный механизм защиты как интересов компании, так и добросовестных директоров.

Стоит также отметить недоучет транснационального (кросс-бордерного) элемента. Российское определение исходит из сугубо внутринациональной парадигмы. Оно не содержит коллизионных критериев и не даёт ответа, как квалифицировать спор с иностранным элементом. В условиях глобализации это серьезный пробел. Международные акты (Принципы 2002 г., Регламент Брюссель I-bis) и практика МКА изначально ориентированы на множественность форумов, предоставляя сторонам обоснованный выбор и защищая от неожиданного привлечения к суду в непредсказуемой юрисдикции [13, 14, 15].

Четвертая проблема: слабая связь с применимым материальным правом (*lex societatis*). Российская конструкция процессуально обособляет корпоративные споры, но слабо коррелирует это обособление с коллизионным регулированием. В ЕС исключительная подсудность по месту нахождения компании напрямую связана с применением национального права этого государства как *lex societatis*, что обеспечивает вынесение более квалифицированных решений [13]. В России же суд, рассматривающий корпоративный спор с иностранным элементом, будет применять коллизионные нормы ГК РФ, которые могут привести к применению иностранного права, в котором суд может быть недостаточно компетентен.

И последнее: жёсткость и недостаточная адаптивность для сложных конфликтов и арбитража. Легальный перечень может оказаться недостаточно гибким для охвата новых форм конфликтов (в холдингах, с использованием цифровых активов) [10, 12]. Более того, российское законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) устанавливает ограничения для рассмотрения корпоративных споров в арбитражах *ad hoc*, фактически сужая выбор сторон по сравнению с международной практикой, где корпоративный арбитраж (corporate arbitration) широко распространён [7]. Зарубежные доктрины (например, «снятия корпоративной вуали» для привлечения контролирующих лиц к арбитражу) предлагают более развитый инструментарий.

Напрашиваются определённые выводы:

1. Уточнить легальное определение, сместив акцент на материальный критерий: спор, вытекающий из отношений участия (членства) в корпорации или осуществления полномочий по её управлению, в котором защищается интерес, непосредственно связанный с реализацией или нарушением корпоративных прав или фидуциарных обязанностей.

2. Закрепить на законодательном уровне различие между прямыми и производными (косвенными) исками с установлением для последних специальных процессуальных требований (претензионный порядок, обеспечение издержек).

3. Ввести в АПК РФ специальный раздел или главу о подсудности трансграничных корпоративных споров, взяв за основу принципы наиболее тесной связи и множественности альтернативных форумов.

4. Либерализовать законодательство об арбитраже в части разрешения корпоративных споров, особенно с иностранным элементом, предоставив сторонам большую автономию в выборе арбитражного механизма, включая *ad hoc* арбитраж.

Для построения эффективных и дифференцированных процессуальных режимов необходима содержательная классификация корпоративных споров. Она должна вытекать из их правовой природы, целей судебной защиты и учитывать выбор между государственным судом и арбитражем.

Споры с доминирующим личным (индивидуальным) интересом участника. Сюда относятся иски о защите права на информацию [3], о выплате действительной стоимости доли/выкупной цены акций [3], об обжаловании решений органов, нарушающих конкретные права участника [11]. Процессуальный режим: близок к общим правилам искового производства. Особенности: доказывание статуса участника; для миноритарных акционеров АО — доказательство разумной деловой цели запроса информации [3]; в спорах об оспаривании решений — установление факта голосования против.

Споры с доминирующим корпоративным (коллективным) интересом (квази-производные иски). Включают иски участников о возмещении убытков, причиненных обществу действиями его органов или третьих лиц [11], иски о признании недействительными крупных сделок и сделок с заинтересованностью [11]. Процессуальный режим: должен быть усилен гарантиями против злоупотреблений. Необходимо ввести: а) обязательное досудебное обращение к совету директоров с требованием возбудить дело; б) право суда требовать обеспечения судебных издержек от истца-акционера; в) взыскание исключительно в пользу общества.

Споры, затрагивающие существование и легитимность юридического лица («споры о бытии»). Сюда входят споры о создании, реорганизации, ликвидации, оспаривании решений, влекущих изменение устава или размера уставного капитала [11]. Процессуальный режим: должен обеспечивать максимальную стабильность, оперативность и минимизацию рисков параллельных производств. Здесь обоснована исключительная подсудность по месту нахождения компании (по аналогии с ЕС). Эти споры, как правило, не подлежат передаче в арбитраж в силу значительного публичного элемента.

Обобщение практики позволяет выделить устойчивые категории:

1. Споры о предоставлении информации [3]. Ключевые обстоятельства: статус истца, объём и форма запроса, наличие конфиденциальной информации.

2. Споры о принадлежности акций (долей) и переходе прав [11]. Требуют установления цепочки титулов и анализа документов.

3. Споры об обжаловании решений органов управления [11, 12]. Предмет доказывания: нарушения порядка созыва, проведения, оформления и существенность этих нарушений.

4. Споры о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу [2, 11]. Наиболее сложная категория: требуется доказать состав правонарушения, размер убытков и причинно-следственную связь.

5. Споры о созыве общего собрания [11]. Проверка наличия востребованных в компетенции собрания и нарушенного права инициатора.

«Классификация по связи с иностранным элементом и выбору форума»: — этот критерий имеет значение для процессуального проектирования.

Внутренние споры. Все connecting factors в России. Применим специальный режим гл. 28.1 АПК РФ. Передача во внутренний третейский суд возможна, но ограничена законом.

Трансграничные споры. Имеется иностранный элемент (личный закон компании, место жительства контроллера и т.д.). Для них необходим гибридный режим, сочетающий: специальные правила подсудности с учётом коллизионных критериев (место инкорпорации, центр основных интересов); широкую возможность выбора международного коммерческого арбитража (МКА) как нейтрального и специализированного форума. Арбитражное соглашение может содержаться в уставе, акционерном или корпоративном договоре; специальные правила об обеспечительных мерах, признаваемых за рубежом; процедуры установления содержания иностранного права.

Дифференциация процессуальных режимов на основе данной классификации должна привести к созданию в АПК РФ не единого, а нескольких «векторов» рассмотрения:

1. Ускоренный (упрощенный) порядок для отдельных категорий прямых исков (например, о предоставлении информации, включении в список участников).

2. Особый порядок с повышенными гарантиями для производных (косвенных) исков.

3. Специальные правила исключительной подсудности и оперативного рассмотрения для споров «о бытии» компании.

4. Отдельный комплексный регламент для трансграничных корпоративных споров, интегрирующий нормы о международной подсудности, арбитраже и применении иностранного права.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы. Понятие корпоративного спора в российском праве, формально закрепленное в ст. 225.1 АПК РФ, представляет собой важную, но не лишённую недостатков попытку процессуального обособления конфликтов из сферы корпоративных отношений. Его содержательное наполнение в судебной практике раскрывается через триаду: специальный субъект, специфический объект (смешанные правоотношения) и конфликтный характер. Однако легальная дефиниция страдает от избыточной широты, формализма, игнорирования ключевого различия между прямыми и производными исками, а главное — полного игнорирования к реалиям транснациональных споров.

Зарубежные, и особенно европейские, подходы, не предлагая универсального определения, фокусируются на функциональных критериях установления оптимальной юрисдикции. Ключевыми являются принципы: 1) выделения ядра споров о существовании и легитимности компании для исключительной подсудности; 2) поиска наиболее тесной связи между спором и форумом; 3) стремления к совпадению компетентного суда и применимого права. Параллельно развивается практика корпоративного арбитража как эффективной альтернативы, предлагающей конфиденциальность, гибкость и международную исполнимость.

Классификация корпоративных споров по субъектному составу и интересу, предмету, а также наличию иностранного элемента является необходимой основой для построения дифференцированных процессуальных режимов. Российское арбитражное процессуальное законодательство нуждается в переходе от единого, грубого режима к системе тонко настроенных procedural tracks, адаптированных к специфике разных категорий дел. Особенно актуально создание специального процессуального регламента для трансграничных корпоративных споров, который бы гармонично интегрировал правила международной подсудности, коллизионные нормы и возможности МКА. Такой подход позволит не только повысить эффективность защиты прав в российской юрисдикции, но и интегрировать её в глобальную систему разрешения корпоративных конфликтов, отвечая вызовам современной экономики.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Ст. 225.1.
2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ».
3. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.).
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
5. Постановление Суда ЕС по делу C-551/15 «Pula Parking» (2017).
6. Регламент (ЕС) № 1215/2012 Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2012 г. о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (Брюссель I-bis). Ст. 24(2).
7. Абесадзе С.А., Андреева Т.К., Ануров В.Н. и др. Международный коммерческий арбитраж: учебник (издание второе, перераб. и доп.; под научной редакцией д.ю.н. О.Ю. Скворцова, к.ю.н. М.Ю. Савранского, к.ю.н. Г.В. Севастьянова; отв. ред. Т.А. Лунаева). — «Статут», 2018 г. С. 10–11, 18–19, 22–26, 28–33, 34–43.
8. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие (Шиткина И.С.) (4-е изд., перераб. и доп.). — «Юстицинформ», 2025 г. С. 1–6, 19, 31, 34–36, 58, 69–70.
9. Долинская В.В. Понятие корпоративных конфликтов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 4–11.
10. Матшин Д.Е. Опыт судебного правоприменения по корпоративным спорам, связанным с истребованием акций из незаконного

чужого владения, и цифровые технологии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 10. С. 43–47.

11. Нахова Е.А. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела, по отдельным категориям дел по корпоративным спорам // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 32–36.

12. Спахова Е. Обстоятельства корпоративных споров // Адвокатская газета. 2021. № 8.

13. Щукин А.И. Подсудность корпоративных споров в международных унифицированных актах // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 89–105.

14. Бенедеттелли М.В. (Benedettelli M.V.) Five Lay Commandments for the EU Private International Law of Companies // Yearbook of Private International Law. 2015/2016. Vol. XVII.

15. Фернандес Арройо Д.П. Aspectos esenciales de la competencia judicial internacional en vistas de su reglamentación interamericana // XXX-III Curso de Derecho Internacional (2006).

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF CORPORATE DISPUTES: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN APPROACHES

Khachetlov I.Kh.

Bar Association of the Kabardino-Balkarian Republic

The article is devoted to a comprehensive comparative legal analysis of the concept and legal nature of corporate disputes. The author examines the Russian legal definition enshrined in Article 225.1 of the Arbitrazh Procedure Code, revealing its content through the analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and highlighting three key elements: a special subject, a specific object, and a conflictual nature. In a comparative perspective, the approaches of common law countries (with an emphasis on the distinction between direct and derivative actions) and the European Union (exclusive jurisdiction at the company's seat) are considered. Based on the identified systemic shortcomings of the Russian definition (excessive breadth, disregard for the distinction between direct and derivative actions, insufficient consideration of the transnational element), the author proposes directions for improving procedural regulation. These include clarifying the definition, legislating differentiated procedural regimes, and developing rules for cross-border disputes.

Keywords: corporate disputes, comparative legal analysis, procedural law, derivative action / derivative suit, jurisdiction, procedural specifics, arbitrazh court.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended on April 1, 2025). Article 225.1.
2. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2011, No. 144, "On Certain Issues of the Practice of Arbitration Courts in Considering Disputes Regarding the Provision of Information to Participants of Business Entities."
3. Summary of Judicial Practice on Corporate Disputes Regarding the Provision of Information by Business Entities (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2023).
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30 July 2013 No. 62 "On Certain Issues of Compensation for Damages by Persons Part of the Bodies of a Legal Entity".
5. Judgment of the Court of Justice of the EU in Case C-551/15 "Pula Parking" (2017).
6. Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (Brussels I bis). Art. 24(2).
7. Abesadze S.A., Andreeva T.K., Anurov V.N. and others. International Commercial Arbitration: textbook (second edition, revised and expanded; edited by Doctor of Law O. Yu. Skvortsov, Candidate of Law M. Yu. Savransky, Candidate of Law G.V. Sevastyanov; responsible editor T.A. Lunaev). — "Statut", 2018. Pp. 10–11, 18–19, 22–26, 28–33, 34–43.
8. Corporate Law in Tables and Diagrams: a teaching aid (Shitkina I.S.) (4th edition, revised and expanded). — "Yustitsinform", 2025. Pp. 1–6, 19, 31, 34–36, 58, 69–70.
9. Dolinskaya V.V. The Concept of Corporate Conflicts // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2010. No. 6. Pp. 4–11.
10. Matshchin D.E. Experience of Judicial Law Enforcement in Corporate Disputes Related to the Recovering of Shares from Illegal Possession, and Digital Technologies // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2020. No. 10. Pp. 43–47.
11. Nakhova E.A. Circumstances Relevant for the Consideration and Resolution of the Case, for Certain Categories of Cases on Corporate Disputes // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2016. No. 4. Pp. 32–36.
12. Spakhova E. Circumstances of Corporate Disputes // Advocate Newspaper. 2021. No. 8.
13. Shchukin A.I. Jurisdiction of Corporate Disputes in International Uniform Acts // Journal of Russian Law. 2021. No. 9. Pp. 89–105.
14. Benedettelli M.V. Five Lay Commandments for the EU Private International Law of Companies // Yearbook of Private International Law. 2015/2016. Vol. XVII.
15. Fernandez Arroyo D.P. Aspects of Essential International Judicial Competence in Interamerican Courts // XXXIII Curso de Derecho Internacional (2006).

Чикирка Екатерина Владимировна,

аспирант юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа (Национального исследовательского института) имени И.М. Губкина

Статья посвящена анализу правовой природы налога на сверхприбыль и оценке его соответствия конституционным принципам налогообложения, включая запрет на ретроспективное применение норм и недопустимость двойного налогообложения, а также рассматривается проблематика коллизии между сроками применения норм. Кроме того, исследуется зарубежная практика взимания аналогичных единовременных платежей и тенденция к расширению применения разовых налогов в России в условиях бюджетного дефицита и трансформации налоговой системы.

Ключевые слова: налог на сверхприбыль, налогообложение, налог на прибыль юридических лиц, коллизия, ретроспективное налогообложение

Current Russian legislation envisages a direct prohibition on the retrospective application of legal provisions if such application worsens the taxpayers' standing. This prohibition, established by Article 57 of the Constitution of the Russian Federation¹ (hereinafter referred to as the RF), excludes the "retroactivity" of newly introduced payments for periods preceding the year of their entry into force.

Also, according to generally accepted principles of taxation, double taxation of the same object – profit – is not allowed.

However, due to the budget deficit and the need to replenish the state treasury in 2023, the Federal Law "On Tax on Excess Profits" No. 414-FZ dated August 4, 2023 (hereinafter referred to as Federal Law No. 414), which provides for the collection of a one-time tax payment on the profits of organizations. The object of taxation for the excess profit tax "is the excess of the arithmetic average profit for 2021 and 2022 over the arithmetic average profit for 2018 and 2019"² if it exceeds RUB1 billion.

At the same time, small and medium-sized enterprises, oil and gas companies, construction companies, and credit institutions were exempted from the excess profit tax.

However, in September 2025, a new proposal³ was introduced to the State Duma of the Federal Assembly of the RF on imposing an excess profits tax on previously exempted companies of the financial industry. At the moment, the date for the first review of the proposal has not been set.

Thus, the introduction of an excess profits tax in the RF raises a variety of questions.

Compliance of the introduction of an excess profits tax with the provisions of the Constitution and the principle of non-double taxation

According to the Article 3 of Federal Law No. 414, the basis for calculating the amount of excess profits earned in 2018–2019 and 2021–2022 is the tax base for calculating corporate income tax in those periods⁴.

Based on the above, the excess profit tax implies partial repeated taxation of the same object, practically increasing the effective tax rate.

However, such taxation cannot be recognized as double taxation, since the essential conditions of the excess profit tax and the corporate income tax – the tax base and the tax rate – are not identical. In particular, the corporate income tax rate applicable at the time of levying the excess profit tax was 20%, which is 10% higher than the excess profit tax rate.

The deadline for paying the excess profit tax for organizations was set for January 28, 2024. At the same time, taxpayers had the opportunity to reduce the tax payable using a tax deduction. Thus, according to Article 6 of Federal Law No. 414, taxpayers seeking to reduce the amount of excess profit tax payable in 2024 were required to make a security payment of no more than 50% of the tax amount between October 1 and November 30, 2023.

Thus, for example, if a taxpayer made a security payment of 30% of the tax amount within the specified period, the final payment should have been reduced to 70%. Simultaneously, only 40% would have been additionally payable, since the security payment should be recognized as payment of the tax liability⁵.

However, according to Article 9 of Federal Law No. 414, the provisions of the law on excess profit tax came into force on January 1, 2024. This creates a collision between the dates of introduction of the tax and the dates of its partial payment.

¹ "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved by nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, July 4, 2020

² Federal Law No. 414-FZ of August 4, 2023 (as amended on August 8, 2024) "On the Tax on Excess Profits" // "Collection of Legislation of the Russian Federation," August 7, 2023, No. 32 (Part I), Art. 6146

³ Draft Law No. 1019794-8 "On Tax on Excess Profits of Banks" // URL: No. 1019794-8 Draft Law:: Legislative Activity Support System

⁴ Federal Law No. 414-FZ of August 4, 2023 (as amended on August 8, 2024) "On the Tax on Excess Profits" //

"Collection of Legislation of the Russian Federation," August 7, 2023, No. 32 (Part I), Art. 6146

⁵ Letter from the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 13.10.2023 No. 03–03–06/1/97405 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407716493/>

In fact, taxpayers who made a security payment and exercised their right to a deduction fulfilled their tax liability retrospectively at a time when such tax did not yet exist.

Despite the provisions of Article 57 of the Constitution of the Russian Federation, which prohibits the retrospective application of norms, the provision on the need to make a security payment is not a violation. This is justified by the fact that this regulation is not mandatory but discretionary in nature, i.e., the possibility of paying a security payment remains at the discretion of the taxpayer.

Thus, based on the practice of application and legal structure of Federal Law No. 414, the introduction of a tax on excess profits does not contradict national and generally accepted principles of taxation.

Considering this tax from the point of view of expediency, the economic effect in 2023 from the introduction of this tax is estimated at 315.5 billion rubles, or 16.4% of the volume of income tax revenues (excluding the excess profit tax)¹.

It should also be noted that the practice of introducing one-off tax payments is widespread in many countries and economic periods.

For example, at the end of the 20th century, the UK introduced a so-called "windfall tax" for taxpayers who privatized a number of state-owned companies between 1982 and 1993 (e.g., British Airport Authority, British Gas, British Telecom). The basis for calculation was the "net profit for the first four years after privatization, and the tax was levied on the difference between this amount and the market capitalization. The introduction of such a tax allowed the treasury to be replenished by more than £5.2 billion."²

Probability of a tendency for introducing other one-time tax payments and fees for other taxpayer groups

Following on from the analysis of the excess profits tax levied in 2024, the initiative of imposing a similar tax on taxpayers in the banking and financial industry should be scrutinized.

According to Bill No. 1019794–8, taxpayers subject to this tax are credit institutions that are recognized as banks in accordance with Federal Law No. 395–1 of December 2, 1990, "On Banks and Banking Activities."

The new tax is proposed to be levied on excess profits earned by taxpayers and calculated as "the excess of the arithmetic average profit for 2023–2024 over the arithmetic average profit for 2022–2021."

At the same time, the bill does not provide for a minimum threshold for excess profits, as is the case, for example, with the tax as of 2024 in the amount of RUB1 billion.

Also, the new bill does not provide for the possibility of a tax deduction. Based on this, the full amount of the tax must be paid to the budget by January 28, 2026.

Thus, if this bill is approved, it is possible that the introduction of such one-time payments will become regular, including by extending them to other groups of taxpayers and types of income (e.g., personal income tax).

The repeated introduction of a tax on excess profits highlights the instability of Russian tax legislation, particularly in light of the large-scale tax reform of 2025, but at the moment it is impossible to assess the probability of the practice of one-off payments becoming established.

Current Russian legislation explicitly prohibits the retrospective application of legal norms if such application worsens the position of taxpayers. This prohibition, established by Article 57 of the Constitution of the Russian Federation³ (hereinafter referred to as the RF), excludes the "retroactivity" of newly introduced payments for periods preceding the year of their implementation.

Furthermore, according to generally accepted tax principles, double taxation of the same object-profit is not permitted.

However, due to budgetary shortages and the need to replenish the state treasury, Federal Law No. 414-FZ of August 4, 2023 (hereinafter referred to as Federal Law No. 414) was adopted in 2023. It provides for a one-time tax payment on organizational profits. The object of excess profit taxation is "the excess of the arithmetic mean profit for 2021 and 2022." "over the average arithmetic profit for 2018 and 2019"⁴ if it exceeds 1 billion rubles.

¹ Ivanov A.Yu., Subbota K.P. Assessment of the economic feasibility of applying a windfall tax in the Russian Federation // Auditing Gazette. 2024. No. 4. Pp. 191–198. https://doi.org/10.24412/1727-8058-2024_4-191-198. EDN: <https://elibrary.ru/GLVHLN>.

² Sharov A.A. Issues in the Theory and Practice of Excess Profit Tax in Russia and Abroad // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2024. No. 66. Pp. 88–99. doi: 10.17223/19988648/66/6

³ "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020

⁴ Federal Law of 04.08.2023 N 414-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Excess Profit Tax" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07.08.2023, N 32 (Part I), Art. 6146

At the same time, small and medium-sized enterprises, oil and gas companies, real estate developers, and credit institutions were exempt from excess profit tax.

However, in September 2025, a bill⁵ introducing an excess profit tax for previously exempt financial sector companies was submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Currently, the date for the bill's first reading has not been set.

Thus, the introduction of an excess profit tax in the Russian Federation raises a number of questions.

Is the introduction of an excess profit tax consistent with the Constitution and the principle of the inadmissibility of double taxation?

According to Article 3 of Federal Law No. 414, the basis for calculating excess profits earned in 2018–2019 and 2021–2022 is the tax bases for calculating corporate income tax in those periods⁶.

Based on the above, the excess profit tax implies partial double taxation of the same object, effectively increasing the effective tax rate. However, such taxation cannot be considered double taxation, since the essential elements of the excess profit tax and the corporate income tax – the tax base and the tax rate – are not identical. Specifically, the corporate income tax rate in effect at the time the excess profit tax was levied was 20%, which is 10% higher than the excess profit tax rate.

The deadline for paying the excess profit tax for organizations was set for January 28, 2024. However, taxpayers had the option of reducing the tax payable through a tax deduction. Thus, according to Article 6 Federal Law No. 414 requires taxpayers wishing to reduce the amount of excess profit tax payable in 2024 to implement.

A security payment of no more than 50% of the tax amount for the period from October 1 to November 30, 2023.

Therefore, for example, if a taxpayer made a security payment of 30% of the tax amount within the specified timeframe, the final payment should have been reduced to 70%. However, only 40% would have been subject to additional payment, since the security payment must be recognized as payment of the tax liability⁷.

However, according to Article 9 of Federal Law No. 414, the provisions of the excess profit tax law entered into force on January 1, 2024. Therefore, a conflict arises between the tax introduction deadline and the deadline for partial payment.

In effect, taxpayers who made a security deposit and exercised their right to a deduction fulfilled their income tax liability retrospectively, at a time when such a tax did not yet exist.

Despite the provisions of Article 57 of the Constitution of the Russian Federation, which prohibits the retrospective application of provisions, the requirement to make a security deposit does not constitute a violation. This is justified by the fact that this provision is not mandatory but optional, meaning the ability to pay a security deposit remains at the taxpayer's discretion.

Thus, based on the practical application and legal structure of Federal Law No. 414, the introduction of the excess profit tax does not conflict with national and generally accepted tax principles.

Considering the feasibility of this tax, the economic impact in 2023 from its introduction is estimated at 315.5 billion rubles, or 16.4% of corporate income tax revenue (excluding excess profit tax)⁸.

It should also be noted that the practice of introducing one-time tax payments is widespread in many countries and economic periods.

For example, at the end of the 20th century, the United Kingdom introduced the so-called "windfall tax" for taxpayers who privatized a number of state-owned companies between 1982 and 1993 (e.g., the British Airport Authority, British Gas, and British Telecom). The calculation was based on "net profit for the first four years after privatization, with the tax assessed on the difference between this amount and market capitalization. The introduction of this tax contributed more than £5.2 billion to the treasury."⁹

⁵ Federal Law of August 4, 2023 No. 414-FZ (as amended on August 8, 2024) "On the Excess Profit Tax" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", August 7, 2023, No. 32 (Part I), Art. 6146

⁶ Federal Law of August 4, 2023 No. 414-FZ (as amended on August 8, 2024) "On the Excess Profit Tax" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", August 7, 2023, No. 32 (Part I), Art. 6146

⁷ Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 13, 2023, No. 03-03-06/1/97405 // URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407716493/>

⁸ Ivanov A.Yu., Subbota K.P. Assessing the Economic Feasibility of Applying the Excess Profit Tax in the Russian Federation // Audit Reports. 2024. No. 4. Pp. 191–198. https://doi.org/10.24412/1727-8058-2024_4-191-198. EDN: <https://elibrary.ru/GLVHLN>.

⁹ Sharov A.A. Problems of the Theory and Practice of Excess Profit Tax in Russia and Abroad // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2024. No. 66. Pp. 88–99. doi: 10.17223/19988648/66/6

3. The likelihood of a trend toward introducing other one-time tax payments and fees for other groups of taxpayers.

In continuation of the analysis of the excess profit tax levied in 2024, it is worth examining the initiative to introduce a similar tax for taxpayers in the banking and financial sectors.

According to Bill No. 1019794–8, taxpayers of this tax are recognized as credit institutions that are banks in accordance with Federal Law No. 395–1 of December 2, 1990, “On Banks and Banking Activities.”

The new tax is proposed to be imposed on excess profits received by taxpayers, calculated as “excess of average the arithmetic value of profit for 2023–2024 over the average arithmetic value of profit for 2022–2021.”

However, the bill does not provide for a minimum excess profit threshold, as is the case with the 2024 tax of 1 billion rubles.

Furthermore, the new bill does not provide for a tax deduction. Therefore, the full tax amount must be paid to the budget by January 28, 2026.

Therefore, if this bill is approved, it is possible that the introduction of such one-time payments will become regular, including by extending it to other taxpayer groups and types of income (for example, personal income tax).

The repeated introduction of excess profit taxes highlights the instability of Russian tax legislation, particularly in light of the large-scale tax reform planned for 2025. However, it is currently impossible to assess the likelihood of the one-time payment practice becoming entrenched.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет– портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020
2. Федеральный закон от 04.08.2023 N 414-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О налоге на сверхприбыль» // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2023, N 32 (Часть I), ст. 6146
3. Законопроект № 1019794–8 «О налоге на сверхприбыль банков» // URL: № 1019794–8 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности
4. Письмо Минфина РФ от 13.10.2023 № 03–03–06/1/97405 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407716493/>
5. Иванов А.Ю., Суббота К.П. Оценка экономической целесообразности применения налога на сверхприбыль в Российской Фе-

дерации // Аудиторские ведомости. 2024. № 4. С. 191–198. <https://doi.org/10.24412/1727–8058–20244–191–198>. EDN: <https://elibrary.ru/GLVHLN>.

6. Шаров А.А. Проблематика теории и практики налога на сверхприбыль в России и за рубежом // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 66. С. 88–99. doi: 10.17223/19988648/66/6

ASSESSMENT OF THE PERSPECTIVES FOR REGULAR TAXATION OF EXCESS PROFITS: PHENOMENON OR TREND

Chikirka E.V.

Russian State University of Oil and Gas (National Research Institute) named after I.M. Gubkin

The article is focused on analyzing the legal nature of the excess profit tax and assessing its compliance with constitutional taxation principles, including the prohibition of retroactive application of rules and the inadmissibility of double taxation, as well as examining the issue of conflict between the terms of application of rules. Furthermore, it examines foreign practices of levying similar one-time taxes and the trend toward expanding the application of one-time taxes in Russia in the context of budget deficits and tax system reform.

Keywords: excess profit tax, taxation, corporate income tax, collision, retroactive taxation

References

1. “Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved by nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, July 4, 2020
2. Federal Law No. 414-FZ of August 4, 2023 (as amended on August 8, 2024) “On the Tax on Excess Profits” // “Collection of Legislation of the Russian Federation,” August 7, 2023, No. 32 (Part I), Art. 6146
3. Draft Law No. 1019794–8 “On Tax on Excess Profits of Banks” // URL: No. 1019794–8 Draft Law:: Legislative Activity Support System
4. Letter from the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 13.10.2023 No. 03–03–06/1/97405 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407716493/>
5. Ivanov A.Yu., Subbota K.P. Assessment of the economic feasibility of applying a windfall tax in the Russian Federation // Auditing Gazette. 2024. No. 4. Pp. 191–198. <https://doi.org/10.24412/1727–8058–2024 4–191–198>. EDN: <https://elibrary.ru/GLVHLN>.
6. Sharov A.A. Issues in the Theory and Practice of Excess Profit Tax in Russia and Abroad // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2024. No. 66. Pp. 88–99. doi: 10.17223/19988648/66/6

Получение взятки: современные проблемы дифференциации уголовной ответственности и пенализации

Валтиев Антон Владиславович,

аспирант кафедры публичного и уголовного права Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет»

E-mail: valtiev91@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу современных проблем уголовно-правового регулирования ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) в контексте институтов дифференциации и пенализации. На основе изучения актуальных научных исследований, включая материалы диссертационного исследования Амосовой А.А. и отчет о научно-исследовательской практике автора, выявляются системные противоречия в конструкции квалифицирующих признаков и санкций рассматриваемого состава. Автор критически оценивает действующую модель дифференциации ответственности, указывая на её формальный характер и недостаточную связь с реальным причиняемым вредом. Особое внимание уделяется неэффективности сложившейся системы наказаний, в которой сохраняется доминирование лишения свободы при декларативности альтернативных мер имущественного характера. В статье обосновывается необходимость пересмотра философии пенализации взяточничества в сторону расширения применения кратных штрафов и обязательной конфискации имущества. На основе принципов системности, соразмерности и эффективности предлагается комплекс мер *de lege ferenda* и *de lege lata*, направленных на гармонизацию отечественного законодательства с международными стандартами и повышение превентивного потенциала уголовного закона.

Ключевые слова: получение взятки, дифференциация уголовной ответственности, пенализация, квалифицирующие признаки, система наказаний, конфискация имущества, кратный штраф, антикоррупционная политика.

Введение

Проблема противодействия коррупции, и в частности её наиболее типичному и общественно опасному проявлению – взяточничеству, остается одним из ключевых вызовов для правовой системы Российской Федерации. Несмотря на последовательную законодательную активность, выражающуюся в принятии ряда Национальных планов и концепций, а также в периодическом ужесточении санкций, уровень социального восприятия коррупции и её латентность свидетельствуют о недостаточной эффективности применяемых уголовно-правовых мер. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, одним из центральных элементов этой системы является институт уголовной ответственности за получение взятки, эффективность которого напрямую зависит от логичности его внутренней структуры – дифференциации составов и адекватности установленных за них наказаний (пенализации) [1, с. 44].

Целью настоящей статьи является анализ современных проблем дифференциации ответственности и пенализации получения взятки по ст. 290 УК РФ, а также разработка на этой основе научно обоснованных предложений по оптимизации соответствующих норм. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой, метод анализа судебной практики и статистических данных, что позволило рассмотреть объект исследования в системном единстве догматических конструкций и социально-правовой реальности.

Дифференциация ответственности за получение взятки: критика действующей модели

Дифференциация уголовной ответственности представляет собой законодательное установление различных правовых последствий в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного и иных влияющих на меру государственного принуждения обстоятельств [2, с. 5]. В конструкции ст. 290 УК РФ данный принцип реализован через систему основного (ч. 1) и квалифицированных (ч. 2–6) составов. Критериями дифференциации выступают размер взятки, статус субъекта (должность), способ совершения (вымогательство) и наличие группы лиц.

Однако, как показывает анализ научной литературы и правоприменительной практики, данная модель содержит существенные системные изъяны. Во-первых, вызывает серьезную критику формальный критерий размера взятки («крупный», «особо крупный»). По мнению А.Ю. Евсеевой, фиксированные суммы слабо коррелируют с реальным ущербом, причиняемым преступлением, особенно в сферах, где вред имеет не только имущественный, но и управленческо-репутационный характер [3, с. 47]. Это подтверждается и в отчете о научно-исследовательской практике автора, где указывается на необходимость увязки размера взятки с контекстом, например, с объемом заключаемого госконтракта [4, с. 34].

Во-вторых, сохраняется проблематичность квалификации признака «вымогательство взятки» (ч. 5 ст. 290 УК РФ). В.Н. Гусев, анализируя судебную практику, отмечает размытость границ между вымогательством и активным получением взятки, что ведет к субъективному усмотрению правоприменителя [5, с. 42]. Данная проблема актуализирует необходимость законодательного закрепления четких критериев, отграничивающих реальную угрозу от настойчивой просьбы.

В-третьих, в системе квалифицирующих признаков обнаруживаются содержательные пробелы. В исследовании Амосовой А.А. обосновывается целесообразность выделения специального состава для получения взятки в сфере государственных и муниципальных закупок, где вред состоит не только в подкупе, но и в неэффективном расходовании бюджетных средств и подрыве конкурентных принципов [6, с. 121]. Отсутствие такой дифференциации снижает способность уголовного закона адекватно реагировать на специфические высокоопасные коррупционные практики.

Таким образом, действующая система дифференциации, будучи в целом логичной, страдает формализмом, содержит спорные квалифицирующие признаки и не охватывает ряд современных высокоопасных форм взяточничества, что снижает её справедливость и предупредительный потенциал.

Пенализация получения взятки: дисбаланс карательной и превентивной функций

Пенализация – процесс законодательного установления видов и размеров наказания за конкретное преступление – является материальным выражением оценки его общественной опасности. Анализ санкций ст. 290 УК РФ позволяет констатировать наличие ряда дисфункций.

Главной проблемой остается сохраняющаяся ориентация системы наказаний на длительные сроки лишения свободы, особенно по квалифицированным составам. В условиях кризиса пенитенциарной системы и сомнительной эффективности длительной изоляции в отношении коррупционеров такой подход выглядит анахронизмом. Как отмечает Н.С. Петрова, альтернативные наказания, в частности штраф, применяются редко и в минимальных размерах, не создающих реального сдерживающего эффекта [7, с. 80].

Ключевым недостатком является разрыв между размером взятки и размером штрафа. В.И. Федотов аргументированно указывает, что для изъятия криминальной выгоды и создания действенного превентивного барьера штраф должен исчисляться в кратном размере к сумме взятки (например, в 10-, 30- или 50-кратном), а не быть фиксированной суммой или определяться исходя из заработка осужденного [8, с. 17]. Зарубежный опыт (Великобритания, США) подтверждает эффективность именно кратных штрафов в борьбе с корыстной мотивацией.

Еще одним слабым звеном остается институт конфискации имущества. Несмотря на её закрепление в законе, применение носит факультативный и зачастую формальный характер. А.С. Платонов подчеркивает, что эффективная конфискация, включая расширенную (субсидиарную), является краеугольным камнем международных антикоррупционных стандартов (Конвенция ООН против коррупции, Директива ЕС 2014/42/ЕС) и должна стать обязательным элементом наказания за квалифицированные виды получения взятки [9, с. 80; 10].

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует общемировую тенденцию смещения акцента с лишения свободы на меры имущественного характера – конфискацию и крупные штрафы, а также на распространение ответственности на юридических лиц [4, с. 17–18]. Российское законодательство в этой части отстает, сохраняя архаичный перекос в сторону карательной, а не превентивно-восстановительной функции наказания.

Принципы и направления оптимизации ответственности за получение взятки

На основе критического анализа действующего регулирования и с учетом выводов, содержащихся в исследованиях Амосовой А.А., представляется возможным сформулировать авторский подход к реформированию ст. 290 УК РФ, основанный на принципах системности, соразмерности и эффективности.

Принцип системности требует рассмотрения квалифицирующих признаков и санкций как единой, логически непротиворечивой конструкции. В этом ключе необходимо:

1. Ввести специальный квалифицирующий признак – «получение взятки в сфере государственных (муниципальных) закупок, размещения заказа или распоряжения публичным имуществом».

2. Детализировать в законе понятие «вымогательство взятки», закрепив объективные критерии, связанные с наличием реальной угрозы законным интересам дающего.

3. Рассмотреть вопрос о дифференциации ответственности за «бытовую» коррупцию в социальной сфере, где вред общественному доверию может быть не менее значимым, чем прямой материальный ущерб.

Принцип соразмерности предполагает установление адекватной связи между тяжестью деяния и строгостью наказания. Для его реализации требуется:

1. Провести аудит санкций всех частей ст. 290 УК РФ, устранив внутренние диспропорции (например, между наказаниями за крупный и особо крупный размер).

2. Оценить соразмерность наказаний за взяточничество по сравнению с иными корыстными и должностными преступлениями для обеспечения единых стандартов уголовной репрессии.

Принцип эффективности ориентирует на выбор таких мер ответственности, которые реально способствуют достижению целей наказания. Ключевыми шагами должны стать:

1. Реформа штрафа: Закрепить в санкциях ст. 290 УК РФ штраф, исчисляемый в кратном (от 10-кратного до 100-кратного) размере к сумме полученной взятки, в качестве основного или равнозначного альтернативного наказания.

2. Усиление конфискации: Превратить конфискацию имущества, приобретенного на средства от взятки, а также доходов, эквивалентных её сумме, в обязательную дополнительную меру наказания по всем квалифицированным составам. Имплементировать институт расширенной конфискации.

3. Ответственность юридических лиц: Разработать и внедрить эффективную модель уголовной или строгой административной ответственности организаций за взяточничество, совершенное в их интересах, что соответствует требованиям Конвенции ООН против коррупции.

Реализация данных мер *de lege ferenda* должна быть подкреплена мерами по оптимизации правоприменения (*de lege lata*): принятием детализированного постановления Пленума ВС РФ, разработкой современных методик расследования с акцентом на финансовый анализ, введением аналитического учета судебной статистики для мониторинга эффективности новелл.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная модель уголовной ответственности за получение взятки, закрепленная в ст. 290 УК РФ, нуждается в существенной модернизации. Существующая система дифференциации, основанная на формальных и не всегда логичных критериях, не в полной мере отражает спектр и специфику общественной опасности различных проявлений взяточничества. Сложившаяся пенализация, с доминированием лишения свободы и декларативными имущественными санкциями, не отвечает требованиям соразмерности и эффективности, отставая от современных международных стандартов, делающих акцент на изъятии криминальной выгоды.

Выход из сложившейся ситуации видится не в точечных ужесточениях, а в концептуальном реформировании подхода к криминализации и наказанию взяточничества. Предлагаемые направления оптимизации, основанные на принципах системности, соразмерности и эффективности и развивающие идеи, содержащиеся в работах Амосовой А.А. и других исследователей, нацелены на создание сбалансированной, логичной и социально адекватной модели. Такой подход предполагает содержательное уточнение квалифицирующих признаков, радикальный пересмотр системы наказаний в пользу кратных штрафов и обязательной конфискации, а также гармонизацию с международным правом. Только комплексная реформа, затрагивающая как законодательную, так и правоприменительную плоскость, способна повысить превентивный потенциал уголовного закона и обеспечить реализацию базового принципа: коррупция не должна быть выгодной.

Литература

1. Кузнецова М.Ю. Взятка как преступление: особенности квалификации и преследования // Уголовное право. 2020. № 3. С. 44–49.
2. Амосова А.А. Дифференциация уголовной ответственности за коррупционные преступления: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 210 с.
3. Евсеева А.Ю. Взятка как форма коррупционного преступления // Право и безопасность. 2015. № 4. С. 45–50.
4. Вальтиев А.В. Отчет по научно-исследовательской практике аспиранта / Сургутский государственный университет. Сургут, 2025. 48 с.
5. Гусев В.Н. Судебная практика по делам о взятках // Судебный вестник. 2018. № 5. С. 40–45.
6. Амосова А.А. Уголовно-правовые меры противодействия коррупции в сфере государственных закупок // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 118–125.
7. Петрова Н.С. Механизмы противодействия взятке в современной России // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–85.
8. Федотов В.И. Коррупция и взятка: юридические аспекты // Российский адвокат. 2018. № 4. С. 12–20.
9. Платонов А.С. Механизмы профилактики коррупции в сфере госслужбы // Вестник федеральных органов исполнительной власти. 2020. № 2. С. 77–83.
10. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2022).
12. United Nations Convention against Corruption (2003).

RECEIVING A BRIBE: MODERN ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY DIFFERENTIATION AND PENALIZATION

Valtiev A.V.

Surgut State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the current problems of criminal law regulation of liability for receiving a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the context of the institutions of differentiation and penalization. Based on the study of current scientific research, including the materials of the dissertation research of Amosova A.A. and the report on the author's research practice, systemic contradictions in the design of the qualifying features and sanctions of the considered offense are identified. The author critically evaluates the current model of differentiation of liability, pointing out its formal nature and insufficient connection with the actual harm caused. Special attention is paid to the ineffectiveness of the current system of punishments, which continues to be dominated by imprisonment, while alternative measures of a property nature remain declarative. The article substantiates the need to revise the philosophy of penalizing bribery in the direction of expanding the use of multiple fines and mandatory confiscation of property. Based on the principles of consistency, proportionality, and effectiveness, the article proposes a set of *de lege ferenda* and *de lege lata* measures aimed at harmonizing domestic legislation with international standards and enhancing the preventive potential of criminal law.

Keywords: receiving a bribe, differentiation of criminal liability, penalization, qualifying features, system of punishments, confiscation of property, multiple fines, and anti-corruption policy.

References

1. Kuznetsova M. Yu. Bribery as a Crime: Features of Qualification and Prosecution // Criminal Law. 2020. No. 3. Pp. 44–49.
2. Amosova A.A. Differentiation of Criminal Liability for Corruption Crimes: Theoretical and Practical Issues: Dissertation ... Candidate of Law. Moscow, 2023. 210 p.
3. Evsev'eva A. Yu. Bribery as a Form of Corruption Crime // Law and Security. 2015. No. 4. Pp. 45–50.
4. Valtiev A.V. Report on Research Practice of Postgraduate Student / Surgut State University. Surgut, 2025. 48 p.
5. Gusev V.N. Judicial Practice on Bribery Cases // Judicial Bulletin. 2018. No. 5. Pp. 40–45.
6. Amosova A.A. Criminal Law Measures to Counter Corruption in the Field of Public Procurement // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 4. Pp. 118–125.
7. Petrova N.S. Mechanisms for Countering Bribery in Modern Russia // Journal of Russian Law. 2019. No. 6. Pp. 78–85.
8. Fedotov V.I. Corruption and Bribery: Legal Aspects // Russian Lawyer. 2018. No. 4. Pp. 12–20.
9. Platonov A.S. Mechanisms for Preventing Corruption in the Public Service // Bulletin of Federal Executive Authorities. 2020. No. 2. Pp. 77–83.
10. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union.
11. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13 June 1996 (as amended on 1 July 2022).
12. United Nations Convention against Corruption (2003).

К вопросу о явлении уголовно-правового компромисса в современной теории и практике уголовного права

Галатов Александр Андреевич,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления РАНХиГС

E-mail: galatov.2000@gmail.com

В статье рассмотрен актуальный вопрос действующего уголовного законодательства и практики его применения – формирование и функционирование института уголовно-правового компромисса. Анализируя доктринальные определения указанной дефиниции, автор приходит к выводу, что уголовно-правовой компромисс представляет собой многоаспектное явление, содержание которого лишь стоит определить современной науке уголовного права. При этом, на основе анализа теоретических подходов и судебной практики применения оснований освобождения от уголовной ответственности, автор делает вывод, что обязательными условиями существования уголовно-правового компромисса должны выступать реальность реализации нормы (приемлемые условия для обеих сторон конфликта), а также потенциальная возможность практического применения установленного законом способа (средства), чему должна способствовать судебная практика. В заключении автор приводит авторский подход к определению понятия института уголовно-правового компромисса как совокупности предусмотренных в уголовном законе и реализуемых на практике способов и средств, позволяющих смягчить (прекратить) уголовно-правовое воздействие на лицо по отдельному преступному деянию взамен на социально-полезное активное посткриминальное поведение.

Ключевые слова: уголовно-правовой компромисс, уголовно-правовой конфликт, освобождение от уголовной ответственности, эффективность наказания, уголовно-правовое воздействие.

Применение к лицу, совершившему преступление, уголовного наказания преследует определенные цели, обозначенные законодателем. В частности, из части 2 статьи 43 УК РФ следует, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Первая цель наказания является достаточно абстрактной, но достижение двух других целей потенциально возможно зафиксировать в объективных показателях. Так, А.И. Чучаев полагает, что цель наказания в виде исправления считается достигнутой, если осужденный перестает быть рецидивоопасным, т.е. не совершает новых преступлений [7, с. 141]. Однако, именно реальное достижение указанной цели наказания в Российской Федерации ставится под сомнение, что подтверждается анализом показателей рецидивной преступности.

Согласно статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2025 года было осуждено 215 749 лиц. Из них 71 353 лица или 33% имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения, а 16 831 лицо (7,8%) имели снятую и погашенную судимость на момент судебного рассмотрения¹. Соответственно, 40,8% осужденных ранее когда-либо совершали преступление и им назначалось наказание. Ввиду того, что данный показатель лиц среди числа всех осужденных составляет немного меньше половины всех осужденных, это даёт основания усомниться в эффективности применения такой меры государственного принуждения как наказание для достижения цели исправления осужденного. Именно поэтому в настоящее время законодатель активно внедряет и развивает в уголовном законодательстве нормы, которые можно идентифицировать в качестве частных примеров явления уголовно-правового компромисса.

В юридической науке подход к понятию уголовно-правового компромисса является неоднозначным, что закономерно ввиду отсутствия легального определения данного явления. Так, А.И. Терских считает, что под уголовно-правовым компромиссом стоит понимать отношение, которое возникает между лицом, совершившим преступление, и государством по поводу совершенного преступления, в результате которого достигается соглашение о прекращении (смягчении) уголовно-правового воздействия со стороны государства на преступника в пределах уголовно-правовой нормы в обмен на совершение последним определенных в законе положительных посткриминальных действий [6, с. 88]. Из указанного определения дефиниции следует, что уголовно-правовой компромисс есть некая особая сделка в рамках уголовно-правового поля, по которой государство снижает уровень уголовно-правового воздействия на лицо (в виде наказания или, в целом, уголовной ответственности) взамен на определенные действия со стороны лица. Стоит отметить, что действия лица зачастую свидетельствуют о достижении определенных целей, обозначенных в ст. 43 УК РФ. Исходя из этого вытекает и социальная обусловленность указанного вида компромисса.

Представляется, что определение уголовно-правового компромисса через понятие сделки соответствует характеру данного правоотношения. Ввиду закона смягчение уголовно-правовых последствий для лица, совершившего деяние и в последующем осуществив акт положительного постпреступного поведения, – это не выбор правоприменителя, а его обязанность. Если одна сторона выполнила свои обязанности в полном объеме, то и у другой стороны появляется обязанность выполнить указания закона. Однако, сразу стоит отметить, поскольку такого рода действия осуществляются в рамках уголовно-правового поля, то и такие отношения по своей природе не являются собственно сделкой в гражданско-правовом смысле. Скорее они представляют собой особые правоотношения, имеющие характер уголовно-правовой сделки.

В аналогичном ключе уголовно-правовой компромисс определяют и иные авторы [8, с. 257]. Так, А.П. Фильченко рассмотрел уголовно-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2025 года: № 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303> (дата обращения: 04.11.2025).

правовой компромисс в качестве способа воздействия на общественные отношения, т.е. метод правового регулирования. И такой подход также имеет право на существование, поскольку, используя такой способ воздействия, государство также достигает искомого результата – посредством позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, доказывает своё исправление. При этом, в таком случае у государства появляются основания для отказа в применении мер наказания к этому лицу, а, соответственно, оно экономит на использовании собственных ресурсов для дальнейшего процедурного обеспечения привлечения лица к уголовной ответственности, а также использовании ресурсов для дальнейшего обеспечения исполнения назначенного ему судом наказания.

При этом, стоит усомниться в точке зрения Н.Е. Петровой о том, что уголовно-правовой компромисс имеет несколько негативный эффект для потерпевшего лица (ущемляет его права): «... одна из сторон принимает условия другой, тем самым признавая правильность условий противоположной стороны конфликта...» [5, с. 56]. Явление уголовно-правового компромисса имеет место, прежде всего, между государством и лицом, совершившим преступление, но это вовсе не предполагает игнорирование интересов потерпевшего. Во-первых, большинство видов уголовно-правового компромисса поставлены в зависимости от заглаживания причиненного потерпевшему вреда. Так, одним из условий освобождения от уголовной ответственности по деятельному раскаянию выступает возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного этим преступлением (ч. 1 ст. 75 УК РФ). Во-вторых, потерпевший не лишается возможности использования иных способов гражданско-правовой защиты с целью защиты своих интересов, в частности: взыскания убытков в форме упущенной выгоды, компенсации морального вреда в рамках гражданского судопроизводства и т.д.

При этом, стоит отметить, что уголовно-правовой компромисс должен быть реальным с точки зрения его реализации для обеих сторон уголовно-правового конфликта. Ввиду этого именно государство имеет некоторый приоритет на стороне обвинения при принятии окончательного решения о применении положений данного института. Однако, проблема заключается в том, что не всегда предусмотренные в уголовном законе условия уголовно-правового компромисса являются реализуемыми на практике. В частности, авторы приводят в пример такую проблему применения положений института уголовно-правового компромисса как отсутствие социально и экономически приемлемых условий его реализации. В качестве примера С.В. Лебедев приводит специальное основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное в примечании 2 статьи 2003 УК РФ. Автор полагает, что возместить в полном объеме сумму привлеченных денежных средств (сделки с денежными средствами) и ввести в эксплуатацию многоквартирный дом или объект недвижимости невозможно, поскольку полученные от дольщиков денежные средства уже вложены в строительство, а при возврате части денежных средств дом не может быть сдан в эксплуатацию. В связи с этим С.В. Лебедев предлагает добавить определенности в указанное положение законодателя, убрав разделительный союз «и» и закрепив лишь союз «или» [4, с. 299–300]. Представляется, что указанный пример демонстрируется достаточно важное требование, которое должно предъявляться к институту уголовно-правового компромисса в современных условиях. Так, условия уголовно-правового компромисса должны, во-первых, соблюдать баланс в интересах сторон, а, во-вторых, должны быть потенциально исполнимыми в действительности. Такой подход связан, прежде всего, с тем, что уголовно-правовой инструмент для распространения его использования на практике не может не соответствовать указанным условиям. В ином случае, такой механизм не будет привлекательным для сторон уголовно-правового конфликта.

Для аргументации рациональности стремлений законодателя к соблюдению баланса в условиях уголовно-правового компромисса стоит привести подтверждение социальной значимости развития указанного явления. Так, отечественные криминологи полагают, что уголовно-правовой компромисс на практике имеет достаточно положительное значение в сфере борьбы с преступностью, поскольку содержание целей компромисса стоит рассматривать как его предупредительные функции [3, с. 135].

Соответственно, уголовно-правовой компромисс является также эффективным методом борьбы с преступностью. И указанный подход является закономерным, поскольку, как было указано ранее, сегодня наказания (а, прежде всего, наказание в виде лишения свободы) не реализует в полной мере цели, которые обозначил законодатель. Поэтому в направлениях деятельности по борьбе с преступностью стоит применять и иные методы. Таким методом является и компромисс, который некоторые ученые относят к разновидности уголовно-правового поощрения [1, с. 75].

Наиболее ярким примером концепции уголовно-правового компромисса и восстановительного правосудия ученые считают применение оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных уголовным законодательством [2, с. 39]. Такой подход заслуживает внимания, поскольку именно указанные основания отражают самое благоприятное последствие, которое предусмотрено действующим законодательством, за акты положительного посткриминального поведения. Суды также заинтересованы в применении подобных мер, так как назначение наказания, о чем свидетельствует ранее приведенная статистика, на практике зачастую не достигает намеченных законодателем целей.

Анализируя практику применения ст. 76.2 УК РФ, Верховный Суд РФ разъяснил, что уголовный закон не ограничивает лицо в части выбора формы возмещения вреда, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Это остается на усмотрение привлекаемого к ответственности лица¹. В связи с этим стоит отметить, что не только законодатель заинтересован в развитии института уголовно-правового компромисса (это следует из увеличения в законе оснований освобождения от уголовной ответственности), но и суды поддерживают данную тенденцию, стремясь создать условия, в рамках которых стороны уголовно-правового конфликта будут иметь возможность найти компромисс и обличить его в процессуальную форму. Указанное имеет особое значение, поскольку цели уголовно-правового компромисса не могут быть реализованы путем лишь декларации в уголовном законодательстве соответствующих способов и средств. Данные способы и средства должны находить применение на практике.

Таким образом, сегодня в теории и практике уголовного закона активно развивается институт уголовно-правового компромисса, под которым стоит понимать совокупность предусмотренных в уголовном законе и реализуемых на практике способов, а также средств, позволяющих смягчить (прекратить) уголовно-правовое воздействие на лицо по отдельному преступному деянию взамен на социально-полезное активное посткриминальное поведение.

Литература

1. Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал российского права. – 2000. – № 1. – С. 69–75.
2. Кубрикова М.Е. Уголовно-правовая политика: необходима разработка новой концепции // Законность. – 2024. – № 5. – С. 35–39.
3. Курилов С.И. Компромисс в системе уголовно-правового предупреждения преступлений // Академическая мысль. – 2018. – № 3 (4). – С. 134–137.
4. Лебедев С.В. Проблема законодательного регулирования и применения института компромисса в Особенной части уголовного права (на примере примечания к ст. 2003 УК РФ) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – № 4 (83). – С. 296–300.
5. Петрова Н.Е. Наделить потерпевшего правом уголовного преследования // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 55–56.
6. Терских А.И. Уголовно-правовой компромисс: понятие и сущность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2011. – № 40. – С. 84–89.
7. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Книга 2. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Меры уголовно-правового характера. Наказание. Применение уголовного закона. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2024. – 576 с.
8. Фильченко А.П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского университета. – 2013. – Выпуск 2 (20). – С. 251–259.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW COMPROMISE IN MODERN CRIMINAL LAW THEORY AND PRACTICE

Galatov A.A.

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article discusses an important issue of current criminal legislation and its application practice – the formation and functioning of the institution of criminal law compromise. By

¹ «Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

analyzing the doctrinal definitions of this concept, the author concludes that criminal law compromise is a multifaceted phenomenon that requires further research in the field of criminal law. Based on an analysis of theoretical approaches and judicial practice regarding the grounds for exemption from criminal liability, the author concludes that the existence of a criminal law compromise requires the reality of the implementation of the norm (acceptable conditions for both parties to the conflict), as well as the potential for the practical application of the method (means) established by law, which should be facilitated by judicial practice. In conclusion, the author presents his own approach to defining the concept of the institution of criminal law compromise as a set of methods and means provided for in the criminal law and implemented in practice that allow for the mitigation (termination) of criminal law consequences for an individual criminal act in exchange for socially useful active post-criminal behavior.

Keywords: criminal law compromise, criminal law conflict, exemption from criminal liability, effectiveness of punishment, criminal law influence.

References

1. Golik Yu.V. The method of criminal law // Journal of Russian law. – 2000. – No. 1. – Pp. 69–75.
2. Kubrikova M.E. Criminal law policy: the development of a new concept is necessary // Legality. – 2024. – No. 5. – Pp. 35–39.
3. Kurilov S.I. Compromise in the system of criminal law prevention of crimes // Academic thought. – 2018. – No. 3 (4). – Pp. 134–137.
4. Lebedev S.V. The Problem of Legislative Regulation and Application of the Institute of Compromise in the Special Part of Criminal Law (on the Example of Note to Article 2003 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 4 (83). – Pp. 296–300.
5. Petrova N.E. To Grant the Victim the Right to Criminal Prosecution // Russian Justice. – 2012. – No. 12. – Pp. 55–56.
6. Tersikh A.I. Criminal Law Compromise: Concept and Essence // Bulletin of the South Ural State University. – 2011. – No. 40. – Pp. 84–89.
7. Criminal law of the Russian Federation: a problem course for undergraduates and postgraduates: in 3 volumes Vol. 2. Book 2. Circumstances excluding criminality of an act. Criminal law measures. Punishment. Application of the criminal law. Exemption from criminal liability and punishment. Features of criminal responsibility of minors / under the general editorship of A.N. Savenkov; scientific editorship. and the author's col. A.I. Chuchaev. – Moscow: Prospekt, 2024. – 576 p.
8. Filchenko A.P. Compromise as a Method of Criminal Law Regulation // Bulletin of Perm University. – 2013. – Issue 2 (20). – Pp. 251–259.

Роль восстановительного правосудия в принятии уголовно-процессуальных решений, связанных с участием несовершеннолетних в досудебном производстве по уголовным делам

Гаспарян Галина Александровна,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Омской академии МВД России
E-mail: paradnikowa@yandex.ru

В статье анализируется восстановительное правосудие как ориентир повышения качества уголовно-процессуальных решений на досудебных стадиях по делам с участием несовершеннолетних. Обосновывается, что восстановительный подход влияет не только на прекращающие решения (примирение, судебный штраф, прекращение с применением мер воспитательного воздействия), но и на промежуточные решения следователя, дознавателя и прокурора: выбор меры пресечения, организация допроса, обеспечение участия законного представителя и специалиста (педагога/психолога), проверка добровольности и безопасности примирения, оценка реальности заглаживания вреда.

Ключевые слова: восстановительное правосудие; несовершеннолетний; досудебное производство; уголовно-процессуальные решения; примирение; меры пресечения; допрос; педагог; психолог; примирение; судебный штраф; меры воспитательного воздействия; профилактика.

Досудебное производство по делам с участием несовершеннолетних отличается наличием распространенных процессуальных ошибок: неверный выбор меры пресечения, формальный подход к первому допросу, игнорирование возможностей безопасного заглаживания вреда и т.д. При этом, согласно Конституции РФ, государство обязано одновременно обеспечить защиту детства и семьи и гарантировать каждому судебную защиту его прав, а также обеспечить потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба.

Специальный порядок производства по делам о преступлениях несовершеннолетних закреплён в гл. 50 УПК РФ, что выражается в дополнительных гарантиях при принятии и реализации процессуальных решений на досудебной стадии. Однако наличие специальных норм не устраняет проблему качества решений: законность «по форме» не всегда означает справедливость и социальную эффективность «по существу».

В этой связи восстановительное правосудие целесообразно рассматривать как критерий качества процессуальных решений: насколько они минимизируют вторичный вред от самой процедуры, обеспечивают осмысленность ответственности несовершеннолетнего, реально защищают потерпевшего и снижают конфликтность. Этот подход согласуется с позицией Верховного Суда РФ о необходимости индивидуализации реагирования в отношении несовершеннолетних и повышенных требований к мотивировке решений, затрагивающих их правовое положение, изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

Таким образом, критерий «восстановительности» на досудебной стадии – способ повысить обоснованность решений и обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства без неоправданных социальных издержек.

В прикладном смысле восстановительное правосудие – это способ разрешения уголовно-правового конфликта через устранение вреда, учёт позиции потерпевшего и принятие ответственности правонарушителем в форме реальных действий (извинение, заглаживание вреда, выполнение плана), а не только в форме назначения наказания. Для несовершеннолетних принципиально важно, чтобы ответственность не сводилась к «процессуальной сделке взрослых», а имела воспитательный смысл.

В российском правовом поле восстановительные механизмы имеют нормативные и организационные основы. Во-первых, медиация закреплена федеральным законом, устанавливающим её принципы (добровольность, конфиденциальность, сотрудничество, равноправие сторон, независимость медиатора). Во-вторых, государственная политика прямо ориентировала развитие сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, включая совершивших общественно опасные деяния (Концепция утверждена распоряжением Правительства РФ). В-третьих, методические документы системы образования предусматривают организацию служб школьной медиации как инфраструктуры примирительных технологий и профилактики конфликтов.

Научное сопровождение этого направления представлено российскими исследованиями медиативно-восстановительного подхода в разрешении уголовно-правовых конфликтов. В рамках досудебного производства восстановительность проявляется не как «замена» уголовного процесса, а как процессуальная надстройка: она помогает оценить возможность безопасного диалога, реальность заглаживания вреда, социальную ресурсность окружения несовершеннолетнего, риски давления на потерпевшего.

Следовательно, вопрос о роли восстановительного правосудия в досудебном производстве следует ставить как вопрос о внедрении управленческой модели принятия решений, позволяющей выбирать правовые средства с учётом возрастной уязвимости ребёнка и интересов потерпевшего.

Помимо этого, следует отметить, что для системного внедрения восстановительного подхода в практику досудебного производства целесообразно выделить этап восстановительной оценки перед ключевыми решениями: о мере пресечения (включая обсуждение присмо-

тра), о прекращении по примирению, о прекращении по судебному штрафу, о прекращении по ст. 427 УПК РФ.

Содержание восстановительной оценки:

1. Добровольность и информированность несовершеннолетнего и потерпевшего (понимание сути решения и последствий);

2. Безопасность (отсутствие давления, угроз, зависимости потерпевшего, управляемость контакта сторон);

3. Реальность заглаживания вреда (конкретные действия, сроки, контроль исполнения);

4. Ресурсность среды (семья, школа, профилактические субъекты);

5. Процессуальная доброкачественность участия законного представителя и специалистов (педагог/психолог) при получении доказательств и обсуждении восстановительных мер.

Институционально внедрение восстановительной оценки логично опирается на государственные программные документы о развитии сети служб медиации как инфраструктуры восстановительного правосудия для детей, а также на правовую рамку медиации как процедуры.

В заключении следует отметить, что восстановительное правосудие в досудебном производстве по делам с участием несовершеннолетних следует рассматривать как практический стандарт обоснованности и устойчивости уголовно-процессуальных решений: оно требует не формальных ссылок на «риски», а проверки и отражения в мотивировке конкретных фактов о добровольности и безопасности позиции потерпевшего, отсутствии давления, реальности заглаживания вреда, ресурсности семьи и среды и способности подростка осознанно исполнять обязательства.

Литература

1. Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 1. – С. 464–484.

2. Гринев В.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым): теоретико-правовой анализ / В.А. Гринев, Э.А. Амиральева // Символ науки: международный научный журнал. – 2017. – Т. 2, № 2. – С. 185–187.

3. Аширбакиев Р.М. Участие педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого: проблемы нормативного регулирования / Р.М. Аширбакиев // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 392–400.

4. Михальчук Ю.П. Участие законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при производстве отдельных следственных действий / Ю.П. Михальчук // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – № 3. – С. 58–62.

5. Михайлова Т.Н. Условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия / Т.Н. Михайлова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4(95). – С. 90–103.

THE ROLE OF RESTORATIVE JUSTICE IN CRIMINAL PROCEDURAL DECISION-MAKING RELATED TO THE PARTICIPATION OF MINORS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES

Gasparyan G.A.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes restorative justice as a guideline for improving the quality of criminal procedural decisions at pre-trial stages in cases involving minors. It is proved that the restorative approach affects not only the termination decisions (reconciliation, court fine, termination with the use of educational measures), but also the interim decisions of the investigator, the investigator and the prosecutor: the choice of a preventive measure, the organization of interrogation, ensuring the participation of a legal representative and a specialist (teacher / psychologist), checking the voluntariness and safety of reconciliation assessment of the reality of harm mitigation.

Keywords: restorative justice; juvenile; pre-trial proceedings; criminal procedural decisions; supervision; preventive measures; interrogation; teacher; psychologist; reconciliation; judicial fine; educational measures; prevention.

References

1. Senina E.N. Mediation-restorative approach in resolving criminal-law conflicts // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2022. – Vol. 26, No. 1. – P. 464–484.

2. Grinev V.A. Supervision of a minor suspect (accused): theoretical and legal analysis / V.A. Grinev, E.A. Amiralieva // Symbol of Science: international scientific journal. – 2017. – Vol. 2, No. 2. – P. 185–187.

3. Ashirbakiyev R.M. Participation of a teacher and a psychologist in the interrogation of a minor suspect, accused, defendant: problems of regulatory regulation / R.M. Ashirbakiyev // Issues of Russian Justice. – 2023. – No. 27. – P. 392–400.

4. Mikhachuk Yu.P. Participation of the legal representative of a minor accused in the performance of certain investigative actions / Yu.P. Mikhachuk // Bulletin of the Maikop State Technological University. – 2014. – No. 3. – P. 58–62.

5. Mikhailova T.N. Conditions for termination of criminal prosecution with the application of compulsory educational measures to a minor / T.N. Mikhailova // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 4 (95). – P. 90–103.

Размышления о порядке возвращения уголовного дела прокурору (по постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39)

Даровских Ольга Игоревна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: darovskikhoi@gmail.com

В статье рассмотрены положительные и отрицательные аспекты такого института уголовного судопроизводства как возвращение уголовного дела прокурору. Автор проанализировал принятое Пленумом Верховного Суда РФ постановление «О практике применения судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» от 17 декабря 2024 г. № 39. Наряду с позитивными моментами расширяющими возможности суда самостоятельно устранять недоработки следствия, что положительным образом может сказаться на качестве и своевременности нахождения уголовного дела в судебных стадиях процесса, выявлены некоторые неопределенности в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, требующих как очевидно, дальнейшего обращения к данной теме, либо на данном уровне либо на уровне индивидуального правового регулирования.

Ключевые слова: Верховный Суд РФ, постановление, недоработки, следствие, прокурор, возвращение дела.

Нормы, регламентирующие порядок возвращения уголовного дела из суда в предыдущую стадию процесса, можно было встретить в тексте предыдущих уголовно-процессуальных кодексов 1922, 1923 и 1960 годов. Суть данной деятельности сводилась не только к устранению допущенных органами предварительного расследования ошибок, но и для поиска дополнительных доказательств вины обвиняемого, тем самым, как отмечали ученые, на суд возлагалась обязанность выполнять функцию уголовного преследования [1, с. 86; 3, с. 31; 4, с. 15]. Разработка и попытки реализации Концепции судебной реформы потребовали иного подхода к данной проблеме. Судам было запрещено возвращать уголовные дела прокурору для исправления выявленных в суде недостатков следствия, а так как сами суды в рамках состязательных процессов сами устранить выявленные нарушения не могли, следовательно были вынуждены выносить оправдательные приговоры, что не отвечало требованиям справедливости и неотвратимости наказания.

Признав полностью невозможным отказаться от возврата уголовного дела из суда в следствие (дознание) для дополнительного расследования, которое в понимании правоохранительных органов было связано с поиском новых, дополнительных доказательств виновности обвиняемого, законодатель предложил иной вариант, но только для того, чтобы устранить все недочеты следствия, исправить им допущенные ошибки и нарушения, устранить препятствия, не позволяющие рассмотреть дело в суде и которые не могут быть исправлены при рассмотрении дела в суде и при этом нельзя допускать получения новых доказательств в рамках уголовного преследования обвиняемого [2, с. 44].

Данная норма неоднократно видоизменялась и по инициативе законодателя, и в связи с необходимостью ее корректировки для соответствия с принятыми правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации. Порядок возвращения уголовного дела прокурору был также и в сфере интересов Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Внимание законодательных и судебных органов к данному институту не случайны. Полностью избежать недоработок, ошибок или злоупотреблений правом в рамках уголовно-процессуальной деятельности со стороны представителей правоохранительных органов, достаточно сложно либо невозможно. Поэтому устранение указанных недоработок следствия сможет обеспечить законность, обоснованность и справедливость итоговых судебных решений. Выявление нарушений до начала рассмотрения материалов уголовного дела либо в ходе их рассмотрения в суде первой или даже апелляционной инстанции, позволяет их в ускоренном порядке устранить, что обеспечивает достижение цели судопроизводства, а процедуру можно признать более эффективной, по сравнению с отменой судебного решения как вступившего, так и не вступившего в законную силу.

Данный способ устранения недоработок следствия освобождает судебные органы как от выполнения несвойственных им функций, что принципиально важно в рамках состязательного процесса, кроме того, снижает таким образом нагрузку судьи, поскольку сам по себе возврат уголовного дела, свидетельствующий о допущенных нарушениях, предопределяет необходимость вновь, после устранения замечаний, еще раз внимательно изучить материалы дела на предмет выявления иных, не выявленных ранее нарушений и недоработок.

Возвращение уголовного дела может свидетельствовать о наличии определенных системных проблем в стадии предварительного расследования, особенно, если такой возврат судам приходится делать неоднократно в одни и те же органы расследования, по делам одних и тех же должностных лиц, осуществляющих и (или) контролирующих ход расследования. Это позволяет обратить внимание и на деятельность органов прокуратуры, призванной проверять качество расследования при утверждении обвинительных документов (заключения, акта либо постановления). Возвращение уголовного дела бесспорно затруднит реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку будет увеличивать срок расследования. В целом факт

возвращения уголовного дела из суда прокурору влияет на снижение показатели успешной работы данных структур.

Это, очевидно, и является одной из причин расширения оснований, позволяющих суду отказаться от возвращения уголовного дела. К таким основаниям Верховный Суд РФ в указанном Постановлении посчитал возможным отнести ряд случаев, когда при выявлении определенных недоработок следствия, суд сам устраняет нарушения, восстанавливает пробелы создавая тем самым возможность для вынесения приговора. Рассмотрим более подробно некоторые из данных оснований.

1. Верховный Суд РФ посчитал, что в обвинительном документе могут отсутствовать указания на прошлые неснятые и непогашенные судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу, в случае если данные сведения имеются в материалах уголовного дела либо дополнительно представлены государственным обвинителем. Судья в стадии подготовки судебного заседания может с ними ознакомиться, что позволит ему представить полноценную картину личности подсудимого или потерпевшего, до начала судебного разбирательства, поскольку личности и того и другого важны для обоснованного и справедливого приговора. Что касается представления данных документов прокурором уже в судебном заседании, нам представляется, не совсем правильным, так как представленных документов может для суда быть недостаточно, документы могут быть оформлены не надлежащим образом, с ними не были ознакомлены иные участники процесса, особенно те которым данные знания необходимы для качественного выполнения своих профессиональных обязанностей, защитники, например, для выстраивания линии защиты, согласования ее с подзащитным и пр. Аналогичные доводы, можно привести и в случаях, если по уголовному делу суд установит, что лицо, которому преступлением причинен вред, не было признано потерпевшим либо потерпевший был лишен возможности реализовать в ходе предварительного расследования свои процессуальные права, и с учетом конкретных обстоятельств дела, выяснив мнение этого лица, придет к выводу о том, что нарушенные права могут быть восстановлены в судебном разбирательстве, то суд устраняет выявленные нарушения без возвращения уголовного дела прокурору. Потерпевший может и будет согласен, а право на защиту будет нарушено, в такой ситуации необходимо согласие стороны защиты, и удовлетворение заявленного ходатайства на ознакомление с вновь поступившими материалами и время на согласование позиции со своим доверителем.

2. В обвинительном документе и предъявленном обвинении могут отсутствовать указания на обстоятельства, не являющиеся с учетом характера и фактических обстоятельств совершенного преступления существенными для разрешения уголовного дела (например, по обвинению в склонении к потреблению наркотических средств по статье 230 УК РФ – размер наркотического средства; по обвинению в превышении должностных полномочий по статье 286 УК РФ – мотив преступления). Неопределенность позиции Верховного Суда заключается в том, что он использует оценочные понятия «существенные обстоятельства» в силу чего непонятно, что вкладывается Судом в содержание данного понятия и как указанные обстоятельства должны будут учитываться по другим делам кроме указанных примеров? Кроме того, как теперь будет соотноситься требование обязательного установления среди обстоятельств, подлежащих доказыванию мотива, и противоположное мнение Верховного Суда о том, что это не обязательный атрибут доказывания? Следует ли теперь следственному аппарату опираться не на требования ст. 73 УПК РФ, а исходить из того, что установление мотива – это необязательное требование и его можно игнорировать при расследовании уголовных дел, поскольку суду это будет не важно? Что касается размера наркотического вещества, установленного при склонении к его употреблению, то полагаем, что размер наркотика в данной ситуации должен влиять на размер наказания, поэтому его установление – целесообразно.

3. Если в обвинительном документе допущены явные технические ошибки (опечатки), исправление которых не влияет на существо предъявленного обвинения, не нарушает пределов судебного разбирательства и права обвиняемого на защиту. Мы полагаем, что техническая ошибка (опечатка) может повлиять на понимание смысла фразы или документа в целом и повлечь в последующем сложности, связанные с исправлениями допущенных ошибок. Представляется, что требование, предъявляемое к любому документу, относительно грамотности изложения текста, должно быть востребовано и в юриспруденции.

4. В справке к обвинительному документу и материалах уголовного дела могут отсутствовать сведения об имеющихся по делу процессуальных издержках. С данной позицией Верховного Суда РФ сложно согла-

ситься поскольку прямое указание сведения позволят Суду заранее определить круг вопросов необходимых для выяснения в ходе судебного заседания, что только положительным образом может сказаться на качестве рассмотрения уголовного дела.

5. Если в материалах дела отсутствуют необходимые для установления личности подсудимого документы, но такие документы представлены в судебном заседании. Недопустимо превалирование прав одной стороны над другой и в случаях установления личности подсудимого.

6. Если в судебном заседании установлены основания для изменения обвинения и квалификации действий (бездействия) подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой подсудимому не было предъявлено обвинение, при условии, что действия (бездействие), квалифицируемые судом по новой статье закона, вменялись ему в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от поддержанного государственным (частным) обвинителем обвинения, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту. Реализация данного положения недопустима без согласования с представителями стороны защиты, самим подсудимым, его защитником, законным представителем и (или) представителем. Данное возражение основано на том, что новое обвинение, даже если указанные действия ранее когда-то вменялись в вину подсудимому, меняет либо может менять продуманный план защиты, который по меньшей мере должен требовать корректировки, что не может не затрагивать реализацию права на защиту подсудимого и поэтому целесообразно согласование.

7. В п. 12 Постановления указано, что если по поступившему уголовному делу будет выяснено, что при ознакомлении обвиняемого с материалами дела ему не были разъяснены права, то судья принимает решение о назначении предварительного слушания. В случае, когда в ходе предварительного слушания имеется возможность *восстановить (выделено автором)* права обвиняемого, судья назначает судебное заседание с учетом заявленного обвиняемым ходатайства о составе суда и форме судопроизводства. При невозможности устранить допущенные в ходе предварительного расследования нарушения уголовно-процессуального закона дело подлежит возвращению прокурору. Возникает вопрос каким образом суд может восстановить права, которые не были своевременно разъяснены, которыми по причине незнания подсудимый не мог воспользоваться, тем самым, не реализовав свое право на защиту?

Таким образом изложенное позволяет прийти к следующим выводам:

1. Указывая судам случаи, позволяющие восполнять недоработки следствия самостоятельно, без возвращения уголовного дела прокурору, Верховный Суд не избежал неопределенности при формировании ряда правовых позиций.

2. Сформировал противоречащие действующим нормам УПК РФ положения, касающиеся обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию при осуществлении уголовного судопроизводства и реализации права подсудимого на защиту.

3. Предоставленная судам возможность исправления некоторых, допущенных следствием недоработок, осложняют реализацию подсудимым права на защиту.

Выявленные проблемные вопросы потребуют своего решения и очевидно, что повторно Верховный суд РФ вряд ли обратится к данному вопросу, в силу чего все вопросы будут решать судьи в рамках конкретных уголовных дел, выстраивая тем самым судебную практику, к которой требования остаются прежними: достижение назначения уголовного судопроизводства и защита прав и законных интересов любых лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Литература

1. Азаров В.А., Баранов А.М., Супрун С. Возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования, правосознание и закон, толкование и применение // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 84–86.
2. Алексеева Е.С. К вопросу о согласованности норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок отказа в возбуждении уголовного дела // Международный научный вестник. – 2024. – № 12. – С. 42–45.
3. Александров А., Белов С. Возвращение уголовного дела прокурору // Законность. – 2004. – № 12. – С. 31–32.
4. Зыкин В.В. Институт возвращения судом уголовных дел для дополнительного расследования необходимо восстановить // Закон и право. – 2005. – № 11. – С. 15.

REFLECTIONS ON THE PROCEDURE FOR RETURNING A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR (ACCORDING TO THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED DECEMBER 17, 2024, NO. 39)

Darovskikh O.I.

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article discusses the positive and negative aspects of the institution of criminal proceedings, such as the return of a criminal case to the prosecutor. The author analyzes the resolution adopted by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on December 17, 2024, No. 39, "On the Practice of Applying the Rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by Courts, Regulating the Grounds and Procedure for Returning a Criminal Case to the Prosecutor." Along with the positive aspects that expand the court's ability to independently address the shortcomings of the investigation, which can positively impact the quality and timeliness of the criminal case's progress through the ju-

dicial stages of the process, there are certain uncertainties in the explanations provided by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation that require further attention to this topic, either at this level or at the level of individual legal regulation.

Keywords: Supreme Court of the Russian Federation, resolution, shortcomings, investigation, prosecutor, return of the case.

References

1. Azarov V.A., Baranov A.M., Suprun S. The return of a criminal case for additional investigation, legal awareness and the law, interpretation and application // Criminal law. – 2004. – № 2. – pp. 84–86.
2. Alekseeva E.S. On the issue of consistency of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, regulating the grounds and procedure refusal to institute criminal proceedings // International Scientific Bulletin. – 2024. – No. 12. – pp. 42–45.
3. Alexandrov A., Belov S. Return of a criminal case to the prosecutor // Legality. – 2004. – No. 12. – Pp. 31–32.
4. Zykin V.V. The institution of returning criminal cases to the court for additional investigation should be restored // Law and Justice. – 2005. – No. 11. – P. 15.

Правовые аспекты противодействия информационному насилию над несовершеннолетними на территории Российской Федерации

Иликбаева Евгения Сергеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
E-mail: dilaila-77@yandex.ru

В статье исследуется актуальное состояние правового регулирования общественных отношений, связанных с оборотом информационной продукции, способной причинить вред физическому, психическому и нравственному развитию несовершеннолетних. В контексте цифровизации обосновывается необходимость совершенствования соответствующего законодательного массива как отдельного института в общей системе противодействия информационному насилию. Анализируется доктринальное содержание понятия «информационное насилие», при этом констатируется отсутствие его комплексной законодательной дефиниции, несмотря на наличие ряда профильных запретов и охранительных механизмов. На основе проведенного исследования разрабатываются практические рекомендации, включающие внесение системных изменений в нормативно-правовые акты, оптимизацию мер юридической ответственности и усиление профилактической работы. Подчеркивается, что эффективная защита детей в информационном пространстве является сложной, многогранной задачей, успешное решение которой возможно лишь при консолидированном взаимодействии государства, правоохранительных органов, научного сообщества и институтов гражданского общества, что выступает залогом сохранения общественной морали и формирования нравственно устойчивого поколения.

Ключевые слова: защита несовершеннолетних, информационное насилие, правовое регулирование, информационная продукция, цифровизация, возрастная маркировка, юридическая ответственность, информационная безопасность, нравственное развитие, профилактическая работа.

Современное общество невозможно представить без процессов информатизации и цифровизации. Современные исследования подтверждают, что цифровые технологии способствуют улучшению доступа к информации, развитию новых форм общения и повышения удобства в выполнении различных задач. Однако их чрезмерное или неконтролируемое использование связано с такими негативными последствиями, как цифровая зависимость, повышенный уровень стресса и ухудшение когнитивных функций [1]. Современные дети значительную часть времени проводят в онлайн-пространстве, используя его для коммуникации, обучения и досуга. Эмпирические данные свидетельствуют, что примерно треть российских детей находится в интернете без присмотра взрослых от трех до восьми часов в сутки, что, с одной стороны, открывает перед ними широкие возможности для развития, а с другой – подвергает серьезным и многогранным рискам [2]. Одним из наиболее опасных и латентных рисков является негативное информационное влияние, которое в доктринальном дискурсе правомерно квалифицировать как информационное или цифровое насилие. Перед государством и обществом, таким образом, встает комплекс новых вызовов, связанных с необходимостью противодействия этой трудно доказуемой форме психологического воздействия, приобретающей в цифровую эпоху масштабный и изощренный характер.

Вопрос эффективной защиты несовершеннолетних от информационного насилия должен оставаться в числе безусловных приоритетов государственной политики Российской Федерации. Существующие правовые механизмы, направленные на ограничение негативного информационного влияния, требуют постоянной актуализации и усиления в связи со стремительной динамикой технологического развития и появлением новых, зачастую гибридных, форм противоправных деяний. Теоретическое осмысление проблематики негативного информационного воздействия и защиты прав детей в цифровой среде получило широкое отражение в трудах российских ученых. В рамках отечественной правовой системы указанные вопросы традиционно исследуются сквозь призму обеспечения информационной безопасности, защиты персональных данных, уголовно-правовой борьбы с киберпреступностью и охраны общественной нравственности [3]. Однако кардинальное расширение коммуникационных возможностей, порожденное развитием информационных технологий, создало принципиально новую среду для социализации, обучения и развития личности. Дети, активно использующие интернет для поиска информации, общения в социальных сетях и мессенджерах, игр и обучения, в силу возрастных психологических особенностей – естественного интереса ко всему новому и недостаточно сформированной способности к критической оценке контента – оказываются крайне уязвимыми для внешнего деструктивного влияния. Ключевая опасность заключается в дистанционном, анонимном характере такого воздействия, которое не требует физического контакта, что существенно затрудняет его своевременное выявление, фиксацию и пресечение, ставя под угрозу основные права ребенка, провозглашенные в том числе и международными актами, такими как Конвенция о правах ребенка.

Сущность понятия «информационное насилие» в российской правовой доктрине может быть раскрыта в широком и узком значениях. В широком смысле под ним понимается противоправное информационное воздействие на личность или общество, носящее антисоциальный характер и осуществляемое с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В узком, применительно к несовершеннолетним, – это целенаправленное или систематическое воздействие на психику и сознание ребенка посредством распространения информации, причиняющей вред его здоровью и развитию [4]. В контексте современных реалий более точным и ёмким представляется термин «цифровое насилие», который определяется как система общественно опасных, умышленных действий, направленных против личности или группы лиц и совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (Интернет, социальные сети, мессенджеры) против или вопреки воле потерпевшего [5]. Сущностными признаками данного феномена являются: целенаправленность на причинение вреда или создание угрозы его причинения [6]; комплексный характер возможного ущерба, включающего вред психический (тревога, страх, унижение), социальный (потеря репутации,

изоляция), экономический (вымогательство) или физический; опосредованность цифровой средой, обеспечивающей анонимность агрессора, высокую скорость виктимизации, мультипликацию ущерба за счёт публичности и одновременную сложность сбора доказательств; правовая природа, выражающаяся в том, что, не являясь отдельным составом преступления, цифровое насилие материализуется через совокупность конкретных противоправных деяний, подпадающих под действие уголовного и административного законодательства.

Действующее законодательство Российской Федерации, следуя демократическим принципам защиты детства, устанавливает систему запретов и ограничений на распространение среди детей информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. УК РФ предусматривает ответственность за наиболее опасные формы такого воздействия: по ч. 2 п. г ст. 242.1 УК РФ (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних); по п. б ч. 3 ст. 242 (Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов). К числу ключевых механизмов правового регулирования относятся возрастная классификация (маркировка) информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ)[7], установление уголовной и административной ответственности за оборот запрещённой информации, формирование государственной системы противодействия киберпреступности (как это предусмотрено планом мероприятий по реализации соответствующей Концепции, утверждённым в августе 2025 года)[8], а также профилактическая и просветительская работа, осуществляемая профильными министерствами.

Анализ научных исследований и судебной практики позволяет выделить основные формы цифрового насилия и их уголовно-правовую оценку:

- Кибербуллинг (травля, которая происходит с использованием цифровых технологий) в случаях тяжких последствий может квалифицироваться как доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ).
- Сталкинг (является формой домогательства и запугивания, как правило, выражается в преследовании жертвы, слежении за ней) и доксинг (преднамеренная публикация личной информации без согласия человека) охватываются статьями о нарушении неприкосновенности частной жизни (137 УК РФ) и неправомерном доступе к компьютерной информации (272 УК РФ).

08.08.2024 года на основании Федерального закона № 218-ФЗ введен пункт «т» в ст. 63 УК РФ[9] «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)», что позволяет усилить ответственность за такие деяния, как хеппислеппинг (жертву избивают, фиксируя процесс на камеру мобильного телефона, а затем выкладывают запись в интернет). Особо опасные формы, связанные с сексуальной эксплуатацией, такие как цифровая сексторция (форма онлайн-шантажа, при которой преступники принуждают людей предоставлять сексуальные изображения, видео или другую личную информацию под угрозой) и онлайн-груминг (установление контакта с ребёнком для последующих домогательств), подпадают под статьи о понуждении к действиям сексуального характера (133 УК РФ), вымогательстве (163 УК РФ), развратных действиях (135 УК РФ) и обороте порнографии с участием несовершеннолетних (242.1 УК РФ).

Также на основании вышеуказанного федерального закона публичная демонстрация включена в качестве специального мотива побоев (статья 116 УК РФ).

Распространение интимных материалов из мести (порноместь) квалифицируется как нарушение неприкосновенности частной жизни, а в случае порнографического характера материалов – дополнительно по статье 242 УК РФ.

Несмотря на наличие развитого арсенала правовых средств, национальное законодательство не содержит целостного и системного понятийного аппарата для борьбы именно с цифровым насилием над несовершеннолетними как с комплексным социально-правовым явлением. Действующие нормы разрознены по различным отраслям права, а некоторые ключевые законы несут рамочный характер, их эффективность на практике зачастую зависит от активности родителей и педагогов. Правоприменение сталкивается с серьёзными вызовами: высокой латентностью преступлений, сложностями в квалификации (например, установлении причинно-следственной связи между кибербуллингом и суицидом, а также постоянным отставанием законодательного регулирования от технологических инноваций, что ярко иллюстрируют дискуссии вокруг виртуальных правонарушений в метавселенных[10]. В целях совершенствования правового противодействия представляется необходимым реализовать комплекс мер, включающий законодательную конкретизацию и систематизацию по-

нятийного аппарата, возможно, через дополнение Федерального закона № 436-ФЗ или принятие специального акта; усиление межведомственного взаимодействия и развитие технических возможностей для выявления противоправного контента (единые реестры, алгоритмы на основе искусственного интеллекта); приоритетное развитие профилактики и непрерывного цифрового просвещения детей, родителей и педагогов; а также активизацию международного сотрудничества, учитывая трансграничную природу цифровых угроз.

Таким образом, проблема защиты детей от цифрового насилия носит комплексный, междисциплинарный характер, требующий консолидации усилий государства, правоохранительных органов, научного сообщества, институтов гражданского общества и, что не менее важно, каждой семьи. Российское право демонстрирует путь активной, хотя и фрагментарной, адаптации к вызовам цифровой реальности, используя как существующие нормы, так и вводя новые квалифицирующие признаки. Однако отсутствие единого системного подхода и универсального термина указывает на незавершённость процесса формирования адекватного правового ответа.

В контексте современных научных исследований, понятия «информационное насилие» и «цифровое насилие» раскрываются с различных, но взаимодополняющих позиций. Философский подход, представленный в работе А.В. Сенкевич [11], рассматривает «информационно-психологическое насилие» как феномен, коренящийся в содержании информации, направленной на подрыв мировоззренческих основ личности и общества. В данной трактовке насилие понимается в широком социально-антропологическом смысле – как любое воздействие, ущемляющее физические и духовные потенции индивида, препятствующее его полноценному развитию. Ключевым здесь является деструктивное содержание информации (манипуляция, дезинформация, травмирующий контент), способное вызвать экзистенциальное страдание, то есть глубокое переживание невозможности реализации жизненных проектов и ценностных ориентаций. Субъектом такого насилия выступают не только индивиды, но и социальные институты – средства массовой информации, государство, массовая культура, что подчеркивает его системный и часто институционализированный характер. Данное понятие несёт важную мировоззренческую нагрузку, однако его абстрактность и широта затрудняют прямую операционализацию в рамках позитивного права, требующего чёткости и формальной определённости.

Напротив, у Э.Л. Сидоренко [12] и О.М. Андрущенко [13] акцент смещается на инструментально-поведенческий аспект, кристаллизуясь в понятии «цифровое насилие». Это понятие является более узким и конкретным. Его ядро составляет не содержание информации как таковое, а специфический способ совершения противоправного деяния – использование цифровых технологий в качестве инструмента агрессии. Речь идёт о совершении традиционных посягательств против личности (угрозы, оскорбления, преследование, вымогательство, развратные действия) посредством и в среде информационно-телекоммуникационных сетей. Данный подход делает возможной детальную классификацию форм такого насилия (кибербуллинг, сталкинг, груминг, сексторция и др.) и их соотношение с конкретными составами преступлений, предусмотренных УК РФ. Цифровое насилие здесь предстает не как отдельный состав, а как собирательное, криминологическое понятие, объединяющее группу деяний, объединённых общим способом причинения вреда.

Таким образом, соотношение этих понятий можно определить как соотношение родового и видового. «Информационное насилие» – это родовое социально-философское понятие, описывающее широкий спектр деструктивных воздействий через информацию на сознание и общество. «Цифровое насилие» – это видовое, криминологически ориентированное понятие, выделяющее в рамках этого спектра те деяния, которые совершаются с использованием цифровых технологий и посягают на конкретные, охраняемые уголовным законом блага личности. Для целей уголовного права, оперирующего чёткими диспозициями и санкциями, именно второе понятие является конструктивным и практически значимым, так как позволяет адаптировать классические правовые конструкции к новым реалиям цифровой коммуникации.

На основании проведённого анализа и с учётом требований юридической техники (точность, полнота, системная согласованность, соответствие принципу *nullum crimen sine lege*[14]) предлагается следующее авторское определение, пригодное для легального закрепления в целях совершенствования уголовно-правового регулирования:

Цифровое насилие – это умышленное общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство, половую неприкосновенность, конституционные права человека или иные охраняемые уголовным законом

блага личности либо создающее реальную угрозу причинения такого вреда, которое совершается полностью или частично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), информационных систем, электронно-вычислительных машин, программ для ЭВМ или иных цифровых технологий, причём использование указанных технологий является необходимым условием для совершения данного деяния или существенно облегчает его совершение и повышает общественную опасность.

Данное определение сконструировано с учётом следующих ключевых элементов, обеспечивающих его функциональность в уголовном праве:

Установление родового объекта. Чёткое указание на то, что цифровое насилие посягает на блага личности, ограничивает его от иных киберпреступлений, направленных против общественной безопасности, государственной власти или экономики. Объект – традиционен (личность), способ – специфичен (цифровой).

Акцент на специфическом способе как конститутивном признаке. Формулировка «совершается полностью или частично с использованием...» и, что наиболее важно, «является необходимым условием... или существенно облегчает...» подчеркивает, что цифровая среда не просто сопутствует преступлению, а составляет его неотъемлемую, сущностную характеристику. Деяние либо невозможно в «аналоговой» форме (например, взлом аккаунта с целью фрейпинга), либо приобретает в цифровой среде качественно новые опасные свойства (мгновенное и массовое распространение компрометирующих материалов).

Отражение повышенной общественной опасности. Указание на то, что технологический способ «повышает общественную опасность», является доктринальным обоснованием для возможного введения квалифицирующих признаков. Опосредованность цифровой средой создает условия для анонимности, беспрепятственного и многократного воздействия на жертву, невозможности физического избегания, вовлечения широкого круга свидетелей, что приводит к мультипликации причиняемого вреда, особенно психического.

Указание на умышленную форму вины. Данный признак вытекает из самой природы насильственных преступлений и исключает квалификацию как цифрового насилия неосторожных деяний, связанных, например, с неправомерным доступом к информации.

Определение уголовно-правового статуса понятия. Предлагаемое определение не предназначено для создания новой, отдельной статьи в Уголовном кодексе. Его целевое назначение – быть легально закреплённым родовым понятием, которое может быть введено, например, в виде примечания к соответствующему разделу УК РФ (преступления против личности). Это позволит унифицировать терминологию в правоприменительной практике и законодательной технике. На его основе станет возможным:

Систематизировать и корректно квалифицировать многообразные формы противоправного онлайн-поведения, подводя их под существующие составы (ст. 110.1, 119, 128.1, 133, 137, 163, 242, 242.1, 272 УК РФ и др.).

Вводить в диспозиции конкретных статей единый квалифицирующий признак «совершённое путём цифрового насилия», что адекватно отразит повышенную общественную опасность способа и позволит дифференцировать ответственность.

Таким образом, предложенное определение цифрового насилия выполняет роль системообразующего юридического конструкта. Оно призвано стать общей правовой рамкой, которая, не подменяя собой традиционные составы преступлений, обеспечит их адекватное применение в условиях цифровой трансформации, а также создаст базу для целенаправленного развития законодательства в ответ на новые вызовы, связанные с защитой личности в информационном пространстве.

Литература

- Безотечество, В.А. Оценка влияния цифровых технологий на психическое здоровье и благополучие / В.А. Безотечество. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 1–2. – URL: <https://moluch.ru/archive/548/120020> (дата обращения 30.11.2025 г.).
- Треть российских детей проводят в интернете до восьми часов в сутки. Первые гаджеты попадают ребенку в руки в среднем в возрасте пяти лет <https://www.rbc.ru/life/news/683d43399a79475d23e3ccb2> (дата обращения 30.11.2025 г.).
- Подустова, О.Л. Правовые аспекты защиты прав детей в цифровом пространстве / О.Л. Подустова, А.А. Чурочкина // КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-zaschity-prav-detey-v-tsifrovom-prostranstve> (дата обращения 01.12.2025 г.).
- Стяжкин С.А. Уголовная ответственность за информационное насилие: проблемы криминализации и систематизации / С.А. Стяжки-

на // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 123–136. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-informatsionnoe-nasilie-problemy-kriminalizatsii-i-sistematizatsii> (дата обращения 02.12.2025 г.).

5. Андриушенкова О.М. Современные проявления цифрового насилия в обществе / О.М. Андриушенкова // Вопросы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 152–156. – DOI: 10.24412/cl-37098-2024-1-152-156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-proyavleniya-tsifrovogo-nasiliya-v-obschestve> (дата обращения 03.12.2025 г.).

6. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 12 (217). – С. 68–83. – DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083.

7. Об обязательных требованиях, предъявляемых к информационной продукции, реализуемой потребителям в соответствии Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – URL: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/244560> (дата обращения 04.12.2025 г.).

8. Распоряжение от 14 августа 2025 года № 2207-р – URL: <http://government.ru/docs/55975/> (дата обращения 04.12.2025 г.).

9. Шикун И.П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях / И.П. Шикун, М.В. Афанасьев, С.В. Яньшина // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 330–334. – DOI: 10.24412/2076-1503-2024-9-330-334. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershaemye-s-publichnoy-demonstratsiyey-v-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setyah-1> (дата обращения 04.12.2025 г.).

10. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex russica. 2024. Т. 77, № 12. С. 68–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasilie-v-otnoshenii-detey-ponyatie-vidy-i-osobennosti-kvalifikatsii> (дата обращения 04.12.2025 г.).

11. Сенкевич А.В. Информационно-психологическое насилие как источник страданий в современном обществе // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2022. – № 4. – С. 99–101. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philosophy/2022/04/2022-04-12.pdf> (дата обращения 05.12.2025 г.).

12. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex russica. 2024. Т. 77, № 12. С. 68–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasilie-v-otnoshenii-detey-ponyatie-vidy-i-osobennosti-kvalifikatsii> (дата обращения 04.12.2025 г.).

13. Андриушенкова О.М. Современные проявления цифрового насилия в обществе / О.М. Андриушенкова // Вопросы безопасности. – 2024. – № 1. – С. 152–156. – DOI: 10.24412/cl-37098-2024-1-152-156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-proyavleniya-tsifrovogo-nasiliya-v-obschestve> (дата обращения 05.12.2025 г.).

14. Тихонравов Е.Ю. Принцип nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 548–557. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsp-nullum-crimen-sine-lege-v-istorii-otechestvennogo-ugolovnogo-prava> (дата обращения 05.12.2025 г.).

LEGAL ASPECTS OF COUNTERING INFORMATION VIOLENCE AGAINST MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ilkbaeva E.S.

Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the current state of legal regulation of social relations related to the circulation of information products that can harm the physical, mental and moral development of minors. In the context of digitalization, the necessity of improving the relevant body of legislation as a separate institution within the general system of countering information violence is substantiated. The doctrinal content of the concept of “information violence” is analyzed, while noting the absence of its comprehensive legislative definition, despite the existence of a number of specialized prohibitions and protective mechanisms. Based on the conducted research, practical recommendations are developed, including making systemic changes to regulatory legal acts, optimizing measures of legal liability, and enhancing preventive work. It is emphasized that the effective protection of children in the information space is a complex, multifaceted task, the successful solution of which is possible only through the consolidated interaction of the state, law enforcement agencies, the scientific community and civil society institutions, which is the key to preserving public morality and forming a morally stable generation.

Keywords: protection of minors, information violence, legal regulation, information products, digitalization, age rating, legal liability, information security, moral development, preventive work.

References

1. Bezotchestvo, V. A. (2024). Assessment of the Impact of Digital Technologies on Mental Health and Well-being. *Young Scientist*, 49(548), 1–2. Retrieved November 30, 2025, from <https://moluch.ru/archive/548/120020>.
2. A Third of Russian Children Spend Up to Eight Hours a Day Online. The First Gadgets Typically End up in a Child's Hands at the Age of Five. (n.d.). RBC. Retrieved November 30, 2025, from <https://www.rbc.ru/life/news/683d43399a79475d23e3ccb2>.
3. Podustova, O. L., & Churochkina, A. A. (n.d.). Legal Aspects of Protecting Children's Rights in the Digital Space. *CyberLeninka*. Retrieved December 01, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-zaschity-prav-detey-v-tsifrovom-prostranstve>.
4. Styazhkina, S. A. (2022). Criminal Liability for Informational Violence: Problems of Criminalization and Systematization. *Lex Russica*, 75(10), 123–136. Retrieved December 02, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-informatsionnoe-nasilie-problemy-kriminalizatsii-i-sistematizatsii>.
5. Andryushenkova, O. M. (2024). Contemporary Manifestations of Digital Violence in Society. *Security Issues*, 1, 152–156. <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2024-1-152-156>. Retrieved December 03, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-proyavleniya-tsifrovogo-nasilija-v-obschestve>.
6. Sidorenko, E. L. (2024). Digital Violence Against Children: Concept, Types, and Qualification Features. *Lex Russica (Russian Law)*, 77(12 (217)), 68–83. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083>.
7. On Mandatory Requirements for Information Products Sold to Consumers in Accordance with Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 "On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development". (n.d.). Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing. Retrieved December 04, 2025, from <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/244560>.
8. Decree No. 2207-r of August 14, 2025. (2025). Government of the Russian Federation. Retrieved December 04, 2025, from <http://government.ru/docs/55975/>.
9. Shikula, I. R., Afanasyev, M. V., & Yanshina, S. V. (2024). Criminal Liability for Crimes Committed with Public Demonstration in Information and Telecommunication Networks. *Education and Law*, 9, 330–334. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-9-330-334>. Retrieved December 04, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-sovershaemye-s-publichnoy-demonstratsiyey-v-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setyah-1>.
10. Sidorenko, E. L. (2024). Digital Violence Against Children: Concept, Types, and Qualification Features. *Lex Russica*, 77(12), 68–83. Retrieved December 04, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasilie-v-otnoshenii-detey-ponyatie-vidy-i-osobennosti-kvalifikatsii>.
11. Senkevich, A. V. (2022). Information-Psychological Violence as a Source of Suffering in Modern Society. *Vestnik of Voronezh State University. Series: Philosophy*, 4, 99–101. Retrieved December 05, 2025, from <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philosophy/2022/04/2022-04-12.pdf>.
12. Sidorenko, E. L. (2024). Digital Violence Against Children: Concept, Types, and Qualification Features. *Lex Russica*, 77(12), 68–83. Retrieved December 04, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-nasilie-v-otnoshenii-detey-ponyatie-vidy-i-osobennosti-kvalifikatsii>. (Note: Duplicate of entry 10, retained in order as per original list but typically would be merged in a final version).
13. Andryushenkova, O. M. (2024). Contemporary Manifestations of Digital Violence in Society. *Security Issues*, 1, 152–156. <https://doi.org/10.24412/cl-37098-2024-1-152-156>. Retrieved December 05, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-proyavleniya-tsifrovogo-nasilija-v-obschestve>. (Note: Duplicate of entry 5 with a different access date, retained in order as per original list but typically would be merged in a final version).
14. Tikhonravov, E. Yu. (2017). The Principle of Nullum Crimen Sine Lege in the History of Russian Criminal Law. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, 38, 548–557. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2017-38-548-557>. Retrieved December 05, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-nullum-crimen-sine-lege-v-istorii-otchestvennogo-ugolovnogo-prava>.

Деятельностный подход, как основа формирования понятия института содействия раскрытию и расследованию преступлений

Казанов Александр Алексеевич,

аспирант, Южно-Российского института управления-филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: kazantipaleks2012@gmail.com

Учитывая, что уровень и формы преступности в современном обществе непрерывно усложняются, актуализируется задача повышения эффективности расследования уголовных дел и обеспечения общественной безопасности. В представленной статье автор проводит анализ института содействия, выявляя ключевую проблему – отсутствие единого, общепринятого определения. Для достижения поставленной цели использует деятельностный подход, содержащий методологическую базу для анализа, сопоставления и обобщения данных. Подход позволяет сформировать концепцию «содействия раскрытию и расследованию преступлений». Анализ строится на изучении следующих аспектов: субъект деятельности содействия, его мотивы, цели, объект воздействия, используемые способы и полученные результаты. Путем изучения криминалистической литературы и применения деятельностного подхода, формулируется понятие и согласно авторскому видению, содействие раскрытию и расследованию преступлений определяется – комплекс позитивных посткриминальных мероприятий, направленных, на оказание помощи в раскрытии и расследовании преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Действия должны основываться на добровольности, внутренних побуждениях и намерениях, что подтверждается объективными факторами, в частности, отказом от дальнейшего совершения противоправного деяния. Содействие проявляется в двух основных направлениях. Во-первых, стороны правоохранительных органов и правонарушителей, направленных на помощь в установление истины и проведении следственных действий. Во-вторых, ключевым фактором является слаженное взаимодействие всех вовлеченных сторон, включая потерпевших, свидетелей и иных лиц, имеющих отношение к рассматриваемому делу. Только скоординированные действия всех сторон способны гарантировать достижение высоких показателей в сфере пресечения преступных деяний и обеспечению общественной безопасности.

Ключевые слова: содействие, деятельностный подход, позитивная посткриминальная деятельность, преступный мотив, субъект деятельности содействия, криминалистическая литература.

Введение

Исследование криминалистической литературы выявило пробелы в области терминологии, имеющие отношение к институту содействия. В нормативно-правовых актах РФ понятие «содействия» не закреплено. В.Ю. Белицкий считает, что критически важно для любой научной категории иметь фундамент строгой терминологии. По его мнению, достижение единообразия в понятийно-категориальном аппарате является ключевым фактором [1, с. 10]. Важно отметить, что отсутствие рассматриваемого определения в Российском законодательстве создает неоднозначность в толковании и пробелах в правоприменении. А.С. Андреев, в результате исследования отмечал, что приблизительно 20% населения РФ в течение периода от четырех до пяти лет оказываются вовлечены в ситуации, связанные с преступной деятельностью, либо посткриминальной [2, с. 40].

Исходя из концепции деятельностной криминалистики, заложенной Г. Гроссом в его руководстве для судебных следователей, представляется целесообразным рассмотреть понятие «содействия раскрытию и расследованию преступлений» в рамках деятельностного подхода. Анализ будет осуществляться по следующей структуре: субъект деятельности (содействия), его мотивы, цели, объект, способы и ожидаемые результаты.

Обзор литературы

Субъект деятельности (содействия)

В процессуальном смысле криминалистическая деятельность выполняет функцию наиболее близкую к доказыванию, и фактически реализуется через него. Следствием этого является то, что круг субъектов, реализующих данное действие, определяется наличием права на доказывание, что в свою очередь, подразумевает право на сбор доказательственной базы. В науке принято считать, что основными субъектами криминалистической деятельности являются уполномоченные на расследование преступлений сотрудники, такие как следователи и дознаватели. Следовательно, эта деятельность по своей сути является правоохранительной.

Проблема оказания содействия следователю со стороны подразделений и служб органов внутренних дел была впервые озвучена В.И. Громыным в 1926 году. Он отмечал, что следственные органы вправе привлекать дознание для решения вопросов, связанных с разграничением процессуальных полномочий субъектов расследования. Круг лиц, содействующих следователю при проведении следственных действий, весьма обширен. В него входят, в частности, эксперты, специалисты, а также представители общественности и средств массовой информации [3, с. 61].

Из этого следует, что при организации взаимодействия следователь выступает в качестве основного координатора, а органы внутренних дел выполняют вспомогательную функцию. В контексте криминалистической теории взаимодействия, содействие следователю со стороны подразделений и служб ОВД при проведении следственных действий приобретает особое значение.

По мнению С.В. Булатовой, криминалистическая значимость суда как субъекта определяется не столько его процессуальной функцией, сколько совокупностью прав и обязанностей, закрепленных в уголовно-процессуальном статусе. В качестве одного из ключевых аргументов в пользу рассматриваемой позиции выдвигается наличие у суда компетенции по самостоятельному формированию доказательственной базы. В частности, суд вправе проводить процессуальные действия, не осуществленные органами предварительного расследования, такие как осмотр, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование [4, с. 22–23].

Согласно исследованию И.А. Журавкова, содействие раскрытию и расследованию преступлений приходит на стороны обвиняемого (подозреваемого) лица. Автор определяет содействие, как активное вовлечение данного лица в раскрытие преступлений, выраженное в позитивном посткриминальном поведении [5, с. 129]. Это способствует установлению обстоятельств, имеющих значение для дела, а также сбору необходимых доказательств.

Потерпевший, помимо своей основной роли, может выступать в качестве субъекта содействия в раскрытии и расследовании престу-

плений. Однако как отмечал Р.С. Белкин, потерпевшие скрывают факт совершенного преступления в том случае, если раскрытие информации повлечет за собой негативные последствия со стороны преследования подозреваемого, обвиняемого [6, с. 302].

Мотив содействия

Мотив – это прежде всего психологическое понятие, которое было адаптировано для нужд уголовного права. Согласно определению из словаря С.А. Кузнецовой, мотив – происходит от французского слова «motif», что означает движущая сила или внутренний фактор, который лежит в основе любого поступка. Он служит причиной, которая подталкивает человека к определенным действиям [7, с. 559].

По мнению Б.В. Харазисвили, юридическая наука, в частности уголовное право, должна опираться на психологическое определение мотива. Он утверждал, что разработка специального, «уголовно-правового» мотива не является научно обоснованной [8, с. 154].

О.В. Круть, считает, что сам по себе мотив не обладает негативной или позитивной окраской, а значит не может рассматриваться в качестве преступного фактора. Противоправным является конкретное действие человека, его поведение и психологическое состояние [9, с. 176].

В рамках уголовного права мотив преступления понимается, как изначальный импульс, который непосредственно побуждает к совершению преступления. Преступные мотивы берут свое начало в потребностях человека. Осознаваемая потребность, сопровождается сильным эмоциональным переживанием, которое в свою очередь служит основой для возникновения преступных побуждений.

Процесс возникновения преступного мотива, построен на последовательности «потребность – эмоции». Преступные побуждения возникают из-за того, что базовые потребности человека не были удовлетворены или были искажены. Когда человек осознает свою потребность это запускает цепную реакцию сильных чувств. Эмоции, будучи внутренним состоянием, служат основным стимулом, побуждающим к противоправным действиям. Необходимо обратить внимание на то, что в контексте данной схемы реализация содействия возможно только при условии добровольности.

Согласно толкованиям С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «добровольный» трактуется как действие, предпринятое по собственной воле, а не внешним принуждением [10, с. 901]. Именно личная воля человека является ключевым элементом содействия, формирующая поведение субъекта относительно его действий/бездействий и поступков.

В исследовании И.А. Журавкова под волей лица, подозреваемого или обвиняемого, понимается процесс принятия решения о сотрудничестве со следствием, который проявляется в форме соглашения о таком сотрудничестве [11, с. 44]. Благодаря данному подходу, подозреваемые и обвиняемые будут мотивированны к содействию в расследовании, ведь заключение соглашения служит подтверждением возможности смягчения приговора, что в свою очередь, способствует эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Возникновение преступности обусловлено не случайностью, а сложным психоэмоциональным механизмом. Этот механизм происходит от базовых человеческих потребностей затем, под воздействием эмоциональных реакций, формируется преступный мотив, который и становится непосредственной причиной совершения противоправного действия.

Объект. И.А. Тарханов справедливо подчеркивал, что поощрение может применяться в том случае, когда деятельность субъекта превосходит стандартные показатели (например, вызов неотложной медицинской помощи, приобретение медикаментов высокой стоимости, организацию и финансирование лечения). Важно отметить, что такие поступки предпринимаются человеком по собственной воле, движимые не ложными мотивами и желанием обрести собственную выгоду [12, с. 109].

В исследовании, проведенном А.С. Андреевым совместно с П.П. Барановым, рассматривается вопрос о проведении четкого разграничения в области оказания содействия. Первое функционировать в рамках уголовного процесса непосредственно участниками, деятельность которых всегда регламентирована УПК. Второе, лицами, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые могут сочетать в себе как гласные, так и негласные методы борьбы с преступностью. Основной задачей содействия расследованию преступления в рамках данной работы является оказание помощи и активное участие в применении правовых норм в контексте посткриминального периода [13, с. 45].

Объективная сторона

Внешнее проявление преступления неизменно представляет собой общественно опасное деяние, будь то активное действие или пассивное бездействие.

В своем исследовании А.С. Андреев определяет содействие расследованию преступлений как многогранный комплекс умышленных и иных актов, осуществляемых субъектами, имеющими отношение к преступному событию. Данные действия ориентированы на оказание помощи и активное участие в надлежащем применении правовых норм в контексте ситуаций, возникающих после совершения преступления. Иными словами, автор рассматривает содействие следствию не просто как единичный акт, а как целенаправленную систему действий, предпринимаемых заинтересованными лицами. Однако их объединяет общая цель – способствовать эффективной реализации правовых предписаний в рамках посткриминального периода [14, с. 5].

Человеческая жизнь – это высшая ценность, однако уголовное законодательство дифференцирует ответственность за преступления исходя из степени общественной опасности деяния. Существует значительная разница в квалификации преступлений, связанных с лишением жизни. Так, простое и квалифицированное убийство признаются преступлениями особой тяжести. Однако, если убийство произошло в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания преступника, оно относится к категории преступлений небольшой тяжести, наравне с такими правонарушениями, как оставление в опасности или кражей. В настоящее время законодательство связывает смягчение меры наказания непосредственно с поступками, приводящими к снижению уровня общественной опасности совершенного преступления и его последствий.

Для комплексной оценки объективной стороны содействия целесообразно обратиться к законодательным положениям УК РФ, в пунктах («и» и «к» часть 1 статья 61), устанавливает перечень видов содействия, при этом законодатель не детализирует их содержание, а лишь констатирует их наличие. Например, (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления и др.).

В одиннадцатой главе УК РФ описаны виды содействия, которые могут быть использованы непосредственно в процессе судебного разбирательства с целью прекращения уголовной ответственности и преследования. К таким способам относится, например, деятельное раскаяние (статья 75 УК РФ) и др.

(Статья 140) УПК РФ регламентирует, определены виды содействия, включающие в себя различные сообщения о преступлении, в том числе заявление потерпевшего, а также информация о противоправном деянии, полученная из других источников, например, в виде рапорта должностного лица и др.

Таким образом, Российское законодательство (УК и УПК РФ) предусматривает механизмы для индивидуального подхода стимулирования обвиняемых к соблюдению закона, а равнозначно и назначению наказания. Содействие заключается в сотрудничестве виновным лицом правоохранительным органам, по розыску имущества, добытого в результате преступления, оказании медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения противоправного деяния и др. Чтобы добиться справедливости законодательство мотивирует преступников к содействию. Данное сотрудничество выражается в различных формах и способах, что приводит к положительным изменениям в их уголовном деле.

Зачастую граждане их родственники оказывающих содействие правоохранительным органам или ставших очевидцами преступлений, сталкиваются с финансовыми, психологическими и физическими потерями, которые остаются без возмещения. В связи с этим, для обеспечения безопасности населения от преступных посягательств, сотрудникам органов внутренних дел и других государственных структур, вовлеченных в борьбу с преступностью, критически важно на регулярной основе анализировать и исследовать влияющие на это факторы. При разработке профилактических мер для данного административного участка необходимо принимать во внимание эти факторы [15, с. 50]. Перечисленные лица, благодаря данным мерам, будут мотивированы оказывать содействие в раскрытии и расследовании противоправных деяний.

Нередко следователю приходится прилагать значительные усилия для того, чтобы побудить лицо, располагающее сведениями, имеющие значение для расследуемого дела, дать свидетельские показания.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками на территории промышленного предприятия был задержан гражданин А. в компании шести сообщников. Задержание произошло в момент совершения ими попытки хищения траков. В рамках расследования было установлено, что хищения на предприятии носили систематический характер, совершались в светлое время суток при наличии свидетелей из числа сотрудников, находившихся на своих рабочих местах. Рабочие, которые пытались остановить незаконные действия или высказывали возражения, были избиты по пути домой. Как следствие, из сооб-

ражений безопасности (жизни и здоровья), сотрудники предприятия воздержались от дальнейшего вмешательства.

Учитывая обстоятельства, сотрудники организации избегали роли свидетелей обвинения в деле А. и его преступной группировки. Существенное изменение обстоятельств было зафиксировано только после того, как следственные органы начали применять практику допроса свидетелей с использованием псевдонимов. По итогам расследования, показания свидетелей подтвердили причастность А. и его сообщников к инкриминируемым деяниям. Кроме того, свидетели успешно опознали А. в условиях, когда прямое визуальное наблюдение опознаваемым было невозможно. Эти показания стали ключевым элементом, послужившим основанием для вынесения обвинительного приговора [16, с. 191].

Материалы и методы

Для достижения исследовательской цели автор использует деятельностный подход: представляет методологическую основу для анализа, сравнения, обобщения и, как следствие, для формирования концепции «содействия раскрытию и расследованию преступлений». Анализ включает в себя следующую схему: субъект, оказывающий содействие, его побуждающие мотивы, цели достижения содействия, объект воздействия, применяемый способ и результат деятельности.

Результаты и обсуждение

Субъект деятельности (содействия)

По проведенному исследованию установлено, что в процессе содействия раскрытию и расследованию преступлений задействован широкий круг субъектов. В рамках данной работы мы уделяем особое внимание досудебной стадии производства. На данной стадии субъектами содействия могут выступать: правоохранительные органы, лица, в отношении которых ведется уголовное преследование (обвиняемые, подозреваемые). Важную роль в установлении истины по уголовному делу также играют потерпевшие, свидетели и иные лица, привлекаемые для оказания содействия.

Мотив содействия

Первоначально может возникнуть впечатление, что оказание содействия является лишь одним из аспектов деятельности правоохранительных органов. Это утверждение справедливо. Однако, помимо данной обязанности, существуют определенные мотивы, которые можно классифицировать по нескольким основаниям:

1. Правовая основа. Мотив деятельности по оказанию содействия регламентируется законодательными актами. Так, правоохранительные органы, в частности следователи обязаны проверять любое сообщение о совершенном или готовящемся преступлении ч. 1 ст. 144 УПК;
2. Обеспечение общественной стабильности и защищенности. Мотив деятельности в данной сфере направлен на пресечение противоправных действий, нейтрализацию угроз для безопасности социума и оказания содействия лицам пострадавшим от преступлений.

Перечисленные мотивы охватывают аспекты работы правоохранительных органов и связаны с оперативным раскрытием ранее совершенных или нераскрытых преступлений, предотвращением новых, основанные на содействии причастных лиц к противоправному деянию.

Содействие со стороны подозреваемого или обвиняемого – это сложный юридический процесс, который может быть вызван различными причинами. С.В. Лаврухин и Ю.В. Францифоров классифицируют четыре основных мотива влияющих на решение подозреваемых и обвиняемых о содействии:

- На стадии предварительного расследования (подозреваемый):
1. самобичевание (самооговор): внутреннее чувство вины или раскаяния может привести к самообвинению;
 2. страх перед соучастниками: угрозы, шантаж или физическое насилие со стороны сообщников могут вынудить подозреваемого взять всю вину на себя, чтобы избежать дальнейших преследований или защитить других.

На стадии судебного разбирательства (обвиняемый):

1. стремление загладить вред: желание исправить причиненный жертве ущерб может стать мотивом для сотрудничества со следствием;
2. боязнь уголовной ответственности: страх перед наказанием может побудить к активным действиям, направленным на смягчение вины или получение более мягкого приговора [17, с. 105].

По мнению О.А. Владимировой, мотивы, побуждающие потерпевших, к помощи следствию, сводятся к следующему: действия преступника, направленные на заглаживание вреда, эмоциональные факторы (родство), а также разоблачение и последующее наказание для предотвращения подобных преступлений в будущем [18, с. 5].

Оказание содействия правоохранительными органами и другими уполномоченными субъектами осуществляется с целью получения необходимой информации о подготавливаемом либо совершенном преступном деянии и установлению истины при проведении расследования. Для подозреваемых и обвиняемых такое содействие направлено на смягчение наказания, либо его полное исключение. Цель содействия потерпевшего, свидетеля является восстановление нарушенных прав и законных интересов. Исследование выявляет поэтапный процесс: от возникновения потребностей через их эмоциональное переживание, к формированию мотивов и целей, и, в конечном итоге, к совершению действий, в том числе противоправных.

Объект. Суть расследования заключается в сочетании процессуальных и не процессуальных действий, но прежде всего – в интеллектуальной деятельности следователя, оперативных и других уполномоченных сотрудников, а также привлеченных специалистов. Именно процессуальная деятельность этих лиц является ключевой. Все остальные мероприятия, связанные с доказательствами (их сбора, исследование, оценка), служат лишь поддержкой и обеспечением основного процесса.

Мы полагаем, что объект содействия раскрытию и расследованию преступлений представляет собой совокупность общественных отношений, формирующихся после совершения противоправного деяния, выраженное в позитивной посткриминальной деятельности. С одной стороны лица подозреваемые/обвиняемые как главные участники противоправного деяния, с другой стороны содействие правоохранительных органов, обеспечивающее оперативное и эффективное расследование преступлений. Поскольку жизнь и здоровье граждан – главные ценности, защищаемые уголовным законом, то потерпевшие и свидетели, участвующие во взаимодействии, также являются частью данного круга.

Объективная сторона

Так, согласно определению Задонского судебного района Липецкой области от 9 декабря 2021 года подсудимым З., обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 223 УК РФ, прекращено на основании ч. 2 ст. 28 УПК РФ, ч. 2 ст. 75 УК РФ в связи с деятельным раскаянием с освобождением З. от уголовной ответственности.

Применение мировым судьей положений статьи 75 УК РФ, признано неправомерным, поскольку установлено наличие у З. судимости за совершение тяжкого преступления. Вместе с тем, согласно примечанию к статье 223 УК РФ, лицо, добровольно передавшее предметы, указанные в данной статье, освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной примечанием. Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что З. добровольно передал сотрудникам правоохранительных органов холодное оружие – нунчаки, при наличии реальной возможности продолжить их хранение, что указывает на добровольный характер его действий.

В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъясняется, что освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, прямо предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, осуществляется в соответствии с правилами, установленными в данных примечаниях. При этом соблюдение общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется, а прекращение уголовного дела и уголовного преследования производится со ссылкой на примечание к соответствующей статье Особенной части УК РФ [19].

По итогам рассмотрения дела, судебная коллегия пришла к выводу о необходимости отмены постановления мирового судьи в отношении З. и возвращения уголовного дела на новое судебное разбирательство, с целью устранения нарушений, выявленных судебной коллегией, и принятия законного и обоснованного решения [20].

Анализ приведенного примера позволяет заключить, что оказание содействия со стороны лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, может рассматриваться как форма позитивного посткриминального поведения после совершения преступления, что, в свою очередь, снижает уровень общественной опасности. При оценке вопроса о том, утратило ли лицо общественную опасность, необходимо учитывать, что, помимо общих видов содействия, существуют также специализированные, которые конкретно оговорены в примечаниях к соответствующим статьям Особенной части УК РФ.

Гражданский районный суд Чувашской Республики рассмотрел дело от 27 февраля 2020 года о превышении должностных полномочий сотрудником исправительного учреждения, гражданином А. Против-

правные деяния произошли в камере, где А., применил физическую силу к заключенному И.

Первоначально И., отказывался давать показания, после чего заявил, что А., его не трогал, и что дело было возбуждено без его заявления. Суд посчитал эти показания недостоверными, расценив их как попытку И., помочь А., избежать наказания.

В ходе судебного разбирательства была просмотрена видеозапись, зафиксировавшая происходившее. На записи видно, как А., ударил И., ладонью по лицу, от чего тот отшатнулся и упал на кровать. Затем А., схватил И., за шею и руку, толкал его, ударяя о скамейку и металлическую кровать, об которую И., ударился головой [21].

Анализ судебной практики позволяет заключить, что эффективность раскрытия и расследования преступления напрямую зависит от безопасности лиц, содействующих уголовному процессу. Как показывает пример, подозреваемые, обвиняемые и их близкие могут быть подвержены давлению, запугиванию и другим незаконным действиям в отношении потерпевших, свидетелей. Следовательно содействие с их стороны возможно при наличии безопасности, предоставляемой этим категориям граждан.

Автор исследования, основываясь на проведенном анализе, заключает, что объективная сторона содействия раскрытию и расследованию преступлений охватывает внешне выраженное поведение, которое проявляется в активных действиях. Главная цель такого поведения – установление истины в расследовании и раскрытии дела. Важно отметить, что законодательство поощряет такую помощь как со стороны лиц, вовлеченных в преступное событие, так и со стороны незаинтересованных граждан. Содействие может проявляться в различных видах, как предусмотренных уголовным законом, например, пункт «и» часть 1 статья 61 явка с повинной. Вытекающие из диспозиций норм например, примечаний к (статья 222 добровольная выдача орудий преступления), а также криминалистических способах содействия.

Заключение

Автор, опираясь на результаты исследования формирует дефиницию термина «содействие раскрытию и расследованию преступлений», под которым понимается комплекс позитивных посткриминальных мероприятий, направленных, на оказание помощи в раскрытии и расследовании преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Данный процесс предполагает активное вовлечение множества сторон, среди которых ключевыми субъектами выступают представители правоохранительных органов, а также лица, причастные к совершению противоправных деяний. Меры содействия включают в себя: действия правонарушителя, направленные на помощь в установлении истины и проведении следственных мероприятий. Оптимизацию работы сотрудников, занимающихся розыском, а также потерпевших, свидетелей и иных лиц, вовлеченных в процесс. Только через совместные усилия можно достичь высоких результатов в борьбе с преступностью и обеспечить безопасность общества в целом. Данная статья – первый шаг в исследовании. В дальнейшем мы намерены изучить практическую связь содействия с составом преступления и разработать удобную для использования классификацию способов.

Литература

1. Белицкий, В.Ю. Понятийно-категориальный аппарат криминалистической науки // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1 (13). – С. 9–15.
2. Андреев, А.С. Начальная посткриминальная деятельность и ее влияние на исходную следственную ситуацию расследования тяжких и особо тяжких преступлений // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 2. – С. 38–45.
3. Зуева, Е.И. Содействие подразделениями и службами ОВД следователю при производстве следственных действий // Право и образование. – 2009. – № 12. – С. 162–167.
4. Булатова, С.В. Субъекты криминалистической деятельности сквозь призму уголовно-процессуального статуса // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – С. 20–29.
5. Журавков, И.А. Содействие подозреваемого, обвиняемого расследованию преступления как объект криминалистического исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. СПбГЭУ. – 2023. – № 11. – С. 127–130.
6. Шаихов, Э.А. Субъекты и виды противодействия расследованию преступлений // Молодой ученый. – 2025. – № 16 (567). – С. 299–302.
7. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008 – С. 1534.

8. Оганесян, Б.Л. Понятие мотива преступления в теории уголовного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 6 (89). – С. 153–158.

9. Круть, О.В. Мотивация, мотив и цель преступления: соотношение понятий // Вестник института экономических исследований. – 2017. – № 3 (7). – С. 172–177.

10. Богданов, В. П., Богданова, И.С. Понятие добровольности в примечаниях к статьям 291 и 2911 Уголовного кодекса Российской Федерации / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13., Вып. 4. – С. 896–909.

11. Журавков, И.А. Содействие подозреваемого (обвиняемого) расследованию преступлений: организационные и тактические аспекты: 5.1.4 – уголовно-правовые науки (юридические науки): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Журавков Илья Александрович – Краснодар, 2024. – С. 229.

12. Боярская, А.В. Виды позитивного посткриминального поведения, поощряемого положениями ч. 2, 4 ст. 62 уголовного кодекса российской федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». Омск. – 2022. – Т. 19. – № 3. – С. 108–117.

13. Андреев, А. С., Баранов, П.П. Закономерности содействия расследованию преступлений и предмет науки криминалистики // Криминалистика, судебно-экспертная деятельность теория оперативно-розыскной деятельности. Юрист-Правовед. – 2022. – № 3 (102). – С. 43–47.

14. Андреев, А.С. Тактические операции, направленные на создание позитивной посткриминальной деятельности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Экономические и юридические науки. Известия ТулГУ. – 2022. – Выпуск 1. – С. 3–14.

15. Варданян, А.В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1 (17). – С. 44–51.

16. Шавкарова, Е.Е. Соблюдение прав свидетеля в процессе возбуждения к участию в расследовании преступлений // Вестник волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 189–195.

17. Лаврухин, С. В., Францифоров, Ю.В. Содействие подозреваемого и обвиняемого расследованию преступления // Публичное и частное право. ФГБОУ ВО Саратовская государственная юридическая академия. – 2019. – № 3 (43). – С. 103–111.

18. Владимиров, О.А. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности // Научный журнал КубГАУ. – 2011. – № 68 (04). – С. 1–10.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016): опубликован в «Российской газете» от 5 июля 2013 г. № 145, в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, август 2013 г., № 8.

20. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по вопросам прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ): Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27.10.2023 г. [Электронный ресурс] URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiksiipovoprosam-prekrashcheniya-ugolo/> – [дата обращения 06.10.2025].

21. Приговор от 27.02.2020 № 1–9/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oevlcPqCxaXn/> – [дата обращения 06.10.2025].

AN ACTIVITY-BASED APPROACH AS THE BASIS FOR FORMING THE CONCEPT OF AN INSTITUTION THAT PROMOTES THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

Kazanov A.A.

The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Given that the level and forms of crime in modern society are constantly becoming more complex, the task of increasing the effectiveness of criminal investigation and ensuring public safety is becoming more urgent. In the presented article, the author analyzes the institute of assistance, identifying the key problem – the lack of a single, generally accepted definition. To achieve this goal, it uses an activity-based approach that contains a methodological framework for analyzing, comparing, and summarizing data. The approach allows us to form the concept of “facilitating the detection and investigation of a crime.” The analysis is based on the study of the following aspects: the subject of the assistance activity, its motives, goals, the object of influence, the methods used and the results obtained. Through the study of criminalistic literature and the application of an activity-based approach, the concept is formulated and, according to the author's vision, assistance to the detection

and investigation of crimes is defined as a set of positive post-criminal measures aimed at assisting in the detection and investigation of crimes by law enforcement officers. Actions should be based on voluntariness, internal motives and intentions, which is confirmed by objective factors, in particular, the refusal to commit further illegal acts. Assistance is manifested in two main directions. Firstly, the law enforcement agencies and offenders aimed at helping to establish the truth and conduct investigative actions. Secondly, the key factor is the well-coordinated interaction of all parties involved, including victims, witnesses and other persons relevant to the case under consideration. Only coordinated actions by all parties can guarantee the achievement of high standards in the field of suppression of criminal acts and ensuring public safety.

Keywords: assistance, activity-based approach, positive post-criminal activity, criminal motive, subject of assistance, criminalistic literature.

References

1. Belitsky, V. Y. conceptual and categorical apparatus of criminalistic science // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. – 2020. – № 1 (13). – Pp. 9–15.
2. Andreev, A. S. initial post-criminal activity and its impact on the initial investigative situation of the investigation of serious and especially serious crimes // *legal order and legal values*. – 2024. – No. 2. – pp. 38–45.
3. Zueva, E. I. assistance to the units and services of the Department of Internal Affairs to the investigator during investigative actions // *law and education*. – 2009. – No. 12. – pp. 162–167.
4. Bulatova, S.V. Subjects of criminalistic activity through the prism of criminal procedural status // *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. – 2018. pp. 20–29.
5. Zhuravkov, I. A. consequences of a suspicious, accused investigation of a crime as an object of criminalistic research // *humanities, socio-economic and social sciences*. St. Petersburg State University. – 2023. – No. 11. – pp. 127–130.
6. Shaikhov, E. A. Subjects and types of counteraction to crime investigation // *young scientist*. – 2025. – № 16 (567). – Pp. 299–302.
7. Kuznetsov, S. A. A large explanatory dictionary of the Russian language / S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: norint; Moscow: RIPOL classic, 2008 – p. 1534.
8. Oganessian, B. L. the concept of motive of crime in the theory of criminal law // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2012. – № 6 (89). – Pp. 153–158.
9. Krut, O. V. motivation, motive and purpose of crime: correlation of concepts // *Bulletin of the Institute of Economic Research*. – 2017. – № 3 (7). – Pp. 172–177.
10. Bogdanov, V. P., Bogdanova, I. S. the concept of voluntariness in the notes to articles 291 and 2911 of the Criminal Code of the Russian Federation / *Bulletin of the Saint Petersburg University. Right*. – 2022. – Vol. 13., Issue 4. – pp. 896–909.
11. Zhuravkov, I. A. consequences of the suspect (accused) in the investigation of crimes: organizational and tactical aspects: 5.1.4 – criminal law sciences (legal sciences): Dissertation for the degree of Candidate of Law / Ilya Aleksandrovich Zhuravko – Krasnodar, 2024. – p. 229.
12. Boyarskaya, A.V. types of positive post-criminal behavior encouraged by the provisions of Parts 2, 4 of art. 62 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Bulletin of Omsk University. The Pravo series*. Omsk, 2022, vol. 19, No. 3, pp. 108–117.
13. Andreev A. S., Baranov P.P. Patterns of investigation in the investigation of crimes and the subject of the science of criminalistics // *Criminalistics, forensic expert activity theory of operational investigative activities. A lawyer is a jurist*. – 2022. – № 3 (102). – Pp. 43–47.
14. Andreev, A.S. Tactical operations aimed at creating positive post-criminal activities in the detection, investigation and prevention of crimes // *Economic and legal sciences. News of TulSU*. – 2022. – Issue 1. – pp. 3–14.
15. Vardanyan, A.V. The development of a system of knowledge about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminology // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow*. – 2021. – № 1 (17). – Pp. 44–51.
16. Shavkarova, E. E. investigation of the rights of a witness in the process of inducement to participate in the investigation of crimes // *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 4 (51). – Pp. 189–195.
17. Lavrukhin, S. V., Frankiforov, Yu. V. consequences of a suspicious and accused investigation of a crime // *public and private law. Saratov State Law Academy named after*. – 2019. – № 3 (43). – Pp. 103–111.
18. Vladimirova, O.A. Reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability // *KubGAU scientific journal*. – 2011. – № 68 (04). – Pp. 1–10.
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the application by Courts of legislation Regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability” dated 06/27/2013 No. 19 (as amended on 11/29/2016): published in *Rossiyskaya Gazeta* dated July 5, 2013 No. 145, in the *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, August 2013, No. 8.
20. Review of judicial practice of cassation courts of general jurisdiction on the termination of criminal proceedings in connection with active repentance (Article 28 of the Code of Criminal Procedure): official website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on 10/27/2023 [Electronic resource] URL: <url> <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktsii-po-voprosam-prekrashcheniya-ugolo> / – [date of appeal 06.10.2025].
21. Verdict of 27.02.2020 No. 1–9 / 2020 [Electronic resource] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oevlcPqCxaxn> / – [accessed 06.10.2025].

Модель «процессуального хаба цифровых доказательств», как необходимый шаг цифровой трансформации уголовного судопроизводства: интеграция данных из несвязанных источников

Капитонова Эльвира Вильусовна,

ведущий специалист, референт государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса, Прокуратура Республики Татарстан
E-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

Исследуется концепция Процессуального хаба цифровых доказательств (ПХЦД) как унифицированной технологической платформы для уголовного процесса. Её задача – интегрировать информацию из разобщённых источников (систем наблюдения, IoT, финансовых и корпоративных серверов) для формирования целостной картины преступления.

Ключевой правовой барьер – обеспечение допустимости таких данных при соблюдении конституционных прав. Для этого требуется создание специальной процессуальной формы – протокола, фиксирующего весь цикл формирования доказательства.

Легитимация модели предполагает системные изменения УПК РФ: введение нового следственного действия на основе судебного решения, признание «цифрового доказательства» самостоятельным видом, а также детальную регламентацию доступа, хранения и использования информации. Вывод: внедрение ПХЦД при адекватных правовых гарантиях – объективный этап модернизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова. Цифровые доказательства, процессуальный хаб, уголовный процесс, цифровизация, допустимость доказательств, персональные данные, искусственный интеллект.

Введение

Современная преступность все чаще носит цифровой характер, оставляя следы в разнородных информационных системах [5]. Традиционные методы доказывания оказываются малоэффективными для работы с большими массивами данных (Big Data), распределёнными между административно не связанными источниками. Это приводит к фрагментации цифрового следа и сложностям в восстановлении целостной картины преступной деятельности, особенно в сфере экономических и коррупционных преступлений [7].

В ответ на этот вызов формируется концепция «Процессуального хаба цифровых доказательств» (ПХЦД) – централизованной программно-аппаратной платформы, предназначенной для консолидированного сбора, верификации, анализа и процессуального оформления цифровой информации [3]. Актуальность разработки подтверждается статистикой: объем данных с камер видеонаблюдения в РФ к 2025 г. может достичь 2500 Пб, а количество IoT-устройств – превысить 150 млн единиц [10].

Основная проблема заключается в отсутствии в действующем УПК РФ единого механизма для легального получения и использования агрегированных цифровых данных, что создает риски признания таких сведений недопустимыми доказательствами [11].

ПХЦД представляет собой технологическую и процессуальную новеллу, призванную преодолеть информационную разобщенность. Его ядром является платформа, которая по судебному решению или постановлению следователя формирует автоматизированные запросы к подключенным системам через защищенные каналы связи [5].

Интеграция предполагает работу с пятью ключевыми сегментами цифровой среды: 1. Системы видеонаблюдения (городские камеры, частные системы, транспортные регистраторы). 2. Банковские и финансовые системы (транзакции, движение капитала). 3. Биржевые терминалы и системы финмониторинга. 4. Устройства Интернета вещей (IoT): смартфоны, носимые устройства, системы «умный дом». 5. Корпоративные серверы и почтовые системы (внутренний документооборот).

Результатом работы ПХЦД является не просто совокупность данных, а аналитический продукт – систематизированное, визуализированное отображение взаимосвязей между событиями, лицами и объектами. Например, установление корреляции между встречами лиц (данные камер), их переговорами (данные оператора) и финансовой операцией (банковские данные) [3]. Это позволяет преобразовывать косвенные улики в единую, наглядную доказательственную конструкцию.

Несмотря на оперативно-следственный потенциал, внедрение ПХЦД сопряжено со значительными правовыми рисками, главный из которых – недопустимость полученных сведений согласно ст. 75 УПК РФ.

Обработка информации через Хаб неизбежно предполагает масштабную обработку персональных данных, включая специальные категории (биометрические данные с камер), без прямого согласия субъекта. [6]. Это требует поиска правовых оснований в рамках уголовного судопроизводства и обеспечения соответствия принципам, установленным Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Агрегация разрозненных данных, каждый из которых в отдельности может не нарушать частную жизнь, при формировании единого цифрового профиля лица способна привести к тотальному контролю [8]. Такое вмешательство должно быть соразмерным тяжести инкриминируемого преступления и основываться на судебном решении (ст. 23 Конституции РФ).

Действующий УПК РФ не содержит специальной процедуры формирования комплексных цифровых доказательств. Отсутствие урегулированного протокола, фиксирующего исходный запрос, параметры алгоритмов, перечень источников и ответственных лиц, лишает сторону защиты возможности проверить генезис доказательства, нарушая принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ).

Для легализации модели ПХЦД и минимизации правовых рисков требуется внесение системных изменений в УПК РФ. Целесообразно дополнить главу 22 УПК РФ новой статьей 164.2 («Получение цифро-

вых доказательств с использованием Процессуального хаба»). Нормы должны установить: Основание – судебное решение, вынесенное в порядке, аналогичном ст. 165 УПК РФ; порядок обращения к Хаб; обязанность следователя мотивировать ходатайство, указав круг лиц, временные рамки, конкретные информационные системы и искомые взаимосвязи; требование о составлении отдельного протокола.

Статью 74 УПК РФ следует дополнить частью 3, закрепляющей «цифровое доказательство» в качестве самостоятельного источника. Определение должно указывать, что это сведения, полученные в результате агрегации и анализа данных из информационных систем, представленные в форме, пригодной для восприятия, проверки и оценки судом [1]. Это ликвидирует правовой вакуум и установит единообразие судебной практики.

Необходимо ввести статью 165.1 («Судебный порядок получения разрешения на использование Процессуального хаба цифровых доказательств»). Данная процедура должна предусматривать детальную проверку судом соразмерности запрашиваемых мер, обеспечивая превентивный контроль за наиболее вмешивающимися в частную жизнь операциями.

Требуется новая статья 84.1 («Протокол формирования цифрового доказательства»), детально фиксирующая: реквизиты судебного решения; исходный запрос следователя; примененные алгоритмы поиска и анализа; перечень подключенных информационных систем с метаданными; дату, время формирования отчета; должностных лиц, ответственных за проведение процедуры; форму представления результатов (визуализация, график, схема) [4]. Такой протокол станет гарантией достоверности и проверяемости.

Главу 56 УПК РФ («Хранение вещественных доказательств») целесообразно дополнить статьей 476 («Особенности хранения и уничтожения цифровых доказательств»), устанавливающей специальный правовой режим для информации, полученной через Хаб, включая правила ее защиты, упаковки, передачи и окончательного изъятия.

Для правовой определенности необходимо ввести в УПК РФ следующие изменения: 1. Дополнить ст. 5 УПК РФ пунктами, дающими определения «Процессуального хаба цифровых доказательств» и «Оператора Процессуального хаба». 2. Ввести в главу 6 УПК РФ статью 38.1, закрепляющую правовой статус оператора Хаба как самостоятельного участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения, определяя его права, обязанности и ответственность.

Параллельно с законодательными изменениями необходима разработка отраслевого этико-правового кодекса для операторов ПХЦД. Этот документ должен установить стандарты профессионального поведения, направленные на недопущение злоупотреблений, обеспечение беспристрастности и защиту конфиденциальности обрабатываемых данных [2].

Закключение

Концепция Процессуального хаба цифровых доказательств представляет собой адекватный ответ на вызовы цифровой эпохи в сфере уголовного судопроизводства. Она направлена на повышение эффективности расследования латентных и сложноорганизованных преступлений за счет преодоления фрагментарности цифровых следов.

Однако реализация данного потенциала невозможна без создания прочных правовых оснований. Предложенный комплекс поправок в УПК РФ – от закрепления нового следственного действия и источника доказательств до установления специализированной судебной процедуры и процессуальной формы – призван обеспечить необходимый баланс. С одной стороны, он легализует использование передовых технологий для целей правосудия, с другой – создает многоуровневую систему гарантий от произвола, основываясь на принципах соразмерности, состязательности и проверяемости.

Внедрение ПХЦД в предложенной правовой модели будет способствовать формированию современной, технологически оснащенной и одновременно справедливой системы уголовного доказывания, отвечающей как потребностям борьбы с преступностью, так и императивам защиты фундаментальных прав и свобод человека.

Литература

1. Баев О.Я. Цифровые следы в уголовном процессе: проблемы теории и практики. Москва: Норма, 2022. 208 с.
2. Brown I., Korff D. The challenges of ethically responsible big data-driven policing // *International Journal of Law and Information Technology*. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 45–67.
3. Обзор практики рассмотрения судами уголовных дел о коррупции за 2022 год: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.07.2021. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).

5. Общая характеристика современной киберпреступности и транснациональных преступных схем // *Вестник Московского университета МВД России*. 2021. № 4. С. 15–22.

6. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

7. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Москва: Проспект, 2019. С. 145.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.12.2015 по делу «Роман Захаркин (Roman Zakharkin) против России» (жалоба № 47143/06).

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 44. Ст. 4358.

10. Прогнозные данные рынка видеонаблюдения и интернета вещей в РФ // Аналитический отчет РАЭК. 2023. URL: <https://raec.ru/> (дата обращения: 01.11.2025).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2023).

MODEL OF THE «DIGITAL EVIDENCE PROCEDURAL HUB» AS A NECESSARY STEP IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: INTEGRATION OF DATA FROM UNRELATED SOURCES

Kapitonova E.V.

Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan

The article discusses the concept of the «Procedural Hub for Digital Evidence» (PHDE) – a centralised platform for handling digital data in criminal proceedings. Its aim is to overcome the fragmentation of information from surveillance systems, IoT, financial and corporate systems, thereby creating a cohesive evidential picture, particularly in complex cases. Legal issues surrounding its implementation are examined, the main one being the assurance of data admissibility while respecting privacy rights. To minimise risks, it is suggested that a special protocol for the formation of digital evidence be introduced, ensuring the verifiability of the process.

The legitimisation of the model requires amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: regulating investigative actions using the PHDE by judicial decision, establishing «digital evidence» as an independent category, and detailing the procedure for sanctioning access to and use of data. It is concluded that the implementation of the PHDE, with adequate legal guarantees, is a necessary step towards the digital transformation of criminal proceedings.

Keywords: Digital evidence, procedural hub, criminal process, digitalisation, admissibility of evidence, personal data, artificial intelligence.

References

1. Baev O.Y. Digital footprints in criminal proceedings: problems of theory and practice. Moscow: Norma, 2022. 208 pp.
2. Brown I., Korff D. The challenges of ethically responsible big data-driven policing // *International Journal of Law and Information Technology*. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 45–67.
3. Overview of court practices regarding corruption cases for 2022: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (accessed: 01.11.2025).
4. Overview of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021): approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 07.07.2021. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (accessed: 01.11.2025).
5. General characteristics of contemporary cybercrime and transnational criminal schemes // *Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021. No. 4. Pp. 15–22.
6. On personal data: Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 14.07.2022) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.
7. Petrukhin I.L. Theoretical foundations of the reform of criminal procedure in Russia. Moscow: Prospect, 2019. P. 145.
8. Judgment of the European Court of Human Rights of 04.12.2015 in the case of «Roman Zakharkin v. Russia» (Application No. 47143/06).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 30.10.2003 No. 15-P «On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of the Federal Law 'On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation'» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2003. No. 44. Art. 4358.
10. Market forecast data for video surveillance and the Internet of Things in the Russian Federation // *Analytical report of the RAEC*. 2023. URL: <https://raec.ru/> (accessed: 01.11.2025).
11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 24.04.2023).

Функциональный дуализм процессуальных сроков: модель анализа и классификации в уголовном судопроизводстве России

Маркин Илья Сергеевич,

старший преподаватель «Департамента публичного права»,
ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

E-mail: markin-ilya@yandex.ru

Цель исследования – преодоление доктринальной неопределённости в понимании природы уголовно-процессуальных сроков и разработка концептуально замкнутой модели их анализа и классификации, позволяющей выявлять системные дисбалансы действующего законодательства Российской Федерации. Объектом исследования выступают процессуальные правоотношения, возникающие в уголовном судопроизводстве и ограниченные временными рамками. Предметом является функциональная природа процессуальных сроков как двуадресного регулятора, встроенного в конкретное правоотношение. В работе применены диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы. Показано, что отсутствие легального определения и единого классификационного основания приводит к противоречивой правоприменительной практике и нарушению баланса публичных и частных интересов. На основе критики традиционных подходов предложена авторская дефиниция процессуального срока и четырёхклассовая модель «Функциональный дуализм», вытекающая из единого критерия – доминирующей функции срока в конкретном правоотношении при обязательном учёте его дуалистической природы. Применение модели к нормам УПК РФ выявляет гипертрофию сроков, обслуживающих публичный интерес (классы I и II), и дефицит гарантий частного интереса (классы III и IV). Сформулированы предложения по реформированию института процессуальных сроков. Результаты исследования вносят вклад в развитие общей теории уголовно-процессуального регулирования, а также имеют прикладное значение: разработанная модель и предложения по реформе могут быть использованы для совершенствования УПК РФ и унификации правоприменительной практики.

Ключевые слова: процессуальные сроки, уголовное судопроизводство, правоотношение, гарантия, функциональный дуализм, классификация сроков, баланс интересов, УПК РФ.

Современное регулирование процессуальных сроков в российском уголовном судопроизводстве отличается парадоксальным сочетанием избыточной детализации норм и фундаментальной концептуальной неопределённости. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит более полутора сотен норм, устанавливающих временные рамки совершения процессуальных действий и принятия решений, однако категория «уголовно-процессуальный срок» не имеет легального определения. Отсутствие дефиниции в статье 5 УПК РФ и в иных положениях Кодекса не является случайным терминологическим упущением. Оно порождает глубокую доктринальную неоднородность, противоречивую правоприменительную практику и, что наиболее существенно, лишает законодателя чёткого концептуального основания для построения внутренне согласованной системы временного регулирования производства по уголовным делам. Попытка частично компенсировать этот пробел введением в 2010 году статьи 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства» не решила проблему по существу. Принцип разумности остаётся декларативным коррективом, не отменяющим формальных, многократно продлеваемых сроков предварительного расследования и содержания под стражей. При этом он возлагает на частное лицо бремя доказывания неразумной длительности и обращения за компенсацией по Федеральному закону от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ. Таким образом, даже на законодательном уровне сохраняется приоритет публичного интереса над частным.

В условиях законодательного вакуума понятие процессуального срока формируется исключительно в научной доктрине, где на протяжении десятилетий конкурируют три основных подхода.

Первый из них, условно именуемый формально-временным, представленный в работах И.М. Гуткина, Л.М. Васильева, Ю.Е. Кайгародовой, К.Б. Калиновского и других авторов [1–6], сводит срок к установленному законом или иным нормативным актом периоду времени, в течение которого должно быть совершено или от которого следует воздержаться от совершения процессуального действия. При всей внешней простоте данный подход страдает существенным недостатком: он редуцирует процессуальный срок к чисто техническому параметру, полностью игнорируя его правоотношенческий контекст, гарантийную функцию и юридические последствия истечения или нарушения. Второй подход, функционально-гарантийный, развиваемый А.П. Гуляевым, А.В. Победкиным, В.В. Вандышевым и рядом других учёных [7–9], определяет сроки как особую форму процессуальных гарантий быстроты производства и защиты прав участников уголовного судопроизводства. Несмотря на акцент на целевом назначении, этот подход остаётся чрезмерно обобщённым и не способен дифференцировать гарантии публичного и частного интереса, что делает его малоприменимым для построения строгой классификации. Третий, компромиссный или синтетический подход, представленный в исследованиях И.В. Маслова, Т.Л. Корепановой, Р.П. Сокола и других авторов [10–12], пытается объединить временной и гарантийный аспекты, определяя процессуальный срок как установленный законом период времени, направленный на достижение целей судопроизводства и обеспечение прав участников. Однако и он остаётся эклектичным, не раскрывая внутренней необходимой связи между временной формой и гарантией-целевым содержанием в рамках конкретного правоотношения.

Обобщающий критический вывод из анализа доктринальных дефиниций заключается в том, что все рассмотренные подходы рассматривают процессуальный срок как самодостаточный, изолированный феномен – будь то отрезок времени, гарантия или их механическая сумма – существующий вне и независимо от конкретной структуры процессуальных отношений. Вследствие этого опускается из виду его подлинная дуалистическая, двуадресная природа, которая раскрывается исключительно в контексте конкретного уголовно-процессуального правоотношения. Срок никогда не существует в правовом вакууме, он всегда выступает необходимым элементом связи между доминирующим полномочием или обязанностью одного субъекта и корреспондирующим ему правом, законным интересом или правомерным ограничением другого субъекта.

Те же системные проблемы, порождённые отсутствием чёткого понятийного фундамента, воспроизводятся в многообразии доктри-

нальных классификаций процессуальных сроков. Классификация по стадийной принадлежности (досудебные и судебные сроки) носит сугубо технико-описательный характер, дублируя структуру УПК РФ, но не объясняя функциональных различий однородных по природе сроков на разных этапах производства [13; 14]. Классификация по субъектному составу или адресату упрощает реальность, предполагая одностороннюю направленность срока и игнорируя его корреспондирующий, дуалистический характер: срок, адресованный должностному лицу, одновременно является гарантией для частного лица и наоборот. Классификация по способу исчисления (сроки-периоды и сроки-моменты, исчисляемые часами, сутками, месяцами, определённые и неопределённые) отражает исключительно технику законодательной техники и бесполезна для содержательного анализа цели и правового режима срока [13; 14]. Даже правила исчисления, закреплённые в ст. 128 УПК РФ, сами по себе иллюстрируют дуалистическую природу: при ограничении свободы в срок включается нерабочее время, подчёркивая доминирующую функцию принуждения и недопустимость искусственного продления; напротив, при реализации прав частных лиц окончание срока, пришедшегося на нерабочий день, переносится на следующий рабочий, обеспечивая реальную возможность воспользоваться правом и создавая корреспондирующую обязанность органа власти дожидаться этого момента.

Классификация по правовой природе (делопроизводственные и собственно процессуальные), восходящая к И.Я. Фойницкому [15; 16], обладает определённой диагностической ценностью в отсечении чисто административных регламентов. Однако её ключевой критерий – наличие или отсутствие процессуальных последствий нарушения – остаётся размытым, а сама классификация выполняет лишь негативную функцию, не предлагая позитивной системы анализа. Наиболее близкой к сущностному анализу является классификация по функциональному назначению (сроки, гарантирующие оперативность производства, защищающие права участников, обеспечивающие прокурорский надзор и т.д.) [14; 17]. Однако она страдает от отсутствия единого взаимоисключающего основания, что неизбежно приводит к пересекаемости и условности категорий.

Синтетический критический вывод в отношении всего спектра традиционных классификаций состоит в том, что они, будучи многочисленными, многокритериальными и зачастую накладывающимися друг на друга, не образуют непротиворечивой, иерархически выстроенной логической системы. Они не вытекают из необходимости из сущностного определения процессуального срока и потому не могут служить надёжным аналитическим инструментом для диагностики системных дисбалансов в законодательстве и выработки последовательной программы его реформирования.

Преодоление выявленных теоретических ограничений возможно только путём построения определения, которое интегрирует три конститутивных элемента: темпоральную форму, правоотношенческую сущность с обязательным учётом дуализма и гарантированные юридические последствия. С этой позиции предлагается следующая дефиниция: уголовно-процессуальный срок – это императивно установленный или определяемый законом временной предел, имеющий дуалистическую природу и обязательные процессуальные последствия нарушения, направленный одновременно на регламентацию государственной властной деятельности и на гарантирование прав личности в уголовном судопроизводстве.

Из предложенного определения с логической необходимостью вытекает единый сущностный критерий классификации – доминирующая функция срока в конкретном правоотношении в сочетании с первичным адресатом регулирования. Данный критерий позволяет построить исчерпывающую четырёхклассовую систему – модель «Функциональный дуализм».

Модель «Функциональный дуализм» представляет собой авторскую теоретическую конструкцию, разработанную для преодоления ограничений традиционных доктринальных подходов к институту процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве. Её ключевая идея заключается в признании дуалистической (двуадресной) природы любого процессуального срока: он всегда одновременно выполняет две неразрывно связанные функции – доминирующую (законодательно заданную цель установления срока) и производную (вторичный, но обязательный эффект для противоположной стороны правоотношения). Эта дуалистичность раскрывается исключительно в контексте конкретного уголовно-процессуального правоотношения, где срок выступает связующим элементом между полномочием (обязанностью) одного субъекта и корреспондирующим правом (или правомерным ограничением права) другого.

Модель опирается на три конститутивных элемента авторского определения процессуального срока:

1. Темпоральная форма – императивный или диспозитивный временной интервал как объективный измеритель процессуальной деятельности.

2. Правоотношенческая сущность – встроенность срока в структуру конкретного правоотношения, где он обеспечивает динамику перехода от одного юридического факта к другому.

3. Гарантированные последствия – обязательное наличие процессуальных (а не только дисциплинарных) санкций за нарушение, что отличает процессуальные сроки от организационных.

Дуализм проявляется в том, что срок никогда не является односторонним: регламентируя деятельность должностного лица (публичный интерес), он неизбежно создаёт гарантию предсказуемости и защиты от произвола для частного лица, и наоборот. Это соответствует принципу баланса интересов в уголовном процессе (ст. 6.1 УПК РФ, ст. 46 Конституции РФ) и отражает диалектику публичного и частного в правовом регулировании.

Модель одноуровневая и исчерпывающая, строится на пересечении двух критериев – функциональной доминанты и адресата регулирования, образуя четыре взаимоисключающие класса (табл. 1)

Таблица 1. Модель «Функциональный дуализм» процессуальных сроков

Класс модели	Сущностный критерий: Доминирующая функция и первичный адресат	Примеры из УПК РФ (с указанием срока)	Конкретный дуалистический механизм	Тип процессуальных последствий нарушения
I. Публично-регламентирующие сроки	Ограничение дискреции власти. Первичный адресат – должностное лицо (следователь, дознаватель).	Ст. 144–3/10/30 суток на проверку сообщения о преступлении. Ст. 162–2 месяца общего срока следствия.	Срок ограничивает полномочие власти → для личности это гарантия правовой определённости и защита от волокиты.	Пресекательно – восстановительные (например, право на обжалование бездействия, возможное признание доказательств недопустимыми).
II. Сроки публичного принуждения	Регламентация ограничения прав личности. Первичный – частное лицо (подозреваемый, обвиняемый).	Ст. 94–48 часов срока задержания. Ст. 109–2 месяца содержания под стражей (с продлением).	Срок формально ограничивает право (на свободу) → но по существу гарантирует его от чрезмерного и бессрочного ограничения.	Пресекательно – восстановительные (автоматическое освобождение, изменение/отмена меры пресечения).
III. Сроки ограничения власти (гарантийно-обязывающие)	Обеспечение обязанности государства оперативно реагировать. Первичный адресат – должностное лицо (следователь, прокурор).	Ст. 121–3 суток на рассмотрение ходатайства. Ст. 124–3 суток на проверку жалобы прокурором.	Срок обязывает власть действовать → для личности это гарантия эффективности её процессуальных прав (на обращение, защиту).	Компенсационно – восстановительные (обязание рассмотреть обращение, восстановление права, взыскание компенсации).
IV. Сроки прямой частной гарантии	Предоставление времени для реализации права. Первичный адресат – частное лицо (обвиняемый, защитник, потерпевший).	Ст. 217 – срок для ознакомления с материалами дела. Ст. 389–15 суток на апелляционное обжалование.	Срок предоставляет право лицу → для власти возникает корреспондирующая обязанность обеспечить условия и ждать.	Дисциплинарно – контрольные и восстановительные (восстановление пропущенного срока при уважительности, дисциплинарное взыскание за воспрепятствование).

Каждый класс характеризуется специфическим дуалистическим механизмом и соответствующим видом процессуальных последствий нарушения: пресекательно-восстановительные для первого и второго классов, компенсационно-восстановительные для треть-

его, дисциплинарно-контрольные и восстановительные для четвёртого.

Механизм дуализма работает следующим образом: доминирующая функция определяет класс и первичную цель нормы, производная – обеспечивает баланс, предотвращая односторонний перекося. Нарушение срока влечёт последствия, соответствующие доминирующей функции (пресекательные для гарантийных классов, восстановительные для регламентирующих).

Преимуществами модели перед традиционными подходами являются:

1. Логическая замкнутость и исчерпаемость: четыре класса охватывают все сроки с процессуальными последствиями; сроки без таких последствий автоматически исключаются.

2. Объяснительная сила: модель раскрывает, почему один срок (например, ст. 109 УПК РФ) одновременно ограничивает свободу и защищает от произвола.

3. Диагностическая сила: выявляет дисбаланс УПК РФ – гипертрофию публично-регламентирующих сроков при дефиците гарантийных.

4. Прогностическая сила: предопределяет адекватные санкции и направления реформ (абсолютные сроки для публичных классов, жёсткие минимумы для гарантийных).

Применение разработанной модели к действующим нормам УПК РФ выявляет ярко выраженный системный дисбаланс: гипертрофию первого и второго классов, обслуживающих преимущественно публичный интерес, и одновременно дефицит, а также слабую правовую защищённость третьего и четвёртого классов, ориентированных на частный интерес. Сроки публично-регламентирующие и сроки публичного принуждения отличаются дробностью регулирования, многоступенчатостью и практически неограниченной возможностью продления, слабостью санкций за нарушение [13; 18]. Напротив, сроки, обеспечивающие оперативное рассмотрение жалоб, ходатайств, предоставление материалов дела, обжалование, зачастую носят декларативный характер, а последствия их нарушения либо не предусмотрены вовсе, либо крайне слабы [14]. Даже принцип разумного срока (ст. 6.1 УПК РФ) не компенсирует этот дисбаланс, поскольку остаётся декларативным и перекладывает инициативу доказывания неэффективности государственных органов на сторону защиты.

Для первого и второго классов целесообразно введение максимально жёстких, близких к абсолютным сроков с резким ограничением оснований и количества продлений, а также автоматическими пресекательными последствиями (прекращение производства, освобождение из-под стражи). Для третьего класса необходимо установление императивных, минимально достаточных сроков рассмотрения обращений и чётких процессуальных санкций вплоть до автоматического удовлетворения требований заявителя, если не доказано обратное или признания последующих действий недействительными. Для четвёртого класса требуется унификация сроков реализации прав частных лиц и постановка их под обязательный судебный контроль при любом конфликте с интересами производства. Наконец, предлагается полное исключение из понятийного поля института так называемых делопроизводственных сроков, не влекущих процессуальных последствий и относящихся к сфере внутриорганизационной деятельности органов.

В целом, модель «Функциональный дуализм» преодолевает эклектику и формализм предшествующих теорий, предлагая строгую, операциональную основу для дальнейшего развития института процессуальных сроков.

Проведённый анализ убедительно демонстрирует методологическую недостаточность традиционных подходов к определению и классификации процессуальных сроков для целей глубокого реформирования законодательства. Разработанная авторская концепция – интегративное определение, модель «Функциональный дуализм» и четырёхклассовая классификация – представляет собой целостное, логически замкнутое теоретическое построение, впервые последовательно раскрывающее дуалистическую природу процессуального срока как двуадресного регулятора, функционально встроенного в конкретное уголовно-процессуальное правоотношение. Предложенная модель обладает высокой объяснительной, диагностической и прогностической силой, позволяя не только системно анализировать действующий УПК РФ, но и служить теоретическим базисом для разработки научно обоснованной программы совершенствования института процессуальных сроков в направлении достижения реального, а не декларативного баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов. – Москва: ТЕ-ИС, 2004. – 607 с.

2. Гуткин И.М., Мариупольский Л.А., Шереметьев И.М. Советский уголовный процесс: учеб. для средних юридических школ. – Москва: Госюриздат, 1962. – 318 с.

3. Васильев Л.М. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Грозный, 1972. – 19 с.

4. Кайгародова Ю.Е. К вопросу о понятии и значении процессуальных сроков уголовного судопроизводства // Вестник Омской юридической академии. – 2012. – № 2 (19). – С. 105–108.

5. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2 (3). – С. 139–145.

6. Алексеев И.М. Правовая регламентация сроков в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2013. – 9 с.

7. Гуляев А.П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. – Москва: Юридическая литература, 1976. – 144 с.

8. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. – Москва: Эксмо, 2005. – 827 с.

9. Гельдибаев М.Х., Вандышев В.В. Уголовный процесс: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 719 с.

10. Маслов И.В. Уголовно-процессуальные сроки в досудебном производстве: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 239 с.

11. Сокол Р.П. Процессуальные сроки в судебных стадиях уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовая регламентация и процессуальные особенности: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – 197 с.

12. Корепанова Т.Л. Процессуальные сроки как гарантия защиты конституционных прав и свобод личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. – 32 с.

13. Маслов И.В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2003. – 21 с.

14. Петрова Г.Б. Сроки как элемент правового регулирования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 44 с.

15. Стуконог И.В. Сравнительный анализ регламентации процессуальных сроков по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и УПК России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 169–174.

16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / общ. ред., послесл., прим. А.В. Смирнова. – Санкт-Петербург: Альфа, 1996. – 606 с.

17. Петрова Г.Б. Виды сроков в уголовном процессе // Вестник СГАП. – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – № 3. – С. 28–30.

18. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – Москва: Наука, 1989. – 252 с.

FUNCTIONAL DUALISM OF PROCEDURAL DEADLINES: A MODEL OF ANALYSIS AND CLASSIFICATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Markin I.S.

Togliatti State University

The purpose of this study is to overcome the doctrinal uncertainty in understanding the nature of criminal procedural deadlines and to develop a conceptually closed model for their analysis and classification, which allows for identifying systemic imbalances in the current legislation of the Russian Federation. The object of the study is the procedural legal relations that arise in criminal proceedings and are limited by time frames. The subject is the functional nature of procedural deadlines as a two-way regulator embedded in a specific legal relationship. The work uses dialectical, formal-legal, comparative-legal, and system-structural methods. It is shown that the lack of a legal definition and a unified classification basis leads to contradictory law enforcement practices and a violation of the balance between public and private interests. Based on the criticism of traditional approaches, the author proposes a definition of a procedural deadline and a four-class model called "Functional Dualism," which is based on a single criterion: the dominant function of the deadline in a specific legal relationship, taking into account its dualistic nature. Applying the model to the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation reveals an overabundance of deadlines that serve the public interest (classes I and II) and a lack of guarantees for the private interest (classes III and IV). The paper formulates proposals for reforming the institution of procedural deadlines. The research results contribute to the development of the general theory of criminal procedural regulation and have practical significance: the developed model and reform proposals can be used to improve the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and unify law enforcement practice.

Keywords: procedural deadlines, criminal proceedings, legal relationship, guarantee, functional dualism, classification of deadlines, balance of interests, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

References

1. Yakupov R.H. Criminal procedure: textbook. for universities. – Moscow: TEIS, 2004. – 607 p.
2. Gutkin I.M., Mariupol L.A., Sheremetyev I.M. The Soviet criminal process: textbook. for secondary law schools. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1962. 318 p.
3. Vasiliev L.M. Procedural terms in Soviet criminal proceedings: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. – Grozny, 1972. – 19 p.
4. Kaigorodova Yu.E. On the concept and meaning of procedural terms of criminal proceedings // Bulletin of the Omsk Law Academy. – 2012. – No. 2 (19). – Pp. 105–108.
5. Kalinovsky, K.B. Procedural Times in Criminal Proceedings and Their Regulation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. – 2005. – No. 2 (3). – Pp. 139–145.
6. Alekseev I.M. Legal regulation of time limits in the pre-trial stages of the criminal process of the Russian Federation: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. – St. Petersburg, 2013. – 9 p.
7. Gulyaev A.P. Procedural deadlines at the stages of initiation of a criminal case and preliminary investigation. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1976. 144 p.
8. Grigoriev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Criminal Procedure. – Moscow: Eksmo, 2005. – 827 p.
9. Geldibaev M.Kh., Vandyshev V.V. Criminal Procedure: Textbook. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: UNITY-DANA: Law and Law, 2012. – 719 p.
10. Maslov, I.V. Criminal Procedure Terms in Pre-Trial Proceedings: A Monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. 239 p.
11. Sokol R.P. Procedural deadlines in the judicial stages of criminal proceedings in the Russian Federation: legal regulation and procedural features: dis. ... kand. jurid. sciences'. – Vladimir, 2008. – 197 p.
12. Korepanova T.L. Procedural deadlines as a guarantee of protection of constitutional rights and freedoms of the individual in the Russian criminal process: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Izhevsk, 2004. – 32 p.
13. Maslov I.V. Actual problems of legal regulation of procedural deadlines in pre-trial criminal proceedings: dis. ... kand. jurid. Sciences: 12.00.09. – Moscow, 2003. – 21 p.
14. Petrova G.B. Time limits as an element of legal regulation in criminal proceedings: dis. ... kand. jurid. Sciences. – Saratov, 2004. – 44 p.
15. Stukonog I.V. Comparative Analysis of the Regulation of Procedural Times under the Criminal Procedure Statute of 1864 and the Criminal Procedure Code of Russia // Actual Problems of Russian Law. – 2015. – No. 1 (50). – Pp. 169–174.
16. Foinitsky, I. Ya. Course of Criminal Procedure. Vol. 2 / ed. by A.V. Smirnov. – St. Petersburg: Alfa, 1996. – 606 p.
17. Petrova G.B. Types of Terms in the Criminal Procedure // Vestnik SGAP. – Saratov: SGAP Publishing House, 2001. – No. 3. – Pp. 28–30.
18. Petrukhin I.L. Personal Inviolability and Coercion in the Criminal Procedure. – Moscow: Nauka, 1989. – 252 p.

Миннегалиева Лариса Ильинична,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права, Уральский
государственный экономический университет
E-mail: larissa5@mail.ru

В современном мире фишинг является одной из реальных угроз для граждан и организаций. Злоумышленники используют различные методы обмана, направленные на получение конфиденциальной информации (паролей, номеров от кредитных карт, паролей от личных кабинетов на сайтах). На законодательном уровне отсутствует легальное определение данного термина, что порождает на практике различные его толкования. Автором отмечается, что есть проблемы, связанные с гражданско-правовыми последствиями таких атак. Также раскрываются формы ответственности в рамках уголовного законодательства РФ. Отмечается важность международного сотрудничества в этом направлении.

Ключевые слова: фишинг, гражданско-правовая ответственность, распределение убытков, мошенничество, киберпреступление.

В современных условиях фишинг – это серьезная угроза, как для индивидуальных пользователей, так и для организаций. Фишинг включает в себя различные методы обмана, направленные на получение конфиденциальной информации, такой как пароли, номера кредитных карт и другие личные данные. Злоумышленники создают поддельные сообщения или веб-сайты, которые выглядят идентично легитимным, с целью заставить жертву предоставить личные данные. Массовость и изощренность таких атак вызывает множество вопросов о гражданско-правовых последствиях: кто должен возмещать реальный ущерб и упущенную выгоду? В отсутствие прямого регулирования возникающие ситуации разрешаются через призму общих институтов гражданского права, что создает значительные риски для всех участников правоотношений.

Актуальность темы обусловлена растущей распространенностью фишинга и недостаточной ясностью в правовом регулировании этого явления. В условиях быстрого развития информационных технологий и увеличения числа киберпреступлений возникает необходимость в четком и однозначном определении фишинга на законодательном уровне. На сегодняшний день в России отсутствуют специальные нормы, посвященные фишингу, что приводит к правовым пробелам и затруднениям на практике. Это создает сложности, как для правоохранительных органов, так и для судов, что в свою очередь негативно сказывается на защите прав граждан и организаций.

Любая фишинговая атака представляет из себя цепочку юридически значимых действий с участием множества лиц. Получив данные, злоумышленник совершает сделку (платеж, перевод), которая формально является авторизованной, так как произведена с использованием корректных реквизитов. И здесь с точки зрения гражданского права появляется «*дефектная воля*» клиента, что сближает фишинг с заблуждением (ст. 178 ГК РФ), но под давлением обмана, исходящего от третьего лица, а не контрагента по сделке. В такой ситуации клиент требует возмещения денежных средств от банка, ссылаясь на положения Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ФЗ № 161), который обязывает банк возместить клиенту сумму операции, совершенной без его согласия. Клиент утверждает, что не совершал операцию сам и не давал никакого согласия, а передача данных злоумышленнику не является выражением воли на списание средств. А банк, в свою очередь, должен был обеспечить безопасность перевода и распознать подозрительную операцию, чего не сделал.

Банки в таких спорах упирают на то, что операция была подтверждена всеми необходимыми реквизитами (CVV, CVC, SMS-код), что, согласно договору и обычаям оборота, является надлежащим согласием клиента. Банк перекладывает вину на клиента, указывая на нарушение им правил: сообщение конфиденциальных данных третьим лицам, что прямо запрещено стандартными договорами. Таким образом, убытки возникли вследствие *грубой неосторожности самого клиента* (ст. 404 ГК РФ), что, по мнению банка, полностью или частично освобождает его от ответственности.

На сегодняшний день практика правоприменения здесь различна. Суд, учитывая положения ст. 404 ГК РФ «Вина кредитора», может уменьшить размер ответственности банка, если установит грубую неосторожность клиента. Например, если клиент, получив SMS с кодом подтверждения и явным предупреждением «Никому не сообщайте данный код», перезвонил мошенникам и продиктовал его, что расценивается как нарушение элементарных мер безопасности со стороны клиента. В таком случае убытки могут быть распределены между банком и клиентом (например, 50/50 или в иной пропорции). Если же фишинговая схема была высокотехнологичной и обманула бы даже осматрительного пользователя, а банк не задействовал доступные механизмы проверки, суд может возложить убытки полностью на банк.

Одним из наиболее известных видов фишинга является классический фишинг, который осуществляется через электронную почту. Злоумышленники отправляют поддельные письма, которые выглядят как сообщения от известных компаний или банков. В таких письмах содержатся ссылки на фальшивые веб-сайты, на которых пользователи могут быть обмануты просто вводя свои данные для получения доступа к личному кабинету. Такие письма могут содержать угрозы, например, о блокировке счета, что побуждает пользователей действо-

вать быстро и неосмотрительно. В 2024 г. было совершено более 60% атак на IT-инфраструктуру организаций РФ путем применения фишинговых писем¹.

Смс-фишинг, или смс-спуфинг, является еще одной распространенной формой фишинга. В этом случае мошенники используют текстовые сообщения для отправки ссылок на фальшивые сайты. Пользователи, получившие такие сообщения, могут быть обмануты и перейти по ссылке, что приводит к компрометации их данных. Этот вид фишинга особенно опасен, так как многие люди воспринимают текстовые сообщения как более надежные, чем электронные письма.

Фишинг через социальные сети также становится все более популярным. Мошенники создают поддельные профили в социальных сетях и пытаются установить доверительные отношения с жертвами. После этого они могут попросить у них личные данные или направить на фальшивые сайты. В социальных сетях пользователи часто менее осторожны, что делает их более уязвимыми для подобных атак.

Еще одним видом фишинга является вишинг, который представляет собой голосовой фишинг. В этом случае злоумышленники используют телефонные звонки для получения конфиденциальной информации. Они могут представляться сотрудниками банка, правоохранительных органов или других организаций и пытаться убедить жертву предоставить свои данные. Вишинг также может включать автоматизированные звонки, которые направляют пользователей на фальшивые сайты. Они создают ситуации, позволяющие манипулировать чувствами человека, чтобы под разными предлогами выманить у жертвы конфиденциальную информацию или заставить совершить заранее запрограммированных преступником действий со счетами (денежными средствами) или с принадлежащим жертве имуществом².

Существует также более сложная форма фишинга, известная как «пегас-фишинг». Этот метод включает в себя использование сложных технологий, таких как подмена DNS или создание фальшивых сетей Wi-Fi. Злоумышленники могут перенаправлять пользователей на поддельные сайты, которые выглядят как легитимные, и собирать их данные. Этот вид фишинга требует от мошенников более глубоких технических знаний и ресурсов, но и приносит им большую выгоду.

Кроме того, стоит упомянуть о «кликджекинге» – методе, при котором пользователи обманом заставляются нажимать на скрытые ссылки или кнопки. Это может происходить на легитимных сайтах, где злоумышленники внедряют свой код, чтобы перенаправить пользователей на фальшивые страницы.

Наконец, существует еще один вид фишинга, называемый «доменным фишингом». В этом случае мошенники регистрируют домены, похожие на известные бренды, и создают на них фальшивые сайты. Пользователи, вводя адреса, могут не заметить разницы и ввести свои данные на поддельных ресурсах.

В правовом контексте фишинг требует тщательной оценки и квалификации, поскольку его проявления могут варьироваться от простых мошеннических схем до сложных атак с использованием высоких технологий.

Основной проблемой, с которой сталкивается правоприменительная практика, является отсутствие четкой правовой дефиниции фишинга в Российской Федерации. В действующем законодательстве нет отдельной статьи, которая бы охватывала все аспекты данного преступления. Вместо этого фишинг может квалифицироваться по нескольким статьям, связанным с мошенничеством, кражей личных данных и другими преступлениями в сфере информационных технологий.

Фишинг может подпадать под действие статьи 159 УК РФ, которая касается мошенничества. Если злоумышленник использует обман для получения доступа к чужим денежным средствам или имуществу, это может быть квалифицировано как мошеннические действия. Однако для успешного привлечения к ответственности необходимо доказать, что жертва была введена в заблуждение и что действия преступника были направлены на получение выгоды.

Кроме того, фишинг может рассматриваться в контексте статьи 272 УК РФ, касающейся неправомерного доступа к компьютерной информации. Если злоумышленник использует фальшивые сайты или электронные письма для получения доступа к защищенной информации, это также может быть основанием для уголовного преследования. Однако, как показывает практика, квалификация фишинга по этим

статьям может быть затруднена из-за необходимости доказательств умысла и наличия конкретных действий со стороны злоумышленника.

Для охраны информации в зависимости от ее содержания предусмотрены иные нормы уголовного закона. Например, в ст. 276 УК РФ («Шпионаж») предусмотрена ответственность в том числе и за незаконный оборот сведений, составляющих государственную тайну³.

Судебная практика по делам о фишинге в России также демонстрирует недостаток единообразия в подходах к квалификации данных преступлений. В некоторых случаях суды признают действия злоумышленников мошенническими, в других – квалифицируют их как неправомерный доступ к информации. Это создает правовую неопределенность и затрудняет работу правоохранительных органов.

Одной из важных задач, стоящих перед законодателями, является разработка более четких норм, касающихся фишинга. Это может включать в себя создание специальных норм, которые бы охватывали различные его формы, такие как вишинг, кликджекинг (использование в целях скрытого криптомайнинга ресурсов компьютера пользователя, который зашел на конкретный интернет-ресурс)⁴ и доменный фишинг. Также необходимо учитывать быстрое развитие технологий и адаптировать законодательство к новым вызовам, связанным с киберпреступностью.

Образование и осведомленность граждан о рисках фишинга также играют ключевую роль в борьбе с этой угрозой. Повышение уровня информированности пользователей о методах, используемых злоумышленниками, и о способах защиты своих данных может значительно снизить количество жертв фишинга. Важно, чтобы как государственные органы, так и частные организации активно участвовали в образовательных инициативах, направленных на предупреждение киберпреступлений.

Как показывает правоприменение, существующая квалификация фишинга в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации имеет ряд недостатков, которые затрудняют эффективное преследование и наказание злоумышленников.

Во-первых, неопределенность в правовых нормах создает сложности для правоохранительных органов при расследовании дел о фишинге. В большинстве случаев фишинг рассматривается как мошенничество, однако его специфические особенности, такие как использование технологий и манипуляции с данными, не всегда находят адекватное отражение в действующих статьях УК РФ. Это приводит к тому, что многие преступления остаются нераскрытыми или квалифицируются не по существу.

Во-вторых, отсутствие четких определений и классификаций различных видов фишинга (вишинг, кликджекинг, доменный фишинг) затрудняет правоприменение. В этом случае судебная практика часто основывается на общих принципах, что приводит к разным интерпретациям одних и тех же действий. Это создает правовую неопределенность как для обвиняемых, так и для потерпевших.

Кроме того, недостаточная осведомленность судей и следователей о специфике киберпреступлений также является значительным препятствием. Многие из них не обладают достаточными знаниями о современных технологиях и методах, используемых злоумышленниками, что может привести к ошибкам в квалификации преступлений. Это подчеркивает необходимость в проведении специальных обучающих программ для правоохранительных органов, которые помогут повысить уровень их компетенции в области киберпреступности.

Также стоит отметить, что существующая система наказаний за фишинг не всегда соответствует степени общественной опасности данных преступлений. В некоторых случаях наказания могут быть слишком мягкими, что не создает должного сдерживающего эффекта для потенциальных злоумышленников. Учитывая, что фишинг может привести к значительным финансовым потерям для граждан и организаций, необходимо пересмотреть подходы к квалификации и наказанию за такие деяния.

Кроме того, важным аспектом является недостаток информации о реальных масштабах проблемы. Многие жертвы фишинга не сообщают о своих случаях в правоохранительные органы, опасаясь, что их проблемы не будут решены. Это приводит к недооценке масштабов киберпреступности и, как следствие, к недостаточному вниманию со стороны государства к данной проблеме.

¹ Хайбуллин Э.Т. Гражданско-правовая ответственность через призм информационно-безопасности // Администратор суда. 2025. N 2. С. 27.

² Кисленко С.Л., Фокин А.Д. Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминологический аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. N 8. С. 139.

³ Русскевич Е.А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // Уголовное право. 2025. N 4. С. 79.

⁴ Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. Москва: ИЗИСП, НОРМА, 2022. С. 312..

Анализ зарубежного опыта в борьбе с фишингом и киберпреступностью в целом показывает, что многие страны уже разработали эффективные стратегии и законодательные инициативы, направленные на защиту граждан и организаций от этих угроз. Важным аспектом является то, что фишинг рассматривается как часть более широкой проблемы киберпреступности, что позволяет разрабатывать комплексные подходы к ее решению.

В Соединенных Штатах Америки существует множество законов и нормативных актов, направленных на борьбу с киберпреступностью. Одним из ключевых документов является Закон о компьютерных мошенничествах и злоупотреблениях (CFAA), который охватывает различные виды киберпреступлений, включая фишинг. Кроме того, в США активно функционируют специализированные агентства, такие как Федеральное бюро расследований (FBI) и Комиссия по торговле (FTC), которые занимаются расследованием киберпреступлений и просвещением граждан о методах защиты от них. Эти агентства регулярно публикуют отчеты и рекомендации, которые помогают повысить уровень осведомленности населения о киберугрозах.

В Европе также наблюдается активная работа по борьбе с фишингом. Европейский Союз разработал Общий регламент по защите данных (GDPR)¹, который включает в себя положения о защите личной информации граждан и обязанностях организаций по обеспечению безопасности данных. Это создает правовую основу для борьбы с фишингом, так как многие атаки направлены на получение личной информации пользователей. Кроме того, в рамках Европейского Союза действует Агентство Европейского Союза по кибербезопасности (ENISA), которое занимается разработкой рекомендаций и стандартов в области кибербезопасности, включая защиту от фишинга.

В Австралии также разработаны эффективные меры по борьбе с фишингом. В стране функционирует специальная служба, называемая «Australian Cyber Security Centre» (ACSC), которая предоставляет информацию и ресурсы для граждан и организаций по вопросам кибербезопасности. ACSC активно сотрудничает с частным сектором и правоохранительными органами для выявления и пресечения киберпреступлений, включая фишинг. Важно отметить, что в Австралии также проводятся регулярные информационные кампании, направленные на повышение осведомленности населения о методах фишинга и способах защиты от него.

В Канаде действует «Canadian Anti-Fraud Centre», который занимается сбором и анализом информации о мошенничестве, включая фишинг. Центр предоставляет гражданам информацию о том, как распознать фишинг и защитить себя от мошенников. Канада также активно развивает международное сотрудничество в области борьбы с киберпреступностью, участвуя в различных инициативах и проектах, направленных на обмен информацией и опытом.

Таким образом, в современных реалиях фишинг имеет множество форм и методов, которые злоумышленники активно используют для обмана граждан и организаций. Для эффективной борьбы требуется комплексный подход, включающий закрепление на законодательном уровне норм, определяющих термин «фишинг», единообразие в ра-

боте правоохранительных органов и судебной власти, просвещение граждан. Важно также учитывать международный аспект киберпреступности, так как многие преступники действуют на глобальном уровне, и сотрудничество между странами становится необходимым условием для успешной борьбы с фишингом.

Литература

1. Кисленко С.Л., Фокин А.Д. Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминалистический аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. N 8. С. 133–146.
2. Русскевич Е.А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями // Уголовное право. 2025. N 4. С. 76–84.
3. Хайбуллин Э.Т. Гражданско-правовая ответственность через призму информационной безопасности // Администратор суда. 2025. N 2. С. 26–29.
4. Хогеманн Э.Р. Государственная политика развития общества через призму цифрового права // Право и цифровая экономика. 2025. N 1. С. 5–15.
5. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования: научно-практическое пособие / М.О. Дьяконова, А.А. Ефремов, О.А. Зайцев и др.; под ред. И.И. Кучерова, С.А. Сеницына. Москва: ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.

LIABILITY FOR PHISHING: FROM CIVIL TO CRIMINAL

Minnegaliev L.I.

Ural State University of Economics

In the modern world, phishing is one of the real threats to citizens and organizations. Attackers use various methods of deception aimed at obtaining confidential information (passwords, credit card numbers, passwords from personal accounts on sites). At the legislative level, there is no legal definition of this term, which gives rise to various interpretations in practice. The author notes that there are problems associated with the civil law consequences of such attacks. The forms of liability within the framework of the criminal legislation of the Russian Federation are also disclosed. The importance of international cooperation in this direction is noted.

Keywords: phishing, civil liability, loss sharing, fraud, cybercrime.

References

1. Kislenco S.L., Fokin A.D. The personality of a modern telephone fraudster in the field of residential premises: legal and forensic aspects//Actual problems of Russian law. 2025. N 8. S. 133–146.
2. Russkevich E.A. On the totality of crimes in the field of computer information with other crimes//Criminal law. 2025. N 4. S. 76–84.
3. Khaibullin E.T. Civil liability through the prism of information security//Court administrator. 2025. N 2. S. 26–29.
4. Hogemann E.R. State policy for the development of society through the prism of digital law//Law and the digital economy. 2025. N 1. S. 5–15.
5. Digital economy: current areas of legal regulation: scientific and practical manual/M.O. Dyakonova, A.A. Efremov, O.A. Zaitsev and others; ed. I.I. Kucheroval, S.A. Sinitysyna. Moscow: IZiSP, NORMA, 2022. 376 pp.

¹ Хогеманн Э.Р. Государственная политика развития общества через призму цифрового права // Право и цифровая экономика. 2025. N 1. С. 8.

Национальная идентичность российского уголовного права в контексте защиты здоровья населения от некачественных лекарственных средств и медицинских изделий

Нурмухаметов Руслан Наилевич,

старший преподаватель, кафедра уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский Университет Науки и Технологий

E-mail: ruslan.haker.93@gmail.com

В статье исследуются уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия незаконному обороту лекарств и фальсифицированных медицинских изделий. Актуальность обусловлена прямой угрозой жизни и здоровью населения, масштабами теневого рынка и системным кризисом доверия к здравоохранению. Цель работы – выявить пробелы между законодательной моделью и правоприменительной практикой. Методы: формально-юридический анализ, изучение судебной статистики и обобщение судебной практики. Результаты: установлена высокая латентность данных преступлений, низкая эффективность правового регулирования, а также ключевые проблемы квалификации – трудности доказывания производства, расширительное толкование предмета преступления, ошибки в квалификации покушения. Особое внимание уделено транснационализации и цифровизации данного вида преступности. Сделан вывод о необходимости смещения акцента правоприменения на раскрытие организованных производственных цепочек, усиления межведомственного взаимодействия и дальнейшей интеграции цифровых инструментов контроля.

Ключевые слова: здоровье населения, незаконный оборот лекарственных средств, фальсифицированные лекарственные препараты, медицинские изделия, квалификация преступлений, недоброкачественная продукция, фармацевтическая безопасность, лицензирование

Введение

Незаконный оборот лекарственных средств и производство фальсифицированных медицинских изделий представляют собой одну из наиболее социально опасных угроз для современного российского общества. Актуальность данной проблемы обусловлена прямой связью с охраной жизни и здоровья населения, а также с обеспечением безопасности в фармацевтической сфере. Применение в лечении некачественных или поддельных препаратов не только не оказывает терапевтического эффекта, но и способно привести к непоправимым последствиям, включая причинение вреда здоровью разной степени тяжести и даже летальный исход. Особую общественную опасность данному деянию придает и тот факт, что потребителями такой продукции являются лица, уже имеющие проблемы со здоровьем и остро нуждающиеся в качественном лечении. Даже в случаях, когда лекарственное средство не содержит активных веществ («пустышка»), его использование наносит существенный вред вследствие отсутствия лечебного эффекта и отсрочки необходимой медицинской помощи. Высокая общественная опасность незаконного производства и оборота лекарств является и потеря доверия людей к медицинским препаратам, к их поставщикам и изготовителям, а также к системе здравоохранения в целом.

Несмотря на наличие в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) специальных норм (статьи 235.1, 238.1 УК РФ), направленных на противодействие данному виду преступности, правоприменительная практика сталкивается с серьезными проблемами. К их числу относятся фрагментарность нормативно-правового регулирования, пробелы в законодательстве, отсутствие единообразных подходов к квалификации указанных деяний и сложность в доказывании. Небольшое число осужденных за совершение анализируемых преступлений при значительных объемах фармацевтического рынка свидетельствует о высокой латентности этих преступлений и недостаточной эффективности существующих механизмов уголовно-правового реагирования. В литературе верно отмечено, что следует «исходить из того, что любой рожденный в результате правотворческой активности государства закон является ответом на известные социальные проблемы и вызовы социальной среды» [1, с. 77].

Уголовно-правовая характеристика и общественная опасность незаконного оборота лекарственных средств и медицинских изделий

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что только за 2024 год в России было реализовано 5,07 миллиардов упаковок лекарственных препаратов на общую сумму 3,6 триллионов рублей [2]. За восемь месяцев 2025 года рост количества проданных лекарственных препаратов вырос на 14% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года [3]. По данным Международного валютного фонда доля теневой экономики в медицинской сфере и области здравоохранения составляет 33,72% от ВВП России [4, с. 74].

Все перечисленное нами выше позволяет прийти к выводу о высокой общественной опасности незаконного производства и оборота лекарств и медицинских изделий.

Нормы, предусмотренные статьями 235.1 и 238.1, были включены в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 13 декабря 2014 года № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» [5].

Следует отметить, что корректное использование статей 235.1 и 238.1 УК РФ выступает действенным средством обеспечения фармацевтической безопасности. При этом успешная квалификация деяний находится в прямой зависимости от точного установления законодательно закрепленных признаков состава. Особую сложность вызывает диспозиция ст. 238.1 УК РФ, содержание которой, будучи рассредоточено по множеству нормативных актов, зачастую лишено должной ясности. В связи с этим для установления объективной стороны преступления требуется комплексный анализ, учитывающий весь регламент производства, обращения и импорта соответствующих товаров.

Обращение к данным судебной статистики по статье 235.1 УК РФ позволяет выявить, что в 2020 году был осужден 1 человек, в 2021 году – 0 человек, в 2022 году – 3 человека, в 2023 году – 1 человек, в 2024 году – 1 человек. Статистика по статье 238.1 УК РФ: за 2020 год было осуждено 20 человек, в 2021 году – 26 человек, в 2022 году – 13 человек, в 2023 году – 11 человек, в 2024 – 12 человек [6].

В качестве родового объекта анализируемых составов выступают общественная безопасность и общественный порядок, тогда как видовой объект охватывает более конкретные ценности: здоровье населения и общественную нравственность. Непосредственный объект данных составов складывается из комплекса общественных отношений, призванных, во-первых, гарантировать безопасность жизни и здоровья граждан в специфической сфере оборота лекарств и медицинских изделий, а во-вторых, обеспечивать доступ населения к качественной, безопасной и эффективной фармацевтической продукции.

Предмет преступления характеризуется разветвленной классификацией и подразделяется на несколько категорий:

- фальсифицированные лекарственные средства и медицинские изделия (с измененным составом или документацией);
- недоброкачественные препараты, не отвечающие обязательным требованиям качества;
- незарегистрированные лекарственные средства;
- фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при регистрации компоненты.

Объективная сторона составов преступлений характеризуется альтернативными действиями, к которым относятся производство (создание, изготовление, переработка), сбыт (реализация, распространение любым способом), ввоз на территорию Российской Федерации, а также хранение и перевозка с целью сбыта. Для квалификации по статье 238.1 УК РФ обязательным признаком является стоимость предмета преступления, превышающая 100 тысяч рублей. Особенностью конструкции составов выступает дифференциация ответственности в зависимости от категории предмета преступления.

Субъект преступления представляет собой физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их наступления. Мотивы и цели могут быть различными (преимущественно корысть, а также иные личные интересы), однако на квалификацию они не влияют, хотя могут учитываться при индивидуализации наказания.

Общественная опасность рассматриваемых преступлений проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Вред здоровью населения включает реальный физический вред при использовании опасных препаратов, опосредованный вред при применении «пустышек», выражающийся в утрате времени для эффективного лечения, а также массовый характер последствий, обусловленный серийностью производства фармацевтической продукции. Системные социальные последствия, подрыв доверия к системе здравоохранения, дискредитацию государственного контроля в фармацевтической сфере и создание угрозы фармацевтической безопасности страны. Нельзя не согласиться с тем, что «на практике утвержденная Минздравом форма используется в предложенном виде как универсальное добровольное информированное согласие для всех случаев медицинского вмешательства – от прохождения простой диспансеризации до проведения сложных операций. Настолько прямолинейная реализация предписания закона в виде единообразной для всех случаев медицинской вмешательства и оказания медицинской помощи формы добровольного информированного согласия привела к тому, что данный крайне важный инструмент правового регулирования отношений, складывающихся между пациентом и медицинской организацией, превратился в юридическую фикцию» [7, с. 157]. Экономический ущерб проявляется в потерях бюджета от неуплаты налогов, дополнительных расходах на лечение пострадавших и подрыве легального фармацевтического рынка. Криминогенный эффект дополняется связью с организованной преступностью, транснациональным характером деятельности, а также высокой латентностью и доходностью данного вида преступлений. Особенностью общественной опасности является ее кумулятивный характер – даже единичные случаи незаконного оборота формируют системную угрозу для здоровья населения и национальной безопасности.

Актуальные проблемы квалификации и правоприменительной практики

Деяние, предусмотренное ст. 238.1 УК РФ, состоит в альтернативных действиях с разными категориями предмета преступления, стоимость которого превышает 100 тыс. руб.: производство, сбыт или ввоз на территорию РФ фальсифицированных лекарственных средств или меди-

цинских изделий; сбыт или ввоз на территорию РФ недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий; незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию РФ незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий; производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

В отношении отдельных видов незаконной медицинской продукции преступление образует ограниченный перечень действий. Так, в отношении недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий преступными являются только их сбыт или ввоз, а в отношении незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий преступлением признаются только их незаконное производство, сбыт или ввоз.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет производство как одну из стадий обращения медицинских изделий [8]. Этим же нормативным актом на производителя возлагается обязанность по разработке технической и/или эксплуатационной документации, регламентирующей полный жизненный цикл изделия – от производства, хранения и транспортировки до монтажа, применения, ремонта и окончательной утилизации. Требования к содержанию такой документации устанавливает Министерство здравоохранения, а сам процесс производства должен соответствовать положениям актуальных государственных стандартов (ГОСТ).

Законодательное определение обращения медицинских изделий, данное в статье 38, подчеркивает его комплексный и стадийный характер. Данный процесс охватывает как предварительные этапы оценки (технические, токсикологические и клинические испытания, экспертизу и государственную регистрацию), так и всю последующую практическую деятельность с изделием: его производство, трансграничное перемещение, логистику, коммерческую реализацию, монтаж, применение, сервисное обслуживание и завершающую утилизацию. Из этого легального определения прямо следует, что производство представляет собой интегрированную составную часть общего оборота. Ключевой обязанностью производителя в рамках этого процесса является разработка исчерпывающей технической и эксплуатационной документации, регламентирующей все перечисленные операции.

Первым альтернативным действием, образующим общественно опасное деяние, является производство (фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, и незаконное производство незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий). Незаконному обращению лекарственных препаратов и медицинских изделий, по нашему мнению, в большинстве случаев должно предшествовать незаконное их производство. Изучение материалов судебной практики позволило прийти к выводу о сложности установления фактов незаконного производства, в большинстве проанализированных решений имеется формулировка: «обвиняемый приобрел фальсифицированные лекарства у неустановленного лица».

Анализ приговора по делу № 1–423/2024 наглядно иллюстрирует системную проблему правоприменительной практики в сфере противодействия незаконному обороту лекарственных средств. В данном судебном решении содержится характерная для большинства судебных решений по данной категории уголовных дел формулировка: «Новиков С.И. приобрел в неустановленном месте... не менее 760 таблеток незарегистрированных на территории Российской Федерации лекарственных средств» [9]. Формулировка свидетельствует о принципиальной сложности установления фактов незаконного производства фармацевтической продукции. Несмотря на то, что в деле был доказан факт сбыта значительной партии незарегистрированных лекарственных средств на сумму 105 000 рублей, что образует квалифицирующий признак «крупный размер», следственным органам не удалось установить источник происхождения данной продукции и лица, ответственные за ее производство. Данная ситуация является типичной для большинства дел данной категории – уголовное преследование ограничивается низовыми участниками преступной цепочки (реализаторами), в то время как производители и организаторы незаконного оборота остаются вне поля зрения правоохранительных органов. Такой подход приводит к тому, что несмотря на формальное привлечение к ответственности, реальное противодействие незаконному производству фармацевтической продукции не осуществляется, что сохраняет саму основу данного вида преступной деятельности. В рассматриваемом случае действия подсудимого были квалифицированы только по признаку «сбыт» (ч. 1 ст. 238.1 УК РФ), в то время как производство оста-

лось нераскрытым, что подтверждает тезис о том, что незаконному обращению лекарственных препаратов в большинстве случаев предшествует их незаконное производство, установить которое на практике чрезвычайно сложно.

Правовая квалификация хранения как элемента производства обусловлена объективной логикой технологического процесса. Законодатель связывает эти действия только в двух ситуациях: когда готовая продукция находится у самого производителя или, когда ее хранит иное лицо, интегрированное в единую производственную цепочку. Такое решение продиктовано особой природой фармацевтической продукции, для которой соблюдение режима хранения непосредственно после изготовления является критически важным условием сохранения потребительских свойств. Таким образом, в данном контексте хранение выполняет функцию завершающей производственной стадии. Напротив, хранение изделий обычным реализатором, не связанным с их изготовлением, не образует состава рассматриваемого преступления.

Рассмотрим пример из правоприменительной практики. Приговор Левобережного районного суда города Воронежа по делу № 1–281/2023 позволяет выявить существенные аспекты квалификации хранения незарегистрированных лекарственных средств в контексте ст. 238.1 УК РФ [10]. В рассматриваемом случае установлено, что осужденный Н. не только приобрел и реализовал незарегистрированные лекарственные средства, но и осуществлял их хранение в течение значительного временного периода – с августа 2021 года по 6 сентября 2022 года. Однако действия подсудимого были квалифицированы исключительно как сбыт, без выделения самостоятельной квалификации за хранение. Такая правовая позиция следствия и суда основана на том, что хранение было признано составной частью единого преступного деяния, направленного на последующий сбыт незарегистрированных лекарственных средств. В приговоре прямо указано, что приобретение было осуществлено «в целях сбыта», что определяет хранение как подготовительную стадию к реализации. Действия по хранению не образуют самостоятельного состава преступления по ст. 238.1 УК РФ, поскольку законодатель не предусмотрел хранение в качестве альтернативного действия в диспозиции данной нормы. В соответствии с устоявшейся судебной практикой, сбыт поглощает все предшествующие ему действия (приобретение, хранение, перевозку), если они были объединены единым умыслом на последующую реализацию. При этом важно отметить, что квалификация хранения могла бы стать самостоятельной, если бы у правоохранительных органов были доказательства того, что хранение осуществлялось без цели сбыта, либо имелись признаки иного состава преступления. Таким образом, анализ данного судебного акта демонстрирует устоявшийся в правоприменительной практике подход, согласно которому хранение незарегистрированных лекарственных средств, осуществляемое в рамках единого умысла на их последующий сбыт, не требует дополнительной квалификации и поглощается составом преступления, предусмотренным ст. 238.1 УК РФ.

Анализ законодательства, регулирующего обращение лекарственных средств [11], позволяет выделить правомерные способы отчуждения фармацевтической продукции. К таким законным формам обращения относятся продажа (как оптовая, так и розничная), передача, отпуск лекарственных препаратов, а также их изготовление в комплексе с последующим отпуском. Аналогичный подход законодатель применяет и в отношении медицинских изделий, устанавливая схожий перечень разрешенных способов их отчуждения.

Вместе с тем, для целей квалификации по статье 238.1 УК РФ решающее значение имеет более широкое понятие «сбыта», выходящее за рамки законодательно установленных форм фармацевтической деятельности. Уголовно-правовое понимание сбыта включает не только предусмотренные законом способы отчуждения, осуществляемые с нарушением установленного порядка, но и иные незаконные формы распространения, такие как незаконная продажа, дарение или пере-сылка.

«В контексте применения статьи 238.1 УК РФ под сбытом следует понимать традиционное для уголовного права значение этого термина – любые виды возмездной или безвозмездной передачи (отчуждения) предмета преступления другим лицам, независимо от соответствия таких действий формам, предусмотренным законодательством об обращении лекарственных средств и медицинских изделий». Такой подход обеспечивает единство судебной практики и позволяет эффективно квалифицировать различные способы незаконного распространения фармацевтической продукции. Сбыт ненадлежащей медицинской продукции образует оконченное преступление с момента передачи данной продукции в крупном размере другим лицам.

Характерную правовую позицию, проясняющую содержание объективной стороны преступления, иллюстрирует приговор по делу № 1–164/2024 [12]. Октябрьский районный суд г. Самары признал С. виновным в сбыте незарегистрированных медицинских изделий (ч. 1 ст. 238.1 УК РФ). Установленные судом обстоятельства показывают, что осужденный организовал сбыт через подчиненного, который не осознавал противоправности своих действий, что подтверждает умышленный характер деяния со стороны организатора. Данная особенность дела подчеркивает, что для квалификации по ст. 238.1 УК РФ не имеет значения, осознавало ли третье лицо, непосредственно участвующее в процессе передачи товара, противоправный характер данной операции. Ключевое значение имеет умысел самого организатора преступной деятельности. Существенным является и тот факт, что сбыт был оформлен через договоры купли-продажи, что демонстрирует способ легализации противоправных действий, характерный для современных схем незаконного оборота медицинских изделий. При этом суд квалифицировал действия осужденного именно как сбыт, а не как правомерную продажу, поскольку предмет сделки – медицинские изделия – не был зарегистрирован в установленном порядке, что является обязательным условием для их законного обращения на территории Российской Федерации. Установление крупного размера причиненного ущерба дополнительно подтверждает общественную опасность данного деяния и соответствие квалификации требованиям уголовного закона.

Этот судебный акт наглядно иллюстрирует практическую реализацию законодательного подхода, согласно которому любые формы отчуждения незарегистрированных медицинских изделий, включая их формально правомерное оформление через гражданско-правовые договоры, образуют состав преступления, предусмотренный ст. 238.1 УК РФ. Если действия, направленные на отчуждение ненадлежащей медицинской продукции, по независимым от виновного обстоятельствам не приведут к получению другими лицами предмета преступления, содеянное должно квалифицироваться как покушение на преступление.

Особую сложность в правоприменительной практике вызывает квалификация неоконченной преступной деятельности, в частности, покушения на незаконный сбыт. Яркой иллюстрацией типичной ошибки служит дело, рассмотренное Алтайским краевым судом [13]. Апелляционная инстанция изменила решение суда первой инстанции, указав на неправильное разграничение оконченного преступления и покушения. Суд установил, что совершение preparatory действий к сбыту (приобретение партии, поиск покупателя, договоренность об условиях, доставка товара к месту передачи) при отсутствии фактического отчуждения в силу независимых от виновного обстоятельств не образует оконченного состава преступления по ст. 238.1 УК РФ. В таких случаях действия подлежат квалификации как покушение на сбыт (ч. 3 ст. 30 и соответствующая часть ст. 238.1 УК РФ). Данная позиция основывается на фундаментальном принципе уголовного права о моменте окончания преступления: состав считается оконченным лишь при наличии всех признаков, предусмотренных Особенной частью УК РФ, ключевым из которых для ст. 238.1 является сам акт сбыта. Правильное разграничение имеет существенное практическое значение, непосредственно влияя на пределы назначаемого наказания, которое за покушение не может превышать трех четвертей от максимума, установленного за оконченное преступление.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, отражающих уголовно-правовую сущность, высокую общественную опасность и актуальные проблемы противодействия незаконному обороту лекарственных средств и медицинских изделий в Российской Федерации.

1. Общественная опасность деяния носит комплексный характер. Преступления, предусмотренные статьями 235.1 и 238.1 УК РФ, поражают не только на здоровье отдельных граждан, но и на фундаментальные основы безопасности и доверия к системе здравоохранения.

2. Существующая уголовно-правовая модель противодействия демонстрирует существенный разрыв между формальными нормами и реальной правоприменительной практикой. Несмотря на наличие специализированных составов преступлений, их применение остается фрагментарным и недостаточно эффективным. Об этом свидетельствует крайне малое число осужденных по ст. 235.1 УК РФ и невысокая активность по ст. 238.1 УК РФ.

3. Правоприменители сталкиваются с комплексом трудноразрешимых квалификационных проблем. Анализ выявил следующие сложности:

– принципиальные трудности в доказывании факта незаконного производства. Уголовные дела часто возбуждаются в отношении лиц,

хранивших или сбывавших продукцию, приобретенную у «неустановленных лиц», что оставляет вне уголовного преследования основное звено преступной цепочки;

– в отношении медицинских изделий существует проблема квалификации «пограничной» продукции. Следствие и суды, как правило, применяют объективный критерий – функциональное назначение товара для медицинских целей, даже если производитель не позиционировал его как медицинское изделие;

– судебная практика правильно исходит из того, что состав сбыта по ст. 238.1 УК РФ является материальным и окончен лишь с момента фактической передачи товара. Действия, направленные на сбыт (приобретение, хранение, поиск покупателя), но не завершившиеся им, должны квалифицироваться как покушение.

4. Современные тенденции преступной деятельности требуют адекватного ответа. Основными каналами незаконного оборота сегодня являются онлайн-среда (нелицензированные интернет-аптеки, маркетплейсы, социальные сети) и транснациональные поставки.

5. Пути совершенствования противодействия должны носить комплексный характер. Для преодоления выявленных системных проблем необходимы следующие меры:

- законодательные – уточнение понятийного аппарата (в первую очередь, «незарегистрированное медицинское изделие»), рассмотрение возможности криминализации отдельных подготовительных действий (например, хранения в особо крупном размере без цели сбыта);
- правоприменительные – смещение фокуса оперативно-розыскной и следственной работы с низовых распространителей на организаторов каналов поставок и производителей контрафакта;
- развитие единообразной судебной практики по спорным вопросам квалификации;
- организационно-профилактические – дальнейшая цифровизация контроля за оборотом лекарств, усиление просветительской работы с населением об опасности покупки препаратов вне лицензированных аптек, ужесточение административного регулирования деятельности онлайн-площадок.

Литература

1. Пучков О.А. Закон «Об общих принципах биоэтики и доказательной медицины в сфере науки, здравоохранения и благополучия человека»: предпосылки принятия, структура, функции» // Правовое государство: теория и практика. 2023. Том 19. № 1(71). С. 75–82.

2. AlphaRM: фармацевтический рынок, итоги 2024 года // Фармацевтический вестник: интернет-изд. 2025. № 2. [Электронный ресурс]: [https:// alpharm.ru/ru/analytics/farmrynok.html](https://alpharm.ru/ru/analytics/farmrynok.html) (дата обращения: 15.12.2025).

3. AlphaRM: фармацевтический рынок, отчет за 8 месяцев 2025 года // Фармацевтический вестник: интернет-изд. 2025. № 8. [Электронный ресурс]: <https:// alpharm.ru/ru/analytics/farmrynok.html> (дата обращения: 15.12.2025).

4. Medina L., Schneider F. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? // IMF Working Paper. 2022. 76 p.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» от 31 декабря 2014 года № 532-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.12.2025).

6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020–2024 годы / Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 01.10.2025).

7. Пестрикова А.А., Сморчкова Л.Н. Информированное согласие как правовое средство регулирования медицинских отношений // Правовое государство: теория и практика. 2024. Том 20. № 2(76). С. 154–162.

8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. ст. 6724.

9. Приговор Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 15 июня 2024 года по делу № 1–423/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

10. Приговор Левобережного районного суда города Воронежа от 24 октября 2023 года по делу № 1–281/2023 // Государственная

автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

11. Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 16. ст. 1815.

12. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 11 мая 2024 года по делу № 1–164/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

13. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 02 февраля 2022 года по делу № 22–743/2022 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.12.2025).

ON THE ISSUES OF QUALIFICATION OF ILLEGAL PRODUCTION AND CIRCULATION OF MEDICINES AND MEDICAL DEVICES

Nurmukhametov R.N.

Ufa University of Science and Technology

This article examines the criminal law and criminological aspects of combating the illegal trafficking of pharmaceuticals and counterfeit medical products. This topic is relevant due to the direct threat to public life and health, the scale of the shadow market, and the systemic crisis of trust in healthcare. The aim of the study is to identify gaps between the legislative model and law enforcement practice. Methods: formal legal analysis, study of judicial statistics, and a summary of judicial practice. Results: high latency of these crimes, low effectiveness of legal regulation, as well as key issues in their classification – difficulties in proving the facts, a broad interpretation of the subject of the crime, and errors in the classification of attempted crime – have been identified. Particular attention is paid to the transnationalization and digitalization of this type of crime. A conclusion is drawn regarding the need to shift the focus of law enforcement to uncovering organized production chains, strengthening interagency cooperation, and further integrating digital control tools.

Keywords: public health, illegal drug trafficking, counterfeit drugs, medical devices, classification of crimes, substandard products, pharmaceutical safety, licensing

References

1. Puchkov, O.A. "The Law "On General Principles of Bioethics and Evidence-Based Medicine in the Sphere of Science, Healthcare, and Human Well-Being": Prerequisites for Adoption, Structure, and Functions" // The Rule of Law: Theory and Practice. 2023. Vol. 19. No. 1 (71). pp. 75–82.

2. AlphaRM: Pharmaceutical Market, 2024 Results // Pharmaceutical Bulletin: Online Publishing House, 2025. No. 2. [Electronic resource]: <https://alpharm.ru/ru/analytics/farmrynok.html> (Accessed: 12/15/2025).

3. AlphaRM: Pharmaceutical Market, Report for the First 8 Months of 2025 // Pharmaceutical Bulletin: Online Publishing House, 2025. No. 8. [Electronic resource]: <https://alpharm.ru/ru/analytics/farmrynok.html> (date accessed: 15.12.2025).

4. Medina L., Schneider F. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? // IMF Working Paper. 2022. 76 p.

5. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Counteracting the Circulation of Counterfeit, Substandard, and Unregistered Medicines, Medical Devices, and Counterfeit Dietary Supplements" dated December 31, 2014 No. 532-FZ // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date accessed: 15.12.2025).

6. Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2020–2024 / Report on the work of courts of general jurisdiction in considering criminal cases on appeal // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru/> (date of access: 01.10.2025).

7. Pestrikova A.A., Smorchkova L.N. Informed consent as a legal means of regulating medical relations // The rule of law: theory and practice. 2024. Vol. 20. No. 2 (76). pp. 154–162.

8. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Article 6724.

9. Verdict of the Ustinovsky District Court of Izhevsk, Udmurt Republic, dated June 15, 2024, in case No. 1–423/2024 // State Automated System of the Russian Federation "Justice", internet portal. [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru> (date accessed: December 1, 2025).

10. Verdict of the Levoberezhny District Court of Voronezh dated October 24, 2023, in case No. 1–281/2023 // State Automated System of the Russian Federation "Justice", internet portal. [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru> (date accessed: 01.12.2025).

11. Federal Law of April 12, 2010 No. 61-FZ "On the Circulation of Medicines" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 16. Article 1815.

12. Verdict of the Oktyabrsky District Court of Samara dated May 11, 2024 in case No. 1–164/2024 // State Automated System of the Russian Federation "Justice" Internet portal. [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru> (date accessed: 01.12.2025).

13. Appellate ruling of the Altai Krai Court dated February 2, 2022, in case No. 22–743/2022 // State Automated System of the Russian Federation "Justice" internet portal. [Electronic resource]. URL: <https://sudrf.ru> (date accessed: 01.12.2025).

Освобождение от уголовной ответственности как основополагающий институт уголовного права

Олифиренко Екатерина Павловна,

канд. полит. наук, доцент Северо-Кавказской государственной академии

В рамках статьи рассматривается освобождение от уголовной ответственности как один из базовых институтов уголовного права. В ходе исследования анализируется специфика сущностных характеристик института освобождения от уголовной ответственности. Автором выявлено два основных подхода, преобладающих в настоящий момент в теории уголовного права. На основе исследования доктринальных источников и Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации автором вносится предложение о необходимости внесения изменений в действующее уголовное законодательство.

Ключевые слова: преступное посягательство, правовое последствие, мера уголовно – правового характера, уголовная ответственность, освобождение, наказание

Освобождение от уголовной ответственности как обобщающее понятие представляет собой решение органа государственной власти об отказе подвергнуть лиц, нарушившее действующую норму уголовного закона мерам уголовно-правового характера. Применение данного уголовно-правового института наглядное свидетельство того, что государство не стремится к реализации репрессивной функции и допускает возможность исправления лица без использования уголовного наказания.

Рассмотрение специфики сущностных характеристик института освобождения от уголовной ответственности выявило два основных подхода, преобладающих в настоящий момент в теории уголовного права. Обозначим ключевые положения каждого из них. Так, сторонники первого подхода придерживаются мнения о «наличии устойчивой взаимосвязи освобождения от ответственности с освобождением лица от наказания. Так, применение к виновному лицу любого основания для освобождения от ответственности ведет к невозможности применения уголовного наказания» [1, с. 14].

Второй подход как противовес первого, раскрывается в то, что «освобождение лица, совершившего преступление от уголовной ответственности, не составляет единства с освобождением от наказания» [8, с. 92]. Представители данного подхода оперируют тем, что применение данного правового института имеет целый комплекс правовых последствий, в том числе и отсутствие судимости [3, с. 35].

Применение второго подхода представляется нам более реальным, ввиду того что его содержание охватывает весь спектр возможных для виновного лица последствий.

Положения действующего уголовного закона содержат два направления оснований от уголовной ответственности: общие и специальные. В рамках проводимого исследования рассмотрим освобождение от уголовной ответственности на примере уголовно-правового анализа деятельного раскаяния как конкретного основания освобождения от уголовной ответственности. В этой связи считаем необходимым обозначить базовые признаки:

- рассматриваемому уголовно-правовому институту свойственны определенные временные рамки, так в частности, его применение возможно только на досудебной и судебной стадии, то есть до вынесения судебного решения;
- результат применения положений рассматриваемого института в объективной действительности проявляется реализацией такого признака как отсутствие судимости. Его применение становится возможным вследствие отсутствия обвинительного приговора в отношении лица, освобождаемого от уголовной ответственности;
- освобождение от уголовной ответственности как базовая составляющая деятельного раскаяния возможно только при наличии законодательно закрепленного перечня условий. Так, применение деятельного раскаяния включает в себя их необходимый набор условий, обозначенный в ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Отталкиваясь от положений ч. 1 ст. 75 УК РФ остановимся более детально на рассмотрении характерных особенностей заложенных законодателем условий, применение которых способствует возможности реализовать положения института освобождения от уголовной ответственности.

Применение правил буквального толкования данной нормы свидетельствует о том, что для ее активизации необходимо выполнение не одного из перечисленных условий, а всей обозначенной совокупности условий.

К нормативно закрепленным условиям законодатель отнес следующие требования, отразив их необходимость в ч. 1 ст. 75 УК РФ:

- «совершение преступного деяния первый раз;
- отнесение данного преступного действия к категории небольшой или средней тяжести;
- наличие явки с повинной как необходимый элемент материалов уголовного дела;
- способствование раскрытию и расследованию преступления реализуемое посредством последующих после совершения преступления действий лица;
- необходимость возмещения вреда (ущерба), причиненного в результате совершения преступления и как следствие отсутствие возражений с стороны потерпевшего.

Таким образом, рассматривая специфику вопроса об освобождении лица в связи с деятельным раскаянием, мы можем условно несколько групп обязательных условий:

- первую группу условий можно обозначить как юридически формальные признаки, характеризующие субъекта преступления и совершенное им деяние. Характеризуя субъекта необходимо подчеркнуть важность отсутствия признаков рецидива в действиях виновного, то есть речь идет о совершении преступления впервые. Характеризуя само преступное деяние, законодатель посчитал важным отметить такой признак как тяжесть преступления, в частности его отнесение к категории небольшой или средней тяжести;
- вторая группа признаков также может быть отнесена к формальным условиям, но при этом ее содержание характеризует постпреступные поведенческие особенности лица.

К таким условиям законодатель отнес:

явку с повинной, наличие которой свидетельствует о том, что данное лицо осознает уровень общественной опасности совершенного им деяния и раскаивается в его совершении;

способствование раскрытию и расследованию преступления может проявляться в желании лица осуществлять сотрудничество со следствием, предоставлении сведений информационного характера, выражающиеся в активной даче показаний, раскрытию личностей всех соучастников свершенного преступного деяния, мест хранения или сбыта похищенного имущества и орудий преступления;

возмещение ущерба или «иным образом заглаживание вреда, причиненного совершенным преступлением, предполагает, что субъект преступления не только осознает тяжесть последствий, нанесенных его преступными действиями, но и предпринимает попытки по восстановлению нарушенного материального положения, смягчению и устранению негативных последствий для потерпевшего» [6, с. 13]. «Иным образом заглаживание вреда» может принимать вид как оплаты медицинских услуг за лечение пострадавшего, так и принесение официальных извинений потерпевшей стороне. Все осуществляемые виновным действия имеют своей целью получение от потерпевшего подтверждение об отсутствии имущественных претензий к виновному лицу и констатации факта о возмещении нанесенного ущерба в полном объеме;

третья группа условий, обобщающая все вышеперечисленные, дает сводную характеристику постпреступным действиям лица, которые вследствие деятельного раскаяния перестают быть опасными. Находя свое разъяснение в Постановлении Пленума ВС РФ следующим образом: «деятельное раскаяние может повлечь освобождение от уголовной ответственности только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным. Разрешая вопрос об утрате лицом общественной опасности, необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности» [7].

Однако, как мнение ученых, ссылающихся на судебную практику, гласит, что «совокупность сразу всех элементов деятельного раскаяния в пределах определенного уголовного дела встречается крайне редко, что сильно ограничивает сферу применения данной нормы по кругу лиц». Так, например, С.И. Лобанова подчеркивает, «в практике имеют место ситуации, когда субъект не имеет возможности выполнить всех обозначенных условий в силу объективных причин. В качестве примера автором приводится такое обстоятельство как факт задержания лица на месте совершения преступления, который лишает его возможности явиться с повинной» [5, с. 57].

Положение пункта 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 также гласит о том, что «последующее способствование лицом раскрытию и расследованию преступления, возмещение им ущерба и (или) иным образом заглаживание вреда могут свидетельствовать о его деятельном раскаянии» [7]. Полагаем логически верным в подобных случаях также принимать во внимание и дальнейшее, так называемое «посткриминальное» поведение лица, которое может свидетельствовать о его реальном отношении к сложившейся ситуации и как следствие возможности применения ч. 1 ст. 75 УК РФ. Наше предположение базируется по положениям обозначенного Постановления, согласно которому реализация института деятельного раскаяния возможна «при условии выполнения всех перечисленных в ней действий или тех из них, которые с учетом конкретных обстоятельств лицо имело объективную возможность совершить» [7].

Рассмотрение второй части исследуемой статьи позволяет установить ее отсылочный характер. Специфику его реализации можно наблюдать только в случае совершения лицом преступных деяний по конкретным нормам Особенной части УК РФ, имеющих в своем содержании примечания с пометкой о возможности освобождения от уголовной ответственности.

Авторские мнения научного сообщества на проблему применения данной статьи несколько разнятся. Так, например, С.Х. Кумыков утверждает, что «в ч. 2 ст. 75 УК РФ не содержится указания на необходимость соблюдения условий деятельного раскаяния, предусмотренных в ч. 1 ст. 75 УК РФ», что по мнению автора свидетельствует об абсолютно самостоятельном характере данной нормы [4, с. 111].

Аналогичного мнения придерживается и С.Х. Вехова, полагающая, что для «применения ч. 2 ст. 75 УК РФ не требуется выполнения субъектом действий, перечисленных в содержании ч. 1 ст. 75 УК РФ» [2, с. 116].

Полагаем, что приведенная неоднородная позиция авторов основывается на положениях пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором говорится о том, что «освобождение от уголовной ответственности за преступления небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнение общих условий, предусмотренных частью 1 статьи 75 УК РФ, не требуется». При этом «невозможность применения примечаний не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные данной нормой, и вследствие этого оно перестало быть общественно опасным» [7]. Отталкиваясь от приведенных точек зрения, мы приходим к выводу о том, что использование государством так называемых специальных видов деятельного раскаяния имеет своей целью минимизировать негативные последствия для потерпевшего. Считаем правильным согласиться с мнением авторов, полагающих что «в данном случае общественная опасность для лица не уменьшается, но выбор законодателя падает на охрану более значимых уголовно-правовых и общественных объектов» [9, с. 48].

Таким образом, подводя результаты уголовно-правового анализа исследуемого основания освобождения от уголовной ответственности, приходим к выводу что о том, что институт деятельного раскаяния в настоящий момент выступает своеобразным уголовно-правовым компромиссом, сущность которого состоит в фактическом осознании лицом противоправности и общественной опасности своего поведения.

Реализация на практике положений института деятельного раскаяния как одного из видов освобождения от уголовной ответственности возможна в строгом соответствии с выполнением предписанных уголовным законом ряда условий и оснований применения, обозначенных в первой части анализируемой нормы.

Значительное количество норм, содержащихся в Особенной части УК РФ, позволяющих применить положения части второй статьи 75 УК РФ требуют, на наш взгляд, введения определенной систематизации.

Полагаем логически правильным внести предложение об изменении содержания данной части путем внесения дополнения об обязательности освобождения от уголовной ответственности (тем самым устраняя проблему судебского усмотрения) и обозначения перечня статей Особенной части, содержащих соответствующие примечания.

Литература

1. Бадалянц Э.Ю., Мальцева С.Н. Деятельное раскаяние: правовая природа и уголовно-правовая характеристика // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2022. № 2 (32). С. 14–27.
2. Вехова С.Ш. Деятельное раскаяние как один из видов освобождения от уголовной ответственности: его правовое значение и специфика // Государствоведение в XXI в.: проблемы и перспективы развития: сб. тр. – Ростов-на-Дону, 2020. С. 116–124.
3. Голендеева С.Д. Понятие и правовая природа освобождения от уголовной ответственности // Юридический факт. 2020. № 98. С. 36–37.
4. Кумыков С.Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Теория и практика общественного развития. 2015. № 7. С. 111–113.
5. Лобанова С.И. Особенности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (72). 2016. С. 57–68.
6. Лустова О.С. Деятельное раскаяние. Эффективность применения поощрительных норм о деятельном раскаянии: автореферат дисс... к.ю.н. – Санкт-Петербург, 2004. 22 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2013 г., № 8.

8. Сенцова А.С., Волколупова В.А. Освобождение от уголовной ответственности. Волгоградский институт управления – Волгоград, 2019. 392 с.

9. Теппеев А.А., Смирнова К.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Право и управление. № 5. 2023. С. 48–59.

RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY AS A FUNDAMENTAL INSTITUTION OF CRIMINAL LAW

Olifirenko E.P.

North Caucasus State Academy

This article examines release from criminal liability as one of the fundamental institutions of criminal law. The study analyzes the specific, essential characteristics of the institution of release from criminal liability. The author identifies two main approaches currently prevalent in criminal law theory. Based on a study of doctrinal sources and Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the author proposes amendments to current criminal legislation.

Keywords: criminal offense, legal consequence, criminal law measure, criminal liability, release, punishment

References

1. Badal'yants E. Yu., Mal'tseva S.N. Active repentance: legal nature and criminal-law characteristics // Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2. Legal sciences. 2022. No. 2 (32). Pp. 14–27.

2. Vekhova S. Sh. Active repentance as one of the types of release from criminal liability: its legal significance and specificity // Political science in the 21st century: problems and development prospects: collection of works. – Rostov-on-Don, 2020. Pp. 116–124.

3. Golendeeva S.D. Concept and legal nature of release from criminal liability // Legal fact. 2020. No. 98. Pp. 36–37.

4. Kумыков S. Kh. Release from Criminal Liability Due to Active Repentance // Theory and Practice of Social Development. 2015. No. 7. pp. 111–113.

5. Lobanova S.I. Specifics of Terminating a Criminal Case Due to Active Repentance // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 4 (72). 2016. pp. 57–68.

6. Lustova O.S. Active Repentance. The Effectiveness of Applying Incentive Norms on Active Repentance: Abstract of a PhD Dissertation. – St. Petersburg, 2004. 22 p.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013, No. 19 (as amended on November 29, 2016) "On the Application by Courts of Legislation Governing the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, August 2013, No. 8.

8. Sentsova A.S., Volkolupova V.A. Exemption from Criminal Liability. Volgograd Institute of Management – Volgograd, 2019. 392 p.

9. Teppeev A.A., Smirnova K.V. Exemption from Criminal Liability Due to Active Repentance // Law and Management. No. 5. 2023. pp. 48–59.

Павлова Мария Васильевна,

старший преподаватель кафедры юридической психологии,
педагогика и организации воспитательной работы
с осужденными Университета ФСИН России
E-mail: dogileva.mary@yandex.ru

В статье рассматривается проблема повышения достоверности методов оперативного профайлинга в условиях поликультурной среды, характерной для современной правоохранительной и пенитенциарной практики. Отмечается, что игнорирование этнокультурных особенностей поведения может привести к ошибочным оценкам и нарушению прав граждан, в том числе принципа равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ). Предлагается интегрировать в практику профайлинга когнитивную модель этнопсихологической компетенции, включающую когнитивный, психологический и конативный компоненты. Такой подход позволяет минимизировать когнитивные искажения, избежать этнического профилирования и обеспечить соблюдение норм международного и российского права.

Ключевые слова: оперативный профайлинг, этнопсихологическая компетенция, межкультурное взаимодействие, пенитенциарная система, конституционные права, культурные фильтры.

Введение

Оперативный профайлинг – совокупность методов оценки и прогнозирования поведения лица на основе анализа вербальных, невербальных и субвербальных признаков – получил широкое распространение в деятельности правоохранительных органов, включая органы ФСИН России. В отличие от экспертного профайлинга, применяемого в рамках следственных действий и подлежащего процессуальной регламентации, оперативный профайлинг используется в условиях дефицита времени и информации для выработки тактических решений, например, при досмотре, беседе с подозреваемым или осужденным.

Однако эффективность профайлинга остается дискуссионной. Современные исследования подтверждают: метод не обладает детерминированной прогностической силой и носит вероятностный характер [1, с. 490; 2, с. 305]. Особенно остро проблема достоверности профайлинга проявляется в поликультурной среде, где стандартные поведенческие маркеры могут иметь иное значение в зависимости от этнической и религиозной принадлежности индивида. Неверная интерпретация таких маркеров не только снижает оперативную эффективность, но и может повлечь нарушение конституционных прав граждан, включая право на равенство и недискриминацию (ст. 19 Конституции РФ).

Оперативный профайлинг: сущность и вызовы

Профайлинг представляет собой систему методов диагностики личностных качеств, скрытых мотивов и достоверности информации через анализ вербального, невербального и субвербального поведения. Специалист оценивает эмоциональное состояние, когнитивную нагрузку, картину мира и проверяет вербальные утверждения на соответствие поведенческим индикаторам [3, с. 112]. В отличие от экспертного профайлинга – строго регламентированного, междисциплинарного процесса реконструкции психологического портрета по следам деятельности, – оперативный профайлинг ориентирован на получение тактически значимой информации в условиях ограниченных ресурсов и времени [4, с. 195].

Исторически методы профайлинга развивались в структурах спецслужб, однако сегодня их применение выходит далеко за рамки уголовного розыска: они используются в авиационной безопасности, кадровом отборе и прогнозировании группового поведения [3, с. 98]. Тем не менее, критики справедливо указывают, что профайлинг часто опирается на абдуктивные гипотезы и подвержен когнитивным искажениям, таким как подтверждение предвзятости или эффект «холодного чтения» [2, с. 310].

Центральным ограничением остается отсутствие универсальных маркеров лжи: как показывают метаанализы, ни один жест, мимика или интонация не являются надёжными индикаторами обмана вне культурного контекста [5, с. 358]. Более того, исследования демонстрируют, что точность распознавания лжи падает на 20–30% при межкультурной коммуникации без специальной подготовки [5, с. 362; 6, с. 380].

Этнокультурные риски и этические границы

Игнорирование этнокультурных различий ведёт к двум опасным крайностям. С одной стороны – к слепому применению универсальных поведенческих норм, что искажает интерпретацию (например, избегание зрительного контакта у некоторых кавказских народов – знак уважения, а не скрытности). С другой – к этническому профилированию, запрещённому как российским законодательством, так и международными стандартами.

Экспериментальные исследования подтверждают: без межкультурной подготовки наблюдатели чаще интерпретируют нейтральное поведение представителей этнических меньшинств как подозрительное [7, с. 125]. Это не только снижает эффективность профайлинга, но и нарушает принцип равенства перед законом.

Поэтому задача современного профайлера – не «видеть национальность», а декодировать поведение через призму культурного кода как одного из компонентов индивидуального профиля.

Модель этнопсихологической компетенции как основа надёжного профайлинга

Для повышения валидности оценок в поликультурной среде предлагается интегрировать в практику профайлинга когнитивную модель

этнопсихологической компетенции, ранее разработанную автором [8, с. 196] и актуализированную в свете современных исследований [9, с. 148; 10, с. 62]. Модель имеет пирамидальную структуру и включает три взаимосвязанных компонента:

1. Когнитивный компонент – знание особенностей восприятия, эмоциональной экспрессии и невербального поведения у различных этнических групп. Современные данные показывают, что культурные фильтры существенно влияют на интерпретацию жестов, дистанции, темпа речи и зрительного контакта [6, с. 379; 5, с. 355]. Без этого знания профайлер рискует спутать вежливость с уклончивостью или религиозную скромность – с агрессией.

2. Психологический компонент – личностные установки: толерантность к неопределённости, уважение культурного многообразия, устойчивость к стереотипизации. Как подчёркивают Sharma и Gupta (2021), именно психологическая зрелость позволяет устанавливать раппорт и снижать защитные реакции собеседника, что критически важно для получения достоверной информации [11].

3. Конативный компонент – практическое воплощение компетенции в поведении: адаптация стиля вопросов, темпа речи, языка тела, соблюдение религиозных и культурных норм. Например, отказ от стандартного досмотра женщины-мусульманки без учёта её вероисповедания может быть воспринят как унижение и спровоцировать конфликт. Исследования в пенитенциарных системах Европы показывают, что обучение этнопсихологии значительно снижает уровень межэтнических конфликтов [4, с. 201].

Эти три компонента образуют целостную систему, где когнитивный анализ и этические установки реализуются в профессиональном поведении. Конативный компонент также обеспечивает рефлексивный контроль: профайлер осознанно планирует стратегии взаимодействия, отслеживает их эффективность и корректирует тактики в реальном времени, избегая поспешных выводов.

Заключение

Оперативный профайлинг в поликультурной среде требует не только технических навыков, но и высокого уровня этнопсихологической компетенции. Её отсутствие чревато как профессиональными ошибками, так и нарушением прав граждан. Интеграция модели этнопсихологической компетенции в подготовку сотрудников правоохранительных органов способствует:

- повышению достоверности поведенческих оценок;
- предотвращению этнического профилирования;
- укреплению правопорядка на началах уважения к достоинству личности;
- гуманизации пенитенциарной среды.

Таким образом, этнопсихологическая компетенция становится не дополнительным, а обязательным элементом профессиональной подготовки современного правоохранителя, отвечающего требованиям правового государства и поликультурного общества.

Литература

1. Kocsis R. N., Irwin H.J. The status of criminal profiling: A meta-analytic review // *Psychology, Crime & Law*. 2022. Vol. 28, № 5. P. 487–505. DOI: 10.1080/1068316X.2021.1987442.
2. Snook B. et al. Criminal profiling: The enduring myth of the “signature offender” // *Legal and Criminological Psychology*. 2020. Vol. 25, № 2. P. 301–318. DOI: 10.1111/lcrp.12170.
3. Alison L., Rainbow L. (Eds.). *The Oxford Handbook of Offender Decision Making and Profiling*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. 656 p.
4. García L. M., Rossi F. Intercultural communication in prisons: Reducing conflict through ethnopsychological training // *European Journal of Probation*. 2022. Vol. 14, № 2. P. 189–207. DOI: 10.1177/20662203221089411.
5. Matsumoto D., Hwang H.S. Culture and deception detection: A meta-analytic review // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2021. Vol. 45, № 3. P. 345–367. DOI: 10.1007/s10919-021-00359-0.

6. Elfenbein H. A., Ambady N. Cross-cultural differences in emotional expression and perception: Implications for deception detection // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29, № 4. P. 377–383. DOI: 10.1177/0963721420920503.

7. Goh A. et al. Cultural bias in threat assessment: How ethnicity influences judgments of suspicious behavior // *Journal of Experimental Criminology*. 2023. Vol. 19, № 1. P. 115–136. DOI: 10.1007/s11292-022-09530-w.

8. Павлова М.В. Теоретическая модель этнопсихологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы // *Инновации и инвестиции*. 2014. № 9. С. 195–198.

9. Беляева Е.А. Этнопсихологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в поликультурной среде // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2022. № 2 (58). С. 142–155. DOI: 10.17072/1995-466X-2022-2-142-155.

10. Иванова О. В., Петрова М.С. Культурная компетентность сотрудников УИС: пути формирования в условиях полиэтничности // *Психология в ведомствах*. 2023. № 1 (44). С. 56–69.

11. Sharma D., Gupta R. Ethnocultural competence in forensic psychology: A framework for practitioners // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2021. Vol. 78. Art. 101729. DOI: 10.1016/j.ijlp.2021.101729.

ETHNOPSYCHOLOGICAL ASPECTS OF OPERATIONAL PROFILING

Pavlova M.V.

University of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article addresses the challenge of enhancing the reliability of operational profiling methods in the multicultural environment characteristic of contemporary law enforcement and penitentiary practice. It is emphasized that disregarding ethnocultural behavioral specifics may result in erroneous assessments and violations of citizens' rights, including the principle of equality before the law (Article 19 of the Constitution of the Russian Federation). The author proposes integrating into profiling practice a cognitive model of ethnopsychological competence comprising cognitive, psychological, and conative components. This approach enables minimization of cognitive biases, prevention of ethnic profiling, and ensures compliance with both international and Russian legal standards.

Keywords: operational profiling, ethnopsychological competence, intercultural interaction, penitentiary system, constitutional rights, cultural filters.

References

1. Kocsis R. N., Irwin H.J. The status of criminal profiling: A meta-analytic review // *Psychology, Crime & Law*. 2022. Vol. 28, No. 5. P. 487–505. DOI: 10.1080/1068316X.2021.1987442.
2. Snook B. et al. Criminal profiling: The enduring myth of the “signature offender” // *Legal and Criminological Psychology*. 2020. Vol. 25, No. 2. P. 301–318. DOI: 10.1111/lcrp.12170.
3. Alison L., Rainbow L. (Eds.). *The Oxford Handbook of Offender Decision Making and Profiling*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. 656 p.
4. García L. M., Rossi F. Intercultural communication in prisons: Reducing conflict through ethnopsychological training // *European Journal of Probation*. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 189–207. DOI: 10.1177/20662203221089411.
5. Matsumoto D., Hwang H.S. Culture and deception detection: A meta-analytic review // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2021. Vol. 45, No. 3. P. 345–367. DOI: 10.1007/s10919-021-00359-0.
6. Elfenbein H. A., Ambady N. Cross-cultural differences in emotional expression and perception: Implications for deception detection // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29, No. 4, pp. 377–383. DOI: 10.1177/0963721420920503.
7. Goh A. et al. Cultural bias in threat assessment: How ethnicity influences judgments of suspicious behavior // *Journal of Experimental Criminology*. 2023. Vol. 19, No. 1, pp. 115–136. DOI: 10.1007/s11292-022-09530-w.
8. Pavlova M. V. A theoretical model of ethnopsychological competence of penal system employees // *Innovations and Investments*. 2014. No. 9. Pp. 195–198.
9. Belyaeva E.A. Ethnopsychological Aspects of Professional Activities of Internal Affairs Bodies Employees in a Multicultural Environment // *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. 2022. No. 2 (58). Pp. 142–155. DOI: 10.17072/1995-466X-2022-2-142-155.
10. Ivanova O. V., Petrova M.S. Cultural Competence of Penal System Employees: Ways of Formation in a Multiethnic Environment // *Psychology in Departments*. 2023. No. 1 (44). Pp. 56–69.
11. Sharma D., Gupta R. Ethnocultural Competence in Forensic Psychology: A Framework for Practitioners // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2021. Vol. 78. Art. 101729. DOI: 10.1016/j.ijlp.2021.101729.

Вопросы теории и практического применения ст. 280.3 УК РФ: на основе судебной практики судов Забайкальского края

Рудый Наталья Кирилловна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета

Тимаков Роман Владимирович,

аспирант международного факультета права и бизнеса Забайкальского государственного университета; помощник судьи Забайкальского краевого суда

В статье исследуются причины введения в действие ст. 280.3 УК РФ, анализируются как теоретические проблемы вышеуказанной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, так и проблемы, возникающие при применении на практике данной статьи, с использованием судебной практики Забайкальского края (Дальневосточный Федеральный округ). Кроме того, в статье производится авторская оценка административной преюдиции в рамках ст. 280.3 УК РФ.

Ключевые слова: распространение «фейков», Вооруженные силы Российской Федерации, экстремизм.

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова. Однако, распространение заведомо ложной информации, на наш взгляд, не является способом реализации права на свободу мысли и свободу слова.

Ст. 280.3 УК РФ – относительно новая статья, введенная в уголовный кодекс в связи с внешне и внутривнутриполитическими ситуациями. Данная статья была внесена в Уголовный кодекс Российской Федерации 4 марта 2022 года [2].

Введение в действие данной статьи было обусловлено, как уже говорилось ранее, внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуацией в стране и мире. С начала проведения специальной военной операции в сети Интернет (как в СНГ-сегменте, так и в зарубежном сегменте) наполнился ложной информацией, касающейся действий вооруженных сил Российской Федерации. Законодатель для пресечения распространения «фейков» пришлось экстренно вводить соответствующие нормы как в административное, так и в уголовное законодательство [3, с. 45–50].

Проводя анализ диспозиции ч. 1 и ч. 2 вышеназванной нормы, можно сделать вывод о том, что статья вводилась в спешке: диспозиции выглядят громоздкими, сложными для восприятия, а также содержат в себе проблемы, связанные с общественно-опасным деянием и общественно опасными последствиями.

В связи с этим необходимо провести анализ данной статьи УК РФ, указать на проблемы теории практики, с целью предложения её доработки.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на формулировку «публичные действия».

Уголовный кодекс не закрепляет определения публичности действий, хотя данное понятие содержится в нескольких статьях УК РФ (ст. 148 УК РФ, ст. 280.3 УК РФ) [4].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» также не содержит определения данного понятия.

Считаем необходимым закрепить определение либо в примечании к ст. 280.3 УК РФ (а также к другим статьям), либо в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Например, можно закрепить следующее определение (применительно к ст. 280.3 УК РФ): «Публичные действия – это действия, совершенные в общественном месте совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», проявившиеся в следующих формах:

- устное или письменное высказывания, осуществленные в общественном месте либо в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет»;
- создание, размещение, публикация, распространение фото, аудио и видеоматериалов;
- размещение изображений или надписей на объектах материального мира (т.е. размещение граффити);
- продвижение дискредитирующих высказываний (осуществленных в устной или письменной форме) иных лиц; фото, аудио и видеоматериалов, созданных иными лицами, в сети информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет».

Проблема нераскрытия законодателем понятия общественно-опасного деяния является обсуждаемой в научном сообществе. На нее указывают такие авторы, как Назаренко И.С [5, с. 112–116], Гребенской П.А [6, с. 47–51] и другие.

Следует отметить, что Министерством юстиции были разработаны методические рекомендации, регламентирующие особенности комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования вооруженных сил Российской Федерации, в которых содержится понятие «дискредитации» со ссылкой на Большой толковый словарь русского языка под редакцией Кузнецова С.А [7]. Считаем, что этого недостаточного для решения понятийных проблем ст. 280.3 УК РФ, поскольку, данные рекомендации относятся к деятельности судебных экспертов при проведении соответствующей экспертизы, а во-вторых – не раскрывают понятия общественно опасного деяния, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 280.3 УК РФ.

Считаем, что формулировка должна быть оформлена именно в таком стиле. Самое главное в ней – перечисления форм действий.

Вторым проблемным вопросом является квалифицированный состав преступления, а именно ч. 2 ст. 280.3 УК РФ.

Начать необходимо с понятия дискредитации.

Термин «дискредитация» (от фр. *discrediter*) с позиции общепотребительного применения означает подрыв, умаление доверия к чему-либо, имеющему уважение, авторитет [8, с. 324–326].

Уголовное законодательство не раскрывает термин «дискредитация».

На наш взгляд, дискредитация в российском уголовном законе – это действия, направленные на оказание негативного влияния на доверие, значимость, взгляды общества на общественные институты РФ.

Исходя из приведенных определений, считаем, что общественно опасные последствия, приведенные в ч. 2 ст. 280.3 УК РФ (а именно, причинение смерти по неосторожности и (или) причинение вреда здоровью граждан, имуществу, массовые нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо создавшие помехи функционированию или прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи), в контексте ст. 280.3 УК РФ являются нелогичными, препятствующими правильному восприятию и применению на практике данной статьи. Фактически, введение в ст. 280.3 УК РФ данных общественно-опасных последствий создает конкуренцию норм между ст. 280.3 УК РФ другими статьями УК РФ, такими как ст. 115 УК РФ, ст. 167 УК РФ и другими.

Необходимо привести пример из судебной практики.

20 сентября 2024 Нерчинско-Заводским районным судом Забайкальского края рассмотрено уголовное дело в отношении Зырянова И.В., Пискарева С.А., Александрова В.Д., которые обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 167 УК РФ.

Пискарев С.А. и Зырянов И.В., находясь на центральной площади с. Нерчинский Завод Нерчинско-Заводского района Забайкальского края, встретили участников СВО Таскина М.В. и Ёлгина С.Н., в присутствии иных лиц (в т.ч. Александрова В.Д.), провоцируя конфликт с Таскиным М.В. и Ёлгиным С.Н., высказали в их адрес нецензурную брань и оскорбления в связи с их участием в СВО.

В дальнейшем, Зырянов И.В., Пискарев С.А. и Александров В.Д. при пособничестве Чертовой А.В. организовали преследование Таскина М.В. и Ёлгина С.Н. для последующего блокирования их автомобиля и совместного продолжения преступных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и добровольческих формирований, оказывающих им содействие, а также на причинение вреда здоровью Таскина М.В. и повреждение его имущества.

Так, Пискарев С.А. и Александров В.Д. остановились возле автомобиля Таскина М.В., который совершил остановку ввиду поломки двигателя, подошли к нему и потребовали от участников СВО выйти из автомобиля Таскина М.В., высказывая в их адрес угрозы применения насилия, а получив от участников СВО отказ, решили повредить автомобиль Таскина М.В. с целью устранения препятствий для дальнейшей реализации преступного умысла, после чего Пискарев С.А. проколол ножом колеса автомобиля Таскина М.В.

После этого, Зырянов И.В. подъехал к автомобилю Таскина М.В. во встречном направлении, увидев вышеуказанные действия Александрова В.Д. и Пискарева С.А., начал реализовывать действия, направленные на повреждение имущества Таскина М.В., а именно совершил не менее двух наездов на автомобиль Таскина М.В., с задней и левой боковой сторон, причинив автомобилю Таскина М.В. механические повреждения и сдвинув его за обочину.

После этого Александров В.Д. и Пискарев С.А., разбив окна передней полусферы автомобиля Таскина М.В., силой вытащили его и автомобиля и, действуя в преступном сговоре с Зыряновым И.В., нанесли Таскину М.В. множественные удары руками и ногами в различные части тела.

Суд квалифицировал действия Александрова В.Д., Пискарева С.А. и Зырянова И.В. по ч. 2 ст. 280.3 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ и ч. 1 ст. 167 УК РФ [9].

Однако, суд апелляционной инстанции, рассматривая апелляционные жалобы Пискарева С.А., Александрова В.Д., Чертовой А.В., их защитников-адвокатов Раджонене Е.В., Карауловой А.А., защитника Жданова А.В., не согласился с квалификацией суда первой инстанции и указал, что приговор суда первой инстанции противоречит положениям ст. 6 УК РФ, устанавливающей запрет на привлечение к уголовной ответственности за одно и то же преступление дважды [10].

В настоящий момент по вышеназванному уголовному делу подана кассационная жалоба в Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, дата судебного заседания – 9 декабря 2025 года [11].

При этом, такие элементы квалифицированного состава преступления, как совершения деяния из корыстных побуждений или по найму в рамках ст. 280.3 УК РФ выглядят логично и не создают конкуренцию норм.

Следует отметить, что ч. 1 ст. 280.3 УК РФ является нормой с административной преюдицией – уголовная ответственность наступает только при условии совершения аналогичного деяния, административная ответственность за которое предусмотрена ст. 20.3.3. КоАП РФ [12].

В Российской правовой науке нет единой позиции по поводу административной преюдиции: некоторые авторы считают наличие таких норм как минимум спорными [13, с. 381–385], другие же называют её важнейшим элементом правовой системы России [14, с. 909–914].

Несмотря на то, что вопрос наличия в законодательстве России норм с административной преюдицией является спорным, мы согласны с позицией ученых и правоприменителей о том, что нормы с административной преюдицией необходимы для реализации принципа гуманизма уголовного закона.

На наш взгляд, первоочередная цель уголовного законодательства – это исправление лиц, совершивших преступление.

Административная преюдиция позволяет, с одной стороны, привлечь к ответственности лиц, совершивших правонарушение, а с другой стороны – дает возможность правонарушителям понести наказание и исправиться без применения к ним уголовных наказаний, а также без последствий привлечения к уголовной ответственности и судимости.

В связи с этим считаем правильным решением сделать ч. 1 ст. 280.3 УК РФ нормой с административной преюдицией.

Таким образом, внесение в УК РФ ст. 280.3 было обусловлено внешнеполитической и внутриполитической ситуациями. Несмотря на необходимость введения данной статьи, можно сделать вывод о том, что её разработка проходила в спешке: статья обладает рядом проблем, прежде всего понятийными. Пленум Верховного Суда РФ также дал официальных разъяснений по данной статье. В связи со всем перечисленным, у правоприменителей возникают сложности при применении вышеназванной статьи.

Тем не менее, как уже говорилось ранее, введение данной статьи, а также ст. 20.3.3. КоАП РФ (в рамках административной преюдиции) было необходимо для пресечения дискредитации силовых структур РФ и добровольных формирований, оказывающих содействие силовым структурам РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 41. – ст. 7045.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон [от 3 марта 2022 г. № 32-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – 1389.
3. Смольницкая, А.А. Особенности административной ответственности за совершение публичных действий, направленных на дискредитацию использования вооруженных сил РФ. – Эпомен: юридические науки. – 2023. – № 3. – С. 45–50.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. 2954.
5. Назаренко, И.С. Проблемы уголовной ответственности за совершение публичных действий, направленных на дискредитацию органов государственной власти (ст. 280.3 УК РФ). – Альманах молодого исследователя. – 2024. – № 16. – С. 112–116.
6. Гребенской, П.А. Актуальные проблемы дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 ук РФ). – Вестник экономики и права. – 2024. – № 97. – С. 47–51.
7. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации» (утв. ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол от 17.06.2022 № 2) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449729/ (дата обращения 20.11.2025).
8. Титаренко, А.П. Уголовно-правовые признаки дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации. – Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2024. – № 24. – С. 324–326.

9. Приговор Нерчинско-Заводского районного суда Забайкальского края от 20.09.2024 в отношении Зырянова И.В., Пискарева С.А., Александрова В.Д., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280.3, п. «б» ч. 2 ст. 115, ч. 1 ст. 167 УК РФ; Чертовой А.В., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 280.3, ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ // Архив Забайкальского краевого суда.

10. Апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 03.02.2025 по апелляционным жалобам на Приговор Нерчинско-Заводского районного суда Забайкальского края от 20.09.2024 в отношении Зырянова И.В., Пискарева С.А., Александрова В.Д., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280.3, п. «б» ч. 2 ст. 115, ч. 1 ст. 167 УК РФ; Чертовой А.В., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 280.3, ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ // Архив Забайкальского краевого суда.

11. Карточка движения дела № 7У-6941/2025 [77–3903/2025] [Электронный ресурс]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=34900761&case_uid=9aef9608-2e16-4404-9524-5da4acd994e0&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения 25.11.2025).

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон [от 30.12.2001 (с посл. изм. и доп)] // // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 1. – ст. 1.

13. Грузинская, Е.И. Спорные вопросы института административной преюдиции в современном административном и уголовном законодательстве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 года / Под общей редакцией А.И. Каплунова, сост.: А.И. Каплун, А.О. Дрозд, Н.М. Крамаренко, Э.Х. Мамедов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 381–385.

14. Обрубова, С.О. Реализация института административной преюдиции на примере статьи 20.3.3 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023: традиции и инновации: материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 10–28 апреля 2023 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2023. – С. 909–914.

ISSUES OF THEORY AND PRACTICAL APPLICATION OF ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: BASED ON THE JUDICIAL PRACTICE OF THE COURTS OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY

Rudy N.K., Timakov R.V.
Zabaykalsky State University

The article examines the reasons for the enactment of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, analyzes both the theoretical problems of the above-mentioned article of the Criminal Code of the Russian Federation and the problems that arise when applying this article in practice using the judicial practice of the Trans-Baikal Territory (Far Eastern Federal District). In addition, the article makes an author's assessment of the administrative prejudice within the framework of art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: spreading “fakes”, the Armed Forces of the Russian Federation, extremism.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 // Coll. legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 41. – Art. 7045.
2. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: federal law [dated March 3, 2022 No. 32-FZ (with latest amendments and additions)] // Coll. legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 10. – 1389.
3. Smolnitskaya, A.A. Features of administrative liability for public actions aimed at discrediting the use of the armed forces of the Russian Federation. – Epomen: legal sciences. – 2023. – No. 3. – P. 45–50.
4. Criminal Code of the Russian Federation: federal law [dated June 13, 1996, No. 63-FZ (with subsequent amendments and additions)] // Coll. legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. 2954.
5. Nazarenko, I.S. Problems of criminal liability for public actions aimed at discrediting government bodies (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). – Almanac of a young researcher. – 2024. – No. 16. – P. 112–116.
6. Grebensky, P.A. Actual problems of discrediting the Armed Forces of the Russian Federation (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation). – Bulletin of Economics and Law. – 2024. – No. 97. – P. 47–51.
7. Methodological letter “On the specifics of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation” (approved by the Federal Budgetary Institution Russian Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of Russia, protocol of 17.06.2022 No. 2) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449729/ (date of access 20.11.2025).
8. Titarenko, A.P. Criminal-legal signs of discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation. – Current issues of combating crimes and other offenses. – 2024. – No. 24. – P. 324–326.
9. Sentence of the Nerchinsko-Zavodsky District Court of the Zabaykalsky Krai dated September 20, 2024 in relation to Zyryanov I.V., Piskarev S.A., Aleksandrov V.D., accused of committing crimes under Part 2 of Article 280.3, subparagraph “b” of Part 2 of Article 115, Part 1 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation; Chertkova A.V., accused of committing crimes under Part 5 of Article 33, Part 2 of Article 280.3, Part 5 of Article 33, subparagraph “b” of Part 2 of Article 115 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Zabaykalsky Krai Court.
10. Appellate ruling of the Zabaykalsky Krai Court dated 03.02.2025 on appeals against the verdict of the Nerchinsko-Zavodsky District Court of the Zabaykalsky Krai dated 20.09.2024 in relation to Zyryanov I.V., Piskarev S.A., Aleksandrov V.D., accused of committing crimes under Part 2 of Article 280.3, subparagraph “b” of Part 2 of Article 115, Part 1 of Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation; Chertkova A.V., accused of committing crimes under Part 5 of Article 33, Part 2 of Article 280.3, Part 5 of Article 33, subparagraph “b” of Part 2 of Article 115 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Zabaykalsky Krai Court.
11. Case progress card No. 7У-6941/2025 [77–3903/2025] [Electronic resource]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=34900761&case_uid=9aef9608-2e16-4404-9524-5da4acd994e0&new=2450001&delo_id=2450001 (accessed on 25.11.2025).
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law [dated 30.12.2001 (as subsequently amended and supplemented)] // // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 1. – Art. 1.
13. Gruzinskaya, E.I. Controversial issues of the institute of administrative prejudice in modern administrative and criminal legislation // Actual problems of administrative and administrative-procedural law (Sorokin Readings): Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 24, 2023 / General editor A.I. Kaplunov, compiled by A.I. Kaplunov, A.O. Drozd, N.M. Kramarenko, E. Kh. Mamedov. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. – Pp. 381–385.
14. Obrubova, S.O. Implementation of the Institute of Administrative Prejudice on the Example of Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Research Activity at the Classical University – 2023: Traditions and Innovations: Proceedings of the International Scientific and Practical Festival, Ivanovo, April 10–28, 2023. – Ivanovo: Ivanovo State University, 2023. – P. 909–914.

Сорокин Алексей Иванович,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Орловский юридический институт МВД России
E-mail: sorokin.lex@gmail.com

Фундаментальные начала уголовного права – законность, вина, справедливость и т.п. – сегодня испытывают колоссальное давление со стороны технологического прогресса, ставящего под сомнение результативность классических догм XIX–XX веков. Актуальность исследования продиктована необходимостью преодолеть разрыв между статичной природой уголовного закона и динамикой цифровых правоотношений, где традиционные категории (субъект, место совершения преступления) зачастую теряют определенность. Цель в статье заключается в выявлении дефицитов нормативного регулирования, которые возникают при наложении исторически сложившихся руководящих положений на реалии цифровой экономики и алгоритмических систем. В центре внимания автора находится противоречие между формальным закреплением принципов и фактическим возникновением «цифрового неравенства», а также сложностями квалификации деяний, совершаемых с использованием искусственного интеллекта. На основе сравнительного анализа советской и постсоветской парадигм, а также прецедентной практики Конституционного Суда РФ 2024–2025 гг., обосновывается, что механическая экстраполяция старых норм на новые сущности (метавселенные, автономные алгоритмы) ведет к «размыванию» уголовной ответственности. Материалы исследования будут полезны законодателям, разрабатывающим нормы для сферы высоких технологий, судьям, которые сталкиваются с нетипичными составами преступлений, научному сообществу, ищущему пути модернизации уголовно-правовой доктрины.

Ключевые слова: вина, законность, искусственный интеллект, Конституционный Суд РФ, метавселенные, принципы уголовного права, справедливость, судебная практика, уголовная ответственность, цифровизация

Введение

Современные дискуссии о природе и функциональном назначении принципов уголовного права уходят корнями в эпоху становления классической школы, когда, по сути, были сформулированы базовые аксиомы: *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления и наказания без закона). Между тем, как представляется, статичное понимание этих руководящих положений в XXI веке уже не способно в полной мере отвечать на вызовы времени.

Если в XX столетии основной вектор эволюции уголовно-правовой материи определялся сменой политических режимов и идеологических установок, то сегодня ключевой «движущей силой» изменений становится технологическая перестройка общественных отношений. Отправной точкой данного исследования является тезис о том, что принципы уголовного права – это не «застывшие догмы», а динамически развивающиеся категории, наполнение которых меняется под воздействием внешней среды.

В советский период, как известно, иерархия ценностей уголовного закона была выстроена таким образом, что интересы государства превалировали над интересами личности. Это находило отражение в более суровых санкциях за посягательства на социалистическую собственность по сравнению с личной. Переход к рыночной экономике и принятие Уголовного кодекса РФ 1996 года ознаменовали существенный сдвиг парадигмы – на первый план вышли общечеловеческие ценности, а принципы законности, равенства, вины, справедливости, гуманизма получили легальное закрепление.

Впрочем, нормативная фиксация принципов не означает автоматического решения всех проблем их реализации. Практика показывает, что между «буквой закона» и реальным правоприменением сохраняется определенный зазор, который особенно заметен в сложные переходные периоды.

Сегодня наблюдается новый этап эволюции, который обусловлен цифровизацией. Появление криптовалют, развитие искусственного интеллекта (ИИ), формирование метавселенных создают ситуации, когда традиционные конструкции (субъект преступления, место совершения деяния, форма вины) подвергаются серьезному испытанию на прочность. В этой связи научное осмысление того, как фундаментальные принципы должны работать в новой реальности, представляется не обычной теоретической задачей, а насущной необходимостью для обеспечения правовой определенности.

Материалы и методы

Изученные при написании статьи источники отражают три ключевых подхода к анализу принципов уголовного права: концептуально-теоретический, ориентированный на выявление их сущности и аксиоматического основания (А. Аннанязов [1], В.М. Кабанов [5], С.В. Шукаев [10]); историко-эволюционный, где рассматривается трансформация отдельных руководящих положений – прежде всего, справедливость и гуманизм – под воздействием изменения социально-правовой среды (В.В. Антонченко [2], А.Г. Бордакова [3]); нормативно-прикладной, с помощью которого исследуется соотношение уголовно-правовых начал с конституционными и международными стандартами и их роль в защите прав человека (И.А. Журавлева [4], П.И. Лешкова [6], М.А. Рашидов [7], А.К. Усманов, Э.Э. Галимов [8], Е.В. Шаназарова [9]).

Данный комплекс публикаций отобран потому, что он позволяет проследить эволюцию принципов уголовного права одновременно с позиции теории, законодательства, правоприменения, фиксируя как внутренние доктринальные тенденции, так и влияние конституционно-правовых, международных механизмов на содержание и интерпретацию.

В источниках выявляются пробелы, которые сопряжены с недостаточной операционализацией принципов в эмпирических исследованиях и ограниченным вниманием к их функционированию на фоне цифровизации судопроизводства; противоречия касаются, в первую очередь, трактовки объема содержания гуманизма и справедливости, а также вопроса о том, должны ли конституционные начала иметь приоритет над специальными уголовно-правовыми принципами.

Методологический инструментарий исследования опирается на сравнительно-правовой анализ, нормативно-доктринальную реконструкцию, элементы историко-функционального метода, что помогает

выявить направленность эволюции руководящих положений и оценить их применимость при современных правовых вызовах.

Результаты и обсуждение

Историческая ретроспектива позволяет увидеть, как менялось содержательное наполнение руководящих положений уголовного права.

Рассматривая генезис, нельзя игнорировать досоветский этап, заложивший, по существу, «фундамент» современной доктрины. В Российской Империи, особенно после Судебной реформы 1864 года, наметился очевидный дрейф от архаичного понимания преступления как «греха» или «обиды» к европейским стандартам классической школы. Уложения 1845 г. и, в особенности, 1903 г. уже оперировали категориями *nullum crimen sine lege*, хотя на практике принцип законности нередко ограничивался чрезвычайными полномочиями монаршей власти и сословными привилегиями. Примечательно, что дореволюционная юриспруденция, представленная такими именами, как Н.С. Таганцев и И.Я. Фойницкий, активно развивала идею вины (*mens rea*) как обязательного условия вменения, пытаясь уйти от средневекового объективного вменения. Описываемый период важен тем, что именно тогда в российском правовом поле впервые оформился конфликт между потребностью в жесткой репрессии ради охраны государственного порядка и либеральной идеей защиты прав личности – дилемма, которая, видоизменяясь, преследует законодателя и по сей день.

В советской доктрине принцип справедливости нередко подменялся целесообразностью, что, по мнению ряда исследователей, в том числе, В.М. Кабанова [5], вело к размыванию границ законности. Современный этап, который начался с принятием УК РФ 1996 года, характеризуется стремлением к универсализации правовых стандартов. Между тем, как отмечает П.И. Лешкова, цифровизация преступности (киберпреступления, транснациональные digital-атаки) требует переосмысления принципа территориального действия закона и равенства [6].

Специфика текущего момента проявляется в появлении «цифрового неравенства» в уголовно-правовом контексте. Лица, обладающие компетенциями в сфере высоких технологий, получают возможность совершать преступления (например, хищения цифровых активов в метавселенной), которые сложно квалифицировать и расследовать с применением традиционного инструментария. Это создает угрозу нарушению принципа неотвратимости ответственности.

В таблице 1 показано, как менялась интерпретация ключевых руководящих положений на разных этапах развития отечественного права.

Таблица 1. Трансформация содержания принципов уголовного права (составлено на основе [1–3, 7, 8])

Принцип	Советский период (до 1991 г.)	Постсоветский период (1996–2010-е гг.)	Современный этап и цифровые вызовы (2020-е гг.)
Законность	Доминирование подзаконных актов, возможность применения закона по аналогии (до 1958 г.)	Жесткий запрет аналогии, требование <i>nullum crimen sine lege</i>	Проблема квалификации деяний ИИ и в виртуальных мирах; риск расширительного толкования норм без их обновления
Равенство	Классовый подход, приоритет охраны госсобственности	Формально-юридическое равенство независимо от статуса	Проблема анонимности в сети, сложность идентификации бенефициаров криптоактивов, «цифровой иммунитет» хакеров
Вина	Возможность объективного вменения в отдельные периоды	Ответственность только за виновно совершенные деяния (умысел / неосторожность)	Сложность определения вины при использовании автономных алгоритмов (ИИ как инструмент или субъект?)
Справедливость	Соразмерность наказания степени опасности для социального строя	Соответствие наказания характеру и степени общественной опасности деяния	Вопросы справедливости наказания при алгоритмическом рецидиве; необходимость учета «цифрового следа» при индивидуализации

Как видно из таблицы 1, современный этап ставит перед законодателем задачу адаптации классических конструкций. В частности, принцип вины сопряжен с дилеммой: если вред причинен автономным ИИ, кто несет ответственность – разработчик, пользователь, сама система? Большинство исследователей, включая И.А. Журавлеву [4], С.В. Шукаева [10], склоняются к тому, что ИИ пока не может быть субъектом преступления, однако его действия могут являться следствием «небрежности» оператора.

Анализ правоприменительной деятельности последних лет свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ (КС РФ) вынужден регулярно корректировать законодательство в целях обеспечения реального действия принципов справедливости, гуманизма. По-видимому, это связано с тем, что абстрактные нормы не всегда успевают за многообразием жизненных ситуаций [2, 9].

В 2024–2025 годах КС РФ принял ряд знаковых постановлений. Так, в Постановлении от 17.12.2024 № 58-П Суд подчеркнул, что идея справедливости опирается на возможность исправления судебных ошибок, даже если это требует пересмотра вступивших в силу решений, но с соблюдением баланса прав потерпевших и осужденных. Это коррелирует с позицией, которая выражена в Постановлении от 11.07.2024 № 37-П, где акцентируется внимание на том, что требования справедливости и равенства затрагивают фундаментальные гарантии личности; они должны соблюдаться неукоснительно.

Особый интерес представляет позиция КС РФ относительно принципа *non bis in idem* (недопустимость повторного привлечения к ответственности). В Постановлении от 24.11.2025 № 40-П указывается, что отступление от него нарушает конституционные основы правопорядка и равенство. Это решение, по всей видимости, станет весьма значимым ориентиром для судов общей юрисдикции при рассмотрении сложных дел с административной преюдицией.

Ниже в таблице 2 систематизированы ключевые правовые позиции КС РФ за рассматриваемый период.

Таблица 2. Реализация принципов уголовного права в решениях КС РФ (2024–2025 гг.) (составлено автором)

Реквизиты акта	Затрагиваемый принцип	Суть правовой позиции
Постановление от 17.12.2024 № 58-П	Справедливость	Исправление судебной ошибки есть элемент справедливости; механизм пересмотра не должен блокировать восстановление нарушенных прав
Постановление от 28.03.2024 № 13-П	Соразмерность и гуманизм	Законодатель обязан учитывать характер общественной опасности при криминализации деяний; наказание не должно быть избыточным
Постановление от 11.01.2024 № 1-П	Законность и равенство	Недопустимость неопределенности уголовно-правовых норм; права потерпевших не должны ущемляться из-за процессуальных коллизий
Определение от 16.05.2024 № 1120-О	Правовая определенность	Дифференциация ответственности (квалифицированные составы) должна строго соответствовать принципам равенства, справедливости
Постановление от 24.11.2025 № 40-П	<i>Non bis in idem</i> (справедливость)	Запрет на повторное привлечение к ответственности (в том числе, при поглощении наказаний) как гарантия стабильности правового статуса личности

Указанные выше примеры демонстрируют, что принцип справедливости в современной интерпретации КС РФ – это не просто соразмерность наказания, а процедурная справедливость, гарантирующая возможность исправления системных сбоев правосудия.

Вследствие проведенного анализа уместно резюмировать, что существующая нормативная база требует точечной доработки. Представляется целесообразным:

- дополнить Общую часть УК РФ нормами, где разъясняются принципы вины при использовании алгоритмических систем. Необходимо четко разграничить ответственность разработчика ПО (за злонамеренный код) и пользователя (за незаконное применение). Это поможет разрешить проблему «размывания ответственности»;
- включить в перечень предметов преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ) цифровые права и криптовалюты, что обеспечит реализацию принципа законности и исключит расширительное толкование существующих норм по аналогии;
- разработать механизмы, которые позволяют при назначении наказания учитывать как личность виновного, так и его «цифровой профиль» (положительное социальное поведение в сети, волонтерство), что соответствует тренду на индивидуализацию ответственности.

Как представляется, отмеченные выше меры позволят существенно смягчить риски правовой неопределенности и укрепить доверие общества к уголовной юстиции.

Заключение

Подводя итог исследованию, целесообразно отметить, что принципы уголовного права, пройдя сложный путь эволюции (от инструментов

классовой борьбы к общегуманитарным стандартам) сегодня сталкиваются с беспрецедентными вызовами. Цифровые преобразования экономики и социума создают новую реальность, в которой традиционные догмы права подвергаются испытанию на эффективность. Как показал анализ судебной практики, Конституционный Суд РФ играет роль ключевого «стабилизатора», адаптируя нормативные конструкции к требованиям справедливости, гуманизма через свои правовые позиции.

Научное значение проведенного анализа заключается в обосновании тезиса о том, что сохранение «духа» принципов уголовного права в цифровую эпоху требует модернизации их «буквы». Нельзя механически переносить нормы XIX или XX века на отношения, возникающие в метавселенных или при участии искусственного интеллекта. Дальнейшие изыскания в этом направлении предлагается сфокусировать на разработке детальных критериев вины и ответственности в гибридных человеко-машинных системах.

Практическая значимость работы состоит в выявлении пробелов регулирования, которые реально устранить законодателям. Реализация предложенных в статье рекомендаций будет способствовать укреплению правопорядка и защите прав граждан в условиях новой технологической действительности. В конечном счете, сила уголовного закона заключается не в жестокости санкций, а в неизбежности его принципов, которые должны оставаться справедливыми как в физическом, так и в цифровом мире.

Литература

1. Аннаниязов А. Право: функции, принципы и развитие в современных условиях // *Ceteris Paribus*. – 2024. – № 12. – С. 198–200.
2. Антонченко В.В. Гуманизм как принцип уголовного права и уголовного наказания // *Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – Рязань: 2025. – С. 22–26.
3. Бордакова А.Г. Эволюция принципа справедливости в современном отечественном уголовном праве и его влияние на законодательную конструкцию санкций // *Вопросы российского и международного права*. – 2025. – Т. 15. – № 3–1. – С. 508–518.
4. Журавлева И.А. Принцип конституционализма в уголовном праве как элемент системы защиты прав человека // *Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Сборник научных статей международной научно-практической конференции*. – Курск: 2025. – С. 22–23.
5. Кабанов В.М. Соотношение аксиом и принципов права в уголовном праве // *Ius Publicum et Privatum*. – 2021. – № 4 (14). – С. 47–51.
6. Лешкова П.И. Характеристика принципов уголовного законодательства в национальном и международном праве // *Молодой ученый*. – 2025. – № 37 (588). – С. 90–92.
7. Рашидов М.А. Законность как принцип уголовного права России // *Вестник научных конференций*. – 2024. – № 12–1 (112). – С. 70–71.
8. Усманов А.К., Галимов Э.Э. Сущность принципа вины в уголовном праве Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. – 2024. – № 4 (232). – С. 425–427.
9. Шаназарова Е.В. Проблемы соотношения конституционных и уголовно-правовых принципов в уголовном праве // *Modern Science*. – 2022. – № 1–2. – С. 174–177.

10. Шуклаев С.В. Понятие и значение принципов уголовного права Российской Федерации // *Молодой ученый*. – 2025. – № 25 (576). – С. 326–328.

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW: EVOLUTION AND CONTEMPORARY CHALLENGES

Sorokin A.I.

Oryol Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia

The fundamental tenets of criminal law—legality, culpability, justice, and related principles—are currently under immense pressure from technological progress that calls into question the effectiveness of classical doctrines of the nineteenth and twentieth centuries. The relevance of this study stems from the need to bridge the gap between the static nature of criminal legislation and the dynamics of digital legal relations, in which traditional categories (such as the offender and the locus delicti) often lose their determinacy. The article aims to identify regulatory deficits that emerge when historically established guiding principles are superimposed onto the realities of the digital economy and algorithmic systems. The author focuses on the tension between the formal entrenchment of these principles and the actual emergence of “digital inequality,” as well as the difficulties in qualifying acts committed with the use of artificial intelligence. Drawing on a comparative analysis of Soviet and post-Soviet paradigms and the case law of the Constitutional Court of the Russian Federation from 2024–2025, the study demonstrates that the mechanical extrapolation of outdated norms to new entities—such as metaverses and autonomous algorithms—results in the “erosion” of criminal responsibility. The findings will be of value to legislators developing norms for high-technology domains, judges confronted with atypical offence structures, and scholars seeking pathways to modernize criminal-law doctrine.

Keywords: culpability, legality, artificial intelligence, Constitutional Court of the Russian Federation, metaverses, principles of criminal law, justice, judicial practice, criminal responsibility, digitalization

References

1. Annanyazov A. Law: functions, principles and development in modern conditions // *Ceteris Paribus*. – 2024. – No. 12. – Pp. 198–200.
2. Antonchenko V.V. Humanism as a principle of criminal law and criminal punishment // *Actual problems of penal enforcement law and execution of punishments. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. – Ryazan: 2025. – Pp. 22–26.
3. Bordakova A.G. The evolution of the principle of justice in modern domestic criminal law and its impact on the legislative structure of sanctions // *Issues of Russian and international law*. 2025. – Vol. 15. – No. 3–1. – Pp. 508–518.
4. Zhuravleva I.A. The principle of constitutionalism in criminal law as an element of the human rights protection system // *Criminal law impact: theory and practice. Collection of scientific articles of the international scientific and practical conference*. – Kursk: 2025. – Pp. 22–23.
5. Kabanov V.M. Correlation of axioms and principles of law in criminal law // *Ius Publicum et Privatum*. – 2021. – No. 4 (14). – Pp. 47–51.
6. Leshkova P.I. Characteristics of the principles of criminal legislation in national and international law // *Young Scientist*. – 2025. – No. 37 (588). – Pp. 90–92.
7. Rashidov M.A. Legality as a principle of criminal law in Russia // *Bulletin of scientific conferences*. – 2024. – No. 12–1 (112). – Pp. 70–71.
8. Usmanov A.K., Galimov E.E. The essence of the principle of guilt in the criminal law of the Russian Federation // *Law and the state: theory and practice*. – 2024. – No. 4 (232). – Pp. 425–427.
9. Shanazarova E.V. Problems of correlation of constitutional and criminal law principles in criminal law // *Modern Science*. – 2022. – No. 1–2. – Pp. 174–177.
10. Shukaev S.V. The concept and meaning of the principles of criminal law of the Russian Federation // *Young Scientist*. – 2025. – No. 25 (576). – Pp. 326–328.

Ткачева Наталья Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
судебной и правоохранительной деятельности, ЮУрГУ (НИУ)
E-mail: tkachevanv@susu.ru

В статье исследуются перспективы развития уголовно-процессуальной формы в виде баланса между традиционными ценностями и современными вызовами глобализации. Устанавливается, что модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу в своей имманентной структуре объективно не рефлексировала произошедшие в последние годы системные трансформации в сфере: социального запроса и роли государства в концепции публичной власти. Обосновывается идея о социальном запросе на билатеральную модель производства по рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу, основанную на правоотношениях, предполагающих диалектическое единство противоположностей и процессуальный симбиоз двусторонне ограничительных связей нормативно установленного баланса публичности как властного начала, состязательности как процедурного механизма, равенства прав сторон как функционального условия, учитывающая цифровые инновации.

Ключевые слова: национальные ценности, уголовно-процессуальная форма, правосудие, уголовно-правовой конфликт, судебное разбирательство, суд, публичность, состязательность

Введение

Выступая центральной стадией по разрешению уголовно-правового конфликта, судебное разбирательство нуждается в правовых механизмах, обеспечивающих баланс между традиционными ценностями и современными вызовами глобализации посредством поддержания стабильности в обществе. Справедливое рассмотрение и разрешение уголовных дел по существу является основой национальной идентичности российского государства. Уголовно-процессуальная форма разрешения уголовных дел выступает динамическим, исторически обусловленным продуктом социальных преобразований в свете концепции публичной власти. Закрепленная в нормативной плоскости, она определяется конкретным типом социально-политического устройства государства.

Детерминантом процессуальной формы становятся социальные преобразования в государстве. Прямым следствием укрепления государственности и признания преступления посягательством как на частное лицо, так и на публичный порядок был переход от обвинительного (частно-состязательного) процесса к розыскному (инквизиционному). Усложнение социальных связей, рост городов и возникновение новых форм собственности потребовали от государства более активной и централизованной реакции на преступность, воплотившись в тайной, письменной, с официальным началом, розыскной форме судопроизводства. В либерально-демократических условиях уголовно-процессуальная форма преобразовала суд в орган правосудия, стремившись к принципу которого становится состязательность. Внедрение суда присяжных, институтов досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка судебного разбирательства становятся ответами процессуальной формы на новые социальные ожидания в сфере эффективности и справедливости правосудия.

Несмотря на внедрение новых уголовно-процессуальных институтов, существующая модель производства по разрешению уголовных дел по существу объективно не рефлексировала произошедшие в последние годы системные трансформации в сфере социального запроса относительно государственного начала в защите прав человека. Социальные потребности общества в усилении роли государства как основного субъекта, гарантирующего защищенность граждан и их традиционных ценностных устоев, влекут реконструкцию уголовно-процессуальной формы, способную балансировать между публичными и состязательными процедурами судопроизводства.

Историко-сравнительный и догматический анализ подтверждает, что уголовно-процессуальная форма чувствительна к изменениям в обществе и государстве, выступая своеобразным социально-правовым барометром. Успех реформирования уголовного судопроизводства зависит от адекватного отражения произошедших в обществе изменений в концепции взаимоотношений между личностью и властью. Судебная власть выступает силой, способной применять к лицам, посягающим на общественные ценности и нарушающим сложившийся правопорядок, санкций таким образом, чтобы это рассматривалось как социальное благо.

Материалы и методы

Посредством диалектического метода констатируется назревшее в уголовно-процессуальной форме противоречие между устоявшейся формой и новыми общественными отношениями, ставшее движущей силой предлагаемой модели рассмотрения и разрешения уголовно-правовых конфликтов. С помощью системного подхода уголовно-процессуальная форма рассматривается, как целостная, сложноорганизованная система («имманентная структура»). Исследование баланса между «традиционными ценностями и современными вызовами глобализации» и обоснование обновления уголовно-процессуальной формы проводится в контексте общемирового развития права на основе сравнительно-правового метода. Анализ способствует расчленению действующей процессуальной формы на ее составляющие элементы и выявлению их несоответствия новым реалиям, а синтез – интеграции публичности, состязательности, равенства в новую целостную конструкцию – билатеральную модель процессуального симбиоза. Моделирование лежит в основе разработки уголовно-процессуальной формы, основанной на «двусторонне ограничительных связях». Конкретно-социологический метод используется для выявления «социального запроса» на трансформацию судопроизводства. Методологический

симбиоз, где диалектика служит философским фундаментом, системный анализ – инструментом диагностики, а формально-логические методы – средством конструирования новой процессуальной реальности, позволил синтезировать традиционные ценности в виде базовых принципов с инновациями, отвечающими вызовам времени.

Литературный обзор

Природа ценностей исследовалась в работах: Н.Н. Алексеева [1], обосновавшего отличие правовых ценностей от иных; Г. Риккерт [2], давшего классификацию ценностей, не включая в нее право; М. Вебера [3], соединившего аксиологию и герменевтику и сформулировавшего идеальную типологию легитимности власти; П.А. Сорокина [4], исследовавшего правомерное поведение в праве; Р. Штамлера [5], Г. Кельзена [6], П.И. Новгородцева [7], И.А. Ильина [8], подчеркнувших значимость должного и сущего в праве, где сущее – это нормы позитивного права, не являющиеся идеальными, а должное обязывает к соответствующему поведению.

О ценностях, как о том, что есть благо и каковы формы его существования, человек размышлял во все времена, корректируя их перечень. Сократ высшей ценностью считал мудрость, в эпоху средневековья благом считалось добро, И. Кант утверждал, что путь к благу лежит через чувство долга человека [9, 10]. М. Вебер рассматривал ценности, как способ бытия [3]. В понимании Г. Риккерта, ценности – это особая часть мира, определяющая цели и задачи, которым должны служить воля и деятельность [11].

Практический прорыв в изучении систем ценностей осуществил М. Рокитч, который на основе обзора В.А. Брэйтуэйта и В.А. Скотта, отнесших понятие ценностей к характеристике людей и их желаний [12], разделил их на две категории: 1) ценности-цели – то есть убеждения в том, что достижение некоторых конкретных целей является смыслом человеческой жизни (активная деятельная жизнь; жизненная мудрость; здоровье; интересная работа; материальная обеспеченность; любовь; общественное признание; возможность образования; развитие; развлечения; продуктивность; свобода; самостоятельность; семья и др.) и 2) ценности-средства – таланты, связанные с методами достижения целей (аккуратность; воспитанность; жизнерадостность; исполнительность; независимость; образованность; ответственность; рационализм; самоконтроль; смелость в отстаивании своего мнения и взглядов; твердая воля; терпимость; широта взглядов; честность; эффективность в делах; чуткость и др.). Утверждая, что все люди обладают одними и теми же ценностями, но в разной степени, М. Рокитч под ценностью понимал – устойчивое убеждение в принципиальной предпочтительности некоторых целей или способов существования перед другими. Ориентация человека на те или иные ценности, которые не многочисленны и организованы в системы, воздействует на общественные отношения [13, с. 17].

Регулирование общественных отношений посредством права составило основу исследований о ценностях Н.Н. Алексеева, обосновавшего идею о том, что подлинно нравственная система права возможна только при строгом и не искаженном восприятии социальных ценностей. Достижение совершенного состояния права, по его концепции, возможно лишь при правильном познании ценностей, их взаимных отношений, порядка и иерархии [1].

Результаты

Модель производства по разрешению уголовных дел, способная удовлетворить социальный запрос, должна обладать свойством билатеральности, основываясь на правоотношениях, предполагающих диалектическое единство нормативно установленного баланса публичности как *властного начала*, состязательности как *процедурного механизма* и равенства прав сторон как *функционального условия*. При этом, принцип публичности обеспечивает системную целостность модели, интегрируя активную арбитражную кросс-функцию суда, аккузационную функцию стороны обвинения, дефензивную функцию стороны защиты, принцип состязательности и равенства прав сторон гарантирует ее вербально-коммуникационную конструкцию.

Обсуждение

Ценности, как социальные базисы, в миропонимании человека формируются в виде господствующих представлений о желаемом хорошем и правильном. Высшим выражением системы ценностей, сложившейся в обществе, становится содержание норм права в виде правил, принципов, условий поведения людей во взаимоотношениях. По нормам права можно судить об охраняемых и защищаемых государством общественных отношениях. Несмотря на то, что к общественным ценностям, как правило, относят многочисленные категории: жизнь, здоровье, свободу, семью, досуг, творческую самореализацию, образование, социальный

статус, стабильность, материальное благополучие и т.п., все они становятся защищаемыми государством после закрепления их в качестве прав, свобод и законных интересов человека в правовых источниках, справедливая защита которых предопределяет наличие соответствующих государственных механизмов.

Права человека, как ценность, обусловлена его психологическими и биологическими признаками, а также базовыми идеями государственной доктрины конкретного исторического периода. Каждая исторически существовавшая система права включала в себя определенную юридическую концепцию человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе [14, с. 311]. Сама идея прав человека связана с осознанием их защиты посредством свода судебных решений [15, с. 220–223].

В виде юридической идеи люди закрепляют права в конвенциях, декларациях, конституциях и др. нормативных актах, положения которых становятся исходными правовыми началами всеобщего регулятивного значения. Будучи возведенной в ранг нормы права и повсеместно обязательной, идеология прав человека получила возможность обеспечиваться и влиять на национальное уголовное судопроизводство через призму не только *soft law* или внеинституциональных методов воздействия, но и подлинных процессуальных правовых механизмов [16, с. 76], в первую очередь, его формы. Признанный обществом определенный порядок разрешения споров в установленной уголовно-процессуальной форме, воспринимается его членами, как механизм охраны и защиты своих ценностей и поэтому поощряется ими. В.Н. Кудрявцев подчеркивает, что разрешение правового конфликта в рамках уголовно-процессуальной формы, включающей определенные процедуры, достаточно строгую аргументацию и формализованное и санкционированное волей государства решение, является цивилизованным развитием социального противоборства [17, с. 112–123].

Опираясь на устоявшуюся в науке точку зрения о признаках уголовно-правового конфликта, отмечаем, что к ним следует отнести, качественно дополняя друг друга, следующую их совокупность: 1) общие признаки, присущие любому спору: противоборство субъектов; противоположность почитаемых ими ценностей; необходимость инструмента для его разрешения; 2) особые признаки, присущие юридическому спору: наличие законной процедуры разрешения спора; наличие органа, уполномоченного на его разрешение; право сторон предъявлять доказательства для обоснования своей точки зрения; обязательность силы вынесенного решения, способного восстановить нарушенный порядок, установленный законом; 3) специальные признаки, присущие уголовно-правовому спору: наличие отправной точки уголовно-правового спора в виде обвинения; обязанность государства по требованию заинтересованных лиц или по собственной инициативе принимать меры для применения закона; создание специального органа (суда) для его разрешения на основе нормативно закрепленных принципов и условий. В этой связи, представляется, что под уголовно-правовым спором следует понимать – материально выраженное противоречие между результатом мотивированного поступка человека и, обусловленной ценностными ориентирами общества, системой правил правопорядка, породившее состояние бифуркации (неравноновесности, неустойчивости), требующее вмешательства незаинтересованного уполномоченного субъекта, способного в установленном порядке, предопределенном принципами и условиями, вернуть равновесие и устойчивость системы правопорядка посредством получения результата удовлетворяющего спору, установившего ценностные ориентиры своего благополучия. Необходимость восстановления ценностного благополучия общества порождает феномен уголовного правосудия, при котором суд способен прекратить противоборство и восстановить социальную справедливость.

Посагательство на установленные законом социально-ценностные объекты, защищаемые государством посредством правосудия, обязывает государство по требованию заинтересованных лиц или по собственной инициативе использовать свои полномочия, связанные с принуждением. Сама идея правосудия обусловлена гарантиями законности и справедливости деятельности независимого и свободно суда, который, как явление цивилизации, независимо от изменения структуры общества, сущности государства должен выполнять свою социальную функцию, а судья осознать социальное назначение своей деятельности [18, с. 70]. Правосудие, способное разрешать уголовно-правовые споры, являясь единственным механизмом защиты прав, свобод и законных интересов гражданина в экстремальной ситуации преступного правонарушения, именуется уголовным делом. В основе уголовного правосудия, как социально-правового явления, заложена идея защиты прав человека справедливым и беспристрастным государственным органом – судом, доверие общества к ко-

тому неоспоримо. В.Д. Зорькин отметил, что «если люди не верят в то, что они могут найти достойное и справедливое решение в суде, они все равно станут решать свои проблемы. Люди не могут не решать своих проблем! Чем меньше они будут верить в возможность найти решение в суде, тем больше они будут обращаться за помощью к ... социально-деструктивному контингенту» [19, с. 311]. Особое отношение к суду обусловлено беспристрастностью, независимостью, неприкосновенностью судьи, процессуальной формой осуществления им властных полномочий, гарантиями прав предстоящих перед судом лиц [20, с. 229], что позволяет вручить им волшебную палочку процессуальности, преобразующую информацию в судебное (процессуальное) доказательство, разговор в судебный (процессуальный) допрос, встречу в судебное (процессуальное) заседание и т.п. [16, с. 188–189].

Институциональные механизмы уголовного правосудия, обладают свойством принудительности. На первый взгляд, может показаться, что идеи публичности и стремления к установлению истины вступают в противоречие с идеей справедливой защиты прав человека в уголовном судопроизводстве. Уравновесить полноправное существование в уголовном правосудии публичных и частных интересов при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора, призван суд, основывая свою деятельность на уголовно-процессуальных принципах, в том числе образующих его форму в условиях состязательности и равенства прав спорящих сторон. Независимый судья, осознавая социально-правовой характер своей деятельности, и, обладая высоким уровнем правосознания, наделяется полномочиями, обеспечивающими его необходимым и достаточную активную уголовно-процессуальную функцию с целью установления истины для справедливого разрешения уголовно-правового спора в условиях состязательности и равенства прав спорящих сторон.

Учеными отмечено, что уголовно-процессуальные правоотношения возникают, развиваются и прекращаются под влиянием экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры (Л.Н. Масленикова), уголовное судопроизводство не может быть монолитным, линейным и одно предметным производством (С.В. Бурмагин). На протяжении последних десятилетий постоянно обновляющегося миропонимания правоприменительная практика ставит новые методологические задачи в исследовании институтов уголовного правосудия в условиях его меняющейся национальной формы. Это неизбежно приводит к системным трансформациям правоотношений между участниками производства по рассмотрению и разрешению уголовно-правовых споров по существу и требует наделяния суда (судьи), обеспечивающимися государством полномочиями активного арбитра. На данном историческом этапе, отмечено В.Д. Зорькиным, главное направление правового развития России заключается в построении правового социального государства, поскольку только на этом пути наша страна сможет противостоять сложным вызовам современного мира, сохранить свою идентичность в условиях глобализации и найти достойное место в процессе общецивилизационного развития человечества. Препятствиями в преобразованиях российского судопроизводства становятся несинхронность исторического движения и фундаментальная культурная специфичность, поэтому то, что в одних культурах является благом, в других культурах может таковым не считаться, то, что в одних культурах гипертрофировано, в других культурах может быть фрустрировано, поскольку у каждого народа свой путь [19, с. 297–310].

Функциональная необходимость государственных механизмов уголовного судопроизводства порождает не просто его существование и наличие, но и стремление к их преобразованиям. Правовое развитие страны требует достаточно глубокого понимания мира для понимания равновесия между сохранностью своей идентичности и трансформациями в новых конкретно-исторических условиях. Законодатель развивает свое уголовное судопроизводство с учетом исторических, культурных, сравнительно-правовых факторов, что предопределяет наличие у каждого государства своей неповторимой процессуальной формы уголовного правосудия. Однако, как верно замечено Л.В. Головки, взращивание государством своего уголовного судопроизводства нередко сопряжено с неудачными решениями, недооценкой исторического и сравнительно-правового опыта, пренебрежением уголовно-процессуальной логикой и институциональными закономерностями, ухудшающими уголовный процесс конкретного государства [16, с. 19].

Феномен наличия судебной власти в государстве социально обусловлен государственной потребностью в охране и защите общественных ценностей и присущ всем судебным системам современности. Разрешение судом уголовно-правовых споров остается безусловной задачей государства. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 г. судами первой инстанции было рассмотрено – свыше 778 тыс., в 2021 г. – свыше 782 тыс., в 2022 г. – свыше

776 тыс., в 2023 г. – свыше 720 тыс., в 2024 г. – свыше 630 тыс. уголовных дел, в первом полугодии 2025 года – свыше 268 тыс. Анализ судебной практики показал, что тактика суда ограничена использованием только лишь части судебных действий. Так, часто проводимыми судебными действиями являются: допросы (потерпевшего, свидетелей, подсудимого); оглашение показаний свидетелей, не явившихся в судебное заседание, документов, характеризующих личность подсудимого, заключений эксперта и специалиста, протоколов следственных действий и иных документов. Наиболее распространенным оказалось оглашение показаний – 54% случаев, оглашение протоколов следственных действий – 63%, оглашение документов в виде характеристик, справок, писем, пояснений – 75%, оглашение заключения эксперта – 83% случаев. Ни одного уголовного дела, в котором бы не фигурировало оглашение показаний кого-либо из указанных участников, в совокупности проанализированных уголовных дел, не выявлено. В меньшей степени, но распространен допрос эксперта. Остальные судебные действия, которые могут быть инициированы судом, проводятся редко или крайне редко. К редким относится назначение судебной экспертизы, к крайне редким – следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, осмотр местности и помещений. Анкетирование показало, что около 3% судей использовали в своей практике осмотр местности и помещений, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, а в практике некоторых судей они не использовались ни разу. Несмотря на такую тактику использования судебных действий, исключать из перечня редко используемые нельзя, а вот дополнить перечень целесообразно теми, в которых нуждаются участники производства в связи с изменяющейся парадигмой времени. Так, допросу любого участника производства с помощью систем видео-конференц-связи, как альтернативе оглашения их показаний, предпочтение отдали – 65% судей, 79% прокурорских работников, 79% адвокатов; вызов свидетеля по инициативе суда поддержали – 93% судей, 50% прокурорских работников, 4% адвокатов. На вопрос, почему судьи не используют имеющиеся судебные действия в процессе судебного доказывания, а применяют чаще всего оглашение, при котором нет непосредственного, чувственного восприятия, отсутствует эмоциональная окраска, присущая живой коммуникации участников, респонденты ответили: 56% судей пояснили, что они готовы исследовать имеющиеся или представленные сторонами доказательства и проводить судебные действия, позволяющие стремиться к познанию истины; около 20% – высказали мнение, что тщательное изучение материалов уголовного дела по разработанной ими методике позволяет разобраться в доказательствах на этапе подготовки к судебному разбирательству и в судебном следствии требуется лишь их проверить и оценить.

Современная модель судебного производства в России обусловлена трансформациями нового времени, приведшими к интеграции публичности, состязательности и равенства прав сторон. Проявление этих трансформаций зафиксировано: 1) в сфере социального запроса (кардинальное смещение вектора публичных ожиданий от уголовной юстиции в сторону приоритета традиционных ценностных устоев, а также гарантий не только индивидуальных прав личности, но и коллективной безопасности); 2) в сфере роли государства (объективная консолидация и усиление роли государства как основного субъекта, гарантирующего не только правопорядок, но и национальную защиту от новых форм транснациональных угроз); 3) в сфере концепции публичной власти (новая конституционная модель российской публичной власти, характеризующаяся ее единством, верховенством и повышенной ответственностью перед народом как носителем суверенитета, диктует переосмысление понимания полномочий суда по установлению действительных (истинных) обстоятельств уголовно-правового спора).

Процедура производства по разрешению уголовного дела по существу наполняется государством в соответствии с уголовно-процессуальной формой. Наличие стороны обвинения в лице государственного обвинителя, поддержавшего обвинение, сформулированное органами предварительного расследования, подчеркивает публичность уголовного правосудия. Однако, смысл публичности следует рассматривать шире, поскольку она имеет социально-политическую сущность. Представляется, что публичность уголовно-процессуальной формы заключается в принятии на себя государством, в лице уполномоченных органов, в числе которых непременно должен быть суд, ответственности за обеспечение защищенности граждан. Именно суд, в этой связи, призван ее гарантировать посредством справедливого разрешения уголовно-правового спора, установив действительные (истинные) обстоятельства уголовного дела посредством своих полномочий вызова свидетелей, производства судебных действий, диалога со сторонами по представлению необходимых доказательств,

имеющихся в их арсенале, рекомендаций органам расследования при возвращении уголовного дела прокурору. Публичность объективно предопределяет границы действия диспозитивности, связанной по содержанию с состязательностью. Представляется, что публичность и состязательность ограничивают друг друга, как свобода и право, основой которого является положение ст. 4 Декларации прав человека и гражданина «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом».

Состязательность уголовного правосудия создается для реализации возможности равенства участников уголовно-правового спора, так как речь о свободе и ее границах бессмысленна без спора. Поскольку уголовно-правовой спор возникает при посягательстве на общественные ценности, охраняемые государством в виде прав, свобод, законных интересов его членов, правовое государство подключает публичность как гарантию обеспечения их защищенности. Равенство прав участников при рассмотрении и разрешении уголовно-правового спора обеспечивается посредством института судебной защиты.

Заклучение

Стремление государства к правовому и социальному предопределило современную уголовно-процессуальную форму производства по разрешению уголовных дел, имеющую двойственный – публично-состязательный – характер. Данная форма обусловлена: во-первых, государственной охраной прав, свобод, законных интересов человека (общественные ценности), посредством закрепления их в нормативно-правовых актах; во-вторых, их защитой, путем формулирования обвинения в отношении лица, посягнувшего на общественные ценности, порождающего уголовно-правовой спор; в-третьих, созданием для его рассмотрения и разрешения процессуального производства для состязания равноправных сторон под организационно-процессуальным руководством суда, наделенным необходимыми и достаточными полномочиями активного установления действительных (истинных) обстоятельств уголовно-правового спора для постановления справедливого итогового судебного акта.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. – СПб., 1998. – 361 с.
2. Риккерт Г. Наука о природе и наука о культуре. – М., 1998. – 413 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимания социологии. – Т. III. – Право. – М., 2018. – 336 с.
4. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М., 2006. – 624 с.
5. Stammler R. Die Lehre von demrichtigen Rechte / von Rudolf Stammler. Berlin: Guttentag, 1902. – 668 с.
6. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб., 2015. – 542 с.
7. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права. – М., 1902. – 32 с.
8. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М., 1993. – 235 с.
9. Мирошников Ю.И. История аксиологии: от Платона до Канта // Первые Лойфмановские чтения: аксиология науч. познания: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 1. 2006. – С. 96–105.
10. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.
11. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С. 363–391.
12. Braithwaite V. A., Scott W. A. Values. // J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman (ред.), Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. – New York: Academic Press, 1991. – Pp. 661–753.
13. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. – М.: Смысл, 1992. – 17 с.
14. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М., 1999. – 552 с.

15. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. – М., 1907. – С. 220–223.

16. Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. – М., 2022. – 464 с.

17. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. С. 121–127.

18. Зуев С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – М., 2025. – 668 с.

19. Зорькин В.Д. Лекции о праве и государстве. – СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. – 382 с.

20. Судостроительство и правоохранительные органы / под ред. Л.В. Головки. – М., 2022. – 816 с.

NATIONAL IDENTITY OF CRIMINAL JUSTICE: NEW OR WELL-FORGOTTEN OLD?

Tkacheva N.V.

South Ural State University

The article examines the prospects for the development of the criminal procedure form in the form of a balance between traditional values and modern challenges of globalization. It is established that the model of proceedings for the consideration and resolution of criminal cases on the merits in its immanent structure does not objectively reflect the systemic transformations that have taken place in recent years in the field of social demand and the role of the state in the concept of public authority. The article substantiates the idea of a social request for a bilateral model of proceedings for the consideration and resolution of criminal cases on the merits, based on legal relations involving a dialectical unity of opposites and a procedural symbiosis of bilaterally restrictive relationships, a normatively established balance of publicity as a power principle, competitiveness as a procedural mechanism, equality of rights of the parties as a functional condition, taking into account digital innovations.

Keywords: national values, criminal procedure, justice, criminal law conflict, judicial proceedings, court, publicity, competitiveness

References

1. Alekseev, N.N. Fundamentals of the Philosophy of Law. St. Petersburg, 1998, 361 p.
2. Rickert, G. The Science of Nature and the Science of Culture. Moscow, 1998, 413 p.
3. Weber, M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology. Vol. III, Law. Moscow, 2018, 336 p.
4. Sorokin, P. A. Crime and Punishment, Feat and Reward: A Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality. Moscow, 2006, 624 p.
5. Stammler, R. The Life of Crime and Punishment / von Rudolf Stammler. Berlin: Guttentag, 1902, 668 p.
6. Kelsen G. The Pure Doctrine of Law. 2nd ed. / translated from German by M.V. Antonov and S.V. Lezov. St. Petersburg, 2015. – 542 p.
7. Novgorodtsev P.I. Moral Idealism in the Philosophy of Law. – Moscow, 1902. – 32 p.
8. Ilyin I.A. On the Essence of Legal Consciousness. – Moscow, 1993. – 235 p.
9. Miroshnikov Yu.I. History of Axiology: From Plato to Kant // The First Loifman Readings: Axiology of Scientific Knowledge: Proceedings of the All-Russian Scientific Conf. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2006. – Issue 1. 2006. – pp. 96–105.
10. Shokhin V.K. Philosophy of Values and Early Axiological Thought. Moscow: RUDN University Press, 2006, 457 p.
11. Rickert G. On the Value System. In: Rickert G. Natural Sciences and Cultural Sciences. Moscow, 1998, pp. 363–391.
12. Braithwaite V.A., Scott W.A. Values. In: J.P. Robinson, P.R. Shaver, and L.S. Wrightsman (eds.), Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. New York: Academic Press, 1991, pp. 661–753.
13. Leontiev D.A. Methodology for Studying Value Orientations. Moscow: Smysl, 1992, 17 p.
14. Nersesyan V.S. General Theory of Law and State. Moscow, 1999, 552 p.
15. Dicey A.V. Fundamentals of Public Law of England. Introduction to the Study of the English Constitution. Moscow, 1907, pp. 220–223.
16. Golovko L.V. The State and Its Criminal Proceedings: Monograph. Moscow, 2022, 464 p.
17. Kudryavtsev V.N. Legal Conflictology. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2024, no. 1, pp. 121–127.
18. Zuev S.V. Criminal Procedure: Textbook / S.V. Zuev, K.I. Sutyagin. Moscow, 2025, 668 p.
19. Zorkin, V. D., Lectures on Law and State. St. Petersburg: Constitutional Court of the Russian Federation, 2024, 382 p.
20. Judicial System and Law Enforcement Agencies / edited by L.V. Golovko. Moscow, 2022, 816 p.

Сорокин Алексей Иванович,

кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Орловский юридический институт МВД России
E-mail: sorokin.lex@gmail.com

Трансформация структуры современной преступности, характеризующаяся в 2023–2025 годах ростом доли тяжких составов и появлением новых криминальных угроз, вновь обостряет дискуссию вокруг фундаментального принципа *nullum crimen sine culpa*. В работе предпринята попытка верифицировать жизнеспособность классической психологической теории вины в условиях текущей правоприменительной реальности. Цель заключается в диагностике разрыва между доктринальным её пониманием как психического отношения и упрощенными стандартами её доказывания, которые сложились в судебной практике. В центре внимания автора находится острое противоречие: законодательный запрет на объективное вменение де-факто игнорируется судами при квалификации пограничных форм виновности, в частности, при разграничении косвенного умысла и преступного легкомыслия. На основе обзора судебных актов и статистики обосновывается вывод о том, что правосудие «дрейфует» в сторону объективизации ответственности, где форма вины выводится не из анализа волевой сферы субъекта, а предопределяется тяжестью наступивших последствий. Авторский вклад состоит в систематизации критериев разграничения смежных форм вины и разработке предложений по законодательной конкретизации понятия «безразличное отношение» (ст. 25 УК РФ), что позволит смягчить риски необоснованного вменения умысла. Полученные результаты представляют практическую ценность для судебного корпуса, адвокатов, законодателя, которые стремятся к соблюдению равновесия между эффективностью репрессии и принципами законности.

Ключевые слова: вина, косвенный умысел, нормативная теория, объективное вменение, преступное легкомыслие, принцип вины, психологическая теория, субъективная сторона преступления, судебная практика, уголовная ответственность

Введение

Фундаментальный принцип современного уголовного права – *nullum crimen sine culpa* (нет преступления без вины) – закреплён в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Законодатель недвусмысленно постулирует, что объективное вменение, то есть, уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Между тем, несмотря на кажущуюся ясность законодательных формулировок, институт вины остается одной из самых дискуссионных и сложных категорий как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Вина, будучи обязательным признаком субъективной стороны преступления, выступает в качестве того «психологического мостика», который связывает сознание субъекта с совершенным деянием, наступившими последствиями.

Значимость исследования проблематики вины обусловлена как теоретическим интересом, так и тревожными тенденциями в структуре современной преступности. Согласно данным МВД РФ за 2024 год, невзирая на общее снижение числа зарегистрированных преступлений на 1,8%, наблюдается рост числа тяжких и особо тяжких составов, доля которых достигла рекордных показателей. На фоне усложнения социальных отношений и появления новых видов преступности (в частности, с использованием ИКТ, рост которых составил 13,1% в 2024 году) классические схемы установления умысла или неосторожности нередко дают сбой [2, 7]. Правоприменитель сталкивается с ситуациями, когда внутренняя психическая деятельность лица не укладывается в «прокрустово ложе» законодательных дефиниций, сформулированных еще в середине XX века.

В научной среде не утихают споры о природе вины. Традиционная для отечественного права психологическая теория, где она рассматривается исключительно как психическое отношение лица к содеянному, подвергается критике за свою «натуралистичность», неспособность объяснить вину в неосторожных преступлениях или в сложных случаях аффектированного поведения. В противовес ей выдвигаются оценочные (нормативные) концепции, в рамках которых делается акцент на упречности поведения. Впрочем, на практике суды, будучи связанными буквой закона, вынуждены оперировать категориями «осознание», «предвидение», «желание», что зачастую приводит к упрощению доказывания и фактическому «дрейфу» в сторону объективного вменения.

Материалы и методы

При изучении современных источников обнаруживаются три устойчивых исследовательских траектории. Во-первых, доктринально-теоретическая, в рамках которой анализируется сущностное содержание категории вины, её элементы, нормативные границы (Е.А. Галушкина [1], Т.Е. Каманина [4], С.Ю. Кораблева [5], Е.В. Шумакова [10]); во-вторых, практико – правовая, содержащая оценку судебной практики и обсуждение проблем разграничения форм неосторожности и косвенного умысла в конкретных делах (М.В. Калашникова [3], Е.А. Кочуганова [6]); в-третьих, эмпирико-аналитическая, представленная статистическими материалами МВД, которые помогают обнаружить диспропорции в квалификации деяний и акцентировать сложности установления субъективной стороны в массовых преступлениях (М. Добрунов [2], данные МВД России [7]).

Целесообразность выбора этих публикаций объясняется тем, что они в совокупности отображают как эволюцию доктринальных взглядов, так и реальные затруднения правоприменителя, обеспечивая тем самым возможность целостного рассмотрения проблемы определения вины. При этом значимым пробелом остаётся недостаток междисциплинарных работ о психологических механизмах формирования вины, на что указывают Т.А. Орнацкая и В.С. Бондарь [8]. Помимо этого, в литературе отсутствует согласие относительно критериев, позволяющих чётко демаркировать интеллектуальный и волевой элементы вины, что порождает неоднозначность при разграничении смежных форм умысла и неосторожности – основной источник расхождений между авторами.

При подготовке статьи по заявленной теме использованы нормативно-догматический анализ (для реконструкции понятийного

аппарата и выявления коллизий в законодательной регламентации), сравнительно-правовой метод (с целью соотнесения различных доктринальных подходов), оценка статистических данных, материалов судебной практики, обобщение.

Результаты и обсуждение

В российской уголовно-правовой доктрине исторически доминирует психологическая теория вины. Её сторонники исходят из того, что вина есть реальный психический феномен, существующий в момент совершения преступления. Её содержание образуется сочетанием интеллектуального и волевого моментов: лицо осознает характер своих действий и руководит ими. Описываемая концепция легла в основу действующего УК РФ, где формы вины (умысел и неосторожность) определяются через психическое отношение субъекта к последствиям [1, 8, 9].

Между тем, по-видимому, рассматриваемая теория не лишена изъянов. Критики справедливо отмечают, что при неосторожности (особенно в форме небрежности) реальная психическая связь лица с последствиями может отсутствовать вовсе – субъект не предвидит последствий, хотя должен был [4, 5, 10]. Здесь психологическая теория вынуждена прибегать к фикциям. В этом контексте возрастает интерес к нормативной (оценочной) концепции, популярной в западной доктрине. Согласно ей, сущность вины заключается не столько в психическом процессе, сколько в упречности воли лица, которое могло поступить правомерно, но выбрало противоправный вариант поведения. Сравнение двух ключевых подходов представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ теорий вины в уголовном праве (составлено автором)

Критерий сравнения	Психологическая теория (классическая)	Нормативная теория (оценочная)
Сущность	Вина – это психическое отношение лица к деянию и последствиям (факт сознания)	Вина – это негативная оценка поведения лица судом (суждение упрека)
Ключевой вопрос	«Что лицо думало и желало в момент деяния?»	«Могло ли лицо в данной ситуации поступить правомерно?»
Содержание	Интеллектуальный и волевой моменты (умысел, неосторожность)	Упречность воли, нарушение долга осторожности или лояльности праву
Преимущества	Четкая связь с личностью виновного, защита от произвола	Гибкость, возможность объяснить ответственность за небрежность и бездействие
Недостатки	Сложность доказывания внутреннего состояния; «пробел» в объяснении небрежности	Риск судебного усмотрения; «размывание» границ между виной и общественной опасностью
Отражение в УК РФ	Доминирует (ст. 24–27 УК РФ)	Элементами присутствует (критерий «должен был и мог предвидеть»)

Как представляется, полный отказ от психологической теории в пользу нормативной в российских условиях преждевременен и опасен «размыванием» критериев ответственности. Тем не менее, доктринальный диалог этих подходов требуется для решения сложных случаев, где «чистая психология» заходит в тупик.

Наибольшие трудности в правоприменении вызывает разграничение косвенного умысла (dolus indirectus) и преступного легкомыслия (luxuria). Ошибка в квалификации здесь драматична. Одно и то же деяние (к примеру, ДТП со смертельным исходом или причинение смерти в драке) может быть квалифицировано как убийство или как причинение смерти по неосторожности [6].

В судебной практике демонстрируется, что интеллектуальный момент в обоих случаях схож: лицо предвидит возможность наступления опасных последствий. «Водораздел» проходит по волевому критерию. При косвенном умысле виновный сознательно допускает последствия либо относится к ним безразлично. При легкомыслии – самонадеянно рассчитывает на их предотвращение [6].

В практической плоскости различие между «безразличием» и «расчетом на авось» (как часто трактуют легкомыслие [6]) бывает эфемерным. Рассмотрим типичный пример. Водитель в состоянии опьянения грубо нарушает ПДД, сбивает пешехода. Если он рассчитывал на свой водительский опыт и маневренность машины (пусть и необоснованно), это легкомыслие. Если же он просто ехал, не заботясь о том, сойдет кого-то или нет («мне всё равно»), – это косвенный умысел. Однако, «заглянуть в голову» обвиняемому невозможно. Вследствие этого суды часто идут по пути объективизации (чем грубее

нарушение и тяжелее последствия, тем выше вероятность вменения умысла) [6].

Для систематизации критериев разграничения, используемых судами, обратимся к таблице 2.

Таблица 2. Критерии разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия в судебной практике (составлено на основе [1, 6, 8])

Элемент психики	Косвенный умысел (ч. 3 ст. 25 УК РФ)	Преступное легкомыслие (ч. 2 ст. 26 УК РФ)
Предвидение последствий	Лицо понимает, что вред весьма вероятен	Абстрактная возможность. Лицо полагает, что в данном конкретном случае вред не наступит
Отношение к последствиям (воля)	Сознательное допущение («пусть будет, как будет») или безразличное отношение. Отсутствие желания предотвратить вред	Активное нежелание последствий. Расчет на конкретные обстоятельства (опыт, технику, третьих лиц), которые предотвратят вред
Характер расчета	Расчет отсутствует либо основан на случайности	Расчет на конкретные факторы, который оказывается необоснованным, ошибочным
Типичные составы	Убийство (ст. 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111)	Причинение смерти по неосторожности (ст. 109), нарушение ПДД (ст. 264)

Для анализа судебной практики в контексте принципа вины показательным является постановление Metallургического районного суда г. Челябинска от 6 октября 2023 года (дело № 1–629/2023). В данном кейсе гражданин Г., обвиняемый в краже (ч. 2 ст. 158 УК РФ), ходатайствовал о прекращении уголовного преследования с заменой наказания на судебный штраф. Суд удовлетворил это прошение, базирываясь на том, что обвиняемый полностью признал свою вину. Судом подчеркнуто, что признание вины обвиняемым является ключевым условием для применения альтернативных мер уголовно-правового характера (судебного штрафа). Это демонстрирует, что рассматриваемый принцип (ст. 5 УК РФ) работает не только как основание для наказания, но и как необходимый элемент для гуманизации ответственности. Данный пример иллюстрирует тесное переплетение материального и процессуального права. Прекращение дела – институт уголовно-процессуальный, но его реализация невозможна без установления материально-правовой категории вины. Решение суда подтверждает тезис о том, что без фиксации субъективного отношения лица к содеянному применение поощрительных норм невозможно [3].

Статистика 2024 года свидетельствует, что доля преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, остается значительной, хотя и демонстрирует некоторые колебания. В ряде резонансных дел суды, следуя общественному запросу на жесткость, квалифицируют «пьяные» ДТП с жертвами как убийство с косвенным умыслом, фактически игнорируя наличие у водителя (пусть и необоснованного) расчета на предотвращение аварии. Это создает прецедент объективного вменения, когда форма вины выводится не из психического отношения, а из тяжести содеянного [2, 7].

Еще один аспект проблемы – доказывание вины. Поскольку вина – процесс внутренний, суд вынужден реконструировать его по внешним проявлениям (характер орудия, локализация ранений, предшествующее поведение). Пленум Верховного Суда РФ неоднократно указывал на необходимость учета всех обстоятельств дела в совокупности. Однако на практике следствие нередко ограничивается констатацией факта нанесения удара в жизненно важный орган, автоматически презюмируя прямой умысел на убийство [4, 6, 9].

Это явление целесообразно назвать «процессуальным упрощением». В условиях высокой нагрузки на следственные органы детальный психологический анализ уступает место шаблонным формулировкам. Так, фраза в обвинительном заключении «осознавал общественную опасность и желал наступления последствий» часто становится «дежурной», не подкрепленной реальным анализом мотивационной сферы обвиняемого.

Для разрешения обозначенных в статье проблем и смягчения рисков объективного вменения представляется целесообразным: – внести изменения в ст. 25 УК РФ, уточнив понятие «безразличное отношение» при косвенном умысле. Необходимо законодательно закрепить, что безразличие должно выражаться в отсутствии каких-либо попыток предотвратить вред, в то время как любые активные (пусть и недостаточные) действия по предотвращению должны трактоваться в пользу неосторожности;

– Верховному Суду РФ следует обобщить практику разграничения форм вины по делам о ДТП и насильственным преступлениям, сформулировав четкий перечень негативных обстоятельств, исключающих умысел (например, попытка торможения, вызов скорой помощи, попытка свести к минимуму вред непосредственно после деяния);

– по делам о тяжких преступлениях со сложной картиной мотивации (особенно при аффектах либо пограничных состояниях) шире использовать возможности судебной психологической экспертизы как для установления вменяемости, так и для диагностики эмоционального состояния в момент деяния, что поможет точнее определить форму вины.

Заключение

Проблема определения вины в российском уголовном праве далека от окончательного разрешения. Доминирующая психологическая теория, несмотря на гуманистическую направленность в сочетании с логической стройностью, в правоприменительной реальности сталкивается с серьезными вызовами. Разрыв между сложной психической деятельностью человека и жесткими юридическими формулировками «умысла» и «неосторожности» часто заполняется судебским усмотрением. А оно не всегда свободно от влияния внешних факторов (тяжести последствий, общественного резонанса и т.п.).

Основной «болевой точкой» современной практики служит размытие границы между косвенным умыслом и преступным легкомыслием. Тот факт, что суды всё чаще квалифицируют пограничные ситуации как умышленные преступления, свидетельствует в пользу скрытого «дрейфа» отечественного правосудия в сторону объективного вменения, замаскированного под установление субъективной истины.

Новизна предпринятого анализа проявилась в демонстрации того, как статистика роста тяжких преступлений коррелирует с упрощением стандартов доказывания вины. Исследования на перспективу в данном направлении предлагается сосредоточить на поиске равновесия – как сохранить принцип *nullum crimen sine culpa*, не превращая доказывание вины в невыполнимую задачу для правоохранительной системы. Вероятно, будущее российского уголовного права лежит в плоскости интеграции элементов нормативной теории, которая позволяет оценивать не только то, что преступник «думал», но и то, как он относился к ценностям, охраняемым законом. Без этого модернизация уголовной политики рискует остаться лишь декларацией.

Литература

1. Галушкина Е.А. Понятие вины в российском уголовном праве // Теория и практика современной науки. – 2024. – № 3 (105). – С. 30–39.
2. Добрунов М. МВД в статистике преступлений за год отметило некомплект состава // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2025/678ea39e9a7947d3887fbc2a> (дата обращения: 04.12.2025).
3. Калашникова М.В. Анализ правоприменительной практики в сфере реализации принципов уголовного права // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции. – Симферополь: 2025. – С. 190–196.
4. Каманина Т.Е. Дискуссионные вопросы определения вины в уголовном праве // Научные высказывания. – 2023. – № 20 (44). – С. 68–71.
5. Кораблева С.Ю. Становление теории вины в российском уголовном праве // Научный портал МВД России. – 2023. – № 2 (62). – С. 38–43.
6. Кочуганова Е.А. Проблема разграничения легкомыслия и косвенного умысла в судебной практике по уголовным делам // Молодой ученый. – 2022. – № 13 (408). – С. 205–207.
7. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu>

[informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/](https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/) (дата обращения: 04.12.2025).

8. Орнатская Т.А., Бондарь В.С. Проблемы психологического понимания «вины» // Парадигма. – 2025. – № 9–2. – С. 187–190.
9. Усманов А.К., Галимов Э.Э. Сущность принципа вины в уголовном праве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (232). – С. 425–427.
10. Шумакова Е.В. Доктринально-методологические основы принципа вины и актуальные направления оптимизации его регламентации в уголовном законе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой. – 2023. – № 4 (65). – С. 22–27.

THE PROBLEM OF DETERMINING CULPABILITY IN CRIMINAL LAW: DOCTRINAL APPROACHES AND JUDICIAL PRACTICE

Sorokin A.I.

Oryol Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia

The transformation of contemporary crime structures – marked in 2023–2025 by an increasing share of serious offences and the emergence of new criminal threats – has reignited debate surrounding the fundamental principle *nullum crimen sine culpa*. This study attempts to verify the viability of the classical psychological theory of culpability within the context of current law-enforcement realities. Its aim is to diagnose the gap between the doctrinal understanding of culpability as a mental attitude and the simplified evidentiary standards that have taken root in judicial practice. The author focuses on a sharp contradiction: although the legislature expressly prohibits objective imputation, courts de facto disregard this prohibition when qualifying borderline forms of guilt, particularly in distinguishing between indirect intent and criminal negligence. A review of judicial decisions and statistical data supports the conclusion that the administration of justice is “drifting” toward the objectivization of liability, wherein the form of culpability is derived not from an analysis of the subject’s volitional sphere but from the gravity of the resulting harm. The author’s contribution lies in systematizing the criteria for differentiating adjacent forms of guilt and proposing statutory clarification of the concept of “indifferent attitude” (Article 25 of the Criminal Code of the Russian Federation), which may reduce the risk of unjustified attribution of intent. The findings hold practical value for judges, defence attorneys, and lawmakers seeking to maintain an equilibrium between the effectiveness of repression and the principles of legality.

Keywords: culpability, indirect intent, normative theory, objective imputation, criminal negligence, principle of guilt, psychological theory, subjective element of an offence, judicial practice, criminal liability

References

1. Galushkina E.A. The concept of guilt in Russian criminal law // Theory and practice of modern science. – 2024. – No. 3 (105). – Pp. 30–39.
2. Dobrunov M. The Ministry of Internal Affairs in crime statistics for the year noted a shortage of personnel // URL: <https://www.rbc.ru/society/20/01/2025/678ea39e9a7947d3887fbc2a> (date of application: 12/04/2025).
3. Kalashnikova M.V. Analysis of law enforcement practice in the field of implementation of the principles of criminal law // Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law. Collection of articles based on the results of the IV International scientific and practical conference. – Simferopol: 2025. – Pp. 190–196.
4. Kamanina T.E. Controversial issues of the definition of guilt in criminal law // Scientific statements. – 2023. – No. 20 (44). – Pp. 68–71.
5. Korableva S.Y. The formation of the theory of guilt in Russian criminal law // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 2 (62). – Pp. 38–43.
6. Kochuganova E.A. The problem of distinguishing frivolity and indirect intent in judicial practice in criminal cases // Young Scientist. – 2022. – No. 13 (408). – Pp. 205–207.
7. The Ministry of Internal Affairs of Russia publishes statistical information on the state of crime in the Russian Federation for 2024 // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (date of application: 12/04/2025).
8. Ornatskaya T.A., Bondar V.S. Problems of psychological understanding of “guilt” // Paradigm. – 2025. – No. 9–2. – Pp. 187–190.
9. Usmanov A.K., Galimov E.E. The essence of the principle of guilt in the criminal law of the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. – 2024. – No. 4 (232). – Pp. 425–427.
10. Shumakova E.V. The doctrinal and methodological foundations of the principle of guilt and current trends in optimizing its regulation in criminal law // Bulletin of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4 (65). – Pp. 22–27.

Филиппов Павел Александрович,

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: pilippov@yandex.ru

В статье рассмотрены признаки состава преступления, предусмотренного ст. 2434 УК РФ, а также судебная практика применения этой уголовно-правовой нормы. Особое внимание уделено пониманию предмета преступления. Сделан вывод о том, что предметом преступления может являться любой объект, увековечивающий память погибших при защите Отечества. Рассмотрен вопрос о конкуренции ст. 2434 УК РФ со смежными преступлениями и сделан вывод, что данная статья является специальной по отношению к ст. 214, 244 УК РФ и общей по отношению к ст. 243 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, преступления против нравственности, воинские захоронения, памятник, защита Отечества.

Федеральным законом от 7 апреля 2020 года № 112-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введена новая статья 243⁴, устанавливающая специальную уголовную ответственность за уничтожение или причинение ущерба воинским захоронениям, памятникам, обелискам, стелам и другим мемориальным сооружениям, предназначенным для увековечения памяти лиц, погибших при защите государства и его интересов, а также объектам, посвящённым датам воинской славы страны¹. Позже, федеральным законом от 23 июля 2025 года № 247-ФЗ, в объективную сторону указанного состава преступления было добавлено новое деяние – осквернение таких объектов. За период применения нормы около сорока лиц были привлечены к ответственности по этой статье².

Данная статья имеет крепкую конституционно-правовую основу. В преамбуле Конституции РФ подчёркивается необходимость уважительного отношения к памяти предков, передавших будущим поколениям любовь к Родине и представления о справедливости. В соответствии с частями 2 и 3 статьи 67 Конституции, государство, обладающее тысячелетней историей, бережно хранит память о прошлом и чтит защитников Отечества, обеспечивая охрану исторической правды. При этом любые попытки приуменьшить подвиг народа в защите Родины считаются недопустимыми³.

Расположение статьи 243⁴ в Особенной части УК РФ представляется логичным и обоснованным. Видовым объектом преступления выступает социальная память – совокупность социокультурных механизмов и институтов, которые отбирают, сохраняют и передают информацию о прошлом для накопления общественного опыта. Социальная память, как носитель нравственных, культурных ориентиров и ценностей общества, связана с общественной нравственностью и служит ключевым объектом данной группы преступлений⁴.

Предметы посягательства, закреплённые в статье 243⁴ УК РФ, можно классифицировать по двум основным критериям – функциональному назначению и содержательной связи:

По назначению:

- воинские захоронения;
- надгробные и надмогильные элементы (памятники, стелы, обелиски);
- мемориальные комплексы и сооружения;
- иные объекты памятного характера.

По смысловой направленности:

- объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества и его интересов;
- объекты, приуроченные к датам воинской славы России;
- объекты, посвящённые лицам, участвовавшим в защите государства и национальных интересов;
- объекты, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны – этот признак является квалифицирующим (п. «б» ч. 2 ст. 243⁴ УК РФ).

Для точного определения данных предметов следует руководствоваться рядом нормативных актов: федеральными законами, регламентирующими увековечение памяти Победы в Великой Отечественной войне, законом об увековечении памяти погибших при защите Отечества, перечнем дней воинской славы и соответствующими государственными стандартами в сфере мемориальных сооружений.

Анализ судебной практики показывает, что около 80% уголовных дел по статье 243⁴ связаны с объектами, посвящёнными памяти по-

¹ Нормативные правовые акты и судебные решения цитируются по СПС Консультант Плюс.

² См. форму 10-а за 2020-первое полугодие 2025 годов// <https://cdep.ru>.

³ Подробнее о толковании понятия «социальная память» см.: Папнина Ю.А. Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 395–400.

⁴ См., напр., приговор Кизеловского городского суда Пермского края от 31.10.2023 г. по делу № 1–104/2023; приговор Ленинского районного суда города Тюмени от 20.03.2023 г. по делу № 1–640/2023; приговор Крымского гарнизонного военного суда от 7.12.2023 г. по делу № 1–222/2023; приговор Нолинского районного суда Кировской области от 9.01.2023 г. по делу № 1–17/2023; приговор Усть-Донецкого районного суда Ростовской области от 25.05.2023 г. по делу № 1–119/2023.

гибших в годы Великой Отечественной войны и датам воинской славы этого периода, а также памятниками и мемориальными элементами, посвящёнными участникам военных действий, направленных на защиту Родины. Основная часть дел квалифицируется по ч. 2 статьи 243⁴¹.

Суды также признают объектами охраны памятники и сооружения, связанные с памятью погибших в ходе специальной военной операции, основываясь на статье 1 закона об увековечении памяти защитников Отечества, которая охватывает лиц, погибших при исполнении боевых задач, в том числе за пределами России²³⁴.

Перечень охраняемых объектов по статье 243⁴ является открытым и примерным. Помимо традиционных мемориальных форм (obelisks, стелы, памятные доски и прочие), к ним относятся любые объекты, цель которых – сохранение памяти о погибших защитниках Родины, включая музеи, временные и постоянные памятные знаки на местах боёв и иные аналогичные элементы.

В правоприменительной практике встречаются случаи чрезмерно расширительного толкования предмета преступления. Например, по статье 243 квалифицировались действия по вырыванию декоративного цветочного куста на территории сквера, посвящённого памяти Героя России, что вызывало сомнения, так как подобные объекты – это единый мемориальный комплекс, но не вся территория сквера имеет непосредственное мемориальное значение⁵. Важно отличать объекты с прямой мемориальной функцией от элементов с иным назначением⁶, таких как спортивные площадки или зоны отдыха, которые должны квалифицироваться по другим статьям УК (например, за вандализм).

В связи с широким определением предметов преступления возникает вопрос о возможности признания «виртуальных» объектов, размещённых в Интернете, предметом преступления по статье 243⁴. Учитывая добавление в 2025 году в объективную сторону состава преступления действия осквернения, ответ на этот вопрос следует считать положительным⁷. К примеру, размещение в сети фотографий погибших военнослужащих, воинских захоронений или памятников с оскорбительными надписями, рисунками или фотоколлажами порнографического характера может быть квалифицировано как преступление по статье 243⁴ УК РФ⁸.

В судебной практике есть примеры привлечения к ответственности за сожжение венков, возложенных на воинские захоронения и мемориальные сооружения. Однако венки и букеты сами по себе не входят в состав охраняемых объектов по статье 243⁴, поэтому только их уничтожение не является основанием для уголовного преследования. Суды в таких случаях ссылались на возникшие повреждения самого объекта (например, нагар от сожжения), что позволяло квалифицировать деяния по статье 243⁴, хотя подобная квалификация часто вызвала споры.

С внесением в 2025 году действия осквернения в состав преступления теперь законно квалифицировать сожжение венков, возложенных на охраняемые объекты, как преступление по статье 243⁴. Аналогичная практика прослеживается и по статье 244 УК РФ, которая предусматривает ответственность за осквернение мест захоронений⁹.

Осквернение мест захоронений и надгробных сооружений требует совершения активных действий – судебная практика относит к ним оправление естественных нужд на могилах, нанесение оскорбительных

надписей и рисунков, обливание краской и прочее¹⁰. Подобные критерии логично применять и в отношении квалификации по статье 243⁴¹¹.

Поддерживается позиция судов, исключающих из обвинений квалификацию по осквернению в случаях нанесения непристойных надписей, если деяния не выражают поругания и унижения объекта¹², поскольку осквернение подразумевает умышленное опозоривание, искажение внешнего вида путём непристойных изображений¹³, или замарывания нечистотами¹⁴.

Также суды нередко квалифицируют как повреждение случаи нанесения надписей¹⁵ или обливания объектов краской, при этом ущерб часто устраним, а сам объект не получает существенных повреждений. Современная практика всё чаще рассматривает подобные деяния как осквернение, а не повреждение.

Статья 243⁴ предусматривает, что предметы преступления могут располагаться как в России, так и за её пределами. Так, за рубежом находятся памятники воинам-освободителям Второй мировой войны (например, памятник «Алёша» в Болгарии), воинские захоронения (например, в Германии), а также памятники, не связанные с этим периодом, например памятник русским морякам на острове Куусинен в Финляндии.

Включение объектов, расположенных за пределами России, соответствует части 3 статьи 12 УК РФ, поскольку их уничтожение или повреждение направлено против интересов Российской Федерации. Однако судебная практика по таким случаям пока отсутствует.

Введение статьи 243⁴ вызвало вопросы о конкуренции с другими статьями УК РФ, в частности 214, 243 и 244. Решение спорных моментов должно основываться на определении общей и специальной нормы. Согласно общепринятому правилу, при конкуренции общей и специальной нормы применяется специальная.

Статья 214 УК РФ (вандализм) выступает как общая норма, поскольку охватывает осквернение любого имущества в общественных местах¹⁶. Статья 243⁴, конкретизируя предмет и дополнительные признаки преступления, является специальной и должна применяться при квалификации.

В паре статей 243⁴ и 244 УК РФ, последняя является общей нормой, поскольку не содержит специальных признаков, касающихся предмета. Следовательно, квалификация действий, подпадающих под статью 243⁴, по статье 244 является ошибочной.

В судебной практике, например, осквернение полотён флагов на могилах военнослужащих квалифицировалось по статье 244, однако суд отметил, что эти флаги являются частью мест захоронений и символизируют верность Родине, и квалификация должна быть по статье 243⁴¹⁷.

В статье 244 содержится указание, что она не распространяется на случаи, предусмотренные статьёй 243⁴, однако формулировка допускает неоднозначное толкование: одни считают, что статья 244 не применяется к уничтожению, повреждению или осквернению мест захоронений и кладбищенских сооружений, связанных с памятью защитников Отечества, но допускает надругательство над телами умерших; другие исключают из действия статьи 244 и надругательства над телами.

¹⁰ Приговор Труновского районного суда Ставропольского края от 13.04.2016 г. в отношении Дадиева и Иващенко; приговор Советского городского суда Калининградской области от 20.09.2010 в отношении Лауриускаса; приговор Буденовского гарнизонного военного суда от 5.09.2019 г. в отношении Максимова, Кобылкина и Черлядас.

¹¹ Приговор Пинежского районного суда Архангельской области от 22.06.2022 г. по делу № 1–37/2022; приговор Верховного суда Республики Коми от 26.09.2023 г. по делу № 2–15/2023; приговор Артемовского городского суда приморского края от 6.06.2025 г. по делу № 1–289/2025; приговор Кичменгско-Городецкого районного суда от 19.05.2025 г.

¹² Приговор Бабаевского районного суда Волгоградской области от 2.11.2012 г. по делу № 1–106/2012; приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 25.04.2014 г. по делу № 1–142/2014; приговор Сычевского районного суда Смоленской области от 13.11.2015 г. по делу № 1–69/2015; приговор Кировского городского суда Ленинградской области от 14.11.2017 г. по делу № 1–222/2017.

¹³ Приговор Камышинского городского суда Волгоградской области от 6.11.2013 г. по делу № 1–480/13; приговор Старорусского районного суда Новгородской области от 20.12.2012 г. по делу № 1–348/2012.

¹⁴ Приговор Кусинского районного суда Челябинской области от 18.04.2019 г. по делу № 1–32/2019.

¹⁵ Приговор Бийского городского суда Алтайского края от 25.07.2023 г. по делу № 1–677/2023.

¹⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 8.07.2025 г. по делу № 10–12997/2025.

¹⁷ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.06.2025 г. № 225-УД25–5-А6.

¹ Приговор Аргашского районного суда Челябинской области от 4.03.2024 г. по делу № 1–69/2024; приговор Ухтинский городской суд Республики Коми от 12.03.2025 г. по делу № 1–43/2025

² Приговор Кондинского районного суда ХМАО от 8.07.2025 г. по делу № 1–82/2025.

³ Приговор Центрального районного суда города Хабаровска от 1.07.2021 г. по делу № 1–329/21.

⁴ Приговор Неклиновского районного суда Ростовской области от 26.06.2024 г. по делу № 1–160/2024; приговоры Ленинского районного суда города Барнаула от 7.06.2023 г. по делу № 1–243/2023 и от 28.08.2023 г. по делу № 1–526/2023.

⁵ См., напр., апелляционное постановление Омского областного суда от 27.12.2022 г. по делу № 22–4278/2022; приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 29.08.2022 г. по делу № 1–705/2022; приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 16.07.2024 г. по делу № 1–203/2024.

⁶ Приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 16.07.2024 г. по делу № 1–203/2024.

⁷ Приговор Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 29.08.2022 г. по делу № 1–705/2022.

⁸ Приговор Арсеньевского городского суда Приморского края от 7.12.2022 г. по делу № 1–311/2022.

⁹ Апелляционное постановление Омского областного суда от 27.12.2022 г. по делу № 22–4278/2022.

По мнению автора, правильным является первый вариант, так как статья 243⁴ не регулирует надругательства над телами. При таких действиях необходима квалификация по совокупности статей 243⁴ и 244.

Вопрос конкуренции между статьями 243⁴ и 244 остаётся спорным. Многие воинские захоронения и памятники, являясь объектами культурного наследия и включённые в государственный реестр, охраняются независимо от статуса. Некоторые суды на основании этого квалифицируют деяния по статье 243¹. Примерами служат братские могилы в Кронштадте, на поле танкового сражения под Прохоровкой и на Мамаевом кургане².

Тем не менее, возникает вопрос, какой критерий важнее – статус объекта культурного наследия или его мемориальное значение, и какая норма лучше охватывает данные преступления.

Согласно Федеральному закону № 73-ФЗ от 25 июня 2002 года «Об объектах культурного наследия», основанием для включения в реестр является историко-культурная ценность объекта. Закон накладывает специальные обязательства по сохранению таких объектов. Из этого следует, что статья 243 УК РФ является нормой специальной, а статья 243⁴ – общей.

Литература

1. Папенкина Ю.А. Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1.
2. Сперанский А.В. История как социальная память человечества: взгляды, позиции, убеждения // Историко-педагогические чтения. 2019. № 23.

3. СПС Консультант Плюс.

CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF THE MEMORY OF DEFENDERS OF THE FATHERLAND: A REVIEW OF JUDICIAL PRACTICE (ARTICLE 2434 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Filippov P.A.

Lomonosov Moscow State University

This article examines the elements of the crime provided for in Article 2434 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as judicial practice in applying this criminal-law provision. Particular attention is paid to understanding the subject of the crime. It is concluded that the subject of the crime may be any object perpetuating the memory of those who died defending the Fatherland. The issue of the competition between Article 2434 of the Criminal Code of the Russian Federation and related crimes is considered, and it is concluded that this article is specific in relation to Articles 214 and 244 of the Criminal Code of the Russian Federation and general in relation to Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crime, moral turpitude, military cemeteries, monument, defense of the Fatherland.

References

1. Papenina Yu.A. Theoretical Foundations of the Concept of "Social Memory" // Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy. 2010. No. 1.
2. Speransky A.V. History as the Social Memory of Humanity: Views, Positions, Beliefs // Historical and Pedagogical Readings. 2019. No. 23.
3. SPS Consultant Plus.

¹ Приговор Печенгского районного суда Мурманской области от 21.03.2024 г. по делу № 1–2/2024; апелляционное постановление Мурманского областного суда от 17.06.2024 г. по делу № 22–730/2024; кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3.12.2024 г. № 77–2543/2024.

² Приговор Краснооктябрьского районного суда города Волгограда от 21.09.2022 г. по делу № 1–381/2022; приговор Ленинского районного суда города Севастополя от 26.04.2024 г. по делу № 1–294/2024.

Харченко Дарья Витальевна,
ГБОУ школа 1502 «Энергия»
E-mail: dariakhvt@icloud.com

Использование электроэнергии в современном мире является повсеместным. Электроэнергия используется для жизнеобеспечения человека, его бытовых нужд, а также для промышленности и транспорта. Производство и потребление электроэнергии осуществляется при помощи разветвленной сети инфраструктурных и линейных объектов. При этом, в юридическом смысле электроэнергия имеет двойственные характеристики. С одной стороны, электроэнергия – это товар и является предметом коммерческого оборота, т.е. купли-продажи. С другой стороны, электроэнергия не является физической вещью, хоть и обладает физическими свойствами. Электроэнергию нельзя передать из рук в руки, ее можно только поставить по специальным сетям к устройствам потребления, через которые электроэнергия преобразуется в материальные блага: свет, тепло, движение и т.п. Критически важное значение электроэнергии для экономики страны и для обеспечения жизнедеятельности отдельных субъектов и неоднозначные юридические свойства электроэнергии создают в совокупности сложности в правоприменении норм, относящихся к хозяйственному обороту электроэнергии, в том числе норм уголовного права. Применение уголовного права к преступлениям в области электроэнергетики осложняется и тем, что правовой наукой до сегодняшнего дня не определена энергетическая отрасль права. Таким образом существует необходимость проведения анализа уголовно наказуемых деяний в сфере энергетики для создания эффективной системы противодействия возможным преступлениям против общественных интересов. В настоящей статье проводится анализ текущего регулирования в области уголовного права применительно к отрасли энергетического права и даются предложения по совершенствованию уголовного законодательства для более эффективного противодействия преступлениям против общественных интересов в сфере энергетики. В статье впервые рассмотрены в системной взаимосвязи проблемы отраслевого структурирования права с обоснованием комплексности отрасли энергетического права, двойственность правовой природы общественных отношений, связанных с производством, передачей и потреблением электрической энергии, и пробелы законодательного регулирования уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере незаконного потребления электрической энергии, что позволило обосновать предложения по поправкам в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: энергетическое право, уголовные преступления в сфере энергетики, отрасль права, правовое регулирование в электроэнергетике.

Введение

Рост мирового производства и потребления энергии является ключевым индикатором экономического развития. Потребление энергии к 2050 году должно вырасти в 1,6 раза. В 2024–2025 годах ожидается рекордный рост мирового спроса на электроэнергию почти за два десятилетия, что связано с аномальной жарой, ростом инфраструктуры дата-центров и электротранспорта¹.

На стратегической сессии Правительства Российской Федерации о развитии электроэнергетики рассматривались привлечения инвестиций для строительства объектов по производству электроэнергии для того чтобы Российская экономика могла соответствовать планам Единой энергетической системы (ЕЭС) России. К 2042 году прогнозируется рост потребления электроэнергии на 20% и мощности на 10%².

Энергетический сектор России играет значимую роль как в экономике, так и в социальной сфере. Анализ данных Росстата за последние 5 лет показывает, что в среднем на одного занятого в экономике страны потребляется 9,6–9,7 тонн условного топлива в год³.

Указанные данные в совокупности с тем фактом, что нефтегазовые доходы составляют значимую часть бюджета страны, свидетельствуют о необходимости максимальной защиты энергосистемы России с использованием всех доступных средств, включая меры уголовного наказания.

Использование электроэнергии в современном мире является повсеместным. Электроэнергия используется для жизнеобеспечения человека, его бытовых нужд, а также для промышленности и транспорта. Производство и потребление электроэнергии осуществляется при помощи разветвленной сети инфраструктурных и линейных объектов.

При этом, в юридическом смысле электроэнергия имеет двойственные характеристики. С одной стороны, электроэнергия – это товар и является предметом коммерческого оборота, т.е. купли-продажи. С другой стороны, электроэнергия не является физической вещью, хоть и обладает физическими свойствами. Электроэнергию нельзя передать из рук в руки, ее можно только поставить по специальным сетям к устройствам потребления, через которые электроэнергия преобразуется в материальные блага: свет, тепло, движение и т.п.⁴.

Критически важное значение электроэнергии для экономики страны и для обеспечения жизнедеятельности отдельных субъектов и неоднозначные юридические свойства электроэнергии создают в совокупности сложности в правоприменении норм, относящихся к хозяйственному обороту электроэнергии, в том числе норм уголовного права. Применение уголовного права к преступлениям в области электроэнергетики осложняется и тем, что правовой наукой до сегодняшнего дня не определена энергетическая отрасль права⁵.

Современные исследования уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями в сфере энергетики в преобладающей части связаны с анализом отдельных составов противоправных деяний, посягающих на сферу энергетики. Таким образом существует необходимость проведения анализа уголовно наказуемых деяний в сфере энергетики для создания эффективной системы противодействия возможным преступлениям против общественных интересов.

Целью настоящей работы является формирование предложений по совершенствованию уголовного законодательства для более эф-

¹ Statistical Review of World Energy 2025, 74th edition // Energy Institute // London 2025 – p. 76. https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0007/1658077/Statistical-Review-of-World-Energy.pdf (дата доступа 4.11.2025)

² О проекте федерального закона в сфере электроэнергетики // Министерство энергетики Российской Федерации // СЦ-17839/05–16.10.2025 – С. 119.

³ Социально-экономическое положение России, январь – август 2025 года // Минэкономразвития России, Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // Москва – 2025 – С. – 306.

⁴ Трофимова А. А., Ширманов Е. В. Уголовно-правовая квалификация незаконного подключения к электросетям и использования электроэнергии // Вестник науки. 2024. № 12 (81). – С. 335–343.

⁵ Ключев, В. В. Проблемы применения уголовного права в сфере энергетики / В. В. Ключев, Д. В. Харченко // Закон и власть. – 2025. – № 9. – С. 135–140. – EDN DPABWV.

фективного противодействия преступлениям против общественных интересов в сфере энергетики.

Основным методом, применяемым при исследовании, является анализ судебной практики. Кроме того, используется системный подход к анализу исследуемых преступлений, позволяющий, в том числе, систематизировать их виды, основываясь на позициях законодателя и правоприменителя. Системный метод представляет собой декомпозицию исследуемых общественных отношений с последующим синтезом правовых норм и конструкций. Формально-юридический метод использован для анализа норм законодательства и нормативных правовых актов энергетического права в их буквальном истолковании и формальной трактовке для выявления буквальных несоответствий и доктринальных расхождений. Догматический метод, исследование догмы позитивного права, в совокупности с формально-юридическим методом исследования позволили определить противоречивость в системности позитивных норм энергетического права с предложениями по адаптации юридической догматики в рассматриваемой области для устранения системных противоречий.

Проблемы квалификации уголовных преступлений в сфере электроэнергетики

Существенной проблемой является разграничение преступлений между уголовной и административной ответственностью, многие деяния изначально имеют административный характер и только при выявлении нанесенного общественного вреда перекалфицируются в уголовный. Процедурно важно правильно определить субъектность правонарушения (физическое лицо, должностное лицо, организация), собрать доказательства умысла или неосторожности, установить причинную связь и квалифицирующие признаки (крупный/особо крупный размер, тяжкий вред), а также рассмотреть применение комплексной квалификации путем соединения статей Уголовного Кодекса Российской Федерации (УК РФ), обременение наказанияотячающими обстоятельствами. Также важным является установления связи умысла с результатом преступления – получением материальных выгод или иного материального выражения результатов незаконно полученной электроэнергии, что позволит квалифицировать преступления в сфере электроэнергетики не только в части причинение ущерба потерпевшему, но и в части незаконного присвоения сущности материального характера субъектом уголовного преступления.

Ключевые проблемы уголовного законодательства в отношении преступлений в сфере энергетики: в правонарушениях отсутствует иерархия и часто возникает вопрос о том, к какому составу УК РФ относится конкретное деяние. Следовательно, незаконные подключения и незаконное использование электроэнергии выражают проблему: может ли нематериальный по своей природе объект (электроэнергия) рассматриваться как «иное имущество» для целей классической кражи, и если да, то при каких условиях это должно вести к уголовной ответственности по тем или иным статьям.

Так же имеется проблема с определением объема похищенной энергии и установлением соответствия между незаконным использованием и материальным ущербом. Для определения этого нужны специальные экспертизы, которых на практике часто не хватает. Третья проблема – процессуальные сложности и переплетение уголовной, административной и частно-правовой юрисдикций.

Тенденции судебной практики в части уголовных дел в области незаконного использования электрической энергии свидетельствуют о неопределенности квалификации электрической энергии с точки зрения материального права. Следственными органами и судами уголовные преступления в рассматриваемой сфере квалифицируются в категориях нанесения ущерба без признаков хищения, поскольку ни следственные органы, ни судебные инстанции не имеют правового инструментария соотнесения незаконно потребленной электрической энергии с категорией имущества, а значит и не могут применять нормы, связанные с квалификацией преступлений в категориях хищений. При этом умыслом уголовного преступления является именно незаконное получение материального блага в виде продукта использования электрической энергии, что по правовой природе вполне соотносится с категорией хищения.

Возможные стратегии систематизации регулирования уголовного права в части преступлений в области электроэнергетики

Перспективы решения проблем видятся в многоуровневой стратегии, сочетающей законодательную, экспертную, процессуальную и превентивно-техническую составляющие: на законодательном уровне необходимо четкое разграничение составов – либо через введение

специальной нормы для самовольного (бездоговорного) подключения и неучтенного потребления с критериями для квалификации, приближенными к хищению, либо через принципиальное разъяснение Пленума Верховного Суда о разграничении случаев применения статей 165 и 158 УК РФ¹ с учётом объективных способов доступа и характера общественного вреда и результата для субъекта уголовного преступления и для потерпевшего. Одновременно требуется регулярная индексация порогов крупного/особо крупного ущерба и методологическая унификация расчётов ущерба в нормативных актах.

В законодательном плане урегулирование проблемы уголовного преследования за преступления в сфере электрической энергии видится в однозначном разграничении преступлений в зависимости от характера деяния, влияния этого деяния на пострадавшего и результатов совершенного деяния для субъекта правонарушения в части получения материального блага. Другими словами, необходимо специфицировать квалификацию преступления на случаи, подпадающие под категорию хищения, в которых субъект уголовного преступления получили материальные выгоды от незаконного потребления электроэнергии, и такие материальные выгоды могут быть явным образом установлены следственными действиями (например, производство продукции с использованием незаконно потребленной энергии, получение тепла за счет незаконно потребленной энергии, и т.п.), и на случаи, подпадающие под категорию нанесения ущерба без признаков хищения, в которых явным образом невозможно установить качество и объем, выраженные в материальных или финансовых исчислениях, полученных субъектом уголовного преступления выгод.

Реализация предложенного подхода возможна при реализации одной из следующих возможных стратегий.

Первая стратегия заключается в точечном внесении изменений в существующие статьи УК РФ с целью уточнения уже имеющихся норм уголовного права в части преступлений, связанных с хищением, мошенничеством и причинением ущерба без признаков хищения. В этом случае представляется достаточным дополнить статьи 158, 159 и 165 УК РФ разъяснениями, связанными с предметом хищения, мошенничества или ущерба без признаков хищения, являющимся электрической энергией.

Первая предложенная стратегия с точки зрения процедуры принятия федерального закона представляется более реализуемой, но при этом не решает основной проблемы правового регулирования уголовной ответственности за преступления в сфере электроэнергетики, а именно квалификации таких преступлений по отношению к результатам незаконно потребленной электрической энергии. Предложенные поправки в отдельные статьи УК РФ позволят и на стадии процессуальных действий, и на стадии судебного разбирательства более квалифицированно подходить к определению предмета правонарушения, но все еще не в полной мере решат выявленные проблемы.

Вторая возможная стратегия в устранении пробела уголовного законодательства в части преступлений в сфере электрической энергии, это комплексное внесение изменений в УК РФ в виде отдельных статей, которые будут специально предназначены для формирования уголовно правовых норм в части преступлений энергетики. Для реализации комплексной стратегии предлагается внести в УК РФ новые статьи, например, 159.7, 159.8 и 165.1, предусматривающие самостоятельное регулирование в рассматриваемой группе уголовных преступлений.

Уголовные преступления в сфере электроэнергетики могут нести в себе признаки хищения, если установлено, что субъект уголовного преступления приобрел материальные выгоды в результате незаконного потребления электрической энергии, и такие материальные выгоды могут быть выражены в вещных или финансовых категориях. При этом, незаконное потребление электрической энергии может быть осуществлено посредством физических действий, связанных с несанкционированным подключением к электрическим сетям (линиям передачи электрической энергии) и последующим потреблением энергии, либо с использования существующей, законно созданной инфраструктуры подключения к сетям (линиям) передачи электрической энергии, но путем мошенничества, выражающегося в подмене, подлоге или ином подобном действии, связанном с искажением учета потребленной электрической энергии. Соответственно, представляется целесообразным разграничить регулирование уголовно наказуемых деяний в зависимости от их вида в новых статьях УК РФ, например, 159.7 и 159.8.

Отдельного рассмотрения требуют преступления, для которых невозможно установить в явном виде материальную выгоду субъекта уголовного преступления, но явно установлен ущерб, причиненный

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

пострадавшему в результате уголовного преступления. Для рассматриваемого случая и предлагается новая статья УК РФ 165.1.

Разбирая эти две стратегии, можно констатировать проблемы применения обеих. Решая проблему первой стратегией, становится невозможным полное исключение проблем правового регулирования, так как точечные изменения затрагивают только хищения и не полностью покрывают все вопросы, связанные конкретно с энергетикой, распространяясь на общее понимание хищения, которое так же относится к другим преступлениям, рассматриваемым по данной статье. Следовательно, таким способом полностью проблему решить становится невозможным из-за общности критериев с преступлениями в других областях, подходящих под одну статью с нарушениями в сфере энергетики. Так же данные изменения могут затрагивать только хищение энергии, чем не решить проблему, так как все остальные вопросы (количества, цели, обстоятельства) остаются вне регулирования и по сути определение одного лишь хищения, конечно вводит ясность, и ситуация становится проще для решения, если имеется четкое определение хищения конкретно для энергии, но все еще не делает ее решаемой из-за остальных нераскрытых факторов.

Из этого можно сделать вывод, что следует предпринять более радикальные меры решения данной проблемы, то есть внести комплексные изменения в виде отдельных статей, которые будут формировать уголовно правовые нормы конкретно преступлений в сфере энергетики. Введение таких изменений значительно упростит решение проблем в данной части, так как станет больше понятий и определений по вопросам, касающимся конкретно электрической энергии, так как она является очень специфичным «предметом», из-за чего требует отдельных деталей для точного решения всех вопросов по деяниям в этой сфере. Несмотря на это, при вопросе о внесении таких крупных изменений появляются некоторые вопросы.

Так как энергетическое право не выделяется как отдельная отрасль права, а по выявленному определению считается лишь «обособленным комплексом общественных отношений»¹, следовательно, возникает вопрос, о необходимости выделения конкретных статей под энергетическое право из-за его «роли» и «важности» в отраслевой системе. Считая, что в энергетическом праве недостаточно соответствующих аспектов для выделения его как отдельного права, становится непонятно насколько применимы и необходимы будут данные изменения. Но проблемы применения норм в энергетическом праве являются очень актуальными из-за роста показателей хищения, недовоговного подключения, незаконной передачи энергии и т.д. Так же производство и потребление энергии вырастает и ожидается рекордный рост мирового спроса на электроэнергию. Так же действия с использованием энергии являются ключевым индикатором в определении экономического развития и состояния страны. Следовательно, из-за актуальности, поднимаемого вопроса, можно сделать вывод о том, что для урегулирования проблем по деяниям в сфере энергетики действительно необходимо применять меры и использовать одну из стратегий. Так же, анализируя актуальность проблемы и степень важности энергетики в развитие экономики, становится невозможным сказать, что для внесения изменений в отдельные статьи УК РФ, которые будут предназначены конкретно для использования в сфере энергетики (то есть, используя вторую предлагаемую стратегию), у энергетического права не хватает высокой степени необходимости и важности. То есть, несмотря на то, что энергетическое право не выделяется, как отдельная отрасль в системе права из-за несоответствия с несколькими критериями, считая, что у него недостаточно «влияния» и «важности» для внесения специальных статей под данное право становится невозможным.

К выше перечисленным статьям, в которые можно внести изменения и добавить специфики для энергетического права, так же попадает статья 159 УК РФ, в которой описано хищение и его определение, несмотря на то что она схожа с уже перечисленными статьями, имеет отдельные важные аспекты, которые нужно конкретизировать под энергетику для полного понимания сущности проблемы и ее решения в сфере энергетики.

Заключение

Анализ некоторых уголовных дел непосредственно в сфере электроэнергетики привел к выводу о существующих сложностях в квалификации таких преступлений судебными инстанциями, в особенности в части определения материальной выгоды для субъекта уголовного преступления. Как следствие, суды избегают применения статей, связанных с квалификацией преступления в категории «кражи» и используют

¹ Харченко, Д.В. Особенности отрасли энергетического права. // Д.В. Харченко // Международный научно-гуманитарный журнал «Академический исследовательский журнал». – № 8, – 2025 г. С. 15–25.

квалификацию преступления как ущерб без признаков хищения. Такой подход не вполне соответствует объективным свойствам преступления, но обусловлен недостатками правового регулирования уголовных преступлений в сфере электроэнергетики в части их квалификации.

Для разработки стратегий, которые могли бы систематизировать определение степени деяний, определены основные проблемы и перспективы в УК РФ в области преступлений в сфере энергетики. Существенной проблемой остается разграничение деяний, относящихся к уголовной ответственности и административной. Первым ключевым вопросом уголовного законодательства в отношении преступлений в сфере энергетики является, может ли электроэнергия рассматриваться как «иное имущество», если да, то в каких случаях будет рассматриваться как уголовное дело и субъект понесет уголовную ответственность по тем или иным статьям. Второй не менее важной проблемой является определение объема похищенной энергии и законным или незаконным дальнейшим использованием. Так же проблемой является процессуальная сложность, тонкая грань между уголовными и административными правонарушениями. Для урегулирования данных проблем возможны две стратегии: точечные поправки в существующие статьи УК РФ с целью введения понятий преступлений в области энергетики или комплексное внесение изменений в УК РФ специальных статей, которые будут предназначены для формирования уголовно-правовых норм в части преступлений энергетики.

Обе стратегии безупречны, так как если воспользоваться первой, то не в полной мере будут устранены проблемы из-за охвата не всех аспектов, касающихся деяний в сфере энергетики, а лишь их часть. Применяя второй способ, возникает ряд вопросов на тему актуальности данного действия, так как по своей сути, энергетическое право не является отраслью, и данные изменения будут не так часто применимы, несмотря на то, что у энергетического права повышенная значимость общественных отношений из-за социально-экономического влияния энергетики. Вместе с тем, принятие предложенных поправок в УК РФ позволит разрешить противоречия в квалификации уголовных преступлений в сфере электроэнергетики.

Литература

1. Statistical Review of World Energy 2025, 74th edition // Energy Institute // London 2025 – p. 76. https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0007/1658077/Statistical-Review-of-World-Energy.pdf (дата доступа 4.11.2025)
2. О проекте федерального закона в сфере электроэнергетики // Министерство энергетики Российской Федерации // СЦ-17839/05–16.10.2025 – С. 119.
3. Социально-экономическое положение России, январь – август 2025 года // Минэкономразвития России, Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // Москва – 2025 – С. – 306.
4. Ключев, В.В. Проблемы применения уголовного права в сфере энергетики / В.В. Ключев, Д.В. Харченко // Закон и власть. – 2025. – № 9. – С. 135–140. – EDN DPABVV.
5. Харченко, Д.В. Особенности отрасли энергетического права. // Д.В. Харченко // Международный научно-гуманитарный журнал «Академический исследовательский журнал». – № 8, – 2025 г. С. 15–25.
6. Трофимова А. А., Ширманов Е.В. Уголовно-правовая квалификация незаконного подключения к электросетям и использования электроэнергии // Вестник науки. 2024. № 12 (81). – С. 335–343.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025).

PROBLEMS AND IDEAS OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL OFFENSES IN THE ELECTRIC POWER INDUSTRY

Kharchenko D.V.

School № 1502 "Energy"

The use of electricity is widespread in the modern world. Electricity is used for human life support, household needs, as well as for industry and transportation. The production and consumption of electricity is carried out through an extensive network of infrastructure and linear facilities. However, in legal terms, electricity has dual characteristics. On the one hand, electricity is a commodity and is subject to commercial circulation, i.e., purchase and sale. On the other hand, electricity is not a physical thing, although it has physical properties. Electricity cannot be transferred from one person to another; it can only be supplied through special networks to consumption devices, where it is converted into tangible benefits such as light, heat, movement, etc. The critical importance of electricity for the country's economy and the livelihoods of individuals, as well as the ambiguous legal properties of electricity, create complexities in the enforcement of laws related to the economic circulation of electricity, including criminal law. The application of criminal law to crimes in the field of electric power is complicated by the fact that legal science has not yet defined the energy sector of law. Therefore, it is necessary to analyze the criminal offenses in the

energy sector in order to create an effective system for countering possible crimes against public interests. This article analyzes the current regulation of criminal law in relation to the field of energy law and provides suggestions for improving criminal legislation in order to more effectively combat crimes against public interests in the energy sector. For the first time, the article examines the problems of sectoral structuring of law in a systematic way, justifying the complexity of the field of energy law, the dual nature of legal relations related to the production, transmission, and consumption of electricity, and the gaps in legislative regulation of criminal liability for socially dangerous acts in the field of illegal consumption of electricity. This allowed the author to propose amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: energy law, criminal offenses in the energy sector, branch of law, legal regulation in the electric power industry.

References

1. Statistical Review of World Energy 2025, 74th edition // Energy Institute // London 2025 – p. 76. https://www.energyinst.org/_data/assets/pdf_file/0007/1658077/Statistical-Review-of-World-Energy.pdf (accessed 4.11.2025)

2. On the draft federal law in the field of electric power industry // Ministry of Energy of the Russian Federation // SC-17839/05–16.10.2025 – P. 119.

3. Socio-economic situation in Russia, January – August 2025 // Ministry of Economic Development of Russia, Federal State Statistics Service (Rosstat) // Moscow – 2025 – P. – 306.

4. Klyuev, V.V. Problems of application of criminal law in the energy sector / V.V. Klyuev, D.V. Kharchenko // Law and power. – 2025. – No. 9. – P. 135–140. – EDN DPABWV.

5. Kharchenko, D.V. Features of the Energy Law Branch. // D.V. Kharchenko // International Scientific and Humanitarian Journal “Academic Research Journal”. – No. 8, – 2025. Pp. 15–25.

6. Trofimova, A.A., Shirmanov, E.V. Criminal-legal qualification of illegal connection to power grids and use of electricity // Bulletin of Science. 2024. No. 12 (81). – Pp. 335–343.

7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-F3 (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025).

Особенности назначения судебных экспертиз и применения специальных знаний при производстве по делу о налоговом преступлении

Ямгурчина Айгуль Ильшатовна,
аспирант Института права, ФГБОУ ВО «Уфимский
университет наук и технологий»
E-mail: yamgurchina.98@mail.ru

После определения документальной базы, его изъятия и изучения, следующим этапом выступает назначение судебных экспертиз по уголовному делу (ст. 195 УПК РФ). При этом, в соответствии с ч. 4 ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела. При производстве по делам о налоговых преступлениях чаще других назначаются различные виды судебных экспертиз, направленные на выяснение истинного содержания бухгалтерской и иной финансовой документации в случаях, когда изложенные в акте налоговой проверки выводы вызывают сомнения или если для их анализа необходимы специальные знания (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Ключевые слова: налоговые преступления, налоговые правоотношения, уклонение от уплаты налогов, налоговое законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, судебные экспертизы, специальные знания.

При производстве расследования налоговых преступлений часто возникает необходимость в проведении судебных экспертиз различного рода. Цель таких экспертиз – установить достоверное содержание бухгалтерской и иной финансовой документации. Это особенно актуально, если выводы, представленные в акте налоговой проверки, кажутся сомнительными, требующими для своей оценки специальных знаний (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [1].

Согласно ч. 4 ст. 195 УПК РФ, назначение судебной экспертизы допустимо не только после начала предварительного расследования, но и на этапе до возбуждения дела, а именно при проверке сообщения о совершенном преступлении. Таким образом, экспертное исследование может быть инициировано на стадии проверки информации о возможном правонарушении.

На сегодняшний день, экспертизы по уголовным делам, связанным с налоговыми правонарушениями, могут быть произведены в самых разных экспертных учреждениях нашего государства [2]:

1. Государственное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (сокращенно ЭКЦ МВД России).
2. Государственные судебно-экспертные учреждения Министерства юстиции РФ (рис. 1).

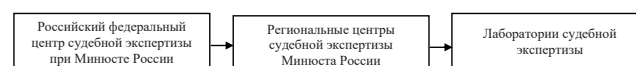


Рис. 1. Структура судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ [12]

Кроме этого, имеются штаты экспертов в управлениях по налоговым преступлениям Министерства внутренних дел по субъектам России.

Судебная экономическая экспертиза (СЭЭ) включает в себя несколько видов, таких как судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, финансово-кредитная и налоговая экспертизы. Налоговая экспертиза ориентирована на изучение соблюдения обязательств, связанных с налоговыми платежами. В свою очередь, бухгалтерская экспертиза занимается анализом данных, содержащихся в бухгалтерских записях. Финансово-аналитическая экспертиза предназначена для оценки финансового положения. Финансово-кредитная экспертиза исследует соблюдение принципов кредитования и иных финансовых взаимодействий [3].

Отличительные черты СЭЭ выражена в следующем [11]:

- для её проведения необходимы глубокие знания в сфере бухучета, налогового законодательства и сопряженных областей;
- в качестве объекта изучения выступают финансовые операции, оказывающие влияние на налоговые обязательства и зафиксированные в учетных записях, бухгалтерских и налоговых отчетах, а также иных документах;
- в качестве предмета исследования рассматриваются первичные документы и итоговые учетные формы.

Производство налоговых экспертиз (НЭ) осуществляется в специализированных отделах судебно-экспертных учреждений, входящих в структуру Министерства внутренних дел Российской Федерации [4].

Предметом НЭ являются сведения о фактах, характеризующих правильность и экономическую обоснованность величины налоговой базы, причитающихся, исчисленных и уплаченных налогов – элементов налогообложения, в том числе степень их соответствия законодательству в сфере налогов и налогообложения за анализируемый период [8].

Объектами НЭ являются [13]: первичные документы бухгалтерского учета налогоплательщика, экземпляры этих же документов у контрагента налогоплательщика, документы, не являющиеся основанием для учетных записей по учету с бюджетом по налогам, но тесно взаимосвязанные с операциями, по исчислению и уплате налогов, регистры бухгалтерского и налогового учетов, налоговая отчетность (налоговые декларации), контракты, относящиеся к хозяйственной деятельности, документация и данные, не отраженные в официальной бухгалтерии.

К числу особых доказательств относятся [10]: аудиторские отчеты, экспертные оценки из смежных областей, результаты налоговых инспекций, решения налоговых инстанций о привлечении к уголовной

ответственности, протокола выемок, обысков и осмотров документации, показания подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей, в том числе, данные в ходе очных ставок, содержащие данные об изучаемых финансовых сделках, постановления о признании и приобщении к материалам уголовного дела вещественных доказательств и другие подобные материалы.

В компетенцию судебно-налоговой экспертизы (СНЭ) входит решение следующих вопросов [9]:

- оценка соответствия порядка расчета и уплаты налогов действующим нормам налогового права;
- обнаружение случаев несоблюдения положений законодательства в сфере налогов и сборов;
- анализ правильности оформления счетов-фактур и актов приема-передачи активов (в частности, выявление неточностей и их влияния на дату признания дохода, полученного в неденежной форме);
- проверка корректности формирования базы для исчисления налогов и определения размера налоговых платежей в соответствии с налоговым законодательством;
- подтверждение документально факта совершения налогового правонарушения, выявленного в процессе проведения налоговой проверки.

НЭ является основным по уголовным делам о налоговых преступлениях и позволяет установить причиненный бюджету страны материальный ущерб.

Выделяют два вида судебных НЭ по предмету их исследования [14]:

- устанавливающие причинно-следственные связи между фактами недостоверной отчетности ведения хозяйственной деятельности и материальными последствиями подобной неверной отчетности;
- экспертизы, устанавливающие намеренное или случайное неверное исчисление и уплату налогов (что существенно влияет на степень ответственности).

НЭ бывает досудебная и судебная. Досудебную НЭ проводят по запросу адвокатов для получения заключения от эксперта. Судебную НЭ назначается постановлением суда или лица, ведущего предварительное следствие в уголовном процессе [7].

Суммы неуплаченного налога согласно акту налоговой проверки и заключению эксперта по одному и тому же налогу и за один и тот же период могут быть разными [6]. Чтобы понять причины такого несоответствия, необходимо знать о различиях между порядком проведением налоговых проверок и производством судебных НЭ.

Экспертиза в области судебно-бухгалтерского учета (СБЭ) проводится для решения вопросов, касающихся анализа финансово-хозяйственной деятельности, нашедшей свое отражение в учетных записях организации.

В рамках судебно-бухгалтерской экспертизы проводится всесторонний анализ финансового состояния компании, а также оценка достоверности и корректности отражения информации в бухгалтерской отчетности. Задача эксперта – выявить возможные искажения, неточности или нарушения в применении нормативных актов и правил, регулирующих хозяйственные операции.

Судебно-бухгалтерская экспертиза изучает финансово-хозяйственную деятельность, зафиксированную в документах, регистрах бухгалтерского учета и финансовой отчетности, с акцентом на её правдивость и точность. Эти данные, ставшие предметом интереса налоговых инспекторов, требуют глубокого анализа специалистами в области бухгалтерского учета для установления объективной картины.

Объектами СБЭ являются [5]:

- выполненные показатели производства, продажи и себестоимости реализации продукции, продажи товаров, расходов и доходов организации;
- организация поставок по объемам, срокам, ассортименту и качеству продукции (товаров), выполненных работ (оказанных услуг);
- ценообразование, соблюдение норм и нормативов, смет расходов и доходов;
- незавершенное производство, его остатки и комплектность;
- сохранность продукции (товаров) при транспортировке, распределении и продаже;
- бухгалтерская прибыль (убыток), представляющая собой конечный финансовый результат, выявленный за отчетный период на основании бухгалтерского учета всех хозяйственных операций организации.

Объектом могут также выступать вещественные и документальные доказательства, а также материалы следствия.

Основными задачами СБЭ выступают:

- проверка и установление фактического размера нехватки или излишков товарно-материальных ценностей и денежных средств;

- проверка обоснованности списания товарно-материальных ценностей;
- выявление случаев нарушения финансовой дисциплины;
- определение соответствия совершенных операций правовым нормам;
- определение материального ущерба, причиненного в результате совершенного преступлений;
- установление правильности или ошибочности методики проведения налоговой проверки;
- установление условий, способствующих совершению злоупотреблений;
- выявление учетных несоответствий, их величины, механизма их образования, его влияния на показатели финансово-хозяйственной деятельности, отклонений от правил ведения учета и отчетности;
- определение соответствия порядка учета требованиям специальных правил, обстоятельств, затрудняющих объективное ведение бухгалтерской отчетности;
- выявление фактов искажения учетных данных специфическими для бухгалтерского учета приемами и диагностика обнаруженных искажений, определение их характера, механизма и степени влияния на интересующие следствие показатели хозяйственной деятельности;
- реконструкция отсутствующих либо искаженных учетных форм (величин, записей) и систем на основе их более поздних или предыдущих закономерных связей и возможных путей построения учетной информации.

Финансово-экономическая экспертиза (ФЭЭ) назначается для оценки анализа финансово-экономических показателей.

ФЭЭ имеет свои этапы оценки:

- анализ размера уплаченных налогов позволяет установить плательщика со снижающийся налоговым платежом;
- этот же анализ в дальнейшем позволяет установить размер недополученных налогов, а также время их перечисления в зависимости от объекта налогообложения;
- оценка расхождений в показателях финансово-хозяйственной деятельности за отчетный и предыдущий период, отраженная в налоговой и бухгалтерской отчетах плательщика;
- анализ аналогичных показателей других налогоплательщиков со схожей финансово-хозяйственной деятельностью за исследуемый промежуток времени, установление расхождений в показателях материалов, предоставленных на экспертизу, и данными налоговых органов;
- анализ условий и обстоятельств, на основе которых сформировалась налогооблагаемая база.

Объектом исследования ФЭЭ является финансовая деятельность хозяйствующего субъекта, финансовые операции и показатели, а также процесс их формирования и отражения в учете.

ФЭЭ позволит установить:

- степень обеспечения предприятия оборотными средствами;
- причины образования дебиторской и кредиторской задолженностей;
- наличие диспропорций в соотношении между себестоимостью продукции и динамикой применяемых цен в целях выявления фактов искажения отчетных данных о прибыли;
- реальную и экономическую обоснованность финансовых показателей предприятия в случаях искажения его данных о доходах и расходах;
- причины изменения финансового состояния и платежеспособности предприятия.

Компьютерно-техническая экспертиза (КТЭ) помогает выявить, изъять и исследовать информацию, содержащуюся в вычислительной или телекоммуникационной системе, а также на различных носителях, проверить компьютерные программы, установить их соответствие или несоответствие действующим правилам организации бухгалтерского учета и отчетности. КТЭ позволяет решить следующие задачи:

- воспроизвести и распечатать всю содержащуюся на компьютерных носителях информацию или ее часть;
- восстановить информацию, ранее содержавшуюся на компьютерных носителях и впоследствии стертую или измененную;
- установить время ввода, изменения, уничтожения и копирования той или иной информации;
- расшифровать закодированную информацию, подобрать пароли и вскрыть систему защиты информации;
- установить авторство, место, средства подготовки и способы изготовления документов; выяснить техническое состояние, исправность программно-аппаратных комплексов, соответствие их предъявляемым требованиям и другие.

Комплексная техническая экспертиза документов (КТЭД) охватывает следующие типы задач:

1. Целью идентификационного исследования является определение:

Точного типа оборудования, применявшегося для создания документа или его частей.

Соответствия единого целого по имеющимся фрагментам.

Состава материалов, таких как бумага, картон, чернила для ручек и другие, использованных при создании документа.

Подлинности печатей и штампов, а также оттисков, присутствующих на документе.

2. Целью диагностического исследования является определение:

2.1. Технологии создания документа или его частей (печатный, фото, выполненный от руки).

2.2. Наличия и метода корректировки исходного текста документа (удаление текста, внесение изменений, добавление текста, химическое воздействие).

2.3. Исходного содержания документа (выявление неразличимых или слабо различимых записей, удаленных, закрашенных, выцветших, тех, что стали невидимыми из-за высокой температуры или химических реагентов).

2.4. Времени создания документа (точное, приблизительное), включая определение порядка нанесения перекрестных элементов.

2.5. Источника происхождения документа (или материалов, примененных для его изготовления) по признакам, характеризующим условия его хранения или использования.

Рассмотренные выше основные виды судебных экспертиз при расследовании уголовных дел об уклонении от уплаты налоговых платежей применяются комплексно или поочередно. Более того, в процессе подобных исследований порой становится необходимо задействовать экспертные навыки и познания, выходящие за рамки основной научной дисциплины.

Следователи часто назначают экспертизы несвоевременно и деятельность по назначению указанных и других видов экспертиз до сих пор продолжает вызывать существенные затруднения как в оформлении материалов, которые в последующем будут направлены эксперту для изучения, а также в выборе самого назначаемого исследования и верной постановке вопросов перед экспертом.

Особенность производства по делам о налоговых преступлениях представляется также необходимостью широкого использования специальных знаний в расследовании данного вида преступлений.

Для установления и расследования налоговых преступлений применяются специализированные знания, которые реализуются в рамках процессуальных действий (например, налоговые проверки, анализ документации, экспертизы, участие экспертов в следственных действиях) и вне рамок процессуальных действий (устное консультирование).

Имеющийся багаж теоретических знаний и практической работы в области проведения судебно-экономических экспертиз по делам, связанным с «фискальными» правонарушениями, дает возможность систематизировать признаки и методы подготовки, осуществления и маскировки преступных действий, имеющих отрицательные последствия для экономики. Это также позволяет разработать эффективные методические указания по их обнаружению и предотвращению, однако, это не отменяет потребность в специализированных экономических знаниях непосредственно у сотрудников правоохранительных структур.

В рамках уголовного судопроизводства, для установления объективной истины, на следователя возлагается задача анализа значительного объема бухгалтерской, налоговой, финансовой и экономической документации. Это обусловлено тем, что расследование экономических преступлений, в частности, налоговых, представляет собой сложный процесс, требующий специализированных знаний в сфере экономики, финансов, налогообложения, а также глубокого понимания бухгалтерского учета и его практического применения.

Однако, зачастую сотрудники правоохранительных органов не обладают достаточной профессиональной подготовкой в экономической области, что, даже при привлечении экспертов, не исключает риска ошибочной квалификации деяния. Это, в свою очередь, может привести к неверному направлению доказывания и, как следствие, к ошибочному расследованию всего преступления.

Поэтому, для обеспечения точности и достоверности заключений, необходимо активно привлекать к содействию в расследовании специально обученных специалистов. Эти специалисты должны обладать как глубокими экономическими, так и юридическими знаниями и опытом, что позволит им корректно оценивать ситуацию и формулировать правильные выводы.

Применение специальных познаний в области экономики в ходе процессуальных действий предполагает привлечение специалистов, обладающих соответствующей компетенцией. Их участие регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства.

- при назначении и производстве экономических экспертиз (в соответствии со ст.ст. 195–201, 204–207, 283 УПК РФ);

- при участии экспертов в соответствующих областях, включая бухгалтеров, экономистов, представителей налоговых органов и прочих специалистов, в следственных и других процессуальных мероприятиях (согласно ст.ст. 168, 251, 270 УПК РФ);

- при привлечении данных специалистов адвокатом для предоставления консультаций (согласно п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ);

- при получении свидетельских показаний лиц – специалистов в сфере экономики по вопросам относительно их профессиональной компетенции (согласно ст.ст. 56, 189–190 УПК РФ).

Опыт и квалификация профессионалов помогают в работе следователя разобраться в сложных схемах уклонения от уплаты налогов, а их заключения значительно расширяют доказательную базу, что способствует успешному решению задач уголовного процесса.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 25 марта 2022 г. № 63-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 01 июля 2021 г. № 273-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>

3. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23 августа 2005 № 6931) (с посл. изм. и доп. Приказом МВД России от 27 июня 2019 г. № 430) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>

4. Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (Зарегистрировано в Минюсте России 29 января 2013 г. № 26742) (с посл. изм. и доп. Приказом Минюста России от 28 декабря 2021 г. № 266) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru>

5. Судебная экономическая экспертиза: учебное пособие / О.И. Уланова. – Пенза: ПГАУ, 2021. – 224 с. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/207356>

6. Каверина Э.Ю. Специфика расследования налоговых преступлений: основные различия между налоговой проверкой и налоговой экспертизой // НАУ. 2020. № 58–1 (58). С. 38–41

7. Обертяева Д.А. Роль налоговой экспертизы при расследовании преступлений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11–2. С. 89–92.

8. Сарыгина Э.С. – Особенности тактики назначения судебной налоговой экспертизы // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 1–12.

9. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 56–65.

10. Судебно-экономическая экспертиза: актуальные вопросы налоговых экспертиз: учебное пособие / Э.Ю. Каверина. – Москва: РТУ МИРЭА, 2019. – 110 с. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/171495>

11. Червяков М.Э., Левочкина А.Е. Методологические аспекты проведения судебно-экономической экспертизы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2 (12). С. 95–110.

12. Кизилев А.Н., Овчаренко О.В. Особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз // Учет. Анализ. Аудит. 2018. № 5. С. 54–63.

13. Тимченко В.А. Судебная налоговая экспертиза: учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. – 116 с.

14. Фирсов В.В. Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе // Управленческое консультирование. 2018. № 3 (111). С. 8–13.

THE SPECIFICS OF THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN THE PROCEEDINGS ON A TAX OFFENSE

Yamgurchina A.I.

Ufa University of Sciences and Technologies

After determining the documentary base, removing it and studying it, the next stage is the appointment of forensic examinations in a criminal case (Article 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). At the same time, in accordance with Part 4 of Article 195 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a judicial examination may be appointed and carried out before a criminal case is initiated. In cases of tax crimes, various types of forensic examinations are more often appointed than others, aimed at clarifying the true content of accounting and other financial documentation in cases where the conclusions set out in the tax audit report raise doubts or if special knowledge is needed for their analysis (paragraph 3, part 2, Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Keywords: Tax crimes, tax legal relations, tax evasion, tax legislation, criminal procedure legislation, forensic expertise, special knowledge.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as last amended and supplemented on March 25, 2022 No. 63-FZ) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru>
2. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation" (as last amended and supplemented on July 1, 2021 No. 273-FZ) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru>

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 29, 2005 No. 511 "Issues of Organizing the Production of Forensic Examinations in the Forensic Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" (together with the "Instructions for Organizing the Production of Forensic Examinations in the Forensic Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation", "List of Types (Types) of Forensic Examinations Conducted in the Forensic Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation") (Registered with the Ministry of Justice of Russia on August 23, 2005 No. 6931) (as last amended and supplemented by Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 27, 2019 No. 430) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru>

4. Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 27, 2012 No. 237 "On Approval of the List of Types (Types) of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of Expert Specialties for Which the Right to Independently Conduct Forensic Examinations in Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia is Granted" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on January 29, 2013 No. 26742) (as last amended and supplemented by Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 28, 2021 No. 266) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru>

5. Forensic Economic Expertise: Study Guide / O.I. Ulanova. – Penza: PGAU, 2021. – 224 p. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/book/207356>

6. KAVERINA E. Yu. Specifics of Investigation of Tax Crimes: Main Differences between Tax Audit and Tax Expertise // NAU. 2020. No. 58–1 (58). Pp. 38–41

7. Obertyaeva D.A. The Role of Tax Expertise in Crime Investigation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 11–2. Pp. 89–92.

8. Sarygina E.S. – Features of the Tactics of Appointing a Forensic Tax Expertise // Legal Research. 2020. No. 7. Pp. 1–12.

9. Golikova V.V. Forensic Tax Expertise in Criminal Proceedings // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2019. No. 5 (57). Pp. 56–65.

10. Forensic Economic Expertise: Current Issues of Tax Expertise: A Tutorial / E. Yu. Kaverina. – Moscow: RTU MIREA, 2019. – 110 p. – Text: electronic // Lan: electronic library system. – URL: <https://e.lanbook.com/book/171495>

11. Chervyakov M. E., Levochkina A.E. Methodological Aspects of Conducting a Forensic Economic Expertise // Socio-Economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. No. 2 (12). Pp. 95–110.

12. Kizilov A. N., Ovcharenko O.V. Features of the appointment and production of forensic economic examinations // Accounting. Analysis. Audit. 2018. No. 5. Pp. 54–63.

13. Timchenko V.A. Forensic tax examination: a tutorial. Nizhny Novgorod: Publishing house of Nizhny Novgorod State University, 2018. – 116 p.

14. Firsov V.V. Problems of classification and the place of forensic tax examination in criminal proceedings // Management consulting. 2018. No. 3 (111). Pp. 8–13.

Система высшего юридического образования в странах БРИКС: нормативно-правовое регулирование, требования к образовательным программам (опыт Эфиопии)

Ерёмина Мария Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: ema_85@list.ru

Статья посвящена анализу нормативно-правового регулирования системы высшего юридического образования в Федеративной Демократической Республике Эфиопия. Исследование фокусируется на выявлении и систематизации ключевых законодательных актов, подзаконных нормативных документов и политик, которые определяют структуру, содержание и стандарты подготовки юристов в стране. Особое внимание уделяется влиянию роли таких регулирующих органов, как Агентство по обеспечению качества высшего образования (HERQA). Результаты исследования предлагают комплексное понимание правовой основы эфиопского юридического образования, что может быть полезно для сравнительно-правовых исследований и разработки рекомендаций по его дальнейшему реформированию. Результаты исследования могут представлять ценный опыт для системы российского образования и послужить источником идей для законодателя, академического сообщества и профессиональных юристов, адвокатов.

Ключевые слова: БРИКС, высшее юридическое образование Эфиопии, бакалавр права Эфиопии, стандарты высшего юридического образования, агентство по соответствию и качеству высшего образования.

Становление высшего, в частности, юридического, образования в Эфиопии является предметом широкого научного изучения [2; 4; 8; 14]. В работах специалистов исторические и политический контекст, а также предпосылки появления юридических школ в Эфиопии описываются следующим образом: 1960 году император Хайле Селассие I ввел в действие Гражданский кодекс Эфиопии; в 1963 году в Университете Хайле Селассие I был основан первый юридический факультет, на котором работали в основном американцы; в 1974 году император был убит администрацией военной диктатуры (Временный военно-административный совет («Дерг»)); в 1991 году Народный фронт демократической революции Эфиопии (EPRDF) сместил «Дерг» и взял курс на демократическое экономическое развитие со свободным рынком; в 2000 году из разрозненных колледжей был создан Университет Мекелле и еще четыре новых региональных университета; в 2001 году в Университете Мекелле в Мекелле, Тиграй был открыт новый юридический факультет, строительство которого раньше считалось невозможным за пределами федеральной столицы, а теперь рассматривается как образец для четырех других университетов [8].

За это время юридическое образование в Эфиопии мало изменилось, хотя закон и общество радикально изменились. Сейчас, при правлении Народного фронта, принята новая Конституция, создана новая федеральная система с довольно сильными штатами и предприняты усилия по передаче власти на уровень, на котором демократические институты позволяют гражданам эффективно участвовать в работе правительства, контролировать и оценивать его деятельность. Правительство Эфиопии стремится укрепить верховенство закона на всей территории страны, надеясь, что это создаст благоприятную среду для экономического развития, основанного на соблюдении прав человека [8].

Новейший этап децентрализации в значительной мере коснулся высшего образования, в частности, юридического. В связи с этим, вопрос о целях, задачах, предназначении юридических факультетов и школ права в университетах, приобретает особую актуальность.

Переходя к характеристике нормативно-правовой основы высшего юридического образования в Эфиопии, стоит начать с того, что в 2006 году стартовала реформа системы и программ высшего юридического образования, которая стала частью более масштабного мероприятия, именуемого в литературе «Программой комплексной реформы системы правосудия» [12]. На сегодняшний день основные положения реформы, её результаты и дальнейшие перспективы освещены в многочисленных научных и аналитических работах по указанной теме [11; с. 191–232].

Ключевым актом, лежащим в основе организации высшего юридического образования в Эфиопии, является *Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия (1995)* [13], которая не регулируя напрямую специфику юридического образования, закладывает его основу, гарантируя право на образование (статья 91) и наделяя федеральное правительство полномочиями устанавливать стандарты и политику в отношении высшего образования (статья 51).

Деятельность высших учебных заведений (как государственных, так и частных) в Эфиопии, включая юридические факультеты, регулируется *Прокламацией о высшем образовании 2019 года (Прокламация № 1152/2019, с поправками)* [7]. Она охватывает широкий круг вопросов, среди которых вопросы учреждения и аккредитации ВУЗов (определены процедуры создания новых и аккредитации существующих высших учебных заведений), структура управления государственными университетами, внедрение механизмов обеспечения качества образования, модели финансирования высшего образования, ключевые положения, распространяющиеся, в частности, на юридические факультеты (требование о соответствии юридических программ стандартам аккредитации; предоставление Министерству образования и иным уполномоченным органам полномочий по надзору за качеством юридических программ; требования к квалификации академического персонала).

Стоит упомянуть также *Стратегию в области образования и подготовки кадров (1994)* и *Дорожную карту развития образования Эфиопии (2018–2030)* Министерства образования Эфиопии и Центра стратегии образования (ЦСО) 2018 года [3]. Несмотря на то, что Стратегия уже отчасти устарела, она выступила основой для построения системы образования, обратив внимание на необходимость достижения качества и соответствия образования потребностям национального развития, равный доступ к образованию для всех жителей Эфиопии, а также обучение на протяжении всей жизни.

Прокламация № 351/2003 о создании Эфиопского агентства по соответствию и качеству высшего образования (Higher Education Relevance and Quality Agency – HERQA) [5] учредила ключевой орган по обеспечению качества образования в Эфиопии, отвечающий за аккредитацию высших учебных заведений и программ, включая юридические факультеты, а также за разработку и внедрение стандартов обеспечения качества и мониторинг деятельности высших учебных заведений. Министерство образования Эфиопии совместно с Агентством издают многочисленные директивы и руководства с подробными правилами и стандартами для высших учебных заведений в сфере разработки учебных программ и оценки, взаимодействия между преподавателями и студентами, требований к инфраструктуре, механизмов обеспечения качества.

К важнейшим актам в сфере регламентации системы высшего образования необходимо отнести Стандарты для юридических факультетов в Эфиопии и руководящие принципы Программы реформирования юридического образования 2006 года [10], государственный пересмотренный учебный план для программы бакалавриата по праву, подготовленный Консорциумом юридических школ Эфиопии 2021 года [6], а также Пересмотренное руководство по сдаче выпускных экзаменов на степень бакалавра, утвержденное Центром стратегии образования и Консорциумом юридических школ Эфиопии (Окончательная версия) в марте 2017 года [9]. Данные акты подробно описывают общие требования к программе бакалавриата по праву, требования к структуре программы, к результатам освоения программы, к условиям реализации программы бакалавриата по праву. Стандарты устанавливают лишь общие положения, более детальная проработка осуществлена *Государственным пересмотренным учебным планом для программы бакалавриата по праву 2021 года*. Учебный план программы бакалавра права структурно состоит из 17 частей и освещает общие вопросы организации учебного процесса в юридических школах/факультетах (части 1–14), подробную учебную программу бакалавриата (части 15–16), включая разбивку по семестрам каждого учебного года, указание всех учебных дисциплин базовой и вариативной части и детальное описание каждой учебной дисциплины с указанием кода и наименования дисциплины, зачетных единиц, контактных часов (в неделю), целей и содержания дисциплины, разбивку тем дисциплины по учебным неделям с указанием видов работы обучающегося, методологии и стратегии преподавания и обучения, оценку видов работ, роль преподавателя и студента, перечень рекомендуемой литературы. Указанное детальное описание каждой дисциплины программы составляет большую часть учебного плана.

Принципиально важным является то, что в настоящее время практически во всех университетах Эфиопии работают центры юридической помощи, выполняющие функции клиник юридической помощи. Последнее десятилетие в Эфиопии ознаменовано реформой юридического образования, которая охватила все университеты. Так, студенты должны в обязательном порядке изучать не только теоретические аспекты права, но и приобретать некоторые дополнительные практические навыки. Таким образом, в действующей программе юридического образования есть ряд практико-ориентированных курсов в сочетании с клиническими курсами, которые необходимо реализовывать с привлечением юридических клиник.

Обобщение опыта университетов Эфиопии в области организации работы юридических клиник позволило выделить четыре основных вида деятельности в рамках функционирования юридических клиник в университетах: 1) предоставление юридических консультаций (указать клиенту направление и подсказать, каким образом можно получить доступ к различным учреждениям; определить наличие/отсутствие права, реализации которого клиент пытается добиться); 2) подготовка юридических заявлений различного типа; 3) третий вид деятельности требует дополнительных знаний и привлечения экспертов: так, после подготовки исковых заявлений заявитель иногда не может эффективно представить свое дело в суде из-за отсутствия опыта и навыков применения закона; поэтому, если права заявителя находятся под серьезной угрозой, центр юридической помощи, на основании специальной лицензии на адвокатскую деятельность, должен сделать необходимое заявление, чтобы отстоять права заявителя; 4) информационно-пропагандистская деятельность для оказания вли-

яния на общую государственную политику; 5) обслуживание наиболее бесправных членов общества, но при предъявлении заявителем документа о бедности, выданного высшим административным аппаратом (социальными судами кебеле – низшей административной структуры в Эфиопии) [1].

Хотя система высшего образования в Эфиопии все еще развивается, определенные практики и подходы заслуживают внимания и могли бы быть восприняты в качестве ценного урока (вовлечение профессионального сообщества в юридическую помощь сельским общинам и малообеспеченным слоям населения через продвижение культуры Pro Bono – поощрение студентов-юристов к участию в безвозмездной деятельности для развития у них чувства приверженности общественному служению).

Литература

1. Anbesie Fura Gurmessa (2018): The Role of University-Based Legal Aid Centers in Ensuring Access to Justice in Ethiopia, by Beijing Law Review, Vol.9 No.3, 2018. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=86402> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Assefa Woldemariam, Getachew (2021): Legal pluralism and Clinical Legal Education in Ethiopia: The contribution of legal aid clinics in realizing access to justice, in Madhloom, O., & McFaul, H. (Eds.).
3. Ethiopian Education Development Roadmap (2018–2030) by Ministry of Education and Education Strategy Center (ESC) // URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/ethiopia_education_development_roadmap_2018-2030.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
4. Faguet, Jean-Paul; Khan, Qaiser; Kanth, Devarakonda Priyanka (2020): Decentralisation's effect on education and health: Evidence from Ethiopia, Working Paper Series, No. 20–201, London School of Economics and Political Science (LSE), Department of International Development, London.
5. Higher Education Relevance and Quality Agency (HERQA) proclamation (351/2003) // URL: https://www.lawethiopia.com/images/federal-proclamation/proclamations_by_number/351.pdf (дата обращения: 10.10.2025).
6. National Revised Curriculum of the LL.B Program, Prepared by the Ethiopian Law Schools' Consortium July 1, 2021 // URL: <https://www.haramaya.edu.et/col/wp-content/uploads/sites/15/2022/01/Revised-LLB-Curriculum-pdf.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Proclamation No. 1152–2019 Higher Education // URL: <https://ju.edu.et/wp-content/uploads/2022/11/Revised-higher-education-proclamation-1152-2019.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
8. Reda, Getachew (2001): Decentralizing and Reinvigorating Legal Education in Ethiopia. // URL: <https://ssrn.com/abstract=271394> (дата обращения: 10.10.2025).
9. Revised LL.B Exit Examination Guidelines by Education Strategy Center and Consortium of Ethiopian Law Schools (Final Version), March 2017 // URL: <https://chilot.wordpress.com/wp-content/uploads/2023/02/b28cc-revised-and-approved-exit-exam-guideline-2017.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
10. Standards for Law Schools in Ethiopia and Guidelines of the 2006 Legal Education Reform Programme // URL: <https://files01.core.ac.uk/download/478432922.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
11. Stebek, Elias N. (2019): Ethiopia's 2006 Legal Education Reform Programme: Aspirations and Standards, *Mizan Law Review*, Vol. 13, No. 2.
12. The Comprehensive Justice System Reform Program Baseline Study Report, Ministry of Capacity Building, Justice System Reform Program Office, February 2005, pp. 199–205; // URL: <https://www.lawethiopia.com/images/studies/CILC%20Ethiopia%20D%2005-0103.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
13. The Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia on 8 December 1994 adopted and promulgated by the Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia Proclamation No. 1/1995 // Federal Negarit Gazeta of the Federal Democratic Republic of Ethiopia, 1st Year No. 1, dated 21 August 1995. <https://www.ethiopianforeignpolicy.com/ethiopian-constitution-1994/> (дата обращения: 10.10.2025).
14. Weldemariam, Alemayehu F. (2004): Legal Pluralism in Light of the Federal and State Constitutions of Ethiopia: A Critical Appraisal // URL: <https://ssrn.com/abstract=1429303> (дата обращения: 10.10.2025).

THE SYSTEM OF HIGHER LEGAL EDUCATION IN THE BRICS COUNTRIES: LEGAL FRAMEWORK AND REQUIREMENTS FOR EDUCATIONAL PROGRAMS (ETHIOPIA'S EXPERIENCE)

Eryomina M.A.
Saratov State Law Academy

Article analyzes the legal framework for higher legal education in the Federal Democratic Republic of Ethiopia. The study focuses on identifying and systematizing key legislative acts, bylaws, and policies that determine the structure, content, and standards of legal training in the country. Particular attention is paid to the influence of regulatory bodies such as the Higher Education Quality Assurance Agency (HERQA). The results of the study offer a comprehensive understanding of the legal framework for Ethiopian legal education, which may be useful for comparative legal research and the development of recommendations for its further reform. The results of the study may provide valuable insights for the Russian education system and serve as a source of ideas for legislators, the academic community, and professional lawyers.

Keywords: BRICS, Ethiopian higher legal education, Ethiopian LL.B., higher legal education standards, Higher Education Relevance and Quality Agency.

References

1. Anbesie Fura Gurmesssa (2018): The Role of University-Based Legal Aid Centers in Ensuring Access to Justice in Ethiopia, by Beijing Law Review, Vol.9 No.3, 2018. URL: <https://www.scirp.org/journal/paperinformation?paperid=86402> (accessed 10/10/2025).
2. Assefa Woldemariam, Getachew (2021): Legal pluralism and Clinical Legal Education in Ethiopia: The contribution of legal aid clinics in realizing access to justice, in Madhloom, O., & McFaul, H. (Eds.).
3. Ethiopian Education Development Roadmap (2018–2030) by Ministry of Education and Education Strategy Center (ESC) // URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/ethiopia_education_development_roadmap_2018–2030.pdf (access date: 10/10/2025).
4. Faguet, Jean-Paul; Khan, Qaiser; Kanth, Devarakonda Priyanka (2020): Decentralization's effect on education and health: Evidence from Ethiopia, Working Paper Series, No. 20–201, London School of Economics and Political Science (LSE), Department of International Development, London.
5. Higher Education Relevance and Quality Agency (HERQA) proclamation (351/2003) // URL: https://www.lawethiopia.com/images/federal_proclamation/proclamations_by_number/351.pdf (access date: 10.10.2025).
6. National Revised Curriculum of the LL.B Program, Prepared by the Ethiopian Law Schools' Consortium July 1, 2021 // URL: <https://www.haramaya.edu.et/col/wp-content/uploads/sites/15/2022/01/Revised-LLB-Curriculum-pdf.pdf> (access date: 10.10.2025).
7. Proclamation No. 1152–2019 Higher Education // URL: <https://ju.edu.et/wp-content/uploads/2022/11/Revised-higher-education-proclamation-1152–2019.pdf> (accessed: 10.02.2025).
8. Reda, Getachew (2001): Decentralizing and Reinvigorating Legal Education in Ethiopia. // URL: <https://ssrn.com/abstract=271394> (accessed: 10.10.2025).
9. Revised LL.B Exit Examination Guidelines by Education Strategy Center and Consortium of Ethiopian Law Schools (Final Version), March 2017 // URL: <https://chilot.wordpress.com/wp-content/uploads/2023/02/b28cc-revised-and-approved-exit-exam-guide-line-2017.pdf> (access date: 10/10/2025).
10. Standards for Law Schools in Ethiopia and Guidelines of the 2006 Legal Education Reform Program // URL: <https://files01.core.ac.uk/download/478432922.pdf> (access date: 10.10.2025).
11. Stebek, Elias N. (2019): Ethiopia's 2006 Legal Education Reform Program: Aspirations and Standards, Mizan Law Review, Vol. 13, No. 2.
12. The Comprehensive Justice System Reform Program Baseline Study Report, Ministry of Capacity Building, Justice System Reform Program Office, February 2005, pp. 199–205; // URL: <https://www.lawethiopia.com/images/studies/CILC%20Ethiopia%20D%2005–0103.pdf> (access date: 10/10/2025).
13. The Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia on December 8, 1994 adopted and promulgated by the Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia Proclamation No. 1/1995 // Federal Negarit Gazeta of the Federal Democratic Republic of Ethiopia, 1st Year No. 1, dated 21 August 1995. <https://www.ethiopianforeignpolicy.com/ethiopian-constitution-1994/> (accessed 10/10/2025).
14. Weldemariam, Alemayehu F. (2004): Legal Pluralism in Light of the Federal and State Constitutions of Ethiopia: A Critical Appraisal // URL: <https://ssrn.com/abstract=1429303> (accessed 10/10/2025).

Баланс между инновациями и защитой потребителей: Калифорнийский подход к регулированию криптовалют

Багрий Татьяна Дмитриевна,

магистр права (LL.M.) в области транснациональной деловой практики, Университет Тихого океана; бакалавр права (LL.B.), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; помощник адвоката в Gavrillov & Brooks, LLP

E-mail: tatiana.d.bagrii@gmail.com

Статья посвящена исследованию калифорнийской модели регулирования криптовалют и цифровых финансовых активов, сфокусированной на поиске оптимального соотношения между поддержкой инновационных технологий и обеспечением безопасности прав потребителей и инвесторов. Ключевой задачей исследования является оценка эффективности Закона о цифровых финансовых активах Калифорнии (DFAL) как инструмента, призванного устранить существующие пробелы в федеральном законодательстве, регулирующем крипторынок США. Исследование опирается на формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, дополненные анализом правоприменительной практики и статистических данных, касающихся преступлений в сфере криптовалют. Результаты исследования демонстрируют, что DFAL формирует многоаспектную регуляторную структуру, включающую процедуры лицензирования, требования к раскрытию информации, нормы по обеспечению резервов стейблкоинов и обязательные программы комплаенса, что приводит к значительному повышению уровня защиты потребителей. Новизна данного исследования заключается в комплексном анализе DFAL как альтернативного федеральному регулированию подхода и его сопоставлении с существующим режимом BitLicense в штате Нью-Йорк. В заключение, калифорнийская модель может служить ориентиром для дальнейшего совершенствования законодательства в области регулирования цифровых активов на территории США.

Ключевые слова: криптовалютное регулирование, цифровые финансовые активы, защита прав потребителей, лицензирование криптокомпаний, стейблкоины.

Introduction

The U.S. is considered one of the most open countries regarding cryptocurrency regulation and is one of the first countries to pass laws to regulate cryptocurrency¹. During the presidential campaign at the Bitcoin 2024 conference, Donald Trump declared his intention to make the United States the «crypto capital» of the world², to create a Crypto Council to help develop cryptocurrency regulation, and represent the interests of the community in its dealings with the government³. Within the first few months of taking office, the U.S. President signed an executive order titled «Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology» to regulate the crypto market and consider the creation of a cryptocurrency reserve⁴. The crypto market working group created by the decree is to assess the potential of such a reserve and propose criteria for its formation⁵. In addition, Trump and his wife Melania have issued their cryptocurrencies, which have racked up a billion-dollar capitalization in a matter of hours⁶.

These plans look grand and ambitious. However, the rights of cryptocurrency consumers, investors, and brokers stay unprotected in the U.S., because according to the FBI's 2023 Crypto Crime Report, the country ranks first in the world regarding the number of crypto crimes in the country. (Table 1: 2023 Country Statistics. Adapted from Federal Bureau of Investigation, Cryptocurrency Fraud Report 2023, at 10 (2024).)⁷

One of the fraud cases is the *United States v. Arcaro* case in which Bit-Connect operated a Ponzi scheme that attracted numerous investors and provided reasonable returns on investment in cryptocurrencies⁸. In 2018, the platform was closed down, and some investors, including California residents, lost their investments⁹. For this reason, the Court ordered restitution amounting to \$17,647,813¹⁰.

Are the rights of cryptocurrency consumers, investors, and brokers protected enough in the USA?

The federal level

It seems that the state prioritizes the development of innovations over the protection of user interests. Even though the U.S. has enacted laws such as the Securities Exchange Act of 1934, the Investment Company Act of 1940, the Investment Advisers Act of 1940, Anti-Money Laundering (AML) Laws, the Uniform Commercial Code, and the Bank Secrecy Act (BSA), these federal regulations are meant to protect primarily state interests, and not investors and cryptocurrency users¹¹. For example, The Bank Secrecy

¹ Team Sanction Scanner, Top 10 Crypto-Friendly Countries, Sanction Scanner, (Sept. 20, 2024), <https://www.sanctionsscanner.com/blog/top-10-crypto-friendly-countries-787>.

² Kimberlee Kruesli, Trump calls for US to be 'crypto capital of the planet' in appeal to Nashville bitcoin conference, AP, (Jul. 27, 2024), <https://apnews.com/article/donald-trump-bitcoin-cryptocurrency-stockpile-6f1314f5e99bbf47cc3ee6fc6178588d>.

³ Brooke Becher, Ellen Glover, Will the New Trump Administration Send the Crypto Industry to the Moon?, Built In, (Jan. 22, 2025), <https://builtin.com/articles/donald-trump-crypto-industry>.

⁴ Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology, the White House, (Jan. 23, 2025), <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>.

⁵ Hannah Lang & Trevor Hunnicutt, Trump orders crypto working group to draft new regulations, explore national stockpile, Reuters, (Jan. 23, 2025, 10:24 PM), <https://www.reuters.com/business/finance/trump-signs-order-create-cryptocurrency-working-group-2025-01-23/>.

⁶ Peter Hoskins & Joe Tidy, Melania Trump launches her own cryptocurrency, BBC, (Jan. 20, 2025), <https://www.bbc.com/news/articles/c98y47vrv-2jo>.

⁷ 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.

⁸ *United States v. Arcaro*, No. 21-CR-2542-TWR, (S.D. Cal. 2024).

⁹ *Id.*

¹⁰ *Id.*

¹¹ The Ever-Shifting Landscape of U.S. Crypto Regulation, O'Melveny, (Oct. 18, 2024), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/the-ever-shifting-landscape-of-us-crypto-regulation/>.

Act is meant to combat money laundering, which protects the interests of the state, as the law is aimed at preventing the legalization of proceeds of crime and the financing of terrorism, and is also aimed at protecting the economic and national security of the state¹. While the Securities Exchange Act of 1934 provides consumer protection, it does not eliminate all risks for investors. For instance, investors are still responsible for conducting their own due diligence and understanding the risks associated with their investments by themselves².

Table 1

2023 COUNTRY STATISTICS

In 2023, the IC3 received complaints with a cryptocurrency nexus from victims in over 200 countries.

TOP 20 COUNTRIES BY COMPLAINT COUNT*		TOP 20 COUNTRIES BY COMPLAINT LOSSES*	
Country	Complaints	Country	Losses
1 United States of America	57,762	1 United States of America	\$4,809,737,956
2 Canada	1,236	2 Cayman Islands	\$195,663,025
3 United Kingdom	962	3 Mexico	\$126,994,051
4 Nigeria	841	4 Canada	\$72,080,498
5 India	840	5 United Kingdom	\$59,367,008
6 Australia	537	6 India	\$44,054,244
7 Germany	444	7 Australia	\$24,747,551
8 France	374	8 Israel	\$19,606,997
9 South Africa	349	9 Germany	\$16,763,084
10 Pakistan	326	10 Nigeria	\$15,608,489
11 Brazil	323	11 Estonia	\$12,766,310
12 Turkey	303	12 South Africa	\$12,709,141
13 Japan	280	13 Singapore	\$10,644,446
14 Philippines	277	14 China	\$10,322,825
15 Mexico	257	15 Korea (Republic of)	\$10,208,414
16 Netherlands	238	16 Philippines	\$9,462,902
17 Spain	225	17 United Arab Emirates	\$9,372,704
18 Italy	222	18 Taiwan	\$8,769,391
19 United Arab Emirates	216	19 Hong Kong	\$8,730,474
20 Iran (Islamic Republic of)	213	20 Japan	\$8,528,868

*Note: This information is based on the total number of complaints from each country. Please see Appendix B for more information regarding IC3 data.

The level of states

At the local level, some states in the U.S. have begun creating local acts to regulate transactions involving digital assets to protect the rights of U.S. citizens³. For example, Texas passed a bill to organize a «workgroup on blockchain issues» to «create a master plan for the development of the blockchain industry in [Texas] and make policy recommendations and state investment suggestions regarding blockchain technology.»⁴ Moreover, in Maryland, the 2018 Maryland Financial Consumer Protection Act requires that the Financial Consumer Protection Commission study blockchain technology and cryptocurrency transactions⁵.

Regulation in California

California is one of the most open states to innovations⁶. However, of all the U.S. states, California has the highest number of consumer complaints about cryptocurrency fraud committed against them, as well as the highest number of losses. (Table 2 & Table 3: 2023 Country Statistics. Adapted from Federal Bureau of Investigation, *Cryptocurrency Fraud Report 2023*, at 8–9 (2024).)⁷

To reduce the cryptocurrency settlement offenses, on October 13, 2023, the California government signed the Digital Financial Assets Law (DFAL), which consists of Assembly Bill 39⁸ and Senate Bill 401⁹. The DFAL is set to take effect on July 1, 2026, according to AB 1934¹⁰. One of the DFAL's primary goals is to enhance protection for consumers¹¹.

¹ Will Kenton & Charles Potters, Bank Secrecy Act (BSA): Definition, Purpose, and Effects, Investopedia, (Mar. 04, 2024), https://www.investopedia.com/terms/b/bank_secrecy_act.asp.

² Securities Exchange Act of 1934, § 11, 15 U.S.C. § 77k (1934).

³ Joseph Jasperse, 50-State Review of Cryptocurrency and Blockchain Regulation, Stevens Center for Innovation in Finance, <https://stevenscenter.wharton.upenn.edu/publications-50-state-review/>.

⁴ Texas H.B. 1576, 88th Leg., R.S. (2023).

⁵ Id.

⁶ 10 ways California leads the nation, Governor Gavin Newsom, (Jul. 18, 2024), <https://www.gov.ca.gov/2024/07/18/10-ways-ca-leads-the-nation/#::~:~:text=Golden economy,,and #1 for agriculture.>

⁷ 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.

⁸ Assem. B. 39, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

⁹ S.B. 401, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

¹⁰ A.B. 1934, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

¹¹ Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.

How does California's DFAL protect the rights of customers and investors of digital assets?

DFAL provides a clear definition of cryptocurrency, allowing for direct regulation of its circulation

Unlike federal laws, which provide multiple definitions for cryptocurrencies, such as securities¹², electronic records¹³, investment contracts¹⁴, and commodities¹⁵, and apply the rules according to these qualifications, California's DFAL classifies cryptocurrency as a «Digital financial asset»¹⁶ and establishes regulations tailored to the specific nature of this classification.

Table 2

2023 OVERALL STATE STATISTICS, Continued

LOSSES BY STATE*			
State	Loss	State	Loss
1 California	\$1,155,315,595	30 Louisiana	\$32,184,662
2 Texas	\$411,914,142	31 Hawaii	\$31,800,598
3 Florida	\$390,222,375	32 New Mexico	\$26,752,361
4 New York	\$317,311,547	33 Oklahoma	\$25,031,191
5 New Jersey	\$179,431,143	34 South Dakota	\$22,983,646
6 Illinois	\$160,315,355	35 Iowa	\$21,961,344
7 Washington	\$141,756,936	36 Arkansas	\$20,100,771
8 Arizona	\$127,358,454	37 Kansas	\$20,087,852
9 Pennsylvania	\$123,530,269	38 Idaho	\$19,941,423
10 Virginia	\$122,004,080	39 Kentucky	\$16,501,731
11 Georgia	\$118,750,468	40 Puerto Rico	\$15,285,209
12 Nevada	\$115,553,999	41 Nebraska	\$14,552,697
13 Maryland	\$93,903,097	42 Delaware	\$13,708,256
14 Massachusetts	\$91,595,803	43 Mississippi	\$12,711,955
15 North Carolina	\$89,727,708	44 Rhode Island	\$10,357,335
16 Colorado	\$81,620,212	45 New Hampshire	\$10,169,760
17 Michigan	\$79,894,360	46 Alaska	\$9,291,972
18 Ohio	\$75,372,665	47 West Virginia	\$8,942,357
19 Minnesota	\$75,351,238	48 District of Columbia	\$8,339,883
20 Tennessee	\$68,133,794	49 Wyoming	\$7,353,803
21 Oregon	\$65,933,876	50 North Dakota	\$6,564,076
22 Indiana	\$60,606,356	51 Maine	\$5,946,252
23 Missouri	\$55,022,745	52 Vermont	\$4,805,229
24 Connecticut	\$52,373,549	53 United States Minor	\$661,840
25 South Carolina	\$47,139,835	54 Virgin Islands, U.S.	\$326,678
26 Alabama	\$37,646,792	55 Guam	\$55,440
27 Utah	\$36,098,268	56 American Samoa	\$26,660
28 Wisconsin	\$35,428,790	57 Northern Mariana Islands	\$8,309
29 Montana	\$33,067,773		

*Note: This information is based on the total number of complaints from each state, American Territory, and the District of Columbia when the complainant provided state information. Please see Appendix B for more information regarding IC3 data.

Table 3

2023 OVERALL STATE STATISTICS

COMPLAINTS BY STATE*			
State	Complaints	State	Complaints
1 California	9,522	30 Kentucky	427
2 Florida	5,076	31 Louisiana	420
3 Texas	4,770	32 New Mexico	374
4 New York	3,202	33 Arkansas	348
5 Washington	2,049	34 Kansas	340
6 Illinois	1,928	35 Iowa	304
7 Arizona	1,920	36 Idaho	297
8 Pennsylvania	1,773	37 Hawaii	276
9 Virginia	1,734	38 Nebraska	239
10 New Jersey	1,732	39 Mississippi	230
11 Georgia	1,590	40 Montana	220
12 North Carolina	1,466	41 New Hampshire	217
13 Maryland	1,385	42 West Virginia	213
14 Ohio	1,348	43 Maine	210
15 Colorado	1,319	44 Puerto Rico	188
16 Michigan	1,319	45 Alaska	172
17 Massachusetts	1,216	46 District of Columbia	162
18 Minnesota	976	47 Rhode Island	158
19 Tennessee	942	48 Delaware	157
20 Nevada	938	49 South Dakota	117
21 Oregon	872	50 North Dakota	103
22 Missouri	838	51 Wyoming	96
23 South Carolina	755	52 Vermont	69
24 Indiana	749	53 United States Minor Outlying	19
25 Wisconsin	707	54 Virgin Islands, U.S.	13
26 Utah	637	55 Guam	8
27 Connecticut	564	56 Northern Mariana Islands	2
28 Alabama	511	57 American Samoa	1
29 Oklahoma	488		

*Note: This information is based on the total number of complaints from each state, American Territory, and the District of Columbia when the complainant provided state information. Please see Appendix B for more information regarding IC3 data.

¹² Sec. & Exch. Comm'n v. Binance Holdings Ltd., 738 F. Supp. 3d 20 (2024).

¹³ Overview of 2022 Amendments to the Uniform Commercial Code – Emerging Technologies, Uniform Law Commission National Conference of Commissioners of Uniform State Laws, <https://flabizlaw.org/wp-content/uploads/2022/08/UCC-Art-12-Overview.pdf>.

¹⁴ SEC v. WJ Howey Co, 328 U.S. 293 (1946).

¹⁵ The Commodity Exchange Act, 7 U.S.C. § 1a(9) (2021).

¹⁶ A.B. 39, § 3102(g)(1) (Cal. 2023).

The explicit specification and regulation of cryptocurrency help to minimize uncertainty and create a sharp conception of what is being regulated¹. Such specificity not only establishes regimes of control and liability for cryptocurrency firms but also weighs protection of consumer rights against the promotion of innovation. By creating a clean regime of regulation, stakeholders can enter the space of cryptocurrency more safely, creating more vibrant marketplace².

DFAL established licensing requirements for crypto companies operating in California

U.S. federal laws such as the Securities Exchange Act of 1934³, The Investment Company Act of 1940 (ICA)⁴, and the Investment Advisers Act of 1940⁵ do not themselves contain licensing provisions, but use the term «registration» instead. But «registering» a company is not to be equated with licensing. «Registration» of a company involves its formation as a legal person⁶, and «licensing» means obtaining a permit to engage in a particular activity⁷. Legal entity can obtain a license both in addition to and simultaneously with the registration of the company, while registration is a mandatory step for the formation of a company.

California's DFAL has set aside a separate chapter dedicated to the licensing requirements of crypto companies, one of which is the ban to «engage in digital financial asset business activity, or hold itself out as being able to engage in digital financial asset business activity, with or on behalf of a resident.»⁸ In general, to obtain a license to operate in the field of digital financial assets, a company must go through a thorough procedure and provide detailed information about the company, including the description of the applicant's current and former business for five years before applying, availability of licenses in another state and State, any license revocation, availability of any judicial, arbitration, criminal, or administrative proceedings in any jurisdiction against the applicant or any other persons related to the company, initiation of all bankruptcy proceedings in any jurisdiction 10 years before the filing of the application, and sources of funds and credit, which the applicant will use to conduct business with digital financial assets⁹.

The aim of DFAL to collect such detailed information is to guarantee that only reputable and financially sound organizations function within the state, hence safeguarding consumers against possible fraud and financial losses. Licensing under the DFAL significantly enhances consumer protection and builds trust in the crypto industry through mandatory full due diligence of the company¹⁰.

DFAL requires full disclosure of activities by digital asset companies

The DFAL imposes several disclosure requirements on companies dealing with digital financial asset transactions in California, such as notice of periodic fees to be charged the applicant that will be charged, method of determining fees, information about insurance, and liability for unauthorized or erroneous transfers¹¹. Disclosures help protect investors from fraud, enable informed decision-making, and empower consumers to make informed choices about their investments and interactions with digital asset platforms¹².

DFAL establishes stablecoin regulation

¹ Arjan J. Frederiks, Silvia Costa, Boudewijn Hulst & Aard J. Groen, The early bird catches the worm: The role of regulatory uncertainty in early adoption of blockchain's cryptocurrency by fintech ventures, *Journal of Small Business Management*, (Jul. 15, 2022), <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00472778.2022.2089355>.

² Aditya Narain & Marina Moretti, The right rules could provide a safe space for innovation, *Finance and Development Magazine*, (Sep. 2022), <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>, <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>.

³ Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. § § 78a-78qq (2018).

⁴ Investment Company Act of 1940, 15 U.S.C. § § 80a-1–80a-64 (2018).

⁵ Investment Advisers Act of 1940, 15 U.S.C. § § 80b-1–80b-21 (2018).

⁶ Business Registration, Justin Welsh LLC, <https://www.justinwelsh.me/glossary/what-is-business-registration#:~:text=Business Registration is the process,with the relevant government authorities.>

⁷ Licence, Cambridge Dictionary (2025), <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/licence>.

⁸ A.B. 39, § 3201 (Cal. 2023).

⁹ A.B. 39, § 3203 (Cal. 2023).

¹⁰ Digital Financial Assets Law: California's New Legislation And Its Implications For AML Compliance, ALESSA, (Nov. 10, 2023), <https://alessa.com/blog/digital-financial-assets-law-compliance/>.

¹¹ A.B. 39, § 3501(b) (Cal. 2023).

¹² Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP & Affiliates, *Crypto Regulation: Who Will Protect Consumers Against Fraud?*, JDSUPRA, (Feb. 25, 2025), <https://www.jdsupra.com/legalnews/crypto-regulation-who-will-protect-4092492/>.

California is one the first states in the U.S. that passed specific provisions for stablecoins. The DFAL defines «stablecoin» as «a digital financial asset that is pegged to the United States dollar or another national currency and is marketed in a manner that intends to establish a reasonable expectation or belief among the general public that the instrument will retain a nominal value that is so stable as to render the nominal value effectively fixed.»¹³

Key regulatory requirements of stablecoin include: the obligation of issuers to hold adequate reserves to support the issued stablecoins. That is, for each stablecoin issued, the issuer is required to have an equal amount of fiat currency or other liquid assets in reserve. This provision is intended to guarantee that stablecoins preserve their value and are redeemable at will, thus shielding consumers from losses resulting from the issuer's bankruptcy or mismanagement¹⁴. Stablecoin regulation ensures the stability of the market and mitigates risks of possible bank runs or insolvency¹⁵.

DFAL has introduced requirements for mandatory implementation of procedures and programs by digital asset companies

Companies are required to implement programs such as an information security program and an operational security program, a business continuity program, a disaster recovery program, an antifraud program, a program to prevent money laundering, and a program to prevent funding of terrorist activity, to protect the interests of users by systematically monitoring company performance and reporting to users¹⁶.

Advantages and disadvantages of DFAL

Advantages

The DFAL has many advantages. First, the law creates transparent and understandable conditions that increase the number of registered crypto companies in California and inspire confidence among users and investors. Second, a stable regulatory environment is aimed at attracting talent and resources to California, strengthening its position as a leader in blockchain technology¹⁷. Third, the DFAL has the potential to establish a regulated market for digital assets and provide new investment channels for innovative blockchain-based applications.

Disadvantages

While the DFAL has many merits, there remain provisions that require significant revision¹⁸. The DFAL provides an excessive number of requirements for registration and for maintaining a company's operations, that need to be followed¹⁹. It could slow the entry of cryptocurrency companies into the California market and prevent consumers and brokers from transacting in digital assets. The recommendation is to combine the 3 required programs such as an antifraud program, a program to prevent money laundering, and a program to prevent funding of terrorist activity into 1 program aimed at combating financial crimes. This will allow organizations to more efficiently allocate resources and minimize the administrative burden of managing many programs. In addition, a merged program can improve risk assessment capability by providing a top-down view of potential financial crime risks.

Even though there are strict regulations ushered in by the DFAL and the limitations that are there, there is no reason to worry that corporations will opt to operate in other U.S. states. Although the DFAL has not entered into force, we can assume the possible impact of the law in California from the same legislation in Singapore, where the law has been overseeing cryptocurrency businesses and safeguarding the rights of crypto clients for decades. In Singapore, where the Securities and Futures Act (SAF) и Payment Services Act has been enacted, «Singapore's Fintech industry has proven resilient with deal numbers for the first half of 2021 (1H 2021) skyrocketing to its year on year highest in three years (since 1H 2018). A total of 72 deals worth US\$614.2 million were concluded for Singapore fintechs between January and June this year – a 22 percent increase from 59 deals in 1H 2020 and 50 percent more than the 48 deals in 1H 2019.»²⁰

¹³ A.B. 39, § 3602(b)(3) (Cal. 2023).

¹⁴ A.B. 39, § 3603(b)(2) (Cal. 2023).

¹⁵ Douglas Arner, Raphael Auer & Jon Frost, *Stablecoins: risks, potential and regulation*, Bank for International Settlements, (Nov. 2020), <https://www.bis.org/publ/work905.pdf>.

¹⁶ A.B. 39, § 3701 (Cal. 2023).

¹⁷ Cal. Exec. Order N-9-22 (May 4, 2022).

¹⁸ Jason Somensatto, *Invitation for Comments on Proposed Application-Related Rulemaking Under the Digital Financial Assets Law (PRO 02–23)*, Chainalysis, (Jan. 12, 2024), <https://dfpi.ca.gov/wp-content/uploads/sites/337/2024/02/Chainalysis-1.12.24.pdf>.

¹⁹ Erin E. Martin & Christina Włodarczyk, *California Becomes Latest State to Regulate Digital Assets*, Morgan Lewis, (Nov. 02, 2023), <https://www.morganlewis.com/pubs/2023/11/california-becomes-latest-state-to-regulate-digital-assets>.

²⁰ Singapore's Fintech industry deal volume reaches its highest in three years: KPMG Pulse of Fintech, KPMG, (Aug. 10, 2021), <https://>

Thus, as the list of advantages of this law exceeds the list of drawbacks, the DFAL has a strong chance of not only attracting cryptocurrency companies and, therefore, investments to California and the U.S. but also significantly strengthening the rights of protection of customers' and investors' rights¹.

Differences in consumer protection regulation: DFAL v. BitLicense

In 2015, New York enacted the BitLicense, which, like the DFAL, aims to regulate activities of crypto companies and protect the interests of brokers and customers in New York². California chose not to adopt the terms of this law as a basis and approached the regulation of investors' rights from a distinct perspective instead³. While the BitLicense emphasizes cybersecurity and AML programs as major aspects of customer protection, the DFAL, however, sets more stringent standards for California enterprises, such as the exertion of control over digital assets and financial protection of customers, such as requiring licensees to maintain a surety bond or trust account.

Conclusion

To conclude, the state of California has introduced the DFAL, an evolutionary model for the regulation of cryptocurrency that balances requirements for innovation and robust consumer protection. By helping fill gaps within federal regulation, DFAL propels California forward in digital asset regulation. While the law is not ideal, with some compliance requirements and possible barriers to smaller companies, its strengths in licensing, disclosure, and stablecoin regulation offer a model for other states, and indeed federal legislators. As the digital financial landscape continues to evolve, DFAL's success can assist in unlocking a more integrated and successful national regulatory framework, delivering both market stability and consumer trust.

Литература

1. Brooke Becher, Ellen Glover, Will the New Trump Administration Send the Crypto Industry to the Moon?, Built In, (Jan. 22, 2025), <https://builtin.com/articles/donald-trump-crypto-industry>.
2. Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology, the White House, (Jan. 23, 2025), <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>.
3. Hannah Lang & Trevor Hunnicutt, Trump orders crypto working group to draft new regulations, explore national stockpile, Reuters, (Jan. 23, 2025, 10:24 PM), <https://www.reuters.com/business/finance/trump-signs-order-create-cryptocurrency-working-group-2025-01-23/>.
4. Peter Hoskins & Joe Tidy, Melania Trump launches her own cryptocurrency, BBC, (Jan. 20, 2025), <https://www.bbc.com/news/articles/c98y47vrv2jo>.
5. 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.
6. United States v. Arcaro, No. 21-CR-2542-TWR, (S.D. Cal. 2024).
7. The Ever-Shifting Landscape of the U.S. Crypto Regulation, O'Melveny, (Oct. 18, 2024), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/the-ever-shifting-landscape-of-us-crypto-regulation/>.
8. Will Kenton & Charles Potters, Bank Secrecy Act (BSA): Definition, Purpose, and Effects, Investopedia, (Mar. 04, 2024), https://www.investopedia.com/terms/b/bank_secrecy_act.asp.
9. Securities Exchange Act of 1934, § 11, 15 U.S.C. § 77k (1934).
10. Joseph Jasperse, 50-State Review of Cryptocurrency and Blockchain Regulation, Stevens Center for Innovation in Finance, <https://stevenscenter.wharton.upenn.edu/publications-50-state-review/>.
11. Texas H.B. 1576, 88th Leg., R.S. (2023).
12. 10 ways California leads the nation, Governor Gavin Newsom, (Jul. 18, 2024), <https://www.gov.ca.gov/2024/07/18/10-ways-ca-leads-the-nation/#:~:text=Golden economy,,and #1 for agriculture.>
13. 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.
14. Assem. B. 39, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

kpmg.com/sg/en/home/media/press-releases/2021/08/kpmg-pulse-of-fintech-1h-2021-press-release.html.

¹ Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.

² N.Y. Dep't of Fin. Servs., BitLicense (2015).

³ Governor Newsom Vetoes the California BitLicense, Calling It Premature, O'Melveny, (Sept. 27, 2022), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/governor-newsom-vetoes-the-california-bitlicense-calling-it-premature/>.

15. S.B. 401, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).
16. A.B. 1934, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).
17. Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.
18. Sec. & Exch. Comm'n v. Binance Holdings Ltd., 738 F. Supp. 3d 20 (2024).
19. Overview of 2022 Amendments to the Uniform Commercial Code – Emerging Technologies, Uniform Law Commission National Conference of Commissioners of Uniform State Laws, <https://flabizlaw.org/wp-content/uploads/2022/08/UCC-Art-12-Overview.pdf>
20. SEC v. WJ Howey Co, 328 U.S. 293 (1946).
21. The Commodity Exchange Act, 7 U.S.C. § 1a(9) (2021).
22. A.B. 39, § 3102(g)(1) (Cal. 2023).
23. Arjan J. Frederiks, Silvia Costa, Boudewijn Hulst & Aard J. Groen, The early bird catches the worm: The role of regulatory uncertainty in early adoption of blockchain's cryptocurrency by fintech ventures, Journal of Small Business Management, (Jul. 15, 2022), <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00472778.2022.2089355>.
24. Aditya Narain & Marina Moretti, The right rules could provide a safe space for innovation, Finance and Development Magazine, (Sep. 2022), <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>, <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>.
25. Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. § § 78a-78qq (2018).
26. Investment Company Act of 1940, 15 U.S.C. § § 80a-1–80a-64 (2018).
27. Business Registration, Justin Welsh LLC, <https://www.justinwelsh.me/glossary/what-is-business-registration#:~:text=Business Registration is the process, with the relevant government authorities.>
28. Licence, Cambridge Dictionary (2025), <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/licence>.
29. A.B. 39, § 3201 (Cal. 2023).
30. Digital Financial Assets Law: California's New Legislation And Its Implications For AML Compliance, ALESSA, (Nov. 10, 2023), <https://alessa.com/blog/digital-financial-assets-law-compliance/>.
31. A.B. 39, § 3501(b) (Cal. 2023).
32. Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP & Affiliates, Crypto Regulation: Who Will Protect Consumers Against Fraud?, JDSUPRA, (Feb. 25, 2025), <https://www.jdsupra.com/legalnews/crypto-regulation-who-will-protect-4092492/>.
33. A.B. 39, § 3602(b)(3) (Cal. 2023).
34. Douglas Arner, Raphael Auer & Jon Frost, Stablecoins: risks, potential and regulation, Bank for International Settlements, (Nov. 2020), <https://www.bis.org/publ/work905.pdf>.
35. A.B. 39, § 3701 (Cal. 2023).
36. Cal. Exec. Order N-9–22 (May 4, 2022).
37. Jason Somensatto, Invitation for Comments on Proposed Application-Related Rulemaking Under the Digital Financial Assets Law (PRO 02–23), Chainalysis, (Jan. 12, 2024), <https://dfpi.ca.gov/wp-content/uploads/sites/337/2024/02/Chainalysis-1.12.24.pdf>.
38. Erin E. Martin & Christina Włodarczyk, California Becomes Latest State to Regulate Digital Assets, Morgan Lewis, (Nov. 02, 2023), <https://www.morganlewis.com/pubs/2023/11/california-becomes-latest-state-to-regulate-digital-assets>.
39. Singapore's Fintech industry deal volume reaches its highest in three years: KPMG Pulse of Fintech, KPMG, (Aug. 10, 2021), <https://kpmg.com/sg/en/home/media/press-releases/2021/08/kpmg-pulse-of-fintech-1h-2021-press-release.html>.
40. Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.
41. N.Y. Dep't of Fin. Servs., BitLicense (2015).
42. Governor Newsom Vetoes the California BitLicense, Calling It Premature, O'Melveny, (Sept. 27, 2022), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/governor-newsom-vetoes-the-california-bitlicense-calling-it-premature/>.

BALANCING INNOVATION AND CONSUMER PROTECTION: CALIFORNIA'S APPROACH TO CRYPTOCURRENCY REGULATION

Bagrii T.D.

Gavrilov&Brooks LLP, University of the Pacific, National Research University «Higher School of Economics»

This analysis explores California's regulatory strategy for cryptocurrencies and digital financial assets, striking a balance between encouraging innovation and safeguarding con-

sumers and investors. The goal is to evaluate the success of California's Digital Financial Assets Law (DFAL) in filling regulatory voids that exist at the national level within the United States. This research utilizes formal legal scrutiny, comparative legal frameworks, and a systemic perspective, alongside an assessment of enforcement procedures and statistics on cryptocurrency fraud. The investigation reveals that the DFAL establishes a comprehensive regulatory structure encompassing licensing necessities, disclosure mandates, stablecoin reserve guidelines, and compulsory compliance programs, thereby substantially enhancing consumer safeguards. This research stands out for its comprehensive assessment of the DFAL as a potential state-level regulatory framework for digital financial assets, directly contrasting it with New York's established BitLicense program. The study ultimately suggests that California's strategy could provide a blueprint for future regulations of digital financial assets, both at the state and federal levels, within the United States.

Keywords: cryptocurrency regulation, digital financial assets, consumer protection, crypto licensing, stablecoins.

References

1. Brooke Becher, Ellen Glover, Will the New Trump Administration Send the Crypto Industry to the Moon?, Built In, (Jan. 22, 2025), <https://builtin.com/articles/donald-trump-crypto-industry>.

2. Strengthening American Leadership in Digital Financial Technology, the White House, (Jan. 23, 2025), <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/strengthening-american-leadership-in-digital-financial-technology/>.

3. Hannah Lang & Trevor Hunnicutt, Trump orders crypto working group to draft new regulations, explore national stockpile, Reuters, (Jan. 23, 2025, 10:24 PM), <https://www.reuters.com/business/finance/trump-signs-order-create-cryptocurrency-working-group-2025-01-23/>.

4. Peter Hoskins & Joe Tidy, Melania Trump launches her own cryptocurrency, BBC, (Jan. 20, 2025), <https://www.bbc.com/news/articles/c98y47rvv2jo>.

5. 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.

6. United States v. Arcaro, No. 21-CR-2542-TWR, (S.D. Cal. 2024).

7. The Ever-Shifting Landscape of the U.S. Crypto Regulation, O'Melveny, (Oct. 18, 2024), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/the-ever-shifting-landscape-of-us-crypto-regulation/>.

8. Will Kenton & Charles Potters, Bank Secrecy Act (BSA): Definition, Purpose, and Effects, Investopedia, (Mar. 04, 2024), https://www.investopedia.com/terms/b/bank_secrecy_act.asp.

9. Securities Exchange Act of 1934, § 11, 15 U.S.C. § 77k (1934).

10. Joseph Jasperse, 50-State Review of Cryptocurrency and Blockchain Regulation, Stevens Center for Innovation in Finance, <https://stevenscenter.wharton.upenn.edu/publications-50-state-review/>.

11. Texas H.B. 1576, 88th Leg., R.S. (2023).

12. 10 ways California leads the nation, Governor Gavin Newsom, (Jul. 18, 2024), <https://www.gov.ca.gov/2024/07/18/10-ways-ca-leads-the-nation/#:~:text=Golden economy,, and #1 for agriculture>.

13. 2023 Cryptocurrency Fraud Report, Internet Crime Complaint Center (2023), https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3CryptocurrencyReport.pdf.

14. Assem. B. 39, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

15. S.B. 401, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

16. A.B. 1934, 2023–2024 Reg. Sess. (Cal. 2023).

17. Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.

18. Sec. & Exch. Comm'n v. Binance Holdings Ltd., 738 F. Supp. 3d 20 (2024).

19. Overview of 2022 Amendments to the Uniform Commercial Code – Emerging Technologies, Uniform Law Commission National Conference of Commissioners of Uniform State Laws, <https://flabizlaw.org/wp-content/uploads/2022/08/UCC-Art-12-Overview.pdf>

20. SEC v. WJ Howey Co, 328 U.S. 293 (1946).

21. The Commodity Exchange Act, 7 U.S.C. § 1a(9) (2021).

22. A.B. 39, § 3102(g)(1) (Cal. 2023).

23. Arjan J. Frederiks, Silvia Costa, Boudewijn Hulst & Aard J. Groen, The early bird catches the worm: The role of regulatory uncertainty in early adoption of blockchain's cryptocurrency by fintech ventures, Journal of Small Business Management, (Jul. 15, 2022), <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00472778.2022.2089355>.

24. Aditya Narain & Marina Moretti, The right rules could provide a safe space for innovation, Finance and Development Magazine, (Sep. 2022), <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>, <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Regulating-crypto-Narain-Moretti>.

25. Securities Exchange Act of 1934, 15 U.S.C. § § 78a-78qq (2018).

26. Investment Company Act of 1940, 15 U.S.C. § § 80a-1–80a-64 (2018).

27. Business Registration, Justin Welsh LLC, <https://www.justinwelsh.me/glossary/what-is-business-registration#:~:text=Business Registration is the process, with the relevant government authorities>.

28. Licence, Cambridge Dictionary (2025), <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/licence>.

29. A.B. 39, § 3201 (Cal. 2023).

30. Digital Financial Assets Law: California's New Legislation And Its Implications For AML Compliance, ALESSA, (Nov. 10, 2023), <https://alessa.com/blog/digital-financial-assets-law-compliance/>.

31. A.B. 39, § 3501(b) (Cal. 2023).

32. Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP & Affiliatos, Crypto Regulation: Who Will Protect Consumers Against Fraud?, JDSUPRA, (Feb. 25, 2025), <https://www.jdsupra.com/legalnews/crypto-regulation-who-will-protect-4092492/>.

33. A.B. 39, § 3602(b)(3) (Cal. 2023).

34. Douglas Arner, Raphael Auer & Jon Frost, Stablecoins: risks, potential and regulation, Bank for International Settlements, (Nov. 2020), <https://www.bis.org/publ/work905.pdf>.

35. A.B. 39, § 3701 (Cal. 2023).

36. Cal. Exec. Order N-9–22 (May 4, 2022).

37. Jason Somensatto, Invitation for Comments on Proposed Application-Related Rulemaking Under the Digital Financial Assets Law (PRO 02–23), Chainalysis, (Jan. 12, 2024), <https://dfpi.ca.gov/wp-content/uploads/sites/337/2024/02/Chainalysis-1.12.24.pdf>.

38. Erin E. Martin & Christina Wlodarczyk, California Becomes Latest State to Regulate Digital Assets, Morgan Lewis, (Nov. 02, 2023), <https://www.morganlewis.com/pubs/2023/11/california-becomes-latest-state-to-regulate-digital-assets>.

39. Singapore's Fintech industry deal volume reaches its highest in three years: KPMG Pulse of Fintech, KPMG, (Aug. 10, 2021), <https://kpmg.com/sg/en/home/media/press-releases/2021/08/kpmg-pulse-of-fintech-1h-2021-press-release.html>.

40. Digital Financial Assets, Department of Financial Protection and Innovation, (Dec.16, 2024), <https://dfpi.ca.gov/regulated-industries/digital-financial-assets/>.

41. N.Y. Dep't of Fin. Servs., BitLicense (2015).

42. Governor Newsom Vetoes the California BitLicense, Calling It Premature, O'Melveny, (Sept. 27, 2022), <https://www.omm.com/insights/alerts-publications/governor-newsom-vetoes-the-california-bitlicense-calling-it-premature/>.

Пушкарев Иван Сергеевич,

аспирант кафедры административного и финансового права
Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142240215@pfur.ru

В статье исследуется правовая природа Федерального трибунала административной юстиции Мексики – ключевого органа в системе разрешения административно-правовых споров. Анализируется его уникальный конституционный статус: Трибунал наделен полной автономией и функционирует вне судебной системы, что порождает дискуссии о его месте в традиционной системе разделения властей. Автор прослеживает исторические предпосылки такого положения, указывая на влияние французской и испанской правовых доктрин, где административная юстиция была отделена от судов общей юрисдикции. Рассматривается сложная структура административной юстиции в условиях мексиканского федерализма, где наряду с федеральным органом существуют независимые трибуналы на уровне штатов. Внимание уделено также компетенции Трибунала, в частности анализируется наделение Трибунала антикоррупционными функциями. Автор приходит к выводу, что правовая природа Трибунала обусловлена исторической спецификой, особенностями федеративного устройства и современными вызовами, стоящими перед государством, главным из которых является борьба с коррупцией.

Ключевые слова: Административная юстиция, Федеральный трибунал административной юстиции, право Мексики, административное право, административно-правовой спор.

Административная юстиция в Мексике является устоявшимся правовым институтом, имеющим ряд национальных особенностей. Специфическими характеристиками обладает система органов административной юстиции, центральным из которых является Федеральный трибунал административной юстиции (далее по тексту также – Трибунал).

Трибунал является конституционным органом и именно из соответствующих положений Конституции Мексики возможно выделить его ключевые характеристики, позволяющие определить его правовую природу.

В Конституции Мексики указано, что Трибунал «наделен полной автономией в вынесении решений»¹. Данная формулировка содержит в себе важнейшую характеристику Трибунала – он функционирует вне судебной системы и, следовательно, не является судом. Статья Конституции, предусматривающая создание Трибунала, находится в главе, посвященной законодательной власти, а не судебной. Особая правовая природа органа не позволила однозначно отнести его к какой-либо ветви власти, что привело к не слишком изящному, по нашему мнению, решению охарактеризовать его через наделение Конгресса (то есть законодательного органа Мексики) полномочиями по принятию закона об учреждении Трибунала и перечислению положений, подлежащих включению в данный закон.

Основной причиной отделения административной юстиции от судебной власти в Мексике автор видит специфику исторического развития мексиканского государства и права.

Административно-правовая доктрина в Латинской Америке формировалась под влиянием теоретических работ европейских правоведов либерального толка, среди которых на тот момент наиболее считались идеи, воплощенные во французском публичном праве. Также важно отметить, что Мексика, как и вся Латинская Америка, также испытала сильнейшее влияние Испании, то есть бывшей метрополии, на своё право. Испания в свою очередь восприняла именно французский опыт организации административной юстиции, где Государственный совет, отделенный от судебной системы, являлся высшим органом разрешения административных споров. Юрисдикция по административным делам была самостоятельной, специальной, отличной от юрисдикции общих судов. Сам термин «административно-спорная юрисдикция» появился в испаноязычных странах еще в XIX веке под влиянием французского административного права².

Впрочем, существует мнение, что несмотря на свою полную автономию и отсутствие в конституционном перечне органов судебной власти, орган всё же относится к судебной ветви власти³.

Полная автономия Трибунала означает независимость не только от судебной, но также и от иных ветвей власти, прежде всего исполнительной, что обеспечивает максимальную независимость Трибунала от иных государственных органов. При этом вопрос отнесения Трибунала к какой-либо ветви власти является дискуссионным. Изначально Трибунал, на момент создания известный как Фискальный трибунал Федерации, однозначно рассматривался как орган делегированного правосудия в рамках системы исполнительной власти⁴.

Некоторые авторы, например, Марко Антонио Зейнд Чавес, считают, что Трибунал должен быть наделен особым статусом автономного конституционного органа, то есть органа не относящегося к какой-либо ветви власти, чтобы обеспечить его надлежащее функционирование и полезность для мексиканского государства⁵.

¹ Art. 73 XXIX-H Constitución Política de Los Estados Unidos Mexicanos (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 5 de febrero de 1917).

² Штатина М.А. Возникновение и развитие административного права в странах Латинской Америки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 1. С. 29.

³ Armienta Calderón, Gonzalo M. El Tribunal Fiscal de la Federación. Integración orgánica al Poder Judicial e independencia jurisdiccional 139 pp 137–150

⁴ Там же

⁵ Zeind Chávez, Marco Antonio, “La autonomía constitucional de los Tribunales de Justicia Administrativa

locales”, México, Marzo de 2021, Nexos, Blog de federalismo, <https://federalismo.nexos.com.mx/2021/03/la-autonomia-constitucional-de-los-tribunales-de-justicia-administrativa-locales/>, consultado el 14 de abril de 2021

Таким образом место Трибунала в системе органов государственной власти остаётся неясным. Это обстоятельство даёт основания некоторым правоведам утверждать, что существование Трибунала нарушает сам принцип разделения властей¹. Важно отметить, что опасения по этому поводу затормозили развитие независимой административной юстиции в Мексике более, чем на 80 лет, поскольку первоначальный «Закон об административных спорах» 1853 года был признан неконституционным именно по причине нарушения принципа разделения властей².

При этом, по нашему мнению, в настоящее время дискуссия о месте трибунала в системе органов государственной власти не имеет большого практического значения, и существующий конституционный статус органа, наделённого полной автономией в принятии решений, является достаточным для осуществления эффективной деятельности.

Полагаем важным отметить, что несмотря на полную автономию Трибунала, он не является «неприкосновенным» органом. Существует механизм судебного контроля за решениями Трибунала и его решения могут быть обжалованы в Окружные коллегияльные суды (то есть суды общей юрисдикции апелляционной инстанции) путем специфической процедуры конституционного контроля ампаро³. Наличие судебного контроля за решениями Трибунала является важным с точки зрения интеграции органа в государственную систему сдержек и противовесов, а также недопустимости отсутствия внешнего контроля за его деятельностью.

В Конституции Мексики указывается, что Трибунал «отвечает за разрешение споров, возникающих между федеральной государственной администрацией и частными лицами»⁴, что позволяет вывести его вторую существенную характеристику: в компетенции Трибунала находятся лишь споры, стороной которых является федеральная администрация.

Федеральный трибунал административной юстиции имеет внутреннюю структуру, в которой среди прочего выделяются региональные палаты, подсудность которых ограничена определенной территорией. Однако Мексика является федеративным государством, где параллельно с региональными палатами Трибунала функционируют органы административной юстиции штатов и города Мехико, компетенция которых распространяется, соответственно на оспаривание решений органов соответствующего штата и его муниципалитетов, например, Трибунал административной юстиции штата Табаско не вправе рассматривать иски против актов или решений органов власти, не являющихся органами власти штата Табаско и его муниципалитетов, а также против актов или решений органов власти штата Табаско, если они действуют в качестве федеральных органов власти⁵.

Федеральный трибунал административной юстиции и его структурные единицы, а также соответствующие органы штатов Мексики и города Мехико не формируют единую систему и обладают различной компетенцией, что демонстрирует высокий уровень развития федерализма в национальном праве Мексики.

Третьей сущностной характеристикой трибунала является его компетенция. Толчком к созданию отдельной системы административной юстиции в Мексике стала неэффективность рассмотрения налоговых споров в судах общей юрисдикции⁶. На момент создания в 1936 г. Трибунал был органом исключительно налоговой юстиции, которая, безусловно, является подвидом административной юстиции и назывался, соответственно, Фискальным трибуналом федерации. Однако в дальнейшем Трибунал стал рассматривать и иные административно-правовые споры, что послужило причиной его реорганизации сначала в Федеральный трибунал фискальной и административной юстиции и наконец в Федеральный трибунал административной юстиции. В настоящее время, как ранее было сказано, Трибунал полномочен разрешать споры, возникающие между федеральной государственной администрацией и частными лицами. В результате конституционных поправок 2015 года Трибунал приобрел новую сущностную характе-

ристику — Трибунал стал антикоррупционным органом. Трибунал был включен в Национальную антикоррупционную систему органов и был наделен полномочиями по привлечению государственных служащих к административной ответственности за серьезные коррупционные правонарушения, а также получил право требовать от ответственных лиц выплаты компенсаций и денежных штрафов, возникающих в связи с ущербом нанесенным федеральной государственной казне или активам федеральных государственных органов.

Таким образом Трибунал перестал быть исключительно органом по разрешению административных споров, но также получил полномочия по преследованию государственных служащих за коррупционные правонарушения. Рассмотрение значительных коррупционных правонарушений в порядке административного, а не уголовного судопроизводства является яркой специфической чертой мексиканского права, которая вызывает непонимание с точки зрения российских правовых ценностей, а также обладает сомнительной эффективностью, поскольку с момента наделения Трибунала указанными полномочиями уровень восприятия коррупции в Мексике существенно ухудшился⁷.

Представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Федеральный трибунал административной юстиции по своей природе является независимым юрисдикционным органом, не входящим в судебную систему, по рассмотрению административно-правовых споров между федеральной публичной администрацией и частными лицами. При этом место органа в системе органов государственной власти остаётся неясным.

2. В Мексике функционируют независимые системы административной юстиции на уровне федерации и её субъектов. Федеральный трибунал административной юстиции не образует единую систему с органами административной юстиции штатов Мексики и города Мехико и не рассматривает споры, стороной которых являются их органы власти, а также органы власти муниципалитетов.

3. Федеральный трибунал административной юстиции также является антикоррупционным органом, уполномоченным привлекать к ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения.

Выделенные особенности, характеризующие правовую природу Трибунала, по нашему мнению, обусловлены исторической спецификой (в частности влиянием идей французских учёных-правоведов), особенностями политического устройства государства, в рамках которого субъекты федерации наделены весьма широкой автономией, а также современными вызовами, стоящими перед государством, одним из которых является высокий уровень коррупции.

Литература

1. Constitución Política de Los Estados Unidos Mexicanos (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 5 de febrero de 1917).
2. Ley de amparo (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 2 de abril de 2013)
3. Ley Orgánica del Tribunal Federal de Justicia Administrativa (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 18 de julio de 2016).
4. Ley de Justicia Administrativa del Estado de Tabasco (publicada en el Periódico Oficial del Estado de Tabasco el 15 de julio de 2017).
5. Штатина, М.А. Возникновение и развитие административного права в странах Латинской Америки / М.А. Штатина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 1.
6. Armienta Calderón, G.M. El Tribunal Fiscal de la Federación. Integración orgánica al Poder Judicial e independencia jurisdiccional / G.M. Armienta Calderón. — P. 137–150.
7. Lucero Espinosa, M. Teoría y práctica del contencioso administrativo federal / M. Lucero Espinosa. — 10-е изд. — México: Ed. Porrúa, 2008. — P. 25–26. —
8. Margáin Manautou, E. De lo contencioso administrativo: de anulacion o de ilegitimidad / E. Margáin Manautou. — 12-е изд. — México: Editorial Porrúa, 2004. — P. 67–70.
9. Zeind Chávez, M.A. La autonomía constitucional de los Tribunales de Justicia Administrativa locales [Электронный ресурс] / M.A. Zeind Chávez // Nexos, Blog de federalismo. — 2021. — URL: <https://federalismo.nexos.com.mx/2021/03/la-autonomia-constitucional-de-los-tribunales-de-justicia-administrativa-locales/> (дата обращения: 10.11.2025).
10. Corruption Perceptions Index 2024 [Электронный ресурс] // Transparency.org. — 2025. — (дата обращения: 19.03.2025). — URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ Corruption Perceptions Index 2024 [Электронный ресурс] // Transparency.org. — 2025. — (дата обращения: 19.03.2025). — URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (дата обращения: 10.11.2025).

¹ Margáin Manautou, Emilio; De lo contencioso administrativo: de anulacion o de ilegitimidad; Decimosegunda Edición; Editorial Porrúa, México, 2004; p. 67

² Lucero Espinosa, Manuel; Teoría y práctica del contencioso administrativo federal; Décima edición; Ed. Porrúa, México, 2008; ISBN 970-07-6737-X; p. 25

³ Art. 34 Ley de Amparo, Reglamentaria de los Artículos 103 y 107 de la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos

⁴ Art. 73 XXIX-H Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos

⁵ Art. 40 Ley de Justicia Administrativa del Estado de Tabasco

⁶ Margáin Manautou, Emilio; De lo contencioso administrativo: de anulacion o de ilegitimidad; Decimosegunda Edición; Editorial Porrúa, México, 2004; p. 68.

THE LEGAL NATURE OF THE FEDERAL TRIBUNAL OF ADMINISTRATIVE JUSTICE OF MEXICO

Pushkarev I.S.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the legal nature of the Federal Tribunal of Administrative Justice of Mexico, a key body in the system of resolving administrative legal disputes. Its unique constitutional status is analyzed: the Tribunal is endowed with full autonomy and operates outside the judicial system, which gives rise to discussions regarding its place in the traditional system of separation of powers. The author traces the historical prerequisites for this situation, pointing out the influence of French and Spanish legal doctrines, where administrative justice was separated from courts of general jurisdiction. The complex structure of administrative justice under the conditions of Mexican federalism is considered, where independent tribunals exist at the state level alongside the federal body. Attention is also paid to the competence of the Tribunal; in particular, the vesting of the Tribunal with anti-corruption functions is analyzed. The author concludes that the legal nature of the Tribunal is conditioned by historical specifics, the features of the federal structure, and modern challenges facing the state, the main one being the fight against corruption.

Keywords: Administrative justice, Federal Tribunal of Administrative Justice, Mexican law, administrative law, administrative legal dispute.

References

1. Constitución Política de Los Estados Unidos Mexicanos (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 5 de febrero de 1917).
2. Ley de amparo (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 2 de abril de 2013)
3. Ley Orgánica del Tribunal Federal de Justicia Administrativa (publicada en el Diario Oficial de la Federación el 18 de julio de 2016).
4. Ley de Justicia Administrativa del Estado de Tabasco (publicada en el Periódico Oficial del Estado de Tabasco el 15 de julio de 2017).
5. Shtatina, M.A. The Emergence and Development of Administrative Law in Latin American Countries / M.A. Shtatina // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. – 2000. – No. 1.
6. Armienta Calderón, G.M. The Federal Fiscal Tribunal. Judicial Organizational Integration and Jurisdictional Independence / G.M. Armienta Calderón. – P. 137–150.
7. Lucero Espinosa, M. Theory and Practice of Federal Administrative Content / M. Lucero Espinosa. – 10th ed. – Mexico: Ed. Porrúa, 2008. – P. 25–26. —
8. Margáin Manautou, E. De lo contencioso administrativo: de anulación o de ilegitimidad / E. Margáin Manautou. – 12th ed. – Mexico: Editorial Porrúa, 2004. – P. 67–70.
9. Zeind Chávez, M.A. La autonomía constitucional de los Tribunales de Justicia Administrativa locales [Electronic resource] / M.A. Zeind Chávez // Nexos, Blog de federalismo. – 2021. – URL: <https://federalismo.nexos.com.mx/2021/03/laautonomia-constitucional-de-los-tribunales-de-justicia-administrativa-locales/> (date of access: 10.11.2025).
10. Corruption Perceptions Index 2024 [Electronic resource] // Transparency.org. – 2025. – (date of access: 19.03.2025). – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (date of access: 10.11.2025).

Савушкин Дмитрий Алексеевич,

преподаватель, кафедра международного права, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: savushkin.2001@list.ru

В статье анализируются виды налоговых оговорок (*tax carve-out clauses*) в международных инвестиционных соглашениях как инструмента защиты фискального суверенитета государств. Выделяются три основных вида оговорок: общие исключения, полностью выводящие налогообложение из сферы действия договора; целевые исключения, ограничивающие применение отдельных стандартов защиты инвестиций (режима наибольшего благоприятствования в отношении налоговых соглашений и понятия косвенной экспроприации); а также многоуровневые исключения, устанавливающие общий запрет на применение ДИД к налоговым мерам с четкими исключениями для дискриминационных мер или нарушений СИДН. Особое внимание уделено практической ценности классификации для оценки налоговых рисков инвесторами и поиску баланса между фискальным суверенитетом государств и защитой прав инвесторов.

Ключевые слова: налоговые оговорки, международные инвестиционные соглашения, фискальный суверенитет, косвенная экспроприация, общие исключения, целевые исключения, многоуровневые исключения.

Для защиты своей фискальной автономии от потенциальных исков иностранных инвесторов государства активно используют специальный договорный инструментарий, включаемый в международные инвестиционные соглашения, в том числе в двусторонние инвестиционные договоры (далее – ДИД). Эти инструменты защиты налогового суверенитета получили название налоговых оговорок (*tax carve-out clauses*) [8, p.2].

Анализ договорной практики позволяет выделить несколько основных видов таких оговорок.

Во-первых, это общие исключения, содержащиеся в одном из положений соответствующего договора и полностью охватывающие все вопросы налогообложения [7]. Такой подход, по общему правилу, ограничивает применимость международного договора к вопросам налогообложения [6].

Во-вторых, распространены целевые исключения [7], предусматривающие исключение из сферы действия договора только определенных стандартов или конкретных аспектов налогообложения. Наибольшую популярность среди них получили две разновидности. Одна из них – исключение из предусмотренного соответствующим договором режима наибольшего благоприятствования преимуществ, предоставляемых по соглашениям об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) или иным налоговым договоренностям. Подобная оговорка, встречающаяся, например, в подавляющем большинстве современных двухсторонних инвестиционных договоров (далее – ДИД), заключенных Россией [10, 11, 12], Китаем [1], Канадой [2] и рядом других стран, призвана предотвратить ситуацию, при которой инвестор из страны – партнера по ДИД мог бы требовать предоставления ему льгот или преференций, предусмотренных СИДН, заключенным принимающим государством с третьей страной. В то же время существует практика отражения в регуляторных подходах приоритета СИДН над ДИД при коллизии содержащихся в них норм. Многие ДИД содержат положения о том, что они не затрагивают права и обязанности сторон по СИДН, но в то же время устанавливают, что в случае несоответствия между ними, положения СИДН имеют преимущественную силу [3]. Таким образом, данный вид оговорок, по сути, отражает правило *lex specialis*, устанавливая приоритет СИДН как специального договора по вопросам налогообложения.

Другая распространенная целевая оговорка направлена на уточнение понятия косвенной экспроприации применительно к налогам. Такие положения прямо указывают, что введение или изменение налогов само по себе не может рассматриваться как экспроприация, если мера не носит дискриминационного характера, не является произвольной, чрезмерно обременительной или не нарушает конкретные гарантии, предоставленные инвестору. Примером может служить позиция Правительства РФ: «к экспроприации не должны относиться меры, связанные с установлением и взиманием налогов и сборов при условии, что эти налоги и сборы не являются произвольными и не предусматривают дифференцированной ставки в зависимости от происхождения инвестора или капитала» [9].

В-третьих, в договорной практике используются многоуровневые исключения [7]. Классическим примером служит ст. 21 Договора к Энергетической хартии [5]. Эти сложные конструкции устанавливают общее правило о неприменимости положений ДИД к налоговым мерам, но предусматривают из этого правила четкие исключения – например, для случаев нарушения положений СИДН, для явно дискриминационных налоговых мер, а также для случаев, когда меры государства приводят к существенному изменению существующего налогового режима [4]. Такой подход отражает стремление найти более тонкий баланс между защитой фискального суверенитета государств и обеспечением минимальных гарантий прав инвесторов от злоупотреблений.

Рассмотренная выше классификация обладает высокой практической ценностью, поскольку позволяет иностранным инвесторам оценивать налоговые риски для своих капиталовложений, а также прогнозировать результаты возможных разрешений споров с государством, принимающим инвестицию.

Таким образом, существующие налоговые исключения в международных инвестиционных соглашениях классифицируются на 3 вида: общие исключения (договор не применяется к вопросам налогообложения), целевые исключения (договор применяется к вопросам налогообложения, за исключением определенных стандартов) и мно-

гоуровневые исключения (договор не применяется к вопросам налогообложения, но распространяется на определённые меры). В зависимости от интересов государств, положения о налогах в таких международных договорах отражают либо стремление государств защититься от возможных претензий инвесторов, сразу ограничивая применимость договора к вопросам налогообложения, либо свидетельствуют о более сбалансированном подходе, позволяющем инвесторам доказывать наличие одного или нескольких условий, позволяющих применять налоговые положения международного инвестиционного договора.

Литература

1. Agreement between the government of the Republic of Turkey and the government of the people's Republic of China concerning the reciprocal promotion and protection of investments. 2015 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6085/download> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Agreement between Canada and Mongolia for the promotion and protection of investments. 2016 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5373/download> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Canada Model Foreign Investment Promotion and Protection Agreement (FIPA). Art. 11. // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6341/download> (дата обращения: 25.10.2025).
4. Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA). Art. 28.7. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/canada/eu-canada-agreement/ceta-chapter-chapter_en (дата обращения: 10.11.2025).
5. Energy Charter Treaty // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2427/download> (дата обращения: 10.11.2025).
6. India – United Arab Emirates BIT. 2013 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/8492/download> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Tarrasova C., Rajan A., Vocaj X. Taxation-Related ISDS // Global Arbitration Review. URL: <https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-energy-arbitrations/sixth-edition/article/taxation-related-isds> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Uribe D., Montes M.F. Building a Mirage: The Effectiveness of Tax Carve-out Provisions in International Investment Agreements // Investment policy brief. 2019. No. 14. P. 1–11.
9. Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102071479&backlink=1&&nd=102412234> (дата обращения: 25.10.2025).
10. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Южно-Африканской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 23 ноября 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 9. С. 31–37.
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 23 декабря 2015 г. // Бюллетень международных договоров. 2017. № 7. С. 50–56.

12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 26 января 2012 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 3. С. 144–150.

TYPES OF TAX CLAUSES IN INTERNATIONAL INVESTMENT AGREEMENTS

Savushkin D.A.
Saratov State Law Academy

The article analyzes the types of tax clauses (tax carve-out clauses) in international investment agreements as a tool for protecting the fiscal sovereignty of states. Three main types of clauses are distinguished: general exceptions that completely remove taxation from the scope of the treaty; targeted exceptions that limit the application of certain investment protection standards (most-favored-nation treatment with respect to tax treaties and the concept of indirect expropriation); as well as multi-level exceptions that establish a general prohibition on the application of BITs to tax measures with clear exceptions for discriminatory measures or violations of DTAs. Special attention is paid to the practical value of the classification for assessing tax risks by investors and finding a balance between the fiscal sovereignty of states and the protection of investors' rights.

Keywords: tax carve-out clauses, international investment agreements, fiscal sovereignty, indirect expropriation, general exceptions, targeted exceptions, multi-level exceptions.

References

1. Agreement between the government of the Republic of Turkey and the government of the people's Republic of China concerning the reciprocal promotion and protection of investments. 2015 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6085/download> (accessed: 10.11.2025).
2. Agreement between Canada and Mongolia for the promotion and protection of investments. 2016 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5373/download> (accessed: 10.11.2025).
3. Canada Model Foreign Investment Promotion and Protection Agreement (FIPA). Art. 11. // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6341/download> (accessed: 25.10.2025).
4. Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA). Art. 28.7. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/canada/eu-canada-agreement/ceta-chapter-chapter_en (accessed: 10.11.2025).
5. Energy Charter Treaty // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2427/download> (accessed: 10.11.2025).
6. India – United Arab Emirates BIT. 2013 // UNCTAD. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/8492/download> (accessed: 10.11.2025).
7. Tarrasova C., Rajan A., Vocaj X. Taxation-Related ISDS // Global Arbitration Review. URL: <https://globalarbitrationreview.com/guide/the-guide-energy-arbitrations/sixth-edition/article/taxation-related-isds> (accessed: 10.11.2025).
8. Uribe D., Montes M.F. Building a Mirage: The Effectiveness of Tax Carve-out Provisions in International Investment Agreements // Investment policy brief. 2019. No. 14. P. 1–11.
9. Decree of the Government of the Russian Federation of September 30, 2016 No. 992 «On the Conclusion of International Treaties of the Russian Federation on the Promotion and Protection of Investments» // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102071479&backlink=1&&nd=102412234> (accessed: 25.10.2025).
10. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of South Africa on the Promotion and Mutual Protection of Capital Investments of November 23, 1998 // Bulletin of International Treaties. 2001. No. 9. P. 31–37.
11. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Islamic Republic of Iran on the Promotion and Mutual Protection of Capital Investments of December 23, 2015 // Bulletin of International Treaties. 2017. No. 7. P. 50–56.
12. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Nicaragua on the Promotion and Mutual Protection of Capital Investments of January 26, 2012 // Bulletin of International Treaties. 2014. No. 3. P. 144–150.

Федченков Александр Вячеславович,

аспирант, кафедра международного права, ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: a.fedchenkov@ya.ru

Шайхутдинова Гульнара Раифовна,

доктор юридических наук, профессор, кафедра
международного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
E-mail: gulnara.shajhutdinova@kpfu.ru

Статья посвящена комплексному анализу международных стандартов деятельности адвоката и их влиянию на национальные правовые системы. Отмечается, что историческая эволюция адвокатуры в различных странах демонстрирует устойчивость ключевых профессиональных ценностей – независимости, конфиденциальности и недопустимости вмешательства государства в адвокатскую практику. В работе прослеживается формирование ведущих моделей организации адвокатуры в Европе, включая Италию, Испанию, Швейцарию, Германию, Англию и Францию, что позволяет выявить общие закономерности институционализации профессии. Особое внимание уделено международным документам, закрепляющим стандарты профессиональной деятельности: Основным положениям о роли адвокатов 1990 г., Общему кодексу правил для адвокатов стран Европейского сообщества, международным договорам в сфере прав человека. Анализируются пробелы российского законодательства, в частности отсутствие механизмов имплементации международных норм в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». Автор обращает внимание на необходимость гармонизации национальных стандартов с международными, включая усиление гарантий конфиденциальности, обеспечение своевременного доступа к защитнику и предотвращение конфликта интересов. Делается вывод о том, что международные стандарты образуют целостную систему требований, направленную на повышение эффективности правовой помощи и укрепление доверия к институту адвокатуры.

Ключевые слова: стандарты деятельности, адвокат, национальная правовая система, особенности, постримский период

Изучение международных стандартов, регулирующих деятельность адвоката, выявляет правовое и институциональное явление удивительной сложности, в котором пересекаются долгая история судебных институтов, современная эволюция процессуальных гарантий и постепенное формирование транснационального нормативного пространства. Юридическая профессия, корни которой уходят в одну из древнейших правовых традиций, на протяжении веков утвердилась как важный игрок в балансе сил, реализации верховенства закона и защите индивидуальных свобод. Тем не менее, несмотря на это универсальное призвание, конкретные структуры организации были вдохновлены политическими структурами, правовыми культурами и историческим опытом, характерными для каждой страны. Гетерогенность национальных моделей – будь то итальянские учёные, испанские гильдии, швейцарские обычаи, английские гибридные формы или французские парламентские институты – свидетельствует о разнообразии способов, которыми профессия достигла своей автономии.

Однако по мере усиления международной торговли возникла новая динамика: стремление к гармонизации профессиональных стандартов. Международные инструменты, принятые со второй половины XX века – декларации, пакты, минимальные правила, кодексы поведения и рекомендации – как правило, определяют общий набор основных гарантий: независимость коллегии, защиту профессиональной тайны, эффективный доступ к адвокату, требования компетентности и усердия, а также этическую ответственность. Формирование этих стандартов является результатом двойного движения: с одной стороны, растущего осознания центральной роли юриста в защите основных прав; с другой стороны, необходимости адаптации национальных правовых систем к международному пространству, где практики должны вести диалог, сближаться и иногда координироваться.

В этом контексте анализ международных норм, касающихся деятельности юриста, имеет особое значение для правовых систем постсоветских государств, нормативная традиция которых характеризуется сильной централизацией государства и неполными институциональными трансформациями. Вопрос о прямой или косвенной интеграции этих стандартов в национальное право поднимает крупные теоретические вопросы: соотношение суверенитета и универсальности, нормативный статус международных документов с необязательным охватом и совместимость национальных моделей с транснациональными требованиями.

Цель данного исследования – выявить согласованность, объём и ограничения международных стандартов, применимых к юридической профессии, проанализировать их концептуальную структуру и проанализировать их восприятие – или отсутствие восприятия – в современном законодательстве. Таким образом, речь идёт о понимании того, как через эти нормы сама природа юридической профессии постепенно преобразуется, и она вынуждена выйти за пределы территориальной рамки и взять на себя неразрывно юридический, институциональный и общественный проект.

Как учреждение с одной из древнейших юридических традиций, адвокатура тесно связана с эволюцией юридического образования, укреплением государственных структур и историческими и культурными особенностями страны, в которой она практикуется. Эта взаимозависимость объясняет разнообразие форм организации профессиональной практики: каждое государство постепенно выработало свою собственную модель, сформированную его социальной и нормативной средой. Однако на протяжении веков и за пределами национальных границ определённые миссии оставались универсальными: гарантия независимости юристов перед лицом внешнего давления, ограничение вмешательства государственных органов в профессиональную практику, обеспечение неприкосновенности профессиональной тайны и внедрение эффективных механизмов для сохранения её уважения. Конкретные способы достижения этих целей всегда определялись историческими реалиями каждого общества.

Первые итальянские адвокаты послеримской эпохи связаны с *ломбардинским гиусперити*. У них не было монополии на юридическую помощь: другим юристам разрешалось консультировать и представлять интересы сторон в процессе. Тем не менее, приоритет принадлежал адвокатам, обладавшим степенью доктора права – престиж, напрямую связанный с ростом итальянских университетов, чья деятельность соответствовала интеллектуальным требованиям своего вре-

мени. Первый закон об адвокатуре в Королевстве Италия – Закон № 1938 от 8 июня 1874 года, дополненный Постановлением от 27 июля 1874 года.

В Испании, уже в XIII веке, существовало две категории практиков: юрисконсульты (*legistas*) и адвокаты (*abogados*). С XIV века последние были структурированы в профессиональное сообщество. Принятие в 1732 году стандартного устава для коллегий адвокатов национальным конгрессом стало важным шагом в институционализации профессии. В 1838 году обязательное членство в коллегии стало обязательным условием для практики. Между XVI и XVIII веками современное понятие «адвоката» сформировалось, получив чётко определённые функции и сильное социальное признание.

До XVIII века Швейцария оставалась глубоко укоренённой в традиции германского обычного права, характеризующейся устным характером процессов, отсутствием профессиональных судей и использованием мирских судов (*Laiengerichte*). Юридическую помощь затем оказывал Рихтер-Фюрспрехер, судья-ходатай, который парадоксально сочетал функции защитника и магистрата в одном деле. Создание адвокатских гильдий ещё не отвечало социальной необходимости. Доступ к профессии оставался ограничен представителями знати или местной элиты, а представители из более скромных слоёв общества имели право выступать только перед нижестоящими судами, что подпитывало их имидж «второсортных адвокатов» в общественном мнении [5].

Первые упоминания, свидетельствующие о существовании функции, сопоставимой с должностью адвоката на германской территории, относятся к VI веку и встречаются в ломбардском и вестготском законодательстве. В течение веков профессиональная организация почти не менялась: в контексте Священной Римской империи до конца XVI-II века сосуществовало множество практиков – комиссары юстиции, юристы, составители норм, прокуроры – что отражало значительный терминологический и функциональный плюрализм. Это распространение закончилось с принятием в 1879 году *Rechtsanwaltsordnung* – единого устава юриста, который отменил все предыдущие определения. Этот фундаментальный текст, неоднократно изменённый, оставался в силе до принятия в 1959 году нового закона, регулирующего юридические профессии. Немецкая история также свидетельствует о попытках национализировать профессию: в 1780 году Фридрих II Прусский упразднил фигуру независимого юриста в пользу Ассистенцрате, ассимилировавшей с государственными служащими. Выделяется одна постоянная черта, характерная для Италии, Швейцарии и Германии: с XVI века значение прокуроров и судебных приставов постепенно снижалось, а престиж адвоката рос.

В Англии структура юридической профессии стала возможной только после окончательного создания Королевского суда в Вестминстере. Право присваивать титул барристера было зарезервировано для четырёх влиятельных корпораций: *Inns of Court: Gray's Inn, Lincoln's Inn, Middle Temple and Inner Temple*. Эти учреждения на протяжении веков обучали судей и юристов, и с XV века стали почти единственным путём к высшим судебным должностям. В то же время развивался институт солиситоров, результат постепенного слияния нескольких профессиональных категорий: юристов в юрисдикциях общего права, солиситоров в судах канцелярии, прокуроров в церковных судах, писцов и старших клерков до конца XVIII века. Судебная реформа 1873 года объединила эти профессии – за исключением барристеров – под названием солиситор Верховного суда. Упадок бывших гостиниц Канцелярии проложил путь к появлению Юридического общества, которое стало центральным представительным органом профессии.

Во Франции традиционно считается, что первые адвокаты происходили из духовенства, как предполагают различные соборные каноны. Апогеем профессии стало создание Парижского парламента – высшей юрисдикции королевства, который обеспечивал юристам структурированную организацию и двойное признание – государственное и социальное. С начала XIV века были заложены институциональные основы. Между XIV и XVI веками было принято почти пятьдесят правил, регулирующих профессиональную практику. До XIV века единственным требованием было ежегодное обновление присяги. Впоследствии была введена обязательная регистрация в специализированных регистрах, а в конце XVI века – обязанность практической или подготовительной подготовки [4].

Французская прокуратура, в свою очередь, представляла особенности, тесно связанные с юридическим дуализмом королевства. В южных провинциях, управляемых римским правом, представительство в суде – включая церковные суды – допускалось с большой свободой, поскольку каноническое право постепенно адаптировалось к римско-правовым принципам. Напротив, в северных регионах, подчинённых обычаям, принцип личного присутствия строго соблюдался. Это структурное разделение между юристами и прокурорами сохранялось

до принятия закона от 31 декабря 1971 года, который объединил обе профессии и установил единство защиты и представительства в суде.

В настоящее время кажется вполне обоснованным утверждать, что юридическая профессия переживает фазу изменений, которая ведёт её к межтерриториальной стадии развития. Эта трансформация проявляется, в частности, в появлении специализированных международных институтов и в развитии транснационального корпуса норм, направленных на гармонизацию профессиональных стандартов.

Именно с этой целью в 1947 году была основана Международная ассоциация юристов. Ключевые цели программы включают: (а) содействие обмену информацией и практиками между профессиональными сообществами по всему миру; (б) решительную защиту независимости профессии и судебной власти, а также предотвращение любого внешнего вмешательства в их функционирование; (с) гарантии эффективной защиты прав и прерогатив юристов при исполнении их обязанностей [8].

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. представляет собой первый международный документ, закрепивший право на получение юридической помощи (ст. 11 предоставляет человеку право на защиту при судебном разбирательстве) [6].

Право каждого при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения защищать себя лично или посредством назначенного ему защитника обеспечивается Международным пактом о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года [6].

На сегодняшний день международное юридическое сообщество разработало значительный набор нормативных документов, посвящённых профессиональной деятельности юриста. Среди наиболее значимых текстов – *Основные положения о роли адвокатов*, принятые на VIII Конгрессе ООН в 1990 году; *Стандартные минимальные правила ООН по управлению ювенальной юстицией* (Пекинские правила, 1985); *Стандартные минимальные правила обращения с заключёнными*, принятые на Первом конгрессе ООН по предотвращению преступности в 1955 году; *Стандарты независимости юридической профессии*, утверждённые в 1990 году Международной ассоциацией юристов; а также *Кодекс поведения юристов Европейского сообщества*, принятый в 1988 году. Соответствующие нормативные элементы также встречаются в актах, направленных против других судебных лиц, таких как *Кодекс поведения для сотрудников правоохранительных органов* (1979), *Основные принципы независимости судебной власти* (1985) и *Декларация принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью* (1985).

Всё больше международных документов, таким образом, прямо или косвенно затрагивают вопрос статуса юриста. Возложенные на них задачи отражают публичные интересы, присущие обществу в целом. «Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества», принятый в 1988 году, подчёркивает, что в государстве, управляемом верховенством права, профессия занимает уникальное положение – её обязанности выходят за рамки строгого выполнения юридических задач и включают защиту основных принципов правового порядка, а также защиту прав и интересов представленных лиц.

Рекомендация R (2000) 21 Комитета министров Совета Европы о свободе осуществления профессии юриста подчеркивает решающую роль юристов и их организаций в продвижении и гарантии прав человека и основных свобод. Основные положения о роли адвокатов, принятые в 1990 году на восьмом Конгрессе ООН по предотвращению преступности, возлагают на профессиональные организации адвокатов обязанность информировать общественность о своих законных правах и обязанностях.

Все эти нормативные акты можно классифицировать в зависимости от характера правового источника, устанавливающего международный стандарт, применимый к статусу и практике юристов:

1. Международные договоры (Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., «Основные положения о роли адвокатов» 1990 г., и т.д.) [7].

2. Акты международных конференций и совещаний («Стандарты независимости юридической профессии» 1990 г., и т.д.).

В зависимости от объекта регулирования международные документы о статусе адвоката можно разделить на три группы:

1) регламентирующие организационно-правовые основы деятельности адвокатуры («Основные положения о роли адвокатов» 1990 г., «Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества» 1988 г., и т.д.);

2) регламентирующие процессуальные основы деятельности адвоката («Международный пакт о гражданских и политических правах» 1966 г., «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 г., и т.д.);

3) о роли юристов в обществе («Стандарты независимости юридической профессии международной ассоциации юристов» 1990 г., и т.д.).

Несмотря на существование значительного набора международных стандартов, регулирующих статус и деятельность юристов, ни Федеральный акт от 31 мая 2002 года «О профессии адвоката и адвокатуры в Российской Федерации», ни Кодекс этики, принятый на Первом Всероссийском съезде юристов 2003 года, не содержат явных положений о интеграции или переносе этих стандартов в национальную профессиональную практику.

Анализ разнообразия концептуальных инструментов, направленных на гармонизацию профессиональной практики, показывает, что многие из них имеют строго региональный характер и ограничены профессией в данной географической области. Более того, большинство этих актов имеют рекомендательный объем: их рассмотрение при разработке национальных стандартов является исключительно суверенной волей каждого государства.

Как справедливо отмечает А.В. Рагулин, каждая страна сохраняет свои традиции и специфику в области обороны, формируемые структурой судебной системы, организацией государственных органов и структурой правового порядка. Однако существует общее ядро фундаментальных принципов, которые в любом государстве, основанном на верховенстве закона, должны обладать эквивалентной нормативной ценностью [2]. Некоторые из этих принципов были прямо закреплены в Европейском сообществе и являются обязательными для всех государств-членов при пересмотре своих внутренних стандартов с целью содействия гармонизации права и согласованному развитию общего нормативного порядка.

Анализ, предложенный А.Г. Кучерена, подчеркивает особую необходимость такой гармонизации для государств СНГ. По его словам, российский законодательство об организации судебной системы действует вне международных стандартов: Российская Федерация не ратифицировала несколько основных документов, а её судебная система остаётся изолированной с территориальной и концептуальной точки зрения и фактически оторвана от общепризнанных принципов и правил [1].

Е.В. Рябцева рассматривает международные стандарты, регулирующие юридическую профессию, как структурированный набор требований, установленных инструментами международного права. Эти требования связаны с уровнем профессиональной квалификации и качеством предоставляемой юридической помощи. Их основная цель – создать условия для выполнения юристами своих функций с максимальной эффективностью, обеспечивая при этом защиту, соответствующую ожиданиям мирового юридического сообщества [3].

Из вышеуказанного определения можно выделить несколько основных характеристик международных стандартов, применимых к профессиональной практике юристов.

Их содержание представляет собой структурированный набор требований, включающий два отдельных направления:

1. *Требования к квалификации* в основном касаются уровня подготовки и практического опыта, необходимого для получения статуса юриста. Они также включают личные критерии, такие как несовместимость между функцией адвоката и определёнными государственными должностями, в частности магистратом.

2. *Требования, связанные с качеством юридических услуг* непосредственно связаны с деятельностью по консультированию и представлению и должны соответствовать как общим принципам, применимым ко всем юридическим услугам, так и конкретным обязательствам, вытекающим из каждой области вмешательства.

Стандарты основаны на инструментах международного права, которые могут иметь общий характер – охватывающие различные аспекты общественной жизни – или специализированного характера, где они касаются более конкретного предоставления юридических услуг юристами. Подробный анализ этих текстов будет представлен позже.

Основная цель законодательного регулирования – повысить эффективность правовой помощи, в частности в защите основных прав и законных интересов личности.

Таким образом, международные стандарты профессиональной деятельности юристов представляют собой согласованную систему правил, принципов и требований, направленных на организацию профессии и гарантию полной и эффективной защиты прав и свобод.

Особое внимание следует уделять Кодексу этики адвоката. Статья 1 данного текста определяет, что юрист может руководствоваться стандартами *Кодекса поведения юристов стран Европейского сообщества*, при условии, что они не противоречат национальному законодательству о профессии. Однако эта ссылка остаётся исключительно необязательной и касается только международного документа, иг-

норируя многие другие нормативные источники, касающиеся статуса юристов.

Статья 2.3 Европейского кодекса закрепляет один из фундаментальных принципов профессии: конфиденциальность. Пункт 2.3.4 возлагает на адвоката обязанность обеспечивать, чтобы его соавторы, а также любое лицо, вовлечённое в юридическую службу, строго соблюдали предоставленную ему секретность. Статья 6 Кодекса этики России распространяет обязанность хранения секретности на ассистентов, стажёров и других сотрудников юридических структур.

Однако европейская формулировка обеспечивает значительно усиленную защиту интересов клиента благодаря двум элементам: расширению круга лиц, связанных секретностью, чтобы включать любого лица, вовлечённого в дело; явное возложение на адвоката обязанности контролировать соблюдение конфиденциальности.

Поэтому было бы оправдано внести поправки в статью 7 Федерального закона «О юридической профессии», включив обязанность юриста требовать конфиденциальности любого лица, оказывающего сотрудничество, чтобы гарантировать более полную защиту полученной информации.

Статья 11 Российского кодекса запрещает адвокатам представлять интересы нескольких сторон, чьи интересы противоположны, кроме как для содействия их примирению. Статья 3.2 Европейского кодекса идёт дальше: она требует, чтобы любое вмешательство прекращалось не только в случае реального конфликта, но и при угрозе конфиденциальности или независимости адвоката. Кроме того, он запрещает принимать нового клиента, если это может скомпрометировать информацию, доверенную ему бывшим клиентом, или дать необоснованное преимущество новому клиенту.

Таким образом, Европейский кодекс устанавливает гораздо более строгий режим защиты профессиональной тайны, запрещая любой потенциальный риск нарушения конфиденциальности и полностью сохраняя доверительные отношения между адвокатом и истцом. Такой подход должен быть интегрирован в национальное законодательство для укрепления независимости профессии и гарантии секретности.

Примечательно, что ни один международный документ не допускает возможности для клиента освободить адвоката от обязанности хранить секретность. Однако статья 6, § 3 Российского кодекса, предусматривает этот вариант, актуальность которого вызывает вопросы. Такое положение открывает путь к возможным злоупотреблениям и ослабляет защиту личности. В демократическом государстве, основанном на верховенстве закона, профессиональная тайна должна быть защищена в полной мере.

Пункт 7 *Основных принципов о роли юристов* также заслуживает внимания: он требует от штатов обеспечить оперативный доступ к адвокату – не позднее 48 часов после ареста или задержания, с официальным обвинением или без него. Такое правило является особенно эффективным инструментом защиты прав личности. Однако российское законодательство не предусматривает эквивалента; Статью 47 Уголовно-процессуального кодекса следует дополнить словами «не позднее 48 часов с момента ареста».

Наконец, статья 5.4 Европейского кодекса вводит понятие «вознаграждение за рекомендацию», то есть право юриста получить рассмотрение в обмен на связь или рекомендацию. Хотя это не обязательно, оно не влияет на корпоративную сплочённость и может помочь поддержать молодых юристов в начале их карьеры.

Анализ международных стандартов, применимых к профессии адвоката, выявляет нормативную динамику, которая одновременно прогрессивна и структурирует, отражая уникальное место защиты в архитектуре верховенства права. Благодаря разнообразию анализируемых инструментов – конвенции, рекомендации, минимальные правила, кодексы этики и руководящие принципы – формируется обновлённое представление о роли адвоката как незаменимого гаранта институционального баланса и защитника основных свобод. Требования, касающиеся профессиональной квалификации, качества юридической помощи, конфиденциальности и независимости, отражают нормативный переход к универсальной модели профессии, где техническая компетентность не может быть отделена от этической ответственности.

Однако эта универсализация не стирает ни историческое разнообразие юридических традиций, ни национальных особенностей, которые продолжают формировать профессиональные практики. Пример европейских стран показывает, что институционализация профессии адвоката происходила дифференцированно, в зависимости от культурных, политических и судебных конфигураций, специфичных для каждого общества. Однако появление транснационального корпуса норм позволило выявить ядро общих принципов, которые теперь считаются необходимыми для любой юридической профессии, достойной этого названия: независимость, лояльность, профессиональная тайна,

отсутствие конфликта интересов, быстрый доступ к консультациям, защита достоинства личности.

Исследование также выявляет значительное расхождение между международными стандартами и национальным внедрением. В некоторых государствах, особенно в постсоветском пространстве, восприятие этих стандартов остаётся фрагментарным, иногда чисто декларативным. Отсутствие нормативных механизмов для их эффективной интеграции ставит под вопрос степень приверженности защите основных прав. Эта ситуация иллюстрирует необходимость тесного диалога между законодателями, профессиональными институтами и международными организациями для преодоления сопротивления, унаследованного от моделей централизованного государства, и укрепления правовой культуры адвокатской деятельности.

Таким образом, сегодня профессия адвоката находится на перекрёстке двух направлений: с одной стороны, утверждения своей универсальной принадлежности во всё более взаимосвязанном правовом пространстве; с другой стороны, сохранения национальных рамок, которые до сих пор определяют её структуру и практику. Консолидация международных стандартов – решающий шаг к гармонизации правовых систем и усилению защиты прав человека. Однако это требует адаптации внутреннего законодательства и институциональной ответственности самой профессии, которая должна оставаться одним из незаменимых столпов правосудия и верховенства закона.

Литература

1. Кучерена, А.Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России: моногр. – М.: Юркомпани, 2009.
2. Рагулин А.В. Регламентация профессиональных прав адвоката-защитника, обеспечение их реализации и охраны по законодательству государств Восточной Европы // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1 (1). – С. 61–69.
3. Рябцева Е.В. Международно-правовой стандарт адвокатской деятельности // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 4 (5). – С. 32–45.
4. Федченков А.В. Международные стандарты адвокатской деятельности //Международный научный вестник. – 2024. – № . 7. – С. 27–31.
5. Шакиров Т.Р. Международные стандарты независимости и подотчетности адвокатов //Евразийская адвокатура. – 2013. – № . 6 (7). – С. 18–25.
6. Human Rights: Sat. international treaties. – New York: UN, 1978.

7. IBAHRI Council Resolutions http://www.ibanet.org/About_the_IBA/IBA_resolutions.aspx (дата обращения: 10.12.2025)

8. International Bar Association http://www.ibanet.org/About_the_IBA/About_the_IBA.aspx (дата обращения: 10.12.2025)

INTERNATIONAL STANDARDS FOR ADVOCATES

Fedchenkov A.V., Shaykhutdinova G.R.
Kazan (Volga Region) Federal University

This article provides a comprehensive analysis of international standards for advocates and their impact on national legal systems. It is noted that the historical evolution of the legal profession in various countries demonstrates the stability of key professional values— independence, confidentiality, and the inadmissibility of state interference in legal practice. The paper traces the development of leading models of advocacy organization in Europe, including Italy, Spain, Switzerland, Germany, England, and France, revealing common patterns in the institutionalization of the profession. Particular attention is paid to international documents codifying professional standards: the 1990 Fundamental Provisions on the Role of Advocates, the General Code of Practice for Advocates in the European Community, and international human rights treaties. Gaps in Russian legislation are analyzed, particularly the lack of mechanisms for implementing international norms in the Federal Law “On Advocacy and the Bar.” The author draws attention to the need to harmonize national standards with international ones, including strengthening confidentiality guarantees, ensuring timely access to legal counsel, and preventing conflicts of interest. It is concluded that international standards form a coherent system of requirements aimed at improving the effectiveness of legal assistance and strengthening trust in the institution of the legal profession.

Keywords: standards of practice, lawyer, national legal system, characteristics, post-Roman period

References

1. Kucherena, A.G. The Bar in the Context of Judicial and Legal Reform in Russia: monograph. – Moscow: Yurkompani, 2009.
2. Ragulin, A.V. Regulation of the Professional Rights of a Defense Attorney, Ensuring Their Implementation and Protection under the Legislation of Eastern European States // Eurasian Advocacy. – 2012. – No. 1 (1). – Pp. 61–69.
3. Ryabtseva, E.V. International Legal Standards of Advocacy // Eurasian Advocacy. – 2013. – No. 4 (5). – Pp. 32–45.
4. Fedchenkov, A.V. International Standards of Advocacy // International Scientific Bulletin. – 2024. – No. 7. – Pp. 27–31.
5. Shakirov, T. R., “International Standards of Independence and Accountability of Lawyers,” Eurasian Advocacy Journal, 2013, No. 6 (7), Pp. 18–25.
6. Human Rights: Sat. international treaties. New York: UN, 1978.
7. IBAHRI Council Resolutions, http://www.ibanet.org/About_the_IBA/IBA_resolutions.aspx (accessed: 10.12.2025)
8. International Bar Association, http://www.ibanet.org/About_the_IBA/About_the_IBA.aspx (accessed: 10.12.2025)

Становление и развитие международных стандартов права на приватность

Дудченко Оксана Сергеевна,

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры истории
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный
университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: oksana-dudchenko@rambler.ru

Кандыба Александр Анатольевич,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение инклюзивного высшего
образования «Российский государственный университет
социальных технологий»
E-mail: a.kandyba@gmail.com

Статья посвящена исследованию генезиса и эволюции международных стандартов права на приватность (частную жизнь). В работе анализируются различные теоретические подходы к пониманию права на частную жизнь, распространенные в зарубежной юридической науке. Автор прослеживает формирование данного права в ключевых международно-правовых документах – от Всеобщей декларации прав человека до современных конвенций. Анализируется динамика развития содержания этого права: от защиты от произвольного вмешательства к признанию автономии личности и контролю над персональными данными в цифровую эпоху. Особое внимание уделено роли Европейского Суда по правам человека и национальных юрисдикций в конкретизации стандартов. Делается вывод о постоянном расширении и адаптации международных норм о приватности в ответ на новые технологические и социальные вызовы.

Ключевые слова: право на приватность; конфиденциальность; международный акт; международные стандарты прав человека; защита персональных данных.

С давних пор личные данные человека, включая его имя и другие подробности частной жизни, играли ключевую роль в формировании его индивидуальности и места в обществе. Поэтому защита частной жизни, или приватности, считается одной из важнейших ценностей в системе прав человека. Это связано с тем, что информация о человеке, не будучи раскрытой без его согласия, способствует его самоидентификации, созданию чувства безопасности и возможности свободно развиваться, не опасаясь несанкционированного вмешательства в личную жизнь. Отсутствие такой защиты может привести к дискриминации, преследованиям и другим нарушениям прав человека. Таким образом, право на приватность не просто удобство, а фундаментальное право, обеспечивающее целостность личности и её полноценное функционирование в обществе. Считается, что приватность утвердилась еще в эпоху возникновения первых цивилизаций [1, с. 33]. Правовая сущность частной жизни была предметом исследования в рамках отдельных публикаций на монографическом, диссертационном уровнях представителями теоретико-правовых, отраслевых юридических наук и международного права [2–4].

Собственно, как правовой институт, регулирующий защиту неприкосновенности частной жизни, приватность впервые была закреплена в англо-саксонской правовой системе, где она определяется как термин «прайвеси» (англ. privacy – частное дело, тайна, уединенность).

Считается, что впервые юридическое определение приватности и исследования персональных данных как юридической категории было сформировано в США и связано с именами американских ученых Сэмюэля Уоррена и Луиса Брендайса. В научной статье «Право на конфиденциальность» 1890 г., опубликованном в журнале «Гарвардский обзор права», юристы С. Уоррен и Л. Брендайс исследовали действующий ли в то время закон, разрешающий должным образом обеспечить защиту приватности информации о личности. Ученые отметили, что интенсивность и сложность жизни, способствовали продвижению цивилизации, и человек, под изысканным влиянием культуры, стал более чувствительным к публичности, поэтому одиночество и приватность более важны для личности. Авторы справедливо отметили: «Обычное право закрепляет за каждым человеком право определить, как правило, в какой степени ее мысли, чувства и эмоции должны быть переданы другим» [5].

Весомую роль в формировании концепции защиты приватности в США имела прецедентная практика американских судов, в частности одним из наиболее знаковых дел является *Olmstead v. U.S.* (1928 г.). Это дело известно, поскольку касается решения вопроса о перехвате разговоров, однако большую заинтересованность вызывает не само решение в деле, а особое мнение судьи Верховного Суда Л. Брендайса. Рассматривая вопросы вмешательства в частную жизнь государственными учреждениями, судья Л. Брендайс, не соглашаясь с решением суда, отметил: «... право лица быть оставленным в покое есть наиболее всеобъемлющим по правам человека и является право, которое наиболее ценится цивилизованными людьми. Чтобы защитить это право, каждое неоправданное вмешательство правительства в личную жизнь человека, не зависимо от использованных средств, следует считать нарушением...» [6].

Таким образом, учитывая особенности судебной системы и применение прецедента как источника права в США, принято считать, что именно в 1928 г. впервые состоялось юридическое закрепление такого понятия как право на приватность, которое впоследствии было развито в судебных решениях. Впрочем, с развитием общественных отношений объем информации о личности постоянно увеличивался, а концепция приватности, которую описали С. Уоррен и Л. Брендайс в научной статье 1890 г. и которая была разработана в отдельном мнении судьи Л. Брендайса по делу *Olmstead v. U.S.*, приобретала все большую актуальность. С целью систематизации и более четкого определения нового права на приватность, возникшего из деликтного права, американский юрист В. Проссер в работе 1960 г. отметил, что гарантирование частной жизни обусловлены четырьмя разными видами вмешательств. Не претендуя на точное определение и признавая существо-

вание путаницы и противоречия в развитии законодательства о защите приватности, В. Проссер все же предложил классификацию четырех деликтов в сфере приватности: 1) вмешательство в право лица на уединение или в его частные дела; 2) публичное разглашение неудобных, частных фактов о личности; 3) гласность, освещающая личность в ложном свете в глазах общественности; 4) присвоение имени или облика лица в корыстных целях [7, с. 389].

Разнообразие существующих концепций приватности в американской правовой системе дает возможность осуществить условную классификацию подходов по ее определению, рассматривая конфиденциальность как: 1) совокупность имущественных прав и права на телесную неприкосновенность (Дж. Томсон); 2) право быть оставленным в покое (С. Уоррен, Л. Брендайс); 3) контроль за персональной информацией (А. Вестин, В. Перент, Р. Мерфи); 4) индивидуальное достоинство и целостность, личную автономию и независимость (Э. Дж. Блустейн); 5) интимность и близость в общении и межличностных отношениях (Ч. Фрид, Р. Герштейн, Дж. Иеннесс, Т. Джерети, Дж. Рейчелс); 6) ограниченный доступ к личности (С. Бок, Р. Гависон, А. Г. Аллен, А. Мур); 7) секретность информации (Р. Поснер, А. Этцион) [8].

Определяя границы приватности, исследователи Д. Банисар и С. Дэвис выделяют следующие ее составляющие: 1) информационная приватность, предусматривающая установление правил, которые регулируют сбор и обработку персональных данных, таких как кредитная информация и медицинские записи; 2) телесная приватность, касающаяся защиты телесной неприкосновенности лица от принудительных процедур, таких как тестирование на наркотики и осмотр полостей тела; 3) приватность коммуникаций, касающаяся безопасности и конфиденциальности почты, телефонного общения, электронной почты и других видов связи; 4) территориальная приватность, касающаяся установления правовых ограничений по семейному вмешательству в сферу и другое окружение личности, в частности, рабочее место или общественные места [9, с. 6]. Таким образом, в американской правовой системе именно информационная приватность рассматривается как право на защиту персональных данных в современном понимании, поскольку касается правил, регулирующих обработку персональных данных.

Что касается развития приватности в европейском контексте, то, как отмечает исследователь С. Стромхольм, право на приватность, хотя является преимущественно американской концепцией, однако в странах континентальной Европы приватность развивалась прежде все в правовых системах таких стран, как Франция (труды ученых Перро и Нерсона, которые в конце XIX ст. развивали концепцию «права личности» (англ. rights of the personality), включающую право на изображение и имя, право на конфиденциальность переписки и право на защиту информации о личной жизни) и Германия (работы учёных Гарейза, который в 1877 г. впервые обосновал концепцию «права личности», которая включает право личности организовывать свою жизнь, как ему нравится, право на имя человека и право на честь, а также работы Кохлера и Гирка, которые в 1895 г. развили эту концепцию, как включающую права человека на жизнь, свободу, честь, социальное положение, свободную деятельность, коммерческую сферу деятельности, имя и право использовать знаки, составляя часть общего права лица на признание его как личности) [10, с. 27–30].

В европейской правовой традиции защита личной жизни является формой защиты права на честь и личное достоинство. Следовательно, основой европейского понимания права на приватность есть право на собственный образ, имя и репутацию, а также то, что немецкие ученые называют правом на информационное самоопределение – правом контролировать виды информации, распространяющиеся о личности. Это тесно связанные формы основного права на приватность, предусматривающие право лица контролировать публичную информацию о ней в разрешенном таким лицом объеме и право на защиту от нежелательной публичной огласки, смущения или унижения [11, с. 1161].

Разница между концепцией приватности в американской и европейской плоскостях обусловлена подходом к пониманию самой сути приватности – американская концепция приватности рассматривается как свобода человека, в которую государство не может вмешиваться (отрицательная свобода), одновременно европейская концепция направлена на защиту чести и достоинства личности (положительная свобода). Другое отличие состоит в том, что в США основным источником защиты личной жизни является деликтное законодательство, тогда как в Европе приватность прежде всего рассматривается как конституционная гарантия. Впрочем, эти различия условны и должны рассматриваться сквозь призму исторического развития – европейские страны на конституционном уровне признают права граждан на защиту от произвольного вмешательства правительства в право на уважение личной и семейной жизни, неприкосновенность жилья и тайну кор-

респонденции, в то время как в США право на приватность возникла из судебных прецедентов.

В то же время в международном праве защиту приватности связывают с признанием и закреплением в международных договорах права на защиту личной жизни как одного из основополагающих прав человека. Стоить отметить, что впервые на международном уровне право на уважение личной жизни было закреплено в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая гарантировала, что никто не может испытывать своевольного вмешательства в личную и семейную жизнь, посягательство на неприкосновенность жилья, тайну корреспонденции или на честь и репутацию личности, одновременно устанавливая право каждого на защиту от такого вмешательства [12]. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН) как резолюция (рекомендательный характер), Всеобщая декларация прав человека 1948 г. формально не является юридически обязательным документом. Однако именно на основе ее положений и с целью дальнейшего развития основополагающих прав были приняты многочисленные международно-правовые документы по правам человека как универсального, так и регионального уровня.

Дальнейшее закрепление на универсальном уровне права на приватность нашло отображение в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП) согласно которой каждый имеет право на защиту личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилья и тайну корреспонденции, а также его чести и достоинства не только от произвольных, но и незаконных посягательств [13]. Для дальнейшего контроля за реализацией прав, гарантированных МПГПП, был создан Комитет по правам человека, который является одним из важнейших договорных органов контроля в сфере прав человека на универсальном уровне.

Следует отметить, что ст. 17 МПГПП хотя и закрепляет право на уважение личной и семейной жизни в его традиционном понимании, однако не содержит явной ссылки на гарантии защиты персональных данных человека. В 1988 году Комитет по правам человека в Общем комментарии № 16: Статья 17 (Право на конфиденциальность) Право на уважение к личной жизни, семье, жилью и корреспонденции, а также защиты чести и репутации объяснил, что ст. 17 МПГПП распространяется и на защиту персональных данных. В документе указывается, что «...Что касается термина «семья», то назначение Пакта требует, чтобы для целей статьи 17 это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника. Слова «home» в английском, «manzel» в арабском, «zhuzhai» в китайском, «domicile» во французском, «жилище» в русском и «domicilio» в испанском текстах, употребленные в статье 17 Пакта, должны пониматься как термины, указывающие то место, в котором человек проживает или занимается своими обычными делами. В этой связи Комитет предлагает государствам раскрывать в своих докладах смысл, который их общество вкладывает в понятия «семья» и «жилище»» [14].

В то же время Комитет по правам человека отметил важность соблюдения ряда современных принципов защиты данных, в частности, введение правового регулирования сбора, обработки и хранения персональных данных, внедрение эффективных мер обеспечения безопасности данных, гарантирование права на доступ, исправление и удаление данных [15].

Кроме того, Комитет по правам человека, рассматривая вопросы соблюдения государствами ст. 17 МПГПП, придерживался указанного подхода и вынес ряд решений, относящихся к защите персональных данных. Например, нарушение права на приватность в контексте защиты персональных данных было обнаружено по делу Sayadi and Vinck v. Belgium, касающееся незаконного распространения персональных данных двух заявителей, а именно в связи с внесением их имен и контактных данных в список Санкционного комитета ООН, который был в свободном доступе в Интернете [16]. В отношении Сайади и Винк вначале было возбуждено уголовное дело в Бельгии. Через два месяца именно это государство передало имена заявителей в санкционный комитет, и 23 января 2003 года супруги были внесены в «чёрный список». В результате на Сайади и Винк были наложены ограничения в виде запрета на выезд за рубеж, а также арестованы их счета. При этом заявителям так и не был предоставлен доступ к информации, которая легла в основу включения их фамилий в санкционный список. В 2005 году в связи с тем, что вплоть до 2004 года супругам так и не было предъявлено обвинение, они обратились в бельгийский суд, который удовлетворил их требование, обязав правительство инициировать процедуру исключения имён заявителей из списка. Во исполнение данного решения в 2005 году Бельгия обратилась в санкционный комитет, но безрезультатно. После трёх лет расследования 19 декабря 2005 года уголовное дело в отношении Сайади и Винк было прекра-

щено бельгийским судом. 10 января 2006 года Бельгия повторно обратилась в санкционный комитет с запросом об исключении заявителей из списка, но на момент вынесения Комитетом по правам человека решений этот запрос так и продолжал оставаться на рассмотрении санкционного комитета [17, с. 74–75].

Как отмечает В. Н. Русинова, в этом деле представляет интерес поведение Бельгии: с одной стороны, правительство, выполняя резолюцию Совета Безопасности ООН, направило имена заявителей в санкционный комитет, не дожидаясь результатов уголовного расследования. С другой стороны, обвинения Сайади и Винк за полтора года расследования так и не были предъявлены, уголовное дело было закрыто, а Бельгия дважды пыталась инициировать исключение заявителей из санкционного списка, так же дважды не получая поддержки со стороны Комитета [17, с. 75].

Кроме того, по делу *Andrea Vandom v. Republic of Korea* был рассмотрен вопрос защиты данных относительно ВИЧ положительного статуса заявительницы, что относится к категории так называемых чувствительных персональных данных, при оформлении ею как иностранцем рабочей визы. Итак, Комитет по правам человека подчеркнул, что обязательная политика тестирования на ВИЧ и наркотики в отношении иностранцев не только была дискриминационной, но и составляла своевольное и необоснованное вмешательство в право на личную жизнь, поскольку: 1) от заявительницы требовали раскрытия своего ВИЧ положительного статуса (т.е. информации, что относится к чувствительным данным) государству-ответчику; 2) органы государства-ответчика оказывали давление на заявительницу с целью прохождения такого тестирования и угрожали отменой визы, если она не выполнит требования; 3) такие тесты составляли личный осмотр заявительницы [18]. Как свидетельствует практика Комитета по правам человека, ст. 17 МПГПП, которая гарантирует право на приватность, распространяется и на правоотношения, связанные с защитой персональных данных.

Однако закрепление права на приватность в основных международных договорах по правам человека не имело своим прямым следствием признание и урегулирование защиты персональных данных. Для устранения разногласий, существовавших в национальных законах, и в целях гармонизации положений в сфере защиты персональных данных в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) были разработаны Руководящие принципы защиты права на приватность и трансграничные потоки персональных данных, одобренных Рекомендацией Совета ОЭСР от 23 сентября 1980 г. (далее – Руководящие принципы ОЭСР). Принципы, названные в данном документе, характеризуются четкостью и гибкостью применения, поскольку сформулированы таким образом, чтобы обеспечить их приспособление к технологическим и информационным изменениям [19]. Таким образом, Руководящие принципы ОЭСР стали первым согласованным на международном уровне инструментом рекомендательного характера, закрепившим положения, направленные на гармонизацию принципов использования персональных данных в национальном и международном праве. Стоит отметить, что Руководящие принципы ОЭСР были обновлены в 2013 году с целью усовершенствования подходов ОЭСР во многих важных аспектах, среди прочего, концепции национальной стратегии приватности, программ управления приватностью и сообщения о нарушении безопасности данных, а также усиление сотрудничества и взаимодействия в области охраны правопорядка.

В то же время с целью гармонизации правового регулирования защиты персональных данных Генеральная Ассамблея ООН также приняла Руководящие принципы по регулированию компьютеризированных файлов персональных данных, утвержденных Резолюцией ГА ООН 45/95 от 14 декабря 1990 г. (далее – Руководящие принципы ООН), содержащие основные рекомендации для национальных органов по принципам защиты персональных данных [20]. Впрочем, Руководящие принципы ООН не признаются международным сообществом как универсальные международные стандарты, поскольку являются слишком общими и рассчитаны на применение к персональным данным, хранящимся правительственными международными организациями, включая органы самой ООН, и не распространяются на вопросы трансграничной передачи данных. Следовательно, Руководящие принципы ООН, как и Руководящие принципы ОЭСР, в основном, имеют значение как основание для принятия других актов в сфере защиты персональных данных, поскольку они являются актами рекомендательного характера. Таким образом, эти рекомендательные нормы являются обобщенным изложением основных принципов автоматизированной обработки персональных данных, а следовательно, способствуют унификации норм в сфере защиты персональных данных.

Начиная с 2013 года ГА ООН приняла еще несколько резолюций относительно приватности в эпоху цифровых технологий в ответ на развитие новых технологий. В вышеупомянутых резолюциях были

осуждены практики массового наблюдения и призваны государства принять меры по защите права на личную жизнь, среди прочего, в контексте цифровых коммуникаций, включая пересмотр законодательства по массовому наблюдению, перехвату коммуникаций и сбору персональных данных [21; 22].

В то же время пересмотренный в 2016 году проект Резолюции отмечал не только необходимости ограничения полномочий государственных органов, но и ответственности частного сектора по сбору, использованию, распространению и сохранению персональных секторов данных, а также введение прозрачной политики обработки данных, а пересмотрен в 2020 году проект Резолюции – на важности приватности с учетом технологии искусственного интеллекта или машинного обучения, несущих риски дискриминации [23; 24]. Все же заметим, что на уровне ООН вопрос защиты персональных данных рассматривается только как аспект права на личную жизнь и нормы по защите данных приняты в рамках деятельности ООН не являются обязательными.

Что касается защиты приватности на региональном уровне, то в рамках деятельности Совета Европы право на личную жизнь было детализировано в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), гарантирующей право на уважение к личной и семейной жизни в части 1 статьи 8. В то же время часть 2 статьи 8 ЕКПЧ регламентирует исключительные случаи вмешательства в уважение к личной жизни, что могут быть осуществлены по закону и в случаях, необходимых в демократическом обществе в интересах национальной и общественной безопасности или экономического благополучия государства, с целью предотвращения беспорядков и преступлений, для защиты здоровья или морали или в целях защиты прав других людей [25].

Право на приватность и защиту персональных данных закреплено также и в других международно-правовых актах в области прав человека, в частности, ст. 18 Каирской декларации по правам человека в исламе 1990 г., ст. 9 Африканской хартии о правах и благополучии ребенка 1990 г., ст. 16 и 21 Арабской хартии прав человека в 2004 г., ст. 21 Декларации прав человека Ассоциации стран Юго-Восточной Азии. В то же время принципы защиты приватности и персональных данных изложены в Системе норм о приватности Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, которые хотя и не являются юридически обязательными, все же подробно регламентируют основные принципы защиты персональных данных в рамках деятельности государств Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Таиланда, США, Канады.

Таким образом, вышеупомянутые международно-правовые акты обобщили основы защиты личной жизни человека. Однако, как видно из содержания, в частности, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, ст. 17 МПГПП и ст. 8 ЕКПЧ, право на защиту персональных данных не было прямо определено в этих международных документах. К тому же нормы универсальных международных договоров содержали достаточно общее определение права на личную жизнь, а региональные договоры, хотя и более четко определяли пределы вмешательства в это право, но не детализировали отдельные аспекты конфиденциальности. В научной литературе отмечается, что международно-правовое закрепление права на личную жизнь наиболее полноценно воплощено в общем международном праве и региональных международных договорах.

Литература

1. Ляпунов Б.А. Приватность личности: понятие, сущность и правовая природа // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99) февраль. С. 33–42.
2. Пикуров Н.И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография / Н.И. Пикуров. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 207 с.
3. Головкин Р.Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России: монография / Р.Б. Головкин; Владимир: ВЮИ Минюста России, 2004. 380 с.
4. Авдеев Д.А. Правовое регулирование отношений, связанных с цифровизацией частной жизни: диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., специальность 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки. Владимир, 2024. 202 с.
5. Warren S. D., Brandeis L.D. The Right to Privacy. *Harvard Law Review*. 1890. Vol. 4. № 5. P. 193–220. URL: <https://doi.org/10.2307/1321160> (дата обращения 01.12.2025)
6. Decision of Supreme Court of the United States of 04.06.1928 in *Olmstead v. U.S.* URL: <https://www.loc.gov/item/usrep277438/> (дата обращения 01.12.2025)
7. Prosser W.L. Privacy. *California Law Review*. Vol. 48 No. 3. P. 383–423. URL: <https://doi.org/10.2307/3478805> (дата обращения 01.12.2025)

8. DeCew J. Privacy. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by Edward N. Zalta. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/privacy/> (дата обращения 01.12.2025)
9. Banisar D., Davies S. Global Trends in Privacy Protection: An International Survey of Privacy, Data Protection, and Surveillance Laws and Developments. UIC John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 1999. Vol. 18 № 1. P. 1–112. URL: <https://repository.law.uic.edu/jitpl/vol18/iss1/1/> (дата обращения 01.12.2025)
10. Strömholm S. Right of privacy and rights of the personality: a comparative survey. Stockholm, P.A. Norstedt & Soners Förlag, 1967. 246 p. URL: <https://www.icj.org/wpcontent/uploads/1967/06/right-to-privacy-working-paper-publication-1967-eng.pdf> (дата обращения 01.12.2025)
11. Whitman J.Q. The Two Western Cultures of Privacy: Dignity versus Liberty. Yale Law Journal. 2004. Vol. 113. P. 1151–1221. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1647&context=fss_papers (дата обращения 01.12.2025)
12. Universal Declaration of Human Rights of 10.12.1948. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения 01.12.2025)
13. International Covenant on Civil and Political Rights of 16.12.1966. URL: https://treaties.un.org/doc/treaties/1976/03/19760323%2006-17%20am/ch_iv_04.pdf (дата обращения 01.12.2025)
14. Замечание общего порядка 16. Статья 17 (Тридцать вторая сессия, 1988 год). URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom16.html> (дата обращения 01.12.2025)
15. UN Human Rights Committee. CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy), The Right to Respect of Privacy, Family, Home and Correspondence, and Protection of Honour and Reputation of 08.04.1988. URL: <https://www.refworld.org/docid/453883f922.html> (дата обращения 01.12.2025)
16. Decision of Human Rights Committee in Sayadi and Vinck v. Belgium of 22.10.2008, Comm. 1472/2006, CCPR/C/94/D/1472/2006. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/1477> (дата обращения 01.12.2025)
17. Рушинова В.Н. Доступность до Совета Безопасности ООН: санкционные списки и обязательства государств по защите прав человека в решениях международных судебных и квазисудебных органов // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 68–84. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2020/08/Рушинова-В.-Доступность-до-Совета-Безопасности-ООН.pdf> (дата обращения 01.12.2025)
18. Decision of Human Rights Committee in Andrea Vandom v. Republic of Korea of 12.07.2018, Comm. 2273/2013, CCPR/C/123/D/2273/2013. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/2496> (дата обращения 01.12.2025)
19. OECD Guidelines on the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data of 23.09.1980. URL: <https://www.oecd.org/internet/ieconomy/oecdguidelinesonthe-protection-of-privacy-and-transborder-flows-of-personal-data.htm> (дата обращения 01.12.2025)
20. UN Guidelines concerning computerized personal data files, as adopted by General Assembly resolution 45/95 of 14.12.1990. <https://www.refworld.org/docid/3ddcfaac.html> (дата обращения 01.12.2025)
21. UN General Assembly Resolution A/RES/68/167 The right to privacy in the digital age adopted on 18.12.2013. URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167> (дата обращения 01.12.2025)
22. UN General Assembly Resolution A/C.3/69/L.26/Rev.1 The right to privacy in the digital age of 19.11.2014. URL: <https://undocs.org/en/A/C.3/69/L.26/Rev.1> (дата обращения 01.12.2025)
23. UN General Assembly Resolution A/C.3/71/L.39/Rev.1 The right to privacy in the digital age of 16.11.2016. URL: <https://undocs.org/A/C.3/71/L.39/Rev.1> (дата обращения 01.12.2025)
24. UN General Assembly Resolution A/RES/75/176 The right to privacy in the digital age of 16.12.2020. URL: <https://undocs.org/A/RES/75/176> (дата обращения 01.12.2025)
25. European Convention on Human Rights of 04.11.1950, as amended by Protocols Nos. 11, 14 and 15, supplemented by Protocols Nos. 1, 4, 6, 7, 13 and 16. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения 01.12.2025)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL STANDARDS OF THE RIGHT TO PRIVACY

Dudchenko O.S., Kandyba A.A.

Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy, Russian State University of Social technologies

The article is devoted to the study of the genesis and evolution of international standards of the right to privacy (private life). The work analyzes various theoretical approaches to understanding the right to private life prevalent in foreign legal scholarship. The author

traces the formation of this right in key international legal instruments – from the Universal Declaration of Human Rights to modern conventions. The dynamics of the development of the content of this right are analyzed: from protection against arbitrary interference to the recognition of personal autonomy and control over personal data in the digital age. Particular attention is paid to the role of the European Court of Human Rights and national jurisdictions in specifying the standards. The conclusion is made about the constant expansion and adaptation of international norms on privacy in response to new technological and social challenges.

Keywords: right to privacy; confidentiality; international legal instrument; international human rights standards; protection of personal data.

References

1. Lyapunov B.A. Privacy of the Individual: Concept, Essence and Legal Nature // Actual Problems of Russian Law. 2019. № 2 (99) February. Pp. 33–42.
2. Pikurov N.I. Private Life and Criminal Law: Searching for a Balance of Interests between the State and the Individual: Monograph / N.I. Pikurov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 207 p.
3. Golovkin R.B. Moral and Legal Regulation of Private Life in Modern Russia: Monograph / R.B. Golovkin; Vladimir: Vladimir Law Institute of the Ministry of Justice of Russia, 2004. 380 p.
4. Avdeev D.A. Legal Regulation of Relations Related to the Digitalization of Private Life: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences, Specialty 5.1.1. – Theoretical and Historical Legal Sciences. Vladimir, 2024. 202 p.
5. Warren S. D., Brandeis L.D. The Right to Privacy. Harvard Law Review. 1890. Vol. 4. № 5. P. 193–220. URL: <https://doi.org/10.2307/1321160> (accessed: 01.12.2025)
6. Decision of Supreme Court of the United States of 04.06.1928 in Olmstead v. U.S. URL: <https://www.loc.gov/item/usrep277438/> (accessed: 01.12.2025)
7. Prosser W.L. Privacy. California Law Review. Vol. 48. № 3. P. 383–423. URL: <https://doi.org/10.2307/3478805> (accessed: 01.12.2025)
8. DeCew J. Privacy. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by Edward N. Zalta. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/privacy/> (accessed: 01.12.2025)
9. Banisar D., Davies S. Global Trends in Privacy Protection: An International Survey of Privacy, Data Protection, and Surveillance Laws and Developments. UIC John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 1999. Vol. 18 № 1. P. 1–112. URL: <https://repository.law.uic.edu/jitpl/vol18/iss1/1/> (accessed: 01.12.2025)
10. Strömholm S. Right of privacy and rights of the personality: a comparative survey. Stockholm, P.A. Norstedt & Soners Förlag, 1967. 246 p. URL: <https://www.icj.org/wpcontent/uploads/1967/06/right-to-privacy-working-paper-publication-1967-eng.pdf> (accessed: 01.12.2025)
11. Whitman J.Q. The Two Western Cultures of Privacy: Dignity versus Liberty. Yale Law Journal. 2004. Vol. 113. P. 1151–1221. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1647&context=fss_papers (accessed: 01.12.2025)
12. Universal Declaration of Human Rights of 10.12.1948. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (accessed: 01.12.2025)
13. International Covenant on Civil and Political Rights of 16.12.1966. URL: https://treaties.un.org/doc/treaties/1976/03/19760323%2006-17%20am/ch_iv_04.pdf (accessed: 01.12.2025)
14. General Comment No. 16. Article 17 (Thirty-second session, 1988). URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom16.html> (accessed: 01.12.2025)
15. UN Human Rights Committee. CCPR General Comment No. 16: Article 17 (Right to Privacy), The Right to Respect of Privacy, Family, Home and Correspondence, and Protection of Honour and Reputation of 08.04.1988. URL: <https://www.refworld.org/docid/453883f922.html> (accessed: 01.12.2025)
16. Decision of Human Rights Committee in Sayadi and Vinck v. Belgium of 22.10.2008, Comm. 1472/2006, CCPR/C/94/D/1472/2006. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/1477> (accessed: 01.12.2025)
17. Rusinova V.N. Knocking on the Door of the UN Security Council: Sanctions Lists and States' Obligations to Protect Human Rights in the Decisions of International Judicial and Quasi-Judicial Bodies // International Justice. 2017. № 1 (21). Pp. 68–84. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2020/08/Rusinova-V.-Dostuchatsya-do-Soveta-Bezopasnosti-ON.pdf> (accessed: 01.12.2025)
18. Decision of Human Rights Committee in Andrea Vandom v. Republic of Korea of 12.07.2018, Comm. 2273/2013, CCPR/C/123/D/2273/2013. URL: <https://juris.ohchr.org/Search/Details/2496> (accessed: 01.12.2025)
19. OECD Guidelines on the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data of 23.09.1980. URL: <https://www.oecd.org/internet/ieconomy/oecdguidelinesonthe-protection-of-privacy-and-transborder-flows-of-personal-data.htm> (accessed: 01.12.2025)
20. UN Guidelines concerning computerized personal data files, as adopted by General Assembly resolution 45/95 of 14.12.1990. <https://www.refworld.org/docid/3ddcfaac.html> (accessed: 01.12.2025)
21. UN General Assembly Resolution A/RES/68/167 The right to privacy in the digital age adopted on 18.12.2013. URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167> (accessed: 01.12.2025)
22. UN General Assembly Resolution A/C.3/69/L.26/Rev.1 The right to privacy in the digital age of 19.11.2014. URL: <https://undocs.org/en/A/C.3/69/L.26/Rev.1> (accessed: 01.12.2025)
23. UN General Assembly Resolution A/C.3/71/L.39/Rev.1 The right to privacy in the digital age of 16.11.2016. URL: <https://undocs.org/A/C.3/71/L.39/Rev.1> (accessed: 01.12.2025)
24. UN General Assembly Resolution A/RES/75/176 The right to privacy in the digital age of 16.12.2020. URL: <https://undocs.org/A/RES/75/176> (accessed: 01.12.2025)
25. European Convention on Human Rights of 04.11.1950, as amended by Protocols Nos. 11, 14 and 15, supplemented by Protocols Nos. 1, 4, 6, 7, 13 and 16. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (accessed: 01.12.2025)

Особенности развития систем административных и уголовных наказаний и их эффективность на современном историческом этапе

Миннебаев Рустам Хамзович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
общеправовых дисциплин филиала Казанского юридического
института МВД России
E-mail: rust86nn@yandex.ru

Орлова Ольга Филипповна,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин
филиала Казанского юридического института МВД России
E-mail: olgafilipovna73@yandex.ru

Авторы в статье анализируют трек, по которому происходило развитие и модернизация систем административных и уголовных наказаний в Российской Федерации, начиная с момента принятия действующего уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году и кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в 2001 году и заканчивая вступления в действия их последней актуальной редакции в 2025 году. Кроме этого, авторы настоящей научной статьи анализируют эффективность действующих систем административных и уголовных наказаний в настоящих реалиях и формулируют прогноз относительного дальнейшего пути по их модернизации и актуализации.

Также определен понятийный аппарат связанный с определением и формулированием наиболее полного перечня признаков различного уровня на стыке административных и уголовных наказаний на современном этапе.

Ключевые слова: наказание, система наказаний, эффективность наказания, уголовное наказание, административное наказание.

В философии, философии права и дисциплинах, которые традиционно относят к отраслям публичного права, неизменный интерес для исследователей представляют такие категории как преступление, правонарушение и наказание. Пробелы понятийного аппарата связанные с определением и формулированием наиболее полного перечня признаков, из которых состоят данные категории, ежегодно входят в число наиболее востребованных тем диссертационных исследований различного уровня. Можно смело утверждать, что в ближайшее время не только не произойдет снижения интереса к обозначенной в названии данной статьи проблематике, а наоборот интерес лишь увеличится. Причин для роста популярности исследования категорий правонарушение, преступление и наказание достаточно, назовем лишь несколько, но которые, по-нашему мнению, оказывают на отмеченную тенденцию наибольшее влияние.

Первой причиной является изменение структуры общественных отношений, которое лишь ускоряется с все большим включением технологий сопряженных с искусственным интеллектом (ИИ) в объективную действительность. Анализ событий, которые происходят в мире указывает на то, что инцидентов связанных с ошибками в работе технологий ИИ становится больше и часть из них необходимо оценивать с позиции административного, либо уголовного законодательства [1]. Считаем корректным говорить о том, что это приведет к появлению как новых элементов/признаков в понятии правонарушение и (или) наказание, а равно новых мер государственного принуждения (административных и уголовных наказаний).

Второй причиной выступает изменение структуры международного взаимодействия между странами и коалициями, что увеличивает международную напряженность и создает все новые риски, ответом на которые выступает ужесточение государственной политики во всех сферах жизнедеятельности социума. Рост правонарушений и преступности вызванных ростом количества мигрантов на территории Российской Федерации, активность специальных служб тех стран, целью которых является ослабление оборонного потенциала России требует разработки и принятия наиболее эффективных мер направленных на противодействие и предупреждение совершения новых правонарушений. Последнее не только выступает необходимостью, но и регламентированной целью административного наказания (см. статью 3.1 КоАП РФ).

Третья причина сопряжена с временем, которое прошло с момента принятия действующих кодексов (административного и уголовного), текст которых закрепил систему административных и уголовных наказаний. С момент вступления их в действие прошло более 20 лет, что объективно требует проведения ревизии систем административных и уголовных наказаний на предмет их эффективности тем вызовам, которые существуют в настоящем и появляться в дальнейшем.

Рассматривая систему административных и уголовных наказаний закрепленных в момент принятия кодекса об административных правонарушениях обращает на себя внимание то обстоятельство, что им присуще старого определенных признаки, которые являются тождественными для обеих систем: а) нормативно-правовая основа не только закрепляет перечень мер государственного принуждения, но и определяет цели, которые должны быть достигнуты путем применения последних; б) системы наказаний базируются на схожей правовой основе – имеющей кодифицированную форму; в) данные системы объединяет схожий потерн в поведении субъектов, что выражен в деянии нарушающем конкретную норму/нормы закрепленные в особенных частях кодексов; г) применение как административных, так и уголовных наказаний влечет наложение похожих по своей сути запретов и (или) ограничений прав и законных интересов субъектов; д) мера государственного принуждения, лишь тогда будет административным или уголовным наказанием, когда она включена в соответствующую систему (в Главу 9, статью 44 УК РФ и Главу 3, статью 3.2 КоАП РФ соответственно). Например, серьезной и весьма чувствительной для виновных, с позиции ограничения конституционных прав, выступала закрепленная до 2003 года, в статье 52 УК РФ, мера принуждения в виде *конфискации имущества*. В настоящий момент указанная мера государственного воздействия не входит в состав системы уголовных наказаний, но формирует содержание Главы 51.1 УК РФ «Конфиска-

ция имущества». Похожая ситуация с административным наказанием, которое было закреплено в статье 3.6 КоАП РФ «Возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения». До 2011 года оно входило в состав системы административных наказаний, но затем была исключена из системы наказаний и вообще содержания КоАП РФ.

Еще одной особенностью, на которую обращают внимание при сравнении систем наказаний уголовных и административных, является их количество. Так в тексте статьи 44 УК РФ на данный момент зафиксировано 13 видов уголовных наказаний, а в статье 3.2 КоАП РФ 10 административных наказаний.[2] На наш взгляд это способно навести нас на мысль о количественном признаке у системы санкций как таковой, безотносительно к отрасли публичного права. Развивая данную мысль, не будет ошибкой утверждать, что система санкций состоит из перечня (в нашем случае, не менее 10 видов), расположенных в строго определенном порядке (для УК РФ и КоАП РФ характерно расположение элементов от тех, которые ограничивают менее существенные права, к тем, что налагают запрет на более значимые для субъекта права и свободы). Если добавить к этому, что исследуемые системы санкций/наказаний имеют регламентированную цель, определенного субъекта применения и объект карательного воздействия, то приходим к выводу не только об их схожей природе (выражается в сходстве, как в названии, так и в содержании некоторых видов), но и о тождестве признаков.

Нужно отметить, что начиная с момент разработки и принятия обоих кодексов указанные нами признаки не менялись, а наоборот в процессе реформирования правовой модальности, системы проходили одинаковые периоды становления и модернизации: добавлялись новые виды ответственности; исключались виды, которые показывали низкую эффективность.

Если проанализировать системы уголовных и административных наказаний с позиции преемственности, то сразу отметим, что в отличие от предшествующих нормативно правовых источниках, новые источники права пошли по пути увеличения (повышения разнообразия) перечня. Так в текст уголовного кодекса принятого в 1996 году включал следующие новые виды уголовных наказаний: арест, обязательные работы, ограничение свободы и пожизненное лишение свободы. Цель новаций вполне очевидна, предыдущий уголовный кодекс морально устарел (был принят еще в 1960 году), требовалась более глубокая дифференциация ответственности. Осуществить это стало возможным через обновление системы уголовных наказаний, разработку и включение в систему таких, которые позволят увеличить инструментарий правоприменителей и достичь поставленные в уголовном законе цели наказания.

Административный кодекс так же включал новые виды ответственности по сравнению с предыдущим, советским аналогом, который был принят в 1984 году. По мнению ученых, которые глубоко погружены в исследование процесса становления отечественного института административных и уголовных наказаний, в советский период административную ответственность рассматривали как наиболее перспективный и соответствующий духу времени элемент пенологической системы права. Основной задачей которого выступает профилактика нежелательного поведения, а не кара за него, последнее как раз наиболее характерно для уголовного наказания. Само понятие административное наказание практически не применяется как в советский, так и более ранний период (дореволюционный).[3]

С началом процесса перестройки многие нормы, которые были закреплены в КоАП СССР стали неприменимы, что потребовало изменения всей системы административных наказаний. Все общество и все правоотношения из советской модальности, плановой экономики перешли в эру рыночного взаимодействия и демократических перемен, пусть последние приносили не всегда положительный результат.

Затем, в процессе работы по правоприменению и оценке эффективности сложившейся системы наказаний в целом и отдельных ее элементов, были приняты схожие решения об исключении из системы таких мер принуждения, которые казались на тот момент наименее неэффективными, перегружающими систему санкций. В результате из уголовного кодекса была исключена *конфискация имущества*, а из текста административного кодекса *возмездное изъятие орудия совершения или предмета административного правонарушения*. Наблюдаем интересную особенность, которая касается времени прошедшего с момента вступления в действие новой системы до момента исключения из нее наиболее неэффективных видов наказаний. Для УК РФ этот срок равен 7 годам, а для КоАП РФ 10 лет. Данные цифры указывают на то, что после вступления в действие новой системы санкций, в течение определенного времени, которого будет достаточно для проведения работы по оценке эффективности как всей системы, так и отдельных ее элементов, проводится корректировка содержания. Ретроспек-

тивный анализ систем уголовных и административных наказаний, который учеными в разных исследованиях, подтверждает правильность сделанных нами выводов. [5, С. 16–17; 5, С. 19–20]

Опираясь на данные правовой статистики публикуемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ возможно проанализировать какие меры государственного принуждения применяются наиболее часто. Так за период с 2010 по 2024 года среди всех административных наказаний наиболее часто применяется административный штраф. Ежегодно его назначают примерно 400 000 раз, на общую сумму более 70 млрд руб. Среди уголовных наказаний наиболее популярно лишение свободы на определенный срок, при этом сам срок лишения свободы виновного составляет в среднем от 3 до 6 лет. Вторым, наиболее часто применяющимся наказанием является штраф. [7, 8]

Оценивать эффективность системы как уголовных, так административных наказаний возможно по уровню повторной, рецидивной преступности/совершаемых правонарушений, а в части наказаний связанных со штрафом, как дополнительный индикатор выступает количество уплаченных виновными денежных средств.

Что касается последнего, то в процентном соотношении количество выплаченных административных штрафов от общего объема не превышает 25%, примерно такое же количество выплаченных штрафов и по уголовным делам. [9.] Уместен вывод, что из 4 назначенных штрафов, виновные оплачивают только один, а три так и остаются неоплаченными.

Ситуация с повторным совершением правонарушений и преступлений, так же свидетельствует о проблемах с эффективностью систем административных и уголовных наказаний. Исследование массива статистических данных говорит о том, что каждый второй-третий преступник имеет непогашенную/неснятую судимость за ранее совершенное преступление. [5, С. 3–4]

Основываясь на всем вышесказанном уместен вывод о том, что действующие системы уголовных и административных наказаний имеют серьезные проблемы, которые связаны с эффективностью достижения целей поставленных перед ними. А именно предупреждением совершения новых преступлений/правонарушений и исправлением виновных (в части касающейся уголовных наказаний). Одной из причин неэффективности мы считаем устаревший инструментарий, который находится в распоряжении правоприменителей, его давно не пересматривали и не дополняли новыми видами мер государственного принуждения. Изменение социального баланса, появление новых правоотношений, развитие новых технологий требует своевременного реагирования и ответа от субъектов правоприменения и ученых. Анализ данных статистической отчетности говорит о том, что суды традиционно используют одни и те же меры принуждения, крайне редко и неохотно применяя более новые и отвечающие духу времени. Одним из недооцененных видов уголовного наказания являются принудительные работы. Безусловно, для их исполнения необходимо создание строго определенных условий – исправительных центров, но с момента закрепления данной меры в Главе 9 УК РФ прошло почти 15 лет, а указанных центров, до сих пор серьезно не хватает.

Таким образом, возможно сделать футурологический прогноз о том, что системы административных и уголовных наказаний в ближайшие 5–7 лет ждут серьезные изменения, которые будут направлены на включение новых видов ответственности, а также переоценке и модернизации уже действующих мер принуждения. Без проведения указанных изменений системы способны окончательно утратить свою эффективность, что способно приведет к неконтролируемому росту преступности и появлению иных точек напряженности.

Литература

1. Дрон решил убить своего оператора во время испытаний <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64798bec9a79473d10277294> (дата обращения: 14.07.2025).
2. Звонов А.В. К вопросу о корреляции системы уголовных наказаний с системой административных наказаний // Вестник Кузбасского института. № 1 (58), 2024, С. 26–38.
3. Гунькин И.В. Становление института административного наказания в России // Закон и право, № 1, 2024, С. 58–61.
4. Дзигарь А.Л. Уголовные наказания: эволюция и перспективы: специальность: 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001. с. 31.
5. Ковалев А.Ф. Уголовные наказания в Российской Федерации: система, целеполагание, эффективность применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2025. с. 34.
6. Миннебаев Р.Х., Ахмадуллина И.А. Понятие, особенности и виды административно-правовых норм // Сборник: Актуальные вопро-

сы административной деятельности органов внутренних дел в современных условиях. Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2023. С. 239–244.

7. Судебная статистика. Формы отчетности № 1АП за 2011–2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (дата обращения: 17.07.2025).

8. Судебная статистика. Форма отчетности № 10.3 за 2011–2024 гг. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item> (дата обращения: 17.07.2025).

9. Судебная статистика. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/iN%20dex.php?id> (дата обращения: 17.07.2025).

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PUNISHMENT SYSTEMS AND THEIR EFFECTIVENESS AT THE PRESENT HISTORICAL STAGE

Minnebaev R.Kh., Orlova O.F.

Naberezhnye Chelny Branch of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In this article, the authors analyze the development and modernization of administrative and criminal punishment systems in the Russian Federation, beginning with the adoption of the current Criminal Code of the Russian Federation in 1996 and the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in 2001 and ending with the entry into force of their latest version in 2025. Furthermore, the authors of this research article analyze the effectiveness of the current administrative and criminal punishment systems in the current

context and formulate a forecast for their future modernization and updating. They also define a conceptual framework for defining and formulating a comprehensive list of characteristics at various levels at the intersection of administrative and criminal punishments in the current era.

Keywords: punishment, punishment system, punishment effectiveness, criminal punishment, administrative punishment.

References

1. A drone decided to kill its operator during testing <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/64798bec9a79473d10277294> (accessed on July 14, 2025).
2. Zvonov A.V. On the correlation between the criminal punishment system and the administrative punishment system // Bulletin of the Kuzbass Institute. No. 1 (58), 2024, Pp. 26–38.
3. Gun'kin I.V. Formation of the institute of administrative punishment in Russia // Law and Right, No. 1, 2024, Pp. 58–61.
4. Dzigar A.L. Criminal punishments: evolution and prospects: specialty: 12.00.08 "Criminal law and criminology; Criminal-executive law": abstract of dis. ... candidate of legal sciences. Rostov-on-Don, 2001. p. 31.
5. Kovalev A.F. Criminal penalties in the Russian Federation: system, goal-setting, efficiency of application: abstract of dis. ... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2025. p. 34.
6. Minnebaev R.Kh., Akhmadullina I.A. Concept, features and types of administrative-legal norms // Collection: Current issues of administrative activities of internal affairs bodies in modern conditions. Collection of scientific articles based on the results of the international scientific and practical conference. Nizhny Novgorod, 2023. Pp. 239–244.
7. Judicial statistics. Reporting forms No. 1AP for 2011–2024. // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/index.php> (date of access: 17.07.2025).
8. Judicial statistics. Reporting form No. 10.3 for 2011–2024. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item> (date of access: 17.07.2025).
9. Judicial statistics. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. 2025. URL: <http://www.cdep.ru/iN%20dex.php?id> (date of access: 17.07.2025).

Седова Александра Дмитриевна,

заместитель начальника отдела анализа и автоматизации процессов досудебного урегулирования споров и цифровизации причин возникновения споров Управления досудебного урегулирования налоговых споров Федеральной налоговой службы Российской Федерации
E-mail: Sedovasash@gmail.com

Приведены действующие инструменты снижения «налоговой конфликтности». Вместе с тем обоснована имплементация в законодательство Российской Федерации процессуально новой процедуры – медиативного урегулирования налоговых споров в ситуациях, обоснованных защитой публичного интереса. Описаны основные принципы реализации медиации с участием налоговых органов. Сделан вывод об отсутствии конфликта частных и публичных интересов в ходе медиативного урегулирования налоговых споров, а также учтена необходимость присутствия в процессе третьей стороны от надзорного органа (прокуратура) по причине заявленного инструмента описанной процедуры медиации – правового усмотрения как составной части фискальной дискреции федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов. В качестве примера реализации медиации в сфере налогов и сборов проанализирован позитивный опыт Бразилии по проведению экспериментального режима «налоговой медиации».

Ключевые слова: медиация, альтернативные способы урегулирования налоговых споров, правовое усмотрение, фискальная дискреция, медиативные соглашения, режим налоговой медиации, защита публичного интереса.

Введение

Рассматривая вопрос разработки нормативного регулирования разрешения споров по вопросам законодательства о налогах и сборах посредством медиации с участием налоговых органов, важно установить социальную и экономическую необходимость (существенность предпосылок) и определить эталонный желаемый результат такой процедуры, на достижение которого будет направлено нормотворчество. Прежде всего, необходимо выявить те несовершенства действующих механизмов разрешения споров и снижения конфликтности между налогоплательщиками и налоговыми органами, которые вынуждают стороны обратиться к поиску новых инструментов диалога в «альтернативных способах урегулирования споров».

Обращаясь уже к современной истории следует обратить внимание, что досудебный блок (в настоящее время – Управление досудебного урегулирования налоговых споров) в ФНС России создан в 2006 году по причине зафиксированной тенденции того времени к ежегодному удвоению числа налоговых споров, рассматриваемых арбитражными судами [24].

Введением процедуры досудебного урегулирования налоговых споров стремились разгрузить судебную систему с целью: (1) профилактики ошибок, допускаемых в судах вследствие перегруженности, (2) обеспечения своевременного реагирования на спор и, как следствие, оперативного устранения нарушений и негативного эффекта для обеих сторон налоговых правоотношений (поскольку досудебная процедура урегулирования налоговых споров реализуется в более короткие процессуальные сроки по сравнению с процедурой судебного разбирательства и не облагается государственной пошлиной) и (3) повышения «прозрачности» деятельности налоговых органов, что подразумевает открытый диалог в процессе разрешения спора, который позволил бы помочь предупреждать не касающиеся правоприменения технические ошибки и также позволил бы налогоплательщику планировать свое поведение и прогнозировать последствия исходя из понимания логики контролирующего субъекта. Например, грамотно вести учет своей деятельности, не допуская недостаточности доказательственной базы, порождающей подозрения налогового органа в направленности действий налогоплательщика на уклонение от уплаты налогов, сборов, и (или) страховых взносов при квалификации фактов хозяйственной жизни налогоплательщика.

Как справедливо отмечает Р.В. Якушев, подразделения досудебного урегулирования налоговых споров нацелены на предупреждение налоговых споров «посредством проведения комплекса мероприятий по информированию налогоплательщиков об изменениях действующего законодательства, появлении новых способов взаимодействия с налоговыми органами, результатах рассмотрения жалоб» [31]. Т.В. Колесниченко охарактеризовал досудебный порядок как специальное регулирование, выразившееся в «совокупности норм и правил, регулирующих действия налогоплательщика (налогового агента) и налогового органа по его урегулированию до обращения в суд» [6].

Таким образом, налоговыми органами в качестве основной цели деятельности по досудебному урегулированию споров было провозглашено устранение разногласий между налоговыми органами и налогоплательщиками: (1) до и вне суда; (2) в максимально короткие сроки; (3) бесплатно; (4) на основе диалога сторон; (5) в прозрачном формате; (6) в современной цифровой форме [7].

Эти цели, не утратившие свою актуальность с момента их первого официального упоминания в 2006 году, отражают интересы налогоплательщика, поскольку направлены в первую очередь на удобство и оперативность выяснения обстоятельств для более слабой стороны налоговых (публичных) правоотношений. В свою очередь, для системы налоговых органов значимый положительный эффект выражается в возможности обеспечения соблюдения законности и единообразия правоприменения на территории всей страны за счет доведения до территориальных налоговых органов позиций, сформированных ФНС России в рамках досудебного урегулирования налоговых споров.

Действующие механизмы снижения «налоговой конфликтности»

При этом уже существует широкий спектр инструментов снижения налоговой конфликтности, среди которых отдельно стоит выделить: (1)

работу ФНС России на нормативном, техническом и технологическом уровнях с причинами возникновения споров по приоритетности в зависимости от их системности, существенности и распространенности (см. пункт 2.4 Порядка установления, оценки и устранения причин возникновения споров в деятельности налоговых (регистрирующих) органов, утвержденного Приказом ФНС России от 25.11.2020 № СД-7-9/848@ [25]); (2) налоговый контроль в форме налогового мониторинга, предметом которого в том числе является правильность определения полученных налогоплательщиком доходов и осуществленных расходов для целей исчисления и уплаты налога на прибыль организаций по заявлению налогоплательщика (см. раздел V.2 НК РФ); (3) право налогоплательщика в рамках налогового мониторинга на запрос квалификации еще не совершенной сделки посредством мотивированного мнения (см. пункт 4 статьи 105.30 НК РФ); (4) закрепленный в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) порядок обжалования актов налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц (досудебный порядок урегулирования налоговых споров), который гарантирован налогоплательщику, а также содержит в себе несколько инстанций и возможность открытой коммуникации, в том числе в ходе рассмотрения материалов с участием налогоплательщика (см. главу 19 НК РФ).

Кроме того, согласно пункту 6.7 Положения о Федеральной налоговой службе, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 [21], ФНС России уполномочена создавать **совещательные и экспертные органы** (советы, комиссии, группы, коллегии) в установленной сфере деятельности.

Например, на площадке ФНС России действуют следующие экспертные советы: (1) по совершенствованию практики применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) [27], (2) по развитию и совершенствованию системы налогового мониторинга [26], (3) по формированию практики применения законодательства о налогах и сборах крупнейшими налогоплательщиками с учетом отраслевых особенностей их деятельности [20].

Такие экспертные советы являются органами, призванными на основе взаимодействия ФНС России с иными органами исполнительной и законодательной власти, экспертами, представителями научных кругов и бизнес-сообщества содействовать поиску эффективных и комплексных решений по выработке единообразных правоприменительных подходов в налоговой сфере, **а также инновационных инструментов**, способствующих дальнейшему развитию и совершенствованию практики применения законодательства о налогах и сборах. Основными принципами деятельности экспертного совета при ФНС России являются принципы законности, добровольности, открытости, компетентности и профессионализма участников, ориентации на лучшие мировые практики [20].

Природа медиативного урегулирования налоговых споров

Заинтересованность налогоплательщиков в заключении внесудебных соглашений посредством медиации обоснована эпизодическим несоответствием буквального толкования, преимущественно применяемого в публичных правоотношениях, многогранности фактических обстоятельств хозяйственной жизни экономических субъектов. Стремление налоговых органов унифицировать известную на текущий момент практику недобросовестного поведения налогоплательщиков для целей введения ее запрета иногда приводит к клишированной оценке обстоятельств спора. Особенно распространена такая оценка в рамках споров с применением статьи 54.1 НК РФ, когда налогоплательщику приходится доказывать обоснованность полученной им налоговой выгоды.

Отстаивая исключительную уникальность обстоятельств, доказывающих правомерность полученной налоговой выгоды, налогоплательщики чаще всего опираются на вывод Конституционного Суда Российской Федерации, который в 2008 году определил, что в налоговом законодательстве не употребляется понятие экономической целесообразности и не регулируется порядок и условия ведения финансово-хозяйственной деятельности, а потому обоснованность расходов, уменьшающих в целях налогообложения полученные доходы, не может оцениваться с точки зрения их целесообразности, рациональности, эффективности или полученного результата. В силу принципа свободы экономической деятельности, закрепленного в части 1 статьи 8 Конституции РФ, налогоплательщик осуществляет ее самостоятельно на свой риск и вправе самостоятельно и единолично оценивать ее эффективность и целесообразность [13].

Следствием желания налогоплательщиков индивидуализировать практику правоприменения в отношении конкретных обстоятельств ведения предпринимательской деятельности (рассматривается только в контексте случаев добросовестно организованной экономической деятельности) является повышенный интерес частного сектора эконо-

мики к имплементации в законодательство о налогах и сборах процедуры медиации и как следствие привлечению к спору третьей стороны (независимого эксперта – медиатора), способного выступить гарантом соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Правоведы отмечают, что институт досудебного урегулирования налоговых конфликтов прежде всего преследует цель достижения «баланса фискальных интересов государства, с одной стороны, и законных интересов налогоплательщиков в их защите от должностных злоупотреблений налоговых органов, с другой стороны» [3].

Очевидно, что медиация в данном контексте понимается если не как компромисс, то как некая индивидуальная оценка обстоятельств хозяйственной жизни общества. Предположительно, сторонники медиативного урегулирования налоговых споров рассчитывают, что именно медиация выведет спор в совершенно новое процессуальное законодательство и пределы правоприменения будут пересмотрены.

Однако М.И. Львова и С.Д. Алексеев, напротив, считают необходимым закрепить в НК РФ именно понятие «налоговый компромисс» и процедуру его применения. Правоведы предлагают следующую формулировку: налоговый компромисс – это соглашение между налоговым органом и налогоплательщиком, итогами которого могут являться снижение штрафных санкций и пени (дифференцировано в зависимости от стадии рассмотрения налогового спора), рассрочка уплаты начисленных по результатам налоговых проверок сумм налогов, изменение квалификации правонарушения [9].

В любом случае важно осознавать, что как публичный орган, налоговая служба **не может допустить неспешное и непоследовательное разрешение спора**, приводящее к дискриминации налогоплательщиков.

С одной стороны, в правовом поле заявлен частный подход налоговых органов к оценке совокупности обстоятельств дела. Конституционный Суд РФ определил, что действительный размер налоговой обязанности конкретного лица определяется правоприменительными органами исходя из фактических обстоятельств конкретного дела с учетом полномочий, предоставленных им налоговым законодательством [14]. ФНС России в письме по вопросу о налоге на доходы физических лиц при продаже земельного участка, образовавшегося в результате раздела, обращает внимание на необходимость рассмотрения вопросов определения налоговой базы в каждом конкретном случае по существу и с учетом конкретных обстоятельств независимо от наличия решений налоговых органов по аналогичным вопросам, руководствуясь разъяснениями Минфина России и складывающейся судебной практикой [15].

С другой стороны, правоприменение основано в первую очередь на соблюдении принципа законности, который в правоотношениях с федеральными органами исполнительной власти исторически подразумевает приоритет буквального толкования, если законом прямо не закреплена иная компетенция.

И.В. Кравченко отмечает, что правом давать разъяснения по применению норм налогового законодательства наделен Минфин России, а не ФНС России [8]. Однако с этим утверждением можно не согласиться, поскольку согласно Письму Минфина России от 07.11.2013 № 03-01-13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики» письменные разъяснения Минфина России раскрываются также как «рекомендации, разъяснения ФНС России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах» [16].

Таким образом, заявленный ФНС России частный подход к оценке доказательств в каждом конкретном случае не тождествен индивидуальному правоприменению.

Правовое усмотрение как инструмент медиативного урегулирования налоговых споров

Правоведам, изучающим проблемы имплементации института медиации в процедуру досудебного урегулирования налоговых споров, известно, что на текущий момент правовое определение медиации закреплено Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – «Закон № 193-ФЗ») через триаду: (1) воля сторон, (2) вступление третьего лица в правоотношения и (3) **взаимоприемлемость** итогов процедуры (см. часть 2 статьи 2 Закона № 193-ФЗ).

Достижение взаимоприемлемости в отношении положений договоров между частными субъектами допустимо, поскольку в силу основных правил свободы договора стороны наделены усмотрением на определение условий договора (п. 4 ст. 421 ГК РФ). Следовательно, инструментом достижения взаимоприемлемости по вопросам правоприменения должно стать толкование нормы права по объему, то есть правовое усмотрение налогового органа.

Таким образом, медиация подразумевает интеллектуально-волевой характер деятельности субъекта, являющегося стороной урегулирования спора в рамках медиации, по оценке обстоятельств спора. А.А. Никитин отмечает, что волевым можно считать и такой осознанный поступок, который лицо в силу определенных детерминант вынуждено совершить, но при наличии свободной воли принятое решение и основанное на нем деяние можно считать усмотрением [12].

Правовое усмотрение как признак правовой дискреции является объектом повышенного интереса в правовой доктрине, поскольку именно правовое усмотрение позволяет мгновенно раздвинуть рамки правоприменения. Безусловно, дискуссионность вопроса породила как критиков правового усмотрения, отождествляющих его с неизбежным самоуправством и подрывом верховенства закона, так и сторонников, оценивающих правовое усмотрение как механизм более точного правоприменения, пределы которого также можно нормативно определить. Поэтому исследования правоведов направлены на поиск баланса между свободой толкования нормы права и соблюдением принципа законности.

Рассуждая на тему условий применения процедуры медиации в отношениях по урегулированию споров в рамках законодательства о налогах и сборах с участием налоговых органов, необходимо понимать, что усмотрение налогового органа как инструмент поиска решения в рамках процедуры медиации неизбежно связано с толкованием именно публично-правовых норм и подвержено критике само по себе. Так, И.А. Маньковский считает, что к нормам публично-правовых отраслей, основанных на императивном методе правового регулирования, должно первоочередно применяться буквальное толкование, а некоторые из них, в частности, нормы, устанавливающие административную ответственность, расширительному или ограничительному толкованию не подлежат [10]. С этим же замыслом в части 5 статьи 1 Закона № 193-ФЗ содержится прямая оговорка о недопустимости применения медиации к спорам, в случае, если такие споры затрагивают или могут затронуть публичные интересы.

Таким образом, при разработке концепции процедуры медиации с участием налоговых органов необходимо разрешить вопрос: как при достижении согласия между сторонами обеспечить соблюдение принципов законности и баланса частных и публичных интересов?

Правовой законностью в общей теории права называют обязательное для соблюдения определенным кругом лиц правило поведения (закон). В частности, В.С. Нерсисянц определял правовую законность как точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований правового закона всеми субъектами права [11, с. 537].

Законы юридической науки, как правовые предписания, направленные на урегулирование общественных отношений, равно как и любые иные объективные закономерности, возникают как продукт обобщения однотипной практики. Юридические законы преследуют своей целью предотвратить прогнозируемое противоправное поведение.

В действительности же нормы права призваны охранять порядок в том виде, в котором он максимально приближен идеализированной правовой идее к модели общественных отношений. Это означает, что при правоприменении, в первую очередь, следует руководствоваться тем результатом, которого законодатель стремился достичь в регулируемых общественных отношениях. Иными словами, нельзя утверждать, что любое правоприменение в соответствии с буквальным толкованием нормы права является реализацией принципа законности, если такое применение нормы права в силу несовершенства юридической техники не позволяет достичь воли законодателя.

Условием и гарантией законности служит наличие правовых законов, а принцип законности означает соблюдение законов и не противоречащих им правовых актов (см. части 1, 2 статьи 15 Конституции РФ) [4].

Следовательно, поскольку в иерархии национальных источников права установлено верховенство Конституции Российской Федерации, то и соблюдение законов подразумевает прежде всего соблюдение ее положений и закрепленных в ней принципов как элементов публичного порядка страны.

Правоведы на основе правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации относят к конституционным общеправовой принцип справедливости [30, 23, 17, 18, 29]. Ж.И. Седова делает вывод, что принцип справедливости служит обеспечению баланса публичных и частных интересов. Достижение такого баланса возможно не только посредством вынесения судебного решения, но и посредством достижения компромисса между государственным органом

и частным лицом в сфере публичных правоотношений, что является наиболее комплексным процессом и не всегда четко урегулированным законодательством [29].

Таким образом, ключевой характеристикой правового усмотрения, как активного действия правоприменителя не нарушающего принцип законности, выступает определение усматривающим субъектом справедливого смысла (идеального содержания, идеи, конечной цели (ценности) чего-либо) [1] применяемой нормы права.

В связи с изложенным, правовое усмотрение, безусловно, следует определять как волевою деятельность, детерминированную заложенным законодателем смыслом правового регулирования, однако нельзя дискрецию назвать «абсолютной свободой правоприменителя», поскольку, во-первых, у дискреции должны быть правовые пределы, и, во-вторых, свобода, как философская категория, определяется возможностью личности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие внутреннего и внешнего принуждения [2]. Под внутренним и внешним принуждением в контексте медиации следует понимать целевое назначение данной правовой процедуры – поиск справедливого смысла правовой нормы.

Учитывая, что выше была обоснована возможность определять «правовую законность» как соблюдение прежде всего содержания закона, а не его формы (поскольку форма выражения закона может не соответствовать закладываемому содержанию), то следует отметить, что усмотрение налоговым органом истинного смысла нормы закона в рамках процедуры медиации (то есть совместно с налогоплательщиком) презюмируется как соответствующее балансу частных и публичных интересов.

Защита публичного интереса в процедуре медиации

Одним из важных вопросов является необходимость определения того, в каком доктринальном значении следует использовать понятие «публичный интерес» применительно к процедуре медиации.

М.Н. Садчиков определяет публичный интерес как охватывающий интересы государства, его публично-территориальных и муниципальных образований. Частный интерес в таком случае сводится прежде всего к интересам налогоплательщиков, налоговых агентов, кредитных организаций и других лиц частного права [28].

Верховный Суд РФ применительно к положениям Гражданского кодекса РФ разъяснил, что под публичными интересами, в частности, следует понимать **интересы неопределенного круга лиц**, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды (см. пункт 75 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [19]).

Если рассматривать под интересом неопределенного круга лиц общую потребность налогоплательщиков в справедливой квалификации фактов их хозяйственной жизни в соответствии с их [фактов] целесообразностью, рациональностью и эффективностью, определенными именно налогоплательщиками, то можно сделать вывод, что публичный интерес в процедуре медиации между налогоплательщиками и налоговыми органами поглощает собой частный интерес.

Исходя из этого вывода в медиативном решении спора речь не идет о поиске баланса частных и публичных интересов, данные интересы не противопоставляются, поскольку при выявлении справедливого смысла применяемой нормы права ни одна из сторон не претерпевает «уступок», и, следовательно, ущерб интересам сторон не может быть нанесен.

Таким образом, **результат процедуры медиации с участием публичного субъекта фискальных правоотношений всегда должен быть обоснован защитой публичных интересов**.

Гарантом защиты публичного интереса, соблюдения законности и пределов широты усмотрения налоговым органом будет выступать прокуратура Российской Федерации, поскольку именно прокуратура осуществляет в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти (см. часть 2 статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Правовые основания медиативного урегулирования налоговых споров

Стоит отметить, что нормативное регулирование не устанавливает запрет применения альтернативных способов урегулирования налоговых споров. Если обоснованность защитой публичного интереса, как условие заключения медиативного соглашения, преодолевает оговорку о недо-

пустимости разрешения споров, затрагивающих публичные интересы, посредством медиации, содержащуюся в Законе № 193-ФЗ, то медиация может быть органично интегрирована в законодательство в части урегулирования споров с государственными органами ввиду следующего.

В зависимости от сферы осуществления хозяйственной деятельности и правового статуса подконтрольного лица дела об оспаривании актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц рассматриваются в том числе арбитражными судами. В виду этого на налоговые органы, как сторону спора, находящегося в арбитражной юрисдикции, в полной мере распространяются положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Согласно части 1 статьи 190 АПК РФ экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, могут быть урегулированы сторонами путем использования примирительных процедур по правилам, установленным главой 15 АПК РФ. В частности, результатами примирения сторон могут быть: (1) признание обстоятельств дела, соглашение сторон по обстоятельствам дела и (2) соглашение сторон, содержащее квалификацию сделки, совершенной лицом, участвующим в деле, или статуса и характера деятельности этого лица (см. части 1, 3 статьи 190 АПК РФ).

При этом статьей 138.2 АПК РФ установлено, что споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе **медиации**, судебного примирения, или использования **других примирительных процедур**, если это не противоречит федеральному закону.

Таким образом, действующее законодательство закрепляет за налоговым органом возможность усмотрения по вопросу заключения с налогоплательщиком досудебного примирительного соглашения, предметом которого является толкование правовых норм, зависящее от конкретных обстоятельств дела, и (или) признание фактов хозяйственной жизни субъекта налогообложения. В воле законодателя только выбрать, стоит ли системно уточнять нормы, касающиеся процедуры медиации, или рациональнее выделить подобные медиативные соглашения в совершенно новую для российской налоговой практики процедуру.

Экспериментальный режим «налоговой медиации» в Бразилии

В качестве примера прогрессивного опыта медиативного урегулирования налоговых споров следует рассмотреть практику Бразилии, где был реализован пилотный проект по медиации с непосредственным участием налоговых органов.

В 2022 году в городе Порту-Алегри (Южная Бразилия) на основании Закона Бразилии от 11.03.2022 № 13.028 [5] и принятого в соответствии с ним Постановления от 17.06.2022 № 21.527 [22], проведен эксперимент по применению медиации в налоговых правоотношениях, для чего были учреждены Палаты налогового посредничества и примирения.

Из анализа указанных нормативных актов следует, что: (1) Палаты налогового посредничества и примирения учреждены на базе прокуратуры и финансового департамента муниципалитета, чем обеспечен **контроль за законностью**; (2) несмотря на конфиденциальность самой процедуры, ее результаты должны быть обнародованы – таким образом реализована **прозрачность процедуры** (см. п. 45 Постановления от 17.06.2022 № 21.527); (3) приоритетной процедура медиации является для массово распространенных споров (с целью создания квазипрецедента и предотвращения дальнейшего распространения аналогичных споров) – это также свидетельствует о том, что мотив урегулирования спора в рамках процедуры медиации обоснован **публичным интересом**.

На фоне социально-экономических предпосылок (перегруженности судов и наличия на конец 2020 года налоговых споров на общую сумму, превышающую 5,5 триллионов бразильских реалов [32]) для проведения данного пилотного проекта, можно сделать вывод, что процедура медиативного разрешения налоговых споров выполняет функцию не способа индивидуального разрешения спора, основанного на «компромиссе», а формирования санкционированного прокуратурой прецедента с целью оперативного закрытия большого количества однотипных споров. При этом в компетенцию учрежденных Палат налогового посредничества и примирения входит разрешение вопросов как об исполнении налоговых обязательств и обязанностей, так и о квалификации фактов, толковании норм налогового права.

Одним из практических примеров выступает спор 2022 года между компанией «FRAPORT Brasil S.A. Aeroporto de Porto Alegre», являющейся концессионером аэродромной инфраструктуры аэропорта «Салгадо Фильхо» в Порту-Алегри (далее – оператор аэропорта), и налоговой

службой Бразилии. В рамках спора разрешался вопрос правомерности взимания *налога на городское земельное и территориальное имущество (Imposto sobre a propriedade predial e territorial urbana – IPTU)* с оператора аэропорта. Так, с оператора аэропорта указанный налог за пользование инфраструктурой аэропорта в период 2018–2021 гг. составил 25 миллионов бразильских реалов ежегодно. По итогам 10 месяцев переговоров в рамках процедуры медиации стороны пришли к соглашению, что налогообложению не подлежат те объекты инфраструктуры аэропорта, которые имеют стратегическое значение для территориального субъекта государства, но подлежат те объекты, которые оператор аэропорта использует исключительно в коммерческих целях, в том числе здания кафе и территория парковки арендных автомобилей.

Данный пример налоговой практики демонстрирует, как методологический вопрос, детально не определенный правовыми нормами налогового законодательства, был оперативно разрешен без участия судебных органов. При этом итоги такого примирительного медиативного соглашения обретают форму квазипрецедента, правомерность которого в целях обеспечения защиты публичного интереса подтверждается участием в процедуре медиации представителя от прокуратуры. В частности, в приведенном примере Бразилии участие от прокуратуры в налоговой медиации принимало должностное лицо не ниже уровня заместителя руководителя прокуратуры.

Заключение

Темпы развития и усложнения экономических общественных отношений требуют своевременного реагирования правового регулирования в условиях конфликтной среды – массовых однотипных налоговых споров. Налогоплательщики стремятся к все большему ускорению процедур урегулирования споров с одновременным повышением прозрачности процессов принятия решений в рамках таких споров, чтобы быстрее получить определенный экономический результат для продолжения ведения предпринимательской деятельности и правильного управления экономическими рисками.

Процедура медиации как инструмент альтернативного урегулирования налоговых споров широко обсуждаема в мировом правовом сообществе и до сих пор не имеет какого-то универсального механизма реализации.

Одним из вариантов имплементации медиативного урегулирования налоговых споров в законодательство Российской Федерации является создание таких процессуальных условий, при которых: процедура медиации допускала бы толкование ФНС России норм законодательства о налогах и сборах; мотивировочная часть принятого в рамках такой процедуры соглашения была бы гласной; контроль за законностью и защитой публичного интереса осуществляла бы третья сторона (единолично или коллегиально).

Приведенный пример созданного в Бразилии экспериментального механизма налоговой медиации по своей правовой логике достаточно схож с теми особенностями внедрения альтернативных способов досудебного урегулирования налоговых споров, которые на текущий момент обсуждаются в российской правовой доктрине, демонстрирует, что налоговая медиация в принципе возможна, и закладывает позитивную тенденцию применения медиации или иных досудебных примирительных процедур к спорам с участием любых государственных органов.

Литература

1. Большая советская энциклопедия // GUFO.ME URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB>.
2. Васильева О.Н., Митина А.В. Философско-правовое понимание свободы: история и современность // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 2 (42) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovoe-ponimanie-svobody-istoriya-i-sovremennost>.
3. Взаимосогласительные процедуры при разрешении налоговых споров в досудебном порядке: монография / А.Ю. Ильин, А.А. Копина, И.И. Кучеров и др.; отв. ред. А.Ю. Ильин. М.: Проспект, 2017. 112 с.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
5. Закон № 13.028 от 11.03.2022, Бразилия. Presidência da República Secretaria-Geral Subchefia para Assuntos Jurídicos LEI № 13.028, DE 11 DE MARÇO DE 2022 // URL: https://www.camara.gov.br/draco/processos/137049/Lei_13028.pdf (дата обращения: 17.12.2025).
6. Колесниченко Т.В. Досудебный и судебный порядок урегулирования споров по результатам налоговых проверок: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. 200 с.
7. Концепция развития налогового аудита в системе налоговых органов Российской Федерации // Распоряжение ФНС России

от 01.09.2006 № 130@ «О концепции развития налогового аудита в системе налоговых органов». URL: <https://www.nalog.gov.ru>.

8. Кравченко И.В. УСН: смена «упрощенного» объекта // Главная книга. 2018. № 23. С. 38–43.

9. Львова М.И., Алексеев С.Д. Развитие примирительных процедур в налоговых правоотношениях // Финансы. 2025. № 4. С. 37–43.

10. Маньковский И.А. Толкование норм гражданского права: пути совершенствования гражданского кодекса Республики Беларусь / И.А. Маньковский // VIII Пермский конгресс ученых-юристов: Сборник научных статей Межрегионального Российского форума классической юридической университетской науки, Пермь, 20–21 октября 2017 года / Ответственные редакторы В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2017.

11. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник / В.С. Нерсисянц. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 560 с.

12. Никитин А.А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Никитин Александр Александрович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»]. Саратов, 2021. 514 с.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2008 № 1072-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Центральная топливная компания» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

14. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 № 790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «ВЕЗУ» на нарушение его конституционных прав подпунктом 2 пункта 2 статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

15. Письмо ФНС России от 24.03.2017 № БС-4–11/5455@ / СПС «Консультант-Плюс».

16. Письмо ФНС России от 26.11.2013 № ГД-4–3/21097 «О направлении письма Минфина России» (вместе с Письмом Минфина России от 07.11.2013 № 03–01–13/01/47571 «О формировании единой правоприменительной практики») // СПС «Консультант-Плюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций черноморцев» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 27. Ст. 2779.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 12-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 10 статьи 7 Закона Нижегородской области «О пенсии за выслугу лет лицам, замещающим государственные должности Нижегородской области» в связи с жалобой гражданина Н.Д. Пирожкова» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 30. Ст. 3990.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 8, август, 2015.

20. Положение об Экспертном совете при ФНС России по формированию практики применения законодательства о налогах и сборах крупнейшими налогоплательщиками с учетом отраслевых особенностей их деятельности, утвержденное Приказом ФНС России от 26.06.2019 № ММВ-7–22/326@ // сайт: www.nalog.gov.ru // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/koordin/knssov/?ysclid=m-j1lzhepbv152389921.

21. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // Собрание законодательства РФ, 04.10.2004, № 40, ст. 3961.

22. Постановление от 17.06.2022 № 21.527. DECRETO № 21.527, DE 17 DE JUNHO DE 2022 // Web: www.leismunicipais.com.br / URL: <https://leismunicipais.com.br/a/rs/p/porto-alegre/decreto/2022/2153/21527/decreto-n-21527-2022-regulamenta-a-lei-13028-de-11-de-marco>

de-2022-que-institui-a-camara-de-mediacao-e-conciliacao-tributaria-da-procuradoria-geral-do-municipio-cmct-pgm-e-a-camara-de-mediacao-e-conciliacao-tributaria-da-secretaria-municipal-da-fazenda-cmct-smf-estabelecendo-suas-competencias-e-estruturas.

23. Пресняков М.В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г.Н. Комковой. М., ДМК Пресс, 2009.

24. Приказ ФНС России от 17.01.2006 № САЭ-3–15/8@ «Об изменении структуры центрального аппарата Федеральной налоговой службы» // СПС «Гарант» / URL: <https://base.garant.ru/12144585/> (дата обращения: 18.12.2025).

25. Приказ ФНС России от 25.11.2020 № СД-7–9/848@ // сайт: www.nalog.gov.ru // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/10365773/.

26. Приказ ФНС России от 25.11.2019 № ММВ-7–15/585@ (с изм. от 11.12.2019) «О создании Экспертного совета при ФНС России по развитию и совершенствованию системы налогового мониторинга» // СПС «Консультант-Плюс».

27. Распоряжение ФНС России от 26.05.2016 № 87@ «О создании Экспертного совета при ФНС России по совершенствованию практики применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант-Плюс».

28. Садчиков М.Н. Принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как гарантия налогового суверенитета государства // Налоги. 2020. № 1. С. 23–25.

29. Седова Ж.И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. Москва: Статут, 2023. 486 с.

30. Султанов А.Р. Жажда справедливости: борьба за суд. / Москва: Статут, 2014. – 304 с.

31. Якушев Р.В. Информационные системы налоговых органов как инструмент предупреждения и разрешения налоговых споров // Финансовое право. 2024. № 10. С. 16–21.

32. Andrea Maia. Tax Mediation: Breaking New Grounds – The Pioneering Case of Porto Alegre // URL: <https://mediationblog.kluwerarbitration.com/2024/01/08/tax-mediation-breaking-new-grounds-the-pioneering-case-of-porto-alegre/>.

PERSPECTIVES ON MEDIATIVE SETTLEMENT OF TAX DISPUTES

Sedova A.D.

Federal Tax Service of the Russian Federation

The article describes existing tools for reducing tax conflicts. At the same time, it justifies the implementation of a procedurally new procedure – the mediation of tax disputes in the legislation of the Russian Federation in situations justified by the protection of public interest. The basic principles of mediation involving tax authorities are described. It is concluded that there is no conflict between private and public interests in the mediation of tax disputes, and the need for the presence of a third party from the supervisory authority (the prosecutor) due to the stated instrument of the described mediation procedure – legal discretion as an integral part of the fiscal discretion of the federal executive authority authorized to control and supervise taxes and fees. As an example of the implementation of mediation in the field of taxes and fees, the positive experience of Brazil in conducting an experimental “tax mediation” regime is analyzed.

Keywords: mediation, alternative methods of resolving tax disputes, legal discretion, fiscal discretion, mediation agreements, tax mediation regime, protection of the public interest.

References

1. The Great Soviet Encyclopedia // GUFO.ME URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB>.
2. Vasil'eva O.N., Mitina A.V. Philosophical and Legal Understanding of Freedom: History and Modernity. Vestnik MGPU. Seriya Yuridicheskie nauki = Bulletin of the MG-PU. Series: Legal Sciences. № 2 (42) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovoe-ponimanie-svobody-istoriya-i-sovremennost>.
3. Ilyin, A. Yu., Kopina, A. A., Kucherov, I. I., [and others] Mutual agreement procedures in the settlement of tax disputes in a pre-trial manner. Monograph. Ed.A. Yu. Ilyin. Moscow: Prospekt; 2017. 112 p.
4. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility, 2nd ed., amend. and augm., Moscow, Norma, INFRA-M, 2020, 432 p.
5. The Law No. 13.028 of March 11, 2022, Brazil. Presidência da República Secretaria-Geral Subchefia para Assuntos Jurídicos LEI № 13.028, DE 11 DE MARÇO DE 2022 // URL: https://www.camapaoa.rs.gov.br/draco/processos/137049/Lei_13028.pdf (date of access: 17.12.2025).
6. Kolesnichenko T.V. Pre-trial and judicial procedures for resolving disputes based on the results of tax audits: a scientific and practical guide. Moscow: Yustitsinform, 2012. 200 p.
7. The concept of development of tax audit in the system of tax authorities of the Russian Federation // Order of the Federal Tax Service of Russia dated 01.09.2006 No. 130@ “On the concept of development of tax audit in the system of tax authorities”. URL: <https://www.nalog.gov.ru>.
8. Kravchenko I. V. STS: change of the simplified object. Glavnaya kniga = General book. 2018 P. 38–43.

9. Lvova M.I., Alekseev S.D. Development of conciliation procedures in tax legal relations // *Finansy = Finance*. 2025. No. 4. P. 37–43.

10. Mankovsky I.A. Interpretation of norms of Civil law: ways of improving the Civil Code of the Republic of Belarus. Mankovsky I.A. / I.A. Mankovsky // VIII Perm Congress of Legal Scholars: Collection of scientific articles of the Interregional Russian Forum of Classical Legal University Science, Perm, October 20–21, 2017 / Editors-in-chief V.G. Golubtsov, O.A. Kuznetsova. – Perm: Perm State National Research University, 2017.

11. Nersesyants V.S. General Theory of Law and State: textbook / V.S. Nersesyants. – M.: Norma: INFRA-M, 2014. 560 p.

12. Nikitin A.A. Legal discretion: theory, practice, technique: dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01 / Nikitin Alexander Alexandrovich; [Place of protection: FSBEI of HE "Saratov State Law Academy"]. Saratov, 2021. 514 p.

13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.12.2008 No. 1072-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the open joint-stock company "Central Fuel Company" regarding the violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of paragraph 1 of Article 252 of the Tax Code of the Russian Federation" / SPS "Consultant-Plus".

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 25, 2023 No. 790-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the joint-stock company "VEZU" regarding the violation of its constitutional rights by subparagraph 2 of paragraph 2 of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus".

15. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 24, 2017 No. BS-4-11/5455@ / SPS "Consultant Plus".

16. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 26.11.2013 No. GD-4-3/21097 "On sending a letter from the Ministry of Finance of Russia" (together with the Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 07.11.2013 No. 03-01-13/01/47571 "On the formation of a unified law enforcement practice") // SPS "Consultant Plus".

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.06.2002 No. 11-P "On the case of verifying the constitutionality of a number of provisions of the Law of the Russian Federation of 18 June 1992 "On social protection of citizens exposed to radiation due to the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant" (as amended on 24 November 1995 and 12 February 2001), Federal Laws of 12 February 2001 "On Amendments and Supplements to the Law of the Russian Federation "On social protection of citizens exposed to radiation due to the disaster at the Chernobyl Nuclear Power Plant", of 19 June 2000 "On the minimum wage" and of 7 August 2000 "On the procedure for establishing the amounts of scholarships and social payments in the Russian Federation" in connection with the inquiries of the Supreme Court of the Russian Federation and the Oktyabrsky District Court of the city of Krasnodar, complaints of citizens and public organizations of Chernobyl victims" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 27. Art. 2779.

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.07.2007 No. 12-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 9 and 10 of Article 7 of the Law of the Nizhny Novgorod Region "On pensions for length of service to persons who held government positions in the Nizhny Novgorod Region" in connection with the complaint of citizen N.D. Pirozhkov" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 30. Art. 3990.

19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part I of

the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8, August 2015.

20. Regulation on the Expert Council under the Federal Tax Service of Russia for the development of tax and fee legislation application practices by major taxpayers, taking into account the industry-specific features of their activities, approved by Order of the Federal Tax Service of Russia dated June 26, 2019 No. MMB-7-22/326@ // Web: www.nalog.gov.ru // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/coordination/knssov/?ysclid=mj1l2hep-bv152389921.

21. Resolution of the Government of the Russian Federation of September 30, 2004 No. 506 (as amended on May 29, 2025) "On approval of the Regulation on the Federal Tax Service" // Collected Legislation of the Russian Federation, October 4, 2004, No. 40, Art. 3961.

22. Resolution of June 17, 2022 No. 21.527. DECRETO Nº 21.527, DE 17 DE JUNHO DE 2022 // Web: www.leismunicipais.com.br / URL: <https://leismunicipais.com.br/ar/p/porto-alegre/decreto/2022/2153/21527/decreto-n-21527-2022-regulamenta-a-lei-13028-de-11-de-marco-de-2022-que-institui-a-camara-de-mediacao-e-conciliacao-tributaria-da-procuradoria-geral-do-municipio-cmct-pgm-e-a-camara-de-mediacao-e-conciliacao-tributaria-da-secretaria-municipal-da-fazenda-cmct-smf-estabelecendo-suas-competencias-e-estruturas>.

23. Presnyakov M.V. Constitutional concept of the principle of justice / edited by G.N. Komkova. Moscow, DMK Press, 2009.

24. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 17.01.2006 No. CA3-3-15/8@ "On changing the structure of the central office of the Federal Tax Service" // SPS "Garant" / URL: <https://base.garant.ru/12144585/> (date of access: 18.12.2025).

25. Order of the Federal Tax Service of Russia dated November 25, 2020 No. CD-7-9/848@ // Web: www.nalog.gov.ru // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/10365773/.

26. Order of the Federal Tax Service of Russia dated November 25, 2019 No. MMB-7-15/585@ (as amended on December 11, 2019) "On the establishment of the Expert Council under the Federal Tax Service of Russia for the development and improvement of the tax monitoring system" // SPS "ConsultantPlus".

27. Order of the Federal Tax Service of Russia dated May 26, 2016 No. 87@ "On the establishment of the Expert Council under the Federal Tax Service of Russia for improving the practice of applying insolvency (bankruptcy) legislation" // SPS "ConsultantPlus".

28. Sadchikov M.N. The principle of balance of private and public interests in tax relations as a guarantee of the tax sovereignty of the state // *Nalogi = Taxes*. 2020. No. 1. Pp. 23–25.

29. Sedova Zh.I. Legal forms of denial of bad faith behavior. Moscow: Statut, 2023. 486 p.

30. Sultanov A.R. Thirst for Justice: The Fight for the Court. / Moscow: Statut, 2014. – 304 p.

31. Yakushev R.V. Information systems of tax authorities as a tool for preventing and resolving tax disputes // *Finansovoe Pravo = Financial Law*. 2024. No. 10. Pp. 16–21.

32. Andrea Maia. Tax Mediation: Breaking New Grounds – The Pioneering Case of Porto Alegre // URL: <https://mediationblog.kluwerarbitration.com/2024/01/08/tax-mediation-breaking-new-grounds-the-pioneering-case-of-porto-alegre/>.

Юхтанова Анастасия Сергеевна,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: yuhtanova25@mail.ru

В статье рассмотрены особенности временного управления активами российских компаний с иностранным участием в условиях санкций со стороны недружественных государств. Целью статьи является исследование проблемы реализации временного управления иностранными компаниями в Российской Федерации. Автором указаны основания введения временного управления, порядок установления и условия реализации. В статье проанализированы основные характеристики временного управления как нового способа корпоративного управления. Новизна исследования заключается в том, что рассматриваемое понятие было введено в 2023 году. На данный момент отсутствуют теоретические исследования данного явления. В статье также сопоставлено новое понятие «временное управление компаниями с иностранным участием» с уже существующим в рамках банкротного законодательства механизмом введения временной администрации кредитной организации. Таким образом, автором использован формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. На основе проведенного исследования, автором приведено понятие временного управления. Автором также сделан вывод, что временное управление компаниями с иностранным участием можно рассматривать как новый способ корпоративного управления, имеющий свои особенности.

Ключевые слова: временное управление, корпоративное управление, Росимущество, способ управления, компании с иностранным участием, недружественные государства, ценные бумаги, санкции.

В настоящее время в связи с введением санкций в отношении российских компаний и граждан Российской Федерации за рубежом, включающих в том числе, арест счетов в иностранных банках и имущества, находящегося на территории недружественных государств, а также иные ограничения пользования и распоряжения активами, были приняты ответные меры в виде введения в отношении ряда отечественных компаний с иностранным участием временного управления.

Временное управление иностранными активами – акциями (долями), принадлежащими иностранным лицам из недружественных стран, было впервые введено Президентом Российской Федерации 25 апреля 2023 года указом № 302 «О временном управлении некоторым имуществом»¹.

Позднее право введения временного управления было установлено в п. 5 ст. 4.2 Федерального закона от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» в редакции от 19.12.2023².

Так, под временное управление может попасть движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги и имущественные права, принадлежащие иностранным лицам, зарегистрированным или иным образом связанным с недружественными иностранными государствами.

Временное управление введено в отношении ценных бумаг компаний: 25.04.2023 – ПАО «ЮНИПРО», ПАО «Форвард Энерго» (ранее ПАО «Фортум»), 22.04.2023 – группа компаний «Прайм Принт» (5 организаций), 19.02.2024 – ООО «Ульяновский станкостроительный завод», 08.04.2024 – группа компаний АгроТерра (4 организации), ООО «БСХ Бытовые Приборы» (Bosch), 15.10.2024 – АО «Верховский молочно-консервный завод», ООО «Главпродукт», АО «Орелпродукт» и другие. На 06.10.2025 – дату последней редакции указа в список вошло около 30 компаний.

До марта 2024 года во временном управлении Росимущества находились также активы компании Danone (АО «ЭЙЧ ЭНД ЭН»), однако Указом Президента Российской Федерации от 13.03.2024 № 186 оно было отменено³. Данное обстоятельство связано с продажей активов компании российским инвесторам. Аналогичная ситуация произошла группой компаний Рольф (4 организации), с них сняты ограничения 30.09.2024⁴. Также ограничения сняты в отношении ряда других компаний, попавших в рассматриваемый список.

Отметим, что указанные компании занимают важное место на рынке в своей сфере и влияют на товарооборот в России. Однако сам механизм выбора передачи активов той или иной компании не известен.

Вопрос установления и реализации временного управления является актуальным для корпоративного права, поскольку правовой статус лица, его осуществляющего, до сих пор не урегулирован. Более того, при реализации временного управления возникают сложности с пониманием его правовой природы и места в структуре корпоративного управления хозяйственным обществом. С учетом ужесточения санкций и приостановлением хозяйственной деятельности многих российских компаний с иностранным участием проблема реализации временного управления становится безусловно актуальной.

В связи с изложенным, необходимо определить правовую природу временного управления, его основания, порядок введения и правовые последствия его введения.

Органом, осуществляющим временное управление, указано Федеральное агентство по управлению государственным имуществом Российской Федерации (далее – Росимущество).

¹ Указ Президента РФ от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом»// Собрание законодательства РФ, 01.05.2023, № 18, ст. 3290.

² Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»// Собрание законодательства Российской Федерации, 11.06.2018, № 24 ст. 3394.

³ Указ Президента РФ от 13.03.2024 № 186 «О признании утратившими силу отдельных положений актов Президента Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 18.03.2024, № 12, ст. 1606.

⁴ Указ Президента РФ от 30.09.2024 № 830 «О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 07.10.2024, № 41, ст. 6131

При этом, Президент РФ обладает правом назначить временным управляющим и иное лицо. Так, управление долями в ООО «Аристон Термо Рус» и ООО «БСХ Бытовые Приборы» было передано во временное управление АО «Газпром бытовые системы»¹.

Таким образом, указом Президента РФ устанавливается фактически новый способ (механизм) корпоративного управления, отличный от всех ранее существующих, имеющий (1) собственные основания введения, (2) порядок установления, (3) лицо, осуществляющее корпоративное управление, (4) особенности реализации.

В рамках настоящей работы рассмотрим временное управление хозяйственным обществом как новый способ корпоративного управления, его особенности и практическую реализацию.

По мнению И.С. Шиткиной, корпоративное управление – совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого управляется и контролируется деятельность корпораций².

Корпоративное управление также является частью широкого экономического контекста, в котором функционирует хозяйственное общество, включающего в том числе, макроэкономическую политику и различные факторы производства³. Следовательно, на организацию корпоративного управления также влияют экономические санкции и политические решения ряда государств, которые приводят в том числе к негативным последствиям для компании. Именно данная причинно-следственная связь является центральной для введения нового механизма организации управления – временного управления.

Рассмотренные определения наиболее точно отражают смысл временного управления. Так, целью временного управления являлась именно передача корпоративных прав иностранных компаний, владельцев акций (долей) российских юридических лиц, временному управляющему для реализации полномочий по управлению корпорацией и ее активами, в том числе заводами, производственными комплексами и иными объектами.

Например, в качестве основной причины введения временного управления в отношении ООО «Аристон Термо Рус», ООО «БСХ Бытовые Приборы» (Bosch) указывают именно необходимость передачи заводов компаний и возобновление производства бытовой техники.

В отношении других компаний столь явно причины введения временного управления не обозначены, однако, руководствуясь правовой природой корпоративного управления, предположим, что целью являлась также реализация управленческих полномочий в отношении имущества компаний.

Основаниями введения временного управления являются:

1. лишение Российской Федерации и (или) российских юридических или физических лиц права собственности на имущество, находящееся на территории недружественного иностранного государства, и (или) имущественных прав;

В настоящее время недружественными государствами активно обсуждается изъятие заблокированных российских активов. 20.04.2024 г. в США Палата представителей одобрила изъятие российских активов⁴. 08.05.2024 Европейский Союз предварительно согласовал решение о их конфискации⁵.

Указанное может повлечь увеличение числа компаний, в отношении которых введено временное управление.

2. ограничение вышеуказанных прав;

3. возникновение угрозы лишения или ограничения данных прав;

4. возникновение угрозы национальной, экономической, энергетической или иным видам безопасности Российской Федерации, ее обороноспособности.

¹ Указ Президента РФ от 26.04.2024 № 294 «О внесении изменений в перечень движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц и имущественных прав, в отношении которых вводится временное управление, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302» // Собрание законодательства РФ, 29.04.2024, № 18, ст. 2417.

² Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. – С. 42.

³ Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – С. 114.

⁴ Палата представителей одобрила изъятие активов России в пользу Украины. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2024/6623f9fe9a-7947051943be0b> (дата обращения: 17.05.2024).

⁵ ЕС предварительно согласовал использование активов России для помощи Украине. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/05/08/22966069.shtml> (дата обращения: 17.05.2024).

В рамках временного управления субъектом корпоративного правоотношения становится временный управляющий – Росимущество или иная организация.

Данный субъект является особым и не подпадает под сложившуюся в доктрине классификацию субъектов корпоративных правоотношений. И.С. Шиткина указывает, что к таким субъектам относится сама корпорация, акционеры, члены органов управления и третьи лица (реестродержатель). Правовое положение Росимущества в рамках корпоративных отношений относится скорее к акционерам, поскольку ему передаются в управление именно ценные бумаги. Фактически множество акционеров заменяется одним лицом, уполномоченным государством на временное осуществление полномочий управления.

При этом правовое положение такого временного управляющего не ясно, поскольку передача прав акционеров является временной мерой и не влечет утрату ими своего статуса. Отметим, что в правоотношениях, связанных с управлением корпорацией, могут участвовать иные лица, оказывающие воздействие на формирование ее воли и являющиеся субъектами корпоративного управления⁶. Следовательно, временный управляющий является субъектом корпоративного управления.

К его полномочиям относится осуществление прав собственника движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставном капитале российского юридического лица, имущественных прав, находящихся во временном управлении, за исключением полномочий по распоряжению имуществом.

В связи с тем, что временному управляющему передаются права собственника, он реализует и корпоративные права владельца долей (акций). Следовательно, временный управляющий вправе:

1. назначать единоличный исполнительный орган, что и было реализовано Росимуществом во всех компаниях⁷.

2. избрать новый совет директоров, в частности, полностью заменен в ПАО «Фортум».

3. внести изменения в устав, например, устав в новой редакции был принят в ПАО «ЮНИПРО» 27.06.2023 после введения временного управления.

Рассматривая правовую природу временного управления, отметим, что ранее такого механизма не существовало, однако, в некоторых нормативных актах упоминалось понятие временное управление.

С учетом отстранения собственников компаний от управления и передачи управленческих полномочий Росимуществу, можно сделать вывод о схожести с введением временной администрации в кредитной организации.

Данный вывод следует из положений ст. 189.31 Закона о банкротстве. Так, временной администрации передаются полномочия исполнительных органов и право назначения своих представителей в филиалах и дочерних организациях, принятие мер по обеспечению сохранности имущества и т.п. Указанные полномочия временной администрации схожи с правами, реализуемыми Росимуществом в рамках временного управления.

Т.П. Шишмарева отмечает, что правовое положение временной администрации при переходе к ней функций исполнительных органов необходимо оценивать как лица, осуществляющего полномочия органа юридического лица⁸. При этом, временная администрация не становится органом юридического лица, поскольку не является частью такого юридического лица.

Соглашаясь с вышеуказанной позицией, отметим, что Росимущество также не является органом хозяйственного общества, однако осуществляет управленческие функции. Полагаем, что правовое положение Росимущества в рамках временного управления имеет общие черты со статусом временной администрации.

Кроме того, временная администрация назначается с целью санации банка, т.е. принятия мер по предупреждению банкротства. Отметим, что в большинстве случаев именно необходимость обеспечения сохранности имущества (заводы, предприятия и иные активы) российских компаний с иностранным участием и являлось ключевым фактором введения временного управления. Данное обстоятельство

⁶ Корпоративное право: учебник / отв. ред. А.Н. Беседин. – М.: Проспект, 2024. – С. 63.

⁷ Росимущество назначило нового гендиректора в «Агротерру». URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/05/08/22966069.shtml> (дата обращения: 17.05.2024).

⁸ Шишмарева Т.П. Внешнее управление организацией: понятие, основания, условия // Частноправовой подход в цивилизационных процессах (памяти д.ю.н., профессора Ю.Ф. Беспалова): Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2022 года. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2023. – С. 287.

также сближает цели, реализуемые временной администрацией банков и временным управляющим компанией с иностранным участием.

В свою очередь полномочия временного управляющего в рамках наблюдения не раскрывают суть нового режима, поскольку не свидетельствуют о полном отстранении первоначальных исполнительных органов и собственников организации от управления.

На основании вышеизложенного, можно привести определение временного управления. Временное управление российским юридическим лицом с иностранным участием – это способ корпоративного управления хозяйственным обществом, устанавливаемый Президентом Российской Федерации в отношении российских юридических лиц с иностранным участием в качестве ответной меры на действия недружественных стран в отношении активов российских лиц за рубежом, представляющий собой передачу корпоративных прав акционеров (участников) временному управляющему в лице Росимущества или иного лица, имеющему право на осуществление всех полномочий собственника, за исключением права распоряжения.

Таким образом, временное управление компаниями с иностранным участием является новым способом корпоративного управления, имеющим свои особенности, субъект, порядок введения и реализации.

В настоящее время данный способ только начинает реализовываться, в связи с чем его характеристики могут быть дополнены и видоизменены с учетом реальной практики корпоративного управления.

Литература

1. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017. – 352 с.
2. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. – М.: Статут, 2005. – 446 с.
3. Корпоративное право: учебник/ отв. ред. А.Н. Беседин. – М.: Проспект, 2024. – 520 с.
4. Шишмарева Т.П. Внешнее управление организацией: понятие, основания, условия // Частноправовой подход в цивилизационных процессах (памяти д.ю.н., профессора Ю.Ф. Беспалова): Материалы меж-

дународной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2022 года. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2023. – С. 285–295.

TEMPORARY MANAGEMENT OF BUSINESS COMPANIES UNDER SANTIONS AS A METHOD OF CORPORATE GOVERNANCE

Iukhtanova A.S.

Postgraduate of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article considers the peculiarities of temporary management of assets of Russian companies with foreign participation under sanctions imposed by unfriendly states. The purpose of the article is to study the problem of the implementation of temporary management of foreign companies in the Russian Federation. The author specifies the grounds for the introduction of temporary management, the procedure of establishment and conditions of implementation. The article analyzes the main characteristics of temporary management as a new method of corporate governance. The novelty of the study lies in the fact that the concept in question was introduced in 2023. At the moment, there are no theoretical studies of this phenomenon. The article also compares the new concept of "temporary management of companies with foreign participation" with the mechanism already existing within the framework of bankruptcy legislation for the introduction of temporary administration of a credit institution. Thus, the author uses formal legal and comparative legal research methods. On the basis of the conducted research, the author gives the concept of temporary management. The author also concludes that the temporary management of companies with foreign participation can be considered as a new way of corporate governance, which has its own characteristics.

Keywords: temporary management, corporate governance, Federal Agency for State Property Management of the Russian Federation, management method, companies with foreign participation, unfriendly states, securities, sanctions

References

1. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate Law of Modern Russia: Monograph. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2017. 352 p.
2. Gabov A.V. Interested-Party Transactions in the Practice of Joint-Stock Companies: Problems of Legal Regulation. Moscow: Statut, 2005. 446 p.
3. Corporate Law: Textbook/editor A.N. Besedin. Moscow: Prospect, 2024. 520 p.
4. Shishmareva T.P. External management of an organization: concept, grounds, conditions // Private law approach in civilization processes (in memory of Doctor of Law, Professor Yu.F. Bepalov): Proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, October 20–21, 2022. – М.: Publishing house "UMC", 2023. – P. 285–295.

Роль строительно-технической экспертизы при расследовании дел об административных правонарушениях в сфере строительства

Столярова Зинаида Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России
E-mail: zina_adyunkt@mail.ru

Бажин Григорий Михайлович,

старший преподаватель кафедры металлических и деревянных конструкций; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: gbajin@mail.ru

Судебная строительно-техническая экспертиза играет ключевую роль в разрешении правовых споров, связанных с качеством строительства, безопасностью зданий и сооружений, а также определением стоимости строительных объектов. Однако развитие данной сферы сталкивается с рядом проблем, включая отсутствие унифицированных методологических стандартов, правовые противоречия, недостаточную цифровизацию экспертных исследований и сложности в интеграции экономических и строительных экспертиз.

Целью исследования является анализ существующих проблем судебной строительно-технической экспертизы и разработка предложений по их устранению. В работе рассматриваются вопросы унификации экспертных методик, нормативного регулирования статуса эксперта, использования цифровых технологий (BIM-моделирование, лазерное сканирование, автоматизированный анализ данных), а также интеграции строительно-технических и экономических экспертиз.

В результате исследования выявлены ключевые направления совершенствования судебно-экспертной деятельности в строительстве. Предложены меры по стандартизации методологических подходов, законодательному регулированию применения цифровых технологий и развитию системы подготовки судебных экспертов. Внедрение данных решений позволит повысить объективность и достоверность экспертных заключений, улучшить качество судебных разбирательств и повысить доверие к судебно-экспертным исследованиям.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, строительно-техническая экспертиза, судебно-экспертная деятельность, цифровизация экспертизы, методология судебных экспертиз, правовое регулирование экспертизы, BIM-моделирование, стандартизация экспертиз, экономическая оценка строительства.

Введение

Судебная строительно-техническая экспертиза представляет собой важнейший элемент правоприменительной практики, обеспечивающий достоверное установление фактов, связанных с возведением, эксплуатацией, реконструкцией и разрушением строительных объектов [1]. В различных видах судопроизводства – гражданском, арбитражном и уголовном – данная экспертиза используется для анализа технического состояния зданий и сооружений, оценки качества строительных работ, установления причин аварий и разрушений, а также для определения соответствия выполненных работ строительным нормам и техническим регламентам [2]. В настоящее время институт административной ответственности нуждается в усовершенствовании и модернизации, о чем пишут специалисты в научной среде [3]. В этом контексте особую актуальность приобретают инструменты реализации административной ответственности, в первую очередь, строительно-техническая экспертиза, когда речь идет о расследовании дел об административных правонарушениях в сфере строительства. Однако, несмотря на возрастающую потребность в таких исследованиях, развитие данной отрасли сталкивается с рядом методологических, правовых и организационных сложностей.

Одной из ключевых проблем является отсутствие единой системы методологического регулирования судебно-экспертных исследований. Различные экспертные учреждения применяют отличающиеся методики, что нередко приводит к расхождению в выводах по одному и тому же объекту исследования [4]. Недостаточная унификация подходов к проведению экспертиз затрудняет как интерпретацию их результатов, так и возможность их повторной верификации, что снижает уровень доверия к судебно-экспертным заключениям.

Правовые аспекты организации судебных строительно-технических экспертиз также остаются дискуссионными. На сегодняшний день существуют значительные различия в требованиях, предъявляемых к государственным и негосударственным экспертам [5]. Отсутствие четкого регламента сертификации специалистов приводит к ситуации, при которой уровень подготовки экспертов может существенно варьироваться. Кроме того, в практике правоприменения возникает неопределенность в разграничении понятий судебной экспертизы и технического заключения, выдаваемого строительными организациями. Это нередко создает противоречия при рассмотрении споров, особенно в случаях, касающихся оценки качества строительных объектов и стоимости выполненных работ [6].

Дополнительные вызовы для судебной строительно-технической экспертизы связаны с развитием цифровых технологий. Современные методы компьютерного моделирования, машинного обучения и автоматизированного анализа данных обладают значительным потенциалом для повышения точности экспертных исследований, однако их внедрение в судебную практику осуществляется недостаточно системно [7]. Несмотря на очевидные преимущества таких подходов, их применение ограничивается как высоким уровнем затрат на технологическое оснащение экспертных организаций, так и отсутствием нормативных актов, регламентирующих порядок использования цифровых инструментов при проведении экспертных исследований [8].

Не менее значимой проблемой является недостаточный уровень подготовки судебных экспертов в сфере междисциплинарных исследований. Оценка строительных объектов часто требует знаний не только в области строительных технологий, но и в сфере экономического анализа, что делает актуальной задачу интеграции судебно-строительных и судебно-экономических экспертиз. Особенно это проявляется в арбитражных спорах, связанных с банкротствами строительных компаний, оценкой ущерба и исследованием стоимости строительных активов [9]. Несовершенство существующих подходов к расчету стоимости объектов строительства и строительных работ порождает значительные разногласия между сторонами судебного разбирательства, что усложняет вынесение объективного судебного решения [10].

В условиях роста объемов строительства и повышения требований к качеству экспертных исследований совершенствование судебной строительно-технической экспертизы становится одной из приоритетных задач судебно-экспертной деятельности. Дальнейшее развитие

данной сферы требует решения вопросов методологической унификации, нормативного регулирования, цифровизации процессов экспертных исследований, а также совершенствования системы подготовки специалистов [11].

Основная часть

Методологические проблемы судебной строительно-технической экспертизы

Современная судебная строительно-техническая экспертиза испытывает острую потребность в унификации методологических подходов, что обусловлено значительным расхождением в применяемых методах исследования среди различных экспертных организаций. Отсутствие общепринятых стандартов и нормативно закреплённых алгоритмов экспертного анализа приводит к ситуации, при которой одни и те же объекты могут получать разные экспертные оценки в зависимости от применяемой методики. В практике судебного разбирательства это порождает значительные сложности при интерпретации результатов экспертиз и создаёт угрозу для вынесения объективных судебных решений.

Одна из ключевых методологических проблем заключается в недостаточной интеграции судебно-экспертных методик с современными научными достижениями в области строительного проектирования и диагностики. В отличие от инженерных изысканий, выполняемых в рамках строительных компаний и исследовательских институтов, судебные экспертизы в большинстве случаев ограничены анализом доступных материалов и не всегда используют передовые инструменты, такие как цифровые методы компьютерного моделирования, лазерное сканирование или структурный мониторинг зданий и сооружений. Эта разобщённость между судебной и технической экспертизой снижает точность и достоверность экспертных заключений.

Кроме того, в существующих судебно-экспертных методиках наблюдается разрыв между качественными и количественными методами анализа. В ряде случаев заключения строительно-технических экспертиз основываются на субъективной оценке экспертов без достаточного математического обоснования их выводов. Это особенно заметно при определении причин разрушения конструкций, исследовании дефектов строительных материалов и оценке соответствия проектных решений фактическому выполнению. Данный аспект требует совершенствования методик экспертных исследований с акцентом на количественные методы, что предполагает развитие экспертного инструментального обеспечения и внедрение математического моделирования.

Правовые аспекты регулирования судебной строительно-технической экспертизы

Судебно-экспертная деятельность в области строительства регулируется целым рядом нормативных актов, однако их содержание оставляет пространство для неоднозначных трактовок, что создаёт правовые коллизии при назначении экспертиз и интерпретации их результатов. Одним из наиболее значимых вопросов остаётся разграничение компетенций государственных и негосударственных экспертных организаций. Действующее законодательство не содержит чётких критериев оценки квалификации частных экспертов, что приводит к варьированию уровня подготовки специалистов, выполняющих экспертные исследования.

Помимо этого, отсутствует строгая регламентация порядка привлечения судебных экспертов в рамках уголовных, арбитражных и гражданских дел. В практике судебного разбирательства встречаются случаи, когда экспертизы, выполненные различными экспертными организациями, вступают в противоречие друг с другом, что требует дополнительного рассмотрения или назначения повторных исследований. Введение обязательных стандартов для судебных строительно-технических экспертиз позволило бы минимизировать вероятность подобных ситуаций, повысив степень доверия к экспертным заключениям.

Ещё одной проблемой является необходимость законодательного закрепления требований к цифровым методам экспертного исследования. В настоящее время использование BIM-моделирования, цифрового анализа конструкций и автоматизированного мониторинга строительных объектов остаётся на усмотрение отдельных экспертных организаций. Это приводит к неоднородности методических подходов и ограничивает возможности применения современных технологий в судебной экспертизе.

Цифровизация судебно-экспертной деятельности и ее перспективы

Современные технологии предоставляют значительные возможности для повышения точности и объективности судебно-строительных

экспертиз. Внедрение цифровых инструментов, таких как трехмерное моделирование, георадарные исследования, лазерное сканирование и автоматизированные методы обработки данных, позволяет получать более детальную картину состояния строительных объектов и проводить экспертные исследования с высокой степенью достоверности. Однако, несмотря на очевидные преимущества цифровизации, процесс ее внедрения сталкивается с рядом препятствий.

Одним из таких барьеров является высокая стоимость программного обеспечения и оборудования, необходимого для проведения цифровых экспертиз. Многие экспертные организации не имеют финансовых ресурсов для приобретения передовых технологий, что делает их использование фрагментарным. Кроме того, недостаток специалистов, обладающих соответствующими компетенциями, затрудняет повсеместное внедрение цифровых методов в судебно-экспертную практику.

На законодательном уровне вопрос цифровизации судебной экспертизы остаётся нерешённым. В отличие от международных стандартов, где цифровые методы уже активно используются в строительной диагностике, российское законодательство пока не содержит нормативных требований к их применению. Для интеграции цифровых технологий в судебную строительно-техническую экспертизу необходимо разработать специальные методические рекомендации и нормативные акты, которые бы определяли порядок их использования в судебных разбирательствах.

Судебная строительно-техническая экспертиза в экономических спорах

Значительное число судебных строительно-технических экспертиз связано с арбитражными и гражданскими спорами, касающимися оценки стоимости строительных объектов, определения ущерба и исследования правомерности проектных решений. В связи с этим встаёт вопрос о необходимости интеграции строительных и экономических экспертных исследований, так как оценка стоимости объектов часто требует участия специалистов в области финансового анализа и бухгалтерского учёта.

Одним из ключевых вызовов в данной сфере является отсутствие единого подхода к расчету стоимости строительных работ и материалов, что ведёт к значительным расхождениям в экспертных заключениях. Различные методики, используемых в экономических и строительно-технических экспертизах, затрудняют комплексную оценку объектов и приводят к правовым конфликтам. Введение унифицированной методики расчета стоимости строительных объектов, основанной на актуальных рыночных данных и технических параметрах, могло бы существенно повысить качество экспертных заключений.

Ещё одной проблемой является недостаточная прозрачность расчетов, проводимых в рамках судебных экспертиз. В ряде случаев экспертные заключения содержат оценочные суждения без должного обоснования применяемых методик и исходных данных. Это порождает вопросы о надёжности таких расчетов и требует введения дополнительных стандартов, регулирующих процесс экспертной оценки.

Заключение

Судебная строительно-техническая экспертиза играет важную роль в правоприменительной практике, обеспечивая анализ технического состояния зданий и сооружений, оценку качества строительных работ и выявление причин аварий. Однако существующая система проведения таких экспертиз сталкивается с рядом проблем, связанных с методологической разобщённостью, правовыми коллизиями, недостаточной цифровизацией и сложностями интеграции с экономическими исследованиями.

Оптимизация судебно-экспертной деятельности в данной сфере требует внедрения единой системы стандартов, которая обеспечит унификацию подходов к проведению экспертиз и повысит их достоверность. Развитие цифровых технологий также должно сопровождаться соответствующими изменениями в законодательстве, направленными на их широкое внедрение в судебно-экспертную практику.

В перспективе совершенствование судебной строительно-технической экспертизы должно основываться на комплексном подходе, включающем стандартизацию методологических основ, цифровизацию экспертных исследований и усиление подготовки специалистов в данной области. Это позволит не только повысить качество судебных экспертиз, но и укрепить доверие к их результатам, что является важным фактором для эффективного правосудия.

Литература

1. Бутырин А.Ю., Статива Е.Б., Чудиёвич А.Р. Судебная строительно-техническая экспертиза и государственный строитель-

ный надзор: общие черты, различия и основы для взаимодействия // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 2 (30). – С. 13–25.

2. Любименко Д.П. Современное состояние и перспективы развития информационного обеспечения и автоматизации судебной строительно-технической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 65–70. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-65-70.

3. Столярова З. Н. О совершенствовании института административной ответственности в сфере миграции // Административное право и процесс. – 2020. – № 9. – С. 61–64.

4. Россинская Е.Р. Проблемы и перспективы развития частной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в контексте судебной экспертологии // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 157–163.

5. Россинская Е.Р. Современные проблемы и вектор развития технологий судебно-экспертных исследований // Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 27–36.

6. Савицкий А.А. Актуальные проблемы назначения и производства судебных оценочных экспертиз // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 5. – С. 288–294.

7. Россинская Е.Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 20–32. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-20-32.

8. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 1 июля 2021 г.) // КонсультантПлюс.

9. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 2020 г.) // КонсультантПлюс.

10. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей».

11. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 № 297 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО № 1)».

THE ROLE OF FORENSIC CONSTRUCTION AND TECHNICAL EXPERTISE IN INVESTIGATING ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Stolyarova Z.N., Bazhin G.M.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Forensic construction and technical expertise plays a key role in resolving legal disputes related to construction quality, building and structure safety, and determining the value of

construction projects. However, the development of this field faces a number of challenges, including the lack of unified methodological standards, legal contradictions, insufficient digitalization of expert research, and difficulties in integrating economic and construction expertise.

The aim of this study is to analyze the existing problems of forensic construction and technical expertise and propose solutions for their resolution. The paper examines issues related to the unification of expert methodologies, regulatory status of experts, the use of digital technologies (BIM modeling, laser scanning, automated data analysis), and the integration of construction and economic expertise.

As a result of the study, key directions for improving forensic expert activity in construction have been identified. Measures have been proposed to standardize methodological approaches, legally regulate the application of digital technologies, and develop a system for training forensic experts. The implementation of these solutions will enhance the objectivity and reliability of expert opinions, improve the quality of legal proceedings, and increase trust in forensic expert research.

Keywords: Forensic examination, construction and technical expertise, forensic expert activity, digitalization of expertise, methodology of forensic examinations, legal regulation of expertise, BIM modeling, standardization of expertise, economic assessment of construction.

References

1. Butyrin A.Yu., Stativa E.B., Chudiyovich A.R. Forensic construction and technical expertise and state construction supervision: common features, differences, and foundations for interaction // Theory and Practice of Forensic Examination. – 2013. – No. 2 (30). – P. 13–25.

2. Lyubimenko D.P. Current state and prospects for the development of information support and automation of forensic construction and technical expertise // Theory and Practice of Forensic Examination. – 2018. – Vol. 13, No. 2. – P. 65–70. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-65-70.

3. Stolyarova Z. N. O sovershenstvovanii instituta administrativnoy otvetstvennosti v sfere migratsii // Administrativnoe pravo i process. – 2020. – № 9. – С. 61–64.

4. Rossinskaya E.R. Problems and prospects for the development of private forensic activities in the Russian Federation in the context of forensic expertology // Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. – Ufa: RIC BashSU, 2021. – P. 157–163.

5. Rossinskaya E.R. Modern problems and development vector of forensic research technologies // Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – P. 27–36.

6. Savitsky A.A. Actual problems of appointment and production of forensic valuation examinations // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2021. – No. 5. – P. 288–294.

7. Rossinskaya E.R. System of the theory of digitalization of forensic activities // Theory and Practice of Forensic Examination. – 2024. – Vol. 19, No. 3. – P. 20–32. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-20-32.

8. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ “On State Forensic Activities in the Russian Federation” (as amended on July 1, 2021) // ConsultantPlus.

9. Federal Law of July 29, 1998 No. 135-FZ “On Valuation Activities in the Russian Federation” (as amended in 2020) // ConsultantPlus.

10. Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 27, 2012 No. 237 “On approval of the list of types of forensic examinations performed in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the list of expert specialties”.

11. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated May 20, 2015 No. 297 “On approval of the Federal Valuation Standard ‘General concepts of valuation, approaches, and requirements for conducting valuation (FVS No. 1)’”.

Баранов Геннадий Олегович,

аспирант, кафедра предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина
E-mail: Gennadiy.olegovich@mail.ru

В статье рассматривается проблема доктринального и нормативного статуса принципа обеспечения стабильности хозяйственного оборота в рамках российского права несостоятельности (банкротства). Несмотря на фундаментальное значение для экономической системы, данный принцип не получил системного законодательного закрепления и зачастую упоминается в научной литературе фрагментарно. Автором проводится анализ правовой природы категории «принцип», исследуются господствующие доктринальные позиции относительно его сущностных характеристик и функциональной роли в механизме правового регулирования. Особое внимание уделяется экономической сущности принципа, которая раскрывается через необходимость интернализации отрицательных экстерналий, минимизацию трансакционных издержек и предотвращение системных макроэкономических кризисов («эффекта домино»). Обосновывается тезис о том, что в банкротстве принцип стабильности трансформируется из частноправовой гарантии предсказуемости сделок в квази-публичный инструмент управления системными рисками. В работе доказывается необходимость признания данного принципа в качестве самостоятельного начала, служащего ориентиром для разрешения коллизий между частными интересами кредиторов и публичным интересом в сохранении устойчивости рынка.

Ключевые слова: банкротство, принцип стабильности хозяйственного оборота, правовая, защита прав кредиторов, экономическая эффективность, арбитражный управляющий, реструктуризация бизнеса, баланс интересов.

Понятие принципа стабильности оборота в банкротстве

В современной российской доктрине принцип обеспечения стабильности хозяйственного оборота не получил системного выделения в качестве самостоятельного и фундаментального начала банкротного права. В научной литературе многие авторы затрагивают данный принцип лишь фрагментарно, упоминая его в контексте рассмотрения отдельных процедурных вопросов, либо выделяют схожие по содержанию категории, такие как принцип правовой определенности и предсказуемости, не раскрывая детально их содержательное наполнение. При этом основной фокус отечественных исследований традиционно смещен в сторону принципа добросовестности, что оставляет иные системообразующие начала в тени научного дискурса. Отсутствие четкого доктринального статуса рассматриваемого принципа создает существенные затруднения для правоприменителей, лишая суды и арбитражных управляющих необходимого ориентира для системного толкования законодательства о банкротстве, особенно в условиях сложных коллизий между частными и публичными интересами. Нормативное или доктринальное закрепление данного принципа позволило бы использовать его как аргумент для ограничительного толкования отдельных норм, требуя обязательной оценки их системных последствий, а также способствовало бы точному определению допустимой степени ограничения прав кредиторов. Текущее непризнание принципа ведет к фрагментарному применению закона, подрывая его регулятивную цель и допуская принятие формально законных, но экономически разрушительных решений. Сложившаяся ситуация терминологической неопределенности требует подробного рассмотрения содержания данного принципа и обоснования его наличия.

Применительно к институту несостоятельности принцип обеспечения стабильности хозяйственного оборота полностью соответствует описанным сущностным характеристикам, выступая объективно обусловленным руководящим началом, отражающим потребность в устойчивости экономических отношений. Данный принцип представляет собой основополагающую идею, направленную на минимизацию негативных системных последствий несостоятельности конкретного должника для экономики в целом. Его сущность заключается в установлении механизмов, предотвращающих эффект «домино» – цепную реакцию неплатежей и кризисов среди контрагентов, а также в сохранении функционально значимых активов и хозяйственных связей. Основой принципа является активное сохранение бизнеса и предупреждение дестабилизации, которая может быть вызвана массовым оспариванием сделок, способным подорвать доверие и предсказуемость оборота. Принцип ориентирован на защиту как частных интересов, так и публичного интереса в предотвращении социальной напряженности и массовых банкротств. Несмотря на то, что принцип прямо не закреплен в Законе о банкротстве, это не лишает его юридической значимости, поскольку правовые принципы формируют основу правотворчества и превосходят конкретные акты по уровню обобщенности – принципы функционируют в единстве с категорией справедливости. Тем не менее, легализация принципа в общих положениях закона была бы целесообразной для восполнения пробелов и создания ориентиров для законодателя, что создало бы предпосылки для его надлежащей имплементации. Значимость принципа подтверждается его упоминанием в актах Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Принцип стабильности хозяйственного оборота пронизывает все стадии банкротства, служа критерием для принятия решений в неурегулированных законом ситуациях. В частности, при оспаривании сделок суды обязаны взвешивать необходимость возврата имущества против риска дестабилизации отношений с добросовестными контрагентами. Реализация принципа обеспечивается конкретными правовыми инструментами. К таковым относятся нормы о введении моратория на удовлетворение требований кредиторов, позволяющие стабилизировать положение должника (ст. 95, 126 Закона о банкротстве); нормы об оспаривании сделок, устанавливающие строгие процессуальные сроки и периоды подозрительности для защиты добросовестных контрагентов от неопределенности (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве); положения о банкротстве стратегических предприятий и естественных монополий (ст. 190–201 Закона о банкротстве); правила про-

даже предприятия как единого имущественного комплекса (ст. 139 Закона о банкротстве), а также особые режимы расчетов в процедурах оздоровления. Принцип отражает необходимость компромисса между интересом кредиторов в полном удовлетворении требований и публичным интересом в сохранении предсказуемости коммерческих связей.

Обеспечение стабильности выступает не просто задачей, а одной из основных целей института банкротства в рыночной экономике, системно способствуя сохранению рабочих мест и цепочек поставок. Однако его реализация не является абсолютной и должна находиться в балансе с принципами соразмерности и справедливости, чтобы не подорвать доверие к институту банкротства чрезмерным ущемлением прав кредиторов.

Настоящий принцип имеет глубокое экономическое обоснование, базирующееся на необходимости интернализации отрицательных экстерналий. Банкротство крупного субъекта порождает катастрофические внешние издержки для третьих лиц (эффект «заражения»). Законодатель, вводя механизмы стабилизации, действует как корректировщик рыночного сбоя, предотвращая неоптимальное распространение ущерба, так как частные издержки кредиторов часто ниже реальных социальных издержек. Теоретическим аргументом служит тот факт, что действующее предприятие обладает большей ценностью, чем сумма его активов, благодаря синергии и наличию невозвратных инвестиций. Инструменты реабилитации направлены на максимизацию стоимости активов, что соответствует критерию эффективности по Парето. Кроме того, стабильность оборота снижает трансакционные издержки, уменьшая неопределенность и «премию за правовой риск», а жесткие рамки оспаривания сделок создают необходимую предсказуемость.

Политическое значение принципа проявляется в минимизации мультипликативных социальных издержек при банкротстве системообразующих предприятий, где государство использует реструктуризацию для предотвращения каскадных эффектов безработицы и региональных кризисов. При этом принцип не отменяет рыночный отбор, а трансформирует его: поддержка оправдана лишь при наличии восстановительного потенциала и сохранении значимой бизнес-модели, иначе возникает риск поддержки неэффективных «зомби-предприятий». Сохранение действующих предприятий также критически важно для бюджетной стабильности, обеспечивая непрерывность налоговых потоков. Таким образом, принцип превращает банкротство из механизма ликвидации в инструмент управления системными рисками, реализуя компромисс между прокредиторской и продолжительной идеологиями.

Следует подчеркнуть уникальную специфику принципа стабильности в банкротстве, отличающую его от общегражданского понимания. В гражданском праве стабильность обеспечивается защитой прав добросовестных приобретателей и запретом произвольного изменения договоров, тогда как в банкротстве она трансформируется в инструмент управления системным кризисом через принудительную реорганизацию связей. Если в гражданском праве принцип защищает участников от произвола, то в банкротстве он разрешает конфликт между интересами кредиторов, публичными интересами и необходимостью сохранения функциональных активов. Функционально принцип выступает системным стабилизатором в условиях рыночного сбоя, признавая диспропорцию между частными и социальными издержками ликвидации. Это легитимизирует исключительные полномочия арбитражного управляющего и суда (мораторий, отказ от сделок, принудительная реструктуризация), которые в обычном обороте были бы недопустимы. Трансформация принципа отражает методологическую дихотомию: институт несостоятельности, будучи частноправовым, выполняет квази-публичные функции по санации рынка. Это позволяет рассматривать принцип как реализацию экономической теории «второго лучшего» («second best»), где конструируются субоптимальные, но социально приемлемые решения. Принцип стабильности в банкротстве тесно связан с публично-правовыми элементами: суд и управляющий выполняют публичные функции контроля и санации. Вмешательство в частную автономию (расторжение договоров, отстранение руководства) является санкционированным правом механизмом нейтрализации экстерналий, которые несимметричны и неконтролируемы участниками частных отношений. Наделение органов банкротства исключительными полномочиями представляет собой принудительную интернализацию издержек, осуществляемую под контролем суда, который гарантирует соразмерность вмешательства. В случае невозможности реабилитации принцип стабильности уступает приоритет принципу максимального удовлетворения требований кредиторов.

Подводя итог, можно сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, принцип стабильности хозяйственного оборота в праве несостоятельности является самостоятельным системообразующим

началом, обладающим уникальной правовой природой. Его сущность состоит не только в защите сделок, но и в управлении системными экономическими рисками для предотвращения каскадных кризисов. Специфика принципа выражается в допустимости временного и контролируемого ограничения частных прав кредиторов ради минимизации макроэкономических издержек, что отличает его от общегражданского понимания стабильности.

Во-вторых, в рамках института банкротства данный принцип выполняет квази-публичную функцию, создавая методологическую дихотомию в регулировании. Реализуя публичные интересы по предотвращению безработицы и дестабилизации экономики, принцип оправдывает наделение арбитражного суда и управляющего исключительными публично-правовыми полномочиями по принудительной реорганизации экономических связей должника.

В-третьих, экономико-правовым обоснованием принципа служит необходимость интернализации отрицательных экстерналий и достижения эффективности по Парето через сохранение действующего предприятия. Законодательные механизмы реабилитации направлены на максимизацию стоимости активов для общества в целом, исходя из того, что ценность функционирующего бизнеса существенно превышает его ликвидационную стоимость.

Литература

- Кулешов В.В. Унификационные тенденции правового регулирования несостоятельности (банкротства) в странах Европейского Союза: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 32; Пустошкин О.В. Правовые средства достижения цели института несостоятельности (банкротства) юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005. С. 9–10; Карелина С.А., Алешина Е., Шумаков С., Храпова М., Коротких О., Сопко Е., Баранов И., Клопцов И., Спирин В., Носкова Ю., Коновалова А., Зайкова А., Басхаев Ч., Палехова Е., Болотина А.; отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелина. Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие. Юстицинформ. 2017. С. 99; Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 12.
- Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. Инфотропик Медиа. 2015. С. 102.
- Кравченко А.А. Механизм реализации принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): монография. Юстицинформ. 2022. 256 с.; Артанова М.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе несостоятельности (банкротства). Юстицинформ. 2019. С. 31–56; Сахарова Ю.В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе банкротства // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 29–34; Ряполова О.А. Прикладное значение принципа добросовестности в делах о банкротстве // Законодательство. 2024. № 7. С. 31–37; Бычков А.И. Злоупотребления должника в деле о банкротстве и инструменты защиты прав кредитора. Инфотропик Медиа. 2023. 242 с.; Гурьева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): монография. Юстицинформ. 2023. 199 с.
- Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 37.
- Коновалов А.В. Принципы гражданского права. СПб.: ООО «ИД «ПРАВО». 2019. С. 239.
- Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. N 458-О // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 г. N 126-О // СПС «Гарант»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2025 г. N 438-О // СПС «Гарант»; Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июня 2023 г. N 30-П // СПС «Гарант»; Постановление Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. N 6-П // СПС «Гарант».
- Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2012 г. N ВАС-17217/12 // СПС «Гарант»; Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 апреля 2013 г. N ВАС-3308/13 // СПС «Гарант».
- Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2024 г. N 306-ЭС23-18539 по делу N А55-23485/2021 // СПС «Гарант»; Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2020 г. N 307-ЭС20-5284 по делу N А56-23506/2017 // СПС «Гарант».
- Асатуров К.Г., Теплова Т.В. Эффекты перетекания волатильности и заражения на фондовых рынках: определение глобальных и локальных лидеров (часть 2) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 6. С. 3–34

10. Calabresi, G. The Costs of Accidents: A Legal and Economic Analysis. Yale University Press. 1970. P. 141; Posner R.A. Economic Analysis of Law. 8th ed. New York, Aspen Publishers. 2010. P. 78.

11. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат. 1996. С56.

12. Критерий эффективности по Парето отталкивается от Парето-оптимальности. Парето-оптимальность – состояние, при котором невозможно улучшить положение одного участника системы, не ухудшив положение другого. Формально: распределение ресурсов оптимально по Парето, если не существует альтернативы, в которой хотя бы один индивид выигрывает без потерь для других. См.: Блауг М. Экономическая теория благосостояния Парето // Экономическая мысль в ретроспективе М.: Дело, 1994. С. 540–561.

13. Основы институциональной экономики: учебное пособие для студентов вузов, электронное издание сетевого распространения / И.В. Чурзина, В.Н. Ковнир М.: «КДУ», «Добросвет». 2018. С. 167

14. Коуз Р. Природа фирмы // Вехи экономической мысли. Теория фирмы. Т. 2. Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. 2000. С. 11–33.

15. Skeel D.A. Debt's Dominion: A History of Bankruptcy Law in America. Books. 44. 2001. P. 53.

16. Tung F., Roe M.J. Bankruptcy and Corporate Reorganization, Legal and Financial Materials, 4th ed. Books. 26. 2016. P. 167.

17. О данной теории см. подробнее: Lipsey R.G., Lancaster K. The General Theory of Second Best // Review of Economic Studies. 1956. № 24 (1). P. 11–32.

18. О публично-правовой функции арбитражного управляющего см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 г. N 12-П // СПС «Гарант».

THE CONCEPT OF THE PRINCIPLE OF STABILITY OF BUSINESS TURNOVER IN BANKRUPTCY

Baranov G.O.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

This article examines the doctrinal and regulatory status of the principle of ensuring stability of business turnover within the framework of Russian insolvency (bankruptcy) law. Despite its fundamental importance for the economic system, this principle has not received systematic legislative codification and is often mentioned in academic literature only fragmentarily. The author analyzes the legal nature of the category "principle" and examines prevailing doctrinal positions regarding its essential characteristics and functional role in the mechanism of legal regulation. Particular attention is given to the economic essence of the principle, which is revealed through the need to internalize negative externalities, minimize transaction costs, and prevent systemic macroeconomic crises ("domino effect"). The thesis is substantiated that in bankruptcy, the stability principle is transformed from a private-law guarantee of transaction predictability into a quasi-public instrument for managing systemic risks. The paper argues for the need to recognize this principle as an independent principle, serving as a guide for resolving conflicts between the private interests of creditors and the public interest in maintaining market stability.

Keywords: bankruptcy, principle of economic stability, legal protection of creditors' rights, economic efficiency, insolvency practitioner, business restructuring, balance of interests.

References

1. Kuleshov V.V. Unification trends of legal regulation of insolvency (bankruptcy) in the countries of the European Union: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow, 2002. P. 32; Pustoshkin O.V. Legal means of achieving the goal of the institution of insolvency (bankruptcy) of a legal entity: Diss. ... Cand. Sci. (Law). Samara, 2005. Pp. 9–10; Karelina S.A., Aleshi-

na E., Shumakov S., Khrapova M., Korotikh O., Sopko E., Baranov I., Kloptsov I., Spirin V., Noskova Yu., Konovalova A., Zaykova A., Baskhaev Ch., Palekhova E., Bolotina A.; ed. Doctor of Law, prof. S.A. Karelina. Insolvency (Bankruptcy) Institute in Tables and Diagrams: A Study Guide. Yustitsinform. 2017. Page 99; Telyukina M.V. Competition Law. Civil Law Problems: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2003. Page 12.

2. Kuznetsov S.A. Main Problems of the Legal Institute of Insolvency (Bankruptcy): A Monograph. Infotropic Media. 2015. Page 102.

3. Kravchenko A.A. Mechanism for Implementing the Good Faith Principle in the Sphere of Insolvency (Bankruptcy): A Monograph. Yustitsinform. 2022. 256 pages; Artanova M.V. Legal Problems of Implementing the Good Faith Principle in the Insolvency (Bankruptcy) Process. Yustitsinform. 2019. Pages 31–56; Sakharova Yu.V. Legal issues of implementing the good faith principle in bankruptcy proceedings // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2017. No. 2. Pp. 29–34; Ryapolova O.A. Applied significance of the good faith principle in bankruptcy cases // Legislation. 2024. No. 7. Pp. 31–37; Bychkov A.I. Debtor's abuse in bankruptcy proceedings and instruments for protecting creditor's rights. Infotropic Media. 2023. 242 p.; Guryleva K.I. Abuse of rights by subjects of insolvency (bankruptcy) relations: monograph. Yustitsinform. 2023. 199 p.

4. Suvorov E.D. Problems of implementing the principle of equality of creditors of an insolvent debtor: dis. ... Doctor of Law. M., 2022. Page 37.

5. Konovalov A.V. Principles of Civil Law. Spb.: OOO ID PRAVO. 2019. Page 239.

6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 27, 2024 No. 458-O // SPS "Garant"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2025 No. 126-O // SPS "Garant"; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 27, 2025 No. 438-O // SPS "Garant"; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 5, 2023 No. 30-P // SPS "Garant"; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 7, 2023 No. 6-P // SPS "Garant".

7. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated December 25, 2012 No. VAS-17217/12 // SPS "Garant"; Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 11, 2013 No. VAS-3308/13 // SPS "Garant".

8. Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 6, 2024 No. 306-ES23–18539 in case No. A55–23485/2021 // SPS "Garant"; Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 3, 2020 No. 307-ES20–5284 in case No. A56–23506/2017 // SPS "Garant".

9. Asaturov K.G., Teplova T.V. Volatility Spillover and Contagion Effects in Stock Markets: Identifying Global and Local Leaders (Part 2) // Moscow University Bulletin. Series 6. Economics. 2014. No. 6. Pp. 3–34

10. Calabresi, G. The Costs of Accidents: A Legal and Economic Analysis. Yale University Press. 1970. p. 141; Posner R.A. Economic Analysis of Law. 8th ed. New York, Aspen Publishers. 2010. p. 78.

11. Williamson, O. Economic Institutions of Capitalism. St. Petersburg: Lenizdat. 1996. p. 56.

12. The Pareto efficiency criterion is based on Pareto optimality. Pareto optimality is a state in which it is impossible to improve the position of one participant in the system without worsening the position of another. Formally, resource allocation is Pareto optimal if there is no alternative in which at least one individual gains without causing any loss to others. See: Blaug, M. "Pareto Welfare Theory," in Economic Thought in Retrospect, Moscow: Delo, 1994, Pp. 540–561.

13. Fundamentals of Institutional Economics: A Textbook for University Students, Online Edition, Moscow: "KDU." "Dobrosvet." 2018, p. 167.

14. Coase, R. "The Nature of the Firm," in Landmarks of Economic Thought. The Theory of the Firm, Vol. 2, ed. by V.M. Galperin. St. Petersburg: Economic School, 2000, Pp. 11–33.

15. Skeel, D.A. "Debt's Dominion: A History of Bankruptcy Law in America." Books. 44. 2001. P. 53.

16. Tung F., Roe M.J. Bankruptcy and Corporate Reorganization, Legal and Financial Materials, 4th ed. Books. 26. 2016. P. 167.

17. For more information on this theory, see: Lipsey R.G., Lancaster K. The General Theory of Second Best // Review of Economic Studies. 1956. No. 24 (1). P. 11–32.

18. For information on the public-law function of the insolvency practitioner, see: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.12.2005 N 12-P // SPS "Garant".

Березина Марина Вячеславовна,

адвокат, Московская городская коллегия адвокатов «Новиков и партнеры»

E-mail: bm1400@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с использованием в качестве предмета залога исключительных прав на произведения и прав, вытекающих из договоров, предусматривающих распоряжение такими исключительными правами. Анализируются сложности определения предмета договора залога в рассматриваемых случаях, в том числе с учетом возможности переработки произведений, приобретения прав не только на произведения, но и на их отдельные части, названия и персонажи, наличия у авторов произведений особых личных неимущественных прав, сложностей получения сведений о наличии ранее заключенных договоров в отношении произведений, условий таких договоров и иных обременений и ограничений, способных повлиять на последующее использование произведения, исключительное право на которое предоставлено в качестве залога, проблемами оформления перехода прав при обращении взыскания на исключительные права на произведение.

Делается вывод о том, что комплексное совершенствование законодательства, договорной и судебной практики будет способствовать развитию отношений, связанных с залогом исключительных прав на произведения, в том числе для использования в целях обеспечения кредитных обязательств, связанных с необходимостью получения финансирования процессов создания и использования результатов творческой деятельности российских авторов, коммерциализацией достигаемых результатов и развитием рынка интеллектуальных прав в Российской Федерации.

Ключевые слова: произведение, автор, правообладатель, исключительное право, залог исключительного права, обеспечение обязательств

Возможность залога исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации на протяжении длительного времени признается законодательством и юридической доктриной [3], в законодательство более десяти лет назад были внесены специальные положения, посвященные такому залого (п. 1 ст. 358.12 ГК РФ)¹, Верховным Судом были даны относящиеся к нему разъяснения². Однако до настоящего времени соответствующие положения законодательства находят очень ограниченное применение на практике.

Особые проблемы, в том числе юридические и экономические [4, с. 64], возникают с развитием залоговых отношений, связанных с использованием в качестве предмета залога исключительных права на произведения и прав, вытекающих из договоров, связанных с распоряжением такими исключительными правами.

Для определения предмета договора залога применительно к рассматриваемому случаю необходимо однозначным образом определить, к какому именно произведению, части произведения, названию или персонажу произведения относится заключаемый договор. В отличие от случаев, когда речь идет об исключительных правах на объекты интеллектуальной собственности, охрана которых возникает при условии их государственной регистрации (изобретения, товарные знаки и т.д.), в отношении произведений охрана возникает автоматически, в силу их создания, в связи с чем отсутствует возможность определения предмета залога со ссылкой на какой-либо охранный документ (свидетельство, патент) или какую-либо запись в государственном реестре. Соответственно, неприменимым оказывается содержащееся в п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 указание на возможность определения предмета договора залога со ссылкой на реквизиты удостоверяющего исключительные права документа.

Неопределенность в отношении объектов авторских прав обусловлена также тем, что в ряде случаев они отличаются «множественностью», например, автор сценария фильма нередко создает не один литературный сценарий, а несколько видов сценарных материалов, включая краткий и подробный синопсисы, различные варианты сценариев, описания персонажей и другие результаты интеллектуальной деятельности, права на которые для их полноценного использования должны приобретаться в совокупности.

В случае, если произведение было выражено в нескольких формах (книга, пьеса, сценарий и т.д.) либо осуществлена или разрешена переработка произведения третьим лицом, автор или правообладатель каждого из таких объектов (оригинального произведения или результатов его переработки) может разрешить или осуществить сам его экранизацию без нарушения прав залогодержателя, если в залог были предоставлены исключительные права только на одну из форм выражения произведения.

Таким образом, залог исключительных прав на произведение подразумевает по сути включение в договор залога полноценного описания условий и гарантий, характерных для договора отчуждения исключительного права или лицензионного договора об использовании произведения указанными в нем способами. При этом возникает противоречие, так как получается что договор о залоге исключительных прав на произведение сближается с залогом прав из договора об отчуждении исключительных прав, а также с залогом прав из лицензионного договора, в отношении которых законодательство предусматривает применение положений о залоге обязательственных прав (п. 3 ст. 358.18 ГК РФ).

Ситуация еще более усугубляется тем обстоятельством, что использование произведения должно осуществляться с соблюдением личных неимущественных прав автора, в том числе права на имя, права на неприкосновенность произведения, порядок реализации которых обычно определяется в заключаемом договоре об отчуждении исключительных прав или лицензионном договоре. Такие права на могут

¹ Федеральный закон от 12.03.2014 № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Пункты 46 и 47 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

выступать в качестве предмета залога, как специально разъясняется в п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, что обусловлено невозможностью их отчуждения, перехода к иным лицам каким-либо способом и по каким-либо основаниям (п. 1 ст. 150 ГК РФ).

Следовательно, для того, чтобы в дальнейшем, в случае обращения взыскания на предмет залога, исключительные права на произведение могли быть востребованы при их принудительной реализации, вопросы, относящиеся к личным неимущественным правам, целесообразно разрешить еще на этапе заключения договора о залоге исключительных прав. В противном случае использование произведения может оказаться невозможным без получения дополнительных разрешений от автора, что лишает смысла использование исключительных прав на такое произведение в качестве предмета залога.

В пункте 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 обращается внимание на возможность передачи в залог исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, которое возникнет у залогодателя или перейдет к нему в дальнейшем. Определение такого будущего результата применительно к произведениям представляет собой сложную задачу даже при заключении договоров авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ) и договоров заказа, подпадающих под действие ст. 1296 ГК РФ. Еще более сложную задачу составляет определение произведения, которое будет создано в будущем, при предоставлении в качестве залога по обеспечительному обязательству исключительного права на такое «будущее» произведение. Как отмечается в п. 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, при заключении договора залога исключительного права индивидуализация предмета должна осуществляться путем указания сведений, позволяющих установить соответствующий результат интеллектуальной деятельности, что применительно к произведению, которое должно быть создано в будущем, представляет собой чрезвычайно затруднительным для сторон отношений, связанных с обеспечением обязательства, далеко не всегда непосредственным образом участвующих в процессе использования произведения (его постановки, издания и т.п.).

Применительно к произведениям отсутствует также возможность удостоверения факта заключения договора залога и каких-либо его условий путем государственной регистрации, так как законодательством такая регистрация предусмотрена только для случаев, когда сам объект интеллектуальных прав подлежит государственной регистрации в качестве условия предоставления правовой охраны (п. 2 ст. 1232 ГК РФ) или добровольно (факультативно) по усмотрению правообладателя, как это предусмотрено для программ для ЭВМ и баз данных (п. 5 ст. 1262 ГК РФ).

Отсутствие фиксации в одной из систем учета исключительных прав [1] приводит к тому, что применительно к залому исключительных прав на произведения потенциальные залогодержатели не имеют возможности осуществить объективную предварительную проверку наличия или отсутствия соответствующих прав, ранее заключенных залогодателем (правообладателем) договоров, предшествующих залогов и иных обременений, которые в дальнейшем могут сделать невозможным удовлетворение требований кредитора (залогодержателя) за счет обращения взыскания на предмет договора залога.

В случае обращения взыскания на исключительное право на произведение, являющееся предметом залога, возникает отдельная группа проблем, связанных с осуществлением такого взыскания и оформлением факта перехода прав в отношении произведения к новому правообладателю [5].

Переход исключительных прав на объект интеллектуальной собственности по общему правилу должен осуществляться с согласия правообладателя, который может распоряжаться исключительным правом, в том числе путем заключения договора отчуждения или лицензионного договора (ст. 1233 ГК РФ), либо без заключения договора в случаях, предусмотренных законодательством, в том числе при наследовании или ином универсальном правопреемстве либо при обращении взыскания на имущество правообладателя (ст. 1241 ГК РФ).

Из приведенных положений следует, что переход исключительных прав на произведения может подтверждаться заключенными договорами, свидетельствами о наследстве, иными документами, подтверждающими переход исключительного права, например, при реорганизации юридического лица. При этом законодательство не определяет, какими именно документами может подтверждаться переход исключительного права или иных связанных с произведением имущественных прав, в случае приобретения таких прав при обращении взыскания на них.

Сложнейшей задачей является осуществление оценки исключительных прав на произведения, поскольку стоимость таких прав трудно

оценивать однозначным образом в соответствии с какой-либо уникальной методикой, во многом стоимость таких прав определяется степенью известности и востребованности произведения в соответствующие моменты времени, а также во многом зависит от объема средств на создание и продвижение основанных на них результатов интеллектуальной деятельности. Рядом автором выражается мнение о невозможности такой оценки ввиду оригинальности объектов авторских прав, что делает затруднительным или даже невозможным проведение оценки по аналогии при отсутствии значимых сведений о доходах, уже получаемых от использования соответствующих произведений¹.

Как представляется, для решения отмеченной задачи может быть предложено несколько вариантов, которые целесообразно применять комплексным образом.

Во-первых, при оформлении договора о залоге исключительного права на произведение требуется определить непосредственно в данном договоре все основные условия будущего использования произведения, а также гарантии и обязательства автора или иного правообладателя (залогодателя) в случае, если в дальнейшем на предмет залога будет обращено взыскание. Наиболее целесообразным при этом представляется дополнение договора о залоге исключительного права на произведение проектом договора об отчуждении исключительного права на произведение или лицензионного договора, включая гарантии, обязательства со стороны автора (правообладателя), решения по вопросам соблюдения личных неимущественных прав и иные положения, обычно включаемые в такие договоры с учетом вида произведения (музыкальное, литературное, аудиовизуальное и т.д.) и его особенностей.

Во-вторых, на законодательном уровне необходимо определить общие условия, которые позволят добросовестным залогодержателям и приобретателям исключительных прав на произведения при обращении взыскания на такие права в полном объеме реализовать свои имущественные интересы, связанные с получением доходов от использования произведений.

В-третьих, необходимо развитие судебной практики, поскольку именно судебное решение при необходимости может восполнить с учетом принципов разумности и справедливости положения, которые не были урегулированы в договор о залоге исключительного права на произведение при его заключении и в отношении которых в дальнейшем не было достигнуто согласие между заинтересованными лицами не было достигнуто согласие.

Отдельные шаги на данном пути уже сделаны, например, в разъяснении, содержащемся в п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 указывается на то, что договор залога должен определять, в каком объеме заложено исключительное право, в зависимости от чего к соответствующим положениям договора залога применяются положения, предусмотренные для отчуждения исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) или предоставления права использования результата интеллектуальной деятельности в пределах, обусловленных договором (п. 1 ст. 1235 ГК РФ). При этом также разъясняется, что договор о залоге в последнем случае должен предусматривать способы использования такого результата (пп. 2 п. 6 ст. 1235 ГК РФ), а также решать вопрос об исключительном или неисключительном характере лицензии (ст. 1236 ГК РФ). Наличие определенности по данным вопросам является важным, однако этого недостаточно для обеспечения полноценного использования произведений в случае обращения взыскания на исключительное право на него или иные связанные с ним права. Как отмечалось выше, требуется решение гораздо более широкого круга вопросов.

Комплексное совершенствование законодательства, договорной и судебной практики позволит обеспечить развитие залога исключительных прав на произведения для использования в целях обеспечения кредитных обязательств, а также при решении иных задач, связанных с осуществлением творческой деятельности российских, коммерциализацией ее результатов и развитием рынка интеллектуальных прав в Российской Федерации.

Литература

1. Домовская Е.В., Гринь Е.С., Новоселова Л.А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности: Монография. М.: Проспект, 2019. – 187 с.
2. Иванов Д.А. Залог исключительных прав как способ обеспечения кредитных обязательств // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 34–39.

¹ Иванов Д.А. Залог исключительных прав как способ обеспечения кредитных обязательств // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 34–39.

3. Медведев С.В. Правовое регулирование отношений, связанных с залогом исключительных прав: дисс. ... кандидата юридических наук. – М.: Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2012. – 219 с.

4. Новоселова Л.А., Гринь О.С. Реализация интеллектуальных прав в качестве предмета залога (процедурные аспекты) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 64–82.

5. Старицын А.Ю. Особенности исполнения исполнительных документов в сфере авторского права и интеллектуальной собственности // Администратор суда. 2025. № 4. С. 29–33.

PROBLEMS OF PLEDGING EXCLUSIVE RIGHTS TO WORKS OF LITERATURE, SCIENCE AND ART

Berezina M.V.

Moscow City Bar Association “Novikov & Partners”

The article examines the challenges associated with using exclusive rights to works and rights arising from agreements providing for the disposal of such exclusive rights as collateral. It analyzes the complexities of determining the subject of the collateral agreement in these cases, including the possibility of reworking works, acquiring rights not only to works but also to individual parts, titles, and characters, the existence of special personal non-property rights held by authors of works, the difficulties of obtaining information about the existence of previously concluded agreements regarding works, the terms of

such agreements, and other encumbrances and restrictions that could affect the subsequent use of the work, the exclusive right to which is granted as collateral, and the problems of formalizing the transfer of rights when foreclosing on exclusive rights to a work. It is concluded that a comprehensive improvement of legislation, contractual and judicial practice will facilitate the development of relations related to the pledge of exclusive rights to works, including for use in securing credit obligations related to the need to obtain financing for the processes of creating and using the results of creative activity of Russian authors, the commercialization of the achieved results and the development of the intellectual rights market in the Russian Federation.

Keywords: work, author, copyright holder, exclusive right, pledge of exclusive right, security of obligations

References

1. Domovskaya E.V., Grin' E.S., Novoselova L.A. Uchet i sistematizatsiya prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti: Monografiya. M.: Prospekt, 2019. – 187 с.

2. Ivanov D.A. Zalog isklyuchitel'nyh prav kak sposob obespecheniya kreditnyh obyazatel'stv // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2024. № 4. S. 34–39.

3. Medvedev S.V. Pravovoe regulirovanie otnoshenij, svyazannyh s zalogom isklyuchitel'nyh prav: diss. ... kandidata yuridicheskikh nauk. – М.: Rossijskaya gosudarstvennaya akademiya intellektual'noj sobstvennosti, 2012. – 219 s.

4. Novoselova L.A., Grin' O.S. Realizatsiya intellektual'nyh prav v kachestve predmeta zaloga (procedurnye aspekty) // Vestnik grazhdanskogo processa. 2020. № 5. S. 64–82.

5. Staritsyn A.YU. Osobennosti ispolneniya ispolnitel'nyh dokumentov v sfere avtorskogo prava i intellektual'noj sobstvennosti // Administrator suda. 2025. № 4. S. 29–33.

Публично-правовые аспекты государственного контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций в российской федерации: проблемы и перспективы внедрения риск-ориентированного подхода

Веселый Иван Николаевич,

аспирант специальности «Публично-правовые (государственно– правовые) науки» кафедры конституционного и международного права ПИУ им. П.А. Столыпина – (ф) ФГБОУ ВПО «РАНХиГС при Президенте РФ»; исполнительный директор АНО «Код культуры»

E-mail: ip-veselyin@yandex.ru

В статье «Публично-правовые аспекты государственного контроля (надзора) за деятельностью некоммерческих организаций в российской федерации: проблемы и перспективы внедрения риск-ориентированного подхода» автор работы Веселый И.Н. анализирует современное состояние правового регулирования федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью НКО, являющихся важнейшим элементом реализации конституционных прав граждан на свободу объединений и развитие гражданского общества. Цель исследования заключается в выявлении системных проблем действующей нормативной базы и обосновании необходимости внедрения риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность органов юстиции. Научная новизна работы состоит в комплексном осмыслении несоответствия между значением риск-ориентированного подхода и его отсутствием в сфере надзора за деятельностью НКО. Методологическую основу исследования составили нормативный анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также изучение статистических данных Минюста России за 2021–2025 годы и анализ практики применения риск-ориентированного подхода в смежных сферах публичного права. В результате исследования выявлены пробелы и противоречия в правовом регулировании надзорной деятельности за НКО, отсутствие единых критериев оценки рисков и правовой неопределённости надзора в отношении различных категорий НКО. Сформулированы предложения по законодательным изменениям, направленным на институционализацию риск-ориентированного подхода, разработку ведомственной методики категоризации НКО по уровню риска, формализации риск-факторов и оптимизацию планирования плановых проверок, которые снизят административную нагрузку на НКО, повысят эффективность надзора органов юстиции и обеспечат баланс между свободой объединений и защитой публичных интересов.

Ключевые слова: некоммерческие организации, контроль, надзор, регламент проверок, риск-ориентированный подход, риск-фактор.

Введение

Основным фактором формирования гражданского общества Российской Федерации является институт некоммерческих организаций (далее – НКО), который выступает ключевым элементом реализации конституционных прав граждан на защиту прав и свобод человека и гражданина, на объединение и свободу ассоциаций. Согласно ст. 13 и 30 Конституции РФ, государство гарантирует свободу общественных объединений, но при этом осуществляет контроль за их деятельностью в целях обеспечения национальной безопасности и соблюдения публичного порядка [1, ст. 13; ст. 30]. Данные положения подчеркивают социальную направленность государства, где НКО выступают инструментом реализации коллективных интересов граждан, способствуя развитию демократии и самоорганизации общества.

В условиях реформы государственного контроля становится актуальной проблема баланса между проведением контрольно-надзорных мероприятий и минимизацией административного давления на НКО. Статистика Минюста России свидетельствует о существенном объеме проверок деятельности НКО с тенденцией к снижению: в 2021 году проведено 4611 мероприятий государственного контроля (надзора); в 2024 году – 2615 мероприятий, из которых 40 являлись выездными проверками [2]. По данным изученного Ежегодного плана проведения плановых проверок некоммерческих организаций Минюста России на 2025 год суммарно, по всем субъектам РФ, запланировано 2657 проверок деятельности НКО, среди которых только 8 являются выездными [3]. Вышеуказанная статистика косвенно указывает на снижение административной нагрузки на НКО. Однако актуальным остается вопрос о критериях выборки НКО, по результатам которой у органов государственной власти возникает законодательно установленная необходимость в проведении контрольных мероприятий.

Публично-правовые основы государственного контроля (надзора) за деятельностью НКО

Основопологающим законодательным актом, регулирующим деятельность НКО в России, выступает Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», закрепляющий правовое положение, создание, реорганизацию и ликвидацию, а также организационно-правовые формы НКО. В законе закрепляются обязанности НКО по ведению бухгалтерского учета и о ежегодном представлении в Минюст России отчета о своей деятельности. Также в законе устанавливается основания и порядок проведения внеплановых проверок деятельности НКО [4, ст. 32].

В Положении о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 13.01.2023 № 10, закрепляется prerogative Минюста России по государственной регистрации НКО, включая политические партии, иные общественные объединения и религиозные организации [5, п. 19].

В Постановлении Правительства РФ от 11.07.2012 № 705 (далее – Положение о надзоре за НКО) раскрываются цели и формы федерального государственного надзора за деятельностью НКО. Государственный надзор осуществляется посредством проведения Минюстом России плановых документальных проверок и внеплановых проверок, а также выездных проверок. Плановые проверки деятельности НКО проводятся в соответствии с ежегодными планами, утверждаемыми Минюстом России. Предмет плановых проверок также закреплён в Положении о надзоре за НКО и разнится в зависимости от публично-правовой формы НКО [6, п. 5–6].

Административный регламент осуществления Минюстом России государственного контроля (надзора) (далее – Регламент проверок НКО) закрепляет существенное условие частоты проведения плановых проверок: НКО может быть включена в план только по истечении трех лет со дня государственной регистрации или со дня окончания последней плановой проверки НКО. Регламент также устанавливает критерии определения формы проверки и принятия решения о ее проведении: соблюдение или несоблюдение НКО сроков представления отчетов; принятие или непринятие НКО мер по устранению ранее выявленных нарушений [7, п. 36, п. 40].

Вопросы отчётности НКО регулируются Приказом Минюста России от 07.10.2010 года № 252 «О Порядке размещения в сети Интернет отчётов о деятельности и сообщений о продолжении деятельности некоммерческих организаций». В данном нормативном акте устанавливает критериальный порог в 3 (три) миллиона рублей годовых поступлений организации. НКО с поступлениями, превышающими данный порог, либо имеющие иностранных учредителей, либо получавшие иностранное финансирование — обязаны представлять полную отчётность по формам ОН0001 и ОН0002. При этом НКО не подпадающие под эти критерии, представляют упрощённую отчётность в форме сообщения о продолжении деятельности [8, п. 1].

Проведённый анализ нормативно-правовой базы позволяет констатировать, что предмет плановых проверок в Положении о надзоре за НКО сформулирован в обобщённом виде, а критерии выбора формы проверки ограничены формальными индикаторами. Более того, нормативная база не предусматривает систематизированных факторов риска для НКО, оставляя неопределённым вопрос о том, какие объективные обстоятельства могут инициировать плановую проверку. Указанные аспекты подчёркивают актуальность перехода к более эффективным механизмам контроля (надзора) за деятельностью НКО.

Риск-ориентированный-подход-как-инструмент-эффективного-контроля-за-деятельностью-некоммерческих-организаций

В системе государственного контроля и надзора риск-ориентированный подход (далее — РОП) представляет собой эволюционирующий механизм публичного управления, ориентированный на превентивное выявление и минимизацию потенциальных угроз в регулируемых сферах. В теоретическом плане РОП коренится в интеграции экономических и правовых концепций риска, где под риском понимается не только вероятность негативного события, но и его возможные последствия для общественных интересов.

Теоретические основы РОП позиционируются как многофункциональный элемент современной системы надзора. В частности, РОП выступает: принципом, обеспечивающим избирательность и пропорциональность мер; условием достаточности контроля, исключающим избыточность; средством стимулирования подконтрольных субъектов к правовому самоконтролю; и инновационным методом организации контрольно-надзорных мероприятий [9, с. 27–29].

Как справедливо отмечает С.А. Агамагомедова, «риск-ориентированный подход позволяет сделать государственный контроль (надзор) «умным», экономичным, более направленным и сфокусированным, основанным на доминировании профилактики нарушений обязательных требований, а следовательно — более эффективным» [10, с. 465–466].

Законодательная основа РОП в Российской Федерации закладывается в комплексе актов публичного права. Ключевым документом является Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где в пп. 23 п. 67 РОП провозглашается стратегическим императивом для минимизации угроз в сфере общественно-экономических отношений [11, п. 67]. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ закрепляет «применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в целях снижения издержек юридических лиц и повышения результативности деятельности органов государственного контроля (надзора)» [12, ст. 8.1].

Международный опыт подтверждает универсальность РОП. Рекомендация 8 Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) прямо указывает, что государствам следует применять к НКО меры, соразмерные выявленным рискам, избегая унифицированного подхода «one size fits all». При этом подчёркивается необходимость дифференцированного надзора: организации с низким уровнем риска должны получать преференции в виде снижения частоты проверок [13].

Однако существенным является то, что согласно п. 12 ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» положения данного закона не применяются к организации и осуществлению федерального государственного надзора за деятельностью НКО [14, ст. 2]. Таким образом, НКО фактически исключены из общей реформы контрольно-надзорной деятельности, что создаёт системную асимметрию в правовом регулировании.

Проблема-неприменения-риск-ориентированного-подхода-к-надзору-за-НКО

В настоящий момент виды федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется РОП, закрепляются в По-

становлении Правительства РФ от 17.08.2016 № 806. Однако в данном подзаконном акте не установлено, что РОП распространяется на государственный контроль (надзор) за деятельностью НКО [15]. Данное положение подтверждает тезис о том, что федеральный государственный надзор за деятельностью НКО исключен из общей системы реформирования контрольно-надзорной деятельности.

На данную проблему в научной литературе обращает внимание М.И. Темуркаев, указывая на необходимость включения государственного контроля (надзора) за деятельностью НКО в перечень видов контроля, в отношении которых применяется РОП [16, с. 137]. Разделяя данную позицию, считаем необходимым развить её в направлении разработки конкретных критериев категоризации НКО по уровню риска, что до настоящего времени не получило должного научного осмысления.

Отсутствие надзора за НКО в Постановлении № 806 не соответствует общей логике реформы контрольно-надзорной деятельности и создаёт необоснованное исключение из системы РОП. При этом Федеральный закон № 248-ФЗ позиционирует РОП как универсальный принцип планирования контрольно-надзорной деятельности, позволяющий классифицировать объекты по категориям от низкого до чрезвычайно высокого риска.

Между тем практика применения РОП в смежных сферах демонстрирует эффективность подхода. В данном случае показательным является опыт ФНС России в области контроля за взаимоотношениями юридических лиц с плательщиками налога на профессиональный доход. В Письме ФНС России от 11.11.2024 № АБ-4-20/12835@ определены критерии оценки налоговых рисков при взаимодействии юридических лиц с плательщиками налога на профессиональный доход: периодичность и объём выплат, доля доходов самозанятого от конкретного заказчика, постоянство взаимоотношений, связи текущих заказчиков с бывшими работодателями самозанятых [17]. Данный пример иллюстрирует ключевой принцип РОП: формализация индикаторов риска позволяет субъектам самостоятельно оценивать вероятность включения в план контрольных мероприятий и корректировать свою деятельность.

Предложения-по-формализации-риск-факторов-для-НКО

Применение РОП в надзоре за деятельностью НКО предполагает как разграничение НКО по категориям риска, так и формализацию риск-факторов, влияющих на включение НКО в план проверок. При разработке таких факторов представляется целесообразным опираться на уже существующие нормативные критерии.

Во-первых, обозначенный ранее законодательно установленный порог годовых поступлений в 3 (три) миллиона рублей, согласно Приказу Минюста России от 07.10.2010 № 252, уже дифференцирует НКО по объёму финансовой деятельности. Превышение данного порога является объективным индикатором повышенного уровня риска, что и влечёт обязанность представления расширенной отчётности.

Во-вторых, наличие иностранного финансирования согласно Федеральному закону от 14.07.2022 № 255-ФЗ является самостоятельным основанием для усиленного контроля [18, ст. 2]. Любое получение денежных средств или имущества от иностранных источников должно учитываться как фактор высокого риска независимо от объёма таких поступлений.

В-третьих, систематическое нарушение сроков сдачи отчётности и устранение выявленных нарушений уже учитываются в Регламенте проверок НКО как критерии принятия решения о проверке. Систематическое нарушение отчётных обязанностей НКО свидетельствует о низком уровне корпоративного управления и может указывать на стремление организации уклониться от надзора. Данные факторы целесообразно интегрировать в единую систему РОП.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о регистрации НКО по адресу массовой регистрации. Приказом ФНС России от 10.12.2024 № ЕД-7-14/1119@ данное обстоятельство исключено из общих оснований для проверки достоверности сведений о юридических лицах. Налоговый орган признал, что для коммерческих организаций регистрация по одному адресу множества субъектов не свидетельствует о недобросовестности [19].

Однако применительно к НКО данный подход требует критического переосмысления. Специфика деятельности НКО состоит в их ориентации на целевую аудиторию и территориальную привязку к сообществу благополучателей. Массовая регистрация нескольких НКО по одному адресу при отсутствии фактической деятельности по данному адресу может свидетельствовать о создании формальных структур для имитации социально-ориентированной активности. Постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013

№ 61 указывает, что адреса с признаками массовой регистрации могут признаваться недостоверными, если установлено затруднение связи с юридическими лицами [20]. Таким образом, для НКО данный фактор сохраняет актуальность и может учитываться при категоризации по уровню риска.

Среди эмпирически обоснованных факторов, требующих дальнейшего научного осмысления, следует выделить: частоту смены членов высшего органа управления или исполнительного органа НКО (более двух раз в год либо ежегодно в течение двух лет); участие НКО в политической деятельности или проведение массовых публичных мероприятий; характер деятельности, связанный с уязвимыми социальными группами.

Внедрение системы РОП с учётом указанных риск-факторов позволит исключить дискреционность планирования, обеспечить соразмерность контрольно-надзорных мер и повысить предсказуемость надзора за деятельностью НКО. При этом детальная разработка методики отнесения НКО к категориям риска требует самостоятельного научного исследования, включающего поведения комплексного анализа правоприменительной практики и установления корреляции между указанными признаками и фактами выявления нарушений законодательства.

Результаты

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие научно-практические выводы:

1. Подтверждена исходная гипотеза о системном исключении федерального государственного надзора за деятельностью НКО из институциональных рамок реформы контрольно-надзорной деятельности. Проведённый нормативный анализ свидетельствует, что в силу ст. 2 Федерального закона от № 248-ФЗ положения данного закона о не распространяются на надзорную деятельность в отношении НКО, и что юридически исключает применение РОП в данной сфере. Соответственно, корреспондирующим образом Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 не включает федеральный государственный надзор за деятельностью НКО в перечень видов контроля, при осуществлении которых применяется РОП. Устранение выявленного ограничения сферы применения РОП является необходимым условием для реализации предлагаемых ниже мер по внедрению риск-ориентированной модели надзора за НКО.

2. Доктринально обоснована необходимость разработки ведомственной методики дифференциации НКО по категориям риска, а именно систематизированы нормативно закреплённые критерии, которые могут составить основу такой методики: превышение порогового значения годовых поступлений в 3 (три) миллиона рублей, влекущее обязанность представления расширенной отчётности; получение финансирования от иностранных источников, обуславливающее применение специального правового режима; государственная регистрация по адресу массовой регистрации юридических лиц; систематическое нарушение сроков представления отчётности. Наряду с указанными нормативно определёнными критериями выделены эмпирически обоснованные факторы, требующие дальнейшего научного исследования: частота смены членов органа управления или исполнительного органа НКО; осуществление деятельности политического характера; работа с уязвимыми социальными группами.

3. Определено практическое значение внедрения риск-ориентированного подхода для повышения эффективности надзорной деятельности органов юстиции. Формализация риск-факторов обеспечит прозрачность и предсказуемость контрольных мероприятий для поднадзорных субъектов, исключит дискреционность планирования планов проверок и позволит рационально распределить административные ресурсы, концентрируя их на организациях с повышенным уровнем риска нарушения законодательства. Сравнительный анализ практики ФНС России по контролю за взаимоотношениями хозяйствующих субъектов с плательщиками налога на профессиональный доход подтверждает результативность аналогичной модели в смежных сферах публичного права.

Заключение

Проведённый анализ правового регулирования федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью НКО позволяет заключить, что повышение эффективности надзорных механизмов требует комплексной модернизации нормативной базы для внедрения РОП как универсального принципа планирования и осуществления контрольно-надзорной деятельности Минюста России. Совершенствование системы возможно через устранение нормативных пробелов, в том числе связанных с отсутствием методики отнесения НКО к категориям риска. Предложенные в настоящей статье направления позволят снизить ад-

министративную нагрузку на НКО, повысят эффективность надзора органов юстиции и обеспечат баланс между свободой объединений и защитой публичных интересов.

Настоящая работа выполнена в рамках диссертационного исследования автора на соискание ученой степени кандидата юридических наук, проводимого на кафедре конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС. Эмпирическую базу составили статистические данные Минюста России за 2021–2025 годы, а также практический опыт автора в качестве руководителя автономной некоммерческой организации, что позволило проверить теоретические выводы с позиции правоприменительной практики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок) // СЗ РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.
2. Доклад «Об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора) в 2024 году». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-ob-osushestvleni> (дата обращения: 03.11.2025).
3. Ежегодный план проведения плановых проверок некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/plan-proverok/> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Указ Президента РФ от 13.01.2023 № 10 (ред. от 09.10.2023) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации»)» // СЗ РФ. 2023. № 3. Ст. 553.
6. Постановление Правительства РФ от 11.07.2012 № 705 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре за деятельностью некоммерческих организаций» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4130.
7. Приказ Минюста России от 30.12.2021 № 274 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Административного регламента осуществления Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
8. Приказ Минюста России от 07.10.2010 № 252 (ред. от 26.05.2020) «О Порядке размещения в сети Интернет отчетов о деятельности и сообщений о продолжении деятельности некоммерческих организаций». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.11.2025).
9. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Риск-ориентированное управление в системе публичной власти в России // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 4. С. 25–42.
10. Агамагомедова С.А. Риск-ориентированный подход при осуществлении контрольно-надзорной деятельности: теоретическое обоснование и проблемы применения // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 4. С. 460–470.
11. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
12. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 2008, № 52 (ч. 1), Ст. 6249.
13. FATF/GAFI. Best Practices – Combating the Abuse of Non-Profit Organisations (Recommendation 8). Paris: FATF, 2015. 48 p.
14. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.
15. Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 (ред. от 28.09.2022) «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 35. Ст. 5326.
16. Темуркаев М.И. Контроль (надзор) органов юстиции в отношении некоммерческих организаций: проблемы теории и практики // Вестник ННГУ. 2023. № 1. С. 133–139.

17. Письмо Федеральной налоговой службы России от 11.11.2024 № АБ-4–20/12835@ «О взаимодействии с налогоплательщиками налога на профессиональный доход в рамках осуществления предпринимательской деятельности». URL: <https://nalog.gov.ru/> (дата обращения: 05.11.2025).

18. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СЗ РФ. 18.07.2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222.

19. Приказ ФНС России от 10.12.2024 № ЕД-7–14/1119@ «О внесении изменения в приложение № 1 к приказу ФНС России от 28.12.2022 № ЕД-7–14/1268@». URL: <https://nalog.gov.ru/> (дата обращения: 07.11.2025).

20. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение). 2013. № 32. Ст. 9498.

PUBLIC-LAW ASPECTS OF STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER THE ACTIVITIES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTING A RISK-BASED APPROACH

Veselyy I.N.

Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the article "Public Law Aspects of State Control (Supervision) over the Activities of Non-Profit Organizations in the Russian Federation: Problems and Prospects for Implementing the Risk-Oriented Approach," the author Ivan N. Vesely analyzes the current state of legal regulation of federal state control (supervision) over the activities of NPOs, which constitute an essential element in ensuring the constitutional rights of citizens to freedom of association and the development of civil society. The aim of the study is to identify systemic deficiencies in the existing regulatory framework and to substantiate the necessity of introducing a risk-oriented approach into the supervisory activities of the justice authorities. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive examination of the discrepancy between the significance of the risk-oriented approach and its absence in the field of supervision over NPOs. The methodological framework of the study comprises normative analysis, formal-legal, comparative-legal, and systemic methods, as well as the examination of statistical data from the Ministry of Justice of Russia for 2021–2025 and analysis of the risk-oriented approach application in related fields of public law. As a result of the study, gaps and inconsistencies in the legal regulation of supervisory activities over NPOs were identified, including the absence of unified risk assessment criteria and legal uncertainty in supervision across various categories of NPOs. The article formulates proposals for legislative amendments aimed at institutionalizing the risk-oriented approach, developing a departmental methodology for categorizing NPOs by risk level, formalizing risk factors, and optimizing the planning of scheduled inspections, which will reduce the administrative burden on NPOs, enhance the effectiveness of the justice authorities' supervision, and ensure a balance between the freedom of association and the protection of public interests.

Keywords: non-profit organizations, control, supervision, inspection regulations, risk-oriented approach, risk factor.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 1. Art. 1416.
2. Report "On the Implementation of State Control (Supervision) by the Ministry of Justice of the Russian Federation in the Field of Non-Profit Organizations and on the Effectiveness of Such Control (Supervision) in 2024". URL: <https://minjust.gov.ru/pages/doklady-ob-osushchestvleni> (accessed: 03.11.2025).

3. Annual Plan for Scheduled Inspections of Non-Profit Organizations by the Ministry of Justice of the Russian Federation. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/plan-proverok/> (accessed: 05.11.2025).

4. Federal Law No. 7-FZ of 12.01.1996 (as amended on 13.12.2024) "On Non-Profit Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.

5. Decree of the President of the Russian Federation No. 10 of 13.01.2023 (as amended on 09.10.2023) "Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation (together with the 'Regulations on the Ministry of Justice of the Russian Federation')" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 3. Art. 553.

6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 705 of 11.07.2012 "On Approval of the Regulations on Federal State Supervision over the Activities of Non-Profit Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 29. Art. 4130.

7. Order of the Ministry of Justice of Russia No. 274 of 30.12.2021 (as amended on 09.08.2023) "On Approval of the Administrative Regulations for the Implementation by the Ministry of Justice of the Russian Federation of State Control (Supervision) over the Compliance of the Activities of Non-Profit Organizations with Their Statutory Goals and Objectives, Branches and Representative Offices of International Organizations, Foreign Non-Profit Non-Governmental Organizations with Their Declared Goals and Objectives, as well as Their Compliance with the Legislation of the Russian Federation". URL: <https://www.pravo.gov.ru> (accessed: 05.11.2025).

8. Order of the Ministry of Justice of Russia No. 252 of 07.10.2010 (as amended on 26.05.2020) "On the Procedure for Posting Reports on Activities and Notices of Continuation of Activities of Non-Profit Organizations on the Internet". URL: <https://www.pravo.gov.ru> (accessed: 05.11.2025).

9. Ivanov O.B., Bukhvald E.M. Risk-Oriented Management in the System of Public Authority in Russia // ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. 2021. No. 4. Pp. 25–42.

10. Agamagomedova S.A. Risk-Oriented Approach in the Implementation of Control and Supervisory Activities: Theoretical Substantiation and Problems of Application // Siberian Law Review. 2021. Vol. 18, No. 4. Pp. 460–470.

11. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.

12. Federal Law No. 294-FZ of 26.12.2008 "On Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" (as amended on 26.12.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6249.

13. FATF/GAFI. Best Practices – Combating the Abuse of Non-Profit Organisations (Recommendation 8). Paris: FATF, 2015. 48 p.

14. Federal Law No. 248-FZ of 31.07.2020 (as amended on 24.06.2025) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5007.

15. Decree of the Government of the Russian Federation No. 806 of 17.08.2016 (as amended on 28.09.2022) "On the Application of the Risk-Oriented Approach in the Organization of Certain Types of State Control (Supervision) and Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 35. Art. 5326.

16. Temurkaev M.I. Control (Supervision) of Justice Authorities over Non-Profit Organizations: Problems of Theory and Practice // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2023. No. 1. Pp. 133–139.

17. Letter of the Federal Tax Service of Russia No. AB-4–20/12835@ of 11.11.2024 "On Interaction with Taxpayers of the Professional Income Tax in the Framework of Entrepreneurial Activity". URL: <https://nalog.gov.ru/> (accessed: 05.11.2025).

18. Federal Law No. 255-FZ of 14.07.2022 (as amended on 21.04.2025) "On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 29 (Part II). Art. 5222.

19. Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7–14/1119@ of 10.12.2024 "On Amendments to Appendix No. 1 to Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7–14/1268@ of 28.12.2022". URL: <https://nalog.gov.ru/> (accessed: 07.11.2025).

20. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 61 of 30.07.2013 "On Certain Issues of the Practice of Considering Disputes Related to the Accuracy of the Address of a Legal Entity" // "Economics and Life" (Accounting Supplement). 2013. No. 32. Art. 9498.

Искусственный интеллект как инструмент судебной деятельности: границы применения и правовые риски

Володин Евгений Анатольевич,

аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

E-mail: Volodin.zhen@yandex.ru

В статье исследуется проблематика применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности. Предметом исследования выступают правовые и этические аспекты внедрения ИИ в процесс отправления правосудия. Цель работы – определить допустимые границы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве и выявить основные правовые риски. Методология исследования основана на анализе современных научных публикаций, сравнительно-правовом методе и системном подходе. Результаты показывают, что ИИ может эффективно применяться в качестве вспомогательного инструмента для анализа документов и прогнозирования судебных решений, однако его использование в качестве самостоятельного субъекта принятия решений сопряжено с существенными рисками. Новизна исследования заключается в комплексном анализе правовых ограничений применения ИИ в судебной системе. Выводы указывают на необходимость разработки специального правового регулирования использования ИИ в юстиции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная деятельность, правосудие, цифровизация права, правовые риски, судья-робот, беспристрастность суда, судебная защита.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, включая правовую систему. Внедрение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в юридическую практику становится объективной реальностью, требующей всестороннего научного осмысления. Особую актуальность приобретает вопрос о возможности и допустимости использования ИИ в судебной деятельности – наиболее консервативной и ответственной области применения права.

Как справедливо отмечают исследователи, место искусственного интеллекта в юридической профессии на современном этапе развития общества определяется балансом между технологическими возможностями и фундаментальными принципами правосудия [4]. Данная проблематика требует комплексного анализа с учетом как правовых, так и морально-этических аспектов.

ИИ как элемент криминалистической техники и инструмент юридической деятельности

В современной правовой науке искусственный интеллект рассматривается, прежде всего, как категория криминалистической техники, способная оптимизировать процессы сбора, систематизации и анализа доказательственной информации [1]. Айзатуллин Р.З. обоснованно указывает на то, что ИИ обладает значительным потенциалом в области автоматизации рутинных процессов обработки больших массивов данных, что особенно актуально в условиях возрастающей нагрузки на судебную систему.

Цолина А.В. выделяет несколько направлений применения ИИ в юридической деятельности: анализ судебной практики, прогнозирование исходов дел, автоматизация документооборота, поиск правовых precedентов и выявление противоречий в нормативных актах [8]. Эти функции демонстрируют вспомогательный характер использования технологий ИИ, когда за человеком сохраняется окончательное решение по существу дела.

Важно отметить, что применение ИИ в юридической технике открывает новые возможности для повышения эффективности правового регулирования. Как указывает Тедеева Р.О., технологии искусственного интеллекта способны обеспечить более точный анализ правовых норм, выявление пробелов в законодательстве и разработку научно обоснованных предложений по его совершенствованию [7].

Перспективы создания судей-роботов: международный опыт

Вопрос о возможности создания полноценных судей-роботов активно обсуждается в мировой юридической практике. Особый интерес представляет опыт Китайской Народной Республики, где ведутся работы по внедрению систем ИИ в судебный процесс. Даньшин А.В. анализирует китайский опыт и приходит к выводу, что, несмотря на технологический прогресс, полная замена судьи роботом остается проблематичной с точки зрения обеспечения фундаментальных принципов правосудия [2].

Китайская модель предполагает использование ИИ для предварительной обработки дел, подготовки проектов решений по типовым спорам и консультирования судей. Однако окончательное решение всегда принимается человеком. Такой подход представляется оправданным, поскольку позволяет использовать преимущества технологий, не подменяя при этом судейское усмотрение алгоритмами.

Проблема обеспечения права на судебную защиту при применении ИИ

Навагин И.Д. поднимает принципиально важный вопрос об осуществлении права на судебную защиту при применении искусственного интеллекта [6]. Конституционное право на судебную защиту предполагает рассмотрение дела именно судом – органом государственной власти, формируемым из профессиональных судей. Делегирование функций правосудия искусственному интеллекту может вступить в противоречие с данным конституционным принципом.

Особую озабоченность вызывает проблема прозрачности алгоритмов принятия решений. Если решение принимается или существен-

но подготавливается системой ИИ, гражданин должен иметь возможность понять логику этого решения и оспорить его. Однако многие современные алгоритмы машинного обучения функционируют по принципу «черного ящика», что делает невозможным объяснение хода рассуждений системы.

Кроме того, возникает вопрос об ответственности за ошибочные решения. Если судья-человек несет дисциплинарную ответственность за свои решения, то в случае с ИИ субъект ответственности определить крайне сложно: это может быть разработчик алгоритма, оператор системы или орган, внедривший технологию.

Обеспечение беспристрастности и справедливости суда с использованием ИИ

Матвеева М.С. и Подчерняев А.Н. исследуют вопрос о том, может ли искусственный интеллект обеспечить беспристрастное и справедливое судебное разбирательство [5]. С одной стороны, ИИ свободен от эмоций, предубеждений и коррупционных мотивов, что теоретически должно способствовать объективности. С другой стороны, алгоритмы обучаются на исторических данных, которые могут содержать систематические предвзятости.

Исследования показывают, что системы ИИ, обученные на массивах судебных решений, могут воспроизводить существующие в обществе дискриминационные практики. Например, если в прошлом определенные категории граждан систематически получали более суровые наказания, алгоритм может усвоить эту закономерность и применять ее в будущем, тем самым увековечивая несправедливость.

Принцип справедливости в правосудии предполагает не только формальное применение правовых норм, но и учет индивидуальных обстоятельств дела, контекста, мотивов поведения сторон. Современные технологии ИИ пока не способны к такому уровню понимания человеческих отношений, который необходим для вынесения справедливого решения по сложным делам.

Морально-этический аспект применения ИИ в правосудии

Кочетков А.В. и Воробьева С.В. обращают внимание на морально-этический аспект использования технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия [3]. Правосудие – это не просто механическое применение норм права, но и акт социальной справедливости, требующий морального суждения.

Этическая проблематика применения ИИ в судебной деятельности включает несколько аспектов. Во-первых, это вопрос о достоинстве человека: может ли решение о правах и обязанностях гражданина приниматься машиной? Во-вторых, это проблема доверия к правосудию: будут ли граждане доверять решениям, принятым алгоритмом? В-третьих, это вопрос о сохранении гуманистического начала в праве: не приведет ли тотальная автоматизация к дегуманизации правосудия?

Особую тревогу вызывает перспектива утраты такого важного элемента судебного процесса, как непосредственное общение судьи со сторонами. Личное восприятие судьей обстоятельств дела, оценка достоверности показаний, учет невербальных сигналов – все это играет важную роль в формировании внутреннего убеждения судьи и не может быть заменено алгоритмическим анализом.

Правовые риски и границы применения ИИ в судебной деятельности

Анализ существующих исследований позволяет выделить следующие основные правовые риски применения ИИ в судебной деятельности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Правовые риски применения ИИ в судебной деятельности

№	Вид правового риска	Характеристика	Последствия
1	Нарушение конституционных принципов правосудия	Использование ИИ в качестве самостоятельного субъекта принятия судебных решений	Противоречие принципу осуществления правосудия только судом, независимости судей
2	Непрозрачность процесса принятия решений	Сложные алгоритмы машинного обучения не позволяют проследить логику принятия решения	Нарушение принципа мотивированности судебных актов, невозможность обжалования
3	Воспроизведение предубеждений	Обучение на исторических данных с систематическими искажениями	Закрепление дискриминационных практик, нарушение равенства перед законом

№	Вид правового риска	Характеристика	Последствия
4	Технические ошибки и сбои	Возможность ошибок в программном коде или технических сбоев системы	Нарушение прав граждан, вынесение неправосудных решений
5	Злоупотребления и манипуляции	Уязвимость для хакерских атак и целенаправленного изменения алгоритмов	Подрыв доверия к судебной системе, коррупционные риски

Составлено автором: на основе [2; 3; 5; 6]

Исходя из выявленных рисков, представляется возможным определить следующие границы применения ИИ в судебной деятельности. Во-первых, ИИ может использоваться исключительно как вспомогательный инструмент, но не как самостоятельный субъект принятия решений. Во-вторых, применение ИИ допустимо в технических и аналитических функциях: систематизация документов, поиск правовых позиций, анализ судебной практики, подготовка статистики. В-третьих, по наиболее сложным делам, затрагивающим основные права человека, применение ИИ должно быть ограничено.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что искусственный интеллект обладает значительным потенциалом для оптимизации судебной деятельности, однако его применение должно осуществляться в строго определенных границах. ИИ может и должен использоваться в качестве вспомогательного инструмента, повышающего эффективность работы судебной системы, но не может заменить судью-человека в принятии окончательных решений.

Ключевыми условиями допустимого применения ИИ в судебной деятельности являются: сохранение за человеком функции принятия окончательного решения; обеспечение прозрачности и объяснимости алгоритмов; регулярный аудит систем на предмет выявления предвзятостей; законодательное закрепление правил использования ИИ в правосудии; обеспечение права граждан на рассмотрение дела судом без применения автоматизированных систем принятия решений.

Необходимо разработать специальное правовое регулирование, которое определит: виды судебной деятельности, в которых допустимо применение ИИ; требования к алгоритмам и системам ИИ, используемым в правосудии; порядок сертификации и аудита систем ИИ; права граждан в связи с применением ИИ в судопроизводстве; ответственность за ошибки систем ИИ.

Путь к эффективному и безопасному использованию искусственного интеллекта в судебной деятельности лежит через взвешенный подход, учитывающий как технологические возможности, так и фундаментальные ценности правосудия: справедливость, беспристрастность, гуманизм и уважение достоинства человека.

Литература

- Айзатуллин Р.З. Искусственный интеллект как категория криминалистической техники // Современное право России: проблемы и перспективы. Материалы IX международной научно-практической конференции: сборник статей. Москва, 2025. С. 32–35.
- Даньшин А.В. Появятся ли в Китае судьи-роботы? // Суд и правосудие: от кантовских идей – через реформы – к новым технологиям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «VIII Прокопьевские чтения». Москва, 2025. С. 155–160.
- Кочетков А.В., Воробьева С.В. Роль технологий искусственного интеллекта при отправлении правосудия: правовой и морально-этический аспект // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9. № 1 (33). С. 63–76.
- Лачина Е.А., Шлыков Д.В. Место искусственного интеллекта в юридической профессии на современном этапе развития общества // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 170–171.
- Матвеева М.С., Подчерняев А.Н. Искусственный интеллект в роли судьи: обеспечение беспристрастного и справедливого суда // Проблемы уголовного судопроизводства. Сборник научных статей и докладов Всероссийской научно-практической конференции. Орёл, 2025. С. 151–156.
- Навагин И.Д. Некоторые вопросы осуществления права на судебную защиту при применении искусственного интеллекта // Суд и правосудие: от кантовских идей – через реформы – к новым технологиям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «VIII Прокопьевские чтения». Москва, 2025. С. 169–174.
- Тедеева Р.О. Перспективы использования искусственного интеллекта в юридической технике: возможности и риски // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 1 (101). С. 213–216.

8. Цолина А.В. Искусственный интеллект в юридической деятельности // Современное право России: проблемы и перспективы. Материалы IX международной научно-практической конференции: сборник статей. Москва, 2025. С. 395–398.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR JUDICIAL ACTIVITY: LIMITS OF APPLICATION AND LEGAL RISKS

Volodin E.A.

Moscow Humanitarian University

The article examines the issues of applying artificial intelligence technologies in judicial activities. The subject of the study is the legal and ethical aspects of AI implementation in the administration of justice. The aim is to determine the acceptable limits of AI use in legal proceedings and identify the main legal risks. The methodology is based on the analysis of modern scientific publications, comparative legal method and systematic approach. The results show that AI can be effectively used as an auxiliary tool for document analysis and prediction of court decisions, but its use as an independent decision-making entity involves significant risks. The novelty lies in a comprehensive analysis of legal limitations on the use of AI in the judicial system. The conclusions indicate the need to develop special legal regulation of AI use in justice.

Keywords: artificial intelligence, judicial activity, justice, digitalization of law, legal risks, robot judge, impartiality of the court, judicial protection.

References

1. Aizatullin R.Z. Artificial intelligence as a category of forensic technology. Modern Law of Russia: Problems and Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference: Collection of Articles. Moscow, 2025, Pp. 32–35. (In Russ.)
2. Dan'shin A.V. Will robot judges appear in China? Court and Justice: From Kant's Ideas – Through Reforms – to New Technologies. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "VIII Prokopyevsky Readings". Moscow, 2025, Pp. 155–160. (In Russ.)
3. Kochetkov A.V., Vorob'eva S.V. The role of artificial intelligence technologies in the administration of justice: legal and moral-ethical aspect. Actual Problems of State and Law, 2025, Vol. 9, No. 1 (33), Pp. 63–76. (In Russ.)
4. Lachina E.A., Shlykov D.V. The place of artificial intelligence in the legal profession at the present stage of society development. Agrarian and Land Law, 2025, No. 1, Pp. 170–171. (In Russ.)
5. Matveeva M.S., Podchernyaev A.N. Artificial intelligence in the role of a judge: ensuring an impartial and fair trial. Problems of Criminal Proceedings. Collection of Scientific Articles and Reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Orel, 2025, Pp. 151–156. (In Russ.)
6. Navagin I.D. Some issues of exercising the right to judicial protection when using artificial intelligence. Court and Justice: From Kant's Ideas – Through Reforms – to New Technologies. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "VIII Prokopyevsky Readings". Moscow, 2025, Pp. 169–174. (In Russ.)
7. Tedeeva R.O. Prospects for the use of artificial intelligence in legal technology: opportunities and risks. Skif. Questions of Student Science, 2025, No. 1 (101), Pp. 213–216. (In Russ.)
8. Tsolina A.V. Artificial intelligence in legal activity. Modern Law of Russia: Problems and Prospects. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference: Collection of Articles. Moscow, 2025, Pp. 395–398. (In Russ.)

Климатическая справедливость как новая категория международного права: концептуальные основания и нормативная база

Гаваза Ксения Анатольевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: ksenia.gavaza@yandex.ru

В статье исследуется климатическая справедливость как формирующаяся самостоятельная категория международного права. Цель работы – определить концептуальные основания, нормативный статус данной категории и её соотношение с принципами государственного суверенитета и права на развитие. Методология исследования включает системный, сравнительный и историко-правовой анализ международных актов (от РКИК ООН 1992 г. до решений COP30 2025 г.) и консультативного заключения Международного Суда ООН 2025 г.. Результаты демонстрируют, что климатическая справедливость представляет собой комплексный конструкт, включающий межпоколенческий, геополитический аспекты и принцип общей, но дифференцированной ответственности (CBDR). Научная новизна заключается в разграничении понятий климатической и экологической справедливости, а также в обосновании концепции «ответственного суверенитета» как способа разрешения конфликта между национальными интересами и глобальной климатической безопасностью. Делается вывод о необходимости разработки конкретных правовых механизмов для перехода от декларативности к реальному регулированию.

Ключевые слова: климатическая справедливость; международное право; общая, но дифференцированная ответственность (CBDR); ответственный суверенитет; права человека; межпоколенческая справедливость; изменение климата; право на развитие.

Парадокс современного климатического кризиса состоит в том, что его основные жертвы – развивающиеся страны и уязвимые сообщества – несут наименьшую ответственность за его возникновение. Мальдивские острова, где 80% территории находится на высоте менее одного метра над уровнем моря, несут ответственность менее чем за 0,001% глобальных выбросов парниковых газов, однако стоят перед экзистенциальной угрозой затопления¹. Аналогично, африканские государства, совокупная доля которых в исторических выбросах не превышает 4%, несут двойное бремя: дефицит финансирования для адаптации и максимальная уязвимость к климатическим воздействиям². Эта асимметрия указывает на фундаментальную проблему справедливости, которая требует новой категории международного права – климатической справедливости.

Традиционные инструменты экологического права, основанные на принципе «загрязнитель платит», здесь недостаточны. Принцип был разработан для локальных загрязнений, где источник и пострадавший находятся в относительной близости. Климатическая система функционирует иначе: глобальна по масштабу, кумулятивна по эффектам, последствия имеют межпоколенческий характер. Так, например, выбросы углекислого газа, произведённые в 1950-е гг. в США, влияя не только на современное поколение, но и на поколения будущих столетий.

Вместе с тем климатическая справедливость остаётся концептуально недооцененной в международном праве. Хотя термин активно используется в документах ООН, международных соглашениях и научной литературе, её статус в международном праве остаётся неоднозначным. Остаются открытыми вопросы: является ли она производной от классической справедливости или самостоятельной категорией? Как она соотносится с суверенитетом государств и правом на развитие? Какова её нормативная база в позитивном праве?

Цель настоящего исследования – установить и аргументировать статус климатической справедливости как самостоятельной категории современного международного права (далее – МП), выявить её концептуальные основания, определить нормативную базу в источниках МП и показать её соотношение с другими принципами международного права.

Предмет исследования охватывает климатическую справедливость как международно-правовую концепцию, её содержание, юридическую природу и формы нормативного закрепления в системе источников современного международного права.

Объект анализа включает: (1) концептуальные позиции, сформулированные в научной доктрине; (2) позитивное право; (3) соотношение климатической справедливости с классическими принципами МП (суверенитет, равенство государств, право на развитие).

Методология исследования основана на применении ряда взаимодополняющих методов. Системный и сравнительный анализ позволяет определить положение и выявить взаимосвязи концепции климатической справедливости с принципами МП. Историко-правовой метод используется, чтобы проследить эволюцию концепции от Саммита в Рио-де-Жанейро (1992) к современному состоянию (2025). Формально-юридический метод применяется при интерпретации текстов конвенций, протоколов и резолюций ООН.

Источники анализа включают конвенции, дополнительные протоколы, резолюции ООН, научные работы в области международного и экологического права.

Концептуальные основания климатической справедливости: генезис и эволюция категории

Понятие справедливости, хотя и встречается в философских текстах в общем виде, как самостоятельная правовая категория климатическая справедливость сформировалось во второй половине XX века в ответ

¹ Maldives' first biennial transparency report to the united nations framework convention on climate change (UNFCCC) under the paris agreement, p.3, 9/ Ministry of Climate Change, Environment and Energy November 2024 / UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/MDV-BTR%201-Nov2024.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).

² Needs of African Countries Related to Implementing the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement, p.10/ Prepared by: Integral Consul January, 2021/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Needs%20Report_African%20countries_AfIDB_FINAL.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

на осознание глобального характера изменения климата. Первым официальным моментом признания справедливости как элемента климатического действия стала Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992) (далее – РКИК ООН), в статье 3(1) которой содержится упоминание о справедливости в общих формулировках: «Сторонам следует защищать климатическую систему на благо нынешнего и будущих поколений человечества на основе справедливости и в соответствии с их общей, но дифференцированной ответственностью и имеющимися у них возможностями». Помимо этого, в статье 4(2) говорится о справедливом вкладе развитых стран в глобальные усилия по реализации цели Конвенции в виде принятия соответствующих мер «по смягчению последствий изменения климата путем ограничения своих антропогенных выбросов парниковых газов и защиты и повышения качества своих поглотителей и накопителей парниковых газов»¹. То есть несмотря на то, что в РКИК ООН понятие «климатическая справедливость» как категория не появляется явно, однако, фактически говорится о справедливости в климатическом контексте через понятие межпоколенческой справедливости и принцип общей, но дифференцированной ответственности (далее – CBDR).

Киотский протокол (1997) развил логику дифференциации стран, установив различные целевые показатели по сокращению выбросов для развитых стран (сокращение на 5% от уровня 1990 г.), тогда как развивающиеся страны не имели количественных обязательств². Хотя в самом протоколе справедливость не упоминалась явно, логика его структуры была основана на справедливом распределении: то есть развитые страны, которые исторически выбросили больше парниковых газов, должны больше сокращать выбросы в настоящее время.

Переломный момент наступил на конференции сторон в Копенгагене (2009), когда Альянс малых островных государств (AOSIS) поднял вопрос климатической справедливости как вопроса о праве на жизнь и выживание³. Это была первая попытка переформатировать климатическую проблему с технико-экологической на этико-правовую плоскость. Требование справедливости было увязано не с природоохранной стороной вопроса, а с правами человека.

Парижское соглашение (2015) признало справедливость в качестве центральной идеи. В преамбуле впервые говорится о концепции «климатической справедливости» и её важном значении при принятии мер по борьбе с изменением климата. Кроме того, подчеркивается «неразрывная связь действий по борьбе с изменением климата, мер реагирования на изменение климата и воздействий изменения климата со справедливым доступом к устойчивому развитию и ликвидации нищеты», а «при осуществлении действий в целях решения проблем, связанных с изменением климата, уважать, поощрять и принимать во внимание [...] соответствующие обязательства в области прав человека, право на здоровье, права коренных народов, местных общин, мигрантов, детей, инвалидов и лиц, находящихся в уязвимом положении, и право на развитие, а также гендерное равенство, расширение прав и возможностей женщин и межпоколенческую справедливость». Таким образом, происходит увязывание понятия климатической справедливости с правами человека. Помимо этого, в статье 2(2) говорится, что «соглашение будет осуществляться таким образом, чтобы отразить справедливость и принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей в свете различных национальных условий»⁴. То есть в Парижском соглашении помимо прямого упоминания понятия климатической справедливости идёт наполнение и расширения понятия через концепцию прав человека.

Решения Конференций сторон, последовавшие за Парижским соглашением (COP22–COP27), ещё больше акцентировали внимание на аспекте справедливости. В 2022 г. на COP27 было принято решение о создании фонда возмещения потерь и убытков в развивающихся странах, как прямое признание необходимости справедливости в отношении возмещения вреда⁵.

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года/UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

² Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11 декабря 1997 года/ UNFCCC. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

³ Ahead of Copenhagen talks, small island nations sound alarm at UN on climate change/UN. URL: <https://news.un.org/en/story/2009/09/314542> (дата обращения: 22.09.2025).

⁴ PARIS AGREEMENT. UNITED NATIONS 2015/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

⁵ COP27 Reaches Breakthrough Agreement on New “Loss and Damage” Fund for Vulnerable Countries/ UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/news/>

На COP30 в 2025 г. было принято решение о разработке нового Механизма справедливого перехода, также известного как Беленский механизм действий (БМД). Этот шаг называют историческим для климатической справедливости, но его практическая ценность пока остаётся под вопросом. Основная цель создаваемого механизма – стать постоянной площадкой в рамках ООН для укрепления международного сотрудничества, обмена знаниями и оказания поддержки странам в проведении социально справедливой трансформации их экономик. Решение закрепляет важные принципы: переход должен быть всеобщим, ориентированным на людей и защищать права трудящихся, коренных народов и уязвимых групп. В этом его главная политическая и символическая победа. Однако конкретные обязательства и финансирование для работы будущего механизма в решении отсутствуют, что увеличивает риск того, что он станет «пустым механизмом». Кроме того, документ не решает ключевую проблему – в нём нет договорённостей о поэтапном отказе от ископаемого топлива, что является коренной причиной климатического кризиса⁶. Тем не менее, решение о механизме – это важный концептуальный шаг вперёд, который повышает значимость темы справедливости. Но его реальная сила проявится только на COP31 в 2026 г., когда страны должны будут наполнить этот механизм конкретными действиями и ресурсами.

Таким образом, эволюция климатической справедливости от 1992 к 2025 г. демонстрирует её развитие и трансформацию из принципа дифференциации стран и их вклада в решение проблемы климата в признаваемую и расширенную правами человека категорию международного права, которая приобретает всё больший вес.

Различие между климатической и экологической справедливостью

Концепция экологической справедливости возникла в США в конце 1970-х – начале 1980-х гг. как движение против непропорционального размещения предприятий, загрязняющих окружающую среду, в районах проживания афроамериканского и латиноамериканского населения⁷. Суть экологической справедливости сводится к тому, что право на здоровую и безопасную среду обитания, труда и отдыха должно быть гарантировано всем без исключения – вне зависимости от расовой принадлежности, цвета кожи, национальности или уровня дохода. Таким образом, экологическая справедливость предполагает как равную степень защищённости от экологических опасностей и угроз здоровью, так и равные возможности участия в принятии решений, влияющих на состояние окружающей среды⁸.

Климатическая справедливость, хотя и пересекается с экологической справедливостью, однако представляет иную категорию. Её специфика состоит в четырёх измерениях: (1) интергенеральности: межпоколенческой справедливости, так как текущие выбросы влияют на жизнь будущих поколений, которые не участвуют в принятии решений; (2) геополитичности: в качестве субъектов анализа выступают суверенные государства, которые служат решающими акторами, а принимаемые решения влияют на баланс сил между государствами и регионами; (3) глобальности: проблема изменения климата не может быть решена внутри одного государства, она требует трансграничного и общего совместного подхода; (4) принципе CBDR: то есть дифференциации стран на основе исторической ответственности, когда государство должно нести ответственность не только за текущие выбросы, но и за кумулятивный объём парниковых газов, накопленный им после начала индустриальной революции, а также спонсирование «зеленого» развития развивающихся стран.

Таким образом, климатическая справедливость более комплексная и глобальная категория, нежели экологическая справедливость, хотя и связанная с ней.

Соотношение климатической справедливости с иными категориями международного права. Место климатической справедливости в системе принципов МП

Климатическая справедливость занимает особое, многоаспектное место в системе принципов современного международного права. С одной

cop27-reaches-breakthrough-agreement-on-new-loss-and-damage-fund-for-vulnerable-countries/ (дата обращения: 20.09.2025).

⁶ Decision -/CMA.7. United Arab Emirates just transition work programme/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma7_5_UAE%20JTWP_auv.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

⁷ Harrison Delfin. The Environmental Justice Movement in the United States, p.5/ research.library.fordham.edu. URL: https://research.library.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1073&context=environ_theses (дата обращения: 10.10.2025).

⁸ Environmental Justice Definition/ climate.sustainability-directory.com. URL: <https://climate.sustainability-directory.com/term/environmental-justice-definition/> (дата обращения: 10.10.2025).

стороны, она опирается на классические принципы МП, с другой – переосмысливает и трансформирует их.

Отношение понятия климатической справедливости к принципу недискриминации и суверенного равенства государств (ст. 2(1) Устава ООН¹) нетривиально. Климатическая справедливость требует активной дискриминации государств через применение принципа CBD, то есть дифференцированного обращения с развитыми и развивающимися странами, несмотря на формальный принцип равенства. CBD связывает вместе три элемента: общность интересов (все государства заинтересованы в стабилизации климата), историческую справедливость (те, кто выбросил больше в прошлом, должны нести больше ответственности сейчас) и справедливость по способности (те, кто богаче, способны делать больше и потому должны делать больше).

Требование, чтобы развитые страны финансировали адаптацию других государств, – это ограничение суверенного права использовать свои доходы исключительно для собственного населения. Однако, это ограничение оправдано тем, что климатическая система глобальна, и действия одного государства влияют на все другие, а также означает отход от формального равенства в сторону исторической материальной справедливости. Признание исторической ответственности за выбросы означает, что суверенное решение прошлых поколений (индустриализация на углеводородной основе) влекут последствия для современного государства.

Соотношение климатической справедливости и принципа постоянного суверенитета над природными ресурсами² также требует переосмысления. Традиционно этот принцип позволял государствам свободно использовать собственные природные ресурсы. Климатическая справедливость вводит ограничение: государства имеют право на использование природных ресурсов, но это право не должно наносить вред глобальной климатической системе.

Современная климатическая повестка вносит новую содержательную компоненту в право на развитие³, постулируя его климатически обусловленную форму. В соответствии с принципами климатической справедливости, развитие, претендующее на легитимность, не может быть основано на углеводородной, климатически деструктивной модели. Это порождает фундаментальный правовой и исторический парадокс: развитые государства сформировали свою экономическую мощь и благосостояние в рамках классической, ресурсоемкой модели индустриализации, тогда как от развивающихся стран в настоящее время требуется осуществить качественный скачок к «зелёной» экономике, минуя данную фазу, несмотря на сопряжённые с этим значительные технологические и финансовые издержки⁴.

Теоретическим разрешением данного парадокса в международном праве выступает принцип CBD. Его реализация предполагает создание механизмов финансовой помощи и передачи экологически чистых технологий от развитых стран развивающимся. Однако на практике возникает противоречие между декларируемыми целями и методами их достижения. Требования, выдвигаемые развитыми государствами в рамках климатической политики (например, ограничения на освоение лесных массивов, отказ от использования ископаемого топлива), зачастую воспринимаются развивающимися странами не как инструменты реализации климатической справедливости, а как дискриминационные меры, ограничивающие их суверенное право на развитие. Данные меры с точки зрения позиции, например представителей TWAIL⁵ (критическая школа подходов стран третьего мира к международному праву), трактуются как способ консервации конкурентных преимуществ, полученных развитым миром в период нерегулируемых выбросов. То есть подобные императивы, будучи климатически обо-

снованными, могут де-факто приводить к установлению «экологического (зеленого) протекционизма»⁶.

С другой стороны, нестандартная противоречивая трактовка принципов МП в контексте климатической справедливости разрешается через концепцию ограниченного (ответственного) суверенитета, которая признаёт, что суверенитет – это не абсолютное право, а ответственность перед мировым сообществом, что особенно актуально для глобальных проблем, таких как изменение климата, где действия одного государства влияют на все другие государства и на саму способность планеты поддерживать жизнь⁷.

Судебная практика поддерживает этот подход. В своем Консультативном заключении от 23 июля 2025 г. Международный Суд ООН (далее – МС ООН) подтверждает и развивает концепции, лежащие в основе «климатической справедливости» и «ответственного суверенитета», интегрируя их в обязательства государств по международному праву. МС ООН постановил, что обычная международно-правовая обязанность предотвращать значительный вред окружающей среде применяется и к климатической системе. Суд признаёт, что риск значительного вреда климату возникает в результате совокупного воздействия деятельности, осуществляемой под юрисдикцией всех государств. Следовательно, обязанность предотвращения вреда распространяется на все государства, так как изменение климата представляет собой универсальный риск⁸. Таким образом, МС ООН подтверждает, что в современном международном праве суверенитет осуществляется в рамках строгих обязательств перед мировым сообществом (*erga omnes*) по защите климатической системы⁹.

Апелляция к альтернативным позициям

В научном сообществе существуют критические позиции в отношении статуса климатической справедливости. В западной доктрине она ярко представлена в работах Э. Познера, Д. Вайсбаха, К. Санстейна. Ученые аргументируют, что поиск идеальной «климатической справедливости» (в особенности требований масштабных репараций за исторические выбросы) является контрпродуктивным¹⁰. Таким образом, этические императивы вступают в конфликт с политической и экономической целесообразностью, превращая понятие справедливости в инструмент риторического противостояния, а не правового регулирования¹². Данный аргумент опирается на различии между правом как системой норм, санкций и процедур, и справедливостью, которая представляет собой философскую категорию, а также предполагает субъективные оценки.

Однако это возражение игнорирует трансформацию, произошедшую в XX веке, когда справедливость была встроена в правовые системы как через конституционное право, так и через международное право. Например, в российской конституции принцип справедливости упоминается в преамбуле и в статье 75(б) (относительно пенсионно-

¹ Устав ООН / UN. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 23.10.2025).

² Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 года. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами/Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739101> (дата обращения: 23.10.2025).

³ Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года/UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 23.10.2025).

⁴ Prizzon, A., Wiggins, S., Abdenur, A. E., Daggash, H. A., Dubash, N. K., Kimani, J. & Lopes, C. (2024). Climate and development: What opportunities, what threats? P. 10 /Development Policy Review, 42. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dpr.12810> (дата обращения: 26.11.2025).

⁵ Chimni, B.S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto. International Community Law Review, 2006, Pp. 3–27 / JNU. URL: <https://www.jnu.ac.in/sites/default/files/Third%20World%20Manifesto%20BSChimni.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

⁶ Prizzon, A., Wiggins, S., Abdenur, A. E., Daggash, H. A., Dubash, N. K., Kimani, J. & Lopes, C. (2024). Climate and development: What opportunities, what threats? P. 5 /Development Policy Review, 42. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dpr.12810> (дата обращения: 28.11.2025).

⁷ Benoit Mayer. State Responsibility and Climate Change Governance: A Light through the Storm Available for Purchase Get access Arrow, p.1/ Chinese Journal of International Law, Volume 13, Issue 3, September 2014. URL: <https://academic.oup.com/chinesejil/article-abstract/13/3/539/2755676?redirectedFrom=fulltext&login=false#no-access-message> (дата обращения: 29.11.2025).

⁸ § § 134–138 OBLIGATIONS OF STATES IN RESPECT OF CLIMATE CHANGE. ADVISORY OPINION. 23 JULY 2025 /ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

⁹ § § 439–443 OBLIGATIONS OF STATES IN RESPECT OF CLIMATE CHANGE. ADVISORY OPINION. 23 JULY 2025 /ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

¹⁰ Cass R. Sunstein & Eric Posner, “Climate Change Justice” /John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 354, 2007/ The University of Chicago. The Law School. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/107/ (дата обращения: 30.11.2025).

¹¹ Arvind Subramanian. Climate Change Justice by Eric A. Posner and David Weisbach Princeton University Press, 2010. Book Reviews/ Cambridge University Press. URL: <https://www-cambridge-org.peacepalace.idm.oclc.org/core/journals/world-trade-review/article/climate-change-justice-by-eric-a-posner-and-david-weisbach-princeton-university-press-2010/7451B89B52212DC62F743B2A8145FAEC> (дата обращения: 30.11.2025).

¹² Kang, Hyo Yoon (2019) What if all we can see are the parts, and there is not a whole: elements and manifestations of the making of law of ‘climate justice’, p.143 /Law Text Culture, (23). ISSN 1322-9060. URL: <https://kar.kent.ac.uk/78457/> (дата обращения: 30.11.2025).

го обеспечения)¹. В международном праве, в Европейской конвенции по правам человека (далее – ЕКПЧ), принцип справедливости также заложен в преамбулу (как связь с основными свободами) и в статью 6 (как право на справедливое судебное разбирательство)². В Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) помимо преамбулы принцип справедливости заложен в право на справедливое разбирательство в суде (статья 14 МПГПП)³, право на справедливые условия труда (статья 7 МПЭСКП), а также как право на достаточный жизненный уровень, который связан с обеспечением справедливого распределения мировых запасов продовольствия (статья 11 МПЭСКП)⁴. Все эти понятия были превращены в юридические критерии. Аналогично, ООН в своем уставе использует понятие справедливости (преамбула, статьи 1, 2, 23, 32, 73)⁵, закрепляя её не как философский принцип, а как критерий действий организации и государств. Кроме того, принцип справедливости уже в климатическом аспекте пронизывает тексты международных договоров под эгидой РКИК ООН.

Другая позиция в доктрине постулирует, что климатическая справедливость невозможна по причине несоизмеримости выбросов и ущерба⁶. Так, например Россия в XIX веке произвела относительно небольшой объём выбросов, однако в XX веке стала индустриальной державой, производящей значительный объём выбросов. Как распределить справедливость между историческими выбросами Российской империи, СССР, а также постсоветской Россией?

Однако этот аргумент указывает не на невозможность концепции, а на сложность её практической реализации. Именно поэтому в Парижском соглашении предусмотрены национально определённые вклады (NDCs), которые каждое государство разрабатывает самостоятельно, учитывая свою историю, текущие возможности и уязвимость. Таким образом, справедливость не означает единую формулу для всех, а признание необходимости дифференцированного подхода.

Выводы и научная новизна

На основе проведённого исследования следует сделать следующие выводы.

Во-первых, климатическая справедливость формируется как самостоятельная правовая категория, имеющая собственную нормативную и концептуальную специфику. Она отличается как от абстрактной философской идеи справедливости, так и от традиционной экологической справедливости, фокусирующейся на локальном распределении экологических рисков. В основе данной категории лежит несколько ключевых особенностей: (1) межпоколенческая справедливость, устанавливающая этические обязательства ныне живущих поколений перед будущими; (2) принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей (CBDR), который признаёт историческую ответственность развитых стран за климатический кризис и возлагает на них обязанности как по радикальному сокращению выбросов, так и по финансовой и технологической поддержке развивающихся государств; (3) интеграция климатической повестки в систему прав человека (право на здоровую окружающую среду, особые права коренных народов и местных общин, защиту мигрантов, детей, инвалидов и иных уязвимых групп, а также акцент на гендерном равенстве и праве на устойчивое развитие); (4) глобальный характер климатической проблемы обуславливает невозможность её решения в рамках одной страны или даже узкого альянса, делая императивом всеобщее многостороннее сотрудничество; (5) климатическая спра-

ведливость обладает выраженной геополитической составляющей (основными акторами в этой сфере остаются государства, а принимаемые решения и распределение климатической ответственности напрямую влияют на международный баланс сил, экономическую конкуренцию и региональную динамику, превращая климат в один из центральных факторов мировой политики).

Таким образом, климатическая справедливость представляет собой комплексный правовой и политический конструкт, синтезирующий этические, экологические, социальные и геостратегические аспекты в единую рамку для глобального ответа на климатический вызов.

Во-вторых, ключевой вызов – отсутствие единой международной интерпретации базовых принципов климатической справедливости. Наиболее ярко это проявляется в противоречивом толковании принципа CBDR, что приводит к его декларативному признанию при слабой практической реализации. Политические разногласия, особенно между развитыми и развивающимися странами, блокируют формирование конкретных, обязательных механизмов ответственности и поддержки, подрывая саму основу справедливого глобального климатического режима.

В-третьих, конфликт между климатической справедливостью и принципом суверенитета разрешается через концепцию ответственного суверенитета, которая переформирует суверенитет не как абсолютное право, а как ответственность перед мировым сообществом. Государства сохраняют право на самоопределение в выборе путей низкоуглеродного развития, но это право включает обязанность справедливого участия в глобальном климатическом действии.

Научная новизна исследования заключается в систематизации климатической справедливости как самостоятельной категории международного права и её отграничении от смежных правовых и философских понятий. В работе показано, что разрешение конфликта между климатической справедливостью и государственным суверенитетом через концепцию «ответственного суверенитета», который предполагает принятие государствами обязательств перед мировым сообществом в климатической сфере. Проведённый анализ подтверждает, что, несмотря на закрепление в источниках международного права, содержание климатической справедливости остаётся дискуссионным, а её применение – фрагментарным. Это указывает на необходимость дальнейшей конкретизации данного принципа, разработки измеримых критериев и правовых механизмов для его реализации, что позволит трансформировать климатическую справедливость в полноценную основу международно-правового регулирования.

Литература

1. Ahead of Copenhagen talks, small island nations sound alarm at UN on climate change/UN. URL: <https://news.un.org/en/story/2009/09/314542> (дата обращения: 18.11.2025).
2. Arvind Subramanian. Climate Change Justice by Eric A. Posner and David Weisbach/ Princeton University Press, 2010. Book Reviews / Cambridge University Press. URL: <https://www-cambridge-org.peacepalace.idm.oclc.org/core/journals/world-trade-review/article/climate-change-justice-by-eric-a-posner-and-david-weisbach-princeton-university-pre-ss-2010/7451B89B52212DC62F743B2A8145FAEC> (дата обращения: 18.11.2025).
3. Benoit Mayer. State Responsibility and Climate Change Governance: A Light through the Storm Available for Purchase Get access Arrow, p.1/ Chinese Journal of International Law, Volume 13, Issue 3, September 2014. URL: <https://academic.oup.com/chinesejil/article-abstract/13/3/539/2755676?redirectedFrom=fulltext&login=false#no-access-message> (дата обращения: 18.11.2025).
4. Cass R. Sunstein & Eric Posner, “Climate Change Justice” /John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 354, 2007/ The University of Chicago. The Law School. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/107/ (дата обращения: 18.11.2025).
5. Chimni, B.S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto. International Community Law Review, 2006, Pp. 3–27 / JNU.URL: <https://www.jnu.ac.in/sites/default/files/Third%20World%20Manifesto%20BSChimni.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).
6. COP27 Reaches Breakthrough Agreement on New “Loss and Damage” Fund for Vulnerable Countries/ UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/news/cop27-reaches-breakthrough-agreement-on-new-loss-and-damage-fund-for-vulnerable-countries/> (дата обращения: 18.11.2025).
7. Decision -/CMA.7. United Arab Emirates just transition work programme/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma7_5_UAE%20JTWP_auv.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
8. Environmental Justice Definition/ climate.sustainability-directory.com. URL: <https://climate.sustainability-directory.com/term/environmental-justice-definition/> (дата обращения: 18.11.2025).

¹ Конституция Российской Федерации / Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 05.11.2025).

² Европейская конвенция по правам человека/ ECHR. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 05.11.2025).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года/ UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 05.11.2025).

⁴ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года/ UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 05.11.2025).

⁵ Устав ООН / UN. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 05.11.2025).

⁶ Zahar, Alexander (2022) “Historical responsibility” for climate change in historical perspective, Essays in Economic & Business History (EEBH), ISSN 2376-9459, Economic and Business History Society (EBHS), Rockford, IL, Vol. 40, Iss. 1, Pp. 210–232. / EBHSOC. URL: <https://ebhsoc.org/journal/index.php/ebhs/article/view/502> (дата обращения: 06.10.2025).

9. Harrison Delfin. The Environmental Justice Movement in the United States, p.5/ research.library.fordham.edu. URL: https://research.library.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1073&context=environ_theses (дата обращения: 18.11.2025).

10. Kang, Hyo Yoon (2019) What if all we can see are the parts, and there is not a whole: elements and manifestations of the making of law of 'climate justice', p.143 / Law Text Culture, (23). ISSN 1322-9060. URL: <https://kar.kent.ac.uk/78457/> (дата обращения: 18.11.2025).

11. Maldives' first biennial transparency report to the United Nations framework convention on climate change (UNFCCC) under the Paris agreement, p.3, 9/ Ministry of Climate Change, Environment and Energy November 2024 / UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/MDV-BTR%201-Nov2024.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

12. Needs of African Countries Related to Implementing the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement, p.10/ Prepared by: Integral Consul January, 2021/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Needs%20Report_African%20countries_AfDB_FINAL.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

13. Obligations of states in respect of climate change. Advisory opinion. 23 July 2025 /ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

14. PARIS AGREEMENT. UNITED NATIONS 2015/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

15. Prizzon, A., Wiggins, S., Abdenur, A. E., Daggash, H. A., Dubash, N. K., Kimani, J. & Lopes, C. (2024). Climate and development: What opportunities, what threats? P. 10 / Development Policy Review, 42. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dpr.12810> (дата обращения: 18.11.2025).

16. Zahar, Alexander (2022) "Historical responsibility" for climate change in historical perspective, Essays in Economic & Business History (EEBH), ISSN 2376-9459, Economic and Business History Society (EBHS), Rockford, MI, Vol. 40, Iss. 1, Pp. 210–232. / EBHSOC. URL: <https://ebhsoc.org/journal/index.php/ebhs/article/view/502> (дата обращения: 18.11.2025).

17. Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года/UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

18. Европейская конвенция по правам человека/ ECHR. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 18.11.2025).

19. Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принят 11 декабря 1997 года/ UNFCCC. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

20. Конституция Российской Федерации / Информационно-правовое обеспечение Гарант. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 18.11.2025).

21. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года/ UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

22. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года/ UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

23. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года/UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 18.11.2025).

24. Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 года. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами/Консорциум Кодекс. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739101> (дата обращения: 18.11.2025).

25. Устав ООН/ UN. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 18.11.2025).

CLIMATE JUSTICE AS A NEW CATEGORY OF INTERNATIONAL LAW: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND NORMATIVE FRAMEWORK

Gavaza K.A.
Saint Petersburg State University

The article examines climate justice as an emerging independent category of international law. The aim of the study is to determine the conceptual grounds, normative status of this category, and its relationship with the principles of state sovereignty and the right to development. The methodology involves systemic, comparative, and historical-legal analysis of international instruments (from the 1992 UNFCCC to COP30 decisions in 2025) and the 2025 Advisory Opinion of the International Court of Justice. The results demonstrate that climate justice is a complex construct encompassing intergenerational and geopolitical dimensions, as well as the principle of Common But Differentiated Responsibilities (CBDR). The scientific novelty lies in distinguishing between climate and environmental justice, and in substantiating the concept of "responsible sovereignty" as a means to resolve the conflict between national interests and global climate security. It is concluded that specific legal mechanisms are necessary to transition from declarative statements to effective regulation.

Keywords: climate justice, international law, Common But Differentiated Responsibilities (CBDR), responsible sovereignty, human rights, intergenerational equity, climate change, right to development.

References

1. Ahead of Copenhagen talks, small island nations sound alarm at UN on climate change/UN. URL: <https://news.un.org/en/story/2009/09/314542> (access date: 11/18/2025).
2. Arvind Subramanian. Climate Change Justice by Eric A. Posner and David Weisbach / Princeton University Press, 2010. Book Reviews / Cambridge University Press. URL: <https://www.cambridge.org/peacepalace.idm.oclc.org/core/journals/world-trade-review/article/climate-change-justice-by-eric-a-posner-and-david-weisbach-princeton-university-press-2010/7451B89B52212DC62F743B2A8145FAEC> (accessed November 18, 2025).
3. Benoit Mayer. State Responsibility and Climate Change Governance: A Light through the Storm Available for Purchase Get access Arrow, p.1/ Chinese Journal of International Law, Volume 13, Issue 3, September 2014. URL: <https://academic.oup.com/chinesejil/article-abstract/13/3/539/2755676?redirectedFrom=fulltext&login=false#no-access-message> (access date: 11/18/2025).
4. Cass R. Sunstein & Eric Posner, "Climate Change Justice" /John M. Olin Program in Law and Economics Working Paper No. 354, 2007/ The University of Chicago. The Law School. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/107/ (accessed 11/18/2025).
5. Chimni, B.S. Third World Approaches to International Law: A Manifesto. International Community Law Review, 2006, Pp. 3–27 / JNU. URL: <https://www.jnu.ac.in/sites/default/files/Third%20World%20Manifesto%20BSCchimni.pdf> (accessed 11/18/2025).
6. COP27 Reaches Breakthrough Agreement on New "Loss and Damage" Fund for Vulnerable Countries/ UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/news/cop27-reaches-breakthrough-agreement-on-new-loss-and-damage-fund-for-vulnerable-countries/> (accessed 11/18/2025).
7. Decision -/CMA.7. United Arab Emirates just transition work program/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma7_5_UAE%20JTWP_auv.pdf (accessed: 18 November 2025).
8. Environmental Justice Definition/climate.sustainability-directory.com. URL: <https://climate.sustainability-directory.com/term/environmental-justice-definition/> (accessed: 18 November 2025).
9. Harrison Delfin. The Environmental Justice Movement in the United States, p. 5/ research.library.fordham.edu. URL: https://research.library.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1073&context=environ_theses (accessed: 18 November 2025).
10. Kang, Hyo Yoon (2019) What if all we can see are the parts, and there is not a whole: elements and manifestations of the making of law of 'climate justice', p.143 / Law Text Culture, (23). ISSN 1322-9060. URL: <https://kar.kent.ac.uk/78457/> (access date: 11/18/2025).
11. Maldives' first biennial transparency report to the United Nations framework convention on climate change (UNFCCC) under the Paris agreement, p.3, 9/ Ministry of Climate Change, Environment and Energy November 2024 / UNFCCC. URL: <https://unfccc.int/sites/default/files/resource/MDV-BTR%201-Nov2024.pdf> (access date: 11/18/2025).
12. Needs of African Countries Related to Implementing the UN Framework Convention on Climate Change and the Paris Agreement, p.10/ Prepared by: Integral Consul January, 2021/ UNFCCC. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/Needs%20Report_African%20countries_AfDB_FINAL.pdf (accessed 11/18/2025).
13. Obligations of states in respect of climate change. Advisory opinion. 23 July 2025 /ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf> (access date: 11/18/2025).
14. PARIS AGREEMENT. UNITED NATIONS 2015/UNFCCC. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (accessed 11/18/2025).
15. Prizzon, A., Wiggins, S., Abdenur, A. E., Daggash, H. A., Dubash, N. K., Kimani, J. & Lopes, C. (2024). Climate and development: What opportunities, what threats? P. 10 / Development Policy Review, 42. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dpr.12810> (accessed November 18, 2025).
16. Zahar, Alexander (2022) "Historical responsibility" for climate change in historical perspective, Essays in Economic & Business History (EEBH), ISSN 2376-9459, Economic and Business History Society (EBHS), Rockford, MI, Vol. 40, Iss. 1, Pp. 210–232. / EBHSOC. URL: <https://ebhsoc.org/journal/index.php/ebhs/article/view/502> (accessed: 18 November 2025).
17. Declaration on the Right to Development. Adopted by General Assembly resolution 41/128 of 4 December 1986 / UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml (accessed: 18 November 2025).
18. European Convention on Human Rights/ ECHR. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (date of access: 18 November 2025).
19. Kyoto Protocol to the United Nations Framework Convention on Climate Change. Adopted on 11 December 1997/ UNFCCC. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/kyoto.shtml (date of access: 18 November 2025).
20. Constitution of the Russian Federation / Information and legal support of the Garant. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (date of access: 18 November 2025).

21. International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 / UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (date of access: 18 November 2025).

22. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966 / UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (date of access: 18 November 2025).

23. United Nations Framework Convention on Climate Change. Adopted on 9 May 1992 / UN. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (date of access: 18 November 2025).

24. UN General Assembly Resolution 1803 (XVII) of 14 December 1962. Permanent Sovereignty over Natural Resources / Codex Consortium. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901739101> (date of access: 18 November 2025).

25. Charter of the UN / UN. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 18.11.2025).

Организация прокурорского надзора за расследованием уголовных дел коррупционной направленности

Кадырова Салидат Джабраиловна,

аспирант, кафедра уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет
E-mail: salidat.k1997@mail.ru

В статье анализируются особенности организации прокурорского надзора за расследованием уголовных дел коррупционной направленности в Российской Федерации. Рассматриваются основные сложности выявления коррупционных преступлений: завуалированность способов их совершения, недостаточная квалификация следственных кадров, слабое межведомственное взаимодействие. Автор раскрывает ключевые направления антикоррупционной деятельности прокуратуры: контроль за соблюдением запретов госслужащими, координация правоохранительных органов, анализ данных из различных источников, включая СМИ. На основе статистики Генпрокуратуры РФ подчёркивается актуальность проблемы и необходимость совершенствования механизмов надзора для повышения раскрываемости коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, прокурорский надзор, антикоррупционное законодательство, правоохранительные органы, конфликт интересов

Коррупция по своему содержанию является однозначно многоуровневым сложным негативным социальным явлением, находящее свое проявление в осуществлении действий коррупционного характера, целью которых выступает корыстность и ущерб государству и обществу.

Расследование преступлений коррупционной направленности представляет собой особую сложность в деятельности органов следствия, которая заключается в следующем [1]:

1) наличие в штате неквалифицированных сотрудников, то есть обладающих недостаточным уровнем навыков владения специальными познаниями, методиками, способствующих выявлению и расследованию преступлений коррупционной сферы;

2) завуалированность способов совершения преступлений данной категории;

3) инкубационный характер взаимоотношений правоохранительных органов, заключающийся в недостаточности их взаимодействия;

4) слабый уровень правосознания лиц, совершающих преступления коррупционной направленности.

Несмотря на тот факт, что средства и методы выявления, пресечения, расследования и раскрытия коррупционных преступлений с каждым годом обретают совершенно новые формы и виды, на сегодняшний день вопросы, касающиеся данной проблематики, не теряют свою актуальность.

Федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ч. 1 ст. 1 определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также указанные деяния, совершенные от имени или в интересах юридического лица [4].

Из данного определения следует, что коррупционными преступлениями признаются действия, подрывающие не только интересы государственной службы, службы в органах местного самоуправления и государственную власть, поскольку субъектами преступлений данной категории, наряду с государственными и муниципальными служащими, являются и сотрудники коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальные предприниматели и т.д.

Целесообразным считается указание на одну из явных особенностей обнаружения преступлений данной категории, а именно на их скрытый характер.

Согласно анализу правоприменительной практики, большинство уголовных дел коррупционной сферы подлежат возбуждению в результате принятия и проверки заявления о преступлении данной категории, что побуждает органы следствия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение, изъятие и исследование объектов, которые могли бы относиться к лицу, совершившему данное преступление или использоваться им при его совершении.

Актуальность деятельности по выявлению преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации подчеркивается статистикой Генеральной прокуратуры РФ в части выявленных нарушений антикоррупционного законодательства [6].

Так, в 2023 году было выявлено 234 760 нарушений и возбуждено 3 148 уголовных дел в части преступлений коррупционной направленности, в 2020 году – 245 532 нарушений и 3 118 уголовных дел соответственно.

В ходе осуществления прокурорского надзора над соблюдением законодательства о контроле расходов прокуратура уполномочена анализировать данные из различных источников информации, которые могут служить свидетельством совершения коррупционных преступлений. К таким источникам данных относятся: материалы, полученные либо сформированные по итогам прокурорских проверок; информация, переданная иными правоохранительными органами в рамках межведомственного взаимодействия; информация, полученная от институтов гражданского общества (средства массовой информации, обращения граждан, и т.д.).

Осуществление надзора за соблюдением государственными служащими установленных запретов и ограничений. Упомянутый выше Федеральный закон «О противодействии коррупции» провозглашает основные направления деятельности государственных органов по противодействию преступлениям коррупционной направленности.

Одним из основных направлений такой антикоррупционной деятельности является введение ряда запретов и ограничений для государственных служащих, включая сотрудников федеральных органов исполнительной власти. Одним из таких ограничений является обязанность по предотвращению конфликта интересов [5].

Как гласит статья 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», конфликт интересов – это «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [3].

В частности, меры по предотвращению конфликта интересов включают в себя следующее:

невозможность принятия на государственную службу близкого родственника государственного служащего, если прохождение им такой службы будет порождать отношение прямого подчинения между близкими родственниками;

невозможность продолжать работу на государственной службе при обнаружении фактов представления поддельных документов при поступлении на данную службу;

непредставление сведений или представление заведомо ложных сведений о доходах и имуществе при поступлении на государственную службу;

возможность увольнения сотрудников федеральных органов исполнительной власти из-за утраты доверия в связи с нарушением ими норм антикоррупционного законодательства;

запрет на занятие предпринимательской деятельностью, а также участия в управлении юридическими лицами за исключением случаев, особо оговоренных законодательством;

запрет на приобретение ценных бумаг коммерческих компаний, за исключением случаев, предусмотренных законодательством;

получение имущественного вознаграждения, в том числе в натуральной форме, от физических и юридических лиц за выполнение либо невыполнение должностных обязанностей [2].

Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. Как уже упоминалось выше, Федеральный закон «О противодействии коррупции» наделяет прокуратуру полномочиями по координации органов государственной власти в сфере противодействия коррупции. Данная диспозиция влечет за собой несколько важных следствий.

Во-первых, из упомянутого положения законодательства следует, что роль прокуратуры в части выявления коррупционных преступлений является главенствующей, так как заключается не только в деятельности по противодействию коррупции, но и в координации данной деятельности, осуществляемой иными органами власти.

Во-вторых, одной из антикоррупционных функций прокуратуры является организационно-координирующая, так как на органах прокуратуры лежит бремя координации антикоррупционной деятельности государства на оперативном уровне.

В число основных форм координации антикоррупционной деятельности правоохранительных органов, осуществляемой органами прокуратуры, входят [1]: организация и проведение координационных совещаний с руководством иных правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам противодействия коррупции; совместные выезды в регионы для проведения мероприятий по выявлению и предотвращению коррупционных преступлений, а также повышения квалификации регионального и районно-городского звена правоохранительной системы; создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений коррупционной направленности; проведение иных совместных мероприятий по выявлению и пресечению коррупционных правонарушений и т.д.

Применение различных форм координации деятельности по выявлению и пресечению преступлений коррупционной направленности позволяет максимизировать пользу от совместной деятельности различных органов правоохранительной системы РФ, а также повысить охват аспектов деятельности федеральных органов исполнительной власти, которые подвергаются прокурорскому надзору.

Мониторинг сообщений средств массовой информации, содержащих сведения о правонарушениях коррупционной направленности.

Выявление коррупционных правонарушений в деятельности федеральных органов исполнительной власти существенно облегчается публичным характером деятельности данных органов.

В силу организационно-правового статуса и влияния на все сферы жизни общества данные органы государственной власти в целом и их сотрудники в частности находятся под постоянным наблюдением как со стороны органов, ответственных за противодействие коррупции

и осуществление финансового контроля, так и со стороны институтов гражданского общества, к которым относятся: общественные органы власти (Общественная палата РФ); средства массовой информации; общественные организации и объединения граждан; некоммерческие организации и фонды общественно-политической направленности.

Таким образом, прокурорский надзор представляет собой важнейший элемент механизма выявления и предотвращения преступлений коррупционной направленности на всех уровнях, включая федеральные органы исполнительной власти РФ [2]. Прокуратура обладает рядом полномочий, которые позволяют ей одновременно вести деятельность по противодействию коррупции в нескольких направлениях, что, в свою очередь, способствует повышению выявляемости и раскрываемости коррупционных преступлений.

Залогом успешного выявления преступлений коррупционной направленности со стороны прокуратуры является грамотное выстраивание работы с информацией, источниками которой являются как сами федеральные органы исполнительной власти и их сотрудники, так и данные, полученные от смежных правоохранительных органов, органов финансового контроля, а также от институтов гражданского общества и средств массовой информации. Нельзя игнорировать и качество подбора, обучения и воспитания кадров работников прокуратуры [4].

Литература

1. Гельдибаев М.Х. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2018. – 209 с. 19.
2. Гельдибаев М.Х., Захарцев С.И., Кондрат И.Н. Прокуратура России: некоторые вопросы создания и развития // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9–10. – 60–68 с.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Защита прав человека в информационном пространстве // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 1 (17). – 62–70 с.
4. Маков Б.В., Быков К.В. Принципы взаимодействия гражданского общества, государства и правоохранительных органов как элемент национальной идеи // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – 62–67 с.
5. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2023 г. Источник: <http://genproc.gov.ru>.
6. Юбин И.Г. Гражданское общество, правовое государство и социально-правовой идеал в России // Идеология, духовные ценности и проблемы сохранения культурного наследия России: Сборник статей / Под науч. ред. Е.П. Борзовой. Санкт-Петербургский институт искусства и реставрации – СПб.: СПбКО, 2019. – 68–72 с.

ORGANIZATION OF PROSECUTOR'S OVERSIGHT OF CRIMINAL INVESTIGATIONS RELATED TO CORRUPTION

Kadyrova S.Dz.
Surgut State University

This article analyzes the specifics of organizing prosecutorial oversight of criminal investigations related to corruption in the Russian Federation. It examines the main challenges in identifying corruption crimes: the veiled nature of their commission, the insufficient qualifications of investigative personnel, and weak interagency cooperation. The author explores key areas of the prosecutor's office's anti-corruption activities: monitoring compliance with prohibitions by civil servants, coordinating law enforcement agencies, and analyzing data from various sources, including the media. Based on statistics from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the relevance of the problem and the need to improve oversight mechanisms to increase the detection rate of corruption crimes are emphasized.

Keywords: corruption, prosecutorial oversight, anti-corruption legislation, law enforcement agencies, conflict of interest

References

1. Geldibaev M. Kh. Prosecutor's Supervision: A Textbook. – St. Petersburg: GUAP, 2018. – 209 p. 19.
2. Geldibaev M. Kh., Zakhartsev S. I., Kondrat I. N. The Prosecutor's Office of Russia: Some Issues of Creation and Development // The World of Politics and Sociology. – 2017. – No. 9–10. – 60–68 p.
3. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. Protecting Human Rights in the Information Space // Strategic Priorities. – 2018. – No. 1 (17). – 62–70 p.
4. Makov B. V., Bykov K. V. Principles of Interaction between Civil Society, the State, and Law Enforcement Agencies as an Element of the National Idea // Ideology, Spiritual Values, and Problems of Preserving Russia's Cultural Heritage: A Collection of Articles / Ed. by E. P. Borzova. St. Petersburg Institute of Art and Restoration – St. Petersburg: SPbKO, 2019. – 62–67 p.
5. Statistical data on the main performance indicators of the prosecutor's offices of the Russian Federation for January–December 2023. Source: <http://genproc.gov.ru>.
6. Yubin I. G. Civil Society, the Rule of Law, and the Socio-Legal Ideal in Russia // Ideology, Spiritual Values, and Problems of Preserving Russia's Cultural Heritage: A Collection of Articles / Ed. by E. P. Borzova. St. Petersburg Institute of Art and Restoration – St. Petersburg: SPbKO, 2019. – 68–72 p.

Гереева Ирина Сулеймановна,

аспирант кафедры гражданского процесса публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов, Всероссийский Государственный Университет Юстиции (РПА Минюста России)

Судебно-правовая реформа 1990-х. предполагала создание в России специализированной судебной системы. Правовое сообщество разделилось на сторонников и противников создания специализированных судов. Сегодня наблюдается тенденция к отказу в их образовании в системе судов общей юрисдикции. В связи с этим предлагается новый взгляд на решение проблемы судебной специализации, заключающийся в специализации судей. Полагаем, что данный подход наиболее обоснован и соответствует современным реалиям.

Ключевые слова: концепция судебной реформы, судебная система, специализированные суды, специализация судей.

С 1991 года по инициативе Верховного Суда Российской Федерации последовательно осуществляется судебная реформа, которая предусматривает систему взаимосвязанных мер по обеспечению эффективной и доступной судебной защиты прав граждан и бизнеса в разумные сроки.

Ежегодно объемы рассматриваемых дел в судах увеличиваются, что является признаком высокого уровня доверия граждан правосудию, а также показателем того, что иные способы разрешения конфликта исчерпаны и не эффективны. В свою очередь перегрузка судебной системы ведет к проблемам качественного и своевременного отправления правосудия.

Вопросы повышения эффективности и обеспечения разумных сроков правосудия являются пристальным объектом внимания ученых, практикующих юристов, судей различных инстанций. Значительный вклад в развитие, совершенствование судебной системы осуществляет судейским сообществом. На съездах судей подводятся итоги работы судейского корпуса и определяются приоритеты его дальнейшего развития.

Практически сразу же после проведения I Всероссийского съезда судей (17–18 октября 1991 года), Верховный Совет РСФСР 24 октября 1991 г. обсудил и принял Постановление от 24.10.1991 № 1801–1 «О Концепции судебной Реформы в РСФСР» (далее — Концепция). Концепция обозначила основные направления реформирования судостроительства и судопроизводства. Некоторые нововведения нашли достойное воплощение в судебной системе России, другие претерпели с течением времени изменения, а отдельные идеи приняли противоречивый характер и введены не были. Одним из направлений судебной реформы 1990-х, не до конца реализованных по настоящее время, является создание в России специализированной судебной системы.

Концепцией устанавливалось, что институт мировых судей будет подразделяться на участковых и специализированных. Определялось, что структуры первой инстанции необходимо специализировать; к судебным коллегиям по уголовным и гражданским делам прибавятся судебные коллегии по семейным делам, по трудовым делам, по делам несовершеннолетних, которые впоследствии могут развиваться в обособленные виды судебной юрисдикции. Структуры кассационно-апелляционных инстанций могут специализироваться по видам пересмотра. Предполагалось, что Верховный Суд РСФСР и окружные суды будут подразделяться на специализированные коллегии. Целесообразным отмечалось децентрализовать судебную систему за счет формирования специализированных судов (ювенальная, административная юстиция и др.), специализированных судебных коллегий в общих федеральных и республиканских судах¹.

Несмотря на то, что Концепция определяла арбитражные суды как специализированные, в Конституции РФ 1993 г. и принимаемых на ее основании федеральных конституционных законах, арбитражные суды, конституционные и военные суды специализированными не назывались.

В принятом в 1996 г. Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» впервые была предусмотрена возможность создания федеральных специализированных судов (статья 26). В первоначальной редакции предполагалось образование таких судов в системе судов общей юрисдикции только по гражданским и административным делам. В редакции 2011 г. в связи с образованием Суда по интеллектуальным правам в ст. 26 внесена поправка о том, что специализированные суды могут быть созданы также по решению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами².

¹ Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801–1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#4wRpSIU2xE1pmd95>

² Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 N 4-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=158692&dst=100016&field=134&rnd=Y-l2mig#9kPrIUOKTMGXScS1>

Подхода-с-формальных-позиций,-до-2011-г.-не-было-ни-одного-прямого-указания-на-существование-уже-действующих-специализированных-судов.-Данное-положение-целым-рядом-правоведов-было-положено-в-обоснование-утверждения-об-отсутствии-института-специализированных-судов-в-Российской-Федерации:-«арбитражные-суды-законом-не-называются-специализированными-(к-таковым-относится-только-Суд-по-интеллектуальным-правам-в-соответствии-со-ст.-3,-43.2-Федерального-конституционного-закона-«Об-арбитражных-судах-в-РФ»),-поэтому-называть-арбитражные-суды-специализированными-по-отношению-к-судам-общей-юрисдикции-не-совсем-обоснованно»¹.-Имеется-и-противоположная-точка-зрения-на-эту-проблему².-Подобные-дискуссии-ведутся-также-относительно-Конституционного-суда-РФ-и-военных-судов.

Правовое-сообщество-разделилось-на-сторонников-и-противников-создания-специализированных-судов.-Противники-ссылаются-на-путаницу-в-компетенции,-трудности-ориентации-населения-в-судах,-привлечении-дополнительных-финансовых-ресурсов-на-их-создание,-усложнение-и-загромождение-судебной-системы-страны,-разрушительное-влияние-на-внутреннее-единство-судебной-системы-и-ущемление-права-граждан-на-доступ-к-правосудию,-судьи-в-таких-судах-будут-утрачивать-свою-квалификацию³.-К-недостаткам-специализированных-судов-также-относят-риск-отсутствия-единообразия-судебной-практики-между-несколькими-звеньями-судов⁴.-Сторонники-аргументируют-свою-позицию-тем,-что-специализированные-суды-разгрузят-судебную-систему,-повысят-эффективность-рассмотрения-дел;-улучшится-доступность-правосудия,-поскольку-граждане-смогут-обратиться-в-большее-количество-судебных-органов;-повысится-качество-выносимых-судебных-решений-в-связи-с-тем,-что-дела-будут-рассматривать-более-квалифицированные-судьи,-специализирующиеся-на-рассмотрении-дел-определенного-вида⁵.-К-преимуществам-специализированных-судов-относят:-специализацию-судей,-позволяющую-более-детально-изучить-материально-правовые-и-процессуальные-особенности-рассмотрения-отдельных-категорий-дел⁶.

Для-достижения-целей,-указанных-в-Концепции,-в-правовой-науке-широко-обсуждалась-специализация-судов,-рассматривался-зарубежный-опыт,-перспективы-создания-данных-судов-в-России.-Предпринимались-шаги-к-созданию-специализированных-судов-в-системе-судов-общей-юрисдикции-—-административной,-ювенальной,-трудовой,-семейной-юстиции,-пенитенциарных,-патентных,-налоговых-административных,-трудовых,-земельных-и-иных-судов⁷.

В-2001,-2005-гг.-предлагались-законопроекты-с-целью-дополнить-ФКЗ-от-31-декабря-1996-года-№-1-ФКЗ-«О-судебной-системе-Российской-Федерации»-статьей-22.1-«Ювенальные-суды»⁸,-в-2005-г.-пред-

лагалось-учредить-специализированные-суды-по-рассмотрению-дел-с-участием-несовершеннолетних-лиц⁹.

Несмотря-на-представленные-подходы-к-формированию-правового-регулируемого-в-области-ювенальной-юстиции,-законопроекты-были-отклонены.-Позиция-законодателя-сводилась-к-тому,-что-в-стране-стали-вырабатываться-ювенальные-технологии,-а-также-совершенствовалась-компетенция-и-специализация-судей,-рассматривающих-дела-в-отношении-несовершеннолетних¹⁰.-В-России-были-запущены-несколько-пилотных-проектов-ювенальных-судов.-Первый-ювенальный-суд-открылся-25-марта-2004-года-в-г.-Таганроге-Ростовской-области.-Во-многих-субъектах-Российской-Федерации-в-вышестоящих-судах-введена-специализация-судей-по-рассмотрению-дел-в-отношении-несовершеннолетних.

Д.Ф.-Аверченко-в-своем-исследовании-указывает,-что-согласно-Программе-социальных-реформ-на-период-1996–2000-гг.,-предполагался-двухэтапный-процесс-создания-трудовых-судов.-Как-следует-из-исследования,-вместо-этого-законодатель-осуществил-разгрузку-районных-судов,-что-привело-к-созданию-института-мировых-судей.-Трудовые-спору-были-распределены-между-судами-разного-уровня.-Также-в-работе-Д.Ф.-Аверченко-исследуется-история-развития-ювенальной-юстиции,-рассматривается-законотворческая-работа-в-данном-направлении¹¹.

Т.И.-Фахрашуи-полагала,-что-создание-административной-юстиции-даст-возможность-пересмотра-в-распределении-дел-судами-общей-юрисдикции-и-арбитражными-судами.-Указывает,-что-в-1992-г.-судебная-реформа-намечала-создание-специализированных-судов,-и-что-фактически-эти-прогнозы-не-подтвердились.-Тем-не-менее,-научный-интерес-к-данной-проблеме-не-угас.-Т.И.-Фахрашуи-считает,-что-комиссии-по-делам-несовершеннолетних-являются-неэффективным-институт-защиты-прав-детей-в-виду-профессиональной-слабости,-в-связи-с-чем-юстиция-по-делам-несовершеннолетних-будет-обеспечивать-интересы-ребенка-эффективнее¹².

Хотелось-бы-подробнее-остановиться-на-инициативе-создания-административных-судов.-В-марте-1994-г.-Председатель-ВС-РФ-В.М.-Лебедев-в-выступлении-«О-приведении-Закона-«О-статусе-судей-в-РФ»-в-соответствие-с-Конституцией-РФ»-отметил:-«Увеличилось-количество-рассмотрения-гражданских-дел.-Причем-наблюдается-резкий-рост-категорий-дел,-вытекающих-из-административно-правовых-отношений.-Если-в-дальнейшем-тенденция-роста-этих-дел-будет-такой-же-или-увеличится,-видимо-нам-с-Вами-придется-все-таки-решать-вопрос-о-создании-специализированных-судов,-в-частности,-суда-административного»¹³.-Важность-и-уникальность-этого-выступления-заключается-в-том,-что-вопрос-о-создании-специализированных-судов-не-поднимался-более-ни-на-одном-Всероссийском-съезде-судей-с-1994-г.

Поскольку-количество-рассматриваемых-гражданских-дел-постоянно-возрастало,-тема-становилась-все-более-актуальной.-В-связи-с-этим,-21-сентября-2000-г.-Верховным-Судом-РФ-в-Государственную-Думу-РФ-был-направлен-законопроект-«О-федеральных-административных-судах-в-Российской-Федерации»¹⁴.-В-пояснительной-записке-к-проекту-закона-указывалось,-что-количество-административных-дел-постоянно-возрастает.-В-1999-году-оно-превысило-350-тыс.-дел.-Вследствие-сложности-названной-категории-дел-их-рассмотрение-и-правильное-разрешение-требуют-высокого-профессионализма-и-специализации-судей.-Но-так-как-основная-часть-таких-дел-рассматривается-в-порядке-гражданского-судопроизводства-районными-судами-и-судами-областного-уровня,-такую-специализацию-обеспечить-чрезвычай-

¹ Свириденко О.М. Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплен самостоятельный конституционно-правовой статус арбитражных судов // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 12. – С. 39–45, с. 43

² Т.Е. Абова Развитие судебной системы в России (гражданское судопроизводство) с. 125

³ Изварина А.Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования): монография. – Москва: Проспект, 2014. – 112 с.; Изварина А.Ф. К вопросу о создании специализированных судов <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-spetsializirovannyh-sudov/viewer>; Лейбошиц А.В. Специализированные суды, вопросы судопроизводства и подсудности: опыт России и зарубежных стран. «Законодательство», № 8, август 2013 г. <https://base.garant.ru/57624814/>

⁴ А.В. Малышкин Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 240–246, С. 243

⁵ А. В. Феоктистов М.Н. Феоктистова Перспективы развития Российской судебной системы Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» 2018. Т. 6, № 2 (22) <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online)

⁶ А.В. Малышкин Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 240–246, С. 243

⁷ Овечкин М.А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование, дис. ...канд.юр.наук, 2006, с. 195; Аверченко Д.Г. Специализированные суды в системе органов судебной власти: Теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02 –М.: РГБ, 2003.; Фахрашуи Т.И. Судебная система РФ: Современное состояние и некоторые направления совершенствования Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – Тверь, 1998. и др.

⁸ ФКЗ «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации» (2001 г.); проект федерального конституционного закона «О ювенальных судах в Российской Федерации» (2005).

⁹ Проект ФКЗ «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О судебной системе Российской Федерации» (2005 г.).

¹⁰ Стенограмма обсуждений законопроекта «О проекте федерального конституционного закона № 38948–3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» <https://sozd.duma.gov.ru/bill/38948-3> (дата обращения 25.05.2025)

¹¹ Аверченко Д.Г. Специализированные суды в системе органов судебной власти: Теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02 –М.: РГБ, 2003. – С. 99–121

¹² Фахрашуи Т.И. Судебная система РФ: Современное состояние и некоторые направления совершенствования Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. – Тверь, 1998. – С. 100–101

¹³ Из выступления Председателя Верховного Суда Российской Федерации Лебедева В.М. О приведении Закона «О статусе судей в РФ» в соответствие с Конституцией РФ. // Совет судей Российской Федерации URL: <http://ssr.f.ru/siezd-sudiei/842> (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁴ Законопроект № 7886–3 О федеральных административных судах в Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/7886-3#bh_histtras (дата обращения: 06.06.2023).

но-сложно. В-связи-с-этим-предполагалось-сформировать-окружные-и-межрайонные-административные-суды, учредить Судебную коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации и при необходимости — соответствующие коллегии в судах областного уровня¹.

По состоянию на 2013-г. законопроект не был одобрен, и в итоге утратил свою актуальность в связи с принятием «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации». Вопрос о создании отдельной административной судебной юстиции был закрыт. Однако, частично положения, указанные в законопроекте, были реализованы, а именно — в 2011-г. в составе Верховного Суда РФ была образована Судебная коллегия по административным делам. В 2014-г. на уровне областных и приравненных к ним судов общей юрисдикции предусмотрены административные коллегии. В 2018-году, в связи с образованием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, их составы помимо гражданских и уголовных, также включали коллегии по административным делам². В системе арбитражных судов административные коллегии предусматривались изначально Федеральным конституционным законом от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Таким образом, увеличение количества дел не являлось фактором образования специализированных судов. Статистика о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции наглядно свидетельствует о ежегодном росте объемов дел на 10–15%. По состоянию на 2004-г. судами общей юрисдикции рассматривалось более 5-млн гражданских дел³. За 2007-год судами общей юрисдикции рассмотрено по первой инстанции свыше 9-млн гражданских дел⁴, в 2011-году около 12-млн 700-тыс. дел⁵. К 2012-г. в исковом производстве ежегодно рассматривается примерно 3-млн дел, из которых обжалуется только 5% решений. Службная нагрузка мировых судей возросла с 1,5-млн дел, рассмотренных в 2001-году, до 13-млн 600-тыс. дел в 2012-году⁶. В 2013-г. всего окончено гражданских дел по первой инстанции 12 831 939. Согласно статистическим данным всего окончено гражданских дел и административных дел по первой инстанции в 2014-г. — 13 872 700, в 2015-г. — 15 168 602, в 2016-г. — 17 029 238, в 2017-г. — 18 830 181, в 2018-г. — 21 652 260, в 2019-г. — 24 856 399, в 2020-г. — 28 391 451, в 2021-г. — 27 918 912, в 2022-г. — 31 256 358, в 2023-г. — 30 576 160, в 2024-г. — 34 131 900⁷.

В условиях стремительного роста дел различных категорий и высоких требований к срокам их рассмотрения осуществление правосудия обеспечивается за счет увеличения интенсивности судебного труда. Рост служебной нагрузки судей в России ежегодно увеличивается на 8–10%, в других правопорядках нет примера такого интенсивного роста судебной нагрузки⁸.

Несмотря на ежегодный прирост дел, и колоссальные нагрузки на судебную систему, законодатель отказывался от учреждения специализированных судов. В целях обеспечения эффективного правосудия в условиях судебных нагрузок принимались иные меры: внедрялись принципы процессуальной экономии, развивались упрощенные, ускоренные формы судопроизводства, совершенствовался порядок извещения лиц, участвующих в деле, расширялась процессуальная компетенция помощников судей, активно внедрялись элементы электронного правосудия и др.

¹ Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации» <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7886-3> (дата обращения 20.05.2025)

² Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» <https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=453321&dst=1000000001&cacheid=595AD627B8EA97686011A635FCF0EB43&mode=splus&rnd=zzbEFQ#c4hCImU8QWdThax>

³ VI Всероссийский съезд судей Из выступления Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева <https://ssrf.ru/siezd-sudiei/846> (дата обращения 17.05.2025)

⁴ Постановление VII Всероссийского съезда судей от 4 декабря 2008 г. <https://ssrf.ru/siezd-sudiei/838> (дата обращения 16.05.2025)

⁵ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VIII Всероссийском съезде судей <https://ssrf.ru/siezd-sudiei/9096> (дата обращения 17.05.2025)

⁶ Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева на VIII Всероссийском съезде судей <https://ssrf.ru/siezd-sudiei/9096> (дата обращения 17.05.2025)

⁷ Судебная статистика // Судебный Департамент при ВС РФ URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 16.05.2025).

⁸ Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в российской федерации: концепция, цели, содержание (часть II) // Журнал российского права, — 2019 г., № 12. — С. 79

Анализируя положения Концепции судебной реформы относительно создания специализированных судов в сравнении с ее реализацией в современной России, учитывая опыт и анализ статистических данных, на сегодняшний день мы фактически наблюдаем тенденции к отказу в создании ювенальной, трудовой, семейной и иных видов юстиции в судах общей юрисдикции. С принятием КАС РФ был закрыт вопрос об отдельной административной судебной юстиции. Арбитражная юрисдикция лишилась специализации на уровне высшей самостоятельной инстанции и возможности создания дополнительных специализаций на уровне коллегий. Ранее по решению Пленума ВАС РФ в составе арбитражных судов помимо коллегий по гражданским и административным делам могли быть образованы иные судебные коллегии по рассмотрению отдельных категорий дел, однако в 2014-г. в законодательство внесены поправки, в соответствии с которыми данное правило исключено⁹. Изменения были внесены в связи с упразднением ВАС РФ. В судах общей юрисдикции законодательством составы судов четко определены, создание дополнительных коллегий не предусматривается. В Верховном Суде РФ законом также определен конкретный перечень судебных коллегий.

Из-за разницы в правоприменительной практике по одним и тем же вопросам в настоящее время всерьез обсуждается вопрос полной унификации процессуального законодательства для всех судов. Предполагаем, что отсутствие процессуальных различий в правилах судопроизводства также значительно снижает необходимость существования специализированных судов.

Тем не менее, идеи Концепции реализованы в России в той части, что в судебной системе были образованы три самостоятельные ветви судебной власти, возглавляемые Конституционным судом РФ, Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным судом РФ. Сегодня специализация функционирует на уровне уголовных, гражданских и административных судебных коллегий в судах регионов, апелляционных и кассационных инстанций судов общей юрисдикции¹⁰. В арбитражных судах наблюдается высокая специализация на всех уровнях: в арбитражных судах субъекта Российской Федерации могут действовать судебные коллегии по гражданским и административным делам, а апелляционные и окружные суды действуют в составах указанных коллегий¹¹. Как правило, в структуре этих судов выделяются фиксированные судебные составы по узконаправленным кластерам (договорные обязательства, корпоративные споры, банкротства, налоговые правоотношения и др.)¹². Первым специализированным судом в арбитражной системе и в судебной системе страны, в целом, является Суд по интеллектуальным правам. А.Н. Ващекин называет в полной мере специализированным Верховный Суд РФ¹³. На уровне Верховного Суда РФ существует дифференциация коллегий по административным, гражданским, уголовным делам, экономическим спорам, по делам военнослужащих, а также дисциплинарная коллегия¹⁴. Также в судебных коллегиях Верховного Суда Российской Федерации формируются судебные составы из числа судей, входящих в состав соответствующей судебной коллегии. Так, судебная коллегия по гражданским делам состоит из составов: по гражданским делам, по трудовым и социальным делам, по семейным делам и делам о защите прав детей¹⁵.

Вместе с тем нельзя сказать о том, что процесс специализации завершен. Законодательство прямо не предусматривает специализацию в отношении судей районных судов. Районный суд рассматривает все уголовные, гражданские и административные дела в качестве суда первой инстанции. В случаях, установленных федеральным законом, районный суд рассматривает дела об административных правонарушениях

⁹ Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 N 8-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=163918&dst=100095&field=134&rnd=Y12mig#nbsnIU9mzn0N5Ss>

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/

¹¹ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации»

¹² Ващекин А.Н.1, Ващекина И.В.2, Квачко В.Ю. Автоматизация многоаспектного планирования специализированных составов суда / Правовая информатика № 2–2024, стр. 5

¹³ Там же

¹⁴ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»

¹⁵ Сведения из официального сайта ВС РФ. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации <https://vsrf.ru/about/structure/?section=boards&subsection=365>

ниях¹. При этом наибольший объем гражданских, уголовных и административных дел по существу рассматривается именно в районных судах. Приказом председателя суда за судьями в районных судах может быть закрепление так называемых «зон обслуживания» или предметного принципа рассмотрения дел. При распределении обязанностей председатель должен учитывать уровень подготовки и квалификации, в отдельных случаях — и личные наклонности и черты характера судьи². Это способствует тому, что судьи на протяжении длительного периода времени получают личный опыт, знания и стаж работы, которые могут повлиять на качество решений, т. е. специализируется в определенной сфере. О внедрении практической специализации все чаще говорят правоведы и практикующие юристы. В. Ф. Яковлев отмечал: «Полагая, что любой судья может рассматривать любые дела — уголовные, гражданские, семейные, по ценным бумагам, по морским перевозкам и т. д., мы, как мне кажется, допускаем серьезную ошибку. Объять не объять не может никто, в том числе судья, а законодательство наше поистине необъято».

Разногласия правоведов, а также тенденции к отказу от специализированных судов, говорят лишь об одном — необходимости дальнейшего более глубокого, детального исследования данной темы с тем, чтобы найти поиск и перспективы совершенствования эффективности судебной системы. Изучение предметно-категорийной формы специализации судей судов общей юрисдикции по гражданским делам и использование ее в судах различных инстанций, на наш взгляд, представляет собой направление по совершенствованию эффективности правосудия.

В связи с этим предлагается новый взгляд на решение проблемы судебной специализации. И, по нашему мнению, представляется целесообразным обсуждение вопроса о специализации судей судов общей юрисдикции по гражданским делам на уровне суда первой инстанции, т. е. районных и городских судов, по предмету наиболее сложных категорий дел (по жилищным, трудовым, земельным, семейным и др.); а также более детальной специализации по узконаправленным категориям гражданских дел в вышестоящих судах. Полагаем, что данный подход наиболее обоснован и соответствует современным реалиям. Сегодня судьи по гражданским делам первой и вышестоящих инстанций рассматривают широкий круг общественных отношений. Согласно данным статистической отчетности диапазон рассматриваемых гражданских и административных дел в судах первой инстанции составляет более 400 категорий. Попав в суд первой инстанции, иски и административные иски заявлены распределяются между судьями, имеющими право рассматривать все категории дел, подведомственных этому суду (за исключением случаев распределения определенных категорий дел между судьями на основании приказа председателя суда). Концепция судебной реформы 1991 г. изначально содержала в себе задачу — необходимости специализации в судах первой инстанции, и данная задача остается актуальной и сегодня.

Как известно дифференциация совершенствует процесс правового регулирования, повышает его эффективность, способствуя охвату разнородных отношений и проникновению в их сущность³. В районных судах такая дифференциация необходима ввиду сложности и объемов рассматриваемых дел. Положительной стороной специализации судей является то, что она не предполагает создания новых судебных структур, не требует финансовых затрат.

Литература

1. Абова Т. Е. Развитие судебной системы в России (гражданское судопроизводство) с. 125
2. Аверченко Д. Г. Специализированные суды в системе органов судебной власти: Теоретико-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02. — М.: РГБ, 2003.;
3. Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право, 1971, № 10, с. 46
4. Ващенко А. Н. 1, Ващекина И. В. 2, Квачко В. Ю. Автоматизация многоаспектного планирования специализированных составов суда // Правовая информатика № 2—2024, стр. 5
5. Изварина А. Ф. Судебная система России (концептуальные основы организации, развития и совершенствования): монография. — Москва: Проспект, 2014. — 112 с.;

¹ Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»

² Организация деятельности судов: учебник / под общ. Ред. В. М. Лебедева. — М.: Норма, 2008. — с. 49—50

³ Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права / Советское государство и право, 1971, № 10, с. 46

6. Изварина А. Ф. К вопросу о создании специализированных судов <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-spetsializirovannyh-sudov/viewer>;

7. Лебедев В. М. Организация деятельности судов: учебник / под общ. Ред. — М.: Норма, 2008. — с. 49—50

8. Лейбошиц А. В. Специализированные суды, вопросы судостроительства и подсудности: опыт России и зарубежных стран. «Законодательство», № 8, август 2013 г. <https://base.garant.ru/57624814/>

9. Малышкин А. В. Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 240—246. С. 243

10. Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть II) // Журнал российского права, — 2019 г., № 12. — С. 79

11. Овечкин М. А. Специализированные суды в системе судов общей юрисдикции в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование, дис. ... канд. юр. наук, 2006, с. 195;

12. А. В. Феоктистов М. Н. Феоктистова Перспективы развития Российской судебной системы-Электронный научный журнал- «Наука. Общество. Государство»-2018.-Т.-6,-№-2-(22)-[http://esj.pnzgu.ru/ISSN-2307-9525-\(Online\)](http://esj.pnzgu.ru/ISSN-2307-9525-(Online))

13. Фахрашуй Т. И. Судебная система РФ: Современное состояние и некоторые направления совершенствования Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. — Тверь, 1998. — и др.

14. Свириденко О. М. Конституционная реформа 2020 года: впервые закреплена самостоятельная конституционно-правовой статус арбитражных судов // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 12. — С. 39—45, с. 43

THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM IN 1991 AND THE INSTITUTION OF SPECIALIZED COURTS IN RUSSIA

Gereeva I.S.

All-Russian State University of Justice

The judicial and legal reform of the 1990s envisioned the creation of a specialized judicial system in Russia. The legal community is divided into supporters and opponents of the creation of specialized courts. Today, there is a tendency to reject their education in the system of courts of general jurisdiction. In this regard, a new approach to solving the problem of judicial specialization is proposed, which consists in the specialization of judges. We believe that this approach is the most reasonable and corresponds to modern realities.

Keywords: judicial reform concept, judicial system, specialized courts, judges' specialization.

References

1. Abova T. E. Development of the judicial system in Russia (civil proceedings) p. 125
2. Averchenko D. G. Specialized courts in the system of judicial authorities: Theoretical and legal research: Diss. ... Cand. of Law: 12.00.01, 12.00.02. — M.: RGB, 2003.;
3. Baru M. I. Unification and differentiation of labor law norms / Soviet state and law, 1971. No. 10, p. 46
4. Vashchekin A. N. 1, Vashchekina I. V. 2, Kvachko V. Yu. Automation of multi-aspect planning of specialized court compositions / Legal informatics No. 2—2024, p. 5
5. Izvarina A. F. The Judicial System of Russia (Conceptual Foundations of Organization, Development, and Improvement): Monograph. Moscow: Prospect, 2014. 112 p.
6. Izvarina A. F. On the Creation of Specialized Courts. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-spetsializirovannyh-sudov/viewer>;
7. Lebedev V. M. Organization of Court Activities. Textbook. Moscow: Norma, 2008. Pp. 49—50.
8. Leiboshits A. V. Specialized Courts, Issues of Judicial System and Jurisdiction: The Experience of Russia and Foreign Countries. Legislation, No. 8, August 2013. <https://base.garant.ru/57624814/>
9. Malyshekin A. V. Specialized Courts in the Context of Differentiation and Integration of Judicial Jurisdictions / Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 446. Pp. 240—246, Pp. 243
10. Momotov V. V. Judicial Reform of 2018 in the Russian Federation: Concept, Goals, Content (Part II) // Journal of Russian Law, — 2019, No. 12. — P. 79
11. Ovechkin M. A. Specialized Courts in the System of Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research, Cand. Sci. (Law) Dissertation, 2006, p. 195;
12. Feoktistov A. V. M. N. Feoktistova Prospects for the Development of the Russian Judicial System Electronic scientific journal- "Science. Society. State" 2018. Vol. 6, No. 2 (22) [http://esj.pnzgu.ru/ISSN-2307-9525-\(Online\)](http://esj.pnzgu.ru/ISSN-2307-9525-(Online))
13. Fakhrashui T. I. The judicial system of the Russian Federation: Current state and some areas for improvement Diss. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.11. — Tver, 1998. — and others.
14. Sviridenko O. M. Constitutional reform of 2020: for the first time, the independent constitutional and legal status of arbitration courts is enshrined // Actual problems of Russian law. — 2022. — Vol. 17. — No. 12. — Pp. 39—45, p. 43

Правовые механизмы обеспечения доступа к инженерной инфраструктуре: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта

Дмовский Роман Игоревич,

студент магистратуры, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»; главный эксперт АО «Скоростные магистрали» (холдинг РЖД)

E-mail: Roman.dmovskii@yandex.ru

В статье исследуются правовые механизмы, обеспечивающие доступ субъектов хозяйственной деятельности к объектам инженерной инфраструктуры в Российской Федерации, странах Европейского союза и США. Проводится сравнительный анализ российского законодательства о технологическом присоединении с зарубежными нормативными подходами. Выявляются ключевые различия в регулировании процедур подключения, включая формирование технических условий, порядок и сроки присоединения, а также механизмы разрешения споров. Особое внимание уделяется роли антимонопольного регулирования в обеспечении недискриминационного доступа. Анализируется институт «третьей стороны» и его значение для развития конкуренции в инфраструктурных отраслях. На основе проведенного анализа формулируются рекомендации по гармонизации национального законодательства с международными стандартами, включая возможность имплементации европейских норм в российское право.

Ключевые слова: доступ к инфраструктуре, технологическое присоединение, недискриминационный доступ, естественные монополии, антимонопольное регулирование, третья сторона, интеграция рынков.

Введение

Обеспечение свободного и справедливого доступа хозяйствующих субъектов к инженерной инфраструктуре представляет собой одну из ключевых задач современного законодательства, направленного на развитие конкуренции и повышение инвестиционной привлекательности экономики [1]. Инженерная инфраструктура, включающая системы электроснабжения, газоснабжения, водоснабжения и прочие коммунальные системы, является неотъемлемой частью хозяйственной деятельности практически всех хозяйствующих субъектов [4]. Отсутствие доступа к такой инфраструктуре либо наличие препятствий к её использованию существенно ограничивают возможности развития предпринимательства и реализации инвестиционных проектов.

Российское законодательство предусматривает механизм технологического присоединения, позволяющий хозяйствующим субъектам получить доступ к инженерным сетям. Вместе с тем правовое регулирование данной сферы характеризуется определённой сложностью, связанной с необходимостью балансирования между интересами инфраструктурных операторов (как правило, представляющих собой субъектов естественных монополий) и интересами потребителей услуг по подключению к инфраструктуре [2].

Зарубежный опыт показывает различные подходы к решению данной проблемы. В странах Европейского союза законодательство о доступе к инфраструктуре построено на принципах недискриминационного доступа, обеспечиваемых как нормами антимонопольного права, так и специализированным отраслевым регулированием [11; 12]. В США также сложилась определённая система норм, регулирующих доступ к инфраструктуре, однако с учётом особенностей федеральной системы и различных подходов отдельных штатов [13; 14].

Цель данной статьи заключается в проведении сравнительного анализа правовых механизмов обеспечения доступа к инженерной инфраструктуре в России, странах Европейского союза и США, выявлении различий и сходств в нормативном регулировании, а также разработке рекомендаций по совершенствованию российского законодательства на основе лучших практик зарубежного права.

Понятие и правовая природа «доступа к инфраструктуре» в российском и зарубежном праве

В российском законодательстве термин «доступ к инфраструктуре» тесно связан с процедурой технологического присоединения [3]. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, технологическое присоединение представляет собой совокупность мероприятий по подключению объектов капитального строительства, сетей электросвязи, технологических сетей потребителей к электрическим сетям, сетям газораспределения, системам водоснабжения и водоотведения, иным инженерным сетям, а также присоединение электроэнергии производящих объектов, сетей электросвязи к электрическим сетям.

Правовая природа доступа к инфраструктуре в российском праве представляет собой комплексное явление, находящееся на пересечении частного и публичного права [2]. С одной стороны, процедура технологического присоединения регулируется договорными отношениями между сетевой организацией и заявителем, что свидетельствует о наличии частноправовых элементов [4]. С другой стороны, деятельность инфраструктурных операторов подлежит государственному регулированию, в том числе установлению предельных размеров тарифов и платежей, что демонстрирует публично-правовой характер данных отношений.

Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» в статье 1 определяет основные принципы организации электроэнергетики в Российской Федерации, включая обеспечение свободы экономической деятельности, использование рыночных отношений в качестве инструмента формирования устойчивой системы удовлетворения спроса на электрическую энергию [6]. Вместе с тем Закон предусматривает необходимость обеспечения недискриминационных и стабильных условий для осуществления предпринимательской деятельности в сфере электроэнергетики.

В Европейском союзе концепция доступа к инфраструктуре имеет иной смысл и шире раскрывает данное понятие. Согласно Директиве

ЕС 2014/61 по зданиям, внутридомовые разводки кабельных каналов и физическая инфраструктура считаются частью инженерной инфраструктуры, на которую должны иметь доступ операторы электросвязи [9]. Это свидетельствует о том, что в ЕС концепция доступа охватывает не только права на подключение, но и права на использование физических элементов инфраструктуры.

Директива ЕС 2009/72 [11] об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии и Директива 2009/73 [12] по газоснабжению предусматривают единые принципы недискриминационного доступа к сетевой инфраструктуре в странах Союза. Данные директивы устанавливают, что операторы сетей должны обеспечивать третьим сторонам доступ к сетям на справедливых, прозрачных и недискриминационных условиях, при этом тарифы должны устанавливаться таким образом, чтобы обеспечить экономически обоснованное возмещение затрат.

Американское законодательство принимает иной подход к регулированию доступа к инфраструктуре. Федеральный закон об энергетической политике 1992 года предусмотрел, что операторы электросетевых систем должны предоставлять справедливый доступ третьим сторонам к своим системам передачи электроэнергии [13]. Однако конкретный механизм реализации данного принципа варьируется в зависимости от штата и типа инфраструктуры.

В отличие от европейского подхода, в США больший акцент делается на саморегулирование через Федеральную комиссию по регулированию энергетики (FERC) [14]. Хотя FERC устанавливает общие принципы, фактическое регулирование доступа к электросетям и газопроводам осуществляется в основном на уровне штатов через региональные организации передачи (RTO) и организации независимого системного оператора (ISO).

Роль антимонопольного регулирования в обеспечении недискриминационного доступа

В Российской Федерации антимонопольное регулирование доступа к инфраструктуре осуществляется в соответствии с Законом от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5]. Ключевая роль в этой сфере отводится Федеральной антимонопольной службе (ФАС России), которая контролирует соблюдение принципа недискриминационного доступа к услугам естественных монополий.

Постановление Правительства РФ от 22 ноября 2022 г. № 2106 «О порядке недискриминационного доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи» устанавливает, что недискриминационный доступ к инфраструктуре предусматривает обеспечение равных условий реализации прав пользователей инфраструктуры независимо от их организационно-правовой формы и правовых отношений с владельцем инфраструктуры [8]. При этом допускается применение дифференцированных условий доступа при условии, что они экономически и технологически обоснованы.

Российское антимонопольное право предусматривает широкий арсенал средств защиты от дискриминации при доступе к инфраструктуре. Это включает возможность подачи жалобы в ФАС России, которая может провести проверку и, в случае подтверждения нарушений, применить административные штрафы к виновному хозяйствующему субъекту. Кроме того, антимонопольные органы могут принимать специальные решения, обязывающие операторов инфраструктуры предоставлять доступ на определённых условиях.

В ЕС антимонопольное регулирование доступа к инфраструктуре осуществляется как на основе общих норм конкуренции (статьи 101–102 ДФЕУ), так и посредством специализированного отраслевого регулирования. Директивы, устанавливающие правила рынков электроэнергии и газа, содержат специальные положения о недискриминационном доступе, которые дополняют общее антимонопольное право [11; 12].

Европейская комиссия активно применяет антимонопольное право в отношении операторов инфраструктуры, которые отказывают в доступе или устанавливают неправомерно высокие цены. Примечательно, что в ЕС существует практика разделения деятельности по сетевому хозяйству и торговле (так называемое «функциональное разделение»), которое способствует предотвращению дискриминационного поведения.

В США антимонопольное регулирование доступа к инфраструктуре имеет свои особенности. Закон о справедливой торговле и Закон о Шермана применяются к операторам инфраструктуры, однако существует так называемое «исключение для общественного блага», которое предусматривает, что коммунальные предприятия, занимающиеся поставкой электроэнергии, газа и воды, могут быть освобождены от некоторых положений антимонопольного законодательства при условии, что они надлежащим образом регулируются государственными комиссиями по регулированию коммунальных услуг.

FERC, осуществляя регулирование доступа к федеральным энергетическим объектам, предусмотрела так называемое правило открытого доступа, которое требует, чтобы операторы передачи электроэнергии предоставляли третьим сторонам доступ к своим сетям на справедливых, открытых и недискриминационных условиях.

Сравнительный анализ процедур технологического присоединения в РФ, Германии и США

Российское законодательство предусматривает довольно детальную процедуру технологического присоединения, регулируемую рядом постановлений Правительства РФ. Основные этапы процедуры включают: подачу заявления о технологическом присоединении; выдачу технических условий; разработку проектной документации в соответствии с техническими условиями; строительство и монтаж инженерных сетей; проведение испытаний и приёмку работ; заключение договора о снабжении электроэнергией, газом или другим энергоносителем.

Постановление Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 109 «Об утверждении Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» устанавливает, что сетевая организация обязана выдать технические условия в течение 30 календарных дней со дня поступления заявления [8]. При этом технические условия должны быть выданы, если имеется техническая возможность подключения.

Российская процедура предусматривает, что заявитель может оспорить технические условия в судебном порядке, однако в то же время законодательство предусматривает и внесудебный механизм разрешения споров. ФАС России может провести проверку обоснованности требований, содержащихся в технических условиях, и потребовать их изменения в случае обнаружения необоснованности.

Немецкое законодательство в области электроэнергетики предусматривает более гибкий подход к технологическому присоединению. Закон об электроэнергии устанавливает, что операторы сетей обязаны предоставлять справедливый доступ к своим сетям на основе рыночных принципов [9].

Ключевым отличием немецкой процедуры является наличие механизма регулирования тарифов на услуги по присоединению. Федеральное агентство по сетям (Bundesnetzagentur) осуществляет контроль за установлением справедливых тарифов. При этом в Германии предусмотрено, что операторы сетей должны разработать и опубликовать стандартные условия присоединения, которые должны быть прозрачными и доступными для всех потенциальных клиентов.

Немецкая система предусматривает, что заявитель может оспорить отказ в присоединении либо требования, содержащиеся в технических условиях, путём обращения в Bundesnetzagentur. Это обеспечивает более оперативное разрешение споров по сравнению с судебным разбирательством.

Процедура присоединения в США существенно отличается от европейских и российских подходов. В частности, в США отсутствует единая федеральная процедура, и каждый штат разработал собственные правила доступа к инфраструктуре в зависимости от типа инфраструктуры и её оператора.

Однако на федеральном уровне FERC установила принципы открытого доступа к электросетям, которые предусматривают, что операторы передачи электроэнергии должны разработать открытые графики тарифов. Эти графики должны быть справедливыми, открытыми и недискриминационными.

В отличие от России и Германии, где процедура технологического присоединения в значительной степени стандартизирована, в США большое внимание уделяется переговорам между оператором инфраструктуры и заявителем. FERC занимает более пассивную роль, вмешиваясь главным образом в случае споров или при наличии явных нарушений принципов справедливого доступа.

Институт «третьей стороны» и его значение для развития конкуренции

В контексте развития конкуренции на инфраструктурных рынках важную роль играет концепция «третьей стороны». Под третьей стороной понимается хозяйствующий субъект, который не является владельцем инфраструктуры, но желает получить доступ к ней для осуществления своей хозяйственной деятельности [2].

Российское законодательство предусматривает механизм функционального разделения в электроэнергетике, благодаря которому сетевые организации, производители электроэнергии и энергосбытовые

компании могут осуществлять различные виды деятельности. Принцип функционального разделения предусматривает, что сетевая организация не вправе отдавать предпочтение собственным аффилированным лицам при предоставлении доступа к сетям [3].

Вместе с тем практика применения российского законодательства показывает, что механизм защиты прав третьих сторон нуждается в совершенствовании. Часто третьи стороны сталкиваются с необоснованными требованиями, содержащимися в технических условиях, либо с чрезмерно высокими платежами за присоединение [1].

В ЕС институт третьей стороны получил наиболее развитое регулирование. Директивы о внутренних рынках электроэнергии и газа предусматривают, что операторы инфраструктуры должны предоставлять доступ третьим сторонам, включая конкурентов владельца инфраструктуры, на условиях, не менее благоприятных, чем условия, на которых владелец использует инфраструктуру для собственной деятельности или деятельности своих аффилированных лиц [11; 12].

Европейское законодательство предусматривает два основных модели доступа для третьих сторон: полное разделение и функциональное разделение. Полное разделение предусматривает, что собственник инфраструктуры должен быть отделён от операторов, занимающихся производством и торговлей. Функциональное разделение, в свою очередь, позволяет одной компании осуществлять и сетевую деятельность, и производство, но при условии функционального разделения на уровне управления.

В США институт третьей стороны развивается в контексте либерализации электроэнергетического рынка. После принятия Закона об энергетической политике 1992 года произошла значительная либерализация, позволившая независимым производителям электроэнергии получить доступ к сетям передачи [13].

FERC установила, что операторы сетей передачи не должны отдавать предпочтение своим дочерним структурам при предоставлении доступа к сетям [14]. Вместе с тем механизм защиты прав третьих сторон в США менее развит, чем в ЕС, и во многом зависит от регулирования на уровне штатов и деятельности FERC в конкретных случаях.

Перспективы имплементации европейских норм в российское законодательство

Сравнительный анализ показывает, что российское законодательство о доступе к инфраструктуре в значительной степени соответствует европейским стандартам в части принципов недискриминационного доступа. Вместе с тем существуют определённые различия, которые заслуживают внимания.

Во-первых, в ЕС регулирование тарифов на услуги по присоединению осуществляется более централизованно на уровне независимых регуляторных органов (национальных регуляторов энергетики), которые осуществляют постоянный контроль за справедливостью тарифов. В России же система контроля тарифов осуществляется посредством установления предельных размеров платежей на технологическое присоединение, однако механизм контроля менее гибкий.

Во-вторых, в ЕС существует практика публикации подробных стандартных условий присоединения, которые должны быть приняты всеми операторами инфраструктуры. В России же такие условия нередко разрабатываются сетевыми организациями в большей степени в соответствии с их интересами, и ФАС России нередко бывает вынуждена вмешиваться для обеспечения справедливости.

В-третьих, в ЕС более активно развивается механизм альтернативных путей доступа к инфраструктуре, включая возможность использования инфраструктуры третьих сторон при отсутствии возможности подключения к сетям основного оператора. В России такой механизм развит в меньшей степени.

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию российского законодательства о доступе к инфраструктуре:

1) Целесообразно расширить полномочия ФАС России в части установления справедливых тарифов на услуги по технологическому присоединению. Это может быть достигнуто путём введения механизма предварительного согласования тарифов с ФАС России перед их введением в действие.

2) Следует требовать от сетевых организаций разработки и опубликования подробных стандартных условий технологического присоединения, которые должны быть одобрены антимонопольными органами. Это способствовало бы повышению прозрачности и предсказуемости процедуры.

3) Целесообразно предусмотреть возможность использования инфраструктуры третьих лиц при отсутствии технической возможности подключения к сетям основного оператора. Это способствовало бы

развитию конкуренции и расширению возможностей хозяйствующих субъектов в получении доступа к инфраструктуре.

4) Следует усилить механизм внесудебной защиты прав третьих сторон при отказе в доступе или при установлении дискриминационных условий доступа. Это может быть достигнуто путём расширения полномочий ФАС России в части принятия обязательных решений об обеспечении доступа.

Заключение

Проведённый сравнительный анализ правовых механизмов обеспечения доступа к инженерной инфраструктуре в России, странах Европейского союза и США позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, все три юрисдикции признают принцип недискриминационного доступа к инфраструктуре в качестве основного принципа регулирования данной сферы. Однако методы реализации этого принципа существенно отличаются.

Во-вторых, роль антимонопольного регулирования является ключевой для обеспечения справедливого доступа к инфраструктуре. В России, как и в ЕС и США, антимонопольные органы имеют полномочия по контролю за соблюдением принципа недискриминационного доступа и могут применять санкции за нарушения.

В-третьих, институт третьей стороны является важным механизмом развития конкуренции на инфраструктурных рынках. Европейское законодательство предусматривает наиболее развитый механизм защиты прав третьих сторон, в то время как в России и США этот механизм нуждается в развитии.

В-четвёртых, существует потенциал для имплементации некоторых европейских норм в российское законодательство, в частности в части усиления роли независимых регуляторов, стандартизации условий присоединения и развития механизмов альтернативного доступа к инфраструктуре.

Совершенствование российского законодательства о доступе к инженерной инфраструктуре способствовало бы развитию конкуренции, повышению инвестиционной привлекательности экономики и обеспечению справедливого доступа всех хозяйствующих субъектов к критически важной инфраструктуре.

Литература

1. Габов, А.В. Энергетическое право: вопросы становления и развития / А.В. Габов // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сб. материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.В. Габов. – Белгород, 2020. – С. 6–18.
2. Елисеев, В.С. Влияние технологического единства на формирование структуры договорных связей в электроэнергетике России / В.С. Елисеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 3 (67). – С. 97–104.
3. Скрыпник, Д.Ю. Правовое регулирование технологического присоединения объектов микрогенерации к электрическим сетям: законодательная корректировка и оптимизация процедур / Д.Ю. Скрыпник // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № 5 (150). – С. 151–162.
4. Символоков, О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография / О.А. Символоков. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 186 с.
5. Федеральный закон Российской Федерации «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 162. – С. 3–7.
6. Федеральный закон Российской Федерации «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.
7. Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке недискриминационного доступа к инфраструктуре для размещения сетей электросвязи» от 22 ноября 2022 г. № 2106 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 49. – Ст. 8621.
8. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» от 16 февраля 2008 г. № 109 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 8. – Ст. 740.
9. Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung (Energiewirtschaftsgesetz – EnWG) BGBl. 2025. № 351.
10. Directive 2014/61/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on reducing the cost of deploying high-speed electronic communications networks // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 155/1–L 155/34.

11. Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC // Official Journal of the European Union. – 2009. – L 211/55–L 211/93.

12. Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC // Official Journal of the European Union. – 2009. – L 211/94–L 211/136.

13. Energy Policy Act of 1992 // Public Law. – 1992. – 102–486. – 206 p.

14. Federal Energy Regulatory Commission. Order 2000: Regional Transmission Organization Proposal / Federal Energy Regulatory Commission. – Washington, D.C., 1999. – 170 p.

LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING ACCESS TO ENGINEERING INFRASTRUCTURE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

Dmovskii R.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation, JSC High-Speed Railways (Russian Railways holding)

The article examines the legal mechanisms that ensure access by economic entities to engineering infrastructure facilities in the Russian Federation, European Union countries, and the United States. A comparative analysis is conducted of Russian legislation on technological connection with foreign regulatory approaches. Key differences are identified in the regulation of connection procedures, including the formation of technical conditions, the order and timing of connection, and dispute resolution mechanisms. Special attention is paid to the role of antitrust regulation in ensuring non-discriminatory access. The institute of "third parties" and its significance for developing competition in infrastructure sectors is analyzed. Based on the analysis conducted, recommendations are formulated for harmonizing national legislation with international standards, including the possibility of implementing European norms into Russian law.

Keywords: access to infrastructure, technological connection, non-discriminatory access, natural monopolies, antitrust regulation, third party, market integration.

References

1. Gabov, A. V. (2020). Energeticheskoe pravo: voprosy stanovleniya i razvitiya [Energy Law: Issues of Formation and Development]. In A.V. Gabov (Ed.), Energeticheskoe pravo: modeli i tendentsii razvitiya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-

prakticheskoi konferentsii [Energy Law: Models and Development Trends: Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference] (Pp. 6–18). Belgorod.

2. Eliseev, V. S. (2020). Vliyaniye tekhnologicheskogo edinstva na formirovaniye struktury dogovornykh svyazey v elektroenergetike Rossii [The Influence of Technological Unity on the Formation of the Structure of Contractual Relations in the Russian Electric Power Industry]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina, 3(67), 97–104.

3. Skrypnik, D. Yu. (2023). Pravovoe regulirovaniye tekhnologicheskogo prisoyedineniya ob"ektov mikrogeneratsii k elektricheskim setyam: zakonodatel'naya korrrektirovka i optimizatsiya protsedur [Legal Regulation of Technological Connection of Microgeneration Facilities to Electric Grids: Legislative Adjustment and Procedure Optimization]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 18(5), 151–162.

4. Simvolov, O. A. (2021). Dogovory v elektroenergetike: problemy teorii i praktiki [Contracts in the Electric Power Industry: Problems of Theory and Practice]. Infotropik Media.

5. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii "O zashchite konkurentsiy" ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ [Federal Law of the Russian Federation "On Protection of Competition" No. 135-FZ of July 26, 2006]. (2006). Rossiiskaya gazeta, 162, 3–7.

6. Federal'nyi zakon Rossiiskoi Federatsii "Ob elektroenergetike" ot 26 marta 2003 g. № 35-FZ [Federal Law of the Russian Federation "On the Electric Power Industry" No. 35-FZ of March 26, 2003]. (2003). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 13, art. 1177.

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii "O poryadke nediskriminatsionnogo dostupa k infrastrukture dlya razmeshcheniya setei elektrosvyazi" ot 22 noyabrya 2022 g. № 2106. (2022). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 49, art. 8621.

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii "Ob utverzhdenii Pravil tekhnologicheskogo prisoyedineniya energoprimayushchikh ustroystv potrebitel'ei elektricheskoi energii, ob"ektov po proizvodstvu elektricheskoi energii, a takzhe ob"ektov elektrosetevogo khozyaystva, prinaldezhashchikh setevym organizatsiyam i inym litsam, k elektricheskim setyam" ot 16 fevralya 2008 g. № 109 (2008). Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 8, art. 740.

9. Gesetz über die Elektrizitäts- und Gasversorgung (Energiewirtschaftsgesetz – EnWG) [Energy Industry Act]. (2025). Bundesgesetzblatt, 351.

10. Directive 2014/61/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on reducing the cost of deploying high-speed electronic communications networks. (2014). Official Journal of the European Union, L 155, 1–34.

11. Directive 2009/72/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC. (2009). Official Journal of the European Union, L 211, 55–93.

12. Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in natural gas and repealing Directive 2003/55/EC. (2009). Official Journal of the European Union, L 211, 94–136.

13. Energy Policy Act of 1992, Pub. L. No. 102–486, 106 Stat. 2776. (1992).

14. Federal Energy Regulatory Commission. (1999). Order 2000: Regional Transmission Organization Proposal. Washington, D.C.

Рецензирование в контексте применения генеративного искусственного интеллекта, как инструмент защиты в арбитражном и гражданском процессе

Дубровский Вячеслав Владимирович,

аспирант кафедры «Юриспруденция» по направлению «Гражданско-правовые (цивилистические науки) Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Дубровская Екатерина Алексеевна,

аспирант кафедры «Юриспруденция» по направлению «Гражданско-правовые (цивилистические науки) Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Статья посвящена исследованию рецензирования экспертных заключений как самостоятельного инструмента защиты прав участников гражданского и арбитражного процесса. Авторы показывают, что несмотря на отсутствие четкого процессуального статуса, рецензионные исследования фактически выполняют функцию контроля качества судебных экспертиз, позволяя выявлять методологические, логические и содержательные ошибки, включая признаки использования генеративного искусственного интеллекта при подготовке заключений. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования, неопределённости статуса специалиста и низким требованиям к компетентности независимых экспертов, что формирует риски для достоверности экспертных выводов. Обосновывается необходимость нормативного закрепления рецензирования, разработки критериев его качества и повышения требований к рецензентам. В работе подчеркивается, что рецензирование способствует реализации принципов полноты, объективности и состязательности, а также помогает судам отличить научно обоснованные исследования от текстов, содержащих ошибки, некорректные ссылки или следы генеративных моделей.

Ключевые слова: рецензирование экспертного заключения; судебная экспертиза; специальные знания; гражданский процесс; арбитражный процесс; оценка доказательств; экспертология; генеративный искусственный интеллект; качество экспертизы; процессуальный статус специалиста; правовая регламентация; независимые эксперты.

Современный процесс гражданского и арбитражного судопроизводства всё чаще использует судебную экспертизу как инструмент доказывания и предоставления фактических данных, необходимых для эффективного и правильного разрешения дела. Несмотря на требования, которые предъявляются к судебным экспертам ст. 85 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ, а также Федеральным законом № 73 от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», кандидатуры экспертных организаций и судебных экспертов предоставляются суду сторонами по делу, что не может полностью исключить заинтересованность конкретной организации и конкретного эксперта в исходе конкретного исследования. Крайне важным является также и состязательная составляющая в самом предоставлении кандидатур. Как правило, стороны лоббируют экспертов и экспертные организации, которые они предоставляют и стараются опорочить экспертов, заявленных противоположной стороной. Всё это обуславливает необходимость критичной оценки заключения эксперта как доказательства, проведения обязательного допроса эксперта. Тем не менее, такие инструменты не всегда позволяют понять выводы эксперта, подтвердить или опровергнуть их правильность, а мнение сторон по этому поводу воспринимается судом негативно. В результате в судебной практике закрепляется представление о безусловной правильности экспертного заключения, даже при очевидном несоответствии установленным требованиям. Подобное отношение к статусу эксперта отмечают и другие исследователи, в частности Пеньков И.М.¹, Исаева Л.М.².

Значимость специальных знаний в современном судопроизводстве является фундаментальной: суд, следствие, дознание и стороны объективно не обладают необходимыми компетенциями во всём спектре научных, технических, художественных и ремесленных областей. ГОСТ Р 71232–2024, фиксирующий 25 родов судебных экспертиз, демонстрирует широту предметных областей, что делает экспертные исследования важным инструментом установления фактических обстоятельств дела. Именно эта многопрофильность усиливает потребность в квалифицированных специалистах, способных обеспечить должный уровень экспертных исследований.

Возрастающая потребность в специалистах приводит к активному расширению рынка негосударственных экспертных организаций, однако их стремительный рост неизбежно сопровождается появлением специалистов, чья подготовка может быть недостаточной для проведения полного, всестороннего и научно обоснованного исследования. Проблема усиливается тем, что, в отличие от государственных судебно-экспертных учреждений, деятельность которых чётко регламентирована Федеральным законом № 73-ФЗ от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и соответствующими ведомственными нормативными актами, негосударственные экспертные организации фактически существуют в значительной правовой лакуне, которую ещё только предстоит законодательно урегулировать. В действующих нормативных актах отсутствуют полноценные и детализированные требования к компетентности экспертов таких организаций, а также регламентированные механизмы проверки и контроля качества экспертных заключений. Ситуацию дополнительно осложняет широкое распространение формальных краткосрочных курсов, результатом которых становится получение сертификата, но не реального повышения квалификации. Таким образом формируется противоречивая среда, в которой уровень экспертных знаний участников существенно различается, что влияет на качество экспертной деятельности.

В условиях столь неоднозначной нормативной и профессиональной среды суды вынуждены ориентироваться преимущественно на внешние атрибуты квалификации эксперта: формальные регалии

¹ Пеньков И.М. Актуальные аспекты участия специалиста при расследовании преступлений // Научный портал МВД России. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-uchastiya-spetsialista-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 20.06.2025).

² Исаева Л.М. Проведение и оценка результатов судебных экспертиз // Научный портал МВД России. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-i-otsenka-rezultatov-sudebnyh-ekspertiz> (дата обращения: 24.06.2025).

и сертификаты, что далеко не всегда обеспечивает достоверность и качество экспертного исследования. При этом у участников процесса отсутствуют специальные знания, необходимые для самостоятельной критической оценки экспертных выводов, что создаёт риск некритичного восприятия текста заключения. Именно поэтому представляется необходимым институционализировать и развивать механизм рецензирования экспертных заключений компетентными специалистами как средство повышения научной и методической надёжности экспертных исследований.

Несмотря на отсутствие закреплённого процессуального статуса, в правоприменительной практике для оценки заключений судебных экспертов широко используются рецензионные исследования. Рецензионное исследование представляет собой вид научно-исследовательской деятельности, ориентированный на установление фактических данных о качестве, полноте, научной обоснованности и методической корректности экспертного заключения с целью определить его соответствие установленным требованиям. Рецензия, таким образом, является комплексным исследованием, сочетающим знания в области судебной экспертологии и в предметной сфере рецензируемого заключения. В современных условиях именно рецензия позволяет компенсировать объективный дефицит экспертных знаний у суда и сторон.

Рецензионные исследования получили значительное распространение, поскольку позволяют иному специалисту, обладающему соответствующими специальными знаниями, провести объективную оценку содержания и обоснованности экспертного заключения. Рецензирование, как и иные формы научно-аналитических исследований, основывается на применении установленных методов и методик, в том числе изложенных в работе «Судебная экспертиза. Типичные ошибки» под редакцией Россинской Е.Р.¹ Однако данный вид исследования не предназначен для подмены или интерпретации судебной экспертизы: её функциональное назначение состоит в независимой оценке соблюдения принципов и требований, предъявляемых к заключению эксперта. По итогам рецензионного исследования специалист может прийти как к выводу о соответствии заключения нормативным и методическим требованиям, так и к выводу о наличии нарушений, которые указывают на необходимость назначения повторной судебной экспертизы.

Между тем рецензионное исследование продолжает находиться в неопределённом процессуальном статусе. Суды нередко указывают, что нормы закона не предусматривают оспаривание экспертного заключения посредством рецензии, выполненной иным экспертным учреждением, либо отмечают, что такие исследования были инициированы стороной самостоятельно и вне рамок судебного разбирательства. Рецензенты, участвующие в процессе в качестве специалистов, не могут не могут быть предупреждены об уголовной ответственности по статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации за дачу заведомо ложных заключений до вызова в суд². Вместе с тем Верховный Суд РФ в своей практике неоднократно подчёркивал, что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы (ст. 67 ГПК РФ «Оценка доказательств»), а потому суд не вправе отказывать стороне в приобщении рецензии на экспертное заключение к материалам дела, поскольку рецензия представляет собой доказательство наряду с другими.

Следует учитывать, что рецензии, так же как и экспертные заключения, могут содержать собственные методологические и фактические недостатки, что исключает возможность их восприятия в качестве окончательного и безусловного суждения о качестве проведённого экспертного исследования. Разброс в уровне рецензионных работ во многом обусловлен отсутствием нормативно установленных требований к структуре, методическому аппарату и процедурам проведения рецензионного анализа. В этих условиях особое значение приобретают методики, формирующиеся в профессиональной среде и опирающиеся на теорию судебной экспертизы, они позволяют обеспечить объективный, воспроизводимый подход к оценке экспертных заключений. При этом рецензия не может являться выражением субъективной позиции её автора: она должна быть научно обоснованной, проверяемой и ориентированной на выявление существенных методических, фактических или логических несоответствий, которые способны повлиять на достоверность выводов эксперта. Такой подход требует от рецензента не только глубоких специальных знаний, но и владения теорией судебной экспертизы, что существенно повышает уровень его профессиональной ответственности. В совокупности с принципом комплекс-

ного анализа доказательств, предполагающим равную оценочную силу заключения эксперта, рецензии и отзыва на рецензию, применение методически выверенных рецензионных исследований не осложняет процесс, а напротив способствует достижению объективного результата и установлению фактических данных с большей степенью достоверности. Именно комплексность и строгая методологическая основа отличает профессиональную рецензию от субъективного мнения. Практика показывает, что применение рецензионных исследований к заключениям, содержащим дефекты, способствует повышению качества судебного разбирательства. Рецензент, обладающий компетентностью в соответствующей предметной области и знаниями в теории судебной экспертизы, способен объективно выявить допущенные в ходе экспертизы методические или логические ошибки, соотнося их с принципами полноты, объективности и обоснованности, лежащими в основе экспертной деятельности. Тем самым рецензия выполняет функцию профессионального контроля, обеспечивая дополнительный уровень проверки специальных знаний, применённых экспертом.

В научных работах, а также среди отдельных представителей экспертного сообщества бытует мнение, что оценка эксперта другим экспертом может восприниматься как нарушение профессиональной этики. Однако подобная позиция не раскрывает механизма разрешения ситуаций, когда экспертное заключение содержит ошибки, противоречащие методическим требованиям, установленным принципам или элементарной логике. При таком подходе неоправданно исключается возможность объективного выявления недостатков экспертного исследования, что может негативно сказаться на судебном разбирательстве. В действительности каждое экспертное заключение должно быть составлено таким образом, чтобы его можно было представить профессиональному сообществу без риска дискредитации уровня подготовки автора; рецензия в этом контексте служит формой профессионального взаимодействия, а не актом недобросовестной критики. Тем самым рецензирование не нарушает принципов профессиональной этики, а обеспечивает дополнительную гарантию правильности экспертных выводов.

При этом на практике встречаются и обратные ситуации, когда экспертное заключение, не совпадающее с процессуальной позицией одной из сторон, оказывается обременено значительным количеством рецензий, которые используются не столько для объективного анализа, сколько для смещения акцента в споре. В подобных случаях ключевым фактором выступает не принадлежность рецензента к той или иной организации, а его профессиональная подготовка, добросовестность и способность сохранять научную объективность. Научно обоснованное рецензионное исследование не предполагает фиксации мелких или формальных погрешностей: его задачей является выявление существенных методических, фактических или логических несоответствий, способных повлиять на достоверность выводов эксперта. Только в этом случае, рецензионные исследования будут являться инструментом, с помощью которого стороны и суд получают возможность качественной оценки заключения судебного эксперта³.

В контексте цифровизации всех отраслей науки и права рецензионные исследования получают новое измерение. Стремительное развитие технологий машинного обучения и искусственного интеллекта, наблюдаемое уже несколько лет, неизбежно отражается на экспертной деятельности. Безусловно, использование искусственного интеллекта открывает перед экспертами широкие возможности дополнительного анализа и перепроверки информации, с которой иные технологии справиться не смогли бы, особенно в части применения математических алгоритмов, анализа данных, статистики. Применение искусственного интеллекта, при тщательном анализе и перепроверке результатов, оказывает в целом положительное влияние, позволяя, в том числе автоматизировать некоторые задачи судебного эксперта, особенно в части интерпретации данных⁴. Однако технологии, которые помогают экспертам усовершенствовать и автоматизировать свою деятельность, обладают и очевидными рисками, прежде всего связанными с избыточным доверием к результатам работы генеративного искусственного интеллекта (далее по тексту – «ГИИ»). Текст, который на первый взгляд производит впечатление логичного и научно обоснованного,

³ Шапиро Людмила Геннадьевна, Гвоздева Ирина Сергеевна. Современные тенденции в применении рецензирования экспертных заключений // Вестник СГЮА. 2023. № 6 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-v-primeneni-ri-retsenzirovaniya-ekspertnyh-zaklyucheni-y> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ Алексей Иванович Хмыз. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vozmozhnostey-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-ekspertize> (дата обращения: 09.12.2025).

¹ Судебная экспертиза: Типичные ошибки. Под редакцией доктора юридических наук Россинской Е.Р. Проспект. 2012.

² Кимлач А. Судебная практика оспаривания экспертиз. URL: <https://www.garant.ru/article/1618357/> (дата обращения: 20.06.2025).

может фактически не опираться на результаты экспертного исследования и специальные знания, а представлять собой совокупность типовых предположений, формируемых алгоритмом в зависимости от выбранной модели и особенностей исходного запроса. Подмена самостоятельного аналитического труда эксперта результатами работы алгоритма приводит к утрате заключением его ключевого свойства, а именно происхождения выводов из профессионального применения специальных знаний. В результате повышается риск появления заключений, основанных не на исследовании, а на генеративном моделировании, что недопустимо в судебном процессе.

В этих условиях рецензент сталкивается с задачами, выходящими за рамки классической проверки соответствия заключения методикам и принципам экспертной деятельности. Одной из таких задач становится выявление признаков использования в тексте заключения данных, сгенерированных ГИИ. Компетентный рецензент, обладая знаниями в предметной области и пониманием особенностей функционирования современных алгоритмов, способен распознать типичные ошибки машинной генерации, которые могли остаться незамеченными экспертом, например, использование не существующих источников в методической литературе. Сотрудничество с экспертом лингвистом в рамках рецензионного исследования позволяет объективно анализировать стилистические особенности текста, логику построения суждений и характер используемых формулировок, выявляя признаки участия ГИИ. Суд, как заказчик проведения исследования, в особенности с учётом стремительного развития и совершенствования ГИИ, может не обладать специальными знаниями, позволяющими отличить научный текст, являющийся результатом интеллектуальной деятельности эксперта, от шаблонных конструкций и характерного изложения, присущего ГИИ¹, тогда как лица, которые систематически взаимодействуют с текстами, созданными при участии нейромоделей, распознают такие признаки существенно легче. Таким образом, рецензирование становится важным средством получения объективной информации о качестве экспертного исследования, позволяя отделить научно обоснованные выводы от интерпретаций непроверенных данных или формулировок, опирающихся на несуществующие источники.

Все вышеизложенное можно свести к тому, что рецензионные исследования являются инструментом, который позволяет дать объективную оценку результатам проведенной судебной экспертизы, а соответственно, отвечают интересам судопроизводства, в том числе с учетом стремительно внедряющих в экспертную деятельность инновационных технологий. Регламентация такого вида исследований позволила бы судам привлекать специалистов для оценки заключений экспертов, однако в этом случае компетентность и компетенции рецензента должны быть выше, чем компетентность и компетенции судебного эксперта, проводившего экспертизу.

Литература

1. Кимлач А. Судебная практика оспаривания экспертиз. URL: <https://www.garant.ru/article/1618357/> (дата обращения: 20.10.2025);
2. Шапиро Людмила Геннадьевна, Гвоздева Ирина Сергеевна. Современные тенденции в применении рецензирования экспертных заключений // Вестник СГЮА. 2023. № 6 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-primenenii-retsenzirovaniya-ekspertnyh-zaklyucheni> (дата обращения: 13.11.2025);
3. Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. ИНСТИТУТ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЙ ЭКСПЕРТА // Социология и право. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-retsenzirovaniya-zklyucheniya-eksperta> (дата обращения: 13.11.2025);
4. Алексей Иванович Хмыз. Использование возможностей искусственного интеллекта в судебной экспертизе // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vozmozhnostey-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-ekspertize> (дата обращения: 09.12.2025).

5. Пеньков И. М. Актуальные аспекты участия специалиста при расследовании преступлений // Научный портал МВД России. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-uchastiya-spetsialista-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 18.11.2025);
6. Исаева Л. М. Проведение и оценка результатов судебных экспертиз // Научный портал МВД России. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-i-otsenka-rezultatov-sudebnyh-ekspertiz> (дата обращения: 18.11.2025);
7. Лежнева А. В. ОБНАРУЖЕНИЕ ПЛАГИАТА И СЛЕДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА // Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-plagiata-i-sledov-iskusstvennogo-intellekta-kak-yurislingvisticheskaya-problema> (дата обращения: 09.12.2025).
8. Судебная экспертиза: Типичные ошибки. Под редакцией доктора юридических наук Россинской Е. Р. Проспект. 2012.

REVIEW OF EXPERT CONCLUSION, AS A DEFENSE TOOL IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS

Dubrovsky V.V., Dubrovskaya E.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the role of reviewing expert conclusions as an independent mechanism for protecting the rights of parties in civil and arbitration proceedings. The authors demonstrate that despite the lack of clear procedural status, review studies effectively serve as a quality-control tool for forensic examinations, enabling the identification of methodological, logical, and substantive errors, including indications of generative artificial intelligence used in the preparation of expert reports. Special attention is given to issues of legal regulation, the ambiguous status of specialists, and the low competency requirements for independent experts, all of which create risks for the reliability of expert findings. The article substantiates the need for formal recognition of review studies, the development of quality criteria, and the strengthening of qualification requirements for reviewers. It emphasizes that reviewing contributes to the principles of completeness, objectivity, and adversarial procedure, helping courts distinguish scientifically grounded research from texts containing inaccuracies, improper References, or traces of generative models.

Keywords: reviewing expert reports; forensic examination; special knowledge; civil procedure; arbitration proceedings; evidence assessment; expertology; generative artificial intelligence; expert quality; procedural status of specialists; legal regulation; independent experts.

References

1. Kimlach A. Judicial practice of challenging expert opinions. URL: <https://www.garant.ru/article/1618357/> (date of access: 20.10.2025);
2. Shapiro Lyudmila Gennadyevna, Gvozdeva Irina Sergeevna. Current trends in the application of peer review of expert opinions // Bulletin of SSLA. 2023. No. 6 (155). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-v-primenenii-retsenzirovaniya-ekspertnyh-zaklyucheni> (date of access: 13.11.2025);
3. Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu. INSTITUTE FOR REVIEWING EXPERT OPINIONS // Sociology and Law. 2022. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-retsenzirovaniya-zklyucheniya-eksperta> (date of access: 13.11.2025);
4. Aleksey Ivanovich Khmyz. Using Artificial Intelligence Capabilities in Forensic Examination // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-vozmozhnostey-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnoy-ekspertize> (date of access: 09.12.2025).
5. Penkov I. M. Relevant Aspects of Specialist Participation in Crime Investigation // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-aspekty-uchastiya-spetsialista-pri-rassledovanii-prestupleniy> (accessed: 18.11.2025);
6. Isaeva L. M. Conducting and Evaluating the Results of Forensic Examinations // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-i-otsenka-rezultatov-sudebnyh-ekspertiz> (accessed: 18.11.2025);
7. Lezhneva A. V. DETECTION OF PLAGIARISM AND TRACES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A LEGAL-LINGUISTIC PROBLEM // Economy and Law. XXI century. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-plagiata-i-sledov-iskusstvennogo-intellekta-kak-yurislingvisticheskaya-problema> (accessed: December 9, 2025).
8. Forensic Examination: Typical Mistakes. Edited by Doctor of Law E. R. Rossinskaya. Prospect. 2012.

¹ Лежнева А. В. ОБНАРУЖЕНИЕ ПЛАГИАТА И СЛЕДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА // Экономика и право. XXI век. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-plagiata-i-sledov-iskusstvennogo-intellekta-kak-yurislingvisticheskaya-problema> (дата обращения: 09.12.2025).

Заболоцкий Роман Романович,

аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА

Проблемы, связанные с юридической ответственностью, не раз рассматривались в юридической литературе исследователями, в трудах которых изучались теоретические основы правовой ответственности, была обоснована необходимость ее понимания в качестве сложного системного юридического явления, обладающего социальными корнями, были раскрыты характерные признаки некоторых отраслевых разновидностей правовой ответственности. Однако системного исследования проблем правовой ответственности, включающего в себя как разработки теоретического характера, так и формирование на данном основании юридической конструкции логически обоснованных и установленных разновидностей правовой ответственности, не производилось. Данная статья посвящена юридической ответственности как юридической категории. Дано определение юридической ответственности. В контексте рассматриваемой категории обращено внимание на особенности целей и функций юридической ответственности, подробно рассмотрены последние. Сделан вывод о том, что ключевой целью юридической ответственности выступает сохранение существующих в нашем обществе образа жизни граждан и норм правопорядка.

Ключевые слова: принципы, функции, законность, юридическая ответственность, правонарушение, преступление.

Что касается определения принципов юридической ответственности, то к данному определению в юридической науке также имеется множество различных мнений ученых.

Так, по мнению Р.В. Шагиева под принципами юридической ответственности понимаются основополагающие начала, на которых должны основываться при реализации юридической ответственности, такие принципы как: законность; справедливость; равенства перед законом и т.д. [7, С. 39].

По мнению Ю.А. Мигуновой принципы юридической ответственности – это правовые начала, к которым относит следующие: принцип правомерности; целесообразности; недопустимости повторной ответственности; законности; справедливости [5, С. 859].

И.А. Демидова определяет, что принципы юридической ответственности – это определенные внутренние закономерности и начала чего-либо. К принципам относит следующие: гуманизм; индивидуальность наказания; законность; недопустимость двойственности ответственности; своевременность; обоснованность [2, С. 7].

О.А. Коротова к принципам юридической ответственности относит следующие: законности; гуманизм; справедливость; презумпция невиновности [3, С. 21].

По мнению С.А.Р. Соловьева к принципам юридической ответственности можно отнести следующие: правовая регламентация; недопустимость двойственности ответственности; своевременность; законность и обоснованность [6, С. 77].

Проанализировав различные мнения ученых, можно обобщить, что под принципом юридической ответственности понимаются основные начала, идеи, которые должны служить основаниями при реализации юридической ответственности.

Принцип законности предполагает совершения правонарушения (преступления) правосубъектным лицом (правоспособность и дееспособность), регулирующую нормой конкретного закона (например, КоАП РФ), которое впоследствии подкреплено правоприменительным актом (например, приговор суда).

Принцип справедливости, один из важнейших принципов юридической ответственности государственных служащих, характеризующийся соразмерностью последствий (наказания) для того или иного лица, совершившего деяние, с совершенными им правонарушениями/преступлениями. При раскрытии принципа справедливости можно отметить следующие взаимосвязанные составляющие:

а) соответствие вида и меры наказания от тяжести совершенного деяния;

б) однократность наказания;

в) отсутствие «обратной» силы у применимой ответственности.

Принцип неотвратимости наказания, то есть невозможность отменить то или иное наказание, последовавшее за совершением государственным служащим правонарушения/преступления. Данный принцип важен именно тем, что на практике реализация его способствует проявлению тенденции к снижению совершения правонарушения / преступлений. Данный принцип также поддерживает и то положение, в котором закреплено, что никто не может быть освобожден от юридической ответственности (без наличия законных оснований).

Принцип индивидуальности – принцип, который характеризуется применением мер ответственности непосредственно к лицу, совершившему правонарушение/преступление.

Принцип гуманизма – это принцип является принципом личности, защиты прав личности от применения унижающих мер (например, недопустимость применения физических страданий и унижения человеческого достоинства). То есть данный принцип рассматривает личность, его права и свободы как высшую ценность.

Принцип целесообразности, который предполагает соответствие определенной меры наказания целям юридической ответственности (например, возмещение ущерба, восстановление социальной справедливости) и соответствие тяжести совершенного правонарушения/преступления.

Принцип обоснованности, который предполагает наличия правонарушения, содержащего в себе объективные и субъективные элементы и все обязательные признаки.

Принцип своевременности, который заключается в том, что лицо к юридической ответственности должно быть привлечено в мак-

симально короткие сроки после совершения правонарушения/преступления.

Что же касается функций юридической ответственности, то в юридической теории имеется множество подходов к данной категории. Так, например, по мнению Д.А. Липинского, под функциями юридической ответственности следует понимать основные направления воздействия юридической ответственности на общественные отношения [3, С. 59].

По мнению же А.Р. Соловьева, функции юридической ответственности – это определенные направления правового воздействия на общественные отношения, в следствии чего, в свою очередь, достигаются цели юридической ответственности [6, С. 79].

Так, в теории под функциями понимают определенные назначения и направления воздействия правовых норм на общественные отношения, через которые достигаются цели юридической ответственности.

Что касается разделения функций юридической ответственности, то в юридической теории среди ученых также имеются различные мнения, одни относят к функциям превентивную, компенсационную и репрессивную, другие рассматривают штрафную, превентивную, регулятивную и воспитательную функцию.

Проанализировав различные мнения ученых непосредственно к функциям юридической ответственности становится очевидно, что они разнообразны. К функциям отнесем регулятивную, воспитательную, восстановительную, предупредительную и штрафную (карательную). Рассмотрим каждую функцию подробнее.

Первой функцией является регулятивная или организующая. Данная функция заключается непосредственно в установлении тех или иных правовых начал и служит неким регулятором общественных отношений, устанавливая определенные регламенты, предписания и т.д. для реализации прав и исполнения обязанностей.

Воспитательная функция. Данная функция заключается в определенном воздействии на нарушителя, посредством применения к нему санкций. Воспитательная функция способствует перевоспитанию нарушителя, в связи с чем, регулируется правопорядок и уровень совершения правонарушений и преступлений.

Восстановительная функция. Данная функция заключается в восстановлении нарушенных тех или иных интересов. Главной целью данной функцией является именно восстановление изначального положения, которое было до совершения того или иного правонарушения (преступления), в том числе в возмещении убытков.

Предупредительная функция, которая достаточно важна в настоящее время и заключается в том, что происходит предупреждение совершения новых правонарушений/преступлений. Если рассматривать данную функцию, то можно отметить, что существует две позиции – частное и общее предупреждение. Частное предупреждение данной функции заключается именно в предупреждении именно совершения нарушителем правонарушений (преступлений) в дальнейшем. Общее же предупреждение связано именно с профилактикой совершения правонарушений (преступлений) иных лиц.

Штрафная (карательная) функция. Данная функция заключается в применении определенных санкций по отношению к правонарушителю. Основной целью данной функцией заключается непосредственно недопущение совершения повторных правонарушений (преступлений). Суть данной функции заключается в наложении каких-либо мер отрицательного воздействия (санкций на лицо, совершившее правонарушение (преступление), например лишение специального звания, штраф, либо наиболее жесткие меры (лишение свободы) и другие.

Если обратиться к теории права, то следует отметить, что для реализации юридической ответственности отмечается необходимость присутствия двух оснований – юридического и фактического. Данные основания различны по своей природе.

Так, например, если рассматривать фактическое основание, то оно предполагает лишь наличие факта совершения самого правонарушения (преступления). Правонарушение (действие/бездействие), которое, в свою очередь содержит все обязательные элементы состава данного правонарушения (преступления).

Юридическое же основание же совершенно иное и предполагает, в свою очередь, наличие определенных конкретных норм права, под которые попадает совершение того или иного правонарушения/преступления государственным служащим.

Таким образом, на основе изложенного материала можно сделать вывод, что в юридической теории существуют множество подходов к пониманию принципов и функций юридической ответственности. В самом общем виде под принципами юридической ответственности понимаются основные начала, идеи, которые должны служить основаниями при реализации юридической ответственности. В качестве основных принципов можно отметить следующие: принцип законности, справедливости, неотвратимости, индивидуальности, гуманизма, це-

лесообразности, обоснованности, своевременности. Все эти принципы должны применяться комплексно, что будет способствовать в полной мере реализации целей и функций юридической ответственности.

Что же касается функций юридической ответственности, то на понятие и разделение на функции среди ученых имеется множество мнений и подходов. В самом общем виде под функциями понимаются определенные назначения и направления воздействия правовых норм на общественные отношения, через которые достигаются цели юридической ответственности. В качестве основных функций юридической ответственности отмечается регулятивная, воспитательная, восстановительная, предупредительная и штрафная (карательная) функции. По своей сути каждая функция юридической ответственности индивидуальна, но только в совокупности их применения исполняются цели юридической ответственности.

Кроме того, следует отметить, что для реализации юридической ответственности необходимы не только принципы и функции, но и основания, к которым относится юридическое (правовые нормы) и фактическое основание (правонарушение).

Юридическую ответственность нельзя применять без всякого основания. Под основаниями ответственности понимают обстоятельства, которые делают ответственность вероятной и необходимой, а их отсутствие – исключает ее. Юридическая ответственность возникает только в силу законодательных норм на основании решения правоприменительного органа [1, С. 15].

Многие ученые отмечают, что одним из важных и основополагающих признаков юридической ответственности сотрудников полиции является наличие отличительных оснований и системы применения и наступления ответственности.

Так, во-первых, это связывают непосредственно с тем, что законодательно нормы юридической ответственности государственных гражданских служащих распространены во многих отраслях права (административном, уголовном и иных отраслях.)

Во-вторых, особенность состоит и в предмете правового регулирования, который складывается в возможности привлечения государственного гражданского служащего к различным видам юридической ответственности по различным основаниям.

Если рассматривать признаки юридической ответственности, то можно в самом общем виде можно отметить следующие:

- однократность действия (дважды никто не может быть привлечен к ответственности);
- закрепление в нормах права;
- вступает в действие государственным принуждением;
- применять юридическую ответственность могут, непосредственно, лишь специальные государственные органы и в определенном законодательством порядке;
- связана с возложением новой дополнительной обязанности;
- предполагает для лица, совершившего деяние определенные отрицательные последствия;
- выступает формой реализации санкции правовой нормы в конкретном случае и применительно к конкретному лицу, но с санкцией не отождествляется, ибо санкция – часть структуры нормы права, содержащая последствия осуществления диспозиции, которые могут быть как неблагоприятными (ответственность), так и благоприятными (поощрение);
- возлагается в процессуальной форме.

Следует отметить, что все указанные признаки в комплексе образуют сущность категории юридической ответственности и обязательны при ее реализации.

Таким образом, на основе изложенного материала можно сделать вывод о том, что в юридической теории и среди множества ученых существует большое количество различных мнений и подходов к определению понятия юридической ответственности сотрудников полиции.

Литература

1. Гоголев П.В. Юридическая ответственность: планы лекционных и семинарских занятий, контрольных работ для магистрантов / П.В. Гоголев, А.Э. Маякунов; Министерство науки и образования Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск: СВФУ, 2017. – С. 14–20.
2. Демидова И.А. Юридическая ответственность как фактор предупреждения преступности: автореф. дис. ... / И.А. Демидова. – Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2018. – 21 с.
3. Коротова О.А. Юридическая ответственность: дискуссионность подходов / О.А. Коротова // Аллея Науки. – 2019. – № 1(28). – С. 19–28.
4. Липинский Д.А. Поощрение и наказание как формы реализации юридической ответственности / Д.А. Липинский // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 54–62.

5. Мигунова Ю.А. Понятие и классификация функций юридической ответственности / Ю.А. Мигунова // Научные достижения и открытия современной молодежи. – 2020. – № 6. – С. 859–861.

6. Соловьев А.Р. Юридическая ответственность: понятие, признаки и проблемы реализации / А.Р. Соловьев // Вестник магистратуры. – 2021. – № 2–2(89). – С. 76–80.

7. Шагиева Р.В. Юридическая ответственность: теоретико-правовое осмысление основных подходов к ее пониманию / Р.В. Шагиева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 38–44.

PRINCIPLES AND FUNCTIONS OF LEGAL LIABILITY

Zabolotsky R.R.

Moscow University of Finance and Law

The problems related to legal liability have been repeatedly considered in the legal literature by researchers whose works studied the theoretical foundations of legal liability, justified the need to understand it as a complex systemic legal phenomenon with social roots, and revealed the characteristic features of some sectoral varieties of legal liability. However, there has been no systematic study of the problems of legal liability, which includes both theoretical developments and the formation of a legal structure based on logically justified and established varieties of legal liability. This article is devoted to legal liability as a legal category. The definition of legal responsibility is given. In the context of the category under consideration, attention is drawn to the specifics of the goals and functions of legal

responsibility, and the latter are considered in detail. It is concluded that the key goal of legal responsibility is to preserve the existing lifestyle of citizens and the norms of law and order in our society.

Keywords: principles, functions, legality, legal responsibility, offense, crime.

References

1. Gogolev P.V. Legal liability: plans for lectures and seminars, tests for master's students / P.V. Gogolev, A.E. Mayakunov; Ministry of Science and Education of the Russian Federation, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. – Yakutsk: NEFU, 2017. – Pp. 14–20.
2. Demidova I.A. Legal liability as a factor in crime prevention: author's abstract. diss. ... / I.A. Demidova. – Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2018. – 21 p.
3. Korotova O.A. Legal liability: debatable approaches / O.A. Korotova // Alley of Science. – 2019. – No. 1 (28). – Pp. 19–28.
4. Lipinsky D.A. Reward and Punishment as Forms of Implementation of Legal Responsibility / D.A. Lipinsky // Vector of Science of TSU. Series: Legal Sciences. – 2022. – No. 1. – P. 54–62.
5. Migunova Yu.A. Concept and Classification of Functions of Legal Responsibility / Yu.A. Migunova // Scientific Achievements and Discoveries of Modern Youth. – 2020. – No. 6. – P. 859–861.
6. Soloviev A.R. Legal Responsibility: Concept, Features, and Problems of Implementation / A.R. Soloviev // Bulletin of the Magistracy. – 2021. – No. 2–2 (89). – P. 76–80.
7. Shagieva R.V. Legal Responsibility: Theoretical and Legal Understanding of the Main Approaches to Understanding It / R.V. Shagieva // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2019. – No. 1. – P. 38–44.

Замалетдинов Альберт Айратович,

соискатель кафедры теории и истории государства и права
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

E-mail: z.albert999@mail.ru

В статье выявляются и анализируются основные подходы к пониманию социально-правовой природы публично-правовой ответственности, каждый из которых раскрывает определенные грани ее сущности, устанавливается специфика их отражения в правовых источниках.

Ключевые слова: социальная ответственность, юридическая ответственность, публично-правовая ответственность

Несмотря на то что публично-правовая ответственность самоопределяется в структуре юридической ответственности, ее специфика может быть проанализирована в соотношении с социальной ответственностью, природа которой раскрывается авторами неоднозначно.

К примеру, В.П. Дик придает социальной справедливости гносеологический смысл, поскольку рассматривает ее в качестве философской категории, отражающей особый вид общественного отношения и поведения субъекта (индивидуального или коллективного), связанной с осознанным следованием социальной необходимости, самоконтролем за собственным поведением с целью сохранения соответствующего социального порядка¹.

А.Н. Халиков, который, на наш взгляд, является сторонником психофизиологического подхода, полагает, что социальная ответственность представляет собой выбираемую обществом или государством процесс принуждения в виде избрания вида и размера применяемых карательных санкций к конкретному лицу за нарушение им общественных или нормативных правил поведения².

Для И.В. Василенко, рассматривающего данное общественное явление через призму аксиологического подхода, социальная ответственность отражает, с одной стороны, уровень личностной саморегуляции, на котором значимость и иерархичность актуализированных высших ценностей оставляют за субъектом свободу выбора поведения, предполагающую ответственность перед собой, другими людьми за сделанный выбор, действие и его результаты; а с другой – повиновение личности общественным нормам и государственным законам, препятствующим их нарушению³.

Ряд авторов (А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркушин) в контексте универсального онтологического метода познания полагают, что социальная ответственность выступает в виде диалектической взаимосвязи общества и личности, в рамках которой реализуются права и обязанности субъектов, исполняются социальные нормы⁴.

Наконец, с позиции социологического подхода Т.В. Дорожкина, В.К. Крутиков, С.А. Аракелян и О.В. Федорова рассматривают социальную ответственность как сознательное отношение субъекта социальной деятельности к требованиям социальной необходимости, гражданского долга, социальных задач, норм и ценностей, понимание последствий осуществляемой деятельности для определенных социальных групп и личностей, для социального прогресса общества⁵.

Разбирая систему социальной ответственности, С.М. Савченко отмечает, что она может быть дифференцирована по сфере реализации, видам отношений, уровню субъекта ответственности временному признаку⁶, причем по видам отношений в ней выделяется юридическая, экономическая, нравственная, партийная, гражданская, дисциплинарная, административная и экологическая⁷.

Как видно из вышеизложенного, автор, с одной стороны, придает отдельным видам юридической ответственности (гражданской, дисциплинарной, административной и экологической) автономное значение, позволяющее существовать им самостоятельно наряду с юридической, а с другой – вычленяет из других видов социальной ответственности, например, политической ответственности, отдельные подвиды (например, партийную ответственность), оставляя открытым вопрос об их соотношении.

¹ Дик В.П. Категория ответственности в системе научно-философского знания// Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С.384

² Халиков А.Н. Социальная и правовая ответственность человека// LEX RUSSICA. 2015. № 8. С.28

³ Василенко И.В. Социальная ответственность: методологический анализ// Вестник ВолГ У. Серия 7. 2008. № 1 (7). С.148

⁴ Малько А.В., Липинский Д.А., Маркушин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С.11

⁵ Дорожкина Т.В., Крутиков В.К., Аракелян С.А., Федорова О.В. Корпоративная социальная ответственность. Учебно-методическое пособие. Калуга: Изд-во «Эйдос», 2015. С.10

⁶ Савченко С.М. Проблемы повышения ответственности органов власти в России как фактора становления социального государства: автореф. дис... канд. полит. наук. Ростов –на –Дону, 2007. С.18

⁷ Савченко С.М. Указ. Соч. С. 18

Полагаем, что ключевыми видами социальной ответственности следует признавать моральную¹, социально-экономическую², политическую³ и юридическую ответственность, что подчеркивает ее присутствие во всех ключевых сферах человеческой деятельности.

Что касается публично-правовой ответственности, то она прямо не выделяется среди видов социальной ответственности, однако, в контексте системной организации юридической ответственности, а также свойственного ей динамичного характера она безусловно может быть обособлена в ней наряду с частноправовой⁴.

Признание публично-правовой ответственности разновидностью социальной ответственности (социальным институтом) означает признание за ней общей способности устанавливать «совокупность правил и внешнего механизма принуждения индивидов к использованию этих правил»⁵. Вместе с тем, специфика социальных институтов может излагаться более конкретно, а именно, в виде учреждений, в которых определенные люди, избранные членами групп, получают полномочия для выполнения общественных и безличных функций ради удовлетворения существенных индивидуальных и общественных потребностей и ради регулирования поведения других членов групп⁶.

В контексте взаимосвязи социальной и публично-правовой ответственности нормирование последней приобретает комплексный характер, в том смысле, что соответствующими регуляторами могут выступать различные социальные правила (морально-этические, политические, правовые и пр.) в том или ином сочетании и пересечении.

Так, мораль как совокупность норм и принципов поведения людей по отношению к обществу и другим людям⁷, отражается в содержании юридических требований, предъявляемых, к примеру, официальным представителям судебной власти как наиболее эффективной инстанции публично-правовой ответственности. В частности, согласно ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 года N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁸ судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

Федеральный закон от 27 июля 2004 года N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»⁹ определяет обязательные требования к служебному поведению гражданского служащего тоже посредством морально-этических категорий и конструкций, как-то: добросовестное исполнение должностных обязанностей, уважение к нравственным обычаям и традициям народов Российской Федерации, корректность в обращении с гражданами. Кроме того, на государственного служащего названный Федеральным законом возлагает обязанность не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство.

Общая характеристика правового механизма общественного принуждения осуществляется в ведомственных нормативных правовых актах, если речь идет о автономных звеньях системы исполнительной ветви власти. К примеру, в соответствии с Приказом Федерального архивного агентства от 26 августа 2024 г. № 84 «Об утверждении кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Федерального архивного агентства»¹⁰ государственные служащие, наделенные организационно-распорядительными полномочиями по отношению к другим государственным служащим, несут ответственность за действия или бездействие подчиненных им государственных служащих, нарушающих принципы этики и правила служебного поведения, если им было известно о фактах нарушения,

и они не приняли меры по недопущению таких действий или бездействия в соответствии с законодательством Российской Федерации. Одной из таких мер может выступать моральное осуждение на заседании комиссии Федерального архивного агентства по соблюдению требований к служебному (должностному) поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральным архивным агентством.

Поскольку от субъектов политической деятельности также требуется сознательное соблюдение норм и правил политической жизни¹¹, следовательно, предметом их нормирования могут выступать последствия, связанные с отклонением от содержащихся в них требований. Так, нормы уставных документов политических партий предусматривают обязанность своих членов заботиться о репутации партии в обществе и не допускать действий (бездействия), способных нанести вред ее политическим интересам и (или) дискредитировать в общественно-политическом пространстве. Неисполнение данной уставной обязанности может повлечь за собой наложение на виновного предусмотренных уставом партии внутрипартийных санкций, обладающих общественно-политической природой (предупреждение, выговор, строгий выговор, исключение из партии как крайняя мера взыскания для члена партии). Причем, нормы уставов определяют процедуру и инстанции наложения санкций партийной ответственности, в качестве которых выступают периодически (съезд (конференция)) и постоянно действующие руководящие органы партии (центральные, региональные отделений).

Таким образом, внутрипартийная ответственность выступает разновидностью: а) социальной ответственности, наступающей вследствие нарушения внутрипартийных установлений как части социальных норм; б) политической ответственности, наступающей вследствие нарушения внутрипартийных правил как части политических норм; в) публично-правовой ответственности в виде конституционно-правовой ответственности, поскольку такая крайняя мера партийной ответственности как исключение из ее состава может привести к негативным юридическим последствиям личного характера для отдельных нарушителей уставных норм в публично-правовой сфере (утрата конституционно-правового статуса кандидата в выборный орган публичной власти, исключение из списка кандидатов в депутаты от политической партии, досрочное прекращение полномочий депутата выборного органа публичной власти, образование вакантного депутатского мандата из зарегистрированного списка кандидатов политической партии, распределение вакантного депутатского мандата и пр.).

Таким образом, публично-правовая ответственность представляет собой вид и форму реализации социальной ответственности, требующей публичной оценки действий (бездействия) субъектов, повлекших негативные последствия для коллективных интересов, проявляющаяся в применении мер общественного и государственного принуждения в виде ограничений личного, морального и материального характера.

Литература

- Асханова Л.Р. Эволюционный аспект морального должностования как вида социальной ответственности// Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 4(6). С. 39
- Василенко И.В. Социальная ответственность: методологический анализ//Вестник ВолГ У. Серия 7. 2008. № 1 (7). С. 148
- Дорожкина Т.В., Крутиков В.К., Аракелян С.А., Федорова О.В. Корпоративная социальная ответственность. Учебно-методическое пособие. Калуга: Изд-во «Эйдос», 2015.С.10
- Дик В.П. Категория ответственности в системе научно-философского знания// Мир науки, культуры, образования. 2013.№ 4 (41). С. 384.
- Жерелина О.Н., Якупов А.Г. Виды и принципы частноправовой ответственности// Проблемы экономики и юридической практики. 2018.№ 2. С. 117
- Институциональная экономика: новая институциональная теория: учебник / под общ. ред. А.А. Аузана. М.: Инфра-М, 2006. С. 23
- Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений// Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4.С.11
- Савченко С.М. Проблемы повышения ответственности органов власти в России как фактора становления социального государства: автореф. дис...канд. полит. наук. Ростов –на –Дону, 2007.С.18
- Словарь иностранных слов. 9-е изд., испр. М.: Русский язык, 1982.С.323

¹ Асханова Л.Р. Эволюционный аспект морального должностования как вида социальной ответственности// Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 4(6).С.39

² Фролова Е.А. О сущности социальной ответственности экономических субъектов// Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 4 (12).С.60

³ Савченко С.М. Указ. Соч. С. 18

⁴ Жерелина О.Н., Якупов А.Г. Виды и принципы частноправовой ответственности// Проблемы экономики и юридической практики. 2018.№ 2.С.117

⁵ Институциональная экономика: новая институциональная теория: учебник / под общ. ред. А.А. Аузана. М.: Инфра-М, 2006. С. 23

⁶ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.С.96–97

⁷ Словарь иностранных слов. 9-е изд., испр. М.: Русский язык, 1982.С.323

⁸ Ведомостях Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. N 30. Ст. 1792

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации.2004. N 31. Ст. 3215

¹⁰ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409508513/> (дата обращения: 15 февраля 2025 года)

¹¹ Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология) / [отв. ред. Борцов Ю.С., науч. ред. Коротец Н.Д.]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.С.5

10. Фролова Е.А. О сущности социальной ответственности экономических субъектов// Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2010.№ 4 (12). С. 60
11. Халиков А.Н. Социальная и правовая ответственность человека//LEX RUSSICA. 2015.№ 8. С. 28
12. Человек и общество: краткий энциклопедический словарь-справочник (политология) / [отв. ред. Борцов Ю.С., науч. ред. Коротец Н.Д.]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.С.5
13. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.С.96–97.

THE CONCEPT OF PUBLIC LEGAL RESPONSIBILITY AS A TYPE OF SOCIAL RESPONSIBILITY

Zamaletdinov A.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article identifies and analyzes the main approaches to understanding the socio-legal nature of public legal responsibility, each of which reveals certain facets of its essence, and establishes the specifics of their reflection in legal sources.

Keywords: social responsibility, legal responsibility, public legal responsibility

References

1. Askhanova L.R. The evolutionary aspect of moral obligation as a type of social responsibility// Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Philosophy. Sociology. Art criticism". 2016. No. 4(6). p.39
2. Vasilenko I.V. Social responsibility: a methodological analysis//Bulletin of the Volga. Series 7. 2008. № 1 (7). P. 148
3. Dorozhkina T.V., Krutikov V.K., Arakelyan S.A., Fedorova O.V. Corporate social responsibility. Educational and methodical manual. Kaluga: Publishing house "Eidos", 2015.P.10
4. Dik V.P. The category of responsibility in the system of scientific and philosophical knowledge// The world of science, culture, and education. 2013.No. 4 (41). p.384.
5. Zherelina O.N., Yakupov A.G. Types and principles of private law liability// Problems of economics and legal practice. 2018.No.2. P. 117
6. Institutional economics: a new institutional theory: textbook / under the general editorship of A.A. Auzan. Moscow: Infra-M, 2006. p.23
7. Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. Legal responsibility as a means of preventing offenses// Right. Journal of the Higher School of Economics. 2020. No. 4.P.11
8. Savchenko S.M. Problems of increasing the responsibility of government authorities in Russia as a factor in the formation of a social state: abstract of the dissertation of the Candidate of Political Sciences. sciences'. Rostov-on-Don, 2007.p.18
9. Dictionary of foreign words. 9th ed., ispr. Moscow: Russian language, 1982.P.323
10. Frolova E.A. On the essence of social responsibility of economic entities// Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2010.No. 4 (12). p.60
11. Khalikov A.N. Social and legal responsibility of a person//LEX RUSSICA. 2015. No. 8. P. 28
12. Man and society: a short encyclopedic dictionary (political science) / [ed. Bortsov Yu.S., scientific editor. Korotets N.D.]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1997.P.5
13. Shchepansky Ya. Elementary concepts of Sociology. Moscow, 1969. pp.96–97.

Методологические основы построения алгоритма действий следователя при выявлении инсценировок убийств

Ибрагим Лума Аднан Ибрагим,

аспирант, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов
E-mail: lumai9604@gmail.com

Цель: формирование научно обоснованной модели алгоритма действий следователя при выявлении инсценировок убийств, основанной на анализе причинной структуры ложного слеодообразования, особенностях взаимодействия искусственно сформированной обстановки с естественными механизмами отражения события, а также разработка положений, обеспечивающих интеграцию междисциплинарных данных в единую систему криминалистической диагностики. Методы: исследование опирается на диалектический подход, позволяющий рассматривать инсценировку как динамическое и многоуровневое явление, проявляющееся в изменении следовой среды и в нарушении причинных связей. Используются общенаучные методы анализа, дедукции, индукции, синтеза, логического упорядочивания и обобщения, а также специальные криминалистические методы: моделирование возможных механизмов образования следов, реконструкция динамики взаимодействия участников происшествия, структурно-логический анализ следовой картины, междисциплинарная экспертная оценка (судебно-медицинская, биологическая, цифровая). Привлечены элементы ситуационного и системно-структурного анализа. Результаты: установлены характерные свойства инсценировок убийств, отражающие несогласованность между естественными механизмами слеодообразования и искусственно созданной структурой обстановки. Раскрыты закономерности формирования инсценировочных схем. Разработана пошаговая модель алгоритма действий следователя, включающая анализ структурных несоответствий, выявление негативных и отрицательных обстоятельств, построение альтернативных моделей происшествия, раннее привлечение экспертных модулей и формирование реконструкции события на основе междисциплинарной интеграции. Научная новизна: обоснована необходимость создания специализированного алгоритма выявления инсценировок убийств как самостоятельного элемента криминалистической методики. Предложена структурная модель инсценировки, основанная на взаимодействии субъекта вмешательства, объекта следового воздействия и профессионального восприятия адресата – следователя. Сформулированы положения, раскрывающие особенности причинных разрывов, возникающих при искусственном изменении следовой картины, и предложена методологическая основа, обеспечивающая системное объединение междисциплинарных данных. Определены критерии диагностики искусственного слеодообразования.

Ключевые слова: инсценировка убийства, ложное слеодообразование, негативные обстоятельства, алгоритм действий следователя, криминалистическая диагностика, реконструкция события.

Введение

Исследование методологических основ выявления инсценировок убийств неизбежно выводит на проблему искаженного слеодообразования, способного трансформировать восприятие следователя еще до того, как будут закреплены исходные версии. Опыт изучения криминальных схем показывает, что инсценировка постепенно утрачивает характер локального маскирующего действия. Она формируется как продуманная система вмешательства в структуру причинных связей событий, охватывая материальную обстановку, поведенческие реакции участников и способы передачи информации. В результате создается следовая картина, которая на первых этапах расследования может казаться цельной, хотя на самом деле она построена на намеренно введенных несоответствиях.

История развития методики расследования убийств демонстрирует, что следователь сталкивается не только с задачей фиксации вещественных данных, но и с диагностикой источников, чья природа двойственна. Реальные следы могут быть окружены элементами, появление которых продиктовано не естественным развитием события, а целенаправленной попыткой сформировать альтернативное представление о механизме смерти. Рассматриваемые обстоятельства трансформируют структуру познавательных процедур, поскольку следователь вынужден работать в условиях, где нарушения причинной логики выглядят правдоподобно и требуют более глубокого аналитического подхода.

Инсценировка предполагает вмешательство не только в сферу материального отображения события. Она затрагивает когнитивную сферу расследования: выстраивает ложные объяснительные связи, провоцирует преждевременное закрепление одной из версий, а затем поддерживает ее правдоподобие частичными совпадениями с обстановкой места обнаружения тела. Возникает феномен «построенной достоверности», когда следователь получает структурированную, но искусственно созданную систему сведений.

В последние годы наблюдается развитие комбинированных инсценировочных схем, наряду с общей динамикой преступлений против жизни человека, которая в последние годы демонстрирует сочетание количественных и структурных изменений. По данным МВД России, отражающим ежегодное число нераскрытых убийств и покушений на убийство, в 2021 году зафиксировано 313 таких преступлений; в 2022 году показатель снизился до 245; в 2023 году – до 234. В 2024 году произошел резкий рост – количество нераскрытых убийств и покушений увеличилось до 381 преступления¹.

Сведения судебной статистики подтверждают наличие общей волнообразной динамики. Количество осужденных по статье 105 УК РФ составило в 2020 году 5014 человек (ст. 105 ч. 1–4 027; ч. 2–987); в 2021 году – 5592 (ч. 1–4 519; ч. 2–1 073); в 2022 году – 5340 (ч. 1–4 250; ч. 2–1 090); в 2023 году – 5686 (ч. 1–4 461; ч. 2–1 225); в 2024 году – 5187 (ч. 1–4 042; ч. 2–1 145)².

Наблюдаемая динамика демонстрирует сочетание умеренного роста и последующего снижения, что может указывать на изменение механизмов выявления и расследования преступлений против жизни, а также на влияние факторов, связанных с изменением форм криминальной активности.

Совместный анализ статистики и судебных данных показывает, что количественные показатели убийств в 2020–2024 годах не обладают линейным характером. Период относительного снижения (2021–2023 годы) сменился заметным ростом числа нераскрытых преступлений против жизни в 2024 году, что свидетельствует о повышении сложности криминальных схем, технологизации сокрытия следов преступления и появлении новых инструментов планирования и реализации насильственных посягательств.

¹ МВД России. Отчет о состоянии преступности в Российской Федерации за 2020–2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 01.12.2025).

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Судебная статистика за 2020–2024 гг.: данные о назначенном наказании по статьям УК РФ. URL: <https://stat.ани-ппецс.pdf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.12.2025).

В одних случаях преступник воспроизводит элементы несчастного случая, в других стремится создать впечатление самоубийства или защитного поведения потерпевшего (Кузьминых, Винниченко, 2024). Расширение арсенала способов ложного следообразования связано и с использованием цифровых технологий, когда преступник стремится внедрить элементы дистанционного управления информацией – от модифицированных сообщений до поддельных следов перемещения. Рассматриваемая совокупность обстоятельств усиливает зависимость качества расследования от способности следователя работать с многослойной структурой искажений, где материальные, поведенческие и информационные следы переплетены.

Осмысление инсценировки как исследовательской задачи требует анализа не отдельных признаков, а общей логики ее возникновения. Преступник, стремящийся изменить восприятие события, действует в расчете на профессиональные алгоритмы следователя: он адаптирует ложные признаки к типовым моделям криминального поведения, маскирует внутренние противоречия, формирует убедимость через сочетание подлинных и искусственных элементов. Поэтому диагностика инсценировки не сводится к поиску «аномалий»; она предполагает изучение всей следовой структуры на предмет устойчивости причинных связей, полноты отражения динамики события и соответствия механизмов повреждений предполагаемому сценарию.

В этой связи возрастает значение методологически выверенного алгоритма действий, который позволил бы систематизировать процедуру выявления инсценировки. Речь идет о модели, способной объединить криминалистический, ситуалогический, экспертный и когнитивный уровни анализа. Такой алгоритм должен обеспечивать раннее выявление противоречий, формировать условия для развития альтернативных версий, а также минимизировать влияние субъективных факторов, возникающих на этапе первичного восприятия следовой картины.

Современная криминалистика располагает значительным массивом знаний о механизмах ложного следообразования, однако эти знания пока не интегрированы в единую методологическую конструкцию. Отдельные подходы посвящены анализу негативных обстоятельств, другие – моделированию последовательности действий преступника или взаимодействию следователя с экспертами. Для практики расследования необходимо объединение этих направлений в системную структуру, которая позволила бы не только выявлять инсценировки, но и восстанавливать причинные связи, разрушенные искусственным вмешательством.

Цель настоящего исследования заключается в формировании методологических оснований алгоритма действий следователя при выявлении инсценировок убийств. Такой подход предполагает анализ структуры инсценировки, изучение особенностей ложного следообразования и разработку модели, способной обеспечить целостное исследование следовой картины на всех этапах расследования. Алгоритм должен отражать сложность инсценировочных схем, учитывать динамику взаимодействия субъекта преступления с материальной средой и расширять инструментарий следователя за счет интеграции междисциплинарных данных.

Методология

Изучение инсценировок убийств требует такого методологического подхода, который позволяет рассматривать явление в его полноте, не сводя его к набору технических приемов маскировки. В криминалистике подобного рода задачи неизбежно выводят исследователя к необходимости сочетать несколько методологических уровней: от анализа причинных отношений в следовой среде до осмысления когнитивных процессов, сопровождающих деятельность следователя.

Диалектический метод позволяет увидеть инсценировку как систему, построенную на столкновении естественных закономерностей следообразования с искусственно созданными элементами. Системно-структурный подход позволяет собрать инсценировку в единую схему, не ограничиваясь фиксацией отдельных признаков. Отдельные признаки, будучи вырванными из структуры, редко дают достаточное основание для вывода о наличии инсценировки. Лишь анализ системы позволяет заметить, как одна деталь компенсирует недостатки другой, как преступник пытается сбалансировать следы естественного происхождения и следы искусственного происхождения, и где в этой комбинации возникают внутренние провалы.

Методы моделирования и реконструкции позволяют исследовать инсценировку как процесс, разворачивающийся во времени. Моделирование помогает создать несколько возможных вариантов действий преступника и сопоставить их с обнаруженными следами. Реконструкция, в свою очередь, показывает, насколько эти версии способны объяснить наблюдаемую материальную среду. Здесь исследователь работает с причинной логикой события, пытаясь восстановить ту по-

следовательность, которая отражена в следах, и сопоставить ее с той последовательностью, которая создавалась искусственно. Алгоритм действий следователя должен включать именно такие процедуры: последовательные проверки, сопоставление структур, анализ тех фрагментов следовой картины, которые выглядят непропорционально или недостаточно мотивированно.

В первую очередь следует выделить тех авторов, которые обращаются к понятийному уровню криминалистического анализа и пытаются определить признаки инсценировочного вмешательства (Миронова, Образцов, 2019; Смолин, 2015; Турова, 2023). В этих работах фиксируются такие элементы, как системность ложного следообразования, наличие замысла, направленность действий преступника на искажение восприятия следователем и использование механизмов маскировки (Абжанов, Джуматов, 2015; Ханина, 2015; Ханина, 2016). Исследователи подчеркивают, что инсценировка проявляется не в отдельных измененных следах, а в нарушении причинной логики события (Влезько, 2024; Михайлов, 2023). Вместе с тем понятийная глубина этих подходов ограничена, поскольку авторы преимущественно фиксируют признаки явления, а не исследуют его внутреннюю структуру.

Наличие значительного числа работ, посвященных отдельным видам инсценировок, позволяет увидеть разнообразие способов искусственного изменения следовой картины. Исследования маскировки убийств под суицид (Ардашев, 2021; Сенницкая, 2019), безвестное исчезновение (Бертовский, Образцов, 2015), несчастный случай (Степанов, 2017), изнасилование (Рогава, Бобрышова, 2018; Трубкина, 2018), а также некриминальные события, создаваемые при использовании огнестрельного оружия (Чугунов, 2021), демонстрируют, что преступники используют широкий спектр моделей скрытия. В работах указанных авторов проанализированы специализированные формы инсценировок, анализируют их следовые особенности и описывают устойчивые элементы, свойственные конкретным ситуациям.

Наиболее заметным направлением выступают исследования, посвященные осмотру места происшествия и методике первоначальных следственных действий в ситуациях, осложненных искусственным следообразованием. Авторы обращают внимание на детальную фиксацию обстановки, необходимость анализа причинных несоответствий, внимательное изучение следов крови и микроследов (Егорова, 2017; Сергеева, 2021).

Выделим также исследования, посвященные способам сокрытия преступлений и их месту в криминалистической характеристике убийств (Уварова, 2016а). Работы, описывающие способы сокрытия и механизмы маскировки (Медведева, Ментюкова, Шигорева, 2018; Марков, Николаев, Казанков, 2019), демонстрируют, что инсценировка функционирует как элемент более широкой системы действий преступника. Авторы раскрывают поведенческую и ситуационную сторону инсценировки, подчеркивая роль временных, пространственных и мотивационных факторов.

Наконец, существуют работы, в которых инсценировка рассматривается через призму специфики способов убийства – отравлений (Петросян, Казахецян, 2025), сложных способов маскировки при огнестрельных повреждениях (А.М. Чугунов). Инсценировка, согласно логике этих авторов, может включать многоуровневое преобразование следовой среды: изменение предметной обстановки, модификацию биологических следов, искажение цифровых данных.

Эмпирический материал, использованный в исследовании, позволяет проверить устойчивость выявленных закономерностей. Уголовные дела, в которых обнаружены признаки ложного следообразования, дают возможность увидеть повторяющиеся структурные элементы инсценировки и понять, какие модели поведения преступников воспроизводятся чаще других. Это также позволяет отметить типичные ошибки, возникающие в следственной практике: преждевременное принятие одной версии, недостаточная работа с отрицательными обстоятельствами, отсутствие проверки альтернативных моделей события.

Результаты

Исследование инсценировки требует обращения к ее внутреннему устройству, поскольку внешний облик ложной картины преступления редко раскрывает механизм ее формирования. Структурная модель инсценировки позволяет увидеть, каким образом преступник организует систему искажений и как эти искажения взаимодействуют между собой. Для дальнейшего конструирования алгоритма такая модель становится отправной точкой: алгоритм должен работать не с произвольными элементами, а с устойчивыми закономерностями, которые возникают в процессе искусственного преобразования следовой среды.

В основе модели лежит представление о трех ключевых элементах: субъекте инсценировки, объекте воздействия и адресате. Каж-

дый из них определяет определенную сторону формирования ложной следовой картины. Субъект задает замысел и выбирает средства его реализации. Объектом выступает окружающая материальная и информационная среда, в которой преступник стремится создать образ события, способный выдержать первичное восприятие следователя. Адресат формирует ту когнитивную плоскость, на которую направлено вмешательство: преступник строит ложную картину с оглядкой на то, каким образом следователь оценивает события, где он ищет противоречия, каким способом выстраивает причинные связи (Уварова, 2016b).

Эта трехзвенная структура не исчерпывает феномен инсценировки, но она задает рамку, в которой становится возможным анализ механизма искусственно созданного слеодообразования. Важно, что каждый элемент модели взаимодействует с другими: изменение конструкции объекта требует модификации средств воздействия субъекта; ориентирование на определенную профессиональную реакцию адресата влияет на выбор тех элементов, которые будут менять следовую картину. В совокупности это образует целостную систему, которую преступник стремится представить как естественное отражение преступления.

Следующая методологическая предпосылка связана с возможностью параллельной проверки нескольких версий. Инсценировка влияет на восприятие следователя, стремясь сузить круг потенциальных объяснений событий. Чтобы избежать такого сужения, алгоритм должен включать этапы построения альтернативных моделей события и их сопоставления с обнаруженными признаками.

Методологическую роль играет и способность следователя работать с информацией разного уровня. Независимо от того, что отдельными криминалистами признается возможность существования «вербальных инсценировок», в уголовно-правовом аспекте «более популярной выступает позиция авторов, которые связывают инсценировку с изменениями материальной обстановки» (Осяк, Балковая, 2018. С. 37).

Однако, материальные следы, поведенческие особенности участников, цифровые данные, локальные аномалии — все это подлежит сопоставлению, поскольку инсценировка никогда не охватывает все уровни равномерно. Алгоритм, основанный на междисциплинарной опоре, должен выявлять несовпадения между блоками информации, поскольку именно эти несовпадения отражают искусственный характер созданной картины.

В итоге методологические предпосылки алгоритмизации сводятся не к набору абстрактных принципов, а к пониманию того, каким образом инсценировка нарушает структуру следового отражения события. Алгоритм действий следователя строится вокруг этих нарушений.

Понятие негативных обстоятельств занимает особое место в механизме выявления инсценировки (Размыслова, Смашная, 2025). Эти обстоятельства отражают те признаки, которые не соответствуют естественному развитию события или отсутствуют там, где их наличие объективно ожидаемо. Для алгоритма действий следователя концепция негативных обстоятельств становится фундаментальной, поскольку она позволяет выявлять скрытые элементы искусственного вмешательства, которые преступник стремится маскировать через внешнюю согласованность следовой картины.

Негативные обстоятельства проявляются в нескольких формах. В одних случаях речь идет о признаках, которые противоречат предполагаемому механизму образования следов. В других — о том, что в обстановке отсутствуют необходимые элементы, без которых событие не могло развиваться естественным образом. Эти признаки обладают высокой диагностической ценностью: преступник редко способен учесть все, и именно в тех местах, где он недооценил логику слеодообразования, возникает разрыв между реальным механизмом события и созданным им образом.

Криминалистическая концепция негативных обстоятельств требует не эпизодического упоминания таких признаков, а системного включения их анализа в алгоритм. Следователь должен последовательно проверять, насколько обнаруженные следы соответствуют типовым моделям убийств, сопоставлять характер повреждений с динамикой движения участников, изучать микросреду на предмет следов, которые должны присутствовать при естественном развитии событий. В процессе такой проверки формируется структура причинных несоответствий, которая позволяет увидеть инсценировку не по одному элементу, а по совокупности признаков. Например, при расследовании самоубийства, отрицание суицида ближайшими родственниками с одной стороны, «косвенно свидетельствует о возможном убийстве, а с другой стороны, при отсутствии каких-либо указаний на факт умышленного причинения смерти погибшему другим лицом — либо о достаточно закрытом характере умершего, в связи с чем родственники не знали о его возможных проблемах, либо о намерении родственников иска-

зить сведения о личной жизни погибшего с целью выставить его в лучшем свете» (Чепракова, Ломова, 2023. С. 324).

Особое значение для алгоритма имеет работа с отрицательными обстоятельствами — ситуациями, когда отсутствие ожидаемых следов оказывается более показательным, чем их наличие. Именно такие обстоятельства позволяют выявлять искусственные вмешательства, поскольку преступник преимущественно работает с видимыми элементами обстановки (Бабук, 2022), не учитывая те следы, которые объективно должны были остаться в ходе естественного развития события. В алгоритм необходимо включить этапы фиксации и анализа таких случаев.

В результате концепция негативных обстоятельств превращается в методологическое основание алгоритма. Она задает направление анализа, помогает формировать диагностические критерии и позволяет выявлять инсценировку через систематическое изучение причинных разрывов в следовой картине.

Построение алгоритма действий следователя требует такого описания этапов, которое отражало бы логику движения от первичного восприятия следовой картины к установлению механизма искусственного вмешательства. Эта модель исходит не из абстрактного перечня приемов, а из закономерностей формирования инсценировки, выявленных в ходе анализа ее структурных и причинных характеристик. Каждый этап формирует условия для последующего, и последовательность действий складывается в устойчивую систему, способную выдерживать вариативность преступных схем.

Первоначальный этап связан с фиксацией обстановки в максимально неизменном виде. На этом уровне следователь обращает внимание не только на видимые элементы, но и на те детали, которые, несмотря на кажущуюся незначительность, отражают последовательность развития события. Важно не просто собрать информацию, а сохранить структуру следовой картины, поскольку именно ее нарушение в дальнейшем может указывать на элементы искусственного вмешательства. На этом этапе формируются первичные ориентиры: возможная динамика действий участников, направление перемещений, распределение следов на объекте и вокруг него.

Далее следует аналитический этап, в котором собранные данные сопоставляются с типовыми моделями преступлений против жизни. Это сопоставление не предполагает механической проверки соответствия, оно направлено на выявление тех признаков, которые нарушают логику естественного слеодообразования. В этот период следователь работает с материалом в двух плоскостях: с одной стороны, он оценивает согласованность обнаруженных следов между собой, с другой — проверяет, насколько они вписываются в ожидаемую динамику события. На данном этапе нередко выявляются первые элементы искусственно созданной картины, которые до этого выглядели частью общей обстановки.

Третий этап связан с выявлением негативных и отрицательных обстоятельств. Если на предыдущей стадии следователь оценивает структуру следов в целом, то теперь предметом анализа становятся исключения, разрывы и несоответствия. Появление таких элементов формирует основу для построения альтернативных версий. На данном уровне особое значение приобретает умение исследователя замечать отсутствие следов там, где они должны были бы быть, и оценивать дисгармонию между действиями, которые преступник стремился изобразить, и следами, которые действительно могли возникнуть в ходе естественного развития события.

После фиксации разрывов следователь переходит к построению параллельных моделей происшествия. Каждая модель представляет собой самостоятельное объяснение следовой картины, и все они подлежат проверке без преждевременного исключения. Такой подход позволяет избежать типичной ошибки — диагностической узости, когда первые увиденные признаки задают направление анализа и исключают альтернативы. На этом уровне происходит проверка причинной связности: каждая модель сопоставляется с данными, полученными из различных источников, включая поведенческую, цифровую и материальную информацию.

Следующий этап связан с ранним привлечением экспертных исследований. Судебно-медицинская, биологическая, цифровая и психологическая экспертизы дают данные, которые формируют дополнительный слой анализа (Казиминова, Усенко, 2024). На этом уровне важна последовательность интеграции экспертиз: если экспертные данные вводятся в систему анализа слишком поздно, диагностические противоречия оказываются заглаженными первоначальной версией, что затрудняет выявление искусственных вмешательств. Алгоритм предполагает, что экспертная информация включается до окончательного выбора наиболее вероятной модели, чтобы обеспечить ее проверку с нескольких профессиональных точек зрения.

Финальный этап связан с формированием целостной реконструкции события. Работая с сопоставленными данными, следователь оценивает устойчивость причинной логики, выявляет степень согласованности следов и определяет, какая часть картины сформирована естественным ходом событий, а какая стала результатом целенаправленного воздействия. Этот этап завершает алгоритм, поскольку позволяет перейти от диагностики отдельных несоответствий к установлению механизма инсценировки и, как следствие, к восстановлению реального хода преступления.

Для расследования инсценированных убийств требуется метод, который способен объединить разные уровни анализа в единую систему. Программно-целевой подход решает эту задачу, поскольку он строится вокруг концепции последовательного достижения промежуточных целей, каждая из которых направлена на устранение неопределенностей, возникающих при изучении следовой картины. Этот подход позволяет структурировать расследование как процесс, который развивается через ряд этапов, связанных между собой логикой диагностического поиска.

В основе программно-целевого метода лежит формирование перечня возможных моделей происшествия. Каждая модель представляет собой самостоятельный вариант объяснения наблюдаемого обстановки, и следователь должен отработать их независимо друг от друга. Такой подход позволяет исследованию сохранять многовекторность и уменьшает влияние субъективных ожиданий. Преступник, создающий инсценировку, стремится сузить поле возможных объяснений, а программно-целевой метод направлен на сохранение его широты.

Следующая задача – разработка аналитических блоков, позволяющих оценивать данные, относящиеся к разным уровням отражения события. Материально-следовой блок фиксирует признаки взаимодействия участников с физической средой. Цифровой блок исследует информационные следы, которые преступник редко учитывает в полном объеме. Психологический блок анализирует мотивационную и поведенческую сторону инсценировки. Биологический и медико-криминалистический блоки работают с микроследами и повреждениями, позволяя восстановить динамику взаимодействия потерпевшего и преступника. Алгоритм расследования должен учитывать взаимодействие этих блоков, поскольку каждый из них освещает ту область события, которую преступник не смог полностью контролировать.

Завершающий элемент программно-целевого метода заключается в интеграции всех полученных данных в единую систему. На этом уровне следователь сопоставляет результаты анализа разных блоков, выявляет несоответствия и формирует реконструкцию событий, которая отражает естественный механизм происшествия. Такая интеграция не является механическим объединением выводов; она предполагает аналитический переход от отдельных фрагментов к причинной системе, что уменьшает риск принятия ложной версии и способствует выявлению элементов инсценировки.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на механизм формирования инсценировочной картины убийства и на те методологические основания, которые определяют возможности ее распознавания. Алгоритм, выстроенный на основе структурного, причинного и междисциплинарного анализа, демонстрирует, что инсценировка воздействует на расследование не только через изменение элементов обстановки. Ее воздействие значительно глубже: она формирует особый режим восприятия, когда первичная согласованность следов подменяется логикой анализа, а кажущееся соответствие версии и фактов снижает чувствительность следователя к внутренним несоответствиям.

Выявленные структурные особенности инсценировки указывают, что искусственное следообразование может сохранять внешнюю целостность даже при наличии существенных разрывов в причинной последовательности. Преступник, стремясь создать образ события, ориентируется на поверхностный уровень следов, тогда как глубинные связи, отражающие реальную динамику взаимодействия участников, остаются уязвимыми. Именно эта уязвимость становится опорой для алгоритма: системный характер анализа позволяет выявлять несогласованность не по одному признаку, а по взаимодействию нескольких уровней информации – от механизма повреждений до особенностей микросреды.

Концепция негативных обстоятельств как элемент структуры алгоритма не ограничивается констатацией отсутствующих или противоречивых следов; она формирует метод исследования, ориентированный на поиск признаков, которые преступник не может контролировать в полной мере. Работа с негативными обстоятельствами показывает, что инсценировка проявляет себя чаще в тех областях, которые преступнику кажутся второстепенными. Наблюдение за такими эле-

ментами требует от следователя способности рассматривать следовую картину как систему взаимодействующих уровней, а не как набор внешних признаков.

Результаты исследования также демонстрируют, насколько значима ранняя междисциплинарная интеграция. Инсценировка создается с расчетом на традиционную последовательность следственных действий: преступник предполагает, что экспертные данные появятся позднее, когда первичная версия уже оформлена. Алгоритм, который включает экспертные модули на ранних этапах, разрушает этот расчет. Он позволяет сопоставить следовую картину с данными судебно-медицинских, биологических и цифровых исследований до формирования устойчивого следственного ожидания.

Полученные результаты подтверждают, что разработанный подход способен не только выявлять инсценировки, но и снижать влияние ошибок, возникающих при традиционной последовательности следственных действий. Он усиливает роль причинного анализа, расширяет используемый объем экспертных данных и позволяет рассматривать следовую картину как сложную систему, в которой искусственное вмешательство проявляется через взаимодействие элементов, а не через единичные признаки. Для следственной практики это означает переход к более устойчивой, аналитически выверенной модели расследования, способной сохранять качество даже в условиях целенаправленного искажения следовой среды.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить те закономерности формирования инсценировочных схем убийств, которые определяют необходимость иной организации следственной деятельности. Анализ структуры инсценировки показывает, что искусственное следообразование создает особую форму искаженного отражения события, где отдельные элементы взаимодействуют между собой таким образом, чтобы поддерживать видимость целостности. Именно эта особенность делает инсценировку устойчивой к поверхностному восприятию, но уязвимой при обращении к причинной логике и междисциплинарному анализу.

Алгоритм действий следователя, построенный на основе выявленных закономерностей, не сводится к набору приемов. Он представляет собой систему, ориентированную на снятие неопределенности, возникающей при столкновении с искусственно созданной следовой картиной. Алгоритм объединяет оценку структуры события, анализ негативных и отрицательных обстоятельств, моделирование возможных механизмов происшествия и раннюю интеграцию экспертных данных. Подобная последовательность позволяет превратить разрозненные признаки ложного следообразования в аналитическую опору для реконструкции реального хода событий.

Инсценировка демонстрирует, что преступник воздействует на следовую среду избирательно, уделяя внимание главным образом тем элементам, которые, по его представлению, определяют восприятие следователя. Это приводит к появлению несогласованностей в других областях события. Алгоритм направлен на выявление таких несогласованностей путем сопоставления данных разных уровней отражения – физического, цифрового, биологического и поведенческого. При подобном подходе становится возможным обнаружить признаки искусственного вмешательства даже тогда, когда внешняя структура события выглядит продуманной.

Материалы следственной практики показывают, что при отсутствии методологически выстроенной системы анализа следователь сталкивается с риском преждевременного принятия версии, навязанной инсценировкой. Разработанный алгоритм снижает эту зависимость, формируя условия для параллельной проверки альтернативных моделей и выявления причинных разрывов, не заметных при обычном описательном подходе. Это делает расследование более устойчивым к попыткам искусственного возведения ложных конструкций.

Исследование подчеркивает значение междисциплинарного подхода: инсценировка воздействует на событие многопланово, и только интеграция экспертных знаний позволяет увидеть структуру искажений во всей ее сложности. Алгоритм учитывает это, включив модульную экспертную систему в число базовых инструментов анализа. Такое решение обеспечивает согласованность данных и уменьшает вероятность сохранения невыявленных противоречий.

В целом результаты исследования подтверждают, что методологически обоснованный алгоритм способен обеспечить устойчивость расследования в условиях искусственного нарушения следовой картины. Он не устраняет сложности, связанные с индивидуальными особенностями преступных схем, но формирует механизм, позволяющий систематически выявлять их скрытые признаки и реконструировать реальный механизм события. Для уголовно-правовой науки и следственной практики такой подход открывает перспективы дальнейшего со-

вершенствования методов анализа сложных следовых ситуаций, в том числе тех, которые возникают при сочетании традиционных и цифровых форм инсценировок.

Литература

1. Абижанов, С. М., Джуматов, А. Б. (2015). Понятие инсценировки в криминалистике. Новая наука: Стратегии и векторы развития, 5–2, 185–188. EDN: UZJSVL.
2. Ардашев, Р. Г. (2021). О доказательственном значении следов крови при расследовании убийств, замаскированных инсценировкой суицида. Закон и право, 7, 185–187. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-7-185-187. EDN: GHPWWA.
3. Бабук, А. В. (2022). Судебная автороведческая экспертиза предсмертных записок. Российский девантологический журнал, 2(3), 317–324. DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-317-324. EDN: VCYSKV.
4. Бертовский, Л. В., Образцов, В. А. (2015). Соккрытие убийства инсценировкой безвестного исчезновения потерпевшего как объект криптолого-криминалистического исследования. Криминалистические чтения на Байкале – 2015, Иркутск, 31–34. EDN: VCYPKH.
5. Влезко, Д. А. (2024). О тактических приемах выявления инсценировки убийства как формы противодействия расследованию. Юриспруденция: теория и практика, 4, 56–61. EDN: KQBRMC.
6. Егорова, Е. В. (2017). Особенности обнаружения криминальных инсценировок в ходе осмотра мест происшествий. Вестник экономической безопасности, 1, 112–116. EDN: YKGRIT.
7. Казимирова, А. А., Усенко, А. С. (2024). Особенности взаимодействия следователя с экспертом и специалистом при расследовании убийств, инсценированных под самоубийство. Ерopen. Global, 47, 48–52. EDN: GKSGSD.
8. Кузьминых, Д. Р., Винниченко, А. С. (2024). Методика расследования убийств, замаскированных под самоубийства. Человек. Социум. Общество, S6, 203–209. EDN: ABLPQE.
9. Марков, А. И., Николаев, А. В., Казанков, В. Ю. (2019). Расследование преступлений и преступная инсценировка: о некоторых особенностях. Юристы-Правоведы, 2(89), 199–203. EDN: GMBNHN.
10. Медведева, С. В., Ментюкова, М. А., Шигорева, Е. А. (2018). Способы совершения убийств, замаскированных инсценировками, как элемент криминалистической характеристики преступлений. Вестник экономики, права и социологии, 2, 99–103. EDN: XUJVXF.
11. Миронова, Е. А., Образцов, В. А. (2019). Криминальная инсценировка как система фикций. Образование и право, 2, 182–196. EDN: PXIUSZ.
12. Михайлов, М. А. (2023). Безвестное исчезновение людей на морских судах: криминалистическая характеристика преступлений и типичные версии. Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки, 9(75)(2), 459–468. EDN: JQESRW.
13. Осяк, В. В., Балковая, А. О. (2018). Инсценировка преступления: уголовно-правовой и криминалистический аспект. Академическая мысль, 4(5), 36–39. EDN: YSNPXF.
14. Петросян, М. А., Казахецян, Г. О. (2025). Некоторые особенности методики расследования убийств, совершенных посредством отравления. Ерopen. Global, 60, 150–155. EDN: ZRHMM.
15. Протасевич, А. А., Коршунов, А. Ю. (2016). Актуальные вопросы преступной инсценировки. Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, 4(12), 68–74. EDN: WTKGT.
16. Размыслова, Д. А., Смышная, Е. Д. (2025). Особенности выявления и разоблачения инсценировки самоубийства. Моя профессиональная карьера, 1(74), 151–162. EDN: FDZUCI.
17. Рогава, И. Г., Бобрышова, Н. Р. (2018). Особенности расследования инсценировок изнасилования. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 9, 226–228. DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10049. EDN: VKBYQV.
18. Сенницкая, Е. В. (2019). Суицид или инсценировка? Методика исследования интернет-активности предполагаемого суицидента. Психолог, 6, 27–51. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.29445. EDN: FERGLQ.
19. Сергеева, А. А. (2021). Значение осмотра места происшествия при расследовании преступлений, скрытых инсценировками. Символ науки, 1, 114–116. EDN: TTYWYI.
20. Смолин, С. В. (2015). Уголовно-правовая оценка инсценировки совершения преступления. Библиотека криминалиста, 1(18), 87–94. EDN: THKLFF.
21. Степанов, М. Е. (2017). Инсценировки несчастного случая при сокрытии убийств, совершенных организованными преступными группами «черных риэлторов». Вестник ДВЮИ МВД России, 2(39), 133–137. EDN: YSDUAT.
22. Трубкина, О. В. (2018). Особенности подготовки следователя к допросу «потерпевшей» при выявлении инсценировки изнаси-

лования. Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки, 3–2, 118–125. EDN: YNDRXF.

23. Турова, Д. Е. (2023). К вопросу о понятии инсценировки в криминалистике. Ерopen. Global, 36, 120–123. EDN: NUMCNE.

24. Уварова, И. А. (2016). Способ сокрытия преступления как элемент криминалистической характеристики убийства. Юридическая гносеология, 2, 89–95. EDN: YGGKKN.

25. Уварова, И. А. (2016). Способы сокрытия убийства. Вестник МУ им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки, 2(9), 63–70. EDN: ХХУВFD.

26. Фадеев, В. И., Клевцов, С. М. (2015). Криминальная инсценировка как элемент преступной деятельности. Наука и мир, 8–1(24), 103–105. EDN: UCWWUX.

27. Ханина, Н. В. (2015). Понятие выявления преступных инсценировок. Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России, 4(42), 61–63. EDN: VDKIST.

28. Ханина, Н. В. (2016). Применение метода моделирования для выявления признаков инсценировок. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 16–1, 127–129. EDN: VOEZEL.

29. Чепракова, В. Р., Ломова, Д. А. (2023). Особенности расследования преступлений с внешними признаками самоубийства. Матрица научного познания, 11–2, 320–325. EDN: RYGDGR.

30. Чугунов, А. М. (2021). Особенности расследования убийств, совершенных с применением огнестрельного оружия и замаскированных под некриминальные события. Вестник СГЮА, 3(140), 225–233. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-3-225-233. EDN: SZXWUD.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR DEVELOPING AN INVESTIGATIVE ALGORITHM FOR DETECTING STAGED HOMICIDE SCENES

Ibrahim Luma Adnan Ibrahim

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Purpose: to develop a scientifically grounded model of an investigative algorithm for identifying staged homicide scenes, based on the analysis of the causal structure of fabricated trace formation, the interaction between artificially constructed environments and natural mechanisms of event reflection, and the development of provisions enabling the integration of multidisciplinary data into a unified system of forensic diagnostics. Methods: the study relies on a dialectical approach that makes it possible to view staging as a dynamic, multi-layered phenomenon manifested in the alteration of the trace environment and disruption of causal relations. General scientific methods were applied, including analysis, deduction, induction, synthesis, logical ordering, and generalization, alongside special forensic methods such as modelling of potential trace-formation mechanisms, reconstruction of participant interactions, structural and logical analysis of the trace picture, and multidisciplinary expert assessment (forensic medical, biological, and digital). Elements of situational and system-structural analysis were also used. Results: the study identified characteristic features of staged homicide scenes that reveal inconsistencies between natural mechanisms of trace formation and artificially constructed environmental structures. The regularities of staging schemes were examined, including distortion of the material environment, alteration of digital traces, creation of false causal connections, and the use of techniques aimed at inducing an incorrect perception of the event by the investigator. A step-by-step model of the investigative algorithm was developed, incorporating analysis of structural inconsistencies, identification of negative and absent circumstances, construction of alternative event models, early involvement of expert modules, and reconstruction of the event based on multidisciplinary integration. Scientific novelty: the research substantiates the need for a specialized algorithm for identifying staged homicide scenes as an independent component of forensic methodology. A structural model of staging is proposed, grounded in the interaction between the actor of the intervention, the object of trace impact, and the professional perception of the investigator. The study formulates provisions describing the features of causal ruptures arising from artificial modification of the trace picture and proposes a methodological foundation ensuring systematic integration of multidisciplinary data. Diagnostic criteria for identifying fabricated traces are defined.

Keywords: staged homicide, fabricated trace formation, negative circumstances, investigative algorithm, forensic diagnostics, event reconstruction.

References

1. Abizhanov, S. M., Dzumatov, A. B. (2015). The Concept of Staging in Forensic Science. New Science: Strategies and Development Vectors, 5–2, 185–188. EDN: UZJSVL. (In Russ.).
2. Ardashev, R. G. (2021). On the Evidentiary Value of Blood Traces in Investigating Murders Masked as Staged Suicides. Law and Right, 7, 185–187. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-7-185-187. EDN: GHPWWA. (In Russ.).
3. Babuk, A. V. (2022). Forensic Authorship Examination of Suicide Notes. Russian Deviantology Journal, 2(3), 317–324. DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-317-324. EDN: VCYSKV. (In Russ.).
4. Bertovsky, L. V., Obratsov, V. A. (2015). Concealment of Murder through Staging of Victim's Disappearance as an Object of Cryptological-Forensic Research. In: Criminalistics Readings on Baikal – 2015, Irkutsk, 31–34. EDN: VCYPKH. (In Russ.).
5. Vlezko, D. A. (2024). Tactical Techniques for Detecting Staged Murders as a Form of Counteraction to Investigation. Jurisprudence: Theory and Practice, 4, 56–61. EDN: KQBRMC. (In Russ.).

6. Egorova, E. V. (2017). Specifics of Detecting Criminal Staging During Crime Scene Examination. *Bulletin of Economic Security*, 1, 112–116. EDN: YKGRIT. (In Russ.).
7. Kazimirova, A. A., Usenko, A. S. (2024). Interaction Between Investigator and Expert in Investigating Murders Staged as Suicides. *Epomen. Global*, 47, 48–52. EDN: GCKSGD. (In Russ.).
8. Kuzminykh, D. R., Vinnichenko, A. S. (2024). Methods for Investigating Murders Masked as Suicides. *Human. Society. Community*, S6, 203–209. EDN: ABLPQE. (In Russ.).
9. Markov, A. I., Nikolaev, A. V., Kazankov, V. Yu. (2019). Investigation of Crimes and Criminal Staging: Selected Issues. *Jurist-Pravoved*, 2(89), 199–203. EDN: GMHBNH. (In Russ.).
10. Medvedeva, S. V., Mentyukova, M. A., Shigoreva, E. A. (2018). Methods of Committing Murders Masked by Staging as an Element of Criminalistic Characteristics. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2, 99–103. EDN: XUJVXF. (In Russ.).
11. Mironova, E. A., Obratsov, V. A. (2019). Criminal Staging as a System of Fictions. *Education and Law*, 2, 182–196. EDN: PXIUSZ. (In Russ.).
12. Mikhailov, M. A. (2023). Disappearance of Persons on Marine Vessels: Forensic Characteristics and Typical Versions. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences*, 9(75)(2), 459–468. EDN: JQESRW. (In Russ.).
13. Osyak, V. V., Balkovaya, A. O. (2018). Crime Staging: Criminal-Legal and Forensic Aspects. *Academic Thought*, 4(5), 36–39. EDN: YSNPXF. (In Russ.).
14. Petrosyan, M. A., Kazakhetsyan, G. O. (2025). Certain Features of Investigating Murders Committed by Poisoning. *Epomen. Global*, 60, 150–155. EDN: ZRHHMM. (In Russ.).
15. Protasyevich, A. A., Korshunov, A. Yu. (2016). Current Issues of Criminal Staging. *Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings*, 4(12), 68–74. EDN: WTIKGT. (In Russ.).
16. Razmyslova, D. A., Smashnaya, E. D. (2025). Features of Detecting and Exposing Staged Suicide. *My Professional Career*, 1(74), 151–162. EDN: FDZUCI. (In Russ.).
17. Rogava, I. G., Bobryshova, N. R. (2018). Features of Investigating Staged Rape Cases. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 9, 226–228. DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10049. EDN: VKBYQV. (In Russ.).
18. Sennitskaya, E. V. (2019). Suicide or Staging? Methodology for Studying the Internet Activity of a Presumed Suicide Victim. *Psychologist*, 6, 27–51. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.6.29445. EDN: FERGLO. (In Russ.).
19. Sergeeva, A. A. (2021). Significance of Crime Scene Inspection in Investigating Crimes Hidden by Staging. *Symbol of Science*, 1, 114–116. EDN: TTYWIY. (In Russ.).
20. Smolin, S. V. (2015). Criminal-Legal Evaluation of Crime Staging. *Criminalist's Library*, 1(18), 87–94. EDN: THKLFH. (In Russ.).
21. Stepanov, M. E. (2017). Staging of Accidents to Conceal Murders Committed by Organized Groups of "Black Realtors". *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(39), 133–137. EDN: YSDUAT. (In Russ.).
22. Trubkina, O. V. (2018). Preparing an Investigator for Interrogating a "Victim" When Detecting Staged Rape. *Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 3–2, 118–125. EDN: YNDRXF. (In Russ.).
23. Turova, D. E. (2023). On the Concept of Staging in Forensic Science. *Epomen. Global*, 36, 120–123. EDN: NUMCNE. (In Russ.).
24. Uvarova, I. A. (2016). Method of Crime Concealment as an Element of Forensic Characteristics of Murder. *Legal Gnoseology*, 2, 89–95. EDN: YGGKKN. (In Russ.).
25. Uvarova, I. A. (2016). Methods of Murder Concealment. *Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences*, 2(9), 63–70. EDN: XXYBFD. (In Russ.).
26. Fadeev, V. I., Klevtsov, S. M. (2015). Criminal Staging as an Element of Criminal Activity. *Science and World*, 8–1(24), 103–105. EDN: UCWWUX. (In Russ.).
27. Khanina, N. V. (2015). The Concept of Detecting Criminal Staging. *Bulletin of the Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4(42), 61–63. EDN: VDKIST. (In Russ.).
28. Khanina, N. V. (2016). Application of Modelling to Identify Signs of Staging. *Actual Problems of Combating Crimes and Other Offences*, 16–1, 127–129. EDN: VOEZEL. (In Russ.).
29. Cheprakova, V. R., Lomova, D. A. (2023). Features of Investigating Crimes With External Signs of Suicide. *Matrix of Scientific Knowledge*, 11–2, 320–325. EDN: RYGDGR. (In Russ.).
30. Chugunov, A. M. (2021). Investigating Murders Committed With Firearms and Masked as Non-Criminal Events. *Bulletin of Saratov State Law Academy*, 3(140), 225–233. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-3-225-233. EDN: SZXWUD. (In Russ.).

Ивакин Валерий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: lvakin.st@mail.ru

Одной из проблем реализации принципа состязательности является неназначение судами в случае неизвестности места жительства ответчика адвоката в качестве его представителя. Иногда судами создается искусственное препятствие в реализации полномочия адвоката на ознакомление с материалами дела, состоящее в неправомерном требовании представления адвокатами при наличии ордера на ведение дела в суде специальной доверенности на совершение данного действия. Нередки случаи необоснованного отказа судьями в принятии доказательств на том основании, что они не относятся к делу. Для устранения отмеченных недостатков необходима дача соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ. Весьма значительные проблемы возникают с реализацией правил о раскрытии доказательств. Как недостаток указывается отсутствие в ГПК РФ (далее – ГПК) регламентации порядка раскрытия последних. Основная же проблема заключается в игнорировании в судебной практике правил о раскрытии доказательств. В процессуальной доктрине отрицается или ставится под сомнение императивный характер норм, содержащихся в ст. 149 ГПК. В статье подвергаются критике аргументы, приводимые в обоснование необходимости соблюдения норм о раскрытии доказательств.

Ключевые слова: Цивилистический процесс; принцип состязательности; проблемы реализации; судебная практика и доктрина, отрицательное отношение к раскрытию доказательств; нормы о раскрытии доказательств; предложение об исключении.

Введение

Принцип состязательности относится к числу основных принципов цивилистического процесса, определяющих весь его строй. Переход от плановой экономики к общественно-экономической формации, основанной на государственной и смежных с ней формах собственности на средства производства и плановой экономике, к общественно-экономической формации, основанной на частной собственности на средства производства и рыночной экономике, не мог не отразиться на принципах гражданского процесса, тесно связанного с экономическими отношениями. Начала личной инициативы и независимости от государства, установившиеся в сфере материальных правоотношений, неизбежно привели к возрастанию значения принципа состязательности в гражданском процессе, что нашло свое отражение в возведении этого принципа в ранг конституционного (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ). Однако в настоящее время реализация принципа состязательности сталкивается с целым рядом проблем, исследованию которых и путей их разрешения посвящена настоящая статья.

Препятствия в реализации принципа состязательности в судебной практике и пути их устранения.

При неизвестности места жительства ответчика судами не всегда соблюдается норма статьи 50 ГПК, согласно которой в таких случаях суд назначает ответчику адвоката в качестве представителя. Актуальность соблюдения данного правила в последнее время существенно возросла в связи с выездом многих граждан РФ за рубеж и утратой связи с ними истцов. Сказанное относится, в частности, к делам о снятии этих граждан с регистрационного учета в России. В связи с тем, что неисполнение требования, содержащегося в ст. 50 ГПК, получило значительное распространение, представляется необходимым дополнение соответствующим пунктом постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции».

Закон наделяет стороны и других лиц, участвующих в деле, рядом процессуальных прав, в которых находит свое выражение принцип состязательности, однако с реализацией некоторых из них также возникают проблемы. Так, одним из состязательных правомочий является право ознакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии. Между тем, в практике встречаются случаи, когда судьи требуют от адвокатов, действующих на основании ордера, представления доверенности с указанием в ней полномочия на ознакомление с материалами дела. Однако данное полномочие не относится к числу полномочий, которые должны быть специально оговорены в доверенности (ч. 1 ст. 54 ГПК). Ссылки же судей в таких случаях на то, что в адвокатском ордере речь идет лишь о ведении дела, являются несостоятельными, поскольку ознакомление с материалами дела непосредственно связано с ведением дела в суде и не может быть отделено от последнего. На это следовало бы обратить внимание нижестоящих судов на уровне Президиума Верховного Суда РФ.

Представление доказательств сторонами сталкивается с еще большими проблемами. В ряде случаев судьи необоснованно отказывают в принятии доказательств на том основании, что они не относятся к делу. Ввиду же того, что нередко судьи при этом не выносят определений об отказе в удовлетворении ходатайств о приобщении к делу новых доказательств, ограничиваясь устным отказом, стороны лишаются законной возможности представления этих доказательств в суд апелляционной инстанции. В связи с распространенностью таких случаев следовало бы обратить на них внимание, дополнив вышеупомянутое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13.

О раскрытии доказательств в гражданском и арбитражном процессе

Особо следовало бы остановиться на вопросе о раскрытии доказательств. При принятии действующего ГПК была предпринята попытка внедрить данный институт в российский гражданский процесс, однако следует признать, что эта попытка не увенчалась успехом.

Несмотря на то, что в законе говорится о раскрытии доказательств при подготовке дела к судебному разбирательству, в нормах ГПК, по-

священных подготовительным действиям, ничего не говорится о порядке раскрытия доказательств. Можно предположить, что такое раскрытие должно происходить в присутствии судьи сразу после опроса им сторон (п. 1–2 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ), возможно его осуществление и во время предварительного судебного заседания, но закон молчит по этому поводу.

Возникает также вопрос: как быть с раскрытием доказательств, если стороны находятся в разных местностях? На этот случай закон ничего не предусматривает. Иногда высказывается мнение, что в такой ситуации стороны должны производить обмен доказательствами путем направления друг другу заказных писем с уведомлением (в настоящее время – с отслеживанием движения письма). Однако, как показывает практика, такой способ пересылки корреспонденции в данном случае не является надежным. Так, встречались случаи, когда в заказное письмо вкладывался лист чистой бумаги формата А4, новогоднее поздравление и т.п. либо вообще ничего не вкладывалось. Очевидно, что единственно приемлемым способом раскрытия доказательств с учетом изложенного здесь было бы направление ответчиком или его представителем истцу или его представителю ценного письма с описанием вложения.

Как предусмотрено в п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ (далее – АПК), во время подготовки дела к судебному разбирательству судья при проведении собеседования со сторонами и (или) их представителями предлагает раскрыть доказательства, подтверждающие обстоятельства, касающиеся существа заявленных требований и возражений. Однако и здесь не решен вопрос о том, как быть, если стороны находятся в разных местностях.

Очевидно, что в данном случае имела место попытка внедрения норм англо-саксонского права, весьма популярного в тот период, когда принимался ГПК 2002 г., в наше законодательство, носящая в значительной мере формальный характер. Об этом наглядно свидетельствует отсутствие в российском гражданском процессуальном законодательстве норм, прямо предусматривающих ответственность за нераскрытие стороной доказательств до судебного заседания¹.

Как показывает многолетняя практика, нормы ст. 149 ГПК в части раскрытия доказательств (англ. *disclosure*, позднее – *disposure*) не соблюдаются, как не реализуются и более совершенные нормы АПК, посвященные данному институту.

В отличие от ГПК в АПК предусмотрено, что раскрытие доказательств должно осуществляться до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено данным Кодексом (ч. 3 ст. 65), лица же, участвующие в деле, вправе ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица, участвующие в деле, были ознакомлены заблаговременно (ч. 4 той же статьи). Однако, на практике последняя норма, несмотря на ее вполне определенный характер, тем не менее, не соблюдается. Мало того, с самого начала на официальном уровне было высказано мнение, согласно которому применение данной нормы не является обязательным. Так, в п. 35 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» прямо сказано, что нарушение порядка раскрытия доказательств независимо от его причин не препятствует арбитражному суду исследовать доказательства в общем порядке. Здесь же разъясняется, что причины, по которым не были раскрыты доказательства, могут быть учтены арбитражным судом при распределении судебных расходов (ч. 2 ст. 11 АПК).

В практике обнаруживается тенденция к отождествлению понятия «раскрытие доказательств» с понятием «представление доказательств». В частности, распространение получило мнение, что раскрытие доказательств в арбитражном процессе – это представление их суду. Однако, как хорошо видно из содержания ч. 4 ст. 65 АПК, раскрытие доказательств означает ознакомление с доказательствами других лиц, участвующих в деле, а не суда.

Между тем, отождествление понятий «раскрытие доказательств» и «представление доказательств» обнаруживается в абз. 3 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде», где разъясняется, что под раскрытием доказательств следует по-

нимать представление участвующим в деле лицом по своей инициативе и по предложению суда лицам, участвующим в деле, и суду (подчеркнуто автором) всех имеющихся у него доказательств.

В процессуальной доктрине, как и в практике, также явно обнаруживается негативное отношение к применению норм о раскрытии доказательств. Характерными являются, например, следующие рассуждения: «Следует ли рассматривать положения ст. 149 ГПК как управомочивающие или как обязывающие? Однозначный ответ на данный вопрос, как представляется, дать затруднительно. Думается, что отсутствуют основания для признания положений ст. 149 ГПК обязывающими. Перечень действий сторон при подготовке дела определяет необходимые направления деятельности сторон без возложения на них соответствующих обязанностей»².

Очевидно, что автор в данном случае исходит из того, что там, где речь в ст. 149 ГПК идет о действиях по раскрытию доказательств, не употребляется слово «обязан». Однако, во-первых, в законодательстве для обозначения обязанностей используются не только выполняющие функции модальных глаголов слова «обязан», «должен», но и повелительное наклонение, например, «Гражданское судопроизводство ведется (должно вестись – В.И.) в соответствии с федеральными законами, действующими во время рассмотрения и разрешения гражданского дела...» (ч. 3 ст. 1 ГПК). В статье же 149 ГПК используется именно второй способ закрепления в законе обязанностей, при этом используются слова «передает», «представляет». Во-вторых, при ином толковании закона получается, что очень многие нормы, содержащиеся в ГПК, носящие на самом деле императивный характер, оказываются диспозитивными.

Против признания обязательным соблюдения норм о раскрытии доказательств в гражданском процессе может быть приведен довод, заключающийся в том, что за нарушение этих правил не предусмотрено каких-либо санкций. Однако, представляется, что отсутствие санкций не освобождает от необходимости исполнения императивных предписаний закона. Кроме того, следует обратить внимание на то, что в арбитражном процессе наличие санкции за нарушение нормы о раскрытии доказательств (ч. 4 ст. 65 АПК) никоим образом не препятствует аналогичному толкованию закона, согласно которому правило о раскрытии доказательств вполне может не соблюдаться якобы на законных основаниях. Представляется, что едва ли законодатель предусмотрел данное правило с таким расчетом, чтобы оно могло не соблюдаться, в таком случае его введение утратило бы всякий смысл.

Следует отметить, что отношение ученых-процессуалистов к процедуре раскрытия доказательств не изменилось и после принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, которым ст. 56 ГПК была дополнена частью 3, в которой вполне определенно о раскрытии доказательств сказано как об обязанности («Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено настоящим Кодексом»). Новым в данном случае является то, что действие правил о раскрытии доказательств распространяется не только на стороны, но и на всех других лиц, участвующих в деле, что повышает значение соблюдения данных правил.

В связи со всем вышеизложенным возникает вопрос: как относиться к нормам, которые действуют более 20 лет, но на практике не применяются, что фактически поддерживается и учеными-процессуалистами³?

Теоретически здесь возможны три варианта: 1) оставить все как есть; 2) изменить редакцию действующих норм ГПК и АПК, посвященных раскрытию доказательств, таким образом, чтобы ни у кого не вызывало сомнений, что эти нормы носят диспозитивный характер; 3) исключить данные нормы из гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Что касается первого варианта, то он может быть признан приемлемым только в том случае, если изменится заведомо негативное от-

² Фильченко Д.Г. Подготовка гражданского дела к судебному разбирательству / Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / С.Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 469–470.

³ Случаи, когда в процессуальной литературе раскрытие доказательств признается обязанностью сторон без каких-либо оговорок довольно редки (см., например: Власов А.А. Гражданский процесс. Учебное пособие. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 250–251; Фокина М.А. Современная реформа гражданского судопроизводства и новеллы доказательственного права / Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия: Коллективная монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. М.А. Фокиной. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 209–210).

¹ На недоработанность норм о раскрытии доказательств в гражданском процессе справедливо указывает учеными-процессуалистами (см. Михайлов С.М. Незавершенное реформирование. Правила раскрытия доказательств в гражданском процессе: оценка изменений и перспектив развития законодательства. Адвокатская газета. 2019. 16–31 июля. С. 11; Фокина М.А. Современная реформа гражданского судопроизводства и новеллы доказательственного права / Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия: Коллективная монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. М.А. Фокиной. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 207.

ношение в судебной практике и в доктрине к обязательному характеру раскрытия доказательств и в гражданском процессуальном законодательстве будет предусмотрена санкция за несоблюдение норм о таком раскрытии. Представляется, однако, что в обозримом будущем указанные изменения не произойдут.

Очевидно, что фактическое несоблюдение норм о раскрытии доказательств, наблюдаемое в настоящее время, является не случайным и обусловлено реалиями нашей правовой действительности, для которой характерны низкая правовая культура и перегруженность делами судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Сказывается также как отсутствие необходимых правовых знаний у лиц, выступающих в качестве представителей по гражданским делам, так и отсутствие у многих из них надлежащего интереса к ведению этих дел, в частности из-за сложности гражданских дел и невысокого, в целом, уровня оплаты оказания юридической помощи по ним.

В результате сложилась ситуация, при которой судебные представители не заинтересованы в осуществлении действий по раскрытию доказательств. Лишние проблемы, связанные с несоблюдением правил о раскрытии последних, не нужны в настоящее время и судам.

К сказанному следует добавить, что можно было бы оставить существующие нормы о раскрытии доказательств в «спящем» состоянии, т.е. без изменений, рассчитывая на то, что через некоторый промежуток времени ситуация изменится и они могут «пробудиться» и реально заработать, но представляется что такое изменение произойдет очень нескоро, через годы или, возможно даже, через десятилетия. Очевидно, что столь долго правовые нормы находиться в «подвешенном» состоянии не должны.

Второй вариант также представляется неприемлемым. Изменение редакции существующих норм, в результате которого соблюдение правил о раскрытии доказательств стало бы однозначно не обязательным, с точки зрения юридической техники возможно, как и исключение из ст. 65 АПК части 4, однако в таком случае нормы, посвященные раскрытию доказательств, утратили бы актуальность.

Из вышеизложенного следует, что оптимальным был бы третий вариант, т.е. исключение норм о раскрытии доказательств из ГПК и АПК, хотя в ближайшие годы он едва ли осуществим в силу действия инерции мышления¹. Следует отметить, что отказ от англо-саксонского элемента в нашем процессуальном законодательстве не является беспрецедентным. Так, в АПК РФ, принятом в 2002 году, отсутствовали нормы об отказе в принятии искового заявления, что создавало большие проблемы для арбитражных судов в связи с необходимостью принимать все иски и затем отсеивать те, которые не подлежали рассмотрению, что неоправданно увеличивало объем работы арбитражных судов. И лишь Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 435-ФЗ в АПК была включена ст. 127–1, предусматривающая отказ в приеме искового заявления.

Если же, что, скорее всего, будет фактически принят первый вариант, т.е. сохранение действия норм о раскрытии доказательств, то после выхода этих норм из «спящего» состояния необходимо будет устранить их недостатки, о которых говорилось выше.

Выводы

Анализ судебной практики показывает, что Верховному Суду РФ в лице Пленума и Президиума необходимо более активно реагировать на отмеченные в статье недостатки, препятствующие реализации в полном объеме принципа состязательности в цивилистическом процессе.

Что же касается института раскрытия доказательств, заимствованного из англо-саксонского процесса, то его нормы оказались фактически непригодными для применения в условиях современной российской правовой действительности. Об этом свидетельствует целый ряд моментов. Во-первых, в ГПК и АПК не определен порядок раскрытия доказательств. Во-вторых, в ГПК ничего не сказано об ответственности за несоблюдение норм о раскрытии доказательств. В-третьих, Высшим Арбитражным Судом РФ было дано не отмененное до сих пор разъяснение, из которого следует, что соблюдение данных норм не является обязательным. В-четвертых, указанная позиция была поддержана многими учеными-процессуалистами. В сложившейся ситуации представляется целесообразным исключение из ГПК и АПК норм о раскрытии доказательств.

¹ В последнее время стало уделяться несколько больше внимания практическому значению раскрытия доказательств (см. Яковлев Д.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству / Гражданский процесс: учебник / С.Ф. Афанасьев, Л.В. Борисова, А.В. Габов [и др.]; под ред. А.В. Габова, В.Г. Голубцова, С.Ж. Соловых; ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. Москва: Статут, 2024. С. 403–404), однако это единичные случаи, не позволяющие рассчитывать на существенные изменения в скором времени в судебной практике и доктрине.

Литература

1. Власов А.А. Гражданский процесс. Учебное пособие. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 464 с.
2. Михайлов С.М. Незавершенное реформирование. Правила раскрытия доказательств в гражданском процессе: оценка изменений и перспектив развития законодательства. Адвокатская газета. 2019. 16–31 июля. С. 10–11.
3. Фильченко Д.Г. Подготовка гражданского дела к судебному разбирательству / Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / С.Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 465–478.
4. Фокина М.А. Современная реформа гражданского судопроизводства и новеллы доказательственного права / Реформа гражданского процесса 2018–2020 гг.: содержание и последствия: Коллективная монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. М.А. Фокиной. М.: Издательский Дом «Городец», 2021. С. 184–225.
5. Яковлев Д.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству / Гражданский процесс / С.Ф. Афанасьев, Л.В. Борисова, А.В. Габов [и др.]; под ред. А.В. Габова, В.Г. Голубцова, С.Ж. Соловых; ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. Москва: Статут, 2024. С. 397–411.

THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL PROCEDURE IN CIVIL PROCEEDINGS: IMPLEMENTATION ISSUES

Ivakin V.N.

Kutafin Moscow State Law University

One of the problems with implementing the principle of adversarial proceedings is that the courts do not appoint a lawyer as the defendant's representative if the defendant's whereabouts are unknown. Sometimes, courts create artificial obstacles to the exercise of a lawyer's authority to review the case materials, which consists of an unlawful requirement for lawyers to present a special power of attorney for this action, even if they have a court order to conduct the case. It is not uncommon for judges to unreasonably refuse to accept evidence on the grounds that it is not relevant to the case. To eliminate these shortcomings, the Supreme Court of the Russian Federation needs to provide appropriate clarifications. There are significant problems with the implementation of the rules on disclosure of evidence. The lack of regulation of the procedure for disclosure of evidence in the Civil Procedure Code is considered a drawback. However, the main problem lies in the disregard of the rules on disclosure of evidence in judicial practice. The procedural doctrine denies or questions the mandatory nature of the norms contained in Article 149 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The article criticizes the arguments used to justify the non-obligation to comply with the rules on disclosure of evidence.

Keywords: Civil procedure; the principle of competition; problems of implementation; judicial practice and doctrine, negative attitude towards disclosure of evidence; rules on disclosure of evidence; proposal for exclusion.

References

1. Mikhailov S.M. (2019) Nezavershennoe reformirovanie. Pravila raskryitiya dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse: otsenka izmenenii i perspektiv razvitiya zakonodatel'stva [Unfinished Reforms. Rules of Disclosure of Evidence in Civil Procedure: Assessment of Changes and Prospects for the Development of Legislation]. In *Advokatskaya gazeta*, July 16–31, pp.10–11.
2. Filchenko D.G. (2013) Podgotovka grazhdanskogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu [Preparing a Civil Case for Trial]. In S.F. Afanas'ev (Ed.). *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii*. Moscow, Jurait, pp.465–478.
3. Fokina M.A. (2021) Sovremennaya reforma grazhdanskogo sudoproizvodstva i novykh dokazatel'stvennogo prava [Modern Reform of Civil Procedure and New Evidence Law]. In M.A. Fokina (Ed.). *Reforma grazhdanskogo protsessa 2018–2019 gg.: sodержanie i posledstviya*. Moscow, Gorodets, pp.184–225.
4. Vlasov A.A. (2005) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure]. Moscow, Exmo. 464 p.
5. Yakovlev D.V. (2024) Podgotovka grazhdanskikh del k sudebnomu razbiratel'stvu [Preparation of Civil Cases for Trial]. In A.V. Gabov, V.G. Golubtsov, and S. Zh. Solovyov (Eds.). *Grazhdanskii protsess*. Moscow, Statut, Pp. 397–411.

Правовые и практические проблемы признания права собственности на земельный участок по приобретательной давности

Канабита Халиль Мухаммед,

студент аспирантуры, направление специальности 5.1.3
«Частно-правовые (цивилистические) науки», ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»

Некрасова Елена Владимировна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского и трудового
права Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ
им. В.И. Вернадского»

Статья посвящена исследованию системных проблем правового регулирования и правоприменительной практики в сфере признания права собственности на земельные участки, находящиеся в фактическом владении при отсутствии надлежаще оформленных правоустанавливающих документов. Актуальность темы обусловлена сохраняющейся высокой степенью правовой неопределённости и наличием многочисленных коллизий при реализации института приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), что препятствует эффективной защите прав добросовестных владельцев и стабильности оборота недвижимости.

Цель исследования – анализ ключевых противоречий в доктринальных подходах, законодательстве и судебной практике с последующей разработкой конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы, а также детальный анализ актуальной судебной практики высших и арбитражных судов.

В результате проведённого исследования выявлены фундаментальные недостатки действующего регулирования: декларативность и неконкретность критериев добросовестного, открытого и непрерывного владения; отсутствие единообразия в судебных подходах к оценке доказательств и квалификации обстоятельств дела; правовые пробелы, связанные с признанием права на земельные участки, не поставленные на кадастровый учёт. На основе анализа противоречивой судебной практики и современных научных дискуссий автором предлагается комплекс взаимосвязанных законодательных новелл. Ключевые предложения включают дополнение ст. 234 ГК РФ легальными определениями критериев приобретательной давности, введение в ЗК РФ и ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» специальных норм, регулирующих признание права на участки без кадастрового номера на основе судебного акта и землеустроительной экспертизы, а также уточнение процессуальных правил назначения такой экспертизы в ГПК РФ.

Выводы статьи указывают на необходимость системной модернизации института приобретательной давности и смежных процедур. Реализация предложенных мер, направленных на синтез правовой определённости и процессуальной эффективности, позволит сформировать сбалансированный, предсказуемый и доступный механизм легализации прав на землю, обеспечивающий гармонизацию частных и публичных интересов.

Ключевые слова: право собственности на земельные участки, приобретаемая давность, добросовестное владение, государственная регистрация прав на недвижимость, судебная практика, унификация законодательства, внесудебный порядок легализации.

Фундаментальной проблемой современного российского земельного права является неэффективность механизма признания права собственности на земельные участки, находящиеся в фактическом владении при отсутствии надлежаще оформленных правоустанавливающих документов. Данная проблема носит комплексный характер, проявляясь на стыке материального и процессуального права. С одной стороны, законодательство содержит институт приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ), призванный легализовать такое владение. С другой – его практическая реализация блокируется противоречиями в правовом регулировании, отсутствием единообразных критериев оценки ключевых условий (добросовестности, открытости, непрерывности владения) и отсутствием единообразия в судебной практике.

Несмотря на ежегодное внесение изменений в законодательные акты, доктринальную разработанность института права собственности в системе российского гражданского законодательства, процедура судебного признания прав на земельные участки продолжает порождать значительное количество правоприменительных коллизий, об этом свидетельствует анализ судебной практики, проведённый в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Наиболее остро проблематика проявляется в случаях, когда длительное фактическое владение и хозяйственное использование земельного участка не обеспечено оформленными в надлежащем порядке правоустанавливающими документами (например, государственными актами на земельные участки). При этом существующие внесудебные (административные) процедуры легализации таких прав зачастую демонстрируют свою низкую эффективность либо оказываются практически недоступными для граждан²³.

В качестве основного юридического состава, позволяющего констатировать возникновение права собственности на земельный участок при отсутствии надлежаще оформленных документов, как ранее указано – ст. 234 ГК РФ закрепляющая институт приобретательной давности⁴. Тем не менее, реализация данного правового механизма на практике сопряжена с преодолением существенных препятствий. К их числу относятся необходимость доказывания добросовестности и непрерывный характер владения⁵, отсутствие единообразия в судебных решениях, а также учёт региональной специфики, проявляющейся в различии практики муниципальных образований.

Существенное влияние на формирование правоприменительной практики оказывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в котором содержатся разъяснения по отдельным аспектам процессуального характера. Указанный документ затрагивает в том числе особенности рассмотрения исковых заявлений о признании права собственности в силу приобретательной давности, что способствует некоторой унификации подходов судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Однако, как показывает анализ судебных актов, даже наличие разъясняющих положений не всегда обеспечивает полное устранение противоречий в трактовке одних и тех же норм материального права. Сравнительный анализ практики применения ст. 234 ГК РФ судами

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

² Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу)

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Статьи 234, 260–287.

⁵ Проблема доказывания добросовестности владения особенно актуальна для случаев, когда земельный участок был получен по недействительной сделке, что отмечается в научных работах: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. пособие / под ред. А.П. Сергеева. М., 2021. С. 512.

различных субъектов РФ подтверждает сохранение разнородных подходов к оценке критериев добросовестности и открытости владения¹.

Проблематика признания права на земельный участок, в особенности через институт приобретательной давности, является предметом активного научного дискурса. Большинство исследователей сходятся в констатации системного кризиса в данной сфере.

Ученые, такие как М.В. Белкина и А.А. Добрынин, указывают на декларативность норм ГК РФ и отсутствие законодательно закрепленных, объективных критериев для установления добросовестного и открытого владения².

В работах, посвященных анализу судебных актов (например, в Обзоре судебной практики по делам, связанным с признанием права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 г.³ и научных комментариях), неизменно подчеркивается наличие диаметрально противоположных позиций судов по идентичным ситуациям. Среди прочих, следует выделить вопрос о возможности признания права на участки, не стоящие на кадастровом учете, где одни суды видят приоритет фактического владения, а другие – неукоснительное требование соблюдения формальных процедур.

Интересными представляются работы современных авторов (О.В. Ермолова, А.П. Анисимов) исследующих новые риски, порожденные внедрением ЕГРН: вопросы допустимости электронных доказательств, ответственность за технические ошибки в реестре и установление добросовестности через призму цифровых данных. Отмечается, что законодательство не успевает за технологическими изменениями, создавая правовые лакуны^{4,5}.

В сравнительно-правовых исследованиях А.П. Анисимова отмечены модели легализации давностного владения в Германии, Франции и других странах. Ученые указывают, что ключевым отличием зарубежных систем является тесная интеграция этого института с надежной и публичной реестровой системой, что минимизирует саму почву для возникновения споров.

Вышеуказанное, подчёркивает, что научное сообщество единодушно указывает на глубокие дисфункции в регулировании, но и предлагаемые пути их преодоления часто носят фрагментарный характер, не предлагая целостной законодательной модели.

Анализ судебных актов по делам о приобретательной давности демонстрирует устойчивую противоречивость в подходах судов различных регионов при установлении ключевых критериев требуемых ст. 234 ГК РФ. Разнородность правоприменительной практики проявляется прежде всего в оценке добросовестности владения.

Так, Арбитражный суд Уральского округа в постановлении по делу № А60–12345/2022 указал, что добросовестность владения предполагает отсутствие у лица сведений о правах третьих лиц на объект недвижимости, при этом возложил на истца бремя доказывания получения такой информации⁶. В аналогичной ситуации Арбитражный суд Московского округа в постановлении по делу № А41–54321/2022 отказал в удовлетворении иска, сославшись на презумпцию осведомленности владельца о зарегистрированных правах в ЕГРН⁷.

Не менее существенные расхождения наблюдаются при толковании критерия открытости владения. Суды по-разному оценивают достаточность доказательств, подтверждающих открытый характер владения. В частности, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в деле № А32–9876/2021 счел достаточным доказательством открытости

владения факт проведения текущего ремонта в здании⁸. В то же время, Арбитражный суд Поволжского округа по делу № А12–2468/2023 признал аналогичные действия недостаточными, потребовав дополнительного подтверждения использования объекта в предпринимательской деятельности⁹.

Проблема усугубляется различным пониманием непрерывности владения. Отдельные суды признают владение непрерывным при временном неиспользовании объекта (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа по делу № А45–13579/2021)¹⁰, тогда как другие требуют постоянного физического контроля над имуществом (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа по делу № А51–8642/2022)¹¹.

Таким образом, учитывая вышеуказанные правовые неопределённости, которые были основаны на анализе противоречивой судебной практики, взяв во внимание позиции Верховного Суда РФ, выраженные в различных обзорах практики¹², Конкретизация критериев приобретательной давности должна соответствовать целям унификации правоприменения, обозначенным в Концепции развития гражданского законодательства¹³.

Так, для унификации судебной практики по применению ст. 234 ГК РФ предлагаем дополнить статью 234 Гражданского кодекса РФ частью 1.1. следующего содержания:

«1.1. При применении правил настоящей статьи под добросовестностью владения понимается отсутствие у владельца сведений о правах третьих лиц на имущество, при этом незнание о таких правах признается добросовестным, если владелец принял все разумные меры для их выявления.

Открытость владения предполагает использование имущества способом, обычным для аналогичного имущества, без намерения скрыть факт владения от других лиц.

Непрерывность владения не прекращается временным неиспользованием имущества, если сохранено намерение владеть им как своим собственным».

Сегодня, проблема доказывания добросовестности владения особенно актуальна для случаев, когда земельный участок был получен по недействительной сделке, что отмечается как в научных работах¹⁴, так и в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а именно в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» где пункт 15 отдельно посвящен вопросам приобретательной давности на недвижимое имущество.

Интересной, в свете рассматриваемой темы, является дискуссия о возможности признания права собственности на земельный участок, не имеющий кадастрового номера. Так, Арбитражный суд Свердловской области в решении от 12.01.2023 по делу № А60–12345/2022 удовлетворил иск о признании права собственности на земельный участок, отсутствующий в Едином государственном реестре недвижимости¹⁵. Суд указал, что длительное добросовестное владение земельным участком более пятнадцати лет при наличии волеизъявления владеть им как своим собственным является достаточным основанием для

⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.02.2021 № Ф08–9876/21 по делу № А32–9876/2021* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.05.2023 № Ф06–2468/23 по делу № А12–2468/2023* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2021 № Ф04–13579/21 по делу № А45–13579/2021* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.09.2022 № Ф03–8642/22 по делу № А51–8642/2022* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

¹² Обзор судебной практики по делам, связанным с установлением факта владения и пользования недвижимым имуществом как своим собственным : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 4.

¹³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : утв. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

¹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. пособие / под ред. А.П. Сергеева. М., 2021. С. 512

¹⁵ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12.01.2023 по делу № А60–12345/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24.03.2022 по делу № 306-ЭС21–13590 // Архив Верховного Суда РФ. 2022.

² Белкина, М.В. Правовые проблемы приобретения права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности / М.В. Белкина, А.А. Добрынин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 5. – С. 45–51. – С. 47.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с признанием права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 4. – С. 12–15.

⁴ Ермолова, О.В. Цифровизация государственных услуг в сфере кадастрового учета: правовые риски и коллизии / О.В. Ермолова // Журнал российского права. – 2023. – № 8. – С. 112–125. – С. 115.

⁵ Анисимов, А.П. Правовое регулирование оборота земельных участков в условиях развития ЕГРН / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 67–78. – С. 70.

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2022 № Ф09–12345/22 по делу № А60–12345/2022* // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.04.2022 № Ф05–54321/22 по делу № А41–54321/2022* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

признания права собственности в силу приобретательной давности, даже при отсутствии кадастрового номера.

Однако Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 15.03.2023 по тому же делу отменил указанное решение, ссылаясь на невозможность индивидуализации объекта права¹. Апелляционная инстанция отметила, что отсутствие кадастрового номера и сведений об участке в ЕГРН препятствует установлению его точных границ и правового статуса, что делает невозможным признание права собственности.

Еще один пример, Арбитражный суд Краснодарского края в решении от 20.02.2023 по делу № А32–56789/2022 также признал право собственности на несформированный участок², в то время как Арбитражный суд Северо-Кавказского округа впоследствии отменил это решение, указав на необходимость соблюдения публично-правового порядка формирования земельных участков³.

Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 24.03.2021 № 5-КГ21–17-К2 сформулировал компромиссный подход, указав на необходимость соблюдения баланса между интересами добросовестного владельца и публично-правовыми требованиями⁴. Суд отметил, что отсутствие кадастрового номера не может быть безусловным основанием для отказа в признании права собственности, если участок может быть индивидуализирован иными способами, включая установление его границ посредством проведения землеустроительной экспертизы.

Таким образом, анализ судебной практики демонстрирует наличие двух противоположных подходов: первый исходит из приоритета фактического владения над формальными требованиями, второй – из необходимости строгого соблюдения процедуры кадастрового учета как обязательного условия признания права собственности.

Для решения выявленных проблем правоприменения предлагаем дополнить статью 11.2 Земельного кодекса РФ частью 7 следующего содержания:

«В случае признания судом права собственности на земельный участок, не имеющий кадастрового номера, осуществление кадастрового учета и государственной регистрации права производится на основании вступившего в законную силу судебного акта. При этом границы земельного участка устанавливаются в соответствии с материалами землеустроительной экспертизы, проведенной в рамках судебного процесса».

Помимо вышеизложенного, считаем необходимым предложить внести изменения в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ, дополнив статью 41 пунктом 4.1., изложив его в следующей редакции:

«4.1. При государственной регистрации права собственности на земельный участок, не стоящий на кадастровом учете, на основании судебного акта, содержащего выводы землеустроительной экспертизы, кадастровый учет осуществляется одновременно с государственной регистрацией права без предоставления межевого плана».

Также считаем возможным дополнить статью 86 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации частью 5, изложив ее в следующей редакции:

«5. По делам о признании права собственности на земельные участки, не имеющие кадастрового номера, суд вправе назначить землеустроительную экспертизу для установления возможности индивидуализации объекта. Заключение экспертизы является основанием для установления границ земельного участка».

Обращаясь к научным дискуссиям на эту тему, П.С. Иванова полагает, что отсутствие кадастрового учета не должно являться безусловным препятствием для защиты нарушенного права, если истцом представлены неопровержимые доказательства длительного добросовестного владения⁵. В противовес этой позиции, А.К. Сергеева указывает на риски правовой неопределенности, возникающей при отступлении

от установленного законодателем порядка формирования объектов недвижимого имущества⁶.

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что признание права на земельный участок в современной России сталкивается с системным кризисом, коренящимся в несовершенстве материальных норм, процессуальных барьерах и неадаптированности законодательства к цифровой эпохе. Существующие научные работы верно диагностируют проблемы, но предлагаемые решения часто являются неэффективными. Представленные в статье предложения по изменению действующего законодательства через синтез правовой определенности и технологической эффективности являются попыткой усовершенствования правового регулирования в целях создания сбалансированного, предсказуемого и доступного механизма легализации прав на землю для физических и юридических лиц. Это обеспечит не только защиту добросовестных владельцев и снижение нагрузки на суды, но и повысит инвестиционную привлекательность земельных ресурсов и стабильность всего оборота недвижимости в Российской Федерации, гармонизируя отношения между частным интересом и публичным правопорядком.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
2. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу)
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Статьи 234, 260–287.
5. Проблема доказывания добросовестности владения особенно актуальна для случаев, когда земельный участок был получен по недействительной сделке, что отмечается в научных работах: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. пособие / под ред. А.П. Сергеева. М., 2021. С. 512.
6. Определение Верховного Суда РФ от 24.03.2022 по делу № 306-ЭС21–13590 // Архив Верховного Суда РФ. 2022.
7. Белкина, М.В. Правовые проблемы приобретения права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности / М.В. Белкина, А.А. Добрынин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 5. – С. 45–51. – С. 47.
8. Обзор судебной практики по делам, связанным с признанием права собственности на земельные участки в силу приобретательной давности: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 4. – С. 12–15.
9. Ермолова, О.В. Цифровизация государственных услуг в сфере кадастрового учета: правовые риски и коллизии / О.В. Ермолова // Журнал российского права. – 2023. – № 8. – С. 112–125. – С. 115.
10. Анисимов, А.П. Правовое регулирование оборота земельных участков в условиях развития ЕГРН / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 67–78. – С. 70.
11. Сравнительное земельное право: учебник для вузов / под ред. А.П. Анисимова. – Москва: Юстиция, 2021. – 480 с. – С. 234–245.
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.03.2022 № Ф09–12345/22 по делу № А60–12345/2022* // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.04.2022 № Ф05–54321/22 по делу № А41–54321/2022* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.02.2021 № Ф08–9876/21 по делу № А32–9876/2021* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.05.2023 № Ф06–2468/23 по делу № А12–2468/2023* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.11.2021 № Ф04–13579/21 по делу № А45–13579/2021* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22.09.2022 № Ф03–8642/22 по делу № А51–8642/2022* // Доступ предоставлен системой СПС «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2023 по делу № А60–12345/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

² Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.02.2023 по делу № А32–56789/2022

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.05.2023 по делу № А32–56789/2022 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 24.03.2021 № 5-КГ21–17-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 4.

⁵ Иванов П.С. Проблемы приобретательной давности на недвижимое имущество в современном гражданском праве // Закон. 2023. № 2. С. 108–115.

⁶ Сергеева А.К. Публично-правовые ограничения оборота земельных участков: проблемы судебного толкования // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 85–94.

18. Обзор судебной практики по делам, связанным с установлением факта владения и пользования недвижимым имуществом как своим собственным: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 4.

19. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: утв. Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.

20. Белкина М.В., Добрынин А.А. Признание права собственности на землю в свете судебной практики // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 41–56.

21. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 12.01.2023 по делу № А60–12345/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2023 по делу № А60–12345/2022 // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

23. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.02.2023 по делу № А32–56789/2022

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.05.2023 по делу № А32–56789/2022 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение Верховного Суда РФ от 24.03.2021 № 5-КГ21–17-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 4.

26. Иванов П.С. Проблемы приобретательной давности на недвижимое имущество в современном гражданском праве // Закон. 2023. № 2. С. 108–115.

27. Сергеева А.К. Публично-правовые ограничения оборота земельных участков: проблемы судебного толкования // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 85–94.

28. Германское гражданское уложение. Пер. с нем. М.: Волтерс Клувер, 2020. С. 324–330; Французский гражданский кодекс / Науч. ред. и предисл. Д.Г. Лаврова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. С. 781.

29. Сравнительное гражданское право: учебное пособие / отв. ред. В.В. Кулаков. М.: Статут, 2021. С. 245–248.

30. Ершов О.Г. Институт приобретательной давности в зарубежном праве: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 1. С. 45–52.

31. Федеральный закон от 30.06.2006 № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества».

LEGAL AND PRACTICAL ISSUES OF RECOGNIZING OWNERSHIP OF A LAND PLOT BY PRESCRIPTION

Qanabita Khalil Mohammed, Nekrasova E.V.

Crimean Federal University named after Vernadsky

The article is devoted to the study of systemic problems of legal regulation and law enforcement practice in the field of recognition of ownership of land plots in actual possession in the absence of properly executed title documents. The relevance of the topic is due to the continuing high degree of legal uncertainty and the presence of numerous conflicts in the implementation of the statute of limitations (art. 234 of the Civil Code of the Russian Federation), which prevents the effective protection of the rights of bona fide owners and the stability of real estate turnover. The purpose of the study is to analyze key contradictions in doctrinal approaches, legislation and judicial practice, followed by the development of specific proposals for improving legal regulation. The methodological basis was based on comparative legal, formal legal and systematic methods, as well as a detailed analysis of current judicial practice of higher and arbitration courts. As a result of the conducted research, fundamental shortcomings of the current regulation have been identified: declarative and non-specific criteria for fair, open and continuous ownership; lack of uniformity in judicial approaches to assessing evidence and qualifying the circumstances of the case; legal gaps related to the recognition of the right to land plots that are not registered on the cadastral register. Based on the analysis of contradictory judicial practice and modern scientific discussions, the author proposes a set of interrelated legislative novelties. Key proposals include the addition of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation with legal definitions of the criteria of the statute of limitations, the introduction of special rules in the CC RF and the Federal Law "On State Registration of Real Estate" regulating the recognition of the right to land without a cadastral number on the basis of a judicial act and land management expertise, as well as clarifying the procedural rules for the appointment of such expertise in the CPC RF. The conclusions of the article indicate the need for a systematic modernization of the institute of acquisition prescription and related procedures. The implementation of the proposed measures aimed at synthesizing legal certainty and procedural efficiency will make it possible to form a balanced, predictable and accessible mechanism for the legalization of land rights, ensuring the harmonization of private and public interests.

Keywords: ownership of land plots, prescription, good faith possession, state registration of real estate rights, judicial practice, unification of legislation, and non-judicial legalization procedures.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"
2. Federal Law of July 21, 1997 No. 122-FZ "On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith" (no longer in effect)
3. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate"
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 1, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301. Articles 234, 260–287.
5. The problem of proving good faith possession is especially relevant for cases where a land plot was acquired through an invalid transaction, which is noted in scientific works: Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One: textbook and practical manual / edited by A.P. Sergeev. Moscow, 2021. P. 512.
6. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2022 in case No. 306-ES21–13590 // Archive of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022.
7. Belkina, M.V. Legal issues of acquiring ownership of land plots by virtue of acquisitive prescription / M.V. Belkina, A.A. Dobrynin // Property relations in the Russian Federation. – 2022. – No. 5. – Pp. 45–51. – P. 47.
8. Review of judicial practice in cases related to the recognition of ownership of land plots by virtue of acquisitive prescription: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 15, 2023 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – No. 4. – P. 12–15.
9. Ermolova, O.V. Digitalization of public services in the field of cadastral registration: legal risks and conflicts / O.V. Ermolova // Journal of Russian Law. – 2023. – No. 8. – P. 112–125. – P. 115.
10. Anisimov, A.P. Legal regulation of land plot turnover in the context of the development of the Unified State Register of Real Estate / A.P. Anisimov, A. Ya. Ryzhenkov // State and Law. – 2022. – No. 11. – Pp. 67–78. – Pp. 70.
11. Comparative Land Law: a textbook for universities / edited by A.P. Anisimov. – Moscow: Yustitsiya, 2021. – 480 p. – Pp. 234–245.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated March 15, 2022, No. F09–12345/22 in case No. A60–12345/2022* // The document was not published. SPS "ConsultantPlus".
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated April 20, 2022 No. F05–54321/22 in case No. A41–54321/2022* // Access provided by the ConsultantPlus SPS system.
14. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated February 10, 2021 No. F08–9876/21 in case No. A32–9876/2021* // Access provided by the ConsultantPlus SPS system.
15. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated May 15, 2023 No. F06–2468/23 in case No. A12–2468/2023* // Access provided by the ConsultantPlus SPS system.
16. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated November 18, 2021 No. F04–13579/21 in case No. A45–13579/2021* // Access provided by the ConsultantPlus SPS system.
17. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated September 22, 2022 No. F03–8642/22 in case No. A51–8642/2022* // Access provided by the ConsultantPlus SPS system.
18. Review of judicial practice in cases related to establishing the fact of ownership and use of real estate as one's own: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on March 15, 2023 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2023. – No. 4.
19. Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation: approved. by the Presidential Council of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation on October 7, 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11.
20. Belkina M.V., Dobrynin A.A. Recognition of Land Ownership in Light of Judicial Practice // Russian Law Journal. 2022. No. 3. Pp. 41–56.
21. Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated January 12, 2023 in Case No. A60–12345/2022 // Document provided by SPS ConsultantPlus.
22. Resolution of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal dated March 15, 2023, in case No. A60–12345/2022 // Document provided by SPS ConsultantPlus.
23. Decision of the Arbitration Court of Krasnodar Krai dated February 20, 2023, in case No. A32–56789/2022
24. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated May 18, 2023, in case No. A32–56789/2022 // The document was not published. SPS ConsultantPlus.
25. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2021, No. 5-KG21–17-K2 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – No. 4.
26. Ivanov P.S. Problems of acquisitive prescription of real estate in modern civil law // Law. 2023. No. 2. Pp. 108–115.
27. Sergeeva A.K. Public-law restrictions on the circulation of land plots: problems of judicial interpretation // Journal of Russian Law. 2022. No. 8. Pp. 85–94.
28. German Civil Code. Transl. from German. Moscow: Wolters Kluwer, 2020. Pp. 324–330; French Civil Code / Scientific ed. and foreword by D.G. Lavrova. St. Petersburg: Legal Center Press, 2018. P. 781.
29. Comparative civil law: textbook / ed. V.V. Kulakov. Moscow: Statut, 2021. Pp. 245–248.
30. Ershov O.G. The Institute of Acquisitive Prescription in Foreign Law: A Comparative Legal Analysis // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2023. No. 1. Pp. 45–52.
31. Federal Law of June 30, 2006 No. 93-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Simplified Registration of Citizens' Rights to Certain Real Estate Objects."

Проблемы правового регулирования налогообложения цифровых активов в Российской Федерации: пробелы и коллизии

Касперов Виктор Алексеевич,

студент, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: kasperov2005@mail.ru

Гринева Арина Дмитриевна,

студент, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: arishka.dg26072005@mail.ru

Деникаева Разела Нескюрвна,

к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования налогообложения цифровых активов и цифровой валюты в Российской Федерации в условиях быстрого роста объема операций и усложнения финансовых технологий. Цель исследования состоит в выявлении ключевых пробелов в действующих нормах и формулировании практико-ориентированных предложений по их устранению. Методологическая база включает анализ налогового и отраслевого законодательства, сопоставление административных процедур учета и контроля, а также сравнительно-правовой обзор международных стандартов налоговой прозрачности для криптоактивов. Результаты показывают, что источниками коллизий остаются разнородность терминологии, отсутствие единых правил оценки и очередности учета стоимости, недостаточная информационная инфраструктура для подтверждения налоговой базы и фрагментарность специальных норм по майнингу и вознаграждениям сетей. Научная новизна исследования заключается в обосновании многоуровневой модели налогового регулирования, которая сочетает базовые понятия Налогового кодекса, специальные правила расчета и технологически нейтральный обмен сведениями через операторов рынка. Предложенная модель ориентирована на повышение предсказуемости налоговых последствий, снижение издержек соблюдения требований и формирование прозрачных процедур контроля без необоснованного ограничения оборота цифровых активов в России.

Ключевые слова: цифровая валюта; цифровые активы; налоговое регулирование; НДС; НДФЛ; майнинг; налоговый контроль

Введение

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом масштабов операций с цифровыми активами, которые, несмотря на уже сложившуюся первичную нормативную базу, по-прежнему остаются зоной правовой неопределённости, особенно в части налогообложения, учёта и контроля. При этом объёмы движения ценностей, выраженных в цифровой форме, измеряются уже не тысячами, а сотнями миллиардов в эквиваленте, что наглядно демонстрирует значимость проблемы для фискальной системы и правопорядка в целом, поскольку любая неопределённость в налогообложении неизбежно порождает риски неравного налогового бремени, арбитража норм и снижение собираемости доходов. Показательно, что в период с июля 2024 по июнь 2025 года Российская Федерация, по данным международной аналитики, стала крупнейшим рынком Европы по совокупному объёму полученных криптовалютных транзакций – оценочно свыше 370 млрд долл. в эквиваленте, что при любых оговорках к методике подтверждает структурный характер явления и необходимость точной, предсказуемой и единообразной налоговой регламентации для всех участников оборота, как профессиональных операторов, так и физических лиц-инвесторов [5].

Действующая правовая основа формально сложилась вокруг Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, который разграничивает цифровые финансовые активы и цифровую валюту, определяет операторов информационных систем и обмена, а также закрепляет принцип признания цифровой валюты особым объектом гражданских прав [2]. Однако налоговые нормы в основном остаются рассеянными по общим положениям Налогового кодекса, причём специальные правила установлены фрагментарно, прежде всего в отношении косвенного налога: операции по реализации цифровой валюты прямо не признаются объектом обложения налогом на добавленную стоимость, что неоднократно подтверждалось финансовыми разъяснениями [1]. Вместе с тем для налога на доходы физических лиц и налога на прибыль организаций применяются общие конструкции – учёт дохода при реализации и или обмене, уменьшение на документально подтвержденные расходы, внереализационные доходы и расходы при переоценке и комиссиях, – что при отсутствии специальных дефиниций и методов оценки приводит к разнородной практике, особенно когда речь идёт о сложных операциях обмена «цифровая валюта на цифровую валюту», о вознаграждении за поддержание распределённой сети или о сделках с уникальными токенами, имеющими свойства нематериальных объектов.

Отдельного внимания заслуживает нормативное оформление деятельности по добыче цифровой валюты: законодатель в 2024–2025 годах ввёл режим специализированного реестра для профессиональных субъектов, определил рамки допуска для физических лиц и связал надзор за инфраструктурой с налоговыми органами; однако налоговые последствия для разных категорий участников, порядок учёта затрат на электроэнергию и оборудование, а также разграничение предпринимательской и непредпринимательской деятельности по-прежнему отданы на усмотрение правоприменителя, что порождает неодинаковую квалификацию и затрудняет планирование [6]. Системная задача здесь – выстроить предсказуемый и технологичный слой налогового регулирования, увязанный с отраслевыми реестрами и электронным обменом данными, чтобы для малых участников действовали ясные пороги и упрощённые правила, а для профессионалов – обязательства агента удержания и расширенной отчётности.

Методы

Исследование выполнено в несколько этапов. На первом этапе был проведен формально-юридический анализ действующих и планируемых норм, регулирующих обращение цифровой валюты и цифровых финансовых активов, с опорой на Федеральный закон № 259-ФЗ [2] и связанные с ним налоговые разъяснения, а также на положения Налогового кодекса Российской Федерации, определяющие общие принципы налогообложения, состав доходов и расходов, порядок налогового контроля и ответственности [8; 9]. На втором этапе применялись методы систематизации и выявления коллизий: сопоставлялись используемые в разных актах термины, фиксировались ситуации, в которых один

и тот же экономический результат может давать различные налоговые последствия в зависимости от способа оформления сделки. На третьем этапе осуществлялось моделирование налоговой базы по типовым операциям (приобретение, обмен, реализация, безвозмездная передача, майнинг), с учетом официальных рекомендаций по отражению операций с цифровой валютой в налоговой отчетности [10] и с анализом специальных правил, введенных в 2024 году для целей налогообложения цифровой валюты и майнинга [7]. Заключительный этап включал сравнительно-правовой обзор международных механизмов повышения налоговой прозрачности криптоактивов, прежде всего стандарта OECD Crypto-Asset Reporting Framework [12] и подходов Европейского союза к автоматическому обмену информацией по операциям с криптоактивами в рамках DAC8 [13], что позволило оценить применимость отдельных решений к российской правовой системе без переноса чужих моделей контроля в полном объеме.

Результаты

Первая крупная проблема – дефект классификации и терминологическая неоднородность, что проявляется в неодинаковом подходе к цифровым финансовым активам, цифровой валюте, утилитарным цифровым правам и невзаимозаменяемым токенам, а также к «сложным» конструкциям с доходностью от размещения актива в инфраструктуре децентрализованных сервисов; в результате налоговые нормы вынужденно заимствуют аналогии из правил об ином имуществе, ценных бумагах и результатах интеллектуальной деятельности, хотя экономическая сущность операций отличается от классических оборотов и требует специальных, но при этом простых для исполнения по правилам. Практическое следствие – неоднозначность определения момента получения дохода, когда актив не обменян на деньги, а используется для оплаты товаров, работ или услуг, или переведён в иной актив без очевидной денежной составляющей; без специального указания такие операции квалифицируются по-разному, что, учитывая массовость, приводит к неравномерности фискальной нагрузки и повышенным рискам для добросовестных налогоплательщиков. Решение видится в закреплении в Налоговом кодексе базовых определений и единых правил определения налоговой базы по операциям с цифровой валютой и иными цифровыми правами, включая порядок источников курсовой оценки в рублях, признание комиссий и сборов в составе расходов, а также единый метод учёта стоимости приобретения.

Вторая проблема – отсутствие стандартного метода учёта стоимости и очередности списания цифровой валюты и иных цифровых прав при многочисленных поступлениях и выбытиях, что влечёт произвольность применения методов, разработанных для классических товарно-материальных запасов или ценных бумаг, хотя цифровой актив не образует материального объекта и имеет специфический характер учёта комиссий, сетевых сборов и курсовых колебаний [3]. С практической стороны необходим законодательно установленный по умолчанию метод (например, «первым поступил – первым выбыл»), с возможностью применения идентификации конкретных единиц при наличии надлежащих доказательств, а также признание сетевых комиссий и вознаграждений операторам инфраструктуры в составе расходов по операциям при их фактической уплате; без таких норм правоприменитель обречён на разночтения, а налогоплательщик – на затраты, несоизмеримые суммам операций. На масштабе рынка эта неопределённость материализуется в заметном влиянии на расчёт налоговой базы, что подтверждается данными о значительной доле операций обмена цифровой валюты на цифровую валюту, где денежная оценка формируется только через справочные курсы.

Третья проблема – неполная агентская инфраструктура налогообложения: операторы обмена и операторы информационных систем, хотя и включены в публичные реестры, не наделены в достаточной мере обязанностями налогового агента в ситуациях, когда операция имеет денежную составляющую на территории Российской Федерации и может быть технически идентифицирована; в результате бюджет теряет очевидный канал удержания налога у источника, а добросовестный участник не получает сервис предварительного расчёта и заполнения декларации. На фоне разнонаправленных оценок доли населения, владеющего цифровыми активами (от 3–5% взрослых до 6% и более), и притока объёмов на рынке, именно агентский слой представляется ключом к повышению собираемости без избыточного администрирования, поскольку позволяет сдвинуть тяжесть расчёта налога с миллионов граждан на десятки инфраструктурных организаций, уже обладающих данными об операциях [4].

Четвёртая проблема – отставание специальных норм о налогообложении вознаграждения за поддержку сети (добыча, валидирование, «замораживание монет» с получением дохода), где для физических лиц отсутствуют прозрачные критерии разграничения предприни-

мательской деятельности и «личного использования», а для организаций – унифицированные правила капитализации затрат на оборудование и ввод в эксплуатацию; к этому примыкают вопросы региональных ограничений по энергопотреблению и статуса бытового потребителя, требующие согласования с налоговыми нормами, например, в части подтверждения расходов на электроэнергию и распределения их между видами деятельности [7]. Наличие государственного реестра инфраструктуры добычи и нормативных полномочий налоговых органов по администрированию учёта создаёт основу для целостной системы, но без специальных статей Налогового кодекса указанные вопросы продолжают решаться через общий порядок, что множит коллизии.

Решения должны быть институционально простыми, экономически нейтральными и технологически исполнимыми. Во-первых, требуется закрепить в Налоговом кодексе ядро понятий и общие правила определения налоговой базы по операциям с цифровой валютой и иными цифровыми правами, включая источник курса для рублёвой оценки на момент реализации или оплаты, порядок признания комиссий, а также метод учёта стоимости приобретения по умолчанию; это устранил произвол и позволит автоматизировать расчёты. Во-вторых, следует ввести разумный и понятный режим для физических лиц: налогооблаемый минимум годовой прибыли по операциям с цифровой валютой в пределах умеренного порога, упрощённую декларацию с предзаполнением на основе отчётов операторов, а также право переноса убытков на ограниченный период (например, до трёх лет) – при этом косвенный налог сохраняет нейтралитет в части обменов цифровой валюты. В-третьих, целесообразно возложить на операторов обмена и операторов информационных систем обязанность агента удержания налога в случаях реализации цифровой валюты за деньги на территории Российской Федерации, с одновременным введением отчётности о безденежных обменах для целей контроля и предзаполнения сведений, – такой подход, применённый ограниченно и с разумными исключениями, повысит собираемость без существенной нагрузки на граждан. Наконец, в-четвёртых, важно специально урегулировать доходы от добычи и вознаграждения за поддержку сети: признать их доходами от самостоятельной деятельности у физических лиц с правом выбора упрощённого режима при соблюдении порогов и закрепить для организаций правовой режим капитализации и амортизации оборудования, включая правила распределения энергозатрат.

В качестве нормативного оформления предлагается многоуровневая система, где на первом уровне – Налоговый кодекс как источник базовых понятий и методов расчёта; на втором – подзаконные акты Минфина России и ФНС России, устанавливающие перечень признанных источников курсов и форматы электронных отчётов операторов; на третьем – стандарты саморегулируемых объединений операторов обмена и операторов информационных систем, касающиеся детализированных журналов операций, хронометража, идентификации комиссий и форматов предоставления пользователю предзаполненных налоговых справок, пригодных для автоматической загрузки в личный кабинет. Такая система сочетает устойчивость и гибкость: базовые правила закрепляются на уровне закона, а технологическая специфика и перечни источников курсов оперативно обновляются подзаконно, без постоянной правки кодекса.

Для реализации изложенных подходов представляется целесообразным внести следующие изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации и сопряжённые акты:

В части первой НК РФ (статья 11 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе») и статье 38 «Объекты налогообложения» закрепить базовые определения и сферу действия: «1) Дополнить статью 11 пунктом 3' следующего содержания: «Для целей настоящего Кодекса используются следующие понятия: «цифровая валюта» – совокупность электронных данных (цифрового кода), признаваемая в соответствии с федеральным законом как объект гражданских прав, обращающийся в информационных системах и используемый в качестве средства обмена, не являющегося законным средством платежа; «оператор обмена цифровой валюты» – лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность по обмену цифровой валюты, в том числе на деньги Российской Федерации, иностранную валюту или иную цифровую валюту;

2) Дополнить статью 38 пунктом 12 следующего содержания: «Операции с цифровой валютой и иными цифровыми правами признаются объектом налогообложения в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, при этом определение налоговой базы по таким операциям производится исходя из рублёвой оценки, определяемой по правилам главы 23 и главы 25 настоящего Кодекса».

Данная фиксация ликвидирует расхождения терминов и задаёт единое поле для специальных норм в главах о налоге на доходы и на-

логе на прибыль, одновременно увязывая налоговые понятия с конструкциями федерального закона о цифровых финансовых активах.

В части второй НК РФ (глава 23 «Налог на доходы физических лиц») ввести специальную статью, регулирующую порядок расчёта налоговой базы по операциям с цифровой валютой, включая обмен на товары, работы, услуги и иную цифровую валюту, а также учёт расходов и метод определения стоимости: «Статья 214.15. Особенности определения налоговой базы по операциям с цифровой валютой.

Доходы налогоплательщика – физического лица от реализации цифровой валюты, в том числе при оплате товаров (работ, услуг) цифровой валютой и при обмене цифровой валюты на иную цифровую валюту, определяются как рублёвая оценка полученного имущества (денежных средств) или стоимости оплаченных товаров (работ, услуг) на дату совершения операции за вычетом документально подтверждённых расходов на приобретение реализуемой цифровой валюты и уплаченных комиссий (сборов) операторов.

Рублёвая оценка определяется по курсу, рассчитанному на основе перечня признанных источников, утверждаемого федеральным органом исполнительной власти по разработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере финансов, по состоянию на дату операции.

Убытки по операциям с цифровой валютой уменьшают налоговую базу текущего налогового периода, а при недостаточности – переносятся на последующие периоды в течение одного года.

Не подлежит налогообложению положительная разница совокупного результата операций с цифровой валютой, не превышающая в налоговом периоде 50 000 рублей.

Операторы обмена цифровой валюты представляют в налоговые органы сведения о совершённых физическими лицами операциях по форме и в порядке, установленными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющими функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере.»

Такая норма обеспечит простое и воспроизводимое правило расчёта, позволит предзаполнять декларации и снизит затраты на соблюдение, сохраняя при этом налоговую нейтральность к обменам «цифровая валюта ↔ цифровая валюта» за счёт корректного учёта рублёвой оценки и расходов.

В части деятельности по добыче и вознаграждений за поддержку сети предлагается дополнить главу 23 НК РФ ещё одной нормой: установить, что доходы физических лиц от такой деятельности признаются доходами от самостоятельной деятельности на дату поступления цифровой валюты (или денежных средств при её реализации), с правом применения особого порядка – упрощённого налогообложения по фиксированной ставке при соблюдении годового порога, а также с признанием расходов на электроэнергию и амортизацию оборудования по нормам, установленным для индивидуальных предпринимателей; одновременно в главе 25 закрепить для организаций обязанность капитализации затрат на оборудование и порядок списания на расходы через амортизацию, чтобы устранить неоднозначность квалификации и снизить риски разночтений на проверках. Здесь критически важно увязать налоговые нормы с отраслевыми реестрами и надзором, сформированными в 2024–2025 годах, чтобы данные о статусе субъекта и его инфраструктуре служили объективной базой для применения соответствующего налогового режима.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что российская модель регулирования пока развивается преимущественно через точечные решения, не всегда обеспечивающие связность терминов и процедур. Для сопоставления показательно, что международные подходы в последние годы концентрируются не столько на «специальном налоге на криптовалюту», сколько на создании устойчивой информационной базы для корректного исчисления уже существующих налогов. Так, стандарт OECD Crypto-Asset Reporting Framework формирует единый контур должной осмотрительности и отчетности для поставщиков услуг с криптоактивами, что позволяет налоговым органам получать сопоставимые данные по трансграничным операциям [12]. Европейский союз, развивая Директиву об административном сотрудничестве в сфере налогообложения, закрепил расширение обмена сведениями на криптоактивы через DAC8, прямо связывая отчетность провайдеров с задачей снижения уклонения и повышения прозрачности [13]. Одновременно комплексное регулирование рынка криптоактивов в рамках MiCA делает акцент на требованиях к поставщикам услуг и на унификации правил обращения, что опосредованно облегчает налоговую квалификацию и контроль [14]. Научный вклад настоящей работы состоит в том, что предложенная многоуровневая конструкция адаптирует логику «прозрачность через инфраструктуру» к российским

условиям: она не подменяет материальные нормы контролем, но позволяет выстроить понятные правила оценки и документирования, а также минимизировать разрыв между фактической цифровой операцией и ее отражением в налоговой базе.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что российский законодатель уже создал фундамент посредством специального закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, а также точечными налоговыми нормами в части налога на добавленную стоимость; однако масштаб и сложность оборота, подтвержденные данными о крупнейшей доле европейского рынка и миллионах вовлеченных граждан, требуют следующего шага – принятия компактного, но емкого блока поправок в Налоговый кодекс, фиксирующего понятия, методы оценки, учёт расходов, необлагаемый минимум для граждан и агентскую модель удержания при денежных расчётах, а также специальных правил для доходов от добычи и вознаграждений за поддержку сети. Только такая многоуровневая, но одновременно прозрачная система позволит совместить фискальные интересы государства, законные интересы участников оборота и технологическую природу цифровых активов, что укрепит предсказуемость налоговой среды, снизит издержки и повысит доверие к правопорядку.

Литература

1. Письмо Минфина России от 29.09.2025 № 03–07–11/93982 (о применении НДС при операциях с цифровой валютой). Электронный ресурс. URL: <https://nalogov.gov.net/nalogovoe-zakonodatelstvo-2025/ezhenedelny-obzor-zakonodatelstva-44-2025/> (дата обращения: 22.12.2025).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
3. Олёнова Е.М. Налогообложение операций с цифровой валютой: проблемы учета и оценки налоговой базы // Финансовый журнал. – 2025. – № 2. – С. 85–99.
4. Федеральный закон от 14.07.2022 № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 25.07.2022. – № 29 (ч. III). – Ст. 5291.
5. Chainalysis. The 2025 Geography of Crypto Report (Release). Электронный ресурс. URL: <https://go.chainalysis.com/2025-geography-of-crypto-report.html> (дата обращения: 22.12.2025).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2024 № 1464 «Об утверждении Правил ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и Правил ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010038> (дата обращения: 22.12.2025).
7. Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.12.2024. – № 49 (ч. I). – Ст. 7409.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3824.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.08.2000. – № 32. – Ст. 3340.
10. Письмо ФНС России от 25.12.2024 № СД-4-3/14625@ «О заполнении налоговой декларации по операциям с цифровой валютой» (электронный ресурс). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/ (дата обращения: 22.12.2025).
11. Федеральная налоговая служба. Доходы от цифровой валюты будут облагаться налогом с 1 января 2025 года (информация от 28.12.2024). Официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/ (дата обращения: 22.12.2025).
12. OECD. Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard. – Paris: OECD Publishing, 2022. – 114 p. Электронный ресурс.
13. Council Directive (EU) 2023/2226 of 17 October 2023 amending Directive 2011/16/EU on administrative cooperation in the field of taxation (DAC8) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 259. – P. 1–43. Электронный ресурс.

14. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–205. Электронный ресурс.

15. Власова Ю.Н. Совершенствование налогового контроля операций с цифровой валютой: правовые и организационные аспекты // Финансовое право. – 2024. – № 11. – С. 37–45.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL ASSET TAXATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: GAPS AND CONFLICTS

Kasperov V.A., Grineva A.D., Denikaeva R.N.

North Caucasus Federal University

This article examines the legal regulation of digital asset and digital currency taxation in the Russian Federation amid rapidly growing transaction volumes and the increasing sophistication of financial technologies. The aim of the study is to identify key gaps in current regulations and formulate practical proposals for addressing them. The methodological framework includes an analysis of tax and industry legislation, a comparison of administrative accounting and control procedures, and a comparative legal review of international tax transparency standards for cryptoassets. The results show that the sources of conflicts remain diverse terminology, the lack of uniform rules for valuation and prioritization of value, insufficient information infrastructure for confirming the tax base, and the fragmentation of specific regulations on mining and network rewards. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of a multi-layered tax regulation model that combines the basic concepts of the Tax Code, special calculation rules, and a technology-neutral exchange of information through market operators. The proposed model aims to increase the predictability of tax consequences, reduce compliance costs, and establish transparent control procedures without unjustifiably restricting the circulation of digital assets in Russia.

Keywords: digital currency; digital assets; tax regulation; VAT; personal income tax; mining; tax control

References

1. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated September 29, 2025 No. 03–07–11/93982 (on the application of VAT to transactions with digital currency). Electronic resource. URL: <https://nalogov.net/nalogovoe-zakonodatelstvo-2025/ezhenedelnyi-obzor-zakonodatelstva-44-2025/> (accessed: December 22, 2025).

2. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – August 3, 2020. – No. 31 (Part I). – Art. 5018.

3. Olenova E.M. Taxation of Transactions with Digital Currency: Problems of Accounting and Estimating the Tax Base // Financial Journal. – 2025. – No. 2. – Pp. 85–99.

4. Federal Law of July 14, 2022 No. 324-FZ «On Amendments to Part Two of the Tax Code of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – July 25, 2022. – No. 29 (Part III). – Art. 5291.

5. Chainalysis. The 2025 Geography of Crypto Report (Release). Electronic resource. URL: <https://go.chainalysis.com/2025-geography-of-crypto-report.html> (accessed: December 22, 2025).

6. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 1464 «On Approval of the Rules for Maintaining the Register of Persons Mining Digital Currency and the Rules for Maintaining the Register of Mining Infrastructure Operators.» Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411010038> (accessed: December 22, 2025).

7. Federal Law of November 29, 2024 No. 418-FZ «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – December 2, 2024. – No. 49 (Part I). – Art. 7409.

8. The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on November 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – August 3, 1998. – No. 31. – Art. 3824.

9. The Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on November 28, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – August 7, 2000. – No. 32. – Art. 3340.

10. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated December 25, 2024 No. SD–4–3/14625@ «On Completing the Tax Return on Transactions with Digital Currency» (electronic resource). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/ (accessed: December 22, 2025).

11. Federal Tax Service. Income from digital currency will be taxed from January 1, 2025 (information from December 28, 2024). Official website. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/ (accessed: December 22, 2025).

12. OECD. Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard. – Paris: OECD Publishing, 2022. – 114 p. Electronic resource.

13. Council Directive (EU) 2023/2226 of 17 October 2023 amending Directive 2011/16/EU on administrative cooperation in the field of taxation (DAC8) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 259. – Pp. 1–43. Electronic resource.

14. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (MiCA) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – Pp. 40–205. Electronic resource.

15. Vlasova Yu.N. Improving tax control over transactions with digital currency: legal and organizational aspects // Financial Law. – 2024. – No. 11. – P. 37–45.

Клёсов Артур Андреевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»; заместитель генерального директора по спорту, ООО «АВТОТОР-АРЕНА»; исполнительный директор, РОО «Федерация самбо и дзюдо Калининградской области»

E-mail: arturklyosov@mail.ru

В статье исследуются процессуальные особенности рассмотрения споров в специализированных спортивных судебных инстанциях на примере Спортивного арбитражного суда в Лозанне (CAS). Анализируется трансформация классических процессуальных принципов применительно к специфике спортивных правоотношений, включая модификацию презумпции невиновности через концепцию строгой ответственности в антидопинговых делах. Особое внимание уделяется специфическим стандартам доказывания («достаточная убежденность», «вне разумных сомнений», «баланс вероятностей») и либеральному подходу к допустимости доказательств, позволяющему использовать биологические паспорта спортсменов, результаты ретроспективного тестирования и статистический анализ спортивных результатов. Рассмотрены институциональная структура и правовые основы деятельности CAS, включая двухуровневую систему ординарного и апелляционного арбитража. Проанализированы проблемы российской практики разрешения спортивных споров, включая недостаточную распространенность арбитражных оговорок и ограниченную специализацию арбитров. Выявлено, что спортивный арбитраж представляет собой уникальную правовую систему, балансирующую между защитой прав отдельных спортсменов и обеспечением публичного интереса в сохранении честности спортивных соревнований. Сделан вывод о необходимости развития специализированных институтов спортивного арбитража в России с формированием корпуса квалифицированных арбитров и гармонизацией процессуальных стандартов с международной практикой.

Ключевые слова: спортивный арбитраж, Спортивный арбитражный суд, стандарты доказывания, допустимость доказательств, антидопинговые нарушения.

В современном спортивном праве специализированные судебные инстанции играют ключевую роль в разрешении споров, что подтверждается стремительным ростом их востребованности в мировом спортивном сообществе. По данным Спортивного арбитражного суда в Лозанне (Court of Arbitration for Sport, CAS), в 2024 году на рассмотрение было подано 917 дел, что свидетельствует о стабильно высоком уровне обращений после достижения исторического максимума в 996 дел в 2021 году. При этом наибольшую долю составляют апелляционные процедуры – 642 дела (70% от общего числа), что указывает на активное использование механизмов обжалования решений спортивных организаций. Примечательно, что за последние пять лет (2020–2024 гг.) в CAS было инициировано 4642 дела, что превышает суммарное количество обращений за предыдущие двадцать лет существования суда. Особую актуальность приобретают антидопинговые процедуры, число которых в 2024 году выросло до 41 дела по сравнению с 17 в 2023 году, демонстрируя 141%-ный рост и отражая ужесточение антидопингового контроля на международном уровне. Специфика рассмотрения споров в спортивных судебных инстанциях требует комплексного научного анализа в контексте их возрастающего влияния на глобальную спортивную юстицию [18].

Новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе процессуальных особенностей рассмотрения споров в спортивных арбитражных инстанциях с учетом эволюции подходов к стандартам доказывания и допустимости доказательств. В российской правовой науке вопросы специфики спортивного арбитража остаются недостаточно изученными, хотя практическая значимость данной проблематики постоянно возрастает [1]. Целью исследования является выявление и систематизация особенностей процесса доказывания в спортивных судебных инстанциях, определение специфических характеристик рассмотрения споров, отличающих спортивный арбитраж от традиционных форм судопроизводства.

Материалы исследования включают решения Спортивного арбитражного суда (CAS) за период 2014–2024 годов, регламенты международных спортивных федераций, положения Всемирного антидопингового кодекса, а также нормативные правовые акты Российской Федерации в области физической культуры и спорта. Особое внимание уделено анализу дел, связанных с антидопинговыми нарушениями и манипулированием результатами соревнований, поскольку именно эти категории споров демонстрируют наиболее значительные процессуальные отличия от классических арбитражных производств.

Институциональная структура спортивного арбитража претерпела существенную эволюцию с момента создания CAS в 1984 году. Как отмечается в работах исследователей, первоначально CAS функционировал как внутренний орган Международного олимпийского комитета, что вызывало обоснованные сомнения в его независимости. Реформа 1994 года, результатом которой стало создание Международного совета по спортивному арбитражу (ICAS), была призвана обеспечить организационную автономию суда от спортивных организаций [17]. Согласно статье S27 Статута ICAS, CAS может рассматривать все споры, связанные со спортом напрямую или косвенно, включая коммерческие споры, возникающие из контрактов по спонсорству, отношений между спортсменами и клубами, агентских соглашений, прав на телевизионную трансляцию [19].

Правовую основу деятельности CAS составляет комплекс международных и национальных нормативных актов. Основными правовыми источниками, определяющими правовое положение и работу Спортивного арбитражного суда, являются Олимпийская хартия [5], Кодекс Международного Спортивного Арбитража, Регламент по арбитражу на Олимпийских играх [16]. К общим источникам деятельности CAS также относятся Антидопинговый кодекс ВАДА [4], Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 года [6], регламентирующий ряд процессуальных вопросов, и Конвенция ООН о признании и исполнении арбитражных решений от 10 июня 1958 года [1]. Примечательно, что при рассмотрении конкретных дел CAS активно использует собственную прецедентную практику, что сближает его с судами общего права и способствует формированию единообразной практики разрешения спортивных споров.

Организационная структура CAS предусматривает существование двух основных подразделений: ординарного арбитража и апелляцион-

ного арбитража. Ординарный арбитраж рассматривает споры в качестве первой инстанции, тогда как апелляционный арбитраж занимается пересмотром решений международных федераций и национальных спортивных организаций. По общему правилу решение CAS является окончательным и обязательным для обеих сторон, при этом возможность его обжалования крайне ограничена. Единственным доступным средством правовой защиты выступает обращение в Федеральный суд Швейцарии по основаниям, определённым статьёй 192 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве: несоблюдение процедурных требований, отсутствие необходимой компетенции у CAS или неправомерный отказ в рассмотрении жалобы.

Методами исследования являются формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить подходы различных юрисдикций к разрешению спортивных споров, метод правового моделирования для выявления закономерностей в практике CAS, а также системный анализ для определения взаимосвязей между различными процессуальными институтами спортивного арбитража. Применение указанных методов позволило обеспечить комплексность и объективность проведенного исследования.

Одной из фундаментальных особенностей рассмотрения споров в спортивных судебных инстанциях выступает специфическое применение принципа презумпции невиновности. В классическом понимании данный принцип предполагает, что лицо считается невиновным до момента доказывания его вины в установленном законом порядке. Однако в сфере спорта, особенно применительно к антидопинговым нарушениям, действует концепция так называемой «строгой ответственности», которая существенно модифицирует традиционное понимание бремени доказывания.

Как отмечают И.А. Васильев, Н.Н. Кислякова и С.А. Юрлов, применение строгой ответственности в спортивной сфере вызывает серьезные дискуссии относительно соблюдения фундаментальных правовых принципов. Анализ практики CAS демонстрирует, что спортсмен несет ответственность за наличие запрещенных субстанций в его организме независимо от того, каким образом эти субстанции туда попали и имел ли спортсмен намерение получить несправедливое преимущество. Данный подход обосновывается необходимостью защиты честности спортивных соревнований и практической сложностью доказывания субъективной стороны правонарушения в каждом конкретном случае [1].

Вместе с тем строгая ответственность не означает абсолютного игнорирования обстоятельств дела. CAS в своих решениях неоднократно подчеркивал, что спортсмен имеет право доказывать отсутствие вины или незначительную степень вины для целей снижения санкций. Таким образом, формируется двухуровневая система оценки: на первом уровне устанавливается сам факт нарушения антидопинговых правил (для чего достаточно объективного наличия запрещенной субстанции), на втором уровне исследуются обстоятельства, влияющие на размер санкции. Подобная конструкция представляет собой компромисс между необходимостью эффективной борьбы с допингом и соблюдением прав спортсменов.

Существенной особенностью процесса доказывания в спортивных судебных инстанциях является применение специфических стандартов доказывания, отличающихся от традиционных стандартов гражданского или уголовного процесса. В практике CAS применяются три основных стандарта: «comfortable satisfaction» (достаточная убежденность), «beyond reasonable doubts» (вне разумных сомнений) и «balance of probabilities» (баланс вероятностей) [1].

Стандарт «comfortable satisfaction» занимает промежуточное положение между стандартом «баланса вероятностей», применяемым в гражданском судопроизводстве, и стандартом «вне разумных сомнений», характерным для уголовного процесса. И.А. Васильев, Д. Пан и Н.А. Сидорова отмечают, что данный стандарт требует от арбитров большей степени уверенности в доказанности фактов, чем простое преобладание доказательств, но не настолько высокой, как в уголовном процессе. Практическое применение этого стандарта означает, что арбитры должны быть убеждены в наличии нарушения с учетом серьезности предъявляемых обвинений и потенциальных последствий для спортсмена [8].

Выбор конкретного стандарта доказывания зависит от категории спорта и серьезности предполагаемого нарушения. Для дел, связанных с манипулированием результатами соревнований, CAS традиционно применяет более высокий стандарт доказывания по сравнению с делами о технических нарушениях регламентов. Данный подход обусловлен тем, что обвинения в договорных матчах имеют серьезные репутационные последствия для спортсменов и могут фактически положить конец их профессиональной карьере. Вместе с тем необходимо отметить существующую критику в научной литературе относительно

недостаточной определенности и предсказуемости применения различных стандартов доказывания [15].

Принципиальной особенностью спортивного арбитража выступает либеральный подход к допустимости доказательств, существенно отличающийся от строгих правил, применяемых в государственных судах. CAS руководствуется принципом, согласно которому любые доказательства могут быть приняты к рассмотрению, если они имеют отношение к делу и способны повлиять на его исход. Как следует из практики CAS, доказательства, которые были признаны недопустимыми в национальной юрисдикции, могут использоваться в арбитражном разбирательстве [9].

Особенно показательным в этом отношении является использование доказательств в делах о манипулировании результатами матчей. В таких разбирательствах CAS принимает к рассмотрению широкий спектр доказательств, включая анализ паттернов ставок, статистические аномалии в ходе игры, записи телефонных разговоров и электронных сообщений, свидетельские показания букмекеров. При этом отсутствие прямых доказательств не является основанием для отказа в удовлетворении требований, если совокупность косвенных доказательств позволяет сформировать достаточную убежденность в наличии нарушения.

Вместе с тем либеральность в отношении допустимости доказательств не означает отсутствия каких-либо ограничений. CAS последовательно отклоняет доказательства, полученные с явным нарушением фундаментальных прав человека или путем преступных действий. Более того, в деле ICSID ARB/03/25 Fraport AG Frankfurt Airport Services Worldwide v. The Republic of the Philippines [20] арбитражное решение было отменено по той причине, что стороне не была предоставлена возможность представить доказательства, что было расценено как нарушение принципа равенства сторон и права быть заслушанным в составительном процессе. Данный пример демонстрирует, что процессуальные гарантии сохраняют свое значение даже в условиях либерального подхода к допустимости доказательств.

Специфика спортивных споров обуславливает использование нетипичных для традиционного арбитража доказательств. К таковым относятся биологические паспорта спортсменов, результаты анализа проб, взятых много лет назад и подвергнутых ретроспективному тестированию с использованием новых методов, данные телеметрии и видеонализа спортивных соревнований, экспертные заключения специалистов в области спортивной медицины и биомеханики [13].

Биологический паспорт спортсмена представляет собой инструмент мониторинга избранных биологических переменных во времени, который позволяет выявлять косвенные признаки допинга без непосредственного обнаружения запрещенных субстанций. Использование данных биологических паспортов в качестве доказательной базы знаменует существенный сдвиг в методологии антидопинговой борьбы. CAS признает доказательную силу отклонений в биологическом паспорте даже при отсутствии положительных допинг-проб, что расширяет инструментарий антидопинговых организаций, но одновременно порождает вопросы о достаточности таких доказательств для применения серьезных санкций.

Ретроспективное тестирование проб с использованием новых методов анализа представляет еще один пример нестандартного доказательства. Согласно положениям Всемирного антидопингового кодекса, пробы могут храниться в течение десяти лет и подвергаться повторному анализу при появлении новых методов детектирования запрещенных субстанций. Данная практика вызывает дискуссии относительно принципа правовой определенности и стабильности спортивных результатов. С одной стороны, ретроспективное тестирование обеспечивает справедливость по отношению к «чистым» спортсменам, с другой стороны, оно создает состояние длительной неопределенности для всех участников соревнований.

Существенной особенностью процедуры рассмотрения споров в CAS выступают строгие процессуальные сроки для представления доказательств. Согласно статьям R44.1 и R51 Кодекса спортивного арбитража, список свидетелей и экспертов должен подаваться вместе с первым процессуальным документом. После обмена основными процессуальными документами возможность дополнения этих списков существенно ограничена.

Специфика спортивных споров предопределяет ключевую роль экспертных заключений в процессе доказывания. Особенно это характерно для дел, связанных с антидопинговыми нарушениями, где требуется оценка результатов сложных лабораторных исследований, интерпретация данных биологических паспортов, определение фармакокинетики и фармакодинамики различных субстанций. CAS широко использует заключения независимых экспертов для оценки научной обоснованности выводов антидопинговых лабораторий.

Назначение экспертизы в CAS имеет свои особенности по сравнению с государственными судами. Эксперты могут быть представлены как сторонами (так называемые *party-appointed experts*), так и назначены самим арбитражным составом. Заключение экспертов, представленных сторонами, традиционно оцениваются с учетом возможной предвзятости, хотя формально такие эксперты не являются адвокатами своих клиентов и должны придерживаться объективности. Эксперты, назначенные арбитражным составом, пользуются более высоким доверием, поскольку их независимость презюмируется.

Особого внимания заслуживает российская специфика разрешения спортивных споров, которая существенно отличается от международной практики. В Российской Федерации функции специализированного арбитража для разрешения спортивных споров выполняет Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС). Как справедливо отмечает А.П. Козина, появление возможности разрешения спортивных споров в МКАС стало значительным шагом в упрощении процедуры защиты прав спортсменов в России, обеспечив конфиденциальность разбирательства и снижение размера арбитражного сбора по сравнению с обращением непосредственно в CAS [11].

Правовое регулирование разрешения спортивных споров в России осуществляется на основании Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» от 29.12.2015 N 382-ФЗ [3] и Федерального закона от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2]. В «Правилах арбитража спортивных споров» МКАС закрепляется возможность апелляционного обжалования решений общероссийской антидопинговой организации, спортивных федераций и физкультурно-спортивных организаций. По результатам рассмотрения апелляционного заявления суд имеет следующие полномочия: оставить решение организации без изменения, отменить решение организации полностью или изменить решение организации. Данная конструкция в целом соответствует международным стандартам, однако на практике применяется значительно реже.

Проблематика эффективности российского спортивного арбитража неоднократно поднималась в научной литературе. Критическим фактором выступает отсутствие в учредительных документах многих российских спортивных организаций третейских оговорок, что существенно затрудняет реализацию права на разрешение спора в арбитраже. В результате субъекты спортивных споров вынуждены обращаться либо в государственные суды, которые перегружены количеством судебных дел и не обладают специализированными познаниями в спортивном праве, либо в Спортивный арбитражный суд в Лозанне, процедура обращения в который является дорогостоящей и используется сторонами значительно реже. Круглов В.В. справедливо указывает на перспективность развития спортивной медиации как альтернативного института разрешения конфликтов в российском спорте, что могло бы разгрузить как государственные суды, так и арбитражные учреждения [12].

Специфические проблемы российского спортивного права обострились в контексте решений Международного олимпийского комитета и CAS в отношении российских спортсменов. В частности, часть российской сборной была лишена права участвовать в летних Олимпийских Играх 2016 года в Рио-де-Жанейро, олимпийская сборная была полностью отстранена от летних Паралимпийских Игр 2016 года и от зимних Олимпийских Игр 2018 года в Пхёнчхане. Эти решения продемонстрировали не только уязвимость позиций российских спортсменов в международных арбитражных разбирательствах, но и необходимость создания эффективной национальной системы разрешения спортивных споров, способной обеспечить надлежащую защиту прав российских атлетов на всех уровнях [10].

Для полноценного понимания специфики рассмотрения споров в спортивных судебных инстанциях необходимо учитывать многообразие категорий спортивных споров и их классификацию. Как отмечает К.Г. Магомедтагиров, спортивные споры могут быть классифицированы по характеру их рассмотрения на юрисдикционные (разрешаемые в судебных или арбитражных органах) и неюрисдикционные (урегулируемые путем переговоров, медиации или примирительных процедур) [14]. Данная классификация имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку определяет процессуальный режим разрешения конкретного спора и применимые процедурные правила.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение споров в специализированных спортивных судебных инстанциях представляет собой уникальную правовую систему, характеризующуюся существенными процессуальными особенностями по сравнению с традиционными формами судопроизводства.

Анализ практики Спортивного арбитражного суда в Лозанне демонстрирует трансформацию классических процессуальных принципов применительно к специфике спортивных правоотношений: концепция строгой ответственности модифицирует традиционное понимание презумпции невиновности в антидопинговых делах, специфические стандарты доказывания («достаточная убежденность», «вне разумных сомнений», «баланс вероятностей») обеспечивают гибкость оценки доказательств в зависимости от серьезности предъявляемых обвинений, а либеральный подход к допустимости доказательств позволяет использовать широкий спектр нетипичных для традиционного арбитража источников информации, включая биологические паспорта спортсменов и результаты ретроспективного тестирования. Выявленные особенности свидетельствуют о том, что спортивный арбитраж балансирует между защитой прав отдельных спортсменов и обеспечением публичного интереса в сохранении честности спортивных соревнований. Для Российской Федерации актуальной задачей остается развитие национальной системы специализированного спортивного арбитража с формированием корпуса квалифицированных арбитров, обладающих специализированными познаниями в спортивном праве, внедрением арбитражных оговорок в учредительные документы спортивных организаций и гармонизацией процессуальных стандартов с международной практикой, что позволит обеспечить эффективную защиту прав российских спортсменов на всех уровнях спортивной юстиции.

Литература

1. Конвенция Организации Объединённых Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения: 15.12.2025).
2. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения: 15.12.2025).
3. Федеральный закон от 29.12.2015 N 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс Проф» (дата обращения: 15.12.2025).
4. Всемирный антидопинговый кодекс 2021 [Электронный ресурс] / Всемирное антидопинговое агентство. – Минск: Републиканский учебно-методический центр физического воспитания населения, 2020. – Режим доступа: <https://nada.by/upload/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%92%D0%90%D0%94%D0%90%202022.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Международный олимпийский комитет. Олимпийская хартия (в действии с 26 июня 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Лозанна, 2019. – Режим доступа: <https://noc.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Федеральный закон от 18.12.1987 «О международном частном праве» по состоянию на 01.01.2019 / Федеративная Республика Швейцария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19163> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Васильев, И.А. Особенности использования доказательств и специфики процесса доказывания в Спортивном арбитражном суде (CAS) / И.А. Васильев, Н.Н. Кислякова, С.А. Юрлов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 5, спец. вып. – С. 167–198. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 15.12.2025).
8. Васильев, И. А. «Достаточная убежденность» при разрешении дисциплинарных споров о манипулировании результатами спортивных соревнований / И.А. Васильев, Д. Пан, Н.А. Сидорова [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 45. – С. 20–37.
9. Васильев, И.А. Принцип правовой определенности в практике Спортивного арбитражного суда (CAS) / И.А. Васильев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 11. – С. 7–11.
10. Зайцев, В. А. К вопросу о дискриминации российских спортсменов международными спортивными организациями / В.А. Зайцев, И.М. Алексеев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 3(37). – С. 133–136.
11. Козин, А.П. Актуальные проблемы защиты прав российских спортсменов в судах международной юрисдикции / А.П. Козин, И.С. Токарев, Е.В. Евсеев // Современное право. – 2020. – № 9. – С. 115–119.
12. Круглов, В.В. Перспективы развития спортивной медиации как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации / В.В. Круглов // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1. – С. 95–102.

13. Макарова, Г.А. Биохимический контроль в спорте: основные направления повышения эффективности / Г.А. Макарова, Е.Е. Ачкасов, И.Б. Барановская // Спортивная медицина: наука и практика. – 2017. – Т. 7, № 1. – С. 46–52.

14. Магомедтагиров, К. Г. К вопросу о проблеме легального определения понятия «спортивный спор» в Российском законодательстве / К.Г. Магомедтагиров // Вестник науки. – 2019. – Т. 1, № 6(15). – С. 303–308.

15. Останина, Е.А. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный в ходе спортивного состязания: сравнительно-правовое исследование / Е.А. Останина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 56–60.

16. Регламент разрешения споров, возникающих во время Олимпийских игр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc? TxtID=635> (дата обращения: 15.12.2025).

17. Сарбаев, В.В. Международные спортивные арбитражные суды / В.В. Сарбаев // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12, № 2А. – С. 444–450.

18. CAS statistics 2024 [Electronic resource] // Court of Arbitration for Sport: official website. – Lausanne, 2024. – URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_statistics_2024.pdf (accessed: 15.12.2025).

19. Court of Arbitration for Sport (CAS). Code of Sports-related Arbitration: Valid from 01.02.23 [Electronic resource]. – Lausanne, 2023. – URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Code_2023_EN_.pdf (accessed: 15.12.2025).

20. Fraport AG Frankfurt Airport Services Worldwide v. The Republic of the Philippines. ICSID Case No. ARB/03/25 [Electronic resource] // ITA Law. – URL: <https://www.italaw.com/cases/456> (accessed: 15.12.2025).

21. Scherer, M. Calling a witness (too) late in the proceedings / M. Scherer // Kluwer Arbitration Blog. – 2011. – September 15. – URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2011/09/15/calling-a-witness-too-late-in-the-proceedings> (accessed: 15.12.2025).

THE SPECIFICS OF ADJUDICATING DISPUTES IN SPORTS JUDICIAL BODIES

Klyosov A.A.

Immanuel Kant Baltic Federal University, AVTOTOR-ARENA LLC

This article examines the procedural specifics of adjudicating disputes in specialized sports judicial bodies, using the Court of Arbitration for Sport (CAS) in Lausanne as an example. It analyzes the transformation of classical procedural principles as applied to the particularities of sports legal relations, including the modification of the presumption of innocence through the concept of strict liability in antidoping cases. Special attention is paid to specific standards of proof (“comfortable satisfaction”, “beyond a reasonable doubt”, “balance of probabilities”) and to a liberal approach to the admissibility of evidence that allows the use of athletes’ biological passports, results of retrospective testing, and statistical analysis of sporting outcomes. The institutional structure and legal foundations of CAS are considered, including the twotier system of firstinstance and appellate arbitration. Problems of Russian practice in resolving sports disputes are analyzed, including the insufficient prevalence of arbitration clauses and the limited specialization of arbitrators. It is shown that sports arbitration constitutes a unique legal system balancing the protection of individual athletes’ rights with the public interest in preserving the integrity of sporting competitions. The article concludes that there is a need to develop specialized sports arbitration institutions in Russia by forming a corps of qualified arbitrators and harmonizing procedural standards with international practice.

Keywords: sports arbitration, Court of Arbitration for Sport, standards of proof, admissibility of evidence, antidoping violations.

References

1. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958) [Electronic resource]. – Access: SPS “ConsultantPlus Prof” (accessed: 15.12.2025).

2. Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 (as amended on 28.11.2025) “On Physical Culture and Sport in the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access: SPS “ConsultantPlus Prof” (accessed: 15.12.2025).

3. Federal Law No. 382-FZ of 29.12.2015 (as amended on 08.08.2024) “On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access: SPS “ConsultantPlus Prof” (accessed: 15.12.2025).

4. World Anti-Doping Code 2021 [Electronic resource] / World Anti-Doping Agency. – Minsk: Republican Educational and Methodological Center for Physical Education of the Population, 2020. – Access: <https://nada.by/upload/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%92%D0%90%D0%94%D0%90%202022.pdf> (accessed: 15.12.2025).

5. International Olympic Committee. Olympic Charter (in force from 26 June 2019) [Electronic resource]. – Lausanne, 2019. – Access: <https://noc.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (accessed: 15.12.2025).

6. Federal Act of 18.12.1987 “On Private International Law”: as of 01.01.2019 / Swiss Confederation [Electronic resource]. – Access: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19163> (accessed: 15.12.2025).

7. Vasiliev, I. A., Kislyakova, N. N., Yurlov, S.A. Features of the Use of Evidence and Specifics of the Burden of Proof in the Court of Arbitration for Sport (CAS) / I.A. Vasiliev, N.N. Kislyakova, S.A. Yurlov // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. – 2019. – No. 5, special issue. – P. 167–198. – Access: SPS “Garant” (accessed: 15.12.2025).

8. Vasiliev, I. A. “Comfortable Satisfaction” in the Resolution of Disciplinary Disputes on Manipulation of Sporting Results / I.A. Vasiliev, D. Pan, N.A. Sidorova [and others] // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2022. – No. 45. – P. 20–37.

9. Vasiliev, I.A. The Principle of Legal Certainty in the Practice of the Court of Arbitration for Sport (CAS) / I.A. Vasiliev // Arbitration and Civil Procedure. – 2023. – No. 11. – P. 7–11.

10. Zaitsev, V. A., Alekseev, I.M. On the Issue of Discrimination of Russian Athletes by International Sports Organizations / V.A. Zaitsev, I.M. Alekseev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3(37). – P. 133–136.

11. Kozin, A. P., Tokarev, I. S., Evseev, E.V. Current Problems of Protecting the Rights of Russian Athletes in Courts of International Jurisdiction / A.P. Kozin, I.S. Tokarev, E.V. Evseev // Modern Law. – 2020. – No. 9. – P. 115–119.

12. Kruglov, V.V. Prospects for the Development of Sports Mediation as an Institution for Resolving Conflicts (Disputes) in the Russian Federation / V.V. Kruglov // Actual Problems of Russian Law. – 2018. – No. 1. – P. 95–102.

13. Makarova, G. A., Achkasov, E. E., Baranovskaya, I.B. Biochemical Monitoring in Sport: Main Directions for Improving Effectiveness / G.A. Makarova, E.E. Achkasov, I.B. Baranovskaya // Sports Medicine: Science and Practice. – 2017. – Vol. 7, No. 1. – P. 46–52.

14. Magomedtagirov, K.G. On the Problem of the Legal Definition of the Term “Sporting Dispute” in Russian Legislation / K.G. Magomedtagirov // Bulletin of Science. – 2019. – Vol. 1, No. 6(15). – P. 303–308.

15. Ostanina, E.A. Peculiarities of Tort Liability for Harm Caused During a Sporting Competition: A Comparative-Legal Study / E.A. Ostanina // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2023. – No. 6. – P. 56–60.

16. Regulations for the Resolution of Disputes Arising During the Olympic Games [Electronic resource]. – Access: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc? TxtID=635> (accessed: 15.12.2025).

17. Sarbaev, V.V. International Sports Arbitral Courts / V.V. Sarbaev // Issues of Russian and International Law. – 2022. – Vol. 12, No. 2А. – P. 444–450.

18. CAS statistics 2024 [Electronic resource] // Court of Arbitration for Sport: official website. – Lausanne, 2024. – URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_statistics_2024.pdf (accessed: 15.12.2025).

19. Court of Arbitration for Sport (CAS). Code of Sports-related Arbitration: Valid from 01.02.23 [Electronic resource]. – Lausanne, 2023. – URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Code_2023_EN_.pdf (accessed: 15.12.2025).

20. Fraport AG Frankfurt Airport Services Worldwide v. The Republic of the Philippines. ICSID Case No. ARB/03/25 [Electronic resource] // ITA Law. – URL: <https://www.italaw.com/cases/456> (accessed: 15.12.2025).

21. Scherer, M. Calling a Witness (Too) Late in the Proceedings / M. Scherer // Kluwer Arbitration Blog. – 2011. – September 15. – URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2011/09/15/calling-a-witness-too-late-in-the-proceedings> (accessed: 15.12.2025).

Правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития

Коносов Дионис Канарисович,

аспирант АНО ВО «Московский гуманитарный университет»

E-mail: konosov.dionis@yandex.ru

Предметом исследования являются правовые нормы, регулирующие осуществление таможенного контроля в Российской Федерации в условиях функционирования Евразийского экономического союза. Целью работы выступает анализ современного состояния правового регулирования таможенного контроля и выявление направлений его совершенствования. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). В результате исследования выявлены проблемы правоприменительной практики, связанные с недостаточной унификацией понятийного аппарата таможенного права, несогласованностью норм таможенного и налогового законодательства, а также потребностью в дальнейшей цифровизации таможенного контроля. Область применения результатов охватывает законотворческую деятельность и практику таможенных органов. Научная новизна заключается в комплексном подходе к анализу правовых основ таможенного контроля с учетом современных интеграционных процессов. Сформулированы выводы о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы в сфере таможенного контроля.

Ключевые слова: таможенный контроль, правовое регулирование, таможенное право, таможенные органы, Евразийский экономический союз, таможенное администрирование, таможенное законодательство, внешнеэкономическая деятельность.

Введение

На современном этапе развития международных экономических отношений особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования таможенной деятельности. Федеральная таможенная служба Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в области таможенного дела¹. От качества правового регулирования таможенного контроля напрямую зависит эффективность защиты экономических интересов государства и обеспечение национальной безопасности.

Таможенный контроль представляет собой многоаспектный административно-правовой институт, в котором переплетаются черты разрешительных механизмов и государственного надзора. Историческое становление этого института в российском правовом пространстве характеризуется последовательной сменой парадигм: от зарождения таможенного регулирования в имперский период через централизованную систему монопольного управления внешнеторговыми операциями в советскую эпоху к нынешней модели, стремящейся гармонизировать задачи стимулирования трансграничного товарообмена и охраны государственных интересов.

Действующая архитектура таможенного контроля складывалась под воздействием глобализационных тенденций в мировом хозяйстве и углубления интеграционного взаимодействия между постсоветскими государствами. Учреждение Таможенного союза и его последующая трансформация в Евразийский экономический союз обусловили коренной пересмотр принципов нормативного обеспечения таможенного контроля. Вынесение контрольных процедур на периметр интеграционного образования, установление общего таможенного пространства и гармонизация профильного законодательства стран-участниц сформировали качественно иную юридическую реальность для деятельности таможенных структур.

Актуальность рассматриваемой тематики определяется и растущим значением таможенных ведомств в системе защиты экономического суверенитета страны. Таможенный контроль служит действенным механизмом предотвращения контрабандного перемещения товаров, пресечения попыток избежать уплаты обязательных сборов, выявления нарушений в сфере валютных операций. Уровень проработанности правовых норм в этой области непосредственно определяет потенциал государства своевременно отвечать на возникающие риски во внешнеэкономическом секторе.

В последние годы Российская Федерация оказалась перед лицом масштабного санкционного давления со стороны ряда западных стран. При таких обстоятельствах ясность нормативных предписаний и детальная регламентация таможенного законодательства становятся ключевым условием для выстраивания продуктивного диалога между контролирующими органами и субъектами внешнеэкономических отношений².

Принципами деятельности таможенных органов являются законность, единообразие правоприменительной практики при проведении таможенного контроля и совершении таможенных операций, ясность и предсказуемость требований таможенных органов³. Данные принципы подчеркивают, что нормы права составляют существо как таможенных органов, так и их деятельности.

Основная часть

Понятие и сущность таможенного контроля

Таможенный контроль является базовым понятием в области таможенного дела и ключевым полномочием таможенных органов. В со-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.2021 № 636 «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе» // СЗ РФ. 2021. № 18. Ст. 3146.

² Бетилгириев М. А., Филимонова Е. А., Чекареева Г. И. Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1. С. 69.

³ Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Ст. 254 // СЗ РФ. 2018. № 32. Ст. 5082.

ответствии с действующим законодательством таможенный контроль определяется как совокупность действий таможенных органов, направленных на проверку и обеспечение соблюдения международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства о таможенном регулировании¹.

Как справедливо отмечают исследователи, таможенный контроль представляет собой совокупность действий, направленных на проверку или обеспечение соблюдения законодательства в сфере таможенного регулирования². При этом содержанием таможенного контроля выступают две разновидности действий: направленные на проверку соблюдения законодательства (собственно контроль) и направленные на обеспечение соблюдения законодательства (надзор)³.

Таможенные правоотношения включают в себя три основные группы отношений: властные отношения между таможенными органами и лицами, реализующими право собственности на товары; отношения, связанные с реализацией права собственности на перемещаемые товары; отношения, связанные с регулированием таможенного дела⁴.

Необходимо подчеркнуть, что таможенный контроль как юридический институт реализует комплекс ключевых задач в механизме публичного администрирования. Фискальное предназначение данного института состоит в обеспечении притока в государственную казну пошлин, налоговых отчислений и сборов, формирующих существенный сегмент бюджетных поступлений. Регулятивное назначение ориентировано на практическое воплощение тарифных и нетарифных инструментов воздействия на внешнеторговые операции. Правоохранительный аспект выражается в обнаружении и предотвращении противоправных деяний в сфере таможенных отношений, охватывающих нелегальный ввоз товаров и уход от обязательных платежей. Охранительное назначение сопряжено с контролем за соблюдением установленных ограничительных мер при трансграничном перемещении товарной продукции.

В качестве объектов таможенного контроля выступают товарные грузы и транспорт международного сообщения, пересекающие границу Евразийского экономического союза, сопроводительная документация, информационные массивы о перемещаемой продукции, а также действия субъектов, сопряженные с трансграничным товародвижением и эксплуатацией товаров согласно установленным таможенным режимам. Круг лиц, подпадающих под контрольные мероприятия, охватывает декларантов, таможенных посредников, транспортных операторов, держателей складских комплексов временного содержания, таможенных хранилищ, точек беспошлинной реализации, аккредитованных экономических операторов и прочих участников.

Базовые начала осуществления таможенного контроля охватывают принцип правомерности, обязывающий проводить контрольные процедуры строго в рамках нормативно закреплённого порядка; принцип избирательности, подразумевающий задействование риск-ориентированного подхода при определении направлений и способов проверки; принцип соразмерности, требующий ограничиваться теми контрольными мерами, которые объективно востребованы для обеспечения правопорядка; принцип межведомственной кооперации, закрепляющий согласованность работы таможенных структур с иными органами публичной власти.

Риск-ориентированная модель управления составляет ядро актуальной доктрины таможенного контроля. Функционирование этой модели базируется на использовании цифровых аналитических инструментов для идентификации товарных поставок и хозяйствующих субъектов, демонстрирующих повышенную склонность к нарушению установленных правил. Рисковые профили конструируются посредством обработки сведений о ранее зафиксированных правонарушениях, статистических показателей торгового оборота, информации, поступающей от смежных ведомств и таможенных администраций зарубежных стран.

Правовые основы таможенного контроля

Правовое регулирование в области таможенного дела осуществляется на нескольких уровнях: международном, наднациональном и национальном. Согласно статье 4 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации», отношения в области та-

моженного дела регулируются международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, Договором о Евразийском экономическом союзе и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании⁵.

Таможенное регулирование в Евразийском экономическом союзе является одним из основополагающих принципов функционирования интеграционного объединения⁶. Таможенные правоотношения в рамках ЕАЭС регулируются Таможенным кодексом ЕАЭС и национальным законодательством государств-членов⁷.

Важно подчеркнуть, что таможенное право является продуктом урегулированных нормами таможенных правоотношений. Под таможенным правом понимается совокупность источников права (международных договоров и актов, национальных нормативных правовых актов и др.), регулирующих таможенные правоотношения⁸.

Международная плоскость нормативного обеспечения формируется главным образом Международной конвенцией об упрощении и гармонизации таможенных процедур, известной как Киотская конвенция, ратифицированной Россией в 2010 году. Этот международный акт закрепляет эталонные требования и практические рекомендации относительно таможенного оформления и контрольных процедур, нацеленные на оптимизацию прохождения таможенных формальностей, сокращение временных издержек при трансграничном товародвижении и стимулирование международного торгового обмена без ущерба для результативности контрольной деятельности.

Существенную роль в системе источников таможенного права играют договорённости в рамках Всемирной торговой организации, в том числе Соглашение о применении статьи VII ГАТТ, касающееся методологии таможенной оценки, Соглашение о критериях установления происхождения товарной продукции, а также Соглашение о содействии торговле. С момента присоединения России к ВТО в 2012 году указанные документы инкорпорируются в ответственную правовую систему и непосредственно воздействуют на механизмы таможенного контроля.

Наднациональная ступень регулирования воплощена в правовом массиве Евразийского экономического союза. Таможенный кодекс ЕАЭС выступает ключевым нормативным документом, определяющим процедуру реализации таможенного контроля в границах союзной таможенной территории. Кодекс фиксирует разновидности контрольных мероприятий, алгоритм их проведения, правомочия и обязательства контролирующих структур и подконтрольных субъектов, специфику осуществления проверочных действий применительно к отдельным товарным группам и категориям лиц.

Наряду с Таможенным кодексом ЕАЭС наднациональная регламентация реализуется посредством актов Евразийской экономической комиссии. Комиссия функционирует как постоянный регуляторный орган интеграционного объединения и издаёт обязательные и рекомендательные акты по обширному спектру вопросов таможенной сферы, включая правила составления товарных деклараций, порядок использования таможенных режимов, методику исчисления таможенной стоимости, присвоение товарам кодов согласно единому классификатору внешнеэкономической деятельности.

Национальный уровень правового обеспечения таможенного контроля в Российской Федерации образован Федеральным законом о таможенном регулировании, а также подзаконными актами Правительства, Министерства финансов и Федеральной таможенной службы. Внутригосударственное законодательство конкретизирует предписания наднациональных источников, определяет специфику регламентации вопросов, отнесённых к ведению стран-участниц ЕАЭС, и упорядочивает организационные стороны функционирования таможенных ведомств.

Проблемы правового регулирования таможенного контроля

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить ряд проблемных аспектов в сфере правового регулирования таможенного контроля. Прежде всего, отмечается недостаточная унификация понятийного аппарата таможенного права. Как указывают исследователи, до настоящего времени наиболее активно разработкой понятий таможенного права занимаются представители экономической, а не юридической науки,

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017). Ст. 2.

² Абдуллин И. Р., Аминов И. Р. Правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11–3. С. 6.

³ Штиперов А. А., Альбов А. П., Арутюнян Г. В., Бурыгин А. А. Понятия таможенного права: проблемы толкования // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 8.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ. Ст. 4.

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. Ст. 32.

⁷ Петрушко Е. Н. Концептуальные основы правовой работы таможенных органов Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 5. С. 3.

⁸ Штиперов А. А. и др. Указ. соч. С. 23.

что приводит к появлению определений, не соответствующих и даже противоречащих нормативно закреплённым¹.

Особую проблему представляет несогласованность норм таможенного и налогового законодательства. В современных условиях особое внимание таможенных органов уделяется вопросам постконтроля в рамках камеральных проверок, что обуславливает потребность приведения в соответствие норм таможенного и налогового законодательства².

Требуется доработки нормативно-правовая база, связанная с использованием отдельных таможенных процедур. В частности, выявлена необходимость совершенствования правового регулирования использования таможенной процедуры «временный ввоз (допуск)» для физических лиц, имеющих двойное гражданство³.

Организация правовой работы в таможенных органах

Правовое обеспечение деятельности единой системы таможенных органов представляет собой не только законодательное обеспечение порядка юридического регулирования, но и механизм создания нормативно-правовых основ, а также обеспечение индивидуализации прав и обязанностей её участников⁴.

Правовое управление Федеральной таможенной службы осуществляет правовое сопровождение деятельности всей таможенной системы, реализацию работы в части единообразия правоприменительной практики, координацию деятельности структурных подразделений, защиту интересов таможенных органов в судах⁵.

Статистические данные свидетельствуют о значительном объеме правовой работы таможенных органов. В 2022 году было рассмотрено 157 проектов федеральных законов, 720 проектов актов, поступивших для согласования. Доля таможенных решений, отмененных в судебном и досудебном порядке, составила 0,20% при установленном показателе не более 0,25%⁶.

Направления совершенствования правового регулирования

Совершенствование правового регулирования таможенного контроля должно осуществляться по нескольким направлениям. Во-первых, необходима дальнейшая унификация понятийного аппарата таможенного права с учетом интеграции подходов законодателя и представителей юридической науки⁷.

Во-вторых, целесообразно продолжить работу Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы по созданию единого банка данных, подтверждающего совершение участниками внешнеэкономической деятельности экспортно-импортных операций⁸.

В-третьих, необходима проработка вопроса эффективного взаимодействия таможенных органов с органами по стандартизации и сертификации при предварительном таможенном декларировании⁹.

Наконец, целесообразно продолжить формирование цифрового пространства ЕАЭС, цифровых инфраструктур и внедрение передовых информационных технологий. Государственное регулирование в сфере таможенного дела развивается в двух направлениях: применение информационно-технического обеспечения и совершенствование нормативной базы¹⁰.

Заключение

Осуществлённое исследование даёт основания для формулирования ряда итоговых положений. Нормативное обеспечение таможенного контроля в Российской Федерации выстроено по принципу многоярусной архитектуры правовых источников, объединяющей международные соглашения, правовые акты Евразийского экономического союза и внутригосударственную законодательную базу.

Обнаруженные затруднения в сфере применения действующих норм указывают на востребованность последовательной модернизации нормативно-правового фундамента. Приоритетными векторами подобной модернизации выступают: приведение к единообразию терминологического инструментария таможенного права, согласование таможенных и налоговых нормативных предписаний, укрепление правовых механизмов координации между ведомствами, внедрение цифровых технологий в контрольные процедуры.

Воплощение обозначенных направлений будет способствовать повышению результативности таможенного контроля, укреплению экономического суверенитета государства и формированию комфортной среды для участников внешнеторговых отношений.

Литература

1. Абдуллин, И.Р. Правовое регулирование таможенного контроля в Российской Федерации / И.Р. Абдуллин, И.Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11–3. – С. 6–9.
2. Бетилгириев, М.А. Правовые основы регулирования в сфере таможенной деятельности / М.А. Бетилгириев, Е.А. Филимонова, Г.И. Чекареева // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – № 1. – С. 69–78.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29.05.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 8. – Ст. 1107.
4. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32. – Ст. 5082.
5. Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе: Постановление Правительства Российской Федерации от 23.04.2021 № 636 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 18. – Ст. 3146.
6. Петрушко, Е.Н. Концептуальные основы правовой работы таможенных органов Российской Федерации / Е.Н. Петрушко // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 5. – URL: <https://esj.today/PD-F/39ECVN523.pdf> (дата обращения: 21.12.2024).
7. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 22. – Ст. 3572.
8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.12.2024).
9. Управление в таможенных органах Российской Федерации: учебное пособие / Е.Н. Петрушко, О.А. Москаленко, В.В. Шкилёв [и др.]. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. – 172 с.
10. Штиперов, А.А. Понятия таможенного права: проблемы толкования / А.А. Штиперов, А.П. Альбов, Г.В. Арутюнян, А.А. Бурыйгин // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 6. – С. 1–42.

LEGAL REGULATION OF CUSTOMS CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Konosov D.K.

Moscow University for the Humanities

The subject of the study is the legal norms regulating the implementation of customs control in the Russian Federation within the framework of the Eurasian Economic Union. The purpose of the work is to analyze the current state of legal regulation of customs control and identify areas for its improvement. The methodological basis of the study consists of general scientific methods (analysis, synthesis, systematic approach) and special legal methods (formal-legal, comparative-legal). The study identified problems of law enforcement practice related to insufficient unification of the conceptual apparatus of customs law, inconsistency of customs and tax legislation, as well as the need for further digitalization of customs control. The scope of application of the results covers legislative activities and the practice of customs authorities. The scientific novelty lies in an integrated approach to the analysis of the legal foundations of customs control, taking into account modern integration processes. Conclusions are formulated about the need to improve the regulatory framework in the field of customs control.

Keywords: customs control, legal regulation, customs law, customs authorities, Eurasian Economic Union, customs administration, customs legislation, foreign economic activity.

References

1. Abdullin, I.R. Legal regulation of customs control in the Russian Federation / I.R. Abdullin, I.R. Aminov // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2022. – No. 11–3. – P. 6–9.
2. Betilgiriev, M.A. Legal basis for regulation in the sphere of customs activities / M.A. Betilgiriev, E.A. Filimonova, G.I. Chekmareva // Legal order and legal values. – 2023. – No. 1. – P. 69–78.
3. Treaty on the Eurasian Economic Union: signed in Astana on May 29, 2014 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 8. – Art. 1107.
4. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2018. – No. 32. – Article 5082.

¹ Там же. С. 2.

² Бетилгириев М. А. и др. Указ. соч. С. 77.

³ Там же.

⁴ Петрушко Е.Н. Указ. соч. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Штиперов А. А. и др. Указ. соч. С. 35.

⁸ Бетилгириев М. А. и др. Указ. соч. С. 77.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Петрушко Е.Н. Указ. соч. С. 11.

5. On approval of the Regulation on the Federal Customs Service: Resolution of the Government of the Russian Federation of 23.04.2021 No. 636 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 18. – Article 3146.

6. Petruschko, E.N. Conceptual foundations of the legal work of customs authorities of the Russian Federation / E.N. Petruschko // Bulletin of Eurasian Science. – 2023. – Vol. 15. – No. 5. – URL: <https://esj.today/PDF/39ECVN523.pdf> (date of access: 21.12.2024).

7. Strategy for the Development of the Customs Service of the Russian Federation until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of 23.05.2020 No. 1388-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 22. – Art. 3572.

8. Customs Code of the Eurasian Economic Union: Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union dated 11.04.2017 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 21.12.2024).

9. Management in the customs authorities of the Russian Federation: a textbook / E.N. Petrushko, O.A. Moskalenko, V.V. Shkilev [et al.]. – Belgorod: OOO "Epicenter", 2024. – 172 p.

10. Shtipperov, A.A. Concepts of customs law: problems of interpretation / A.A. Shtipperov, A.P. Albov, G.V. Arutyunyan, A.A. Burygin // Administrative and municipal law. – 2024. – No. 6. – P. 1–42.

Развитие трудовых навыков осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, как элемент успешной социальной адаптации после освобождения

Курносова Галина Сергеевна,

преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными, майор
внутренней службы, ВИПЭ ФСИН России
E-mail: vladimirova.2901@mail.ru

В сфере организации и функционирования пробации в Российской Федерации значимость приобретают вопросы социальной адаптации, социальной реабилитации и ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Важным аспектом исправления осужденных и подготовки их к освобождению является развитие трудовых навыков, которые способствуют реинтеграции осужденных в общество и снижению риска рецидива. Для успешной трудовой адаптации, по средствам обучения, осужденным предоставляется возможность получения востребованных на рынке труда профессиональных и специальных навыков. Образовательные учреждения, осуществляющие свою деятельность в исправительных учреждениях, реализуют обучение по различным программам и способствуют закреплению навыков и профессиональному развитию осужденных. Взаимодействие администрации исправительного учреждения и будущих работодателей, выходят на первый план для реализации целей пробации в направлении трудоустройства осужденных и поддержанию социально-полезных связей. Стратегия трудовой адаптации также применяется в исправительных учреждениях зарубежных стран.

Ключевые слова: осужденные, трудовые навыки, профессиональные навыки, трудовая адаптация, социальная реабилитация, пенитенциарная пробация, исправление

Трудовые навыки объединяют в себе умения и знания, приобретаемые и закрепляемые человеком на практике за определенный период времени, позволяющие эффективно выполнять конкретную работу. Они могут быть как специальными – связанными с определенной профессией или специальностью, так и универсальными – которые могут быть применимы в любом направлении деятельности человека: умение коммуницировать, адаптивность к изменениям, многозадачность, самоорганизация, управление временем и др. Любой навык может быть сформирован путем обучения и практики: начиная с изучения теории, выполнения отдельных операций, многократного повторения, интеграции с другими навыками и заканчивая анализом и оценкой эффективности в реальных ситуациях, независимо от места нахождения обучающего, в том числе и в местах лишения свободы.

Перед исправительными учреждениями уголовно-исполнительной системы стоит большое количество задач. Значимыми, по нашему мнению, являются:

- изоляция осужденных от общества, при назначении им наказания в виде лишения свободы (ст. 56 Уголовного кодекса РФ) [1];
- возвращение осужденного в общество через реализацию направлений пенитенциарной пробации: исправление осужденных, социальную реабилитацию и подготовку к освобождению. [2]

Вступивший в законную силу ФЗ «О пробации в Российской Федерации», на первый план выносит вопросы востребованности профессиональных навыков, трудоустройства, получения образования. [3]

Таким образом, труд и образование лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, выступают не только инструментами исправления, но и основой для социальной адаптации осужденных после освобождения и снижения риска совершения повторных преступлений.

Глава 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) регламентирует труд, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных к лишению свободы. Так в ст. 103 УИК РФ закреплена обязанность осужденных трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией учреждения. В свою очередь «администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест». [4]

Место трудоустройства зависит от решения сотрудников администрации, а не желания осужденного, что в некой степени порождает проблемы для обеих сторон. Производственная направленность исправительного учреждения может не соответствовать гражданской специальности, что может повлечь за собой потерю навыков, снижение мотивации к трудовой деятельности осужденного. К такому же результату может привести и нехватка рабочих мест, что ухудшает положение лиц, отбывающих наказание и имеющих, в том числе иски о возмещении ущерба.

Низкий уровень профессиональной подготовки осужденного или отсутствие таковой затрудняет процесс трудоустройства и требует получения, необходимого для производственного процесса данного учреждения, образования.

Вопреки обозначенным нами проблемам (которые остаются актуальными), по информации на 1 декабря 2025 года более 91% осужденных в России трудоустроены. Из доклада директора ФСИН Гостева А. А.: «Несмотря на сокращение численности спецконтингента, принимаем дополнительные меры по активизации трудоустройства осужденных. Сейчас это 91,5–91,6%». [5]

Высокий показатель может зависеть, в том числе, от развития системы исправительных центров, где осужденные к принудительным работам имеют возможность трудиться за пределами учреждения, на предприятиях и в организациях региона, с которыми заключены договоры.

Для решения проблемных вопросов, а также успешной трудовой адаптации в исправительном учреждении, в рамках реализации Федерального закона № -273 «Об образовании в РФ», а именно статьи 80 «Организация предоставления образования лицам, осужденным к лишению свободы, к принудительным работам, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей», осужденным предоставля-

ется возможность получения востребованных на рынке труда навыков. [6] Совмещая профессиональное обучение и трудовую деятельность, осужденные не только сохраняют и повышают квалификацию, но и увеличивают шансы для реализации себя в других направлениях (профессиях) после освобождения. В рамках программы участники проходят обучение профессиям, как востребованным в самом исправительном учреждении, так и актуальным на рынке труда после освобождения: сварщик, электромонтер или швейное дело. Несомненно, наличие письменного подтверждения о полученных знаниях: диплома о среднем профессиональном образовании, свидетельства о профессии, а также практические навыки значительно повышают шанс на трудоустройство на свободу.

Согласно статистическим данным ФСИН России в исправительных учреждениях имеются 442 консультативных пункта, 254 профессиональных образовательных учреждений и 179 их филиалов [7], где осужденные имеют возможность реализовать свое право на образование и обучение, успешно адаптироваться к условиям учреждения и подготовиться к освобождению.

В исправительных учреждениях Вологодской области функционируют 6 образовательных учреждений, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии и свидетельства о государственной аккредитации, что позволяет выдавать осужденным документы установленного образца.

В период нахождения осужденного в карантинном отделении, сотрудники заинтересованных служб проводят мониторинг: наличие специальности, профессии, документов, подтверждающих образование, опыт трудовой деятельности, интересы и увлечения. В результате выявляются лица, которым требуется получение среднего профессионального образования или профессиональное обучение.

Взаимодействие образовательной организации и центра трудовой адаптации осужденных (далее ЦТАО) исправительного учреждения оказывают существенное влияние на формирование трудовых навыков обучающихся, повышение культурного уровня, их профессиональное становление, что поможет социализироваться в обществе.

Образовательная организация проводит теоретическое обучение осужденных, не имеющих профессии, учитывая потребности производственного сектора учреждения. ЦТАО, в свою очередь, обеспечивает оптимальные условия для проведения производственной практики, создает, при необходимости, дополнительные рабочие места.

Обучение проводится, востребованным на рынке труда, профессиям: парикмахер, мастер слесарных работ, сварщик, бетонщик, станочник, швея, кухонный рабочий, что значимо для самого осужденного.

Согласно данным УФСИН России по Вологодской области, по состоянию на 01 января 2024 года дипломы и свидетельство об образовании получили 824 осужденных. [8]

В исправительных учреждениях Вологодской области реализуется мероприятие «Ярмарка вакансий». Представители различных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории г. Вологды и Вологодского района, рассказывают об условиях работы, уровне заработной платы, социальных гарантиях и требованиях к соискателям. Данное мероприятие позволяет осужденным формировать навыки собеседования и поиска работы. Работодатель имеет возможность оценить предполагаемого кандидата, его заинтересованность, профессиональные компетенции, личностные качества. А осужденные имеют возможность пообщаться с будущими работодателями, презентовать себя, выбрать подходящую профессию, спланировать свое будущее и снизить риск рецидива после выхода на свободу.

Трудовая деятельность, получение образования в период отбывания наказания являются важными аспектами для исправления осужденного и дальнейшей социальной адаптации после освобождения. В процессе приобретаются не только трудовые навыки, но и не менее важные, профессиональные умения: работа в команде, дисциплинированность, ответственность, эффективное управление временем и ресурсами и другие.

Положительным аспектом процесса обучения, по мнению Строева Г.В., можно считать: «дополнительную возможность для осужденных сохранить себя в условиях изоляции от общества; развитие способностей и трудовых навыков; снижение антисоциальных действий со стороны обучающихся осужденных; увеличение перспектив успешной ресоциализации, а значит – снижение вероятности рецидива». [9]

Международные примеры демонстрируют, как национальные стратегии содействия трудовой адаптации осужденных могут эффективно функционировать. В большинстве стран акцент делается на профессиональной подготовке и использовании труда, как инструменте социализации.

В Швеции индивидуальная программа реабилитации осужденных включает в себя выполнение ими различных видов работ на заказ, которые принимают и распределяют по учреждениям инженеры управления. [10]

В Германии существуют проекты по трудовой и социальной адаптации осужденных, основанные на концепции «сквозного оказания помощи» – подготовка к постпенитенциарному периоду во время отбывания наказания (в том числе профессиональное обучение) и сопровождение после освобождения поддерживающими и контролирующими мероприятиями. [11]

Развитие практических навыков, в условиях исправительных учреждений, в том числе и за рубежом, позволяет осужденным формировать ответственность за свою жизнь, преодолевать страх перед самостоятельной жизнью на свободе, ставить цели на будущее и реализовывать их.

Таким образом, навыки, приобретаемые осужденными в процессе трудовой деятельности и получения образования в местах лишения свободы, являются важной составляющей как в пенитенциарный период, так и после освобождения для успешной социальной адаптации. Взаимодействие администрации исправительного учреждения и работодателей, позволяют осужденным увидеть свои перспективы, реализовать полученные в ИУ навыки и умения и социализироваться в обществе.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 17.12.2025)
2. Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (ред. от 01.08.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (дата обращения 17.12.2025)
3. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения 17.12.2025)
4. Уголовно-исполнительный кодекс от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. 07.04.2025, с изм. 17.12.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения 17.12.2025)
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 17.12.2025)
6. Газета.ru [электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/01/27308287.shtml> (дата обращения: 17.12.2025)
7. Федеральная служба исполнения наказаний России. Статистическая информация. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 17.12.2025)
8. УФСИН России по Вологодской области. Официальный сайт. Образование осужденных. – URL: <https://35.fsin.gov.ru/obrazovanie-osuzhdennykh/> (дата обращения: 17.12.2025)
9. Строева Г.В. Профессиональное обучение осужденных // Образование и общество. – 2016. – № 3. – С. 12–13
10. Антонян Е.А. Привлечение осужденных к труду за рубежом // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4(95). С. 21–24
11. Чернышева О.М. Опыт трудового воспитания и социальной адаптации осужденных в Баварии (ФРГ) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 98–103

DEVELOPING THE EMPLOYMENT SKILLS OF CONVICTS SERVING SENTENCES OF IMPRISONMENT AS AN ELEMENT OF SUCCESSFUL SOCIAL ADAPTATION AFTER RELEASE

Kurnosova G.S.

Vologda Institute of Law and Economics

In the field of probation organization and functioning in the Russian Federation, the issues of social adaptation, social rehabilitation, and resocialization of individuals released from places of deprivation of liberty are becoming increasingly important. Developing employment skills, which contribute to the reintegration of convicts into society and reduce the risk of recidivism, is an essential aspect of the correction of convicts and their preparation for release. Through training, convicts are provided with opportunities to acquire professional and specialized skills that are in demand in the labor market, facilitating their successful employment adaptation. Educational institutions operating in correctional facilities provide training in various programs and contribute to the consolidation of skills and professional development of convicts. The interaction between the correctional facility ad-

ministration and future employers takes center stage in achieving the goals of probation in terms of employment of convicts and maintaining socially useful connections.

Keywords: convicts, labor skills, professional skills, labor adaptation, social rehabilitation, penitentiary probation, correction

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 17, 2025, with changes dated December 17, 2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 17.12.2025)
2. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 11/29/2023 No. 350 "On the Re-socialization, Social Adaptation and Social Rehabilitation of Persons Subject to Probation in accordance with Federal Law No. 10–FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation" (as amended on 08/01/2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (accessed: 17.12.2025)
3. Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (accessed: 17.12.2025)
4. Penal Enforcement Code of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 07.04.2025, as amended on 17.12.2025) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (accessed: 17.12.2025)
5. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ (latest edition). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 17.12.2025)
6. Gazeta.ru [electronic resource]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/01/27308287.shtml> (accessed: 17.12.2025)
7. Federal Penitentiary Service of Russia. Statistical information. – URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya_%20har-ka%20UIS/ (accessed: 17.12.2025)
8. Federal Penitentiary Service of Russia for the Vologda Region. Official website. Education of Convicts. – URL: <https://35.fsin.gov.ru/obrazovanie-osuzhdennykh/> (accessed: 17.12.2025)
9. Stroeve G.V. Vocational Training of Convicts // Education and Society. – 2016. – No. 3. – Pp. 12–13
10. Antonyan E.A. Involvement of Convicts in Labor Abroad // Man: Crime and Punishment. 2016. No. 4(95). Pp. 21–24
11. Chernysheva O.M. Experience of labor education and social adaptation of convicts in Bavaria (Germany) // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2016. No. 2 (34). Pp. 98–103

Фирмы-«однодневки» как угроза экономической безопасности государства: признаки, ключевые риски и уголовная ответственность

Леонова Екатерина Владимировна,
аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: kateleone0305@yandex.ru

В статье раскрывается понятие фиктивной организации или фирмы -«однодневки». Раскрывается краткая история становления фиктивных организаций в России. Автор раскрывает ключевые признаки идентификации фирм-«однодневок». Также в статье раскрывается вопрос о ключевых особенностях выявления фирм-«однодневок», а также описываются основные виды фиктивных организаций.

Ключевые слова: фирма-«однодневка», юридическое лицо, предпринимательская деятельность, уголовная ответственность.

В настоящее время актуальной является проблема, связанная с созданием фиктивных компаний или фирм- «однодневок». Чаще всего такие фирмы используются для совершения различных преступлений: уклонении от уплаты налогов, преступном обналичивании денежных средств, легализации преступных доходов и пр.

Фирмы –«однодневки» представляют собой угрозу, влияющую на стабильность и безопасность экономики государства. История возникновения и развития фиктивных компаний начинается с 90-х годов. При этом достаточно активная борьба с фиктивными фирмами со стороны государства началась приблизительно с 2002 года. С этого времени все организации были обязаны проходить государственную регистрацию, а также получать так называемый основной государственный регистрационный номер (ОГРН).

В 2011 году был принят закон № 115 от 07.08.2011 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а с 1 ноября того же года начал свою работу Росфинмониторинг. Отметим, что все вышеперечисленные события являлись ключевыми в формировании фундамента для охраны экономических отношений и противодействию в т.ч. существованию фирм-«однодневок». Отметим, что данные фирмы практически всегда регистрируются на подставных лиц и участвуют в различных преступлениях экономической направленности.

В настоящее время борьба с фиктивными фирмами по-прежнему остается одним из ключевых мер по обеспечению экономической безопасности государства, что в свою очередь является приоритетной задачей, закрепленной в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208.

Таким образом, целесообразно дать следующее определение понятию фиктивной организации: Это юридическое лицо или ИП, которое создается не для осуществления реальной хозяйственной деятельности, а для совершения противоправных действий, вовлекая в преступную схему других участников рынка и государства. Подчеркнем, что в настоящее время проблемы функционирования фирм-«однодневок» затрагивают всех участников рыночных отношений: государство, поставщиков и покупателей товара, а также различные контролирующие органы и начинающих предпринимателей.

Таким образом, «фирма-«однодневка» – это организация, созданная формально в соответствии с законодательством о государственной регистрации юридических лиц, используемая в качестве средства для совершения и (или) сокрытия следов правонарушений и преступлений, обладающая признаками, затрудняющими идентификацию физических лиц, в действительности причастных к ее учреждению и финансово-хозяйственной деятельности» [2].

К основным признакам фирм-«однодневок» можно отнести следующее:

- организация прошла регистрацию, но не намерена вести реальную хозяйственную деятельность;
- организация принимает участие в ряде сделок, не имеющих экономической целесообразности в их проведении;
- имеют место быть массовые учредители и/или руководители;
- организация исключена из ЕГРЮЛ спустя короткий промежуток времени с начала регистрации.

В настоящее время ФНС и иные компетентные органы ведут целенаправленную работу по выявлению фиктивных организаций и привлечению виновных лиц к ответственности. В настоящее время уголовная ответственность за создание фиктивных организаций предусмотрена статьями 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса РФ [1].

Помимо основных признаков, по которым существует возможность вычислить фирму-однодневку, существует также иные критерии, которые могут использовать сотрудники ФНС и ОЭБиПК для выявления фиктивных организаций, а именно:

- уполномоченные представители организации отказываются в предоставлении первичной документации фирмы;
- организация заключает с одним и тем же контрагентом договоры с коротким промежутком времени;
- отсутствует фактическое исполнение договоров;

- в ряде случаев для заключения сделок привлекаются сторонние специалисты, а не штатные единицы организации;
- редкие обращения к личному кабинету ФНС;
- наблюдается активность организации короткое время, затем либо спад деловой активности либо исключение данной организации из ЕГРЮЛ.

Таким образом, существует определенный перечень ключевых признаков, по которым сотрудники компетентных ведомств смогут идентифицировать фирму-«однодневку». При этом стоит отметить, что при наличии у фирмы двух-трех признаков повышает процент вероятности проверок данной организации со стороны сотрудников ФНС и ОЭБиПК.

Ниже, на рисунке 1, представлена вероятная схема жизненного цикла фирмы-«однодневки».

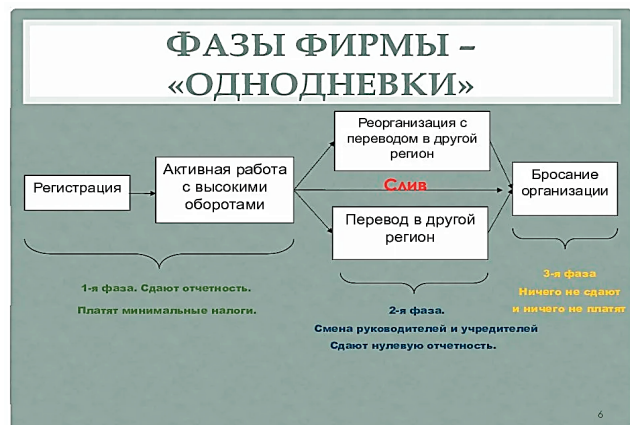


Рис. 1. Жизненный цикл фирмы-«однодневки»

Подчеркнем, что в настоящее время фиктивные организации представляют собой одну из ключевых угроз, влияющих на экономическую безопасность государства. Стоит отметить, что одной из основных особенностей таких организаций является наличие номинальных учредителей и/или руководителей. В настоящее время выделяют несколько основных типов фирм-«однодневок»: «черные» фирмы-«однодневки», для которых характерны не только наличие номинальных учредителей и руководителей, но и фиктивный юридический адрес, отсутствие бухгалтерского и налогового учета. «Серые» фирмы-«однодневки» также имеют номинальных руководителей, но при этом могут существовать реальный юридический адрес. Такой тип фиктивных организаций чаще всего сдает бухгалтерскую и налоговую отчетность, при этом налоговый платеж является крайне низким. «Белые» фирмы-«однодневки» чаще всего на первый взгляд имеют все признаки

добросовестного участника предпринимательских отношений. Бухгалтерский и налоговый учет такая фирма ведет в полном объеме с целью не привлечения внимания со стороны правоохранительных органов и сотрудников ФНС. Период использования таких юридических лиц может достигать до 3 лет и выше.

В заключении подчеркнем, что роль фирм-«однодневок» в современной российской экономике заключается в снижении сумм налоговых и иных обязательных платежей, а также получение бизнесом неучтенных денежных средств для финансирования текущих расходов, в т.ч. полученных в результате различного рода преступной деятельности. Фиктивные организации представляют собой угрозу для экономической стабильности и безопасности государства, что предзнаменовала активную работу со стороны профильных ведомств по разработке комплексных мер, направленных на выявление и пресечение деятельности фирм-«однодневок». В настоящее время работа по выявлению фиктивных организаций должна вестись при взаимодействии различных профильных специалистов с целью достижения максимально эффективного результата.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. думой 24 мая 1996 г.: по сост. на 25 сентября 2025 г.. – М.: Проспект, 2025. – 432 с.
2. Соловьев, И.Н. Опасные финансовые схемы: фирмы-однодневки / И.Н. Соловьев. – М.: Проспект, 2013. – 88 с.
3. Теневая экономика и уголовный закон / Под ред. Д.Г. Макарова М.: Юрлитинфо, 2015. 216 с.

SHELL COMPANIES AS A THREAT TO THE STATE'S ECONOMIC SECURITY: SIGNS, KEY RISKS, AND CRIMINAL LIABILITY

Leonova E.V.

A.I. Herzen State Pedagogical Univ.

This article explores the concept of a fictitious organization or a «one-day» companies. It provides a brief history of the development of fictitious organizations in Russia. The author reveals key features for identifying «one-day» companies. The article also examines the key features of identifying «one-day» companies and describes the main types of this type of companies.

Keywords: «one-day» companies, legal entity, entrepreneurial activity, criminal liability.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on May 24, 1996: as of September 25, 2025. – Moscow: Prospect, 2025. – 432 p.
2. Soloviev, I.N. Dangerous Financial Schemes: Shell Companies / I.N. Soloviev. – Moscow: Prospect, 2013. – 88 p.
3. Shadow Economy and Criminal Law / Ed. by D.G. Makarov. Moscow: Yurliinfo, 2015. 216 p.

Особенности доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных ст. 196 и ст. 197 УК РФ

Макаров Илья Михайлович,

аспирант Сибирского юридического университета; адвокат КА «ЭксЛедж»

E-mail: ilya_mac@mail.ru

Цель: Статья направлена на всесторонний анализ особенностей доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных статьями 196 и 197 УК РФ, с учётом их межотраслевого характера и влияния на квалификацию деяний. Методы: В исследовании использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также анализ материалов уголовных дел и арбитражной практики по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве, включая заключения финансово-экономических экспертиз. Результаты: Показано, что обстоятельства, способствующие совершению преступлений по ст. 196 и 197 УК РФ, формируют самостоятельный доказательный блок, определяющий установление умысла, причинной связи и роли контролирующих лиц; выявлены типичные ошибки следствия и суда при оценке таких обстоятельств и при разграничении преступного банкротства и предпринимательского риска. Выводы: Обоснована необходимость совершенствования законодательных критериев преднамеренного и фиктивного банкротства, развития специализированных методик финансово-экономической экспертизы и более широкого использования цифровых реестров и арбитражных материалов для повышения эффективности доказывания и обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: преднамеренное банкротство; фиктивное банкротство; уголовно-процессуальное доказывание; уголовная ответственность.

Введение

Вопросы доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных статьями 196 и 197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в современной науке и правоприменительной практике приобретают устойчивую актуальность в связи с ростом числа дел о несостоятельности (банкротстве), усложнением корпоративных и финансовых структур, а также повышением латентности экономической преступности. Преднамеренное и фиктивное банкротство одновременно затрагивают интересы кредиторов, публичные финансовые интересы и стабильность гражданского оборота, что обуславливает особое значение установления причин и условий, способствовавших реализации преступного замысла, как с точки зрения уголовно-правовой оценки, так и с позиции уголовно-процессуальной характеристики предмета доказывания.[1,200]

Для рассматриваемой категории дел характерны высокая сложность фактических обстоятельств, многоэпизодность, наличие длительных временных интервалов между отдельными действиями контролирующих лиц и наступлением несостоятельности, а также тесное переплетение уголовно-правовых и гражданско-правовых элементов. В этих условиях установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений по ст. 196 и 197 УК РФ (например, организационно-управленческих дефектов, специфики структуры активов и обязательств, злоупотреблений процедурами банкротства, пробелов внутреннего контроля), становится не только задачей общего профилактического характера, но и самостоятельным компонентом доказательного процесса, влияющим на выводы суда о наличии умысла, причинной связи и степени общественной опасности деяния.

Научная литература и судебная практика указывают на то, что неудачи уголовного преследования по ст. 196 и 197 УК РФ во многом связаны с недооценкой роли обстоятельств, способствующих совершению преступления, либо с их формальным исследованием в уголовном деле. Статистические данные и аналитические обзоры демонстрируют крайне малое количество приговоров по ст. 196 УК РФ и почти полное отсутствие осуждений по ст. 197 УК РФ, что нередко объясняется сложностью доказывания субъективной стороны, причинно-следственной связи, а также разграничения преступного банкротства и добросовестного предпринимательского риска.[3,252]

В этих условиях особую значимость приобретает разработка теоретических и прикладных подходов к определению содержания и структуры обстоятельств, способствующих совершению преднамеренного и фиктивного банкротства, а также выработка процессуальных стандартов их доказывания с учетом позиций Верховного Суда РФ, арбитражной практики и выводов специалистов в области экономической и финансово-правовой экспертизы. Важную роль играют исследования, посвященные объекту и предмету преступлений в сфере банкротства, субъектному составу и квалифицирующим признакам, авторов, анализирующих вопросы оценки доказательств по делам о преднамеренном банкротстве.

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение особенностей доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предусмотренных ст. 196 и 197 УК РФ, с учётом нормативной регламентации, научных подходов и современной судебной практики. Для достижения этой цели предполагается последовательно проанализировать: нормативные основы конструкции преднамеренного и фиктивного банкротства; специфику обстоятельств, подлежащих доказыванию по данным составам; особенности выявления и оценки обстоятельств, способствовавших совершению указанных преступлений; а также обозначить ключевые проблемы и перспективы совершенствования доказывания в исследуемой сфере.[7,55]

Нормативные основы исследования

Нормативный фундамент анализа особенностей доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступлений по ст. 196 и 197 УК РФ, образует совокупность норм уголовного, уголовно-процессуального и специального законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также разъяснения высших судебных инстанций. В первую очередь значение имеют положения УК РФ, закрепляющие составы преднаме-

ренного и фиктивного банкротства, нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), определяющие предмет доказывания и общие требования к собиранию и оценке доказательств, а также Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», описывающий признаки банкротства, процедуры его проведения и статус контролирующих должника лиц.

Уголовно-правовая характеристика ст. 196 и 197 УК РФ

Согласно ст. 196 УК РФ преднамеренное банкротство представляет собой совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб. Объективная сторона состава включает: а) совершение хозяйственных или управленческих действий (либо бездействие), ухудшающих финансовое положение должника; б) наступление последствий в виде крупного ущерба кредиторам; в) наличие причинной связи между указанными действиями и наступившей неспособностью удовлетворить требования кредиторов. [1,200]

В научной литературе преднамеренное банкротство обоснованно характеризуется как «искусственно спровоцированная» несостоятельность, при которой должник или контролирующее лицо сознательно формирует или ухудшает неплатежеспособность для достижения противоправных целей, преимущественно связанных с уклонением от исполнения обязательств и перераспределением активов. Исследователи подчёркивают, что материальная конструкция ст. 196 УК РФ обуславливает необходимость доказательства не только факта наступления банкротства (или реальной его угрозы), но и конкретных действий, повлекших ухудшение финансового состояния, а также их направленности на причинение ущерба кредиторам.

Статья 197 УК РФ предусматривает ответственность за фиктивное банкротство, под которым понимается заведомо ложное объявление руководителем организации, индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов и получения отсрочки или рассрочки платежей, списания долгов либо иного изменения условий исполнения обязательств. В отличие от преднамеренного банкротства, при фиктивном банкротстве ключевое значение имеет несоответствие между фактическим имущественным положением должника и декларируемой им неспособностью удовлетворять требования кредиторов, что обуславливает иной характер доказывания обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Специфической чертой рассматриваемых составов является особый субъект преступления: по общему правилу им выступают руководитель должника, гражданин-должник, индивидуальный предприниматель, а также иные контролирующие лица, фактически определяющие решения и действия организации. В литературе указывается на расширительное понимание субъекта преднамеренного банкротства, включая фактических руководителей и бенефициаров, что подтверждается и судебной практикой, где в качестве обвиняемых нередко выступают лица, формально не занимавшие руководящих должностей, но управлявшие финансово-хозяйственной деятельностью должника. [2,478]

Уголовно-процессуальные основы и предмет доказывания

Ключевым процессуальным ориентиром для анализа рассматриваемой проблематики выступает ст. 73 УПК РФ, закрепляющая перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Наряду с событием преступления, виновностью лица и иными элементами предмета доказывания законодатель прямо указывает на необходимость установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, которые имеют не только профилактическое, но и доказательное значение. [5,48]

В делах о преднамеренном и фиктивном банкротстве указанные обстоятельства, как правило, включают: особенности организационной структуры должника и распределения управленческих полномочий; наличие или отсутствие эффективной системы внутреннего контроля и управления рисками; характер и динамику финансовых показателей; использование сложных корпоративных схем, аффилированных лиц и транзитных операций; специфику взаимоотношений с ключевыми кредиторами и контрагентами. Установление этих элементов позволяет суду оценить, были ли созданы предпосылки для реализации преступного замысла, носили ли действия должника рутинный хозяйственный

характер или представляли собой сознательное формирование неплатежеспособности либо фиктивной несостоятельности.

Современные исследования предмета доказывания справедливо подчёркивают, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, не должны рассматриваться исключительно как «фоновые» условия, подлежащие формальному отражению в итоговом процессуальном документе. Напротив, в делах о банкротных преступлениях они зачастую напрямую коррелируют с наличием или отсутствием умысла, определяют характер причинной связи и степень индивидуализированной ответственности контролирующих лиц, что обуславливает необходимость их детального исследования и документирования.

Специальное законодательство о несостоятельности (банкротстве)

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» выполняет двойную функцию: с одной стороны, задаёт правовую рамку для квалификации деяний по ст. 196 и 197 УК РФ, фиксируя признаки несостоятельности, виды процедур, статус арбитражного управляющего и контролирующих лиц; с другой – формирует массив документов и сведений, которые впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу.

Правоприменительная практика показывает, что материалы арбитражных дел о банкротстве – отчёты арбитражных управляющих, заключения о наличии признаков преднамеренного или фиктивного банкротства, судебные акты арбитражных судов – играют значимую роль при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и при оценке характера действий контролирующих лиц. В то же время судам общей юрисдикции и органам предварительного расследования надлежит критически подходить к данным материалам, не подменяя уголовно-правовую оценку деяния выводами, сделанными в рамках гражданского (арбитражного) процесса, а использовать их как один из элементов комплексного доказывания.

Разъяснения Верховного Суда РФ, содержащиеся в постановлениях Пленума и обзорах судебной практики, закрепляют подход к оценке доказательств по делам о преступлениях в сфере банкротства, подчёркивая необходимость анализа не только формальных признаков несостоятельности, но и совокупности обстоятельств, свидетельствующих о направленности действий должника на причинение вреда кредиторам либо о заведомой ложности заявлений о банкротстве. Эти позиции создают методологическую основу для последующего рассмотрения особенностей доказывания обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 196 и 197 УК РФ, в судебной практике.

Особенности доказывания по ст. 196 УК РФ

Доказывание по уголовным делам о преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ) характеризуется повышенной сложностью, обусловленной необходимостью установить не только факт наступления несостоятельности и причинения крупного ущерба кредиторам, но и специфический механизм доведения должника до банкротства посредством целенаправленных управленческих решений контролирующих лиц. В этой связи обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, выходят за рамки общих «условий совершения преступления» и образуют самостоятельный блок доказательств, направленный на раскрытие экономического содержания деяния, характера хозяйственной политики должника и роли каждого участника в формировании неплатежеспособности.

С учётом материальной конструкции состава, предусмотренного ст. 196 УК РФ, ключевыми элементами доказывания выступают:

- установление комплекса хозяйственных операций (заключение заведомо невыгодных сделок, вывод активов, искусственное увеличение кредиторской задолженности, изменение структуры обязательств, отказ от очевидных мер по санации), которые привели к ухудшению финансового состояния должника;
- доказательство причинно-следственной связи между указанными действиями и наступившей неспособностью в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, с опорой на финансово-экономическую экспертизу и материалы дела о банкротстве;
- выявление обстоятельств, свидетельствующих о прямом умысле контролирующих лиц на доведение до банкротства, включая анализ мотивов (уклонение от ответственности, перераспределение активов, вывод бизнеса на иные структуры), поведения должника до и после наступления финансового кризиса, характера связей с аффилированными контрагентами. [4,63]

Существенную роль в доказывании обстоятельств, способствовавших совершению преступления, играют данные о корпоративном управлении и статусе фактических руководителей. Исследования по-

казывают, что в практике нередко выявляются ситуации, при которых решения, повлекшие преднамеренное банкротство, принимались лицами, формально не являющимися руководителями должника, но фактически определяющими его финансово-хозяйственную деятельность. В ряде дел суды признают такими субъектами бенефициаров и «теневых» управляющих, связывая обстоятельство, способствовавшее преступлению, с концентрацией управленческих полномочий у одного лица, отсутствием системы внутреннего контроля и комплаенс-процедур, зависимостью от аффилированных контрагентов и использованием сложных схем вывода активов.

Судебная практика и доктрина подчёркивают, что при оценке обстоятельств, способствовавших совершению преднамеренного банкротства, принципиальное значение имеет разграничение добросовестного предпринимательского риска и противоправной хозяйственной политики. Для этого анализируются: экономическая целесообразность спорных сделок; их соответствие обычаям делового оборота; наличие рыночных условий (цены, сроки, обеспечение обязательств); наличие альтернативных управленческих решений; а также реакция руководства на проявившиеся признаки кризисного состояния. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, в данном контексте включают систематическое игнорирование сигналов неблагополучия, проведение заведомо убыточных операций в пользу аффилированных лиц, отказ от реструктуризации задолженности при наличии реальной возможности стабилизации финансового положения. [1,200]

Отдельного внимания заслуживает использование материалов арбитражного процесса и выводов арбитражных управляющих о признаках преднамеренного банкротства. Пленум Верховного Суда РФ и обзоры судебной практики акцентируют, что данные выводы не подменяют собой уголовно-правовую квалификацию, однако могут рассматриваться как важное доказательство обстоятельств, способствовавших совершению преступления, при условии проверки их обоснованности и сопоставления с иными доказательствами (документами, показаниями, заключениями экспертов). В научных работах обращается внимание на необходимость стандартизации методик выявления признаков преднамеренного банкротства и их интеграции в практику финансово-экономических экспертиз по уголовным делам, что позволяет более полно выявлять детерминирующие факторы противоправного поведения.

Особенности доказывания по ст. 196 УК РФ заключаются в междисциплинарном характере исследования обстоятельств, способствовавших совершению преступления, необходимости сочетать уголовно-правовой, финансово-экономический и организационно-управленческий анализ, а также в учёте расширенного круга потенциальных субъектов преступления, включая фактических руководителей и иных контролирующих лиц.

Особенности доказывания по ст. 197 УК РФ

Доказывание по делам о фиктивном банкротстве (ст. 197 УК РФ) отличается от преднамеренного банкротства иной структурой объективной стороны и иным содержанием обстоятельств, способствовавших совершению преступления. В данном случае центральным элементом является заведомо ложное публичное объявление о несостоятельности при фактической сохранности платёжеспособности должника, а также использование процедуры банкротства или угрозы её инициирования в целях введения в заблуждение кредиторов и изменения условий исполнения обязательств.

Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию, определяют необходимость детального сопоставления реального финансового состояния должника с информацией, представленной в заявлениях о банкротстве, бухгалтерской и налоговой отчётности, переговорах с кредиторами и органами власти. Обстоятельства, способствовавшие совершению фиктивного банкротства, в этом контексте включают: — умышленное искажение бухгалтерской отчётности, сокрытие активов и источников доходов, создание видимости неплатежеспособности через перераспределение активов между аффилированными структурами; — использование корпоративных изменений (неожиданная смена участников, руководителей, юридического адреса, массовая ликвидация или реорганизация структур) как инструмента подготовки ложного заявления о банкротстве; — формирование искусственных конфликтов с кредиторами, инициирование судебных споров, направленных на создание видимости критического уровня задолженности и невозможности её погашения в обычном порядке. [4,63]

Существенное значение имеет доказывание субъективной стороны: при фиктивном банкротстве требуется установить прямой умысел на введение в заблуждение кредиторов и (или) суда относительно

действительного имущественного положения, а также цель получения отсрочки, рассрочки, списания долгов либо иного благоприятного изменения условий исполнения обязательств. В качестве обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в научной литературе и практике нередко выделяются: отсутствие прозрачной системы раскрытия информации о финансовом состоянии должника; слабость контроля со стороны кредиторов и регуляторов; возможность использования пробелов в процедуре банкротства для легализации скрытых активов. [5,48]

Доказывание по делам о фиктивном банкротстве тесно связано с применением специальных финансово-экономических и бухгалтерских экспертиз, направленных на установление реальной платёжеспособности должника на момент заявления о банкротстве и в предшествующий период. Эксперт исследует структуру активов и обязательств, движение денежных средств, показатели ликвидности и финансовой устойчивости, а также возможные источники погашения задолженности, сопоставляя их с данными, представленными должником кредиторам и суду. Обстоятельства, способствовавшие преступлению, в этой связи проявляются в систематическом занижении стоимости активов, неотражении отдельных имущественных объектов, искусственном завышении обязательств перед аффилированными лицами и иных действиях, создающих ложное впечатление о невозможности удовлетворить требования кредиторов. [1,200]

Судебная практика, в том числе анализируемая в обзорах и комментариях, указывает на ряд типичных проблем доказывания по ст. 197 УК РФ, связанных с необходимостью: а) чёткого разграничения фиктивного банкротства и добросовестного обращения к процедуре банкротства при реальной неплатежеспособности; б) оценки роли арбитражных решений и выводов о несостоятельности в уголовном процессе; в) установления момента окончания преступления и размера причинённого ущерба. Разъяснения высших судебных инстанций подчёркивают, что для квалификации по ст. 197 УК РФ не всегда требуется наличие вступившего в силу решения арбитражного суда о признании должника банкротом; достаточно заведомо ложного публичного объявления о несостоятельности, если оно повлекло крупный ущерб кредиторам.

В ряде работ отмечается, что обстоятельствами, способствующими совершению фиктивного банкротства, нередко выступают не только внутренние дефекты корпоративного управления, но и внешние факторы: недостаточная информированность кредиторов о реальном финансовом положении контрагента, формальный подход к анализу платёжеспособности, отсутствие оперативного обмена данными между налоговыми органами, регистраторами и судами. В этой связи выдвигаются предложения о расширении использования цифровых реестров (ЕГРЮЛ, ЕФРСБ, информационные системы арбитражных судов) и автоматизированных алгоритмов мониторинга аномальных изменений в поведении должников как средств раннего выявления обстоятельств, способствующих фиктивному банкротству, что может служить как профилактическим инструментом, так и источником доказательств в уголовном процессе.

В целом, особенности доказывания по ст. 197 УК РФ определяются тем, что центр тяжести смещается с анализа процесса реального доведения до несостоятельности на доказательство несоответствия между действительным имущественным положением и публично заявленной «несостоятельностью», а также на вскрытие тех обстоятельств, которые сделали возможным использование процедуры банкротства как средства злоупотребления правом и введения в заблуждение кредиторов.

Проблемы и перспективы развития доказывания по ст. 196 и 197 УК РФ

Современное состояние доказывания по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве характеризуется сочетанием объективных и субъективных трудностей, которые непосредственно отражаются на статистике возбуждения дел и вынесения обвинительных приговоров по ст. 196 и 197 УК РФ. К числу ключевых проблем относится неопределённость границ между уголовно наказуемым деянием и предпринимательским риском, сложность квалификации действий контролирующих лиц в условиях кризиса, а также недостаточная разработанность единых методик финансово-экономической экспертизы, ориентированных на задачи уголовного процесса.

Первая группа проблем связана с конструкцией самих составов преступлений и критериями оценки субъективной стороны. На практике нередко возникает ситуация, когда совокупность подозрительных хозяйственных операций может быть объяснена как ошибочная, но не заведомо преступная управленческая стратегия, особенно в условиях экономической турбулентности. Это приводит к тому, что пра-

воохранительные органы и суды склонны минимизировать уголовно-правовой компонент, квалифицируя спорные ситуации в плоскости гражданско-правовых и арбитражных споров, что снижает превентивный потенциал ст. 196 и 197 УК РФ. [7,55]

Вторая группа проблем обусловлена фрагментарностью и несогласованностью подходов к использованию материалов арбитражного процесса. С одной стороны, постановления судов по делам о банкротстве, отчёты управляющих и выводы о признаках преднамеренного либо фиктивного банкротства являются ценным источником данных об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления. С другой стороны, отсутствие чётко закреплённых стандартов оценки этих материалов в уголовном судопроизводстве и их соотношения с иными доказательствами порождает риск либо некритического переноса выводов арбитражного суда в уголовное дело, либо, напротив, необоснованного игнорирования этих выводов.

Третья группа проблем связана с недостаточным уровнем специализации следственных органов и суда в сфере экономических и финансовых отношений. Расследование преступлений по ст. 196 и 197 УК РФ требует высокой компетентности в вопросах бухгалтерского учёта, корпоративного управления, финансового анализа, что далеко не всегда обеспечивается имеющейся кадровой и экспертной базой. Это выражается в формальном подходе к сбору доказательств, отсутствии глубокой реконструкции экономической модели деятельности должника, недостаточном использовании возможностей цифровых следов (банковские транзакции, корпоративные реестры, раскрытие информации на специализированных ресурсах).

Перспективы развития доказывания по делам о преднамеренном и фиктивном банкротстве предполагают комплексное совершенствование как нормативной базы, так и правоприменительных механизмов. Первоочередной задачей видится уточнение законодательных критериев, позволяющих надёжно разграничивать добросовестный предпринимательский риск и противоправное управление, в том числе через более детальное законодательное раскрытие признаков преднамеренного ухудшения финансового положения и фиктивной несостоятельности. В научной литературе и экспертных выводах регулярно выдвигается идея корректировки пороговых значений ущерба, а также унификации понятийного аппарата уголовного и банкротного законодательства, что способствовало бы повышению предсказуемости квалификации и единообразию судебной практики.

Существенным направлением развития является институционализация специализированной финансово-экономической экспертизы, ориентированной именно на задачи уголовного преследования банкротных преступлений. Речь идёт о разработке стандартизированных методик анализа финансовых потоков, выявления искусственного доведения до банкротства и фиктивной неплатежеспособности, а также о формализации критериев оценки таких экспертиз судами. Расширение практики привлечения независимых экспертов, обладающих опытом в сфере корпоративного управления и антикризисного менеджмента, может существенно повысить качество исследования обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.

Наконец, перспективным направлением представляется цифровизация процессов мониторинга и доказательств: интеграция данных ЕГРЮЛ, ЕФРСБ, налоговых и банковских систем, реестров судебных актов и иных информационных ресурсов, позволяющая в режиме близком к реальному выявлять аномальные изменения в поведении должников. Научные публикации и экспертные материалы подчёркивают, что использование автоматизированных аналитических инструментов способно не только облегчить обнаружение обстоятельств, способствовавших преднамеренному и фиктивному банкротству, но и сформировать доказательную базу, опирающуюся на объективные цифровые следы, а не только на показания и фрагментарные документы.

В совокупности обозначенные направления позволяют говорить о формировании в перспективе более системного и предсказуемого подхода к доказыванию по ст. 196 и 197 УК РФ, при котором обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, будут восприниматься не как второстепенный элемент предмета доказывания, а как ключевой компонент, определяющий как факт, так и характер противоправного поведения.

Заключение

Исследование особенностей доказывания обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, предусмотренных ст. 196 и 197 УК РФ, позволяет констатировать, что данная категория дел занимает особое место на стыке уголовного, гражданского и банкротного права, требуя междисциплинарного подхода и высокой степени специализации всех участников процесса. Преднамеренное и фиктивное банкротство по своей природе связаны с длительными, многоэпизодными

финансово-хозяйственными процессами, в которых противоправный замысел маскируется под внешне допустимую предпринимательскую деятельность, что обуславливает ключевую роль обстоятельств, способствовавших совершению преступления, как элемента доказательной конструкции.

Проведённый анализ показал, что в делах о преднамеренном банкротстве акцент доказывания смещается на выявление управленческих решений и хозяйственных операций, сформировавших неплатежеспособность должника и причинивших крупный ущерб кредиторам, а также на установление управленческой и фактической роли контролируемых лиц. В делах о фиктивном банкротстве центральное значение приобретает сопоставление действительного финансового состояния с декларируемой несостоятельностью, доказывание умысла на введение в заблуждение кредиторов и использование процедур банкротства в качестве инструмента злоупотребления правом. В обоих случаях обстоятельства, способствовавшие преступлению, включают систему корпоративного управления, особенности финансовой политики, качество внутреннего контроля, а также внешние условия, влияющие на принятие управленческих решений.

Выявленные проблемы доказывания – размытость границ между уголовной и гражданско-правовой ответственностью, фрагментарность использования арбитражных материалов, недостаточная специализация следствия и суда, отсутствие унифицированных методик экспертизы – свидетельствуют о необходимости комплексной модернизации подходов к расследованию и рассмотрению дел о банкротных преступлениях. Перспективы развития в данном направлении связаны с уточнением законодательных критериев преднамеренности и фиктивности банкротства, стандартизацией финансово-экономических экспертиз, активным использованием цифровых реестров и аналитических систем, а также с укреплением координации между арбитражными судами, правоохранительными органами и профессиональным сообществом арбитражных управляющих.

Тем самым укрепление института доказывания по ст. 196 и 197 УК РФ способно повысить эффективность уголовно-правовой защиты прав и законных интересов кредиторов, обеспечить неотвратимость ответственности для лиц, злоупотребляющих институтом банкротства, и одновременно сохранить необходимый баланс с принципом свободы предпринимательской деятельности и допустимого хозяйственного риска. В долгосрочной перспективе это будет способствовать укреплению доверия к процедурам банкротства как к легитимному механизму разрешения экономических кризисов и развитию правовой экономики в целом.

Литература

1. Аджиев Н.Б. Особенности статей 196, 197 УК РФ: «Преднамеренное банкротство», «Фиктивное банкротство» // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 200–201.
2. Василевская Е.В., Трофимова С.А. К вопросу о квалификации преступлений, предусмотренных статьями 196 УК РФ // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. – 2022. – С. 478–481.
3. Гурбанов К.В. Разграничение составов преднамеренного и фиктивного банкротства // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 6. – С. 252–256.
4. Пахомов С.В. Особенности установления криминалистически значимых обстоятельств при расследовании криминальных банкротств в агропромышленном комплексе // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 63–68.
5. Простякова Д.П. Особенности уголовной ответственности за преднамеренное и фиктивное банкротство // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2. – № 3. – С. 48–52.
6. Ровнейко В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки преднамеренного банкротства физических лиц // Банкротство физических лиц: проблемы законодательства, практики его применения, перспективы развития. – 2022. – С. 120–129.
7. Староселец О.С. Особенности привлечения к уголовной ответственности за преднамеренное банкротство и по совокупности преступлений со смежными составами // Юридические исследования. – 2024. – № 11. – С. 55–66.

FEATURES OF PROVING CIRCUMSTANCES CONTRIBUTING TO THE COMMISSION OF CRIMES UNDER ARTICLES 196 AND 197 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Makarov I.
Siberian Federal University, KA "ExLedge"

Objective: The article aims to comprehensively analyze the specifics of proving circumstances conducive to the commission of crimes under Articles 196 and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account their interdisciplinary nature and impact on the classification of acts. **Methods:** The study utilized formal legal, systemic, and comparative legal methods, as well as an analysis of criminal case materials and arbitration practice in cases of deliberate and fictitious bankruptcy, including the conclusions of financial and economic examinations. **Findings:** It is shown that circumstances conducive to the commission of crimes under Articles 196 and 197 of the Criminal Code of the Russian Federation form an independent evidentiary block determining the establishment of intent, causality, and the role of controlling persons; typical errors of the investigation and the court in assessing such circumstances and in distinguishing between criminal bankruptcy and entrepreneurial risk are identified. **Conclusions:** The need to improve legislative criteria for intentional and fictitious bankruptcy, develop specialized methods for financial and economic due diligence, and expand the use of digital registries and arbitration materials to improve the effectiveness of evidence and ensure consistency in judicial practice is substantiated.

Keywords: intentional bankruptcy; fictitious bankruptcy; criminal procedural evidence; criminal liability.

References

1. Adzhiev N.B. Features of Articles 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation: "Intentional Bankruptcy", "Fictitious Bankruptcy" // *Civil Service and Personnel*. – 2021. – No. 2. – P. 200–201.
2. Vasilevskaya E. V., Trofimova S.A. On the issue of qualification of crimes provided for in Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Current problems of society, economics and law in the context of global challenges*. – 2022. – P. 478–481.
3. Gurbanov K.V. Distinction between the elements of intentional and fictitious bankruptcy // *Theory and practice of social development*. – 2025. – No. 6. – P. 252–256.
4. Pakhomov S.V. Features of establishing forensically significant circumstances in the investigation of criminal bankruptcies in the agro-industrial complex // *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2023. – No. 2. – P. 63–68.
5. Prostyakova D.P. Features of criminal liability for intentional and fictitious bankruptcy // *Lobbying in legislation*. – 2023. – Vol. 2. – No. 3. – P. 48–52.
6. Rovneyko V.V. Problems of criminal-legal assessment of intentional bankruptcy of individuals // *Bankruptcy of individuals: problems of legislation, practice of its application, development prospects*. – 2022. – P. 120–129.
7. Staroselets O.S. Features of bringing to criminal liability for intentional bankruptcy and for a combination of crimes with related comments // *Legal studies*. – 2024. – No. 11. – P. 55–66.

Малиновский Марк Северинович,
аспирант, Московский университет имени А.С. Грибоедова

Исследование посвящено санкционным оговоркам, включаемым в международные договоры в 2022–2025 годах, когда правовые механизмы регулирования внешнеэкономических связей претерпели значительные изменения под влиянием глобальных ограничений и трансформации системы международного права. Цель работы заключается в выявлении юридической природы санкционной оговорки, определении ее функций в договорной структуре и анализе влияния на устойчивость международных коммерческих отношений в условиях санкционного давления, а в задачи исследования входят классификация видов санкционных положений, изучение практики их применения в контрактах российских и зарубежных компаний, анализ судебных и арбитражных решений, а также выявление закономерностей распространения и правового толкования подобных условий в различных юрисдикциях.

Методологическая основа исследования включает диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и контент-анализ, что позволило установить динамику изменения договорной практики и проанализировать тенденции включения санкционных клаузул в сделки 2022–2025 годов. Рассмотрены контракты крупнейших компаний – «Газпром», «Росатом», JP Morgan, Sandvik, Maersk, Fennovia, Lloyd's и других, в которых санкционные положения использовались для защиты интересов сторон при изменении правового режима, замене валюты расчетов и корректировке обязательств. Отражены результаты анализа решений арбитражных институтов LCIA, ICC и МКАС при ТПП РФ, подтвердивших влияние точности формулировок санкционных оговорок на исход споров и правомерность отказа от исполнения. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов при разработке международных договоров, адаптированных к условиям санкционного режима, а также при формировании корпоративных стандартов управления рисками и внутреннего комплаенса.

Ключевые слова: санкционная оговорка, международный договор, арбитражная практика, санкции, внешнеэкономическая деятельность, договорное право, международное частное право.

Актуальность исследования определяется резким изменением мировой договорной практики в 2022–2025 годах под воздействием масштабных экономических санкций и разрыва традиционных торговых финансовых связей. Санкционные оговорки стали необходимым элементом большинства международных контрактов, так как они позволяют юридически закрепить механизм защиты сторон от рисков блокировки расчетов, приостановления поставок и невозможности исполнения обязательств. Усиление санкционного регулирования со стороны США, ЕС и Великобритании, введение антисанкционных мер в России и Китае, а также рост числа арбитражных споров по вопросам применения таких положений подтвердили их значимость для правоприменительной и корпоративной практики.

Цель исследования – научное обоснование и анализ механизма функционирования санкционных оговорок в международных договорах в условиях трансформации мировой правовой и экономической системы, выявление их правовой природы, содержания и значения для обеспечения устойчивости внешнеэкономических связей.

Задачи исследования:

- 1) установить юридическую природу санкционной оговорки как элемента договорного регулирования и определить ее место в системе международного частного права;
- 2) провести сравнительный анализ типовых формулировок санкционных условий, используемых в международных контрактах различных отраслей;
- 3) исследовать российскую и зарубежную судебную-арбитражную практику применения санкционных оговорок за 2022–2025 годы;
- 4) определить влияние национальных правовых порядков (России, Великобритании, стран ЕС, США, КНР) на действительность и исполнимость санкционных клаузул.

Методология исследования основана на сочетании общенаучных и специальных юридических методов, обеспечивающих объективное изучение санкционных оговорок в международных договорах. Диалектический метод позволил проследить эволюцию договорных механизмов в условиях санкционного давления, выявляя закономерности их адаптации к новым экономическим реалиям. Сравнительно-правовой анализ использовался для сопоставления содержания санкционных клаузул, действующих в правовых порядках России, Великобритании, стран ЕС, США и КНР, что позволило определить особенности их правоприменения и интерпретации. Эмпирическая база исследования формировалась посредством анализа арбитражных решений LCIA, ICC, МКАС при ТПП РФ и национальных судебных актов, отражающих практическое использование санкционных условий.

Таблица 1. Примеры санкционных оговорок в международных договорах

Вид оговорки	Формулировка	Последствия
Заверение об отсутствии санкций	Сторона подтверждает, что она и ее аффилированные лица не включены в санкционные списки США, ЕС и Великобритании, не участвуют в операциях с подсанкционными лицами	Обязанность возместить контрагенту убытки при недостоверности сведений
Санкционная (форс-мажорная)	При введении санкций, делающих исполнение договора невозможным, сторона вправе приостановить обязательства на согласованный срок или расторгнуть договор	Освобождение от ответственности, приостановление или прекращение обязательств
Антисанкционная	Стороны обязуются продолжать исполнение договора независимо от введения санкций, при необходимости изменяя способы расчетов и поставок	Минимизация последствий санкций, сохранение договорных связей

Рассмотрим вариант заверения и гарантии, при котором «Сторона подтверждает, что ни она, ни аффилированные лица, ни бенефициарные владельцы не включены в перечни OFAC SDN, UK HMT, ЕС, Швейцарии, Канады и Австралии, не контролируются лицами из указанных

перечней, не используют товары, услуги и выручку в целях, подпадающих под санкционные запреты, при этом заверение считается повторным на каждую дату платежа и отгрузки, а при выявлении несоответствия направляется уведомление в течение двух рабочих дней, возмещаются убытки контрагенту и наступает существенное нарушение с правом досрочного расторжения» [2].

Теперь разберем форс-мажор с санкционным триггером. «При введении санкций или ограничений экспортного контроля, делающих исполнение незаконным или фактически невозможным, обязательства приостанавливаются на срок до 180 дней, сроки исполнения продлеваются на период препятствий, стороны, действуя добросовестно и предпринимая разумные усилия, организуют альтернативные маршруты, замену банка-исполнителя и валюты платежа, предоставляют подтверждения в виде отказов банков и лицензий органов контроля, по истечении 180 дней любая сторона вправе прекратить договор без штрафов» [6].

Далее рассмотрим право на отказ при риске вторичных санкций. «Если продолжение исполнения создает риск применения вторичных санкций к стороне или к группе лиц, к которой она принадлежит, и данное заключение подтверждено письменным мнением внешнего юридического консультанта, сторона вправе немедленно приостановить или прекратить исполнение без ответственности за убытки контрагента, возмещая лишь фактически понесенные и документально подтвержденные расходы до даты уведомления».

В примере связанном с платежной адаптацией и заменой валюты используется формулировка: «При блокировании расчетов в долларах США в связи с санкциями стороны, уведомляя друг друга и согласовывая технические параметры, переходят на расчеты в евро, юанях или дирхамах, указывают альтернативные банки-корреспонденты, согласуют курс конвертации по фиксированному источнику на дату инвойса, при невозможности платежа в любой валюте используют депонирование в эскроу, при зачислении на эскроу денежные средства считаются уплаченными своевременно».

Оговорка об экспортном контроле и запрете реэкспорта «No Russia» закрепляет обязанность покупателя соблюдать нормы экспортного контроля, установленные законодательством США, Европейского союза, Великобритании и Швейцарии, а также предотвращать прямой или косвенный реэкспорт продукции в Россию, Беларусь и иные территории, находящиеся под ограничениями. Покупатель, внедряя аналогичные обязательства во все сделки последующей реализации, формирует непрерывную цепочку контроля, а поставщик, обладая правом проведения аудита, проверяет соблюдение требований и при выявлении нарушений расторгает договор с удержанием ликвидированной неустойки, определяемой в процентах от стоимости поставленной партии [8].

Банковская оговорка в аккредитиве регулирует поведение подтверждающего банка при санкционном скрининге, устанавливая пределы его ответственности и допустимые основания для отказа в платеже. Банк, выявляя санкционные риски, отказывает в платеже только при подтвержденном нахождении заявителя, бенефициара, перевозчика или судна в официальных санкционных перечнях либо при наличии действующего эмбарго, при отсутствии правовых препятствий он обязан добросовестно запрашивать разрешение компетентных органов и не вправе ссылаться на внутренние комплаенс-политики без объективных причин.

Оговорка о морской перевозке по модели BIMCO применяется при чартерных соглашениях и направлена на предотвращение санкционных нарушений в сфере судоходства [11]. Фрахтователь и судовладелец, подтверждая отсутствие санкционного статуса у сторон, грузовладельца и груза, предусматривают право судовладельца отказаться от захода в порт, загрузки или рейса при наличии санкционных рисков и при невозможности безопасного выполнения перевозки договор расторгается без ответственности, а фрахтователь компенсирует расходы, связанные с простоем и перегрузкой судна.

Оговорка об уведомлении, проверке контрагентов и аудите (KYC) обеспечивает прозрачность цепочки взаимодействий и своевременное информирование о санкционных рисках. Стороны, проводя постоянный мониторинг участников сделки, обязуются незамедлительно уведомлять друг друга о включении в санкционные списки любых лиц, связанных с исполнением договора, раскрывать структуру собственности и предоставлять обновленные KYC-досье, а при нарушении обязанности по уведомлению договор подлежит расторжению, а виновная сторона возмещает документально подтвержденные убытки [1].

Оговорка о дифференцированной применимости направлена на сохранение действительности договора при столкновении различных санкционных режимов. Если, к примеру санкции иностранного государства не применимы к одной из сторон или противоречат обя-

зательным нормам ее права, условие продолжает действовать в отношении другой стороны, не прекращая договор в целом. При частичной невозможности исполнения стороны согласуют изменения, сохраняют действительность положений, не противоречащих ограничениям, и распределяют риски в равных долях.

Таблица 2. Российские и международные компании, использовавшие санкционные оговорки

Компания	Год	Страна	Отрасль	Содержание санкционной оговорки
АО «Учалинский ГОК» – ООО «Сандвик Майнинг энд Констракшн СНГ»	2022	Россия – Швеция	Горнодобывающая	Право поставщика прекратить исполнение при санкциях ЕС
ПАО «Газпром» – Uniper SE	2023	Россия – Германия	Энергетика	Арбитражное условие, отсутствие прямой санкционной оговорки, спор о невыполнении поставок
ГК «Росатом» – Fennovoima Oy	2022	Россия – Финляндия	Инвестиции (атомная энергетика)	Прекращение исполнения по инициативе заказчика из-за санкционных рисков
JP Morgan Chase	2023	США	Финансы	Банк вправе не проводить операции при угрозе санкций OFAC
Maersk Line	2022	Дания	Морские перевозки	Отказ от перевозки санкционированных грузов

Российские и международные компании активно применяли санкционные оговорки, стремясь минимизировать риск неисполнения обязательств при изменении правового режима. Российская практика показала наиболее яркие примеры после 2022 года, когда поставщики и покупатели начали включать в договоры прямые формулировки о приостановлении или прекращении обязательств при санкциях.

АО «Учалинский ГОК» заключило контракт с ООО «Сандвик Майнинг энд Констракшн СНГ», дочерним обществом шведской Sandvik, где пункт о санкциях давал поставщику право прекратить исполнение, если ограничения ЕС или национальные меры препятствуют отгрузке оборудования. В 2023 году при наступлении указанных условий компания воспользовалась оговоркой, уведомив заказчика и избежав взыскания неустойки. Суд подтвердил, что наличие санкционного условия исключает применение общих норм о форс-мажоре и само по себе служит основанием для прекращения обязательств, что стало прецедентом для российской судебной практики.

В аналогичном споре между АО «Сибирь-Полиметаллы» и тем же поставщиком Sandvik санкционная оговорка имела ту же структуру, однако суд в 2024 году возложил риск санкций на поставщика, указав, что санкции существовали на момент подписания договора, а сторона должна была предусмотреть возможность исполнения альтернативными способами, различие исходов по почти идентичным оговоркам подтвердило зависимость результата от доказательств реальной невозможности исполнения и степени осмотристельности сторон.

ПАО «Газпром» столкнулось с международными исками после прекращения поставок газа в Европу. Контракты с Uniper SE, PGNiG и OMV не содержали санкционных оговорок, что привело к решениям арбитражей о взыскании миллиардных сумм за нарушение условий поставки. Если бы в договорах присутствовали положения о праве приостановить исполнение при санкционных рисках, исход споров мог бы быть иным. С 2023 года в новых контрактах «Газпрома» с партнерами из Китая и Индии уже закреплены прямые положения о приостановке обязательств при угрозе вторичных санкций [3].

Госкорпорация «Росатом» при реализации проекта АЭС «Ханхикиви-1» с финской Fennovoima Oy в 2022 году столкнулась с односторонним расторжением по инициативе заказчика, мотивированным санкционными рисками. Отсутствие прямого условия о санкциях осложнило защиту интересов «Росатома», и спор был вынесен в арбитраж ICC, после этого корпорация включила обязательные санкционные оговорки в новые международные контракты, прописывая порядок уведомления, доказательства и компенсации расходов.

В международной банковской сфере санкционные оговорки стали неотъемлемой частью кредитных и расчетных документов. JP Morgan, HSBC и Deutsche Bank с 2022 года применяют формулировку, предоставляющую банку право приостановить транзакции или закрыть счет, если выполнение операции нарушает санкционные правила OFAC или ЕС [10].

Европейские авиализинговые компании AerCap и SMBC в 2022 году активировали санкционные оговорки, включенные в договоры с российскими авиаперевозчиками, потребовав возврата самолетов после введения запрета на экспорт и лизинг авиатехники в Россию, и, хотя фактическое возвращение воздушных судов не произошло, юридически расторжения были признаны действительными на основании санкционных условий и регламентов ЕС.

В страховом секторе лондонский рынок Lloyd's обновил модельную оговорку JC2010–014, исключая обязанность страховщика производить выплаты при санкциях против страхователя или бенефициара, после 2022 года это условие стало обязательным для всех крупных международных полисов, связанных с перевозками, энергетикой и экспортом оборудования [7].

Далее проведем сравнение регулирования санкционных оговорок по различным юрисдикциям.

Таблица 3. Сравнительная характеристика регулирования санкционных оговорок по юрисдикциям

Юрисдикция	Отношение к санкционным оговоркам	Судебная практика 2022–2025 гг.
Великобритания	Признаются действительными при ясных формулировках	Дела Lamesa v. Synergy, MUR Shipping v. RTI
США	Допускаются, интегрируются в compliance-условия	Судебные споры отсутствуют, решения банков исполняются
ЕС	Признаются, но подчиняются блокирующим регламентам	Введение обязательной клаузулы «No Russia»
Россия	Допустимы, при соблюдении публичного порядка РФ	Дела Sandvik, Сибирь-Полиметаллы
Китай	Ограничиваются законом AFSL	Дело Нанкинского суда 2024 г.

В Великобритании санкционные оговорки признаются законными и широко применяются в договорах, регулируемых английским правом. Судебная практика по делам Lamesa v. Synergy и MUR Shipping v. RTI закрепила подход, при котором суды толкуют оговорки буквально, если стороны ясно определили перечень санкционных режимов и последствия их введения.

В США оговорки интегрированы в комплаенс-политику и сопровождают все крупные кредитные и торговые контракты. Банки и корпорации формулируют их в соответствии с требованиями OFAC, закрепляя право прекращения отношений без ответственности.

В Европейском союзе санкционные оговорки применяются с учетом блокирующих регламентов, ограничивающих подчинение иностранным санкциям. Европейские суды придерживаются умеренного подхода, проверяя соответствие оговорки публичному порядку ЕС и допустимость ссылок на санкции третьих стран [9].

В Китае санкционные оговорки ограничены Законом «О противодействии иностранным санкциям». Суд г. Нанкина в 2024 году признал недопустимым отказ иностранного покупателя от исполнения из-за санкций OFAC, квалифицировав условие о подчинении иностранным мерам как противоречащее национальному правопорядку, в связи с этим китайские контракты теперь чаще включают формулировки, отсылающие только к санкциям ООН [4].

В нейтральных юрисдикциях – ОАЭ, Турции и Индии – санкционные положения применяются избирательно. Компании включают их для защиты при взаимодействии с западными партнерами, однако формулируют нейтрально, ограничивая действие санкций лишь теми, которые прямо применимы по местному законодательству [5].

Санкционные оговорки превратились в устойчивый инструмент договорного регулирования, отражающий баланс интересов сторон в условиях внешнеполитической нестабильности, а их включение в международные контракты позволило компаниям выстраивать предсказуемые механизмы защиты от рисков нарушения обязательств и вторичных санкций.

Литература

1. «Квалификация санкций в практике расторжения договоров» – статья в CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-sanktsiy-v-praktike-rastorzheniya-dogovorov-zaschita-interesov-kontragentov> Дата доступа: 07.10.2025.

2. «Санкционные или антисанкционные оговорки в договоре: обзор практики» – публикация на Law.ru. URL: <https://www.law.ru/article/28355-sanktsionnye-ili-antisanktsionnye-ogovorki-v-dogovore-obzor-praktiki> Дата доступа: 07.10.2025.

3. «Sanctions Clauses under Singapore Law: An Objective Inquiry, and Validity Questioned» (Gibson Dunn) – аналитический клиентский алект по делу Kuvera. URL: <https://www.gibsondunn.com/sanctions-clauses-under-singapore-law-an-objective-inquiry-and-validity-questioned/> Дата доступа: 07.10.2025.

4. Постановление Восемнадцатого арбитражного округа. URL: <https://base.garant.ru/66497937/> Дата доступа: 07.10.2025.

5. Постановление Девятого арбитражного округа (ссылка через базу Гарант). URL: <https://base.garant.ru/66492576/> Дата доступа: 07.10.2025.

6. ALRUD – «Дело в практике. Санкционная оговорка – панацея или приговор?», обзор российской судебной практики. URL: https://www.alrud.ru/storage/article_data/4166_3094/%D0%94%D0%B5%D0%B%D0%BE_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%E2%84%96_4_%D0%A1%D0%B0%D0%B%D0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0_%D0%BF%D0%B0%D0%B%D0%D0%B0%D1%86%D0%B5%D1%8F_%D0%B8%D0%B%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80.pdf Дата доступа: 07.10.2025.

7. Hill Dickinson – «Sanctions Clauses – the devil's in the detail», анализ применения санкционных оговорок в аккредитивах. URL: <https://www.hilldickinson.com/insights/articles/sanctions-clauses-devils-detail> Дата доступа: 07.10.2025.

8. Jurisdictional Battleground in Disputes with Sanctioned Persons – Mayer Brown. URL: <https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2024/07/jurisdictional-battleground-in-disputes-with-sanctioned-russian-persons> Дата доступа: 07.10.2025.

9. Kuvera Resources Pte Ltd v JPMorgan Chase Bank, NA – обзор дела, включая оценку санкционной оговорки в аккредитиве. URL: <https://www.judiciary.gov.sg/judgments/case-briefs-by-smu/kuvera-resources-pte-ltd-v-jpmorgan-chase-bank> – на Дата доступа: 07.10.2025.

10. Lexology – «Singapore Court of Appeal decision in Kuvera v JP-Morgan», обзор апелляционного решения. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d3760b2d-dd39-4b56-84d8-9baef4e511fc> Дата доступа: 07.10.2025.

11. Recent update on Sanctions Clause judgment – Eversheds Sutherland. URL: <https://www.eversheds-sutherland.com/fi/finland/insights/recent-update-on-sanctions-clause-judgment-can-financial-institutions-fully-offload-the-sanctions-ri> Дата доступа: 07.10.2025.

SANCTION CLAUSES IN INTERNATIONAL CONTRACTS

Malinovskiy M.S.
A.S. Griboyedov Moscow State University

The study is devoted to sanction clauses included in international contracts between 2022 and 2025, a period marked by significant transformation of international law and trade regulation under the influence of global sanctions. The purpose of the research is to identify the legal nature of sanction clauses, define their contractual functions, and analyze their role in ensuring the stability of cross-border economic relations amid growing geopolitical restrictions. The objectives include classification of sanction provisions, examination of their inclusion in contracts between Russian and foreign companies, analysis of arbitral and judicial decisions, and identification of patterns in their interpretation and enforceability across jurisdictions.

The methodology combines dialectical, formal-legal, comparative, statistical, and content analysis methods, which allowed for the tracing of the evolution of contractual practices and the identification of trends in the use of sanction clauses during 2022–2025. The study examines agreements involving major corporations such as Gazprom, Rosatom, JP Morgan, Sandvik, Maersk, Fennovoima, and Lloyd's, where sanction provisions were used to mitigate non-performance risks, adjust currency of payments, and manage contractual obligations under changing legal regimes. Decisions of LCIA, ICC, and the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation demonstrated that precise wording of sanction clauses directly affects dispute outcomes and determines the validity of contract termination.

The practical value of the research lies in its applicability to the drafting of international contracts in compliance with sanction regimes, as well as to the development of corporate compliance systems and risk management policies.

Keywords: sanction clause, international contract, arbitration practice, sanctions, foreign economic activity, contract law, private international law.

References

1. «Qualification of Sanctions in Contract Termination Practice» – article in CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-sanktsiy-v-praktike-rastorzheniya-dogovorov-zaschita-interesov-kontragentov> Date of access: 07.10.2025.

2. «Sanctions or Anti-Sanctions Clauses in Contracts: A Review of Practice» – publication on Law.ru. URL: <https://www.law.ru/article/28355-sanktsionnye-ili-antisanktsionnye-ogovorki-v-dogovore-obzor-praktiki> Date of access: 07.10.2025.

3. "Sanctions Clauses under Singapore Law: An Objective Inquiry and Validity Questioned" (Gibson Dunn) – analytical client alert on the Kuvera case. URL: <https://www.gibsondunn.com/sanctions-clauses-under-singapore-law-an-objective-inquiry-and-validity-questioned/> Date of access: 07.10.2025.

4. Resolution of the Eighteenth Arbitration Circuit. URL: <https://base.garant.ru/66497937/> Date of access: 07.10.2025.

5. Resolution of the Ninth Arbitration Circuit (link via the Garant database). URL: <https://base.garant.ru/66492576/> Date of access: 07.10.2025.

6. ALRUD – "The Case in Practice. "A Sanctions Clause: A Panacea or a Sentence?", A Review of Russian Judicial Practice. URL: https://www.alrud.ru/storage/article_data/4166/3094/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%B2_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5_%E2%84%96_4_%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%86%D0%B8%D0%BE_%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0_%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B5%D1%8F_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80.pdf Access date: 10/07/2025.

7. Hill Dickinson – "Sanctions Clauses – the devil's in the detail", analysis of the use of sanctions clauses in letters of credit. URL: <https://www.hilldickinson.com/insights/articles/sanctions-clauses-devils-detail> Date of access: 07.10.2025.

8. Jurisdictional Battleground in Disputes with Sanctioned Persons – Mayer Brown. URL: <https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2024/07/jurisdictional-battleground-in-disputes-with-sanctioned-russian-persons> Date of access: 07.10.2025.

9. Kuvera Resources Pte Ltd v JPMorgan Chase Bank, NA – case review, including assessment of the sanctions clause in the letter of credit. URL: <https://www.judiciary.gov.sg/judgments/case-briefs-by-smu/kuvera-resources-pte-ltd-v-jpmorgan-chase-bank-na> Date of access: 07.10.2025.

10. Lexology – "Singapore Court of Appeal decision in Kuvera v JPMorgan," summary of the appellate decision. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d3760b2d-dd39-4b56-84d8-9baef4e51f1c> Date of access: 07.10.2025.

11. Recent update on Sanctions Clause judgment – Eversheds Sutherland. URL: <https://www.eversheds-sutherland.com/fi/finland/insights/recent-update-on-sanctions-clause-judgment-can-financial-institutions-fully-offload-the-sanctions-ri> Date of access: 07.10.2025.

Мансуров Шохзодбек Шерзод Угли,

студент, Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: shokhzodbek.mansurov@mail.ru

Скрипник Оксана Богдановна,

д.э.н., доцент кафедры Экономической безопасности
и управления рисками Финансового университета при
Правительстве РФ

Исследование посвящено анализу уязвимостей виртуальных денежных средств в современных условиях. Анализируются риски таких видов виртуальных денег, как криптовалюты, цифровые валюты центральных банков, а также деньги, используемые в онлайн-играх и виртуальных платформах. В статье проведен детальный обзор уязвимостей каждого типа виртуальных денег, с акцентом на существующие риски (кибератаки, мошенничество, проблемы с регулированием и др.). В исследовании сделан вывод, который позволит оценить современные уязвимости виртуальных денежных средств и выработать рекомендации для их минимизации в будущем.

Ключевые слова: уязвимости, виртуальные деньги, кибербезопасность, блокчейн, атаки, криптовалюты, риски, защита данных.

Допустимость использования виртуальных денежных средств регулируется национальным законодательством страны исходя из целей, задач устойчивого развития территории и обеспечения должного уровня экономической безопасности государства, общества, личности. Виртуальные денежные средства имеют потенциал развития в условиях глобальных трансформаций и высокой неопределенности. Риски, сопряженные с использованием виртуальных денежных средств надо учитывать в условиях глобальных изменений и высокой неопределенности. С учетом современных интеграционных процессов и глобальной повестки устойчивого развития территорий [9] виртуальные денежные средства могут стать синергетическим катализатором реформенных преобразований в экономическом, политическом и социальном аспектах развития стран.

Рынок виртуальных банковских услуг показывает динамику быстрого роста практически во всех государствах мира. Так, в 2022 году общий объем транзакций на данном рынке достиг 3,21 трлн долларов США (Рисунок 1) [8].

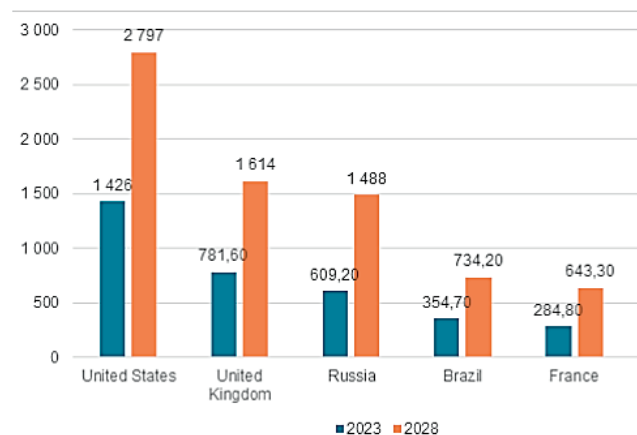


Рис. 1. Стоимость транзакций виртуальных банков в ведущих странах в 2023 году и прогноз на 2028 год [8]

Виртуальные денежные средства представляют собой цифровые активы, которые используются для обмена и хранения ценностей, но при этом не имеют физической формы, как традиционные деньги.

В виртуальные денежные средства входят различные типы валют:

- криптовалюты (биткойн и эфириум);
- цифровые валюты центральных банков;
- деньги, используемые в онлайн-играх и виртуальных платформах.

Сущность виртуальных денег заключается в их децентрализованной природе, такой подход позволяет осуществлять транзакции без посредников, таких как банки. Благодаря виртуальным денежным средствам создаются новые возможности для пользователей, однако порождает определённые риски, связанные с безопасностью и отсутствием регулирования.

Сегодня виртуальные деньги активно используются в качестве средства накопления, инвестирования и покупки товаров и услуг в интернете, формируя новый сегмент финансового рынка.

Криптовалюта – это виртуальная валюта, использующая криптографию для обеспечения безопасности транзакций и контроля создания новых единиц, функционирующая на основе технологии блокчейн [3, с. 291].

Рынок криптовалют испытывает различные уязвимости (риски), способные оказать воздействие на активы пользователей (Таблица 1).

Следовательно, сегодня криптовалютный рынок сталкивается с различными уязвимостями (технологические, юридические, финансовые, операционные). Для минимизации данных рисков пользователям рекомендуется использовать холодное хранение, активировать двухфакторную аутентификацию, быть осведомлёнными о законодательстве, диверсифицировать портфель и выбирать надёжные платформы для обмена. Эффективная стратегия защиты поможет снизить негативное влияние данных уязвимостей на активы.

№ 12 2025 [ЮН]

«Цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег» [7].

На рисунке 2 представлена схема двухуровневой розничной модели цифрового рубля.

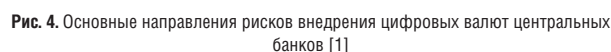


На рисунке 3 представлены преимущества цифрового рубля по мнению ЦБ РФ.



Существует также риск зависимости от технологий – в случае банковского сбоя или проблем с серверами пользователи могут остаться без доступа к своим средствам и не смогут проводить расчёты. Данный риск создаёт дополнительные опасности, особенно в ситуациях, когда быстрая оплата очень важна [2].

Риск безопасности при введении цифрового рубля связан с угрозами кибератак, приводящих к потере средств, утечке личной информации пользователей. С каждым годом всё чаще системы подвергаются новым видам мошенничества, увеличивается вероятность неправомерных списаний. Полная зависимость от цифровых технологий делает пользователей уязвимыми в случае сбоев или катастроф, ограничивая доступ к своим средствам. Недостаточные механизмы защиты данных угрожают конфиденциальности финансовой информации и даже самые безопасные системы могут быть взломаны.



Деньги, используемые в онлайн-играх и виртуальных платформах, представляют собой виртуальные валюты или кредиты, которые игроки могут зарабатывать, покупать или обменивать в рамках игровых

экосистем для приобретения виртуальных товаров, услуг или улучшений.

К рискам виртуальных денежных средств в онлайн-играх и платформах относятся:

- возможность мошенничества и кражи аккаунтов;
- нарушения правил использования и блокировка учётных записей;
- зависимость от политики разработчиков (к примеру, изменения в правилах или закрытие игр, зачастую приводящие к потере накопленных виртуальных денежных средств).

Для минимизации рисков виртуальных денежных средств в онлайн-играх и на платформах следует использовать надёжные пароли и двухфакторную аутентификацию, чтобы защитить свои аккаунты от кражи; внимательно читать и соблюдать правила использования, чтобы избежать блокировки; следить за обновлениями политики разработчиков и разрабатывать стратегию сохранения средств (к примеру, избегать чрезмерной зависимости от одной игры или платформы, чтобы минимизировать потенциальные потери).

Можно сделать вывод о том, что минимизация уязвимостей виртуальных денежных средств является важным направлением для защиты финансовых активов пользователей и сохранения доверия к данным формам денег. Учитывая высокую уязвимость к мошенничеству, кражам, изменениям в законодательстве и зависимость от политик разработчиков, пользователи должны активно принимать меры для защиты своих средств и информации. Реализация мероприятий по минимизации рисков не только повысит безопасность и сохранность активов, но и позволит людям в большей степени интегрироваться в развивающийся цифровой финансовый мир с уверенностью и осознанностью.

Литература

1. Акаева А.А., Кравцова А.А. Риски внедрения цифровых валют центральными банками // URL: <https://elilib.bsu.by/bitstream/123456789/327292/1/121-126.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).
2. Казакова Е. Что означает переход на цифровой рубль для россиян: от опасностей до последствий // Информационно-аналитический портал ИНК. URL: <https://incrussia.ru/understand/tsifrovoy-rubl/> (дата обращения 07.04.2025).
3. Особенности развития и функционирования рынка криптовалюты в современных экономических реалиях / А.В. Адер, А.В. Дудко, Н.В. Моряженкова [и др.] // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 4(42). – С. 290–304.
4. Риски использования криптовалют в 2025 году: как минимизировать угрозы при обмене и хранении // Информационно-аналитический портал DTF. URL: <https://dtf.ru/u/1979953-aifory-pro/3638179-riski-ispolzovaniya-kriptovalyut-v-2025-godu-kak-minimizirovat-ugrozy-pri-obmene-i-hranenii> (дата обращения 06.04.2025).
5. Тебекин А.В. Риски внедрения цифрового рубля в России // Журнал экономических исследований, Т. 9 № 4, 2023. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/71300/view> (дата обращения 06.04.2025).
6. Темичев Ю.А. Внедрение цифрового рубля в экономику России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2025. № 1. Электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovogo-rublya-v-ekonomiku-rossii> (дата обращения: 07.04.2025).

7. Цифровой рубль // Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Официальный сайт. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения 07.04.2025).

8. Черкасова А. Д., Горбачева Т.А. Риски виртуального банковского бизнеса // Индустриальная экономика. 2025. № 2. Электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-virtualnogo-bankovskogo-biznesa> (дата обращения: 07.04.2025).

9. Скрипник, О.Б. Принципы и научные подходы к построению системы критериев для оценки и формулирования политических целей в сфере устойчивого развития и экономической безопасности / О.Б. Скрипник // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2025. – № 5. – С. 172–182. – EDN: OJRBMG

VULNERABILITIES OF VIRTUAL MONEY IN MODERN CONDITIONS

Mansurov Sh., Skripnik O.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The study is devoted to the analysis of the vulnerabilities of virtual money in modern conditions. The risks of such types of virtual money as cryptocurrencies, central bank digital currencies, as well as money used in online games and virtual platforms are analyzed. The article provides a detailed overview of the vulnerabilities of each type of virtual money, with an emphasis on existing risks (cyber-attacks, fraud, regulatory problems, etc.). The study draws a conclusion that will allow us to assess the current vulnerabilities of virtual money and develop recommendations for minimizing them in the future.

Keywords: vulnerabilities, virtual money, cybersecurity, blockchain, attacks, cryptocurrencies, risks, data protection.

References

1. Akayeva A.A., Kravtsova A.A. Risks of introducing digital currencies of central banks // URL: <https://elilib.bsu.by/bitstream/123456789/327292/1/121-126.pdf> (date of reference: 04/07/2025).
2. Kazakova E. What the transition to the digital ruble means for Russians: from dangers to consequences // Information and Analytical Portal Inc. URL: <https://incrussia.ru/understand/tsifrovoy-rubl/> (accessed 04/07/2025).
3. Features of the development and functioning of the cryptocurrency market in modern economic realities / A.V. Ader, A.V. Dudko, N.V. Moryzhenkova [et al.] // CITISE. – 2024. – № 4(42). – Pp. 290–304.
4. Risks of using cryptocurrencies in 2025: how to minimize threats when exchange and storage // Information and analytical portal DTF. URL: <https://dtf.ru/u/1979953-aifory-pro/3638179-riski-ispolzovaniya-kriptovalyut-v-2025-godu-kak-minimizirovat-ugrozy-pri-obmene-i-hranenii> (accessed 04/06/2025).
5. Tebekin A.V. The risks of introducing the digital ruble in Russia // Journal of Economic Research, Vol. 9 No. 4, 2023. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/71300/view> (accessed 04/06/2025).
6. Temichev Yu.A. Introduction of the digital ruble into the Russian economy // Intelligence. Innovation. Investment. 2025. No. 1. CyberLeninka Electronic Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tsifrovogo-rublya-v-ekonomiku-rossii> (date of request: 04/07/2025).
7. Digital ruble // Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia). The official website. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (accessed 04/07/2025).
8. Cherkasova A.D., Gorbacheva T.A. Risks of virtual banking business // Industrial Economics. 2025. No. 2. CyberLeninka Electronic Library. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-virtualnogo-bankovskogo-biznesa> (date of request: 04/07/2025).

Роль программы ООН по окружающей среде в гармонизации стандартов экологической ответственности и возмещения ущерба

Марталер Валерия Сергеевна,

аспирант кафедры международного права Казанского
(Приволжского) федерального университета
E-mail: ValSMartaler@kpfu.ru

В статье рассматривается роль Программы ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП) в качестве институционального фундамента для гармонизации стандартов экологической ответственности и возмещения ущерба. Цель исследования заключается в оценке возможностей ЮНЕП стать эффективной платформой для создания универсальной системы возмещения экологического ущерба. Методологическую основу работы составили формально-юридический анализ мандата и инструментов ЮНЕП, а также исследование практического применения разработанных в рамках Программы методологических подходов в международном праве. В результате исследования выявлено, что ЮНЕП обладает необходимым потенциалом для формирования справедливой и научно обоснованной системы ответственности и возмещения за экологический ущерб на универсальном уровне. Сделаны выводы о том, что трансформация ЮНЕП в полноценную правовую платформу создаст необходимые стимулы для государств и корпораций к соблюдению экологических норм. Реализация данного подхода является ключевой предпосылкой для эффективного преодоления глобальных экологических проблем и обеспечения ответственности за причиненный экологический вред.

Ключевые слова: Программа ООН по окружающей среде; международное экологическое право; международная ответственность; трансграничный вред; оценка экологического ущерба; возмещение экологического вреда.

С момента своего учреждения в 1972 году ЮНЕП функционирует в качестве ключевого координирующего органа системы ООН в области экологии. Однако ее роль, как отмечается в доктрине международного права, значительно расширилась за прошедшие десятилетия [20, с. 92, 201]. В частности, изначально ограниченная функцией наблюдения и общей координации ЮНЕП постепенно трансформировалась в передовую платформу, призванную унифицировать подходы к определению ответственности за экологический ущерб и его возмещению.

Нарастающая угроза глобальных экологических кризисов превращает потребность в едином методологическом подходе в императив. Требуется формирование такого международного механизма оценки и возмещения вреда, который был бы не только научно обоснованным, но и применимым на практике. Без подобного регулирования государства лишены эффективных рычагов воздействия на причинителей вреда, а общественность – надлежащих гарантий соблюдения экологических прав.

Оценка значимости ЮНЕП невозможна без анализа базовых понятий, определяющих ее стратегию. Центральное место в системе Программы занимает экосистемный подход, служащий универсальным инструментом для преодоления экологических вызовов планетарного масштаба [34; 4].

Согласно А.М. Солнцеву, экосистемный подход представляет собой стратегию комплексного управления природными ресурсами, гарантирующую их сохранение и справедливое использование [7, с. 19]. В основе лежит понимание экосистемы не как статичной совокупности организмов и среды, а как динамичного функционального единства, способного к саморегуляции [3]. Логическим развитием данного подхода выступает концепция экосистемных услуг – благ, получаемых человечеством от природы, которые традиционно классифицируются на четыре категории: снабжающие, регулирующие, поддерживающие и культурные.

Центральное место в методологии ЮНЕП занимает переосмысление понятия экологического ущерба, знаменующее собой качественный сдвиг в эволюции экологического права. Согласно подходу ЮНЕП, нашедшему подтверждение в практике Международного Суда ООН, данная категория не сводится лишь к физической деградации природных компонентов [18]. Речь идет о явлении более глубокого порядка – снижении или полной утрате способности экосистемы предоставлять блага человечеству. Именно благодаря внедрению экосистемного подхода оценка вреда переводится из плоскости абстрактных величин в сферу конкретных экономических потерь, ощутимых как для общества, так и для государства.

Комплексное понимание экологического вреда побудило ЮНЕП отказаться от редукционизма, присущего классическим методикам его оценки, в пользу концепции полной экономической стоимости (*Total Economic Value*) [33]. Преимущество данного подхода становится очевидным при сравнении с системными ограничениями традиционных моделей.

В отличие от затратного подхода (*cost-based approach*), сводящего ущерб лишь к учету расходов на рекультивацию, методология ЮНЕП преодолевает его методологическую ограниченность, учитывая не только стоимость технических работ, но и факторы необратимости потерь, а также упущенную выгоду от недоступности экосистемных услуг в период до полного восстановления среды. Кроме того, в противовес рыночному подходу (*market-based approach*), применимому исключительно к ресурсам, имеющим прямую рыночную стоимость, подход ЮНЕП позволяет стоимостную оценку нерыночных благ (очистки воздуха, эстетики ландшафта, биоразнообразия), которые ранее оставались за рамками экономического анализа из-за отсутствия механизмов рыночного ценообразования [16]. Наконец, в отличие от административного подхода (*regulatory approach*), устанавливающего штрафные санкции за нарушение экологических стандартов в отрыве от реальной величины ущерба, модель ЮНЕП связывает ответственность с реальным многомерным воздействием на экосистему, смещая фокус с формального наказания нарушителя на полноценную компенсацию и восстановление природного капитала [14].

Архитектура концепции полной экономической стоимости ЮНЕП складывается из двух компонентов: стоимость использования (*use val-*

ue) и стоимость неиспользования (*non-use value*), каждый из которых подразделяется на специфические подкатегории, формирующие многомерную картину экосистемной ценности.

Как справедливо подчеркивают эксперты в области экономики природопользования, традиционные методики достигали относительного успеха в определении стоимости компонентов прямого использования, а также систематически игнорировали косвенное использование. Однако именно косвенные услуги часто составляют доминирующую долю от общей экономической стоимости многих экосистем [28, с. 6–7; 2, с. 69; 32, с. 10–12]. Следовательно, разработку специализированных инструментов оценки косвенных услуг можно признать инновационным прорывом методологии ЮНЕП.

Не менее важным является введение ЮНЕП категории «стоимость неиспользования», которая охватывает услуги, доступные человечеству просто в силу осознания существования природного объекта, его сохранности и функциональности, что отражает не только приверженность идее межпоколенческой справедливости, но и глубокую экокентрическую этическую позицию.

Революционность методологического подхода ЮНЕП, помимо прочего, заключается в создании практического инструментария для оценки всех компонентов полной экономической стоимости экосистем, объединяющего разнообразные техники расчета. В частности, для оценки стоимости использования применяются методы, основанные на реальном рыночном поведении: анализ рыночных цен для торгуемых благ; метод предотвращенного ущерба для оценки услуг экосистемного регулирования и защиты; метод транспортных затрат для рекреации; гедоническое ценообразование для недвижимости, а также метод переноса выгод. В отношении же стоимости неиспользования, не поддающейся прямому наблюдению, используются методы заявленных предпочтений, такие как метод условной оценки и моделирование выбора [23].

Важным вкладом ЮНЕП в международную стандартизацию оценки экологического ущерба стала разработка структурированного трехэтапного алгоритма оценки, требующего последовательного прохождения всех стадий: от установления факта ущерба и причинно-следственной связи (1 этап) через детальное биофизическое измерение изменений каждого компонента (2 этап) к экономической оценке (3 этап). При этом, принципиальной новизной третьего этапа является включение в расчет не только прямых затрат на восстановление, но и стоимости временной утраты экосистемных услуг (так называемая *interim loss*) в период до полного восстановления экосистемы.

Таким образом, в отличие от традиционных подходов, методология ЮНЕП обеспечивает системный учет всех факторов, что знаменует парадигмальный сдвиг от простой денежной компенсации к комплексному восстановлению экосистемы [15].

Полное понимание причин усиления роли ЮНЕП в области стандартизации оценки экологического ущерба невозможно без рассмотрения развития ее правового статуса и институционального мандата в системе ООН. Учрежденная резолюцией 2997 (XXVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1972 года по итогам Стокгольмской конференции, ЮНЕП претерпела значительную эволюцию, завершившуюся структурной реформой 2012 года на саммите «Рио+20», которая укрепила ее позицию как ведущего органа по охране окружающей среды в ООН [35].

Вместе с тем в институциональной архитектуре ЮНЕП следует подчеркнуть интересный парадокс: при де-факто статусе глобального лидера в экологии она остается программой, а не специализированным учреждением ООН, и не располагает формальными исполнительными полномочиями. Однако именно эта структурная особенность обеспечивает ей критическое преимущество: научную беспристрастность и методологическую независимость [1, с. 112]. Как утверждает М. Иванова, «авторитет ЮНЕП проистекает не из ее кошелька или возможности принуждения, а из ее доверия как организации, основанной на науке. Ее статус вспомогательного органа защитил ее от некоторого политического давления, позволив сохранить беспристрастность в научной оценке» [20, с. 92, 201].

Влияние ЮНЕП реализуется через мягкое нормативное воздействие: разработку методологических стандартов, организацию научных консультаций, техническую поддержку национальным государствам и разработку международных инструментов.

История деятельности ЮНЕП в области оценки экологического ущерба демонстрирует последовательное накопление экспертных знаний. В 1977 году ЮНЕП созвала первую Группу экспертов по ответственности за загрязнение, а в 1982 году приняла Монтевидейскую программу по разработке экологического права, выделив режим ответственности за экологический ущерб приоритетом первого порядка. Параллельно ЮНЕП способствовала разработке ключевых многосто-

ронных конвенций (Венская конвенция об озоновом слое 1985 года, Монреальский протокол 1987 года, Базельская конвенция об опасных отходах 1989 года и Протокол об ответственности 1999 года), установивших принципы экологической ответственности.

Решение Совета управляющих ЮНЕП SS.XI/5 2010 года утвердило «Руководящие принципы разработки национального законодательства об ответственности и компенсации за ущерб», сместив фокус с физического повреждения на функциональные потери.

Качественным прорывом стало создание Системы эколого-экономического учета экосистем (SEEA-EA) – первого международного статистического стандарта, принятого Статистической комиссией ООН в 2021 году [13]. Данная система формирует гармонизированную методологическую базу для интеграции экологических данных в национальные счета и позволяет проводить количественную оценку природных активов и экосистемных услуг.

Эффективность SEEA-EA подтверждается динамикой ее глобального распространения: за период с 2020 по 2023 год число применяющих ее государств увеличилось с 34 до 41, охватив страны Европейского союза, Великобританию и ряд развивающихся экономик Африканского и Азиатского регионов [17, с. 6].

Переломным моментом в институционализации этого методологического подхода явилось принятие Регламента Европейского союза 2024/3024, который трансформировал добровольные рекомендации в императивные правовые обязательства [27]. Установленные европейским регламентом требования обязывают государства ЕС применять стандарты SEEA-EA при составлении отчетности, охватывающей 12 типологических групп экосистем и 7 категорий экосистемных услуг, задавая тем самым нормативный образец для региональных интеграционных организаций [29].

ЮНЕП обеспечивает практическую имплементацию стандартов через систему специализированных методических инструментов, включая руководство 2024 года по сбору данных об экологическом ущербе в контексте вооруженных конфликтов.

Особого внимания заслуживает институциональное взаимодействие между ЮНЕП и Международным союзом охраны природы (далее – МСОП). Если ЮНЕП осуществляет нормативное координирование, то МСОП разрабатывает доктринальные основы и модельное законодательство, заполняя лакуну, образованную отсутствием единого кодифицированного международного регулирования экологического вреда. Синергия мандатов ЮНЕП и МСОП обуславливает формирование «сетевого стандарта» в области оценки экологического ущерба – системы взаимосвязанных принципов, обеспечивающей гармонизацию международной практики без кодификации единого обязательного акта [11].

Многоуровневая архитектура такого стандарта включает: принятие базовых принципов резолюциями ООН; их инкорпорацию в решения конференций сторон тематических конвенций; применение международными судебными органами и финансовыми институтами в качестве референтной базы при разрешении споров и принятии инвестиционных решений. Согласно О. Янгу, сетевой подход потенциально превосходит полностью интегрированный режим [36].

Целесообразность интеграции потенциалов ЮНЕП и МСОП для гармонизации стандартов оценки и компенсации экологического ущерба находит поддержку в научном экспертном сообществе в лице исследователей, определивших содержание современной повестки мягкого права в сфере гармонизации стандартов ответственности и возмещения экологического вреда [24, с. 83–86, 421–445].

Наиболее убедительным свидетельством эффективности ЮНЕП как платформы гармонизации стандартов в области оценки экологического ущерба является то, что разработанные ей методологические подходы и нормы начинают систематически применяться в решениях международных судов.

Решением по делу «Коста-Рика против Никарагуа» от 2 февраля 2018 года Международный суд ООН впервые присудил компенсацию за экологический ущерб *per se*, применив комбинированный метод, включивший как затраты восстановления, так и стоимость временной утраты экосистемных услуг – концепцию *interim loss* [30; 6]. Однако присужденная сумма (120 тыс. долларов за 50-летнюю потерю функций водно-болотных угодий) подверглась критике как несоразмерно заниженная и отражающая консервативный подход Суда [7; 25].

Тем не менее, решение Суда свидетельствует о постепенном признании международным правом необходимости полного возмещения экологического ущерба [21], и как подчеркивает А.М. Солнцев, именно ЮНЕП необходимо сыграть особую роль в разработке «универсальной методики оценки экологического ущерба, поскольку в будущем количество судебных дел, где такая оценка востребована, будет расти» [7].

Несмотря на прогресс, гармонизация стандартов экологической ответственности под эгидой ЮНЕП сталкивается с системной критикой.

Ключевое ограничение заключается в правовом статусе стандартов: их необязательность позволяет государствам и корпорациям селективно адаптировать нормы, избегая реальных обязательств [12; 10]. Практическая имплементация полной экономической стоимости наталкивается на высокие транзакционные издержки и требования к сбору данных, недоступные для развивающихся экономик [22]. Ситуация усугубляется системным сопротивлением со стороны ресурсодобывающих корпораций и государств-экспортеров. Как отмечают эксперты, существующим добровольным стандартам не хватает «зубов» для преодоления этого лобби [8].

Параллельно возникает риск институциональной фрагментации: универсальный метастандарт ЮНЕП может дестабилизировать специфические режимы (климатический, морской), снижая гибкость регулирования [37; 9].

Более острая критика исходит с эτικο-политических позиций. Политическая экология квалифицирует тотальную монетизацию природы как форму неокOLONIALИЗМА, при которой экосистемы Глобального Юга трансформируются в финансовые активы рынков Глобального Севера, навязывая утилитарную логику культурам, для которых природная среда обладает сакральной, онтологически неизмеримой ценностью [31; 26]. Кроме того, критический анализ выявляет проблемы в аспектах исторической ответственности: глобальные стандарты нивелируют права коренных народов и локальных сообществ, одновременно трансформируясь в инструмент «экологического протекционизма» возлагающего непропорциональное бремя на страны, не являющиеся главными виновниками глобального экологического кризиса [19].

Однако экспертная критика направлена не против самой идеи унификации, а против ее жесткости. Консенсус сводится к необходимости баланса между гибкостью регулирования, транспарентностью процедур и привлечением всех заинтересованных сторон.

В сложившихся условиях наиболее реалистичным сценарием представляется постепенная гармонизация, опирающаяся на накопленный методологический массив ЮНЕП и экспертный потенциал МСОП, с интеграцией системы SEEA-EA в национальные законодательства при сохранении возможностей региональной адаптации.

ЮНЕП уже функционирует де-факто в качестве центральной платформы глобального экологического управления [5]. Разработанная методология полной экономической стоимости преодолевает фрагментарность традиционных подходов, обеспечивая комплексный учет экосистемных услуг. Последовательная интеграция этих стандартов в судебную практику свидетельствует о трансформации рекомендательных норм в элементы обычного международного права.

Реализация потенциала ЮНЕП требует укрепления институционального мандата. Доступ к финансовым механизмам Глобального экологического фонда и Зеленого климатического фонда позволяет ЮНЕП стимулировать внедрение стандартов через инструменты условного финансирования. Однако формирование справедливой системы экологической ответственности остается возможным лишь при условии готовности государств трансформировать декларативные обязательства в действующие правовые механизмы.

Таким образом, формирующаяся архитектура регулирования балансирует между адаптивностью мягкого права и императивностью жесткого регулирования: добровольные форматы и консультативные инструменты постепенно кристаллизуются в обязательные стандарты по мере накопления доказательств их действенности и расширения международного консенсуса.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Абдуллин А.И., Авхадеев В.Р. Международное экологическое право: учебник / ред. Р.М. Валеев; Казанский (Приволж.) федер. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 680 с.
2. Бобылев С.Н., Стеценко А.В., Киришин С.И. Экономика природопользования: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 380 с.
3. Конвенция о биологическом разнообразии: принята 5 июня 1992 г. Ст. 2 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf>.
4. Копылов М.Н., Нгуен К.Т. Современные подходы к экосистемному управлению // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 4(59). – С. 82–86.
5. Копылов М.Н., Солнцев А.М. Международное экологическое право на пороге реформ // Московский журнал международного права. – 2010. – № 1. – С. 110–131. – DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-1-110-131>.

6. Строчук В.М. Понятие трансграничного ущерба окружающей среде в международном праве // Московский журнал международного права. – 2004. – № 1. – С. 114–128. – DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2004-1-114-128>.

7. Солнцев А.М. Компенсация за ущерб природным ресурсам versus компенсация за экологический ущерб (на примере разрешения спора между Демократической Республикой Конго и Угандой) // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 14–24. – DOI: <https://doi.org/10.17323/jil.2024.23984>.

8. Banerjee S.B. Business and Environmental Justice: A Political Economy Perspective // Journal of Business Ethics. – 2023. – Vol. 184. – P. 1–15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://link.springer.com/journal/10551>.

9. Biermann F. et al. The Fragmentation of Global Governance Architectures // Global Environmental Politics. – 2009. – Vol. 9, No. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/glep.2009.9.4.1>.

10. Brunnée J. Enforcement Mechanisms in International Law and International Environmental Law // Environmental Law Network International (elni) Review. – 2005. – No. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elni.org/publications/review>.

11. Cohen J.E. Networks, Standards, and Network-and-Standard-Based Governance // After the Digital Tornado / ed. K. Werbach. – Cambridge: Cambridge University Press, Forthcoming. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3339351>.

12. Dupuy P.-M. Soft Law and the International Law of the Environment // Michigan Journal of International Law. – 1991. – Vol. 12, No. 2. – P. 420–435. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://repository.law.umich.edu/mjil>.

13. Ecosystem Services and Biodiversity in Environmental Assessment. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-direct.com/science/article/abs/pii/S2212041622000092>.

14. Espejo D.H., Skaric D.I. Environmental Justice and Enforcement: Guidelines from Three Country Studies // Transnational Environmental Law. – 2025. – Vol. 14, No. 3. – P. 606–629. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S2047102525100113>.

15. Flores N.E., Thatcher J. Money, Who Needs It? Natural Resource Damage Assessment // Contemporary Economic Policy. – Vol. 20, No. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/cep/20.2.171>.

16. Gao X., Xu W., Hou Y., Ouyang Z. Market-based instruments for ecosystem services: framework and case study in Lishui City, China // Ecosystem Health and Sustainability. – 2020. – Vol. 6, No. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/20964129.2020.1835445>.

17. Global Assessment of Environmental-Economic Accounting and Supporting Statistics 2022 / United Nations Statistics Division. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unstats.un.org/unsd/envaccounting/ceea/archive/GAEEA_2022_Report.pdf.

18. Guidelines on the Development of National Legislation on Liability, Response Measures and Compensation for Damage Caused by Activities Dangerous to the Environment (UNEP Governing Council Decision SS.XI/5). – 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://docs.un.org/en/A/65/25\(supp\)](https://docs.un.org/en/A/65/25(supp)).

19. IUCN World Conservation Congress 2021. Resolution 129: Avoid the Point of No Return in the Amazon Protecting 80% by 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/WCC-2020-Res-129-EN.pdf>.

20. Ivanova M. The Untold Story of the World's Leading Environmental Institution: UNEP at Fifty. – Cambridge: MIT Press, 2021. – P. 92, 201. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mitpress.mit.edu>.

21. Kindji K., Faure M. Assessing reparation of environmental damage by the ICJ: A lost opportunity? – 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.qil-qdi.org/assessing-reparation-of-environmental-damage-by-the-icj-a-lost-opportunity/>.

22. Kumar P. (ed.). The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB): Ecological and Economic Foundations. – London: Earthscan, 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.teebweb.org>.

23. Legal Obstacles for Contingent Valuation Methods in Environmental Litigation. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.arnoldporter.com/~media/files/perspectives/publications/2017/04/legal-obstacles-for-contingent-valuation-methods-in-environmental-litigation.pdf>.

24. Manual on Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements / UN Economic Commission for Europe. – 2006. –

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unece.org/DAM/env/documents/2019/ece/Restart/IC/-Manual_on_Compliance_with_and_Enforcement_of_Multilateral_Environmental_Agreements-2006743.pdf.

25. Mohan M.P. Compensation for Environmental Damage: Progressively Developing the Law? // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. – 2021. – Vol. 54. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vanderbilt.edu/jotl>.

26. Monbiot G. Natural Capital: The Pricing of Everything // *The Guardian*. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment>.

27. Natural Capital Accounting / European Commission Environment. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/natural-capital-accounting_en.

28. Pearce D.W. Economic Valuation and the Natural World // *World Bank Policy Research Working Paper*. – WPS 988. – 1992. – P. 6–7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents.worldbank.org>.

29. Regulation (EU) 2024/3024 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2024 Amending Regulation (EU) No 691/2011 // *Official Journal of the European Union*. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R3024>.

30. Rudall J. Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua) // *American Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 112, No. 2. – P. 288–296. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law>.

31. Sullivan S. Banking Nature? The Spectacular Financialisation of Environmental Conservation // *Antipode*. – 2013. – Vol. 45, No. 1. – P. 198–217. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14678330>.

32. The Economics of Ecosystems and Biodiversity: Mainstreaming the Economics of Nature / TEEB, UNEP. – 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.teebweb.org/publications/mainstreaming-the-economics-of-nature-a-synthesis-of-the-approach-conclusions-and-recommendations-of-teeb/>.

33. UK National Ecosystem Assessment. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uknea.unep-wcmc.org/LinkClick.aspx?fileticket=OrZPtSfQ5ng%3D&tabid=82>.

34. UNEP Medium-term Strategy 2010–2013: Environment for Development (UNEP/GC.25/12). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unep.org/resources/report/medium-term-strategy-2010-2013-environment-development>.

35. Vitthal Borkar A. Global Environmental Governance In Transition: Assessing UNEP's Influence On Climate Policy In The 21st Century // *International Journal of Environmental Sciences*. – 2025. – P. 3115–3121. – DOI: <https://doi.org/10.64252/3bxgxt04>.

36. Young O.R. Arctic Tipping Points: Governance in Turbulent Times // *Ambio*. – 2012. – Vol. 41, No. 1. – P. 75–84. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s13280-011-0227-4>.

37. Young O.R. The Institutional Dimensions of Environmental Change: Fit, Interplay, and Scale. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mitpress.mit.edu>.

THE ROLE OF THE UNITED NATIONS ENVIRONMENT PROGRAMME IN HARMONIZING ENVIRONMENTAL LIABILITY AND COMPENSATION REGIMES

Martaler V.S.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the role of the United Nations Environment Programme (hereinafter referred to as UNEP) as an institutional foundation for the harmonization of environmental liability standards. The purpose of the study is to assess UNEP's capacity to serve as an effective platform for establishing a universal system for environmental damage compensation. The methodological framework of the research comprises a formal-legal analysis of UNEP's mandate and instruments, as well as an examination of the practical application of methodological approaches developed within the Programme in international law. The results indicate that UNEP possesses the requisite potential to formulate a fair and scientifically grounded system of liability and compensation for environmental damage at a universal level. It is concluded that transforming UNEP into a fully-fledged legal platform would generate essential incentives for states and corporations to comply with environmental norms. The implementation of this approach acts as a key prerequisite for effectively addressing global environmental challenges and ensuring accountability for environmental harm.

Keywords: United Nations Environment Programme; international environmental law; international liability; transboundary harm; assessment of environmental damage; environmental damage compensation.

References

1. Abashidze A.Kh., Abdullin A.I., Avkhadeev V.R. *International Environmental Law: textbook* / ed. R.M. Valeev; Kazan (Volga Region) Federal University. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2020. – 680 p.
2. Bobylev S.N., Stetsenko A.V., Kiryushin S.I. *Economics of Nature Management: textbook*. – Moscow: INFRA-M, 2014. – 380 p.
3. Convention on Biological Diversity: adopted on June 5, 1992. Art. 2 // [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf>.
4. Kopylov M.N., Nguyen K.T. Modern approaches to ecosystem management // *Eurasian Law Journal*. – 2013. – No. 4 (59). – P. 82–86.
5. Kopylov M.N., Solntsev A.M. International environmental law on the threshold of reforms // *Moscow Journal of International Law*. – 2010. – No. 1. – P. 110–131. – DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-1-110-131>.
6. Storchuk V.M. The concept of transboundary damage to the environment in international law // *Moscow Journal of International Law*. – 2004. – No. 1. – P. 114–128. – DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2004-1-114-128>.
7. Solntsev A.M. Compensation for Damage to Natural Resources versus Compensation for Environmental Damage (Based on the Resolving of a Dispute between the Democratic Republic of the Congo and Uganda) // *HSE University Journal of International Law*. – 2024. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 14–24. – DOI: <https://doi.org/10.17323/jil.2024.23984>.
8. Banerjee S.B. Business and Environmental Justice: A Political Economy Perspective // *Journal of Business Ethics*. – 2023. – Vol. 184. – Pp. 1–15. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://link.springer.com/journal/10551>.
9. Biermann F. et al. The Fragmentation of Global Governance Architectures // *Global Environmental Politics*. – 2009. – Vol. 9, No. 4. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mitpressjournals.org/doi/full/10.1162/glep.2009.9.4.1>.
10. Brunnée J. Enforcement Mechanisms in International Law and International Environmental Law // *Environmental Law Network International (elni) Review*. – 2005. – No. 1. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.elni.org/publications/review>.
11. Cohen J.E. Networks, Standards, and Network-and-Standard-Based Governance // *After the Digital Tornado* / ed. K. Werbach. – Cambridge: Cambridge University Press, Forthcoming. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://ssrn.com/abstract=3339351>.
12. Dupuy P.-M. Soft Law and the International Law of the Environment // *Michigan Journal of International Law*. – 1991. – Vol. 12, No. 2. – P. 420–435. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://repository.law.umich.edu/mjil>.
13. Ecosystem Services and Biodiversity in Environmental Assessment. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S221204162200092>.
14. Espejo D.H., Skaric D.I. Environmental Justice and Enforcement: Guidelines from Three Country Studies // *Transnational Environmental Law*. – 2025. – Vol. 14, No. 3. – P. 606–629. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S2047102525100113>.
15. Flores N.E., Thacher J. Money, Who Needs It? Natural Resource Damage Assessment // *Contemporary Economic Policy*. – Vol. 20, No. 2. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/cep/20.2.171>.
16. Gao X., Xu W., Hou Y., Ouyang Z. Market-based instruments for ecosystem services: framework and case study in Lishui City, China // *Ecosystem Health and Sustainability*. – 2020. – Vol. 6, No. 1. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://doi.org/10.1080/20964129.2020.1835445>.
17. Global Assessment of Environmental-Economic Accounting and Supporting Statistics 2022 / United Nations Statistics Division. – [Electronic resource]. – Access mode: https://unstats.un.org/unsd/envaccounting/ceea/archive/GAEEA_2022_Report.pdf.
18. Guidelines on the Development of National Legislation on Liability, Response Measures and Compensation for Damage Caused by Activities Dangerous to the Environment (UNEP Governing Council Decision SS.XI/5). – 2010. – [Electronic resource]. – Access mode: [https://docs.un.org/en/A/65/25\(supp\)](https://docs.un.org/en/A/65/25(supp)).
19. IUCN World Conservation Congress 2021. Resolution 129: Avoid the Point of No Return in the Amazon, Protecting 80% by 2025. Available at: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/WCC-2020-Res-129-EN.pdf>.
20. Ivanova M. The Untold Story of the World's Leading Environmental Institution: UNEP at Fifty. Cambridge: MIT Press, 2021. Pp. 92, 201. Available at: <https://mitpress.mit.edu>.
21. Kindji K., Faure M. Assessing reparation of environmental damage by the ICJ: A lost opportunity? Available at: <https://mitpress.mit.edu>. – Available at: <https://www.qil-qdi.org/assessing-reparation-of-environmental-damage-by-the-icj-a-lost-opportunity/>.
22. Kumar P. (ed.). *The Economics of Ecosystems and Biodiversity (TEEB): Ecological and Economic Foundations*. – London: Earthscan, 2010. – [Electronic resource]. – Available at: <https://www.teebweb.org>.
23. Legal Obstacles for Contingent Valuation Methods in Environmental Litigation. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.arnoldporter.com/~media/files/perspectives/publications/2017/04/legal-obstacles-for-contingent-valuation-methods-in-environmental-litigation.pdf>.
24. Manual on Compliance with and Enforcement of Multilateral Environmental Agreements / UN Economic Commission for Europe. – 2006. – [Electronic resource]. – Access mode: https://unece.org/DAM/env/documents/2019/ece/Restart/IC/-Manual_on_Compliance_with_and_Enforcement_of_Multilateral_Environmental_Agreements-2006743.pdf.
25. Mohan M.P. Compensation for Environmental Damage: Progressively Developing the Law? // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. – 2021. – Vol. 54. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.vanderbilt.edu/jotl>.
26. Monbiot G. Natural Capital: The Pricing of Everything // *The Guardian*. – 2014. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/environment>.
27. Natural Capital Accounting / European Commission Environment. – [Electronic resource]. – Access mode: https://environment.ec.europa.eu/topics/nature-and-biodiversity/natural-capital-accounting_en.
28. Pearce D.W. Economic Valuation and the Natural World // *World Bank Policy Research Working Paper*. – WPS 988. – 1992. – P. 6–7. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://documents.worldbank.org>.
29. Regulation (EU) 2024/3024 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2024 Amending Regulation (EU) No 691/2011 // *Official Journal of the European Union*.

an Union. – 2024. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R3024>.

30. Rudall J. Certain Activities Carried Out by Nicaragua in the Border Area (Costa Rica v. Nicaragua) // *American Journal of International Law*. – 2018. – Vol. 112, No. 2. – P. 288–296. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law>.

31. Sullivan S. Banking Nature? The Spectacular Financialization of Environmental Conservation // *Antipode*. – 2013. – Vol. 45, No. 1. – P. 198–217. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/14678330>.

32. The Economics of Ecosystems and Biodiversity: Mainstreaming the Economics of Nature / TEEB, UNEP. – 2010. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.teebweb.org/publications/mainstreaming-the-economics-of-nature-a-synthesis-of-the-approach-conclusions-and-recommendations-of-teeb/>.

33. UK National Ecosystem Assessment. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://uknea.unep-wcmc.org/LinkClick.aspx?fileticket=OrzPtSfQ5ng%3D&tabid=82>.

34. UNEP Medium-term Strategy 2010–2013: Environment for Development (UNEP/GC.25/12). – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.unep.org/resources/report/medium-term-strategy-2010-2013-environment-development>.

35. Vitthal Borkar A. Global Environmental Governance In Transition: Assessing UNEP's Influence On Climate Policy In The 21st Century // *International Journal of Environmental Sciences*. – 2025. – P. 3115–3121. – DOI: <https://doi.org/10.64252/3bxggt04>.

36. Young O.R. Arctic Tipping Points: Governance in Turbulent Times // *Ambio*. – 2012. – Vol. 41, No. 1. – P. 75–84. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s13280-011-0227-4>.

37. Young O.R. The Institutional Dimensions of Environmental Change: Fit, Interplay, and Scale. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://mitpress.mit.edu>.

Миронов Василий Андреевич,
аспирант Высшей школы правоведения, РАНХиГС

В научной статье подробно исследуется процесс развития семейного права и законодательства на территории Корейского полуострова, который, в свою очередь, серьезным образом повлиял на дальнейшее становление национальной отрасли семейного права Корейской Народно-Демократической Республики. Проанализирован основной источник северокорейского семейного права – Семейный Кодекс КНДР. К особенностям статьи также можно отнести приведенное автором комплексное обоснование актуальности и практической полезности подобного рода исследований в условиях современных геополитических реалий.

Ключевые слова: семейное право, законодательство, право зарубежных стран, Корейская Народно-Демократическая Республика, Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Грамотным образом налаженные внешнеполитические связи всегда играли одну из главных ролей в вопросах качественного и гармоничного развития любого государства: совершенно очевидно, что в отсутствие стабильной, конструктивной и взаимовыгодной коммуникации в самых разных областях человеческой жизнедеятельности ни одна страна не может рассчитывать на поистине устойчивое положение в сложившейся мировой общественной системе [11, с. 5–12].

Существующие же на данный момент времени геополитические реалии обуславливают необходимость в еще более активном поиске международных партнеров, при, как представляется автору, наличии весьма интересной корректировки: сейчас в основу оценки качества гипотетического сотрудничества ложится не столько его экономическо-социальный, сколько непосредственно политический потенциал.

Подобное обстоятельство не может и не должно вызывать удивление, так как в условиях перманентного наличия локальных и региональных конфликтов правительства государств заинтересованы прежде всего в политической консолидации и взаимной международной поддержке, в то время как вопросы экономического развития хоть и не теряют своей актуальности и злободневности, но все же, как кажется, несколько «оттеняются» необходимостью поддержания общей стабильности национальных экономик, что в современной действительности вновь во многом зависит от ряда сугубо политических факторов [18, с. 244–246].

Именно поэтому в текущих условиях Российская Федерация (далее – РФ) вынуждена самым основательным образом сосредоточиться на выстраивании новой системы партнерских и союзнических отношений: многолетняя ориентация в рамках проведения национальной внешней политики преимущественно на страны коллективного Запада не привела к каким бы то ни было впечатляющим результатам, но лишь закономерно завела обе стороны в тупик, причем ровно в тот момент, когда между ними возникли буквально первые ростки новых серьезных разногласий.

В профильной исторической и политологической литературе приводится множество различных обоснований причинности подобного исхода взаимодействия нашего государства и ряда передовых западных держав [23, с. 384–399; 24 с. 58–84], однако автору настоящего исследования представляются наиболее верными точки зрения, указывающие прежде всего на абсолютную непримиримость региональных экономических и политических интересов всех обозначенных ранее субъектов: какие бы внешние «подъемы» и «спады» не переживали наши отношения с Западом, весь европейский регион всегда выступал и будет в дальнейшем выступать в качестве традиционного, фактически непреходящего объекта борьбы за влияние, само существование которого непременно подпитывает конкуренцию и разноплановые конфронтации между Россией и другими крупными западными политическими игроками [13].

Получается, что Европа – это уже привычная историческая точка пересечения множества взаимоисключающих интересов нашего и западных государств, от вовлеченности в качественное взаимодействие с которой не представляется возможным абстрагироваться.

Однако, возникает нетривиальный вопрос: если в разные исторические периоды даже на Западе, пользуясь имевшей место разобщенностью целей и задач различных сторон, мы могли рассчитывать хотя бы на краткосрочную поддержку со стороны того или иного глобального политического игрока, то на кого возможно опираться теперь, когда большинство западных стран сплотились и выступают против нас преимущественно единым фронтом?

По мнению автора данной статьи, искомая опора может скрываться в лице ряда государств Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР).

Дело в том, что АТР обладает двумя крайне весомыми свойствами, которые облегчают нашему государству поиск партнеров непосредственно внутри данного региона.

Первое свойство заключается в том, что у РФ вследствие ряда объективных исторических причин [3] сейчас фактически отсутствуют действительно масштабные политические и экономические амбиции относительно традиционных для многих субъектов АТР региональных и даже локальных сфер влияния, что исключает возможность серьезного столкновения между их и нашими интересами [14], что, в свою

очередь, открывает возможности для ведения весьма свободного, разнопланового и основанного на равенстве сторон диалога, который может развиваться без опасений задеть чью-либо зону комфорта.

Второе же свойство раскрывается в наличии у многих ряда субъектов АТР полноценных конкурентов в лице все тех же стран коллективного Запада, чьи политические и экономические интересы уже давно не ограничиваются исключительно европейской частью континента, но распространяются далеко на юг, юго-восток и восток, тем самым серьезно задевая планы и стремления наиболее весомых региональных игроков [4].

Все обозначенные выше обстоятельства приводят к тому, что у РФ и многих государств АТР возникает единый конкурент в лице стран коллективного Запада, что естественным образом «толкает» их на встречу друг другу, давая им веские основания для взаимной консолидации перед общим геополитическим соперником [20; 15].

Представляется, что рассмотренные выше свойства АТР наибольшим образом релевантны для таких государств, как Республика Индия, Королевство Таиланд, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Республика Союз Мьянмы, Социалистическая Республика Вьетнам, Китайская Народная Республика и Кореяская Народно-Демократическая Республика (далее – КНДР). Именно о последней в дальнейшем и пойдет наша речь.

КНДР – унитарное социалистическое государство [28], расположенное в северной части Корейского полуострова, с которым еще у Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) сложились крепкие и устойчивые союзнические отношения. К сожалению, с момента начала коренных изменений в нашем государственном устройстве, происходивших с конца 1980-х по середину 1990-х, двусторонние отношения между нашими странами весьма серьезно деградировали.

Безусловно, не стоит считать, что КНДР и Россия взаимно отвернулись друг от друга, перестав поддерживать дипломатическую коммуникацию в принципе, однако о былой интенсивности политической и экономической связи не могло быть и речи.

Стоит подчеркнуть, что КНДР даже после распада СССР была заинтересована в сохранении как минимум партнерских отношений с Россией: высшие лица Северной Кореи не раз приезжали в нашу страну на различного рода мероприятия, в рамках которых неизменно тепло отзывались как о нашем государстве в целом, так и о перспективах сотрудничества с ним [12]. Тем не менее, несмотря на формальную демонстрацию зеркальной позитивной риторики, российский политический истеблишмент на практике фактически не предпринимал никаких серьезных усилий по налаживанию взаимовыгодных связей, что, по мнению автора, являлось абсолютно недальновидным и в высшей мере неоправданным игнорированием постсоветских геополитических реалий, в которых оказалось наше государство.

Важно осознавать, что после распада Советского государства Россия, несмотря на свой статус его основного правопреемника, серьезным образом утратила свое международное влияние: кроме потери сугубо идеологической связи с рядом регионов планеты, наша страна лишилась целой плеяды экономических контактов, в том числе и с КНДР [1].

Неоспоримо, что некоторые из них были весьма обременительны для экономики СССР, но не стоит забывать, что к политике и делу государственного строительства неприменимо понятие альтруизма: то, что простому обывателю видится бессмысленным и безвозвратным вложением средств, на самом деле зачастую представляет собой «инвестиции в лояльность», то есть в создание на территории того или иного государства удобного и многофункционального плацдарма для проведения собственной региональной политики.

Одним из таких плацдармов долгое время и была КНДР [8; 9], однако с началом новой эпохи отечественной государственности наше новое правительство, вопреки здравому смыслу, отказалось от него, лишившись тем самым не только возможности хотя бы опосредованного присутствия в АТР, но и полноценного многофункционального партнера, сотрудничество с которым не требовало никаких выходящих за рамки наших возможностей усилий.

Достаточно долгое время доминирующую роль в реализации внешней политики РФ выступало именно западное направление: наше государство было искренне заинтересовано в налаживании позитивных контактов со странами Запада, что, к сожалению, зачастую сопровождалось откровенным игнорированием иных возможных для комплексной разработки и реализации направлений международного сотрудничества. При этом важно дополнить, что обозначенное «налаживание контактов» порой носило неприкрыто наивный характер, выражавшийся в иллюзиях относительно возможности перехода непримиримых конкурентов с взаимоисключающими региональными ин-

тересами от широкомасштабного соперничества к искреннему и честному сотрудничеству [27].

Подобный подход достаточно скоро принес свои нелицеприятные плоды: как только наше государство отошло от своей первоначальной, чересчур оптимистичной позиции относительно перспектив сотрудничества с Западом и перешло к попыткам последовательного выстраивания с ним нейтральных, основанных на паритетных началах отношений, Россия столкнулась с абсолютным отторжением подобной внешнеполитической стратегии со стороны большинства западных стран и их лидеров. Все чаще с обеих сторон звучали публичные претензии и пикировки, которые со временем дополнились уже и опосредованными конфликтами «на земле», в рамках которых Россия и страны коллективного Запада практически неизменно занимали совершенно разные стороны баррикад.

Началом полноценной гибридной политической конфронтации в новейшую эпоху развития нашей государственности некоторые исследователи вопроса считают столкновение интересов сторон в рамках грузино-осетинского конфликта 2008 года [19], в то время как иные погруженные в тематику ученые настаивают на том, что начало истинному противостоянию между РФ и Западом было положено событиями весны 2014 года [17].

По мнению же автора статьи, указанное противостояние не прекращалось вовсе и, к сожалению, не имеет никаких шансов прекратиться в рамках текущего миропорядка: как уже было сказано несколько ранее, взаимоисключающие цели и задачи внешней политики, обусловленные фактом наличия огромного количества политических и, что наиболее важно, экономических противоречий, наделяют нас статусом непримиримых конкурентов, просто не позволяя прийти к истине равным партнерским взаимоотношениям.

Однако обозначенное выше обстоятельство долго не находило своего отклика в высших эшелонах российской власти: вплоть до начала событий начала 2022 года восточное направление отечественной внешней политики было сосредоточено преимущественно вокруг КНР, практически полностью игнорируя КНДР как перспективного и более чем уместного партнера в условиях открытого и глобального противостояния между Россией и западными державами.

Ситуация кардинально изменилась после начала специальной военной операции в феврале 2022 года, когда привычные способы коммуникации и различного взаимодействия с западным миром рухнули буквально в одночасье, в связи с чем России пришлось в кратчайшие сроки как налаживать новые, так и реанимировать некогда «задавленные» политико-экономические связи. Для нашего государства пришло время полноценным образом обратить свое внимание на глобальный Восток, при этом уже не игнорируя ни одной возможности для конструктивного партнерского диалога.

Первые значительные шаги навстречу действительно значимому партнерству непосредственно с КНДР были сделаны 27 июля 2023 года, когда уже бывший министр обороны России С.К. Шойгу посетил Пхеньян, где провел переговоры как с Ким Чен Ыном, так и со своим коллегой Кан Сун Намом, в ходе которых стороны «выразили намерение последовательно развивать двусторонние связи по всем направлениям» [6].

Наиболее значимым в контексте окончательного оформления, без тени преувеличения, уже полноценных союзнических отношений между РФ и КНДР следует считать заключение абсолютно нового «Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с КНДР», который руководители государств подписали 19 июня 2024 года во время первого за долгие годы визита В.В. Путина в Северную Корею [5].

Тезис о полноценном союзе подтверждает гораздо более ясная позиция относительно глубины контактов двух сторон по всем направлениям: например, в этом контексте крайне показательна и иллюстративна часть Договора, касающаяся сферы безопасности, где (в отличие от прошлого документа, Совместной российской-корейской декларации от 19 июля 2000 года, в которой говорилось лишь о консультациях в случае риска агрессии в адрес одного из подписантов [22]) в ст. 4 актуального Договора презюмируется, что, «если одна из сторон окажется в состоянии войны из-за вооруженного нападения одного или нескольких государств, другая сторона немедленно окажет ей военную помощь всеми имеющимися у нее средствами в соответствии со ст. 51 Устава ООН и законами КНДР и Российской Федерации» [7].

Что, если не подобные шаги свидетельствует о фактически новой эре двусторонних отношений РФ и КНДР?

Принимая во внимание начавшиеся масштабные интеграционные процессы между нашим и корейским государствами, автор статьи настаивает на том, чтобы воспринимать их в качестве полноценного сигнала к возобновлению самых разнообразных социально-гуманитарных исследований общественных процессов, происходящих в КНДР, це-

лю которых будет выступать актуализация имеющихся у нас данных об этой стране. Представляется, что подобные исследования помогут всем причастным к укреплению указанных двусторонних отношений гораздо лучше понять северокорейский социум и, как следствие, в итоге поспособствуют выстраиванию наиболее гармоничных, устойчивых и конструктивных линий сотрудничества между нашими государствами.

При этом одним из наиболее важных направлений предстоящей научной работы следует считать комплексные изыскания в области юриспруденции, так как национальное право является не только определенной сугубо формализованной системой социальных норм, согласно которым функционирует конкретное общество, но и одним из крайне наглядных «отражений» тех повседневных условий человеческой жизни, которые сложились внутри того или иного государства.

Автор полагает, что особенно информативным в данном контексте следует считать семейное право, так как зачастую именно в нем мы можем найти те конкретные ценностные ориентиры, а также представления о морально и нравственно верном, которые пронизывают жизнь большей части населения страны.

Итак, рассуждая о развитии семейного права и законодательства КНДР, необходимо обозначить, что для него по большей части свойственны стадии развития, полностью идентичные тем, которые принято выделять в рамках пути становления всей национальной системы права Северной Кореи. Как отмечают некоторые исследователи вопроса [2], среди указанных ранее стадий четко прослеживаются:

1. Стадия развития корейского права и законодательства, длившаяся с XIV и до конца XIX века, когда Корея (в тот исторический период – Чосон) испытывала колоссальное влияние правовой мысли Китая [10]. Примечательно, что наиболее развитыми в указанный период времени можно считать административное и уголовное законодательство: именно данные отрасли представлены примерами либо индивидуального исторического законодательства Чосона (например, «Кёнгук тэжон» или «Чосон Кёнгуכון»), либо релевантным заимствованным законодательством Китая (например, «Да Мин люй», он же уголовный закон династии Мин).

Однако, к сожалению, до наших дней не дошло конкретных источников, регулировавших вопросы частноправового характера, в связи с чем на данный момент можно лишь согласиться с позицией многих ученых, согласно которой обозначенные вопросы либо также регулировались отдельными актами китайского законодательства, либо и вовсе разрешались на основе местных обычаев и предписаний множества конфуцианских этических максим, которые оказывали в то время на общество Чосона ничуть не меньшее влияние, чем на общество Китая. Представляется, что все же к истине более близка именно вторая часть приведенной позиции, так как большинство вопросов, связанных с семейными отношениями в Китае, традиционно решалась преимущественно при опоре на положения конфуцианства: учитывая роль данной философской системы на корейское общество образца обсуждаемого исторического периода, автору кажется уместной аккуратная экстраполяция китайского социального опыта на социальные условия государства Чосон, которые, в свою очередь, были весьма схожи с социальными условиями в Китае.

2. Этап развития корейского права и законодательства, длившийся с конца XIX века по 1950-е годы, в рамках которого Корея оказалась под крайне сильным влиянием Японии, через которое система корейского национального права в итоге обогатилась рядом классических черт, свойственных для систем, входящих в романо-германскую правовую семью.

Указанное влияние началось с добровольных попыток ряда корейских реформаторов, вдохновленных успехами Реставрации Мэйдзи, фактически повторить государственные и законодательные преобразования, произошедшие в Японии. Несмотря на то, что подобные попытки в итоге не увенчались успехом, японское влияние продолжилось уже вследствие внешних объективных причин: с 1910 по 1945 год корейское государство было аннексировано Японией, которая сделала Корею собственным генерал-губернаторством, в котором теперь полноценным образом действовало не корейское, а японское законодательство, само по себе относившееся на тот момент времени к романо-германской правовой семье.

При этом важно отметить, что ни долговременное доминирование законодательства Японии, ни проводимые конкретно в период генерал-губернаторства региональные реформы (к слову, из-за конкретных политических целей японского правительства в Корею, также касающиеся преимущественно уголовной и административной отраслей), не привели к ситуации масштабной рецепции подходов, техник и институтов японского права, так как оно воспринималось корейцами

преимущественно в качестве чужеродного, то есть навязанного извне [10, с. 239].

Рассуждая же о видоизменениях семейного права в обозначенный период, автор полагает, что следует констатировать его своеобразную «закапсулированность»: в условиях оккупации в нем все равно продолжали доминировать обычаи и нормы конфуцианской морали, авторитет которых не был подорван японским законотворчеством, о чем свидетельствует отсутствие принятия каких-либо релевантных нормативных актов, регулировавших семейные правоотношения.

3. Третий этап развития корейского права и законодательства, начавшийся в 1948 году и продолжающийся по настоящее время, на протяжении которого КНДР, встав на преимущественно самостоятельный путь развития, осуществляет выстраивание собственных общественных и государственных процессов в соответствии с положениями ряда коммунистических идеологий, что, безусловно, определенным образом сказалось и на национальном северокорейском законодательстве. Право КНДР приобретает явные черты социалистической правовой семьи, в связи с чем, во-первых, в структуре национального права появляется большое количество правовых актов, регулирующих прежде привычно выпадавшие из сферы внимания законодателя общественные отношения, и, во-вторых, становятся буквально пронизанными идеологическими декларациями и установками.

В дополнение к сказанному крайне важно подчеркнуть, что национальное право Северной Кореи не просто сохранило, но и многократно укрепило в себе черты романо-германской правовой семьи, так как там, где это было возможно и уместно, законотворцы КНДР переработали ряд японских актов законодательства, адаптировав их к новым целям и задачам государственного строительства, а также в целом активно перенимали многие черты советской правовой системы, которая, как известно, по крайней мере с точки зрения законодательной техники однозначно определяется в качестве романо-германской [26].

Кроме прочего, центральным источником права окончательно становится четким образом структурированный нормативно-правовой акт [25].

Для семейного права КНДР обсуждаемый этап развития становится поистине революционным: пускай и не в самом его начале, но в стране все-таки появляется первый полноценный кодифицированный нормативный акт, регулирующий семейные правоотношения – Семейный кодекс КНДР (далее – СК КНДР), принятый постановлением Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР № 5 от 24 октября 1990 года.

Учитывая тот факт, что в Северной Корею отрасли, традиционно относящиеся к частноправовым, существуют и развиваются в условиях, пожалуй, воистину экстраординарного и жесточайшего отрицания рыночных начал в общественных отношениях, предполагающих существенно большую вариативность моделей возможного поведения и форм реализации воли их субъектов, большинство законов и кодексов, регулирующих релевантные правоотношения, весьма компактны по своему содержанию.

Подобный тезис справедлив и для СК КНДР, который в актуальной редакции состоит всего из 54 статей, объединенных в 6 самостоятельных глав, в которых последовательно раскрываются основные положения об общих принципах семейного законодательства, браке, семье, опеке, наследовании и ответственности за нарушение семейного законодательства.

Исследуя содержание норм СК КНДР, можно прийти к выводу о том, что большинство из них закономерно носит императивный характер.

Данное обстоятельство, как представляется, достаточно легко объяснимо: как уже было вскользь упомянуто ранее, в связи с общей неразвитостью частных отраслей права, которые предполагают прежде всего широкую имущественную самостоятельность и автономию всех участников правоотношений, законодатель низводит отрасль семейного права до состояния свода конкретных правил реализации самых базовых прав и обязанностей субъектов правоотношений, лишь изредка содержащего в себе отдельные диалогические нормы, касающиеся отдельных административных и судебных процедур.

Оценивая же уровень законодательной техники изучаемого акта, стоит заметить, что он находится на весьма достойном уровне: СК КНДР написан простым, лаконичным и понятным языком, который справляется с задачей донесения до сведения любого читателя тех посылов и смыслов, которые в него изначально вложил законодатель. Особенно важным в данной связи кажется и то, что в СК КНДР отсутствуют излишние канцеляризмы и профессионализмы, которые при нецелесообразном употреблении не только существенно усложняют общее восприятие текста закона, но и делают его фактически невозможным к использованию непрофессиональными правоприменителями [21].

Таким образом, завершая исследование развития семейного законодательства КНДР, необходимо сказать, что оно прошло долгий и по-настоящему уникальный путь, в рамках которого оно трансформировалось из преимущественно неорганизованной комбинированной массы норм обычного права, корейских традиционных верований и максим конфуцианской этики в пускай и весьма скромную, но при этом четко структурированную систему правовых норм, для которой свойственны отдельные элементы романо-германской и социалистической правовых семей.

Немаловажен и тот факт, что несмотря на все произошедшие за многие годы с национальной правовой системой пертурбации, современное северокорейское право также сохранило в себе и отдельные традиционные черты: согласно мнению ряда признанных исследователей вопросов, связанных с политическими реалиями Северной Кореи, господствующее на данный момент времени в республике мировоззрение чучхе (в серьезно обновленном после краха мировой социалистической системы виде) инспирирована не только коммунистическими, но и во многом исконными философскими воззрениями корейского народа, включающими в себя не только, например, догмы чхондогё, но и отдельные элементы конфуцианства, которые уникальным образом переплетаются в единую, синкретичную по своей природе идеологию [16].

Учитывая данное обстоятельство, небезосновательным будет утверждать, что на бытовом уровне многие корейцы, вероятно, до сих пор во всяком случае частично полагаются на ставшие привычными постулаты конфуцианской этики, а также местные верования и обычаи: это, по мнению автора, необходимо учитывать в контексте любого, особенно формального взаимодействия с северокорейским социумом.

Полноценным же образом рассуждать о возможных перспективах развития как всей правовой системы КНДР в целом, так и ее отрасли семейного права в частности, к сожалению, не представляется возможным: в связи с тем, что обозначенное государство до сих пор является крайне труднодоступным для иностранных граждан, различным специалистам и исследователям, заинтересованным в комплексном изучении Северной Кореи, доступен преимущественно ретроспективный анализ процессов, происходящих в северокорейской республике, в основу которого положены либо крайне редкие исходные документы, опубликованные в открытом доступе, либо единичная обзорная или аналитическая литература тех лиц, которым вследствие уникального стечения обстоятельств удалось не просто посетить КНДР, но и вынести из своего пребывания в данной стране такое количество информации, которое было достаточным для создания полноценного тематического исследования.

В заключение, хочется выразить надежду, что в ближайшие годы подобная сложная ситуация изменится к лучшему, и в рамках нашей взаимной многоплановой интеграции у отечественных ученых появится реальный шанс собрать как можно большее количество эмпирических данных, чтобы заново и абсолютно на ином качественном уровне открыть для научного сообщества такое государство, как Северная Корея.

Литература

1. Асмолов, К. В., Захарова, Л. В. Отношения России с КНДР в XXI веке: итоги двадцатилетия // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. № 3. – С. 585–604.
2. Баранова, Е. С. Особенности становления правовой системы КНДР: факторы развития и основные этапы // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2. – С. 109–114.
3. Боффа, Д. От СССР к России: История неоконченного кризиса, 1964–1994: [Пер. с итал.] / Джузеппе Боффа. Москва: Междунар. отношения, 1996. – 318 с.
4. В Китае раскритиковали Индо-Тихоокеанскую стратегию США // Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240601/strategy-1949846860.html> (дата обращения: 21.06.2024).
5. Герейханова, А. Путин и Ким Чен Ын подписали Договор о партнерстве между РФ и КНДР // Официальный сайт «Российской Газеты». URL: <https://rg.ru/2024/06/19/putin-v-pheniane.html> (дата обращения: 21.06.2024).
6. Глава Минобороны КНДР выразил полную поддержку действиям России // Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230727/kndr-1886563016.html> (дата обращения: 21.06.2024).
7. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией от 19 июня 2024 года // Официальный сайт ЦТАК. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71.kcmsf> (дата обращения: 22.06.2024).

8. Забровская, Л. В. Влияние перестройки на характер отношений СССР и КНДР // Россия и АТР, 2016. № 1. – С. 46–56.

9. Забровская, Л. В. Стратегия и основные направления политики России в отношении КНДР после завершения «холодной войны» / Л. В. Забровская; Морской гос. ун-т им. адмирала Г. И. Невельского. Москва, 2011. – 299 с.

10. История Кореи: (Новое прочтение) / А. В. Торкунов, М. В. Ильин, Ю. М. Колосов и др.; под ред. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). Москва: РОССПЭН, 2003. – 429 с.

11. История международных отношений: В трех томах: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012. Т. I: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. 2012. – 400 с.

12. История отношений России и КНДР // Официальный сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/18729863> (дата обращения: 21.06.2024).

13. История России с древнейших времён до начала XXI века. В 3 т. Т. 3. История России XX – начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. – 960 с.

14. Капур, Н. Поворот России к Азии: десять лет спустя // Официальный сайт Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-k-azii-desyat-let-spustya/> (дата обращения: 21.06.2024).

15. Киреева, А. А. Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО. 2014. № 3 (36). – С. 9–19.

16. Курбанов, С. О. Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. 2001. № 4. – С. 58–65.

17. Морев, М. В. «Крымский консенсус»: значение и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № 2S. – С. 105–113.

18. Мышлянова, А. В. Экономика и политика, их взаимосвязь / А. В. Мышлянова. – Текст: электронный // NovalInfo, 2016. № 43 – С. 244–246.

19. Погребова, Е. С. Грузино-осетинский конфликт: этнополитический фактор // Социология власти. 2010. № 5. – С. 157–163.

20. Профессор объяснил, почему Китай рад укреплению связей между Россией и КНДР // Официальный сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240624/kitay-1954954678.html> (дата обращения: 21.06.2024).

21. Семейный кодекс КНДР (в ред. от 15.12.2009) // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Корейской Народно-Демократической Республике. URL: <https://dprk.mid.ru/upload/iblock/2c2/2c207de9b12f4bfede675beee64e4106.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

22. Совместная российско-корейская декларация от 19 июля 2000 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3183> (дата обращения: 22.06.2024).

23. Согрин, В. В. История США: учебник / В. В. Согрин. М.: Международные отношения, 2021. – 600 с.

24. Спицын, Е. Ю. Россия – Советский Союз 1946–1991 гг.: Полный курс истории для учителей, преподавателей и студентов. Книга 4 / Е. Ю. Спицын. М.: Концептуал, 2015. – 512 с.

25. Юрковский, А. В. Особенности правовых систем Корейской Народно-Демократической Республики и китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2. – С. 68–73.

26. Goede P. Law «Of Our Own Style»: The Evolution and Challenges of the North Korean Legal System // Fordham International Law Journal. 2003. Vol. 27. – p. 1265–1288.

27. Hutschenreuter, A. La política exterior rusa después de la Guerra Fría: humillación y reparación. Buenos Aires: Areté Grupo Editor, 2011.

28. Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea (2023) // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_North_Korea (дата обращения: 21.06.2024).

THE DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA

Mironov V.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This research article examines in detail the development of family law and legislation on the Korean Peninsula, which, in turn, significantly influenced the further development of the national branch of family law in the Democratic People's Republic of Korea. The article analyzes the main source of North Korean family law—the Family Code of the DPRK. Another notable feature of the article is the author's comprehensive justification for the relevance and practical utility of this type of research in the current geopolitical context.

Keywords: family law, legislation, foreign law, Democratic People's Republic of Korea, Asia, Asia-Pacific region.

References

1. Asmolov, K. V., Zakharova, L. V. Russia's Relations with the DPRK in the 21st Century: Twenty Years in Review // RUDN University Bulletin. Series: International Relations. 2020. No. 3. – Pp. 585–604.
2. Baranova, E. S. Features of the Formation of the DPRK Legal System: Development Factors and Main Stages // Siberian Law Bulletin. 2017. No. 2. – Pp. 109–114.
3. Boffa, D. From the USSR to Russia: History of the Unfinished Crisis, 1964–1994: [Translated from Italian] / Giuseppe Boffa. Moscow: International Relations, 1996. – 318 p.
4. China Criticizes the US Indo-Pacific Strategy // Official Website of RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20240601/strategiya-1949846860.html> (accessed on June 21, 2024).
5. Gereikhanova, A. Putin, and Kim Jong-un signed the Partnership Agreement between the Russian Federation and the DPRK // Official website of Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2024/06/19/putin-v-pheniane.html> (accessed on June 21, 2024).
6. The head of the DPRK Ministry of Defense expressed full support for Russia's actions // Official website of RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20230727/kndr-1886563016.html> (accessed on June 21, 2024).
7. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Democratic People's Republic of Korea and the Russian Federation dated June 19, 2024 // Official website of the KCNA. URL: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71.kcmsf> (date of access: June 22, 2024).
8. Zbrovskaya, L. V. The Influence of Perestroika on the Nature of Relations between the USSR and the DPRK // Russia and the Asia-Pacific Region, 2016. No. 1. – P. 46–56.
9. Zbrovskaya, L. V. Strategy and Main Directions of Russia's Policy Towards the DPRK after the End of the Cold War / L. V. Zbrovskaya; Admiral G. I. Nevelskoy Maritime State University. Moscow, 2011. – 299 p.
10. History of Korea: (New Reading) / A. V. Torkunov, M. V. Ilyin, Yu. M. Kolosov, et al.; edited by A. V. Torkunov; Moscow State Institute of International Relations (University). Moscow: ROSSPEN, 2003. – 429 p.
11. History of International Relations: In three volumes: Textbook / Ed. by A. V. Torkunov, M. M. Narinsky. Moscow: Aspect Press, 2012. Vol. I: From the Peace of Westphalia to the End of World War I / A. V. Revyakin, N. Yu. Vasilyeva. 2012. – 400 p.
12. History of Relations between Russia and the DPRK // Official Website of TASS. URL: <https://tass.ru/info/18729863> (date accessed: 21.06.2024).
13. History of Russia from ancient times to the early 21st century. In 3 volumes. Vol. 3. History of Russia of the 20th – early 21st centuries / A. S. Barsenkov, A. I. Vdovin, S. V. Voronkova; edited by L. V. Milov. Moscow: Eksmo, 2006. – 960 p.
14. Kapur, N. Russia's Turn to Asia: Ten Years Later // Official website of the Valdai International Discussion Club. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-k-azii-desyat-let-spustya/> (date accessed: 21.06.2024).
15. Kireeva, A. A. Russia's Relations with the Countries of East Asia: New Challenges and Opportunities // MGIMO Bulletin. 2014. No. 3 (36). – P. 9–19.
16. Kurbanov, S. O. The Juche Idea: Confucian Tradition // Eastern Collection. 2001. No. 4. – P. 58–65.
17. Morev, M. V. "Crimean Consensus": Meaning and Prospects // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. No. 2S. – P. 105–113.
18. Myshlyanova, A. V. Economy and Politics, Their Interrelationship / A. V. Myshlyanova. – Text: electronic // NovalInfo, 2016. No. 43 – Pp. 244–246.
19. Pogrebova, E. S. Georgian-Ossetian conflict: ethno-political factor // Sociology of power. 2010. No. 5. – Pp. 157–163.
20. Professor explained why China is glad about strengthening ties between Russia and the DPRK // Official website of RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20240624/kitay-1954954678.html> (date accessed: 21.06.2024).
21. Family Code of the DPRK (as amended on 15.12.2009) // Official website of the Embassy of the Russian Federation in the Democratic People's Republic of Korea. URL: <https://dprk.mid.ru/upload/iblock/2c2/2c207de9b12f4bfede675beee64e4106.pdf> (accessed on June 22, 2024).
22. Joint Russian-Korean Declaration of July 19, 2000 // Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3183> (accessed on June 22, 2024).
23. Sogrin, V. V. History of the United States: textbook / V. V. Sogrin. Moscow: International Relations, 2021. – 600 p.
24. Spitsyn, E. Yu. Russia – Soviet Union 1946–1991: A Complete Course in History for Teachers, Lecturers, and Students. Book 4 / E. Yu. Spitsyn. Moscow: Conceptual, 2015. – 512 p.
25. Yurkovsky, A. V. Features of the Legal Systems of the Democratic People's Republic of Korea and the People's Republic of China // Siberian Legal Bulletin. 2008. No. 2. – Pp. 68–73.
26. Goedde P. Law "Of Our Own Style": The Evolution and Challenges of the North Korean Legal System // Fordham International Law Journal. 2003. Vol. 27. – Pp. 1265–1288.
27. Hutschenreuter, A. The politics of the exterior of the war against the French: humillación y reparación. Buenos Aires: Areté Grupo Editor, 2011.
28. Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea (2023) // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_North_Korea (accessed 06/21/2024).

Пряникова Мария Анатольевна,

аспирант Сибирского юридического университета

E-mail: pryanikovamari@bk.ru

Цель: В статье исследуется предмет и пределы доказывания преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ, связанных с изготовлением и оборотом материалов сексуального характера в отношении несовершеннолетних, с целью выявления особенностей уголовно-процессуального доказывания в сфере детской порнографии. Методы: Применяется комплексный подход, включающий анализ норм уголовного и уголовно-процессуального права РФ, изучение судебной и следственной практики, а также сравнительный метод для оценки специфики доказательств в IT-сфере и при квалификации действий по ст. 242.1 УК РФ. Результаты: Установлено, что предмет доказывания охватывает события преступления, вину, возраст потерпевших (до 18 лет), характер материалов и действия субъекта; пределы доказывания ограничены относимостью, допустимостью и достоверностью, с учетом специфики цифровых носителей и анонимности в сети. Выводы: Необходимы уточнения в законодательстве относительно критериев порнографического характера материалов и усиление доказательной базы через IT-экспертизу; предлагаются рекомендации по совершенствованию процессуальных норм для повышения эффективности уголовного преследования.

Ключевые слова: детская порнография, уголовное преследование, уголовно-процессуальное доказывание; уголовная ответственность.

Введение

В современных условиях особую актуальность приобретает проблема противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом порнографических материалов, содержащих изображения несовершеннолетних. Статья 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) направлена на установление уголовной ответственности за широкий круг действий, включающих изготовление, приобретение, хранение, перемещение, распространение, публичную демонстрацию и рекламирование указанных материалов или предметов. Данная норма закрепляет меры уголовно-правового воздействия на деяния, представляющие угрозу нравственному здоровью общества, а также фундаментальным правам и интересам несовершеннолетних, которым законом признаётся особая степень охраны.

Состав преступления, предусмотренный ст. 242.1 УК РФ, относится к категории тяжких и особо опасных преступлений, что обуславливает высокую социальную опасность данного деяния и необходимую строгость наказаний. Особое значение данной статьи определяется тем, что оборот порнографических изображений несовершеннолетних влечет за собой серьезные последствия не только для пострадавших детей, но и для общества в целом, подрывая базовые морально-этические устои и способствуя распространению порнографии среди молодежи. Законодатель подчеркивает строгий запрет на производство и незаконное обращение таких материалов, предусматривая дифференцированную систему санкций, учитывающую обстоятельства совершения преступления, степень общественной опасности и характер вреда, причиненного субъектам преступления и обществу.

Ст. 242.1 УК РФ выступает важным инструментом в системе уголовно-правовой защиты несовершеннолетних лиц от эксплуатации и вовлечения в порнографию, а также от недопустимых форм посягательства на их нравственное развитие и психическое здоровье.

Предмет преступления по ст. 242.1 УК РФ

В контексте уголовно-правового анализа предметом преступления, предусмотренного статьей 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выступают материалы или предметы, содержащие порнографические изображения заведомо несовершеннолетних – лиц, не достигших возраста 18 лет. Данный критерий является безусловным и обязательным для квалификации деяния как уголовно наказуемого. К категории таких материалов и предметов относятся разнообразные носители информации и художественные произведения, среди которых можно выделить видео-, фотоматериалы, литературные сочинения, театральные постановки, произведения живописи, скульптуры и иные формы художественного выражения, содержащие порнографические изображения детей. Уголовное законодательство при этом делает акцент на том, что указанные материалы должны содержать изображение несовершеннолетнего в сексуальных целях, что подтверждается как визуальными, так и описательными элементами.

Важнейшим аспектом является различие между самим фактом обладания указанными материалами и наличием цели, с которой они хранятся. Само по себе хранение материалов или предметов с порнографическим содержанием, хотя и признается деянием, не порождает уголовной ответственности без доказательства специального умысла – цели их распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Именно цель незаконного обращения данных материалов и является существенным признаком состава преступления, что отражает обязательный элемент субъективной стороны, характеризующий волевое отношение лица к совершаемому деянию. [6,97]

Законодательно предметом преступления рассматриваются не только физические носители, но и виртуальные материалы, включая цифровые файлы, распространяемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей, что обусловлено современными реалиями и особенностями преступлений в сфере IT. Таким образом, наличие материалов выступает как объект и предмет деяния, однако именно их незаконный оборот, сопровождаемый определенной целью, образует состав преступления по ст. 242.1 УК РФ. [4,106]

В совокупности с установленными нормами, данное понимание предмета преступления способствует обеспечению эффективного правового регулирования, направленного на защиту детей от эксплуатации и недопущение вредоносного влияния порнографических ма-

териалов на нравственное и психологическое развитие несовершеннолетних.

Пределы доказывания по ст. 242.1 УК РФ

Доказывание преступлений, предусмотренных статьёй 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, носит комплексный и многогранный характер, требующий всестороннего, полного и объективного исследования целого ряда ключевых элементов состава преступления. Эти пределы доказывания формируют границы и содержание доказательной базы, без которой невозможна законная и обоснованная квалификация деяния и вынесение судебного решения.

1. Факт наличия материалов или предметов, содержащих порнографические изображения несовершеннолетних, составляет фундамент доказательного процесса. Данный факт подтверждается посредством назначенных судебных экспертиз, которые включают визуальный, технический и контентный анализ исследуемых носителей информации. Экспертиза направлена на выявление порнографического характера материалов и соответствия исследуемого контента критериям, установленным законодательством, что обеспечивает объективность и научную обоснованность выводов.[1,3]

2. Определение возраста лиц, изображённых на спорных материалах, является процессуально-обязательным элементом доказывания, без которого невозможна квалификация деяния как преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК РФ. Для этого проводится судебно-психолого-психиатрическая экспертиза, иногда в комплексе с медицинскими исследованиями, которые позволяют установить факт того, что лица на изображениях являются несовершеннолетними – то есть не достигшими 18-летнего возраста. Данное обстоятельство имеет критическое значение, так как возраст субъектов изображения влияет на степень общественной опасности содеянного.[3,98]

3. Виновность лица в совершении деяний, предусмотренных статьёй, доказывается собиранием доказательств, которые свидетельствуют о фактах изготовления, приобретения, хранения, перемещения, распространения, публичной демонстрации или рекламирования соответствующих материалов. Для формирования правовой оценки действий подозреваемого (обвиняемого) важен тщательный анализ всей доказательной совокупности, включая свидетельские показания, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и другие источники.

4. Наличие умысла, особенно в форме цели хранения материалов с целью их дальнейшего распространения, публичной демонстрации или рекламирования, выступает ключевым аспектом доказывания. Без достоверного установления данного умысла невозможна квалификация деяния по статье 242.1 УК РФ, поскольку закон требует именно наличия специального умысла. Установление такой цели, как правило, осуществляется на основе косвенных доказательств, таких как наличие фактов реального распространения, организации рекламы или иных активных действий, свидетельствующих о намерении распространения материалов. Именно этот элемент субъективной стороны преступления придаёт деянию общественную опасность и отличает его от простого факта хранения.

5. В рамках доказывания следует также учитывать дополнительные обстоятельства, которые оказывают влияние на квалификацию деяния и назначение наказания. К таким обстоятельствам относятся способы совершения преступления (например, использование сети Интернет и иных цифровых технологий), количество и характер материалов (масштаб распространения, характер изображений), а также роль каждого лица, участвующего в совершении преступления (организатор, исполнитель и др.). Учитывая совокупность этих факторов, суд определяет степень общественной опасности и назначает соответствующее наказание, строго следуя принципам индивидуализации уголовного ответственности.[2,36]

В совокупности, пределы доказывания по ст. 242.1 УК РФ формируют юридическую основу для объективного и всестороннего рассмотрения дел, связанных с изготовлением и оборотом порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних. Они обеспечивают защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также способствуют поддержанию нравственных основ общества посредством законного пресечения особо опасных однородных по своему содержанию преступлений.

Особенности и проблемы доказывания

В уголовно-процессуальной практике доказывание преступлений, предусмотренных статьёй 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, сопряжено с рядом значительных трудностей, обусловленных как спецификой объекта преступления, так и сложностью подтверждения ключевых обстоятельств состава преступления. Вышеперечисленные

сложности требуют от следственных и судебных органов высокой квалификации, глубокого методологического подхода и внимательного анализа доказательной базы.

Одной из главных проблем является необходимость проведения квалифицированных судебных экспертиз материалов, которые включают определение порнографического характера исследуемых носителей и точное установление возраста изображённых на них лиц. Установка факта, что на материалах представлены именно несовершеннолетние лица, требует привлечения специализированных экспертов – судебных психологов, психиатров, медицинских специалистов, способных на основании комплексного анализа показать возрастную категорию субъектов изображения. Без чёткого экспертного заключения невозможна правомерная квалификация деяния по данной статье, что создаёт высокие требования к качеству и объективности экспертиз.

Сложность доказывания также связана с подтверждением субъективной стороны преступления, а именно умысла лица. Особый акцент делается на установлении цели хранения материалов – хранения с намерением дальнейшего распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Установление данного умысла является обязательным элементом квалификации и требует тщательного анализа всех косвенных и прямых доказательств, в том числе фактов реального распространения или иных действий, явно свидетельствующих о намерении распространения. При этом простой факт хранения таких материалов не может являться достаточным основанием для признания лица виновным, что подчёркивает важность доказательства именно специального умысла.[5,26]

Верховный Суд Российской Федерации в своих разъяснениях и судебная практика неоднократно подчёркивают необходимость строгого соблюдения принципа презумпции невиновности и требования достаточности доказательств. В условиях альтернативной конструкции состава преступления, как по статье 242.1 УК РФ, это требует наличия конкретных, ясных и недвусмысленных доказательств, исключающих любую возможность сомнения в виновности лица. Судебные решения должны основываться на полной и объективной оценке представленных доказательств, объединённых в единую доказательную совокупность, способную всесторонне подтвердить все существенные признаки состава преступления.

Поэтому, особенности доказывания преступлений по ст. 242.1 УК РФ обусловлены необходимостью комплексного междисциплинарного подхода, вопросам высокой квалификации экспертиз, строгой оценки субъективной стороны и неукоснительному соблюдению правовых гарантий обвиняемого. Именно с учётом этих требований обеспечивается законность, справедливость и объективность уголовного судопроизводства в делах указанной категории.

Заключение

Предмет преступления, предусмотренного статьёй 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой материалы и предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних лиц – особую категорию объектов уголовно-правовой защиты, находящихся на пересечении интересов охраны детства, нравственности и общественной безопасности. Правовая конструкция данного преступления охватывает широкий спектр действий: от изготовления и приобретения до хранения, перемещения, распространения, публичной демонстрации и рекламирования соответствующих материалов или предметов. Существенным элементом состава преступления является специальный умысел лица, выражающийся в намерении распространения и популяризации таких материалов либо их публичной демонстрации, что придаёт деянию особую общественную опасность ввиду возможности вовлечения несовершеннолетних в порнографию и негативного влияния на их психическое и нравственное развитие.

Пределы доказывания при рассмотрении уголовных дел по ст. 242.1 УК РФ выходят за рамки простого установления существования запрещённых материалов. Они включают обязательное подтверждение не только объективных фактов наличия, содержания и оборота данных материалов, но и субъективных аспектов – наличия прямого умысла и целенаправленной специальной цели на распространение. В этом контексте доказывание характеризуется сложностью междисциплинарного характера, требующей комплексного подхода, включающего экспертизы в области психологии, медицины, криминалистики, а также профессиональный анализ технологических аспектов оборота материалов в цифровой среде.

Совокупный анализ всей доказательной базы, основанный на принципах объективности, полноты и всесторонности, позволяет сформировать надёжное юридическое обоснование для квалифицированного и справедливого судебного решения. Важность междисциплинарных исследований подчёркивается необходимостью точного

установления возраста лиц, изображенных на материалах, оценки характера и целей хранения, а также выявления следов активности по их распространению. При этом строгое соблюдение принципа презумпции невиновности и требования достаточности доказательств служат гарантиями законности уголовного судопроизводства, обеспечивая защиту прав и свобод обвиняемого и одновременно – надлежащую юридическую оценку общественно опасных деяний.

Эффективное доказывание преступлений, связанных с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, является неотъемлемой составляющей защиты общественных интересов и прав детей. Оно требует не только глубоких профессиональных знаний и умения правильно интерпретировать комплекс доказательств, но и высокого уровня ответственности следственных и судебных органов. В конечном счете, только целостное понимание предмета и пределов доказывания способствует достижению высших целей уголовного законодательства – предупреждению преступлений, восстановлению нарушенных прав и обеспечению справедливого наказания виновных.

Литература

1. Абсатаров Р.Р. Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях //КриминалистЪ. – 2025. – № 3. – С. 3–10.
2. Белецкий И. А., Карпов К.Н. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота порнографических материалов с использованием сети Интернет //Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 36–41.
3. Ильин Н.Н. Судебная искусствоведческая экспертиза по исследованию материалов или предметов с изображениями порнографического характера //Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика. Материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. – 2024. – С. 98–102.
4. Курсаев А. В., Осокин Р.Б. Частные вопросы криминализации и квалификации распространения порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 106–112.
5. Лакомская М.Ю. Проблемы доказывания умысла лица, осуществляющего незаконное распространение порнографических материалов в сети Интернет посредством пиринговых сетей //Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 4 (62). – С. 26–31.
6. Мусеилов У. А., Кузнецова Н.А. Особенности квалификации незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или

предметов, совершенного с использованием сети «Интернет» //Право и практика. – 2024. – № 1. – С. 97–102.

THE SUBJECT AND LIMITS OF PROOF OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 242.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pryanikova M.A.
Siberian Federal University

Objective: This article examines the subject and limits of proof of crimes provided for in Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the production and distribution of materials of a sexual nature with respect to minors, with the aim of identifying the specifics of criminal procedural evidence in the area of child pornography. **Methods:** A comprehensive approach is used, including an analysis of the norms of criminal and criminal procedural law of the Russian Federation, a study of judicial and investigative practice, and a comparative method for assessing the specifics of evidence in the IT sector and when qualifying actions under Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Findings:** It has been established that the subject of proof covers the events of the crime, guilt, the age of the victims (under 18), the nature of the materials, and the actions of the subject. The scope of proof is limited by relevance, admissibility, and reliability, taking into account the specifics of digital media and online anonymity. **Conclusions:** Clarification of the legislation regarding the criteria for determining the pornographic nature of materials and strengthening the evidence base through IT expertise are necessary. Recommendations are offered for improving procedural norms to increase the effectiveness of criminal prosecutions.

Keywords: child pornography, criminal prosecution, criminal procedural evidence; criminal liability.

References

1. Absatarov R.R. Use of modern forensic examination capabilities to establish the age of persons captured in pornographic images // Criminologist. – 2025. – No. 3. – P. 3–10.
2. Beletsky I. A., Karpov K.N. Criminal-legal assessment of illegal circulation of pornographic materials using the Internet // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1. – P. 36–41.
3. Ilyin N.N. Forensic art history examination for the study of materials or objects with images of a pornographic nature // Forensic examinations in criminal proceedings: theory and practice. Materials of the II All-Russian scientific-practical. conf. – 2024. – Pp. 98–102.
4. Kursae AV, Osokin RB Particular issues of criminalization and qualification of distribution of pornographic materials using information and telecommunication networks // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 3. – Pp. 106–112.
5. Lakomskaya MY Problems of proving the intent of a person carrying out the illegal distribution of pornographic materials on the Internet through peer-to-peer networks // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4 (62). – Pp. 26–31.
6. Museibov U. A., Kuznetsova N.A. Features of qualification of illegal production and circulation of pornographic materials or objects committed using the internet // Law and Practice. – 2024. – No. 1. – P. 97–102.

Понятие «охрана» и «пропускной режим» в законодательстве и нормативных правовых актах органов внутренних дел

Родичкин Сергей Владимирович,
адъюнкт Академии управления МВД России
E-mail: sergeyrodichkin74@mail.ru

Обеспечение безопасности и антитеррористической защищенности объектов государственной власти необходимо для устойчивой и бесперебойной работы органов власти, а также в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств недопущения утечки (хищения) сведений, информации и документов, в том числе ограниченного распространения, в целях использования их в противоправных целях. Автором проведен анализ использования в законодательстве и ведомственных нормативных правовых актах понятий: «государственная охрана», «пропускной режим», и предпринята попытка обоснования необходимости применения в нормативных правовых актах МВД России понятия «охрана» для организации защиты и безопасности объектов органов внутренних дел.

Ключевые слова: государственная охрана, пропускной режим, объект, безопасность, антитеррористическая защищенность, органы внутренних дел.

Обеспечение защиты личности, собственности различных форм, соблюдение правопорядка на улицах и в общественных местах гарантируется государством Российской Федерации. Данная норма (обязанность) закреплена в Конституции Российской Федерации¹ в статье 8 указано, что защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

В федеральном законе «О полиции» в статье 1 указано назначение полиции, в которой также отражено, что полиция осуществляет охрану общественного порядка, а также собственность. Данный федеральный закон «О полиции» был принят в 2011 году, в период формирования (переименования) подразделений полиции из бывшей структуры милиции, в ее состав вошли все подразделения предыдущей системы МВД России. В связи с этим охрана объектов, в том числе и на договорной основе, возлагалась на подразделения вневедомственной охраны МВД России.

С 2016 года в ходе создания самостоятельной государственной структуры – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) подразделения вневедомственной охраны были выведены из состава МВД России. Таким образом вопросы организации охраны собственных объектов органов внутренних дел² остались находиться в ведении МВД России, а нормативное правовое регулирование данных отношений утратило юридическую силу.

Одновременно с этим, в настоящее время задачи по обеспечению сохранности, пропускного режима на объекты ОВД в территориальных органах МВД России возложены на дежурные части либо подразделения по обеспечению мер безопасности и антитеррористической защищенности или на должностных лиц, назначенных начальником территориального органа.

Рассмотрим понятия «охрана объекта» и «пропускной режим» и применение их к организации защиты объектов ОВД.

Государственная охрана – это деятельность по обеспечению безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов, выполняемая в целях обеспечения безопасности России, безопасного и беспрепятственного осуществления государственной власти в РФ и международных обязательств РФ, осуществляемая на основе совокупности правовых, организационных, охранных, режимных, оперативно-розыскных, технических, информационных и иных мер³.

Слово «охрана» по толковому словарю С.И. Ожегова включает два понятия для этого слова⁴.

1. Охранять – сберечь, относиться бережно, стеречь;
2. Группа (людей, кораблей, машин) – охраняющая кого-что-нибудь либо в сопровождении охраны.

В этой связи в понятии государственная охрана объектов заложены все мероприятия деятельности подразделений осуществляющих их защиту от противоправных действий. Органы внутренних дел (полиция) выполняют свои задачи возложенные государством по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Полиция использует для реализации своих задач помещения, здания, сооружения, объекты находящиеся в собственности, а также переданные для пользования на правах оперативного управления. Деятельность полиции связана, в случаях необходимости, с принуждением граждан для соблюдения ими федеральных законов, указов Президента РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации. Для достижения этих целей МВД России наделено полномочиями по применению оружия, физической силы, специальных средств и техники. На объектах полиции хранится вооружение, служебная документация и документы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну. Таким образом защита и безопасность объектов ОВД является задачей (обязанностью) государства в целях осуществления и реализации государственной власти, в том

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).

² Далее – ОВД

³ «О государственной охране» федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ.

⁴ Однотомный толковый словарь русского языка С.М. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

числе в случаях изменения политической, экономической, обстановки в Российской Федерации.

Пропускной режим – порядок устанавливаемый клиентом и заказчиком, не противоречащий законодательству Российской Федерации, доведенный до сведения персонала и посетителей объектов охраны и обеспечиваемый совокупностью мероприятий и правил, исключающих возможность бесконтрольного входа (выхода) лиц, въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса) имущества на объекты охраны (с объектов охраны)¹.

В Федеральном законе «О государственной охране» также используется понятие «пропускной режим», которое определяет комплекс мер, осуществляемых органами государственной охраны самостоятельно или совместно с владельцем (пользователем) охраняемого объекта и связанных с организацией доступа на охраняемый объект, передвижением физических лиц, транспортных средств на охраняемом объекте, проносом и провозом вещей (грузов) на охраняемый объект или выносом и вывозом (грузов) с охраняемого объекта². К контексте данного федерального закона стоит отметить что Федеральным законом от 08 декабря 2011 года № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной охране» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» определены органы государственной охраны. В статье 12 указано, что к органам государственной охраны относятся: федеральный орган исполнительной власти в области охраны, подразделения данного же органа исполнительной власти осуществляющие отдельные поручения и военные образовательные учреждения в области государственной охраны. Таким образом федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел (МВД России) не входит в состав органов государственной охраны.

Руководящим документом для использования терминов и определений в сфере охраны и безопасности объектов также определено понятие пропускного режима. Пропускной режим – это установленный порядок пропуска персонала, посетителей, командировочных лиц, транспортных средств, предметов материалов и документов через границу охраняемой зоны, в (из) помещение, здание, строение, сооружение³.

В нормативных правовых актах МВД России пропускной режим – это порядок обеспечиваемый совокупностью мероприятий и правил, исключающих возможность бесконтрольного входа (выхода) лиц, въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса), ввоза (вывоза) имущества на объекты⁴.

Таким образом, в понятии пропускного режима заложено только недопущение проникновения на объект посторонних лиц, пронос предметов и иного вида посягательства.

Сравнивая эти два понятия «охраны объектов» и «пропускного режима» можно сделать вывод, что охрана объектов более широкое и емкое по смыслу, которое также может и включать в себя все мероприятия по организации пропускного режима. Тем самым, в понимании охраны усматривается деятельность, которая охватывает различные виды мер и предоставляет полномочия должностным лицам для проведения оперативно-розыскных мероприятий, изучения обстановки на территории где расположен объект и реализации иных прав для того чтобы объекту в случае противоправных действий был нанесен наименьший ущерб. А также ходе реализации прав по получению оперативной информации и взаимодействию с подразделениями и ведомствами осуществляющие розыскную деятельность должностные лица подразделений охраны могут заранее предусмотреть и осуществить подготовку личного состава и инженерно-технических средств к возможным (замысливаемым) противоправным действиям конкретного характера или способа нанесения вреда охраняемому объекту. Так как обязанность руководителя подразделения охраны заключается в принятии всех имеющихся средств, способов и методов, в соответствии с законодательством, для того чтобы объект охраны был наиболее устойчивым (защищенным) от преступных посягательств.

В ведомственных нормативных правовых актах МВД России для организации деятельности подразделений и должностных лиц, обеспечивающих безопасность и защищенность объектов ОВД используется понятие только «пропускной режим». Так например, в приказах МВД

России: от 31 декабря 2014 г. № 1152⁵; от 23 июля 2024 г. № 430⁶; от 13 декабря 2024 г. № 878⁷; от 27 марта 2025 г. № 170⁸, а также в приказах МВД России ограниченного распространения. Таким образом, у руководителей (должностных лиц) подразделений по обеспечению мер безопасности объектов ОВД ограничены полномочия для принятия всесторонних мер защиты охраняемого объекта.

Ранее понятие «охрана» использовалось в нормативных правовых актах Министерства внутренних дел Российской Федерации, это приказ МВД России от 7 мая 2014 года № 410 «Вопросы организации охраны объектов, подлежащих обязательной охране полицией», который регламентировал деятельность подразделений вневедомственной охраны.

Также в законе «О милиции»⁹ в статье 9 закреплена обязанность милиции по охране собственности. Здесь же утвержден перечень объектов, подлежащих обязательной охране подразделениями милиции вневедомственной охраны при ОВД. Статья 10 «Обязанности милиции» п. 11 – охранять на основе договоров с физическими или юридическими лицами принадлежащее им имущество.

При этом стоит отметить, что в федеральном законе «О полиции» применяется понятие «охрана», так в статье 1 «Назначение полиции» указано, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Далее в указанном федеральном законе и нормативных правовых актах МВД России не рассматривается этот понятийный аппарат «охраны объектов».

Как было рассмотрено выше, данное понятие «государственной охраны» и его понятийный аппарат закреплён в федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57 «О государственной охране». Соответственно его применение в других федеральных законах и ведомственных нормативных правовых актах автором считается целесообразным где речь идет об обеспечении безопасности и принятии мер по защите объектов, которые находятся в ведении государственных органов или переданы им для пользования на правах оперативного управления. Это относится и объектам находящимся в ведении Федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел Российской Федерации (МВД России).

Применение понятия «охрана» объектов в законодательстве и ведомственных нормативных правовых актах МВД России особенно актуально будет применимо к объектам ОВД которые расположены на отдельной территории или самостоятельные (обособленные). Так например, комплекс зданий, сооружений, складов с вооружением и боеприпасов, неприкосновенного запаса и иные объекты имеющие обособленное ограждение (периметр). На данных объектах сотрудниками полиции осуществляется несение службы в круглосуточном режиме, осуществляется обход территории по указанным в карточке поста территории, проверка периметра и целостности ограждения охраняемого объекта. Соответственно должностные лица обеспечивают защиту и безопасность данного объекта. При этом в организации службы входит не только осуществление пропускного режима на территорию объекта (комплекса зданий, складов и т.п.), а также:

постоянное круглосуточное наблюдение за периметром объекта, задержание лиц пытающихся проникнуть и принятие к ним мер в соответствии с законодательством,

поддержание в исправном состоянии инженерно-технических средств и систем охраны, оснащение бесперебойной и устойчивой связью с взаимодействующими подразделениями;

сбор, обобщение и анализ выявленных фактов скрытого наблюдения, а также фото– и видеосъемка объекта неизвестными лицами. Фактов провокаций лиц работающих на объекте и сотрудников осуществляющих охрану на противоправные действия;

⁵ «Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств» приказ МВД России от 31 декабря 2014 года № 1152.

⁶ «О некоторых организационных вопросах деятельности подразделений по обеспечению мер безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел» приказ МВД России от 23 июня 2024 г. № 430.

⁷ «Об утверждении Наставления по организации деятельности подразделений по обеспечению мер безопасности и антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел территориальных органов МВД России» приказ МВД России от 13 декабря 2024 г. № 878.

⁸ «Об установлении пропускного и внутриобъектового режимов на объектах системы МВД России» приказ МВД России от 27 марта 2025 г. № 170.

⁹ «О милиции» закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026–1 – утратил силу.

¹ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» закон РФ от 11 марта 1992 года № 2487–1 (ред. 21.04.2025).

² «О государственной охране» федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ.

³ РД25.03.001–2002: Системы охраны и безопасности объектов. Термины и определения.

⁴ «Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств» приказ МВД России от 31 декабря 2014 года № 1152.

контроль за беспричинным размещением посторонними лицами вблизи объекта вещей, предметов, временных конструкций, транспортных средств;

контроль за состоянием подземных коммуникаций, прилегающей территории, трансформаторных и электроподстанций, стоянок транспорта.

Таким образом данные мероприятия по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объекта включает в себя понятие «государственная охрана», которое закреплено в вышеуказанном федеральном законе.

Автором предлагается использование в нормативных правовых актах МВД России данного понятия «охрана объектов», которое в понимании является шире чем «пропускной режим». При этом, для выполнения обязанностей по обеспечению безопасности служебных помещений, части здания, которое используется ОВД допустимо применение мер только для обеспечения пропускного и внутриобъектового режима. Так например, помещения участковых пунктов полиции, которые располагаются в жилых домах (в виде отдельной площади или квартиры), а также нескольких помещений (кабинетов), находящихся в пристройке в основном здании. В таких случаях охрана объекта ОВД (помещения, части здания, пристройки) осуществляется не всего объекта, а только той части где расположены служебные помещения используемые сотрудниками полиции. И для организации доступа в указанные помещения достаточно будет применение правил и порядка прохода на объекты ОВД. Здесь же стоит обращать внимание на организацию обеспечения защиты и сохранности имущества, служебной документации и иных источников информации, находящихся в служебных помещениях в период отсутствия сотрудников полиции на рабочем месте, в том числе в ночное время.

Подводя итог применения в законодательстве и ведомственных нормативных правовых актах понятий охраны и пропускного режима предлагается в целях осуществления обязанностей возложенных на полицию и реализации прав по обеспечению безопасности и антитеррористической защищенности объектов ОВД внести изменения в статью 13 «Права полиции» и наделить ее полномочиями по осуществлению охраны объектов ОВД, в том числе которые переданы МВД России на правах оперативного управления. Тем самым в ведомственных нормативных правовых и локальных актах МВД России будет возможность урегулировать права и обязанности должностных лиц, ответственных за организацию и обеспечение безопасности на охраняемом и используемом ОВД объекте, в целях его надежной защищенности и устойчивости к противоправным посягательствам.

Литература

1. Олейник, А.С. Методы и модели принятия решений по охране и обороне важных государственных объектов / А.С. Олейник. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – 92 с.
2. Олейник, А.С. Система физической защиты важных государственных объектов: моделирование и управление: монография / А.С. Олейник, Л.Ч. Абаев. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 144 с.
3. Абаев, Л.Ч. Антитеррористическая защита ядерно-опасных объектов Российской Федерации: методы и технологии / Л.Ч. Абаев, А.С. Олейник // Военно-политическая ситуация в мире и вопросы обеспечения национальной безопасности России: сборник материалов / Российский ин-т стратегических исслед.. – Москва: Российский ин-т стратегических исслед., 2011. – С. 175–180.
4. Родичкин С.В. Проблемные вопросы в деятельности комендантских подразделений полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика 2023. № 12(228) – С. 234–238.

THE CONCEPTS OF “SECURITY” AND “ACCESS CONTROL” IN LEGISLATION AND REGULATIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Rodichkin S.V.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Ensuring the security and anti-terrorist protection of government facilities is essential for the stable and uninterrupted operation of government bodies, as well as for preventing the leakage (theft) of information and documents, including those of limited distribution, from being used for illegal purposes in the event of emergencies. The author analyzes the use of the concepts “state security” and “access control” in legislation and departmental regulations, and attempts to justify the need to use the concept of “security” in the regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation to organize the protection and safety of internal affairs bodies.

Keywords: state security, access control, facility, security, anti-terrorism protection, internal affairs bodies.

References

1. Oleinik, A.S. Methods and Models of Decision-Making for the Protection and Defense of Important Government Facilities / A.S. Oleinik. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – 92 p.
2. Oleinik, A.S. Physical Protection System of Important Government Facilities: Modeling and Management: Monograph / A.S. Oleinik, L. Ch. Abaev. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015. – 144 p.
3. Abaev, L. Ch. Anti-terrorist Protection of Nuclear-Hazardous Facilities of the Russian Federation: Methods and Technologies / L. Ch. Abaev, A.S. Oleinik // The Military-Political Situation in the World and Issues of Ensuring National Security of Russia: Collection of Materials / Russian Institute of Strategic Studies. – Moscow: Russian Institute of Strategic Studies, 2011. – Pp. 175–180.
4. Rodichkin S.V. Problematic issues in the activities of commandant units of the police of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice 2023. No. 12 (228) – P. 234–238.

Саакянц Александр Армэнович,

аспирант Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: asaakyancz2001@mail.ru

В работе рассматриваются перспективные правовые механизмы, в том числе актуальные направления нормативно-правового совершенствования отношений, вытекающих из агропромышленной деятельности. В ходе исследования определено, что отдельные направления правового регулирования агропромышленного комплекса в силу относительной неапробированности отдельных технологий и технологических решений остаются достаточно пробельными и проблемными. В частности выявлено, что правовое регулирование использования дронов в сельском хозяйстве и животноводстве в России сталкивается с рядом проблем, что выражается, в том числе, в избыточных правовых требованиях, административных барьерах и необходимости адаптации законодательства к специфике агросектора на современном этапе. В частности определено, что перспективным направлением совершенствования правовых основ агропромышленного сектора остаётся всецелое и комплексное нормативное регулирование применения беспилотных летательных систем в данной сфере регулирования, а именно: упрощение регистрации агродронов; сокращение сроков подачи полётных планов; адаптация требований к операторам; расширение экспериментального правового режима на другие сферы и подотрасли агропромышленного комплекса; разработка единого стандартизированного документа на право управления агродронами; совершенствование основ сертификации программного обеспечения на дроны в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, животноводство, сертификация, стандартизация, потребитель, производитель, продукция.

Введение

Развитие и поддержка агропромышленного сектора является стратегическим направлением в части обеспечения экономической безопасности Российской Федерации (далее по тексту – РФ) в частности [13] и национальной безопасности государства в целом [12]. Из стратегических документов следует направленность государственной политики на обеспечение продовольственной независимости, автономности и безопасности. При этом важным является то, что достижение соответствующих критериев обеспечивается не только за счёт наращивания агропромышленного производства, но и также посредством оптимизации организационных процессов в данном секторе экономики.

Немаловажным остаётся и направление по минимизации административных барьеров, по созданию административно-организационной и управленческой инфраструктуры для согласованного и эффективного взаимодействия субъектов агропромышленного комплекса с иными частными субъектами-партнёрами, с государством, органами местного самоуправления, а также публичными учреждениями и предприятиями.

В конечном итоге нельзя не заметить, что особое место в развитии агропромышленного комплекса занимает непосредственно нормативно-правовое регулирование исследуемого сектора публичного управления и экономики, которое позволяет создать устойчивую правовую основу для гармоничного правоприменения, исключая в практике правового регулирования пробелы, злоупотребления, а также иные недостатки, влекущие за собой нарушение частных и публичных прав, в том числе законных интересов участников правоотношений в агропромышленном секторе.

Всё чаще в научно-практической среде актуализируется необходимость развития и адаптации законодательной, подзаконной нормативно-правовой основы, а также информационной и административно-правовой политики в части развития агропромышленного комплекса с учётом политических, социально-экономических и научно-технических реалий, общественных и государственных потребностей, а также вызовов и угроз, существующих в конкретном историческом промежутке [6, с. 43; 11, с. 7].

Правовые новации в сфере агропромышленного комплекса, как справедливо отмечает И.В. Тепляшин и Е.В. Богатова, за последнее десятилетие позволили внедрить чёткий нормативный алгоритм осуществления производственного экологического контроля в агропромышленной сфере, упорядочить деятельность сельхозтоваропроизводителей в формате опережающих территорий, а также внедрить в административно-управленческие процессы институциональные правовые механизмы по учёту и анализу движения сельскохозяйственной и иной продукции от момента её производства до момента реализации как с целью обеспечения безопасности реализуемой продукции, так и для создания условий к прозрачной работе субъектов агропромышленной деятельности [10, с. 3].

Таким образом, правовые новации в агропромышленном комплексе на сегодняшний день наряду с экономическими, инновационно-технологическими, техническими, и административно-организационными новациями представляют собой не менее эффективное, комплексное средство, применимое как для поддержки товаропроизводителей и иных субъектов данного комплекса, так и для усиления контроля и надзора за их деятельностью, тем самым обеспечивая баланс частных и публичных интересов с учётом стратегий экономической и национальной безопасности РФ.

В связи с этим, в рамках данного исследования представляется необходимым исследовать перспективные правовые механизмы в агропромышленном комплексе с учётом социально-экономических реалий, складывающихся обстоятельств в исследуемой сфере правового регулирования, а также беря во внимание существующие запросы и потребности бизнес-сообщества, общества в целом.

Материалы и методы исследований

В материалы исследования входят научно-теоретические и практические подходы учёных, а также сборники и официальные государственные материалы, иные практические данные, отражающие перспективы и практику правового регулирования агропромышленного комплекса на современном этапе.

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Для начала следует определить те правовые механизмы, которые сравнительно недавно были внедрены в агропромышленный сектор для общего понимания того, в каком направлении движется государственная политика развития и поддержки агропромышленного сектора национальной экономики. Важным шагом в обеспечении безопасности реализуемой сельскохозяйственной продукции, а именно такой молочной продукции, которая в силу объективных биологических качества представляет некоторые угрозы для её потребителей, было внедрение в 2021 году и дальнейшее развитие системы обязательной маркировки молочной продукции средствами идентификации, а также внедрение государственной информационной системы мониторинга за её оборотом [8, с. 177].

На сегодняшний день система позволяет отслеживать весь цикл производства и дальнейшего движения, в том числе реализации конечной молочной продукции начиная от сбора сырья для её производства и до момента продажи готовой продукции потребителю, тем самым позволяя выявить возможные нарушения на каждой из цепочек производства. Кроме того, система маркировки и включения продукции в государственную информационную систему позволяют исключить продажу просроченной молочной продукции или такой продукции с выявленными нарушениями технологии производства, тем самым минимизируя риски для потребителей. Детерминирующим фактором внедрения такой системы были как раз таки множественные случаи отравлений, в том числе с летальным исходом.

Ещё прежде в 2019 году и в последующие годы была разработана и введена в действие государственная информационная система «Честный знак», которая также позволила минимизировать случаи допуска на российский продовольственный рынок контрафактной пищевой продукции или такой продукции с поддельной документацией о прохождении обязательной сертификации. На сегодняшний день внедрение соответствующего административно-правового механизма позволило значительным образом минимизировать объем некачественной, контрафактной и поддельной пищевой продукции, представляющей угрозу для жизни и здоровья потребителей, поскольку такая система открыта для любого гражданина и отражает информацию о сроке годности, составе продукции, производителе и стране происхождения, в том числе документацию (различные сертификаты, патенты и другие подтверждения соответствия стандартам и регламентам) [7].

С каждым годом распространение действия данной системы постепенно расширяется. Уже на 2025 год в рамках системы «Честный знак» находятся под контролем 24 группы товаров (слабоалкогольные напитки; вода; медицинские изделия; табачная продукция; бакалея; молочная продукция; консервированные продукты), при этом рассматриваются перспективные направления дальнейшего включения иных групп товаров под государственный контроль [4].

Следует заметить общую тенденцию, связанную с тем, что за последнее десятилетие направленность правового и административно-правового совершенствования агропромышленного комплекса обусловлена тенденцией усиления государственного контроля и надзора за сельскохозяйственными и иными участниками агропромышленной деятельности. В частности, была разработана государственная информационная система «ВетИС» в области ветеринарии для обеспечения открытости прослеживаемости подконтрольных животноводческих товаров, оформления и выдачи ветеринарной документации, регистрации данных и результатов экспертиз и лабораторных исследований. При этом государство крайне заинтересовано в полном включении всех производителей животноводческой продукции в соответствующую систему, в связи с чем начиная с 2026 года обязательным условием получения государственной поддержки в животноводстве будет маркировка и учет скота в системе «ВетИС» [1].

Правовые новации в агропромышленном секторе затрагивают и более узкие сферы. В частности, достаточно длительное время существовала достаточно насущная проблема по исследованию племенной продукции, а именно – в части осуществления микробиологического анализа племенного материала и избрания надлежащих методов для этого, из-за чего в практике нередко возникали проблемы, касающиеся апробации, выделения и идентификации условно-патогенных микроорганизмов.

В 2025 году при этом был новый стандарт по исследованию племенной продукции [2], который в своём содержании определил со-

став и этапы приготовления питательных сред, а также конкретные микробиологические методы выделения и идентификации условно-патогенных микроорганизмов. Кроме того, в нем предложен новый подход вычисления при определении общего количества микробных клеток. Отличительной особенностью нового стандарта является то, что изложенные методы и способы микробиологического анализа устанавливают научно обоснованные критерии, соответствующие современным вызовам ветеринарной репродуктологии. Данное правовое решение по совершенствованию стандартизационных основ крайне важно в современных условиях развития экспортного потенциала российского животноводства [9].

Рассматривая дальнейшие перспективные правовые механизмы, которые могли быть интегрированы в систему регулирования агропромышленного комплекса, нельзя не обойти, наверное, наиболее актуальную сферу, связанную с правовым регулированием использования беспилотных летательных систем (дронов) в сельском хозяйстве и животноводстве. Последние 5 лет такие беспилотные системы активно применяются для картирования сельскохозяйственных угодий, для мониторинга их состояния, а в последние годы – также для осуществления посева полей, их удобрения и распыления средств для защиты растений от вредителей. В животноводстве такие летательные системы используются для мониторинга выпаса скота, для осуществления их гона и загона.

При этом использование беспилотных летательных схем уже подвергается экспериментальному законодательному регулированию, которое устанавливает критерии для допуска сельскохозяйственной беспилотной авиационной системы к эксплуатации, предполагает наличие свидетельства о регистрации соответствующего судна, получение разрешения на эксплуатацию воздушного средства, а также регламентирует технологические ограничения в части параметра полётов (скорость полета; высота полёта; время полёта; вес и др.) [5, с. 80].

При этом нельзя не отметить, что экспериментальное правовое регулирование применения агродронов достаточно фрагментарное, пробельное и даже чрезмерно избыточное, создающее административно-правовые барьеры, не отвечающие реалиям агропромышленного рынка России. Одна из таких проблем – это избыточные требования к агродронам массой более 30 кг., поскольку согласно Воздушному кодексу РФ, такие дроны приравниваются к гражданским самолётам, что влечёт за собой жёсткие требования к операторам (аналогичные требованиям к пилотам гражданской авиации), необходимости государственной регистрации, получения сертификата лётной годности и других документов.

Однако более существенной проблемой является сложность с регистрацией прав на дроны, ведь согласно действующим правовым основам, при регистрации дрона массой более 30 кг в российском авиационном реестре требуется документально подтвердить, что аппарат не зарегистрирован в реестрах зарубежных стран. Для китайских дронов, составляющих практически всю долю российского агорынка, получить такие справки практически невозможно, что затрудняет легализацию техники [3].

Немаловажный аспект, связанный с недостатком правовых основ, регламентирующих использование беспилотных летательных систем в агропромышленном комплексе – это недостаточная адаптация требований к операторам, поскольку до сих пор требования к пилотам агродронов во многом дублируют стандарты гражданской авиации, что делает процесс сертификации избыточным и дорогостоящим. Ведь проводя существенное сравнение, можно заметить, что цели и маршруты в агропромышленном комплексе фактически не совпадают с традиционной авиацией, но тем самым создавая чрезмерные административные барьеры для аграриев.

Проблемы с сертификацией программного обеспечения летательных беспилотных систем, а если быть точнее отсутствие единых стандартов их сертификации – ещё один недостаток и одновременно перспективное направление совершенствования правового регулирования использования соответствующих систем в агропромышленном комплексе [14, с. 96].

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно заметить, что к основным тенденциям развития агропромышленного комплекса России через совершенствование нормативно-правовых основ, в частности через административно-организационное и управленческое совершенствование данной сферы регулирования, можно отнести усиление интегрированности субъектов агропромышленного комплекса в открытый процесс раскрытия всех основных данных и сведений о хозяйственной деятельности в интересах потребителей, контрагентов, а также государства и общества в целом.

Можно выявить, как за последние 10 лет государство движется в направлении усиления государственного контроля и надзора через внедрение обязательных государственных информационных систем, исключающих или минимизирующих допуск на агропромышленный рынок России некачественной, несертифицированной и фальсифицированной продукции, что опять же отвечает интересам общества и государства одновременно, а также создают равные условия по участию в хозяйственной деятельности исключительно добросовестных производителей сырья и продукции, соблюдающих законы, подзаконные нормативно-правовые основы, а также государственные стандарты.

Нельзя при этом не заметить, что отдельные направления правового регулирования агропромышленного комплекса в силу относительной неапробированности отдельных технологий и технологических решений остаются достаточно пробельными и проблемными. В частности выявлено, что правовое регулирование использования дронов в сельском хозяйстве и животноводстве в России сталкивается с рядом проблем, что выражается, в том числе, в избыточных правовых требованиях, административных барьерах и необходимости адаптации законодательства к специфике агросектора на современном этапе.

В связи с этим считаем, что перспективным направлением совершенствования правовых основ в агропромышленном секторе остаётся всецелое и комплексное нормативное регулирование применения беспилотных летательных систем в данной сфере регулирования, а именно: упрощение регистрации агродронов; сокращение сроков подачи полётных планов; адаптация требований к операторам; расширение экспериментального правового режима на другие сферы и подотрасли агропромышленного комплекса; разработка единого стандартизированного документа на право управления агродронами; совершенствование основ сертификации программного обеспечения на дроны в сельском хозяйстве.

Литература

1. Господдержку животноводства с 2026 года привяжут к обязательной маркировке // Молочный союз России. – Режим доступа: <https://dairyunion.ru/news/tpost/614mhd5kh1-gospodderzhku-zhivotnovodstva-s-2026-god> (дата обращения: 21.12.2025).
2. ГОСТ 32198-2025 от 01.07.2025 «Средства воспроизводства. Сперма. Методы микробиологического анализа» // Официальное издание. М.: ФГБУ «РСТ», 2025.
3. Для сельхоздронов попросили упростить регистрацию в Росавиации // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/18/06/2024/66704de89a79479e4157c5f7> (дата обращения: 23.12.2025).
4. Какие нововведения в российском АПК вступают в силу с 1 июля // СпецАгро. – Режим доступа: <https://specagro.ru/news/202507/kakie-novovvedeniya-v-rossiyskom-apk-vstupayut-v-silu-s-1-iyulya> (дата обращения: 20.12.2025).
5. Ланцева В.Ю. Вопросы правового регулирования эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем // Хозяйство и право. – 2025. – № 1. – С. 78–89.
6. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 42–58.
7. Маркировка товаров «Честный знак» // Роспотребнадзор. – Режим доступа: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/federal/565302> (дата обращения: 20.12.2025).
8. Мосийчук Л.В. Санитарно-эпидемиологический надзор за оборотом молочной продукции / Л.В. Мосийчук, Г.В. Ивин // Гигиена питания в XXI веке: достижения и перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию образования кафедры гигиены питания ФГБОУ ВО СЗГМУ им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург, 25 ноября 2022 года / Под редакцией В.В. Закревского. – Санкт-Петербург: Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова, 2023. – С. 177–182.
9. Разработанный ФГБУ «ВГНКИ» ГОСТ, устанавливающий методы микробиологического анализа племенной продукции, вступает в силу с 1 июля 2025 года // Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору. – Режим доступа: <https://vgnki.ru/razrabotannyj-fgbu-vgnki-gost-ustanavlivaushij-metody-mikrobiologicheskogo-analiza-plemennoj-produkcii-vstupaeet-v-silu-s-1-iyulya-2025-goda.html> (дата обращения: 21.12.2025).
10. Тепляшин И.В., Богатова Е.В. Правовые инновации в агропромышленном комплексе России: направления реализации // Сельское хозяйство. – 2019. – № 3. – С. 1–6.
11. Трофимов В.В. Проблемы организации и проведения правотворческой политики в области инновационного развития России // Государство и право. – 2017. – № 3. – С. 5–14.

12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07.2021. – № 27 (ч. II). – ст. 5351.

13. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15.05.2017. – № 20. – ст. 2902.

14. Шевченко И.В. Юридические аспекты применения агродронов в сельском хозяйстве: вопросы лицензирования и сертификации // Рациональное природопользование, экология и охрана окружающей среды. – 2025. – № 47. – С. 89–100.

PROMISING LEGAL MECHANISMS IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Saakyants A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The paper examines promising legal mechanisms, including current areas of regulatory and legal improvement of relations arising from agro-industrial activities. During the study, it was determined that certain areas of legal regulation of the agro-industrial complex, due to the relative lack of testing of certain technologies and technological solutions, remain rather gap-like and problematic. It has been revealed that the legal regulation of the use of drones in agriculture and animal husbandry in Russia faces a number of problems, which is reflected, among other things, in excessive legal requirements, administrative barriers and the need to adapt legislation to the specifics of the agricultural sector at the present stage. In particular, it was determined that a promising direction for improving the legal framework in the agro-industrial sector remains the comprehensive and comprehensive regulatory regulation of the use of unmanned aerial systems in this area of regulation, namely: simplification of registration of agricultural drones; reduction of deadlines for submitting flight plans; adaptation of requirements to operators; expansion of the experimental legal regime to other areas and sub-sectors of the agro-industrial complex; development of a unified a standardized document on the right to manage agricultural enterprises; improving the basics of software certification for drones in agriculture.

Keywords: agro-industrial complex, agriculture, animal husbandry, certification, standardization, consumer, producer, products.

References

1. State support for animal husbandry will be linked to mandatory labeling starting in 2026 // Dairy Union of Russia. – Access mode: <https://dairyunion.ru/news/tpost/614mhd5kh1-gospodderzhku-zhivotnovodstva-s-2026-god> (date of reference: 12/21/2025).
2. GOST 32198-2025 dated 07/01/2025 "Means of reproduction. Sperm. Methods of microbiological analysis" // Official publication. Moscow: Federal State Budgetary Institution "PCT", 2025.
3. For agricultural farmers, they asked to simplify registration with the Federal Air Transport Agency // RBC. – Access mode: <https://www.rbc.ru/business/18/06/2024/66704de89a79479e4157c5f7> (date of request: 12/23/2025).
4. What innovations in the Russian agro-industrial complex come into force on July 1 // Spetsagro. – Access mode: <https://specagro.ru/news/202507/kakie-novovvedeniya-v-rossiyskom-apk-vstupayut-v-silu-s-1-iyulya> (date of reference: 12/20/2025).
5. Lantseva V.Y. Issues of legal regulation of the operation of agricultural unmanned aircraft systems // Economy and Law. – 2025. – No. 1. – Pp. 78–89.
6. Malko A.V., Soldatkina O.L. Information and legal policy in modern society: a comparative analysis // Comparative Politics. – 2019. – Vol. 10. – No. 1. – Pp. 42–58.
7. Labeling of goods "Honest mark" // Rospotrebнадзор. – Access mode: <https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/federal/565302> (date of request: 12/20/2025).
8. Mosiychuk L.V. Sanitary and epidemiological supervision of the turnover of dairy products / L.V. Mosiychuk, G.V. Ivin // Food hygiene in the XXI century: achievements and prospects: A collection of articles at the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the formation of the Department of Food Hygiene of the I.I. Mechnikov NWMSU, St. Petersburg, November 25, 2022 / Edited by V.V. Zakrevsky. Saint Petersburg: I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University, 2023. Pp. 177–182.
9. The GOST developed by the Federal State Budgetary Institution "VGNKI", which establishes methods of microbiological analysis of breeding products, comes into force on July 1, 2025 // Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance. – Access mode: <https://vgnki.ru/razrabotannyj-fgbu-vgnki-gost-ustanavlivaushij-metody-mikrobiologicheskogo-analiza-plemennoj-produkcii-vstupaeet-v-silu-s-1-iyulya-2025-goda.html> (date of reference: 12/21/2025).
10. Teplyashin I.V., Bogatova E.V. Legal innovations in the agro-industrial complex of Russia: directions of implementation // Agriculture. – 2019. – № 3. – Pp. 1–6.
11. Trofimov V.V. Problems of organizing and conducting law-making policy in the field of innovative development of Russia // State and law. – 2017. – No. 3. – Pp. 5–14.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 07/05/2021. – No. 27 (Part II). – art.5351.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2017 No. 208 "On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 05/15/2017. – No. 20. – art.2902.
14. Shevchenko I.V. Legal aspects of the use of agrodrons in agriculture: issues of licensing and certification // Rational use of natural resources, ecology, and environmental protection. – 2025. – No. 47. – Pp. 89–100.

Самохин Степан Михайлович,

учредитель, ООО Дальневосточная энергосетевая компания
E-mail: Khv-sms@mail.ru

Статья посвящена анализу уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, совершаемым на объектах топливно-энергетического комплекса Российской Федерации. На основе анализа судебно-следственной практики исследуются особенности квалификации преступлений, проблемы определения объекта и потерпевшего, а также роль субъекта преступления, включая использование служебного положения и участие организованных преступных групп. Особое внимание уделено разграничению составов преступлений, направленных на умышленное причинение ущерба объектам ТЭК, и необходимости совершенствования уголовного законодательства, включая введение квалифицирующих признаков и усиление ответственности для обеспечения энергетической безопасности государства. Автор делает вывод о необходимости комплексной модернизации нормативной базы для повышения эффективности уголовно-правовой охраны объектов ТЭК.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, уголовно-правовое противодействие, объекты ТЭК, квалификация преступлений, субъект преступления, служебное положение, энергетическая безопасность, совершенствование законодательства

Топливо-энергетический комплекс Российской Федерации (далее – ТЭК) выступает системообразующей структурой национального хозяйства, обеспечивающей энергетическую безопасность государства, устойчивость экономического развития и значительную долю доходной части федерального бюджета. В официальных выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина последовательно подчёркивается, что современный российский ТЭК представляет собой динамично развивающуюся отрасль, успешно реагирующую на глобальные вызовы, укрепляющую сырьевую, технологическую и промышленную независимость государства, а также поддерживающую устойчивые торговые и кооперационные связи с зарубежными партнёрами [1].

Возрастающее значение объектов энергетической инфраструктуры обуславливает актуальность вопросов их правовой охраны, особенно в условиях нарастающего количества противоправных посягательств. События последних лет – включая инциденты на магистральных трубопроводах и массированные атаки беспилотных летательных аппаратов на объекты ТЭК в период проведения специальной военной операции – демонстрируют прямую зависимость устойчивости мировой экономики от надёжности функционирования энергетических систем. В этих условиях совершенствование механизмов уголовно-правовой защиты стратегически важных объектов энергетической отрасли приобретает безусловное значение.

Правовой фундамент обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса образуют Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (далее по тексту – Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ) [2] и Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216, утвердивший Доктрину энергетической безопасности Российской Федерации [3]. Указанные документы определяют понятийный аппарат, стратегические цели и принципы обеспечения безопасности, а также комплекс требований, направленных на защиту объектов ТЭК, включая аспекты антитеррористической защищённости.

Особое внимание при этом уделяется проблеме коррупции, которая рассматривается в Доктрине энергетической безопасности в качестве одной из внутренних угроз для функционирования отрасли. В документах государственной политики подчёркивается необходимость профилактики и пресечения преступных действий, включая хищения, коррупционные практики, производство и оборот контрафактной продукции, а также злоупотребления при расходовании бюджетных средств. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2050 года, утверждённая Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 г. № 908-р также предусматривает широкий спектр мер, направленных на предупреждение противоправной деятельности, связанную с функционированием ТЭК, включая борьбу с теневой экономикой и деофшоризацией отрасли [4].

Однако несмотря на наличие развитой правовой базы, действующее законодательство, по мнению В.С. Гончар и Ю.Е. Ширяев, не содержит чётко сформулированных норм уголовной ответственности, специально ориентированных на преступления в сфере ТЭК. Авторы отмечают, что существующее нормативное регулирование преимущественно направлено на предупреждение внешних угроз, при этом вопросы ответственности за ненадлежащее выполнение обязательств по обеспечению безопасности, причинение ущерба или создание условий для аварий остаются неопределёнными, что существенно затрудняет эффективное противодействие преступным посягательствам [5].

Вместе с тем, не ставя цель оспорить позицию авторов, отметим, что результаты анализа действующего законодательства и правоприменительной практики свидетельствуют о значительном многообразии преступных посягательств на объекты ТЭК, что обуславливает необходимость их научной систематизации. Преступления в данной сфере, по справедливому замечанию Д.Б. Чернышова, существенно различаются по своей юридической природе, направленности, способам совершения и наступившим последствиям, что требует дифференцированного подхода к их уголовно-правовой оценке и выработке мер противодействия [6].

Представляется, что их классификация может быть представлена следующим образом:

а) по родовому объекту посягательства можно выделить преступления против собственности, охватывающие различные формы хищений энергоресурсов, оборудования и денежных средств предприятий ТЭК; преступления против общественной безопасности, создающие угрозу нормальному функционированию объектов жизнеобеспечения; преступления против интересов службы в коммерческих организациях и государственных органах, совершаемые должностными лицами с использованием служебного положения; преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, включая диверсии и террористические акты;

б) субъектный состав преступлений позволяет разграничить посягательства, совершаемые общими субъектами, и деяния специальных субъектов – должностных лиц предприятий ТЭК, работников, имеющих доступ к энергоресурсам, сотрудников охранных структур;

в) по форме соучастия преобладают групповые преступления – от группы лиц по предварительному сговору до организованных преступных групп и сообществ, что обусловлено сложным механизмом совершения посягательств на объекты ТЭК;

г) характер наступивших последствий варьируется от имущественного ущерба до причинения вреда жизни и здоровью людей, экологического вреда и создания угрозы энергетической безопасности государства.

Переходя к конкретным положениям уголовного закона, отметим, что особую значимость имеет анализ ст. 217.1 УК РФ, в которой закреплена уголовная ответственность за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищённости объектов ТЭК. Однако санкции данной нормы, ограничивающиеся максимальным сроком лишения свободы до трёх лет (либо до семи лет при наступлении тяжких последствий), не соответствуют степени возможного ущерба и стратегическому значению инфраструктуры ТЭК. Аналогичные проблемы возникают и при применении ст. 215.3 УК РФ, предусматривающей ответственность за самовольное подключение к трубопроводам или приведение их в негодность. Рост числа преступлений при участии представителей органов власти и местного самоуправления подчёркивает необходимость пересмотра уголовно-правовых подходов к охране объектов ТЭК.

Существенной особенностью квалификации преступлений против объектов ТЭК является определение объекта преступного посягательства и установление потерпевшего. Как справедливо указывает С.И. Вележев, несмотря на кажущийся теоретический характер определения объекта рассматриваемой группы преступлений, в практической оперативно-следственной деятельности имеет существенное значение и напрямую связано с определением потерпевшего и определением суммы ущерба [7].

Действительно, результаты анализа судебно-следственной практики позволяют сделать вывод о нарастающей тенденции формирования ситуаций, когда имущество (например, участки трубопровода или кабельные линии), подвергнувшееся хищению или разрушению, не состоит на балансе организаций, что препятствует установлению собственника и, как следствие, возбуждению уголовного дела. Эти случаи демонстрируют необходимость нормативного закрепления специальных правил учёта объектов ТЭК и уточнения предмета преступного посягательства.

Отдельного внимания заслуживает анализ субъектного состава преступлений. Как отмечает А.И. Приходько, посягательства на объекты ТЭК нередко осуществляются организованными группами, что обусловлено сложностью механизма преступных действий и необходимостью выполнения множества согласованных операций. Широкий круг участников включает работников предприятий ТЭК, сотрудников охранных структур, представителей правоохранительных органов и государственных органов власти [8].

К схожему выводу приходят и С.И. Вележев и С.Н. Минсафина, отмечающие, что для правильной квалификации преступных деяний в сфере ТЭК необходимо в обязательном порядке устанавливать состав акционеров обществ на стадии доследственной проверки, поскольку в отрасли получили широкое распространение организации, контрольный пакет которых принадлежит субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям [9].

Наглядным в этой части является уголовное дело в отношении бывшего заместителя министра энергетики Российской Федерации Т, осуждённого за получение через посредника взятки в особо крупном размере при заключении контракта на создание «ГИС ТЭК», а также за хищение (растрату) выделенных на этот проект денежных средств посредством завышения стоимости работ и оборудования при использовании своего служебного положения [10].

Солидаризируясь с позициями авторов, отметим, что использование служебного положения является одним из наиболее распро-

странённых факторов, повышающих общественную опасность преступления. При этом невозможно игнорировать то обстоятельство, что примеры подкупа сотрудников нефтеперерабатывающих заводов [11] или фальсификации документов [12], как в случае незаконного изменения маршрута судна с нефтью свидетельствуют о системном характере проблемы.

Вместе с тем, практике известны случаи и иной корыстной заинтересованности. Наиболее подробно иллюстрирует данное обстоятельство уголовное дело в отношении Д., который будучи ранее неоднократно судим по ст. 215.3 УК РФ, руководствуясь корыстными интересами – нежеланием нести финансовые обязательства за фактически потреблённые энергоресурсы, осуществил несанкционированное присоединение к системе газоснабжения в отсутствие соответствующего разрешения, демонтировав защитную заглушку, установленную работниками газовой службы, и соединив металлическую трубу с газораспределительной магистралью, вследствие чего возобновил поступление природного газа к газовому оборудованию в принадлежащем ему домовладении [13].

Наряду с корыстными преступлениями существенную группу составляют деяния, направленные на уничтожение или повреждение объектов ТЭК без корыстного мотива. Речь идёт о составах, предусмотренных ст. 167, 205, 215.2, 215.3 (в хулиганской редакции), 281 УК РФ. Несмотря на внешнее сходство, различия в объекте посягательства имеют определяющее значение: от имущественных отношений (ст. 167) до общественной безопасности и основ конституционного строя (ст. 205, 281). Наглядным примером служит уголовное дело в отношении М. и Ш. – военнослужащих Вооружённых Сил Украины (лётчиков-операторов боевой авиации), которые осуществили пересечение государственной границы Российской Федерации с целью нанесения авиационного удара по одному из нефтеперерабатывающих комбинатов, находящихся в ведомственном подчинении Федерального агентства по государственным резервам [14].

Отдельного внимания заслуживает анализ судебной практики по делам о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, проведённый А.Ю. Решетниковым и И.И. Малыгиным. Обобщённые ими материалы свидетельствуют о наличии целого комплекса проблем, возникающих при квалификации деяний данного рода. Указанные трудности обусловлены как технической спецификой рассматриваемых преступлений, так и особенностями законодательной конструкции норм, регулирующих ответственность за противоправное влияние на объекты критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) [15].

Исследователи справедливо обращают внимание на необходимость чёткого разграничения ситуаций, при которых неправомерное воздействие на КИИ осуществляется в террористических, диверсионных или иных формах подрывной деятельности. В подобных случаях, как указывают авторы, содеянное охватывается составами преступлений, предусмотренными ст. 205 и 281 УК РФ. Диспозиции данных норм носят открытый характер в части описания способов совершения общественно опасного деяния, что позволяет квалифицировать действия виновных независимо от конкретной техники или инструмента осуществления посягательства, будь то физическое разрушение объекта либо кибервоздействие на систему управления. В этой связи квалификация по специальным нормам о воздействии на КИИ (например, ст. 274.1 УК РФ) в подобных случаях не является обязательной, поскольку основные признаки преступления полностью поглощаются составами террористического акта либо диверсии.

Данный подход представляется вполне обоснованным, однако требует более детальной аргументации применительно к топливно-энергетическому комплексу. Объекты ТЭК в современной технологической конфигурации функционируют при непосредственном участии информационных систем, автоматизированных систем управления технологическими процессами и информационно-телекоммуникационных сетей, которые в силу прямого указания федерального законодательства относятся к числу объектов критической информационной инфраструктуры. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» прямо включает в перечень таких объектов системы и сети, функционирующие в сфере энергетики и топливно-энергетического комплекса [16]. Следовательно, любое неправомерное воздействие на данные системы – от внедрения вредоносного программного обеспечения до вмешательства в алгоритмы функционирования АСУ ТП – может рассматриваться как посягательство на КИИ.

Особо значимо то обстоятельство, что кибервоздействие на автоматизированные системы управления объектами ТЭК способно вызвать последствия, аналогичные или даже превышающие по масштабу классические формы физического посягательства. Выведение из строя технологического оборудования посредством вмешательства

в программное обеспечение, изменение параметров функционирования производственных процессов или нарушение систем контроля и безопасности может привести к остановке критически важного объекта, созданию аварийных ситуаций, нарушению энергоснабжения или возникновению техногенных катастроф. В этом аспекте кибератака на объект ТЭК, осуществлённая в террористических либо диверсионных целях, несёт в себе прямую угрозу не только бесперебойному функционированию энергетической инфраструктуры, но и жизни, здоровью и безопасности неопределённого круга лиц.

С учётом данных обстоятельств представляется закономерным вывод о том, что в случае, когда кибервоздействие на КИИ ТЭК направлено на подрыв общественной безопасности, причинение тяжкого вреда государству или дестабилизацию функционирования стратегически значимого предприятия, применение норм о террористическом акте или диверсии является достаточным и исключает необходимость дополнительной квалификации по статьям, связанным с безопасностью критической информационной инфраструктуры. Такие случаи полностью укладываются в конструкцию преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, поскольку используются лишь иные – информационные – способы достижения традиционных для данных составов целей.

Подводя итог, следует отметить, что современное уголовное законодательство требует системного реформирования в части регулирования преступлений, совершаемых в отношении объектов ТЭК. Целесообразным представляется:

- дополнение норм о хищениях и преступлениях против общественной безопасности квалифицирующим признаком «использование служебного положения»;
- повышение санкций по ст. 217.1 и 215.3 УК РФ;
- разработка новых составов преступлений, учитывающих стратегическую значимость энергетической инфраструктуры;
- укрепление учётной и контрольной системы, позволяющей исключить ситуации отсутствия юридически признанного собственника повреждённого имущества.

Комплексное совершенствование уголовно-правового регулирования способно обеспечить реальное снижение уровня преступности в сфере топливно-энергетического комплекса и создать условия для устойчивого развития энергетической системы страны.

Литература

1. Путин назвал ТЭК современной и динамичной отраслью. URL: <https://ria.ru/20240926/putin-1974869290.html> (дата обращения 28.11.2025)
2. Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ от 25.07.2011. № 30. ст. 4604
3. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ от 20.05.2019. № 20. ст. 2421
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12.04.2025 г. N 908-р «Об утверждении Энергетической стратегии РФ на период до 2050 г.» // СЗ РФ от 21.04.2025. № 16. ст. 2075
5. Гончар, В.С. Юридическая ответственность за преступления против объектов топливно-энергетического комплекса / В.С. Гончар, Ю.Е. Ширяев // Образование и право. – 2023. – № 4. – С. 300–302. – DOI 10.24420/2076–1503–2023–4–300–302. – EDN CKRAHR.
6. Чернышев, Д.Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряженная с их повреждением – проблемы совокупного вменения / Д.Б. Чернышев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2(36). – С. 234–238. – DOI 10.24420/KUI.2019.97.37.018. – EDN BCLSXG.
7. Вележев, С.И. Отдельные проблемные вопросы квалификации преступных действий, совершаемых в топливно-энергетическом комплексе / С.И. Вележев // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 4(50). – С. 11–18. – DOI 10.37523/SUI.2022.50.4.002. – EDN BJDKNV.
8. Приходько, А.И. Уголовно-правовая характеристика субъектов посягательств на объекты топливно-энергетического комплекса / А.И. Приходько // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2018. – № 1. – С. 149–157. – EDN WCUQVR.
9. Вележев, С.И. Уголовно-правовая характеристика преступлений коррупционной направленности, совершаемых в топливно-энергетическом комплексе России / С.И. Вележев, С.Н. Минсафина // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 5(51). – С. 13–19. – DOI 10.37523/SUI.2022.51.5.002. – EDN JOLOMA.
10. Уголовное дело № 01–0065/2024 (2024 г.). Архив Мещанского районного суда г. Москвы

11. Бывший сотрудник нефтеперерабатывающего предприятия обвиняется в коммерческом подкупе. URL: <https://komi.sledcom.ru/news/item/1846969> (дата обращения 29.11.2025)

12. Уголовное дело № 1–84/2023 (2023 г.). Архив Ленинского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края

13. Уголовное дело № 1–456/2025 (2025 г.). Архив Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан

14. Уголовное дело № 1–28/2025 (2025 г.). Архив 2-го –Западного окружного военного суда

15. Решетников, А.Ю. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации: вопросы квалификации / А.Ю. Решетников, И.И. Малыгин // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 2(82). – С. 111–117. – EDN GGFSLY.

16. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ от 31.07.2017. № 31.ст. 4736

CRIMINAL AND LEGAL COUNTERACTION OF CRIMES AT FUEL AND ENERGY COMPLEX FACILITIES

Samokhin S.M.

Far Eastern Energy Grid Company LLC

The article is devoted to the analysis of criminal law measures aimed at countering offenses committed against facilities of the fuel and energy complex of the Russian Federation. Based on an examination of judicial and investigative practice, the study explores the specifics of qualifying such crimes, the challenges of determining the object and the victim of the offense, and the role of the offender, including the misuse of official position and the involvement of organized criminal groups. Particular attention is given to distinguishing between offense types aimed at intentionally causing damage to FEC facilities and to the need for improving criminal legislation by introducing qualifying elements and strengthening liability to ensure the state's energy security. The author concludes that comprehensive modernization of the regulatory framework is necessary to enhance the effectiveness of criminal law protection of FEC facilities.

Keywords: fuel and energy complex, criminal law counteraction, FEC facilities, crime qualification, offender, official position, energy security, legislative improvement.

References

1. Putin called the fuel and energy complex a modern and dynamic industry. URL: <https://ria.ru/20240926/putin-1974869290.html> (date of access 28.11.2025)
2. Federal Law of 21.07.2011 No. 256-FZ "On the Safety of Fuel and Energy Complex Facilities" // Collected Legislation of the Russian Federation of 25.07.2011. No. 30. Art. 4604
3. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2019 No. 216 "On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation of 20.05.2019. No. 20. Art. 2421
4. Order of the Government of the Russian Federation of April 12, 2025, No. 908-r "On Approval of the Energy Strategy of the Russian Federation through 2050" // Collected Legislation of the Russian Federation of April 21, 2025. No. 16. Article 2075
5. Gonchar, V.S. Legal Liability for Crimes against Fuel and Energy Complex Facilities / V.S. Gonchar, Yu.E. Shiryayev // Education and Law. – 2023. – No. 4. – Pp. 300–302. – DOI 10.24420/2076–1503–2023–4–300–302. – EDN CKRAHR.
6. Chernyshev, D.B. Theft from an oil pipeline, oil product pipeline, gas pipeline, associated with damage to them – problems of combined imputation / D.B. Chernyshev // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 2 (36). – P. 234–238. – DOI 10.24420 / KUI.2019.97.37.018. – EDN BCLSXG.
7. Velezhev, S.I. Certain problematic issues of qualification of criminal acts committed in the fuel and energy complex / S.I. Velezhev // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2022. – No. 4 (50). – P. 11–18. – DOI 10.37523/SUI.2022.50.4.002. – EDN BJDKNV.
8. Prikhodko, A.I. Criminal-legal characteristics of subjects of encroachment on fuel and energy complex facilities / A.I. Prikhodko // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2018. – No. 1. – Pp. 149–157. – EDN WCUQVR.
9. Velezhev, S.I. Criminal-legal characteristics of corruption-related crimes committed in the fuel and energy complex of Russia / S.I. Velezhev, S.N. Minsafina // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2022. – No. 5(51). – Pp. 13–19. – DOI 10.37523/SUI.2022.51.5.002. – EDN JOLOMA.
10. Criminal Case No. 01–0065/2024 (2024). Archive of the Meshchansky District Court of Moscow
11. A Former Employee of an Oil Refinery is Accused of Commercial Bribery. URL: <https://komi.sledcom.ru/news/item/1846969> (accessed November 29, 2025)
12. Criminal Case No. 1–84/2023 (2023). Archive of the Leninsky District Court of Novorossiysk, Krasnodar Krai
13. Criminal Case No. 1–456/2025 (2025). Archive of the Soviet District Court of Makhachkala, Republic of Dagestan
14. Criminal Case No. 1–28/2025 (2025). Archive of the 2nd Western District Military Court
15. Reshetnikov, A. Yu. Unlawful Impact on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Qualification Issues / A. Yu. Reshetnikov, I.I. Malygin // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2021. – No. 2(82). – Pp. 111–117. – EDN GGFSLY.
16. Federal Law of July 26, 2017, No. 187-FZ "On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation of July 31, 2017, No. 31, Art. 4736

Правовое регулирование проектов межевания территории в субъектах Российской Федерации: проблемы дифференциации и перспективы унификации (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)

Скляр Богдан Петрович,

аспирант кафедры земельного и экологического права,
ФГБОУВО «Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева»

Статья посвящена исследованию правового регулирования проектов межевания территории в субъектах Российской Федерации в условиях реформы земельного законодательства 2025–2026 гг., проведенной на основании Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ. Обосновывается, что трансформация института видов разрешенного использования земельных участков, закреплённая в новой редакции статьи 14.1 Земельного кодекса Российской Федерации и в самостоятельной главе II.1 ЗК РФ, обусловила изменение правовой природы проекта межевания территории, который из вспомогательного документа градостроительного характера превратился в юридически значимый инструмент установления индивидуализированного правового режима земельных участков. На примере правового регулирования в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге выявляются существенные различия в региональных моделях подготовки, согласования и утверждения проектов межевания территории, а также в их роли при установлении видов разрешенного использования. Делается вывод о необходимости унификации правового регулирования проектов межевания территории посредством установления обязательного минимального федерального стандарта.

Ключевые слова: проект межевания территории, виды разрешенного использования, земельное право, документация по планировке территории, унификация правового регулирования, субъекты Российской Федерации.

В условиях реформирования земельного законодательства Российской Федерации, осуществляемого в 2025–2026 гг. на основании Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ [7], особое значение приобретает проблема соотношения федеральных и региональных механизмов правового регулирования документации по планировке территории. Проект межевания территории, будучи прямо упомянутым в статье 45 Градостроительного кодекса Российской Федерации [3], формально относится к числу документов планировочного характера, однако в результате последних законодательных изменений он фактически трансформируется в юридически значимый инструмент установления индивидуализированного правового режима земельных участков, включая закрепление видов разрешенного использования.

Как показывает правоприменительная практика, в значительном числе субъектов Российской Федерации отсутствует единая нормативно утверждённая форма проекта межевания территории либо обязательный унифицированный шаблон его текстовой части. В результате сведения о видах разрешенного использования либо вовсе не включаются в ПМТ, либо отражаются фрагментарно, в виде ссылок на правила землепользования и застройки, без придания им самостоятельного нормативного значения. Такая ситуация вступает в очевидное противоречие с новой редакцией статьи 14.1 Земельного кодекса Российской Федерации и положениями статьи 43 Градостроительного кодекса Российской Федерации, прямо связывающими установление ВРИ с документацией по планировке территории.

До реформы 2025–2026 гг. подобная практика была концептуально оправдана. Как следовало из Письма Минэкономразвития России от 25 сентября 2019 г. № 13791-ОГ, «вид разрешенного использования образуемого земельного участка рассматривался как характеристика, производная от ВРИ исходного участка, а проект межевания территории выполнял лишь вспомогательную функцию, выступая одним из возможных, но не обязательных оснований для отклонения от принципа «наследования» ВРИ» [5]. Однако Федеральный закон № 295-ФЗ фактически преодолевает данную модель, вводя концепцию «установления» ВРИ в рамках планировочного регулирования и наделяя ПМТ прямой обязательной юридической силой.

Особое значение в этой связи имеют положения пункта 3 части 5 и части 13 статьи 43 Градостроительного кодекса Российской Федерации, согласно которым текстовая часть проекта межевания территории должна содержать сведения о видах разрешенного использования образуемых земельных участков в случаях, прямо предусмотренных законом, а такие ВРИ подлежат применению и внесению в Единый государственный реестр недвижимости [3]. Дополнительно статья 14.4 Земельного кодекса Российской Федерации прямо ограничивает свободу правообладателя в выборе ВРИ, если: «он установлен документацией по планировке территории» [2], что окончательно закрепляет за проектом межевания территории правоустанавливающий характер.

Тем не менее, отсутствие единых требований к форме и содержанию ПМТ приводит к тому, что «новая нормативная модель ВРИ реализуется неравномерно» [1, с. 7]. В одних субъектах Российской Федерации (прежде всего в городе Москве) проект межевания территории уже содержит обязательный раздел о видах разрешенного использования и фактически выполняет функцию индивидуального регулятора земельно-правового режима. В других регионах ПМТ по-прежнему составляется по устаревшим шаблонам, ориентированным исключительно на установление границ земельных участков, что не позволяет в полной мере реализовать потенциал, заложенный федеральным законодателем.

Федеральный законодатель, закрепив общие требования к подготовке и утверждению ПМТ в статье 45 ГрК РФ, предоставил субъектам Российской Федерации широкую дискрецию в части детализации соответствующих процедур. Реализация данной дискреции привела к формированию различных региональных моделей, наиболее контрастно представленных в правовом регулировании городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга.

В городе Москве порядок подготовки, согласования и утверждения проектов межевания территории детально регламентирован поста-

новлением Правительства Москвы от 26 декабря 2017 г. № 1089-ПП «Об утверждении Порядка подготовки, согласования и утверждения проектов межевания территории, подготавливаемых в виде отдельного документа, в городе Москве» [4]. Уже на уровне структуры данного акта прослеживается стремление законодателя субъекта к максимальной формализации процедуры и приданию ПМТ устойчивого нормативного значения. Так, пункт 1.19(1) Порядка предусматривает обязательное направление подготовленного проекта межевания территории в ГБУ «МосгорБТИ» для присвоения проектных адресов образуемым земельным участкам, что свидетельствует о прямой связи ПМТ с последующими кадастровыми и регистрационными действиями.

Особо значимым представляется положение пункта 2.1.1.5 Порядка, в соответствии с которым текстовая часть проекта межевания территории в обязательном порядке должна содержать «коды видов разрешённого использования образуемых и (или) изменяемых земельных участков». Указанная норма фактически закрепляет за ПМТ функцию индивидуального нормативного акта, устанавливающего допустимое использование конкретных земельных участков. В условиях действия главы II.1 Земельного кодекса РФ данное положение приобретает принципиальное значение, поскольку именно через ПМТ обеспечивается первичное закрепление ВРИ для вновь образуемых участков, не имеющих «исторически сложившегося» правового режима.

Дополнительным подтверждением нормативного характера московского ПМТ является институт «согласования по умолчанию» (п. 1.23 Порядка), а также обязанность официального опубликования утверждённого проекта межевания территории (п. 1.32), что сближает ПМТ по юридической природе с иными публично-правовыми актами, обладающими внешним действием. Таким образом, московская модель исходит из презумпции нормативной значимости ПМТ и его прямого влияния на объём правомочий правообладателей земельных участков.

Принципиально иная логика прослеживается в правовом регулировании проектов межевания территории в Санкт-Петербурге. Здесь ключевую роль играют индивидуальные правовые акты исполнительных органов государственной власти, принимаемые в развитие статьи 45 Градостроительного кодекса РФ. Характерным примером является распоряжение Правительства Санкт-Петербурга, Комитета по градостроительству и архитектуре от 12 ноября 2025 г. № 1–19–317 «О подготовке проекта межевания территории кварталов 41 и 43...» [6]. Данный акт носит ярко выраженный процедурный характер и направлен прежде всего на инициирование подготовки ПМТ и утверждение задания на его разработку.

Анализ содержания распоряжения показывает, что оно не содержит нормативных требований к структуре и обязательным разделам проекта межевания территории, а также не закрепляет прямую обязанность указания видов разрешённого использования образуемых земельных участков. ВРИ в рамках петербургской модели по-прежнему определяется преимущественно через Правила землепользования и застройки и иные градостроительные регламенты, а ПМТ выступает инструментом пространственного уточнения границ участков, но не самостоятельным источником установления их правового режима. Такая модель концептуально воспроизводит прежний подход, закреплённый в правоприменительной практике до реформы 2025–2026 гг., когда ПМТ рассматривался как исключительное основание изменения ВРИ, а не как базовый механизм его установления.

Для наглядного сопоставления указанных моделей представляется целесообразным привести сравнительную характеристику:

Таблица. Сравнительная характеристика правового регулирования ПМТ в Москве и Санкт-Петербурге

Критерий	Москва	Санкт-Петербург
Базовый нормативный акт	Постановление Правительства Москвы от 26.12.2017 № 1089-ПП	Распоряжения КГА Санкт-Петербурга (напр., от 12.11.2025 № 1–19–317)
Характер правового акта	Нормативный правовой акт субъекта РФ	Индивидуальный правовой акт исполнительного органа
Степень детализации регулирования	Высокая, с подробной регламентацией стадий, сроков и состава ПМТ	Рамочная, с отсылкой к федеральным нормам
Обязательность указания ВРИ	Прямо предусмотрена (п. 2.1.1.5 Постановления № 1089-ПП)	Прямо не закреплена
Юридическая роль ПМТ	Самостоятельное основание установления ВРИ	Производный документ по отношению к ПЗЗ

Критерий	Москва	Санкт-Петербург
Связь с кадастровым учётом и ЕГРН	Прямая (направление сведений в Росреестр)	Косвенная
Публичность	Обязательное официальное опубликование	В пределах общего порядка публикации распоряжений

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях реформы института ВРИ различия в региональном регулировании проектов межевания территории приобретают не просто процедурный, но и материально-правовой характер. Фактически в разных субъектах Российской Федерации по-разному решается вопрос о том, является ли ПМТ источником установления вида разрешённого использования или лишь инструментом его пространственной конкретизации.

В этой связи представляется обоснованной постановка вопроса о необходимости унификации правового регулирования проектов межевания территории на федеральном уровне. С учётом новой редакции Земельного кодекса Российской Федерации целесообразным видится закрепление обязательного минимального стандарта ПМТ, предусматривающего, в частности, унифицированный раздел, посвящённый видам разрешённого использования земельных участков. Такой подход позволил бы обеспечить единообразие реализации института ВРИ на всей территории Российской Федерации и придать проекту межевания территории статус ключевого элемента системы публично-правового регулирования землепользования.

Литература

- Абрамов Г. О. К вопросу о правовой неопределённости в вопросе разумных сроков, а также значения вида фактического использования и вида разрешённого использования земельного участка при исключении нежилых зданий из перечня объектов недвижимости // Правовой альманах. 2025. № 7 (47). С. 6–13.
- Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. № 44. Ст. 4147.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
- Постановление Правительства Москвы от 26 декабря 2017 г. № 1089-ПП «Об утверждении Порядка подготовки, согласования и утверждения проектов межевания территории, подготавливаемых в виде отдельного документа, в городе Москве» // Официальный сайт Мэра и Правительства Москвы www.mos.ru. 27.12.2017.
- Письмо Минэкономразвития России от 25.09.2019 № 13791-ОГ «Относительно определения вида разрешённого использования образуемого земельного участка» // Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334798&-cacheid=1C4CB559A3612A8F0CF334388122697A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#wJgkx3Vqig1fIYJX1> (дата обращения: 23.12.2025).
- Распоряжение Комитета по градостроительству и архитектуре от 12.11.2025 № 1–19–317 «О подготовке проекта межевания территории кварталов 41 и 43, ограниченной пл.Московские Ворота, Московским пр., Заставской ул., полосой отвода железной дороги, Ташкентской ул., в Московском районе» // Сайт Правительства Санкт-Петербурга. URL: <https://kgainfo.spb.ru/54952/?ysclid=mji-7w3pz79428799957> (дата обращения: 23.12.2025).
- Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.08.2025. № 31. Ст. 4649.

LEGAL REGULATION OF LAND SURVEYING PROJECTS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION AND PROSPECTS FOR UNIFICATION (BASED ON THE EXAMPLES OF MOSCOW AND ST. PETERSBURG)

Sklyar B.P.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article examines the legal regulation of land surveying projects in the subjects of the Russian Federation in the context of the 2025–2026 land legislation reform, implemented on the basis of Federal Law No. 295-FZ of July 31, 2025. It is argued that the transformation of the institution of permitted land use types, enshrined in the new version of Article 14.1 of the Land Code of the Russian Federation and in the independent Chapter II.1 of the

Land Code of the Russian Federation, has led to a change in the legal nature of the land survey project, which has evolved from a supporting urban planning document into a legally significant instrument for establishing an individualized legal regime for land plots. Using legal regulation in the federal cities of Moscow and St. Petersburg as an example, significant differences are revealed in the regional models for preparing, coordinating, and approving land survey projects, as well as in their role in establishing permitted use types. It is concluded that it is necessary to unify the legal regulation of land survey projects by establishing a mandatory minimum federal standard.

Keywords: land survey project, permitted use types, land law, land planning documentation, unification of legal regulation, constituent entities of the Russian Federation.

References

1. Abramov, G. O. "On the Issue of Legal Uncertainty in the Matter of Reasonable Time Limits, as well as the Importance of the Type of Actual Use and the Type of Permitted Use of a Land Plot When Excluding Non-Residential Buildings from the List of Real Estate Objects" // Legal Almanac. 2025. No. 7 (47). Pp. 6–13.
2. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. October 29, 2001. No. 44. Art. 4147.

3. Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. January 3, 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.

4. Resolution of the Moscow Government of December 26, 2017 No. 1089-PP "On Approval of the Procedure for the Preparation, Coordination, and Approval of Land Surveying Projects Prepared as a Separate Document in the City of Moscow" // Official website of the Mayor and Government of Moscow www.mos.ru. December 27, 2017.

5. Letter of the Ministry of Economic Development of Russia dated September 25, 2019 No. 13791-OG "Regarding Determining the Type of Permitted Use of the Formed Land Plot" // Consultant-Plus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=334798&cacheid=1C4CB559A3612A8F0CF334388122697A&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#wJgkx3Vqig1fiYJX1> (accessed: 23.12.2025).

6. Order of the Committee for Urban Development and Architecture dated November 12, 2025 No. 1–19–317 "On the preparation of a land surveying project for the territory of blocks 41 and 43, bounded by Moskovskie Vorota Square, Moskovsky Prospekt, Zastavskaya Street, the railway right-of-way, Tashkentskaya Street, in the Moskovsky District" // Website of the Government of St. Petersburg. URL: <https://kgainfo.spb.ru/54952/?ysclid=mji7w3pz79428799957> (date of access: December 23, 2025).

7. Federal Law of 31.07.2025 No. 295-FZ "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation and the Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 04.08.2025. No. 31. Art. 4649.

Суриков Михаил Анатольевич,

аспирант, кафедра «Гражданско-правовые дисциплины»,
АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет
«МФЮА»

E-mail: Suriko W.mikhail@yandex.ru

В статье рассматриваются механизмы исцеления недействительных сделок, предусмотренные абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 Гражданского кодекса РФ, появившиеся в российском законодательстве в ходе реформы 2013 года. В ходе исследования охарактеризованы гражданско-правовые категории добросовестность и недобросовестность в объективном и субъективном значениях, общие понятия сделки и её недействительности как основа для исследуемых механизмов конвалидации. Автор проанализировал теоретические и практические особенности применения предусмотренных законодательством способов исцеления недействительных сделок как проявлений принципов эстоппель или учения о недопустимости противоречивого поведения. Делается вывод, что суды не различают указанные механизмы, а также применяют их с некоторыми ограничениями, связанными с основаниями недействительности сделок.

Ключевые слова: сделка, недействительность, ничтожность, оспоримость, добросовестность, недобросовестность, злоупотребление правом, извинительное незнание, конвалидация, исцеление, недопустимость противоречивого поведения.

Введение

В 2013 году Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были существенно переработаны положения Гражданского Кодекса РФ (далее также – «ГК РФ», «Кодекс») о сделках и их недействительности. В том числе изменения коснулись и статьи 166 ГК РФ, в которую были включены новые положения об основаниях «исцеления» оспоримых и ничтожных сделок, связанные с принципом добросовестности:

- Сторона не вправе оспаривать сделку, если проявляет волю на сохранение сделки, и она знала или должна была знать об основаниях для оспаривания в момент проявления воли (абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ);
- Лицо не вправе ссылаться на недействительность сделки, если его поведение давало основания иным лицам считать сделку действительной (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Сам по себе феномен «исцеления» сделки, совершенной с какими-либо пороками, не является чем-то новым. Ещё Мейер Д.И. упоминал об «оживлении» недействительной сделки, однако полагал, что оно возможно только путем совершения новой сделки, лишенной недостатков первоначальной¹. Более поздние правоведы, такие как Васильковский В.В.², Шершеневич Г.Ф.³, указывали, что конвалидация возможно только в отношении только оспоримых сделок, но не ничтожных. Более того, потенциально указанная позиция могла найти отражение в законодательстве, так как подобное положение было предусмотрено ст. 97 проекта Гражданского уложения⁴.

В советский период истории нашего государства законодательно была закреплена только возможность судебного исцеления сделки, совершенной с нарушением нотариальной формы и исполненной одной из её сторон (абз. 2 ст. 47 Гражданского кодекса РСФСР 1964 года). При этом ученые, например, Хейфец Ф.С.⁵, поддерживали точку зрения о невозможности конвалидации ничтожной сделки.

Современный ГК РФ не предусматривает общей нормы о возможности устранения пороков недействительных сделок, однако содержит ряд специальных норм: о признании судом действительной сделки, совершенной недееспособным (п. 2 ст. 171 ГК РФ), малолетним (п. 2 ст. 172 ГК РФ), по иску его законного представителя, или, например, требующей нотариального удостоверения или государственной регистрации, по требованию исполнившей её стороны (п.п. 1, 2 ст. 165 ГК РФ).

Для целей настоящей статьи интерес представляют указанные выше механизмы конвалидации оспоримых и ничтожных сделок, связанные с принципом доброй совести. Однако для их исследования сначала требуется определиться с понятиями принципа добросовестности и недействительности сделок.

Принцип добросовестности в объективном и субъективном значениях

Добросовестность – это понятие, по сути своей относящееся скорее к сфере нравственной, нежели правовой. В самом общем виде это некая высшая ценность, которая представляет собой «исходную позицию лица, уважающего своего контрагента, видящего в нем равного себе и этим актом признания и приравнивания, постоянно воспроизводящего право на элементарном и тем самым на всеобщем уровне»⁶.

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/45/>

² Васильковский В.В. Учебник гражданского права. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/24/>

³ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – 461 с. С 347.

⁴ Проект гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1809. URL: <https://www.prilib.ru/item/361092>

⁵ Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 1999. – 164 с. С. 33.

⁶ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е издание, переработанное и дополненное. Статут, 2008. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

Само понятие «доброй совести» включает в себя много такого, что не поддается логическому расчленению и описанию¹. В.В. Витрянский даже указывал, что «...ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры понятия добросовестности, справедливости, разумности в принципе невозможно»².

В науке гражданского права категорию «добросовестность» рассматривают в двух значениях: в объективном и субъективном смысле. Советский цивилист Новицкий И.Б. так сформулировал их понятие: «В одних случаях добрая совесть выступает в объективном значении как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных отношениях друг с другом... В других случаях принимается во внимание добрая совесть в субъективном смысле, как определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия»³. При этом данный цивилист отмечал, что в законодательстве все формулировки сводятся к общему признанию справедливости и доброй совести в качестве коренных принципов гражданско-правовых отношений⁴, а одной из задач объективной добросовестности является сдерживание проявлений излишнего личного экономического эгоизма участников гражданского оборота⁵.

В ГК РФ добросовестность как принцип закреплена в п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 5 ст. 10 и распространяется в целом на все гражданские правоотношения и презюмируется для всех участников оборота. Однако во многих статьях Кодекса (например, абз. 2 п. 1 ст. 220⁶, п. 1 ст. 234⁷, ст. 305⁸ ГК РФ) добрая совесть понимается в ином значении.

В отличие от объективной добросовестности, которая формулируется через активные действия лица, субъективная добрая совесть именуется извинительным незнанием. Иначе говоря, она означает такое отношение лица к сложившейся в обороте ситуации, при котором у него по уважительным причинам отсутствуют какие-либо существенные сведения о действии (например, об отсутствии прав продавца на продаваемую вещь), которое оно совершает, даже в тексте ГК РФ она формулируется через обороты «не знал и не должен был знать»⁹, «не знал и не мог знать»¹⁰. Впрочем, Егоров А.В. критикует подобную непоследовательность Кодекса, так как положение участников оборота становится «более зыбким»¹¹ при отсутствии каких-либо различий в смысловой нагрузке.

В российском правопорядке для обозначения добросовестности используется общий термин (как и в римском праве – *bona fides*, и в английском – *good faith*), в противовес немецкому, где для двух значений предусмотрены разные названия – *Treu und Glauben* и *guter Glaube*. С учетом всего вышеуказанного, некоторые исследователи ставят под вопрос целесообразность разделения добросовестности на объективную и субъективную, указывая, что они соотносятся как общее и частное: «Если ты не знаешь о чем-то, то тебя нельзя упрекнуть ни в нечестности, ни в этически (или социально) неверном поведении»¹².

Несколько особняком стоит сравнительное исследование Хесселинка М.В.¹³. Как представитель системы общего права, ученый сформулировал вывод, что правопорядки, в которых тем или иным образом закреплена в законодательстве или применяется, выполняет те же задачи, что и суд при разрешении спора, а именно: дополнение, исправление или ограничение действующих правовых норм, либо их толко-

вание¹⁴. На этом основании он делает вывод, что добросовестность по сути «маскирует» возможность судебного правотворчества¹⁵ в тех системах права, в которых судьи напрямую не наделяются данными функциями.

В качестве антипода добросовестности выступает недобросовестность. Причем Егоров А.В. упоминает последнюю аналогично как субъективную и заведомо объективную, но подробно указанное разделение не описывает¹⁶. Представляется, что общее понятие об объективной недобросовестности содержится в п. 1 ст. 10 ГК РФ, а именно как об обходе закона и злоупотреблении правом. Грибанов В.П. определяет последнее как «особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»¹⁷.

В свою очередь, субъективная недобросовестность может означать, что лицо знало или должно было знать о каких-либо обстоятельствах, и при этом умышленно их игнорирует, как если бы о сложившейся в обороте ситуации ему было неизвестно. К последней относятся, в том числе, положения абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, запрещающие противоречивое поведение при оспаривании сделок.

Общие понятия о сделке, недействительности сделки

Согласно ст. 153 ГК РФ под сделками понимаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Постановление Пленума Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25¹⁸ в п. 50 уточняет, что сделкой является волеизъявление.

Действительная сделка порождает тот правовой результат, к которому стремились совершающие её субъекты¹⁹ и обладает 4 характеристиками:

- Законность содержания (сделка не противоречит требованиям закона);
- Точное совпадение воли (намерения лица) и волеизъявления (их внешнее выражение);
- Наличие право- и дееспособности (легитимность) у лица для совершения сделки;
- Соблюдение установленной законом формы сделки²⁰.

Отсутствие какой-либо одной из них означает, что сделка является недействительной, то есть не достигает тех правовых последствий, на которые была направлена воля сторон²¹. В силу п. 1 ст. 167 ГК РФ основания недействительности сделки должны быть прямо предусмотрены законом, и при их наличии сделка может быть недействительной как только в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка), так и независимо от такого признания (ничтожная сделка) – в этом случае суд лишь подтверждает изначально существовавший юридический факт недействительности (так называемое решение о констатации)²².

Необходимо отличать недействительные сделки от незаключённых: в частности, первые влекут установленные п. 2 ст. 166 ГК РФ последствия, а именно – реституцию как возврат сторонами всего полученного по сделке, за исключением, если иные последствия не предусмотрены законом (например, конфискация в собственность Российской Федерации). В свою очередь, вторые в принципе не порождают никаких юридических последствий. Впрочем, Тузов Д.О. возражает против данной точки зрения, указывая, что для права оба вида сделок

¹ Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. Legal Insight. 2013. N 2 (18). С. 7.

² Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд. // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7. С. 132.

³ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. Вестник гражданского права, 1916, № 6. С. 56–57.

⁴ Новицкий И.Б. Указ соч. С. 57, 58.

⁵ Новицкий И.Б. Указ соч. С. 65.

⁶ Ст. 220 ГК РФ посвящена переработке как способу приобретения права собственности.

⁷ Ст. 234 ГК РФ посвящена приобретательной давности как способу приобретения права собственности.

⁸ Ст. 305 ГК РФ посвящена защите добросовестного приобретателя вещи.

⁹ Например, ст. 174.1 ГК РФ.

¹⁰ Например, ст. 302 ГК РФ.

¹¹ Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. Legal Insight. 2013. N 2 (18). С. 8.

¹² Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. Legal Insight. 2013. N 2 (18). С. 7.

¹³ Мартен В. Хесселинк. Принцип добросовестности. / Перевод с английского языка А.А. Прошина и О.И. Комаровской // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 8/2020. С. 158, 160.

¹⁴ Мартен В. Хесселинк. Указ соч. С. 166.

¹⁵ Мартен В. Хесселинк. Указ соч. С. 180, 183.

¹⁶ Егоров А.В. Цессия и добросовестность должника. // Закон. 2023. № 10. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

¹⁷ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1/>

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁹ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. С. 344.

²⁰ Вершинина Е.В., Стахеева Ю.А. Условия действительности сделки в России и Франции: сравнительно-правовой анализ. Вестник МГИМО-Университета. 2013;(5(32)):197–207. С. 198

²¹ Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции// Актуальные проблемы частного права. 2018. № 4. С. 126–130.

²² П. 1 ст. 166 ГК РФ.

являются несуществующими, а все последствия будут лежать в области факта¹.

В свою очередь, механизм конвалидации направлен на то, что сделки, даже совершенные с пороком одного или нескольких из вышеуказанных признаков, считались и действительными и влекли именно те правовые последствия, на которые была направлена воля сторон.

Особенности механизма конвалидации недействительных сделок, связанные с принципом добросовестности

Конвалидация – это совокупность действий сторон порочной сделки и/или суда, приводящих к исцелению такой сделки, в результате которых она становится действительной для права и порождает все вытекающие из нее правовые последствия².

Положения абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ, по сути, закрепляют принцип недопустимости противоречивого поведения («*venire contra factum proprium*»), сформированный континентальными правовыми системами³. В частности, если лицо вовлекается в те или иные правоотношения, на него возлагается обязанность осуществлять его права таким образом, чтобы при этом учитывались права и интересы контактирующих с ним лиц. В таком толковании указанные нормы направлены на реализацию общего принципа добросовестности, предусмотренного п. 3 и п. 4 ст. 1 ГК РФ и должны толковаться только в контексте последнего⁴.

С другой стороны, запреты, установленные абз. 4 п. 2 и п. 5 ст. 166 ГК РФ, чаще называют проявлением принципа эстоппель, имеющего корни в англо-саксонском праве. Однако в нём запрет противоречивого поведения реализуется через инструменты, между которыми не всегда удается провести четкую грань: эстоппель (*estoppel*) и вейвером (*waiver* – английский вариант отказа от права). В литературе предлагается в качестве критерия основного различия предлагается использовать степень выраженности воли: эстоппель применяется, если волю лица приходится выявлять, исходя из его поведения, вейвер – если воля была прямо выражена⁵.

Применительно к рассматриваемым положениям ГК РФ В.В. Витрянский предлагает их разграничить, «признав, что в последнем случае (п. 5 ст. 166 ГК РФ) мы имеем дело с эстоппелем, когда сторона в силу закона лишается права ссылаться на определенные обстоятельства в подтверждение своих требований (в отличие от правила п. 2 ст. 166 ГК РФ, когда сторона лишается самого требования)»⁶. Иные исследователи предлагают оба данных положения ст. 166 ГК РФ считать видами эстоппеля, поскольку его немецкий аналог *Verwirkung* (подразумеваемый отказ от реализации права) считается одним из проявлений общего принципа запрета противоречивого поведения⁷. При этом несущественно, добросовестная или недобросовестная сторона исполнила сделку, – значение имеет только сам факт исполнения как внешнее проявление волеизъявления лица⁸.

Исходя из разъяснений п.п. 70 и 71 Постановления Пленума Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применяется только к оспоримым (что следует из самой природы данного механизма – он применяется только к требованиям о признании сделки недействительной, тогда как ничтожная сделка является таковой в силу своей природы и не требует судебного подтверждения), тогда как п. 5 ст. 166 ГК РФ относится к любым недей-

ствительным сделкам⁹ и блокирует любые заявления недобросовестной стороны об их порочности (как форме отдельного требования, так и в форме возражения). В то же время в правовых исследованиях встречается позиция о том, что п. 5 ст. 166 не подлежит применению к ничтожным сделкам, так как в таком случае можно достичь того же результата через общие нормы о принципе добросовестности (ст. 1 ГК РФ) и злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ)¹⁰. Более того, классическое понимание конвалидации состоит в том, что ничтожные сделки принципиально неисцелимы – как «мертворожденный организм, который не может быть излечен никакими средствами»¹¹. Однако на практике суды часто видят разницу между двумя исследуемыми видами эстоппеля и предпочитают применять их совместно¹².

Следует отметить, что принцип эстоппель не применяется к заявлениям о недействительности сделок, нарушающих:

- Основы правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ);
- Интересы третьих лиц или публичных интересов (т.е. когда правовой эффект сделки выходит за рамки принципа относительности);
- Запретительные императивные нормы;
- Нормы законодательства о банкротстве и оспариваемых в установленном им порядке¹³.

Иногда в отношении предусмотренных абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 ГК РФ механизмов эстоппель звучит критика, что они не учитывают возможную недобросовестность обеих сторон сделки¹⁴. В частности, это приводит к нарушению установленного п. 4 ст. 1 ГК РФ запрета на извлечение преимуществ из недобросовестного поведения¹⁵. Однако судебная практика устранила указанный недостаток¹⁶. Аналогичная доктрина «*clean hands*» применяется в странах общего права – при предъявлении лицом иска о защите по праву справедливости (*law of equity*), то есть непредусмотренному строгим общим правом (*common law*), а следовательно, относящемуся к дискреции судебных органов, оно должно доказать его поведение, связанное с требованием, было добросовестным и непорочным с правовой точки зрения¹⁷.

Заключение

По итогам рассмотрения в настоящей статье положений российского законодательства, судебной практики и правовой доктрины по вопросу механизма конвалидации недействительных сделок на основании принципа добросовестности представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Отдельные способы исцеления недействительных сделок были предметом дискуссий дореволюционных и советских правоведов, однако полноценно нормы о конвалидации появились в ГК РФ в 2013 году;
2. Добросовестность обычно рассматривается в двух значениях: в объективном как общий принцип права и субъективном как извинительное незнание лица. Её антиподами являются злоупотребление правом (объективная недобросовестность) и субъективная недобросовестность;

⁹ См. также определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.02.2018 № 33-КГ17–24.

¹⁰ Ширвиндт А.М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24–41

¹¹ Тузов Д.О. Конвалидация ничтожных сделок в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 7. С. 146.

¹² Борейшо Д.В. Подтверждение оспоримой сделки: анализ судебной практики применения нормы абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 1. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹³ Николаева К.Ю. Природа, историческое происхождение доктрины «эстоппель», опыт и актуальные проблемы в практике применения судами РФ // Право и экономика. 2022. № 6. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹⁴ Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа *estoppel* в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹⁵ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018. С. 410.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.08.2017 № Ф08–3805/2017 по делу № А32–7644/2016, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.03.2018 № Ф07–1113/2018 по делу № А05–1974/2017, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.04.2018 № Ф09–545/18 по делу № А07–19518/2017.

¹⁷ Chafee Z., Jr. Coming into Equity with Clean Hands / Michigan Law Review. May, 1949. Vol. 47. № 7. P. 877–906.

¹ Тузов Д.О. О понятии «несуществующей» сделки в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2006. № 10. С. 13.

² Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В.Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 530.

³ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

⁴ Гражданское право: Учебник. Том. 1. / Под ред. Б.М. Гонгало. 2-е изд. М., 2017. С. 263

⁵ Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеев, И.И. Акимов, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 368.

⁶ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут. 2018. С. 528.

⁷ Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права / Исслед. центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. М.: Статут. 2017. С. 224.

Нам К.В. Указ соч. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

⁸ Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М.: Статут, 2006. С. 184.

3. Сделка представляет из себя волеизъявление лица, и в случае наличия в нем каких-либо пороков является недействительной, для преодоления чего в свою очередь служит механизм исцеления сделок;

4. Конвалидация сделки, предусмотренная абз. 4 п. 2 ст. 166 и п. 5 ст. 166 ГК РФ, основаны на институтах субъективной добросовестности и недобросовестности. Указанные механизмы являются проявлением концепций запрета противоречивого поведения или принципа эстоппель, причем исходя из положений законодательства и судебной практики один из них применяется и к ничтожным сделкам, которые в классической теории права считаются неисцеляемыми.

5. Рассмотренные в статье способы конвалидации сделок различаются по области своего применения, однако на практике суды часто не разделяют данные подинституты и применяют их совместно. Кроме того, в отдельных случаях они не подлежат применению, в том числе в случае недобросовестности обеих сторон сделки.

Литература

1. Борейшо Д.В. Подтверждение оспоримой сделки: анализ судебной практики применения нормы абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 1. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/24/>

3. Вершинина Е.В., Стахеева Ю.А. Условия действительности сделки в России и Франции: сравнительно-правовой анализ. Вестник МГИМО-Университета. 2013; (5(32)):197–207.

4. Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Актуальные проблемы частного права. 2018. № 4. С. 126–130.

5. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд. // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

6. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут. 2018.

7. Гражданское право: Учебник. Том. 1. / Под ред. Б.М. Гонгалов. 2-е изд. М., 2017.

8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1/>

9. Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. Legal Insight. 2013. № 2 (18).

10. Егоров А.В. Цессия и добросовестность должника. // Закон. 2023. № 10. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

11. Егорова М.А. Конвалидация недействительных договоров на основании принципа estoppel в российском гражданском законодательстве // Юрист. 2014. № 1. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. Мартен В. Хесселинк. Принцип добросовестности. / Перевод с английского языка А.А. Прошина и О.И. Комаровской // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 8/2020.

13. Мейер Д.И. Русское гражданское право. // Классика российской цивилистики [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/45/>

14. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / А.Е. Агеенко, И.И. Акимов, В.А. Волгина и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербakov. М.: Статут, 2018. Вып. 2.

15. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

16. Николаева К.Ю. Природа, историческое происхождение доктрины «эстоппель», опыт и актуальные проблемы в практике применения судами РФ // Право и экономика. 2022. № 6. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

17. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. Вестник гражданского права, 1916, № 6.

18. Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права / Исслед. центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. М.: Статут. 2017.

19. Проект гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. – Санкт-Петербург: Сенат. тип., 1809. URL: <https://www.prilib.ru/item/361092>

20. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011.

21. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2018.

22. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е издание, переработанное и дополненное. Статут, 2008. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»

23. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В.Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45.

24. Тузов Д.О. Конвалидация ничтожных сделок в российском гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 7.

25. Тузов Д.О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: пандектное учение и современное право. М.: Статут, 2006.

26. Тузов Д.О. О понятии «несуществующей» сделки в российском гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2006. № 10.

27. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 1999. – 164 с.

28. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – 461 с.

29. Ширвиндт А.М. Ссылка на ничтожность сделки как злоупотребление правом. Изобретение судов, закрепленное в законе // Арбитражная практика. 2015. № 7. С. 24–41

30. Chafee Z., Jr. Coming into Equity with Clean Hands / Michigan Law Review. May, 1949. Vol. 47. № 7. P. 877–906.

CONVALIDATION OF INVALID TRANSACTIONS AS A MANIFESTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH

Surikov M.A.

Moscow University of Finance and Law

This article deals with the mechanisms of validating of invalid transactions provided for in paragraph 4, clause 2, Article 166 and paragraph 5, Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation, which were introduced into Russian legislation during the 2013 reform. The study characterizes the civil law categories of good faith and bad faith in their objective and subjective meanings, as well as the general concepts of a transaction and its invalidity, as the basis for the convalidation mechanisms under study. The author analyzes the theoretical and practical aspects of applying the statutory methods for validating of invalid transactions as manifestations of the principles of estoppel or the doctrine «venire contra factum proprium». It is concluded that the courts do not distinguish between these mechanisms and apply them with certain restrictions related to the grounds for invalidity of transactions.

Keywords: transaction, invalidity, nullity, contestability, good faith, bad faith, abuse of rights, excusable ignorance, convalidation, validation, venire contra factum proprium.

References

1. Boreysho D.V. Confirmation of a Voidable Transaction: Analysis of Judicial Practice Applying the Provisions of Paragraph 4, Clause 2, Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation. // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 1. // Reference and Legal System "Consultant Plus".

2. Vas'kovsky E.V. Civil Law Textbook. // Classics of Russian Civil Law [Electronic Resource] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/24/>

3. Vershinina E.V., Stakheeva Yu.A. Conditions for the Validity of a Transaction in Russia and France: A Comparative Legal Analysis. Bulletin of MGIMO University. 2013; (5 (32)): 197–207.

4. Dozhddev D.V. Modification and termination of a contract due to a material change in circumstances: European legal tradition and modern trends // Current issues of private law. 2018. No. 4. Pp. 126–130.

5. Vitryansky V.V. Civil Code and the court. // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. No. 7.

6. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. 2nd ed., corr. and add. Moscow: Statut. 2018.

7. Civil law: Textbook. Vol. 1. / Ed. B.M. Gongalo. 2nd ed. Moscow, 2017.

8. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. // Classics of Russian Civil Law [Electronic resource] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1/>

9. Egorov AV The Principle of Good Faith in the Civil Code of the Russian Federation: First Steps of Reform. Legal Insight. 2013. No. 2 (18).

10. Egorov AV Assignment and Good Faith of the Debtor // Law. 2023. No. 10. // Reference and Legal System "Consultant Plus"

11. Egorova MA Convalidation of Invalid Contracts Based on the Estoppel Principle in Russian Civil Legislation // Jurist. 2014. No. 1. // Reference and Legal System "Consultant Plus".

12. Maarten W. Hesselink. The Principle of Good Faith. / Translated from English by A.A. Proshina and O.I. Komarovskaya // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. No. 8/2020.

13. Meyer, D.I. Russian Civil Law. // Classics of Russian Civilistics [Electronic resource] // URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/45/>

14. Experiences in Civilistic Research: Collection of Articles / A.E. Ageenko, I.I. Akimova, V.A. Volgina, et al.; head of the authors' collective and responsible editors A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. Moscow: Statut, 2018. Issue 2.

15. Nam, K.V. The Principle of Good Faith: Development, System, Problems of Theory and Practice. Moscow: Statut, 2019. // Reference and Legal System "Consultant Plus"
16. Nikolaeva, K. Yu. The Nature, Historical Origins of the Doctrine of Estoppel, Experience, and Current Issues in its Application by Russian Courts // Law and Economics. 2022. No. 6. // Reference and Legal System "Consultant Plus".
17. Novitsky, I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations. Civil Law Bulletin, 1916, No. 6.
18. Papchenkova, E.A. Refund of Performance under a Terminated, Violated Contract: A Comparative Analysis of Russian and German Law / Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow: Statut. 2017.
19. Draft Civil Code of the Russian Empire, compiled in the Commission of Laws. – St. Petersburg: Senate. type., 1809. URL: <https://www.prlib.ru/item/361092>
20. Russian civil law: Textbook: In 2 volumes. Volume I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights / Ed. E.A. Sukhanov. – 2nd ed., stereotype. – Moscow: Statut, 2011.
21. Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic publication. Edition 1.0] / Ed. A.G. Karapetyan. – Moscow: M–Logos, 2018.
22. Sklovsky K.I. Property in civil law. 4th edition, revised and supplemented. Statut, 2008. // Reference and legal system "Consultant Plus"
23. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V.E. Convalidation of invalid transactions in Russian law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. No. 45.
24. Tuzov D.O. Convalidation of voidable transactions in Russian civil law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. No. 7.
25. Tuzov D.O. Nullity and voidability of a legal transaction: pandect doctrine and modern law. Moscow: Statut, 2006.
26. Tuzov D.O. On the concept of a "non-existent" transaction in Russian civil law // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. No. 10.
27. Kheifets F.S. Invalidity of Transactions under Russian Civil Law. Moscow: Yurait, 1999. 164 p.
28. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Statut, 2005. 461 p.
29. Shirvindt A.M. Reference to the Nullity of a Transaction as an Abuse of Rights. An Invention of the Courts Enshrined in Law // Arbitration Practice. 2015. No. 7. Pp. 24–41
30. Chafee Z., Jr. Coming into Equity with Clean Hands / Michigan Law Review. May, 1949. Vol. 47. No. 7. Pp. 877–906.

Чигарев Борис Алексеевич,

студент Юридического факультета им. М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности РАНХиГС
при Президенте РФ
E-mail: lysa.chigareva@mail.ru

В юридической и исторической науке существует дискуссионный вопрос сравнения и соотношения сущностей западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия, выявления их природы и признания либо отрицания тождества этих форм политической организации. Научная ценность разрешения данной проблемы заключается в том, что от ответа на этот вопрос зависит возможность дальнейших методологических построений, касающихся исследования природы российской власти, политической и правовой системы. В данной работе исследуются онтологические особенности абсолютизма и самодержавия, делается вывод о фундаментальном различии двух типов власти, что объясняется политико-правовыми и историческими особенностями развития стран Западной Европы и России. Абсолютизм признаётся временным отступлением от институционального устройства европейских обществ эпохи Средневековья, а самодержавие имманентным режимом российской действительности. Используется термин «спящие институты» для объяснения особенностей институционального устройства абсолютистских монархий Западной Европы, что означает наличие унаследованных от эпохи Средневековья институций, являвшихся в прошлом политико-правовыми проявлениями ограниченности власти в условиях борьбы с иными социальными акторами и переставших активно функционировать в период абсолютизма, однако позволивших сохранить политико-правовую традицию, ставшей основой либеральной трансформации западных монархий. Методология настоящей работы строится на сравнительно-правовом анализе специфики формирования политико-правовых институтов западноевропейских монархий и русского самодержавия. Итогом исследования является вывод об онтологическом различии западноевропейского абсолютизма и русского самодержавия, вызванного историческими расхождениями в политико-правовом развитии стран Запада и России.

Ключевые слова: абсолютизм, самодержавие, «спящие институты», потестарность, российская система власти, патримониализм

Введение

Проблема сравнительного анализа исторически сложившейся системы российской власти и западных политических режимов уже долгое время занимает центральное место в отечественной научной литературе и публицистике, что объясняется общественными дискуссиями по поводу самоидентификации российского общества, его стремлением найти свою цивилизационную сущность, стремлением понять внутреннюю природу социальной организации России и осознать возможную динамику трансформации российского социума и политической системы. Отправной точкой подобных дискуссий является зачастую анализ функционирования политических режимов России и Запада в конкретные исторические эпохи, что методологически объясняется попыткой исследователей, в зависимости от его научных и политических воззрений, найти точки соприкосновения российской социально-политических институтов с западными, либо отыскать точку расхождения цивилизационных треков России и европейских государств. Так, удобным для сравнения России и Запада является период становления и развития абсолютистских монархий. Сравнивая механизмы абсолютизма и самодержавия, исследователи видят во внешней схожести двух типов власти доказательство универсальности путей исторического развития стран Западной Европы и России. Проявлениями политики абсолютизма, например, считается политика Ивана IV, учреждение опричнины как способа централизации власти и обуздания власти бояр, что сходно с теми процессами, которые происходили в этот период времени, например, во Франции. Согласно данным представлениям новым витком абсолютизма в России после эпохи Ивана Грозного является правление династии Романовых, в ходе которого принимались такие документы как Соборное Уложение 1649 года. Апогеем этого процесса стала политика российского правительства периода XVIII–XIX веков, в ходе которой произошло окончательное подчинение Церкви государству посредством создания Святейшего Синода и угасания деятельности сословно-представительного органа – Земского Собора. Внешняя схожесть данных процессов с тенденциями в странах Западной Европы, в которых также происходила усиление бюрократического аппарата, нивелирование значения сословно-представительных органов и вызванное этим отсутствие зримых институтов ограничения королевской власти, даёт возможность заявить о единстве онтологии самодержавия и абсолютизма. Представляется, что данное понимание политико-правового сущности данных режимов не отражает всей их сущности. Так как «предабсолютистские» социальные практики в Европе и России отличались, то и природа власти в этих социумах различалась в период Нового Времени. В рамках настоящей статьи исследуются научные представления об европейском абсолютизме, политико-правовые условия его формирования, а также производится сравнение данных явлений с реалиями российской системы власти эпохи самодержавия.

Абсолютизм, начавший складываться с конца XV – начала XVI в странах Западной Европы был формой продолжения долгой борьбы королевской власти за обретение полноты властных возможностей в условиях конкуренции с другими социальными акторами, в частности, Католической Церковью. Конфликт продолжался на протяжении Средних Веков, приобретая формы борьбы, например, за инвеституру между светской и духовной властью. Длительное время государственная власть не являлась явным победителем этой борьбы, уступая Церкви. Примером тому может быть известное хождение на Каноссу Императора Священной Римской Империи Генриха IV, ставшее символом поражения светской власти в борьбе за инвеституру перед Папой. Определённым «реваншем» для западноевропейской государственной власти стало Авиньонское пленение пап. Формировалась ситуация шаткого баланса между всеми социальными акторами на протяжении Средневековья. На стыке Средних Веков и Нового Времени в социальной жизни европейских государств начали происходить изменения, сдвинувшие баланс сил в пользу королевской власти. Марксистская школа видела суть данных перемен в выходе на историческую сцену новой социальной силы – буржуазии при одновременном нарастании противоречий внутри феодальной знати. Феодалы в условиях противоречий вынуждены обращаться к арбитру способному разрешить конфликты, а буржуазия заинтересована в обуздании власти этих феодалов, защиты городов от повинностей со стороны землевладельцев, то укрепление централизованной государственной становилось путём удовлетворения потребностей данных социальных групп. Фридрих Эн-

гельс указывал: «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII вв., которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...» [1, с. 13]

Универсализм марксистской теории приводит к недостаточному учёту специфики отдельных западноевропейских стран, в частности, Англии, в которой абсолютизма не сложилось.

Другим объяснением причин «сдвига» баланса сил и возникновения абсолютизма являются концепции, связанные с религиозным фактором. Макс Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» указывал, что реформация с утверждением духа индивидуализма привела к началу рационализации общественного сознания, что привело к началу формирования бюрократической системы, ставшей основой абсолютистского режима. Секуляризация социального пространства сужала возможности духовной власти. Начало рационализации и секуляризации было положено особенной университетской культурой Европы, сложившейся в ещё в Средние Века. Развитие университетов в XI–XIV веках, в частности, Болонского Университета, создала условия для рецепции римского права европейскими государствами, что привело к рационализации социальной жизни. Профессор В.А. Томсинов указывает: «Важным стимулом рецепции римского права в XI–XIII вв. явились процессы в сфере организации светской власти. Дж. Стрэйер характеризует их термином «бюрократизация феодализма... Если прежде короли и герцоги при осуществлении управления опирались преимущественно на своих вассалов, то, начиная с XI в., они все более опираются на чисто должностных лиц (чиновников)–светская власть превращается таким образом в публичную, территориальную.» [2, с. 117]

Абсолютизм сложился как итог противостояния королевской власти с иными социальными акторами, прежде всего с Католической Церковью, посредством мобилизации бюрократических ресурсов и социальной секуляризации. Абсолютистские режимы привели к замораживанию социальных институтов, обеспечивших победу государственной власти над Церковью и феодалами, образовав «спящие институты». Во Франции перестали созываться Генеральные Штаты – сословно-представительный орган, изначально созданный для получения поддержки сословий для поддержки Филиппа Красивого в борьбе с Папой. Субъектность органа обеспечивалась тем, что созыв был в большей степени нужен самой Короне, находившейся в остром конфликте с папством и нуждавшейся в общественной поддержке, а также самой структурой органа, в состав которого входило духовенство, находившееся в зависимости от Папы, что обеспечивало его независимость от королевской власти и общую автономность органа. Со снижением влияния папства, укрепления королевской власти созывы Генеральных Штатов становились всё более редкими, так как смысл в глазах власти орган начал терять. Длительная история его функционирования привела к формированию политико-правовой традиции, повлиявшей на эволюцию общественной мысли, нашедшей отражение во время Французской Революции, началом которой был созыв Генеральных Штатов.

Другим институтом, пережившим угасание в период абсолютизма, было университетское самоуправление, которое в Средние Века рассматривалась как форма взаимодействия Короны и Церкви. Парижский Университет, имевший покровительство как Папы Римского, так и Короля. Эта двойная юрисдикция позволяла Университету сохранять автономность от обоих субъектов власти, в период абсолютизма самостоятельность была нивелирована путём признания ректора Университета государственным служащим и общего встраивания Университета в систему государственного управления. Перемены коснулись коллежа Университета – Сорбонну, специализировавшейся на богословии. Влияние абсолютизма было двойственным: снижения самоуправления приводило к секуляризации образовательного и научного пространства, создавая условия для развития рационалистического знания Просвещения. Абсолютизм сам своей политикой создал условия для развития тех концептов, ставших идеологической основой низвержения абсолютистского строя.

Абсолютизм сформировал «спящие институты», являвшиеся наследием средневековых механизмов борьбы социальных акторов, потерявших актуальность в изменившихся политических условиях, но обеспечивших сохранение политико-правовых традиций, реанимированных в революционную эпоху.

Наличие спящих институтов в абсолютистских государствах являлось их сущностным отличием от российского самодержавия, имевшего собственную логику развития и не переживавшего в ходе своего формирования сложных социально-политических конфликтов, подоб-

ных западноевропейской борьбе светской и духовной властей. Природа российского самодержавия не была итогом длительного противостояния политического противостояния социальных акторов, в ходе которого центр силы смещался от одной стороны к другой, а являлась внутренним развёртыванием логической структуры российской системы власти. Отличительной исторической чертой власти в России являлась особая форма организации коммуникации государства и Церкви. Данный тип взаимоотношений получил название «цезаропапизм», что означало подчинение духовной власти светской при наличии механизмов вмешательства государства в церковные дела. Это обусловило формирование системы российской власти, суть которой заключалась в социальном монизме – монопольном положении власти в лице верховного правителя как единственного полноценного политического актора в социуме. Это происходило в связи с отсутствием конкуренции со стороны Церкви при одновременной слабости боярства, чьё влияние слабело в связи с укреплением положения служилого дворянства. Аристократия даже в западных странах не являлась актором, уравнивающим верховную власть, что объяснялось, как уже указывалось, возможностью власти возвышать служилое сословие в ущерб «урожайной» аристократии и отсутствием ценностного и организационного единства сословия, что использовалось центральной властью для собственного укрепления. Выгодным образом отличалось духовенство, организованное и объединённое фигурой религиозного главы и самим учением Церкви. Поэтому представляется, что различия форм отношений власти и Церкви в России и на Западе обусловили расхождение их политико-правовых треков. В отсутствии реальных противовесов верховной власти в России формировалась система патримониализма, и являвшейся, по сути, сутью российского самодержавия. Российский историк С.М. Сергеев отмечает: «Российский же вариант патримониализма, сложившийся в Московский период, более всего похож на то, что Вебер определил как султанизм – господство, «по способу управления движущееся в сфере свободного, не связанного традицией произвола»; господство, при котором «до крайности развита сфера свободного произвола и личной милости» Слабость или даже отсутствие других властных субъектов, а также зависимость Православной Церкви от государства действительно делали русское самодержавие близким к «моносубъектности». [3, с. 14]

Нужно понимать, что в отличие от западного абсолютизма российское самодержавие не являлось итогом определённой социальной динамики, эволюции политической системы, а было имманентным российской действительности, возникнув ещё в преמודерне и не изменившись в Новое Время. Если на Западе развитие бюрократии и централизация власти было, как уже говорилось, итогом длительного противостояния Короны иным социальным акторам, то причина в Русском Царстве (иногда рассматриваемая как форма российской централизации), была проявлением «надзаконности», образовавшейся в условиях патримониализма. Созыв Земского Собора, внешне напоминавшего сословно-представительные органы европейских стран, сущностно не изменил систему российской власти, так как, во-первых, не обладал полноценной субъектностью ввиду отсутствия таковой у самих сословий, формирующих Собор, а во-вторых, сам созыв Собора был вызван желанием царской власти придать внешнюю легитимность своим решением посредством «прошения» воли сословий. Созванный «сверху» Земский Собор как институт перестал функционировать через чуть более столетия с начала работы, не став политико-правовым символом в дальнейшем, как это случилось с Генеральными Штатами. Дальнейшее развитие самодержавия в рамках реформ Петра I являлось продолжением существовавшей политической традиции, что выразилось в юридическом закреплении принципа цезаропапизма посредством упразднения Патриаршества и создания Святейшего Синода. Петровские реформы были, скорей, внешним преображением традиционного самодержавия и его уподобления западноевропейским лекалам. Таким образом система российской власти не может считаться идентичной абсолютизму в связи с различием социально-исторических условий развития социумов.

Материалы и методы

В настоящей работе применяется сравнительно-правовой метод исследования политико-правовых институций абсолютизма и самодержавия.

Литературный обзор

В исследовании используются: выдержки из работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой даётся определение причин и особенностей формирования западного абсолютизма; фрагменты работы известного российского историка права Владимира Алексеевича Томсинова «Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв.».

в которых показываются причины средневековой рецепции римского права, заключавшихся в необходимости правовой легитимации, с одной стороны, светской власти, а с другой стороны, Церкви, находившихся в противостоянии на протяжении средних веков; цитаты из труда историка Сергея Михайловича Сергеева «Русское самовластие. Власть и её границы: 1462–1917 гг.», в которых описываются онтологические особенности русского самодержавия

Результаты

На основе сравнительного анализа был сделан вывод об онтологическом различии абсолютизма и самодержавия: абсолютизм представлял собой временное состояние западноевропейского социума, вызванное, с одной стороны, угасанием роли Католической Церкви, а с другой стороны, изменением социально-экономических реалий, в то время как самодержавие исторически было всегда имманентно российскому государству ввиду иной формы взаимоотношений власти и Церкви и геополитических и экономических особенностей.

Заключение

Исследование позволило рассмотреть важный междисциплинарный вопрос о различиях абсолютизма и самодержавия, что даёт возможность сделать выводы о цивилизационной специфике России в целом.

Литература

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана – Москва: Издательство политической литературы, 1982. С – 13.
2. Томсинов В.А.: Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. // IVS ANTIQVVM. Древнее право, 1997. С-117.
3. Сергеев С.М. Русское самовластие. Власть и её границы: 1462–1917 гг. – М.: Яуза-каталог, 2023. С – 14.

ABSOLUTISM AND AUTOCRACY: POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF SOCIAL PHENOMENA

Chigarev B.A.

Institute of Law and National Security

In legal and historical science, there is a debatable issue of comparing and correlating the essences of Western European absolutism and Russian autocracy, identifying their nature and recognizing or denying the identity of these forms of political organization. The scientific value of solving this problem lies in the fact that the answer to this question determines the possibility of further methodological constructions concerning the study of the nature of the Russian government, political and legal system. This paper examines the ontological features of absolutism and autocracy, and concludes that the two types of power fundamentally differ, which is explained by the political, legal and historical features of the development of Western Europe and Russia. Absolutism is recognized as a temporary departure from the institutional structure of European societies of the Middle Ages, and autocracy is an immanent regime of Russian reality. The term “dormant institutions” is used to explain the features of the institutional structure of the absolutist monarchies of Western Europe, which means the presence of institutions inherited from the Middle Ages, which in the past were political and legal manifestations of limited power in the struggle with other social actors and ceased to function actively during the period of absolutism, but allowed to preserve the political and legal tradition that became the basis of liberal transformations of Western monarchies. The methodology of this work is based on a comparative legal analysis of the specifics of the formation of political and legal institutions in Western European monarchies and the Russian autocracy. The study concludes that there is an ontological difference between Western European absolutism and Russian autocracy, which is caused by historical differences in the political and legal development of Western countries and Russia.

Keywords: absolutism, autocracy, “sleeping institutions”, potestatism, Russian system of power, patrimonialism

References

1. Engels F. The Origin of the Family, Private Property, and the State. In Connection with the Research of Lewis G. Morgan – Moscow: Political Literature Publishing House, 1982. P. 13.
2. Tomsinov V.A.: The Significance of Roman Law in the Social Life of Western Europe in the 11th-13th Centuries // IVS ANTIQVVM. Ancient Law, 1997. P. 117.
3. Sergeev S.M. Russian Autocracy. Power and Its Boundaries: 1462–1917. – Moscow: Yauza-Catalog, 2023. P. 14.

Широков Глеб Сергеевич,

аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института права, Челябинский государственный университет

В статье автором анализируются политико-правовые воззрения министра народного просвещения Российской империи, графа Сергея Семёновича Уварова (1786–1855). Отмечается, что мыслитель, хотя и не сформулировал принципиально новую политико-правовую доктрину, но привёл в упорядоченную систему ранее существующие идеи, объединив последние в триаду «православие, самодержавие, народность», воплотил их в нормативном правовом материале, приняв непосредственное участие в законодательном процессе. На примере университетского устава рассматривается степень влияния Уваровской триады на законодательство об образовании в части, касающейся противодействия различным формам экстремизма. Делается вывод о значительном влиянии триады на представления законодателя, что позволило государству в течение длительного времени эффективно обеспечивать национальную безопасность, противостоять угрозам государственному строю России, исходящим как изнутри, так и извне.

Ключевые слова: государство, право, политико-правовая идеология, триада Уварова, законодательство, революционный экстремизм, национальный сепаратизм

Сергей Семенович Уваров происходил из знатного дворянского рода. Получив домашнее образование, он отправился за границу, чтобы его продолжить.

До 1833 г. занимал разные должности на государственной службе. С 1833 по 1849 г. осуществлял полномочия министра народного просвещения. В этот период начинается новый этап развития политико-правовой идеологии Российского государства, происходит её окончательное оформление и утверждение в качестве официальной. Перед тем, как начать говорить о развитии и последующем упрочении идеологических основ Российской империи, нужно кратко охарактеризовать состояние последних в период, предшествовавший назначению С.С. Уварова на пост министра.

Итак, на формирование идеологии государственного строительства в Российской империи влияли передовые политико-правовые доктрины западных мыслителей таких, как: Т. Гоббс, Г. Гроций, С. Пuffendorf, а позднее – идеи французских просветителей. Они встраивались в неё постольку, поскольку не противоречили взглядам на государство и право, уже сложившимся и устоявшимся на русской почве.

Однако революционные события во Франции стали вызовом для основ государственности в России, в частности, для её идеологического фундамента.

В качестве проводников политико-правовой идеологии эпохи просвещения выступали либерально настроенные представители русского дворянства, имевшие возможность знакомиться с государственно-правовыми порядками Европейских держав в процессе получения образования и желавшие того, чтобы последние были перенесены на Российские реалии в полной мере, а не в части, как это происходило в эпоху петровских преобразований и во времена реформ второй половины XVIII-начала XIX вв.

На практике эти стремления воплотились в мятеже декабристов, который государство смогло успешно подавить.

Кроме того, в Западном крае империи имели место стремления к национальному сепаратизму и последующему восстановлению государственности Польши, идея которого также продвигалась среди местной молодёжи через образование. По итогу в 1830–1831 г. случился польский мятеж, который также стал вызовом для государственного строя России – угрозой её территориальной целостности и единству народа.

Понимая всю опасность революционного экстремизма и национального сепаратизма и сознавая роль образования в его профилактике по средствам формирования мировоззренческих установок как отдельной личности, так и всего общества, император Николай I назначает на пост министра народного просвещения Уварова, который и занялся вопросами укрепления идеологических основ государства в целях противодействия попыткам внедрения в умы подрастающего поколения деструктивных воззрений, носящих антигосударственный характер¹. В особенности, это касалось дворянства, которое являлось опорой престола, национальной элитой. И воспитывать национальную элиту надлежало на русских национальных идейных началах, не допуская зарождения и последующего созревания в умах её представителей ростков политического и иного экстремизма. Теперь рассмотрим непосредственно взгляды мыслителя.

Итак, концепция С.С. Уварова выражена в формуле «православие, самодержавие, народность».

Православие в триаде расположено на первом месте не случайно. На его основе веками складывалась национальная идентичность русского народа². Под влиянием православного учения сформировались его представления о началах государственности и утвердился христианский тип правопонимания³.

¹ Сосенков, Ф.С. Политико-правовые воззрения на национально-территориальное единство Российского государства: X-конец XX ВВ. дис. д-ра юрид. Наук. – Нижний Новгород: 2022. – С. 250–254.

² Гайда, Ф.А. Православие в триаде С.С. Уварова. / Ф.А. Гайда. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2021. № 100. – С. 32–46.

³ Сорокин, В.В. Право и православие: монография / В.В. Сорокин. – Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2007. – С. 220, 358, 391.

Самодержавие, согласно взглядам Уварова, является важным условием существования России как государства. Автор триады указывает, что установление иных форм правления, не соответствующих исторически сложившемуся порядку, не представляется возможным и является губительным для политического строя страны¹. В связи с этим он подвергает критике чрезмерное увлечение оторванными от действительности политико-правовыми доктринами и попытки воплотить последние на практике.

«... Пусть мечтатели, — писал Уваров, — обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил...»².

В сущности, автор не предлагает ничего нового, а лишь воспроизводит тезисы, что уже звучали в трудах предшественников.

Так, критические замечания по поводу внедрения иностранных институций в государственное управление высказывались Н.М. Карамзиным в Записке о древней и новой России³. Кроме того, общие положения, содержащие доводы в пользу абсолютной монархии и указывающие на недопустимость нарушения основ государственного строя путём революционных переворотов, имеют место в трудах Ф. Прокоповича⁴.

Что касается последнего элемента триады — народности, то она прямо Уваровым не определяется. Однако мыслитель, говоря о народности, косвенно указывает на аспекты, связанные с национальной самобытностью русского народа [5, С. 71–72].

Таким образом, понятие «народность» равнозначно понятию «национальность» и вбирает в себя все свойства народа, включая приверженность христианской вере и государству в лице императора.

И народ (нация) при этом не дифференцируется по критерию принадлежности к какому-либо сословию. Наоборот, он воспринимается автором как единая общность, над которой установлена верховная власть с целью достижения всеобщего блага⁵.

Говоря о происхождении государства, нужно отметить, что Уваров не выработал четкой формулировки, объясняющей процесс политогенеза. Однако из его концепции следует, что взгляд на данную проблему у него был.

Он исходил из положений органической теории, получившей распространение в XIX веке в Европе. Народ и государство, по Уварову, взаимосвязаны как единый организм⁶. Они возникают и формируются одновременно. Это положение в дальнейшем будут развивать консерваторы второй половины XIX века в рамках своих политико-правовых учений⁷.

Помимо элементов органической теории, в концепции Уварова, как отмечают некоторые исследователи, присутствуют элементы договорной теории⁸.

Право автор понимал как средство — инструмент, при помощи которого государство воздействует на общественные отношения. И здесь также не сказано ничего принципиально нового.

В этой связи мы не можем согласиться с позицией, согласно которой Уваров разработал идеологию государственного строительства⁹. Безусловно, он систематизировал все те идеи, что были сформулированы еще Ф. Прокоповичем, развиты Карамзиным и, таким образом, укрепил уже существующие идеологические основы государства, оформив последние в виде выше указанной триады. Триада, таким образом, является структурированным вариантом уже существующего политико-правового учения.

В связи с этим систему взглядов Уварова следует определять как концепцию, но не как самостоятельное учение, поскольку последнее предполагает логически выстроенную структуру, включающую в себя теорию политогенеза, положения о формах устройства государства и нюансы, связанные с возникновением и развитием права.

Теперь рассмотрим конкретные примеры нормативных правовых актов, в которых воплощалась формула С.С. Уварова.

Первый акт, который мы приведем, университетский устав 1835 г. (далее — устав)¹⁰. Составлением правового акта руководил сам Уваров.

Устав ограничил автономию университетов, установив за последними строгий контроль со стороны государственной администрации в лице попечителей учебных округов. Попечители, в свою очередь, назначали профессоров с согласия министра народного просвещения.

Что касается триады Уварова, мы видим её воплощение в ст. 14, 134.

Так, ст. 14 закрепляет положение, согласно которому для предметов церковного права, церковной истории и богословия учреждается отдельная кафедра, не относящаяся ни к одному из 3-х факультетов. Вводился обязательный порядок посещения данных занятий всеми студентами, исповедующими православие. Таким образом, в законе отражаются первичные элементы триады Уварова.

Ст. 134 устанавливает ответственность за распространение идеологически чуждой иностранной литературы в отношении преподавателей, которые завезли ее в личных целях, но распространяли среди третьих лиц.

Текст устава содержит такие термины, как «благонаравие», «благонадежность», что также свидетельствует о влиянии политико-правовых воззрений законодателя.

Помимо университетского устава, в рамках образовательной политики были приняты ведомственные правовые акты министерства народного просвещения. В частности, к ним относится устав 1833 г., который ограничил использование в образовательных учреждениях западных губерний польского языка и усилил позиции языка русского. Тем самым, происходил процесс интеграции земель Царства польского в общеимперское пространство. В 1839 году учреждён отдельный Варшавский учебный округ. Это также позволило государству контролировать образовательный процесс в Польше.

Таким образом, здесь мы можем наблюдать третий элемент триады — народность, поскольку речь идет, с одной стороны, об укреплении национального самосознания русских подданных в Малороссии и Белоруссии, а с другой — об ослаблении польского влияния и интеграции польских подданных в империю.

Подводя итог, следует отметить, что политико-правовые воззрения С.С. Уварова в значительной степени способствовали укреплению идеологических основ Российского государства, что в дальнейшем позволило последнему почти 30 лет эффективно противостоять различным формам экстремизма, бороться с ними не только по средствам карательных мер, но и по средствам профилактических мер, реализуемых в процессе воспитания и образования Российских подданных на всех его уровнях. Триада Уварова также способствовала реализации интеграционных мер в рамках национальной политики, направленной на поддержание единства народа и целостности государства. Уваров не создал новую политико-правовую доктрину. Но он сумел объединить уже существующие идеи в триаду, кратко и внятно изложив начала, на которых надлежит строить и развивать политическую организацию русского общества. Кроме того, он принимал участие в разработке норм законодательства об образовании и цензуре, что в наибольшей степени позволяло воплощать политико-правовые идеи в жизнь. Не всем консервативным авторам, к слову, это удавалось ввиду разных обстоятельств.

Во второй половине XIX века идеи Уварова будут развивать: К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, а в начале XX века — П.А. Столыпин и т.д.

⁹ Ильин, В. Н. ТРИАДА С.С. УВАРОВА «ПРАВОСЛАВИЕ — САМОДЕРЖАВИЕ — НАРОДНОСТЬ». / В.Н. Ильин. // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. — С. 33–35.

¹⁰ Университетский устав: утв. 25.07.1835. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 10. Отдел. 1. — СПб.: 1836. — С. 841–855.

¹ Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. — СПб: Академический Проект, 1999. — С. 52.

² Уваров, С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения: записка императору Николаю I от 19.11.1833 г. // Река времен. Кн. 1. — М.: 1995. — С. 70.

³ Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. — М.: изд-во Наука, 1991. — С. 32–36, 66–69.

⁴ Прокопович, Ф. Правда воли монаршей. / Ф. Прокопович. — СПб.: 1722. — С. 31.

⁵ Горохов, А.А. Триада С.С. Уварова как исторический опыт создания государственной консервативной идеологии в России / А.А. Горохов, М.А. Широкова. // Вопросы политологии. — Барнаул: 1999. Вып.3. 2005. — С. 33.

⁶ Уваров, С.С. Государственные основы. — М.: изд-во «Институт русской цивилизации», 2014. — С. 4.

⁷ Катков, М.Н. Идеология охранительства. — М.: изд-во «Институт русской цивилизации», 2009. — 800 С.

⁸ Горохов, А.А. Триада С.С. Уварова как исторический опыт создания государственной консервативной идеологии в России / А.А. Горохов, М.А. Широкова. // Вопросы политологии. — Барнаул: 1999. Вып.3. 2005. — С. 31.

Литература

1. Сосенков, Ф.С. Политико-правовые воззрения на национально-территориальное единство Российского государства: X-конец XX ВВ. дис. д-ра юрид. Наук. – Нижний Новгород: 2022. – 619 С.
2. Гайда, Ф.А. Православие в триаде С.С. Уварова. / Ф.А. Гайда. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2021. № 100. – С. 32–46.
3. Сорокин, В.В. Право и православие: монография / В.В. Сорокин. – Барнаул: изд-во Алтайского государственного университета, 2007. – 547 С.
4. Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. – СПб: Академический Проект, 1999. – 350 С.
5. Уваров, С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения: записка императору Николаю I от 19.11.1833 г. // Река времен. Кн. 1. – М.: 1995. – С. 70–72.
6. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. – М.: изд-во Наука, 1991. – 127 С.
7. Прокопович, Ф. Правда воли монаршей. / Ф. Прокопович. – СПб.: 1722. – 59 С.
8. Горохов, А.А. Триада С.С. Уварова как исторический опыт создания государственной консервативной идеологии в России / А.А. Горохов, М.А. Широкова. // Вопросы политологии. – Барнаул: 1999. Вып.3. 2005. – С. 31–33.
9. Уваров, С.С. Государственные основы. – М.: изд-во «Институт русской цивилизации», 2014. – 608 С.
10. Катков, М.Н. Идеология охранительства. – М.: изд-во «Институт русской цивилизации», 2009. – 800 С.
11. Ильин, В.Н. Триада С.С. Уварова «православие – самодержавие – народность». / В.Н. Ильин. // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2018. № 16. – С. 33–35.
12. Университетский устав: утв. 25.07.1835. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. 10. Отдел. 1. – СПб.: 1836. – С. 841–855.

S.S. UVAROV'S POLITICAL AND LEGAL VIEWS AND THEIR INFLUENCE ON EDUCATION LEGISLATION

Shirokov-G.S.

Chelyabinsk State University

This article analyzes the political and legal views of the Minister of Popular Education of the Russian Empire, Count Sergey Semenovich Uvarov (1786–1855). It is noted that although the thinker did not formulate a fundamentally new political and legal doctrine, he organized previously existing ideas into a systematic framework, uniting them into a triad of “Orthodoxy, Autocracy, Nationality.” He embodied these concepts in normative legal materials and took an active part in the legislative process. Using the university statute as an example, the article examines the influence of the Uvarov triad on educational legislation, particularly in relation to countering various forms of extremism. The conclusion is drawn about the significant impact of the triad on the legislator’s perceptions, which allowed the state to effectively ensure national security for a long time, countering threats to the state structure of Russia, both from within and outside.

Keywords: state, law, political and legal ideology, Uvarov triad, legislation, revolutionary extremism, national separatism.

References

1. Sosenkov, F.S. Political and legal views on the national-territorial unity of the Russian state: the 10th – late 20th centuries. Doctor of Law diss. – Nizhny Novgorod: 2022. – 619 p.
2. Gaida, F.A. Orthodoxy in the triad of S.S. Uvarov. / F.A. Gaida. // Bulletin of PSTGU. Series 2: History. History of the ROC. 2021. No. 100. – Pp. 32–46.
3. Sorokin, V.V. Law and Orthodoxy: monograph / V.V. Sorokin. – Barnaul: Publishing house of Altai State University, 2007. – 547 p.
4. Whittaker, Ts.Kh. Count Sergei Semenovich Uvarov and his time. – SPb: Akademichesky Proekt, 1999. – 350 p.
5. Uvarov, S.S. On Some General Principles That Can Serve as Guidelines for Managing the Ministry of Public Education: A Note to Emperor Nicholas I, Date of November 19, 1833 // River of Time. Book 1. – Moscow: 1995. – Pp. 70–72.
6. Karamzin, N. M. A Note on Ancient and Modern Russia in Its Political and Civil Relations. – Moscow: Nauka Publishing House, 1991. – 127 p.
7. Prokopovich, F. The Truth of the Monarch’s Will. – SPb: 1722. – 59 p.
8. Gorokhov, A.A. Triada, S.S. Uvarov as a Historical Experience of Creating a State Conservative Ideology in Russia / A.A. Gorokhov, M.A. Shirokova. // Questions of Political Science. – Barnaul: 1999. Issue 3. 2005. – Pp. 31–33.
9. Uvarov, S.S. State Foundations. – Moscow: Publishing House “Institute of Russian Civilization”, 2014. – 608 p.
10. Katkov, M.N. Ideology of Conservatism. – Moscow: Publishing House “Institute of Russian Civilization”, 2009. – 800 p.
11. Ilyin, V. N. S.S. Uvarov’s Triad “Orthodoxy – Autocracy – Nationality”. / V.N. Ilyin. // Altai Bulletin of the State and Municipal Service. 2018. No. 16. – P. 33–35.
12. University Charter: approved. July 25, 1835. // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. 10. Section. 1. – St. Petersburg: 1836. – P. 841–855.

Институциональные пробелы венчурной экосистемы России: особенности правового регулирования и условий защиты

Яо Линюань,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: yaolingyuan0912@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ ключевых факторов развития и системных барьеров венчурной экосистемы России в условиях новой макроэкономической и нормативной реальности 2022–2025 годов. Исследование фокусируется на детальном разборе институциональных, правовых, налоговых и судебных аспектов, определяющих инвестиционный климат. Особое внимание уделяется специфике регулирующих актов, структуре соглашений Limited Partnership (LP) и эффективным механизмам защиты интересов инвесторов. В их числе подробно рассматриваются положения о долевом участии (vesting), антиразмывочные условия (anti-dilution provisions), а также вопросы формирования акционерного капитала с участием сотрудников (ESOP).

В работе проведен сопоставительный анализ российских и международных стандартов корпоративного управления и инвестиционной практики, что позволило выявить существенные пробелы в национальном законодательстве и институциональных подходах. Автор не только систематизирует основные формы деятельности венчурного инвестирования, обозначая их преимущества и риски, но и предлагает конкретные меры для совершенствования правового регулирования, оптимизации фискальной нагрузки и усиления судебной защиты участников рынка. Сформулированные рекомендации по внедрению передовых инструментов управления направлены на создание устойчивой и прозрачной среды для капитала. Материал представляет ценность для практикующих инвесторов и управленцев, научного сообщества и органов государственной власти, заинтересованных в глубокой модернизации экосистемы инновационного предпринимательства и привлечении масштабных инвестиций в российские стартапы.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, институциональное регулирование, корпоративное управление, антиразмывочные положения, защита инвесторов.

Российская венчурная экосистема находится в стадии становления, демонстрируя признаки ухудшения после значительного спада 2022–2023 годов. По данным аналитических агентств, объем венчурных инвестиций в России в 2024 году составил \$177 млн, что в два раза превышает показатель динамики года. Однако даже этот рост не может скрыть системные особенности, способствующие полноценному развитию венчурного инвестирования в стране [2, с. 362].

Основная проблема заключается в том, что нормативно-правовая база и инфраструктура не учитывают специфику венчурного бизнеса, создают высокие транзакционные затраты и правовые риски для участников рынка.

Научная новизна представляет собой исследование по систематизации правовых и налоговых рисков венчурного инвестирования в России и разработку конкретных предложений по совершенствованию законодательства. Работа впервые комплексно анализирует институциональные пробелы венчурной экосистемы, охватывая организационно-правовые, налоговые и налоговые аспекты защиты интересов участников венчурного рынка.

Анализ несовершенства организационно-правовых форм

Общество с ограниченной ответственностью (ООО) остается основной организационно-правовой формой для структурирования венчурных сделок в России, однако она изначально не была адаптирована под специфику венчурного инвестирования. К основным проблемам использования ООО относятся:

Сложности с корпоративным управлением. ООО не обеспечивает гибких границ для разделения прав голоса и экономических прав, что крайне важно для венчурного спада. В отличие от акционерных обществ, где возможно создание различных классов акций с разными правами, ООО ограничивает возможности структурирования простых финансовых сделок.

Ограничения по передаче долей. Российское законодательство устанавливает строгие ограничения на отчуждение долей в ООО, включая обязательное нотариальное удостоверение сделок и строгое право выкупа общества. Эти требования создают дополнительные барьеры для входа и выхода из венчурной остановки.

Проблемы с оценкой стоимости. Отсутствие развитого рыночного долей ООО затрудняет объективную оценку стоимости компании, что является основным фактором венчурного инвестирования [4, с. 432].

Сложности с опционами и пулами акций в российском праве

Дополнительные программы являются частью венчурной экосистемы, позволяют привлекать и мотивировать талантливых сотрудников [5, с. 689]. Однако российское правовое регулирование создает значительные препятствия для их эффективного использования [1, с. 45].

Нотариальные проблемы. Практика показывает, что нотариусы часто отказываются удостоверить опционные договоры из-за отсутствия соответствующего опыта и нежелания принимать на себя дополнительные риски. Даже в случае удостоверения опциона одним нотариусом, другой нотариус может отказать в удостоверении акцепта.

Отсутствие реестра опционов. В отличие от залоговых сделок, информация об опционах не вносится в соответствующие реестры для блокирования сделок с базовым активом. Это означает, что, если участник ООО заключит опцион на долю и затем продаст её третьему лицу, держатель опциона сможет требовать лишь возмещения убытков, но не передачи доли.

Проблемы с пулами опционов. Создание опционных пулов (option pools) для сотрудников стартапов в российском праве практически невозможно без создания сложных корпоративных структур, что увеличивает издержки и правовые риски.

Перспективы внедрения аналогов англо-саксонского Limited Partnership

Анализ международного опыта показывает, что большинство успешных венчурных фондов структурируются в форме Limited Partnership

(далее-LP) – ограниченного партнерства [7, с. 145]. В российском праве наиболее близким аналогом является товарищество на вере (коммандитное товарищество) и инвестиционное товарищество.

Коммандитное товарищество регулируется статьями 82–86 Гражданского кодекса РФ и предусматривает разделение участников на полных товарищей (управляющих) и коммандитистов (инвесторов). Несмотря на концептуальную близость к западной модели LP, эта форма практически не используется для венчурных фондов из-за сложностей практического применения.

Инвестиционное товарищество было введено федеральным законом в 2012 году как попытка создать российский аналог LP. Однако на практике эта форма также не получила широкого распространения среди венчурных инвесторов из-за ограничений в регулировании и отсутствия налоговых преимуществ.

Основные преимущества LP-модели [10, с. 161]:

- Налоговая прозрачность на уровне партнерства
- Гибкость в распределении прибылей и убытков
- Ограниченная ответственность инвесторов
- Возможность участия физических лиц в качестве ограниченных партнеров

Для успешной имплементации LP-модели в российское право необходимы изменения в налоговом законодательстве, обеспечивающие налоговую прозрачность таких структур, и упрощение процедур их создания и управления [11, с. 2303].

Налоговые барьеры венчурного инвестирования

С 2025 года в российском налоговом законодательстве введено новое основание для взимания НДФЛ в виде материальной выгоды при приобретении долей. Это нововведение создает дополнительные налоговые барьеры для реализации опционных программ в стартапах.

Механизм налогообложения. Материальная выгода определяется как превышение рыночной стоимости доли над стоимостью, уплаченной владельцем опциона. НДФЛ с материальной выгоды взимается по ставке 13/15% в зависимости от размера совокупного дохода налогоплательщика за год.

Проблемы определения рыночной стоимости. Рыночная стоимость доли рассчитывается исходя из действительной стоимости доли на последнюю отчетную дату. Однако для стартапов, особенно на ранних стадиях развития, определение справедливой рыночной стоимости представляет значительную сложность из-за отсутствия сопоставимых сделок и высокой волатильности оценок.

Влияние на венчурную экосистему. Налогообложение материальной выгоды создает дополнительные издержки для сотрудников стартапов, получающих опционы, что снижает привлекательность таких программ мотивации. Это особенно критично для российских стартапов, которые и так испытывают сложности в конкуренции за таланты с зарубежными компаниями.

Защита прав инвесторов и миноритариев

Корпоративные конфликты в венчурной сфере имеют свою специфику, связанную с высокими рисками, неопределенностью оценок и сложной структурой прав участников. Анализ судебной практики показывает, что большинство резонансных корпоративных конфликтов в России происходит с участием государственных компаний, что создает дисбаланс в правах частных инвесторов.

Наблюдения показывают, что существует подозрение в том, что суды априори встают на прогосударственную позицию в спорах между государственными и частными компаниями [12, с. 567]. Это создает дополнительные риски для частных венчурных инвесторов, особенно при конфликтах с компаниями с государственным участием.

Верховный суд РФ развивает практику по оценке добросовестности и разумности поведения участников корпоративных отношений. Однако для венчурных инвестиций, где стороны часто имеют разные цели и временные горизонты, существующих механизмов недостаточно.

Недостаточная проработанность условий в инвестиционных соглашениях

Term sheet (инвестиционный меморандум) является ключевым документом на начальных этапах венчурного инвестирования, однако его правовой статус в российской юрисдикции остается неопределенным.

В российском праве term sheet может рассматриваться как доказательство намерения сторон достичь соглашения в соответствии со статьей 434.1 Гражданского кодекса РФ (далее ГК) «Переговоры о заключении договора». Однако существует риск признания term sheet предварительным договором, что создает юридически обязывающие обязательства.

Российские инвестиционные меморандумы часто не содержат стандартных для международной практики условий:

- Четкие механизмы защиты от разводнения (anti-dilution provisions) [9, с. 281]
- Права на информацию и участие в управлении
- Условия drag-along и tag-along (Drag-along: право мажоритарного акционера требовать от миноритарного присоединиться к сделке по продаже акций по той же цене и на тех же условиях. Tag-along: право миноритарного акционера присоединиться к продающим третьему лицу свои акции акционерам путем продажи такому третьему лицу своих акций на аналогичных условиях.)
- Механизмы разрешения споров

Также, в отличие от развитых венчурных рынков, где существуют стандартизированные формы документов (например, NVCA Model Documents в США), в России отсутствует единая практика подготовки инвестиционных документов.

Судебная защита венчурных инвесторов

Система судебной защиты инвесторов в России демонстрирует противоречивые тенденции. С одной стороны, статистика показывает высокий процент удовлетворения исков о защите прав иностранных инвесторов – 93% в 2023 году. С другой стороны, качество и доступность защиты для венчурных инвесторов остается проблематичной.

Венчурные споры часто связаны с оценкой стоимости активов, соблюдением условий инвестиционных соглашений и правами миноритарных участников. Российские суды пока не накопили достаточного опыта в рассмотрении подобных споров, что создает неопределенность для инвесторов.

Для иностранных венчурных инвесторов доступны механизмы защиты в рамках системы арбитража «инвестор-государство». Однако для российских венчурных фондов и инвесторов такие механизмы недоступны, что создает дисбаланс в уровне правовой защиты.

Верховный суд России заявил, что директора не могут быть признаны виновными в причинении компании убытков, если они действовали в рамках обычного предпринимательского риска. Эта позиция важна для венчурных инвестиций, где высокий уровень риска является нормой, однако ее практическое применение пока ограничено.

Международный опыт и его адаптация к российским условиям

Анализ международного опыта показывает, что успешные венчурные экосистемы характеризуются гибким правовым регулированием, благоприятной налоговой средой и развитой системой защиты прав инвесторов.

Опыт США:

- Модель Limited Partnership обеспечивает налоговую прозрачность и гибкость управления [6, с. 1067]
- Стандартизированные документы NVCA снижают транзакционные издержки [8, с. 2355]
- Развитая система альтернативного разрешения споров (арбитраж, медиация)
- Налоговые льготы для долгосрочных капитальных вложений

Опыт Китая

Китайское правовое регулирование венчурных инвестиций демонстрирует возможность успешной адаптации западных моделей к континентальной правовой системе:

- Создание специальных правовых зон для венчурных инвестиций
- Государственная поддержка в сочетании с рыночными механизмами
- Развитие специализированных судов по интеллектуальной собственности

Адаптация к российским условиям:

- Постепенное внедрение реформы с пилотным обучением в особых условиях (например, «Сколково», резиденты особых экономических зон)
- Сохранение контрольных функций государства при либерализации для добросовестных участников рынка
- Интеграция с существующими институтами развития (РВК, ВЭБ.РФ) для обеспечения плавного перехода к новой модели
- Создание системы саморегулирования венчурной индустрии посредством профессиональных ассоциаций и стандартов.

Применяя данный опыт, можно сформулировать следующие умозаключения:

Практические препятствия для венчурного применения:

- Налоговая модель не обеспечивает полной «сквозной» прозрачности на уровне партнеров, сопоставимой с LP; регуляторная неопреде-

ленность в сочетании с ограничениями по числу участников и сроку снижает привлекательность.

– Объем разъяснений высших судов по специфике венчурных отношений в рамках этих форм невелик; контрактный подход упирается в общие нормы ГК и риск неоднозначного правоприменения.

Реформа: целесообразно создать специальный «венчурный партнерский договор», характеризующийся:

- сквозной налоговой моделью (налогообложение у партнеров по их долям),
- снятием лимитов по срокам и количеству LP-партнеров (при статусе квалифицированных инвесторов),
- возможностью классов партнерских долей (economic vs governance rights),
- упрощенным бухучетом/раскрытием для закрытого круга квалифицированных лиц.

Рассматривая корпоративные споры, отметим, что Арбитражный процессуальный кодекс РФ выделяет корпоративные споры в отдельную главу 28.1 (ст. 225.1 и след.), относя к ним споры о создании, управлении и участии в юрлице, оспаривание корпоративных решений, сделки с долями/акциями, иски о возмещении убытков директорами, и др. Это формирует «специальный процессуальный коридор» для разрешения конфликтов в портфельных компаниях.

Ключевые ориентиры Верховного суда:

- Пленум ВС РФ № 27 от 26.06.2018 по крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью: сочетание количественного и качественного критериев «крупности»; эволюция практики в 2024–2025 гг. смещает акцент на качественный критерий значимости актива, даже при недостижении 25% порога, что усиливает защиту корпорации и инвесторов от «вывода корового актива».
- Обобщение практики по ст. 53.1 ГК РФ (ответственность руководителя): при сокрытии конфликта интересов презумпируются убытки; при раскрытии – бремя доказывания переходит на истца; фактическое одобрение участниками может снижать риски директора, но повышает требования к добросовестности и раскрытию.
- Разграничение юрисдикции и состава корпоративных дел: корпоративные споры – исключительная компетенция арбитражных судов по перечню Арбитражного процессуального кодекса (далее – АПК); третейская оговорка допустима при соблюдении требований Закона о третейских судах и единогласного включения в устав.

Практические следствия для венчурных сделок:

- Усиление процедур одобрения сделок и комплаенса для директоров портфельных компаний, документальное раскрытие заинтересованности, хранение «следа согласования» для снижения рисков субсидиарной/деликтной ответственности.
- Программирование уставов и корпоративных договоров (в т.ч. третейские оговорки, deadlock-механики, drag/tag, anti-dilution, quorum), завязанных на АПК-процедуры и позиции ВС РФ, чтобы минимизировать поле для оспаривания.

Опционы и мотивационные программы: налог и корпоративная техника

НК РФ ст. 212 относит к облагаемой НДФЛ материальной выгоде экономию при приобретении доли/акций ниже рыночной стоимости, что критично для ESOP и опционов на доли в ООО. При отсутствии специальных льгот для стартапов налоговое событие возникает при исполнении опциона, а база – рыночная стоимость минус цена исполнения, ставки – 13/15% для резидентов. Это снижает привлекательность ESOP и стимулирует уход в сложные конструкции или иностранные юрисдикции.

Регуляторные решения:

- Введение отложенного налогообложения для ESOP до момента отчуждения доли/акций (аналог 83(b)/QSBS-подходов с российской спецификой);
- Создание электронного реестра опционов при ФНС/нотарисистеме с механизмом обременения доли «опционным залогом»,
- Типовые формы опционов и корпоративных согласований для ООО, допускающие классы долей по управленческому и экономическим правам с упрощенным нотариальным контуром.

Перенос убытков и «сквозное» налогообложение фондов

НК РФ ст. 283 ограничивает использование убытков прошлых лет 50% текущей налоговой базы, период переноса – 10 лет, с изоляцией по классам инструментов. Для венчурных фондов это не соответствует «J-кривой» доходности: длительная убытковая фаза и редкие «экзиты» делают ограничения экономически неэффективными. Для ЗПИФ отложенность налога на прибыль решает часть проблемы, но не вопрос сальдирования у инвестора [3, с. 158].

Предлагаемые изменения:

- Для «венчурных партнерств» (новая форма) – сквозное налогообложение по долям с полным переносом убытков без 50% лимита на 15 лет,
- Для квалифицированных инвесторов – расширение сальдирования между классами венчурных активов при соблюдении условий реального риска и «лок-апа»,
- Для ESOP – признание расходов на приобретение доли по цене исполнения и отнесение на будущую базу при отчуждении.

СЗПК и «Сколково» как механизмы снижения регуляторной и налоговой неопределенности

Соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) установлены постановлением Правительства РФ № 1602 с актуальными изменениями 2025 года: регламентированы заключение, изменение, прекращение, мониторинг и ведение реестра СЗПК. Для венчурных портфельных компаний СЗПК может давать предсказуемость регуляторного режима и инфраструктурных условий на срок проекта, если соблюдаются пороговые критерии капитальных вложений.

Режим «Сколково» предоставляет десятилетние налоговые льготы (0% по налогу на прибыль и НДС, 0% по имуществу, пониженные страховые взносы) при соблюдении критериев и лимитов, что особенно значимо для R&D-интенсивных стартапов. Включение портфельных компаний в «Сколково» снижает burn-rate и улучшает unit-экономику до масштабирования.

Практический совет: предусматривать в инвестиционной документации ковенанты по поддержанию статуса «Сколково»/СЗПК, уведомления о риске утраты статуса и корректировку оценок/ликвидационных предпочтений в событиях дефолта.

Подводя итог, отметим, что институциональный «зазор» между потребностями венчурной индустрии и действующими нормами права постепенно сокращается за счет эволюции ЗПИФ, разъяснений ВС РФ и режимов «Сколково»/СЗПК. Однако для устойчивого роста необходимы адресные поправки: специальная партнерская форма со «сквозной» налоговой моделью, реформы ESOP и переносов убытков, а также процессуальные усовершенствования защиты миноритариев. Реализация этих шагов приблизит российскую правовую среду к стандартам развитых венчурных юрисдикций, сохранив при этом континентальные особенности и баланс публичных интересов.

Литература

1. Амиров, Р.Р. Стимулирование инноваций через инструменты корпоративного управления: мировой опыт и уроки для России / Р.Р. Амиров, О.В. Котельников // Экономика и управление. – 2024. – № 2. – С. 45–58.
2. Белых, В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: проблемы теории и практики: монография / В.С. Белых. – Москва: Проспект, 2020. – 362 с.
3. Бортник, И.М. Национальный доклад «Венчурный рынок России» / И.М. Бортник, В.Г. Зинов [и др.]; Российская венчурная компания. – М.: РБК, 2023. – 158 с.
4. Ивашковская, И.В. Венчурная экосистема на развивающихся рынках: драйверы производительности и институциональные барьеры / И.В. Ивашковская [и др.] // Журнал бизнес-исследований. – 2022. – Т. 139. – С. 432–445.
5. Davila, A. Venture Capital Financing and the Growth of Startup Firms / A. Davila, G. Foster, M. Gupta // Journal of Business Venturing. – 2003. – Vol. 18, No. 6. – P. 689–708.
6. Gilson, R.J. Engineering a Venture Capital Market: Lessons from the American Experience / R.J. Gilson // Stanford Law Review. – 2003. – Vol. 55, No. 4. – P. 1067–1103.
7. Gompers, P.A. The Venture Capital Revolution / P.A. Gompers, J. Lerner // Journal of Economic Perspectives. – 2001. – Vol. 15, No. 2. – P. 145–168.
8. Gornall, W. The Cost of Capital for Venture Capital / W. Gornall, I.A. Streblau // The Journal of Finance. – 2021. – Vol. 76, No. 5. – P. 2355–2390.
9. Kaplan, S.N. Financial Contracting Theory Meets the Real World: An Empirical Analysis of Venture Capital Contracts / S.N. Kaplan, P. Strömberg // The Review of Economic Studies. – 2003. – Vol. 70, No. 2. – P. 281–315.
10. Litvak, K. Venture Capital Limited Partnership Agreements: Understanding Compensation Arrangements / K. Litvak // University of Chicago Law Review. – 2009. – Vol. 76, No. 1. – P. 161–203.
11. Metrick, A. The Economics of Private Equity Funds / A. Metrick, A. Yasuda // Review of Financial Studies. – 2010. – Vol. 23, No. 6. – P. 2303–2341.
12. Molot, J. The Venture Capital Certification Model / J. Molot, M. Ganor // Journal of Corporation Law. – 2021. – Vol. 46, No. 3. – P. 567–610.

INSTITUTIONAL GAPS IN RUSSIA'S VENTURE ECOSYSTEM: SPECIFICS OF THE LEGAL FRAMEWORK AND PROTECTION CONDITIONS

Yao Linyuan¹

Lomonosov Moscow State University

The article provides a comprehensive analysis of the key development factors and systemic barriers within the Russian venture ecosystem under the new macroeconomic and regulatory reality of 2022–2025. The research focuses on a detailed examination of the institutional, legal, tax, and judicial aspects that define the investment climate. Particular attention is paid to the specifics of regulatory acts, the structure of Limited Partnership (LP) agreements, and effective mechanisms for protecting investor interests. These include a detailed review of vesting provisions, anti-dilution provisions, as well as issues related to the formation of employee share ownership (ESOP).

The work conducts a comparative analysis of Russian and international standards of corporate governance and investment practices, which revealed significant gaps in national legislation and institutional approaches. The author not only systematizes the main forms of venture investment activity, outlining their advantages and risks, but also proposes specific measures to improve legal regulation, optimize the fiscal burden, and enhance judicial protection for market participants. The recommendations formulated for the implementation of advanced management tools are aimed at creating a sustainable and transparent environment for capital. The material is valuable for practicing investors and managers, the scientific community, and public authorities interested in the profound modernization of the innovative entrepreneurship ecosystem and attracting large-scale investments into Russian startups.

Keywords: venture capital investment, institutional regulation, corporate governance, anti-dilution provisions, investor protection.

References

1. Amirov, R.R. Stimulating Innovation through Corporate Governance Tools: World Experience and Lessons for Russia / R.R. Amirov, O.V. Kotelnikov // *Economics and Management*. – 2024. – No. 2. – P. 45–58.
2. Belykh, V.S. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in Russia: Problems of Theory and Practice: monograph / V.S. Belykh. – Moscow: Prospekt, 2020. – 362 p.
3. Bortnik, I.M. National Report "Venture Market of Russia" / I.M. Bortnik, V.G. Zinov [et al.]; Russian Venture Company. – M.: RVK, 2023. – 158 p.
4. Ivashkovskaya, I.V. Venture Ecosystem in Emerging Markets: Performance Drivers and Institutional Barriers / I.V. Ivashkovskaya [et al.] // *Journal of Business Research*. – 2022. – Vol. 139. – P. 432–445.
5. Davila, A. Venture Capital Financing and the Growth of Startup Firms / A. Davila, G. Foster, M. Gupta // *Journal of Business Venturing*. – 2003. – Vol. 18, No. 6. – P. 689–708.
6. Gilson, R.J. Engineering a Venture Capital Market: Lessons from the American Experience / R.J. Gilson // *Stanford Law Review*. – 2003. – Vol. 55, No. 4. – P. 1067–1103.
7. Gompers, P.A. The Venture Capital Revolution / P.A. Gompers, J. Lerner // *Journal of Economic Perspectives*. – 2001. – Vol. 15, No. 2. – P. 145–168.
8. Gornall, W. The Cost of Capital for Venture Capital / W. Gornall, I.A. Strebulaev // *The Journal of Finance*. – 2021. – Vol. 76, No. 5. – P. 2355–2390.
9. Kaplan, S.N. Financial Contracting Theory Meets the Real World: An Empirical Analysis of Venture Capital Contracts / S.N. Kaplan, P. Strömberg // *The Review of Economic Studies*. – 2003. – Vol. 70, No. 2. – P. 281–315.
10. Litvak, K. Venture Capital Limited Partnership Agreements: Understanding Compensation Arrangements / K. Litvak // *University of Chicago Law Review*. – 2009. – Vol. 76, No. 1. – P. 161–203.
11. Metrick, A. The Economics of Private Equity Funds / A. Metrick, A. Yasuda // *Review of Financial Studies*. – 2010. – Vol. 23, No. 6. – P. 2303–2341.
12. Molot, J. The Venture Capital Certification Model / J. Molot, M. Ganor // *Journal of Corporation Law*. – 2021. – Vol. 46, No. 3. – P. 567–610.